

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

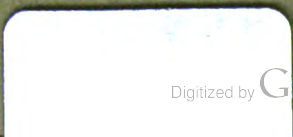
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920042 8

Indexed

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

УЧЕБНО-НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

СРЕДНЕ-УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

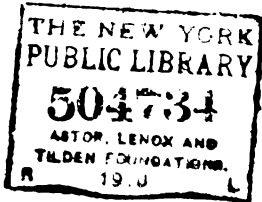
ТОМЪ III

СМОТ
О В

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы до отпечатанія представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконовное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 мая 1861 года

Ценсоръ *Е. Волковъ*

ЛОВКАЯ БАРЫНЯ

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ

I .

Надежда Марковна Звѣздочетова принадлежала къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей, обитавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ Мутноводскѣ. О самомъ городѣ я распространяться много не буду, хотя выжилъ тамъ болѣе восьми лѣтъ. Городъ какъ городъ, съ дворянской улицей, съ присутственными мѣстами, съ соборомъ, съ гостинымъ дворомъ, съ приличнымъ числомъ кабаковъ и съ публичнымъ садомъ для гулянья. Монументовъ никакихъ нѣтъ, потомучто никакого великаго человѣка тамъ не родилось, — и даже никакая значительная особа не заѣзжала туда. Но за то общество мутноводское вовсе не походило на обыкновенное провинціальное общество... Не смотря на то, что непроходимыя дороги и рѣки «морямъ подобныя» отдѣляли его отъ обѣихъ столицъ, оно мало въ чемъ уступало московскому, даже и петербургскому. Всѣ мутноводскія дамы, за исключеніемъ начальницы гарнизоннаго батальона (которую впрочемъ никто и не считалъ за даму, кромѣ гарнизонныхъ офицеровъ), отличнымъ образомъ говорили по французски, читали не только французскіе романы, но и «Русскій Вѣстникъ», очень ловко полькировали, играли на фортепьянахъ и одѣвались съ необычайнымъ вкусомъ. Нѣкоторыя даже любили изнувать свои умственные способности въ спорахъ о разныхъ общественныхъ вопросахъ: защищали гласность, нападали на откупа и сильно стояли за эмансипацію женщинъ. Одна дама, желая заявить на дѣлѣ непоколебимость своихъ убѣжденій по этой части,

даже принимала у себя гостей въ какой-то венгерскѣ со шпурками, носила проборъ на боку и курила такія крѣпкія сигары, отъ которыхъ и мужу ея становилось тошно. Эта дама была между прочимъ большая поклонница г. Розенгейма и многія изъ его элегій знала цѣлкомъ наизусть. Сплетни и карты конечно не со всѣмъ были изгнаны изъ дамскаго общества (прогрессъ долженъ быть постепенный, иначе что же онъ за прогрессъ), но справедливость требуетъ сказать, что онѣ занимали гораздо менѣе мѣста, нежели общественные вопросы...

Мужская половина города была далеко не такъ образована, и держалась еще рутинны, то есть спала послѣ обѣда, пила по нѣскольку разъ въ день водку, играла по вечерамъ въ ералашь, читала только правительственныя распоряженія, и не карала ни откуповъ, ни взятокъ. Это я говорю о большинствѣ... Само собою разумѣется, что были и блестящія исключенія, — гдѣ ихъ нѣтъ?.. они попадаютъ даже и въ какомъ-нибудь Царевко-кокшайскѣ или Белибѣ. Надежда Марковна Звѣздочетова, о которой я упомянулъ въ началѣ этой главы, была дама очень почтенная... Она прожила на свѣтѣ болѣе полстолѣтія... Состоянія не имѣла рѣшительно никакого, потому что супругъ ея десять лѣтъ находился подъ судомъ и успѣлъ умереть прежде, чѣмъ была доказана его невинность. Втеченіе атихъ десяти лѣтъ онъ разтратилъ на разныя судебныя издержки все, что онъ передъ тѣмъ втеченіе двадцати лѣтъ приобрѣталъ по крохамъ. Надежда Марковна нанимала очень скромную квартирку, даже не на дворяпской, а на какой-то обыкновенной улицѣ, гдѣ обзаводились домишками самыя простыя смертныя, и жила вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью. Сынъ ея, Дмитрій Павлычъ, служилъ при губернаторѣ и поддерживалъ ее своимъ жалованьемъ. Дочь Анна Павловна получила воспитаніе домашнее, подъ руководствомъ маменьки, и имѣла чрезвычайно привлекательную, характерную, выдающуюся изъ ряду наружность.

Черты ея были очень смуглы, волосы черны съ снѣватымъ отливомъ... Каріе большіе глаза смотрѣли бойко и пронизательно... Въ голосѣ Анны Павловны звучали контральтовые ноты, обѣщавшія въ ней натуру чувственную. Въ маерахъ ея, въ поворотѣ головы было что-то повелительное, импонирующее. Она никогда не конфузилась, не робѣла, развязно подавала руку даже не слишкомъ близкимъ знакомымъ, была отъ приро-

ды очень склонна къ сарказму и любила подъ часъ, особенно за глаза, кольцуть мутноводскихъ дамъ. Братъ ея составлялъ съ нею довольно рѣзкій контрастъ. Маленькій, щедушный, сутуловатый, безпрестанно шурившій свои близорукіе, сѣрые небольшіе глазки, онъ напротивъ держалъ себя черезъ чуръ тихо; не охотникъ былъ до шумныхъ обществъ, и въ большой компаніи, особенно людей не короткихъ, какъ-то совѣмъ ступшеывался. Цѣлые дни проводилъ онъ въ своемъ кабинетѣ, за дѣловыми бумагами или за книгой. Онъ много читалъ... На полкѣ его библіотеки можно было встрѣтить нѣскольکو иностранныхъ историческихъ и экономическихъ сочиненій, пользующихся особенной извѣстностью въ наше время, и все, что есть лучшаго въ русской литературѣ. Но едва ли кто въ Мутноводскѣ слышалъ отъ него хоть какой-нибудь отзывъ о прочитанномъ; казалось онъ ушелъ въ себя какъ улитка въ раковину. Ни къ матери, ни къ сестрѣ, онъ не обнаруживалъ особенныхъ ласкъ, но былъ съ ними постоянно мягокъ и ровенъ. Если бы вы спросили кого-нибудь въ Мутноводскѣ, что за человекъ Дмитрій Павлычъ, вамъ навѣрное отвѣчали бы: «а кто его знаетъ; кажется хорошій человекъ».

Онъ родился и выросъ въ Мутноводскѣ, сначала былъ отданъ въ тамошнюю гимназію, но потомъ поступилъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и когда получилъ кандидатскій дипломъ, снова пріѣхалъ въ свой родной городъ, гдѣ Надежда Марковна успѣла уже выхлопотать ему мѣстечко. Материца большой руки была Надежда Марковна выпросить что угодно. И все это дѣлала она не унижаясь, не приставая и не надоедая... Она какъ-то подводила все такъ, что и мѣсто и все, чего она только желала, предлагали ей добрые люди сами; прежде всего она старалась войти въ довѣріе къ тому лицу, въ котормъ имѣла нужду. Случалось ли у этого лица горе, она такъ искренно ему соблѣзновала, посѣщала ли его радость, никто живѣе ея не радѣлъ этой радости. О своемъ горькомъ, беспомощномъ сиротствѣ она никогда не ныла, а говорила съ достоинствомъ, слезы павертывались на глазахъ ея какъ будто невольно. Она не просила людской помощи, но всю надежду свою возлагала на Провидѣніе, которое не оставляетъ вѣрующихъ въ него и покорныхъ ему. Но если великодушный человекъ, тронутый ея по истинѣ грустнымъ положеніемъ, вызывался на по-

мощь, Надежда Марковна отъ нея не отказывалась. Надобно сказать правду, что иногда и не совѣмъ великодушные люди оказывали ей участіе; поступками ихъ руководило другое чувство... Надежду Марковну побавались... Она была невоздержна на язычокъ, зла, хитра, умна. Она умѣла окрестить мѣткимъ прозвищемъ, умѣла намекнуть кстати о такомъ дѣлѣ, котораго казалось бы никто не могъ знать, кромѣ совершившихъ его, а она знала... Она все знала... Какими способами — это оставалось неизвѣстно... Была ли у ней въ распоряженіи секретная полиція, доносившая ей обо всѣмъ, одарила ли ее природа какимъ-то особеннымъ чутьемъ, чѣмъ-то въ родѣ магнетическаго прозерцавія, Богъ вѣсть... Но только для Надежды Марковны не существовало въ Мутноводскѣ тайны... Впрочемъ она имѣла достаточно времени узнать вдоль и поперегъ мутноводскихъ жителей... Тридцать лѣтъ жила она тамъ безвыѣдно.

Надежда Марковна очень любила подарки, какъ маленькіе, такъ и большіе. Она называла это вниманіемъ, *attention*, и потому въ день ея именинъ ея комната превращалась рѣшительно въ магазинъ... Ей привозили матеріи на платье, мантильи, чепцы, разнаго рода мелочи, подушки, преспапье и т. д. Въ именины дочери ея повторялась таже исторія... И Надежда Марковна, тронутая такимъ всеобщимъ участіемъ, обыкновенно приходила въ какое-то умленіе, и съ глазами полными слезъ, только произносила какъ бы неволью, какъ бы про себя: «Господи!.. И за что это меня такъ любятъ, и чѣмъ я заслужила эту любовь?»

Нѣкоторыя дамы уѣзжали отъ нея также растроганныя и говорили другъ другу, выходя на крыльцо: «Ah! cette pauvre Надежда Марковна! Я такъ право рада за нее!» Но другія ничего не выражали и только думали про себя: «Знаемъ мы ее... Лису Патрикѣвну! Попробуй-ка ей ничего не подарить... такъ распишетъ!»

Надежда Марковна на дѣтей своихъ имѣла большое вліяніе... или лучше сказать на дочь... Дмитрій Павлычъ, благодаря университету, увернулся; оно скользнуло только по немъ въ годы ребячества... Но Анна Павловна смотрѣла на все глазами матери... Она заимствовала отъ нея всѣ чувства, понятія, нравственныя правила... Она видѣла насквозь свою мать, понимала побудительныя причины всѣхъ ея дѣйствій, и одобряла ее въ душѣ... Ей казалось, что въ ихъ положеніи иначе и нельзя бы-

ло дѣйствовать... Иначе пришлось бы идти съ сумой. Она понимала также, что мать ее любить и была ей благодарна за эту любовь. Анна Павловна была почтительна къ матери, и если порой между ними происходили небольшія размолвки, то они не имѣли серьезныхъ послѣдствій, не оставляли горькаго слѣда ни въ одной изъ нихъ. Онѣ вмѣстѣ судили и пересуживали мутноводскую публику, вмѣстѣ читали и всегда сходились въ сужденіяхъ о томъ, что читали. Всякое свободное проявленіе чувства называли онѣ экзальтаціей, о каждомъ восторженномъ порывѣ отзывались съ ироніей, въ поэзіи не смыслили рѣшительно ничего... Постоянной насмѣшкой надъ самыми благородными стремленіями, присущими человѣческому сердцу, надъ самыми возвышенными помыслами, однимъ словомъ — надъ всѣмъ, что бы должно быть свято для молодой впечатлительной, свѣжей натуры, Надежда Марковна убила въ дочери воображеніе, оледенила, иссушила душу. Обѣ онѣ имѣли въ виду одну цѣль — обезпечить себя... пожить хорошенько, насладиться роскошью и комфортомъ... И для достиженія этой цѣли мать и дочь считали позволительными всѣ средства...

II

Былъ вечеръ. Надежда Марковна и Анна Павловна сидѣли за чаемъ, и дружелюбно разговаривали, взглядывая по временамъ въ окошко на проѣзжающихъ.

— Левинскій и глазъ не кажетъ, сказала Надежда Марковна, намазывая тартинку.

— Да... давно не былъ, равнодушно произнесла Анна Павловна...

— Что, вы не поссорились ни за что?

— Нѣтъ. Можетъ быть онъ разсердился на меня, прибавила Анна Павловна съ усмѣшкой, — за то, что мнѣ не понравилась героиня этого романа, который онъ мнѣ читалъ вслухъ. Я сказала, что порядочно воспитанная дѣвушка не должна пренебрегать мнѣніемъ свѣта... а напротивъ должна дорожить имъ. Онъ закрылъ книгу и пересталъ читать. Вы, говорить, холодная резонерка. У насъ съ нимъ впрочемъ не въ первый разъ такіа стычки... Онъ ужасно надоедаетъ съ своими экстравагантностями.

— И тебѣ охота... Ну, соглашалась бы съ нимъ пока... Онъ тобой очень заинтересованъ.. можетъ быть и сдѣлалъ бы предложеніе. Il a une jolie fortune.

— Ну, ужь мамаша... За эдакого можно выйдти только *faute de mieux*. Съ нимъ умрешь со скуки. Будетъ цѣлые дни о чувствахъ разговаривать. Я еще не состарѣлась...

— Да гдѣ жемихи-то, Ниночка? Не знаю право, что за городъ такой... Совсѣмъ холостыхъ мушинъ нѣтъ... если есть, такъ такъ, дрянъ какая-нибудь. Вышла бы за Левинскаго, такъ по крайней мѣрѣ пожили бы хорошенько... Что тебѣ за дѣло до его разныхъ сужденій... Онъ человекъ спокойный, смирный. Его можно бы къ рукамъ прибрать... Надежда Марковна засмѣялась; Анна Павловна тоже.

— А какъ не приберешь? Вдругъ ему фантазія прійдетъ въ деревню меня увезти. Онъ и то все о деревнѣ толкуетъ... народъ... народъ; сближеніе какое-то съ мужиками выдумалъ. Умора просто.

— Это у нихъ у всѣхъ ныпче мода такая... Ахъ, я забываю тебѣ сказать: иду я вчера отъ обѣдни, какіе-то два пьяныхъ мужика на меня паткнулись, я такъ перепугалась, чуть съ ногъ не сшибли. Хорошъ нечего сказать се *bon peuple russe!* И Надежда Марковна иронически улыбнулась. — Ну, въ деревню-то онъ бы тебя не увезъ... *Je ne l'aurais pas permis...* Могъ бы самъ ѣхать сближаться съ народомъ, если это ему весело...

Надежда Марковна вдругъ остановилась и стала къ чему-то прислушиваться...

— Кажется въ дѣвичьей чужой голосъ...

Анна Павловна, подносящая ко рту тартику, тоже обернулась въ ту сторону, гдѣ была дѣвичья...

— Кажется Матрена Гребцовыхъ, произнесла она.

— Настасья! крикнула Надежда Марковна.

Вошла ея горничная, въ ситцевомъ платьѣ безъ тали, съ косой положенной посреди головы, и съ какими-то гранатами на шеѣ.

— Это у тебя Матрена чтоли сидитъ? спросили Надежда Марковна.

— Она-съ.

— Кликии-ка ее сюда.

Горничная исчезла, и вскорѣ въ дверяхъ появилась Матрена, свѣжая, краснощочкая дѣвушка въ салонѣ и съ большимъ платкомъ на головѣ.

— Здравствуй, Матреша... ласково проговорила Надежда Марковна... Что, господа здоровы ли?

— Слава Богу-съ, Валерьянъ Пикитичъ въ деревню уѣхали-съ...

— Въ деревню... Такъ Катерина Васильевна одна осталась... Я и не знала... давно ли баришъ уѣхалъ...

— Да ужь третій день никакъ-съ...

— Скажите!.. Кланійся, моя душа, Катеринѣ Васильевнѣ и скажи, что я зайду вечеркомъ посидѣть какъ-нибудь... если просохнетъ... Грязно ужасно, нѣтъ возможности нѣшкомъ ходить...

— Очень грязно-съ... Да вы извольте имъ назначить, когда вы будете, они за вами вѣроятнo лошадь пришлютъ-съ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Зачѣмъ, Матреша... Что людей понапрасну тревожить...

— Какая же тревога, сударыня, помилуйте... Я скажу Катеринѣ Васильевнѣ-съ.

— Не надо, Матреша, не надо... Тутъ недалеко, какъ-нибудь сторонкой пройду... А что вчера вечеромъ дома была Катерина Васильевна?..

— Дома-съ.

— Никого не было у нихъ?

— Левинскій, Сергѣй Ивановичъ-съ...

Надежда Марковна быстро взглянула на дочь. Анна Павловна поняла этотъ взглядъ, и едва замѣтная улыбка скльзнула по ея губамъ. Но Матреша не видала ни этого взгляда, ни этой улыбки.

— А третьяго дни Катерина Васильевна ѣздила на вечеръ къ Раскаторымъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ, у нихъ голова болѣла-съ...

— Гмъ! Не хочешь ли чайку, Матреша... Пиночка налей ей чаю, ша сѣге.

Матреша поблагодарила и распрощавшись вышла.

— Вотъ онъ гдѣ провадаетъ, обратилась съ нѣкоторой злобой Надежда Марковна къ дочери... Я пари держу, что и третьяго дни онъ у цей же силѣлъ. Мужъ въ деревнѣ, такъ надо пользоваться удобнымъ временемъ.

— Чтожъ... Она по немъ, такая же экзальтированная, возразила Анна Павловна. — Вѣрно читаетъ ей русскія повѣсти...

— Много она понимаетъ, воображаю... Она глупа какъ пробка... А туда же разсуждать суется.

— Онъ не взыскателенъ...

— Я ужь давно замѣчала, *qu'elle lui lance des œillades!* Предранняя бабенка... А мужъ колпакъ... только объ овсѣ, да о живности и заботится.

Надежда Марковна глубоко была возмущена тѣмъ, что единственный человекъ, на котораго она рассчитывала какъ на жениха, ускользаетъ изъ рукъ ея. Она почувствовала сильнѣйшую ненависть къ молодой женщинѣ, осмѣлившейся отбивать у Анны Павловны поклонника.

Судьба готовила ей новую непріятность. Минуть десять спустя, въ передней послышался шумъ, и чей-то женскій голосъ громко спросилъ :

— Надежда Марковна дома?

— Ахъ, это Цецилія Викентьевна... дома! дома! — отозвалась Надежда Марковна.

Цецилія Викентьевна Вонсовичъ была городская акушерка, большая болтуня и сплетница. Надежда Марковна очень охотно принимала ее у себя, потому что она доставляла ей чрезвычайно интересныя свѣденія о закулисныхъ тайнахъ мутноводскаго общества. Благодаря своему назойливому характеру, своей способности ловко льстить, интриговать, она имѣла входъ во всѣ аристократическіе дома Мутноводска, но не пренебрегала знакомствомъ и съ другими кружками. Бѣдные чиновники, купцы и даже мѣщане — приглашали ее къ себѣ не ради только одной ея специальности. Извѣстно, что у насъ визшіе кружки общества всегда очень интересуются тѣмъ, что происходитъ въ высшихъ. А Цецилія Викентьевна готова была хоть цѣлый день, съ само-малѣйшими подробностями, разсказывать маленькимъ людямъ обо всемъ, что она видѣла и слышала у большихъ и сильныхъ; про нее говорили, что она у себя никогда не готовила кушанья, что всѣ дни ея были разобраны, и что если ей по нездоровью или какимъ другимъ причинамъ, случалось порой обѣдать дома, то и тутъ добрые знакомые присылали ей обѣдъ — отъ себя. Кромѣ своей специальности, она имѣла еще много другихъ занятій... брала у мутноводскихъ барынь, которыхъ супруги

были туги на деньгу, старыя платья и чепцы для продажи, и сбывала ихъ всегда весьма удачно — своимъ многочисленнымъ пріятельницамъ и кліенткамъ; находила деньги займы, подъ залогъ разнаго движимаго имущества и за большіе проценты и проч. За это послѣднее обстоятельство, она пользовалась особеннымъ расположеніемъ мужчинъ. Впрочемъ они любили ее и за другія услуги, которыя она имъ оказывала... Цецилія Викентьевна мастерица была улаживать любовныя дѣлишки, и носились слухи, что ея маленькій домикъ съ зелеными ставнями и кисейными занавѣсками на окнахъ, стоявшій въ одной изъ отдаленныхъ мутноводскихъ улицъ, служилъ мѣстомъ для rendez-vous не одной влюбленной четвѣ...

Стоило только молодому человѣку или молодой дамѣ, въ интересномъ разговорѣ, сказать: «Цецилія Викентьевна!.. ахъ, если бы вы знали!..» И она тотчасъ съ живѣйшимъ участіемъ брала страждущаго субъекта за руку и вкрадчивымъ голосомъ спрашивала:

— Что? Видно

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви...
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ...

Ну, ну... успокойтесь, прибавляла она. Авось какъ-нибудь выручимъ... И дѣйствительно выручала. Приведенные выше стихи, она выучила наизусть во время своего близкаго знакомства, въ Варшавѣ, съ однимъ армейскимъ поручикомъ, который часто пѣвалъ ихъ за фортепьяно, выразительно поглядывая на Цецилію Викентьевну. Поручикъ былъ женатъ, а Цецилія Викентьевна и до сихъ поръ еще была свободна отъ узъ гименея, которыя всегда ей казались тяжоловатыми, хотя пышная полнота ея стана, да кольцо, которое она носила на указательномъ пальцѣ правой руки, могли съ перваго раза ввести незнакомаго съ ней человѣка въ заблужденіе, — но въ паспортѣ ея явственно значилось: дѣвица Цецилія Вонсовичъ, 32 лѣтъ отъ роду; и потому на счетъ ея дѣвическаго состоянія не оставалось никакихъ сомнѣній. Физиономію она имѣла очень благообразную; румяныя щоки, бѣлыя, ровные зубы, темные волосы, правда нѣсколько жидковатыя, но за то всегда причесанные къверху, что къ ней очень шло, — и наконецъ прекрасная маленькая рука, ко-

тору ю мутноводскіе холостяки, и даже иныя женатыя, любящія не только пожать, но и поцѣловать. Говорила Цецилія Викентьевна съ весьма замѣтнымъ польскимъ акцентомъ.

— Милости просимъ, привѣтствовала гостью Надежда Марковна, — откуда васъ Богъ несетъ? Да никакъ пѣшкомъ въ такую грязь...

— Около васъ была... обѣдала у однихъ знакомыхъ, отвѣчала Цецилія Викентьевна, снимая съ шеи хвосты, — совсѣмъ осень, такой холодъ право...

Освободившись отъ хвостовъ и шляпки, Цецилія Викентьевна заключила сперва въ объятія Надежду Марковну, потомъ — звучно и громко, три раза поцѣловала Анну Павловну и держа ее нѣсколько секундъ обѣими руками за локти, глядѣла на нее, какъ бы любуясь ея красотой...

— Какая красавица! Какая красавица! произнесла она, разтягивая слова и покачивая головой... Точно роза, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разцвѣтаетъ!

Анна Павловна улыбнулась на этотъ комплиментъ и пожала Цециліи Викентьевнѣ руку...

— Ахъ! красота, красота... проговорила вздохнувши Надежда Марковна, — на что она бѣднымъ людямъ, голубушка Цецилія Викентьевна... Даромъ отцвѣтеть только, не насладившись жизнью.

— Что вы, что вы, что вы... зачастила Цецилія Викентьевна. — Фуй! какъ можно... какъ можно .. отцвѣтеть даромъ! Посмотрите, какую мамзель Анета партію сдѣлаетъ. За графа, за богача выйдетъ.. помяните тогда мое слово.

— За графа! Гдѣ ужъ намъ о такихъ женихахъ мечтать. Хоть бы Богъ послалъ простого, добраго человѣка, чтобъ я могла умереть спокойно, зная, что онъ будетъ любить мою Ниночку, что она имѣетъ куда голову приклонить.

— Ну, зачѣмъ такъ думать... полноте, полноте, Надежда Марковна... увидите, за графа выйдетъ...

— Если бы я не была стара, я не думала бы объ этомъ... я не такая мать, которая бы спѣшила сбить за кого-нибудь свою дочь, лишь бы отъ нея отдѣлаться... Ниночка, слава Богу, воспитана въ такихъ правилахъ, что не тяготится нашимъ стѣсненнымъ положеніемъ... и не спѣшитъ меня покинуть...

Анна Павловна при этих словах подошла къ матери и нѣжно поцѣловала ее.

— За ея покорность — Богъ ее не оставитъ... мамзель Анетъ, можетъ быть спокойна... Такую красавицу всякій полюбитъ... Ея лѣта еще молодыя... А вотъ Дмитрію Павлычу надо бы мамзельку успокоить, партію хорошую сдѣлать...

— И! Цецилія Викентьевна... онъ у меня такой философъ... Никакъ его къ дамскому обществу приучить не могу...

— Вы такъ думаете?.. улыбнувшись спросила Цецилія Викентьевна.

Надежда Марковна пристально на нее поглядѣла... Ее удивили эти слова. Неужели сытъ что-нибудь скрывалъ отъ нея? Она была всегда убѣждена, что ей извѣстны сокровеннѣйшіе помыслы дѣтей ея.

— Не думаю, а знаю характеръ своего сына... Вотъ еще недавно... въ городѣ говорили, что Женни Раскатова имъ интересуются... и точно, я сама замѣчала, что ей пріятно его общество... Но чтожъ изъ этого вышло... онъ постоянно отъ нея удалялся... ну и она разумѣется охладѣла.

— Прекрасное семейство Григорья Федорыча Раскатова, замѣтила Цецилія Викентьевна, — и супруга его, Марья Владиміровна, достойная дама... воспитаніе онѣ дали дочерямъ своимъ превосходное... На сколькихъ языкахъ онѣ говорятъ... Мамзель Женни даже недавно просила меня по польски ее учить... слышала, какъ я разъ польскій романсъ пѣла, — цаловаць, цаловаць, цаловаць — знаете, Мицкевича. Очень ей понравился... пристала ко мнѣ: «Душенька, Цецилія Викентьевна, учите меня по-польски!» И состояніе у нихъ кажется хорошее... опять какое знакомство у нихъ въ Петербургѣ... все знатные вельможи... министру кажется ш-ше Раскатова родственница...

— Да... они славные люди... ласковые такіе. Знаете, спѣси въ нихъ этой никакой нѣтъ. Истинно русское, радушное семейство... Нынче немного такихъ...

— Это правда — нынче все на интересѣ... Почему же это Дмитрію Павлычу не нравится мамзель Женни...

— А Богъ его знаетъ... у него характеръ какой-то странный...

— Ни-да! процѣдила Цецилія Викентьевна какъ-то значительно и прищурившись.

— Вы вѣрно что-нибудь знаете про брата, сказала Анна Павловна, глядя прямо въ глаза Цециліи Викентьевнѣ.

— У! какія вы провинительныя, смѣясь возразила акушерка, — дѣйствительно я могу рассказать очень интересныя вещи о Дмитріѣ Павлычѣ. И хотя мнѣ конечно до этого никакого дѣла нѣтъ, но я единственно по моей преданности къ вашей маменькѣ и къ вамъ, мамзель Анетъ, почла священной обязанностью предупредить...

— Что, что такое? съ нервической нетерпѣливостью спросила Надежда Марковна, между-тѣмъ какъ на лицѣ Анны Павловны не обнаруживалось никакого особеннаго волненія. Акушерка молчала.

— Можетъ быть я лишняя, произнесла Анна Павловна, и сдѣлала движеніе чтобы встать со стула.

— Нѣтъ, нѣтъ, удержала ее за руку Цецилія Викентьевна... тутъ нѣтъ ничего такого... но... мнѣ кажется, Дмитрій Павлычъ чувствуетъ склонность къ дѣвушкамъ, которая не можетъ быть ему парой...

— Къ кому же это, душа моя Цецилія Викентьевна... ужели не изъ нашего круга? спросила Надежда Марковна, стараясь владѣть собой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ не изъ вашего... Я даже отважусь сказать вамъ — она простая мѣщанка...

Надежду Марковну передернуло. Она только всплеснула руками, да такъ и осталась...

— По послушайте... произнесла она пемного спустя, — можетъ быть это такъ только... шалость... тутъ нѣтъ ничего серьезнаго. Мало ли за кѣмъ мушины волочатся... Я не хочу вѣрить, чтобы Дмитрій, un garçon bien élevé... (Надежда Марковна, подъ вліяніемъ тревожнаго чувства, совсѣмъ упустила изъ виду, что Цецилія Викентьевна не понимала по французски).

— Въ томъ-то и дѣло, многоуважаемая Надежда Марковна, что тутъ очень серьезная вещь... иначе я бы и не рѣшилась васъ потревожить... я знаю, какъ это должно быть тяжело для сердца матери... Я имѣю деликатныя чувства, Надежда Марковна.

— Благодарю васъ, благодарю, Цецилія Викентьевна. Я такъ вамъ обязана.. Но, ради Бога, скажите — неужели... онъ хотѣлъ тайно отъ меня жениться на... на мѣщанкѣ? Послѣднее

слово было выговорено Надеждой Марковной съ кровавой иронией.

— Не знаю, точно ли или нѣтъ... но только эта дѣвушка для него отказывается отъ очень выгодной для нея партіи... и кажется твердо надѣется сдѣлаться женой вашего сына.

— Mais cet aigreux, Nina! обратилась Надежда Марковна къ дочери...

Анна Павловна только пожала плечами.

— Онъ у ней каждый день аккуратно бываетъ, продолжала Цецилія Викентьевна, — обучаетъ ее французскому языку и прочимъ наукамъ... вѣроятно хочетъ ее сначала образовать...

При этихъ словахъ Цециліи Викентьевны, Анна Павловна залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Mais qu'est ce que vous riez donc, ma chèrre, comme une folle... строго замѣтила мать...

Цецилія Викентьевна, сбравшаяся послѣдовать примѣру Анны Павловны, услышавъ замѣчаніе Надежды Марковны, подобрала свои губы.

— Да какъ же, мамаша... учить какую-то прачку по французски — развѣ это не смѣшно!

— Вотъ и будемъ смѣяться, если эта прачка сдѣлается твоей belle-soeur.

— Что же мнѣ, пускай сдѣлается... Надѣюсь, что братъ не рѣшится знакомить съ ней ни васъ, ни меня...

— Пока еще есть время, сказала Цецилія Викентьевна, — можно урезонить Дмитрія Павлыча... можно разлучить ихъ...

— Разлучить! Это вы мнѣ прекрасную идею подали... разлучить, именно разлучить, повторяла Надежда Марковна... Я нынче же приму мѣры... Ты, Ниночка, не говори брату ни слова, когда онъ прійдетъ... слышишь?

— Хорошо, маман. Что мнѣ ему говорить; только я боюсь расхохотаться ему въ глаза.

Еще нѣсколько минутъ бесѣдовали онѣ съ Цециліей Викентьевной объ этомъ печальномъ обстоятельстве. Потомъ разговоръ перешолъ на безправственные правила, внушаемыя молодымъ людямъ нынѣшней литературой и университетскимъ образованіемъ, и наконецъ коснулся Левинскаго. Цецилія Викентьевна, сама не имѣвшая понятія ни о литературѣ, ни объ университетскомъ образованіи, слышала однако же объ этихъ вещахъ много

ное-чего хорошаго отъ мутноводскаго общества, и потому при случаѣ могла поддержать разговоръ, и толковала не хуже другихъ. Когда же дѣло дошло до ускользнувшаго жениха Анны Павловны, она съ таинственнымъ видомъ произнесла:

— Что я про него знаю!..

— Вѣрно тоже, что и мы, сказала Надежда Марковна... что онъ всякій вечеръ сидитъ у Гребцовой, которая скучаетъ; бѣдняжка, одна безъ мужа. Это, что ли?

— Ну да, ну да... Вообразите, зашла я къ ней третьяго дни... дверь были отперта... люди у нихъ прераспущенные, пренебрегаемые, никогда не сидятъ въ передней; я и вошла безъ доклада, такъ знаете... И чтожь бы вы думали...

Надежда Марковна, ожидавшая по такому началу чего-то ужаснаго, показала разскащицѣ глазами на дочь; но Цецилія Викентьевна кивнула головой — въ знакъ того, что лишняго ничего не будетъ, и успокоивъ такимъ образомъ хозяйку, продолжала:

— Вхожу я, а они на маленькомъ диванчикѣ, знаете что стоитъ въ углу, у окошка, сидятъ рядкомъ... онъ ей какіе-то стихи читаетъ, съ такимъ выраженіемъ... а она на него то-о-о мно смотритъ. Просто картина, хоть сейчасъ рисуй...

— *Délicieux!* воскликнула Надежда Марковна; — постойте, прибавила она... постойте... вы говорите, это было третьяго дни... Вотъ она головная-то боль... Нина? а?..

Анна Павловна одобрительно кивнула головой.

— А вы не знаете, Надежда Марковна, что вѣдь Левинскій еще наслѣдство долженъ скоро получить... мнѣ это навѣрное сказывали, у него сестра есть дѣвица старая, которая, что называется, на ладонѣ дышитъ... въ чахоткѣ сильнѣйшей... Домъ ему въ Петербургѣ оставляетъ и сколько-то тысячъ банковыми билетами...

— Скажите...

И Надежда Марковна задумалась о чемъ-то.

Цецилія Викентьевна стала собираться...

— Куда же вы... спѣли бы намъ что-нибудь. Я люблю, когда вы поете. У васъ такой свѣжій голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Надежда Марковна... я совѣмъ не могу пѣть... горло болитъ... Мнѣ еще надо забѣжать въ одинъ домъ... общалась...

На прощаньи Цецилія Викентьевна снова раздѣловала Анну Павловну и восторженно отозвалась о ея красотѣ.

— Я всегда думала, шамзель Анетъ, сказала она уходя: — вотъ бы вамъ женихъ славный — Левинскій...

— Эй голубушка Цецилія Викентьевна, возразила Надежда Марковна: — захотятъ ли такіе женихи смотрѣть на насъ...

— Захотятъ, захотятъ, многоуважаемая Надежда Марковна! Стоитъ только немножко съ ними попокетничать... Знаете, мнѣ даже больно, что эта Гребцова, имѣя такого достойнаго мужа, отбивается у нашихъ дѣвицъ молодыхъ людей...

— И какая лицемѣрка, Цецилія Викентьевна, прикидывается такой тихенькой...

— О! ужь эти тихенькія... знаемъ мы ихъ, прощайте — заболталась я съ вами...

— Да, сказала Надежда Марковна, провожая акушерку въ переднюю, — кто бишь такая эта мѣщанка?.. какъ будто только теперь вздумавши сдѣлать этотъ вопросъ.

— Хрусталева... Хрусталева...

— И хорошенькая она?

— Очень, очень не дурна... интересное такое личико, бѣленькое... глаза голубые.

Цецилія Викентьевна удалилась, а Надежда Марковна, глубоко вздохнувши, погрузилась въ кресла, стоящія у самаго окна, и стала обдумывать, какія мѣры ей предпринять для удачнѣйшаго выполненія своихъ плановъ.

Планы эти состояли въ томъ, чтобы во первыхъ извлечь сыра изъ дурнаго общества, въ которое онъ попался, и во вторыхъ — выдать дочь за Левинскаго.

III

Надежда Марковна не только не показала Дмитрію Павлычу вида, что она знаетъ о его привязанности, но удвоила свои ласки къ нему. Она очень хорошо поняла, что крутыя мѣры, также какъ упреки и увѣщанія, въ этомъ случаѣ ни къ чему не могутъ вести... Не смотря на свой по видимому апатическій, смиренный характеръ, онъ однакоже былъ настойчивъ и твердъ въ испол-

неи того ; что задумалъ. Два дня спустя , когда онъ вошелъ въ сумерки къ матери , она вкрадчивымъ голосомъ сказала :

— Ты что-то нынче такой скучный ходишь , Митенька... или ужь заработался слишкомъ...

— Нѣтъ , мамашка , я все такой же какъ былъ. Вамъ это такъ кажется.

— Не говори , Митенька... я вижу , что ты скучаешь...

— Право нѣтъ... да мнѣ и скучать-то некогда.

— Эти дѣла совсѣмъ тебя измучаютъ... Въ свободное время тоже развлечешься нечѣмъ... баловъ ты не любишь... молодежь здѣшняя не по тебѣ...

— Отчего же не по мнѣ... Между ними есть люди порядочные...

— Это ты такъ только говоришь , по своей *tolérance*... Я вѣдь очень хорошо знаю , что ты ни съ кѣмъ изъ нихъ сойдтись не можешь. У тебя взгляды совсѣмъ другіе ; направленіе не то. Университетское образованіе дало тебѣ новыя понятія , которыхъ эти негодяи не имѣютъ... Ну , укажи мнѣ , укажи , съ кѣмъ ты друженъ , кто раздѣляетъ твой образъ мыслей...

— Многіе раздѣляютъ... Но если я дѣйствительно ни съ кѣмъ особенно не друженъ , можетъ быть этому виною мой собственный нравъ... не довольно сообщительный.

— Ахъ нѣтъ , нѣтъ , Митенька... Не клепи на свой нравъ... ты добръ , очень добръ , я это кажется могу знать ; я твоя мать. Тутъ совсѣмъ другое... Знаешь , мой другъ , я хотѣла давно переговорить съ тобой... твоимъ способностямъ здѣсь нѣтъ простора...

— Полноте , мамашка , что у меня за такія гениальныя способности... дѣлать дѣло вездѣ можно... была бы охота... Будешь гоняться за большой дѣятельностью , такъ прійдется сложить руки сидѣть.

— Ты разсуждаешь , мой другъ , прекрасно , это дѣлаетъ честь твоему характеру... но все-таки мнѣ кажется , если бы ты поѣхалъ въ Петербургъ напрямѣръ (за границу ужь не говорю , это для насъ невозможно) освѣжиться такъ сказать... это было бы для тебя очень полезно...

— Еслибъ представился случай съѣздить въ Петербургъ , я бы конечно не сталъ отказываться... но искать этого случая не буду...

— Напрасно; отчего же не искать... Вотъ не дальше какъ вчера мнѣ правитель канцеляріи губернаторской сказывалъ, что мнѣ нужно послать въ Петербургъ способнаго чиновника, съ какимъ-то проактомъ...

— Знаю. На это порученіе много охотниковъ...

— Но еслибъ ты захотѣлъ, тебя бы конечно предпочли всѣмъ...

— Во-первыхъ я не знаю, почему бы именно меня предпочли... но положимъ, что это даже и было бы такъ... Зачѣмъ я стану перебивать у другихъ дорогу? это не хорошо... У меня правило, никогда ни на что не напрашиваться, и наконецъ охоты нѣтъ враговъ себѣ навивать.

— Это очень извинительное самолюбіе въ молодомъ человѣкѣ — желать отличиться... Развѣ въ сраженіяхъ не напрашиваются многіе сами на самыя трудныя порученія, чтобы выказать свою храбрость?

— То совсѣмъ другое дѣло. Тамъ рискуютъ жизнью... На это никогда много охотниковъ не находится...

— Нѣтъ, какъ ты ни спорь, Митенька, а мой совѣтъ былъ бы проситься тебѣ въ Петербургъ. Хочешь, я какъ-нибудь сама намекну губернатору... онъ къ намъ очень добръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, маменька... Ужь протекція-то никакой я не хочу быть обязаннымъ этимъ порученіемъ... Захотятъ, такъ назначать сами... а вамъ кланяться не изъ-за чего... Однако мнѣ пора...

Дмитрій Павлычъ посмотрѣлъ на часы.

— Куда ты, опять за дѣда?

— Нѣтъ; мнѣ еще нужно сходить къ нашему начальнику отдѣленія... переговорить объ одномъ дѣлѣ... прощайте, маменька.

— Ну, прощай.

— Ему не хочется отсюда уѣзжать, это ясно, подумала Надежда Марковна. — Но его нужно непременно спровадить. И вѣдь солгалъ, что повелѣлъ къ начальнику отдѣленія, вѣрно отправился къ своей мѣщанкѣ... Мнѣ бы хотѣлось однакоже знать навѣрное, что между ними такое... эта Цецилія пожалуй все выдумала. Если даже дѣло и зашло слишкомъ далеко, все же это не резонъ жениться на мѣщанинѣ... *ce n'est pas une raison comme il faut*... у нихъ вовсе нѣтъ такихъ строгихъ поня-

тій о чести... Миѣ кажется это все вздоръ. Впрочемъ, какъ узнаешь, что на умѣ у нынѣшней молодежи... Всѣ они бредятъ какими-то фантазіями... утопіями.

Потомъ Надежда Марковна погрузилась въ мечтаніе о томъ; какъ бы это было хорошо, если бы Дмитрій Павлычъ жеплялся на дѣвицѣ Раскатовой, а Анна Павловна вышла бы за Левинскаго... и она сама, Надежда Марковна, гостила бы попеременно то у дочери, то у сына...

Вдругъ ее озарила вдохновенная мысль... Она встала съ своего кресла и направилась въ кабинетъ сына, находившіяся на верху, въ мезонинѣ. Анны Павловны не было дома, она обѣдала у кого-то изъ своихъ пріятельницъ. Кабинетъ Дмитрія Павлыча не походилъ на комфортабельные кабинеты губернскихъ сановниковъ, гдѣ они обыкновенно обдумываютъ важныя государственныя дѣла, неуспынно заботятся о процвѣтаніи края и о красотѣ ногтей своихъ; гдѣ происходитъ столько начальничихъ распекаюкъ и зарождается столько благодѣльныхъ начинаній... Это была скорѣе студенческая комната... только порядку замѣчательность въ ней нѣсколько больше. На письменномъ столѣ лежали довольно симметрически кипы бумагъ; на полкахъ стояли въ два ряда книги. Мебели было немного. Кровать, клеенчатый диванъ съ валиками, письменный столъ и передъ нимъ кресло, и наконецъ нѣсколько желтыхъ стульевъ съ обломанными переплетомъ, вотъ и все. Нигдѣ не было слѣдовъ вѣличія, женской руки, старающейся окружить любимое существо спокойствіемъ и довольствомъ. Вамъ не бросались въ глаза эти мелочи, которыя сами по себѣ можетъ быть не имѣютъ никакой цѣны, но ясно говорятъ, что кому-то хочется, чтобы ихъ обладателю было лучше жить на свѣтѣ. И мать и сестра Дмитрія Павлыча мало заботились объ обстановкѣ его жизни, и почти никогда не посѣщали его мезонина. Онѣ находили, что лѣстница туда была очень крута. Надежда Марковна окинула комнату бѣглымъ взглядомъ и подошла къ столу... Она попробовала выдвинуть ящики, но они были заперты. Она пошарила въ карманѣ своей блузы, вынула оттуда связку ключей и начала подбирать. Но ни одинъ ключъ не подходилъ. Вдругъ глаза ея упали на большой, сафьянный портфель зеленого цвѣта, стоявшій за чернильницей. Она быстро схватила его и попробовала открыть... но и это не удалось ей... Маденкій ключикъ, кото-

рысь онъ заширался, былъ вѣроятно унесенъ Дмитриемъ Павлычемъ съ собой. Она хотѣла было запустить руку въ отверстие, образовавшіяся около верхнихъ угловъ портфеля, толсто-набитого бумагами... Но рука не пролѣзала туда. Надежда Марковна, раздосадованная, собиралась уже уйдти, какъ ей вздумалось заглянуть въ небольшую книгу, лежавшую на письменномъ столѣ, между бумагами. Она сдѣлала это уже безъ всякаго особеннаго намѣренія, почти машинально, не воображая найти тамъ ничего для себя интереснаго. И что же?.. Во-первыхъ глазамъ ея представилась широкая лиловая лента, не принадлежавшая ни ей, ни ея дочери, которая была брюнетка и лиловаго цвѣта не любила; во-вторыхъ она увидѣла нѣсколько строкъ отиѣченныхъ карандашомъ, и вѣроятно отвѣчавшихъ душевному настроенію того, кто подчеркивалъ. Книга принадлежала Дмитрію Павлычу. Можно было основательно предположить, что подчеркивалъ самъ онъ. Это были стихотворенія Некрасова. Подчеркнутыми оказались слѣдующія строки:

Грустя напрасно и бесплодно,
 Не привѣвай змѣю въ груди,
 И въ домъ мой гордо и свободно
 Хозяйкой полною войди!

Жоэль занѣла внутри у Надежды Марковны. Она перевернула еще нѣсколько листковъ, желая посмотреть, нѣтъ ли другихъ отиѣтокъ, и нашла исписанный листъ почтовой бумаги, согнутый по поламъ. Съ жадностью привалась она читать его. Вотъ что заключалъ въ себѣ этотъ листъ.

-Мутноводскъ... 25 августа.

« Не сердись на меня дорогой, незабвенный другъ мой Павелъ, что я такъ давно не писалъ тебѣ; а главное ради Бога не воображай себѣ, чтобы я могъ забыть тебя или что-нибудь подобное. Вѣрь мнѣ, что не разъ брался я за перо и послѣ нѣсколькихъ строкъ бросалъ его... Ничего путнаго не могъ бы я написать въ эти дни... Новое чувство до такой степени охватило меня, наполнило все существо мое, что я крилъ какъ ошляпанный отъ избытка восторга и счастья, не помня себя, не различая ничего вокругъ. Если бы ты самъ очутился подлѣ меня, я бы только кинулся тебѣ на шею и плакалъ, — плакалъ радостными слезами... Что можетъ человѣкъ сказать, когда онъ такъ полно,

такъ безгранично счастливъ?.. Рѣчи его будутъ потокомъ бес-
связныхъ, безумныхъ, лирически-восторженныхъ словъ, глу-
боко-искреннихъ, но должно быть очень забавныхъ для посто-
ронняго, какъ бы ни былъ онъ добръ и гуманенъ... Теперь, когда
эти первые порывы стихли и улеглись, когда суровая действитель-
ность возвысила голосъ и заявила права свои, когда мнѣ
нужна дружеская, братская помощь, къ кому же какъ не къ
тебѣ обращаюсь я за ней?

«Помнишь ли, несравненный мой Павелъ, послѣдній нашъ
вечеръ передъ разлукой. Едва мы сбросили съ себя студене-
скіе мундиры, какъ должны были разбрестись по разнымъ до-
рогамъ... Тяжело было намъ, но мы говорили: это лучше, что
судьба бросаетъ насъ далеко другъ отъ друга. Въ теплѣ посто-
роннихъ или безучастныхъ къ намъ лицъ, безъ взаимной под-
держки, безъ подстрекательства и соревнованія, мы лучше бу-
демъ имѣть возможность повѣрить силы свои, испытать себя...
Не мудрость идти на брешу гурьбой, держась рука объ руку,
тутъ по неволѣ каждый окажется храбрецомъ, тутъ стыдно от-
ставать отъ другихъ... И трудно сказать, самолюбіе ли или
истинное мужество двигало человѣкомъ, когда онъ готовился
сложить свою голову... И самая гибель — какъ хороша, какъ
сладка она должна казаться ему, если онъ знаетъ, что до по-
слѣдней минуты его сопровождаютъ благословія тѣхъ, кто
однаково мыслить и чувствуетъ съ нимъ. Другое дѣло темная,
глупая борьба, одинокая, безвѣстная гибель... Мы такъ жарко
вѣрили въ свои силы, въ непоколебимость своихъ убѣжденій, и
разстались безъ ропота, произнося святые, торжественные
обѣты... Четыре года прошло съ той поры.. и мы должны
себѣ отдать отчетъ въ прожитомъ... Твое поприще, твои дѣй-
ствія мнѣ извѣстны. Не смотря на рогатки, которыя водлоеть и
тупоуміе ставили тебѣ на пути, ты честно и мужественно шолъ
къ избранной цѣли... Въ то время, когда воздухъ около тебѣ
становился съ каждымъ днемъ душнѣй и душнѣй, когда ды-
шать было трудно... и черныя, грозовыя тучи тяжело висѣли
надъ міромъ, объатымъ трепетомъ, ты не переставалъ вѣрить,
что изъ-за этихъ тучъ блеснетъ наконецъ живительный лучъ..
что воздухъ сдѣлается свѣжѣе и чище, ты не палъ духомъ, не
заразился общей болзнью и уста твои подъ ея влияніемъ не
осквернились богохульственнымъ словомъ лжи... Ты проделалъ

жалъ ободрять увывавшихъ, продолжалъ мощнымъ словомъ призывать съ своей кафедры юность на доблестные, святые подвиги и уже не разъ долетали до меня восторженные отзывы о тебѣ.

«Другой путь вышалъ на мою долю... Темная, кропотливая, скучная дѣтельность не по сердцу предстояла мнѣ... Выбирать было не изъ чего, и я, смиренно склонивъ голову, покорился обстоятельствамъ... Положа руку на сердце, скажу, что въ эти четыре года на совѣсти моей не легло ни одного поступка, за который я могъ бы покраснѣть... я не избѣгалъ борьбы; и гдѣ только представлялся случай, безъ блеска, но упорно и твердо отстаивалъ свои особенныя вѣрованія. Но сознаю тебѣ, что въ душу мою уже начинала закрадываться разѣдающая, болѣзненная тоска... я чувствовалъ, что слабѣютъ мои силы... что я незаметно вытягиваюсь въ пошлость окружающей меня среды... приширяюсь съ ней... дѣлаю ей уступки, которыхъ не дѣлалъ прежде... Такъ рано! Не надолго же тебя хватило, скажешь ты можетъ быть... Да, не надолго... мнѣ стыдно за себя, а между тѣмъ это такъ... И не потому усталъ я такъ скоро, чтобы борьба была выше силъ, но потому, что она по большей части была бесполезна, и что я не предвидѣлъ, чтобы она когда-нибудь принесла лучшіе плоды... Я становился вялъ и сонливъ, безстрастно привыкалъ смотрѣть на то, что еще такъ недавно подымало во мнѣ всю жолчь, возмущало все существо мое... Отвратительны назвали мнѣ дифирамбы вашему времени, встрѣчающіеся въ газетахъ... ихъ нѣшутъ люди съ заложеными ватой ушами, потерявшие и обоняніе и осязаніе... Иначе они бы слышали стоны плывцовъ, заливаемыхъ грязными, мутными волнами жизни, иначе они ощутили бы кровавыя и глубокія раны путниковъ, изъязвленныхъ колючими терніями, растущими на узкой, непроходимой дорогѣ; иначе ихъ поразило бы срадное, отравленное дыханіе воздуха... Я изнемогалъ и готовъ уже былъ кричать тебѣ изъ моего «не прекраснаго и не свѣтлаго далека», спаси меня, другъ мой, братъ мой... протяни мнѣ свою вѣрную руку, снажи ободрительное, успокоивающее, теплое слово! Какъ вдругъ въ этой пестрой, маскарадной толпѣ кривляющихся и скачущихъ скомороховъ, разряженныхъ и безстыдныхъ шеницивъ, тупыхъ и надменныхъ умниковъ, посреди этого хаоса лжи, лицемерія, разврата и глупости, я увидѣлъ свѣтлое,

доброе, открытое лицо дѣвушки... Она кротко и добѣрчиво улыбалась мнѣ. Въ ея голубыхъ и думающихъ глазахъ сквозила такая душевная чистота... онѣ глядѣли такъ ласково и съ такою любовью. «Путь жизни тяжелъ, сказала мнѣ она... но вдвоемъ идти по немъ легче... Подадимъ же другъ другу руки и будемъ дѣлить вмѣстѣ нужду и горе, счастье и радости...» И покидающая жена бодрость вернулась ко мнѣ... въбра въ себя и людей, начинавшая гаснуть въ груди, вспыхнула съ новой силой, и никакая борьба уже не кажется мнѣ не по силамъ.

«Не буду тебѣ рассказывать подробно, какъ я встрѣтился и сошелся съ тою, къ мнѣ теперь ясна моя жизнь; обо всемъ этомъ послѣ... Скажу только, что я жду не дожждуся того дня, когда назову ее женою своею... и больно мнѣ думать, что этотъ день быть можетъ еще не близокъ... Да, онѣ не близокъ, потому что есть преграды, которыя нужно перешагнуть. Ты знаешь, что у меня нѣтъ состоянія, что я живу жалованьемъ и помогаю сестрѣ и матери. Бракъ долженъ необходимо повлечь за собой перемену въ моемъ образѣ жизни. Мнѣ придется жить отдѣльнымъ домомъ. Ты спросишь, почему такъ... и развѣ мы не можемъ поселиться все вмѣстѣ? Къ несчастю нѣтъ. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны мысли и воззрѣнія моего семейства... Ни въ матери, ни въ сестрѣ моя женитьба не можетъ встрѣтить сочувствія. Дѣвушка любимая мною не дворянка, и онѣ скорѣе согласятся отказаться отъ меня, чѣмъ жить съ ней подъ одной крышею. Тутъ не помогутъ никакія убѣжденія, тутъ одно средство разойтись. Но я не могу оставить семейства безъ помощи; а изъ ничтожныхъ средствъ, которыми я теперь довольствуюсь, мнѣ не легко будетъ удѣлять ему. Вотъ почему, мой другъ; я долженъ искать себѣ другого мѣста. Получить его здѣсь я не надѣюсь. Помнишь ли, ты писалъ мнѣ однажды, что если бы не уживусь въ Мутноводскѣ, то чтобы я извѣстилъ тебя; однимъ изъ твоихъ родственниковъ, имѣющихъ въ Петербургѣ большія связи, говорилъ ты, можетъ оказать мнѣ содѣйствіе къ полученію другой должности. Напоминаю тебѣ слова твои, Павелъ, и рассчитываю на твою помощь. Отъ нея зависитъ моя будущность, мое счастье, моя жизнь... да, жизнь, потому что если эта дѣвушка не сдѣлается моею женою, существованіе мое будетъ разбито, подточено въ корнѣ; это будетъ хуже чѣмъ смерть...

«Я не изъ тѣхъ, Павелъ, которые любятъ нѣсколько равъ въ жизни... для меня...»

Здѣсь письмо было прервано... Тотъ, кто бы взглянулъ на Надежду Марковну, пока она читала его, невольно бы подивился, до какой степени могутъ измѣнять человѣческія черты свое обычное выраженіе. Подержавъ письмо еще нѣсколько минутъ, она бережно согнула его, положила на прежнее мѣсто и закрыла книгу. Потомъ сошла внизъ и приказала горничной подать себѣ одѣваться...

Этотъ вечеръ былъ проведенъ ею у губернатора, съ женой котораго она состояла въ самыя интимныя отношенія. А недѣлю спустя, въ одномъ скромномъ, деревянномъ домикѣ, въ Мѣщанской слободкѣ, находившейся за городскими воротами Мутноводска, происходила слѣдующая сцена.

IV

На ступеняхъ крыльца, выходившаго въ небольшой, но густо разросшійся садикъ, задумчиво сидѣла очень молоденькая дѣвушка, опершись головой на руку. Она была рѣдкой красоты. Густая бѣлокурая коса ея при лучахъ низко стоявшаго солнца казалась золотой короной тяжело давившей ея маленькую головку. Черты ея свѣжаго, дѣтскаго личика, были безукоризненно правильны, но въ нихъ не замѣчалось и тѣни той строгости и холодности, которая почти всегда неразлучна съ подобною правильностью. Напротивъ, какой-то необыкновенной мягкостью, симпатичностью дышало это лицо; и во взглядѣ голубыхъ глазъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами, теплилась безконечная доброта и любовь. Окружающая зеленью и цвѣтами, молодая дѣвушка, походила скорѣй на прелестный образъ, созданный воображеніемъ романтическаго поэта, нежели на живое существо. Каждый, кто еще не утратилъ чувства прекраснаго, или кто не былъ вовсе лишенъ его отъ рожденія, встрѣтивъ ее, невольно останавливался бы и сказалъ себѣ: вѣдь бываютъ же на свѣтѣ такія красавицы...

Одѣта она была очень скромно, чтобъ не сказать бѣдно... Но едва ли самый рѣсломный и блестящій парадъ могъ идти къ ней болѣе, чѣмъ шло это розовое платье изъ дешевой хол-

стинки, плотно обтягивавшее ее тонкую и гибкую, какъ молодое деревцо, талию. Нѣсколько минутъ оставалась она неподвижна, какъ прикованная къ мѣсту; но вдругъ быстро встала и, обѣжавъ со ступеней крыльца, подошла къ грядкѣ съ разноцвѣтными астрами. Она нагнулась и сорвала одну изъ нихъ, стала ощипывать ея листочки, при чемъ губы дѣвушки что-то шевтали. На этомъ занятіи засталъ ее Дмитрій Павлычъ, неслышно подкрадшійся къ ней сзади.

— О чемъ гадаешь, Люба? спросилъ онъ, взявъ ее за оба локтя.

Дѣвушка вздрогнула и выронила астру; потомъ обернувшись къ молодому человѣку, ласково улыбнулась ему и произнесла:

— Не пугай меня такъ другой разъ, Митя... Я и то не знаю, что со мной сдѣлалось нынче... всего я боюсь; всякаго шума... вѣточка ли сухая съ дерева упадетъ, ставню ли вѣтромъ захлопнетъ, право...

— Нервная ты дѣвочка, вотъ и все... О чемъ же гадала-то?

— На что тебѣ — не скажу.

— Ну, такъ я и самъ отгадаю: любить ли тебя Сусликовъ, Никаноръ Андреичъ.

Люба усмѣхнулась.

— Отгадалъ. Такъ дай же мнѣ кончить... Ты меня сбиль... вотъ я забыла на чемъ бишь остановилась...

— Нечего и кончать... разумѣется любить... только деньги любить еще больше...

Онъ вырвалъ изъ рукъ ея астру и бросилъ ее далеко. Они пошли по дорожкѣ и скоро затоптали бѣдный цвѣтокъ.

— Бѣдная моя астра... сказала Люба и нагнулась поднять ее... Думала ли ты нынче утромъ, что солнышко грѣетъ тебя въ послѣдній разъ... а все я виновата... Я нынче какая-то безжалостная стала. Только о себѣ все думаю... Ни до кого мнѣ дѣла нѣтъ... Вѣдь это не хорошо, Митя.

— Къ цвѣтамъ — безжалостная?

— А хоть бы и къ цвѣтамъ... Мнѣ все кажется, что и у нихъ есть душа... какъ у насъ... что и имъ тоже бываетъ грустно и весело...

— Ты нынче что-то размечталась, моя Люба... сказала ласково Дмитрій Павлычъ, и обнявъ ее, прижалъ къ себѣ свое къ ей

щекъ. — Вчера я оставилъ тебя такой веселой... Ты казалось была такъ спокойна, такъ увѣряла, что наше счастье близко...

— Ахъ, Митя!.. Пока ты тутъ, пока ты говоришь со мной — я ничего не боюсь... а какъ ты уйдешь, да останусь я одна, Богъ знаетъ чего не приходитъ въ голову... Вѣришь ли, нынче ночью я хоть бы на минуту заснула... думала, думала, до самой заутрени вплоть все думала; потомъ встала и въ церковь пошла. И ужь какъ помолилась, такъ у меня немножко и отлегло отъ сердца... Ноетъ оно у меня что-то, Митя, словно бѣду чуетъ...

— Да полно же; Господь съ тобой, мой дружокъ, о чемъ кручиниться, чего бояться? Увидишь, какъ все хорошо уладится...

— Уладится! повторила въ раздумьѣ Люба. — Вотъ ты уйдешь теперь...

— Ну, такъ чтожъ. Эта поѣздка можетъ быть къ лучшему. Павелъ пришлетъ мнѣ туда рекомендательное письмо къ своему родственнику; я самъ-то скорѣй выхлопочу себѣ мѣсто.

— Хорошо, кабы такъ.

— Да конечно, а то какъ же. Потомъ приѣду сюда, обвѣчаемся и махнемъ въ другой городъ. Какъ мы устроимся славно... Наймемъ себѣ маленькій домикъ, вотъ какъ этотъ, и непременно съ садомъ... Сколько я тебѣ цвѣтовъ разведу...

— А если ты меня забудешь, Митя? вдругъ спросила Люба, пристально посмотрѣвъ на него...

— Ну, вотъ Люба... Этого ужь я отъ тебя не ждалъ. Я думалъ, что ты лучше успѣла узнать меня.

— Ахъ, Митя! здѣсь ты скучалъ... барышня здѣшнія тебѣ не по сердцу пришлись... А тамъ можетъ быть не такихъ увидишь... И жизнь совсѣмъ другая, вотъ и забудешь.

— Люба! воскликнулъ Дмитрій Павлычъ, и въ голосъ его звучала страсть, — Люба! Если ты любишь меня, не говори мнѣ этого... Гдѣ бы я ни былъ, кого бы я ни встрѣтилъ, пока я живъ, ты останешься для меня самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ существомъ въ мѣрѣ.

— Не сердись на меня, Митя... Я и сама не рада, что мнѣ все лѣзутъ въ голову такія мысли. Ужь какъ я стараюсь не думать объ этомъ... а все... Вотъ тоже мать... то и дѣло твердить: глупенькая ты... господамъ вѣришь... мало ли они что толкуютъ. Всѣ они любятъ, пока не найдутъ другую, еще посмазливѣе... Ты

посмотри у него какое знакомство... Ну захочет ли онъ взять себя въ жопу нашу сестру... Цриво, такъ бы я не знаю куда бѣжада отъ этихъ словъ...

— Они могутъ такъ говорить. Люба... Я ихъ не вижу. Господа приучили ихъ такъ думать о нихъ... Но если тебя смущаютъ эти слова, значить ты еще мало меня любишь... Какъ ты думаешь, если бы ктонибудь сказалъ мнѣ про тебя, что ты способна бросить меня завтра, для другого, красивѣе меня, — повѣрилъ бы я ему?

— Нѣтъ, Митя, я знаю, что не повѣрилъ бы... вѣдь и я тоже не вѣрю... да слушать-то отъ всякій день тяжело. Нынче одно, завтра одно, послѣ завтра... поневолѣ тоска найдетъ... Ты не брани меня, Митя... я вѣдь глупая...

Они снова вернулись къ крыльцу и сѣли. Дмитрій Царычъ помѣтился ступенью ниже, у ногъ Любы... Она обвила его шею рукой, съ минуту посмотрѣла ему въ глаза вѣжно и преданно и потомъ стала цѣловать ихъ.

Онъ тихо привлекъ ее къ себѣ. Глубокая, безпредѣльная любовь выражалась на лицахъ у нихъ обоихъ.

— А когда ты вернешься, помолчавъ начала Люба... когда найдешь мѣсто... развѣ конецъ всѣмъ препятствіямъ? Что родные-то твои скажутъ? Не знаю почему, только я ужасно боюсь твоей матери... Я видѣла ее разъ у обѣдни. Она показалась мнѣ такія строгая...

— Послушай, Люба. Я тебя не обманывалъ на этотъ счетъ. На согласіе матери я не надѣюсь. Но въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье всей моей жизни — я считаю себя вправѣ обойтись безъ этого согласія... Не ей жить съ тобой — мнѣ. И если бы еще она могла имѣть какія-нибудь важныя, уважительныя причины... а то... мнѣ трудно вѣ этомъ сойтись съ ней... Въ ея время думали такъ... нынче думаютъ иначе... Наши дѣти будутъ можетъ быть думать еще иначе. И мы благословимъ ихъ поступать какъ велятъ имъ собственныя чувства ихъ, лишь бы они были счастливы... Впрочемъ если тебя пугаютъ столкновения, — чтобы избѣжать ихъ, можно сдѣлать вотъ что: если я найду мѣсто, я напишу тебѣ и вышлю деньги на проѣздъ. Прѣзжай ко мнѣ туда. Мы тамъ обвѣнчаемся.

— А ты не будешь потомъ каяться, что изъ-за меня поссорился съ родными?

— Опять, Люба?..

— Ну, ну, я не стану... И она опять горячо и крѣпко поцѣловала молодого человека...

Онъ провелъ съ ней весь вечеръ. На небѣ было темно, и при звѣздочка не сиявала изъ-за черныхъ осеннихъ тучъ, тяжело висѣвшихъ надъ землей, когда Люба накинувъ на себя кацавейку, обшитую лебяжьимъ пухомъ, выбѣжала за калитку проводить Дмитрія Павлыча... Обливалась слезами и прильнувъ къ нему, она только шептала: не забудь, Митя... не забудь... не сгуби! Онъ тоже плакалъ...

— Заверни проститься... хоть на минуточку... кричала она ему въ слѣдъ, когда онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ калитки. Но вѣтеръ помѣшалъ ему слышать ея слова.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь кое-что о прошедшемъ Любы: Отецъ ея, Василій Ивановъ Хрусталевъ, былъ мастеровой и обучался столярному ремеслу въ Москвѣ у нѣмца. Въ Москвѣ же проживали и его отецъ съ матерью. Не задолго до смерти своей, они женили сына на вольноотпущенной и оставили ему небольшой капиталашка, съ которымъ онъ, при своемъ ремеслѣ, могъ бы жить безбѣдно и содержать семью. Работникъ онъ былъ отличный. Хозяева, у которыхъ онъ нанимался, не могли нахвалиться имъ. Жена его тоже была женщина смиренная, степенная, хозяйка. Но вдругъ онъ сталъ водиться съ недобрыми людьми, замѣнился, отвыкъ отъ работы и началъ придерживаться чарочки... Скоро и капиталъ и имущество — все пошло прахомъ. А между-тѣмъ семья прибавлялась. У него уже было четверо дѣтей малъ-мала меньше. Наконецъ одинъ мебельщикъ, имѣвшій свое заведеніе въ Мутноводскѣ, и пріѣзжавшій въ Москву по своимъ дѣламъ, уговорилъ его идти къ нему въ подмастерья. Василій Ивановъ принялъ предложеніе и со всей семьей отправился въ Мутноводскъ. Онъ снова остепенился, и снова принялся за работу, да неосторожно разговѣвшись на пасху тухлыми яцами — занемогъ и умеръ въ три дня. Жена осталась съ четырьмя дѣтьми безъ приарѣнія, почти безъ куска хлѣба и сперва занималась прачешнымъ дѣломъ, а потомъ рѣшилась вскаты себѣ мѣста пивки или экономки. Съ ребятами разумѣется пикуда бы ее не приняли. Какъ ни жаль было ихъ, а пришлось расовать. Къ счастью одинъ, самый маленькій, вскорѣ умеръ; другого взялъ къ себѣ какой-то мутноводскій баринъ въ казачь-

ки, третьяго мебельщикъ оставилъ у себя въ учени, а старшая дочь — Люба покамѣтъ находилась при матери, по ш ее общала принять къ себѣ въ магазинъ единственная мутноводская модистка Шарлотта Карловна Феферъ, дама злющаго нрава и съ краснымъ, какъ-будто вѣчно-иззябшимъ носомъ. Дѣвочка очень болалась магазиномъ, и когда мать хотѣла постращать ее за какую-нибудь шалость, то обыкновенно говорила: «Вотъ погоды; поведешь къ Шарлоттѣ, задасть она тебѣ Феферу.» Но судьбѣ угодно было избавить Любу отъ этого Фефера... Мѣсяца три она прожила таки въ магазинѣ и понатерпѣлась толчковъ; но потомъ случилось обстоятельство, измѣнившее ея участь. Въ Мутноводскъ прѣхала на время изъ деревни для какихъ-то закупокъ одна помѣщица Лизавета Михайловна Сорнева, еще не старая, очень добрая и болѣзненная женщина, искавшая себѣ въ домъ экономку. Ей рекомендовали Авдотью Васильевну (я кажется забылъ сказать, что мать Любы звали Авдотьею Васильевной), которая Сорневой очень понравилась. Помѣщица съ ней условилась — и такъ бы и увезла ее въ деревню не узнавши о существованіи Любы, если бы не вздумала заѣхать къ Шарлоттѣ Карловнѣ, посмотреть, какого фасона стали носить бурнусы. Первое лицо, попавшее ей на глаза въ магазинѣ, была десятилѣтняя Люба, отворившая двери. Сорневу поразила миловидность дѣвочки и задумчивое выраженіе лица ея. Она стала разспрашивать ее, кто она и хорошо ли ей жить; и когда узнала, что она дочь ея новой экономки, предложила Авдотѣ Васильевнѣ взять съ собою Любу.

— Она мнѣ нисколько не будетъ въ тягость, сказала Сорнева, — и я не убавлю тебѣ жалованья, оттого что дочь твоя станетъ у меня жить.

Конечно Авдотья Васильевна очень обрадовалась такой милости помѣщицы, и черезъ недѣлю Люба, оставявъ ненавистный магазинъ, отправилась съ матерью и Лизаветой Михайловной, въ барской, четырехмѣстной каретѣ, въ село Мухоморово, Граблино тожь.

У Лизаветы Михайловны было двѣ дочери, о воспитаніи которыхъ она очень заботилась, и потому держала при нихъ гувернантку, родомъ изъ Лозанны, мадмоазель Янъ, пожилую и прекрасную, но съ примѣрной добросовѣстностью исполнявшую свои обязанности и очень незлобиваго сердца. Кромѣ того ѣздилъ давать имъ уроки учитель отъ сосѣднихъ помѣщиковъ — молодой

кандидатъ Крапивинъ, энтузіастъ, не скучавшій просвѣщать и самое Лизавету Михайловну, съ которой онъ послѣ уроковъ не рѣдко бесѣдовалъ часа по три о разныхъ серьезныхъ предметахъ, и преимущественно о воспитаніи женщинъ. Лизавета Михайловна была женщина не глупая, хотя получившая очень поверхностное образованіе, и ей правилась искренняя, задушевная рѣчь юноши. Онъ говорилъ хорошо и съ увлеченіемъ, и часто по уходѣ его она задумывалась. Ей приходило на память все ея прошлое, вся жизнь ея, потраченный Богъ вѣсть на что, прожитая кое-какъ — съ нелѣпымъ, хотя и не злымъ супругомъ, въ пустѣйшемъ, хотя и довольно бонтономъ обществѣ; и она добродушно укоряла себя, что о столькихъ серьезныхъ вещахъ никогда не давала себѣ труда подумать; что одна сторона жизни совсѣмъ отъ нея ускользнула. Желая искупить свое легкомысліе, она внутренно дала себѣ обѣтъ, употребить всѣ усилія, чтобы дочери ея получили болѣе прочное образованіе, чѣмъ она; чтобы изъ нихъ вышли не расточительныя барыни, преданныя свѣтскимъ удовольствіямъ, а существа мыслящія, хорошія матери, хорошія жоны. Она во всемъ слушала мадмоазель Янъ и Крапивина, которые занимали равныя мѣста въ ея сердцѣ и почти всегда сходились другъ съ другомъ въ воззрѣніяхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ пунктовъ, касающихся больше школьной дисциплины. Крапивинъ убѣждалъ обыкновенно Лизавету Михайловну давать дѣтямъ полную свободу, а мадмоазель Янъ не прочь была напротивъ помуштровать ихъ подѣ часъ. Это незначительное разногласіе ставило однакоже добрѣйшую Лизавету Михайловну въ довольно-затруднительное положеніе... Она долго не могла рѣшить кому отдать преимущество... Но мнѣніе Крапивина имѣло на своей сторонѣ ту выгоду, что совпадало съ природными склонностями Лизаветы Михайловны, способной болѣе къ снисходительности, нежели къ строгости, а потому оно во большей части и брало верхъ.

Любу скоро всѣ полюбили въ домѣ Сорневої. Дѣвочекъ сблизилъ съ ней дѣтскія игры и сообщительный нравъ ея... Мадмоазель Янъ понравился ея кроткій характеръ, ея всегдашняя готовность — съ яснымъ, веселымъ лицомъ подчиняться правиламъ дисциплины, болѣе скучной, чѣмъ строгой; наконецъ Крапивинъ, котораго прежде всего поразили ея умные, прекрасные глазки и правильныя черты, пришолъ въ восхищеніе отъ ея лю-

безнательности, отъ вопросовъ, которые она ему дѣлала, и отъ того, что она любила книжки читать. (Грамотѣ Люба выучилась въ Мутноводскѣ у діакона, котораго жена очень жаловала Авдотью Васильевну). Однажды добрый юноша сказалъ Лизаветѣ Михайловнѣ:

— Вѣдь вотъ вы позволили жить этой дѣвчкѣ при матери, потому что вамъ понравилось ея личико... Вы взглянули на нее какъ на хорошенькую куклу, съ которой весело будетъ играть вашимъ дѣтямъ... а вы бы могли ей сдѣлать больше добра... Позвольте ей учиться съ вашими дочерьми. Вѣдь ни я, ни мадамозель Янъ, мы не затрудняемся этимъ... а между тѣмъ вы окажете Любѣ истинное благодѣланіе... Вы обезпечите ея будущность. У ней будетъ вѣрный кусокъ хлѣба... Она пойдетъ въ гувернантки, если судьба не пошлетъ ей ничего лучшаго, и станетъ всегда съ благодарностью вспоминать о васъ.

Лизавета Михайловна прослезилась. Мадмаозель Янъ поддержала предложеніе Крапивина, и Люба начала учиться вмѣстѣ съ маленькими Сорцевыми. Богъ не обидѣлъ Любы способностями. Правда, они не были слишкомъ бойки; многое доставалось ей съ трудомъ, но разъ уже усвоенное ею, ложилось прочно въ душѣ ея. Она не была разсѣянна, не забывала скоро, и вообще замѣтно было, что ея маленькая головка работала. Характеръ Люба имѣла ровный и тихій. Она была очень впечатлительна, добра и привязчива до-нельзя... Страданье другого, болѣзнь, нищета — всегда вызывали на глаза ея слезы, и она была готова отдать все, чтобы облегчить эти страданія. За любовь и ласки она платила стѣрицей.

Крапивинъ отъ полноты души радовался, глядя на ея охоту къ ученью, на ея добрыя свойства, какъ вдругъ одно горестное происшествіе разрушило всѣ мечты его о будущности Любы. Лизавета Михайловна сильно занемогла и послѣ трехмѣсячной болѣзни окончила свое существованіе... Въ деревню пріѣхала послѣдница ея, какая-то двоюродная сестра, очень свѣтская и очень богатая дама, говорившая по французски съ парижскимъ акцентомъ, и картавившая на букву р. Она разумѣется тотчасъ же почла долгомъ *congédier* и Крапивина, и ш-лле Янъ, и объявила, что своихъ племянницъ повезетъ воспитывать за границу, à l'étranger, потому что въ Россіи дать хорошаго воспитанія не-

возможно. Въ сущности же ее влекли à l'étranger баденскія воды, гдѣ она очень веселилась каждое лѣто.

Горько плакала Люба, разставалась съ своими подругами, съ мамзель Янъ, съ добрымъ Крапивинымъ... Онъ и самъ чуть не разолакался на прощанье съ ней. Онъ предчувствовалъ, что путь ея не будетъ усыпанъ розами. И вотъ она съ матерью снова поселилась въ Мутноводскѣ. Лизавета Михайловна умирая оставила Любѣ небольшія деньжонки, на которыя мать ея купила себѣ домишко, и обзавелась кое-какимъ хозяйствомъ. Обѣ онѣ стали добывать себѣ хлѣбъ ширемъ. Мальчиковъ, братьевъ Любы, тоже перетащили къ себѣ. Мебельщикъ перѣхалъ въ другой городъ, и Авдотья Васильевна не хотѣла отпустить съ нимъ сынишку. Что же касается до другого мальчика, котораго взялъ помѣщикъ къ себѣ въ казачки, то ему приходилось такъ худо, что нельзя было его оставлять въ этой должности. Его видѣли босымъ и оборваннымъ, и за каждую малость драли за уши и за вихорь, а по временамъ и сбѣкли.

Третій годъ жила Хрусталева съ своей семьей въ Мутноводскѣ, когда Дмитрій Павлычъ встрѣтилъ на бульварѣ Любу и влюбился въ нее безъ памяти. Онъ разузналъ, кто она, и сейчасъ же отдалъ Авдотѣ Васильевнѣ наволочки къ подушкамъ... Должно думать, что они ему были очень къ спѣху, потому что онъ каждый день сталъ навѣдываться, скоро ли онѣ поспѣютъ...

Сначала Авдотья Васильевна косо посматривала на его визиты; но потомъ онъ поправился ей своей деликатностью. Онъ обходился съ старухой и съ Любой какъ съ равными себѣ, и наконецъ сказалъ Авдотѣ Васильевнѣ, что намѣренъ жениться на ея дочери. Она такъ мало надѣялась на подобное счастье, что не рѣшалась ему и вѣрить, и на всѣ доводы Любы и Дмитрія Павлыча только сомнительно покачивала головой. Они просили ее держать это пока въ тайнѣ, и она долго крѣпилась; но однако же подъ конецъ не утерпѣла и сообщила Цециліи Викентьевнѣ, которая ей давала иногда работу и успѣла ее очаровать своими рассказами о томъ, что дѣлается въ домахъ у большихъ господъ Мутноводска.

V

Дмитрій Павлычъ уѣхалъ, даже не подозревая, что Надеждѣ Марковнѣ извѣстны его отношенія къ Хрусталевымъ. Удаливши его, она считала самое главное сдѣланнымъ. Порученіе должно было продлиться довольно долго, по крайней мѣрѣ губернаторъ успокоилъ ее на этотъ счетъ, и сказалъ, что если бы ей понадобилось оставить сына въ Петербургѣ по окончаніи его порученія, еще на нѣкоторое время, то и это можно уладить, давъ ему еще другое порученіе. Надежда Марковна, будучи увѣрена, что между Дмитріемъ Павлычемъ и его мѣщаночкой должна завязаться корреспонденція, прежде всего сочла нужнымъ за добрить почтмейстера, который впрочемъ и безъ того питалъ къ ней глубокое уваженіе, и говорилъ про нее, «что это рѣдкая дама, умѣющая, не смотря на свои крайне ограниченныя средства, достойно поддерживать себя въ высшемъ кругу.» Почтмейстеръ былъ изъ породы Шпекиновъ, съ тою только разницею, что Шпекину тайный голосъ кричалъ въ одно ухо: распечатай, а въ другое — не распечатывай, а у этого оба уха слышали только одно слово: распечатай. Онъ, также какъ Шпекинъ, очень интересовался всѣмъ, что происходитъ въ разныхъ концахъ Россійской имперіи, корреспондирующихъ съ его роднымъ городомъ, и находилъ, что частныя письма представляютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе интереса и разнообразія, нежели Московскія и Петербургскія Вѣдомости. А потому, когда Надежда Марковна, пригласивъ его однажды къ себѣ откусать и поставивъ передъ нимъ бутылочку малаги (къ этому вину онъ чувствовалъ «влеченье — родъ недуга»), стала ему со слезами на глазахъ объяснять недостойную привязанность сына, причемъ выразила живѣйшее желаніе узнать, что такое онъ пишетъ къ своей возлюбленной, почтмейстеръ совершенно вошелъ въ ея положеніе и далъ ей слово, что она будетъ все знать... «Ни одно письмо на имя этой недостойной дѣвицы, сказалъ онъ, и ни одно письмо на имя вашего заблудшаго сына, глубоко-уважаемая Надежда Марковна, не минуетъ вашихъ ручекъ». Надежда Марковна была до глубины души растрогана этими словами и тотчасъ же распорядилась послать за другой бутылочкой

малаги. А на слѣдующее утро почтмейстеръ получилъ отъ нея въ презентъ маринованнаго фазана, который былъ подаренъ ей однимъ мутноводскимъ гастрономомъ.

Но Надежда Марковна дѣйствовала съ тактомъ. Первое письмо Дмитрія Павлыча къ Любѣ, писанное съ дороги, она хотя и прочла, но искусно подпечатавъ, возвратила почтмейстеру, и оно дошло по назначенію. Отвѣтъ Любы тоже былъ отправленъ, но предварительно подвергся критическому обсужденію, какъ со стороны Надежды Марковны, такъ и со стороны Анны Павловны. Онъ былъ очень вѣженъ и грустенъ... Бѣдная дѣвушка сильно тосковала въ отсутствіе Дмитрія Павлыча. Маменька и сестрица его рѣшили, что у ней въ слогѣ какая-то мѣщанская сантиментальность. Долго и тщательно отыскивали онѣ также орфографическихъ ошибокъ и наконецъ-таки успѣли наткнуться на какую-то несчастную букву *ль*, затесавшуюся не туда, куда слѣдуетъ. Самый почеркъ Любы былъ найденъ ими очень дурнымъ. Онѣ прочли въ какомъ-то французскомъ романѣ, что по почерку можно судить о человѣкѣ, и были убѣждены, что это глубокая истина. По почерку Любы онѣ вывели заключеніе, что она должна быть дѣвчонка самыхъ разпущенныхъ нравовъ. Вообще ни слогъ, ни орфографія, ни почеркъ, по мнѣнію ихъ не обличали *une personne comme il faut...* «Такъ только лавочки и прачки пишутъ», презрительно вымолвила Анна Павловна, и Надежда Марковна подтвердила ея слова. Онѣ обѣ крѣпко стояли въ особенности за орфографію, отнюдь не раздѣляя мнѣнія Пушкина, который какъ извѣстно не любилъ женскихъ писемъ безъ грамматическихъ ошибокъ,

Какъ усть румяныхъ безъ улыбки.

И когда кто-то изъ мутноводскихъ аристократовъ рассказывалъ, какъ въ Петербургѣ одинъ знакомый его камеръ-юнкеръ, сдѣлавшій одной очень хорошенькой и богатой дѣвицѣ предложеніе, чуть не наканунѣ самой свадьбы отказался отъ нея на томъ основаніи, что она написала ему записку съ орфографической ошибкой; Надежда Марковна и Анна Павловна, изъявили большое сочувствіе этому поступку. «Какъ же онъ могъ въ самомъ дѣлѣ, говорили онѣ, представить въ высшій кругъ жену, не умѣющую правильно писать.» Но вадобно сказать правду, что не смотря на строгость свою въ этомъ отношеніи, Анна

Павловна сама не всегда черезъ-чуръ правильно писала записки къ своимъ пріятельницамъ, мутноводскимъ барышнямъ, особенно по французски... Окончанія *participe passé* и буква *s*, употребляющаяся въ французскомъ языкѣ безъ всякаго толку, часто ставили ее въ совершенный тупикъ. И ужь Ноэль и Шансаль въ компаніи съ Ольдекопомъ кое-какъ вырочали ее. О! если бы бѣдная Люба узнала, черезъ какія мытарства проходятъ ея письма, какъ бы глубоко возмутилось ея чистое сердце! Румянцемъ стыда и негодованія зардѣлись бы ея щеки и она спросила бы себя: неужели то, что у нихъ въ мѣщанскомъ кругу почитается низостью, можетъ быть чѣмъ нибудь оправдано у большихъ господъ?

Письма изъ Петербурга въ Мутноводскъ приходили каждую недѣлю два раза. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала Люба почтового дня; цѣлое утро сидѣла она у окна и посматривала, не видно ли гдѣ почтальона; и когда онъ шолъ мимо, она съ трепетомъ слѣдила за нимъ: что если онъ не зайдетъ, думала она, если пѣтъ письма?.. Но вотъ почтальонъ повертывалъ на дворъ, вотъ онъ подавалъ работницѣ Дарьѣ письмо... И сердце Любы билось шибко, шибко, пока она взламывала печать... Сколько разъ перечитывала она дорогія строки, увѣрившія ее въ страстной, неизмѣнной привязанности; она жадно впивалась въ нихъ взоромъ, а слезы лились и лились изъ глазъ ея.

Съ мѣсяцъ продолжала она получать письма Дмитрія Павлыча очень исправно; и изъ нихъ видно было, что ея отвѣты тоже получены имъ. Но вдругъ вѣсти отъ него сдѣлались рѣже... вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю, онѣ являлись только разъ... потомъ и вовсе перестали являться... Почтмейстеръ во все это время лакомился малагою и разными другими прелестями.

Люба стала грустна; цѣлые дни сидѣла молча, отвѣчала не впопадъ или вовсе не отвѣчала на разспросы окружающихъ... Глаза ея были почти постоянно красные. Опухшія вѣки, блѣдное лицо, ясно говорили, что она проводитъ ночи безъ сна и въ слезахъ...

Въ это время Цецилія Викентьевна стала почему-то особенно часто являться къ Хрусталевымъ. Она дѣлала видъ передъ Любой, что ничего не подозреваетъ о ея отношеніяхъ къ Дмитрію Павлычу. Авдотья Васильевна сама просила акушерку не намекалъ объ этомъ въ присутствіи Любы. Она общалась дочери и

Дмитрію Павлычу никому не сообщать объ ихъ планахъ, но, какъ я уже упомянулъ выше, не утерпѣла и теперь боялась, чтобы дочь не стала упрекать ее за болтливость. Но Цецилія Викентьевна зато не упускала случая рассказать мимоходомъ, что Надежда Марковна получила отъ сына изъ Петербурга письмо, гдѣ онъ описываетъ ей столичную жизнь съ ея веселостями, оперу, маскарады и проч., вклеивала даже въ свои рассказы какую-нибудь важную петербургскую новость, будто бы тоже сообщенную Дмитріемъ Павлычемъ, въ письмѣ къ матери, но на самомъ дѣлѣ слышанную акушеркой гдѣ-нибудь въ мутноводскомъ обществѣ.

Разумѣется всѣ эти рассказы были какъ острый ножъ для Любы.

— Находить же онъ, думала бѣдная, время писать о театрахъ и маскарадахъ! Онъ закружился въ петербургской жизни, я ждала этого.

У Любы былъ еще обожатель и претендентъ на ея руку, Никаноръ Андрейчъ Сусликовъ, управляющій имѣньемъ одного знатнаго барина, въ губерніи смежной съ Мутноводской... Онъ былъ *мазнымъ* управляющимъ и имѣлъ помощниковъ, что давало ему возможность часто отлучаться отъ своего поста. Скопивши порядочный капиталъ, всякими правдами и неправдами, онъ занимался торговлей и по торговымъ дѣламъ заѣзжалъ въ Мутноводскъ, гдѣ жилъ по два и по три мѣсяца. Сынъ вольноотпущеннаго двороваго человѣка, онъ очень гордился, что изъ ничего нажилъ себѣ большія деньги, и наслаждался жизнью не хуже барина. Наружность Сусликовъ имѣлъ молодцоватую, черные густые усы и бакенбарды, ростъ высокій, сложенеіе крѣпкое, шею толстую. Но лицо его постоянно отъ чего-то лоснилось, и въ карихъ, на выкатѣ, глазахъ его было преглутое выраженіе; какъ будто кто нибудь сзади далъ ему тумака и онъ, озадаченный, озирается вокругъ ища виновника. Одѣвался Сусликовъ всегда очень вычурно; на часовой цѣпочкѣ висѣла у него цѣлая связка печатокъ, на которыхъ были вырѣзаны всѣ дни недѣли; онъ носилъ множество перстней и колецъ всякихъ сортовъ, фуражку надѣвалъ на бекрень и имѣлъ большую претензію на развязность и ловкость. Въ пріемахъ его и во всей фигурѣ было что-то лакейски-ухорское, раздражавшее нервы впечатлительнаго человѣка, какъ стукъ и трескъ.

Онъ давно уже имѣлъ намѣреніе *осчастливить* какую-нибудь дѣвушку, избравъ ее себѣ въ подруги жизни. Выборъ его палъ на Любу, къ которой онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе. Еще до сближенія ея съ Дмитріемъ Павлычемъ, сталъ онъ за ней ухаживать и всячески ей угождать. Она сначала только посмѣивалась надъ нимъ изъ подтишка, но потомъ онъ сдѣлался ей рѣшительно гадокъ. Въ то время какъ Дмитрій Павлычъ познакомился съ Любой, Сусликова не было въ Мутноводскѣ. Теперь же, пріѣхавъ туда опять, онъ возобновилъ свои исканія и говорилъ, что «*всю фортуна* свою готовъ отдать, лишь бы вступить въ супружество съ такой обворожительной особой, какъ Любовь Васильевна». Но видя, что всѣ его усилія овладѣть ея сердцемъ остаются тщетными, онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи Цециліи Викентьевны, съ которой давно состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Цецилія Викентьевна, никому не отказывавшая въ содѣйствіи и поощренная общаніями влюбленнаго Никанора Андреича, тотчасъ же приступила къ дѣлу. Узнавъ отъ Авдотьи Васильевны о любви ея дочери къ Дмитрію Павлычу и убѣдившись изъ собственныхъ наблюденій, что эта любовь была довольно серьезна, акушерка, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, сочла нужнымъ немедленно предупредить обо всемъ Надежду Марковну, въ которой надѣялась найти себѣ вѣрную сообщницу. Когда Дмитрій Павлычъ былъ удаленъ изъ Мутноводска, Цецилія Викентьевна повела атаку на мать Любы. Она всячески старалась поколебать въ старухѣ довѣріе къ отсутствующему и внушить ей, что онъ совсѣмъ не пара ея дочери, и что онъ ее непременно обманетъ.

— Поиѣрьте мнѣ, дражайшая Авдотья Васильевна, что забудетъ дочку вашу... безпремѣнно забудетъ... ужь они всѣ такіе, эти модные кавалеры, ужь я вѣдь не перваго вижу... и опять же возьмите вы тепереча столичную жисть, сколько тамъ разныхъ удовольствій...

— Охъ, матушка Цыцыльа Викентьевна, отвѣчала старуха... самой-то мнѣ что-то плохо вѣрится въ его постоянство. Гдѣ ужь дворянамъ на нашей сестрѣ жениться...

— Ну, разумѣется. — Вы, какъ умная вполнѣ женщина, можете это понять. И родители его, узнавши объ этомъ, тоже никакъ не допустятъ...

— Не допускать, не допускать, матушка Цыцылья Викентьевна.

— Гораздо бы лучше ей такой женихъ, какъ Никаноръ Андреевъ. Онъ хотя не изъ благородныхъ, но человѣкъ достаточный, и сталъ бы старость вашу поконить. Вы бы съ дочкой въ графскомъ помѣстьѣ какъ какія-нибудь царицы жили. Потому онъ тамъ надъ всѣми властенъ. Графъ ему во всемъ какъ есть довѣряетъ.

— Да, да. Что говорить! Вотъ домишко-то Цыцылья Викентьевна меня связываетъ. Жаль мнѣ его бросить-то.

— Зачѣмъ же бросить, почтенная Авдотья Васильевна. Вы продайте его. Я вамъ и покупщика найду...

— Ужь будто и найдете?

— Говорю вамъ, что найду. У меня даже въ виду одинъ есть... Маремьяновъ, вотъ что на Шишковой падчерицѣ женился... кандистеръ...

— Какъ бы это хорошо, въ самомъ дѣлѣ, кабы онъ купилъ...

И послѣ такихъ разговоровъ, Авдотья Васильевна начинала увѣщевать Любу.

— Ты послушай меня, дѣвка; успокой мать на старости... выдь за Суслика... онъ свой братъ; его отецъ тоже изъ холопскаго роду происходилъ. А ты вишь куда мѣтить вздумала... дворянкой быть захотѣла! Эхъ, эхъ, эхъ! Молодость. Умишкато у тебя словно у ребенка малаго. Ей Богу. А вонъ миленькій-то дружокъ и не пашеть... Небось къ питерскимъ мамзелямъ такъ и льнетъ...

— Да перестаньте, маменька, прерывала Люба... пожалѣйте вы меня хоть сколько-нибудь... И безъ того жутко приходится...

— То-то жутко... кто говорить; — человѣкъ онъ какъ слѣдуетъ, Дмитрій Павлычъ; и ума большого, и обхожденіемъ взялъ... дворянинъ извѣстно... Только не съ нами ему водиться. Вотъ что.

Помолчавъ немножко, она снова принималась за туже пѣсню.

— Да; вотъ тебѣ хорошо... а я тутъ бейся какъ рыба объ ледь... ребятишки на рукахъ... Вышла бы замужъ за Никанора Андреева, онъ бы всѣхъ ихъ пристроилъ... въ контору графскую на жалованье бы посадилъ, либо по питейной части.. опредѣлилъ бы, и жили бы мы всѣ припѣваючи; а то сиди себѣ

день денской да строчи рубашки. Вотъ ослѣпну скоро... что ты тогда дѣлать-то будешь одна. По вечерамъ такъ рѣжетъ глаза, что смерть просто. Хоть бы купоросомъ бѣлымъ примочить что ли.

Люба только отмачивалась да плакала по временамъ. Работа у ней не спорилась, изъ рукъ падала. Пробовала было она за книжки припяться, которыя ей Дмитріи Павлычъ наказывалъ прочесть безъ него; но и чтанье шло плохо: прочтетъ страничку да и задумается... и совѣмъ забудетъ, гдѣ она и что дѣлаетъ... Воображеніе переносило ее въ другой, незнакомый городъ. Ей казалось, что она сидитъ съ Дмитріемъ Павлычемъ въ хорошенькой, уютной комнаткѣ... что у нихъ фортепяно есть и опъ учить ее играть и пѣть... Опъ часто говаривалъ ей, что у ней отличный голосъ, только надо заняться имъ... Потомъ она встаетъ и идетъ къ чайному столу, на которомъ шипитъ самоваръ... Приходитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ Дмитрія Павлыча, вотъ у нихъ идетъ веселый разговоръ... Шутягъ, смѣются... И Любѣ такъ хорошо, легко; она счастлива, довольна... И Авдотья Васильевна не ворчитъ больше, а только любитъся на дѣтей...

— Ну, что, маменька, еслибы я вышла за Сусликова, говорить Люба, развѣ бы лучше было... Ну, скажите?

— На все Божья воля, говоритъ Авдотья Васильевна.

Но какъ безжалостно пробуждала Любу дѣйствительность отъ этихъ мечтаній, какъ безцеремонно и грубо обходилась съ ними...

Являлся Сусликовъ и начиналъ безъ умолку гордиться околесною. Опъ имѣлъ большія претензіи на *даръ слова* и безъ всякаго толку вклевывалъ въ разговоръ слышанныя имъ отъ разныхъ лицъ мудреныя фразы. Иногда любилъ даже говорить въ рюму.

— Что это вы, Любовь Васильевна, говорилъ онъ входя. — книжку изволите почитывать... Приятное занятіе-сь. Я тоже люблю эдакъ иногда чтеніемъ позабавиться-сь, да время не позволяетъ. Развѣзды, знаете... торговья дѣла. Надоѣли они мнѣ по правдѣ... да что дѣлать-сь? Не угодно ли я вамъ книжечекъ съ ярмарки привезу-сь; тамъ всякія есть... нѣкоторыя даже очень занятныя попадаются-сь. И стишки есть... Я стишки ужасъ какъ люблю-сь... Особенно, какъ если любовныя-сь. Я даже — не повѣрите, многія наизусть зналъ-сь... да вотъ съ этими съ дѣлами проклятыми все позабылъ-сь. Такая моя долж-

пость, доложу вамъ — убивственная; совѣтъ отъ образованія отстанешь... въ тѣмъ невѣжества, такъ сказать, погрузишься. Дѣло имѣть все должно съ людьми непросвѣщенными-сь, безъ поученій... барыши да убытки, да крѣпкіе напитки — вотъ и вся декорация. Хе, хе, хе.

Поистинно, какъ весело было Любѣ слушать эту чепуху. Послания Сусликова были для нее истинной пыткой.

А между-тѣмъ отъ Дмитрія Павлыча все не было извѣстій. Она писала къ нему письмо за письмомъ, но все они шли не дальше шкатулки Надежды Марковны. Люба приходила въ отчаяніе. Она уже не сомнѣвалась почти, что Дмитрій Павлычъ забылъ ее. Порой она думала, не боленъ ли онъ? или старалась оправдать его тѣмъ, что у него много дѣла, но когда являлась Цецилія Викентьевна и начинала повѣствовать о разныхъ петербургскихъ новостяхъ, которыя будто бы сообщалъ Надеждѣ Марковнѣ сынъ ея — глубокая тоска снова надрывала сердце Любы.

Внезапная перемена въ чувствахъ Дмитрія Павлыча казалась ей весьма сбыточной вещью. Не было существа въ мірѣ, которое бы меньше цѣнило себя, чѣмъ Люба. И за что, думала она, привязаться къ ней... развѣ за красоту только... Но мало ли въ столицѣ дѣвушекъ и женщинъ лучше ея... Образованія она никакого не получила... Кто бы узналъ, что Дмитрій Павлычъ хочетъ на ней жениться, вѣроятно сказалъ бы, что она ему вовсе не пара... Если между ею и кружкомъ, гдѣ она выросла и жила теперь, существовала, благодаря урокамъ Крапивина и мавзель Янъ, дѣйствительно нѣкоторая разница, то развѣ вѣшняя... небольшая разница... Правда она не употребляла въ разговорѣ такихъ словъ, какъ напримѣръ Сусликовъ, но вѣдь это еще немного... Дмитрій Павлычъ скучалъ въ Мутноводскѣ, и съ кѣмъ не сходялся и такъ смѣшно всегда описывалъ мутноводскихъ барышень... Но въ Петербургѣ — тамъ вѣроятно совѣтъ другое... тамъ онъ найдетъ себѣ общество по сердцу.

Многое въ этомъ родѣ перечувствовала и передумала Люба въ это время... Вскорѣ Надежда Марковна съ своей союзницей Цециліей Викентьевной нанесли ей рѣшительный ударъ.

Дмитрій Павлычъ писалъ къ матери, что порученіе его скоро кончится, и что онъ недѣли черезъ двѣ выѣдетъ изъ Петербурга; Надежда Марковна сильно перетрусилась, получивъ это письмо; но судьба скоро пришла къ ней на выручку. Дмитрій

Павлычъ захворалъ довольно серьёзно. Не получая писемъ отъ Любы, онъ тоже не зналъ чему приписать это молчаніе и сильно хандрилъ. У него не было въ Мутноводскѣ друзей, къ которымъ бы онъ могъ обратиться съ просьбой развѣдать о ней. Никто и не подозрѣвалъ объ его отношеніяхъ къ Любѣ. Она сама столько разъ просила его держать ихъ втайнѣ, боясь, чтобы они не слѣлались извѣстны матери Дмитрія Павлыча. Вскорѣ болѣзнь заставила его на время прекратить переписку и съ семействомъ.

VI

Однажды Цецилія Викентьевна пригласила къ себѣ на чай Авдотью Васильевну съ дочерью. Люба вообще не питала большого расположенія къ акушеркѣ, и ей очень не хотѣлось идти. Къ тому же она предчувствовала, что тамъ непременно будетъ Сусликовъ, который становился для нее день ото дня противнѣе. Никогда еще онъ не заискивалъ такъ сильно въ ея матери, и никогда посѣщенія его не были такъ часты и назойливы. Но Авдотья Васильевна настоятельно требовала, чтобы дочь ея шла, утверждая не безъ основанія, что Цецилія Викентьевна будетъ очень обижена ея отказомъ. Люба наконецъ уступила просьбамъ матери; сердце ея въ тотъ день какъ-то особенно ныло, какъ будто чуя что-то недоброе.

Квартира, гдѣ помѣщалась Цецилія Викентьевна, была нѣсколько низка, но очень прилична; мягкая мебель, обитая трипомъ, салфетка мокетъ на столѣ, пестрые довольно дорогіе обои, все какъ слѣдуетъ. Непріятно бросалось только въ глаза въ спальнѣ или *будуарѣ* Цециліи Викентьевны — изобиліе разныхъ такъ называемыхъ бездѣлушекъ, вовсе не изящныхъ и дешевыхъ, какія продаются обыкновенно въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ въ вербную субботу. На столѣ и этажеркѣ стояли напр. подъ стеклянными колпаками восковые купидоны, отдыхающіе въ зелени, толстые и уродливые, какъ говорится карапузики; фаянсовая масляница въ видѣ барашка, съ позлащенными рогами; гипсовые зайчики, поворачивающіе шелми и т. п. дребедень. На стѣнѣ висѣли башмачки вышитые бисеромъ, для часовъ, какая-то картина вышитая шерстью по канвѣ и изображавшая средневѣковую *chateleine*, на лошади и съ соколомъ

на рукѣ, но у которой черты было очень трудно разсмотрѣть — о нихъ напоминали только какіе-то черныя и красныя крестики, долженствовавшіе вѣроятно изображать губы, ноздри и глаза... Не мало также разставлено было повсюду чашекъ съ безграмотными надписями. Всѣ эти вещи были разумѣется, приношеніемъ *Доброхотныхъ дателей*, говоря словами Ризположенскаго, пациентовъ или друзей, чѣмъ-нибудь одолженныхъ Цециліи Викентьевнѣ.

Когда Авдотья Васильевна съ Любой вошли къ ней, въ гостиной уже сидѣлъ развалился и куря сигару Сусликовъ; тутъ же находились и еще какія-то двѣ женщины, изъ мутноводскаго *demi-monde*; одна пожилая въ чепцѣ и пестрой шали, другая среднихъ лѣтъ, не дурная собой, въ бархатной, красноватаго цвѣта кофточкѣ или полкѣ — не знаю, какъ вѣрнѣе назвать, и безъ чепца, но съ длинными булавками въ волосахъ, оканчивавшимися какими-то висюльками изъ поддѣльной бирюзы. Старуха была молчаливаго свойства и больше все куталась въ шаль, какъ будто желая скрыть дурно сшитое платье. Она обращалась къ Цециліи Викентьевнѣ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, какъ къ дамѣ имѣющей доступъ въ высшія сферы мутноводскаго общества. Молодая напротивъ была очень развязна, дѣлала глазки Сусликову, то вертѣлась на своемъ мѣстѣ, то вскакивала и очемъ-то шепталась съ хозяйкой дома, послѣ чего обѣ начинали громко хохотать; а старуха только принужденно улыбалась, какъ-то особенно смѣшно сжимая свои тонкія губы. Хорошенькая круглолицая горничная разносила чай. Лицо Сусликова выражало, что онъ очень доволенъ и собой, и приятной компаніей, въ которой находился.

— Ахъ! Авдотья Васильевна... Любочка, привѣтствовала входящихъ Цецилія Викентьевна. — Какъ я вамъ благодарна... Я ужь думала, что вы не придете, и побранила таки васъ въ душѣ; что это, думаю себѣ, заспѣсивилась моя Авдотья Васильевна...

— Полноте, Христось съ вами, Цецилія Викентьевна, возразила Авдотья Васильевна: — чѣмъ спѣсивиться... Мы люди маленькіе, за честь должны почитать, если добрые люди ласкаютъ.

Эта фраза вызвала ироническую улыбку на пухлыя уста молодой гостьи, въ бархатной кофточкѣ; и она, нагнувшись къ старухѣ, сидѣвшей на диванѣ, принялась ей что-то нашептать.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, Любовь Васильевна, развязно подлетѣвъ къ Любѣ, освѣдомился Сусликовъ.

Люба молча кивнула ему головой.

— Вы что-то какъ будто не совѣмъ тово... продолжалъ онъ приставать... блѣдны немножечко. Впрочемъ блѣдный цвѣтъ чрезвычайно какъ дѣлаетъ интереснымъ *физиономію*. Блѣдный цвѣтъ — тоски примѣта, сказано въ какой-то книжкѣ не помню.

И Сусликовъ, говоря это, глупо ухмылялся и вертѣлъ цѣпочкой. Люба покраснѣлась и пристально на него посмотрѣла... Ужь не знаетъ ли онъ... пришло ей въ голову. Всѣ разсѣлись по мѣстамъ; началось угощеніе чаемъ. Гостя въ бархатной кофточкѣ осмотрѣла Любу съ ногъ до головы.

— Изволили слышать, Цецилія Викентьевна, произнесъ Сусликовъ, сюда актеры пріѣхали; въ манежѣ тіатръ будутъ представлять...

— Слышала, слышала. Мнѣ пыньче вице-губернаторша сказывала... Поутру лошаль за мной прислали отъ нихъ... Вѣдь она скоро приращенія къ семейству ждетъ.

— И отъѣзжающіе актеры—съ. Они въ Рыбинскѣ представляли—съ, такъ я видѣлъ. И трагедіи и водевилы все какъ есть играютъ.

— Я не люблю на эти водевили смотрѣть, сказала Цецилія Викентьевна — Я больше отдаю предпочтенія трогательнымъ пьесамъ. Вотъ еще я въ Варшавѣ въ балетъ тоже часто ѣздила. Это восхищеніе, что такое.

— Ну нѣтъ—съ, я хоть и не видалъ этихъ балетовъ, а должно быть они не такъ занятны, потому тамъ ничего не говорятъ, а только танцуютъ...

— Но декорации — вы себѣ вообразить не можете... это рай, совершенный рай... вы переноситесь изъ здѣшняго міра... А какія танцовки тамъ — вотъ бы вы посмотрѣли...

Сусликовъ осклабился...

— Хорошенькія значить—съ?

— Очаровательныя... вы бы непременно влюбились, не смотря на свою солидность. (Это словечко о солидности Сусликова Цецилія Викентьевна ввернула вѣроятно для того, чтобы Люба не считала его за вѣтренаго человѣка).

— А можетъ быть сердце мусье Сусликова уже занято, произнесла не безъ язвительности гостя въ кофточкѣ.

Въ эту минуту дверь въ гостиную отворилась и вошла Надежда Марковна... Явленіе ея казалось поразило неожиданностью Цецилію Викентьевну... она даже вдругъ не узнала вошедшей; и уже взглянувъ въ черты ея, быстро вскочила съ дивана и бросилась ей на встрѣчу.

— Боже мой! воскликнула она, какой неожиданный сюрпризъ! Вотъ ужъ настоящій сюрпризъ... можно сказать... Какими судьбами вздумали ко мнѣ вернуться, глубоко уважаемая Надежда Марковна!

У Любы при видѣ Надежды Марковны замерло сердце... она съ жаднымъ любопытствомъ впилась въ нее взоромъ. И страшно ей было чего-то, сама она не знала чего, и между тѣмъ не могла спустить глазъ съ Надежды Марковны... Люба походила на птичку, которую невольно тянетъ къ змѣѣ.

Надежда Марковна раскланялась вѣжливо съ гостями, которые всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ при ея приходѣ. Она какъ-то бокомъ взглянула на Любу и успѣла замѣтить устремленный на нее неподвижный взглядъ дѣвушки..

— Кажется я разстроила вашу бесѣду, произнесла улыбаясь привѣтливо Надежда Марковна, и прежде чѣмъ Цецилія Викентьевна успѣла возразить ей, продолжала: — ужъ извините, душа моя! Не могла удержаться, чтобъ не захватить — сообщить вамъ свою радость... мимо бѣжала... у губернаторши была...

— Радость! Ахъ, дай вамъ Богъ, глубокоуважаемая Надежда Марковна, чувствительно вымолвила Цецилія Викентьевна, — но чтожъ такое?

— Отъ Мити моего извѣстія получила... Люба вздрогнула при этомъ имени... Часто-часто застучало вдругъ ея сердце.

— Отъ Дмитрія Павлыча! продолжала съ наѣсомъ восклицать Цецилія Викентьевна... Ахъ, Боже мой! Чго же, вѣрно будетъ скоро назадъ?

— Это бы конечно была радость... но вы не угадали... радость еще бѣльшая. Вообразите, мой ангель, что вѣдь онъ женится!

Люба побѣлѣла какъ листъ бумаги; но старалась увѣрить себя, что она ослышалась.

— Ахъ! могла только воскликнуть Цецилія Викентьевна, всплеснувъ руками, и переглянувшись съ матерью Любы, постаралась притвориться сконфуженной...

Авдотья Васильевна незамѣтно пробралась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Люба... Она боялась, чтобы чего-нибудь не приключилось съ дочерью, и также отчасти, чтобы она не сдѣлала какой-нибудь необдуманной выходки.

— Женится, женится, громко повторяла Надежда Марковна... И представьте себѣ, какую партію дѣлаетъ... ужь подлинно никто какъ Богъ! Думала ли я о такомъ счастьѣ, отпуская его.

— На комъ же это, Надежда Марковна?

— На дочери одного генерала, который ему и мѣсто другое выхлопоталъ. Сегодня ужь пришла къ губернатору бумага объ его переводѣ... Такое-то право счастье Господь посылаетъ. Ужь я даже всплакнула отъ радости.

И Надежда Марковна поѣздила въ карманъ за платкомъ, вѣроятно снова намѣреваясь всплакнуть.

Въ продолженіе этого разговора Надежда Марковна и Цецилія Викентьевна стояли посреди гостиной. Около нихъ сгруппировались другіе гости... Люба схватила мать за руку и быстро чуть слышно произнесла...

— Уйдемъ, маменька, мнѣ не хорошо.

Потомъ она незамѣтно скользнула въ боковую комнату, откуда была дверь въ коридоръ, кончавшійся выходомъ въ сѣни, и увлекла за собою Авдотью Васильевну. Но онѣ еще успѣли разслышать слова Надежды Марковны:

— И какъ влюбленъ въ свою невѣсту... Пишетъ, слава Богу маменька, что я уѣхалъ изъ Мутноводска... я тамъ со скуки на всякую глупость готовъ былъ рѣшиться...

Но нужно ли объяснять, что вся эта сцена была заранѣе придумана Цециліей Викентьевной и Надеждой Марковной. Онѣ рассчитывали на болѣзнь Дмитрія Павлыча и на то, что порученіе его еще не скоро кончится, и надѣялись въ его отсутствіи обвинять Любу съ Сусликовымъ.

Надежда Марковна посидѣла еще нѣсколько времени у акушерки и успѣла обворожить все общество своей простотой и любезностью. Сусликовъ весьма былъ удивленъ, узнавъ, что Люба съ матерью исчезли.

Люба не помнила, какъ она и дошла до дому. Ни она, ни мать во всю дорогу не сказали слова. Авдотѣ Васильевнѣ было жаль дочери, и хотя она думала про себя: вотъ оно и вышло по моему, вѣдь вотъ я говорила, что такъ будетъ, но однакоже

не рѣшилась произнести этихъ словъ, чувствуя, что они были бы жестоки въ эту минуту и только растравили бы горе Любы... Старуха, какъ существо простое и неразвитое, не всегда отличалась деликатностью, но на этотъ разъ материнская любовь подсказала ей то, чего не могло подсказать образование.

Придя домой, Люба заперлась въ своей тѣсной комнаткѣ, выходившей окнами въ садъ, и Авдотья Васильевна часто подходила къ дверямъ и прикладывала ухо... Все было тамъ тихо. И въ самомъ дѣлѣ Люба не плакала... Но всю ночь на пролетъ просидѣла она на кровати, не раздѣваясь, недвижно вперивъ глаза въ одну точку и опершись горѣвшей головой на ладонь. Она не пожелала бы и злѣйшему врагу, еслибъ онъ былъ у ней, пережить тѣхъ минутъ, которыя выпали ей на долю въ эту долгую, темную ночь... Ей казалось, что раскаленный желѣзный обручъ стиснулъ ее голову и давить, давить ее, какъ бы для того, чтобы вытѣснить изъ нея мозгъ.

VII

Три дня Люба почти не выходила изъ своей комнаты и отказывалась отъ всякой пищи. Насилу, насилу мать, у которой глядя на нее наболѣло сердце, могла ее заставить хлебнуть вѣсколько глотковъ чаю. Наконецъ эта страшная тоска разрѣшилась долгимъ, неудержимымъ рыданьемъ. Слезы какъ будто облегчили Любу. По крайней мѣрѣ окружавшимъ казалось, что она поуспокоилась, хотя лицо ее было мертвенно блѣдно и щеки осунулись. Дѣйствительно она стала ко всему равнодушной. Но не дай Богъ никому извѣдать этого тупого равнодушія отчаянія. Бѣдная махнула рукой на судьбу свою и съ этой минуты считала расчеты свои съ жизнью поконченными. Она могла ходить, разговаривать, ѣсть, работать... но не жить.

Послѣ предварительнаго совѣщанія съ Цецилiей Викентьевной и нѣкоторыхъ колебанiй, Авдотья Васильевна рѣшилась наконецъ заговорить съ дочерью о Сусликовѣ, который сдѣлалъ формальное предложенiе; минута показалась ему удобной; по врожденному тупоумiю, онъ рѣшительно не могъ понять всей безчеловѣчности своей въ отношенiи къ Любѣ.

Не безъ страха приступила Авдотья Васильевна къ разговору

съ дочерью. Сначала она повела рѣчь о совершенно постороннихъ предметахъ; замѣтила, что нынче мужскія рубашки стали дѣлать какимъ-то мудренымъ фасономъ, такъ что трудно потрафить, потомъ перешла къ дороговизнѣ свѣчъ и упомянула, что нынче какія-то новыя выдумали свѣчи, розовыя и зеленыя, прозрачныя такія и очень дорогія... она сама ихъ въ одной лавкѣ видѣла. Наконецъ ужъ собравшись съ духомъ произнесла:

— Никаноръ Андренчъ сватается къ тебѣ, Любаша... что ему о твѣчать-то... я ужъ и не знаю, какъ ты посудишь.

Авдотья Васильевна сказала да и испугалась. Вотъ, думала она, сейчасъ заплачетъ Люба и уйдетъ въ свою комнату и опять на три дня запрется...

Представьте же себѣ ея удивленіе, когда Люба весьма хладнокровно отвѣчала:

— Что хотите, маменька, мнѣ все равно.

Авдотья Васильевна пристально на нее посмотрѣла. Черты ея оставались неподвижны. Ничего нельзя было прочесть на нихъ.

Ободренная Авдотья Васильевна пустилась развивать свою любимую тему о немощности и беспомощности, о дѣтяхъ, которыхъ хорошо бы пристроить.

Люба выслушала все не шевельнувшись, не мигнувъ глазомъ, и когда старушка кончила, сказала:

— Дѣлайте какъ хотите, маменька. Я на все согласна.

Авдотья Васильевна была такъ обрадована этимъ отвѣтомъ, что подойдя къ дочери, стала гладить ее по головкѣ и цѣловать нѣжно.

— Сама, Любушка, послѣ довольна останешься, толковала она... Онъ мужъ хорошій будетъ, и жить будемъ спокойно, въ достаткѣ. Богъ тебя не оставитъ, за то что ты матери-старухи слушаешь... за покорность твою не оставитъ...

Услышавъ отъ Авдотьи Васильевны, что все улажено, Цецилія Викентьевна бросилась къ Надеждѣ Марковнѣ сообщить ей пріятную новость. Надежда Марковна пришла въ радость неописанную и подарила акушеркѣ кусокъ богатой матеріи на платье, который сама тоже получила отъ кого-то въ презентъ, и долго берегла въ сундукъ для какого-нибудь экстреннаго случая. Сусликовъ тоже ошастливилъ Цецилію Викентьевну... онъ привезъ ей дорогой браслетъ, въ двѣсти цѣлковыхъ.

Всѣ были очень довольны. Женихъ и Цецилія Викентьевна стали торопить свадьбой, потому что Сусликову необходимо было ѣхать въ деревню, куда ожидали прибытія самаго владѣльца, графа N.

Приданое справилъ Сусликовъ на свой счетъ... онъ сорилъ деньгами, и всѣ портнихи и швеи были подпятаы на ноги. Хотя всего было сдѣлано довольно, по онъ извинялся, что мало, отговариваясь недостаткомъ времени. По пріѣздѣ на мѣсто онъ обѣщалъ еще не такіе сюрпризы.

Въ этихъ хлопотахъ, онъ имѣлъ мало времени любезничать съ невѣстой, чему та была разумѣется очень рада. Но она не отворачивалась отъ него какъ прежде, не смѣялась надъ нимъ, а была совершенно равнодушна къ его вѣжностямъ... Казалось она потеряла всякую способность что либо чувствовать...

Незадолго до свадьбы, въ одинъ осенній сыренькій, по не холодный день, Люба вышла въ садъ... Каждое мѣсто напоминало ей о какомъ-нибудь разговорѣ съ Дмитріемъ Павлычемъ, о какой-нибудь дорогой сердцу минутѣ... И ей стало невыносимо тяжело. Все кругомъ смотрѣло такъ грустно... дорожки были усыпаны желтыми листьями, которые не переставали падать. Нѣсколько листьевъ упало на Любу, пока она ходила по саду. По небу шибко, шибко бѣжали сѣрыя, мутныя, грязноватыя облака, какъ будто спѣша куда-то, гдѣ имъ привольнѣй и лучше; солнце, которое уже мало грѣло, то проглядывало, то опять пряталось... Изрѣдка капля упала съ неба на желтый песокъ дорожки... дождь казался не рѣшался, идти ему или нѣтъ... двѣ вороны сидѣли на заборѣ, бессмысленно смотря передъ собой. Вѣтеръ ушыло шумѣлъ полуобнаженными вѣтвями деревьевъ, и гналъ по дорожкамъ какую-то сухую былинку... Люба обошла садъ, по временамъ останавливаясь и прислушиваясь къ завыванью вѣтра... Когда она воротилась въ комнату, на глаза ей попала книга, валявшаяся на окнѣ и заплеппая... Она машинально взяла ее и раскрыла... Эго были стихи, которые часто читывала она вмѣстѣ съ Дмитріемъ Павлычемъ.

Она взглянула на раскрывшуюся страницу и прочла:

Облакомъ волнистымъ
 Пыль встаетъ вдали,
 Конный или пѣшій,
 Не видать — въ пыли.

Вижу кто-то скачетъ
 На лихомъ конѣ;
 Другъ мой... другъ далекій —
 Вспомни обо мнѣ!

Сердце ея болѣзненно сжалось, и съ глазами, полными слезъ, она повторила невольно:

Другъ мой... другъ далекій,
 Вспомни обо мнѣ!

Нѣсколько дней спустя Надежда Марковна въ письмѣ своемъ къ сыну, сообщая о разныхъ мутноводскихъ новостяхъ, упомянула между прочимъ, что извѣстная ему Цецилія Викентьевна купила себѣ прехорошенькій домикъ, съ садомъ, принадлежавшій какой-то мѣщанкѣ Хрусталевой, которая недавно выдала замужъ дочь свою за управляющаго имѣньями графа N, куда по этому и отправилась со всѣмъ семействомъ.

Новость эта была совершенно справедлива; домикъ Авдотьи Васильевны, благодаря щедротамъ Сусликова, перешолъ къ акушеркѣ, устроившей его женитьбу.

VIII

Устроивши столь важное дѣло, Надежда Марковна принялась за другое... Надо было женить Левинскаго на Аниѣ Павловнѣ. Ободренная первымъ успѣхомъ, почтенная дама не унывала и продолжала дѣйствовать съ изумительнымъ апломбомъ. И въ этомъ случаѣ союзницей ея явилась Цецилія Викентьевна, которой, при благополучномъ окончаніи дѣла, были обѣщаны золотые часы и пролетка съ лошадыю.

Левинскій не отличался особеннымъ умомъ, но имѣлъ очень доброе сердце и былъ ужасно влюбчивъ. Не оставалось въ Мутноводскѣ ни одной молоденькой барыни или барышни, къ которой бы онъ, хоть мѣсяцъ, хоть недѣлю, не питалъ нѣжнѣйшей склонности, и если не всегда волокитство его увѣнчивалось успѣхомъ, то это скорѣй можно было отнести къ его неопытности, чѣмъ къ строгимъ нравамъ мутноводскихъ обитательницъ; притомъ же онъ предпочитали военныхъ и рослыхъ, а онъ былъ штатскій и довольно мизерной наружности. Увлечь его почти ничего не стоило... И надо было видѣть, съ какой неподражаемой

наивностью онъ, во время сближенія съ своими кумирчиками (въ которыхъ всегда умѣлъ отыскать какія-то небывалыя совершенства), проповѣдывалъ имъ разныя гуманныя современныя идеи и читалъ въ слухъ повѣсти русскихъ беллетристовъ... Какъ глубоко былъ убѣжденъ, бѣдняжка, что его не только слушаютъ, но что ему сочувствуютъ... а между тѣмъ иная барынька или дремала подъ его восторженное чтеніе, сбивавшееся на декламацію, или думала въ это время, какое она завтра надѣнетъ платье на балъ, и чтобы такое попріятнѣе сказать губернаторшѣ, когда та подойдетъ къ ней... Разочаровавшись въ одной, Левинской обращался немедленно къ другой. Когда же и другая предпочитала его какому-нибудь заѣзжему адъютанту, онъ, погоревавъ два-три дня, увлекался третьей и т. д. Безъ сердечныхъ слабостей онъ жить рѣшительно не могъ. Послѣдней его страстью была Катерина Васильевна Гребцова, отбившая его у Анны Павловны, которая хотя никому не предпочла его, но оттолкнула отъ себя язвительными насмѣшками надъ его энтузіазмомъ. Катерина Васильевна была очень мила; ея вздернутый носикъ, круглый подбородокъ, слегка покрытый пухомъ молодости и уподоблявшійся персику; ея томные каріе глазки — могли дѣйствительно нравиться. Что-то чрезвычайно пикантное было во всей ея маленькой фигуркѣ. О ней ходили въ Мутноводскѣ слухи, что она не отличалась особенной неприступностью, и хотя дорожила мнѣніемъ общества, но не всегда умѣла скрыть свои грѣшки... Это говорили про нее барыни, и преимущественно тѣ, которыя обладали противоположнымъ свойствомъ, то есть очень ловко скрывали все, чего имъ не хотѣлось обнаруживать. Мушкетеры же были почти всѣ у ногъ Катерины Васильевны. Супругъ ея... Но о немъ рѣшительно нечего сказать, кромѣ того развѣ, что онъ часто и надолго уѣзжалъ въ деревню, гдѣ занимался устройствомъ мыловареннаго завода, и что онъ вовсе не былъ ревнивъ.

Дѣла Левинскаго у Катерины Васильевны подвигались впередъ... Онъ почти былъ увѣренъ, что его любятъ, и энергически защищалъ предметъ своей страсти отъ всѣхъ нападокъ и обвиненій въ вѣтренности, хотя въ душѣ и побаивался, чтобы его не бросили...

Случилось однажды, что Катерина Васильевна, страдавшая по временамъ мигренью, не приняла своего обожателя. Онъ при-

писалъ это ея капризу, потомучто наканунѣ произошла между ними маленькая, совершенно ничтожная размолвка. Вслѣдъ за тѣмъ у одного изъ губернскихъ аристократовъ, а именно у господина Раскатова, имѣвшаго трехъ дочерей — Китти, Нелли и Жени (на одной изъ нихъ Надежда Марковна хотѣла женить сына), былъ балъ... На балѣ появился пріѣзжій, нѣкто Панкратьевъ, петербургскій чиновникъ, изъ правовѣдовъ. Онъ былъ лицомъ не совсѣмъ чуждымъ въ Мутноводскѣ. Его отецъ принадлежалъ къ числу мутноводскихъ помѣщиковъ и постоянно проживалъ у себя въ деревнѣ, въ губернской же городъ ѣздилъ только на выборы. Молодой Панкратьевъ провелъ дѣтство въ Мутноводскѣ и каждый годъ пріѣзжалъ туда въ отпускъ для свиданья съ отцомъ. Раскатову онъ тоже приходился сродни. Съ Катериной Васильевной Гребцовой онъ состоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Они росли вмѣстѣ; ихъ отцы были сосѣдями по деревнямъ. Встрѣтивъ ее теперь на балѣ, онъ исключительно занялся ею... Она же на этотъ разъ была удивительно интересна, къ ней необыкновенно шла и куафюрка изъ пунцовыхъ цвѣтовъ съ колосьями, и палевое платье. По врожденному ли кокетству, или изъ желанія побѣсить Левинскаго, который дулся какъ мышь на крупу на Катерину Васильевну, только она въ свой чередъ дѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы понравиться юному бюрократу. Онъ былъ красивъ, имѣлъ самоувѣренную походку и свысока посматривалъ не только на провинцію, но и на всю вселенную. Катерина Васильевна кокетничала съ нимъ до невѣроятности. То и дѣло выбирала его въ мазуркѣ, снимала съ руки и давала разсматривать свои браслеты, бросила невзначай, въ разговорѣ, очень лестные для него намеки, и наконецъ даже подарила ему лучшій цвѣтокъ изъ своего букета. Левинскій совсѣмъ упалъ духомъ. Надежда Марковна и Цецилія Викентьевна, находившіяся также въ числѣ присутствующихъ, все это очень хорошо замѣтили, переглянувшись и поняли другъ друга. У Надежды Марковны немедленно сложился въ головѣ планъ дѣйствія. Цецилія Викентьевна тутъ же начала всячески заискивать въ М-не Гребцовой, говорила ей комплименты, поправляла куафюрку, жала руки, томно взглядывала на нее и употребляла всѣ усилія, чтобы быть замѣченной Панкратьевымъ. И она добилась этого. Панкратьевъ освѣдомился о ней у Катерины Васильевны и получилъ отвѣтъ, что это прекрасная, пре-

обязательная женщина, которой *услуги часто бывают очень полезны*. Панкратьевъ намоталъ эти слова на усь, хотя Катерина Васильевна имѣла въ виду, говоря ихъ, единственно профессію Цециліи Викентьевны.

Впослѣдствіи Панкратьевъ почти всюду встрѣчалъ акушерку и познакомился съ ней ближе. Левинскій между тѣмъ страшно ревновалъ Катерину Васильевну къ Панкратьеву, хотя и примирился съ ней и однажды даже услышалъ изъ устъ ея, что любимъ ею. Онъ дѣйствительно правился ей гораздо больше Панкратьева.

Въ одинъ прекрасный день, какъ говорится обыкновенно въ новѣстяхъ, Цецилія Викентьевна при Панкратьевѣ попросила Катерину Васильевну осчастливить ее своимъ посѣщеніемъ... Она обѣщалась быть. Панкратьевъ, искавшій всюду случая съ ней встрѣчаться, услышавъ это, обратился къ Цециліи Викентьевнѣ съ вопросомъ :

— Вы меня не прогоните, если я тоже приду ?

Въ тощѣ, какимъ были сказаны эти слова, ясно слышалось : ты, голубушка, должна почитать за честь, что къ тебѣ прїѣдетъ такой гость какъ я. Цецилія Викентьевна была разумѣется въ востыщеніи.

Въ тотъ же самый день Левинскій получилъ анонимное письмо такого содержанія :

« Васъ обманываютъ. Завтра вечеромъ у Гребцовой съ Панкратьевымъ рандеву, въ домѣ акушерки. »

Съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ этого вечера Левинскій, въ душѣ котораго сильнѣй чѣмъ когда либо вспыхнула ревность, не смотря на всѣ увѣренія Катерины Васильевны въ искренней привязанности. Наконецъ насталъ роковой день. Едва стало смеркаться, какъ Левинскій направился въ улицу, гдѣ жила Цецилія Викентьевна. Онъ вошелъ на дворъ небольшого домика, стоявшаго противъ дома акушерки, и спрятался за калиткой, уткнувъ носъ въ воротникъ пальто и нахлобучивъ на глаза шапку... Долго ждалъ онъ; каждый стукъ экипажа заставлялъ его вздрагивать... Наконецъ чья-то пролетка остановилась у крыльца Цециліи Викентьевны. Съ пролетки слезла дама. По шляпкѣ и бурнусу Левинскій узналъ Гребцову. Она вошла и отпустила экипажъ. Еще полчаса прождалъ онъ за калиткой, дѣлая видъ при каждомъ появленіи посторонняго лица на дворъ,

что онъ кого-то ищетъ. Его спрашивали, кого надо? Онъ называлъ фамилію сосѣдняго домовладѣльца... Ему отвѣчали — рядомъ, и онъ какъ будто уходилъ, но потомъ опять возвращался къ своему посту. Черезъ полчаса показался Панкратьевъ. Онъ пришолъ пѣшкомъ, позвонилъ у дверей Цециліи Викентьевны и былъ впущенъ.

Левинскій пришолъ сначала въ ярость; но потомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, — сталъ сомнѣваться въ справедливости своихъ догадокъ и искать въ умѣ своемъ оправданій Катеринѣ Васильевнѣ... Развѣ она не могла просто пріѣхать, безъ всякаго рандеву, думалъ опъ, — это ея враги выдумали. Да чего же лучше, мелькнуло въ головѣ его, пойду-ка я самъ туда, какъ будто печаянно зашолъ, мимоходомъ. Сказано, сдѣлано. Онъ позвонилъ, явилась горничная и сказала, что нѣту дома. Ломиться въ домъ насильно было бы глупо и непристойно. Левинскій ушолъ, взволнованный до глубины души и проклиная лицемѣрку, еще вчера увѣрявшую его, что у ней нѣтъ лучшаго друга, какъ онъ.

Катерина Васильевна разговаривала съ Панкратьевымъ, когда раздался звонокъ. Она ждала чьего-нибудь появленія; но видя, что никто не входитъ въ комнату, спросила:

— Кто же это звонилъ?..

— Приходили отъ одной женщины просить, чтобы я завтра утромъ пришла, отвѣчала акушерка.

Съ этого вечера Левинскій не только прекратилъ посѣщенія къ Катеринѣ Васильевнѣ, не знавшей, чѣмъ объяснить его отсутствіе, и написавшей ему двѣ записки, которыя остались безъ отвѣта; но даже вскорѣ на одномъ вечерѣ обошелся съ ней такъ холодно и сухо, что она съ горя уѣхала домой до ужина. За то Анна Павловна воспользовалась этой ссорой и совсѣмъ, что называется, обошла Левинскаго. Она тоже умѣла нравиться, когда хотѣла.

Она прикинулась задумчивой, огорченной его долгимъ отсутствіемъ, и сказала ему:

— Я знаю, что заставило васъ отшатнуться отъ меня...

Левинскій думалъ, что она будетъ говорить о его привязанности къ Катеринѣ Васильевнѣ, и покраснѣлъ какъ клюква.

— Помните... вы читали мнѣ романъ Тургенева... Я высказала нѣкоторыя мысли, заставившія васъ думать, что у меня нѣтъ сердца, что я черствое существо, не умѣющее понимать прекра-

сваго, не сочувствующая энтузіазму... Вы могли это предположить, потомучто вамъ неизвѣстно, какая была причина...

Анна Павловна остановилась на мгновеніе и оглянулась вокругъ себя, не слушаетъ ли ихъ кто. Но никого не было. Надежда Марковна сидѣла за копѣчнымъ ералашемъ.

— Еслибъ вы только знали!.. не вѣрьте... не вѣрьте этимъ словамъ... татап была въ другой компанѣ... Я не могла говорить иначе... мнѣ и то часто достается за *восторженность*, за *экзальтацію*, и она иронически улыбнулась. — Мое положеніе незавидно, ш-г Левинскій!

Добрѣйшій Левинскій былъ глубоко тронутъ этимъ признаніемъ и тогда же рѣшился извлечь бѣдную дѣвушку изъ ея грустнаго положенія...

Онъ уѣхалъ домой влюбленный, и внутренно радовался, что отнестись Катеринѣ Васильевнѣ, покажетъ ей, что сердце его никогда слишкомъ сильно и не было занято этой хитрой женщиной...

Относительно анонима опъ долго ломалъ себѣ голову, при думывая, кто бы это могъ быть... и наконецъ рѣшилъ, что это Женни Раскатова, которая была уже не первой молодости, ненавидѣла Гребцову и, давно высматривая себѣ жениховъ, постоянно кидала на него огненные взгляды.

Обочлась въ расчетѣ, душа моя, сказалъ онъ себѣ... думала, что я жепюсь на тебѣ, какъ же!..

Спустя двѣ недѣли онъ былъ объявленъ женихомъ Анны Павловны, а вскорѣ послѣ помолвки Надежда Марковна получила неожиданную и горестную вѣсть... ея сынъ умеръ въ Петербургѣ.

Дмитрій Павлычъ схватилъ тамъ простуду, перешедшую въ горячку, — но не писалъ о ней матери, чтобы не испугать ея. Онъ уже началъ поправляться и собирався тотчасъ по выздоровленіи ѣхать въ Мутноводскъ... Порученіе его кончилось; дѣла шли хорошо. Родственникъ доставилъ ему мѣсто, и мутноводскому губернатору уже была послана бумага о его переводѣ. Его сильно тревожило только молчаніе Любы... Онъ то приписывалъ его болѣзни, то думалъ — ужъ не хочетъ ли Люба испытать его вѣрность... При ея образѣ мыслей и мечтательности, онъ считалъ это возможнымъ. Какъ вдругъ письмо матери, гдѣ мимоходомъ, совершенно повидимому безъ умысла, былъ нанесенъ ему страш-

ный ударъ , разрушительно подѣйствовало на его организмъ , не успѣвшій еще вполне возстановиться послѣ тяжкаго недуга. У него сдѣлался рецедивъ... и онъ вскорѣ умеръ.

Надежду Марковну совѣмъ ошеломила такая вѣсть... Она металась во всѣ стороны и рвала на себѣ волосы... но однакоже не считала себя причиной смерти сына... Она плохо вѣрила, чтобы отъ горести умирали гдѣ-нибудь кромѣ романовъ. Совѣсть не упрекала ея также и въ поступкѣ съ Любой... Она оправдывала его въ глазахъ своихъ материнской любовью...

Свадьба была отложена на нѣкоторое время, по случаю траура , но однакоже мѣсяца черезъ три совершилась , и весьма блистательно. Губернаторша была посаженой матерью Анны Павловны , а какой-то заѣзжій камеръ-юнкеръ держалъ надъ ней вѣнецъ...

— Вотъ Богъ-то и наградилъ Надежду Марковну, говорила одна мутноводская дама своей знакомой, выходя изъ церкви послѣ вѣнчанья : — это за то, что она съ примѣрной твердостью переносила всѣ испытанія, ниспосланныя ей въ жизни.

— Именно Богъ , отвѣчала та : — ужъ чего она , моя голубушка , не вытерпѣла ! и нужду-то... и мужъ-то былъ подъ судомъ... ну, и наконецъ такой неожиданный ударъ — какъ смерть сына !.. Воля ваша, это хоть кого сломить.

— А ея не сломило ! Все съ покорностью перенесла ! виѣщались третья барыня. .

— Истинно достойная дама , замѣтилъ знакомый намъ почтмейстеръ...

— Прекрасная , во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дама, отзывались многіе...

Надежда Марковна до сихъ поръ здравствуетъ , жена и теща совѣмъ забрали въ руки бѣднаго Левинскаго, который сдѣлался страшнымъ ипохондрикомъ.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

Москва.
Мартъ 1861 г.

БОЛЬНОЙ

Къ болѣзни онъ привыкъ. Просиживая дни,
Онъ думалъ и мечталъ... «Теперь тамъ шумно, жарко!
«Хлопочуть, бѣгаютъ, торопятся они...
«Какъ это солвышко невыносимо-ярко!
«Здѣсь въ полусумракѣ за рамою двойной
«Въ тѣнистой комнатѣ покойно и уютно...»
И ужъ не плакалъ онъ, когда ему порой
Былое, бурное припоминалось смутно...

Привыкъ онъ жить одинъ. Давно ужъ онъ забылъ,
Что есть иная жизнь волненій и страданій;
Въ уединеніи онъ такъ ихъ полюбилъ —
Картины пестрыя болѣзненныхъ мечтаній!
Какъ злобно онъ вздрогнетъ, когда ему теперь,
Вдругъ свѣжимъ воздухомъ пахнувъ въ лицо больное,
Тревога шумная въ растворенную дверь
Разскажетъ радостно про новое, живое!

О. ВЕРГЪ

НАДЪ ГРОБОМЪ

Не можетъ быть, чтобъ этотъ трупъ
Былъ все... Не можетъ быть : иначе
Юдольный рокъ нашъ былъ бы грубъ
И жизнь не стоила задачи...

Пусть *все* не вѣчно на землѣ ;
Но *это все*, что духомъ жило, —
Къ нему у трупа на челѣ
Печать безсмертье приложило.

Усоншій ! Я твой бранный лобъ
Лобзаю съ вѣрой, что когда-то,
Какъ братъ, ты самъ мнѣ вскроешь гробъ
И воскресишь лобзаньемъ брата !

Л. МѢЙ

24 октября 1859 г.

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕННИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА VI

- Кабы зналъ сосѣдъ богатый,
Каково мнѣ жить,
Каково съ нуждой проклятой
Биться да тужить!

Ахъ, не знаетъ онъ заботы
Бѣгать по домамъ,
Да искать себѣ работы
Съ горемъ пополамъ.

Никогда больной, голодный
Онъ не шолъ домой,
Въ свой подвалъ, пустой, холодный,
Темный и сырой,

Гдѣ малютка изнываетъ
И въ бреду, во снѣ,
Такъ напрасно повторяетъ:
- Тятя! хлѣба мнѣ.... "

(Манчестерская пѣсня.)

Джонъ Бартонъ не многимъ ошибся, предполагая, что фабрикантъ Карсонсъ не будетъ слишкомъ горевать о послѣдствіяхъ пожара. Заводъ былъ застрахованъ, а машины значительно устарѣли и дѣйствовали уже плохо, въ сравненіи съ новыми, усовершенствованными машинами. Сверхъ того торговля шла какъ-то вяло, бумажныя матеріи не сходили съ рукъ и огромными тюками лежали въ складочныхъ магазинахъ. Фабрика шла только такъ, по легоньку, чтобы держать механизмъ въ готовности на случай благоприят-

ной перемены обстоятельствъ. А потому гг. Карсонсъ полагали, что имъ представился только отличный случай поставить фабрику въ лучшемъ видѣ, на что страховыя деньги давали имъ достаточныя средства. Впрочемъ они ни мало не спѣшили приводить эти планы въ исполненіе. Приказали только прекратить выдачу еженедѣльнаго жалованья рабочимъ. Сами же участники фирмы обрадовались свободному времени, которымъ уже давно не пользовались, и общались жонамъ и дочерямъ своимъ предпринять самыя пріятныя прогулки и поѣздки, какъ только погода исправится.

Какъ пріятно засиживаться за завтракомъ, читая газету или какое-нибудь «Обозрѣніе»; какъ пріятно познакомиться поближе съ хорошенькими и талантливими дочерьми, на воспитаніе которыхъ потрачено множество денегъ, но узнать ихъ короче до сихъ поръ рѣшительно было некогда, такъ какъ отцы цѣлый день проводили между счетныхъ книгъ и миткалей. Настали и для нихъ счастливыя семейныя вечера, потому что наконецъ эти дѣловые люди могли позволить себѣ предаться домашнимъ радостямъ.

Теперь перевернемъ картину. Были семейства, въ которыя пожаръ карсонской фабрики принесъ полнѣйшую нищету и уныніе; семейства, тщетно искавшія работы, жаждавшія труда, какъ спасенія, и проклинавшія свое бездѣйствіе, какъ погибель. Тутъ вмѣсто домашней музыки раздавались рыданія и голодные стоны; недѣли шли за недѣлями, работы все не было, слѣдовательно не было и заработковъ, не было и насущнаго хлѣба, о которомъ кричали неразумныя дѣти, со всею силою своихъ ребячьихъ желудковъ, не понимая необходимости терпѣть. Не надъ чѣмъ было засиживаться за завтракомъ; старались подольше залеживаться на жесткихъ постеляхъ, чтобы какъ-нибудь лохмотьями пригрѣть свое тѣло отъ рѣзкой мартовской стужи и лишнимъ движеніемъ не возбудить въ себѣ притихшей змѣи — голода. Остальныя копейки, на которыя еще можно бы кѹпить сколько-нибудь крупъ или картофеля, шли на покупку опиума, чтобы уgomонить малютокъ и подольше продержатъ ихъ въ тяжоломъ, безпокойномъ, но все же безсознательномъ снѣ. И то еще хорошо! Тогда-то все истинно злое и истинно доброе, что обыкновенно кроется въ чelовѣкѣ втихомолку, проявилось въ этихъ людяхъ наружу и рѣзко выразилось въ ежедневныхъ отношеніяхъ. Отцы приходили въ горькое отчаяніе; матери становились жестки и бранчивы (о Боже мой, что же удивительнаго!); дѣти были капризны и упрямы. Тѣснѣйшія и самыя естественныя узы

ослабли и разрывались въ эту годину бѣдствій и испытаній. Съ другой стороны пробуждалась святая вѣра, такая твердая и восторженная, какой не знаетъ на землѣ богачъ; пробуждалась во всей силѣ любовь, «переживающая смерть», по словамъ Писанія; а самоотверженіе въ иныхъ грубыхъ, неразвитыхъ натурахъ доходило до самыхъ умиленныхъ порывовъ. Насъ нерѣдко изумляютъ и возмущаютъ пороки, которые находимъ мы въ этомъ классѣ людей; но въ тотъ день, когда разоблачатся тайны всѣхъ сердець, добродѣтели ихъ изумятъ насъ еще болѣе. Въ этомъ я убѣждена.

Пришла холодная, угрюмая весна, весна только по названію, торговля шла все также вяло, другія фабрики стали сокращать рабочіе часы, распускали рабочія руки и наконецъ вовсе остановили машины.

Бартонъ еще работалъ гдѣ-то по немного; Вильсонъ, числившійся прежде на заводѣ Карсонса, совсѣмъ былъ безъ работы. Но сынъ его, добрый работникъ на механическомъ заводѣ, получалъ достаточную плату, чтобы содержать все семейство. Вильсонъ мучился впрочемъ мыслью, что онъ въ тягость сыну, онъ былъ печаленъ и упдалъ духомъ. Бартонъ угрюмо и жолчно смотрѣлъ на весь Божій міръ, и въ особенности на богачей.

Однажды вечеромъ, когда въ шесть часовъ еще не сгущались сумерки и былъ весенній полусвѣтъ, а на дворѣ трещалъ чуть не рождественскій морозъ и пронзительный вѣтеръ свисталъ по всѣмъ переулкамъ, Бартонъ сидѣлъ у своего экономнаго огонька; онъ ждалъ возвращенія Мери, безсознательно увѣренный, что съ ея появленіемъ все прояснится вокругъ. Дверь отворилась и вошелъ запыхавшійся Вильсонъ.

— Нѣтъ ли денегъ, Бартонъ, хоть сколько-нибудь? спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ; желалъ бы я знать, у кого теперь водятся деньги! А тебѣ на что?

— Мнѣ не самому надо, — хотя вправду и у насъ лишнихъ не бываетъ. Ты знаешь Бена Девенпорта, что работалъ прежде у Карсонса? Онъ валяется въ горячкѣ, а въ домѣ нѣтъ ни щепки для камина, ни одной картофелины на обѣдъ.

— Денегъ у меня ни гроша, я уже говорилъ тебѣ, сказалъ Бартонъ.

Лицо Вильсона выражало досаду и недоумѣніе. Бартонъ старался придать себѣ самый равнодушный видъ, но не сдумывалъ

удержаться въ этой роли. Онъ всталъ, подошелъ къ шкапу, которымъ некогда такъ гордилась его жена, и досталъ оттуда остатки своего обѣда, очевидно спрятанные къ ужину: хлѣбъ и большой ломоть холодной ветчины. Онъ увязалъ ихъ въ носовой платокъ и положивъ въ шляпу сказалъ: «Пойдемъ, надо идти».

— Куда идти? Неужто ты въ эти часы работаешь?

— Экой ты братецъ, какая тутъ работа! Пойдемъ къ молодцу, о которомъ ты сейчасъ говоришь.

Они надѣли шляпы и вышли. Дорогою Вильсонъ разсказывалъ, что Девенпортъ славный малый, только черезъ чуръ преданъ сектѣ методистовъ; что дѣти его слишкомъ малы, чтобы работать, но не слишкомъ малы, чтобы голодать и дрогнуть; что семья все больше и больше бѣднѣла, закладывая все, что у нихъ было вещей и платья, и теперь наконецъ живетъ въ подвалѣ, въ Берри-стритѣ. Бартонъ ворчалъ про себя всякія непріятныя желанія, относившіяся къ судьбамъ довольно многочисленнаго сословія. Они дошли наконецъ и до Берри-стрита, темной, немоощеной улицы съ канавою по срединѣ, въ которую стекала всякая грязь и нечистота. Извѣстное эдинбургское предостереженіе: «берегись воды!» нигдѣ не было также кстати, какъ въ Берри-стритѣ. Пока пріятели проходили мимо, изъ дверей выходило нѣсколько женщинъ, выливавшихъ въ канаву всякіе помои. Изъ канавки эта грязь разливалась по окрестнымъ яминамъ и во многихъ мѣстахъ образовала колодцы стоячей, вонючей воды. Тамъ и сямъ наваленныя кучи печной золы составляли истинные камни преткновенія, которые маломальски чистоплотный прохожій старался обойти подалеже. Наши друзья были далеко не нѣженки, но и они выбирали дорогу и часто перепрыгивали, пока не добрались до влажныхъ ступенекъ къ подвалу. Они сошли на площадку, которая приходилась на цѣлый ростъ человѣческой ниже уровня самой улицы, и была чрезвычайно узка: окошко подвальной комнаты было очень низко, а въ жилище несчастнаго семейства нужно было спуститься еще ниже. Темно было въ этомъ жильѣ: стекла окошекъ во многихъ мѣстахъ были выбиты и вмѣсто ихъ насовано въ отверстія всякое тряпье, что уже само по себѣ достаточно объясняло темноту, царствовавшую здѣсь и въ самый яркій полдень. Послѣ того, что мы сказали о состояніи почвы на улицѣ, читатель не удивится, что въ подвалѣ была страшная вонь и духота, которая всякаго проходящаго въ первую минуту ошибала. Но друзья наши, привыкшіе

къ такимъ передѣлкамъ, быстро оправились отъ этой дурноты и стали всматриваться въ подробности происходившей передъ ними сцены. Они увидѣли во первыхъ троихъ ребятишекъ, валявшихся на сыромъ, почти мокромъ кирпичномъ полу, сквозь который сочилась уличная грязь. Очагъ былъ пустъ и холодень; жена сидѣла на грубомъ одрѣ больного и одиноко плакала въ темнотѣ.

— Вотъ и я пришолъ, матушка. Угмонитесь, ребята, перестаньте же мучить маму, — хлѣба? Вотъ я привелъ добраго чело-вѣка, который дастъ вамъ и хлѣбца.

Въ этомъ тускломъ полусвѣтѣ, который казался для вошедшихъ рѣшительнымъ мракомъ, дѣти полѣзли на Бартона, вырывая изъ рукъ его пищу. Краюшка хлѣба была довольно велика, но и она въ минуту исчезла.

— Тутъ надо что-нибудь сдѣлать, сказалъ онъ Вильсону. — Ты погоди здѣсь, а я ворочусь черезъ полчаса.

Онъ вышелъ и побѣжалъ, поспѣшилъ домой. Въ тотъ же все-объемлющій платокъ сложилъ онъ все, что было съѣстного въ шкапу. — Мери пьетъ чай у миссъ Симмондсъ, слѣдовательно на сегодня пропитаніе ея обезпечено. Потомъ онъ пошелъ наверхъ, вытащилъ свой сюртукъ и единственный фуляровый платокъ, съ красными и желтыми разводами: въ этомъ заключались все его драгоценности, все имѣнье; онъ побѣжалъ къ ростовщику, заложилъ все за пять шиллинговъ, и не останавливаясь, снова поспѣшилъ по лондонской дорогѣ къ Берри-стриту; тутъ онъ зашелъ въ лавку, купилъ кой какой провизіи — мяса, хлѣба, свѣчь; взялъ щепокъ, забѣжалъ на какой-то дворикъ и сторговалъ двѣсти фунтовъ угля. Оставалось еще немного денегъ: это тоже пригодится для нихъ, но какъ употребить такой капиталъ? Пища, топливо и освѣщеніе всего необходимо, и уже куплены. Остальное сравнительно, роскошь. Подождемъ.

Когда Бартонъ воротился съ своими покупками, глаза Вильсона наполнились слезами. Онъ разомъ понялъ откуда что взялось; и вздохнулъ о томъ, что нѣтъ у него работы и не можетъ онъ оказать ближнему ни одной подобной услуги, а сыновнія деньги тратить со-вѣстно. Но хотя не имѣлъ онъ ни золота, ни серебра, сердце у него было золотое и все, что могло дать это любящее сердце, оно даю съ избыткомъ. Джонъ Бартонъ впрочемъ и въ этомъ отноше-ніи не отставалъ отъ своего товарища. Горячка — какъ обыкновенно бываетъ въ Манчестерѣ — была злая, тифоидная, развившаяся

волѣдствіе нищеты, духоты, зловонія и упадка духа. Такія горячки имѣютъ характеръ острыхъ болѣзней, онѣ въ высшей степени опасны и прилицивы. Но въ отношеніи къ прилицивости болѣзней водѣ бѣдныя бываютъ большіе фаталисты; оно и хорошо, потому что въ тѣсныхъ жилищахъ ихъ уединить больного чрезвычайно затруднительно и часто даже невозможно. Вильсонъ спросилъ было у Бартона, не боится ли онъ заразы, но Бартона подняли его за это на смѣхъ.

Пріятели наши, грубые съ виду, но въ сущности нѣжнѣйшія няньки, затопили каминъ. Сначала дымъ разостлался по всей комнатѣ, какъ-будто и дороги не зналъ въ непривычную, сырую трубу. Но въ этой зловредной, душной атмосферѣ, даже и дымъ казался чище, пріятнѣе. Дѣти опять закричали: хлѣба! но на этотъ разъ Бартона сначала поднесъ ломоть несчастной женщины, въ совершенномъ отчаяніи и оступѣннн сидѣвшей около бредившаго мужа. Она взяла хлѣбъ въ руку, отломилъ кусочекъ, но ѣсть не могла, не хотѣла; самый голодъ уже притупился въ ней. Она тяжело, безжизненно свалилась на полъ. Мушцины въ недоумѣннн взглянули другъ на друга: — «Да она уже почти умерла съ голода! сказалъ Бартона. Вотъ люди говорятъ, что голодающимъ не надо вдругъ много давать пищи, а эта, сердечная, и вовсе ужъ не ѣсть.

— Я тебѣ вотъ что скажу, началъ Вильсонъ, — этихъ большихъ молодцовъ, что все дерутся между собою, я отведу домой къ моей женѣ, а оттуда принесу котелокъ чаю. Женщины лучше всего любятъ чай и всякую такую дрянъ.

Бартона остался одинъ, съ крошечнымъ ребенкомъ, который наѣвшись досыта тотчасъ началъ снова плакать и проситься къ матери; съ полуживою, обезсидѣвшею женщиной, и съ больнымъ, который то и дѣло въ бреду метался, вскрикивалъ и стоналъ. Бартона подтащилъ женщину къ огню, теръ ей руки и оглядывался кругомъ, ища чего-нибудь подложить ей подъ голову. Но не было рѣшительно ничего такого, кромѣ нѣсколькихъ вывалившихся кирпичей. Нечего дѣлать, онъ наложилъ кирпичей и покрывъ ихъ косякомъ, своимъ скруткомъ, прислонилъ ее къ этому изголовью; потомъ придвинулъ ноги ея къ камину, который къ этому времени довольно ярно разгорѣлся, и сталъ искать воды. Но бѣдная женщина давно уже была слишкомъ слаба, чтобы таскаться къ колодезю, и потому воды не было. Бартона подхватилъ ребенка на руки, побижалъ на

вѣрхъ, въ первую чужую квартиру и занявъ тамъ кострюльку воды. Затѣмъ, съ ловкостью ремесленника, привыкшаго къ разнаго рода манипуляціямъ, онъ началъ варить кашу, и когда она была готова нашолъ старую желѣзную ложку, удѣльвную для кормленія дитяти, тогда какъ всѣ другія мелочи давнѣ были проданы. Захвативъ кашу, онъ попытался просунуть ложку между стиснутыхъ зубовъ несчастной женщины. Она проглотила и машинально отперла ротъ. Бартонъ сталъ кормить ее и мало по малу она ожила: съѣла, осмотрѣлась кругомъ, и припомнивъ все, снова легла на полъ въ тихомъ и тупомъ отчаяніи. Малютка подползъ къ ней и началъ своими пальчиками оттирать слезы, обильно катившіяся теперь по щекамъ ея. Но пора обратить вниманіе и на больного. Онъ лежалъ на грубой соломѣ, такой гнилой и сырой, что ни одна собака не выбрала бы ее для ночлега; сверхъ соломы разостлана была толетѣйшая холстина и на ней непосредственно лежалъ изсохшій какъ скелетъ, изнуренный и горячешный Девенпортъ. Вмѣсто одеяла на него накинуто было все тряпье, всѣ лохмотья, безъ которыхъ могли только обойтись издрогнувшая мать и дѣти. Все это взятое вмѣстѣ могло бы еще замѣнить одно обыкновенное покрывало, если бы тряпки могли удержаться на больномъ; но онъ такъ тоскливо метался и перевертывался, что не смотря на сильнѣйшій внутренній жаръ, тѣло его постоянно дрожало отъ стужи. Отъ времени до времени онъ вскакивалъ и обнаженное, исхудалое тѣло его напоминало мрачнаго прорицателя бѣдъ, въ известной картинѣ «Чума». Но вскорѣ онъ снова падалъ на солому и Бартонъ увидѣлъ, что необходимо тщательнѣе присматривать за нимъ, чтобы онъ падая не разшибся о каменный полъ. Онъ радъ былъ, когда воротился Вильсонъ съ чайникомъ горячаго чая для бѣдной женщины; но какъ только больной увидѣлъ, что она пьетъ, онъ съ необыаемою, грубою жадностью вырвалъ чашку изъ ея рукъ, и приставилъ къ своимъ пересохшимъ губамъ.

Друзья переглянувшись между собою и стали разсуждать, что тутъ дѣлать. Само собою разумѣется — и объ этомъ между ними даже рѣши не было — что оба рѣшились оставаться всю ночь съ горемычною четой; но гдѣ бы достать доктора? По всей вѣроятности это почти невозможно. На слѣдующій день можно похлопотать о выдачѣ Девенпорту билета на поступленіе въ больницу чернорабочихъ, но до тѣхъ поръ оставалось только попросить совѣта и лекарствъ въ какой-нибудь аптекѣ. И такъ Бартонъ — какъ человѣкъ денежный —

пошелъ искать аптеку или москательную лавку по лондонской дороге.

Очень весело гулять по улицѣ, мимо освѣщенныхъ магазиновъ: газъ горитъ такъ ярко, что всѣ товары гораздо яснѣ видны и даже кажутся гораздо красивѣ вечеромъ, нежели днемъ. Въ особенности въ такихъ случаяхъ поражаютъ своимъ великолѣпиемъ и пестротою аптеки: видъ ихъ переноситъ наше воображеніе къ тѣмъ волшебнымъ сказкамъ и картинамъ, которыя плавились намъ въ дѣтскіе годы, отъ аладиновыхъ садовъ съ драгоцѣнными плодами, до прелестной Розамунды съ ея пунцовымъ сосудомъ. Бартону и въ голову не приходили подобныя сближенія; но по неволѣ думалось ему, что велика разница между роскошными, ярко освѣщенными лавками и темнымъ, сырýmъ подваломъ, и крѣпко отуманила его эта разительная противоположность, и запали въ душу новые вопросы: зачѣмъ? Увы! Такіе таинственные, жизненные вопросы занимаютъ далеко не одного Бартона. Онъ размышлялъ только, неужели ни одинъ изъ встрѣчныхъ не побывалъ въ такомъ печальномъ жилищѣ, изъ какого онъ только что вышелъ. Ему казалось, что всѣ прохожіе веселы и довольны — и это его раздосадовало. Но гдѣ же ему — гдѣ вамъ, читатель, — знать судьбу и помышленія тѣхъ, съ которыми всякій день вы толкаетесь на улицѣ. Почему вы знаете, какіе запутанные романы, какія искущенія и испытанія наполняютъ ихъ жизнь, заставляютъ ихъ страдать, бороться, падать или возвышаться? Можетъ быть только что прошедшая мимо васъ дѣвушка окончательно впала въ отчаяніе отъ того, что ее бросили, насмѣялись надъ нею, и вотъ она идетъ, судорожно посмѣиваясь и поводя глазами, а сама начинаетъ помышлять о глубокой, холодной рѣкѣ, какъ о единственномъ спасеніи отъ невыносимаго страданія. Можетъ быть вотъ этотъ человѣкъ обдумываетъ теперь подробности того преступленія, отъ котораго вы содрогнетесь завтра, читая газетныя объявленія. А вотъ сейчасъ вы задѣли мимоходомъ скромную, невзрачную фигуру, послѣднюю изъ послѣднихъ на землѣ, — а передъ Богомъ она предстанетъ облеченная во всеоружіе святости и чистоты. И сколько ихъ, идущихъ мимо на добро и на зло — кто ихъ знаетъ, куда они идутъ? Бартонъ идетъ на добро, а въ сердцѣ его накипаетъ жолчь, горькая злоба противъ чужого блеска и счастья, которое онъ въ эту минуту приписываетъ только эгоизму.

Онъ нашолъ аптеку и поднялся на лѣстницу. Аптекарь, сладчайшій изъ смертныхъ, съ такими гладенькими и мягкими манерами,

какъ-будто онъ были также смазаны спермацетовой поммадой, внимательно выслушалъ бартоново описаніе болѣзни Девенпорта; онъ объявилъ, что это тифозная горячка, весьма распространенная на ту пору въ околоткѣ, и занялся приготовленіемъ лекарства — чего-то въ родѣ кремортарара, распущеннаго въ подслащенной водѣ и налитаго въ пузыречекъ, — что было бы довольно прилично слегка простудившейся дамѣ, но далеко не дѣйствительно противъ жестокой горячки, палившей несчастнаго работника. Аптекарь посоветовалъ поступать даѣе точно такъ, какъ уже Бартонъ и прежде рѣшилъ, то есть выхлопотать билетъ на помѣщеніе въ больницу. Но тѣмъ не менѣе Бартонъ вышелъ изъ аптеки нѣсколько успокоенный и съ твердою вѣрой въ дѣйствительность полученнаго лекарства; если человѣкъ изъ этого сословія вѣрить въ медицину, то уже вѣрять безусловно.

Между тѣмъ Вильсонъ сдѣлалъ все, что могъ въ жилищѣ Девенпорта: онъ успокоивалъ и укрывалъ больного, кормилъ и баюкалъ дитя, ласково говорилъ съ матерью, которая все еще лежала на полу, слабая, усталая и безучастная.

Онъ попытался растворить еще одну дверь, но тотчасъ же хлопнулъ ее: тамъ былъ настоящій погребъ или чуланъ съ рѣшеткою на верху вмѣсто окна, и черезъ эту рѣшетку стекала туда всякая нечистота изъ свинныхъ хлѣвковъ со двора. Чуланъ былъ даже немощенный и весь полъ его представлялъ одну влажную массу гниющей, вонючей грязи. Безъ сомнѣнія, онъ никогда не былъ употребляемъ, потому что тамъ не было никакой мебели, да и невозможно было прожить тамъ ни человѣку, ни животному. А между тѣмъ «задняя горница» увеличивала цѣну квартиры, и Девенпорты платили тремя пенсами въ недѣлю дороже, за то что у нихъ считалось двѣ комнаты. Обернувшись, Вильсонъ увидѣлъ, что ребенокъ сосалъ изсохшую грудь матери.

— Неужели мальчикъ вашъ еще не отнять отъ груди? спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Да который ему годъ?

— Другой годъ въ исходѣ, отвѣчала она слабымъ голосомъ. — Да что же дѣлать, вѣдь онъ покойнѣе когда сосеть, а больше мнѣ ему дать нечего; тутъ онъ и заснетъ иногда; вѣдь кормить его нечѣмъ, мы всячески старались приберегать ѣду для ребятъ, да и у самихъ-то давно нѣтъ.

— А изъ думы вамъ не давали денегъ?

— Нѣтъ; коваинъ мой родомъ изъ Бежингемшера; онъ побоялся явиться въ контору, чтобы не выслали его обратно въ свой приходъ; такъ мы все и терпѣли, надѣялись дожидаться лучшаго. Только сдается мнѣ, что не видать мнѣ лучшаго на своемъ вѣку. — И бѣднѣйка начала опять всхлипать.

— Вотъ вамъ еще каши, поѣшьте, а тамъ усните съ Беломъ. Мы съ Джономъ посидимъ ночь около вашего мужа,

— Спаси васъ Господи за все это!

Она доѣла кашу и заснула какъ убитая. Вильсонъ упрямъ ее все какъ своимъ сюртукомъ, и бережно ходилъ вокругъ, изъ страха не тревожить ея сонъ; но напрасно онъ боялся, сонъ ея былъ глубокъ и крѣпокъ отъ истощенія. Одинъ разъ только она привстада и те, чтобы закутать малютку фалдою сюртука.

Заботливое усердіе Вильсона и Бартона было не лишнее для присмотра за горячешнымъ Девенпортомъ. Несчастный вскакивалъ, кричалъ, и по видимому мучился какимъ-то страшнымъ безпокойствомъ, смятеніемъ. Онъ произносилъ проклятія и ругательства, что особенно изумляло Вильсона, знавшаго его истинное благочестіе и никогда въ жизни не слыхавшаго такого ужаснаго бреда. Наконецъ онъ истомился и уснулъ. Бартонъ и Вильсонъ подвинулись къ огню и разговаривали шопотомъ. Они сидѣли на полу, потому что ни стула, ни скамьи не было. Въмѣсто стола служила старая кадлушка или шайка опрокинутая вверхъ дномъ; они затушили свѣчу и бесѣдовали при свѣтѣ рдѣющихъ угольевъ.

— Давно ты знаешь этого малаго? спросилъ Бартонъ.

— Уже больше трехъ лѣтъ. Онъ все это время работалъ у Карсона на фабрикѣ и всегда былъ добрый работникъ и очень обходительный человекъ, хотя поправдѣ сказать больно уже на методиста смахивалъ. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукою письма, которое онъ написалъ къ своей женѣ недѣли двѣ тому назадъ, когда бился какъ рыба объ ледъ, ища работы. Я читалъ, и просто сердцу утѣшеніе было это письмо. Видишь ли, я самъ тогда все ворчалъ да ропталъ, негодуя на то, что принужденъ поѣдать хлѣбъ своего Джемса, да еще и другихъ кормить кровавымъ трудомъ его. Самъ-то ничего не могу заработать, а вѣсть-пить все-таки прошу. Ну, такъ я и ропталъ; а она (онъ кивнулъ головою въ ту сторону гдѣ лежала спящая женщина) принесла ко мнѣ письмо отъ Бена, потому что сама читать не умѣетъ; и во всемъ письмѣ ни одной жалобы не было, словно священное писаніе: все только говорится о томъ, что Богъ отецъ

дѣлать и что мы должны терпѣливо сносить все, что онъ посылаетъ намъ.

— Можеть, ты думаешь, что онъ и хозяевамъ нашимъ Отцацъ? Ну признаюсь, не хотѣлъ бы я считаться ихъ братцомъ.

— И-и, Джонъ! Не говори такъ: вѣрно быдаетъ на свѣтъ много хорошихъ хозяевъ, даже и гораздо лучше насъ съ тобою.

— Ну-ка докажи. Объясни, пожалуйста, отчего напримѣръ они такіе богатые, а мы такіе бѣдняки? Я желалъ бы знать это. Такъ ли они поступаютъ съ нами, какъ мы бы поступили съ нами, въ противномъ случаѣ?

Но Вильсонъ былъ отнюдь не ораторъ — на рѣчьность, какъ онъ самъ выражался. А Бартонъ, видя, что вся сила краснорѣчія на его сторонѣ, продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Ты скажешь (это вѣдь многіе гворятъ), что у нихъ капиталы, а у насъ нѣтъ. А чѣмъ же нашъ трудъ не капиталъ? Отчего мы не получаемъ съ него никакикъ барышей? Они, небось, постоянно берутъ барыши съ своихъ капиталовъ, а нашъ-то лежитъ да лежитъ; иначе какъ же могли бы они жить такъ, какъ имъ живется? Да дромъ того, тутъ не въ капиталѣ дѣло: иные начинаютъ и вовсе безъ него, какъ напримѣръ Карсонсъ, и Дункомъ, и Менчмъ и мало ли еще кто, что пришли въ Манчестеръ въ одномъ сюртучникѣ на спинѣ и гроша не имѣли за душою, а теперь какими тысячами ворочаютъ? Вѣдь это все наша работа! Да чего? клочокъ земли, стоявшій двадцать лѣтъ назадъ какикъ нибудь шестьдесятъ фунтовъ, теперь стоить шестьсотъ, и это тоже по нашей милости. А посмотри-ка на меня, да на себя, или вонъ на Девенпортъ: намъ отъ этого какая вышла пожива? Они гнутъ насъ въ дугу, выжимаютъ изъ насъ свои огромныя богатства, строятъ свои громадные дома, а мы... Да мы просто съ голоду иремъ. И ты скажешь, что все это ничего?

— Оно такъ, Бартонъ, съ тобой не сговоришь. А вонъ Карсонсъ сказывалъ мнѣ послѣ пожара: «мнѣ», говорить, «теперь придется экономить и каждую копѣйку вычитывать, пока идутъ тяжолыя времена, права такъ». Стало быть, видишь ли, и хозяева терпятъ отъ этого.

— А видано ли у нихъ, чтобы ребенокъ ихъ умиралъ съ голоду? пресговарилъ Бартонъ тихимъ, глухимъ голосомъ. Я не о себѣ говорю, продолжалъ онъ, обо мнѣ говорить не стоить, я и не думаю. Но вѣкъ посмотришь, какъ Девенпортъ и другіе ему подобные ирутъ,

да мрутъ отъ настоящаго голода, такъ вѣдь не вытерпишь. У меня всего одна Мери осталась, да ей еще не дурно, она сама себя едержитъ. Квартиру-то мы можетъ быть принуждены будемъ есть. Но и то ничего.

Въ такихъ разговорахъ прошла ночь, долгая, тяжолая ночь. По-видимому Девенпортъ былъ все въ томъ же положеніи, хотя сим-томы болѣзни нѣсколько измѣнились. Жена его все также крѣпко спала, изрѣдка лишь просыпаясь на крикъ ребенка, который оди-нъ способенъ былъ разбудить ее, тогда какъ всякій другой, сильнѣйшій шумъ казалось не имѣлъ на нее никакого дѣйствія. Пріятели по-рѣшили, что какъ только настанетъ часъ, въ который мистеръ Кар-сонсъ по вѣроятности встанетъ съ постели, Вильсонъ пойдетъ къ нему просить билета въ больницу. Наконецъ сѣрое утро проникло даже и въ мрачный подвалъ. Девенпортъ спалъ, Бартонъ согласился оставаться тутъ до возвращенія Вильсона; Вильсонъ вышелъ на воздухъ и, съ наслажденіемъ дохнувъ этою сравнительно свѣжею и живительной атмосферой, отправился къ мистеру Карсонсу.

Домъ мистера Карсонса отстоялъ мили на двѣ отъ квартиры Де-венпорта, и помѣщаясь почти на выѣздѣ изъ города. Улицы въ этотъ часъ были еще малолюдны и не оживлены. Магазинычки лѣнливо открывали ставни, хотя было уже восемь часовъ утра; но при те-перешнемъ состояніи торговли, день былъ еще довольно длиненъ для закупокъ въ магазинахъ этой части города. Нѣсколько оборван-ныхъ женщинъ отправлялись просить милостыню; но вообще на улицѣ было еще немного народу.

Домъ Карсонса былъ очень хорошъ и отдѣлывали его, какъ видно, не жалѣя издержекъ; впрочемъ, онъ отличался не только великолѣ-піемъ, но также изяществомъ, и комнаты наполнены были украше-ніями самаго лучшаго вкуса. Проходя мимо окна, раствореннаго на-стежь убиравшею служанкою, Вильсонъ увидѣлъ внутри картины и позолоту, и очень захотѣлось ему рассмотреть ихъ подробнѣе; но онъ подумалъ, что это не почтительно и поспѣшно прошолъ на кухню. Слуги повидимому сильно хлопотали о барскомъ завтракѣ; однакоже довольно добродушно, хотя не очень внимательно, пригласили Виль-сона войти и подождать, общая вскорѣ доложить о немъ мистеру Карсонсу. Онъ вошелъ въ просторную кухню, увѣшанную блестя-щей металлической посудой; на очагѣ трещалъ яркій, веселый огонь, а по стѣнамъ торчала разная диковинная посуда, о назначе-ніи и употребленіи которой Вильсонъ терялся въ догадкахъ. Между

тѣмъ слуги съетились ; вошелъ за приказомъ кучеръ и сѣлъ около Вильсона. Кухарка жарила бифштексъ, помощница ея варила яйца и дѣлала сухарики съ масломъ. На плитѣ кипѣлъ кофе, и по всей кухнѣ разливался такой аппетитный запахъ всякихъ кушаньевъ, что Вильсона пронялъ голодъ : онъ вовсе не ѣлъ со вчерашняго обѣда. Если бы слуги знали это, безъ сомнѣнія они бы охотно накормили его ; но въ томъ-то и дѣло, что они были не лучше насъ съ вами и будучи сами сыты по горло, совершенно забыли, что могутъ быть голодные люди. Вильсонъ проголодался до тошноты и головокруженія, пока-жѣсть слуги болтали между собою, дѣлая по обыкновенію всякія вольныя замѣчанія насчетъ господъ.

— Поздно вы вчера вернулись, Томасъ ?

— Да, мнѣ таки порядкомъ надоѣло дожидаться. Велѣли пріѣзжать за ними въ двѣнадцать часовъ, я и пріѣхалъ ; а они только въ два часа меня кликнули.

— И вы все время ждали на улицѣ ? спросила дѣвушка, убиравшая комнату, но очевидно покончившая свои дѣла наверху, потому что пришла на кухню посплетничать.

— Какъ бы не такъ ! Не таковскій я дуракъ, чтобы понапрасну простужаться на вѣтру, да и лошадей морозить. Нѣтъ ! я отвелъ лошадей въ стойла, на подворье « Крыластаго Орла », а самъ вошелъ и выпилъ пуншику у камина. Сами господа пріучаютъ такъ кучеровъ, съ своимъ долгимъ жданьемъ. Насъ тамъ человекъ пять собралось, и мы таки погрѣлись, довольно выпили и элю и джину.

— Ахъ, батюшки мои, да вы совсѣмъ съ кругу сопьетесь, Томасъ !

— Коли сопьюсь, такъ знаю, кому попенять за это. Все барыня же виновата ! Вѣдь я живой человекъ, не стану же я сидѣть всю ночь на козлахъ, да ждать, когда ей угодно выйдти. Она небось и сама-то не знаетъ, чего ей угодно !

Другая служанка, не то горничная, не то посыльная, сбѣжала съ верху съ приказаніями отъ барыни.

— Томасъ, поѣзжайте верхомъ въ рыбный садокъ, скажите купцу, что барыня больше полкроны не дастъ за фунтъ лососины ко вторнику. Она все ѡхаетъ, что дѣла плохи. Карету подайте къ тремъ часамъ, Томасъ, поѣдутъ на лекцію, въ королевскую залу, знаете ?

— Знаю, знаю.

— И всѣмъ вамъ совѣтую держать ухо востро, сегодня она больно насмурна. Голова болитъ, кажется.

— Вотъ жалость—то, что не случилось на ту пору миссъ Дженкинсъ! Господи твоя воля! Ужь какъ же онѣ поспорили бы съ барыней о томъ, у кого голова болитъ сильнѣе. Вѣдь за это миссъ Дженкинсъ и ѣздить перестала: не хотѣла уступить своей боли, а барыня обижается, зачѣмъ кто нибудь жалуется на голову пуще ея.

— Барыня будетъ завтракать у себя въ спальнѣ: подайте ей холодную куропатку, что вчера осталась, да положите побольше сливокъ въ кофе; да еще она говорить, что оставалась булка, такъ намажьте ее хорошенько.

Съ этими словами горничная убѣжала изъ кухни на верхъ, въ ожиданіи колокольчика барышень, которыя еще неизвѣстно когда встанутъ, потому что на канунъ поздно вернулись съ бала.

Въ богато убранной бібліотекѣ, у роскошно сервированнаго стола, сидѣли за завтракомъ господа Карсонъ, отецъ и сынъ. Оба читали, отецъ газету, сынъ обзорніе,—и лѣниво предавались привычному наслажденію вкусно поѣсть. Отецъ былъ старый джентельменъ очень приличной и пріятной наружности, быть можетъ нѣсколько грубоватой, но не очень. Сынъ былъ поразительно хороши собой и былъ въ этомъ совершенно увѣренъ. Платье его было отлично сшито и хорошо сидѣло на немъ; приемы обличали гораздо болѣе настоящаго джентльменства, нежели у отца. Онъ былъ единственный сынъ; сестры гордились имъ и были очень довольны; отецъ и мать тоже гордились и были имъ довольны; странно было бы ему одному противорѣчить мнѣніямъ всего семейства: онъ также гордился и былъ очень доволенъ собой.

Дверь отворилась и въ припрыжку вбѣжала Эми, миленькая меньшая сестра, хорошенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, веселая, свѣжая и румяная какъ роза. Она еще была слишкомъ молода для вечернихъ выѣздовъ и отецъ очень этому радовался, потому что маленькая Эми своими милыми шутками, соловьиными пѣснями и игривыми ласками наполняла для него цѣлые длинные вечера, которые могли бы проходить и въ совершенномъ одиночествѣ; притомъ же Эми вовсе не такъ уставала какъ Софи и Елена, а потому никогда не отказывалась украшать своимъ присутствіемъ его ранній завтракъ.

Онъ охотно подчинился ея утреннему привѣтствію, терпѣливо поддался граду поцѣлуевъ, которыми она осыпала его грубое, красное лицо, и по ея требованію отложилъ въ сторону газету. Она отняла также «Обзорніе» у брата Гарри и не позволила читать.

— Я сегодня единственная дама за столомъ, папа, и потому вы должны оказывать мнѣ всякое уваженіе.

— Милочка моя, ты кажется всегда дѣлаешь все что хочешь, хотя бываешь и на единственной дамой.

— Да, папа, вы такъ довольно послушны и любезны, въ этомъ я должна отдать вамъ справедливость; но въ несчастію нельзя сказать этого о Гарри, онъ меня рѣшительно не слушается, такой гадкій! Такъ вѣдь, Гарри?

— Вотъ уже этого я не ожидалъ! Я думалъ, что заслуживаю всякой похвалы и поощренія, а ты бранишься. Да не я ли досталъ тебѣ ту португальскую воду, которой ты не могла добиться у Гюга? Ахъ ты, неблагодарный котенокъ.

— Досталъ! О милѣйшій Гарри, ты еще милѣе португальской воды! Но все-таки не такъ милъ какъ папа, потому что помнишь, позабылъ взять отъ Битленда розу, ту новую розу, о которой публиковали на дняхъ.

— Нѣтъ, Эми, не забылъ. Я спрашивалъ и видѣлъ эту розу «безъ упрека»; но знаешь ли ты, маленькая госпожа мотовка, что самый маленький цвѣточекъ ея стоить полгиней?

— Вотъ еще! чтожъ такое? Папа купить мнѣ; вѣдь купите, папа? О, папа знаетъ, что его дѣвочка жить не можетъ безъ цвѣтовъ и духовъ!

Мистеръ Карсонъ попробовалъ отказать своей баловницѣ; но она такъ поставила на своемъ: стала ластиться и увѣрять, что вѣдь это для нея совершенно необходимо; что же такое жизнь, если не будетъ цвѣтовъ?

— Ну, такъ доводьтвуйся піонами и одуванчиками, Эми, сказалъ братъ,

— Ахъ, какой негодный! Развѣ это цвѣты? Да ты-то чѣмъ лучше меня, скажи на милость: кто это, мѣсяцъ тому назадъ, купилъ у Уетса букетъ ландышей, заплатилъ за него также полгиней, да еще ни за что на свѣтѣ не согласился отдать его бѣдненькой сестрѣ своей, хотя она на колѣняхъ вымрачивала букетъ? Ну, отвѣчай-ка!

— Насильно не заставишь, отвѣчалъ братъ, улыбаясь губами, между тѣмъ какъ въ глазахъ его свернула досада, и онъ сначала вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ отъ смущенія.

— Сэръ, доложилъ вошедшій лакей, внизу дожидается одинъ

изъ фабричныхъ работниковъ, онъ жаждетъ видѣть васъ; его зовутъ Вильсонъ.

— Сейчасъ выйду. Нѣтъ, постойте, приведите его сюда.

Эми выпрыгнула въ оранжерею, отдѣлившуюся отъ библіотеки одною только дверью. По уходѣ ея въ комнату вошелъ исхудалый, блѣдный, не мытый и не бритый ткачъ. Онъ всталъ у двери и по старой деревенской привычкѣ приглаживалъ себѣ волосы, нѣрвно взглядывая по сторонамъ и любясь убранствомъ комнаты.

— Здравствуйте, Вильсонъ, что тебѣ надо?

— Смѣю доложить, сэръ, Девенпортъ лежитъ въ горячкѣ, а я пришолъ спросить, нѣтъ ли у васъ для него билета въ больницу чернорабочихъ?

— Девенпортъ... Девенпортъ... кто это такой? Я не припомню.

— Онъ больше трехъ лѣтъ работалъ у васъ на фабрикѣ, сэръ.

— Очень можетъ быть, я вѣдь не знаю именъ всѣхъ моихъ работниковъ, это дѣло прикащика. Такъ онъ боленъ?

— Боленъ, сэръ, и очень плохо. Мы хотимъ положить его въ больницу, въ горячешное отдѣленіе.

— Такого билета у меня кажется нѣтъ; билеты для приходящихъ должны быть, вотъ я посмотрю и дамъ вамъ, если есть.

Онъ всталъ, отперъ конторку, порылся; подумалъ съ минуту и подаль Вильсону больничный билетъ для одного экстерна.

Между тѣмъ молодой Карсонъ прочелъ статью въ «Обозрѣніи» и началъ прислушиваться къ разговору. Онъ успѣшно кончилъ завтракъ, всталъ, вынулъ изъ кармана пять шиллинговъ и проходя мимо Вильсона сунулъ ему деньги въ руку, говоря «для этого бѣдняка». Онъ быстро ушелъ, спросилъ верховую лошадь, и весело прыгнувъ въ сѣдло, ускакалъ. Онъ боялся опоздать къ тому времени, когда хорошенькая Мери Бартонъ отправляется къ миссъ Симмондсъ, и торопился получить отъ нея обычную улыбку и ласковый взглядъ. Но въ это утро однакоже онъ съѣздилъ понапрасну.

Вильсонъ, уходя изъ дома, не зналъ, горевать ему или радоваться. Всѣ обошлись съ нимъ привѣтливо и, почему знать, можетъ быть вздумаютъ еще навѣдаться о Девенпортѣ и помогутъ его семейству. Къ тому же кухарка, отправивъ барскій завтракъ на верхъ, и слѣдовательно избавившись отъ своей главной заботы, замѣтила его блѣдность и худобу и при выходѣ его изъ кабинета подала ему хлѣба и говядины; Вильсонъ поѣлъ, а сытый желудокъ всякаго располагаетъ къ ожиданію лучшей будущности.

Войдя въ Берри-стригъ онъ уже пришолъ къ убѣжденію, что несетъ добрыя вѣсти для Девенпорта, и почти радовался. Но отвернувъ дверь въ подвалъ, онъ сразу упалъ духомъ, увидѣвъ Бартона и жену Девенпорта, наклонившимися къ больному, съ выраженіемъ печали и благоговѣйнаго ужаса на лицѣ.

— Подойди-ка, сказалъ Бартонъ; есть ли въ намъ перемѣна съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ?

Вильсонъ взглянулъ. Тѣло больного осунулось, черты заострились, окостѣли: все покрылось сыроватымъ, страшнымъ оттѣнкомъ смерти. Глаза, открытые и еще выражавшіе сознание, уже заволакивались какою-то мертвенною пленкой.

— Онъ проснулся тотчасъ послѣ твоего ухода, и началъ что-то бормотать и стонать; потомъ снова забылся и мы не видали, когда онъ опять открылъ глаза; но онъ позвалъ жену. Она подошла, а уже онъ ничего не можетъ сказать ей.

Всего вѣроятнѣе, какъ и всѣ они видѣли, Девенпортъ не могъ уже говорить отъ слабости. Они стояли вокругъ, тихо и безмолвно; даже жена удерживала рыданія, хотя сердце ея разрывалось на части. Она прижимала къ себѣ младенца, стараясь уговорить его. Всѣ глаза устремились на больного, который еще жилъ, но такъ быстро отживалъ послѣднія минуты. Наконецъ, судорожнымъ, усиленнымъ движеніемъ онъ всплеснулъ руками на молитву и зашевелилъ губами; всѣ прислушивались: но слова выходили почти беззвучно, тяжелыми, прерывистыми вздохами.

— О Господи, Боже мой!.. Благодарю тебя—тяжолая жизнь—уходить...

— О Бенъ, Бенъ! зарыдала жена, подумай обо мнѣ, Бенъ... Бенъ! скажи мнѣ хоть словечко на остальную жизнь мою!

Онъ уже не могъ говорить. Труба архангела развяжетъ ему языкъ въ послѣдній день; но до тѣхъ поръ онъ не произнесетъ ни слова. Однакоже онъ еще слышалъ и понималъ все, что происходило вокругъ, и хотя зрѣніе ему измѣнилось, онъ тоскливо искалъ чего-то рукою. Они поняли и положили его руку на ея голову, лежавшую около него на соломѣ, когда она упала на полъ подъ бременемъ своего безвыходнаго отчаянія. Рука нѣжно прижала голову: лицо его просвѣтлѣло и сдѣлалось невыразимо прекрасно. Небесное спокойствіе разлилось по всѣмъ его чертамъ. Рука замерла и отяжелѣла на головѣ распростертой жены. Страданія и печали для него кончились.

Друзья благоговѣнно выжили тѣло; Вильсонъ обвѣгалъ за своею единственною перемѣнною рубашкой и выдалъ ее на покойника. Жена все еще лежала ничкомъ, прижавъ къ лохмотьямъ въ тупомъ отчаяніи.

Послышался стукъ въ дверь; Бартонъ пошелъ отворить. То была Мери, которая черезъ сосѣдку узнала гдѣ отецъ, и рано вышла изъ дому, чтобы повидаться съ нимъ передъ отправленіемъ къ миссъ Симмондсъ; но нѣкоторыя порученія хозяйки по швейной части задержали ее и она только теперь добралась до жилища Девенпортъ.

— Войди, дочка! сказалъ Бартонъ, попробуй сказать слово утѣшенія той бѣдной, бѣдной женщинѣ, что стоитъ вонъ тамъ, на колыняхъ. Помоги ей какъ нибудь, Боже ее помилуй.

Мери рѣшительно не знала, что дѣлать и говорить; однакоже стала на колѣни около бѣдняжки, обвила рукою ее шею и черезъ минуту сама такъ горько, такъ искренно зарыдала, что и у бѣдной вдовы полились наконецъ обильныя слезы, облегчившія наболѣвшее ея сердце.

А Мери, Мери забыла и о предполагаемой встрѣчѣ съ своимъ наряднымъ обожателемъ, и о порученіяхъ миссъ Симмондсъ, и огнѣвъ ея въ случаѣ запозданія, все забыла въ эту минуту сердечнаго стремленія какъ нибудь утѣшить одинокую, безпомощную вдову. Никогда еще ея хорошенькое личико не сіяло такою ангельскою прелестью, никогда пріятный голосъ ея не звучалъ такъ мелодично, какъ въ этотъ часъ, когда прерывающимся голосомъ она шептала свои утѣшенія.

— О, не плачьте такъ, милая мистрисъ Девенпортъ, пожалуйста не убивайтесь. Вѣрно онъ отошелъ туда, гдѣ уже нѣтъ ему больше ни заботъ, ни печалей. Да, я знаю, какъ вы теперь одиноки и сиротливы, но подумайте о дѣтяхъ... О, мы все будемъ работать, чтобы прокормить ихъ. Вспомните только, какъ бы онъ огорчился, видя ваше отчаяніе. Не плачьте же, сдѣлайте милость.

Къ концу этого увѣщанія Мери плакала также неудержимо, какъ сама вдова.

Рѣшено было, что похоронять Девенпорта на счетъ цеха; онъ постоянно вносилъ известную сумму въ одинъ изъ похоронныхъ клубовъ, но въ послѣднее время пропустилъ нѣсколько недѣль и потому, хотя сохранялъ еще право на общественное погребеніе, но уже лишился права на единовременное пособіе семейству.

Не согласится ли мистрисъ Девенпортъ съ малюткою идти теперь къ Мери? Мери просіяла отъ этого плана; но нѣтъ! Видная

женщина не хотѣла отойти отъ тѣла любимаго мужа, ничѣмъ не могли оторвать ее оттуда. И такъ; окруживъ ее нѣкоторыми удобствами, на сколько позволяли скудные средства друзей, и попросивъ одну изъ сосѣдокъ нагѣдывать къ ней извѣдка, несчастную вдову оставили наединѣ съ покойникомъ. У кого была работа, тотъ пошелъ работать, а тотъ, кому было дѣлать нечего, взялся хлопотать о погребеніи.

Мери досталась въ этотъ день порядочная головомойка отъ миссъ Симмондсъ, за разсыянность. Конечно, миссъ Симмондсъ, имѣла полное право горячиться, потомучто Мери цѣлое утро не являлась съ тѣми прикунѣями киселъ и лентъ, которыя необходимы были на платьѣ къ этому самому вечеру; но правда и то, что головка Мери занялась очень важными вопросами. Она все раздумывала и примѣривала, какъ бы вычистить свое старое черное платье (надѣвавшееся въ нарядѣ во время траура по матери), и какъ бы его перевернуть и наставить въ длину, чтобы оно пригодилось для траурной одежды вдовѣ Девенпортъ. Вечеромъ, въ наказаніе за утреннюю оплошность, она поздно засидѣлась въ магазинѣ. Но какъ только воротилась домой, тотчасъ принялась за работу, и такъ увлеклась ею, такъ была довольна, что не разъ безсознательно запѣвала веселыя пѣсенки; но тутъ же и останавливалась, чувствуя неприличіе подобной музыки за такой работой.

И такъ, въ день похоронъ мистрисъ Девенпортъ имѣла удовольствіе — да, удовольствіе среди горькихъ и тоскливыхъ ея ощущеній — надѣть чистенькій трауръ. Она вела за руки двухъ старшихъ сыновей, а слѣдомъ за нею шли Вильсонъ и Бартонъ; вся процессія шла пѣшкомъ и не было въ ней ничего поразительнаго; но по моему простая обстановка эта несравненно болѣе шла къ сущности дѣла, нежели великолѣпные балдахины съ кивающими перьями, составляющіе необходимую принадлежность «порядочныхъ» похоронъ. Все было тихо и прилично, и смиренно шла за гробомъ та, которая рѣшилась изъ любви къ отшедшему кротко перенести свое горе. Единственный эпизодъ, разстроившій гармонию этого происшествія, относился уже болѣе къ живымъ и счастливымъ, нежели къ мертвымъ или горюющимъ по нимъ. Дойдя до кладбища процессія остановилась передъ красивымъ памятникомъ: это было-ничто, иное, какъ деревянное подражаніе мрамору, временная отмѣтка выкопаной могилы; памятникъ въ одну минуту сдвинули съ мѣста и открылась обширная яма, въ которую складывали гроба бѣдняковъ, до тѣхъ

портъ пока не наполнится она до глубины одного или двухъ футовъ отъ поверхности. Тогда сверху насыпаютъ земли и утаптываютъ накрѣпко, а деревянный мавзолей ставится надъ другою ямой, гдѣ опять исправляетъ ту же временную должность. (*)

Но не о томъ думали наши друзья, схоронившіе Бена Девенпорта.

ГЛАВА VII

-О, сколько кроется надежды и любви
Въ таинственныхъ изгибахъ душъ убогихъ!
И какъ отчаянно отстаиваемъ мы
Свои права на милыя намъ лица,
На существа безмѣрно-дорогія,
Когда придетъ безжалостная смерть
И тѣ сокровища, изъ нашихъ рукъ дрожащихъ,
Костлявыми руками вырываетъ....-

-Близнецы-.

Тифоидная горячка шутить не любитъ и какъ хищный коршунъ ищетъ жестокой добычи.

Вдова Девенпортъ потребовала обратно своихъ дѣтей; сосѣди, какъ настоящіе добрые самаритяне, уплатили за нее кой какіе долги и сколотили ей нѣсколько шиллинговъ на первыя нужды. Она рѣшилась перебраться изъ этого подвала въ другой, возбуждающій менѣе грустныхъ воспоминаній. Контора оказалась гораздо снисходительнѣе и человѣчнѣе нежели она ожидала: чиповники обратили вниманіе на ея прошеніе, вошли въ ея дѣло и, вмѣсто того чтобы, какъ она ожидала и боялась, выслать ее въ Стокъ-Клейполь, букингемскій приходъ ея мужа, начальство взяло на себя издержки за ея помѣщеніе. И такъ, ей оставалось теперь снискивать только пропитаніе на четыре души; да и то она рассчитывала на три, потомучто меньшого считала съ собою за одно и все еще кормила его грудью.

Она была тверда и мужественна, что высказалось вполне, какъ только двухъ-недѣльная здоровая пища достаточно подкрѣпила ея тѣло. Она брала къ себѣ на день чужихъ дѣтей для присмотра за ними; дѣти приносили съ собою свою провизію, а она для нихъ ва-

(*) Фактъ, подтвержденный личнымъ моимъ наблюденіемъ, на одномъ изъ манчестерскихъ кладбищъ. Быть можетъ это и не единственный въ своемъ родѣ.

рила и пекла, не поживившись ни одною крупницей этихъ священ-ныхъ для нея имуществъ. По вечерамъ, возвративъ дѣтей матерямъ, она садилась шить и готовила на продажу самыя простыя вещи, какъ-то карманы, передники, пеленки; а сама раздумывала, какъ-бы искуснѣе обмануть фабричнаго прикащика и увѣрить его, что ея здоровенному, высокому объѣдалъ Бену, больше тринадцати лѣтъ. Такъ устроились мало по малу ея дѣла, когда она узнала случайно и съ большимъ горемъ, что Вильсоновы близнецы заболѣли горячкою.

Они никогда не отличались здоровьемъ и подобно многимъ другимъ близнецамъ какъ-будто одну нормальную жизнь раздѣлили пополамъ. Одну жизнь, одну силу, и въ настоящемъ случаѣ почти можно сказать — одинъ разумъ: то были дѣти глупенькія, тихія, слабыя, но тѣмъ не менѣе страстно любимыя родителями и старшимъ братомъ, крѣпкимъ, дѣятельнымъ и мужественнымъ Джемсомъ. Они поздно дѣлали зубы, поздно начинали ходить, говорить, словомъ во всемъ запоздали, и въ тѣ лѣта, когда другія дѣти дерутся на улицѣ, пропадаютъ изъ дому и нерѣдко за нѣсколько миль отъ дому бѣгаютъ перехвачены полиціею, близнецы Вильсонъ находились еще подъ самую непосредственную опекою: ихъ кормили съ ложечки.

Впрочемъ настоящей нужды они еще никогда не испытывали: нѣжная любовь оберегала ихъ и обезпечивала всѣ ихъ потребности. Даже и въ этир удныя времена, когда одинъ Джемсъ содержалъ всю семью, да мать иногда кое-что зарабатывала поденщиною, близнецы ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

Нѣсколько дней уже они разбаливались и почти вовсе не ѣли; когда же наконецъ, въ одинъ ненастный вечеръ, оба разомъ слегли въ сильномъ жару и забытїи, сердца трехъ людей, наиболѣе имъ преданныхъ, живо почувяли, что не жильцы они на свѣтѣ; но другъ другу не сказали объ этомъ ни слова. Прошло около недѣли, пока вѣсть о болѣзни близнецовъ достигла Бартонова двора, на которомъ когда-то жилъ и Вильсонъ.

Алиса давно уже узнала о хвори племянниковъ и тогда-же, заперевъ на ключъ свой подвалъ, отправилась къ брату въ Энкотсъ; такъ какъ она нерѣдко пропадала такимъ образомъ, и всѣ сосѣди знали, что за нею иногда присылаютъ больные и недужные, то отсутствіе ея и въ этотъ разъ никого не удивляло.

Маргарита встрѣтила Джемса довольно долго спустя послѣ того, какъ заболѣли его братья, и отъ него узнала, что дѣлается у нихъ въ

домѣ. Она поздно вечеромъ зашла къ Мери и сказала ей объ этомъ. Мери слушала съ смущеннымъ сердцемъ и внутренно разсуждала, какая рѣзкая противоположность между этими горестными вѣстями и тѣми нѣжными, шутливыми рѣчами, которыхъ наслушалась она по дорогѣ домой. Она упрекнула себя за то, что такъ исключительно предается мечтамъ о своей счастливой будущности и давно уже не ходила къ мистриссъ Вильсонъ, подругѣ своей матери, ни въ воскресенье, ни въ другое свободное время. Въ одну минуту она собралась заглядить свою вину и поспѣшно попросивъ мимошедшую сосѣдку извѣстить отца о своемъ намѣреніи, скорымъ шагомъ направилась къ печальному жилищу.

Едва переводя духъ, она остановилась у двери Вильсона и, положивъ руку на замокъ, стала прислушиваться. Все было тихо. Она отворила дверь: въ старомъ висячемъ креслѣ сидѣла мистриссъ Вильсонъ, держа на рукахъ больного, умирающаго мальчика; она плакала горько, но такъ тихо и беззвучно, какъ-будто боялась потревожить звукомъ слабаго, тяжело-дышавшаго ребенка. За нею стояла Алиса: крупныя слезы ея быстро лились на мертвое тѣло другого близнеца, котораго она обмывала и одѣвала на доскѣ, положенной поперегъ дивана въ углу комнаты. Надъ живымъ еще мальчикомъ нагнулся отецъ и жаднымъ взглядомъ искалъ повода къ какой нибудь надеждѣ; но надежды не было. Мери тихо прошла къ Алисѣ.

— Бѣдный нашъ малютка! Господь рано призвалъ его, Мери.

Мери не могла выговорить ни слова. Да и что тутъ говорить? Дѣло было несравненно хуже того, что она ожидала. Наконецъ она рѣшилась шепнуть:

— Есть ли надежда сохранить хоть того?

Алиса покачала головою, взглядомъ выражая полную безнадежность. Потомъ стала подымать мертваго малютку, желая отнести его на верхъ въ обычную его постельку, въ спальню родителей. Но какъ ни пристально вглядывался отецъ въ лицо умирающаго, онъ видѣлъ и замѣчалъ все, что дѣлали съ умершимъ: тотчасъ всталъ и взявъ мертваго сына вмѣстѣ съ доскою на руки, бережно понесъ его на верхъ, какъ-будто все еще боялся разбудить его.

Оставшійся мальчикъ дышалъ все глубже, тяжелѣе и слышнѣе.

— Надо взять его отъ матери, сказала Алиса, — онъ не отойдетъ, пока она будетъ хотѣть его.

— Какъ хотѣть? спросила Мери.

— Какъ же, развѣ ты не знаешь, какъ это бываетъ? Никто не можетъ умереть на рукахъ того человѣка, который всей душой хочетъ удержать его на землѣ: душа живого не пускаетъ душу умирающаго, вотъ онъ и рвется, и мечется, а не можетъ оторваться отъ земли; надо взять его у матери, а не то ему слишкомъ трудно умирать, бѣдняжкѣ.

И Алиса безъ околичностей подошла къ невѣсткѣ и попросила сдать ей малютку. Но мать не выпустила его изъ рукъ, и поднявъ на Алису умоляющіе, полныя слезъ глаза, увѣряла ее шопотомъ, что не «хочетъ дитяти», и желала бы ему уже успокоиться. Алиса и Мери стояли молча и глядѣли на бѣднаго мальчика, который все мучительнѣе боролся со смертью и дышалъ прерывисто, тяжко. Наконецъ мать проговорила глухимъ и разбитымъ голосомъ:

— Можетъ и въ правду лучше бы ты его взяла, Алиса; кажется я сердцемъ—то все время держу его; не могу же я разомъ отдать двухъ дѣтей... не хотѣть его всей душой!.. Ну, да что же ему мучиться изъ-за меня...

Она наклонилась и нѣжно — о! какъ страстно и нѣжно — поцѣловала сына; потомъ отдала его Алисѣ, которая приняла бережно дорогую ношу. Вскорѣ борьба кончилась и малютка спокойно испустилъ духъ.

Тогда мать громко, отчаянно зарыдала. Стоны и вопли ея разслышались мужъ и сошолъ тотчасъ, пытаясь набогѣвшимъ сердцемъ своимъ успокоить ея страждущее сердце. Алиса опять начала оправдывать покойника, а Мери съ благоговѣйнымъ страхомъ помогада ей. Потомъ отецъ и мать понесли его на верхъ и подожили рядомъ съ мирно отшедшимъ братомъ.

Мери и Алиса подвинулись къ огню и долго оставались въ грустномъ безмолвіи. Алиса проговорила наконецъ:

— Плохо же встрѣтимъ мы бѣднаго о Джемса, когдаонъ воротится домой.

— А гдѣ онъ? спросила Мери.

— На заводѣ, работаетъ сверхъ-счетные часы. У нихъ тамъ большіе заказы поступили изъ чужихъ краевъ, машины дѣлаютъ. Сама знаешь, Джемму отъ работы отказаться невозможно, хоть бы у него сердце разрывалось съ заботы о бѣдныхъ братишкахъ.

Опять настало молчаніе и опять Алиса прервала его первая:

— Мнѣ иногда кажется, что Господь рѣшительно не любитъ, чтобы мы загадывали впередъ. Какъ только случится мнѣ чтонибудь рѣ-

шить въ будущемъ, такъ непременно Богъ пошлетъ такое, что перевернетъ всѣ мои планы; точно хочеть сказать: оставь будущее въ рукахъ моихъ. Передъ святками я спала и думала съѣздить домой, такъ хотѣлось, такъ хотѣлось, что просто о томъ только и думала. Да вѣдь я тебѣ сказывала объ этомъ. Вотъ, къ Покрову приѣзжаетъ въ Манчестеръ одна дѣвушка съ моей родины, изъ-за Бертонна, опредѣлится здѣсь къ мѣсту. Выбрала она воскресный день и приходитъ ко мнѣ, говорить, что одна изъ моихъ родственницъ поручила ей отыскать меня и сказать, что они очень бы были рады взять меня къ себѣ, для присмотра за дѣтьми, потомучто ферму они сняли большую и очень имъ много дѣла за скотомъ. Такъ я сколько зимнихъ ночей напролетъ продумала, прогадала, какъ Богъ дастъ лѣта дождемся, и распрощаюсь я съ Джоржемъ и съ невѣсткою и уѣду наконецъ домой. Не думала я тогда, какъ покараетъ меня Господь за то, что не Ему предоставила я распорядиться своей судьбою, тогда какъ Онъ, Создатель мой, сохранилъ меня живою и здоровою до сего дня. Джоржъ безъ работы, и горюетъ такъ, что изъ рукъ вонъ. Надо было то и дѣло угѣшать да уговаривать его, даже и до этого послѣдняго горя. А теперь-то ужъ Господь кажется ясно мнѣ указываетъ, гдѣ мое мѣсто; — коли Джоржъ и Джени могутъ сказать «да будетъ воля Его», то мнѣ и подавно больше сказать нечего.

Съ этими словами она стала убирать комнату, тщательно устраняя всякое напоминаніе о болѣзни; поправила огонь, приготовила котелокъ воды для чаю бѣдной невѣсткѣ, которой тихіе вопли и рыданія иногда доходили до ея слуха.

Мери во всемъ помогала Алисъ и обѣ были заняты такими дѣлами, когда дверь тихо отворилась и Джемсъ, запыленный, испачканный вечернею работой, въ грязномъ передникѣ вошелъ въ комнату. Во всякое другое время онъ очень бы сконфузился, еслибы Мери застала его въ такомъ уборѣ. Но теперь онъ едва замѣтилъ ее и прямо подойдя къ Алисъ спросилъ, каково мальчикамъ. Въ полдень имъ было нѣсколько легче, такъ что Джемсъ во весь остальной трудовой день свой надѣялся, что они поправятся. Впродолженіе получасового отдыха, опредѣленнаго на заводѣ для вечерняго чая рабочимъ, онъ таки сбѣгалъ купить пару апельсиновъ, которые отдували теперъ его жилетные карманы.

Онъ не понялъ выразительнаго жеста тетки, ея обильныхъ слезъ, и просилъ ее поскорѣе говорить.

— Обоихъ нѣтъ! проговорила она.

— Умерли? ! —

— Да, бѣдняжечки. Съ двухъ часовъ имъ стало хуже и сначала Джой скончался, спокойно и тихо какъ овечка; а тамъ Вилль, ужь потяжелѣе.

— Оба! —

— Да, голубчикъ, оба. Господь спасъ ихъ отъ какого-нибудь большого бѣдствія; иначе Онъ взялъ бы хоть одного, а не двухъ. Это-то ужь вѣрно.

Джемсъ пошолъ къ шкапу и спокойно выложилъ изъ кармана свои апельсины. Но долго онъ стоялъ на мѣстѣ не оборачиваясь и наконецъ мощная фигура его дрогнула отъ внутренней муки. Женщины испугались, какъ всегда пугаются женщины при видѣ непреодолимой печали сильнаго мужчины, и снова расплакались вмѣстѣ съ нимъ. Сердце Мери смягчилось глядя на горе бѣднаго Джемса, она тихо подошла къ нему: онъ не оборачивался. Тогда она дотронулась до его руки и произнесла: «О, Джемсъ, ради Бога не плачьте такъ! Я не могу этого вынести...»

Джемсъ почувствовалъ странный приливъ радости къ сердцу и зналъ, какъ полно могла бы она утѣшить его. Онъ не сказалъ ни слова, боясь звукомъ или движеніемъ прервать блаженство этой минуты, когда милая рука ея однимъ прикосновеніемъ разлила томительное волненіе по его членамъ, а мелодическій голосъ шепталъ ему нѣжныя рѣчи. Да, быть можетъ это очень дурно, и онъ самъ сильно презиралъ себя зато; но не смотря на все горе, на всю печаль, которыя его окружали, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, блаженнымъ отъ кроткихъ увѣщаній Мери.

— Перестаньте, Джемсъ, пожалуйста перестаньте! заговорила она опять, принимая его молчаніе за новое выраженіе горести.

Онъ не удержался: крѣпкою, хотя дрожащей рукой схватилъ ее за руку и произнесъ такимъ голосомъ, отъ котораго она тотчасъ измѣнилась въ лицѣ:

— Мери, я почти ненавижу себя за то, что за всю свою прошлую жизнь не отдалъ бы этой минуты — той самой минуты, когда братья лежатъ на столѣ, а мать и отецъ въ такомъ отчаяньѣ... Да, Мери (она старалась отнять у него руку), да! вы знаете, отчего я такъ счастливъ!

Мери знала; это-то правда, что знала. Но когда онъ заглянулъ ей въ лицо, желая встрѣтить милый взглядъ ея, лицо это выражало не-

сомнѣнную досаду, почти негодованіе и такой испугъ, что можно бы было принять его даже за отвращеніе.

Онъ быстро выпустилъ ея руку и она отошла къ Алисъ.

— О, какъ глупо — нѣтъ, какъ низко было съ моей стороны говорить ей о любви въ такой скорбный часъ; не удивительно, что она отвернулась отъ такого себялюбиваго негодя какъ я! подумалъ Джемсъ. И чтобы избавить ее отъ своего присутствія, отчасти и по естественному порыву участія, или даже изъ рѣшимости въ наказаніе себѣ раздѣлить вполнѣ печаль отца и матери и всѣ ихъ горькія ощущенія, онъ пошелъ навѣрхъ, въ комнату, гдѣ лежали покойники.

Мери машинально помогала Алисъ исполнять различныя обязанности и мелкія хозяйственныя дѣла, во всю остальную ночь; но Джемсъ не показывался. Онъ оставался наверху до тѣхъ поръ, пока тусклый разсвѣтъ началъ пробиваться въ окна и Мери безъ всякаго опасенія могла уже пуститься домой, по пустымъ и тихимъ улицамъ, чтобы немножко уснуть до рабочаго часа. Поручивъ Алисъ передать нѣсколько дружескихъ привѣтствій Джоржу и Джени Вильсонъ, она раздумывала, нужно ли сказать что-нибудь подобное на счетъ Джемса; но рѣшила, что лучше ничего такого не надо, и вышла изъ дома на ясный Божій свѣтъ, невольно сравнивая отрадное впечатлѣніе этого свѣжаго утра, съ унылымъ жилищемъ, которое только что оставила она и только что постигла смерть...

«...но для нихъ
Иная зоря наступила».

Мери легла въ постель не раздѣваясь; отъ того ли, или отъ слишкомъ яркаго свѣта въ окнахъ, или же отъ чрезвычайнаго волненія, но она долго не могла сомкнуть глазъ. Ей все припоминались слова и взглядъ Джемса; внутреннее содержаніе ихъ давно уже было ей извѣстно, но ей досадно было, зачѣмъ онъ такъ ясно выразилъ теперь свои чувства.

— Ахъ, Боже мой! думала она. Какъ бы я желала, чтобы онъ не принималъ вещи такъ серьезно. Чуть только скажешь ему ласковое слово, у него тотчасъ глаза загорятся и лицо вспыхнетъ. Какъ тутъ быть? Отецъ старинный другъ Джоржа Вильсона, и сами мы съ Джемсомъ съ дѣтства были товарищами. Не понимаю, что со мною дѣлается, но когда онъ грустенъ, мнѣ всегда хочется утѣшить его; вотъ и сегодня: совсѣмъ не мое дѣло было уговаривать его,

это слѣдовало сдѣлать теткѣ. И вовсе я имъ не дорожу, а когда говорю съ нимъ, выходитъ какъ-то такъ, что голосъ мой всегда слишкомъ ласковъ. Никакъ не могу съ этимъ справиться: когда примѣчаю за собою и остерегаюсь, то выходитъ черезъ-чуръ жестко и даже грубо; а когда говорю просто, то выходитъ слишкомъ нѣжно и мягко. А я почти что помолвлена за другого, и этотъ другой несравненно красивѣе Джемса; только лицо Джемса все-таки нравится мнѣ больше того. Что же дѣлать — такой уже вкусъ. Положимъ; но когда я буду мистриссъ Герри Карсонсъ, можетъ быть мнѣ удастся помочь Джемсу сдѣлать карьеру. Но будетъ ли онъ доволенъ этимъ? Онъ по временамъ бываетъ ужасно суровъ, это я вижу, и можетъ быть не захочетъ принять отъ меня никакой услуги, когда я буду принадлежать другому. Не хочу больше думать о немъ, да мучить себя. Рѣшительно не хочу.

Она перевернулась на другой бокъ и заснула. Во снѣ чудилось ей все то же, что такъ часто занимало ее на яву: снился ей тотъ день, когда она уѣзжаетъ изъ церкви въ своей каретѣ, свадебные колокола весело позваниваютъ; и заѣзжаетъ она за своимъ изумленнымъ отцомъ, и увозитъ его навсегда со стараго, бѣднаго двора, населеннаго поденщиками, и водворяетъ его въ великолѣпныхъ палатахъ, гдѣ у него будутъ и газеты, и памфлеты, и трубка, и вкусные обѣды каждый день — и даже цѣлый день.

Такія-то мечты занимали ея воображеніе и располагали ее къ къ Карсонсу, который отъ нечего дѣлать чуть не каждый день искалъ случая встрѣтить хорошенькую швею; въ первый разъ онъ ее видалъ въ какомъ-то магазинѣ, гдѣ сестры его очень долго выбирали покупки, и съ тѣхъ поръ непременно задумалъ отыскать ее и познакомиться; встрѣчая ее на улицѣ, онъ подходилъ къ ней весьма развязно, но обращался съ нею очень почтительно. Онъ былъ, или по крайней мѣрѣ воображалъ себя, безъ ума отъ маленькой швейки и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока ему удавалось ее встрѣтить. Въ послѣднее время встрѣчи эти уже вовсе не имѣли характера случайности. Особенно привлекательно въ Мери было соединеніе природнаго, практическаго и тонкаго ума, съ тѣми глупенькими, романическими понятіями, которыхъ набралась она между простодушными «дѣвицами» у миссъ Симмондсъ.

Да, Мери была очень честолюбива! Потому-то она и благоволила къ мистеру Карсонсу, что онъ джентльменъ, да еще богатый. Старая закваска, зароченная нѣкогда теткою Эсфирью, продолжала

бродить въ ея сердечкѣ и можетъ быть бродила тѣмъ сильнѣе, тѣмъ упорнѣе, чѣмъ сильнѣе выражалъ отецъ свое презрѣніе къ знати и богачамъ. Таковъ врожденный духъ противорѣчія во всѣхъ насъ, начиная съ праматери Еввы, что запрещенные плоды кажутся намъ слаще всѣхъ остальныхъ. И такъ, Мери жила и наслаждалась мечтою о томъ, какъ она въ одинъ прекрасный день сдѣлается леди и вступитъ въ сферу того изящнаго бездѣлья, которое прилично леди. Каждый разъ, какъ миссъ Симондсъ дѣлала ей выговоры и бранилась, она вполне утѣшалась мыслью, что придетъ же такой день, когда она подкатитъ въ каретѣ къ швейному магазину и закажетъ для себя платья своей вспылчивой, но въ сущности предоброй хозяйкѣ. Она съ удовольствіемъ слушала похвалы, расточаемыя двумъ старшимъ миссъ Карсонсъ, которыхъ единогласно признавали въ городѣ царицами баловъ, всевозможныхъ сборищъ и кавалькадъ; и думала Мери, что и ей суждено красоваться съ ними рядомъ, ѣздить и танцовать вмѣстѣ, въ качествѣ сестры. Но лучшія мечты ея, дѣйствительно трогательныя и законныя мечты, относились къ отцу; до нѣкоторой степени онѣ могли бы даже выкупить остальные тщеславныя грезы ея; она думала, какъ этого милаго, дорогого отца, удрученнаго заботами и печалями, суроваго и недюйма, окружить она всѣми удобствами жизни; ей и въ голову не приходило, чтобы онъ жилъ отъ нея отдѣльно, и мечтала она, какъ доставить ему всевозможный комфортъ, и такъ приучить къ нему, что онъ признаетъ наконецъ предельность богатства, примирится съ роскошью и станетъ благословлять свою знатную дочку. Всѣхъ, всѣхъ, кто хоть сколько нибудь оказалъ ей участія и ласки въ теперешнемъ ея состояніи, намѣревалась она со временемъ вознаградить сторицею.

Таковы были воздушныя замки, занимавшіе головку Мери, таковы были сладкія грезы, которыя суждено ей было впоследствии искупить столькими слезами.

А между тѣмъ слова ея, или лучше сказать выраженіе голоса, при произнесеніи словъ, запаали въ душу Джемса Вильсона. Каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ о нихъ и о томъ, какъ ея рука привѣтно покоилась на его рукѣ, сердце его начинало бить тревогу и все существо наполнялось сладкимъ томленіемъ. Мысль о ней постоянно примѣшивалась ко всѣмъ его мыслямъ, хотя глубоко и много горевалъ онъ о потерѣ братьевъ.

ГЛАВА VIII

- Не разрушай жестокою рукой
 Ихъ сладкихъ грезъ, горячихъ ихъ порывовъ :
 Хотябъ мечты восторженныхъ сердець
 Тебѣ могли безумными казаться,
 Не трогай ихъ, легкіи и береги :
 Они такъ много, долго пострадали !
 А опытъ трудно-прожитыхъ годовъ
 Быть можетъ замыселъ внушилъ имъ столь великій,
 Что онъ теоріямъ холоднымъ недоступенъ .

Недѣли три спустя, въ одинъ воскресный день, Джемсъ Вильсонъ отправился изъ дому съ рѣшительнымъ намѣреніемъ посѣтить Джона Бартона. Онъ былъ одѣтъ въ свое лучшее платье—разумѣется воскресное, и лицо его лоснилось отъ усиленнаго умыванія. Черные волосы десять разъ причесаны и перечесаны передъ домашнимъ зеркальцемъ, а въ петлицѣ сюртука красуется бѣлый нарциссъ, которому въ Ланкаширѣ даютъ граціозное названіе «милый Ненси». Онъ надѣялся, что цвѣтокъ привлечетъ вниманіе Мери, и заранѣе думалъ, съ какимъ наслажденіемъ приподнесетъ его ей.

Визитъ начался неудачно, потомучто Мери его увидѣла гораздо прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ домъ. Она сидѣла у коммода, слегка приотворивъ оконный ставень и украдкой поглядывая на прохожихъ ; а между тѣмъ передъ нею лежала открытая библія. Такимъ образомъ она высмотрѣла Джемса на улицѣ, видѣла, какъ встрѣтившійся ему пріятель съ чувствомъ пожалъ его руку и выразилъ на лицѣ соболѣзнованіе, и сама тотчасъ занялась приведеніемъ въ порядокъ своей фізіономіи. Джемсъ вошелъ и какъ-будто не примѣтивъ ея, прямо подошелъ къ отцу, который курилъ трубку у камина и читалъ старый номеръ «Сѣверной Звѣзды», доставшійся ему изъ сосѣдняго трактира.

Потомъ, какъ бы инстинктомъ чувствуя ея присутствіе, Джемсъ обернулся къ Мери. Она съ преувеличенною аккуратностью поправляла свой туалетъ и Джемсъ тотчасъ подумалъ, что это вовсе лишнее движеніе и ненужная аккуратность. Привѣтствіе ея было серьезно, но спокойно и дружелюбно; она покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и очень досадовала на это, а Джемсъ старался догадаться, отчего она краснѣетъ: отъ страха, гнѣва или любви?

Мнѣ кажется, что Мери сильно хитрила. Иначе зачѣмъ было бы ей притворяться, что она такъ усердно читаетъ библію и не слышитъ разговора, тогда какъ она прислушивалась къ каждому звуку, не исключая и глубокихъ вздоховъ, вырывавшихся изъ груди Джемса и производившихъ не малое смятеніе въ ея собственной груди. Наконецъ она взяла библію съ коммода и пошла съ нею на верхъ, какъ будто тутъ ей мѣшаютъ читать. Джемсу она едва сказала нѣсколько словъ, едва взглянула на него и вовсе не замѣтила его «милый Ненси», которая только и ждала малѣйшаго одобренія съ ея стороны, чтобы превратиться въ ея собственность! Онъ не зналъ — и хорошо еще, что не зналъ — что въ ея крошечной спальнѣ стояла бѣлая кружка съ букетомъ великолѣпныхъ весеннихъ розъ, наполнявшихъ всю комнатку своимъ превосходнымъ ароматомъ и алымъ оттѣнкомъ. То былъ подарокъ ея богатаго обожателя. А Джемсъ очутился глазъ на глазъ съ Джономъ Бартономъ и принужденъ былъ бесѣдовать съ нимъ, выслушивать его рѣчи и отвѣчать какъ можно болѣе въ по-падъ.

— Вотъ это дѣльная статейка въ «Звѣздѣ», такъ ужь дѣльная. Подлинно постояла за сокращеніе рабочихъ часовъ.

— Все насчетъ заработной платы? замѣтилъ Джемсъ.

— Ну да, на счетъ чего же еще? Дѣло въ томъ, что хозяйскимъ карманамъ отъ этого хуже не будетъ; говорилъ я тебя когда нибудь, что довелось мнѣ узнать отъ больничнаго лекаря, давно уже, много лѣтъ назадъ?

— Нѣтъ, сказалъ Джемсъ безучастно.

— Вотъ видишь ли, я былъ въ горячкѣ и лежалъ въ больницѣ; времена были плохія и тяжолыя, а въ больницѣ много было добрыхъ людей и съ нами обращались очень хорошо, пока мы были живы, — вотъ если кто умретъ — другое дѣло: тогда разрѣжутъ на кусочки и косточки на мѣстѣ не оставляютъ. Ну, такъ я началъ поправляться, но медленно и трудно, такъ что силы во мнѣ никакой не было. Одинъ и говоритъ мнѣ: «если вы умѣете писать, то можете оставаться у насъ еще недѣлю; лекарю нуженъ писарь: коли поможете ему справиться съ бумагами, такъ мы вамъ будемъ доставлять вдоволь всякой ѣды и питья и черезъ недѣлю вы вовсе окрѣпнете». Такъ мы и порѣшили дѣло. Принялся я за работу, сталъ писать да переписывать. Мнѣ письмо-то было не въ диковинку, но только у нихъ слова все такія странныя, вовсе не по нашему, такъ что мнѣ приходилось присматриваться къ каждой буквѣ, которая послѣ кото-

рой стоитъ и потомъ уже ставить въ строку — точь въ точь какъ пѣтухъ, что клюетъ по одному зернышку. Одно только меня тогда сильно поразило, и я тотчасъ рѣшился доложить объ этомъ лекарю. Чиселъ не помню — на числа у меня память всегда была слабая — а знаю одно, что въ большей части случаевъ, по спискамъ оказывалось, что болѣзни начинаются въ послѣдніе два рабочихъ часа, именно когда народъ устаетъ и не радѣетъ. Лекаръ сказалъ мнѣ, что это замѣчаніе совершенно справедливое и тогда же обѣщаль употребить его въ дѣло и обнародовать.

Джемсъ обдумывалъ поведеніе Мери; но такъ какъ Джонъ пересталъ говорить, и слѣдовательно требовался какой-нибудь отвѣтъ, то Джемсъ на всякій случай произнесъ:

— Совершенно справедливо.

— Разумѣется справедливо, любезный другъ, кто же не скажетъ, что мы изъ силъ выбиваемся! Да еще посмотри, что будетъ. Вотъ теперь начали въ книгахъ печатать, да клубы собирать. А скоро можетъ быть выйдетъ такая штука, какой рѣшительно никто не ожидаетъ. Въ этомъ будь благонадеженъ, Джемсъ.

Джемсъ и радъ бы быть благонадежнымъ, но положительно не ощущалъ ни малѣйшаго любопытства, по поводу обѣщанной штуки. Джонъ Бартонъ рѣшился пояснить свои замысловатые намеки.

— Не долго ужъ имъ притѣснять рабочій народъ, да гнуть его къ землѣ. Мы вѣдь тоже люди, довольно терпѣть и молчать, больше не вытерпишь. Если и вправду хозяева не въ состояніи помочь намъ, какъ утѣряютъ, то нечего дѣлать, обратимся по выше, тамъ поищемъ суда и расправы.

Джемсъ все еще не любопытствовалъ. Онъ потерялъ всякую надежду увидѣть Мери — очевидно она не желала этого; слѣдовательно ничего лучше не оставалось, какъ удалиться, чтобы на свободѣ о ней думать. Вслѣдствіе такого рѣшенія, Джемсъ пробормоталъ что-то такое, что по его мнѣнію должно было объяснить внезапное его исчезновеніе, и поспѣшно пожелавъ Бартону добраго вечера, оставилъ его курить или разсуждать о политикѣ по своему усмотрѣнію.

Уже три года сряду торговля шла очень плохо, задѣльная плата уменьшалась, а цѣны на съѣстные припасы росли неимоверно. Такая несоразмѣрность заработковъ рабочаго класса съ цѣнностью нищи произвела во многихъ мѣстахъ неисчислимыхъ бѣдствій и довела многихъ до голодной смерти. Цѣлыя семейства положительно

вымирали отъ голода. Не доставало только Данта для поэтического воспроизведенія ихъ страданій. Но едва ли и Дантова пера достало бы на изображеніе всѣхъ ужасныхъ мукъ, въ очію совершавшихся между бѣдными рабочими въ теченіе памятныхъ годовъ 1839, 1840 и 1841. Самые записные филантропы, изучавшіе терпѣливо всѣ обстоятельства этой нищеты, признавались въ невозможности добиться до настоящихъ ея источниковъ и объяснить ее удовлетворительно. Причины были до того сложны и запутаны, что разобрать начала не было никакихъ средствъ. Не удивительно, что при такомъ положеніи дѣлъ, между рабочими классами и высшими сословіями возникла сильная вражда въ это тяжкое время. Полнѣйшая, безвыходная нищета нѣкоторыхъ бѣдняковъ заставила ихъ думать, что всѣ ихъ соотечественники, какъ то: законодатели, чиновники, хозяева, фабриканты и даже духовенство, питаютъ къ нимъ личную вражду и сговорились между собою, чтобы довести ихъ до послѣдней степени униженія, зависимости и бѣдности. Это явленіе едва ли не самое печальное и не самое зловредное изъ всѣхъ, ознаменовавшихъ тяжолыя годы того бѣдственнаго времени. Не берусь описывать, до чего простиралась иногда эта нищета и эта ненависть въ стѣнахъ Манчестера: довольно сказать, что не смотря на всѣ ужасы, происходившіе тогда въ жилищахъ несчастныхъ, повидимому не нашлось человѣка, который бы провозгласилъ о нихъ обществу, потому что еслибы въ какомъ бы то ни было христіанскомъ городѣ извѣстны были такіе факты, не можетъ быть, чтобы люди зажиточные и счастливо-обставленные въ жизни не поспѣшили на помощь страдальцамъ.

Во многихъ случаяхъ несчастные сначала плакали, а потомъ проклинали. Мстительныя чувства ихъ выражались въ политическихъ сходкахъ самаго неумѣреннаго, самаго яростнаго свойства. Но если вспомнимъ, что они вытерпѣли, какъ страдали, насъ не могутъ ни поразить, ни возмутить буйныя ихъ рѣчи, жажда кровавой мести и жгучая ненависть. Вспомнимъ, что нѣкоторые родители по цѣлымъ недѣлямъ не раздвѣаясь просиживали ночи у камина, затѣмъ чтобы предоставить единственную свою постель и одѣяло кучѣ дѣтей, что другіе также по цѣлымъ недѣлямъ спали на голыхъ кирпичахъ своего холоднаго очага, не имѣя ни малѣйшаго средства добыть себѣ пищи или топлива — и это среди жестокой, морозной зимы, что иные голодали по нѣсколькимъ днямъ сряду, безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи и притомъ жили — или вѣрнѣе

умирали — на тѣсныхъ чердакахъ или въ сырыхъ подвалахъ, постепенно впадая въ различныя болѣзни, и наконецъ издыхали отъ нищеты и отчаянія. Вспомните все это, вспомните испытія, изнеможенные фигуры и лица тѣхъ, которые успѣли остаться въ живыхъ, ихъ ужасную обстановку и накопившееся въ сердцахъ негодованіе, и тогда посудите, можно ли поставить имъ въ вину самыя отчаянныя покушенія?

Мысль, возникшая первоначально между чартистами, мало по малу проникла во все классы работниковъ и наконецъ сдѣлалась любимой ихъ мечтой. Они не могли повѣрить, что правительство знало ихъ положеніе; они охотнѣе допускали предположеніе, что законодательное собраніе взялось судить и рядить о нуждахъ народа, не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія, все равно какъ бы оно бралось за составленіе законовъ благоприличія для дѣтей, не спросивъ напередъ, сыты ли эти дѣти, и каждый ли день они ѣдятъ?

Къ тому же голодный народъ прослышалъ, что парламентъ положительно отвергаетъ его голодность; и какъ ни странно имъ казалось такое рѣшительное мнѣніе парламента, бѣдняки разсудили, что надо же когда-нибудь просвѣтить правительство на этотъ счетъ, выказать истину въ ея настоящемъ свѣтѣ, и тогда быть можетъ участь ихъ облегчится, положеніе улучшится. Такія надежды на время утѣшили ихъ, усмирили накипѣвшія страсти и подавили взрывъ.

Весною 1839 года составлено было прошеніе на имя парламента, въ которомъ тысячи подписавшихся работниковъ просили выслушать ихъ депутатовъ, свидѣтелей и участниковъ горькой ихъ судьбины. Ноттингемъ, Шеффилдъ, Глазго, Манчестеръ и многіе другіе фабричныя города занялись избраніемъ депутатовъ для представленія этой просьбы, руководствуясь при этомъ избираніи тою мыслью, что повѣренныя ихъ тѣмъ лучше выразятъ нужды и желанія рабочаго класса, чѣмъ больше на долю каждаго изъ нихъ выпало личныхъ бѣдствій, нищеты и лишеній всякаго рода. Депутатами выбраны были люди изнеможенные, исхудалые, всеми силами преданные своему назначенію, люди рѣшительные, сами настрадавшіеся и голода и холода.

Въ числѣ ихъ былъ Джонъ Бартонъ. Онъ пришолъ въ такое волненіе по случаю этого избранія, что самъ постыдился бы признаться въ этомъ. Къ ребяческой, пустой радости побывать въ Лондонѣ примѣшивалось у него тщеславное наслажденіе высказать

свои мысли при множествѣ знатныхъ особъ ; — но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ онъ и святую, чистую радость при мысли , что будетъ однимъ изъ орудій спасенія своихъ собратій, что ему суждено довести ихъ бѣдствія до свѣденія правительства и тѣмъ самымъ добиться существеннаго вознагражденія ихъ за страданія , добиться такого узаконенія , вслѣдствіе котораго на будущія времена устранится возможность подобнаго положенія. Словомъ — надежды его были свѣтлы блистательны , хотя сбивчивы и неясны. Вообще бѣдняки смотрѣли на свое прошеніе съ глубокой вѣрою въ его силу и съ полною готовностью отстаивать его до конца.

Наканунѣ дня , назначеннаго для отправления депутатовъ въ Лондонъ , у Джона Бартона собралось вечеромъ такое множество народу, что можно было принять это сборище за раутъ. Еще за свѣтло пришолъ Джобъ Легъ и уютно помѣстился у камина вмѣстѣ съ своею трубкою; онъ немного говорилъ, но зато курилъ исправно и переважно занимался перестановкою утюговъ , которые Мери приготовила для своего глаженья. Сама же Мери была въ задней кладовой , гдѣ усердно стирала двѣ рубашки своего отца, желая отпустить его въ Лондонъ въ самомъ приличномъ видѣ. Не мѣшаетъ замѣтить , что сюртукъ выкупили у ростовщика , но фуляровый платокъ — увы! погибъ невозвратно. Дверь изъ кухни въ кладовую была по обыкновенію отворена , такъ что Мери очень удобно здоровалась и переключалась со входившими сосѣдями, не покидая своего корыта.

— И такъ , Джонъ , ты-таки отправляешься въ Лондонъ? сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да , видно придется побывать , отвѣчалъ Джонъ , какъ-будто покорялся необходимости.

— Ладно. Желалъ бы я , чтобы ты высказалъ этимъ парламентскимъ господамъ кой-какія вещи. Ужъ ты , Джонъ , пожалуйста ихъ не щади; скажи имъ прямо , какого мы о нихъ мнѣнія; скажи , что намъ кажется довольно уже голодать , что мы не можемъ понять , что они дѣлаютъ и на что годятся , коли до сихъ поръ не умѣютъ давать намъ того , о чемъ всякій человѣкъ кричитъ и плачетъ съ перваго дня своего рожденія.

— Еще бы! конечно скажу имъ все это , да и отъ себя прибавлю что-нибудь , когда придетъ мой чередъ держать рѣчь. Но ты знаешь , что немало народу захотятъ говорить прежде меня.

— Хорошо, ты говори хоть на послѣдяхъ, да только сдѣлай дружбу, братъ, попроси ихъ велѣть хозяевамъ уничтожить всѣ машины. Съ тѣхъ самыхъ поръ и пошли всѣ наши бѣды, какъ выдумали эти самопрядильные станки!

— Извѣстно, машины-то и разоряютъ бѣдный народъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А по мнѣ, сказалъ дрожащій, исхудалый человекъ, едва прикрытый ветхимъ рубищемъ и все жавшійся къ огню, будто въ пароксизмѣ лихорадки: — по мнѣ всего больше надо просить, чтобы сократили рабочіе часы. Всѣ мы люди смертные, не богатыри какіе-нибудь: гдѣ же взять силъ на такую тяжкую работу. И отчего это на фабричную работу положено больше часовъ, чѣмъ на всякую другую? Спроси-ка ихъ, Бартонъ, а, дружище?

Бартонъ не успѣлъ отвѣтить, потому что въ комнату вошла мистрисъ Девенпортъ, бѣдная вдова, которой онъ сдѣлалъ столько добра; замѣтно было, что она все еще ѣсть недосыта и довольно изнурена, но одѣта была очень прилично и чисто. Она принесла маленькій свертокъ въ газетной бумагѣ и подала его Мери, которая развернула его и держа мыльными пальчиками полотняный мужской воротничокъ, закричала изъ кладовой:

— Посмотрите-ка, папа, какимъ вы щеголемъ будете въ Лондонѣ! Это мистрисъ Девенпортъ принесла вамъ. Только что сшить и выкроить по послѣднему фасону — прелесть! Вотъ спасибо вамъ, что подумали о немъ.

— Э, Мери! сказала мистрисъ Девенпортъ своимъ тихимъ голосомъ, — что значать всѣ мои услуги въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для меня и для всѣхъ насъ? Вотъ что, Мери: не могу ли я вамъ помочь въ чемъ нибудь? Я думаю, у васъ немало хлопотъ съ этимъ путешествіемъ.

— Помогите мнѣ выжать вотъ это бѣлье, а тамъ ужъ я снесу его на катокъ.

Мистрисъ Девенпортъ слышала разговоръ на кухнѣ и вскорѣ сама присоединилась къ нему.

— Коли такъ, Джонъ Бартонъ, коли ужъ вы беретесь передавать порученія парламентскимъ господамъ, не побрезгайте и моимъ дѣльцемъ. Скажите вы имъ, что совѣтъ не хорошій законъ устранить малолѣтнихъ отъ фабричной работы, будь они слабенькіе или крѣпкіе. Вотъ хоть бы мой Бенъ: сколько хочешь подавай ему похлебки, все съѣсть — и горя мало, хотъ опять давай. Въ школу

хотѣла я его посылать, да денегъ нѣтъ. Такъ и повѣсничаетъ теперь по улицамъ, цѣлые дни шатается тамъ, а домой приходитъ голодный какъ волкъ, прости Господи; только и дѣлаетъ, что набирается всякихъ штукъ да дурныхъ манеръ. А зритель не принимаетъ его на фабрику, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему еще года не вышли; да вѣдь онъ вдвое сильнѣе и крупнѣе того щедушнаго мальчишки, Сенки, даромъ что тотъ гораздо старше его; а позволяютъ же Сенки работать до тѣхъ поръ, что и ноги у него разболются, и реветъ онъ отъ усталости.

— Я съ своей стороны составилъ мнѣніе, которое желалъ бы передать Джону Бартону, началъ одинъ замысловатый ремесленникъ, всего болѣе старавшійся о красотѣ слога: — съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ повергъ его на разсмотрѣніе достопочтеннаго законодательнаго собранія. Мать моя родомъ изъ Оксфордшира и состояла прачкою въ домѣ сэръ Френсиса Дашвуда. Въ дѣтствѣ я слыхала отъ нея рассказы о ихъ великолѣпнн и роскоши, и какъ теперь помню, она говорила мнѣ, что сэръ Френсисъ мѣняетъ бѣлье по два раза въ день. Такъ если взять въ расчетъ, что сэръ Френсисъ былъ изъ парламентскихъ, легко можетъ статься, что и многіе другіе также расточительны. По этому вы изъясните имъ, Джонъ, что ланкаширскіе ткачи были бы имъ очень благодарны, если бы они примѣрно шили себѣ рубашки изъ миткаля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда торговля-то пошла бы поживѣе, коли они такіе мастера изнашивать свое бѣлье!

Тутъ повелъ рѣчь Джобъ Легъ. Онъ медленно вынулъ изо рта трубку и, обращаясь къ говоруну, началъ такъ:

— А я тебѣ скажу иное, Билль, не въ обиду тебѣ будь сказано: парламентскихъ-то господъ всего навсего нѣсколько сотенъ, сколько бы у нихъ тамъ ни было бѣлья; а бѣдныхъ ткачей многія тысячи на свѣтѣ и у каждаго на спинѣ ровно по одной рубашкѣ, такъ что и переимѣняться нечѣмъ и подчасъ не знаетъ онъ, чѣмъ прикрыться, когда эти лохмотки спадутъ съ плечь. А въ складочныхъ магазинахъ лежатъ себѣ громаднѣйшіе тюки миткаля, да и сами мы каждый день выпускаемъ плотныхъ бумажныхъ тканей на цѣлыя версты, а торговля все стоитъ, оттого, что-де потребителей нѣтъ. Такъ не лучше ли, Джонъ Бартонъ, попросить, чтобы парламентъ дозволилъ свободу торговли; тогда бы рабочіе и жалованье получали настоящее, да и завели бы себѣ въ годъ по двѣ или по три рубашонки. Вотъ тогда пошла бы торговля въ ходъ!

Онъ снова взялся за трубку и съ удвоеннымъ рвеніемъ сталъ потягивать изъ чубука, чтобы наверстать потерянное время.

— Боюсь я, сосѣдушки, заговорилъ Джонъ Бартонъ, что во все не придется мнѣ передать парламенту то, что вы мнѣ поручаете сказать. Я намѣренъ главное рассказать имъ о нашей нищетѣ и бѣдности, которой они тамъ не вѣрятъ. Коли узнаютъ они, какъ у насъ дѣти рождаются на мокрыхъ лохмотьяхъ вмѣсто постелей и не бываетъ потомъ ни тряпки, чтобы прикрыть ихъ, а родильницу нечѣмъ и накормить; какъ услышатъ, что народъ мретъ въ повалку на улицахъ, либо прячется со своей нуждой по темнымъ подваламъ и тамъ ждетъ смерти; да какъ поразскажу я имъ о нашихъ болѣзняхъ, о заразахъ и о голодѣ, вѣрно ужъ выдумаютъ они что-нибудь такое для нашего облегченія, чего намъ самимъ не выдумать. А я конечно не прочь передать и всѣ ваши мнѣнія, если представится удобный случай. Чтѣ бы ни было, а ужъ я постараюсь всѣми силами, и посмотрите что выйдетъ, когда парламентъ узнаетъ все обстоятельно.

При этихъ словахъ иные покачали головами, другіе повеселѣли; потомъ мало-по-малу всѣ разошлись, оставивъ Джона наединѣ съ дочерью.

— Примѣтила ты, какъ плоха нынче стала Джени Вильсонъ? спросилъ онъ, когда оба они отдыхали отъ дневныхъ трудовъ, сидя у камина и дождавъ скромный ужинъ, при свѣтѣ тлѣющихъ угольевъ.

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы замѣтила что-нибудь особенное. Вѣдь она уже съ тѣхъ поръ скринитъ, какъ померли близнецы, да и прежде никогда не отличалась здоровьемъ.

— Да, все хвораешь, съ самого того случая. А прежде-то я помню, какая она была свѣженькая, да румяная! Не хуже никого въ Манчестерѣ.

— Съ какого это случая? спросила Мери.

— Она ушиблась бокомъ объ колесо. Это было еще тогда, когда на колеса гаякъ не надѣвали. Она тогда именно была невѣстою и многіе думали, что Джоржъ откажется отъ нея послѣ ея ушиба; но я зналъ, что онъ нетаковскій. И точно, какъ только она встала съ постели и могла ходить, онъ повелъ ее въ старый соборъ. Какъ теперь смотрю, какъ Джоржъ ввелъ ее, бѣдняжку, блѣдную и слабую, въ боковой придѣлъ и шолъ такъ тихо, такъ осторожно, чтобы не утомить ее; а кругомъ довольно таки было народу, и иные надъ ними подсмѣивались. Какъ вошла она въ церковь, — была

блѣдная, что твой холстъ, а не успѣла еще дойти до алтара, вакъ уже вся вспыхнула. Все-таки бракъ былъ пресчастливыи; и Джоржъ мнѣ во всю жизнь былъ дорогъ, какъ братъ родной. Не одобровать ему, если онъ потеряетъ Джени, а она сегодня куда какъ была цюха.

Джонъ пошолъ спать съ смѣшаннымъ чувствомъ опасенія за добраго товарища, ожиданія завтрашнихъ сборовъ и надеждъ на будущее.

На другое утро Мери проводила его изъ дому и долго стояла на порогѣ, загораживая рукою глаза отъ яркаго солнца. Потомъ она медленно вошла въ домъ и занялась уборкою, передъ отъправленіемъ въ швейный магазинъ. Она думала о томъ, каково-то покажется ей одинокое житъе и долгіе, уединенные вечера; но мѣръ того какъ проходили и били часы, она мысленно слѣдила за отцомъ и старалась угадать, гдѣ онъ теперь? Составляла разные планы и собиралась жить какъ можно, благоразумнѣе, по своимъ понятіямъ. Потомъ мало-по-малу наступили обычные заботы и занятія долгаго, трудового дня и предстоящая дѣятельность поглотила всѣ думы объ отсутствующемъ.

Между прочимъ Мери твердо рѣшилась во все время отцовскаго отсутствія не соглашаться ни на какія свиданія съ Герри Карсонсомъ. Такъ или нѣтъ, а совѣсть у ней не совѣсть была чиста и втайнѣ она сознавала же, что такія встрѣчи и свиданія — далеко непохвальныя дѣла. А между тѣмъ она уже давно убѣдила себя въ совершенной невинности и приличности своего поведенія, потому что, думала она, хотя отецъ и не знаетъ ничего объ этихъ свиданіяхъ, но конечная цѣль ихъ должна же рано или поздно упрочить его благосостояніе и сдѣлать его счастливымъ. Но теперь, когда отца нѣтъ въ городѣ, ей не хотѣлось сдѣлать ничего такого, чтобы могло заслужить его неодобреніе; да, рѣшительно ничего такого, хотя бы оно послужило къ собственному его благополучію.

Между «дѣвицами» въ заведеніи миссъ Симмондсъ была одна дѣвушка, съ самаго начала этой интриги посвященная въ ея тайны самимъ мистеромъ Карсонсомъ. Онъ понялъ необходимость третьяго лица, посредника для передачи писемъ и посылокъ, и вѣрнаго за него заступника въ случаѣ временныхъ его отлучекъ. Онъ вскорѣ нашолъ самую усердную помощницу такого рода въ лицѣ Салли Ледбиттеръ. Она бы непрочъ затѣять любовную интрижку и на свой собственный счетъ, лишь бы интрижка была незаконная, таин-

ственная и способная пріятно потрясать ея нервы; но въ настоящемъ случаѣ усердіе ея подкрѣплялось красивенькими червонцами, которыми отъ времени до времени награждалъ ее щедрый мистеръ Карсонъ.

Салли Ледбиттеръ принадлежала къ числу самыхъ пошлыхъ, легкихъ натуръ; у ней только и разговоръ было что о любви, да о любовникахъ. По ея живню длинный списокъ обожателей могъ служить самымъ почетнымъ дипломомъ для женщины. На ея несчастіе или счастіе, сама она была такъ некрасива, имѣла такую невзрачную фигуру и такіе рыжіе волосы, что не было для нея почти никакой надежды сдѣлаться героинею романа. За недостаткомъ красоты, она старалась пріобрѣсть по крайней мѣрѣ достаточный запасъ остроумія и смѣлости, или что называется пикантности. Условія приличія и скромности никогда не стѣсняли ея рѣчистаго языка; она имѣла даръ даже и другихъ подбивать на всякую шалость. Самое добродушіе ея имѣло свою вредную сторону. Никто не могъ противиться ея незлобивой веселости; нельзя было даже избѣгать сношеній съ нею, потому что она всегда готова была за всякаго заступиться и помогала всѣмъ выпутываться изъ бѣдъ. Кто, какъ не Салли, во всякое время собственными досужими руками исправлялъ ихъ погрѣшности и еще болѣе досужимъ языкомъ выдумывалъ имъ всякія оправданія. Евреи или магомедане, не помню которые, вѣрують, что въ каждомъ человѣкѣ есть одна маленькая косточка, одна изъ позвонковъ, который никогда не гниетъ и не превращается въ прахъ, а безмятежно покоится въ землѣ, ожидая послѣдняго суда; это, по ихъ повѣрью, сѣмя жизни. Въ каждомъ изъ насъ есть такое духовное сѣмя, зародышъ чего либо добраго, что въ послѣдній день отзовется и искупитъ грѣхи наши; это сѣмя лежитъ глубоко запрятанное, но неразрушимое и вѣчное, между всѣми гниющими останками.

Въ душѣ Салли сѣмя это осуществлялось любовью ея къ матери, дряхлой и больной старухѣ. Для матери она способна была на самоотверженіе, для нея обычное добродушіе Салли доходило до дѣйтельной нѣжности; чтобы развеселить хворую старуху, одиноко провалявшуюся цѣлый день на постелѣ, Салли, возвращаясь вечеромъ домой, часто изнемогая отъ усталости и работы, никогда не падала духомъ и съ неистощимою веселостью передавала матери всѣ событія протекшаго дня, осмѣивая многое и уморительно переразвивая всякаго, кто показался ей смѣшонъ или неловокъ. Мать

придерживалась не болѣе строгихъ правилъ нежели дочь, и потому не было никакой надобности скрывать отъ нея причины щедротъ мистера Карсонса. Старуха только прищолкивала языкомъ отъ удовольствія и желала, чтобы ухаживанье длилось какъ можно дольше.

Но ни ей, ни дочери ея, ни Гарри Карсонсу, конечно не нравилось намѣреніе Мери не видаться съ нимъ въ отсутствіе отца.

Однажды вечеромъ (лѣтніе вечера были теперь очень длинны и свѣтлы) Салли по условію вышла навстрѣчу мистеру Карсонсу, чтобы взять отъ него письмо, полное слезныхъ моленій о свиданіи; она обязалась съ своей стороны употребить все свое краснорѣчіе, чтобы склонить Мери на согласіе и, разставшись съ мистеромъ Карсонсомъ, рѣшилась тотчасъ же идти къ Мери и пустить въ ходъ какъ письмо, такъ и личные свои доводы.

Она застала Мери въ великомъ горѣ: Мери только что получила извѣстіе о скоропостижной смерти Джоржа Вильсона, ея стараго, почтеннаго друга, друга ея отца, наконецъ отца Джемса; всѣ эти соображенія разомъ на нее обрушились и тяготили ея сердце. Хотя Мери далеко не выросла въ такомъ невѣденіи и спокойствіи, чтобы не встрѣчаться со смертью лицомъ къ лицу, но въ послѣднее время слишкомъ уже часто становилась на ея пути эта ужасная гостья, слишкомъ быстро стали исчезать съ лица земли близкіе люди, друзья ея. А отецъ еще наканунѣ ухода въ Лондонъ выражалъ опасенія на счетъ непрочности Джени Вильсонъ! И вотъ она, слабая и хилая осталась, тогда какъ его, крѣпкаго и мужественнаго, уже нѣтъ. Во всякомъ случаѣ хорошо хоть то, что ему больше не предстоитъ перенести того горя, котораго боялся для него отецъ. Такъ думала и передумывала Мери.

Она не могла идти утѣшать вдову, хотя бы даже и думала, что можетъ доставить ей утѣшеніе, потомучто рѣшилась избѣгать Джемса; а въ настоящемъ случаѣ она чувствовала, что ни зачто не уберется и не сумѣетъ держать себя съ приличною холодною къ нему.

Въ такую минуту конечно никого на свѣтѣ она не желала встрѣтить менѣе Салли Ледбиттеръ. Тѣмъ не менѣе она встала ей навстрѣчу и обратила къ ней свое заплаканное лицо.

— Вотъ я завтра скажу мистеру Карсонсу, какъ ты по немъ тоскуешь! Впрочемъ ни больше, ни меньше чѣмъ онъ по тебѣ.

— Вотъ ужъ не по немъ-то! сказала Мери, небрежно качнувъ своею хорошенькою головкой.

— Еще бы не по немъ! Всѣ эти дни, миссъ, вы изволили такъ вздыхать за своею работою, что я думала у васъ сердце надорвется. И не дурочка ли ты послѣ этого, что нейдешь повидаться съ чело-вѣкомъ, который тебя любить безъ ума и котораго ты сама любишь — ну, сколько ты его любишь? вотъ столько, какъ говорятъ дѣти. — И Салли широко разстала руки.

— Какой вздоръ, сказала Мери надувъ губки; — мнѣ иногда кажется, что я даже вовсе не люблю его.

— Такъ и сказать ему, въ первый разъ какъ я его увижу? — спросила Салли.

— Скажи, если хочешь, возразила Мери. Мнѣ теперь до всего этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, мнѣ все равно. — И она снова заплакала.

Но Салли вовсе не намѣрена была передавать такія вѣсти. Она увидѣла, что зашла не съ той стороны и что Мери чѣмъ-то слишкомъ озабочена, чтобы по достоинству оцѣнить ея краснорѣчіе и даже нѣжную записочку. По этому она примолкла и потомъ уже спросила, несравненно серьезнѣе и мягче.

— Скажи же, Мери, о чемъ ты такъ горюешь? Ты знаешь, я не могу равнодушно видѣть твоихъ слезъ.

— Джордж Вильсонъ сегодня послѣ полудня скончался, отвѣчала Мери, пристально посмотрѣвъ на Салли, и вслѣдъ затѣмъ закрыла лицо передникомъ, громко рыдая.

— Скажите пожалуйста! Да, да; всѣ мы смертные; чело-вѣкъ что трава, сегодня здѣсь, а завтра и нѣтъ его, какъ говоритъ писаніе. Да вѣдь онъ уже былъ старъ и кажется ни на что не годился. Есть на свѣтѣ хорошіе люди и безъ него. А что эта старая причитальщица, сестра-то его, жива еще?

— Я не знаю; о комъ ты говоришь, отвѣчала Мери сердито; она конечно знала, но не хотѣла, чтобы такъ называли ея милую, добрую Алису.

— Полно, Мери, перестань ребячиться. Жива ли миссъ Алиса Вильсонъ, такъ что ли слѣдовало ее чествовать? Я ее что-то давно не встрѣчаю здѣсь.

— Она здѣсь не живетъ больше. Когда умерли близнецы, она подумала, что можетъ быть пригодится своей невѣсткѣ, которая сильно горевала, и Алиса хотѣла ее утѣшить и развлечь, или по крайней мѣрѣ хотъ выслушивать горькія ея рѣчи и жалобы. Вотъ она сдала свою подвальную квартиру и пошла къ нимъ жить.

— Ну, и пусть ее. Я до нее не охотница и вовсе не хочу, чтобы она обратила мою пригожую Мери въ методистку.

— Она не методистка, а англиканка.

— Ахъ, Боже мой, что за тонкости! Ты вѣдь понимаешь, что я хочу сказать. Посмотри-ка, чье это письмецо? И Салли вынула записку Гарри Карсонса.

— Не знаю и знать не хочу, отвѣчала Мери вспыхнувъ.

— Свѣтики мои! Точно я не знаю, что ты знаешь и очень хочешь узнать, что тамъ написано!

— Ну, давай сюда, сказала Мери съ нетерпѣніемъ и очевидно желая отдѣлаться отъ непрошеной гостыи.

Салли неохотно подала ей записку, но черезъ нѣсколько минутъ имѣла удовольствіе прослѣдить на щекахъ Мери сначала сильную краску, потомъ прехорошенькія ямочки, что означало, что авторъ письма не поспешилъ на выраженія своей страсти.

— Скажи ему, что мнѣ нельзя придти, сказала Мери поднявъ наконецъ глаза. Я сказала, что не хочу съ нимъ видѣться, пока отца нѣтъ дома, и не хочу.

— Ахъ, Мери, а онъ-то какъ ждетъ. Ты бы вѣрно пожалѣла, если бы только видѣла, какъ онъ тоскуетъ безъ тебя. Да чтоже это въ самомъ дѣлѣ, когда отецъ былъ здѣсь, ты не спрашивалась у него, а теперь что за бѣда такая особенная?

— Ну, Салли, ты уже знаешь мой отвѣтъ: не хочу и не пойду.

— Такъ я ему скажу, чтобы онъ самъ приходилъ къ тебѣ когданибудь вечеромъ, вмѣсто того чтобы меня посылать. Можетъ быть самъ-то онъ съ тобой лучше сговорится чѣмъ я.

Мери вспыхнула.

— Если онъ только посмѣетъ придти сюда, пока отца нѣтъ въ городѣ, я созову сосѣдей и выгоню его вонъ. Знай это, и лучше не совѣтуй ему такихъ вещей.

— Батюшки свѣты! Что за погромъ такой! Словно ты на свѣтѣ первая дѣвушка, которая заводитъ себѣ милаго дружка. Ты, зная, не слыхивала еще, чѣмъ другія дѣвушки занимаются, да и за стыдъ не почитаютъ.

— Молчи, Салли! Маргарита Дженингсъ идетъ.

Въ ту же минуту дверь отворилась и вошла Маргарита. Мери просила Джоба Лега отпустить ее къ ней ночевать. Несмотря на

слабое освѣщеніе — горѣлъ только уголь въ печи — замѣтно было, что она ходитъ ощупью, какъ слѣпая.

— Я ужь пойду, Мери, сказала Салли. — Такъ и сказать?

— Такъ и скажи, больше ничего. Прощай. И Мери съ радостью захлопнула дверь за докучливую гостью — докучливой по крайней мѣрѣ на эту пору.

— О, Маргарита, слышала ты печальную вѣсть о Джоржѣ Вильсонѣ?

— Да, слышала. Бѣдные, бѣдные! Жестоко испытуетъ ихъ Господь въ послѣднее время. Я, поправдѣ сказать, скоропостижную смерть вовекъ не считаю ужасною: она легче, не такъ мучительна и страшна. А для оставшихся еще тяжелѣе. Бѣдный Джоржъ! Какой добрый, любящій былъ человекъ!

— Маргарита, сказала Мери, которая до тѣхъ поръ пристально наблюдала свою подругу, — тебѣ сегодня какъ будто гораздо хуже, ты совсѣмъ слѣпнешь, отъ слезъ чтоли? Какъ у тебя глаза красны и напухлы!

— Да, душа, только не съ горя. Знаешь ли, гдѣ я была вчера вечеромъ?

— Нѣтъ; гдѣ это?

— Посмотри. Она вынула и показала большую золотую монету. Мери отъ удивленія широко раскрыла свои темносѣрые глазки.

— Я сейчасъ тебѣ все разскажу. Слышала ты о джентльменѣ, который читаетъ лекціи о музыкѣ въ Механическомъ институтѣ? Ну, такъ ему нуженъ всегда кто-нибудь, чтобы пѣть разныя его сочиненія. Вотъ, вчера вечеромъ обыкновенный пѣвчій его охрипъ и совсѣмъ не въ состояніи былъ пѣть. Они и послали за мной. Джакъ Бетервортъ замолвилъ обо мнѣ доброе словечко; и спрашиваютъ меня, могу ли я спѣть? Можешь себѣ представить, какъ я сконфузилась; однако подумала, теперь-то и надо рѣшиться, и сказала, что постараюсь, какъ умѣю. Этотъ учитель, что лекціи читаетъ, прошолъ со мною вѣскольکو пѣсенъ, потомъ мнѣ сказали, чтобы я одѣлась какъ можно лучше и приходила къ семи часамъ.

— Чтоже ты надѣла? спросила Мери съ живостью. — Зачѣмъ ты не взяла у меня моего розоваго платья?

— Я подумала, да тебя тогда дома не было. Ну, я надѣла свое меряиновое, что перевернула прошедшей зимой, да бѣлую шаль; волосы причесала хорошенько, и ничего, вышло ладно. Такъ я и пошла ровню къ семи часамъ. Нотъ читать не вижу, а все-таки

взяла ихъ въ руки, чтобы чѣмъ-нибудь занять свои пальцы. Стала я прямо противъ публики, точно въ мячикъ съ ними играть собираюсь, даже въ глазахъ зарябило. Я конечно вовсе струсила, но мой чередъ былъ не первый и пока другіе пѣли и музыка играла, словно дружескій голосъ говорилъ со мною и успокаивалъ меня, ободрялъ этими звуками... Словомъ, скажу тебѣ, что когда я кончила свою пѣсню, учитель благодарилъ меня, а другіе, которые устраивали концертъ, увѣряли, что никогда еще новичкамъ такъ не хлопали какъ мнѣ, потомучто когда я спѣла, они, знаешь, начали ужасно хлопать руками и стучать ногами, такъ что я только думала, надолго ли имъ станетъ сапоговъ, а перчатокъ и подавно. А въ слѣдующій четвергъ я опять буду пѣть; вчера мнѣ дали за это соверенъ, а на будущее время, каждый разъ какъ я стану пѣть на лекціяхъ, буду получать по полу-соверену.

— Ахъ, Маргарита, какъ я всему этому рада.

— Погоди еще, самое-то лучшее впереди. Теперь, когда я увѣрилась, что мнѣ открылась новая дорога, и что несмотря на слѣпоту, которую насылаетъ мнѣ Господь, я никому не буду въ тягость, я подумала, что можно во всемъ признаться дѣдушкѣ. Вчера вечеромъ я ему сказала только о пѣнии и о соверенѣ, потомучто зачѣмъ же его на ночь огорчать? А сегодня поутру все сказала.

— Какъ же онъ это принялъ?

— Ты знаешь, что онъ у насъ не очень болтливъ... а я же его совсѣмъ не приготовила, такъ вдругъ и сказала все.

— Я удивляюсь, какъ онъ ничего не замѣчалъ, я очень ясно видѣла по всѣмъ твоимъ движеніямъ, какъ твое зрѣніе слабѣетъ, съ самаго того дня, какъ ты мнѣ сказала.

— То-то и есть! А еслибы я не говорила тебѣ ничего, то со дня на день ты бы также не могла замѣтить постепенной перемѣны.

— Чтоже сказалъ дѣдушка?

— Ахъ, Мери, отвѣчала Маргарита улыбаясь, — вообрази, что мнѣ даже совѣстно тебѣ сказать... Впрочемъ если ты хорошо поняла характеръ дѣдушки, то не удивишься и не ужаснешься. Я ему сказала вдругъ — а онъ также вдругъ вскрикнулъ: «чортъ побери!» Потомъ уткнулся въ книгу и сидѣлъ смирнехонько, пока я ему рассказывала все по порядку, и какъ я боялась, и какъ горевала, и какъ теперь примирилась съ этой мыслью, положившись вполне на Божью волю, и какъ надѣюсь зарабатывать теперь деньги пѣніемъ.

Пока я говорила, я видѣла, какъ у него капали на книгу крупныя слезы; однако разумѣется я притворилась, будто не видала этихъ слезъ. Милый мой дѣдушка! Послѣ того онъ цѣлый день потихоньку ходилъ и разставлялъ разныя вещи, прибиралъ тѣ, на которыя по его мнѣнію я могу наткнуться и подставлялъ поближе ко мнѣ всѣ предметы, въ которыхъ я могу нуждаться; все это онъ дѣлалъ въ увѣренности, что я уже ничего не вижу и не слышу; онъ думаетъ, что я вовсе слѣпа; да, ужь и это недалеко теперя!

И Маргарита невольно вздохнула, не смотря на веселый и спокойный тонъ своей рѣчи.

Мери замѣтила вздохъ, но разсудила, что лучше оставить его безъ вниманія, и съ тѣмъ тонкимъ тактомъ, который почти всегда сопровождаетъ искреннюю привязанность, начала разспрашивать множество мелкихъ подробностей о музыкальномъ дебютѣ своей подруги, что конечно еще разъ подтвердило для самой Маргариты увѣренность въ его полномъ успѣхѣ.

— Ну, Маргарита! сказала она наконецъ, значить — ты скоро сдѣлаешься настоящею знаменитостью и будешь можетъ быть не хуже той лондонской леди, которую мы съ тобой видѣли, помнишь, у подъѣзда концертной залы? Она пріѣхала въ своей каретѣ.

— Да, похоже на то, отвѣчала Маргарита съ улыбкою. И будь увѣрена, Мери, что я тогда не откажусь оказать тебѣ протекцію. Почему знать, коли ты будешь хорошо вести себя, можетъ быть я соглашусь взять тебя въ горничныя! Не правда ли, какъ это будетъ славно? Я теперя же начну прихвѣвать себѣ:

Буду въ золотѣ ходить
Чисто серебро носить!

— Чтоже ты остановилась? Спой еще пожалуйста, только что-нибудь поновѣе. Этой старой пѣсни я никогда не любила.

— Пожалуй; я устала немножко, но что за бѣда! Я тебѣ спую ту пѣсню, которую приготовила къ четвергу. Я сегодня уже часа два ее твердила. Учитель говоритъ, что эта пѣсня мнѣ очень по голосу, и просилъ заняться ею хорошенько, мнѣ очень жалко будетъ, если онъ останется недоволенъ, потомучто онъ предобрый и такъ ласково меня ободряетъ! Ахъ, Мери, какая жалость, что на свѣтѣ рѣдко встрѣчается такое обхожденіе, а все больше брань, да выговоры. Гораздо лучше пошло бы все, еслибы дѣйствовать кротостью, да лаской. Къ тому же при мнѣ говорили пѣвцы, что эта пѣсня по-

что навѣрное его собственнаго сочиненія, потому что онъ объ ней ужасно хлопочеть, беспокоится и настаиваетъ, гдѣ какое выраженіе надо придавать словамъ. Отъ этого я конечно еще больше стараюсь. Первый куплетъ, онъ говоритъ, надо пѣть нѣжно, но радостно! Вотъ этого-то кажется я неполнѣ достигаю, послушай.

• Какъ одно пустое слово
 Всемогуще можетъ быть!
 Иногда оно готово
 Сердце счастьемъ озарить:
 Нѣжныхъ думъ, бывшихъ мечтаній
 Пробуждаетъ цѣлый рой —
 Возродить толпу желаній,
 Переносить въ міръ иной,
 Душу гибнущую — снова
 Можетъ съ жизнью примирить...
 Такъ одно пустое слово
 Всемогуще можетъ быть! »

Теперь музыка переходитъ въ унылый тонъ и надо пѣть какъ можно грустнѣе. Это мнѣ кажется удается гораздо лучше.

• Да, одно пустое слово
 Всемогуще можетъ быть!
 Иногда оно готово
 Жизнь на вѣки омрачить:
 Горькой мыслью отуманить,
 Въ ложномъ свѣтѣ явить міръ,
 Вѣру лучшую обманеть,
 Въ прахъ повергнетъ нашъ кумиръ —
 Все, что есть въ душѣ святого,
 Можетъ разомъ погубить...
 Такъ одно пустое слово
 Всемогуще можетъ быть! »

Маргарита такъ хорошо спѣла эту маленькую арію, что какой-то фабричный, проходя мимо оконъ и остановившись послушать пѣнія, воскликнулъ совершенно справедливо: «Эхъ, знатно вывела!» И если она на слѣдующемъ концертѣ въ механическомъ институтѣ пропѣла ее съ такимъ же чувствомъ какъ въ этотъ вечеръ, то вѣрно концертантъ остался чрезвычайно доволенъ; Маргарита вѣроятно превзошла всѣ его ожиданія, а если нѣтъ — то значить на него не угодишь.

Когда она замолкла, глаза Мери краснорѣчивѣе всякихъ словъ высказывали ея мнѣнія о пѣснѣ и объ исполненіи, и со страху вы-

ронить крупную слезу, нагнувшись на ея ресницахъ, она засмѣялась и сказала весело: ну, право же карета должна скоро прѣхать! Поидемъ спать, авось она намъ приснится.

ГЛАВА IX

Слѣдующій вечеръ ознаменовался дождемъ, тѣмъ теплымъ, крупнымъ, проливнымъ дождемъ, который такъ освѣжаетъ растенія и вызываетъ наружу столько цвѣтковъ. Но въ Манчестерѣ, гдѣ — увы! цвѣтовъ не бываетъ, дождь имѣлъ лишь самыя невзрачныя, горестныя послѣдствія: улицы стали мокры и грязны, изъ водосточныхъ трубъ лилась на нихъ мокрая грязь, и прохожіе казались мокрыми и грязными. Впрочемъ и прохожихъ было немного; большая часть жителей пряталась по домамъ, и въ маленькихъ мощеныхъ дворишкахъ было необыкновенно тихо и глухо.

Пришедши домой, Мери принуждена была переѣннить платье, и только что успѣла переодѣться и сѣсть на мѣсто, какъ услышала за дверью шорохъ, какъ-будто кто-то шарить и трется у стѣны, передъ тѣмъ чтобы войти. Шумъ этотъ продолжался такъ долго, что она наконецъ вскочила, отперла и — кто же это? можетъ ли быть? — Да, это былъ ея отецъ.

Онъ стоялъ у двери, измокшій и усталый, тихо вошелъ и ни слова не отвѣчалъ на веселое привѣтствіе изумленной дочери. Будто въ чадѣ, едва сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ сѣлъ къ огню, какъ былъ, въ мокромъ платьѣ. Но Мери не оставила его въ покоѣ. Она сбѣгала на верхъ, принесла его старое платье, въ которомъ онъ обыкновенно ходилъ на работу, потомъ вынула изъ кладовой кой-какую провизію и начала готовить ужинъ, пока отецъ переодѣвался у камина. Во все это время она щебетала и старалась казаться какъ можно веселѣе, но отцовское уныніе страшно щемило ее за сердце.

Въ своемъ удаленіи отъ свѣта, въ мирномъ заведеніи миссъ Симмондсъ, гдѣ только и было толковъ что о фасонахъ, о матеріяхъ и о балахъ, къ которымъ нужно приготовить именно такія-то и такія платья, да изрѣдка шопотомъ передавались таинственныя замѣчанія о любви и объ обожателяхъ, — въ этомъ убѣжищѣ провинціальной моды, говоримъ мы, Мери ничего не слыхала о важномъ политическомъ событіи; она не знала, что парламентъ отказался выслушивать прошеніе работниковъ, не знала о томъ, какъ они, со всею

силой своего отчаяннаго краснорѣчія, умоляли о позволеніи высказать свои нужды, изобразить глубокую нищету, которая какъ хищный побѣдитель на блѣдномъ конѣ рыщетъ въ народѣ и, хватая свои жертвы направо и налево, неумолимо губить ихъ и разноситъ стоны и слезы по всей странѣ.

Бартонъ побѣлъ, отдохнулъ и все еще сидѣлъ молча. Мери всей душой стремилась узнать, что его такъ печалитъ, но не рѣшилась спросить; и хорошо дѣлала, потому что когда на сердцѣ у насъ тяжело, то намъ трудно отвѣчать на готовые вопросы, а сами мы охотно высказываемся, какъ и когда намъ вздумается.

Мери сѣла на скамеечку у ногъ отца, какъ часто дѣлывала въ дѣтствѣ, и тихо вложила свою руку въ его руку; мало по малу она прониклась его тихою печалью и, сама не зная отчего, глубоко вздохнула.

— Мери, будемъ молить Бога, чтобы Онъ услышалъ насъ: люди не слушаютъ. Да, не слушаютъ, даже и тогда, когда мы передъ ними плачемъ кровавыми слезами.

Мери въ одну минуту поняла въ чемъ дѣло, и хотя не знала подробностей, но тотчасъ сообразила, что тяготитъ его сердце. Она молча прижалась къ его рукѣ, не зная что сказать; она такъ боялась потревожить отца какимъ-нибудь неумѣстнымъ словомъ, что осталась вовсе безмолвною. Но видя, что онъ уже болѣе получаса не измѣняетъ положенія и безсознательно, упорно смотритъ на огонь; ничего не слыша, кромѣ тяжелыхъ вздоховъ, однообразнаго постукиванья маятника, да непрерывнаго шлепанья дождевыхъ потоковъ съ крыши, Мери почувствовала страшную тоску. Она рѣшилась чѣмъ-нибудь прервать это безмолвіе, какъ нибудь развевелить отца — сказать ему хоть горькую вѣсть.

— Папа, знаете вы, что Джорджъ Вильсонъ умеръ? (Онъ внезапно, почти грубо и судорожно сжалъ ея руку.) Онъ вчера утромъ упалъ мертвый на оксфордской улицѣ. Это вѣдь большое горе, неправда ли, папа?

Глаза ея были полны слезъ, готовыхъ брызнуть, и она съ участіемъ заглянула въ лицо отцу, ожидая встрѣтить его огорченный взглядъ, его задушевное слово. Но взглядъ его упорно устремился на огонь, съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ тупого отчаянія: не замѣтно было даже скорби о покойникѣ.

— Хорошо сдѣлалъ, что умеръ, проговорилъ онъ глухо.

Мери не выдержала. Она встала и подъ тѣмъ предлогомъ, что

предупредить Маргариту и не велить ей приходить ночевать, пошла къ Джобу Легу; въ сущности она хотѣла попросить его придти и развлечь нѣсколько отца.

Она остановилась у двери Джоба Лега и стала слушать. Маргарита упражнялась въ пѣніи и голосъ ея раздавался въ ночной тиши, какъ голосъ ангела-примирителя.

— Утѣшься, утѣшься, народъ мой, вѣщаетъ Господь Израилю.

Знакомые звуки еврейскаго пророчества какъ освѣжительная роса пали на душу Мери. Ей не хотѣлось прерывать ихъ, и она стояла, внимательная и «утѣшенная», пока пѣніе кончилось и въ комнатѣ снова послышался тихій говоръ. Тогда Мери вошла и передала имъ о случившемся.

Дѣдъ и внучка тотчасъ встали съ мѣстъ и приготовились идти за нею, при чемъ старикъ дружелюбно сказалъ:

— Онъ вѣрно только усталъ, Мери, успокойся; завтра онъ будетъ другимъ человѣкомъ.

Трудно опредѣлить, какіе именно голоса и рѣчи имѣютъ наибольше благотворное вліяніе на людей страждущихъ и печальныхъ; но дѣло въ томъ, что часа черезъ полтора Джонъ Бартонъ уже разговаривалъ также охотно и свободно какъ и всегда, хотя конечно разговоръ его исключительно относился къ тому происшествію, которое разбило его лучшія надежды, любимыя мечты его и многихъ другихъ.

— Да, да, Лондонъ — что и говорить! городъ важнѣйшій, говорилъ онъ. И живутъ тамъ отлично, такъ какъ я и не воображалъ никогда, словно въ книгѣ написано. Да, всѣ они тамъ получили уже мзду свою, взамѣнъ утѣхъ будущей жизни.

Опять намекъ на старинную притчу о Дивѣ и Лазарѣ! Но такъ ли часто вспоминаютъ о ней богачи, какъ бѣдные современные намъ Лазари?

— Расскажи же намъ побольше о Лондонѣ, папа, просила Мери, сидя по прежнему у его ногъ.

— Что же я стану вамъ рассказывать, коли я и десятой доли Лондона не видѣлъ? говорятъ, въ немъ умѣстилось бы шесть нашихъ Манчестеровъ. Одна шестая доля наполнена дворцами да хоромами, три доли такъ себѣ, всякіе есть дома; а остальное все такая грязь и мерзость, какой у насъ въ Манчестерѣ не бываетъ, смѣю сказать навѣрное.

— Ну, папа, а королеву видѣли?

— Кажется настоящей-то не видаль, хотя одинъ разъ много ви-

дѣлъ барынь, изъ которыхъ каждую сначала принималъ за королеву. Видите ли, продолжалъ онъ обращаясь къ Джобу Легу : — намъ назначили приходить въ парламентъ. Мы почти все остановились въ одномъ трактирѣ, въ Гольборнѣ, и насъ тамъ очень хорошо содержали. Въ то утро какъ мы должны были подавать прошеніе, накрыли намъ такой завтракъ, что хоть бы самой королевѣ. Они, кажется, думали насъ этимъ подкуражить. Подали намъ и бараньихъ почекъ, в соусъ, и запеченой ветчины, и жареной говядины съ лукомъ ; конечно больше похоже было на обѣдъ, чѣмъ на завтракъ. Однако я замѣтилъ, что многимъ изъ нашихъ кусокъ въ горло не шолъ. Не могли ѣсть, вспоминая о своихъ домашнихъ, о жонахъ и ребятишкахъ, которымъ въ эту минуту, быть можетъ, и перекусить нечего. Вотъ послѣ завтрака мы и пустились въ нуть ; долго пришлось провозиться, чтобы построиться длиною цѣпью, по два въ рядъ ; а прошеніе-то — въ нѣсколько аршинъ длиною — несли передніе. Могу сказать, нешуточное было дѣло и серьезно мы за него принялись ; и какіе же они были все худые, блѣдые, да тощіе !

— Ты и самъ-то хорошъ, нечего сказать, вмѣшался Джобъ.

— Я-то еще что ! въ сравненіи съ нѣкоторыми я могъ показать-ся толстымъ и румянымъ. Пошли мы ; прошли черезъ множество улицъ, ни дать ни взять наша Динсгетская. Мы принуждены были пробираться тихо, претихо, потому что по улицамъ то и дѣло снуютъ кареты да кебы. Я думалъ, что мы по немножку выберемся на большую улицу и тамъ будетъ престоурнѣе. Но чѣмъ дальше — тѣмъ хуже : чѣмъ улицы шире и великолѣпнѣе, тѣмъ давка сильнѣе, такъ что наконецъ въ Оксфордъ-стритъ насъ совсѣмъ заперли, ни туда, ни сюда. Кое-какъ однакоже выбрались и оттуда и — Боже ты мой милостивый, въ какія чудныя мѣста мы попали ! Что за дома, что за улицы ! Впрочемъ постройки все какія-то престранныя, видно что хорошенько строить не умѣютъ ; кабы туда хорошій мастеръ пришолъ, изъ каменщиковъ, какую-бы деньгу могъ зашибить ! Иные дома такъ поставлены, что ужъ проето не знаешь — гдѣ тутъ жить и куда войти ; видно послѣ спохватились нѣкоторые, что зданія могутъ повалиться, ну и наставили передъ нимъ столбовъ — такъ, безъ всякаго порядка, Богъ знаетъ что такое. У иныхъ — должно быть у портныхъ — вмѣсто вывѣсокъ наставлены каменные люди, мушны и женщины, вовсе безъ одѣжи. Я право, какъ ребенокъ, самъ такъ заглядѣлся, что все позабылъ на ходу. А между тѣмъ настала уже обѣденная пора, судя по солнцу, которое стояло прямо у

насъ надъ головами и порядочно пропевало; мы были всё въ пыли и таки довольно устали, переставляя ноги шагъ за шагомъ. Наконецъ дошли до одной улицы — лучше всёхъ, она ведетъ прямо ко дворцу королевы, и вотъ тутъ-то я думалъ, что видѣлъ самое королеву. Ты видаешь когда-нибудь бѣлыя перья, вотъ что въ похоронныхъ процессіяхъ на лошадей надѣваютъ, Джобъ?

Джобъ кивнулъ головою.

— Ну, лондонскіе гробовщики наживаютъ, я думаю, изрядные барыши. Почти каждая леди, изъ тѣхъ, что ѣхали въ каретахъ, надѣла себѣ на голову по такому перу. Въ этотъ день у королевы былъ большой пріемъ, какъ намъ сказали, и всё кареты катились къ ея дому: въ иныхъ сидѣли джентльмены, наряженные словно канатные плясуны, а въ другихъ натолканы пышныя леди. Нѣкоторыя кареты должно быть ужь очень тѣсны что-ли, такъ иные господа не умѣщаются тамъ и висятъ сзади, на шнуркахъ, а у самихъ приколоты букеты цвѣтовъ, для запаха, и въ рукахъ палочки, чтобы отгонять прохожихъ, которые могутъ забрызгать ихъ шелковые чулки. Я подивился, что они не наймутъ кеба, чѣмъ такъ-то трястись сзади; но потомъ разсудилъ, что вѣрно они не хотятъ отставать отъ жонъ. Кучера сидятъ плотные, склоченные, въ парикахъ, какъ старинные пасторы. Ужь мы ждали, ждали, когда пробѣдутъ эти кареты; а лошади жирныя, гладкія, на силу шевелятся: судя по ихъ блестящей натянутой кожѣ, онѣ сроду не стояли безъ корма. Мы было двинулись впередъ, но полиція не пустила. Иные изъ полицейскихъ замахнулись даже своими палочками и нѣкоторыхъ ударили; тогда кучера засмѣялись, а офицеры, которые тутъ стояли по бокамъ, всунули въ глазъ себѣ по стеклышку, да и смотрять, какъ болваны какіе нибудь. Одинъ изъ полицейскихъ ударилъ и меня. Это вы что-же дѣлаете? спрашиваю я.

— Вы, говорить, можете перепугать лошадей, а наша обязанность охранять отъ всякаго безпокойства достопочтенныхъ леди и джентльменовъ, которые изволятъ ѣхать ко двору ея величества. — И все это говорить такъ связно, да глухо, насилу губы разжимаетъ.

— А насъ-то за что же вы безпокоите, я говорю, когда мы смирно идемъ себѣ по своимъ дѣламъ, а дѣла-то у насъ идутъ о жизни и смерти нашей, да еще и многихъ другихъ, которые о-сю пору можетъ быть съ гододу мрутъ въ Ланкаширѣ? Какъ вы думаетъ?

те, которое дѣло будетъ поважнѣе передъ Господомъ, наше-ли, или джентльменское?

— Только понапрасну я ему сказалъ все это, потому что онъ и въ усь себѣ не дуетъ, знай зубы скалитъ!

Джонъ замолчалъ. Подождавъ нѣсколько минутъ и видя, что онъ не продолжаетъ, Джобъ Легъ сказалъ:

— Ну что же, ты еще главнаго-то не рассказывалъ: ты намъ скажи, какъ и что было у васъ въ парламентѣ-то.

Помолчавъ немного, Джонъ отвѣчалъ:

— Эхъ, сосѣдъ, объ этомъ лучше бы вовсе не говорить. Этого ни забыть, ни простить я не могу — да и многіе другіе также; — по рассказывать о нашемъ униженіи, какъ о какой-нибудь лондонской сплетнѣ, не могу я, сосѣдъ. Покуда живъ буду, не изгладится изъ моего сердца этотъ горестный день; и покуда живъ буду, стану я проклинать въ душѣ тѣхъ, которые насъ слушать не захотѣли; но говорить объ этомъ — больше не стану.

Эти слова какъ-будто наложили печать молчанія на всѣ уста. Но старикъ Легъ чувствовалъ, что надо что нибудь сказать, чтобы Бартономъ не впадалъ опять въ свою суровую хандру. Онъ подумалъ съ минуту и выдумалъ предметъ для разговора, недовольно игривый, чтобы идти въ разладъ со всеобщимъ настроеніемъ, но настолько посторонній, чтобы развлечь вниманіе слушателей.

— Вы слыхали-ли когда-нибудь, сказалъ онъ обращаясь къ Мегги, — что я тоже въ Лондонѣ бывалъ?

— Нѣтъ! отвѣчала она, съ удивленіемъ и въ тоже время съ большимъ почтеніемъ взглянувъ на Джоба.

— Какъ же, былъ; вотъ и Мегги тоже была, хотя конечно не помнитъ этого, гдѣ-же ей помнитъ, бѣдняжкѣ! — У меня, надо вамъ знать, только и была одна дочь, мать Маргариты. Я ее любилъ какъ душу свою. Вотъ одинъ разъ приходитъ она ко мнѣ, стала у меня за стуломъ, чтобы мнѣ не видно было какъ она краснѣетъ, треплетъ меня, по своему, по щекѣ, да и говорить, что дескать еслибы ей выйти замужъ за Франка Дженнингса (сосѣда нашего, черезъ сѣни), то оба они были бы очень, очень счастливы. Ну, хоть и не достало у меня духу отказать ей, но я почувствовалъ, что отъ сердца оторвалось что-то, при мысли объ ея уходѣ изъ дому. Одна-коже она была единственное мое дитя, такъ я никогда ей не говорилъ, чего мнѣ это стоило, чтобы не опечалить ея молодого сердечка. А вспомнилъ только, что и я былъ когда-то молодъ и любилъ го-

лубку мать ея, царство ей небесное, и ушли-же мы съ нею отъ отца и матери и были счастливы... Я радъ, что ничего ей тогда не сказалъ и не помѣшалъ счастьемъ моей дѣвочки, которую холилъ и берегъ какъ зѣницу ока своего.

— Но вы кажется сказали, что молодой человѣкъ былъ близкій сосѣдъ вашъ? сказала Мери.

— Какже, и онъ, и отецъ его, старинные сосѣди. Но работа въ Манчестерѣ была плохая, а дядя Франка писалъ ему изъ Лондона, что тамъ и работы вдоволь, и заработки знатные; и сманилъ его, а Маргарита должна была ѣхать за нимъ туда же. Охъ, и теперь больно вспомнить о томъ времени. Она была пресчастлива, и онъ тоже; а старый отецъ знай только тоскуетъ за ними. Они женились и послѣ свадьбы пожили со мною нѣсколько дней; я послѣ часто думалъ, что Маргарита моя въ эти дни не разъ погоревала о близкомъ разставаньѣ, и не разъ жалкія слова просились у ней на языкъ; но я полагалъ, что лучше оставить это такъ, безъ вниманія, чтобы не очень ее разстроивать. А она то и дѣло, то придетъ поцѣлуетъ меня, то за руку возьметъ, какъ ребенокъ приласкается. Наконецъ уѣхали они. Письма-то ты знаешь, Маргарита?

— Еще бы не знать! сказала внучка.

— Ну, вотъ эти два письма я только и получилъ отъ нея во всю жизнь. Она писала, что очень счастлива, да я думаю и вправду была счастлива. Въ семействѣ Франка говорили, что онъ нашолъ себѣ хорошее мѣсто. Въ одномъ изъ писемъ она подписала, бѣдняжка: прощай, *дѣдушка!* и слово дѣдушка-то подчеркнула. Ну, я и заключилъ, что значить они уже семействомъ обзаводятся; ничего не сказалъ, только сталъ деньжонки копить и думаю себѣ, какъ придетъ Троицынъ день, возьму отпускъ и пойду повидать ихъ и малютку. Незадолго до Троицына дня вижу, приходитъ ко мнѣ старый Дженингсъ, грустный такой, да озабоченный, и говорить: я слышалъ, что нашъ Франкъ и Маргарита лежатъ въ горячкѣ. Я насилу на ногахъ устоялъ, какъ услышалъ про это, словно сразу угадалъ, чѣмъ оно кончится. Старикъ-то получилъ письмо отъ хозяйки того дома, въ которомъ они стояли; такое доброе, хорошее письмо; хозяйка спрашиваетъ, нѣтъ ли у жильцовъ какихъ-нибудь родныхъ или друзей, чтобы пріѣхали къ нимъ, посмотрѣли бы за больными. Сперва заболѣла Маргарита и Франкъ за ней ухаживалъ, какъ мать родная; до тѣхъ поръ онъ съ нею нянчился, что наконецъ и самъ слегъ, а она каждый день ждалась родить. Словомъ, нечего долго раз-

сказывать, мы съ Дженингомъ въ тотъ же вечеръ поѣхали въ Лондонъ въ дилижансѣ. Вотъ такимъ-то родомъ и попалъ я въ Лондонъ, Мери.

— А каково было вашей дочери, когда вы къ ней пріѣхали? спросила Мери съ безпокойствомъ.

— Она уже успокоилась бѣдняжка, и Франкъ также. Я того и ждалъ, по лицу хозяйки, отворившей намъ дверь. Она была вся распухшая отъ слезъ. Я спросилъ: гдѣ они? И по ея взгляду угадалъ, что померли; но Дженингсъ совсѣмъ не такъ принялъ это, какъ я. Когда насъ ввели въ комнату, гдѣ на кровати, подъ бѣлымъ покрываломъ лежали рядомъ двѣ неподвижныя, окостенѣлыя фигуры, онъ вскрикнулъ и зарыдалъ какъ женщина:

«Но у него были еще другія дѣти, а у меня ужъ никого не осталось. Передо мной лежало мое утраченное сокровище, единственная моя отрада; умерла она, и я одинъ на бѣломъ свѣтѣ, некому меня ни полюбить, ни приласкать. Не помню ужъ, что я тутъ дѣлалъ; знаю только, что не выходилъ изъ себя и былъ спокоенъ, хотя сердце разрывалось на части.

«Дженингсъ не выдержалъ, не могъ даже оставаться въ этой комнатѣ; хозяйка увела его внизъ, и я радъ былъ, что меня одного оставили. Наконецъ стемнѣло и хозяйка опять пришла и говорить: подите за мной. Я всталъ и пошелъ, но долженъ былъ держаться за перила, такъ кружилась у меня голова. Она привела меня въ комнату, гдѣ на диванѣ лежалъ Дженингсъ и крѣпко спалъ, закрывъ лицо носовымъ платкомъ. Хозяйка говорила, что это онъ отъ слезъ утомился и заснулъ. На столѣ приготовленъ былъ чай — она такая была ласковая, добрая женщина; но опять таки говорить: идите за мной. Я пошелъ за ней и она показала мнѣ у камина бѣлѣвую корзину, накрытую сверху большимъ платкомъ. Подымите, говорить; платокъ. Я поднялъ, — а тамъ лежитъ малюточка, почиваетъ крошка! Сердце во мнѣ бѣнуло, а слезы такъ и брызнули изъ глазъ, въ первый разъ въ тотъ день. «Это ея дитя?» говорю, а самъ и такъ знаю, что ея. «Да», говорить; «она уже стала поправляться послѣ горячки, а тутъ родилась эта дѣвочка; а мужу-то стало хуже; онъ умеръ. И она не пережила».

«Малюточка моя дорогая! словно душа ея ангельская воротилась утѣшить меня. Я просто ревновалъ къ Дженингу, каждый разъ какъ онъ подходилъ къ корзинкѣ. Мнѣ казалось, что дитя это болѣе моя плоть нежели его, а все боялся, что онъ вступится и отъ

иметь ее у меня. Однако онъ и не думалъ: у него изволю было другихъ дѣтей; и я послѣ узналъ, что всѣ хотѣли, чтобы именно я взялъ къ себѣ малютку. Схоронили мы Маргариту и ея мужа на большомъ, отдаленномъ лондонскомъ кладбищѣ, загроможденномъ памятниками. Крѣпко не хотѣлось мнѣ оставлять ихъ тутъ, и думалось все, какъ дико и странно имъ будетъ тутъ, когда они встанутъ въ послѣдній день и не увидятъ вокругъ себя никого изъ своихъ, манчестерскихъ. Но нечего дѣлать, иначе нельзя было. Впрочемъ вездѣ Богъ, и тамъ Онъ видитъ ихъ могилы, какъ здѣсь бы видѣлъ. Погребеніе стоило намъ не мало денегъ, потому что намъ съ Дженнингсомъ хотѣлось все это сдѣлать поопрятнѣе. Потомъ надо было подумать, какъ довести домой крошку. Денегъ оставалось у насъ самая малость; но погода была отличная и мы рѣшили въ дилижансѣ добхать до Бруммаджена, а оттуда идти пѣшкомъ. Былъ ясный майскій день, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ на Лондонъ, съ высоты большого холма, мили за двѣ отъ города. И въ этомъ огромномъ, людномъ городѣ оставилъ я свою безцѣнную баювницу, уснувшую послѣднимъ сномъ. Ну, да будетъ воля Его! Взялъ Онъ ее прежде меня, но и меня приберетъ же наконецъ, и уже авось не долго ждать.

«Передъ отъѣздомъ малютку накормили до сыта и въ дилижансѣ она заснула у меня на рукахъ, какъ въ колыбели. Но когда экипажъ остановился въ обѣденную пору, она проснулась и стала кричать о своей кашкѣ. Мы спросили хлѣба и молока и Дженнингсъ принялся кормить ее. Только какъ ребенокъ раскроетъ ротикъ и онъ ей положить туда тюрп, молоко и потечетъ назадъ со всѣхъ концовъ. Что тутъ будешь дѣлать! Я ему говорю: а ты потряси ее, вѣдь такъ всегда дѣлаютъ, когда льютъ въ воронку и что-нибудь застрянетъ: потрясешь и пройдетъ. Онъ сталъ трясти, а малютка кричитъ еще пуще. Дай мнѣ ее! говорю я съ досадою, а самъ думаю: какой же неловкій этотъ старикъ! Но у меня вышло чуть ли еще не хуже: какъ ни трясъ я, ничего не попадало ей въ горлышко, и все сухое бѣлье и покрывальца, въ которыя укутала ее хозяйка, вымочились ужасно. Мы рѣшились наконецъ сами кое-какъ пообѣдать, и только что сѣли за столъ и проглотили куска по два, входятъ два молодца. Одинъ кричитъ: готовы лошади! и машетъ шляпою, другой докладываетъ: полкроны за обѣдъ! и машетъ полотенцомъ. Мы думали, что такъ дорого, когда мы только чуть попробовали своего обѣда? А онъ, провалъ его возьми, съ каждаго изъ

насъ содралъ по полкроны, да шиллингъ за молоко съ хлѣбомъ, которое мы расплескали на ребячьи пеленки. Мы было не хотѣли платить, но другіе говорятъ, что такъ слѣдуетъ, что это правило. Что будешь дѣлать? Гдѣ же намъ, бѣднымъ старикамъ, сладить съ ними! А бѣдная малютка кричить голосу не отвоя, отъ станціи вплоть до самаго Бруммаджема, гдѣ мы остановились ночевать. У меня сердце выболѣло о ней: она хватаетъ ротикомъ и за рукавъ мой, и за губы, когда я наклоняюсь ее уговаривать. Голубочка моя! Ей маму надо, а мама—то лежитъ въ сырой землѣ. Что же, говорю я, вѣдь она до смерти закричится, если мы ей также дадимъ поужинать, какъ она пообѣдала. Позовемъ хоть какую-нибудь женщину, чтобы покормила ребенка. Всякая женщина ужъ отъ природы умѣетъ водиться съ дѣтьми. Мы попросили трактирную служанку и она очень охотно принялась за дѣло. Мы плотно поужинали, конечно устали немного отъ ѣзды и въ теплой комнатѣ такъ разнѣжились, что такъ и клонило насъ ко сну. Служанка говоритъ, что съ удовольствіемъ взяла бы ребенка переночевать съ собою, но боится чтобы хозяйка не забрала ее. А малюточка лежала у ней на рукахъ такъ спокойно, такъ хорошо улыбалась, что мы думали теперь уже съ ней никакой возни не будетъ и рѣшились оставить ее на ночь у себя. Видишь, говорю я Дженнингсу, какъ женщины умѣютъ уgomонить ребенка, я тебѣ говорилъ? А онъ посмотрѣлъ на меня — онъ всегда былъ пресерьѣзный и все что-то обдумывалъ, хотя по правдѣ сказать, ничего особенно мудренаго не выдумалъ, — и говорить:

— А что, матушка, нѣтъ ли у васъ лишняго чепчика?

— Барыня всегда держитъ въ запасѣ ночные колпаки и чепчики, отвѣчаетъ горничная, на случай если кто изъ постояльцевъ не хочетъ руться въ своемъ чемоданѣ.

— Не въ томъ дѣло, матушка, говоритъ ей Дженнингсъ: мнѣ надо именно вашъ чепчикъ, потому что малюткѣ кажется понравился вашъ обликъ; такъ если я надѣну вашъ чепецъ, она можетъ быть въ темнотѣ—то не распознаетъ.

«Дѣвушка прыснула со смѣху и пошла за чепчикомъ; а я просто расхохотался надъ старымъ бородачемъ, который вообразилъ себя, что его въ чепчикѣ не распознаешь отъ женщины. Однакоже ему было не до смѣху и онъ пресерьѣзно далъ мнѣ подержать крошку, пока самъ улегся въ постель. Ну, выдалась же намъ ночка! по гробъ не забуду. Малютка тотчасъ же начала кричать по

старому и мы попеременно укачивали ее на рукахъ. Сердце у меня сжималось, глядя, какъ она ловить и хватаетъ ротикомъ то направо, то налево, но все же я чуть не разсмѣялся при мысли, что вотъ два старые дурака — и притомъ еще одинъ въ чепчикѣ — сидятъ всю ночь напролетъ и баюкаютъ дитяшку, которая не хочетъ спать, да и только. Къ утру бѣдная крошечка таки уснула, съ усталости; и во снѣ то и дѣло такъ всхлипывала и вздрагивала, всѣмъ тѣльцемъ, что я уже пожалѣлъ, зачѣмъ она не отправилась вмѣстѣ съ матерью на вѣчный покой. Дженнингсъ также уснулъ, а я принялся считать наши деньги. Немного ихъ оставалось, особенно послѣ вчерашняго обѣда. Я еще не зналъ, что будетъ стоить нашъ ужинъ, ночлегъ и завтракъ въ трактирѣ; но ариеметика всегда имѣетъ свойство усыплять меня, еще съ дѣтства, и я уснулъ какъ убитый. Рано поутру постучалась къ намъ служанка и сказала, что если мы хотимъ, она теперь можетъ одѣть ребенка, куда барыня ее не вставала. Вотъ тебѣ и разъ! а мы и не раздѣвали малютку съ вечера; только она теперь такъ крѣпко спала, что жалко было ее тревожить; мы рады были, что она хоть какъ-нибудь успокоилась.

«Ну вотъ — эге! да Мери ужъ спитъ. Хорошо же я рассказываю! Я думаю и всѣмъ вамъ прискучили мои рассказы; скоро кончу. Расплатившись по счету, мы остались чуть не безъ гроша, и разсудили, что лучше дойти до дому пѣшкомъ, потому что намъ оставалось не больше шестидесяти миль, и рѣшили не останавливаться ни за чѣмъ, кромѣ пищи. Брумиджемъ мѣсто довольно скучное, хотя похоже на Манчестеръ, но все-таки не то что нашъ родной городъ. Мы вышли оттуда и цѣлый день не останавливались, попеременно неся ребенка. Передъ уходомъ его до сыта накормила служанка; день былъ прекрасный, а народъ началъ намъ попадаться потолковѣе, больше похожій на нашихъ, такъ что мы нѣсколько повеселѣли, приближаясь домой, хотя, Богу извѣстно, какая же радость меня тамъ ожидала! Въ обѣдъ мы не останавливались, а поужинать зашли въ харчевню, поѣли сами и кое-какъ малютку накормили; захватили съ собою также и булку съ корочкой, чтобы давать ей сосать, какъ научила служанка. Въ эту ночь, оттого ли что мы устали больше, или отъ другого чего, но только идти намъ было очень тяжело, а бѣдная крошечка кажется уже весь свой сонъ выспала, потому что стала кричать пуще прежняго. У меня сердце щемить, а Дженнингсъ говорить:

— Вотъ, говорить, очень нужно было намъ съ тобою залѣзть

на верхушку дилижанса изъ Лондона. Катились, какъ важные господа, а теперъ денегъ нѣтъ.

— Что же, я говорю, кабы не проѣхали того конца, пришлось бы пройти его пѣшкомъ и было бы еще дольше, а мы съ тобою ва- жется и безъ того шагать устали.

«Онъ помолчалъ на это. Но у него была такая привычка, чтобы непременно на что-нибудь пожаловаться, особенно если уже того ни перемѣнить, ни передѣлать нельзя. Вотъ онъ откашлялся, видно что собрался говорить, а я себя думаю: что еще скажешь новень- наго?»

— Не во гнѣвъ тебѣ буди сказано, сосѣдъ, началъ онъ, а по моему лучше бы сынъ мой никогда съ твоей дочерью не знался.

«Это меня взорвало! Я сильно разсердился и не будь у меня руки заняты ребенкомъ, ея ребенкомъ, я бы кажется поколотилъ его. Однако я сдержался и сказалъ только:

— Ты бы ужъ говорилъ, сосѣдъ, что лучше бы Богъ и свѣта не создавалъ, чтобы не было на свѣтѣ такихъ горемыкъ, какъ мы съ тобой.

«Это показалось ему богохульствомъ; но по моему, его жа- лобы на Божью волю были еще богохульствѣ. Впрочемъ я ему ни- чего не отвѣчалъ, ради малюточки, которая столько же была до- черью его покойнаго сына, какъ и моей покойной дочери.

«Всему бываетъ конецъ; прошла и эта длинная ночь; мы сильно устали и измучились, а крошка, какъ мнѣ казалось, стано- вилась все слабѣе и слабѣе; у меня сердце надрывалось, слушая ея истомленный голосокъ: я бы отдалъ свою правую руку, лишь бы услышать опять вчерашній, здоровый крикъ ея. Намъ надо было позавтракать, да и ребенку тоже, бѣдной сиротчкѣ. Харчевень и трак- тировъ не было видно, и часовъ въ 6 утра, — намъ-то казалось гораз- до позже, — мы зашли въ коттеджъ, около котораго хлопотала какая- то женщина. Я говорю: нельзя ли намъ, матушка, отдохнуть у васъ маленько? — Войдите, говоритъ, и сейчасъ обтерла передникомъ кресла, которыя и такъ были пречистенькія. Комната была веселая, уютная, и мы рады были присѣсть, хотя сначала у меня просто ноги не гнулись. Черезъ нѣсколько минутъ женщина замѣтила у меня ребенка и, взявъ его на руки, стала цѣловать, да миловать. Послушайте-ка, говорю я ей, у насъ есть кой-какія деньжонки и если вы намъ дадите позавтракать, мы охотно заплатимъ вамъ, а если возьметесь вымыть и одѣть эту малюточку, да пропустить ей

въ горлышко какой-нибудь тюри, то я за васъ по гробъ буду Бога молить. Она ничего не отвѣчала, передала мнѣ наскоро ребенка и не успѣли мы оглянуться, какъ уже она заварила котелокъ и поставила на столъ сыру и хлѣба. Когда она обернулась къ намъ, я увидѣлъ, что глаза у ней раскраснѣлись, а губы плотно сжаты. Мы радехоньки были поѣсть и сѣли за столъ, а она, дай ей Богъ здоровья, стала кормить крошку, да такъ нѣжно и ласково, какъ бы родная мать могла обходиться съ нею. Казалось, что эта чужая женщина и дитя давно уже знали другъ друга, да можетъ и вправду встрѣчались на небесахъ, гдѣ, говорятъ, обитаютъ наши души, до рожденія нашего. Малютка привѣтливо смотрѣла ей въ глаза и гулила, словно голубчикъ. Потомъ она ее осторожно раздѣла и распеленала, что давно бы сдѣловало сдѣлать съ бѣдняжечкою, и вымыла ее съ головы до ногъ, также выстирала и грязныя пеленки. Все чистое бѣлье, что мать наготовила ребенку, она отложила въ сторону, а сама завернула крошку въ свой передникъ и пошла съ нею къ коммоду; тутъ она вынула изъ-за пазухи ключикъ, висѣвшій у ней на черной лентѣ, и отперла одинъ ящикъ. Я не хотѣлъ заглядывать туда, однако же ясно видѣлъ, что въ ящикѣ лежитъ дѣтское бѣлье, пересыпанное душистою травкой, а между нимъ маленькій сломанный кнутикъ и гремушка. Тогда душа этой женщины какъ-будто вывернулась передо мною наружу. Она вынула нѣсколько вещицъ, заперла ящикъ и стала одѣвать крошку. Въ эту минуту сошелъ съ верху ея мужъ, высокій, плотный мужчина, словно не выпавшійся, не смотря на поздній часъ. Видно было, что онъ слышалъ все, что происходило внизу; но какъ человѣкъ грубоватый, онъ на это не обратилъ вниманія. Мы кончили завтракъ и Дженнингсъ пристально смотрѣлъ на хозяйку, которая между тѣмъ закачивала ребенка; онъ и говоритъ ей: теперь я знаю какъ надо это дѣлать, два раза сверху внизъ, да разъ справа налево, два раза сверху внизъ, да разъ справа налево. Дайте мнѣ ребенка, я самъ его укачаю.

«Хозяинъ довольно угрюмо кивнулъ намъ головою, всталъ у двери и, заложивъ руки въ карманы, посвистывалъ, глядя на дорогу. Какъ вдругъ онъ оборотился къ женѣ и говоритъ, такъ грубо и сердито:

— Что же это, я видно сегодня не дождусь завтрака!

«Она поцѣловала ребенка нѣжнымъ и долгимъ поцѣлуемъ, и взглянувъ мнѣ въ глаза, какъ бы спрашивая понимаю ли я, отдала

мнѣ дитя. Мнѣ смерть не хотѣлось уходить, потомучто ноги болѣли, однако я разсудилъ, что лучше уйти, и толкнувъ Дженнингса, который тѣмъ временемъ успѣлъ заснуть, спросилъ хозяйку, много ли приходится по счету? Я сталъ высыпать свои деньги позвончѣе, чтобы она не подумала, что у насъ нечѣмъ заплатить. Вотъ она сначала посмотрѣла на мужа; онъ молчитъ, а самъ слушаетъ обоими ушами; она видитъ, что онъ говорить не хочетъ, и не знаетъ что дѣлать: видно, что и его боится, и насъ не хочетъ обидѣть, и говорить: шести пенсовъ, я думаю, будетъ не очень много? Ну, думаю я, это не трактирный счетъ, вѣдь мы-таки изрядно поѣли, пока мужъ-то не сходилъ внизъ. А что же, говорю, за дѣтское молоко съ хлѣбомъ? И хотѣлъ было сказать: и за труды ваши, да языкъ не поворотился; видно было, что она не за деньги это дѣлала. Тогда она взглянула украдкой на спину мужа, который кажется весь превратился въ ухо, и поспѣшно сказала: О, за дѣтскій завтракъ какъ же можно брать, хоть бы онъ вдвое больше скушалъ, Христось съ нимъ! Тутъ мужъ на нее посмотрѣлъ такими сердитыми глазами. Она поняла и тихо подошедши къ нему, положила руку на его плечо. Казалось онъ сейчасъ толкнетъ ее локтемъ, но она шепнула: «ради бѣднаго крошки Джонни, Ричардъ!» Онъ промолчалъ, не шевельнулся съ мѣста, а она, тщетно заглянувъ ему въ лицо, отошла, глотая слезы. Проходя мимо спящей малютки, когда я расплачивался, она опять поцѣловала ее. А я, чтобы уговорить мужа, въ случаѣ если онъ будетъ сердиться, положилъ подъ краешку хлѣба на столъ еще шестипенсовикъ. Когда я обернулся въ послѣдній разъ, она тихо отирала глаза передникомъ, приготавливая мужнинъ завтракъ. Но на томъ свѣтѣ я узнаю ее!

Джобъ Легъ замолчалъ и задумался о томъ давно-прошедшемъ майскомъ днѣ, когда несъ свою малютку-внучку мимо зеленыхъ плетней, подъ тѣнью цвѣтущихъ кленовъ.

Маргарита просила его продолжать, но онъ отвѣчалъ, что больше нечего рассказывать.

— Въ тотъ же вечеръ мы дошли до Манчестера и узнавъ, что старый Дженнингсъ охотно уступаетъ мнѣ малютку, я тотчасъ же утащилъ ее домой и съ тѣхъ поръ она стала моею отрадою.

На нѣсколько минутъ всѣ примолкли, предаваясь своимъ собственнымъ размышленіямъ; потомъ, почти въ одно и тоже мгновеніе, вниманіе всѣхъ остановилось на Мери. Сидя на своей скамеечкѣ и положивъ голову на колѣна отца, она спала крѣпкимъ сномъ уста-

лаго ребенка ; дыханіе ея, ровное и тихое, граціозно приподымало высокую грудь ; полуоткрытый ротикъ былъ красенъ какъ ягода, и чистыя очертанія его изящно отдѣлялись отъ бѣлаго личика, ярко разгорѣвшимися щеками. Черныя рѣсницы стрѣлами рисовались на этихъ щекахъ, осѣненныхъ густыми прядями золотистыхъ волосъ, которые какъ шелковая подушка обрамляли ея головку. Всѣ залюбовались ею, а отецъ съ нѣжною гордостью расправилъ одну изъ вьющихся прядей волосъ, какъ бы для того, чтобы выказать ихъ длину и мягкость. Это движеніе разбудило ее, и подобно большей части людей въ подобныхъ случаяхъ, она широко раскрыла глаза и вскричала :

— Я не сплю. Я все время не спала.

Отецъ не могъ удержаться отъ улыбки, а Джобъ Легъ и Маргарита просто расхохотались.

— Что тутъ толковать, голубушка, сказалъ Джобъ : — ты не конфузся признаться, что заснула, пока старый болтунъ толковалъ про старыя времена. Я и самъ знаю, что было съ чего заснуть. Вотъ постарайся теперь не заснуть, пока я прочту отцу твоему одну штучку, написанную такимъ же ткачемъ какъ и мы съ нимъ. Знатный парень долженъ быть этотъ ткачъ, если умѣетъ фабриковать такіе стихи !

Старикъ надѣлъ очки, потеръ себѣ подбородокъ, положилъ ногу на ногу, откашлянулся и приступилъ къ чтенію маленькой поэмы Самуэля Бамфорда, попавшейся ему гдѣ-то случайно.

« Спаси, Господь, помилуй бѣдняка !
 Какъ холоденъ сегодня день суровый :
 Чуть освѣтивъ густые облака,
 Глянуло солнце — день проснулся новый.
 Богъ помогъ той дѣвушкѣ убогой,
 Что тамъ стоитъ, печальна и блѣдна :
 Безъ ропота сживаясь съ долей строгой,
 Смиренно ждетъ прохожаго она.

« На ней тряпье, лохмотья и заплаты
 И на плечахъ не тая снѣгъ лежитъ ;
 Ея уста безцвѣтны, губы сжаты,
 Она къ стѣнѣ прижалась и дрожить.
 Дрожить — и ждетъ дневного пропитанья :
 Опущенъ взоръ — протянута рука...
 О, сколько тутъ безмолвнаго страданья !
 Спаси, Господь, помилуй бѣдняка.

• Помилуй Богъ! — Я слышу дѣтскій крикъ:
 Вотъ у воротъ оборванный ребенокъ
 Ко груди матери болѣзненно приникъ;
 Онъ безъ бѣлья и даже безъ пеленокъ,
 А мать, едва прикрытая тряпьемъ,
 Концомъ платка малютку укрываетъ.
 Худа, блѣдна, съ измученнымъ лицомъ,
 Она за двухъ, несчастная, страдаетъ!
 Но что же вдругъ, среди обычныхъ золь,
 Ее живѣй какъ-будто укололо?..
 Походкой спѣшвою по улицѣ прошолъ
 Торговецъ — хлѣбникъ, съ ношею тамолой,
 И — пахло хлѣбомъ съ крытаго лотка...
 Бѣдняжка вздрогнула, вскочила, зарыдала,
 Въ ея глазахъ моленье и тоска...
 И на землю безильная упала.
 Спаси, Господь, помилуй бѣдняка!

• Спаси ихъ Богъ! — Вотъ мальчикъ молодой:
 Въ его глазахъ тупой блуждаетъ голодь.
 Онъ также худъ, безъ шапки и босой,
 Опять лохмотья, тряпки, грязь и холодъ...
 А вотъ старикъ: замерзшіе торчатъ
 Сѣдые волосы подъ шляпою измятой,
 На шляпѣ крепъ — печальный знакъ утратъ,
 Вся жизнь его — утрата за утратой.
 Крутые годы клонятъ старика, —
 Но не привыкъ еще онъ ненавидѣть!
 Все третъ глаза, надѣется увидѣть,
 Какъ братская протянется рука
 Къ нему, не съ тѣмъ чтобъ бѣднаго обидѣть...
 Помилуй Богъ слѣпного бѣдняка!

• Спаси ихъ Богъ! — А каково же тамъ,
 Въ селеніяхъ, по избамъ и лачугамъ,
 Гдѣ сельскій людъ страдаетъ по годамъ,
 На жертву всѣмъ ненастьямъ и недугамъ;
 Гдѣ ничего природа не даетъ,
 Гдѣ горекъ трудъ надъ почвою безплодной,
 Растетъ бурьянъ, — а вѣтеръ листья рветъ
 И блеклыя уноситъ вихрь холодный.
 Ночной порой не молчно вьюга воетъ
 Къ порогу снѣгъ мететъ она въ сугробъ;
 На утро дверь никто ужъ не откроетъ,
 И бѣдняку готовъ зарытый гробъ.
 Измученный, ложится онъ къ порогу,

Одинъ, одинъ — и какъ же жизнь тяжка!
Уста молчать, но духъ взываетъ къ Богу...
Да, живъ, Господь, спасетъ Онъ бѣдняка!

— Аминь! сказалъ Бартонъ грустно и торжественно. — Мери, дитяtko, не можешь ли ты списать для меня эти стихи — если Джобу не будетъ это противно?

— О! нѣтъ, нѣтъ. По мѣрѣ, я тѣмъ чаще слушать или читать такія вещи, тѣмъ лучше. Оно полезно.

Мери взяла стихи и на слѣдующій день списала маленькую поэму Бамфорда на хорошенькую, разукрашенную бумажку, оторванную отъ праздничнаго письма, которое она получила въ день Св. Валентина и сильно подозрѣвала, что оно писано было рукою Джемса Вильсона.

Н О Ч Ь

Ничего не слышетъ ухо,
Ночь безмолвна, какъ въ пустынь;
Все уснуло, только муха
Гдѣ-то бьется въ паутинѣ.

Да еще среди молчанья,
У меня, во мракѣ ночи,
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.

И во мглѣ, въ ночномъ покоѣ,
Никому, увѣ! нѣтъ дѣла,
Что на сердце, на больное,
Паукомъ любовь насѣла.

И ни шелеста, ни звука,
Ничего не слышетъ ухо;
Только въ сердцѣ скорбь и мука,
И одинъ товарищъ — муха.

П. Л. КУСКОВЪ

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723

ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

IX

С У Д Ъ И Р А С П Р А В А .

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о прїѣздѣ къ государю и государынѣ; вмѣсто себя она послала «свѣтъ Катюшку», и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный вѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершенъ съ громаднѣмъ триумфомъ. Колокола, пушки и народныя клики долго не умолкали; у каждыѣхъ триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи; при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовныя, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общимъ пиромъ всей аристократіи въ Преображенской сѣзжей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Уѣзжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколь возможно усерднѣе, не смотря на то, что всѣ уже были презрѣдно пьяны.

Хиѣльные головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и «мало помѣшкавъ», отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Бой вспыхнулъ между двумя именитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна подымали другъ на друга «всякую скверну», но оба сильныя любовью и довѣріемъ государя и

государыни, постоянно разлученные мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойти и до *ручного* объясненія...

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ расприхъ: Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасѣѣ Федоровнѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши безъ сомнѣнія помнятъ, какъ неделикатно обращался вѣжливый братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной супругой и какъ тщетно и упорно жаждалъ мести ея отецъ, уполномоченный посолъ и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему свояку Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Федоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ пиромъ, въ одной и той же избѣ сошлись два врага-старца. И тотъ и другой были весьма шумны, и тотъ и другой не умѣли схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предложеннаго ковшомъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его выпить; тогда князь-кесарь сталъ его «всякими скверными лаями лаять»... «Ты воръ!» кричалъ между прочимъ совсѣмъ юпьянѣвшій кесарь, «ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь намѣреніе имѣть изволить...» Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и приность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неуставно били другъ друга кулаками... Зрители очистили арену и, изъ уваженія къ нимъ боязня къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга «словесно и ручно»; никто не смѣлъ развѣять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ разсказывали тогда, оказался слабѣйшимъ...

Кипя гнѣвомъ, велемочный кесарь повелѣлъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій Федоровичъ отсыпался въ теченіе сутокъ подъ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Дѣйствительно князь поспѣшилъ къ государю съ мольбой о сатисфакціи, и не довольствуясь этимъ, нашолъ нужнымъ ударить чекушитвой.

«...Князь Иванъ Ромодановскій, писалъ его противникъ, умѣлъ за цартикулярную свою влобу по факціямъ новѣе злодѣящихъ, билъ меча и всякими скверными лаями лаять...» Болѣе точно судить

дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ велъ себя какъ нельзя болѣе кротко; въ его челобитной мы вовсе не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осилалъ кесари въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: «Я, опасаясь вашего величества гнѣва, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ (!) Гаврилу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали, но онъ выпустилъ другихъ, велѣлъ снять съ меня шпигу и взять за арестъ, какъ сущаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держашъ и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ». Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу принимаетъ учиненный affrontъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: «такое же противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный affrontъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и вашего величества кавалеріи безъ отщепенія отпустить не изволите. Помилуй, государь! восклицалъ тайный совѣтникъ, не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи». (!)

Въ мольбахъ «всенижайшаго раба», птенца Петра Великаго, такъ и слышатся боиринъ стараго добраго времени съ прежними воззрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойти до ручного объясненія; но ужъ этотъ боиринъ стараго закала въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно жмутъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

Дѣло разумѣется кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыкновенными и постоянно переходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафирова, Писарева и Мешшикова. Первые два особенно должны были пострадать; надъ ними наряжена была слѣдственная коммисія, которая вела дѣло строго. Съ Шафирова скоро сняли звани отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ... Впрочемъ государь, карая драчливыхъ птенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственными дѣлами, посвящая свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свитою денщиковъ, зачастую окруженный «безпокойною братією», т. е. «сумазброднѣйшими» и всепанѣйшимъ соборомъ князь-папы, онъ развѣзжалъ то

(!) Кабин. дѣл, Полов. II. кн. LVIII, л. 575.

въ театрѣ, устроившійся по примѣру Измайловскаго въ гониматахъ, то на свадьбы, на публичныя маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неуставно сзывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвицы старше 10 лѣтъ непремѣнно должны были являться въ танцевальныя собранія. Толстенькая герцогиня, «свѣтъ Катюшка», вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала виномъ... Мать старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ настоянками. Государь по пріѣздѣ посѣтилъ больную, обошелся съ ней какъ нельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вскорѣ (20 января 1723 г.) послѣ пира у ея братца пріѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на невѣстуску; самое дѣло Деревина, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшкала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни постели, не переставала заискивать и задабривать окружающихъ царя, его любимцовъ—деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный пріемъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Еслибъ мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василія, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаютъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пьютъ какъ деньщикъ сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтительница больной царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно оспала, но болтаетъ съ стоящимъ подлѣ нея камеръ-юнкеромъ, дразнить гулякъ и хохочетъ надъ ними...

Что до государя, то конецъ января и половину февраля онъ былъ сильно занятъ процессомъ о поссорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено. Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремль казнь бывшаго государственнаго министра и вице-канцлера барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ саяхъ, подъ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашались разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обрекался на смертную казнь, отсѣченіемъ головы. Съ него сняли парикъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ церкви, оцѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни,

положилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣя ли на то особое приказаніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи: они вытянули за ноги и растянули его на помостѣ, такъ что Шафирову пришлось лежать на толстомъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ взмахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ упалъ — на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкой. Шафировъ поднялся на ноги и со слезами на глазахъ сошелъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ: лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія... Между тѣмъ у эшафота чинилась экзекуція: сенатскому секретарю Кирѣеву по шафировскому дѣлу дано 14 ударовъ кнутомъ, на его же долю выпала двукратная пытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи маіоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжаловавъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишонъ былъ чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ. (1)

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ успѣшилъ увѣдомить Бутурлина о высочайшей волѣ: «Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ! писалъ Макаровъ, дѣло *Деревнина съ Терскимъ* и по тому дѣлу козловиковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дякомъ или съ старымъ подъячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется».

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царцѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула: «благовѣрнѣйшая государыня царица» и проч.

Тайная канцелярія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и преисправила арестанта-стряпчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на

(1) См. «Судное дѣло» Шафирова въ Ж. М. Юст. 1859 г., ст. 49—55. Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ скончался въ Кронштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, нарижаемый надъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не былъ еще распущенъ, и вотъ по его приказу приступлено было къ допросу страпачаго.

— Знаешь ли ты тѣхъ людей, которые въ прашествіи царицы Прасковьи Федоровны въ тайную канцелярію тебя водкою обливали и жгли?

Деревнинъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шесть обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и прозваніемъ, того онъ не знаетъ; а и другіе дому царицы, продолжалъ страпачій. многіе служителя при томъ были-жъ, а кто по имевашъ, того не упомяну. (1)

Для напаятованія на другой день призваны были каптенармусъ Бобровскій, да бутырскаго полка капралъ Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ «жженія» въ казенкахъ тайной канцеляріи.

— Знаете ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходилъ съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревнинской; о томъ знаете ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій, — кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только ле суще, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревнина давать вести изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его за онымъ многолюдствомъ я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я, говорилъ капралъ Красновъ, — кто оторвалъ дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно, не сталъ было я ихъ пускать и они меня отъ двери оттиснули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ разбѣтели по преображенскимъ кельямъ, затѣмъ генеральные судьи сняли допросъ съ каждого порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали водкообливатели и свѣшеобжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ всемилютивѣйшей и благовѣрнѣйшей государыни-царицы въ тайную на Лубянскую площадь; повѣдали о томъ, какъ сонзволили онѣ утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытое, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и пополнялось другимъ и такимъ образомъ всѣ подробности картинны «мищенія старушки», обнажились во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначи-

(1) Вер. Дѣл. Р. Д. Т. К. карт. XV л. 50—89.

тльвѣйшимъ подвижникомъ сего дѣла. Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служителя царицы всѣ безъ исключенія были не болѣе, не менѣе, какъ простыми зрителями.

Стряпчій *Кондратъ Маскинъ* первый разсказалъ все дѣло, какъ можно обстоятельнѣе и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: «каптенармуса я, Маскинъ, не бивалъ, дверей отъ казенки Деревнина не отрывалъ, караульнаго капрала отъ нихъ не отпихивалъ; да я чинить мнѣ, добавилъ Кондратъ, всего этого было невозможно, понеже несть я царицу на скамьѣ, а кто изъ служителей были дежурныхъ и отрывали дверь, того не вѣдаю». Стряпчій перечислилъ затѣмъ главнѣйшихъ участниковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: «буде сказалъ что ложно и за то указалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоенъ».

Въ самыхъ почтительныхъ фразахъ относительно своей госпожи царицы показалъ о дѣлѣ стремянной ея, конюхъ *Никита Іевлевъ*; онъ поставилъ на видъ своимъ напоминая царицѣ о необычности ея гнѣва и нашолъ нужнымъ замѣтить: «о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю». Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показалъ, что во всемъ этомъ виновныя, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечіе было брати его, задворный конюхъ *Феокистъ Іевлевъ*: онъ повинился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячаго *Павлова*, когда тотъ сунулся съ мольбой прекратить жженіе Деревнина; но въ видѣ оправданія *Феокистъ* замѣтилъ, что *Павловъ* его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою, говорилъ между прочимъ другой стремянной конюхъ *Карлусъ Орхтъ*; — подъячій *Маломатовъ*, шедъ со свѣчей впереди носилокъ, только постучалъ въ нее, и ее отворили. А кто толкалъ потомъ каптенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревнина же, по приказу государыни-царицы, я жогъ подъ бороду, токмо до этого уже у него былъ обожжонъ носъ преизрядно. Водки я вылилъ на Деревнина только полбутылки...

Показанія главнѣйшихъ участниковъ были очень длинны; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (всѣ они оказались грамотными) и затѣмъ продолжали опросы на другой день, 16-го февраля.

— Несть я государыню на скамейкѣ, показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ *Степанъ Пятилѣтъ*; — кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ; когда же *Бобровскій* сталъ не вускать Деревнина изъ казенки, въ то число *Маскинъ*,

Н. Іевлевъ и Тихменевъ провели Деревнина въ дверь сильно, а билъ онъ урядника, того я не усмотрѣлъ, повеже несъ государыню. Жогъ я Деревнина опосла какъ обжигали его Маломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ; во время жъ женія ихъ я съ другими служителями держалъ его, стряпчаго. А какъ государыня соизволила приказать миѣ зажечь голову Деревнина я ту голову своею свѣчою жечь поопасался; государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я зажогъ, и водка на головѣ Деревнина вспыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторыя противорѣчія съ словами Н. Іевлева и Маскина. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шолъ въ казенку Деревнина, утверждалъ Н. Іевлевъ, — а взошолъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шолъ назади носилокъ ся величества, а кто шолъ впереди и велъ Деревнина, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева, повинился Пятилѣтъ, — оговорилъ я, не оплатовавшись, кто же шолъ впереди или сзади и кто велъ Деревнина — не запомню: служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскинъ показываетъ на меня напрасно, стоялъ на своемъ Н. Іевлевъ, — впереди я не шолъ и на казенку, гдѣ сидитъ Деревнинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шолъ Іевлевъ и кто былъ укащикомъ государынѣ-царицѣ, винился Маскинъ, того я не упомяну, для того что имѣю на себѣ падучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, опять потянулись допросы.

— Я весь государыню, показывалъ задворный конюхъ Маломаховъ, на скамьѣ вмѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гнѣваться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчами, и въ то число держалъ я Деревнина съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, спрашивали Пятилѣта, — что Маломаховъ жогъ Деревнина?

— Маломаховъ Деревнина суще свѣчою жогъ подъ носъ, стоялъ на прежнемъ Пятилѣтъ, — и Деревнинъ ту свѣчу задулъ.

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, упирался Маломаховъ, — Деревнинъ се не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Цаждь Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ разгѣздахъ за

царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ женіи арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его пажъ Федоръ Воейковъ свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, никого не билъ, не жогъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ этой судьбы состоялся «немѣшкотвор». Такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще не допрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина «и прочихъ о важныхъ рѣчахъ» — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Маскинъ, Никита Іевлевъ, Осоктистъ Іевлевъ, Карлусъ Орихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Федоръ Воейковъ, Василій Маломатовъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человекъ опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, останавливавшіе государыню царицу и работѣнно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — биты батоги нещадно и потомъ освобождены. Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи (1).

Достоинно замѣчанія, что Василій Алексѣвичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по поводу таинственнаго къ нему посланія старушки. Допросилъ ли его государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея favorita изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то не было, только письменныхъ показаній съ Юшкова взято не было и предъ «генеральными судьями» привожденъ онъ не былъ. Но онъ не избѣгъ наказанія; на другой же день послѣ батожьей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Конвой-

(1) Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій; въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время служенія никакихъ челобитенъ не принимали, — кромѣ государственныхъ великихъ и косненія не терпящихъ дѣлъ, но упражнялись бы тогда въ богомыслии и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосужился принять участіе въ публичномъ смѣлоторномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

ный унтеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

«Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій) писалъ Петръ, по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣичъ, сынъ Юшкова, съ унтеръ-офицеромъ отъ гвардіи Никитой Ржевскимъ. И когда оный унтеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній пріѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указа нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая нигуда».

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ унтеръ-офицеру инструкцію, въ которой вопреки обыкновенію не было ни малѣйшаго напечатанія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, паки возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немощной тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василіемъ Алексѣичемъ отпала у ней и исполнительныхъ пажей: два брата Воейковы по высочайшему повелѣнію были записаны въ гвардію солдатами. (1).

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправились въ Петербургъ, а двѣ недѣли спустя (15 марта) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія «самонужнѣйшихъ колодниковъ», подъ охраною конвоя. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Василій Деревяннъ. «Дѣло о его битіи и жженіи, писалъ Казариновъ, заправлявшій дѣлами московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову, петербургскому инквизитору, дѣло Деревянна рѣшено на генеральномъ дворѣ, но по письму (цыфирному) слѣдованія еще не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: «письмо, которое подалъ И. И. Бутурлинъ». И то подлинное дѣло и письмо по приказу кабинетъ-секретаря препровождается къ Вашъ» (2).

Дѣло «по письму» тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотливость содержанія письма относительно царицы заставляла судей показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два мѣсяца спустя (14 мая) Ушаковъ извѣстия Казарина о полученіи колодника и его

(1) Письмо А. Макарова къ И. И. Бутурлину 20 февраля 1723 г. дѣл. л. 85. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1739-мъ году майоромъ.

(2) В. Д. Р. Д. Т. К. катг. XV ч. 3 дѣл. л. 1—48.

дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ лицѣ Андрея Ивановича немедленно постановила: препроводить деревнинское дѣло о *причинномъ письмѣ* въ канцелярію вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе было, «да и нельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ивановичъ, чтобъ многіе канцелярскіе стужителя — о *важностяхъ* (сего дѣла) *свѣдомы были*».

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣденіе вышняго суда. Но и отъ него скорого и прямого рѣшенья ожидать было нечего, такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе пріятели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здѣсь засѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитріисъ Мамоновъ, Семень Блеклый, Александръ Бредихинъ; Иванъ Бахметевъ, секретаремъ былъ — Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ по цифирному посланію; такъ что только послѣ двухнедѣльной переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое согласіе (27 мая) чтобы «дѣло Деревнина къ намъ прислать, но непаче какъ съ подъячимъ, у котораго то дѣло было, понеже «къ *тому важному дѣлу* отъ другихъ дѣлъ подъячаго *опредѣлать не надлежитъ*».

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, и такъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18 іюня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретарь его не принялъ, но приказалъ войти экстрактомъ для доклада его величества. И вотъ втеченіе цѣлаго *мѣсяца* пишутся два экстракта. Только 19 іюля явился съ ними въ кабинетъ секретарь тайной канцеляріи Топильскій, который и предложилъ тутъ же запечатанное въ пакетъ цифирное посланіе — съ достойнымъ рѣшенкомъ (1).

Въ кабинетѣ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наввно писала царица: «что будетъ ему платить», но спѣшилъ входить къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стряпчій продолжалъ томиться въ казематѣ. Такъ при дворѣ суроваго и повидному столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убѣжище взяточничество и лиценціатіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разница съ послѣдующими царствованіями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, «опасливѣе.»

(1) Каб. дѣл II полов. т. LXIV ст. 431.

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отвѣчались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбереженія котораго даже *тайная* канцелярія не находила у себя *тайнаго* мѣста, чтобъ чины ея «важности сего письма свѣдомы не были?»

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, «противнаго» въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья; но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ странствій изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ вышій судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную — неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между-тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая пояснительная записка руки Прасковьи: записка азбуки:

o i w m w w 192
1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т. д.
0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, п, в, и, н, 9, п, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же сдѣланъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: «радость мой светъ...»

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вѣроятно, что Петръ еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцелярія письмо, доставленное Деревнинымъ, потребовалъ отъ невѣстки ключа къ цыфирѣ, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки, безъ сомнѣнія, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношеній къ своему главноуправляющему, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совсѣмъ скромно? Все это предположенія и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытіемъ интимной цыдулки.

Х

С М Е Р Т Ь.

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хворая старушка поднялась въ путь въ первой половинѣ

марта 1723 года. Собственные тяжкіе недуги, болѣзнь младшей дочери, наконецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и догнавшійся до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправдаться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ «государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстушкѣ и матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ,» которой непрестанно желала «здравія свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкомъ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!»

Несмотря на эти длинныя пожеланія, письма Прасковьи къ свѣтамъ благодѣтелямъ — были какъ-то суше, холоднѣе, можетъ быть ссылка безцѣннаго Юшкова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда являлась немалая. Дочка ея, Прасковья, «весьма расхворалась»: «пожалуй государыня моя невѣстушка и матушка, диктовала старушка секретарю 4 апрѣля 1723 г., прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравіи вашемъ, — чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу, что дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества пожалуй, государыня моя, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою.»

«Благодарствую государыня моя, милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее писаніе...» (1).

Вспомнила старушка, что скоро день рожденья императрицы, и спѣшитъ исполнить формальность: «5 апрѣля 1723 г. Новгородъ... Поздравляемъ вамъ государынѣ, дражайшимъ днемъ рожденья вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за симъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша — Прасковья».

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: «отъ сердца желая препроводить оный во всякой радости и впредь идущихъ лѣтахъ, да благословитъ Богъ много такихъ тор-

(1) Адресъ: «Всемилоостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.»

жественныхъ дней достигнуть въ добромъ здоровіи и во всякомъ благополучіи...»

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

«Благодарствую государыня моя невѣстушка, отвѣчала царица (11 апрѣля, Новгородъ), что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моей отъ болѣзни есть свобода, только внука (Аннушка) п.....мъ не можетъ. А въ С. Петербургъ поѣдемъ на завтрае праздника, и какъ могу, такъ спѣшить буду.»

Государь также показывалъ заботливость о Прасковѣ Федоровнѣ и ея семейкѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надежномъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, ярочилъ Анну за герцога Вейсенфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между-тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію. Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постель, «свѣтъ Катюшка» вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не оставаемся на нихъ потому, что они очень хорошо извѣстны, по крайней мѣрѣ характеръ ихъ — изъ предыдущихъ главъ нашего очерка и многихъ иностранныхъ источниковъ.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья, стоявшая одной изъ отнявшихся у ней ногъ въ гробу. Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ особенно любезныхъ мопарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ пирующихъ. При спускѣ корабля «Михаилъ Архангелъ,» 26 мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль «свѣтъ-Катюшку» и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостыя ѣли и пили съ четырехъ часовъ пополудни до двухъ часовъ утра; самъ государь предупредивъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться, выдержалъ свое обѣщанье на столько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогъ

голландскій доведенъ былъ угощеніемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пьянаго нѣмца (Kerel d'Allemagne), то есть его высочество лежало въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и вѣтъ сомнѣнія наша герцогиня, были напоены на столько, что къ нимъ не пускали мушкетъ...

Такой же характеръ имѣло пиршество при спускѣ другого корабля «Крейсеръ» — 23 іюля. И это торжество почтила своимъ присутствіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подъѣзжала съ маленькою внучкою Аннушкой къ кораблю; по времену не выходила изъ барки, и высадивъ Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царевна Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ между прочимъ отъ слишкомъ большой полноты, которая ей не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣно вѣруя, вслѣдъ за маменькой, въ медицинскія познанія дякуюшки, «свѣтъ Катюшка» серьезно начала лечиться: цѣлыя сутки не ѣла, не пила и не смывала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ постный столъ. Но разумѣется всякій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенько и поѣсть сколь можно положительнѣе, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бленіе не долго продолжатся.

Весь іюль и начало августа старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея несколько не поправлялось; старушка видимо разрушалась и съ каждымъ днемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царевна Катерина не отходила отъ постели матери; болѣзнь Прасковьи не мѣшала впрочемъ веселиться другимъ, — и въ день возвращенія въ столицу, день, ознаменовавшійся встрѣчею знаменитаго ботика, дѣдушки русскаго флота, — всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго деньщика до великаго монарха, пировали десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположенъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напѣется съ нимъ пьянъ, и всѣ, ревнуя показать свою преданность и любовь къ отцу-отечеству, такъ страшно пили, какъ не запомнить ни одинъ заѣзжій нѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощады и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасоваго угощенія. Оно особенно размягло сердце Петра. Съ нимъ случился рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительно-

сти. Онъ безпрестанно цѣловалъ милого герцога голштинскаго, оказавшаго необыкновенные успѣхи въ российскомъ служеніи бахусу ; государь, въ припадкѣ иѣжности безпрестанно трепалъ его, иѣсколько разъ срывалъ съ головы парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами... Тоже сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами : они плакали, цѣловались, обнимались, — за то другіе отъ иѣжныхъ поцѣлуевъ круто перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ : такъ напр. адмиралъ Крюйъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрещину, что контръ-адмиралъ покотился подъ столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи *безчувственнаго ильица*.

Достоинно замѣчанія, что говоря о подобныхъ пиршествахъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усилённымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже небесно прекрасныя цесаревны, какъ называетъ Берхгольцъ Анну и Елисавету, съ поразительною привѣтливостью подносили пирующимъ стаканы крѣпчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня уступала имъ въ граціи, но по опытности своей и большому возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія.

Начало сентября ознаменовалось восьмилетнимъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништатскаго мира ; всѣ были обязаны подишскою явиться на это празднество. Втеченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самыя разнообразныя костюмы — халдейскіе, аббатскіе ; государь Петръ Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ барабанщикомъ ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуцинскіе, индійскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась неусыпаемая обитель. Ее составляли : архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи Фендрихъ Афанасій Татищевъ, князь Ярѡславскій, отъ гвардіи Фендрихъ Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и свиткомъ ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ мушкетеры и женщины. Далѣе по машкарадной росписи ⁽¹⁾ слѣдовали :

(1) Роспись компаніи машкарада, бывшаго въ Спб. 30 августа по 6 сентября 1793 г. напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г. стр. 269—288.

извѣстный шутъ Семень Тургеневъ въ роля Нептуна, пропоица вѣвчій Карповъ — бахусомъ ; далѣе архіереи : Ианикандръ . . . митрополитъ С. Петербургскій, Морай . . . митрополитъ Крившлоцкій и Котлинскій, Тарай . . . митрополитъ великаго Нова . . . и великихъ . . . ; Никонъ Прыткой . . . митрополитъ Дербенской и Мидскій ; Гншль . . . митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Семимелнницкой, М митрополитъ Псковскій и Изборскій ; Теофанъ Красной . . . митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, архидьяконъ Иди на . . Стровъ. Ключарь Формосовъ . . . Протасевъ. Всего 10 человекъ.

Государыня вслѣдъ за кесаршей Ромадоновской шла въ фрижланскомъ уборѣ ; 55 отдѣленіе вела государыня царица Катерина Ивановна ; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія 7 персонъ дамскихъ были въ гишпанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царица Прасковья Ивановна съ 13-ю дамами и дѣвицами въ платьяхъ «шкармуцкихъ.»

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. Безнокойная братья «соборъ всепьянѣйшаго и всешумвѣйшаго князь-папы» нѣсколько разъ съ пѣснями проходила съ свѣтломъ по саду, а подлѣ конецъ шутникъ взлѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное слово. Для народа выкачены были бадьи съ пивомъ и виномъ. Пѣтхи прекращались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини давалъ ей возможность всецѣло предаваться удовольствіямъ двора ; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься : съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе Мекленбургіи брату Карла-Леопольда, Христіану-Лудвигу, если первый не изъявитъ покорности.

Вмѣстѣ съ свѣтъ Катюшкой заявляла свое сожалѣніе объ управствѣ зятя царица Прасковья ; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отягчнномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократнымъ приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку

вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Бонна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля избалованнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ посланнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что пріѣздъ въ Россію былъ единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ между прочимъ отрубить въ Демицѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сѣтованія на мужа не на столько были однако велики у легкомысленной Катерины, чтобъ мѣшать ея залушевнымъ бесѣдамъ съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала называть его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлыя часы въ самой задушевной, интимной болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (головщина мщенія старушки Прасковьи) случилось одно изъ сальнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопивъ ночью всѣ улицы, подвѣлась на 7 футовъ и 7 дюймовъ⁽¹⁾. Жители были въ страхѣ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ домѣ нашей старушки было и другое безпокойство, другія опасенія: приближался роковой часъ, царица разставалась съ жизнью.

Еще 21 сентября она была на столько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревенъ и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздниковъ своего семейства, день рожденія царевны Прасковьи, которой пошоль 30 годъ.

Съ этого времени, съ каждымъ днемъ царицѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невѣстушки болѣе двухъ часовъ; въ палатахъ умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царя и царицы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣденіи, что послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и нисшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣщуньи, юродивые и другія темныя лица, призрѣваемые милосердой монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто нопастъ подъ батогъ, имъ извѣстно было, какъ

(1) *Алтарь*: Оп. наводненій, бывшихъ въ Спб. 1826 г. с. 28.

безцеремонно поступилъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны (20 марта 1723 г.). Онъ засталъ въ покояхъ умирающей цѣлую толпу поновъ, которые, по завсѣдному изстари обычаю, принесли ей яствъ, напитковъ и саранивали, не нужно ли ей чего-нибудь, всего ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторялись подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ проводы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распоряжалась Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утѣшала ее и часто провѣдывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того — почти ее прокляла, Катерина Алексѣевна напомнила о необходимости полного прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подлинью на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамоткѣ она прощала целюбезную ей Анну (1). Мало того, 11 октября, для успокоенія дочери и въ угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо:

«Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножаются, и такъ отъ оныхъ стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла; того для, симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, ежели Его Творца моего воля прилететь, что я отъ сего свѣта отыду. Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы подѣ запрещеніемъ (или тако реци, проклятїемъ) отъ меня пребывашь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все для вышешюмянутой ся величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю намъ, и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предомно и погрѣшили. Впрочемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать ваша Прасковья.»

На другой день въ городѣ провѣся слухъ, что царица не про-

(1) Письма этого къ сожалѣнью мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, но о немъ свидѣлствуетъ Щербатовъ: «Анна, по словамъ сего историка, съ природы была нрава грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сію по находящемуся въ архивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитанїемъ, ни обычаями того вѣка и проч. О поврежд. нравовъ въ Россїи, стр. 47.

живеть и нѣсколькихъ часовъ ; но она промучалась еще сутки. Государыня была у ней утромъ , и потомъ провела день въ боль-шомъ обществѣ : во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пушечной пальбой съ невскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора не было : онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ небольшой свитой осматривать ладожскій каналъ , при прорытіи котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ Петръ Алексѣевичъ , вопреки Голикову ⁽¹⁾, не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Прасковьи. На разсвѣтъ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя приближеніе кончины, поручила своихъ дочерей «Катюшку и больную Парашу» материнскому попеченію императрицы, настоятельно просила, чтобы съ ней въ гробъ положили портретъ ея мужа ; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась, какъ бы прощаясь сама съ собою и испустила духъ. Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы.

Немедленно дали знать государю ; отмѣнили спектакль, имѣвшій быть въ этотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ, и стали толковать о томъ , на сколько времени будетъ наложенъ трауръ ; думали, что онъ протянется не менѣе полугодомъ ; на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ трауръ.

16 числа государь вернулся въ столицу и начались распоряженія о пышныхъ похоронахъ. Онѣ были назначены 22 октября. Наканунѣ гвардіи майоръ А. И. Румянцевъ, въ качествѣ маршала погребенія, объѣхалъ именитыхъ лицъ съ приглашеніями, отъ имени дочерей покойной, пожаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны царицы. Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ), что тѣло царицы повезутъ водой въ Невскую Лавру, но что оно останется тамъ только до тѣхъ поръ, пока въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ, и что трауръ продолжится не болѣе шести недѣль.

Государь, страстный охотникъ до устройства всякаго рода торжественныхъ и курьезныхъ зрѣлищъ, самъ озаботился объ украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы, по проэкту графа Санти. Ему было очень пріятно любопытство многочисленныхъ посѣтителей, приходившихъ не для одного поклона умершей, но и для того, чтобы поглазѣть на убранство. Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси, первые маршалы погребенія. Вслѣдъ за голштин-

(1) Дѣянія Петра I-го т. IX с. 529.

скимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу Прасковьи.

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ, устроенномъ какъ парадная постель. Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный галунами и бахромой, а надъ гробомъ, на той части балдахина, которая спускается въ головахъ, вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ, состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха. На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же имянной шифръ покойной съ императорской короной, скипетромъ и державою на верху. Съ правой стороны, на красной бархатной подушкѣ, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоценными камнями и сдѣланная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возлѣ нея стояло жолтое государственное знамя. Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ, обитъ фіолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ, крышка украшена крестомъ изъ бѣлой обьяри. Изъ той же обьяри было платье на Прасковью и покровъ, спускавшійся до катафалка, обтянутого бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи. Вся комната была обита кругомъ черной байкой, а вверху — по карнизу шла фалбала, эффектно собранная изъ бѣлаго и чернаго флера... По стѣнамъ висѣли разные аллегоріи. Тѣло охраняло двѣнадцать каптановъ въ черныхъ кафтанахъ, длинныхъ мантияхъ, съ чернымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными аллебардами; на длинныхъ концахъ флера, обвязаннаго вокругъ нихъ, висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры, со штымовъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщиками, стонами и воплями толпы челядинцевъ, приживалокъ покойной, такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716 году, при погребеніи царицы Марфы, вдовствовавшей супруга Федора Алексѣевича (1).

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отмѣнено государемъ въ самый день погребенія. Процессія началась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ ложѣ покойной собралась вся знать и пріѣхала царская фамилія, раз-

(1) *Веберъ*: Das veränderte Russland. T. I. стр. 122—123. *Берггольцъ* ч. III стр. 133—145. *Голицковъ* IX, стр. 529—530.

несли всѣмъ глшдвейнъ; послѣ чего всѣ перешли въ большую траурную залу, гдѣ и отслушали панихиду; ее служило все знатнѣйшее духовенство. Было четыре часа, когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледѣвшей, до такой степени скользкой глзи, что всѣ съ трудомъ передвигали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всѣхъ церквей загудѣли по сигналу сфущенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемнадцатю унтеръ офицерами; они держали на плечахъ тесаки, съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шолъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; всѣ они шли по старшинству, по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не явились; герцогъ голштинскій шолъ со всѣмъ своимъ дворомъ, принцами гессенъ-гомбургскими, съ двумя вице-адмиралами и генералъ-лейтенантами Ягужинскимъ и Мншихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажжонными свѣчами; за другимъ маршаломъ — Мамонъвымъ, выступалъ Матаѣевъ съ царской короной на подушкѣ, — прочихъ регалій и знаковъ не было; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ носильщиковъ, однако тѣло не несли, а везли на открытой черной колесницѣ, на которой для большого парада гробъ былъ поставленъ очень высоко; съ него спускался до земли чернѣй бархатный покровъ, обшитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, какъ слѣдуетъ завѣшанныхъ лошадей; шесть маіоровъ несли фиолетовый бархатный балдахинъ; вокругъ шло двѣнадцать капитановъ-аллебардистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Аларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли *траурные*. То были: императоръ, вѣдомый Апраксинымъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полиціймейстеръ и А. И. Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сенявинымъ и генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицомъ, равно какъ и остальные дамы ея свиты. До полутераста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажжонными факелами вытягивались по сторонамъ; вопнская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней

императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мушныи шли пѣшкомъ, скользили, выступали какъ гуси по льду и страшно жерзли. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обителя всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ панигрикъ умершей царицѣ, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку царицы; къ ней же подвели царевенъ, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстуху въ губы; за тѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоявшихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую обѣяръ, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви. (1)

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго, на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ рассажены были подъ стражею за какія-то «государственныя противности»; ихъ ежедневно водили въ цѣпяхъ въ присутствіе сената... все, однимъ словомъ, пошло обычной колесей.

«Свѣтъ-Катюшка», какъ и надо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что причана ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы поправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ туда курьера.

Братецъ покойной, Василій Федоровичъ, хлопоталъ о раздачѣ монастырямъ и нищей братіи на поминъ о душѣ Прасковьи милостыни (2), а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ; удовлетворить кре-

(1) Описаніе Спб. *Богданова*. 1751 г. изд. 1779 стр. 374—375. Описаніе Певской Лавры *Павлова*. 1842 г. с. 65. Оп. Петербурга *Пушкарева* I, с. 142. Царицѣ Прасковьѣ судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ «свѣтъ Катюшкой» (умерла 24 іюня 1733 г.) и ненаглядной внучкой Аннушкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злопудучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.)

(2) Кабин. дѣло II полов. кн. *LXIV* л. 147, вѣдѣніе В. Θ. Салтыкова.

диторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало; Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими недостатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Осодору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнашеву за заложенные у него царицей каменья и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наследницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: «что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочествъ не имѣется, а понеже тѣ восковые заводы заведены изъ кабинета его величества, и чтобъ тѣхъ денегъ на комнатѣ ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ея величества государыни царицы.»

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ. ⁽¹⁾ Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитенъ разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдуемыми имъ деньгами, получки которыхъ они никакъ не могли добыться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбургъ. «Въ прошломъ 1703 году, писалъ между прочимъ Французъ, зачалъ я по указу со всякою прилежностью танцу учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ; служилъ имъ пять лѣтъ до 1708 года. А за оныя мои труды обѣцано мнѣ жалованья по 300 рублей на годъ, къ чему представляю въ свидѣтели Остермана, который тогда ихъ высочества нѣмецкому языку училъ. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ доукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить, и пріѣхавъ въ Петербургъ, непрестанно просить о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества билъ я челомъ ея высочеству, государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, и ея высочество не изволила жъ мнѣ какое удовольствованіе учинить»...

Вслѣдствіе чего Рамбургъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрные труды вотще не остались и

(1) Каб. дѣло II полн. кн. LXVI л. 888 въ кабинетъ Е. И. В. доношеніе.

ему, Рамбурху, «при глубокой его старости съ великою фамиліею возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи государя и всего августѣйшаго дома.»

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдующія дѣвги, кромѣ того годовой окладъ, и обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ — чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что «французанинъ не возмогъ отъ царевень никакой уплаты трудамъ своимъ получить», а между тѣмъ ему принадлежить честь «обученія ихъ высочества зачалу или основанію французскаго языка». Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вѣдшаго обученія двухъ его сыновей во Франціи «такимъ наукамъ и художествамъ, какія его величество повелитъ, чтобы съ своимъ возвращеніемъ въ Россію возмогли бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены.» (1)

Неизвѣстно получилъ ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ теряетъ свою силу, когда знаешь разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ, которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ рассмотреть приходо-расходныя смѣты комнаты ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ. (2)

Окладъ царевень Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за почвику кареть — 3203 руб. 84 к., чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвницамъ, истопникамъ, сторожамъ, крестовымъ дьякамъ, портомоямъ и портомояннымъ сторожамъ — 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшеннымъ и верховымъ людемъ — 1740 р. 73½ к., и того на оба двора царевень въ годъ 14,898 рубл. 17½ коп.

(1) Челобитныя Рамбурха 1723—1724 г. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ *кабин. дѣл.* II пол. кн. *LXV* л. 726. кн. *LXIX* л. 118—119.

(2) *Кабин. дѣла* II пол. т. *LXVIII* л. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о доходахъ и расходахъ царицы, 5 дек. 1724 г. Справки о томъ же: *Каб. дѣл.* I пол. кн. *LXIV* л. 367 и проч. Указъ въ москов. надворн. судъ о взысканіи съ служителяй Аргамаковыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковѣ. *Голицынь IX*, 474. Тяжба Тихменева съ Терскимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы еще не доискались.

Въ смѣтѣ на 1725 годъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевень отпущено было на годъ на конскіе кормы, на дрова и починку каретъ — 1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служителямъ и крестовымъ дьякамъ — 476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ — 870 руб. 36³/₄ коп.; да на рожь и овецъ — 3,380 руб., и того 6,329 руб. 8³/₄ коп. (1)

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матерп и сестра ея Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвинчалась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ, но ради жены своей не только не подвергся опалѣ, но снискалъ милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году. (2)

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ ли Василія Федоровича Деревнина, благодаря жженію котораго мы познакомились съ нѣкоторыми особенностями характера благовѣрной старушки? Къ сожалѣнію свѣденія наши объ окончательной судьбѣ копченаго стряпчаго крайне неудовлетворительны; 24 сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ-казначеемъ, государь, удосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о немъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло, сдано было (24 октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

Получилъ ли Деревнинъ свободу, или отправленъ для отвращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую) въ Сибирь, «на государеву службу» — неизвѣстно. (3)

(1) Каб. дѣла II полов. кв. LXV л. 479. кв. XCII л. 433—437.

(2) Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Физельдека.

(3) Последняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тайной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копія съ жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Степана Тилменева, «чтобъ была

Какъ ни скуденъ нашъ очеркъ матеріалами (кто не знаетъ, какъ трудно они отыскиваются), но мы надѣемся, что личность блаженной памяти благотворительнейшей государыни царицы Параскевы Федоровны обрисовалась предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ той либо другой процессіи, либо читали два-три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Алексѣевича. Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, безцвѣтнымъ существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли ни малѣйшаго понятія; Прасковья представлялась намъ такою же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи Петра большая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями, сподручниками, птенцами Петра, но и съ тѣми, мужскими и женскими, знатными и незнатными персонами, которымъ выдалась замѣтная роль въ общественной жизни, которыя наконецъ могутъ служить типическими представителями и представительницами своего общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей. Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣріями, предрасудками и ханжествомъ, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препровожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — я это всего важнѣе, — личность Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны (если мы ее дождемся) ни въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумъ предпочтителенъ. Съ природы врану грубаго... ея природный грубый обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она роилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія стро-

та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣстна въ кабинетѣ, а къ тайной канцеляріи впродъ къ неисправленію чего не причлось бы, понеже о деньгахъ (начеты на Деревниана царицею) по оной канцеляріи не приличествуютъ. Карт. XV. л. 45—46.

гости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное содержать... Не можно оправдать ее въ томъ, что бывшій у нея гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко нужнаго друга, себѣ имѣла, нежели какъ фаворита, и проч. (1)

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, рассказы о ея суетвѣрїи и проч., живо представляютъ намъ сродство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи не могло не отразиться на развитіи императрицы Анны. (2)

(1) Щербатовъ с. 47—48.

(2) Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: «Царственный домъ Романовыхъ», и какъ видно изъ подписи: «компонованъ съ портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря.» Мы не видѣли оригинала; по словамъ г. Фридебурга — оригиналъ рисованъ масляными красками и надпись его гласитъ такъ: «Царица Праскева Федоровна.» Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся, чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ копїи, такъ и на оригиналѣ (по свидѣтельству г. Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ высокомъ корсажѣ, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами стянутыми брошками, въ богатой мѣховой мантии, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы; она представлена здѣсь красавицей, лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Федоровны, если вѣрить этому, быть можетъ минимуму, во всякомъ случаѣ единственному портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на дбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами ниспадаютъ на плечи. Въ описаніяхъ Новоспасскаго монастыря, изд. 1802, 1821 г. и 1843 г., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

Въ текстѣ статьи нашей мы привели только болѣе характерныя отрывки изъ подлинныхъ писемъ царицы, ея дочери и другихъ лицъ. Но письма эти сами по себѣ, въ цѣломъ, составляютъ столь важные документы для біографіи Прасковьи, что мы нашли нужнымъ помѣстить ихъ здѣсь, разумѣется интереснѣйшія, съ соблюденіемъ орфографіи подлинниковъ, но съ разстановкой знаковъ препинанія. Печатаемъ въ настоящихъ приложенияхъ 11 писемъ: первое изъ нихъ 1713 года принадлежитъ царевнѣ Катеринѣ, оно писано къ государынѣ; за тѣмъ остальные десять писаны Прасковьей къ ея дочери Катюшкѣ; только на одной изъ этихъ грамотокъ выставленъ 1722 годъ, 16 мая; но по содержанію остальныхъ писемъ видно, что они относятся къ послѣдней половинѣ 1721 и началу 1722 года. Нечего и говорить, что ни одно изъ писемъ не было еще напечатано, они скопированы нами съ подлинниковъ.

1) Предражаішая и прелюбезнѣйшая моя невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй, свѣтъ мой на множество лѣтъ! Здравствуй матушка моя избратцемъ нашимъ, і снаваражденною тцарію вашею, а снашею племянницею, съ царевною Мариєю Петровною, на многія лѣта! А внової годъ подаі Господи царевича, чего отъ всего сердца желаемъ!

Мы за сие всемиластиваго Бга благодаримъ, что слышимъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ вдобромъ здравіи распротилъ чрезъ такой вашъ дальній путь и трудное.

Пача всего о томъ печально, что давно мы не слышимъ про братава бытія і здравія, о томъ мы всегда слышали желаемъ.

Благодарствуемъ мы і за сие, что вы, Государыня моя, васъ увѣдоміі о своемъ здравіи; а за сие, за что досадывать свѣтъ мой, что неписала, каки не время была, і впредь галубушка моя о томъ проситъ, чтобы всѣгда слышетъ обще о вашемъ здравіи.

Сердешныя моі малютачки, дарагія моі племянницы, Царевна Анна Петровна, Царевна Елисавета Петровна, здравствуйте моі галубушки, избатюшкомъ своимъ дарагимъ, і сматушкою своею, і сестрицею своею махоточкою на многія лета! Тетка ваша Екатерина кланяюся.

Писавшій сие Екатерина, кланяюся до земли.

із Москвы 19 марта 1713 года.

2) Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ слыша про вашу великую милость: изволили гаварити дялюшка самною; ежелиде она камиѣ приедеть, я де все ево дела суправлю, и ты Катиска не потеорянте своево дела, пераскручтите его Гсдря и отъ Бога за нево примете гневъ, ежели не приедете кнамъ, и меня, на масі старасте навади (?) ее нахажу клятву и, какъ возъможна, делаі, штобы вамъ быть сюда.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Писано собственноручно на маленькомъ лоскутѣ бумаги.

3) Катюшка свѣтъ мой! сбудь на табою милость Божія и Пресвятыя Богородицы милосердіе! Пиши, свѣтъ мой, про свое и про мужнее и про дочкиина здаровье; а я и дѣти, и сестра, да воли Божіей, живы. Давно Катюшка князя кнамъ дялюшка самною изволилъ гаварить, што бы де приехалъ камиѣ и ты какъ можна зави ево кнамъ. Будете паедете, не покидайте дочки, ненадсадите меня, при маеі старости (да ле рукой секретаря).

И какъ вы поѣдете сюда, і дялюшна, и тетюшка будутъ вамъ ради, и ваше дѣло все лучше управять, какъ сами увидите сними. Ныже, Божією милостию, дялюшкино дѣло все харашо и Гдъ Бгъ кнему милостивъ, можетъ онъ упросить у Бога и васъ утѣшить. Также и отъ меня поавови ево (т. е. герцога) кнамъ. Да послалъ къ тебѣ дялюшка: десять косяковъ камокъ; да отъ меня тебѣ послано: мѣхъ лисей, да пару соболей; да сестра тебѣ посылаеть: мѣхъ лисей, и горностаі нащъ, мѣхъ поднеси князю отъ Паранюшки, да семь брусковъ мыльца гредкаго, да три мѣха лисьихъ расхожихъ, на што згодитце. И тутъ же полажены въ баулѣ (въ сундукѣ) гасилицы отъ другихъ; да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ. Онъ о всемъ скажетъ. А што не своею рукою писала, право не могу галзвою и мадр вижу. Все сокрушили меня ваши печали; всеконечно Катюшка дялюшка грѣхъ: што какъ приедуть, всеконечно дѣло ихъ управлю, а веришу, никогда ложно. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ і пѣвчей Филька; кажется, люди нарочиты; а буде плохъ, я по зримъ другога пришло і чаю саца поѣду къ Москвѣ зиюю, и тамъ выберу добрыхъ. А которая у меца дялюшка грамоте умѣеть, посылаеть къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себа, чтобъ внушка учить Русской грамоте. (далѣе собственноручно) При семь бутъ натабою мае и отцово благословение.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Вслѣдъ за этимъ письмомъ на лоскутѣ сдѣланъ чертежъ, кажется рукою царяцы, но объясненія чертежа не имѣется; это планъ какого-то большого жилья. (Не ея ли большого дома, который начали строить въ Спб. въ 1720

году?) При въѣздѣ въ обширный дворъ два большихъ и почти одинакихъ строенія, въ правомъ 7 отдѣленій, въ лѣвомъ 8; при обоихъ домахъ по два крыльца; къ задней стѣнѣ двора примыкають 8 маленькихъ строеній, вѣроятно службы.

4) Царевна Катерина Ивановна здравствуй и смужемъ, и сладкою! А я еще жива и сестра. Пиши ка мнѣ почаще, некрушите меня, такъ же не большой не зделай печали, неподи въ законъ дорого неотста себя Бжіей клятвы и наше, а тебя подтверждаю Богомъ и Пресвят. Богородицею. Изволь держать Окунева долга, чтобы мне побольше провась сказывалъ. А еду я вмаську (въ концѣ 1721 года) повидана свашимъ батюшка и Архангела(мъ). А я и сестра еще живы въ печалехъ своихъ. А большая мне печаль а тебѣ; а я очинь болна, помолися за меня. При семь посылаю тебѣ атцово и мае благословение. Внучька, дружечикъ мой, поцалуй батюшка за меня и матушку; еще друк мой здравствуй! Болше стану писати смаерамъ Салтыковымъ.

Мать ваша Ц. П.

5) (Начало собственно ручно, ладѣ рукой секретаря.) Царевна Екатерина Ивановна будь натабою милость Божия и Пресвятой Богородицы милосердие и отцова и мае матирина благословение. Пиши ко мнѣ, про свое здорovie і про мужие, і про дочкино почаще. Да пишу ктебѣ свѣтъ моі Катюшка и подкрѣпляи тебя Бгомъ въ твоихъ печалехъ і болѣнехъ, положи все свое упование на Гда Бга и на Прстую Богородицу. Можетъ онъ всемилосердый владыка Прстда Богородица несодѣланное саѣлатъ здѣ и въ будущемъ; а печалью себя не убей не погуби души также и храни свой законъ, аки веницу ока, чтобы теби стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣре, хотя не вѣдомо што постражди. Не нареди на себя клятвы церковной и нашей. А о васъ Гсдрь соболезнуеть очень и всяко хочеть помочь, только невидавши свами нельзя сего дѣла делать. Всеконечно надобно вамъ быть врйгу. А Окуневъ посланъ квамъ держи сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему і внучки маей. А о себѣ пишу тебѣ: лежу болна совсемъ то въ расслабленіи ссамаго Рождества, ногами не владѣю, толико что руками, и сестра также мало можетъ бешпрестана. А больша на словахъ приказано сОкуневымъ. Да послала я внучке ігрушечья: отдай ей бочечку, да мазикъ. Да прости меня Цревна Катерина, ежели что Гдѣ сотворить; помяни, і я уже великихъ своихъ скорбехъ і не сносныхъ печалехъ не чаю себѣ жития долгова, еще бѣ жила толико убила себя печальми великими. А что пишешь, себѣ про свое брюхо и я, по письму вашему не чаю, што ты брюхата. Живуть стакне случаи, что невозможно і я при отцѣ такъ

была: годъ чаяла брюхата, да такъ изашло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить? А мы смосквы еще не слышали находу; только чаю, што скоро ѣхать. Вудеть мнѣ возможно будетъ ѣхать, и я смосквы прямо кводамъ проѣду. Да отпиши, пожалуй, подлинно, поѣдетель вы вригу или нѣтъ? I ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, по прежнему у насъ побывать, какъ вылечисе для моей старости і для моей болезни, і ежели не брюхата и тебѣ, всеконечно, надобно бытъя а Олонцѣ, у маринальныхъ водъ для етакой болезни. Что пишешь есть опухоль, і отъ такихъ болѣзней і поврежения женскихъ немощей вода zelo ползуеть і вылечиваетъ. Сестра Книгиня Настасья у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней и не пухнетъ и бокъ не болитъ, і немощи устались помѣсечно порядкомъ. Есть ли непослужать дохтурскіе лѣкарства, всеконечно надобно тебѣ кводамъ ѣхать на Олоонецъ. Писавый мать ваша, посылаю благословение. О чемъ (собственно ручно) Катюшка свѣтъ моі писана содержи мой прикасъ.

Ц. Пр.

Внучька свѣтъ моі! утѣшай батюшка и матушку, не давай имъ крушца. При семъ писавый Бабушка твоя старушка кланяеця

Царица Прасковья.

Москва 1722 года.

6) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Пиши ко мнѣ, о твоємъ здоровѣ, и о мужнѣ, и о дочкѣ: какъ вы въ своихъ печалехъ живете. Пишешь ты, чтобъ я къ тебѣ писала и таперъ пишу. Дядюшка и тетюшка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравіи. А о сѣбѣ пишу всеконечно больна и лежу въ разслаблении, и тебѣ Катюшка всеконечно надобно ко мнѣ приѣхать для благословения и для утѣшения мнѣ, также чтобъ мнѣ видить твою дочку безмѣрно желаю. То бѣ я утѣшилась чтобъ ея увидѣла. О приѣздѣ вашемъ доношу, что многое получите у дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрасивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу; лучше быть въ Ригѣ, ежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы, и дядюшка мнѣ самъ изволилъ приѣзжая гритъ, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были, по нуждѣ и хоть бы одну тебя отпустилъ поскаряе злочкою. А о болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и zelo сокрущаюсь, ежели бы были виѣстѣ, могли пѣ всякую пользу аделать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать вашей болѣзни, также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ вриге будете, для того что отъ риги недалеко. Сестра моя, книгиня Настасья, больша 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожалѣла и распухла, и болѣзнь ея и докторы всѣ отказали, и ее Гедръ изволилъ послать кводамъ,

и она отъ тѣхъ водъ выздоровела: какъ небывало болѣзни, и все стало быть временно! Какъ можно царевна Екатерина такъ дѣлай, чтобъ вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла; а больше дялюшку нераскручивайте что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложите, то дялюшку раскручивайте и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ. А у дялюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нуждѣ хотябъ тебя прислалъ злочкою; пожалуй дай мнѣ видѣть для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку свою, хать на часъ. А мнѣ не долга жить: болезни у меня подвелись великие мокротная, каменная, падагра и мосей натуре такихъ болезней долго не свестъ. А по прибытіи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отпиравъ тотчасъ изъ сестринныхъ служителей, да отпиши противъ сего письмо, какъ можно поскарее, хотя къ сестре въ Митаву, а она бъ ко мнѣ тотчасъ прислала. А письма твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря. Очень нужно намъ видѣтца: отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня послушалъ, приѣхалъ для самой своей лучшей пользы. И убытку вамъ здѣсь никакого небудетъ, все будетъ Государево. При семъ буди надъ тобою милость Божія и Пресвятой Бцы милосердіе, отца твоего и моего благословеніе.

Мать ваша Ц. Пр.

Василій Алексѣевичъ (Юшковъ) и все домашніе поклонъ отдають.

А Окунева Катюшка будетъ надобно, держи; буде есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли; а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что пишешь, чтобъ не присылать женскаго роду (прислугу) вригу, и я вить пришлю не на твоимъ коште; хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ приѣдутъ, и о томъ отпиши присылать или нѣтъ.

Изъ Москвы 1722 года 15 мая.

Матушка моя Государыня здравствуй, куцно и съ супругомъ своимъ Гсдремъ моимъ и здочерью, моею Государынею!

Рабъ вашъ Василій Салтыковъ (братъ царицы).

7) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Паслала я ктебѣ Алексѣя Татищева для таво, што пиши(ешь, что) немогла (т. е. была больна) твоя дочька, а мая внучька. И я думаю, што вы долга не будете. Пришлите вѣдомость, где вы таперева? штобы вѣдать мнѣ и ежели сестра выедетъ васъ встретить. — Шупце тошна. Ждемъ да не дождемся. Алѣксѣи квамъ наскоре посланѣ и естыли тебя Алѣксѣи Татищевъ встрѣтитъ на дароге, и ты і м вазми у него на дороге сестрины писма и будетъ, будетъ скѣмъ послать, и ты пошли кней: а ему не велела я ехать вмитаву. Писавші, мать ваша Ц. П. внучка моя

с и здравствуй приезжай с и поскорее, не могу я васъ дожидатца и Бгъ вѣсть, дождуся ли я или нѣтъ, по своей болѣзни Ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатая і оташли.

8) Царевна Катерина Ивановна здравствуй! Внучка свѣтъ мой здравствуй! Я васъ, свѣтовъ своихъ, дожидаю вѣрадо; а болши вѣры нѣиму, што будете; кажетце не будете; ежели мошно поспѣшите поскоряе для того, что детяти долго вдароге быть трудно и для моей балѣзни. А я васъ послала встрѣтить Татьяну стоварищи и какъ встрѣтитя тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова поскоряе. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить или сестру вышлю; у меня свѣтъ мой вамъ и харомы вычищены для вашево пакоу. Чаю, вамъ ѣхать трудно вдароге, а болше таво детяте великой трудъ; а я думаю никакъ васъ недождуся по своей балѣзни. Отпакоже отъ лому есть палегче, толко нехажу. Хотя бы взглянуть на внучку. При семь буди сваи милость Божія и пресвятѣй Богородицы і мое благословение. А у меня вдомѣ, свѣтъ мой, всѣ радаютце твоему приѣзду; а наипаче дочки вашей. Я васъ свѣтовъ маѣхъ внучка и душечка пато (?)
Мать ваша Ц. П.

9) Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василья Алексѣевича, вмѣсто себя, и ты Катюшка подержи его у себя день; да ко мнѣ пришли поскоряе, чтобы я тебя встретила сама, ежели по-могу. Внучка, свѣтъ мой, поскоряе ко мнѣ приѣзжай, а я тебя не могу дожидатся!

Прибуди надъ вами милость Божія и пресветые Богородицы милосердие и мае благословение.
Мать ваша Ц. Пр.

Сестрица, свѣтъ мой, . . . здравствуй мой свѣтъ на дѣта мидгя! Пожалуй, светъ мой сестрица, изволь приѣзжать поскоряе квамъ; и спринцессаю задарою нашею. Сестра твоя Прасковья.

другъ мой племянница здравствуй!

Т. (тетка) П. (Прасковья.)

(дальше приписываютъ сначала бабушка, потомъ тетка):

Посылаю я, свѣтъ мой, внучка, сережки маленькия. Наси на сдаровия. И я посылаю тебѣ, светъ мой племянница, каробачку вологацкаго гастивца, тетка
Т. П.

И еще посылаю кошеньку (игрушку) серебряную.

10) (рукой секретаря) Другъ мой сердешной внучка здравствуй абашкомъ и сматушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и про батюшкино и про матушкино здоровьѣ своею ручкою. Да поцелуй за меня Батюшка и матушку; Батюшка въ правой глазокъ, а матушку въ лѣвой. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинецъ: кафтанецъ теплой для того, чтобъ тебѣ тепленко ка мнѣ ѣхать; да послана ктебѣ баулочка (коробочка), а въ ней сто золотыхъ и ты изволь ими тѣшитце; да доставцы (табакерка) утѣши; свѣтъ мой, батюшка и матушку, чтобъ онѣ ненадсажались въ своихъ печалехъ и пазови ихъ ка мнѣ вгости, и сама сними приезжай. И я чаю, што съ тобою увижусь, што ты у меня вумѣ непрестанно. При семъ отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. (далѣе собственоручно) Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺ старые, а уже чуть видѣть свѣтъ. Бабушка твоя старенькая хочить тебя внучку маленькаю видѣть

Царица Прасковья.

11) Внучка, свѣтъ мой! Желаю я тебѣ; друкъ мой сердешной, всякого блага, ото всево моего сердца. Да хочѣца, хочѣца, хочѣца тебя, друкъ мой внучка, мнѣ бабушке старенькай видить тебя маленькаю и подружца стабой. Старай смалой отчивъ живутъ дружна. Да позави ка мнѣ батюшка и матушку вгости и поцалуй ихъ за меня, и што бы ане привозили и тебя. А мнѣ стабою инекакыхъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ подумать и перегаваривать (надобно) При семъ еще здравствуй! Бабушка твоя кланяеця

Ц. Пр.

Примѣч. Писано на весьма маленькомъ листикѣ, тщательно обрѣзанномъ въ форматъ письма.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ

Слб. 4 апрѣля 1861 г.

ВЕСНОЮ

Городъ, каменные дома,
Книги, диспуты, тетради,
Вы мнѣ больше незнакомы,
Васъ любилъ я, скуки ради.

Все, что было, позабыто,
Вмѣстѣ съ пылью улицъ сиродныхъ,
И душа моя открыта
Для весеннихъ чувствъ отрадныхъ.

Сердце бьется съ прежней силой ;
Ухо чутко внемлетъ грому,
Внемлетъ, — точно слову милой,
Лѣса шуму молодому.

П. П. КУСКОВЪ

Май 1860 г.

Дитя веселое, въ глаза твои смотря,
Я сердцу нахожу невольную отраду,
И я люблю глядѣть, какъ часто, вся горя,
За бабочкою ты гоняешься по саду.
И мысли ясныя рождаетъ голова,
И сладкія мечты рождаются въ ней порою...
Но демонъ ужъ тебѣ шепталъ свои слова;
И надъ головкою твоею молодою
Витали образы волшебныя духовъ,
Тебѣ предвѣчныя рассказывая сказки
О томъ, какъ мѣръ зажгла волшебница-любовь;
И не нашла хоть ты для этихъ сказокъ словъ,
Но ихъ слѣды хранить твои большіе глазки
Въ лукавой скромности, и жаръ твоихъ ланитъ
О тайнахъ сказокъ тѣхъ стыдливо говоритъ.

Н.А. КУСКОВЪ

МАДАМЪ ЛАФАРЖЪ (*)

(ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ)

Въ январѣ 1840 года, въ селѣ Бойсакъ, въ департаментѣ Коррезы, умеръ въ нѣсколько дней заводчикъ Лафаржъ, болѣзни котораго не могла опредѣлить медицина. Друзья и родственники покойнаго обвинили жену его въ томъ, что она отравила своего мужа мышьякомъ.

Кто былъ этотъ Лафаржъ и что за личность Марія Каппель, которой приписываютъ это убійство?

Марія-Фортуна Каппель родилась въ Villers Hellon, въ Пикардіи, въ 1816 году. Отецъ ея былъ артиллерійскій подполковникъ старой императорской гвардіи. Семейство Каппель было извѣстно и уважаемо. Бабушка Марія пользовалась уроками, которые г-жа Жанашъ дала принцессѣ Орлеанской; дѣдъ ея, съ матерней стороны, былъ поставщикомъ въ республиканской арміи и пользовался покровительствомъ Талейрана. Тетки Маріи были замужемъ: одна за барономъ Мартенъ (Martens), прусскимъ дипломатомъ, извѣстнымъ по нѣкоторымъ замѣчательнымъ сочиненіямъ, другая за г-номъ Гара (Garat), оберъ секретаремъ французскаго банка.

Г-нъ Каппель, бывший сперва провіантмейстеромъ въ Мезьерѣ, потомъ подполковникомъ въ Дуэ (Douai), полковникомъ въ Валансъ и Стразбургѣ, долженъ былъ часто покидать свое семейство, по дѣламъ службы; но первые года дѣтства Маріи протекли въ мирномъ Villers Hellon.

(*) Имя госпожи Лафаржъ извѣстно во всемъ свѣтѣ. У насъ его тоже знаютъ, но вмѣстѣ съ этимъ знаютъ только одно: что она отравила своего мужа. Мы увѣрены, что весь этотъ возмущающій душу процессъ извѣстенъ очень и очень немногимъ. Вотъ почему мы рѣшились напечатать его, не смотря на его кажущуюся извѣстность. Онъ стоитъ того по многимъ причинамъ. *Код.*

Villers Hellon было прекрасное мѣсто: замокъ окруженный богатыми лугами, которые пересѣкались цѣлыми аллеями орѣшника и яблонь. Неподалеку былъ прудъ, изъ котораго вытекалъ маленькій игривый ручей.

Въ этой прекрасной рамкѣ росла и развивалась Марія. По слабости здоровья, она была баловнемъ всего дома. Запрещено было противорѣчить ей въ чемъ бы то ни было, исполнялись малѣйшіе капризы ея, но, не смотря на это, сердце ея осталось добрымъ; шалила одна голова, что не мѣшало окружающимъ искренно прививаться къ ней.

Марія Каппель отличалась искусствомъ нѣсколькими штрихами нарисовать удачный портретъ, и до сихъ поръ сохранились многіе изъ этихъ портретовъ, напр. старой Мами (Marie), ключницы, коротенькой, толстой, съ связкой ключей за поясомъ и изломанными очками на носу; или Лало, которая вынянчила цѣлое поколѣніе, художой, длинной, искусвой рассказицы, философа нъ юбкѣ, страстно преданной своимъ господамъ и обожающей ихъ молодое потомство. Марія съ рукъ няньки переходила въ руки солдатъ, которые учили ее класть фитиль на пушку, радовались ея храбрости и выражали преданность своему начальнику, по своему, балуя его дочку, маленькую артиллеристку, какъ они ее называли.

Скромная и боязливая дома, она дѣлалась храброю въ полѣ и паркѣ и смѣло садилась верхомъ на любую лошадь.

Приходя въ возрастъ, она заимствовала отъ окружающаго ее общества прекрасныя манеры, а живой умъ ея отличался чѣмъ-то своебытнымъ, оригинальнымъ. Еще ребенкомъ, она составляла удачныя острооты. Однажды къ нимъ заѣхалъ Талебранъ. Il boite avec esgrit, сказала маленькая Марія.

Семейство ея было въ связяхъ съ лучшими и богатѣйшими домами въ окрестностяхъ. У нихъ часто бывали: г-жа д'Ельморъ (Elmore), дочь знаменитаго Сегена (Séguin), поставщика въ испанской арміи, миллионера прославившагося своими эксцентричными выходками; генералъ Домениль (Daumesnil) венсенскій герой, маршалъша Жераръ, г-жа де Комонъ (Caumont) и многіе другіе.

Не подалеку отъ замка, было помѣстье Long-Pont, принадлежащее Виковту Монтестью, съ великолѣпными развалинами и паркомъ. Виконтеса была пріятельницей г-жи Каппель, а братъ ея, маркизь Жюль де Морнѣ, женившійся на дочери маршала Сульта, посѣщая Long-Pont, встрѣчался иногда съ Маріей и былъ плѣвненъ ея граціей.

Годы полной деревенской свободы смѣнились для Маріи годами серьезныхъ занятій. Когда отецъ ея уѣхалъ въ Валенсъ, ее отпра-

вили въ Парижъ , гдѣ маршалъ Макдональдъ помѣстилъ ее въ Сен-Дени. Тамъ она встрѣтила нѣсколькихъ подругъ дѣтства , напр. дочь генерала Доменили и была не изъ числа самыхъ послушныхъ. Выдержавъ двѣ очень серьезныя болѣзни , она воротилась домой , къ дорогой свободѣ.

Отецъ ея рано умеръ , а мать вторично вышла за г-на Кёгорна (Соёбогн), изъ известной нѣмецкой фамилии. Онъ скоро приобрѣлъ расположеніе своей падчерицы и его-то уроки и чтенія оставили въ умѣ Маріи отпечатокъ высокаго мистическаго чувства , которое смягчало живость и пылкость ея характера.

Вскорѣ лишилась она и матери , которая оставила ей 90,000 фр. наслѣдства. Дяди и тетки обращались съ нею какъ съ дочерью , но она продолжала вести прежнее знакомство и тѣсно сошлась съ Маріей Николаи , воспитанной слишкомъ свободно и сдѣлавшей ее повѣренной своихъ романтическихъ приключеній.

Если вѣрить рассказамъ самой Маріи , сердце ея долго оставалось спокойно , но наконецъ побѣдилъ его молодой , мечтательный юноша , оказавшійся не болѣе какъ сыномъ провинціального антекаря.

Какого рода былъ этотъ романъ? По всему видно , что это была шалость пансіонерки , любовь , существующая въ воображеніи. Вотъ письма Маріи къ этому г-ну Гюйо (Guyot).

Понедѣльникъ.

• Едва ли найдется на свѣтѣ мученье сильнѣе мученья быть оставленной... но если оно есть , укажите мнѣ его... или научите , какъ заглушить его .. но нѣтъ.. вся жизнь состоитъ изъ иллюзій... и у меня была одна , но вы заставили меня протрезвиться!

• Увлеченіе на нѣсколько дней! вотъ что это было и я вамъ вѣрила!.. О какъ должно быть все ложно на свѣтѣ , если и ваши слова были ложны! •

Вторникъ.

• ... Я остаюсь дома... Она передастъ вамъ это письмо... Увидя васъ , пожалуйи снова повѣришь. Нѣтъ , прощайте! прощаю вамъ все... будьте счастливы и дай Богъ вамъ не испытать обмана...

• ...Исторію Каролины открыли! Ее заставятъ написать къ вамъ , чтобы , по вашему отвѣту , увидѣть , въ какихъ она отношеніяхъ съ вашимъ другомъ. Ради Бога , не пишите ко мнѣ , не упоминайте моего имени!

• Я сирота; Богъ взялъ у меня все. отца и мать. Дядя и тетя рѣшились замѣнить мнѣ родителей , но сегодня по утру тетка поклялась мнѣ , что если я какънибудь замѣшана въ этой исторіи , она не пуститъ меня на глаза. Господи! Я не перенесу этого!

• Я съ ума схожу... голова идетъ кругомъ. Вы честный человѣкъ, я вѣрю вамъ, спасите меня вашимъ молчаніемъ!

• Поручаю себя Богу и вамъ! По непростительной вѣтренности я отдала свою честь въ ваши руки. Кто заступится за меня? — Будьте моимъ хранителемъ, ради вашихъ родныхъ, ради Маріи... Каждый часъ, каждую минуту въ жизни, буду думать о васъ съ благодарностью!

Романъ этотъ окончился разлукой на вѣки. Нѣсколько времени спустя, Марія снова встрѣтилась съ Маріей Николаи, сдѣлавшейся виконтессой де-Леото (Léautaud). Виконтесса поселилась въ Бюзаньи (Busagny) близъ Понтуаза. Еще, въ раннюю молодость, Марія Каппель была посредницей въ одной интригѣ дѣвицы Николаи съ молодымъ испанцемъ, Феликсомъ Клаве (Clavé), отецъ котораго былъ директоромъ какого-то учебнаго заведенія въ Парижѣ. Теперь, г-жа Леото, боясь нескромности со стороны Клаве, у котораго остались ея письма, просила Марію еще разъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, увѣряя, что узнала молодого человѣка въ одномъ изъ оперныхъ фигурантовъ. Марія увѣряла, что не задолго передъ тѣмъ, получила отъ этого Клаве письмо, изъ котораго видно, что онъ въ Алжирѣ.

Какія средства были употреблены для возвращенія писемъ и что произошло впоследствии между подругами, покажетъ дальнѣйшій ходъ происшествія.

Къ концу 1838 года, умеръ дѣдъ Маріи Каппель. Здоровье ея, и безъ того уже слабое, разстраивалось послѣ каждой потери близкихъ. Родственники и знакомые рѣшили выдать ее за мужа. Какъ поступило было для отысканія жениха, неизвѣстно. Говорили, что родственники обратились для этого въ контору извѣстнаго г. Фуа (*), но сама г-жа Лафаржъ опровергнула этотъ слухъ при допросѣ. Что же касается до жениха, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ обращался за сватовствомъ въ контору. У Маріи Каппель было 100,000 франковъ приданого; она принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи и своей личностью вполне заслуживала вниманія. Несмотря на нѣкоторую легкость характера, въ ней было много прекрасныхъ качествъ, много способности любить и потребности быть любимой. Она всегда говорила, что она не хороша собою, но это было скорѣе кокетство умной женщины. Красавицей назвать ее было вельзя, но фizioномія ея была замѣчательна. Черты лица были круп-

(*) Г. Фуа та же сваха, но только французская, и потому съ конторой, книгами, дѣлами, этикетами, съ цѣфирными письмами: чуть ли не въ каждомъ изъ французскихъ журналовъ публикуетъ онъ и теперь еще разныя чудеса о своемъ чудесномъ заведеніи. Mr de Foy — mariages и пр. и пр.

ны, глаза черные, выразительные, лицо блѣдное, густые черные волосы, походка и манеры чрезвычайно изящныя и величественныя, улыбка удивительная, порой рѣзвая и лукавая, порой полная залуничности, голосъ въ высшей степени симпатичный: все въ ея особѣ неводно привлекало. Живое, нѣсколько романтическое воображеніе, природная грація и изящные приемы выдвигали ее изъ толпы и, поговоривъ съ нею, нельзя было не пайдти ее прекрасной. Этой-то женщиной, воспитанной въ отборномъ обществѣ, представленъ былъ Шарль-Жозефъ Лафаржъ, какъ нарѣченный женихъ.

Лафаржу было въ то время двадцать восемь лѣтъ; происходилъ онъ изъ хорошаго семейства. Говорилъ, что онъ имѣетъ заводъ и земли на двѣсти тысячъ франковъ, кромѣ капитала, пущеннаго въ торговые обороты и что кузница приноситъ ему отъ тридцати, до тридцати пяти тысячъ франковъ дохода. Онъ былъ дурень собой: ростъ и фигура работающаго человѣка, но считался выгодной партіей; былъ вдовъ и чрезвычайно внимателенъ къ нарѣченной невѣстѣ.

Свадьбу сыграли черезъ пять дней, потомучто Лафаржъ торопился въ свой замокъ Гландье, кокетливый планъ котораго былъ поднесенъ молодой супругѣ. По рассказамъ, Гландье былъ золотое дно: тамъ и великолѣпный паркъ, и рѣка, и всѣ возможныя сельскія удовольствія, отборное общество, котораго Марія будетъ царицей и семейство, ожидающее ее съ восторгомъ. Все это вскружило молодую головку и, не думая долго, Марія отдала свою руку.

Молодые уѣхали тотчасъ же послѣ свадьбы. Еще на первой станціи произошла между ними непріятная сцена, ясно показавшая огромную разность натуры и воспитанія. Лафаржъ непремѣнно хотѣлъ войти въ комнату жены въ то время, какъ она брала ванну и когда его не пустили, разразился крупной бранью и угрозами. «Въ Гландье, я передѣлаю это по своему и положу конецъ этимъ ломаньямъ!» Въ продолженіе всей дороги, ее поражали и даже пугали внезапныя грубыя ласки и поцѣлуи; супругъ не стѣснялся посторонними свидѣтелями.

Пріѣхали наконецъ къ мѣсту назначенія. Дороги были ужасныя, время сырое и ненастное; все это должно было подѣйствовать на нервы женщины. Нервы! вотъ новость въ этомъ патріархальномъ жвлицѣ!

Наконецъ увидала она этотъ кокетливый феодалный замокъ, разумно приспособленный къ промышленному труду и.... о ужасъ! Въ концѣ избитой дороги, представились глазамъ ея нѣсколько закопченныхъ крышъ, маленькая тошоловая аллея, простая каменная лѣстница и большая, несуетная, почти пустая приемная комната.

Когда Марию помѣстили въ не совѣмъ чистой, холодной комна-

тѣ, меблированной пятью стульями и кроватью и оклеенной обоями сомнительно желтаго цвѣта, она сочла себя самой несчастной женщиной въ свѣтѣ. Ей не пришло еще въ голову, что тутъ разсчитывали на ея приданое, но въ ней возмущилась только тонкая деликатность парижанки. И мужъ и домъ сдѣлались ей противны; жизнь въ такой обстановкѣ казалась рѣшительно невозможной; въ припадкѣ отчаянія, она заперлась въ своей комнатѣ и написала безумное письмо, которое, по ея мнѣнію, должно было избавить ее отъ этой жизни.

Вотъ оно, отъ 15 августа 1839 года:

• Шарль, умоляю васъ на колѣняхъ, простите меня! Я обманула васъ; я люблю другого! Господи, я невыносимо страдаю! Васъ, я уважаю отъ всей души, но дайте мнѣ умереть, ради Бога! скажите: «умри, я тебѣ прощаю», и завтра же меня не будетъ на свѣтѣ. Голова у меня трещить, помогите мнѣ! Выслушайте изъ жалости! Его зовутъ также Шарлемъ; онъ молодецъ, благороденъ, мы вмѣстѣ воспитывались и любили другъ друга съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали понимать любовь. Прошлаго года онъ увлекся другою женщиной: я думала, что не переживу и изъ мести рѣшилась выйти замужъ. Тутъ мы встрѣтились съ вами. Увы! тогда я не знала обязанностей, которыя налагаетъ супружество! Я думала, что отъ меня не потребуютъ ничего больше братскаго поцѣлуя, что вы заступите мнѣ отца, родныхъ! Поймите, что я выстрадала въ эти три дня! Поймите, что я должна умереть, если вы не спасете меня! Позвольте мнѣ говорить откровенно: я уважаю и цѣню васъ отъ всего сердца, но воспитаніе и привычка положили между нами непреодолимую преграду. Вмѣсто отраднхъ словъ любви, у васъ однѣ тривіальныя ласки, ничего духовнаго, одна чувственность, которая возмущаетъ меня. Притомъ же онъ раскаялся; я видѣлась съ нимъ въ Орлеанѣ, пока вы обѣдали: онъ былъ на балконѣ, противъ окна моей комнаты. Теперь онъ даже скрывается здѣсь, въ окрестностяхъ; если вы не спасете меня, я погибну, я не устою противъ любви. Шарль, спасите меня отъ него, отъ себя самого. Скажите мнѣ сегодня вечеромъ, что вы согласны, дайте двухъ лошадей и укажите дорогу въ Брианъ: я возьму почтовыхъ лошадей въ Бордо, потомъ отправлюсь на кораблѣ въ Смирну. Состояніе мое пусть остается въ вашихъ рукахъ; Богъ поможетъ вамъ усилить въ вашихъ дѣлахъ, вы этого достойны; сама я буду жить работою, уроками. Не говорите никому о моемъ существованіи. Если хотите, я брошу свой манто въ одинъ изъ вашихъ ровей, и все подумаютъ, что я погибла; хотите, я приму мышьяку: онъ у меня есть, тогда всему ковецъ! Вы были такъ добры ко мнѣ, что я готова отдать вамъ жизнь, но любить и принимать ваши ласки — выше всякой возможности! Ради чести вашей матери, не откажите мнѣ, ради Бога, простите меня! Я жду отвѣта, какъ преступникъ ждетъ смертнаго приговора. Увы! если

бы не любила я другого больше жизни, может быть я привыкла бы къ вамъ когда нибудь; но теперь, мнѣ невыносимы ваши ласки! Убейте меня; я сознаю, что стою этого, но все-таки надѣюсь на васъ: просуньте въ мою дверь записочку сегодня вечеромъ, завтра меня уже не будетъ на свѣтѣ. Не заботьтесь обо мнѣ; я пойду даже вѣшкомъ до Врива. Оставайтесь здѣсь навсегда. Вниманіе вашей матери и сестры терзаетъ мою душу; я ненавижу самое себя! Будьте великодушны, не допустите меня до самоубійства! Кому мнѣ довѣриться кромѣ васъ? Обратиться къ нему? никогда! Я никому не буду принадлежать, для меня не будетъ привязанностей. Будьте мужчиной, вы не успѣли еще полюбить меня, простите! Не давайте мнѣ лошадей, это надѣляетъ шуму, дайте только какое нибудь изношенное крестьянское платье. Простите, еще разъ. Богъ наградитъ васъ за все зло, которое я вамъ дѣлаю!

• Я возьму съ собой только подарки моихъ подругъ; остальное въ вашихъ рукахъ и вы перешлете мнѣ въ Смирну, если захотите удалить что нибудь отъ себя.

• Не обвиняйте меня въ притворствѣ: еще въ понедѣльникъ, съ того самого часа, какъ тетки объяснили мнѣ, что значитъ отдаться мужчине, я поклялась умереть; я приняла яду, но слишкомъ мало; вчера меня стошнило отъ него въ Орлеанѣ; дорогой, я прикладывала ко лбу заряженный пистолетъ, но недостало духа. Сегодня все зависитъ отъ васъ; я твердо рѣшилась.

• Спасите меня, будьте ангеломъ-хранителемъ бѣдной сироты, или убейте меня, или дайте мнѣ умереть. Напишите мнѣ, потому что безъ честнаго слова, написаннаго вашей рукой, которому я безгранично довѣряюсь, я ни для кого не отпую двери. Марія.

Это безумное письмо повергло въ отчаяніе мать, сестру и зятя Лафаржа, г-на Бюфьеръ. Между супругами произошла сцена, въ которой Лафаржъ выказалъ неподдѣльную горестъ и привязанность. Побѣжденная лаской и вѣжностью, Марія покорила судьбѣ и рѣшилась освободиться съ семейной жизнью. Она призналась, что любовь къ другому выдумка и обѣщала побѣдить свое отвращеніе. Это удалось ей скорѣе, нежели жители Гланды успѣли забыть ея романтическую выходку. Была еще одна супружеская сцена, послѣ того, какъ Лафаржъ напился на одномъ обѣдѣ, но этимъ дѣло и кончилось. Не смотря на маленькія непріятности, выходявшія изъ того, что парижская горничная Клементина Серва, вѣтреная гризетка, не нравилась въ домѣ и не смотря на то, что ногти у г-на Лафаржа были постоянно въ траурѣ, Марія привыкала къ жизни въ Гландѣ.

22 августа она писала г-ну Гара:

• Я жила съ своимъ положеніемъ, хотя виѣшняя сторона его далеко не привлекательна. Привязанность мужа даетъ мнѣ силу выно-

свить его... Шарль обожаетъ меня и меня глубоко трогаетъ его почтительная привязанность.

Спусти три дня, она писала г-жѣ Монбретонъ :

...Всѣ наши несчастія происходятъ отъ того, что мы живемъ болѣе мечтами нежели дѣйствительностью; нѣтъ ничего хуже разочарованія. Первое впечатлѣніе новой жизни было ужасное, но теперь, я уже спокойно устроиваюсь, какъ Робинзонъ, въ новомъ жилищѣ. Лишь только начать пробиваться слезы, когда я раздумаюсь одна, въ пустой комнатѣ, о дорогихъ моему сердцу, и надѣваю шляпу и бѣгу въ поле любоваться великолѣпной мѣстностью, утѣшаясь мыслью, что вся эта зелень, холмы и пригорки мои. Да, у меня есть горы, рѣки, долины и ни одного порядочнаго стула; ни одного творенія рукъ человѣческихъ, все богатство прямо отъ Бога.

Характеръ Шарля совершенно соотвѣтствуетъ обстановкѣ. Подъ грубой, невоздѣланной оболочкой скрывается благородное сердце; любить онъ меня больше всего; всѣ его мысли клонятся къ тому, чтобы сдѣлать меня счастливой; я составляю предметъ почтительнаго обожанія. Мать его превосходная женщина, готовая хоть въ огонь для своего сына; она ласкаетъ меня и я замѣчаю иногда проблески образованія, заглушеннаго будничными заботами о хозяйствѣ. Все это вмѣстѣ утѣшаетъ и огорчаетъ меня; вы понимаете, не правда ли?...

Марія принялась, по возможности, устранивать маленькое жилище, возбуждая по временамъ, безъ всякаго намѣренія, неудовольствіе родныхъ, привыкшихъ къ старымъ порядкамъ. Не смотря на все это, ее любили и любовались ею. Даже кузница обратила на себя вниманіе молодой женщины. Она присутствовала при работахъ, къ немалому удовольствію кузнецовъ.

Лафаржъ, съ своей стороны, знакомилъ жену съ ходомъ своихъ дѣлъ, исключая денежныхъ счетовъ. Онъ говорилъ, что сдѣлать новое открытіе для приготовленія желѣза, которое принесетъ ему огромныя выгоды. Марія увлеклась этой мыслью, наблюдала за опытами; ея пылкое воображеніе нашло наконецъ себѣ пищу.

Женясь во второй разъ, Лафаржъ рассчитывалъ на женнино приданое, чтобы расширить свои обороты, а главнымъ образомъ, выйдти изъ нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя держались въ строгой тайнѣ. Нужно было для этого имѣть право распоряжаться женниными деньгами, т. е. чтобы у обоихъ были одинаковыя интересы. Супруги сдѣлали каждый духовное завѣщаніе и помѣнились ими. Неизвѣстно кому изъ нихъ первому пришла мысль сдѣлать завѣщаніе; во время обвиненія, нельзя было доказать, что это придумала сдѣлать Марія; она же съ своей стороны не могла припомнить, была ли это идея ея мужа и уже послѣ, въ своихъ ме-

муарахъ, рассказываетъ, что Лафаржъ первый написалъ завѣщаніе. Какъ бы то ни было, получивъ завѣщаніе отъ жены, Лафаржъ секретно измѣнилъ свое, сдѣлавъ въ немъ новыя распоряженія въ пользу сестры и матери. Завѣщаніе же Маріи, которое она поручила свекрови, вскрыли, чтобы удостовѣриться, что оно заключаетъ.

Рѣшено было сдѣлать заемъ у родственниковъ г-жи Лафаржъ, для чего и поручили ей предварительно, расхвалить въ письмѣ будущее предпріятіе. Она сама чистосердечно вѣрила въ успѣхъ, и Лафаржъ уѣхалъ въ Парижъ для полученія привилегіи и совершенія займа.

Во время этого путешествія, между нимъ и Маріей велась самая дружеская переписка; она давала ему совѣты, какъ обратиться къ ея богатымъ родственникамъ. Привилегія была получена 14 декабря, но дѣло о займѣ затянулось и г-жа Лафаржъ выслала мужу довѣренность на продажу ея имѣній. Между тѣмъ, тайно отъ жены и своего семейства, Лафаржъ выписалъ изъ Гландье прркащика Дени, чловѣка сомнительной честности и употреблялъ его для добыванія фальшивыхъ подписей на векселя, которые потомъ тайно перепродавалъ.

Въ Гландье между тѣмъ хлопотали и готовили ему сюрризы. Г-жа Лафаржъ пригласила къ себѣ дѣвицу Брэнъ, которой вручила свята свой портретъ и отправила его въ Парижъ въ ящикѣ съ пирогами, которые посылала мать своему Шарлю. Марія наказывала въ письмѣ, чтобы мужъ съѣлъ одинъ пирогъ 18 декабря вечеромъ, потому что въ этотъ же день я часъ будутъ ѣсть ихъ въ Гландье. 18 декабря, получивши посылку, Лафаржъ отломилъ небольшой кусокъ корки и съѣлъ ее. Ночью и весь слѣдующій день онъ чувствовалъ тошноту и боль въ желудкѣ.

Лафаржъ возвратился домой 5 января 1840 года, больной и измученный.

Наканунѣ отъѣзда, онъ получилъ отъ одного нотаріуса изъ Суассона двадцать пять тысячъ франковъ, занятыхъ съ поручительствомъ г-жи Лафаржъ. Чемоданъ лежалъ нѣсколько времени въ одномъ надежномъ домѣ; когда его переносили, одинъ чловѣкъ съ трудомъ могъ приподнять его, и Лафаржъ говорилъ, что въ немъ тридцать тысячъ франковъ. Эти деньги впоследствии исчезли, и родные говорили, что Лафаржъ привезъ только три или четыре тысячи франковъ.

Лафаржъ слегъ въ постель и у него началась рвота. Зять его успокаивалъ Марію, говоря, что это расстройство желудка и что мужъ ея любитъ преувеличивать всякую болѣзнь. Мать же, тотчасъ изъяснила опасеніе, что сына ея отравили въ Парижѣ его враги;

она рассказывала Маріи смерть своего мужа, котораго отравилъ за десертомъ соперникъ и увѣряла, что такіе же симптомы замѣчаетъ теперь въ сынѣ. Марія немедленно сообщила всѣ эти опасенія г-ну Барду, домашнему доктору, который смѣялся и увѣрялъ, что не видитъ малѣйшаго признака и что Лафаржъ страдаетъ жабой и воспаленіемъ желудка; что же касается смерти отца, то и она была самая естественная, а только разстроенное воображеніе старой г-жи Лафаржъ создало всѣ эти ужасные признаки.

Барду, чтобы изслѣдовать свойство болѣзни и унять рвоту, смѣшалъ квасцы съ сахаромъ и пропустилъ ихъ въ горло Лафаржу. Больной жаловался, что очень жжетъ.

Въ болѣзни, Лафаржъ сдѣлался раздражителемъ; онъ жаловался, что крысы не даютъ ему покоя и дѣйствительно незалого передъ тѣмъ, онъ избѣли все бѣлье его жены. 12 декабря она послала за мышьякомъ въ аптеку Ейсартъ (Eyssartier), съ слѣдующей запиской:

• Меня чуть не съѣли крысы. Я посыпала извѣстия и рвотнаго камня, но ничего не помогаетъ. Не можете ли вы довѣрить мнѣ немного мышьяку? Можете смѣло надѣяться на мою осторожность; я посыпшу его въ комнату, гдѣ держатъ одно только бѣлье.

• Нужно мнѣ также немного липоваго и померанцоваго цвѣта.

Марія Лафаржъ дю Гландье.

• Пришлите четверть фунта сладкаго миндаля •

5 января она снова просила мышьяку.

• Человѣкъ мой сдѣлалъ такое глупое тѣсто изъ вашего мышьяка, что г. Барду далъ мнѣ рецептъ, который я вамъ посылаю, чтобы вы были спокойны насчетъ вторичнаго требованія и не подумали бы, что я собираюсь отравить имъ всѣхъ здѣшнихъ жителей.

• Пришлите мнѣ нѣсколько унцій гумми-арабика въ порошокъ; трудитесь также прислать счетъ моего долга, который теперь порядочно выросъ. Еще мнѣ нужно грудного чаю и бѣлаго бульону. У мужа моего вачивается жаба; но г. Барду увѣряетъ, что онъ больше страдаетъ отъ усталости послѣ дороги и что скоро ему будетъ легче.

Марія Лафаржъ. •

Однакоже Лафаржъ не поправлялся; болѣзнь его напротивъ усиливалась; сильная и частая рвота изнуряли его. Всѣ родные и слуги были около него; мать провела нѣсколько ночей сряду у его постели. Жена тоже заботливо ухаживала за нимъ, хотя все это время чувствовала себя также не совсѣмъ здоровой и тоже страдала рвотой и болью въ желудкѣ.

Свекровь и невѣстка жили не совсѣмъ ладно; между ними были

частые споры. Когда Марія требовала, чтобъ г-жа Лафаржъ шла спать, послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей, онѣ обѣ погорячились и свекровь осталась.

Болѣзнь между тѣмъ принимала серьезный характеръ; призвали другого доктора, г-на Массена (Massenat), который подавъ мѣдике, что рвота происходитъ отъ спазмодическаго сжиманія желудка. Нужно было возстановить пищеваженіе. Больному дали немного распущеннаго яичнаго желтка, который онъ тотчасъ отдалъ назадъ и немного хлѣба, смоченнаго виномъ, что онъ и проглотилъ благополучно.

Подозрѣнія въ отравѣ совершенно утвердились въ умѣ старой Лафаржъ и обратились на невѣстку. Стали слѣдить за каждымъ ея шагомъ, перетолковывать малѣйшее слово. Къ свекрови присоединились многіе родственники и слуги, пользовавшіеся ея особеннымъ довѣріемъ.

Дѣвица Брѣнь припомнила, что подойдя къ коммоду, замѣтила на немъ слѣды бѣлаго порошка и видѣла баночку, заключающую въ себѣ этотъ же порошокъ. Видѣла также, что Марія брала часто бѣлый порошокъ или изъ ящичка или, какъ говорила Брѣнь, изъ этой баночки и примѣшивала его къ своимъ и мужнинымъ лекарствамъ. Начинали сомнѣваться, точно ли это гумми-арабикъ, какъ утверждала г-жа Лафаржъ.

10 января Дени принесъ Маріи пакетикъ, заключавшій шестьдесятъ четыре грана мышьяку: это было изрядное количество. Вскорѣ она пошла къ больному мужу съ пакетикомъ въ карманѣ. Лафаржъ жаловался, что крысы возятся надъ головою и скоро придутъ нюхать его лекарство.

— Не безпокойся, отвѣчала она, — у меня въ карманѣ есть чѣмъ уморить цѣлую армію крысъ.

Лафаржъ дружески побранилъ жеу за то, что она кладетъ такія опасныя вещи около носоваго платка. Она дала ему пакетикъ, завернутый въ двойную бумагу. Онъ развернулъ его, велѣлъ позвать Клементину, горничную Маріи, и поручилъ ей сдѣлать тѣсто для крысъ.

На другой день, 11 января, г-нъ Барду, жаловавшійся на недорозье, собиравшійся идти домой, какъ г-жа Лафаржъ мать и г-жа Бюфьеръ показали ему, съ таинственнымъ видомъ, яичный желтокъ, въ которомъ было немного бѣлаго порошка. Но посмотрѣвши пристально на едва замѣтную бѣлую частицу, Барду сказалъ, что это можетъ быть известка, осыпавшаяся съ какой-нибудь стѣны. Оставшись одинъ, обѣ женщины пробовали примѣшивать точно такимъ образомъ известку и золу, но результаты выходили другіе.

12, это было воскресенье, дѣвица Брѣнъ, желая узнать мышьякъ ли заключается въ маленькой баночкѣ, въ коммодѣ, взяла щепотку порошка и принесла его въ комнату старухи. Тотчасъ посыпали его на горячіе уголья и всѣмъ показалось, что онъ издастъ запахъ чеснока. Тотъ же запахъ былъ по ихъ мнѣнію отъ стакана, въ которомъ была хлѣбная вода. — «О, я несчастная! я давала ему этой воды!» вскричала сестра Лафаржа.

Дѣвица Брѣнъ утверждала, что работая у каминна, она видѣла какъ Марія взяла стаканъ, гдѣ была хлѣбная вода съ виномъ, подошла съ нимъ къ коммоду и она ясно слышала стукъ ложки обо что-то, стоявшее во внутренности ящика. Ей показалось также, что Марія что-то примѣшивала и въ питье Лафаржа. Когда потомъ Марія поднесла ложку питья своему мужу, онъ сказалъ: Что мнѣ такое даютъ, меня сожгло всего внутри.

— Не мудрено, отвѣчала Марія, обращаясь къ дѣвицѣ Брѣнъ: — у него воспаленіе, а ему даютъ пить вино.

Старуха припомнила, что сама прежде видѣла, какъ Марія подмѣшиваетъ бѣлый порошокъ въ питье своего мужа, и на вопросъ ея отвѣчала, что это гумми-арабикъ, и въ тоже время поспѣшно обтерла ложку, прежде чѣмъ положила ее на каминъ. На ложкѣ этой былъ тотъ же бѣлый составъ, который онъ примѣтили въ личномъ желтѣ.

13, ночью, отправили Дени къ доктору Жюлю Леспинасу въ Люберсакъ, чтобъ извѣстить его о подозрѣніи. Леспинасъ тотчасъ пріѣхалъ. Дорогой, прикащикъ разсказалъ ему о частыхъ покупкахъ мышьяка, за которымъ его посылали, будто бы тайно. Леспинасъ послалъ за противоядіемъ и какъ только удалили Марію, ближонные разсказали ему всѣ свои подозрѣнія, показали бѣлый порошокъ, который и онъ по запаху принялъ за мышьякъ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Мать, сестра, докторъ рѣшили предупредить больного, которому аптекарь Ейсартъ прислалъ уже сказать, чтобы онъ принималъ лекарство только изъ рукъ вѣрныхъ людей.

— Вы думаете, отвѣчалъ Лафаржъ: — о, найдите доказательство, я поведу дѣло судебнымъ порядкомъ! Старуха Лафаржъ бросилась къ сыну, обливаясь слезами и замѣтивъ блѣдную Марію, прислонившуюся къ кровати: кого я вижу! вскричала она съ ужасомъ.

Дѣвица Брѣнъ разсказывала послѣ, что когда она подошла къ Лафаржу, онъдохнулъ въ ея руку и сказалъ, что пахнетъ чеснокомъ; когда его потомъ вырвало, ему тоже послышался запахъ чеснока.

Съ этой минуты онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ сталъ смотрѣть на жену. 14 января, въ 6 часовъ утра, онъ умеръ.

По смерти его громко объявили, что онъ отравленъ г-жею Лафаржъ. Мать и сестра, удаливъ Марию, сломали всѣ замки и захватили ея бумаги.

Слухи достигли вскорѣ до правительства.

15 января, на другой день смерти Лафаржа, королевскій прокуроръ пріѣхалъ въ Гландье для освидѣтельствования трупа. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Барду, который не видалъ больного четыре дня передъ смертью. «Отравленъ! вскричалъ онъ, васъ обманули. Будетъ большое несчастіе, если какой-нибудь энтузіастъ изъ этого семейства заведетъ, совершенно напрасно, это страшное дѣло».

Другіе доктора не сомнѣвались въ отравѣ.

16 было вскрытіе трупа, при чемъ не нашли ничего положительнаго. Разстройство найденное въ трупѣ могло равнымъ образомъ произойти отъ естественной болѣзни и отъ принятія отравы. Желудокъ, внутренности, содержащееся въ желудкѣ и подозрительныя вещества положены были въ бутылки, *которыя не позаботились запечатать* и все отправлено въ корзинѣ въ Бривъ.

Четыре доктора, между которыми были лечившіе Лафаржа, обязаны были заняться изслѣдованіемъ этихъ веществъ въ химической лабораторіи аптекаря Лафоса (Lafosse).

Сосуды, заключающіе эти вещества, вручены были четверемъ экспертамъ Турнадону (Tournadon), Барду, Массена и Леспинасу не только *не запечатанные, но едва прикрытые худой холстиной*.

Впослѣдствіи, когда хотѣли приступить къ вторичному пересвидѣтельствуванію, надписи были перемѣшаны и многихъ сосудовъ вовсе не оказалось; всѣ они хранились въ незапертой комнатѣ и ни къ одному не было приложено печати. Генеральный адвокатъ сказалъ, что это излишнія формальности; по г-нъ Палле (Paillait), адвокатъ г-жи Лафаржъ, протестовалъ, говоря, что въ уголовномъ дѣлѣ, которое можетъ кончиться эшафотомъ, никакая формальность не должна считаться лишнею.

Яичный желтокъ, разложенный посредствомъ сѣроводорода и нѣсколькихъ капель солекислой соли, далъ блѣдножелтый, клочковатый осадокъ, удобо-растворимый въ чистомъ аммоньякѣ. Порошокъ, оставшійся на днѣ сосуда, былъ высушенъ и положенъ съ равнымъ количествомъ углекислой соли, поташа и угля въ стеклянную трубку, которую накалили до красна; изъ одной части его образовались блестящія крупицы, а другая сгорѣла, издавая запахъ чеснока. Этотъ бѣлый паръ съ подозрительнымъ запахомъ, собранный на очищенную мѣдную поверхность, принялъ зеленый цвѣтъ, когда на него капнули растворомъ сѣрной кислоты и аммоньяка.

Хлѣбная вода, разложенная такимъ же образомъ, дала желтый, клочковатый осадокъ и тѣ же признаки найдены при разложеніи сахарной воды. Исслѣдованіе жидкости, найденной въ желудкѣ и воды, въ которой кипятили самый желудокъ привело къ тѣмъ же результатамъ. Обѣ эти жидкости, нагрѣтыя въ колбѣ съ прибавленіемъ селитренной кислоты, напитанныя потомъ углекислой солью съ поташомъ, сѣрной кислотой и нѣсколькими каплями хлористой кислоты, образовали желтый, клочковатый осадокъ.

Въ пивѣ, водѣ съ гумми-арабикомъ, мелкомъ сахарѣ и въ жидкости отъ рвоты не найдено никакихъ слѣдовъ мышьяка, но въ желтоватомъ отстоѣ и блестящихъ крупинкахъ ясно было, по мнѣнію слѣдователей, что мышьякъ былъ.

Донесеніе медиковъ 19 января кончалось слѣдующими выводами :

1) Что въ яичномъ желткѣ оказалось большое количество мышьяковой кислоты; 2) въ сахарной водѣ былъ тоже мышьякъ; 3) пиво, вода съ гумми-арабикомъ и мелкій сахаръ не содержатъ въ себѣ никакого ядовитаго вещества; 4) что въ рвотѣ не нашлось мышьяковой кислоты, но крайней мѣрѣ не оказалось таковой при разложеніи; 5) что желудокъ и содержащаяся въ немъ жидкость обличаютъ присутствіе мышьяка; 6) что смерть вышепоименованнаго Карла-Жозефа Лафаржа произошла отъ принятія мышьяковой кислоты.

Что жъ было съ Маріей, въ то время, какъ правосудіе отыскивало доказательства ея преступленія? Большая и измученная, она тщетно старалась доказать свою невинность. На сторонѣ ея были только очень немногіе служители и одна изъ всѣхъ родственниковъ Лафаржа, дѣвица Эмма Потье. Первымъ дѣломъ Маріи было розыскать, куда дѣвался пакетикъ съ мышьякомъ, который она поручила своей горничной; послѣдняя объявила, что побоялась мѣсить изъ него тѣсто и положила его въ одну изъ старыхъ шляпъ, въ комнатѣ покойнаго. Пакетикъ этотъ отыскался уже послѣ, зарытый въ саду, но въ немъ былъ не мышьякъ, а сода.

Въ продолженіи цѣлой недѣли послѣ смерти мужа, г-жа Лафаржъ имѣла случай укрыться отъ преслѣдованія законовъ. Адвокатъ Лаландъ предлагалъ ей свою помощь, но она отказалась и даже сдѣлала еще болѣе.

Лафаржъ заплатилъ одному г-ну Ролу 30000 франковъ фальшивыми векселями; Марія отдала въ залогъ всѣ свои вещи, не желая оставлять пятна на памяти покойнаго.

25 января ее заключили въ тюрьму въ Бривѣ и началось слѣдствіе.

Въ это же самое время появилось против нея совершенно неожиданное обвиненіе. Ее подозревали въ покражѣ брилліантовъ у виконтессы Леото, урожденной дѣвицы Николаи и покражу эту относили къ іюню мѣсяцу 1839 года.

Семейство г-жи Леото утверждало, что многія незначительныя вещи были еще до того времени украдены Маріей, что бросало на нее еще большую тѣнь. Г-жа де Монбретонъ, сестра г-жи Леото, собицала множество мелкихъ подробностей, способныхъ уничтожить доброе имя г-жи Лафаржъ.

Начались допросы, на которые вотъ что отвѣчала г-жа Лафаржъ :

— Эти брилліанты были мнѣ присланы однимъ родственникомъ, имени котораго я не знаю, мѣста жительства тоже; не могу такъ же сказать какими путемъ они мнѣ были доставлены.

На дальнѣйшіе разпросы сульи, она прибавила, что особа, отъ которой получены брилліанты, вѣроятно не замедлитъ оправдать ее.

Друзья и защитники подсудимой были поражены этимъ отвѣтомъ, но Марія объявила, что не должна и не можетъ открыть всей правды.

Только по настоянію своихъ защитниковъ Теодора Бака и Лашо, которые представили ей какое вредное вліяніе эта неизвѣстность можетъ имѣть на ходъ ея процесса, она рѣшилась открыть имъ, что съ часу на часъ ждетъ признанія г-жи Леото въ одной семейной тайнѣ.

Когда г-жа Лафаржъ встрѣтилась въ Бюзавьи съ Маріей Леото, послѣдняя опасаясь, чтобы Феликсъ Клаве, о которомъ мы говорили выше, не выдалъ тайны ихъ прежнихъ отношеній, рѣшилась купить его скромность, для чего нужно было продать нѣсколько старыхъ фамильныхъ брилліантовъ и просила содѣйствія г-жи Лафаржъ. Чтобы объяснить потомъ пропажу вещей, ихъ нарочно оставили нѣсколько времени на видномъ мѣстѣ и когда потомъ г-жа Лафаржъ унесла ихъ, рѣшено было, что онѣ украдены. Не имѣя случая продать ихъ до своего замужества, она увезла ихъ съ собою въ Гландъ, взявъ для себя нѣсколько жемчужинъ въ счетъ долга 180 франковъ.

Впослѣдствіи Марія Лафаржъ писала г-жѣ Леото, что сильно нуждается въ деньгахъ и просила позволенія продать вещи, чтобы употребить капиталъ въ дѣло, предлагая десять процентовъ и долю въ предпріятіи.

Все это могло сильно повредить дѣлу; г. Бакъ немедленно отправился въ Парижъ, чтобы убѣдить г-жу Леото открыть истину и передать ей письмо г-жи Лафаржъ. Вотъ оно :

•Марія, не дай Богъ вамъ испытать половины несчастій, которыя я подвергаюсь теперь изъ за васъ! Я знаю, что вы добры, но у васъ не доставеть мужества спасти меня. Вы вѣроятно подумали, что обвиненіе въ кражѣ ничто въ сравненіи съ ужаснымъ обвиненіемъ, которое уже тяготѣетъ на мнѣ и молчали; я тоже молчала, надѣясь на вашу справедливость, но наврасно. Марія! Ради Бога, ради совѣсти, спасите меня! Конечно, дурно съ моей стороны напоминать вамъ о благодарности, но теперь такіа обстоятельства! Вспомните прошедшее и не берите на душу моей смерти, потомучто я не переживу позора. Я умру, но передъ Богомъ, передъ священникомъ и друзьями, я громко скажу, что невинна и умирая вашей жертвой, буду требовать защиты своему имени, своей могилѣ! Когда я умру, меня пожалѣютъ, за меня заступятся и тогда ваша слабость будетъ преступленіемъ, позоромъ... Вамъ остается одно: написать своей рукой записку, въ которой вы поручаете мнѣ своимъ брильянты съ правомъ продать ихъ, если мнѣ вздумается: это оставить дѣло. Вы объяснитесь съ вашимъ мужемъ какъ знаете и получите назадъ всѣ ваши письма. Божусь вамъ, что все останется въ непроницаемой тайнѣ.

•Прощайте! Повѣрьте, что для вашего спасенія, я уже вытерпѣла двѣ ужаснѣйшихъ пытки. Жизнью я могла бы еще пожертвовать для васъ, но добрымъ именемъ, уваженіемъ друзей, честью сестеръ моихъ... никогда!»

Изъ этого письма и вторичной поѣздки къ Парижъ Лашо ничего не вышло; началось слѣдствіе 9 іюля, въ Бривѣ. Дѣло это подало поводъ къ различнымъ толкамъ. Лица неприкосновенныя позволяли себѣ сомнѣваться въ справедливости судебныхъ дѣйствій. Казалось, что съ намѣреніемъ стараются очернить репутацію подсудимой, чтобъ оставить ей менѣе шансовъ къ оправданію въ главномъ обвиненіи. Говорили также о нѣкоторыхъ сильныхъ вліяніяхъ, не позволявшихъ судьямъ взмѣнить порядокъ процесса. Въ пользу подсудимой можно было сдѣлать только одно: оттянуть на нѣсколько времени разбирательство. Г-жа Лафаржъ, напротивъ, желала немедленнаго разъясненія, но уступила совѣтамъ своихъ защитниковъ. Стали требовать, чтобъ отложили судъ до рѣшенія главнаго процесса, но просьба не была уважена, хотя подобная отсрочка не была бы вовсе противозаконна. Г-жа Лафаржъ апеллировала два раза, но безъ успѣха.

Залы суда постоянно наполнялись разряженными женщинами, съ жаждою спѣшившими насладиться скандаломъ. Той публики, которая дѣйствительно могла бы подать дѣльное мнѣніе, не было въ залѣ, но она была бы навѣрное на сторонѣ подсудимой. Въ личности Маріи Лафаржъ было что-то инстинктивно притягивающее. Тюремные ея сотоварищи обращались къ ней съ уваженіемъ и предупред-

длительностью, доходящею до такой степени, что на тюремномъ дворѣ, до того всегда шумномъ, каждое утро до десятого часа, была совершенная тишина; «барыня спитъ», говорили арестанты.

Случилось происшествіе, еще усилившее интересъ къ этой романтической личности. Одинъ молодой человекъ, сынъ аптекаря въ Монмеди, узнавъ о заключеніи Маріи, застрѣлился. Встрѣчались они еще въ ранней молодости и даже вели переписку.

6 августа подсудимую перевели въ Тюль (Tulle), а 13 судъ исправительной полиціи началъ дѣйствія въ пользу подсудимой, стараясь:

1) Измѣнить рѣшеніе, постановленное въ Бривѣ, которое отвергало прошеніе объ отсрочкѣ дѣла до окончанія главнаго процесса, ссылаясь на то, что не скоро соберутся свидѣтели и пройдетъ много времени.

2) Уничтожить приговоръ, произнесенный не смотря на апелляцію подсудимой.

Свидѣтели состояли почти только изъ родственниковъ семейства Лето, чѣмъ легко объясняется единодушіе въ обвиненіи; однакожъ въ одно изъ заведеній произошолъ слѣдующій неожиданный случай:

Г-нъ Клаве, офицеръ при военномъ госпиталѣ въ Алжирѣ, показавъ слѣдующее: Въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ 1836 года, былъ присланъ ящикъ на его имя: сомнѣваясь, что посылка дѣйствительно принадлежитъ ему, онъ сталъ разыскивать нѣтъ ли въ Алжирѣ егѡ однофамильца и нашолъ въ отелѣ регента вѣского Феликса Клаве, объявившаго, что ящикъ содержитъ краски и присланъ ему графинеру Лето.

Если происшествіе это вѣрно, то г-жа Лето говорила неправду, увѣряя, что съ 1836 года, прекратила всякія сношенія съ г. Клавс. Обстоятельство это показалось такъ важно защитникамъ г-жи Лафаржъ, что она приняла его къ свѣденію и объявила въ судѣ присяжныхъ.

Позднѣе, въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время судебныхъ преній, Клаве снова писалъ изъ Африки. Онъ выражалъ въ письмѣ негодованіе, что былъ удаленъ изъ Алжира во время процесса, требовалъ, чтобъ ему позволено было пріѣхать подтвердить свое показаніе и утверждалъ, что всѣ объясненія, данныя г-жею Лето по поводу ящика, ложны и что онъ имѣетъ на то вѣрныя доказательства.

Г. Корало, адвокатъ противной партіи, представилъ въ опроверженіе словъ Клаве омонима свидѣтельство, что Феликсъ Клаве воротился во Францію, въ концѣ апрѣля 1839 года; предъявилъ также показаніе г. Церрекъ, прежняго сотоварища Феликса Клаве, который утверждалъ, что Декрузиль, другой товарищъ Клаве, сказалъ ему: я

утвердительно могу сказать, что ящикъ присланъ былъ г-жею Ларошфуко, для передачи сыну, служившему въ Алжирской арміи.

Изъ всего этого слѣдовало, что если бы даже Клавье I-й ошибался во времени, когда присланъ былъ ящикъ, фактъ полученія его не подлежалъ сомнѣнію. Оставалось только привести въ извѣстность дѣйствительно ли онъ присланъ г-жею Ларошфуко, но этого не слѣдали, хотя сама она жила тогда въ десяти льѣ отъ мѣста слѣдствія.

Дѣло покончилось однако на томъ, что рѣшеніе его отложили до окончанія главнаго процесса.

Родные г-жи Лафаржъ поручили защиту ея дѣла г. Палье (Paillet) въ Парижѣ, а помощниками его избрала сама Марія гг. Бака и Ланно. Приходилось вести дѣло съ властями Лимузена, которыя были возстановлены противъ *парижанки* и считали долгомъ держать сторону своихъ жителей. Смѣнили королевскаго прокурора, опасаясь, что онъ будетъ дѣйствовать въ пользу подсудимой и на мѣсто его назначили генеральнаго адвоката Деку (Decous). Защитники хотѣли требовать перевода дѣла въ другой судъ, но г-жа Лафаржъ не согласилась, говоря, что невинность восторжествуетъ надъ всякимъ предубѣжденіемъ.

Пржде всего, вужно было опредѣлить состояніе дѣлъ покойнаго передъ его смертію, и доказать, что онъ прибѣгалъ къ выдачѣ фальшивыхъ векселей, на что г-жа Лафаржъ не согласилась, не желая класть позорнаго пятна на свое имя. Изъ денегъ, принадлежавшихъ собственно Маріи, потрачено было на предпріятіе сто тысячъ франковъ.

Еще за долго до открытія засѣданій, назначенныхъ 2 сентября, защитники объявили, что распоряженія суда пристрастны. Обвинительный актъ подписанъ былъ 5-го августа; 10-го только сообщили его подсудимой, между тѣмъ какъ еще 4-го, т. е. прежде его законнаго существованія, онъ былъ уже напечатанъ въ *Gazette des Tribunaux*, въ Парижѣ. Приводимъ здѣсь этотъ документъ, въ которомъ проглядываетъ какая-то страстность.

Г. Лафаржъ представленъ владѣтелемъ значительныхъ недвижимыхъ имѣній, добрымъ, великодушнымъ, любимымъ всѣми окружающими и способнымъ на всякое возвышенное чувство. Первыя несогласія супруговъ, возникшія еще во время поѣздки въ Гландье, пропущены, а представлено прямо письмо г-жи Лафаржъ, «письмо странное, гдѣ видны нравственная испорченность и цинизмъ, съ которымъ *эта женщина* открываетъ своему мужу всѣ пагубныя страсти, гнѣздящіяся въ ея сердцѣ».

По прошествіи нѣкотораго времени, Марія Каппель уже не

чувствовала такого отвращенія къ мужу; отношенія ихъ сдѣлались даже дружескими. Такая быстрая перемена должна была удивить окружающихъ и никто не повѣрилъ ей искренности.

Вотъ какъ рассказано, въ обвинительномъ актѣ, дѣло о завѣщаніи:

«Однажды подсудимая замесила довольно серьезно. Супругъ оказывалъ ей самыя нежизненные поощренія. Она была готова такъ тронута, что изъявила желаніе сдѣлать завѣщаніе въ его пользу. Въ свою очередь, г. Лафаржъ не захотѣлъ оставаться въ долгу и вручилъ ей завѣщаніе, въ силу котораго, она дѣлалась его единственной наследницей. Марія Каннель тотчасъ же передала этотъ документъ г. Летро, нотаріусу въ Суассонѣ. Дѣло произошло 28 го октября 1839 года.

«Съ этой минуты, обвиненная только и думала о средствахъ избавиться отъ того, кто окружалъ ее такими нежизненными поощреніями.

«Новое открытіе, сообщенное ей мужемъ, могло быть приведено въ исполненіе только при двухъ условіяхъ: полученіи привилегіи и добытій капиталовъ.

«Съ этою цѣлью, Лафаржъ уѣхалъ въ Парижъ, въ половинѣ ноября мѣсяца и возвратился 3 января, чтобы умереть жертвой ужасной отравы.

«Во время пребыванія его въ Парижѣ, самая нежная переписка велась между супругами. Каждый день получались и отсылались письма, наполненные увѣреніемъ въ страстной любви; жена описывала свое грустное и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты свиданія; также указывала ему, какъ дѣйствовать для достиженія цѣли; въ словахъ ея выразилось нетерпѣніе возмущать какъ можно скорѣй ожидаемую привилегію.

«Корреспонденція продолжалась все въ этомъ духѣ, до половины декабря мѣсяца.

«Въ это время сдѣлалось несомнѣнно, что Лафаржъ получитъ такъ страстно ожидаемую привилегію и съ этой минуты, жена его рѣшилась привести въ исполненіе свой пагубный замыселъ. 15 декабря, подъ предлогомъ истребленія крысъ, она купила въ аптекѣ Бисартью мышьяку.»

Тутъ рассказывается отправка въ Парижъ пироговъ и «странная фантазія» требовать, чтобы мужъ съѣлъ одинъ изъ нихъ въ известный день. Марія Каннель, сказано въ актѣ, требовала, чтобы свекровь вложила въ ящикъ собственноручную записку съ извѣщеніемъ, что она сама дѣлала поминутые пироги. Потомъ, говоря, что маленькіе пирожки были замѣнены однимъ большимъ и первая болѣзнь Лафаржа приписывается тому, что онъ съѣлъ кусочекъ этого пирога.

«Въ это время, Марія Каннель рассказывала домашнимъ о какихъ-то мрачныхъ предчувствіяхъ. Мужъ написалъ, что страдаетъ мигренью и

это подадо ей поводъ къ сильному безпокойству. Она скривада болѣзнь его отъ свекрови и собиралась ѣхать въ Парижъ подъ вымышленнымъ предлогомъ. Она посылала перочнаго узнавать, итъ ли къ ней писемъ и все опасалась получить письмо съ черною печатью.

• Однажды, противъ обыкновенія, она встала изъ за обѣда и бросилась на встрѣчу принесенному писемъ, чтобы убѣдиться, не оправдался ли ея предчувствія.

• Вотъ первые факты, которые судьямъ слѣдуетъ глубоко обдумать.

Возвратясь изъ Парижа, Лафаржъ слегъ въ постель; жена принесла ему разъ триофелей, послѣ которыхъ съ нимъ сдѣлалась рвота и расстройство желудка («и съ этого времени не прекращались спмптомы отравы»). Марія Каннель не хотѣла, чтобъ кто нибудь, кромѣ ся, ухаживалъ за больнымъ и старалась удалить изъ его комнаты всѣхъ родственниковъ. Болѣзнь усилилась и въ Марію стали замѣчать странную озабоченность. Она еще разъ посылала прикащика Дени за мышьякомъ, поручивъ ему хранить это въ тайнѣ. Все это возбудило подозрѣнія семейства; послали къ аптекарю, который нашелъ, что въ соусѣ изъ яичнаго желтка есть мышьякъ и наказывалъ Лафаржу принимать вищу и итъе только отъ вѣрныхъ людей. Отравленіе тѣмъ не менѣе продолжалось. Дѣвица Брѣнь видѣла, какъ Марія Каннель прибавляла въ итъе больного бѣлый порошокъ, который слѣдователи признали за мышьякъ; равно оказалась при мѣсь мышьяка и въ остаткѣ яичнаго соуса. Марія Каннель, съ на мѣреніемъ прибавляла въ итъе для себя и мужа гумми-арабикъ, чтобъ не подать подозрѣнія. Даже фланель, которой терли больного была посылана мышьякомъ, что показало позднѣйшее изслѣдованіе. Такимъ образомъ, несчастный Лафаржъ умираетъ въ присутствіи преданныхъ ему людей и докторовъ, которые, удивляясь странному ходу болѣзни, не рѣшались еще обнаружить своихъ подозрѣній, такъ нечеловѣчна казалась имъ даже мысль объ убійствѣ мужа женою (не смотря на подозрѣнія, у нихъ не доставало духа удалить преступницу).

Призвали доктора Лесингаса, который открылъ Лафаржу причину его болѣзни. Тогда-то наступила минута отчаянія для семейства. На Марію Каннель смотрѣли съ ужасомъ; больной гналъ ее отъ своей постели и съ горькой улыбкой оттолкнулъ итъе, поднесенное ею. Съ этой минуты, она уже не входила въ комнату мужа.

Вотъ главные факты, на которыхъ основывается обвиненіе, но вотъ еще одинъ, по мнѣнію судей, усиливающій вѣроятность преступленія:

• 12 декабря 1839 и 3 и 10 января 1840 года, Марія Каннель по-

купала мышьякъ, отъ чего и не отказывается, но утверждаетъ, что оная была употребленъ или назначенъ для истребленія крысъ.»

• Однакожь, найдена часть мѣсива, въ которой мышьяка не оказалось. Мышьякъ, купленный 10 января, Марія отдала служанинѣ Клементинѣ Серва, предупредивъ ее, что съ этимъ снадобьемъ надо какъ можно осторожнѣе обращаться. Служанка испугалась и зарыла пакетикъ въ саду, но когда потомъ откопали его, оказалось, что въ немъ не мышьякъ, а сода. Куда же дѣвался мышьякъ, купленный 10 января?•

• Смерть и страданія Лафаржа во время болѣзни, слѣды яда, найденные въ его желудкѣ, ясно показываютъ, какое употребленіе слѣдало изъ этого мышьяка. •

Сообразно съ этимъ, Марія-Фортуна Каппель, вдова Лафаржъ, обвиняется въ отравленіи мужа своего Карла-Жозефа Лафаржа и подвергается наказанію за преднамѣренное убійство сообразно 301 и 302 статьѣ свода законовъ.

Наступило 2 сентября. Городокъ Тюль наполнился пріѣзжими. Всѣ отели были заняты свидѣтелями или просто зрителями процесса. Самые незначительные трактиры удостоились принять посѣтителей хорошаго тона; многимъ и вовсе не доставало мѣстъ, даже въ частныхъ домахъ. Съ пяти часовъ утра народъ толпился у дверей суда, хотя засѣданіе должно было начаться только въ половинѣ осьмага. Зала такъ быстро наполнилась, лишь только отворили двери, что почти не осталось мѣста свидѣтелямъ. Между зрителями, было множество дамъ.

Начался громкій говоръ и споры между представителями обѣихъ партій, но все замолкло, когда въ залу вошла блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. Г-жа Лафаржъ вошла съ опущенными глазами, но когда раздался всеобщій ропотъ, она подняла ихъ и окинула собраніе яснымъ взглядомъ, не утратившимъ своей силы во время заключенія. Когда читался обвинительный актъ, она была совершенно спокойна, только два раза, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось слишкомъ утвердительно о ея преступленіи, подняла глаза къ небу. Сухой и постоянный кашель мучилъ ее все время, въ рукахъ у нея былъ флаконъ, который она по временамъ нюхала.

Защитники подсудимой были поражены тѣмъ, что въ обвинительный актъ о преступленіи, вставили дѣло о брилліантахъ, не смотря на рѣшеніе суда исправительной полиціи не поднимать этого дѣла раньше 20 сентября и дать время виновной представить свидѣтелей. По мнѣнію адвокатовъ, это было нарушеніемъ священнаго права защиты.

Кромѣ того, прежде допроса, государственный прокуроръ обя-

заняв изложить дѣло, передъ судомъ, ясно, спокойно, безъ участія личныхъ мнѣній, а г. Деку произнесъ грозную, рѣшительную рѣчь. Она не только вошла въ нее обвиненіе въ кражѣ, вовсе не относящееся къ настоящему случаю, но въ каждомъ словѣ его, проступала какая-то особенная страстность. Изъ его рѣчи можно было заключить, что обвиненіе по дѣлу брилліантовъ гораздо важнѣе самаго преступленія. Выписываемъ вторую половину рѣчи, которую г. Деку назвалъ простымъ изложеніемъ фактовъ.

• Хотѣлъ бы я, милостивые государи, остановиться на этомъ, и безъ того уже длинномъ изложеніи, но съ присморбѣмъ чувствую, что обязанъ выставить поведеніе этой женщины въ новомъ, гнуснѣйшемъ свѣтѣ. Впрочемъ, она сама того хотѣла. Если бы вмѣсто безмолвной защиты, которая сама по себѣ есть уже преступленіе, она призналась въ покражѣ брилліантовъ, я чувствовалъ бы сожалѣніе къ ея проступку и не прибавилъ бы ничего болѣе; но, кромѣ чувства долга и справедливости, которыя руководятъ мною въ эту минуту, въ душѣ моей возстаегъ голосъ чести и нравственности. Я знаю, что воровство и убійство собственно не имѣютъ связи между собою, но не замедлю объяснить, почему я долженъ упомануть ихъ вмѣстѣ. »

• Посмотрите, до какой степени испорчена натура подсудимой. Она была дружна съ молодой дѣвушкой, которая постоянно оказывала ей нѣжнѣйшее вниманіе и ласку; это была дочь маркиза Николаи. Чѣмъ бы вы думали? Она ее обокрала! Ее учили въ воровствѣ, представили ясныя доказательства. Что оставалось дѣлать? признаться, связать судьямъ: Не понимаю, какому пагубному влеченію я могла поддасться. Это было бы хотя сознаніе въ проступкѣ, но что вы сдѣлали, Марія Каппель! *Нить примѣра подобнаго поведенія въ судебныхъ льтописяхъ, ни одного, идъ бы выказывалась такая смѣлость и дерзость.* Хотѣлось бы вѣрить, что не сами вы изобрѣли его, что вы руководили пагубные совѣты!.. Но нѣтъ, всѣ эти факты записаны съ вашихъ словъ при допросѣ. Этотъ живой рассказъ, будто вы получили брилліанты изъ рукъ самой г-жи Леога, подписанъ вашей рукою!.. Существуетъ ужасное письмо, въ которомъ вы не только просите, но угрожаете этой молодой женщинѣ; вы напоминаете ей происшествія, которыя она будто бы забыла и исчислите, одно за другимъ, обстоятельства, посредствомъ которыхъ вы собираетесь запятнать ея честь публично, передъ лицомъ цѣлой Франціи. О! вы возбуждаете во мнѣ ужасъ, Марія Каппель, и я бы съ болѣею снисходительностью смотрѣлъ на васъ, какъ только на преступницу. Последній фактъ показываетъ всю чудовищность вашей природы: это что-то необъяснимое, невѣроятное! »

Такъ ли слѣдовало обращаться къ личности только подозрѣваемой въ кражѣ и передъ началомъ страшнаго процесса? Такия слова можно развѣ приложить къ осужденной?

Но все это кажется легкимъ, въ сравненіи съ заключеніемъ рѣчи, съ которымъ г. Деку обратился къ присяжнымъ:

«Еще послѣднее слово: этотъ процессъ очень важенъ, быть можетъ, важнѣе всѣхъ, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ, придется разсматривать правосудію. Вы поклялись свято исполнить свой долгъ, а вы честные люди. Судьи Коррезы, вы, которыхъ я не знаю, но къ которымъ влечетъ меня чувство любви къ общей родинѣ, будьте вѣрны своей присягѣ! не сообщайтесь ни съ кѣмъ, не поддавайтесь никакому впечатлѣнію, могущему измѣнить ваши убѣжденія, помрачить чистоту вашего приговора. Прежде всего нужно быть справедливыми, а справедливость не будетъ соблюдена, если вы поддадитесь увѣщанію лицъ; старающихся всѣми силами спасти женщину, для которой невозможно спасеніе.»

Эти ужасныя слова раздались похороннымъ звономъ въ ухахъ присутствующихъ. Люди спокойные спрашивали себя, къ чему вести этотъ процессъ, если для подсудимой нѣтъ болѣе надежды, и приговоръ произнесетъ заранѣе. Вотъ отвѣтъ г. Палье:

«Королевскій прокуроръ не удовольствовался тѣмъ, что включилъ въ обвинительный актъ дѣло, которое должно быть отложено и съ намѣреніемъ сгруппировалъ факты такъ рельефно, что тѣнь падала на подсудимую, не представляя возможности возраженія. Въмѣсто простого изложенія обвиненія, онъ развернулъ передъ нами цѣлую драму, цѣлѣнную ужасовъ и ораторскихъ восклицаній, а между тѣмъ, время оправдываться еще не настало... но наступить оно и придетъ наша очередь. Терпѣніе пока, потому что такъ нужно!»

Со стороны противной партіи противозаконно, во-первыхъ призваніе въ судъ семейства Леото и Николай и преднамѣренная отсрочка уголовного процесса; во-вторыхъ эта пристрастная рѣчь, въ которой такъ выхваляется одна сторона и такъ жестоко и унижительно говорится объ обвиненной. На это генеральный адвокатъ отвѣчалъ, что были употреблены *хитрости* для отсрочки уголовного процесса потому только, что видѣли какъ дѣло о брильянтахъ должно было отразиться въ этомъ процессѣ. Г. Деку утверждалъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, требовать свидѣтелей и привелъ въ примѣръ случай въ 1836 году, въ которомъ рѣшено было, что одни и тѣже свидѣтели могутъ быть выслушиваемы въ двухъ процессахъ противъ одной и той же личности, если она не была осуждена въ первый разъ.

Судъ присяжныхъ принялъ это мнѣніе и свидѣтели были допущены.

Вотъ самые замѣчательные отвѣты подсудимой. Назр. вотъ какъ она объясняла свое первое письмо къ мужу:

«Я была въ такомъ отчаяніи, такъ мнѣ хотѣлось уѣхать, что я насказала тысячу нелѣпныхъ вещей... Войдите въ мое положеніе. Я уѣхала отъ родныхъ на другой день послѣ свадьбы, совершенно одна. Въ Орлеанѣ у меня была съ мужемъ непріятная сцена... потомъ, въ продолженіе всей дороги, я была очень несчастлива. Въ Гляльде, вмѣсто прелестнаго жилища, о которомъ мнѣ столько толковали, я нашла голыя развалины. Я осталась одна, въ большой пустой комнатѣ, гдѣ предстояло провести цѣлую жизнь. У меня голова пошла кругомъ... Я задумала ѣхать на востокъ... Я передумала обо всемъ... Противоположность дѣйствительности съ ожиданіемъ подѣйствовала на мое воображеніе... Я была такъ несчастна, что отдала бы все на свѣтъ, чтобъ не быть въ этомъ положеніи.»

Президентъ спросилъ, что была за причина въ перемѣнѣ обращенія ея съ мужемъ впослѣдствіи. Отвѣтъ: Г. Лафаржъ оказывалъ мнѣ столько вниманія, былъ такъ добръ, что это меня тронуло. Я рѣшилась... исполнить въ отношеніи его свои обязанности, сдѣлать его счастливымъ. Потомъ, я стала заниматься домомъ и мало по малу почувствовала уваженіе и расположеніе къ г. Лафаржу.

Предосторожности, принятые г-жею Лафаржъ въ письмахъ къ аптекарю о присылкѣ мышьяку, показались странными президенту. Г-жа Лафаржъ отвѣчала, что все это можетъ быть очень глупо, но что она не умѣетъ дать никакого другого объясненія.

Она увѣряла, что не вытирала платкомъ ложки, чтобъ уничтожить слѣды бѣлаго порошка; также, что не поручала Дени держать въ тайнѣ третью покупку мышьяка и что порошокъ, примѣшиваемый въ питье, былъ гумми-арабикъ. Ее стошнило послѣ того, какъ она попробовала питья, оттого что она въ то время страдала тошнотою. Говорила также, что у ней никогда не было бѣлой баночки, о которой говорилось въ доносѣ, ктому же она уже давно не жила въ той комнатѣ, гдѣ нашли баночку.

Относительно пакетика, зарытаго въ саду, она сказала, что приввела изъ рукъ Дени бумажку, въ которой долженъ былъ находиться мышьякъ и тотчасъ же отдала ее горничной. «Когда мнѣ сказали, что бумажка эта зарыта, я подумала, что это очень невыгодно для моего процесса. Чтоже касается до того, что мышьякъ не былъ положенъ въ тѣсто, а оказался въ питьѣ, то если бы я могла объяснить этотъ случай, меня признали бы невиной; къ несчастію, я не знаю причины, и потому нахожусь здѣсь.» Въ аудіенціи 4 сентября допросъ по дѣлу о брильянтахъ былъ отложенъ, по причинѣ видной слабости подсудимой. Тутъ генеральный адвокатъ почему-то выразилъ опасеніе, что смерть Лафаржа *могутъ приписать кому-*

нибудь из членов его семейства и указалъ на г-на Корале, готоваго опровергнуть эти чудовищныя слухи.

Когда призвали къ допросу мать Лафаржа, видъ этой женщины, удрученной горемъ и рассказывающей, хотя пристрастно, но съ истинной горестью подробности женитьбы и смерти сына, произвелъ сильное впечатлѣніе. Рядомъ съ нею сидѣла та, которую она нѣкогда называла дочерью, а напротивъ стоялъ ящикъ съ бранными остатками сына. Конечно, рѣчь ея была энергичнымъ повтореніемъ того, что говорилось въ обвинительномъ актѣ. Всѣ мысли, всѣ поступки невѣстки, съ перваго вступленія ея въ домъ, объяснялись такъ, что виновность ея становилась очевидна. Последнія слова старухи были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ.

— Въ послѣднія минуты Карлъ не могъ видѣть жены. Когда она подошла къ его постели, онъ взглянулъ на нее съ ужасомъ и глубоко вздохнулъ. Я не хотѣла покинуть моего бѣднаго сына; онъ звалъ меня до послѣдней минуты и наконецъ вскричалъ: подите, позовите... окончить онъ уже не могъ.

Тутъ бѣдная мать закрыла руками лицо и не могла продолжать отъ рыданій.

Вслѣдъ за нею выслушали Анну Брѣнь, и это было самое важное показаніе.

Анна Брѣнь высказала всѣ подозрѣнія и наблюденія за обвиненной. Во время рѣчи, она часто останавливалась, какъ будто припоминавая, иногда не могла окончить фразы. Она утверждала, что г-жа Лафаржъ сама укладывала въ ящикъ пироги, что мышьякъ, который принесъ Дени, она положила сначала на каминъ, но на другое утро, Анна Брѣнь видѣла пакетикъ въ ея коммодѣ. Былъ ли это тотъ же самый, она навѣрное сказать не могла, только изъ этого пакетика Марія всыпала ложечку въ яичный соусъ мужа и помѣшала пальцемъ. Когда отворили дверь, она поставила бокалъ на мѣсто. Я спросила, не клала ли она въ соусъ какого-нибудь успокоительнаго средства, она отвѣчала, что положила померанцовой воды.

— Но вы клали что-то другое? Она ничего не отвѣтила. Правда, что я сдѣлала вопросъ нѣсколько тише. Я подумала, что хотѣть дать г. Лафаржъ въ питьѣ какое-нибудь лекарство.

Потомъ, г-жа Лафаржъ давала мужу воды съ виномъ, отъ которой у него загло въ горлѣ; дѣвица Брѣнь замѣчала слѣды блага порошка въ ящикѣ и на коммодѣ; она попробовала бѣлый порошокъ, который выдавали за гумми-арабикъ и нашла, что онъ щиплетъ языкъ и имѣетъ совсѣмъ другой запахъ. Я сообщила объ этомъ

Маріи, въ отвѣтъ на что, она всыпала порошка въ стаканъ и, кажется, выпила.

На все это обвиненная отвѣчала, что она имѣетъ привычку писать по утрамъ въ постель; что невѣроятно, чтобы она рѣшилась слѣлать что либо могущее подать подозрѣніе, при свидѣтеляхъ, или оставила подозрительный порошокъ въ отпертомъ ящикѣ.

Генеральный адвокатъ согласился, что все это очень необыкновенно, но и подсудная необыкновенная женщина, Она не скрывалась, потому что не думала, что ее подозреваютъ; все впрочемъ объясняется ея смѣлостью.

Г. Палье возразилъ, что судя по доносу, личный желтокъ оставался въ комнатѣ цѣлыхъ четыре часа, и г-жа Лафаржъ не принимала никакихъ предосторожностей. Что баночка оставалась также два дня въ единственномъ незапертомъ ящикѣ коммода. Чтобы показать, что за личность дѣвица Брэнъ, онъ представилъ ей письмо къ Маріи, въ которомъ она угрожаетъ, что станетъ всюду распропагандировать ея портреты, если ей не отдадутъ денегъ за работу.

Одно изъ важныхъ обвиненій было со стороны Дени Барбье, прѣжняго прикащика на литейномъ заводѣ въ Гландье. Онъ рассказывалъ о частыхъ покупкахъ мышьяка, прибавивъ, что барыня сказала ему: «мы вмѣстѣ будемъ мѣсить тѣсто для крысъ; не надо говорить маменькѣ: она такая подозрительная».

На допросы г. Палье, Дени признался, что скрывалъ въ Гландье свое настоящее имя Барбье, потому что подъ этимъ именемъ онъ, по порученію Лафаржа, обдѣлывалъ сомнительныя дѣла.

Въ показаніяхъ онъ сбивался. Сначала объявилъ, что добровольно рассказалъ старой Лафаржъ о покупкѣ мышьяка, а нѣсколько спустя, сказалъ, что она его допрашивала.

У него спросили, какимъ образомъ дошолъ онъ до подозрѣнія; онъ отвѣчалъ, что по поводу еще перваго письма Маріи къ мужу, а между тѣмъ, не побоялся принести ей 64 грана мышьяку, когда она даже и не назначила количества. Спросили еще, не пыталъ-ли онъ ненависти къ своей госпожѣ. Онъ поклялся честью, что нѣтъ.

На одной изъ слѣдующихъ аудіенцій, явился добровольный свидѣтель. Онъ жилъ въ одной квартирѣ съ г. Катруро, свидѣтелемъ, причастнымъ къ дѣлу и выдалъ у него Дени. Разъ, Барбье съ ужасной ненавистью говорилъ о г-жѣ Лафаржъ; рассказалъ два нелѣпныхъ случая, будто изъ ея молодости и хвастался, что дастъ себя знать при допросѣ. «Я не могъ равнодушно слышать теперь его клятвъ въ безпристрастіи», прибавилъ свидѣтель.

Катруро добровольно подтвердилъ истину словъ товарища. «Такъ вотъ каковъ свидѣтель! вскричалъ г. Палье. Онъ не только

клевещеть въ присутствіи судей, но разнесеть повсюду желѣнно слухи!»

Послѣ этого восклицанія Дени скрылся.

Впоследствии Иванъ Барду, лакей, показалъ, что Дени говорилъ ему послѣ смерти Лафаржа: «Я бы желалъ изрѣзать въ куски эту женщину!»

Развѣ она ему что нибудь сдѣлала? спросилъ президентъ. — «Никогда! она была добрая барыня, я въ жизнь не видѣлъ лучшей. Тотъ-же Дени говорилъ мнѣ, что она двѣ недѣли морила барина.

Президентъ. Не знаете ли еще чего?

И. Б. Когда Дени возвратился изъ Парижа, то хвасталъ, что онъ теперь хозяинъ въ Глазье, и всѣхъ насъ можетъ выгнать вонъ.

Другіе слуги говорили почти тоже самое.

Самая интересная личность между свидѣтелями — Эмма Потье, молодая прелестная дѣвушка, одна изъ всего семейства не раздѣлявшая подозрѣній насчетъ Маріи.

Вотъ какъ рассказывала горничная ссору супруговъ въ Орлеанѣ: барыня была въ ваннѣ, когда баринъ началъ стучаться въ дверь. Я сказала, что нельзя войти, а онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ Глазье прекратятся всѣ эти глупости и что онъ дастъ себя знать.

Генеральный адвокатъ. Онъ имѣлъ полное право сказать это.

Г. Куаншонъ де Ботторъ, отецъ первой жены Лафаржа, ведущій процессъ съ его семействомъ, показалъ, что дочь его была несчастлива въ замужествѣ; что Лафаржъ женился на ней, чтобъ заплатить долги; что онъ былъ грубъ, несчастенъ въ дѣлахъ и подверженъ принадлежкамъ первической болѣзни.

Г. Дюфуръ, священникъ въ Villiers-Mellon показалъ, что всегда зналъ Марію какъ благочестивую, добрую и безкорыстную, и что все селеніе охотно протестовало-бы противъ ея обвиненія.

Генеральный адвокатъ. Какъ же вы согласите всѣ эти добродѣтели съ страшнымъ письмомъ, которое она писала мужу?

Аббатъ. Не знаю, позволено ли мнѣ будетъ выразить здѣсь, въ той же формѣ, мысль, которая мнѣ пришла въ то время въ голову. Я подумалъ... Собака, которая лаетъ, не опасна.

Но главный вопросъ, былъ ли отравленъ Лафаржъ, все еще нерѣшался. Первые медицинскіе опыты подтверждали это предположеніе, но между экспертами не было ни одного авторитета.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, г. Массена, докторъ въ Бривѣ, имѣлъ разговоръ объ этихъ опытахъ съ г. Орфила. Мѣсяцъ спустя, когда въ числѣ изслѣдователей помѣстили имя этого ученаго, онъ письменно объявилъ, что не принималъ въ дѣлѣ никакого участія. Г. Палле

также обращался къ нему съ вопросами, на которые получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ:

Парижъ, 20 августа 1840 года

Милостивый государь,

Вы спрашиваете, служить ли доказательствомъ, что есть мышьякъ въ жидкости, найденной въ кишечномъ каналѣ трупа или полученной посредствомъ кипяченія части этого канала въ водѣ, если она дастъ желтый клочковатый осадокъ, растворимый въ аммоньякъ. Нѣтъ, милостивый государь. Всѣ медики-юристы согласны, что изъ этого осадка получается металлическій мышьякъ. Я настаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что во всякомъ тѣлѣ есть извѣстная часть этого мышьяка.

Въ 1830 г. мы съ Баррелемъ изложили въ третьемъ томѣ *Annales d'hygiène* судебное дѣло, въ которомъ вы найдете разрѣшеніе вашихъ вопросовъ. Слѣдователи, которыхъ бесполезно называть здѣсь, основывали подозрѣнія въ отравѣ на томъ только, что разлагая извѣстныя жидкости посредствомъ сѣрной кислоты, получили желтый, клочковатый осадокъ, растворяемый въ аммоньякъ. Мы доказали, что тамъ не было капли мышьяка и что это было вещество, заключающееся въ желчи. Г. Шевалье объявилъ печатно, что съ 1830 г. два раза находилъ подобное вещество.

Примите увѣреніе и проч.

Орфила.

Это важное объявленіе совершенно уничтожало результаты перваго опыта. Необходимо было приступить къ переслѣдованію. Его поручили болѣе извѣстнымъ химикамъ. Половина органическихъ веществъ и подозрительныхъ жидкостей поручена была Дюбуа отцу съ сыномъ и Дювюйтрону. 5-го сентября, эти господа единодушно объявили, что вещества и жидкости, разложенныя по новѣйшему способу, въ особенности съ помощью аппарата Марча, не содержатъ ни одной капли мышьяка.

Это объявленіе произвело въ залѣ дѣйствіе электрическаго удара. Г-жа Лафаржъ съ благодарностью взглянула на небо, Ламо съ жаромъ схватилъ ея руку, а Палье, тронутый до слезъ, восклицалъ: Восемь мѣсяцевъ напрасныхъ подозрѣній! Г-жу Лафаржъ вынесли безъ памяти.

Президентъ потребовалъ объясненія, почему такая огромная разница между первымъ и вторымъ изслѣдованіемъ и не хотѣлъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ. Рѣшили слѣдовать въ третій разъ и вырыть тѣло Лафаржа. Судъ утвердилъ это рѣшеніе, не смотря на протестъ защитниковъ.

8-го числа утромъ, вырыли совершенно испорченный трупъ Лафаржа. Опытъ производился въ залѣ суда, гдѣ пылало шесть печей, поставленныхъ полукругомъ и не смотря на это, запахъ былъ невыносимый.

9-го числа г. Дюкюйтренъ донесъ отъ лица своихъ сотоварищей, что и во второй разъ не найдено признаковъ мышьяка.

При этомъ извѣстїи, зала огласилась рукоплесканїями. Обвинители впрочемъ не убѣждались. «Съ которыхъ поръ залъ правосудїя сдѣлался ареной пагубныхъ страстей!» спрашивалъ генеральный адвокатъ. *Развѣ думаютъ, что обвинители не найдутъ болѣе доказательствъ?* Берегитесь! подсудимая будетъ обязана вамъ только проволочкой этого тягостнаго дѣла.»

Послѣ этого, судъ долго совѣщался, назначить ли еще слѣдствїе. Хотѣли отложить дѣло до другого засѣданїя, но г. Палье рѣшительно возсталъ, объявивъ, что г-жа Лафаржъ при смерти и, вмѣсто одного, можетъ оказаться два трупа для изслѣдованїя. Тогда рѣшили, что Орфила, Девержи и Шевалье будутъ вызваны въ Тюль, для произведенїя опыта. 10-го генеральный адвокатъ держалъ рѣчь. Тонъ его значительно измѣнился. «Я до сихъ поръ былъ убѣжденъ въ виновности подсудимой, но послѣдніе опыты поколебали это убѣжденїе. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился еще на одинъ шагъ, потому что въ столь важномъ обвиненїи, нужно блистательное оправданїе. Обвинителя первые порадуются невинности подсудимой.

Тщетно г. Палье протестовалъ противъ новаго слѣдствїя, котораго судъ вѣрно бы не допустилъ, еслибъ его требовала подсудимая, при худшихъ обстоятельствахъ.

При второмъ изслѣдованїи, разсматривались также вещества, казавшіяся подозрительными :

Яичный желтокъ, по мнѣнію г. Дюбуа, содержалъ въ себѣ много мышьяковой кислоты. Тѣмъ, что осталось на днѣ бокала, можно отравить десять человѣкъ. Немного мышьяку найдено также и въ питьѣ.

Орфила пригласилъ съ собою гг. Оливїе и Бюсси, своего обыкновеннаго сотрудника, такъ что изслѣдованїе дѣлалъ собственно онъ одинъ. 13 числа, эти господа прибыли въ Тюль и, въ тотъ же вечеръ, приступили къ дѣлу, которое и оковчили на слѣдующее утро.

Въ то время, какъ Орфила собирался говорить, вся зала напряженно молчала.

«Я раздѣлю на четыре пункта то, что имѣю сказать, началъ онъ.

1) Я докажу, что есть мышьякъ въ тѣлѣ Лафаржа.

При этомъ извѣстiя всѣ содрогнулись.

2) Что этотъ мышьякъ не происходитъ ни отъ реактивовъ, которые мы употребляли, ни отъ земли, въ которой лежало тѣло.

3) Что этотъ мышьякъ не есть тотъ, часть котораго должна находиться въ человѣческомъ тѣлѣ.

4) Наконецъ, что не трудно объяснить противорѣчiе результатовъ между моими и предшествующими изслѣдованiями.

Въ тѣлѣ Лафаржа есть мышьякъ, потому что часть желудка, жидкости въ немъ найденныя и рвота, обугленныя вмѣстѣ, посредствомъ седитряной кислоты и продуценныя сквозь аппаратъ Марча (Marsh) произвели небольшое количество мышьяка.

Другой опытъ надъ грудной полостью, желудкомъ, печенью, сердцемъ, кишечнымъ каналомъ и мозгомъ тоже далъ изрядное количество мышьяка. Часть тѣла, не обращенная въ пещель, произвела большее количество мышьяка.

Мыскельныя части, остатки савана, земля, взятая снизу и сверху гроба не произвели мышьяка.

Мышьякъ этотъ не произошелъ отъ употребленныя, при опытахъ, реактивовъ, потому что эти самыя реактивы были уже употребляемы слѣдователями въ Тюллѣ, а тогда мышьяка не было найдено. Седитряная кислота была дистиллирована азотной кислотой на серебрѣ, значитъ въ ней не могло быть мышьяка. Въ могильной землѣ его тоже не было, да и гробъ вынуть изъ нея совершенно дѣлать.

Остается узнать, произошелъ ли этотъ мышьякъ изъ извѣстнаго количества, который долженъ находиться во всякомъ человѣческомъ тѣлѣ?

Говорили, и теперь я самъ убѣдился посредствомъ опытовъ, что въ костяхъ человѣка и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, заключается небольшое количество мышьяка, но доказано также, что тѣми средствами, которыми мы можемъ располагать, никогда еще не было добыто мышьяка изъ желудка, печени, селезенки, спинного хребта, сердца и легкихъ человѣка. Наши опыты производились не надъ костями, а надъ внутренними органами, слѣдовательно, добытый нами мышьякъ не есть обыкновенно находящiйся въ тѣлѣ.

Что же касается до различныхъ результатовъ, полученныхъ при разныхъ изслѣдованiяхъ, то они могутъ быть объяснены случайностями, напримѣръ тѣмъ, что лопнуло стекло въ трубкѣ или слишкомъ малая часть вещества взята была для опыта. Второе изслѣдованiе гг. Дюбуа и Дюпюитрена производилось надъ несравненно меньшимъ количествомъ вещества, нежели въ первый разъ и притомъ, аппаратъ Марча, какъ новѣйшее изобрѣтенiе, не вполне еще изу-

чень всеми; сегодня, напр. когда уже была получена часть мышьяка изъ одной жидкости, мы вдругъ перестали получать ее; это могло произойти отъ слишкомъ усиленнаго жара, оттого, что тарелку держали слишкомъ далеко или близко, оттого, что открыли дверь и пламя приняло другое направленіе и проч...

Неудивительно, что производя опытъ надъ такимъ малымъ количествомъ вещества, не получали должнаго результата. Отдавая полную справедливость познаніямъ гг. слѣдователей, я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь сказать, что вещества было слишкомъ недостаточно и аппаратъ Марча подвергнутъ слишкомъ сильному дѣйствию жара; отчего улетучилось полученное количество мышьяка.

Во всемъ этомъ, я не вижу противорѣчія съ нашимъ теперешнимъ опытомъ.

При второмъ изслѣдованіи, не были обращены въ пепелъ оставшіеся куски тѣла, а въ этихъ-то обугленныхъ остаткахъ и оказался теперь мышьякъ.

Способъ, которому слѣдовали мои предмѣстники, указанъ многими авторами, но онъ не есть лучшій, въ чемъ, конечно, не ихъ вина. Теперь, по этой части, слѣданы новыя открытія; прежде, не обращали вниманія на то, что животныя вещества такъ упорно удерживаютъ мышьякъ, что его трудно выкипятить, почему, во многихъ случаяхъ, присутствіе его ускользало отъ глазъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ все измѣнилось. Наука оправдала было подсудимую и таже наука вновь осуждала ее! Въ одинъ этотъ день, волосы г-жи Лафаржъ побѣлѣли. На слѣдующія аудіенціи, ее уже приносили въ креслахъ.

Пренія кончились: все съ трепетомъ ждали рѣшенія. Въ аудіенціи 17 сентября, генеральный адвокатъ Дску сказалъ слѣдующее:

«Господа судьи, время дорого, мы все должны желать окончанія этого процесса. Дѣло правосудія идетъ медленно, потомучто подсудимая пользуется выгоднымъ общественнымъ положеніемъ и находитъ симпатію и защиту въ этихъ стѣнъ. Вы сами были свидѣтелями, какъ не смотря на ваше присутствіе, раздражались здѣсь бурныя страсти и выражалось скандальное участіе. Пора покончить. Послѣ подобныхъ преній, уничтожается энергія духа и тѣла, но такъ какъ намъ предстоитъ святая обязанность улчить злодѣйство, отъ котораго содрогается цѣлое человѣчество, у насъ найдутся силы и мужество.

«Не смотря на все волненіе пагубныхъ страстей, происходящее предъ вашими глазами, на все изъявленія такого страннаго сочувствія, вы не измѣните своему долгу, не правда ли? Помните, что вся Франція смотритъ на васъ; не забудьте, что это вопросъ о чести, достоинствѣ, нравственности, который будетъ обсуживаться во всей Европѣ!

• Да, вы не захотите чтобы сказали, что вѣсы правосудія ослабли въ вашихъ рукахъ.

• Сегодня говорила наука; она сказала свое послѣднее слово, и это слово есть приговоръ; это слово есть осужденіе. Вы видѣли, какое глубокое, страшное дѣйствіе произвело оно въ этомъ собраніи.

• Но скажутъ, что количество мышьяка въ тѣлѣ Лафаржа такъ мало? Какое до этого дѣло! Нужно ли возвращаться къ тѣмъ положительнымъ доказательствамъ, которыя мы имѣемъ? Отрицать новый фактъ, пріобрѣтенный сегодня, значить отрицать науку! Лафаржъ отравленъ. Кто же могъ отравить его, если не эта женщина, авторъ ужаснаго письма въ первые дни замужества? Еще тогда вырывались у ней слова объ отравѣ и преступленіи. Послѣ примиренія, Лафаржъ былъ уже обреченъ на смерть. Корысть конечно руководила убійцу, но главной цѣлью было избавиться отъ ласкъ ненавистнаго челоуѣка.

• Не скажете ли вы, Марія Каппель, что мать подлила яду своему сыну? О, если когда нибудь придетъ вамъ эта мысль, бойтесь гнѣва суда; берегитесь, чтобы это не принудило его къ большей строгости. Вы, Марія Каппель, отравили своего мужа; цѣлыя двѣ недѣли вы покупали ядъ, много яду. Недостаточно говорить, что вы невиноваты, укажите того, кто подмѣнилъ пирогъ, назовите употребленіе огромнаго количества мышьяка, который вы покупали.

• Я смотрю на это обвиненіе не просто, какъ на уголовное дѣло, но какъ на вопросъ о равенствѣ передъ закономъ. Нужно, чтобы правосудіе было для всѣхъ одинаково; вы не допустите, чтобы сказали, что судьи обнаружили слабость при осужденіи подобной женщины, тогда какъ не задумались бы произнести приговоръ надъ какимъ нибудь неизвѣстнымъ преступникомъ.

• Выбирайте. Я съ своей стороны не хочу брать на себя отвѣтственности. Я буду стоять за честь и правду и надѣюсь, что вы также послѣдуете моему примѣру.

Послѣ этой рѣчи, засѣданіе прекратилось и началось только вечеромъ. Г-жу Лафаржъ внесли въ креслѣ, совершенно больную и слабую.

Рѣчь г. Палье:

• Милостивые государи,

• Во время восьмимѣсячнаго ужаснаго заточенія, единственной отрадой подсудимой было слышать, передъ судомъ, голосъ одного защитника, а между тѣмъ ей приписываютъ какихъ-то сильныхъ покровителей, которыхъ однакожъ не назвали. Странная забота для государственнаго прокурора, притомъ такъ ясно опровергаемая дѣйствительными фактами! Пока г-жа Лафаржъ одиноко томилась въ темницѣ, сколько слуховъ распушено о ней, сколько романическихъ, ложныхъ, скандальныхъ разсказовъ облетѣло цѣлую Францію! Сколько оскорбленій, направленныхъ на больную, беззащитную женщину! Увы, само

правосудіе, въ которомъ мы привыкли искать опоры, уклонилось на этотъ разъ отъ своего серьезнаго, благороднаго пути, чтобы дать новую пищу предубѣжденіямъ. Нужно имъ говорить о пражедременныхъ софизмаціяхъ, о самыхъ важныхъ бумагахъ, которыя каждый можетъ читать, о двойномъ изданіи обвинительнаго акта, извѣстнаго не только цѣлой Франціи, но и Европѣ, прежде нежели прочитаи его подосудимой.

Общее движеніе въ присутствіи.

• Говорятъ о сильныхъ вліяніяхъ!.. Напротивъ, я имѣю право указать на нихъ противной партіи и всѣмъ справедливымъ и безпристрастнымъ лицамъ. Вотъ какъ успѣли поселить предубѣжденіе даже между вами, господа присяжные!

• Предубѣжденіе — опасный врагъ правосудія и истины. Одинъ изъ важнѣйшихъ нашихъ чиновниковъ, также королевскій прокуроръ д'Агессо, называлъ предубѣжденіе заблужденіемъ истины, осмѣлюсь даже сказать, *преступленіемъ честныхъ людей*. Потому, вотъ что онъ прибавляетъ: «Мы и сами не подозреваемъ, какая рѣдкая добродѣтель не имѣть лицепріятія; но одной ее все-таки недостаточно для судьи».

• Тѣ, кого онъ называлъ тогда судьями, теперь наши присяжные. Будемъ же продолжать съ Монтестье:

• Во всякомъ дѣлѣ уже кроется предубѣжденіе: все зависитъ отъ перваго взгляда на него; часто мы о дѣлахъ судимъ, какъ и о людяхъ, по первому впечатлѣнію. А между тѣмъ, отъ этого перваго впечатлѣнія зависитъ иногда вопросъ о жизни и смерти. Какъ же должны мы остерегаться его ужасныхъ послѣдствій; иногда собирается цѣлая фаланга случайностей, какъ бы нарочно клонящихся къ погибели несчастнаго, цѣлая толпа нѣмыхъ, но опасныхъ свидѣтелей. Судья предубѣжденъ, онъ увлечается своимъ гнѣвомъ, ревностью къ истинѣ; изъ судіи, онъ дѣлается обвинителемъ и перестаетъ видѣть законныя доказательства, отыскивая только средства къ обвиненію. Непредвидѣнный случай открываетъ впоследствии невинность и уничтожаетъ признаки, ослѣпившіе ложнымъ свѣтомъ глаза судьи. Истина выходитъ наконецъ наружу, но уже поздно; кровь жертвы уже вопіетъ о мщеніи: судьѣ предстоить цѣлая жизнь бесполезнаго раскаянія».

• Монтестье какъ будто предвидѣлъ процессъ Лафаржъ.

• Но перейдемъ къ дѣлу:

• Каково было положеніе Маріи Каппель до замужства?»

Тутъ г. Палле изложилъ все рассказанное нами выше и прочелъ нѣсколько писемъ отъ лицъ, знавшихъ ее съ малолѣтства.

Вотъ напр. письмо маркиза де Мюрне отъ 26 августа 1840 года.

«.... Теперь, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, я рѣшусь подтвердить, что дѣвица Каппель приобрѣла право на всеобщее уваженіе и любовь, какъ за престоившую преданность своимъ родственникамъ, такъ и за

чувство неодолимой любви ко всему окружающему. Ее прекрасные качества не допускают и мысли о приписываемом ей злодействѣ въ умѣ всѣхъ беспристрастныхъ людей...

Вотъ письмо маршала Жерара:

«Я подучилъ письмо, милостивый государь, въ которомъ вы обращаетесь къ моимъ воспоминаніямъ о личности женщины, защищавшей вами съ такимъ неутомимымъ постоянствомъ.

«Съ душевнымъ прискорбіемъ услышалъ я о всѣхъ ужасныхъ обидныхъ, собирающихся, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, надъ головою несчастной; какъ старшій другъ ея семейства, я искренно рождаю эти бѣдствія, но возлагаю сильную надежду на вашу защиту. Марія Каппель, въ то время, какъ я зналъ ее въ домѣ моей свекрови, была одарена многими прекрасными качествами. Она была вѣжливаго, ровнаго характера, всегда готовая оказать услугу каждому. Когда впоследствии она переселилась къ своему дѣду, то ухаживала за этимъ старикомъ съ истинно дочернею нѣжностью. У ней было много друзей и слуги всегда были ей преданы.

«Дай Богъ, чтобы старанія ваши увѣчались успѣхомъ; это искреннее желаніе преданнаго вамъ.»

«Вотъ руки какой дѣвушки искалъ г. Дафаржъ, выдавая себя за богача, тогда какъ состояніе его такъ было разстроено, что онъ прибѣгалъ къ выдачѣ фальшивыхъ векселей.

«Посмотримъ, съ какими чувствами вступала въ бракъ невѣста. Въ обвиненіи сказано, что она торопилась замужествомъ, и вотъ опроверженіе въ одномъ изъ ея писемъ къ г. Эльморъ, другу ея семейства, за день до свадьбы.

«...Хочу сообщить вамъ важную новость, добрейшій г. Эльморъ, новость, которая удивитъ васъ столько же, сколько удивляетъ меня самое. Я, такая осторожная, такъ обдумывающая заранее дурную сторону всякой вещи, я выхожу замужъ, что называется, на почтовыхъ. Въ среду я видѣла у Мюзара одного господина; я ему понравилась, онъ мнѣ не очень. Въ четвергъ его представили тетускѣ; онъ былъ столько внимателенъ, что повалился мнѣ нѣсколько болѣе. Въ пятницу онъ сдѣлалъ формальное предложеніе; въ субботу я не сказала ни да, ни нѣтъ, а въ воскресенье, сегодня, печатается оглашеніе о нашей свадьбѣ!..

«Я задыхаюсь отъ множества разнородныхъ чувствъ.

«Все кончено... Вотъ что я могу вамъ сказать о моемъ женихѣ: г-ну Дафаржъ двадцать восемь лѣтъ, онъ дурень собой, съ угловатыми манерами, но съ прекрасными зубами и добродушной физиономіей. Онъ пользуется прекрасной репутаціей, въѣздъ литейный заводъ въ 130 тысячъ Шарма и очень хорошенькое помѣстье, на сколько я могу судить по плану. Каждый годъ онъ будетъ приѣзжать въ Парижъ по дѣламъ. Въ меня онъ влюбленъ, что мнѣ очень приятно; онъ любитъ лошадей. Въ половинѣ лье отъ Гландье есть конскій заводъ, на которомъ назначены скачки 17 августа, потому-то мы и торопимся свадьбой...»

• Вотъ письмо болѣе интимное къ Урсулѣ Дюранъ, старому другу семейства Каппель.

• Добрая моя Урсула, цѣлую тебя и сестру и надѣюсь, что объе радуешься моему счастью. Мой мужъ не красивъ, но очень добръ; онъ обожаетъ меня и старается окружать всею возможнымъ вниманіемъ. Такъ какъ вблизи его имѣнія будутъ скачки, балы и разныя увеселенія, то онъ упросилъ меня сыграть свадьбу раньше 12 числа и я общалась... Не позабудь купить мнѣ шляпу. Будущій мужъ мой страстный охотникъ до верховой ѣзды; у него двѣ верховыя лошади и пара каретныхъ. Онъ подарилъ мнѣ прекрасную зеленую амазонку. (Эта амазонка была съѣдена крысами въ Гланде и подала поводъ къ покупке мышьяку).

• У меня есть рисунокъ моего прекраснаго маленькаго замка; тамъ есть садъ, рѣка протекаетъ подъ самыми окнами; величиной онъ будетъ съ Villiers Hellon.

• Г. Жафаржъ любитъ общество; у него часто бываютъ гости; вы прїѣдете ко мнѣ, неправда ли? Это будетъ очень полезное путешествіе для здоровья, а я буду такъ счастлива возможностью принимать у себя людей, которые такъ хорошо принимали меня самое. Какимъ кофеемъ, я угощу Марію: если она не скоро прїѣдетъ, мы ссоримся на вѣки.

• Мнѣ купили прекраснѣйшій ройаль, который поѣдетъ въ Гланде ожидать свою хозяйку. Не правда ли, какая милая внимательность? Когда я сказала, что охотно беру ванны, онъ тотчасъ послалъ въ Гланде, чтобъ къ моему прїѣзду приготоленъ былъ будуаръ съ ваннойю. Во всемъ-то онъ такъ добръ; стоитъ мнѣ пожелать чего-нибудь, чтобъ это немедленно исполнилось. Мое замужество не въ примѣръ другимъ; каждый день узнаешь чтонибудь лучшее, или о характерѣ, или о состояніи.

• Все это конечно мелочи, но доказывающія, что Марія Каппель выходила замужъ безъ всякой задней мысли и что тутъ не было никакой другой любви.

• Обвинители указываютъ на письмо 15 августа, какъ на что-то чудовищное, находятъ въ немъ всевозможныя пагубныя страсти. Письмо, правда, странно, но всѣ романтическія выдумки въ немъ опровергаются фактами. Это родъ временнаго помѣшательства, оправдываемаго обстоятельствами.

• Нѣсколько дней спустя, г-жа Жафаржъ писала своей теткѣ г-жѣ Гара и, повѣряя ей свое разочарованіе, прибавила: «Я находилась въ необыкновенномъ состояніи цѣлыя сутки, но всѣми силами старалась вдуматься въ свое положеніе. Но наружности оно невыносимо; впрочемъ съ терпѣніемъ, силою воли и привязанностью мужа, можно еще изъ него выйти. Я добровольно покорилась своей участи...» Пролѣдивъ жизнь супруговъ, защитникъ всюду находитъ доказательства непри- творнаго мира и дружбы.

• 2 сентября Марія пишетъ къ г-жѣ Гара:

•...Карлъ смотритъ моиѣ глазами, чувствуетъ только то, что я чувствую, однимъ словомъ, совершенно измѣнился, въ чемъ признается самъ двадцать разъ въ день. Что можетъ быть отраднѣе, какъ чувствовать себя любимой человѣкомъ сильнымъ, сознавать, что есть на кого опереться въ случаѣ горя. Мы провели два дня въ Тюллѣ. Жена префекта была ко мнѣ чрезвычайно внимательна. Ты не знаешь, какъ меня здѣсь балуютъ; я тоже стараюсь не оставаться въ долгу и, кажется, уснѣваю; мужъ мой отъ этого въ восторгѣ, семейство его довольно и гордится мною; они называютъ меня благословеніемъ Божиимъ и я не знаю, какъ отплатить имъ за всѣ ласки.

Г. Эльморъ 2 октября :

•...Мое новое семейство удивительно хорошо со мною; ко мнѣ внимательны, даже предупредительны. Наконецъ я въ своемъ домѣ любима, счастлива, спокойна.

• Всѣ отвѣты, найденные въ бумагахъ подсудимой въ Гландѣ, писанные лицами, заслуживающими полнѣйшаго довѣрія, доказываютъ, что г-жа Лафаржъ всѣмъ повѣряла свое семейное счастье.

• Изъ писемъ Лафаржа видно, что онъ просилъ жену искать покровительства въ дѣлѣ о привилегіи, такъ что она занималась дѣлами, но его же порученію. Въ обвиненіи сказано, что пироги отправлены въ Парижъ, тотчасъ по полученіи Лафаржемъ привилегіи; новое заблужденіе! Не только 15 декабря, но и 20-го Лафаржъ не имѣлъ еще этой привилегіи. Пироги были подмѣнены, но чѣмъ вы докажете, что это сдѣлано въ Гландѣ, а не дорогой? Изъ Гландѣ ящикъ посланъ заколоченный гвоздями, а полученъ запертый небольшими крючками.

• Ставить въ укоръ женѣ, что ее беспокоила болѣзнь мужа; что же сказали бы, еслибъ она осталась къ ней равнодушна? Правда, это женщина исключительная, экзальтированная, но не убица!..

18 сентября, г. Палье говорилъ о показаніяхъ:

• Кто же свидѣтели? Мать, которая по закону не имѣла права быть свидѣтелемъ. Эта женщина, у неостывшаго еще трупа сына, забираетъ его бумаги, осмѣливается вскрыть завѣщаніе.

• Анна Брѣнъ, дѣвушка истерическаго темперамента, показанія которой основаны на собственныхъ соображеніяхъ, болѣе чѣмъ на фактахъ.

• Дени, поддѣлыватель векселей, питающій глубокую ненависть къ подсудимой.

• Такъ вотъ этотъ процессъ, которому общественное положеніе подсудимой, собраніе странныхъ случайностей, письмо и злонамѣренные слухи, дали такую небывалую огласку!

• Я рассмотрѣлъ его, изучилъ хладнокровно, систематически, со всею добросовѣстностью. Чтожъ вышло? Всѣ важныя доказательства, разсматриваемыя въ массѣ и издали, уничтожились и блѣднѣли по мѣрѣ

приближенія къ нимъ. Вы сами видите это; что же избирать вамъ сказать, по чистой совѣсти: нѣтъ, эта женщина не была и не могла быть виновна.

«Это одно вы еще можете для нея сдѣлать, потому что вамъ не возвратитъ уже ей разбитой, уничтоженной жизни; никто на свѣтѣ не отдастъ ей потеряннаго счастья. Да и было ли оно въ ея жизни?»

«Она осталась сиротою, но съ известнымъ имениемъ, небольшимъ, но достаточнымъ состояніемъ; воспитаніе ея даю превосходное; личность ея вполне заслуживала счастья. Явился Лафаржъ... Я не хочу оскорблять его память: сама обвиненная не допустила бы этого, но, вы знаете, какимъ образомъ получилъ онъ ея руку, въ какомъ положеніи находились его дѣла. Итакъ, явился Лафаржъ и съ нимъ, честь, состояніе, надежда, будущность, даже здоровье, все погибло!»

«Господа, всего этого вамъ не возвратитъ ей, но сдѣлайте хотя то, что еще въ вашихъ рукахъ. Возвратите эту большую, слабую женщину истиннымъ попеченіямъ ея родни. Посмотрите, что стало съ этимъ прѣтушимъ, молодымъ созданіемъ? Сами враги ея должны почувствовать состраданіе!»

«Мужайтесь, бѣдная страдалница! пусть Провидѣніе, поддерживавшее ваши силы во время этихъ тяжкихъ дней, не оставитъ васъ и въ эту минуту. Нѣтъ, вы будете жить для любящаго васъ семейства, для вашихъ многочисленныхъ друзей; вы будете жить также для судей вашихъ, какъ живое доказательство справедливости людскаго суда, когда онъ въ рукахъ людей просвѣщенныхъ, честныхъ, человѣколюбивыхъ!»

По окончаніи аудіенціи, подсудимую унесли безъ чувствъ въ тюрьму, откуда она написала своему защитнику слѣдующія строки:

«Мой благородный избавитель, посылаю вамъ вещь, драгоценнѣе которой нѣтъ для меня на свѣтѣ; это орденъ моего отца.» (*)

Наконецъ пренія кончились. Президентъ спрашиваетъ, не имѣютъ ли сказать еще чего-нибудь и обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ самой подсудимой.

Г-жа Лафаржъ, съ трудомъ приподнимаясь съ кресла, произнесла слабымъ голосомъ: Г. президентъ, клянусь вамъ, что я невинна (всеобщее волненіе).

Президентъ. Я не разслышалъ...

Г. Бакъ. Подсудимая сказала: клянусь вамъ — я невинна (многіе изъ присутствующихъ плачутъ).

Президентъ провѣряетъ всѣ пренія, обращается къ судьямъ и предоставляетъ имъ рѣшить вопросъ слѣдующаго содержанія:

«Виновна ли Марія Капель, вдова Карла Лафаржа, въ умерщвленіи»

(*) Въ этой запискѣ видна — вся французенка.

нѣ своего мужа минеральнымъ ядомъ въ концѣ декабря и началѣ января текущаго года?»

Подсудимую вывели; судьи ушли; въ три четверти восьмого они возвратились въ залу совѣщаній. Черезъ часъ вышла она въ залу общаго присутствія, гдѣ царствовало гробовое молчаніе. Главный жюри произнесъ слѣдующее:

«Да, по большинству голосовъ, подсудимая виновна (общее движеніе, восклицанія).

«Да, по большинству голосовъ, есть смягчающія обстоятельства въ пользу подсудимой».

Толпа стояла въ молчаніи. Президентъ приказалъ ввести подсудимую, но г. Палье, встревоженный, съ явнымъ усиленіемъ хотѣ только произнести, что состояніе г-жи Лафаржъ не позволяетъ ей явиться. Судъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ о рѣшеніи было объявлено ей чрезъ эзекутора и, послѣ часового совѣщанія, произноситъ слѣдующій приговоръ:

«Маріа Каппель, вдова Лафаржъ, осуждается на вѣчную каторжную работу и на выставленіе къ позорному столбу на площади города Тюль». Надо было сообщить это рѣшеніе Маріи. Г. Лашо поручена была эта тягостная обязанность. Онъ вошелъ въ тюрьму, протянулъ къ осужденной руку, не говоря ни слова... Она повала все, приподнялась судорожно, съ словами:

«Я хочу идти въ присутствіе, еще разъ объявить, что я невинна или выразить все презрѣніе къ этимъ подкупленнымъ судьямъ!» по силы ее оставили и она упала безъ чувствъ. Говорятъ между прочимъ, что г. Браидель, главный жюри, объявилъ, отправляясь въ Тюль, «что никакія пренія не убѣдятъ его въ невинности г-жи Лафаржъ и что онъ непременно подастъ голосъ въ пользу ея осужденія.»

Другой присяжный, г. Терриу, не побоялся сказать въ одномъ кафе: «Я бы очень желалъ, чтобъ химички открыли ядъ въ тѣлѣ Лафаржа».

Г. Шюзане объявилъ, «что рѣшился осудить, во что бы ни стало».

Дунсоль сказалъ: «Пусть Орфила ничего не откроетъ, она все-таки будетъ осуждена».

Наконецъ, когда Орфила нашолъ признаки мышьяка, г. Шанбонъ писалъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, прося совѣта, какъ поступать. Нужно положиться на рѣшеніе г. Орфилы, окончательнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ родственникъ.

Общественное мнѣніе протестовало противъ заключеній Орфи-

лы; наука также не оглашалась съ его выводами. Защитники вздумали обратиться къ извѣстному ученому Распайлю.

Въ четвергъ, 17 сентября, Бадю Ларибьеръ, молодой адвокатъ въ Лиможѣ, былъ посланъ къ Распайлю съ просьбой отъ г. Бака и съ письмомъ отъ прудсудимой.

• Я невинна и очень несчастна, милостивый государь, говорилось въ письмѣ. Я страдаю и жду спасенія отъ вашихъ познаній, отъ вашего сердца!

• Два химическихъ изслѣдованія возвратили было мнѣ надежду; явилась г. Орфила, и я снова погрузилась въ пропасть.

• Надѣюсь на васъ, м. г.; поддержите свою ученостью бѣдную жертву клеветы; спасите ту, которую всѣ оставляють.

Марія Ласаржъ.

Распайль сначала отказывался, говоря, что имя его можетъ только повредить дѣлу, потомучто извѣстны его прежнія несогласія съ г. Орфила. Его можетъ быть даже не допустить высказать своего мнѣнія, но Бадю Ларибьеръ настоялъ.

13 сентября посланные прибыли въ Лиможъ; нужно было промѣшкать, потомучто Распайль заболѣлъ лихорадкой; въ одиннадцать часовъ вечера, они были наконецъ въ Туллѣ.

Толпа обступила карету, съ криками: Вы ее погубили, она осуждена на вѣчную каторгу!.. Это будетъ на вашей совѣсти.

Мы знаемъ однакожъ, что это было не по винѣ ученаго: онъ проѣхалъ 120 лѣ въ сорокъ часовъ, по гористымъ дорогамъ и въ страшную погоду.

Вотъ что рассказываетъ о Маріи Каппель самъ г. Распайль.

— Я видѣлъ ее на слѣдующее утро. Всѣ, даже тюремщики, интересовались ея судьбою. Родные были при ней каждую минуту; посторонніе ежеминутно приходили справляться на дворъ тюрьмы. У меня не было недостатка въ вожатыхъ; я переходилъ съ рукъ на руки, до самыхъ ея дверей.

Марія хотѣла говорить со мною наединѣ, и потому я выждалъ, когда уйдетъ ея семейство. Мнѣ бы хотѣлось сказать передъ лицомъ всѣхъ свое мнѣніе, но воля осужденной священна: я покорился, безъ возраженія.

Она была больна, въ постелѣ, съ пестрыми занавѣсками, раздѣлявшими комнату на двѣ половинны; въ первой помѣщалась ея горничная, не хотѣвшая покинуть госпожи своей въ горѣ. Кажется примѣръ этой женщины имѣлъ вліяніе на всѣхъ друзей Маріи Каппель: почти всѣ оставались ей вѣрны въ несчастіи. Сохрани Богъ ея здоровье! Въ ея умѣ и сердцѣ есть многое, что оправдываетъ ее

въ общественномъ мѣстѣ, даже безъ посторонней помощи. А оправданіе она жаждетъ болѣе даже, чѣмъ свободы.

«Я былъ тронуть (я старъ и уже имѣю вначать, это проявленіе чувства не можетъ быть приписано увлеченію), я дѣлалъ всё усидія, чтобъ остаться холоднымъ, какъ подобаеть хмику, а кончилъ свое свиданіе словами утѣшенія. Марія Каппель не притворно религіозна, это подтверждаютъ всё ея близкіе.

«Слезы душили больную, я долженъ былъ выйти. Она прислала мнѣ сказать, что мое посѣщеніе возвратило ей часть надежды, которую она совсемъ было утратила и что у ней однимъ другомъ болѣше.

«Выходя изъ тюрьмы, я спрашивалъ себя, неужели я говорилъ съ г-жею Лафаржъ; даже и теперь мнѣ трудно произнести это имя: передъ глазами моими рисуется образъ Марія Каппель.

«Я видѣлъ г-жу Лафаржъ больною, удрученною горемъ, но прежде, она вѣроятно, была прелестная дѣвушка. Черты лица ея не нравивны, но чрезвычайно оживлены и выразительны. Взглядъ ея, даже сквозь слезъ, не терялъ своей силы, и понятно какое впечатлѣніе производилъ онъ въ лучшее время. Говорятъ, одинъ только королевскій прокуроръ остался неутомимъ къ г-жѣ Лафаржъ, но и онъ былъ тронуть произноса приговоръ.

«Марія блѣдна, у ней густые черные волосы. Въ тюрьмѣ, она не показала мнѣ знатной дамой, и я не смѣшался въ ея присутствіи. Говорятъ впрочемъ, что и прежде она отличалась изящной простотой въ обращеніи.

«У ней пріятная, ласковая рѣчь, что-то такое доброе и симпатичное, что влекло къ ней во времена ея лучшаго времени. Трудно встрѣтить другую женщину, умѣющую такъ хорошо стать въ уровень съ понятіями своего собесѣдника и не унижить его своимъ превосходствомъ. Она всѣмъ правится и никого не унижаетъ; обо всемъ говоритъ съ одинаковымъ интересомъ. Она отлично поетъ и играетъ на фортепьяно, отлично образована, переводитъ Гёте, знаетъ нѣсколько языковъ, пишетъ итальянскіе стихи также хорошо какъ и французскіе. Марія была слишкомъ нѣжное растеніе для грубой почвы Лимузена.»

Вотъ какъ Распайль говоритъ о химическихъ изслѣдованіяхъ:

«Я видѣлъ въ регистратурѣ три тарелки, полученныя г. Орфила; я не только составилъ ихъ описаніе, но даже снялъ мѣрку и спрашивалъ нѣкоторыхъ экспертовъ о томъ, какъ совершались опыты.

«Двѣ первыя тарелки получены посредствомъ азотной кислоты; но пятна, видимыя на нихъ такъ неясны и малы, при употребленіи реактивовъ, показали такіе сомнительные признаки, что я не рѣ-

шлись бы утверждать, что это пятна от мышьяка; не могу определить даже количества вещества въ нихъ содержащаго; объ этомъ впрочемъ я буду говорить подробнѣе.

«Осудить, основываясь только на этихъ признакахъ, невозможно и, рано или поздно, правосудію придется раскаться, что оно придало важность такой ошибочной системѣ.

«Что же касается до третьей тарелки, то по собственному наблюденію и разсказамъ экспертовъ, я долженъ согласиться, что на ней точно мышьяковыя пятна. Но по этому поводу мнѣ остается сообщить много важныхъ вещей.

«Пятна на первыхъ тарелкахъ малы, сѣро-желтого цвѣта и оставили едва замѣтный слѣдъ.

«Пятна на третьей — широкія, синеватыя, съ отливомъ къ срединамъ, лиловато-желтые къ краямъ. Но... погодите... онъ полученъ посредствомъ азотно-кислаго поташа, который г. Орфила привезъ съ собой изъ Парижа.

«На замѣчанія экспертовъ, что это можетъ быть не одна чистая кислота и что ее нужно бы разложить, онъ отвѣтилъ: *что если опытъ кажется имъ сомнительнымъ, онъ готовъ оставить дальнѣйшія изслѣдованія.*

«Такъ нужно уничтожить и двѣ первыя тарелки, сказалъ г. де Бюсси, потому что на нихъ нельзя еще основать обвиненія.

«Въ дознаніи г. Орфила не было этихъ подробностей, но я увѣренъ, что онъ не осмѣлится опровергнуть моихъ словъ!

«Все это такъ важно, что я рѣшился заявить свое мнѣніе печатно.

«Я сказалъ господамъ химикамъ, что необходимо довести до конца открытіе и просилъ указать мѣсто для разложенія реактивовъ, которые употреблялъ г. Орфила, въ присутствіи одного изъ членовъ суда.

«Мнѣ отвѣчали, что г. Орфила оставилъ въ распоряженіи г. Борри, аптекаря, всѣ реактивы, за исключеніемъ:

Поташа

Цинка, и

Азотной кислоты,

посредствомъ которой получены были пятна на третьей тарелкѣ.

«Составы эти стоятъ не болѣе 50 сантимовъ, но онъ положительно отказался оставить ихъ аптекарю.

«Когда говорятъ обвинителя, ихъ выслушиваютъ; почему же бы не выслушать защитниковъ, когда они указываютъ на несоблюденіе всѣхъ формъ при обвиненіи.

«Я хочу и требую, во имя закона, чтобъ меня выслушали; правительство заявитъ свое вниманіе къ моимъ словамъ отмѣненіемъ приговора, а общественное мнѣніе будетъ навѣрное на моей сторонѣ.

«Я исполню свою обязанность, не смотря на всѣ трудности. По крайней мѣрѣ, сонъ мой не будетъ смущаться призракомъ законнымъ въ цѣли и не заподозрять меня въ составѣ кислоты сомнительнаго свойства.

«Представьте себѣ, что защищая подсудимую, я слѣдовалъ бы системѣ Орфеля и привезъ изъ Парижа составъ, посредствомъ котораго можно открыть слѣды яда тамъ, гдѣ не откроютъ его другіе реактивы. Чтобы сказать тогда г. королевскій прокуроръ?

«Онъ сказалъ бы, чтобъ г. экспертъ представилъ немедленно свой составъ для изслѣдованія учеными, здѣсь присутствующими.

«А въ случаѣ моего отказа, что слѣдела бы противная сторона?

«Составила бы актъ, по которому я, при случаѣ, подвергаюсь преслѣдованію, какъ заподозрѣнный въ ложномъ свидѣтельствѣ.

«Всѣмъ ли согласятся съ справедливостью такого предположенія.

«Ничего подобнаго не было однакожъ слѣламо относительно г. Орфеля; я основывался на одномъ этомъ опытѣ, который могъ бы быть заподозрѣтъ, если бы его дѣлалъ я, и который признанъ безусловно со стороны г. Орфеля, лишила чести Марію Капель.

«Судьи повѣрили, что едва-замѣтное количество мыльняку на тарелкахъ, означаетъ смерть отъ отравы: это количество г. Орфеля опредѣлялъ половиной миллиграма, а я опредѣляю сотой долей миллиграма.

«Но, если бы судьи могли понять, во первыхъ, что этого количества слишкомъ мало для того, чтобы отравить человѣка, а во вторыхъ, что оно могло произойти отъ реактива, который нарочно привезенъ изъ Парижа экспертомъ, то они не осудили бы Марію Капель, потому что всѣ нравственныя доказательства уничтожаются за недостаткомъ ослзательной улики.» (*)

Въ письмѣ этомъ г. Распайль несправедливо негодуетъ на г. Палье и отвѣчалъ ему, Марія Капель всѣми силами оправдываетъ своего адвоката.

Тюль, 1 октября.

«Я съ благодарностью прочла краснорѣчивыя странницы, которые вы посвятили несчастной заключенной; и искренно порадовалась, что съ вашими глубокими познаніями соединяется такое горячее сердце.

(*) Помѣщено въ gazette des «Hopitaux.»

• Непріятно поразили меня только нѣсколько сиротъ и я дочку откровенно поговорить съ вами, чтобъ уничтожить въ умѣ вашемъ всякое несправедливое предубѣжденіе.

• Вы не видались съ г. Палье и это крайне меня огорчаетъ, потому что не смотря на равность въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, вы поняли бы другъ друга. Въ обонхъ васъ есть общая черта честности и великодушія.

• Я не нашла въ немъ краснорѣчиваго оратора, но зато благороднаго защитника, которому обязана многими дѣльными совѣтами.

• О, умоляю васъ, милостивый государь, не отдаляйтесь отъ этой сильной опоры моей невинности; позвольте мнѣ положиться, разсѣчь на два такихъ благородныхъ сердца: Богъ воздастъ вамъ за это и дочь ваша будетъ гордостью и утѣшеніемъ вашей жизни.

• Прощайте, милостивый государь, жаду съ нетерпѣніемъ выхода вашего мемуара и смѣю еще ожидать спасенія, надѣясь на вашу заступку и мою собственную невинность.

• Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи

Маріи Каппель.

28 сентября, въ одиннадцать часовъ вечера, г-жа Лафаржъ была такъ слаба, что не могла даже понять читаемый ей приговоръ. По всѣмъ признакамъ, у нея было начало чахотки.

Между тѣмъ дѣло перевели въ кассационный судъ и подали на аппеляцію. Ее не приняли. И такъ человѣческой судъ сказалъ свое послѣднее слово. Защитники хотѣли оправдать Марію, хотъ бы только въ общественномъ мнѣніи.

Личность Дени Барбье невольно внушала подозрѣнія и на него подали просьбу за ложное свидѣтельство. Просьба эта также не была принята. Тогда рѣшились преслѣдовать его косвенно, судомъ гражданскимъ и Марія Каппель подала на него просьбу, но ей отвѣтили, что осужденные не могутъ имѣть голоса.

Выставленіе къ позорному столбу было отиѣнено, и г-жу Лафаржъ отправили прямо въ тюремный замокъ, въ Монпелье.

Не смотря на всю физическую и нравственную тяжесть заключенія, у Маріи бывали свои свѣтлыя минуты. Г. Колларъ, дѣдъ, котораго она прежде не знала, выхлопоталъ позволеніе навѣщать ее, тотчасъ по переводѣ въ Монпелье. Сначала позволеніе это давалось съ большими затрудненіями, но когда болѣзнь Маріи усилилась, къ ней допускали всѣхъ желающихъ ее видѣть. Дѣвица Колларъ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ ухаживала за больной съ неустойчивымъ усердіемъ. Горничная Клементина Серва просила позволенія служить, но прежнему, своей госпожѣ, на что послѣдняя не согласилась. Г. Лашо, одинъ изъ защитниковъ ея въ Тюльѣ, достигнувъ громкой извѣстности какъ адвокатъ пріѣзжалъ въ Монпелье и хо-

тѣмъ посвятить свое знаніе на пользу заключенной. Наконецъ, всѣ доктора, лѣчившіе Марію, дѣлались непремѣнно ея друзьями. Съ 1848 г. здоровье г-жи Лафаржъ совершенно разстроилось. Четыре извѣстныхъ медика созваны были на консультацію и объявили, что одно только освобожденіе спасетъ больную. Это мнѣніе не было принято.

21 февраля 1851 года, ей позволено было отправиться въ больницу въ Сен-Реми, гдѣ старанія г. Шабранъ продолжили нѣсколько ея жизнь. Наконецъ по прошенію г. Колларъ, Людовикъ Наполеонъ, бывший тогда президентомъ, подписалъ ея освобожденіе.

1 іюня 1852 года, Марія Каппель была наконецъ на свободѣ, но уже осужденная другимъ, неотразимымъ приговоромъ. Она прожила еще нѣсколько мѣсяцевъ и 7 ноября 1852 года, скончалась на водахъ въ Усса.

Процессъ Лафаржъ произвелъ до того сильное впечатлѣніе въ цѣлой Европѣ, что два извѣстнѣйшихъ прусскихъ законовѣда, завялись его обсужденіемъ въ Берлинѣ, на основаніи прусскихъ законовъ и рѣшили оправдать подсудимую, за неимѣніемъ доказательствъ. Вотъ замѣчательнѣйшія мѣста этого мемуара:

«Мы не можемъ оставаться хладнокровными при воспоминаніи о личности Дени Барбье. Защитники представляютъ его человѣкомъ безрравственнымъ, выставляющимъ на показъ свои пороки. Онъ помогалъ Лафаржу во всѣхъ незаконныхъ продѣлкахъ; можетъ быть даже внушалъ ему ихъ: если бы злоупотребленія были открыты, чему подвергался Дени? Онъ пріѣхалъ въ Парижъ за нѣсколько дней до присылки пирога и пріѣхалъ туда тайно; даже въ Гландье вичего объ этомъ не знали. Что онъ дѣлалъ въ Парижѣ, осталось тоже для всѣхъ неизвѣстнымъ.

«Подозрѣвать подобнаго человѣка въ убійствѣ, весьма естественно. Онъ могъ желать отдѣлаться отъ свидѣтеля своихъ преступленій. Увѣдомленіе о посылкѣ получено заранѣе, и Дени, узнавъ о его содержаніи, могъ уже въ Парижѣ положить яду въ пирогъ, тѣмъ болѣе, что Лафаржъ получилъ ящикъ открытымъ. Пусть также подумаютъ, что рѣшительно невозможно, чтобъ г-жа Лафаржъ отравила пирогъ и пусть припоминаютъ восклицаніе этого Дени, по возвращеніи изъ Парижа: «теперь я здѣсь хозяинъ!»

«Дени возвратился тремя днями ранѣе своего хозяина, и во время его болѣзни, былъ постоянно дома. Въ его распоряженіи былъ ядъ и, при допросѣ о немъ, онъ сильно сбивался въ показаніяхъ.

«Онъ отдалъ подсудимой пакетикъ, въ которомъ не оказалось потомъ мышьяка. Его постоянно впускали къ больному, и онъ же своими рѣчами подалъ поводъ подозрѣвать г-жу Лафаржъ. При

допросъ безъ всякаго провала онъ повторялъ, что не оцъ отравитель.

«У насъ передъ глазами дѣло совершенно неразрѣшенное. Нельзя доказать, что Лафаржъ умеръ отъ отравы. Подозрѣнія иногда такъ неосновательны, что невозможно на нихъ положиться. Свидѣтели или пользовались дурной репутаціей, или же были близкими родственниками умершему.

«Предположеній въ пользу подсудимой встрѣчается очень много, Наконецъ существуютъ важныя поводы къ обвиненію другихъ личностей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ слѣдовало оправдать обвиненную, за неимѣніемъ доказательствъ. Временнаго оправданія было бы недостаточно, по прусскимъ законамъ, потому что тогда существовало бы подозрѣніе, ничѣмъ не подтверждаемое. Много должно лежать на совѣсти у судей Тюлля, что и выразилось въ допущеніи ими смягчающихъ обстоятельствъ. Судья суть представители народа, но народъ, находящійся въ судѣ, выражалъ постоянно сочувствіе къ осужденной, хотя видѣлъ и слышалъ тоже, что видѣли судьи. Откуда такое противорѣчіе? Кто могъ имѣть такое вліяніе только на двѣнадцать присяжныхъ? Авось время разрѣшитъ эту необъяснимую задачу.»

СЕЛО НА ЮРУ

РАЗСКАЗЪ

I

Наканунѣ перваго осеняго праздника (по деревенскому календарю), Ильина дни, у большой деревни Валухи, по большому архангельскому тракту, остановилась неуклюжая, дребезжащая бричка, запряженная тройкой маленьких кругленьких лошадокъ. Времени было около четырехъ часовъ, и солнышко еще порядочно припекало.

Ямщикъ соскочилъ съ козелъ и, постукивая кнутомъ въ косячатое окно новой, красивой, крытой тесомъ избы, закричалъ:

— Дядя Александръ, а дядя Александръ, — хошь я тѣ сѣдоковъ сламъ?

— Пару али тройку? отвѣчалъ голосъ изъ избы.

— Тройку, голова, тройку, акиважъ свой, брика, да легка больно.

— Сѣдоковъ-то сколько?

— Трое... бара хорошіе, знатные бара... бери, голова... добрые бара.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Мужикъ, котораго ямщикъ называлъ дядей Александромъ, показался на крыльцѣ и снявъ шапку, поклонился сѣдокамъ. Это былъ ужь очень пожилой, высокій, плотный мужикъ, съ большой бородой, почти совсемъ посѣдѣвшей и большими же голубыми глазами.

— Почему ѣхать изволите? спросилъ онъ, приближаясь къ бричкѣ и быстро окинувъ взглядомъ и бричку и лошадей и сѣдоковъ.

— По восьми копѣекъ, любезный, — цѣна хорошая, а тамъ увидимъ, какъ повезешь — и на водку будетъ! отвѣчалъ старшій изъ сѣдоковъ, полновѣсный господинъ въ истертой и запылившейся шинели.

— По восьми! не такъ чтобы хорошая цѣна, — намъ вѣдь, сударь, кормы дороги, сѣно по четвертаку платили, а овесъ — рукой махни, хошь лошадей продавай... Ну да ужь ѣхали по восьми, такъ нѣче дѣлать... Отпрягай, Иванушко, отпрягай съ Богомъ помаленечку... а вамъ, господа честные, въ избу неугодно ли, отдохнуть... чайку не напьетесь ли, али перекусить не угодно ли? У насъ самоварчикъ на разъ скипитъ...

Сѣдоки хотѣли высаживаться, какъ съ противоположной стороны улицы послышался голосъ: «почемъ ѣзда, баринъ? У меня тройка — у — у — какая тройка! Мигомъ на Никольское представлю! ухъ какая тройка, — будете довольны, право-слово будете!»

— Да, ужь у тебя тройка, видалъ ли ты сродясь тройку-то у себя на дворѣ, хоть бы во сиѣ примѣрно! Охъ, Микитка, Микитка! твоей тройки не дождешься и на тотъ годъ объ эту пору! отозвался дядя Александръ, помогая ямщику отпрягать лошадей.

— Какъ же не быть у него тройки! поддакнулъ ямщикъ, — сивая кобыла, да онъ съ женой самъ-другъ, — вотъ тѣ цѣлая тройка какъ есть: садись да поѣзжай!

Не смотря на такой пріемъ, Микитка не угомонился: «Ей ребята, сѣдоки! тройку надеть, чего зѣваете-то... сѣдоки!»

— Гдѣ сѣдоки? откликнулся еще голосъ.

— Сѣдоки, сѣдоки! послышалось со всѣхъ сторонъ, и скоро цѣлая толпа окружила почти распряжонную бричку.

— Нечего вамъ тутъ дѣлать братцы, сказалъ дядя Александръ, — мы съ бариномъ ужь срядились!

— Срядились! эка голова, очередь-то твоя что ли!

— Ну срядились, такъ нечего тутъ и толковать! по восьми копѣекъ — плѣвое дѣло! сказалъ Микитка, подивившій всю тревогу, отходя прочь.

— Срядились, такъ нечего и баять! отозвалось нѣсколько голосовъ: — пусть его везетъ!

— Нѣтъ стой, голова, не его чередъ! Онъ и позавчера лѣсничева возилъ!

— А ты не возмъчь что ли? я повезъ и ты повезъ — тутъ такъ память коротка, — охъ ты голова!

— Нѣтъ врешь ты, старый, — не отступался ярый претендентъ, — жеребьеваться!

— Жеребьеваться, жеребьеваться! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну жеребьеваться, такъ и жеребьеваться! отвѣчалъ дядя Александръ.

— Жеребьеваться, жеребьеваться! кричалъ что есть мочи опять возвратившійся Микитка.

И злополучные сѣдоки, сидя въ распряженной бричкѣ, поволокъ сдѣлались свидѣтелями жеребьеванья. Микитка кричалъ вѣхъ больше и выкричалъ таки: жеребій выпалъ ему.

— Ну вези, голова, твое счастье! — отозвался дядя Александръ.

— Да на чемъ повезешь-то, себя да жену въ пристяжки-то что ли? спросилъ ящикъ.

— Васюха, дашь что ли пару-то? спросилъ Микитка молодого парня, стоящаго рядомъ.

— Да, какъ же, держи карманъ, для тебя приготовлена!

— Фу ты, чортова кукла, ишь какъ чванится! Бери ужь, дядя Александръ, сѣдоковъ-то, пожалуй я тѣ сдамъ ихъ! ты радился, ты и вези!

— То-то, голова, не за чѣмъ было и шумъ подымать! Милости просимъ, господа, пожалуйста въ избу, я на разъ заложу!

Народъ разошелся, смѣясь надъ Микиткой, который ворчалъ про себя: «мужикъ-то хорошій, какъ не сдать, — сусѣдъ, одно слово, сусѣдъ!» Только ярый претендентъ, изъявившій желаніе жеребьеваться, бурчалъ еще: «нѣтъ это не резонъ! ишь славетъ, да разѣ его чередъ? Не везешь, лошадей нѣтъ, такъ нечего и въ жеребей идти!» но его никто не слушалъ, занявшись выходкой Микитки.

Между тѣмъ сѣдоки вылѣзли изъ брички, заваленной подушками, корзинками и прочими разными разностями, и двинулись въ избу дяди Александра. Впереди тащился полновѣсный господинъ въ шинели, еще не старый, но съ весьма апатичнымъ выраженіемъ въ лицѣ; олявянные глаза смотрѣли безжизненно и тупо, изъ-подъ бровей, которыя можно было только угадывать по нѣсколькимъ русымъ волоскамъ; вообще лицо его можно

было бы назвать цвѣтушимъ , кабы не эта безжизненность , отъ глазъ разлившаяся по всей физиономіи , да не странная бѣдность растительности , какъ на бровяхъ , такъ надъ губами и на подбородкѣ , придающая лицу что-то бабье , — вовсе не гармонирующее съ атлетическими формами тучнаго стана . За господиномъ въ шинели поспѣвали двѣ женщины : жена его , бойкая , неуклюжая , хотя и недурная собой ; женщина изъ тѣхъ , которыхъ обыкновенно называютъ « съ душкѣмъ » , что можно было угадать по выразительно-сдвигающимся и раздвигающимся бровямъ и тонкимъ , сжатымъ губамъ ; да еще сестра его , матерая дѣвка , не первой молодости , но красивая , съ размашистыми ухватками и такимъ складомъ губъ , отъ котораго такъ и ждешь рублеваго , веселаго , вызывающаго словца . Обѣ въ коцевейкахъ изъ ситцу и въ ситцевыхъ же довольно пестрыхъ платьяхъ , съ тою разницею , что у первой преобладаетъ зеленый , а у второй красный цвѣтъ .

Дядя Александръ принялъ сѣдоковъ въ горницѣ , то есть въ чистой половинѣ избы , устроенной на городской манеръ , хотя и съ неизбѣжнымъ запахомъ тараканами , но съ примѣсю базилика , который красовался на окнѣ .

— Давай же , голубчикъ , лошадей поскорѣе , пора , къ ночи надо намъ въ Никольскомъ , значить , быть...

— Чтой то , Павелъ Иваичъ , перебила жена , сдвинувъ брови , — почестъ цѣлые сутки ѣдемъ , маковой росинки въ роту не бывало...

— Охъ , бы до Никольскаго-то намъ добратъся поскорѣе ! То-то бы лихо ! замолвила сестра , смотря въ раскрытое окно .

— Доѣдемъ , матушка , доѣдемъ , — эка невидаль ваше Никольское ! никто насъ не гонить... Самоварчикъ , хозяинъ , самоварчикъ давай... Больно ужъ вамъ съ братцемъ-то въ Никольскомъ-то погулять захотѣлось !

У сестры глаза такъ и сверкнули , а братецъ молча опустилъ голову .

— Ой сестрица , шесть лѣтъ , какъ своихъ не видали... затопишься... ну да ужъ и село наше — не похаешь , развеселое село... не городишку вашему чета , хоть ѣсть нечего , да жить весело... Вѣдь правда , братецъ ?

— Что правда , то правда , грѣхъ сказать супротивъ этого... Точно , Анна Яковлевна , село знатное...

Послѣднія слова, сопровождаемая тревожнымъ взглядомъ, относились къ женѣ, которая не совсѣмъ весело усмѣхнулась.

— Что я говорить... знатное, только дѣвками и знать себѣ нажило!.. И ты туда же — старый, старый... добро Матрена — дѣвка, такъ дѣвка и есть... Охъ вы гулѣпы: видать, что никольщина безшабашная!

— Не обезсудьте, Анна Яковлевна, какими Богъ уродилъ... вы вѣдь купчиха горожанка, а мы изъ крестьянъ, люди не мудреные, ѣдимъ пряники неписанные.

— Ну ты ужъ востра больно уродилась, такъ какъ хошь, пожалуй и оставайся въ своемъ Никольскомъ, кланяться не будемъ... А ты, Павелъ Ивановичъ, своего званья не забывай.. съ мужичьемъ этимъ никольскимъ не слишкомъ братайся: какъ они носы—то не вздергивай, все—таки мужики сиволапые, а ты теперича купецъ, изъ ихнаго званья вышелъ, значить и держать себя долженъ повыше...

— Передъ родней—то, Анна Яковлевна, не больно ли по модному будетъ?.. вымолвила Матрена.

— Эка невидаль родня ваша сиволапая... да тѣфу! на твои слова—то плевать я хочу, знай сверчокъ свой шестокъ.

— Это точно, сестра, ты не то говоришь... мы купцы, значить не резонъ... это точно... пробурчалъ Павелъ Ивановичъ, весело привѣтствуя взглядомъ огромный, позелепѣвшій мѣстами и неистово пыхтѣвшій самоваръ, который дядя Александръ торжественно втащилъ въ горницу.

— Кушайте на здоровье, господа честные, а я объ лошадяхъ похлопочу... на разъ спроворимъ. У меня вѣдь сынишко помощникъ, хоша и не больно обыченъ къ эфтому дѣлу, да все двѣ руки...

— Что же ты не приучаешь его! Чѣмъ балбесомъ—то жить, помогалъ бы отцу! сказала Анна Яковлевна, заливая чай.

— Да нѣтъ, сударка моя, не балбесъ онъ у меня, а значить для другого дѣла наровилъ я его: было ихъ у меня двое, голубушка, старшему я лошадей сдать хотѣлъ, чтобы значить и вышелъ изъ парня ящикъ, а эфтого около земли ходить приучалъ: у насъ вѣдь земля тоже, а я одинъ, жена померла, поди десять лѣтъ будетъ, гдѣ одному управиться... И ужъ лхкой былъ ящикъ мой Васютка, охъ какой ящикъ, поди ты всю

волесть обходи, другого съ огнемъ не найдешь... шустрый былъ парень, веселый, пѣсни пѣлъ — соловьемъ заливался...

— Чтожъ, онъ померъ что ли?

— Померъ не померъ, а почитай что хуже, нежели померъ. За доброе дѣло въ Сибирь сослали... А какой ужъ парень былъ, на рѣдкость... И притомъ меньшакъ-то, — грѣхъ пожаловаться — работающій, ну а характеромъ супротивъ того не будетъ: звѣремъ смотреть, суровый такой, потачки отцу родному не дастъ и канпаніи веселой не любить... а вѣдь тотъ Васюхато, просто колоколо былъ.

— Видно хорошъ былъ, коли въ Сибирь ушолъ, замѣтила Матрена.

— Въ Сибирь, да что въ Сибирь? кабыть самъ собой, а то по милости чорта и проклятаго Микольскаго, все отъ тетушки Орины вышло: вѣдьма проклятая, чтобъ ей пусто было...

— Слышишь дѣвка, твое Никольское въ какой чести! замѣтила купчиха.

— Тетушки Орины, какой тетушки Орины? спросилъ Павелъ Иванычъ и въ оловянныхъ глазахъ его блеснулъ огонекъ.

— Погоди, голубчикъ, вотъ Петрухъ лошадей велю справить, да потомъ и расскажу... а хозяйшка-то старику чайку поднесетъ!

II

Досталось порядкомъ толстому Павлу Иванычу за неумѣстные распросы о тетушкѣ Оринѣ, пока не воротился дядя Александръ.

— Вамъ знать знакомо, сударка моя, самимъ эфто Микольское, спросилъ онъ.

— Родина, дядя, сказала Матрена, —туда ѣдемъ на побывку къ брату родному... Самойло Рожинъ — можетъ слыхаль?

— Самойло Иванычъ! какъ не слыхать — знакомый мужикъ! въ эфтой самой избѣ сживалъ, чай пивалъ! очинио знаемъ Самойла Рожина!

— Хорошо село наше, развеселое... ужъ одно мѣсто — просто мое почтенье.

— Мѣсто знатное... булькнулъ Павелъ Иванычъ.

— Оно точно что развеселое село, продолжалъ дядя Александръ. — одно слово на юру село: тутъ тебѣ и рѣка большал, суда, тамъ лодки по ней плывуть...

— Ни одна мимо не проѣдетъ...

— Не проѣдетъ... внизъ ли, вверхъ ли теперича — Микольского не миновать... Ну и дорога большая о бокъ, тоже всякая тройка али пара — все завернетъ. То на юру село, и хрестьяне богатые есть. А ужь проклятое мѣстечко...

— Врешь ты, старый хрѣнь, не вашему чета...

— Какъ не врешь, замѣтила Анна Яковлевна, вливая въ себя пятую чашку и безпрестанно обжигая губы горячимъ чаемъ.

— Истинно проклятое, потому развращенность большая... Мужики туто живутъ мало, все въ Питерѣ больше, перевозки держуть и на иныхъ разныхъ работахъ. Бабы да дѣвки почитай одиѣ... а это ужь не стать! Прибылаго, проѣзжаго народу пропасть и съ рѣки и съ большой дороги, — долго ли до грѣха? А тутъ еще эта шельма Оринка притонъ держитъ... Очинно развращенный народъ.

— Про какую тамъ Орину ты затвердилъ? спросила Матрена.

— Али не знаешь?.. спреси у малаго ребенка въ волости, ее всякій знаетъ; нѣтъ значить души человѣческой, коя бы тетушки Орины не знала. Просто на просто дѣвка — постоянный дворъ держать. Лодочки али извозчики все у нее останавливаются, такъ ужь и знаютъ тетушку Орину. Развратница. Молодымъ парнямъ побывать у нее — гибель, такъ-то приворожить, что отступу не будетъ, а тамъ въ какое ни на есть скверное дѣло и заманить — воровство али разбой, али штуку какую мошенническую, — ни за деньгу парень пропадетъ, а она въ стонѣ остается, да еще и съ барышомъ. Одно слово: притонъ разбойничій, да и шабашъ.

— Не твоя-то ли это любезная, Павелъ Ивановичъ, эта Орина, — чтой-то по характеру-то ровно смахиваетъ? замѣтила Анна Яковлевна.

— Вотъ и моего-то Васюху евакимъ манеромъ она сгубила, змѣя подколодная. Парень былъ веселый, непьющій, честный, вѣдь спонла, да воромъ сдѣлала: изъ за нее, шкуры барабанной, и въ Сибирь-то ушолъ.

— Батка, лошади-то готовы, подь одѣвайся... сказалъ въ

это время вошедшій Петруха, молодой мальчикъ лѣтъ шестнадцати, смотрящій угрюмо изъ-подъ лобья.

— Ладно, ладно, Петруха... Да поѣхать бы тебѣ... нечего дѣлать, надо Ваську замѣнять...

— Какъ хошь, пожалуй и я поѣду.

Хотя Петруха изъяснилъ свое согласіе пехотя, но по лицу дѣлательно было, что онъ радъ былъ предложенію отца.

— Такъ не подавать ли, господа честные!.. только смотри, Петруха, къ Оринкѣ ни ногой... иначе нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія.

— На кой чортъ я пойду къ ней, чтобъ ей пусто было! отвѣчалъ угрюмо Петруха, сплюнуль и вышелъ.

Черезъ пять минутъ лошади были поданы и звенѣли колокольцомъ и ширкунцами; Петруха заботливо похаживалъ около нихъ, проводя время въ разговорахъ, то съ воронкомъ, то съ карькой, то съ рыжкой, участіе которыхъ въ этомъ разговорѣ выражалось храпѣньемъ: въ мальчикѣ такъ и просвѣчивалась удалая ямщичья натура; едва ли изъ него вышелъ бы хорошій земледѣлецъ, едва ли не ошибся отецъ, опредѣляя специально сти для своихъ сыновей!

Сѣдоки собрались не скоро и не скоро уѣли; дядя Александръ заботливо усаживалъ ихъ, повторилъ еще разъ сыну, чтобы къ тетускѣ Оринкѣ ни ногой, на что тотъ опять сплюнуль и помянуль чорта и наконецъ сказалъ: «ну съ Богомъ, трогай Петруха, трогай, эту карьку—то похлестывай, лѣнива, куда лѣнива шельма!»

Тройка, управляемая ловкой рукой, побѣжала дружной, ровной рысью; Петруха присвиснуль, повелъ кнутомъ, — пыль взвилась по улицѣ и скоро брика пропала изъ виду вонъ...

Съ необъяснимымъ волненіемъ приближались къ Никольскому Павелъ Ивановичъ и красивая Матрена, между тѣмъ какъ Анна Яковлевна преспокойно задремала, пригрѣваемая заходящимъ солнушкомъ. Братъ и сестра были тутюшныя уроженцы, тутъ выросли, воспитались, начали жить, и на всякой другой мѣстности жили, какъ оторванные отъ родной почвы. Село на юру имѣло свои права надъ существомъ людей, которые называли

его своей родиной. Жизнь въ удовольствіе свое и веселіе, безъ оглядки и безъ заглядки, не огражденная и не стѣсненная никакими уставами, составляла искони гордость, неминуцій предметъ похвальбы его жителей. Среди этой жизни, налитаннныю этою гордостью, сложились Павелъ Ивановичъ и его сестра; тутъ бы и умереть имъ, кабы случайность не примкнула ихъ къ иной средѣ, въ которой имъ плохо жилось, чинные обряды которой червемъ грызли ихъ вольныя души. Павелъ Ивановичъ, когда еще былъ никольскимъ крестьяниномъ и жилъ съ братомъ своимъ Самойломъ, первымъ человекомъ въ селѣ, крѣпко сдружился съ сестрой Матреной, за нее душу былъ готовъ положить: веселились, потѣшались они вмѣстѣ. Она слюбилась съ сосѣдомъ, а онъ за компанію съ сестрой его Ориной (потому-то имя тетушки Орины и задѣло раздобрѣвшаго купца за живое): онъ-то за компанію, а Орина привязалась къ лихому Павлу, какъ шальная, словно душу вынулъ онъ изъ нее. На грѣхъ точно сосѣдъ на праздникѣ хватилъ лишка и душу Богу отдалъ, да тутъ еще домъ сгорѣлъ; Орина хоть по міру иди, а Павлу Самойло невѣсту засваталъ, городскую купчиху, обольстилъ царня богатствомъ да почестями. Съ ума сошелъ Павелъ — идетъ по улицѣ, дѣвки или парни окликаютъ — куда! и не смотритъ, задумался, голову въ землю — все себя купцомъ воображаетъ, какъ онъ будетъ въ городѣ жить, лавку заведетъ, съ барами спознается, бѣлое вино гостямъ везитъ разносить: купецъ, одно слово! А Анна Яковлевна долго кочевряжилась и первымъ условіемъ положила переѣхать Павлу въ городъ, выписаться изъ крестьянъ и въ гильдію записаться... Пуще того замечтался и распалился нашъ живихъ. Какъ убивалась Орина, какъ уговаривала брата Матрена: всѣ рѣчи ихъ, какъ горохъ къ стѣнѣ!..

Женился Павелъ, въ городъ переѣхалъ, купцомъ сталъ, — да тутъ-то Анна Яковлевна и дала ему себя знать, по рукамъ и ногамъ связала: и то не такъ, и это не ладно, мужикъ сиволапый, званья поддержать не умѣешь, — просто бѣла! Куда и удалъ, и гордость никольская дѣвалась, сталъ Павелъ Ивановичъ тигре травы, ниже воды, по стрункѣ ходить. Наконецъ же всгустнулось ему шибко: выпросилъ у жены позволеніе — взять къ себѣ сестру и написалъ ей самое жалостное посланіе. А Матрена ужъ и безъ того измучилась, истосковалась, думая, гадая про любимаго брата, ведѣли не прошло — поѣхала въ городъ... да

такъ и ахнула! Сначала было хотѣла вступить за брата, да въѣдъ Анна Яковлевна не свой братъ, — на первый же разъ обрѣла золовку: «въ чужой монастырь, молъ, съ своимъ уставомъ не ходить, а не хочешь по нашему жить, такъ поворачивай оглобли, откуда прѣхала!» Какъ братца покинешь одного въ этомъ аду кромѣшномъ, — нельзя — ну и осталась Матрена, грустя о Никольскомъ, да о братѣ своемъ любимомъ. Павелъ Ивановичъ мало по малу свыкъся, недостатка же у него въ домѣ ни въ чемъ не было, раздобѣлъ, брюшко отпустилъ и жилъ больше въ брюхо, благо дѣтей ему Господь Богъ не давалъ: «нѣтъ, братецъ, на тебѣ благословія Божія и дѣтей-то Богъ вамъ не даетъ...» говорила Матрена.

Такъ-то прожили они шесть лѣтъ. Какъ ни бился Павелъ Ивановичъ, ни разу не удалось ему побывать на родинѣ, — онъ ужъ и думать объ этомъ забылъ, какъ вдругъ получила Анна Яковлевна письмо отъ брата, изъ Архангельска, что вотъ такъ и такъ, померла у него жена, осталось двое дѣтей, хозяйство большое (подъ конецъ братъ Анны Яковлевны шибко расторговался), а ему жить дома не приходится, такъ прѣзжала бы она къ нему хозяйничать, а мужу онъ-де мѣсто хорошее дастъ и деньги на дорогу вышлетъ. Живо порѣшила Анна Яковлевна: домъ свой продала, лавку сосѣду сдала и приказала Павлу Ивановичу собираться. Ъхать въ Архангельскъ надо было мимо Никольскаго, — тутъ-то Павелъ Ивановичъ замолвилъ словечко, что, молъ, хорошо было бы заѣхать на денекъ, на два въ Никольское — съ братцомъ повидаться, да и проститься, — можетъ быть и не увидать будетъ на этомъ свѣтѣ. Противъ такого резона Анна Яковлевна не спорила, хоть Никольскаго сильно не любила, — потомучто знала холостую жизнь своего благовѣрнаго...

Пока мы исторію эту рассказывали, бричка нашего купца, при разудаломъ прикрикиваньи да присвистываньи Петрухи, вкатилась въ Никольское.

III

Славное мѣсто занимаетъ село Никольское! Оно расположено на обѣихъ сторонахъ судоходной рѣки, по правому берегу кото-

рой, через самое Никольское, проходит большая Архангельская дорога. Что может быть выгоднѣе такого мѣста! Отъ того Никольское и растянулось такъ широко по обоимъ берегамъ, отъ того въ немъ и насчитывается больше 300 домовъ, да двѣнадцать лавочекъ (большею частью при домахъ), да двѣ церкви, да два кабака; отъ того у никольскихъ крестьянъ есть свои барки, которыя съ хлѣбомъ и лѣсными матерьялами отправляются въ Архангельскъ и въ Питеръ, есть даже заводы и дома, выстроенные на городской манеръ, въ девять оконъ и съ мезониномъ. Народъ торговый, промышленный, тертый, выдавинный виды. Но что составляетъ собственную физиономію Никольскаго, — это преобладаніе женскаго пола, особенно въ лѣтнее время, когда почти все мужское населеніе его уходитъ для заработковъ въ Петербургъ, да отсутствіе собакъ, что доказываетъ неустрашимость и гостепрѣимство никольскихъ женщинъ, не нуждающихся въ неподкупныхъ церберахъ. Въ дополненіе къ этому надобно сказать, что женщины никольскія по всей губерніи славятся своей красотой, своей гордой осанкой, виднымъ ростомъ, черной бровью и бойкой рѣчью. «Ишь какая пава — видно никольская» — верѣдко услышите въ нашемъ краю отъ крестьянъ, даже и не бывавшихъ въ Никольскомъ: слухомъ земля полнится... Какъ же не зажитья въ селѣ на юру проѣзжему человѣку въ такомъ красивомъ женскомъ обществѣ, — куда онъ ни взглянетъ — всюду встрѣчаетъ черныи глазъ: женщины торгуютъ въ лавкахъ, женщины работаютъ въ полѣ, женщины везутъ его на тотъ берегъ, въ сосѣдній городъ, если ему вздумается нанять лодку...

Купцы Рожины прѣехали въ Никольское ночью; Петруха, ухарски пригаркивая, лихо пролетѣлъ по улицѣ, еще не опустѣвшей: ночь была ясная, мѣсячная, березки и елочки, красующіяся передъ каждымъ домомъ, стояли неподвижно, а никольскія дѣвки, сидя на крыльцахъ кружками, весело вели не совсѣмъ скромные разговоры и хохотали полнымъ, неудержимымъ хохотомъ. Рѣка дѣкала покойно и въ неподвижныхъ водахъ ея картинно отражался пожаръ, разложенный на берегу судорбочими; яркій огонекъ фонтаномъ сыпалъ на воздухъ искры, озаряя неуклюжія фигуры барокъ, каюковъ и крытыхъ лодокъ; вдали мелькали двѣ-три душегубки, на которыхъ виднѣлось по человѣческой фигурѣ съ длиннымъ шестомъ и слыша-

лись женскіе голоса, далеко отдававшіеся въ nocturnъ воздухѣ. Въ крайнемъ домѣ, весьма не новомъ и неказистомъ, раздавался громкій говоръ, пѣсни и звуки гармоніи. «Вишь у Орипки проклятой какой гамъ!» сказалъ Петруха, свиснулъ, повернулъ въ улицу на право и остановился у большого дома съ мезониномъ, потонувшего въ кустахъ. Анна Яковлевна преспокойно спала, а Павелъ Ивановичъ съ Матреной такъ и прислушивались съ жадностью къ шуму и пѣснямъ родимаго села; сердца ихъ бились быстро, быстро, даже духъ замиралъ... Въ домѣ Самойла Рожина всѣ спали. Оказалось, что Самойла нѣтъ дома. Гостей встрѣтила хозяйка — типъ никольской женщины, — высокая, стройная, черноглазая... Павелъ Ивановичъ оживился въ домѣ брата, а Матрена почувствовала себя дома, живо объѣжала всѣ комнаты, нашла все въ прежнемъ видѣ, отыскала самоваръ и сама раздула его. Въ домѣ была какая-то смѣсь деревенской обстановки съ желаніемъ городскихъ порядковъ, но гордая хозяйка не извинялась передъ невѣсткой купчихой, что у нея то не ладно, да это не убрано, какъ дѣлаютъ обыкновенно деревенскіе ахалы; — она была увѣрена, что въ домѣ ея все въ должномъ видѣ. Въ залѣ и гостиной стояли стулья и кресла — какъ быть слѣдуетъ, стѣны были оклеены пестрыми обоями, подъ окнами висѣли какія-то пѣвчія птицы, на окнахъ красовались бальзамины и герани, но тутъ же въ углу помѣщался и станокъ для тканія, и торчала раскрашенная пряслица и лукошко съ какой-то крупой. Вообще замѣтно было, что зала и гостинная не составляли любимыхъ хозяйскихъ комнатъ, и въ нихъ по видимому относились принадлежности, въ которыхъ хозяева мало нуждались въ данную минуту. Всѣ признаки жилья, начиная отъ чулка — работы хозяйки, до боченка съ квасомъ и посуднаго шкапа, увизаннаго тарелками, соединяла въ себѣ довольно большая угловая комната, куда и теперь, послѣ первыхъ привѣтствій, помѣстились гости въ ожиданіи самовара.

— Такъ вы въ Архангельскѣ, братецъ, — ладно, что припомнили насъ, — и то еще на самый праздникъ пріѣхали. Я ужь думала одна праздничать, Самойло Ивановичъ хотѣлъ было съ собой взять, — да поѣду ли я отъ своего праздника...

— У насъ вѣдь завтра веселье на всю ивановскую, — замѣтила Матрена, обращаясь къ Аннѣ Яковлевнѣ, которая изо-всѣхъ

сыгъ старалась представить изъ себя почетную гостью, хотя на ея выходки никто не обращалъ вниманія.

— Въ чемъ же ваше веселье? спросила она улыбаясь.

— Пѣсни, гулянье цѣлую ночь. Самъ становой пріѣзжаетъ... Помнишь, я чай, братецъ, какъ мы гуливали?

— Какъ не помнить! отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ: — веселое было время... Самсонка-то не забыла? Этакой золотой парень былъ: всякому веселью голова.

— Эко веселье! Пьянство одно, да пѣсни мужицкія! съ неудовольствіемъ замѣтила Анна Яковлевна.

— Мы веселимся по своему, сестрица, а бывала я тоже и въ городу о праздникахъ, — купецъ знакомый у Самойла Ивановича былъ, Мыльниковъ прозывался, — на вечеринку насъ приглашалъ, — такъ скука...

— Ужь точно скука! подхватила Матрена съ какимъ-то азартнымъ увлеченіемъ: — сидятъ въ гостиной эти гости, вытянулись, какъ утки, губки сжали, руками перебираютъ... скука смертная! нѣтъ, чтобы попѣть, посмѣяться... словно кто пришилъ ихъ къ мѣсту-то, да и ротъ глиной замазалъ; какъ деревянные, точно статуи...

— Купчихи, извѣстное дѣло, такъ не по мужицкому себя и держать, чишно, благопристойно; дѣвушки тоже и поютъ, да не по твоему орутъ, слыхала я твои пикольскія пѣсни...

— Ужь поютъ! и Матрена залилась хохотомъ. — Ужь поютъ! и затянула пискливымъ монотоннымъ голосомъ, ударяя на ô:

«Офицеръ мѡ-ло-дѡй,
Подъ нимъ конь вороной...»

Точно за душу тянуть, прости Господи!

— Правда, что скверно, ужъ что скверно, такъ скверно поютъ! рѣзко проговорилъ Павелъ Ивановичъ, допивая стаканъ чаю, на половину разбавленный ромцомъ.

— Ты что, рому-то натянувшись что ли свою мужицкую манеру взялъ? Скверно! Да ты самъ-то кто, — мужикъ что ли?

Павелъ Ивановичъ призатихъ, усердно принявшись за чай.

— Ой, сестрица, что ужъ вы насъ мужичествомъ-то все прекаете... да наши мужички захотѣли бѣ, такъ давно бѣ купцами были... Только зачѣмъ эту скуку на себя брать... То-ли

дѣло наше житье развеселое .. Ухъ! продолжала разболтавшаяся Матрена.

Хозяйка мало принимала участія въ разговорѣ, съ достоинствомъ и гордо угощая спѣсивую гостью; Павелъ Иванычъ и безъ угощенія потягивалъ *пунштикъ*, который супруга его не очень-то жаловала.

Чай кончился поздно, и домъ Рожина совершенно затихъ за полночь. Среди ночного мрака и всеобщей тишины, пенарушаемой даже лаемъ собакъ, на крыльцѣ рожинскаго дома виднѣлись двѣ человѣческія фигуры. Если бы вы подошли къ нимъ поближе, то разслышали бы ихъ тихій разговоръ:

— Видишь, и не знать, что тутъ былъ ихъ домъ: вовъ какія палаты стоятъ... говорилъ женскій голосъ.

— Ты не видала ее? спросилъ другой, мужской голосъ.

— Нѣтъ еще... да узнаеть, такъ прибѣжить. Она, слышь, какъ ты женился, и закутила, крѣпко загуляла, со всякими потаскушками спозналась. Тутъ опять постоянный дворъ стала держать, славу на всю волость нажила... богата теперя очинно, сказываютъ, были женихи знатные, даже изъ купцовъ, всѣхъ выпроводила взашею, — хочу, говорить, вольной волей жить...

— Какъ бы миѣ-то съ ней, сестра, повидаться... больно бы хотѣлось...

— Завтра праздникъ — какъ не повидаться, минутка какая слободная перепадетъ, а ужъ я ей скажу: и поди радостей то будетъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Охъ, село ты мое родимое! Нѣтъ ужъ полно: кажись, миѣ не разстаться съ нимъ будетъ...

— Полно сестра, — я то какъ останусь? все же родная душа рядомъ какъ-будто и повеселѣе.

— Скучно у васъ, братецъ, больно скучно. Здѣсь то славно, и воздухъ-то другой...

Въ эту минуту по улицѣ показалась еще человѣческая фигура, и Павелъ Иванычъ съ Матреной призамолкли.

IV

Между-тѣмъ Петруха разложилъ лошадей у знакомаго ямщика, всыпалъ имъ овса и пошолъ бродить по селу. На берегу, около яркаго пожога, судорабочіе подкрѣплялись кашницей; чванье прекратило ихъ разговоръ: некогда говорить, когда ротъ на барщинѣ.

— Хлѣбъ да соль! сказалъ Петруха, подходя къ пожогу.

— Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ! отвѣчалъ одинъ изъ судорабочихъ, не глядя на того, къ кому относились эти слова.

— Въ Архангельскъ идете съ судномъ?

— Въ Архангельскъ, побратимъ... да ты нашего поля ягода, съ борку али съ сосенки?

— Ямщикъ, съ Валухи ямщикъ, — купцей привезъ на побывку къ Самойлѣ Рожину.

— Ямщикъ — распахни-душа мужикъ... ладно-съ, моля... подитка обратныхъ найдить хочется...

— Кабы встрѣлись — хорошо бы, да гдѣ ихъ найдешь.

— А я тебѣ, парень хорошій, скажу гдѣ найти... подь ты къ тетушкѣ Оринѣ, — да, чай, и безъ меня найдешь: знаешь гдѣ, парень, раки-то зимуютъ. Молодой вѣдь? Покажись-ка сюда, покажись каковъ ты тамъ человѣкъ есть.

— На кой прахъ я къ ней пойду, я ни черта у ней не забылъ, чтобъ ей пусто было.

— Егѣ, голова, да ты я вижу, хоть изъ молодыхъ, а того съ душкомъ да еще съ малиновымъ! Ладно-съ. Все-таки скажу тебѣ, душа-человѣкъ, поди къ тетушкѣ Оринѣ, найдешь тамъ человѣчка—во какого—съ мизинецъ, кота въ сапогахъ, на немъ красная рубаха, что ни плисовы штаны, пряжки съ искорками — вонъ повыскакали...

— Да ты что, мелешь али взаправду? съ неудовольствіемъ прервалъ Петруха.

— Ни-ни, голубчикъ, — онъ ужь все такъ, — дуракъ не дуракъ — а съ придурью... (заговорилъ другой изъ судорабочихъ). — Это точно ѣхалъ съ нами на суднѣ какой-то человѣчекъ, этакой махонькій, да здѣсютко праздникъ захватить хо-

четь — очинно весело сказывается, — а мы то съ солнцем уйдёмъ, — значить, коли переждешь, такъ съ обратнымъ будешь.

— У тетки Орипки говоришь, онъ?

— Ну да, да... я же тебѣ сказывалъ, душа-человѣкъ, продолжалъ первый изъ судорабочихъ, — подь къ тетушкѣ Орипѣ, выпей за насъ да и выпись за насъ, — тамъ себѣ и сѣдока найдешь.

— А что, братцы, ночевать къ вамъ можно: въ компаніи-то оно все повеселѣе будетъ!

— Я тѣ сказываю — у Орины ночуй — тамъ будетъ повальготнѣе: какая ужь у насъ ночѣвка, — самъ пуховикъ, самъ одѣяло, хоть какъ хошь!

— Можно, голубчикъ, можно, для-ча невозможно, мѣста много! ласково отвѣчалъ второй работникъ, изможденный старикъ.

— Мѣста не пролежишь, а и пролежишь, такъ не наше, не больно жаль!

Петруха пошолъ къ тетушкѣ Орипѣ. Изба ея стояла, какъ мы уже говорили, на краю села: довольно большая, но уже старенькая, освѣщенная, не смотря на позднее время. Съ какимъ-то особенно неприятнымъ выраженіемъ въ лицѣ отворилъ нашъ лмщикъ дверь, и на него пахнуло табачнымъ дымомъ. Изба раздѣлялась на двѣ половины: чистую и черную; Петруха попалъ въ первую; во второй слышалось храпѣнье. Но въ чистой половинѣ, куда принималась избранная публика, еще не спавъ. Въ переднемъ углу, за столомъ, покрытымъ довольно чистою скатертью, сидѣла особа женскаго пола, не первой молодости, съ высокой грудью, весьма небрежно прикрытой, широкими плечами, но весьма блѣднымъ лицомъ, которое однако было замѣчательно хорошо: влажные, неопредѣленного цвѣта глаза, вздернутый, съ тонкими, подвижными ноздрями носъ и толстыя сухія губы придавали ему то выраженіе, которое обыкновенно приписываютъ вакханкамъ. Около нея юлилъ, то самодовольно похаживая вокругъ и цотирая руки, то обхватывая красивый станъ женщины, маленькій, вертлявый человѣчекъ въ красной рубашкѣ и плюсовыхъ штанахъ. На столѣ стояли графинъ, бутылка и стаканы. Облокотясь обѣими руками на столъ и подпирая отчаянно угреватое лицо, сидѣлъ третій собесѣдникъ — молодой дѣтина въ суконномъ кафтанѣ, обстриженный въ кружокъ. Передъ нимъ стоялъ полный стаканъ водки.

— Орина, вдругъ сказалъ онъ, хватаясь за стаканъ и хлопая имъ объ столъ, — гони мазурика вонъ, слышь, гони вонъ его. Что ты мнѣ вечеръ говорила — помнишь, что вечеръ говорила али запомятовала... Гони мазурика!

— Какъ не гони — для тебя то это что-ли? вѣтъ еще — карманъ тонокъ!

— А вчера что говорила? Что ты вчера говорила менѣ? а?

— Что говорила, то и теперь скажу: голь — ты, молоко-сось, — отецъ тебѣ баню задасть, потому ты у него подъ началомъ, безъ спросу его шагу ступить не можешь, копѣйки не израсходуешь! Поэтому самому ты и голь! Плевать я на тебя хотѣла!

— Плевать! Я голь! Ну ладно! А коли я завтра все ваше Никольское затоплю виномъ на мои денежки и съ отцомъ не поѣду до зари, на праздникъ останусь — что тогда скажешь! Смотри Орина — тогда другое запоешь!

— Зацѣла бы другое, только этому не бывать, и быть энтаго никогда не можетъ!

— Не можетъ? Ну-ка великанъ, наливай вина!

Малютка въ красной рубахѣ налилъ два стакана, чокнулся съ парнемъ и визгливымъ голоскомъ провозгласилъ:

— Ты слушай, молодець, меня... Всѣ люди и всѣ человѣки! Ты не сердись на меня за Оринку, — она не для твоего рыла сотворена, хоть ты и я — все равно, все люди, все человѣки! Я тебѣ это докажу, а не сердись: поцѣлуемся!

— Отваливай, отваливай! отвѣчалъ парень, отводя локтемъ гуманнаго человѣчка.

— Не хочешь, такъ какъ хочешь... тьфу!..

Запропала ежова голова,
На чужой сторонѣ живучи,
Живучи, живучи,
Да горемыкаючи!

Ухъ ты!..

— Такъ не можетъ? спросилъ парень, выпивая вино.

— Не можетъ! отвѣчала Орина.

— Ну ладно... — и вслѣдъ затѣмъ парень вышелъ и хлопнулъ дверью.

Только что маленькій человѣчекъ залился звонкимъ хохотомъ и успѣлъ затянуть, фертомъ становясь передъ Ориной:

Не запѣть ли, Орина, по-дворянски?
 Не запѣть ли, Орина, по-дворянски?
 Какъ по улицѣ

дверь снова отворилась и на порогѣ показался Петруха.

— Что тебѣ? спросила Орина, пристально глядя въ лицо новопришедшаго.

— Къ ихъ милости — ящикъ... отвѣчалъ этотъ, мигомъ оглядывая избу и угадавъ личность, описанную судорабочими. — Сказываютъ, лошадей надо... Я съ Валухи — тройка знатная — съ обратными, значить, коли угодно, не дорого возьмемъ...

— Ладно, ящикъ, только не сегодня!

— Знаю это, что не сегодня, до завтра обождать можно, это ничего, только ужъ чтобы, значить, вѣрно было, безъ обмана.

— Ужъ вѣрно, глупая голова, вѣрно... Водку пьешь, такъ пей! Я вашимъ братомъ не брезгую; по моему все люди, все челоуѣки!

— Нѣтъ, баринъ, на томъ благодаримъ, водки не пью, только ужъ вы на счѣтъ прогонъ-то не обидьте. Везъ сюда купца, къ Самойлѣ Рожину брата, на побывку — знатно удоблетворили, четвертакъ на водку дали!

— Ну такъ отъ меня полтину получишь! А я за тебя выпью:

Охъ ты солда-тка мо-ло-дая!

Что же ты, солдатка, поздно ходишь,

Поздно ходишь, да личико наводишь.

Между-тѣмъ имя брата Рожина произвело странное дѣйствіе на Орину:

— Къ Рожину, говоришь, брата? Павла что-ли?

— Точно, ровно какъ Павломъ зовутъ, — нехотя отвѣчалъ Петруха.

Черезъ секунду Орины уже не было въ избѣ, — какъ сумасшедшая выскочила она на улицу, дрожа всѣмъ тѣломъ.

А маленькій челоуѣчекъ остался одинъ допивать графинъ и допѣвать «солдатку», потомучто и Петруха, заключивъ окончательное условіе съ сѣдокомъ, пошелъ спать къ судорабочимъ.

Орина въ страшномъ волненіи, въ безумномъ забытіи бѣжала по широкой улицѣ, пустынной и безмолвной. Свѣжій ночной

воздухъ пахнулъ на ея горящія щеки; тишина царствующая кругомъ, нарушаемая только протяжнымъ крикомъ сторожей на судахъ, увеличивала ея лихорадочный трепетъ; длинная черная юбка распухла. Инстинктивно, безсознательно бѣжала; она къ дому Рожинныхъ, гдѣ на крыльцѣ сидѣли Павелъ Ивановичъ и Матреша. Читатель помнитъ, какъ привзатили они, увидя приближающагося челоуѣка. Около дома шаги Орины начали замедляться; она подошла къ крыльцу и остановилась, словно окаменѣла...

— Гина! закричала Матреша, всмотрѣвшись въ лицо Орины.

— Матреша! Въ секунду приятельницы ожимали другъ друга въ объятіяхъ, всхлипывали и рыдали. А Павелъ Ивановичъ сидѣлъ и смотрѣлъ въ какомъ-то оупѣніи отъ неожиданности встрѣчи со своей первой и послѣдней любовью.

Въ это время блеснулъ первый лучъ восходящаго солнца, золотой струйкой пробѣжалъ надъ дымящейся паромъ рѣкой, арками искоркамъ заигралъ въ капляхъ росы и розовымъ, сияющимъ свѣтомъ окрасилъ восточную половину неба...

Когда черезъ нѣсколько времени медленный, плавный ударъ колокола, призывая жителей и гостей Никольскаго къ заутренѣ, торжественно прогудѣлъ надъ безмолвствующимъ селомъ и далеко-далеко понесся по зарѣ, ни Павла Ивановича, ни Матрешы, ни Орины уже не было у Рожинскаго дома...

Съ первымъ колоколомъ проснулись судорабочіе, прикурнувшіе на берегу, около погасшаго пожара, зѣвая и потягиваясь, поднялись на ноги и перекрестились: «аге, голова, сказалъ одинъ, — ужъ бѣлый день!» Вслѣдъ затѣмъ всѣ накинули свои широкіе сѣрые армяки и отправились на суда. Петруха, помѣщавшійся между ними, тоже всталъ, перекрестился и, щури глаза, поглядѣлъ на солнце. Ему вставать спозаранокъ было не зачѣмъ, но утро свѣтлось такое ясное, такое пламенное, вѣтерокъ, отъ воды, ве дувалъ такъ живительно, картина рѣки и оживающей на ней дѣятельности такъ освѣжительно дѣйствовала на душу, да къ тому же торжественный благовѣстъ раздавался все чаще и громче, всеобъемлющими волнами разливаясь въ утреннемъ воздухѣ...

Вотъ на какомъ-то послышались громкіе голоса, началось движеніе. Вотъ на одномъ громкій голосъ закричалъ: «убирайсь скорѣе!» а черезъ минуту «молись» и наконецъ «отчадивай!» и гдѣ-то въ общемъ повторило — ди-вай!... и судно двинулось...

Не много погодя на немъ развернулся бѣлый парусъ; надувае-
мый свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ. Вслѣдъ за тѣмъ запылавшемъ
уклюжая барка, а тамъ крытая лодка, тамъ еще барка...

На каждой суднѣ повторялось такое церемоніе: раздавались
тѣже протяжные крики лодчана, слышались колотки надувае-
мыхъ паруса, и черезъ часъ приставъ Никольская отпустилъ. Часты-
дый заботливый хозяинъ боится попасть въ пристава на правди-
никъ: рабочіе перепьются, да и самъ, чего добраго, не удержи-
жится, а время уходитъ...

Колоколъ гудѣлъ да гудѣлъ, и просыпались жители Николь-
скаго и толпами разряженные шли въ церковь Ильи, грѣящаго
пророка.

V

Праздникъ Ильи Пророка былъ самымъ большимъ праздни-
комъ въ Никольскомъ. Приготовленія къ нему начинались у каж-
даго зажиточнаго и нежиточнаго крестьянина за вѣсколко
дней: покупалось вино, варилось пиво въ бездѣрномъ количе-
ствѣ, пеклись пироги, заготавливались всевозможныя сласти. Гес-
ти изъ далека наѣзжали въ село на юру, прѣзжіе останавли-
вались, даже самъ становой являлся ежегодно, удостоивая
своимъ посѣщеніемъ, конечно не бѣдныхъ изъ жителей. Рано
утромъ отворяются гостепріимныя домики съ влочками надъ
дверью, которой рѣшительно нѣтъ никакого покоя. Гости и
хозяйка не пренебрегаютъ зайти подъ гостепріимный кровъ,
тѣмъ болѣе, что и становой не препятствуетъ такому раннему
угощенію, вѣроятно видя на то свои причины. Всѣ лавочки
встаетъ: красивыя торговки такъ и заманиваютъ торопытыхъ
покупателей разными разностями, начиная отъ трески и крас-
наго меду до табаку и чаю. Около церкви народъ кипитъ ки-
шитъ, — всѣ спѣшатъ къ обѣднѣ. Торжественный благовѣстъ
заглушаетъ всеобщій шумъ и говоръ. Послѣ обѣда начинается
крестный ходъ около села и благословеніе жатвы, которая такъ
и желтѣетъ, волнуясь, словно море. Шестрая толпа стоитъ без-
молвно; густой басъ дьячка залливается на просторѣ; золотой
крестъ сіяетъ на солнцѣ... Святая вода крупными бриллиан-
тами разсыпается въ неподвижномъ воздухѣ съ крестомъ и рес-

сой надасть на жатву... Житель Никольскаго усердно кладет шение пенданы и творитъ крестное знаменіе; яркое солнышко сильно припекаетъ, обливая его обильнымъ потокомъ, а раскалаетъ еще больше, безъ того уже растрескавшуюся отъ засухи, почву: ничего! Житель Никольскаго не грустить, — онъ знаетъ, убѣждаетъ, что Ильинъ день, праздникъ грядущаго пророка, не проходитъ безъ грозы и ливня; онъ видитъ, что эта необыкновенная тишина природы обѣщаетъ что-то, видитъ едкую тучу, поднимающуюся изъ за синяго лѣса, — и самодовольно смотритъ на свое поле, на свою тучную жатву, жаждущую небесной влаги...

Славная будетъ жатва! Не даромъ падали на нее капли: шота, не даромъ падали брильянты святой воды, не даромъ прольется и ливень небесной влаги!

Между тѣмъ въ каждомъ домѣ хлопоть—то, хлопоть—то! Въ каждомъ хозяйка ждетъ священника съ крестомъ и гостей, навѣшавшихъ къ каждому домохозяину изъ разныхъ сторонъ. Вынимается, даже въ самомъ бѣдномъ домишкѣ, чистая скатерть постигается на столъ, стоящій въ переднемъ углу и чисто и чистое выскребенный, вымытый; достается изъ завітнаго шкапика свѣтлый пресвѣтлый графинчикъ и не менѣе свѣтлая рюмочка; наливается енова крѣпкаго пива: въ печь зарумяниваются ситные пироги съ морковью да яицами; щи словно выскочить хотять изъ нечи... А передъ иконами, между которыми непременно есть Николай Чудотворецъ, теплится желтая восковая свѣчка... Все это дѣлается у бѣднѣйшаго изъ жителей, — что же должно быть въ домѣ Самойла Рожина?... Тамъ въ каждой комнатѣ горятъ ясныя лампы; въ залѣ же раскрытъ лонберный столъ, накрытъ скатертью и поставленъ передъ образами; на столѣ поставлена миска съ водой и положено нѣсколько восковыхъ свѣчъ, потому что Самойло такъ ужь разъ на всегда заволъ, чтобы служили у него въ этотъ праздникъ на дому водосвятный молебенъ. Въ гостиной сдвинуты два стола выветъъ на крайчикѣ поставлены два графинчика съ разнообразными водками и двѣ бутылки блага вина, то есть темерифа и хересу, окруженный достаточнымъ количествомъ рюмокъ весьма выветательнаго свойства. Остальное же пространство поле остается пусто въ ожиданіи яствъ, еще не появившихся, но готовыхъ явиться на бѣлый свѣтъ для насыщенія и восхищенія винолюб-

ской публички. Мы предоставляемъ читателю самому на досугъ вообразить достоинство и заманчивую наружность рожицы нашей, но въ видѣ мимоходнаго замѣчанія скажемъ, что число ихъ равнялось ровно числу пальцевъ на обѣихъ рукахъ. Наконецъ въ третьей угловой комнатѣ, резиденціи хозяйки, въ настоящее время торопливо воротившейся изъ церкви для приготовления, — вспить и хлопочетъ громадная паровая машина, называемая самоваромъ, и распространяетъ, какъ говорятъ, пріятный запахъ по комнатамъ, благодаря опущенному въ трубу куку сахара. Пока хозяйка одна еще дома, потому что Анна Яковлевна и Матрена остались участницами въ крестномъ ходѣ: Анна Яковлевна обрѣгается въ дурномъ расположеніи духа, а утромъ, пока праздничный видъ села на юру, отчасти можетъ быть и благодатная молитва, не успокоила ея, находилась въ страшномъ волненіи. Причина такого обстоятельства была весьма естественная и заключалась въ странномъ отсутствіи Павла Иваныча. Начинала было почтенная купчиха сильно бурлить по этому казусу, но хозяйка остановила встревоженную невѣстку: «Полноте, сестрица, не малый ребенокъ, не заблудится, вѣрно въ церковь, али по селу походить ушолъ!» Тогда Анна Яковлевна принялась было за Матрену — «гдѣ, да гдѣ Павелъ Иванычъ, вынь, да выложи Павла Иваныча», но Матрена отмалчивалась и уходила, молтъ, хлопотать по хозяйству. Дѣлать нечего: наша купчиха угомонилась и отправилась сперва въ церковь, тамъ на крестный ходъ, а тревога — то мало по малу и улеглась въ ея неспокойномъ сердцѣ.

Сизая туча, замѣченная самодовольнымъ жителемъ Никольскаго, подвигалась да подвигалась, росла да росла... Начало издали погремливать... Закапали отъ куда-то крупныя капли.

Купа березъ, торчащая на лужайкѣ среди поля, вдругъ замшбаршила сперва верхушкой, а потомъ всѣми вспогѣвшими и лоснящимися листьями, — отъ нее вѣтеръ пробѣжалъ по травѣ, по всему полю, по узенькой дорогѣ, выходящей посреди него, и закрутилъ на ней пылъ въюномъ въ жаркомъ воздухѣ. Солнышко все еще ярко свѣтитъ и крупныя капли дождя блестятъ словно раскинулась отъ неба до земли золотистая сѣтка.

Самоварникъ торопится подѣ гостеприимную кровлю, и въ головѣ его большое смущеніе относительно того, какъ успѣть обойти дома хоть почетнѣйшихъ изъ жителей. Торопливо закодять

«церковники» (по николевскому выражению) въ одинъ, въ другой, въ третій домъ и на крыльцѣ Рожинныхъ застаютъ ихъ потрескающій раскатъ, и вслѣдъ затѣмъ сильнѣйшій ливень, обьщающій пылей потоки воды. Погода была въ самомъ разгарѣ, когда по совершеніи водосвятія, гости принялись сперва за чай, а потомъ за другое вождѣленное питіе, занимавшее крайчикъ упомянутого ранѣе стола, который уже не былъ пустыннымъ местомъ, а распространялъ такое благоуханіе разными хорошими съдобными вещами, что слюньки текли.

Кругъ гостей былъ весьма разнообразенъ и украшался нѣсколькими весьма почтенными личностями, какъ самъ становой, блистающій ополченскимъ крестомъ и бронзовой медалью; его письмоводитель, хотя ничѣмъ не блистающій, но тѣмъ не менѣе чиновная особа; прикащикъ губернскаго купца, заѣхавшій въ эту сторону для закупки льну и пряжи, съ весьма вкусной фамиліей въ родѣ Мыльникова или Сальникова; наконецъ священникъ и въ заключеніе Анна Яковлевна, которая, какъ говорится, разфуфырилась, словно принцеса: пышное шелковое платье съ рыжевато-зеленоватымъ отливомъ украшало ея сутулый станъ, шелковая же темно коричневая мантилія лежала на плечахъ, стразовыя, увѣсистыя серьги болтались въ ухахъ, довольно массивный чепчикъ, въ видѣ вороньяго гнѣзда, покоился на головѣ. Въ такомъ грандіозномъ костюмѣ наша купчиха, пестрая какъ кукушка, возсѣдала въ гостиной на диванѣ и, ведя пріятныя разговоры преимущественно со становымъ и пріѣзжимъ прикащикомъ о томъ, какъ безобразна жизнь деревенскихъ обитателей, какъ пріятно жить въ городѣ, по какому случаю переселяется она въ торговый городъ Архангельскъ и какъ весело будетъ тамъ проводить время, совершенно забыла о своемъ отсутствующемъ супругѣ. Напротивъ хозяйка не шутя начинала тосковать о своемъ братѣ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе его было замѣчено гостями и требовало объясненія.

Наконецъ бесѣда кончилась, какъ кончается все на свѣтѣ, вино выпито, вкусныя яства съѣдены. Къ тому же и гроза миновалась, и дождикъ приватихъ, и солнушко снова начало выглядывать изъ-за облаковъ; только пространныя лужи наводняли николевскія улицы, но онѣ не помѣшали священнику съ причтомъ отправиться, по прихотжанамъ, а становому съ письмо-

водителемъ — посмотрѣть, что дѣлается въ селѣ и высмотрѣть что нибудь полезное или пріятное.

Домъ Рожинныхъ опустѣлъ.

Тутъ только хватилась Анна Яковлевна своего Павла Ивановича и, кусая губы, всплеснула руками: «куда же это онъ, безнабашный, запропастился?» Никто не могъ дать положительнаго отвѣта, а кто и могъ, да молчалъ. Какъ нарочно зашолъ въ это время Петруха, — съ правдикомъ поздравить своихъ слѣдковъ. «Не видалъ ли, молодецъ, мужа?» спросила мимоходомъ Анна Яковлевна.

— Хмъ! какъ не видать!

— Гдѣ-же онъ тамъ шатается?

— Хмъ! Извѣстно гдѣ!..

— Ну, гдѣ же, скажешь ли ты?

— Извѣстно гдѣ — у Оринки сидитъ — гдѣ же больше, какъ не у Оринки!

— Ахъ онъ, простофиля эдакой, мужикъ сиволапый! Сходи ты, голубчикъ, къ нему поскорѣе: молъ Анна Яковлевна сейчасъ же домой велѣла идти, сию же минуту... Ахъ онъ суконное рыло, свинья нескобленная!

Почтенная и не менѣ задорная купчиха до того разходилась, что кулаки ея сжались, а глаза хотѣли выскочить изъ зрачковъ; губы же произносили какія-то довольно безсвязныя ругательства, относящіяся, сколько къ мужу, столько же къ его роднѣ и всему проклятому Никольскому.

Черезъ полчаса воротился Петруха, но фигура Павла Ивановича не слѣдовала за нимъ.

— Не нашолъ его что-ли, чтожъ онъ нейдетъ? скороговоркой спросила Анна Яковлевна.

— Какъ не найти, отвѣчалъ Петруха, почесывая затылокъ, — у Оринки сидитъ, веселье у нихъ такое, — знать поладили они... Я говорилъ, что молъ хозяйка требуетъ, распалилась молъ — ужасъ какъ... да нейдетъ, «скажи, говоритъ, ей плюхъ, что я на нее плевать хочу, убиралась бы, говоритъ, она къ...»

— Ахъ онъ мужикъ-деревня, голова тетерья, такъ я жъ ему задамъ, такъ что небо съ овчинку покажется! не дала договорить озаобленная купчиха, дѣйствительно «распалась ужасъ какъ», и выбѣжала на улицу: «веди-жъ меня къ нему, къ вѣдѣ

ширъ Оринскъ, я ему дасть!» Башмаки Анны Яковлевны ходили по лужамъ, чепчикъ pokrивался на божь, платье украсилось по поводу графинь бахромкой, но не обращая вниманія ни на печальное состояніе своего туалета, ни на толпы, бродящія по улицѣ, ни на остроты николевскихъ красавицъ, сопровождающія ея странное путешествіе, Анна Яковлевна храбро, съ азартомъ проскользала сквозь толпы, хлюпала по лужамъ и сжимала крѣпкіе кулаки.

VI

Павелъ Ивановичъ дѣйствительно находился у Оринны, находился цѣлую ночь и цѣлый день, и трудно было узнать образъ глаго купца въ лихомъ гулякѣ, въ котораго онъ вдругъ преобразился отъ прикосновенія съ родной стикіей. Все, что замерло, заглохло нъ этой неудержимой, неукротивмой на добро и зло, николевской натурѣ, забитое сперва самолюбивыми грезами, и ветомиъ чинной жизнью уѣзднаго купечества, — вдругъ поднялось со дна души, развернулось безъ границъ, безъ всякой умѣренности: разгорѣлись апатичные глаза, выпрямились полювъенный станъ, развязались затекшія руки, рассыпались мелкимъ козачкомъ отежелѣвшія ноги. Въ чистой горницѣ Орининой избы собралось не мало всякаго народа. На столахъ, устланныхъ чистыми скатертями, стояло множество графиновъ, штофовъ, бутылокъ, стакановъ и разныхъ угощениій: не трудно угадать, что тутъ былъ паръ горой; многіе изъ гостей уже не могли подняться съ мѣста, другіе бормотали всякую околесицу, а молодой паревъ, котораго мы видѣли наканунѣ въ такомъ отчаянномъ положеніи, безъ движенія растянута на полу, разметавъ руки и опрокинувъ голову. Посреди шобы, другъ противъ друга, стояли Павелъ Ивановичъ и Оринна. Онъ уже давно скинулъ свой длиннополый городской сюртукъ, выпустилъ сверхъ брѣжъ красную рубашку и смотрѣлъ совершенно николевскимъ гулякой. Она вырядилась въ самый лучшій малиновый сарафанъ, въ косы вплела алая ленты; въ глазахъ ея и во всемъ лицѣ свѣталось азартное веселье. Тутъ же вертѣлся и маленькій человѣчекъ, уже видимо потерявшій здѣсь торжество, которое еще вчера такъ убивало молодого угрюмого парая.

Павелъ Ивановичъ, упирая руки въ бока и поводя головой мелко-мелко зашвыривая ногами и началъ известную итальянскую пляску, заткнувъ сперва яркимъ дискантомъ, а потомъ переключивъ въ тую-то тонору :

«Чуешь, лапочка, покину я тебя!»

«Не покину, моя лапочка,

Полюблю, моя бударушка!»

Орива послѣдовала его примѣру со всей величавой граціей никольской красавицы, и громкіе крики удовольствія раздались со всѣхъ сторонъ : «знатно, знатно, ай да тетушка Орива! знатно, ребята, лихо! Ишь, какъ отхватываютъ!» А маленькій человечекъ, завившійся до положенія ризъ, кружась около танцующихъ и держа, обѣими руками штофъ, кричала шипяще, даже пропыхивала между ногами Павла Ивановича, къ великому удовольствію зрителей, ободряющихъ его : «ай да молодецъ! Экой штукарь мазурикъ!» Нисколько не оскорбляясь танцопроизводеніями и названіемъ мазурика, малютка продолжала свои шутки, выдѣлывая умерительныя колѣнца, и вдругъ становилась въ позицію между Павломъ Ивановичемъ и Оривой, скоривъ очтанную гримасу, взгляде затянулъ :

«Не запѣть ли, Орива, по казачки?»

Но Павелъ Ивановичъ небрежно толкнулъ его : «убирайся, мазурикъ», и при общемъ хохотѣ, выронивъ свой опустѣвшій штофъ, малютка кувыркнулся среди комнаты, и вскочивъ, какъ ни въ чемъ не бывало; опять заюлилъ кругомъ и завязжалъ своею «не запѣть ли, Орива...»

Павелъ Ивановичъ вошелъ въ полный азартъ, какъ дверь распахнулась и влетѣла разсвирѣпѣвшая его супруга, сопровождаемая Петрухой.

— Ахъ ты, мужицкое рыло, закричала она, хватаясь обѣими руками за тучный корпусъ своего благовѣрнаго, — вотъ ты слѣпляешься, вотъ по какимъ домамъ!

— Убирайся ты, шлюха, отъ куда пришла! флегматически отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, отряхая съ себя шипящую купчиху, но отряхнуть ее было не такъ легко, какъ малютку-мазурика. — Говорять тебѣ убирайся, заревѣлъ онъ, — не до тебя шивъ теперь!

Толпа, окружавшая моихъ героевъ, разразилась хохотомъ :

своишаводець и галы молодой! Да и ей, пидка хорошаго, такъ, любезнѣ, откопашить! Но Анна Яковлевна и безъ того атскопаша отъ муза, вѣда что съ шнэгъ теперѣ не сладить; блѣдная какъ долошо; въ саватекъ платѣ и покрываивененя чепчикъ; дрежа отъ злости, накинулась она на Орину, которая подбоченясь и съ улыбкой смотрѣла на нее; кто ты, вѣдьма, всему причина, про- тѣкашница смаиваець да шалушница! Достой же ты, голу- бушка, а тебя упрячу, куда воромъ костей не уносить! Къ ста- новому; ее, братны, защитѣ ее къ становому, шкуру барабан- цу!

Но приказаніе осталось безъ исполненія: все съ удовольствіемъ ждали, какъ двѣ бабы виднѣтся другъ въ друга. Въ эту критическую минуту двери распахнулись снова и вошелъ старикъ въ длинномъ кафтанѣ, съ едой бороною и выразитель- нымъ, умнымъ взглядомъ.

— Которая тутъ хозяйка, Оринкой зовутъ? спросилъ онъ не соскисъ ровнымъ голосомъ.

— Что тебѣ надо?

— Что мнѣ надо-то? А вотъ что, голубушка: не слѣдь тебѣ пробожикъ людей къ себѣ смаивать, да на злымъ дѣла наста- влять. Куда ты носомъ сына дѣвала? Въ эту минуту взглядъ его упалъ на растянувшагося по полу молодого парня.

— Вотъ онъ, голубчикъ... ахти Господи! острамилъ мою старость, безпутный, острамилъ!.. Вотъ, добрые люди, былъ у меня единственныи сынъ, парень молодой, непьющій, поведенія веззорнаго, хоть весь городъ распросите! Взялъ я его съ со- бой на баркѣ, разъ взялъ, другой взялъ, — сгубила, голубчики, его вотъ эта самая колдунья! Споила его, къ себѣ повадила, да еще... ахъ, помилуй Господи, вымоловить страшно... воромъ сдѣ- лала! Вечоръ онъ меня-то, отца-то родного, обокралъ, — суд- но ушло, а онъ съ моими денежками улизнулъ таки, окаянный, къ этой грѣховодницѣ, да вонъ куда угодилъ! Старикъ утиралъ слезы рукавами.

— Къ становому ее шельму, къ становому! пуще заголосила Анна Яковлевна, — тащи ее Петруха!

Петруха съ видимымъ удовольствіемъ принялся было за Орину, приговаривая: «по дѣломъ тебѣ, безтыжіе твои глаза, такъ-то ты и брата Васюху уходила! не отвертишься теперь», но Оринка выпрямилась во весь свой ростъ и угостила парня слав-

ной затрепанной. «Ты еще драгее», прошептала, пролезла сквозь зубы Петруха, размахнулся изо всей силы — и Орина, как спопъ, повалилась на полъ.

— Убилъ, убилъ! раздалось въ толпѣ; — къ станковому, ребята, къ станковому, держи его, мошеника, держи!

Убийство произошло такъ неожиданно, что всѣхъ ошеломило. Анна Яковлевна и мазурникъ оцѣмнились первыи и ускользнули. Павелъ Ивановичъ хотѣлъ броситься на Петруху, который спокойно потиралъ руки въ накомъ-то дикомъ, зѣвкомъ наслажденіи; но его удержали. Когда первый приливъ злобы прошолъ, онъ только умолялъ не уводить его отъ трупа Орины и смотрѣлъ на него неподвижнымъ, мутнымъ взглядомъ.

Смерь въ Никольскѣ началось слѣдствіе...

Анна Яковлевна уѣхала въ Архангельскъ одна, потому что Павелъ Ивановичъ не долго пережилъ Орину: онъ сгорѣлъ отъ бѣвы, а ешилъ отъ тоски. Дядя Александръ остался одинъ, продавъ лошадей и грустно дожидаясь свой вѣкъ, молясь за погибшихъ сыновей, а пробожіе по архангельскому тракту часто вспоминають его добрую вройку...

В. ПУШКОВЪ

БАБУШКА И Внучекъ

- Въ свѣцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ ;
«Тутъ сувенирчикъ у васъ» —
Онъ, улыбаясь, сказалъ ;
- «Что еслибъ онъ говорилъ ?
Можетъ быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тутъ тишить,
- «Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было — и въ тѣ времена
Много, чай, всякихъ проказъ !...»
- «Грѣхъ надъ старухой шутить...»
Бабушка внучку въ отвѣтъ ;
«Кто жъ бы еще подарить
Могъ мнѣ его какъ не дѣла ?»
- «Дѣдушкинъ это цвѣтокъ ?»
Внучекъ опять — «признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ !
Дѣдушка — эдакой тузъ !»
- «Молодъ покойничекъ былъ !...
Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ !...
Тоже была молода...

«Вздили разъ мы весной
 Въ ранній уловъ стерлядей,
 Къ мельницѣ нашей лѣсной...
 Батюшка... много гостей...

«Я в стою на мосту;
 Вкругъ молодежь мнѣ постъ
 Все про мою красоту:
 «Что тутъ на уиъ не взбрѣдетъ?»

«Мельница такъ и дрожить;
 Омуть-то въ пѣнныхъ буграхъ
 Ходенемъ ходить, кипить,
 Такъ что и вспомнить-то страшно!

«Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
 — Кто, говорю я, сырхнетъ
 Съ мосту отсюда въ потокъ
 И мой цвѣтокъ принесетъ,

«Тотъ мнѣ и есть кавалеръ! —
 Всѣ засиѣлись вокругъ;
 Только одинъ офицеръ
 Съ мосту-то прямо и — бух!

«Я обомлѣла. Народъ
 Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
 Только глядимъ — онъ плыветъ,
 Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...

«Мнѣ подаеть: «я готовъ
 Жизнь, моль, за васъ положить!»
 Вотъ молодець былъ каковъ!
 Да, не любилъ онъ шутить!

«Дѣдушку я твоего
 Тутъ и узнала тогда...
 Такъ и пошла за него...
 Былъ человекъ это!.. Да!

«Старого вѣка кремень!
 Баринъ онъ былъ матерой!

- Сель что имѣлъ, деревень (и прочее)
 Видный, красавецъ собой.
- «Соколомъ лснымъ ходилъ!
 Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
 Что онъ народу кормилъ!
 Ну, да и самъ жилъ царемъ!»
- «Въ гости ль меня вывозилъ —
 Въ золото, жемчугъ, атласъ,
 Словно царицу радилъ,
 Словно кацъ вези на показъ»
- «Сѣрый лихой шестерикъ
 Держать едва полъ-узды...
 Кучерь былъ — сила-мужикъ!
 И гайдуки — молодцы!»
- «И какъ жила я за нимъ,
 Тронуть меня ужъ не смѣи
 Кто хоть бы словомъ худымъ:
 Со свѣту сгонить — ей-ей!»
- «Да, это былъ человекъ!...
 Нынче и родъ ужъ не тотъ!
 Нынче — не тотъ ужъ и вѣкъ!
 Мелкій пошолъ все народъ!»
- «Бабушка!» внучекъ прервалъ,
 «Я отъ самихъ стариковъ
 Часто про дѣла слыхалъ:
 Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!»
- «Былъ онъ — надменный богачъ!
 Жилъ — азіятскимъ папой;
 Самъ и судья и палачъ,
 Ночью ѣзжалъ на разбой!»
- «И въ душегубствѣхъ не разъ
 Былъ по суду обвиненъ...
 Правда, въ то время у насъ
 Знатному что былъ законъ!»

«Пьянство и ночью в джентль!
 Въ домѣ жить цѣлый гаремъ!
 Вы же — всю жизнь подъ замкомъ
 Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ!»

«Вась—то онъ будто любить?
 Боже мой! онъ какъ заводѣй
 Вашу всю жизнь загубилъ,
 Вась загубилъ, и дѣтей!»

«Мѣсяць или два присирыва
 Первой—то страстной лорой,
 Ласковъ былъ съ вами какъ левъ
 Съ львицей своей молодой!»

«Ну, а какъ душу отвелъ...
 Бабушка! сердце во мнѣ
 Рвется, при мысли — что золь
 Вынесли вы—то оди!»

«Вѣрите, люблю я какъ мать
 Вась за страдальный вашъ вѣтъ...
 Что жъ отъ меня вамъ скрывать?
 Дѣдъ былъ — дурной человекъ?...»

Бабка трясеть головой,
 Шепчетъ на рѣчи его:
 «— Что говорить мнѣ съ тобой!
 Ты не поймешь ничего!»

Вяжетъ старушка чулокъ,
 Вяжетъ чулокъ и молчать,
 И на засохшій цвѣтокъ
 Нѣжно перою глядеть...

Смотрить на бабушку ввукъ...
 Онъ изумленъ, что у ней
 Слезы закапали вдругъ
 Тихо изъ тусилыхъ очей...

Въ жизни, дитя — не умѣла
 Сердца еще онъ понять!

Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ — прощать!

Какъ, изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя что тьму,
Сладкій лишь мигъ — все ясный
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучалъ его!

А. МАЙКОВЪ

ПОВѢСТЬ ОБЪ ОДНОМЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ПОЭТѢ (*)

посвящается А. В. Чубинскому

Я говорю о Петкевичѣ, который сошелъ съ ума и умеръ. Онъ умеръ, и одинъ только я знаю исторію вынесенныхъ имъ бурь; одинъ я только помню смыслъ его долгаго ропота; одинъ я знаю тайну его паденія, и потому я хочу о ней вамъ рассказывать. Онъ умеръ и лежитъ въ могилѣ, и конечно, не прилетитъ оттуда посмотреть на вашъ нѣжный разцвѣтъ и рассказать вамъ свои предсмертныя думы. А какъ бы онъ радъ былъ, если бы вы явились теперь передъ нимъ въ своемъ новомъ блескѣ, прекрасная, какъ южный, роскошный цвѣтокъ, готовая внимать любви и безумству! Какихъ бы онъ нажелалъ вамъ освѣжающихъ росъ и радостей въ вашей жизненной дали! Сколько бы онъ нажелалъ вамъ такого, о чемъ вы никогда и не думали! Онъ такъ любилъ васъ...

Но я вижу улыбку на молодыхъ и прекрасныхъ устахъ вашихъ, которая хочетъ сказать мнѣ: «Что пользы отъ этихъ желаній!» Какъ, что пользы? Кто такъ успѣлъ уже испортить молодое и, конечно, нѣжное сердце ваше! «Но онъ того же и также горячо желалъ всю жизнь себѣ; и чтожъ изъ этого вышло? — Онъ сошелъ съ ума, видя, что ни одно его желаніе не исполняется!» — О, заблужденіе! Мои всѣ желанія исполняются; но я схожу съ ума оттого, что никто, кромѣ меня, не желаетъ мнѣ того же самаго. Онъ сошелъ съ ума оттого,

(*) «Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ» есть воспоминаніе друга о другѣ, уже не существующемъ. Мы не имѣли чести знать лично самаго поэта и потому всѣ похвалы, всѣ достоинства и похвальные качества, приписываемыя поэту его другомъ, оставляемъ на его совѣсть. Мы помѣщаемъ эти воспоминанія, потому что изложеніе ихъ показалось намъ довольно оригинальнымъ... Впрочемъ объ этомъ пусть судятъ читатели.

Ред.

что его желанія, были слишкомъ велики, и несчастью и горю было за что ухватить его. Вѣдь густолиственный дубъ легче вырывается бурю, нежели тонкая березка какаянибудь. Но знаете ли вы, что и несчастье и горе были въ немъ самомъ, и создавались для него собственными его желаніями. Такъ что, увѣряю васъ, никто бы его не могъ погубить, если бы онъ самъ не могъ погубить себя. Вамъ это кажется странно? Отчего же? — Вѣдь самая лучшая жизнь происходитъ именно только въ душѣ нашей, да, потому что у насъ въ душѣ заключается экстрактъ жизни — жизни цѣлаго міра, со всѣмъ ея добромъ и зломъ въ ихъ гармоническомъ переплетеніи. Въ жизни внѣшней добро и зло часто встрѣчаются разрозненными; и оттого даже тѣ люди, которые примирились съ жизнью, сознавши достаточность добра и законность зла, въ ней заключающагося, примирились съ нею только внутри себя и закричать: «караулъ!» при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Чѣмъ лучше жизнь нашей души, тѣмъ ужаснѣе кажется намъ дѣйствительная наша обстановка, потому что тѣмъ она кажется намъ черствѣе, тупоумнѣе и безобразнѣе. И что всего ужаснѣе, такъ это то, что по какому-то странному закону судьбы, въ то время какъ все живущее этою прекрасною жизнью, втайнѣ застѣнчиво сокрушается о томъ, что живетъ какими-то изсохшими обглодками жизни міра; зло громко и явно ненавидитъ это живущее за его любовь и за его сокрушенія, и потому на каждую лучшую, задушевную мысль его торопится послать по три тысячи пятисотъ пятидесяти семи скверныхъ, возмущающихъ всю его душу улыбокъ; и громко старается заявить ему, что оно не нуждается въ его любви и его сокрушеніи, и съ непонятной горячностью защищаетъ ничтожную жизнь свою. И это случается именно съ тѣми, которые сознаютъ правоту сокрушающагося. — Если тотъ, у кого сапогъ разорванъ, не знаетъ этого, скажите ему: можетъ быть, онъ будетъ вамъ благодаренъ. Но не говорите этого тому, кто это самъ знаетъ. Кто знаетъ это самъ, тотъ хочетъ, чтобы другіе этого не замѣтили. Но одинъ при этомъ конфузится, а другой смѣется и несетъ ченуху, и сейчасъ же хочетъ оскорбить васъ, чтобы хоть въ дѣлѣ драки имѣть передъ вами преимущество.

И вы улыбнулись; улыбнулись, думая, конечно, что нужно при такихъ случаяхъ такъ улыбаться, ибо все окружающее васъ такъ улыбается на каждое слово добра и свободы, и такъ улыбалось на каждую рѣчь Петкевича. И я знаю, что каждое мое слово о намъ для васъ чудно и дико: о немъ всѣ говорили совершенно противное!

Но я вижу, что я васъ опечалилъ своимъ разсужденіемъ. Я вспомню за это напомню то стихотвореніе, въ которомъ Петкевичъ такъ коротко васъ описываетъ. Петкевичъ поэтъ, несмотря на то, что во всю жизнь его ни одно его стихотвореніе не было напечатано; и не поэтъ-оказаванецъ, не поэтъ потому, что случайно присталъ къ поэтической партіи міра этого, а поэтъ по рожденію, поэтъ потому, что онъ ничѣмъ другимъ быть не могъ; хотя поэтъ и не хотѣлъ принимать его въ среду свою. Итакъ слушайте же его стихотвореніе.

Она еще дѣта; шестнадцатой весны
Ей ожидать осталось два-три года;
Изгибы плечъ ея не всѣ округлены,
И медлится въ ней развитіемъ природа.
Всегда она, въ сторонкѣ отъ гостей,
Собравшихся въ кружокъ многогѣшавый,
Явдается среди семьи своей,
Задумчива, грустна и молчалива,
Ее другой замѣтивъ, иногда
Къ ней подойдетъ и скажетъ съ видомъ ласки:
«Ахъ, Боже мой, какъ черны ваши глазки!
Умойте ихъ, а то — бѣда, бѣда!»
На комплиментъ подобный отвѣчая
Улыбкою пріятной, скажетъ: «Гм...»
И полная какихъ-то тайныхъ думъ,
Скрывается. Ее манитъ нѣмая
Тѣнь залы; тамъ, въ себя погружена,
Напомнить вѣзмъ, гдѣ скрылася она:
На клавишахъ прискиваетъ звука;
И вдругъ гремитъ проснувшійся рояль
Какую-то незрѣлую печаль,
Какія-то несознанныя муки...

Не правда ли, какъ хорошо, съ какою любовью, достойной самаго предмета, онъ васъ описываетъ? Впрочемъ вы вообще стиховъ не любите, — не оттого ли три поэта уже воспѣли васъ въ пѣсняхъ своихъ? — Но это стихотвореніе вамъ нравится; оно должно вамъ нравиться, потому что въ немъ изображены съ удивительной вѣрностью начатки той сердечной глубины, которая теперь составляетъ отличительную черту вашего характера, и вообще вся вы представлены въ томъ обобщительномъ свѣтѣ, который постоянно васъ окружаетъ, потому что это собственный свѣтъ души вашей. На какъ иногда одна и таже вещь производитъ на различныхъ людяхъ различныя впечатлѣнія! Мнѣ въ этомъ стихотвореніи представ-

ляется прежде всего самъ Петевичъ съ его большимъ носомъ, надъ которымъ вы такъ часто и такъ наивно смѣялись, будучи еще дѣвочкою, и съ его большою душою, заключающею въ себѣ безпредѣльный міръ со всѣми его печалями и радостями, съ его добромъ и зломъ, да еще въ придачу васъ съ вашею маленькою незрѣлою печалью и съ вашими крошечными, для васъ самихъ непонятными муками. И трогаетъ меня больше всего этотъ контрастъ между вами и міромъ; между вашими печалями и роковою, шумливою, какъ лѣсъ въ непогоду, печалью Петевича. — «Но откуда же такая печаль?» говорите вы мнѣ. — Отъ мысли! Не отъ той мысли, которая неминуемо вызывается во всякомъ живомъ существѣ впечатлѣніемъ предмета, и научаетъ различать столъ отъ стула; не отъ той мысли, которая научаетъ голоднаго достать себѣ кусокъ хлѣба или повкусить что-нибудь; не отъ той, которая строитъ дома, составляетъ парходныя компаніи и проч. и проч.; но отъ той вѣчной, великой мысли, которая съ самаго начала міра мучитъ человечество, и растетъ, развивается; и въ то время, какъ она говоритъ о предметахъ, касающихся до всѣхъ разомъ и ни до кого въ особенности, около нея, какъ ледъ отъ солнца, распадается цѣпи, пропадають предрасудки, исчезаютъ повѣрія, — отъ той мысли о любви и ненависти, о жизни и смерти, которой, какъ самому міру, конца не будетъ. На долю каждаго человѣка досталось немножко мысли этой; но во всѣхъ она исчезаетъ подъ другими, посторонними, временными желаніями и идеями; но есть люди, надъ которыми, съ самыхъ нѣжныхъ ихъ лѣтъ, она приобретаетъ власть исключительную, — это тѣ люди, въ большихъ сердцахъ которыхъ сосредоточиваются жизнь и страданія человечества: они сильнѣе всѣхъ чувствуютъ свое ничтожество, потому что большіе всѣхъ имъ хочется быть могучѣе и прекраснѣе; потому что сильнѣе всѣхъ чувствуютъ они свое безсиліе отвѣтить на веѣ вопросы великой души своей. И они стонуть и гибнутъ подъ бременемъ этихъ вопросовъ, и горько плачутъ, замѣная, что бездна другихъ людей еще безсилнѣе и ничтожнѣе ихъ; а эти люди, всю жизнь столкнувшись ни съ однимъ вопросомъ, передъ которымъ могли бы почувствовать свое безсиліе, за ихъ рѣчи, бросаютъ въ нихъ камнями, особенно пока не замѣтятъ въ некоторую справедливѣсть въ ихъ обвиненіи, или пока на просто не привыкнутъ къ нему. И немного жрецовъ у этой мысли; потому что ими дѣлаются не по выбору: природа сама назначаетъ эти жертвы себѣ; жертвы, по-

тому, что хотя эти люди имѣютъ неизъяснимые восторги и неизъяснимыя наслажденія, они имѣютъ также точно и неизъяснимыя муки, и печали неизъяснимыя. — Но не думайте, чтобы хотя одинъ изъ нихъ отдалъ за какое нибудь или даже за всѣ ваши сокровища печаль свою: это печаль свободной души, и они знаютъ, что они велики своей печалью. Это печаль свободной души, и безъ нея нѣтъ въ мірѣ свободы! Это тоска познанія добра и зла; это тоска жажды справедливости.

— Мало человѣку знать, что добро и что зло, изъ сказки или изъ преданія. Зависимость отъ преданія лишаетъ уже человѣка душевной свободы его. Надо выплакать и выстрадать эту свободу. Въдѣ въ этомъ отношеніи между людьми только и есть одно различіе: одни — люди свободы, другіе — рабы. И увѣряю васъ, что не нужно ни единой формы, никакого обычая, для того, чтобы первые не дѣлали вреда себѣ или зла своимъ ближнимъ: высшій земной судъ ихъ заключается въ ихъ собственной совѣсти; все же то, что не дѣлаетъ худого только въ силу преданія или въ силу обычая, все то, надъ чѣмъ тяготѣютъ предрасудки, страхъ и повѣрія, все то, чья совѣсть не есть порука за его добродѣтель, все это — рабы, и нѣтъ имъ другого названія. Вотъ почему поэты постоянно упрекаютъ въ рабствѣ челоѣчество. И это составляетъ не малую причину той тоски, которую испытываютъ эти души; и эта тоска тѣмъ невыносимѣе, что за нее-то и бросаютъ въ нихъ камнями и они не хотятъ на нее жаловаться. А жалобы есть вся жизнь ихъ, все ихъ дѣло. Пусть такая душа живетъ и говоритъ о томъ, что она чувствуетъ; и уже отъ одного ея голоса, вокругъ нея будутъ бродить всѣ вопросы объ улучшеніи той жизни, на которую она жалуется; только надо, чтобы громокъ и горекъ былъ плачь ея: ей за это больше придется терпѣть отъ ближнихъ, но за то этимъ ближнимъ будетъ лучше. И будьте увѣрены, что этимъ душамъ ничего лучшаго и не хочется: тираньте меня, но слушайте, что я буду вамъ говорить. И только когда не дають говорить имъ, они умираютъ, задыхаясь, потому что рѣчь есть ихъ дыханіе.

Но отчего же вы отреклись отъ Петкевича, когда я спросилъ васъ, не встрѣтили ли вы когда-нибудь подобнаго челоѣка? — Отчего же? Оттого ли, что авторитетъ его не былъ признанъ міромъ? оттого ли, что его стиховъ не хотѣли даже печатать? или оттого, что онъ былъ такъ коротко знакомъ съ вами, игралъ съ вами, пилъ и ѣлъ съ вами, и вы, какъ всѣ люди, думаете, что если бы онъ точно былъ чѣмъ ни-

будь особеннымъ, то не захотѣлъ бы знать васъ, и ушелъ бы отъ васъ, оставивши вамъ ваши мелкія печали и радости, къ чему нибудь болѣе крупному, болѣе широкому? Такъ думаютъ всѣ люди, и даже тѣ, которые очень довольны собою и считаютъ себя верхомъ человѣческаго развитія. Они также думаютъ, что выше ихъ быть не можетъ, а если и можетъ, то гдѣ нибудь въ другой сторонѣ, подъ другимъ небомъ, при другихъ совершенно условіяхъ. Въ своей деревнѣ пророкомъ не будешь. И ни въ чемъ такъ ярко какъ въ этомъ не выражается мелкота души человѣческой. Они не хотятъ, чтобы было что нибудь великое посреди нихъ. Не оттого ли они такъ охотно вѣнчаютъ своими лаврами и даютъ мѣсто въ своихъ журналахъ поэтамъ, пишущимъ сатиры о разбавленной водкѣ, — и съ недоверіемъ и презрѣніемъ отталкиваютъ все то, чему подтвержденія нужно искать въ цѣломъ мірѣ, или отрывать, среди всякой дряни, въ сокровенныхъ нѣдрахъ души своей. Когда маляръ чертитъ имъ безобразную личность, порожденную въ его воображеніи временными вопросами, а еще болѣе недоношенными отвѣтами ихъ эпохи, личность, доминирующую среди представленій ихъ общества, они, въ ней съ охотою признавая себя, кричатъ: «Вотъ великолѣбно! вотъ гений!» а когда человѣкъ, заглянувшій въ сокровеннѣйшіе изгибы души человѣческой, называетъ поименно ихъ чувства, которыя при этомъ дрожатъ и стыдливо прячутся, и они чувствуютъ, что уже имъ больше не выйдти на позорище жизни щеголять подъ чужими названіями, тогда они кричатъ: «Ужасъ! позоръ! поношенье! безвкусица!»

Во всякомъ обществѣ благодушно принимаютъ пустого говоруна и разкащика, но не охотно встрѣчаютъ человѣка-обличителя. И люди правы: не хороши угрызения совѣсти, и конечно гораздо легче избѣгать всякаго ихъ пробужденія, нежели дѣлать такъ, чтобы ихъ вовсе не было: этого и не сдѣлаешь; нужно уже родиться такъ. Петкевичъ вовсе не былъ обличителемъ; но вы очень хорошо вѣроятно помните, какъ онъ возмущалъ нѣкоторыхъ своею открытою рѣчью; и вы также точно, вѣроятно, помните какъ многіе изъ вашихъ знакомыхъ, по большей части женщины, болѣе его любившія, собирались вокругъ него вѣнкомъ, и смѣясь, какъ съ ребенкомъ, старались заговорить съ нимъ на его же ладъ, и какъ онъ при этомъ добродушно конфузился, великодушно удерживая на устахъ то слово, которое могло бы превратить ихъ въ рдѣющихъ розъ со слезою на румянцѣ стыда. И это съ нимъ повторялось всюду.

Петкевичъ былъ чиновникъ; онъ былъ бѣденъ и потому нигдѣ не могъ выйти изъ своего закодovanнаго круга. Вы не можете также себѣ представить всего негодованія и озлобленія, какое онъ возбуждалъ въ чиновной братиѣ однимъ уже только желаніемъ печатать свои стихотворенія. Никогда вора, душегуба, злодѣя не преслѣдовалъ такъ законъ и не карали такъ люди, какъ преслѣдовала и караала его своя братья за это совершенно ничтожное желаніе. Но оно то и было имъ поперегъ горла. Они неистовствовали, они выходили изъ себя за то, что этотъ человѣкъ, который сидитъ и ходить какъ они, ѣсть и пьетъ какъ они, какъ они чихаетъ и кашляетъ, хочетъ лѣзть за мавѣстностью, тогда какъ имъ высшее въ мірѣ благополучіе сидѣть и строчить бумаги, такъ чтобы ихъ никто не видалъ и не спрашивалъ. «И какой въ немъ талантъ? гдѣ жъ онъ мамъ доказалъ талантъ этотъ? — у него даже почеркъ прескверный!» разсуждали межъ собою чиновники; и Петкевичъ все слышалъ это и выслушивалъ, и конечно улыбался; но какъ улыбался! Высшимъ наслажденіемъ, высшею радостью для этихъ людей было то, что стихотворенія Петкевича не печатали. — «Что братъ, ожогся. Видно, не далеко отъ насъ ты уходишь!..» была ихъ любимая фраза. Положимъ, во всемъ этомъ много нищеты душевной, но все вещи въ мірѣ такъ перепутаны, что я ей-Богу никогда не умѣлъ отличить этой душевной нищеты отъ холопскаго недоброжелательства. — Повѣрьте мнѣ, каждый кусокъ станетъ въ горла, когда человѣку приходится пить и ѣсть съ подобными людьми, — «Что икъ? если онъ былъ великъ, то за чѣмъ онъ обращалъ вниманіе на такіа мелочи?»

Вы, можете быть, думаете, что человѣку съ большою душою кусанье клоповъ или блохъ можетъ доставить удовольствіе? Будьте увѣрены, что чѣмъ выше душа человѣческая, тѣмъ она чувствительнѣе ко всѣмъ неудобствамъ и неприятностямъ.

Мнѣ очень жаль, что я не помню всего того стихотворенія, въ которомъ Петкевичъ говоритъ между прочимъ:

«И кровь мою, какъ въ сказкахъ о вампирахъ,
Сосала жизньъ, безумно разъярясь,
Въ толпѣ людей какихъ-то въ вицмундирахъ,
Безжалостно меня толкая въ грязь.»

Это было у него комическое стихотвореніе: онъ никогда серьезно не жаловался на собратовъ своихъ; онъ даже почти не говорилъ

о нихъ. И самое это стихотвореніе написано имъ уже въ сумасшествіи. Не въ сумасшествіи онъ именно жаловался на все то, о чемъ молчалъ въ свѣтлые дни своего пониманія. Но это для васъ не интересно?

Я лучше прочту вамъ другое стихотвореніе:

Стремнины мрачной на краю,
Стоялъ я съ нею; въ грудь мою
Всеялася страхъ, и голова
Горѣла; жгучія слова
Моимъ владыцѣ языкомъ;
Я съ нею говорилъ о томъ,
Что сердцу въ жизни жизнь страшна,
Что вся она окружена
Коварствомъ, злобою страстей,
Противорѣчьемъ скорбей;
Что отрашно съ нѣживою душой
Быть вѣчно жалкою рабой
Закоренѣлаго глунца
И жизнь влечить съ нимъ до конца;
Что нужно женщину судить
По выбору, кого любить,
Кому отдать себя во власть
Въ ея душѣ возникнетъ страсть;
Что въ этомъ вся ея борьба,
Ея развитіе, судьба...
Когда же я въ разгарѣ словъ
Назвалъ по имени глупцовъ,
Которыми такъ полонъ свѣтъ,
Въ которыхъ вѣры въ чувство нѣтъ,
Нахмурилъ брови, — какъ она,
Съ какимъ презрѣніемъ, полна
Святого гнѣва, головой
Встряхнувъ, сказала: Воже мой!
И чувствомъ пламеннымъ дыша,
Я слышалъ, какъ ея душа,
Внимая мнѣ, дрожа со мной
Сливалась въ искрѣ роковой;
Я слышалъ, какъ звучала въ ней
Струна взволнованныхъ страстей, —
Но сердце страхъ невольный сжалъ,
Я руку ей поцѣловалъ,
И какъ несчастный Прометей,
Бѣжалъ съ огнемъ моимъ отъ ней.

Но правда ли, вамъ очень нравится это стихотвореніе?

Не совѣмъ?

Вамъ кажется страннымъ, что Петкевичъ убѣжалъ въ такую счастливую минуту?

Я знаю, что женщины очень не любятъ, когда отъ нихъ бѣгутъ, даже тогда, когда онѣ вовсе не намѣрены осчастливить взаимностью; такъ этого не любятъ, что съ досады готовы полюбить именно того, который убѣжитъ отъ нихъ.

Вы говорите: «Такъ безпощадно прервать лучшую минуту жизни!»

Но Боже мой, то и хорошо, что онъ убѣжалъ, и такимъ образомъ не испортилъ этой минуты: онъ сдѣлалъ это, самъ не зная, почему. Можетъ быть, онъ смутно почувствовалъ, что любить эту особу случайно; что сердце его, увлеченное потокомъ мысли, остановилось у ногъ этой женщины, но не надолго; что, прервавъ этотъ мигъ, онъ вѣчно будетъ за него благодаренъ; тогда какъ пойдетъ дальше, и будетъ похожъ на безрасчетнаго дуралея, который,

Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло.

А шутить онъ не хотѣлъ; и въ немъ не было вовсе этого звѣрскаго «не прочь отъ обладанія не надолго всякою женщиной». Къ тому же самое благотѣльное вліяніе на сердце имѣютъ вещи, которыя начинаются въ жизни, но окончаніе которыхъ происходитъ въ тайникахъ души нашей; оно обыкновенно происходитъ такъ хорошо, что мы, увѣренные, что оно непременно такъ бы разыгралось и въ жизни, цѣлую жизнь жалѣемъ, что онѣ были нами рано оставлены, и вовсе не подозреваемъ, что если бы онѣ продолжались, то мы дошли бы въ нихъ, можетъ быть, до такого пресыщенія, что потомъ намъ тошно бы было объ нихъ и подумать. И подъ вліяніемъ этихъ сожалѣній, подъ вліяніемъ этого самовольнаго, фантастическаго развитія сѣмени, брошеннаго въ душу жизнью, душа совершенствуется. Всѣ эти прерванные встрѣчи, всѣ эти ни къ чему не приведшія столкновенія, составляютъ, говоря языкомъ политической экономіи, наилучшее удобреніе души нашей. Вы помните, какъ вы, играя однажды съ барашкомъ, сентиментально дали ему понюхать букетъ цвѣтовъ, который собралъ для васъ Петкевичъ; а баранъ прямо сталъ ѣсть его. Такъ зачастую не понимая намѣреній жизни, мы прямо пожираемъ то, что должны бы были только деликатно понюхать. Мы иногда

ужасные сновидѣнія! А иногда какъ хорошо, если бы мы только по-
нюхали!

Послушайте: былъ я однажды между тремя поэтами; зашелъ у
насъ разговоръ о счастливѣйшихъ минутахъ жизни; и вотъ что
разсказалъ первый изъ нихъ:

— Счастливѣйшія минуты жизни моей были безъ сомнѣнія тѣ,
которыя я простоялъ на балконѣ, уходя домой и держа въ одной рукѣ
шляпу, а въ другой руку моей возлюбленной, и разговаривая съ нею
кажется о грамматикѣ. Первый разъ я держалъ такъ долго ее за
руку, и боялся сказать ей о томъ, что люблю ее, чтобы она въ
гнѣвъ, не отняла отъ меня руки своей. Счастливыѣ этихъ минутъ ни
прежде, ни послѣ въ моей жизни не было.

Остальные разсказали тоже нѣчто подобное. И когда дошла оче-
редь до меня, то я, самый младшій изъ нихъ, разсказалъ слѣдующее:

— Госнода, я не могу назвать ни одной минуты счастливою въ
жизни своей потому, что если у меня и были такія, то всѣ онѣ были
послѣ захарканы и заплеваны тѣмъ, что за ними слѣдовало; но я
знаю, что каждый годъ воздвигается въ сердцѣ моемъ новый идолъ,
и я служу ему, и молюсь ему, и убираю его цвѣтами и листьями,
сооружаю ему колесницу, и всегда мнѣ хочется самому броситься
подъ нее, какъ индѣйцу, и погибнуть жертвой безконечной любви
своей. Но также каждый годъ меня идолъ мой выводитъ наконецъ
изъ терпѣнія, и я сержусь на него, браню его и, ободравши съ него
всѣ цвѣты, разбиваю наконецъ и ту колесницу, которую соорудилъ
ему. Но между тѣмъ какъ я воздвигаю и низвергаю своихъ ежегодно
новыхъ идоловъ, есть въ моемъ сердцѣ нѣчто необычайно нѣжное,
необычайно свѣтлое, что я люблю, люблю въ тайнѣ, люблю безмолв-
но, не разсуждая о томъ, стоить ли это нѣчто любви моей, и стою ли
я любви его, потому что у насъ о любви никогда и рѣчи не было. Каж-
дый годъ перемѣняются уста, которыя я цѣлую; но никогда не измѣ-
няются уста, о которыхъ я думаю въ то время, когда устаю отъ сво-
ихъ поцѣлуевъ; когда каждое слово цѣлуемыхъ мною устъ начи-
наетъ казаться мнѣ непроходимою глупостью, и когда тотъ взглядъ,
изъ котораго я принималъ жизнь и смерть свою, начинаетъ казаться
мнѣ невыносимо недѣльнымъ и скучнымъ. И Боже мой, какимъ пер-
ломъ, какимъ сокровищемъ кажутся мнѣ тогда эти милыя, добрыя
уста, никогда еще не горѣвшія отъ моего поцѣлуя! И всякій разъ я
иду къ нимъ, чтобы отъ нихъ просить жизни и счастія, но мнѣ страш-
но: я боюсь сказать свое слово и упрямо молчу, какъ иногда мы упря-

мо шуринъ глаза въ моментъ пробужденія, съ желаньемъ продать сладкое какое нибудь сновидѣнье. И вотъ до сихъ поръ я не измѣнилъ себя. Боюсь, чтобы когда нибудь, какъ нибудь не сорвалось съ языка невозвратимое слово, и не измѣнило изъкихъ, благоухан-ныхъ отношеній нашихъ, не измѣнило нашей весны въ зимуую осень съ дождемъ и слякотью. О, эта осень любви! Какъ хорошо сдѣлалъ Петкевичъ, что убѣждалъ отъ нея! Но онъ это сдѣлалъ инстинктивно: его душа была слишкомъ чиста и горяча, для того, чтобы онъ могъ въ такую минуту имѣть нехорошія мысли. Я увѣренъ, что онъ даже почувствовалъ страхъ оттого, что думалъ, что онъ недостойнъ любви этой женщины. Таковы все эти люди. Не можетъ быть, таковъ вообще человекъ: я не помню хорошеенько, сколько разъ я былъ влюбленъ; но помню, что всякій разъ я думалъ, что предметъ моей новой любви не имѣетъ ничего общаго съ прежними моими любовями; что онъ безконечно выше ихъ всѣхъ, и безконечно тоже выше меня; и между тѣмъ послѣ постоянно оказывалось, что онъ хуже и ниже всѣхъ предыдущихъ, и что самое лучшее только самое отдаленное. И мнѣ очень грустно иногда думать, что можетъ быть и это отдаленное также пусто и глухо, какъ все недавно прошедшее, и что оно кажется такимъ чистымъ и такимъ прозрачно-сверкающимъ только въ отдаленіи. Я себя гораздо больше нравлюсь ребенкомъ, нежели взрослымъ, не потому ли это самому? Но все равно, — Боже мой, какъ былъ счастливъ Петкевичъ однажды, когда пришелъ ко мнѣ прочесть слѣдующее стихотвореніе:

Позабытыя язвы страданій
 Пробуждаются на сердца вновь;
 Въ немъ, подъ бременемъ злыхъ испытаній,
 Пробудилась внезапно любовь.

Безъ нея, омраченный томленьемъ
 Мнѣ на казнь предназначенныхъ дней,
 Я влечилъ съ непонятнымъ терпѣньемъ
 Цѣпи жизни печальной моей;

Но при чувствахъ возникнувшей страсти,
 Поглащающей душу мою,
 Не имѣя ни силы, ни власти,
 На судьбу и на жизнь встаю.

Боже мой, какъ онъ былъ счастливъ! какимъ могуществомъ и какою гордостью отъ него вѣяло! Такъ что мнѣ, неодолимому въ то

время этимъ сладкимъ недугомъ, было смѣшно смѣяться на него. Въдѣ влюбленные вообще очень смѣшны для невлюбленныхъ и некрасивы, и тѣмъ смѣшнѣе и некрасивѣе, чѣмъ больше сами довольны они своею любовью, и чѣмъ больше въ этой любви разожженной, но ненасыщенной страсти. Потому въ душѣ я смѣялся надъ Петкевичемъ и думалъ: теперь я не могу тебѣ сочувствовать: сердце мое холодно какъ ледъ, и не отзывается на твое счастье; даже выраженіе твоего лица кажется мнѣ нѣсколько неприличнымъ. И конечно, если за твоимъ жгучимъ утромъ придетъ жгучій полдень и назоветъ на тебя грозу со своимъ громомъ и молніей, и шумящій, освѣжительный дождь, ты не прійдешь ко мнѣ искать поощренія и сочувствія. На погоди, когда прійдутъ за всѣмъ этимъ скучные, охолодѣлые упрости и жалобы; когда всю жизнь твою заволокнутъ скверныя, сѣренькія тучи, и пошетъ тебѣ на голову мелкій, утомительный дождь, скучный, какъ надобѣдательныя требованія постылой женщины, какъ любовь, лѣниво и нехотя оканчивающая свое существованіе, — тогда прійди ко мнѣ и ты во мнѣ найдешь для своихъ жалобъ самаго ревностнаго и горячаго соучастника, и если тогда понадобится тебѣ изъ бѣды выручить, я буду весь къ твоимъ услугамъ.

Но этихъ услугъ не понадобилось, потомучто Петкевичъ самъ разыгралъ всю трагедію, и когда я черезъ нѣсколько времени спросилъ его:

— А что случилось съ той, которая васъ противъ судьбы возстать заставила, и по взгляду которой вы возстали, не имѣя ни власти, ни силы?

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ: Я написалъ ей отличное стихотвореніе.

Потомъ мы много говорили о любви и о женщинахъ; но все это была клевета, черная клевета раздраженныхъ душъ, которой я не хочу тревожить вашего слуха и пугать ваше молодое и нѣжное воображеніе... Клевета! У Петкевича душа была какъ чувствительные вѣсы: малѣйшая пылинка производитъ въ нихъ колебаніе. Но только не подумайте, чтобы ихъ могло испортить чтонибудь тяжелое: въдѣ это было дѣло природы, а не дѣло рукъ человѣческихъ. И могъ ли клеветать человѣкъ, который любилъ каждую былинку, для котораго каждый листокъ, каждый лучъ, каждая соломинка, крутимая бурей, имѣла овой смыслъ, свою жизнь, свои ощущенія и значеніе; для котораго вся природа была проникнута его радостями и его печальми. Прочтите только это его стихотвореніе:

Знаю, зачѣмъ ты, весенняго утра лазурь,
 Сердце такъ сладко тревожишь отраднѣмъ сянѣемъ,
 Въ мигъ пробужденья, когда не успѣють ворваться
 Въ душу заботы насущныя новаго дня;
 Въ мигъ, когда въ ней, подѣ влиянїемъ сна и покоя,
 Всѣ впечатлѣнїя тяжолыя скорби, исчезнуть,
 Радость сознанїя жизни дадутъ ей обнять, —
 Знаю, зачѣмъ ты, небесная утра лазурь,
 Сердце такъ сладко волнуешь отраднѣмъ сянѣемъ,
 Но во мгновенье то знанье темнѣетъ во мнѣ.

Но я вамъ ничего не сказалъ до сихъ поръ толкомъ о Петкевичѣ, которымъ и вы и я очень много интересуюсь, и который по моему стоитъ того, чтобы имъ и другіе интересовались.

Петкевичъ родился въ Могилевѣ и конечно, какъ всѣ мы смотрѣлъ, выпуча глаза на все, что ему попадалось и также ко всему тянулся и также свѣчку хотѣлъ ухватить за самое пламя; но только гораздо раньше насъ его стали занимать причины явленїей, и потому гораздо раньше насъ нѣкоторыя изъ нихъ, осмысленныя, стали ему нравиться, и также гораздо раньше насъ онъ почувствовалъ ихъ красоту. И въ то время какъ мы смотримъ еще съ желанїемъ и завистью на уродливыхъ деревянныхъ лошадокъ и солдатиковъ, онъ любилъ уже смотрѣть на полуразрушенную и со всѣхъ сторонъ заколоченную бесѣдку, въ сумракѣ одинокаго и заглохшаго сада, и все ему хотѣлось заглянуть туда, внутрь, сквозь высокое и таинственное окно: что тамъ дѣлается или что тамъ дѣлалось? и маленькая мечта его уже училась создавать по этому маленькому поводу маленькія фантастическія предположенїя. Потомъ манили его далекїя горы въ свои таинственные области и также хотѣлось ему узнать, что тамъ за ними; то же ли что и здѣсь, или что другое, и нѣтъ ли тамъ чудесъ какихъ? И въ то время какъ мы любимъ играть въ чихарду или въ жиурки съ такими же какъ мы дѣтьми, онъ любилъ больше одинъ входить въ лѣсъ и любилъ тотъ страхъ, который овладѣвалъ имъ при первомъ шагѣ подѣ свѣжую и душистую тѣнь его; и потомъ тихимъ вечеромъ, когда другїя дѣти строятъ изъ картъ, со своими нянями домикъ или начкаютъ карандашомъ на бумагѣ, маленькій Петкевичъ, тоже любившїй эти занятїя, тотчасъ оставлялъ ихъ, если къ матери или старшей сестрѣ приходила какая нибудь взрослая, хорошенькая дѣвушка съ розовымъ личикомъ и миндальными зубками и отановился противъ нея у стула и долго глядѣлъ на все хорошенькое существо ея. Чаше всего думали, что онъ любитъ слушать чужїе

разговоры и потому гнали его прочь; онъ не полъ — его наказывали:

Говорили мнѣ про Шамиля, что онъ по осмотру какой-то бумажной фабрики, оказавъ выходя изъ нея: «Я вижу, что въ одной этой фабрикѣ больше ума, чѣмъ во всемъ моемъ Дагестанѣ и со мною въ придачу; между тѣмъ я думалъ, что лучше и умнѣ этого Дагестана ничего на свѣтѣ нѣтъ и рѣзалъ головы тѣмъ, кто не соглашался со мною!» О Шамиль, Шамиль! еслибы во всѣхъ насъ выѣсть было столько ума, сколько заключается въ одной твоей головѣ, чтобы мы могли хоть подъ старость такъ исповѣдывать ошибки свои; но мы дикы, какъ звѣри горъ твоихъ, и нѣтъ въ насъ сознанія, нѣтъ въ насъ раскаянія! А какъ ты, мы наказываемъ дѣтей своихъ, не сомнѣваясь ни на одну минуту въ своей правотѣ. Горе человѣку, не воспитавшемуся духомъ любви и сомнѣнія! Но только въ сильныхъ; роковыхъ сердцахъ эти два чувства живутъ въ одно время, а миръ считаетъ ихъ чувствами несомнѣтельными. И надъ тѣмъ, кому суждено узнать ихъ, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, они приобретутъ свою силу. И никогда такой рыцарь любви и сомнѣнія не станетъ собирать тлѣнныхъ благъ міра въ свою житницу; — онъ собираетъ богатства, которыхъ ни моль не съѣдаетъ, ни тля не подтачиваетъ. Только вы не подумайте, что я иду противъ политической экономіи; напротивъ: мнѣ всегда казалось, что нѣтъ ничего гнуснѣе; какъ мошенникъ проповѣдывающій о добродѣтели; скверны только люди не на своемъ мѣстѣ, и къ разбойнику по природѣ, я чувствовалъ всегда больше симпатіи, чѣмъ къ поэту по ремеслу или къ художнику по неволѣ. Мнѣ и тѣ рыцари, о которыхъ я говорю, нравятся только тогда, когда они иначе и быть не могутъ. Такъ и Петкевичъ нравится мнѣ потому, что онъ всю жизнь оставался самимъ собою, и оттого былъ хорошъ какъ природа въ своей величавой дикости. Ничто не могло измѣнить его. Его гнали люди и обстоятельства; все ему говорило: переѣхни путь свой, выбери себѣ другое занятіе; но что ему было за дѣло до другихъ занятій, когда его занимали вопросы, — вопросы съ юности завладѣвшіе его умомъ и душою. Его мучили сомнѣнія и съ самаго нѣжнаго дѣтства, онъ все чего-то добивался, все спрашивалъ и спрашивалъ часто о томъ, на что цѣлый миръ не былъ бы въ состояніи ему отвѣтить! Вы опять улыбаетесь! Какъ! не смотря на все выше мною сказанное, вы опять говорите: «что пользы все спрашивать и искать отвѣта на то, чему цѣтъ отвѣта»? Но что такое вся поэзія, какъ не одинъ только во-

прось. Гдѣ отвѣтъ тамъ ужь не поэзія, а философія. Часто въ художественномъ произведеніи заключается уже и отвѣтъ на вопросъ его; но этотъ отвѣтъ видятъ все, кромѣ самаго художника, можетъ быть потому, что этотъ отвѣтъ, удовлетворяющій ихъ, не кажется ему: вовсе отвѣтомъ, и въ немъ самомъ онъ видитъ еще тысячи другихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Вопросъ Петкевича начинался тамъ, гдѣ оканчивался отвѣтъ нашъ. И жизнь его не давала ему отвѣтовъ, а только давала все новые и новые вопросы, и по мѣрѣ того, какъ онъ глубже и глубже уходилъ въ лѣсъ ея, все насмущѣе и насмущѣе становились задаваемые ею вопросы; потому что бѣдное страстное сердце все безотлагательнѣе и безотлагательнѣе просило отвѣтовъ и счастья, а счастье все дѣлалось невозможнѣе и невозможнѣе. Отчего же это? Оттого, что душа Петкевича была создана для счастья, котораго въ жизни нѣтъ; оттого, что онъ самъ долженъ былъ создать себѣ счастье; а всякое создаваемое имъ счастье разрушалось его же собственнымъ сомнѣніемъ; да еще вѣчная нужда, вѣчно не любимый трудъ, вѣчная жажда труда другого, того труда, надъ которымъ сибьются тѣ, кому не удалось вкусить его сладости; да еще недостатокъ образованія, который мучилъ и терзалъ его душу постоянной досадой и постояннымъ раскаяніемъ. Я не зналъ Петкевича съ молоду, но мнѣ говорилъ одинъ господинъ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ въ гимназіи, что онъ просидѣлъ лѣтъ пять въ низшемъ классѣ, а потомъ за лѣность былъ выключенъ. Но вотъ что говорилъ мнѣ самъ Петкевичъ: «Для меня было праздникомъ, когда меня повели въ гимназію. Я думалъ, что теперь я тамъ все узнаю, все: и какъ деревья растутъ и откуда облака и вѣтеръ приходятъ и куда идутъ; и какіе на землѣ люди живутъ и что они все дѣлаютъ; я думалъ, что всею будетъ учиться, а тутъ чертъ знаетъ, что мнѣ такое толкуютъ! Я походилъ, походилъ въ гимназію, да и сталъ потомъ, вмѣсто нея, отправляться каждое утро къ своимъ старымъ знакомымъ, дубамъ и березамъ, въ лѣсу, у корней которыхъ грибы растутъ, а въ вѣтвяхъ которыхъ чижики щелбечутъ съ малиновками, и сталъ яо прежнему этихъ птицъ ловить въ силки, да грибы собирать. Вы знаете, что все наши школы такъ устроены, чтобы привести въ отчаяніе всякое юное сердце, жаждущее познанія или вообще что нибудь обѣщающее. Однако все мы учимся; учимъ названія меридіановъ, экваторовъ и эллиптики, и совершенно съ чистою совѣстью представляемъ себѣ землю въ видѣ огромнаго шара, исчерченнаго разными линиями и звѣздочками; и

сдѣланнаго изъ сѣвѣрной картонагоу бумаги, потому что хорошая слишкомъ дорога для такого количества; — представляемъ себѣ города въ видѣ точекъ; учимъ, дважды два—четыре, и нѣтъ для насъ ничего общаго между тѣмъ, что мы видимъ, и тѣмъ, что мы учимъ, и намъ до этого никакого дѣла нѣтъ и, отягчаемые ежедневно новыми уроками, мы боимся спросить учителя, для чего все это? чтобы не пришлось еще запоминать что нибудь. Увѣрю васъ, меня одинъ разъ прибили мои товарищи за то, что я попросилъ у учителя объясненія. И такъ, говорили они, насилу запомнишь, а онъ еще лѣзетъ съ объясненіемъ! И я нахожу, что они были правы, и Петкевичъ былъ тоже совершенно правъ, находя, что то, что рассказывали ему деревья и небеса съ ихъ облаками и листьями, было гораздо умнѣе всего, рассказываемаго въ классѣ учителемъ. Вы опять улыбаетесь? Но если вы никогда не находили, что въ лепетѣ листьевъ и въ умной лазури неба гораздо больше смысла и мысли, нежели въ нашихъ учебникахъ, то я никакъ не возьмусь вамъ этого доказывать, и потому пускай это будетъ глупость, но такъ это было съ Петкевичемъ, и ему за это почетнымъ образомъ предоставили право никогда больше не посѣщать училища. Онъ съ радостью вышелъ въ открытыя ему двери, а дома его за это высѣкли; это заставило его согласиться на нѣкоторое время, что онъ точно большой преступникъ. И тутъ, никѣмъ не руководимый, никого не интересующій, его умъ сталъ блуждать, какъ разбитая щепка въ морѣ, повсюду ища отвѣтовъ на вопросы души своей и нигдѣ ихъ не находя. Онъ читалъ безъ устали, но тѣ книги, которыя онъ могъ доставать, только разжигали его любопытство и не удовлетворяли его; онъ не зналъ, за что вѣстаться и скоро бѣжалъ изъ дому въ Петербургъ, и чтобы не быть въ тягость бѣдному своему семейству, опредѣлился на службу, о которой я уже сообщилъ вамъ самыя важныя подробности. Прибавить можно развѣ только, что онъ служилъ семнадцать лѣтъ, не получая чина, канцелярскимъ чиновникомъ, и это время такъ врезалось въ его памяти, что когда сумасшедшаго привезли его свидѣтельствовать въ губернское правленіе, то на первый же вопросъ онъ отвѣтилъ жалобой на эти семнадцать лѣтъ, хотя въ послѣднее время его жизни, все это нѣсколько поисправилось. Судьба его гнала, но и тутъ находилъ онъ еще возможность отъ времени до времени выражать свои жалобы въ звукахъ, полныхъ иногда и вопля и гармоніи:

• Съ упрекомъ, съ горечью какого-то стыда
Припоминаю дни минувшіе, когда

Томил душу мнѣ, какъ признавъ вдохновенья,
 Причудливыхъ идей туманная видѣнья.
 Но память, всё промчавъ идеи предо мной,
 Съ любовью и теперь обращена къ одной, —
 Къ одной, которая такъ страстно увлекала
 Меня въ дремучій дѣсь, и душу расширяла,
 Икала тишины, рвалась на просторъ...
 Съ ней ночью иногда взойдя къ вершинамъ горъ,
 Въ полетахъ пылкого и мрачнаго мечтанья,
 Я руку простираю до края міроздавья...
 Тамъ, въ безпредѣльной мглѣ, воображенья взглядъ,
 Теряясь, не встрѣчалъ передъ собой преградъ,
 И живая какую-то въ просторъ безъ очертанья
 Лишь сердца моего вливали трепетанья.
 Казалось, мракъ меня о чемъ-то вопрошалъ,
 И странной думою смущая, вдохновляя,
 Объемля ужасомъ невольнымъ убѣжденья,
 Что вокругъ меня, во тьмѣ, погибли всё творенья,
 Что въ одиночествѣ, и безъ надежды дня,
 Мракъ будетъ окружать въ безсмертіи меня.
 Вдругъ полные угрозъ, отчаянья и муки
 Въ немъ чудилися мнѣ и образы и звуки,
 Которыхъ дивный смыслъ мгновенно леденилъ
 Вволнованную грудь въ избыткѣ гордыхъ силъ;
 Смущенная душа неясно сознана,
 Какіе въ ней тогда вопросы возбуждала
 Идея, полная восторженныхъ тревогъ:
 Глубокихъ тайнъ ея проникнуть умъ не могъ.
 И если бы тогда силъ творческихъ сознанья,
 Вдругъ вспыхнули въ груди, и дивный кругъ созданья,
 Простерся предо мной, и облеклись мечты
 Въ живые образы высокой красоты;
 При свѣтѣ радостномъ природа молодая,
 Въ величій своемъ себя не постигая,
 Кипѣла бѣ жизнію и счастьемъ бытія, —
 Тоски отчаянной не избѣжалъ бы я.
 Тамъ страстною душой играя и владѣя,
 Та неизбѣжная, могучая идея,
 Встревоживъ пылкій умъ, не открывала мнѣ
 Таиншагося въ ней стремленія вполне.
 Межъ тѣмъ настали дни мучительныхъ томленій,
 Когда въ отчаяньи мой умъ изнемогалъ
 И долго выхода желаннаго искалъ;
 Когда душа росла, стремилась и пылала,
 Старая жаждою въ исканьи идеала;
 Когда иная тьма мой покрывала путь;

Когда съ дряхлѣніемъ я ногъ былъ отозлинутъ,
 Отъ сердца и любовь съ улыбкою участья,
 Украшенную вѣтъ, что носить имя счастья;
 Когда при ужасахъ рѣшительной борьбы,
 Мрачилось сильнѣй чело глухой судьбы;
 Когда со скрежетомъ въ жестокихъ съ жизнью битвахъ,
 Я сердце надрывалъ въ отчаянныхъ желаньяхъ;
 Но въ страждущей душѣ, подъ игомъ тяжкихъ вѣтъ,
 Идемъ лучшихъ дѣей порой являлся свѣтъ.
 Въ часы отчаянья и мукъ разувѣренья,
 Она могуществомъ въ ней скрытого значенья,
 На потемнѣвшій путь; какъ мѣсяцъ въ-за тучъ,
 Бросала иногда свой яркій пѣльмъ лучъ;
 И указала мнѣ отраду, солнце свѣта.
 • Живи одинъ, люби и не проси отвѣта!

Слышите ли вы, видите ли вы всю жизнь, всю кутерьму безпокойнаго сердца Петкевича въ этомъ стихотвореніи? Взглянитесь въ него: оно точно вышло изъ могучей груди первообразнаго чело-вѣка, у котораго ни единой формы не было готовой, ни одной идеи, доставшейся по наслѣдству; который все долженъ былъ самъ себя выработать. Всю кутерьму этого стихотворенія можно сравнить только съ большимъ геологическимъ періодомъ, когда силою стѣсненнаго жара выдвигаются изъ нѣдръ земли горы, сдавливая и заставляя переливаться съ мѣста на мѣсто цѣлыя моря и океаны — одинокій шумъ, трескъ и свистъ! Дѣло въ томъ, что ему нужно было все свое. Не мудрено, если такой чело-вѣкъ сначала много ошибокъ дѣлаетъ! И кто знаетъ! можетъ быть немножко благопріятныхъ обстоятельствъ, одна только улыбка счастья, — и онъ принялся бы за дѣло; и его вѣра въ себя горы своротила бы. Но мы равнодушны и безучастны къ чужимъ страданіямъ, и особенно равнодушны къ тѣмъ людямъ, которые отъ природы имѣютъ въ себѣ начатки того, что можетъ ихъ поставить лучше и выше насъ. И Петкевичъ нигдѣ не встрѣчалъ участія. И горе, скорбь и нужда все мрачнѣй и мрачнѣй скоплялись грозными тучами надъ его непокрытой головою, а неудача на каждомъ шагу загораживая ему пути къ спасенію, загоняла его все дальше и дальше, въ печальную глубину лѣса жизни нашей, до тѣхъ поръ, пока въ озлобленіи онъ поднималъ руки къ небу и сталъ звать себя на голову всѣ его удары и молніи. Именно въ такомъ положеніи и въ такую минуту, тѣмнымъ весеннимъ вечеромъ, вошелъ онъ въ католическій храмъ свой. «Я хотѣлъ, говорилъ онъ мнѣ послѣ, рассказать всю свою жизнь и всѣ

свои буйные помыслы всенду. Я въ отчаяніи показалъ, что и церковь меня изъ себя изгонитъ и отъ себя отлучитъ. Мнѣ не хотѣлось оставлять на землѣ что-нибудь, не прервавшее со мной связи и считающее меня еще своимъ.» И до поздней ночи продолжалась его исповѣдь священнику; онъ говорилъ не для того, чтобы примириться, но для того, чтобы окончательно рассориться. — Вы кончили? спросилъ его жрѣцко всенду. И на утвердительный отвѣтъ Петкевича, онъ скрылся и черезъ минуту, съ глазами полными слезъ, вынесъ ему дары примиренія. И Петкевичъ, уничтоженный, причастился...

Церковь оказалась противъ его ожиданія, добротѣ и широтливостѣ всѣхъ обществъ въ мірѣ: она поняла, какого война она принимаетъ въ ряды свои, и одна не захотѣла отпустить его. Ея слезы смягчили ожесточенную душу и навсегда себѣ купили ее. Съ той поры вся жизнь Петкевича принадлежала церкви: онъ раздавалъ нищимъ все свое жалованье за вычетомъ себѣ только на самое неизбежное; онъ сталъ собираться въ монахи. — Зачѣмъ же вы пойдете туда? спросилъ я его однажды. — «Какъ зачѣмъ? возразилъ онъ торжественно: — зачѣмъ, чтобы протягивать свою руку и поить своими слезами всякого, кто забѣжитъ ко мнѣ въ храмъ, загнанный вѣтромъ или перепуганный бурей!» Вы знаете легенду о Христофорѣ, о томъ силачѣ, который хотѣлъ служить чему-нибудь самому сильному. Петкевичъ поступилъ какъ этотъ силачъ, и я нахожу, что онъ былъ правъ совершенно. И онъ сталъ изучать богословіе, сталъ приговляться къ монашеству. И знаете ли вы, что человѣкъ именно только тогда начинаетъ чувствовать злобу къ тому, что онъ любилъ и что отвергло его, когда онъ освобождается отъ его власти, когда онъ кончаетъ съ нимъ всѣ счеты свои, или когда онъ, не находя чѣмъ замѣнить его, съ отчаянія мѣняетъ кукушку на ястреба. Я видѣлъ человѣка, который любилъ сильно, любилъ глубоко, не смотря на то, что ему не отвѣчали взаимностью. Онъ возненавидѣлъ предметъ непринятой любви своей только тогда, когда женился на первой женщинѣ, шеннувшей ему однажды кстаті слово участія; но онъ потомъ говорилъ мнѣ: «Вотъ что я хотѣлъ бы, подвести къ ней и сказать: «Посмотрите, чѣмъ я замѣнилъ васъ, сударыня.» Петкевичъ былъ радъ, былъ неистово радъ, что покончилъ свои расчеты съ жизнью. Иногда только старая насмѣшка, просыпаясь въ груди его, дарила ему новое стихотвореніе; но вообще онъ писалъ мало и мало заботился о людской славѣ и о людскихъ почестяхъ. Но зато чѣмъ рѣже просыпались въ немъ ста-

рыи его мечты и желанія, тѣмъ ужаснѣе было; при ихъ пробужденіи, все соматвнѣе о прожитыхъ и невозвратимыхъ годахъ; и мнѣ стало страшно, когда онъ однажды со слезами на глазахъ вслухъ сказалъ при мнѣ: «Такъ неужели же все покончено у меня съ жизнью!» Какимъ-то пробовымъ голосомъ отозвались въ груди моей слова его, и это для меня было тѣмъ невыносимѣе; что я ничего не нашолъ ни въ сердцѣ, ни въ головѣ, что бы сказать ему въ утѣшеніе. Мнѣ показалось, что это было бы также неизвѣстно, какъ утѣшать преступника, кладущаго на плаху свою голову: неужели будутъ ему понятны какія-нибудь утѣшенія! Я не знаю, что нужно дѣлать въ такія минуты. И Петкевичъ не вынесъ. Онъ вышелъ-таки еще разъ на борьбу съ жизнью. Вновь писать онъ не могъ; но онъ отыскалъ старую одну свою комедію, и не смотря на увѣщанья немногихъ друзей своихъ оставить ее въ покоѣ, онъ съ какимъ-то непонятнымъ упрямствомъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы ее поставили на театрѣ. Ему это легко удалось. Комедія его была принята; но постановка на сцену была отложена до осени. Дѣло было весною. Петкевичъ ожилъ: ему показалось, что пришло наконецъ то время, когда онъ примется бодро и страстно за долго-желанный трудъ, оставивши скучныя и ненавистныя занятія своей прошлой жизни, и можетъ быть помирится съ ними, съ ними разставшись. И на душѣ его поднялась тревога. И ксендзъ и церковь были имъ позабыты. Ему хотѣлось камнямъ на улицѣ рассказывать радость свою. Онъ весь сдѣлался веселъ какъ день. И онъ сталъ печатать свою комедію. И вотъ комедія его напечатана. Онъ ждетъ, чтобы ее поставили на театрѣ; но явилась критика; и могу васъ увѣрить, тутъ не было никакой пасквили, никакой неприличности, потому что она явилась въ почтенномъ журналѣ, и на него напустилась не баба, а вѣдьма литературная, а человекъ талантливый и съ здравымъ смысломъ; но только въ его отзывѣ было слишкомъ мало любви, слишкомъ мало снисходительности и вообще очень много презрѣнія, такъ, что комедію и на сцену поставить раздумали. Петкевичъ пропалъ. Случись это въ первые годы его жизни, случись это во время кипящей надеждами молодости, можетъ быть это разожгло бы только упрямство его; но это былъ послѣдній, послѣдній, отчаянный опытъ — его Ватерлоо. Такъ часто можетъ быть мы читаемъ легонькую статейку въ журналѣ и смѣемся или даже не обращаемъ на нее никакого вниманія, и не знаемъ, что подъ нею будетъ погребена цѣлая жизнь человѣческая. Петкевичъ

исчезъ. Никто изъ его знакомыхъ не встрѣчалъ его больше. Разъ онъ попался мнѣ какъ-то на Невскомъ у католической церкви; онъ выходилъ изъ нея, завернувшись угрюмо въ шинель; но только что увидалъ меня, онъ снова вернулся въ церковь и исчезъ въ народъ. Я спрашивалъ о немъ: говорили, что онъ сидитъ дома, спитъ на голомъ полу съ полѣномъ подъ головой, и никого не выпускаетъ къ себѣ. Только черезъ годъ онъ пришолъ ко мнѣ; но уже пришолъ сумасшедшій, съ двумя булыжниками въ рукахъ и съ какими-то странными глазами.

— Я взялъ эти камни, сказалъ онъ мнѣ, заливаясь смѣхомъ: — потому что изъ всѣхъ камней, которые я вкатывалъ въ жизни на гору, это самые легкіе. И пока они въ моихъ рукахъ, я скорѣе могу пришибить ими другого, нежели самъ о нихъ ушибиться.

Потомъ онъ отдалъ мнѣ тетрадку своихъ стихотвореній, сказавши: «Возьмите это; я умру покойнѣе, когда это будетъ у васъ. Вы ихъ когда-нибудь напечатаете. Ужасно боюсь, чтобы это все не пропало!» Чернымъ гробомъ, въ которомъ похоронена жизнь человѣческая, легли мнѣ на сердце эти слова. Потомъ онъ еще говорилъ довольно благоразумно; вездѣ еще была мощная, напряженная мысль, которая только изрѣдка вдругъ ослабѣвала, но потомъ снова принимала свое обычное напряженіе.

Онъ какъ-будто самъ поминутно себя испытывалъ и хотѣлъ все провѣрить свои мысли.

— Скажите пожалуйста, говорилъ онъ: — мнѣ кажется, жизнь есть величайшій скандалъ; но крайней мѣрѣ во всѣхъ самыхъ лучшихъ, величайшихъ изображеніяхъ этой жизни, во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, больше всего насъ интересующихъ и любимыхъ нами, — вездѣ скандалъ: Отелло — скандалъ, Гамлетъ — скандалъ; Донъ-Кихотъ, Герой нашего времени, наконецъ цѣлые авторы: Дантъ, Байронъ, Гейне — все это скандалъ, и скандалъ каждое слово ихъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

Я сказалъ ему, что я совершенно съ этимъ согласенъ.

— И не кажется вамъ это сумасшествіемъ? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что ни чуть. И онъ меня обнялъ, горячо поцѣловалъ и сказалъ, что онъ отъ меня очень радъ это слышать.

— Странная нынче мнѣ мысли приходятъ въ голову, сказалъ онъ задумчиво, и потомъ улыбувшись прибавилъ: — посмотрите, какіе я нынче стихи пишу:

• Тревогъ житейскихъ не любя,
 Въ себя я часто углублялся;
 Но мѣръ всегда и самъ старался
 Вогнать меня во внутрь себя.
 Тоски такого положенья
 Я не испытывалъ сперва:
 Питалась часто голова
 И сердце силой вдохновенья;
 Когда жъ теперь мои мечты
 Померкли, чувства охладѣли,
 И отъ сердечной пустоты
 Душой страданья завладѣли, —
 Я средства не могу найти,
 Куда бы отъ себя уйти...»

Потомъ, вы помните, вечеромъ этого самаго дня я былъ съ нимъ у васъ. Я не сказалъ вамъ, какую я переменъ замѣчаю въ Петкевичѣ; а онъ все говорилъ, читалъ стихи и видимо слѣдилъ за впечатлѣннѣемъ, которое производитъ на постороннихъ. И вы помните, у васъ еще тогда былъ одинъ господинъ, съ бородкой и усиками, такой развязный, такой самоувѣренный; тотъ, которому казалось, что въ наше время все рѣшено, и который поминутно называлъ всѣхъ и каждого людьми отсталыми, видимо желая этимъ напугать ихъ и заставить согласиться съ собою. Онъ наносилъ послѣднѣе удары Петкевичу своими копытами. Вы помните, Петкевичъ прочелъ свое стихотвореніе — молитву къ Божьей Матери :

• Въ изнеможеніи, съ тоской,
 Склоняюсь въ страхѣ предъ тобой
 Съ благоговѣннѣемъ на колѣни...
 Забудь страдальческія пени
 И горделивый ропоть мой!
 Избавь отъ тяжкаго томленія!
 Открой мнѣ тайну примиренья
 Съ тревогами печальныхъ дней
 И съ жизнью, полною скорбей —
 Спаси отъ мукъ ожесточенья!
 Томясь въ тревогахъ суеты,
 Я долго шолъ средь темноты;
 Какія тернія жестоко
 Вонзались на пути глубоко
 Мнѣ въ сердце, — знаешь только Ты! •

И этотъ господинъ сказалъ, фамильярно потрепавъ его по плечу :
 «Нѣтъ, Игнатій Петровичъ, бросьте стихи, стихи вамъ не даются!

займитесь лучше прозою.» И Петкевичъ смотрѣлъ на него безчувственно, кажется очень довольный, что съ нимъ всё продолжаютъ обращаться постарому. И этотъ господинъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, такъ что между нами чуть ссоры не вышло, и мнѣ было такъ жаль, что я уговорилъ Петкевича оставить у меня на квартирѣ свои булыжники. Вамъ тогда пришло въ голову, что Петкевичъ пьянъ; я очень радъ былъ повѣрить этому. Но Петкевичъ никогда не пилъ.

На другой день начался у него уже бредъ; онъ говорилъ о счастья, которое суждено ему узнать на землѣ; онъ говорилъ, что его стихи всюду печатаются и переводятся на всё языки; онъ говорилъ, что въ послѣднее время онъ сдѣлался «во многихъ домахъ необходимымъ»; что его любить панна Валерія, которой онъ сказалъ, выходя сегодня изъ церкви: «Можетъ быть, панна Валерія хочетъ быть моею женою?» и которая отвѣчала ему: «Я сегодня была у причастья, и потому не могу вступать въ разговоры съ мужчинами.» Онъ говорилъ, что онъ женится на васъ, и это меня окончательно убѣждало, что онъ болѣе безнадежно, потому что при легкомъ сумасшествіи онъ долженъ бы былъ знать, что онъ васъ недостойнъ; цѣлою жизнью, отданною вамъ безраздѣльно, долженъ чловѣкъ заплатить вамъ за любовь вашу; а жизнь поэта принадлежитъ на половину поэзіи. И женщины это знаютъ, и судьба знаетъ это тоже; и потому на долю поэтовъ она оставляетъ самое только негодное. Но Петкевичъ говорилъ, что ему нуженъ другъ, и что никто кромѣ васъ не можетъ быть его другомъ. Много говорилъ онъ, и изъ омраченной мысли его сыпались, какъ изъ рога изобилія, цвѣты фантазіи, иногда мрачныя, иногда яркіе и блестящіе свѣжестью и красками. Я сказалъ ему: «У васъ глаза мутны, Игнатій Петровичъ, вамъ бы нужно было съѣздить въ больницу, къ доктору. Скажите, вы ничего не чувствуете?» — «Какъ же! — сказалъ онъ: чувствую, — что мнѣ нужно полечиться отъ сумасшествія.» И онъ потупилъ глаза съ какой-то странной улыбочкой и отвернулся отъ меня, какъ-будто не хотѣлъ прочесть въ глазахъ моихъ подтвержденія этому. Это было страшно. Это было хуже, чѣмъ видѣть чловѣка, желающаго еще жить, но умирающаго съ полнымъ сознаниемъ, что еще мигъ, и его не будетъ, и всего того, что онъ такъ любилъ, и съ чѣмъ ему такъ жалко разстаться, какъ-будто никогда и не было! И потомъ Петкевичъ прибавилъ: «Впрочемъ, меня ужъ возили въ больницу, но тамъ сказали, что такихъ больныхъ какъ я,

не принижаютъ безъ разрѣшенія губернатора.» Понималъ онъ, что говорилъ или нѣтъ — это для меня осталось тайною.

И его посадили въ больницу. И вы посылали ему туда, въ тюрьму его, чай и сахаръ, это большое утѣшеніе для бѣднаго человѣка! — И я относилъ ему все это. Тамъ онъ сдѣлался мраченъ и не понималъ ничего. Я какъ теперь вижу его передъ собою съ обстриженной подъ гребенку головой; въ сѣромъ больничномъ халатѣ, съ бѣлой косынкой на шеѣ и съ мутными, точно одоленными дремотою глазами, съ безумными рѣчами въ устахъ... Не въ этомъ видѣ онъ уже не былъ мнѣ страшенъ: страшенъ видъ человѣка умирающаго, а не умершаго, трупъ только непріятенъ. Но была минута, когда сожалѣніе снова пробудилось въ груди моей. Мы говорили съ Петкевичемъ о васъ, и вдругъ глаза его засверкали, все лицо приняло обычное выраженіе, и онъ со свойственнымъ ему жестомъ, совершенно ожившись, сказалъ мнѣ съ горечью: «А она была такъ добра, что даже ни разу не навѣстила меня!» Я содрогнулся; но я оставилъ этотъ упрекъ за вами, и не сказалъ ему, что вы хотѣли похитить его, но что я васъ отговорилъ; что я представилъ вамъ разныя хитрыя причины; и что въ глубинѣ души у меня было только желаніе, чтобы первымъ сумасшедшимъ, на безумной головѣ котораго вы своей нѣжной рукой поправите навѣвшие на лобъ волосы, былъ я, если головы моей не обрѣютъ, когда я съ ума сойду, что впрочемъ не всегда дѣлается. Теперь мнѣ ужасно горько, это и я, какъ все люди, лишилъ своего друга послѣдняго утѣшенія. Я ему за это принесъ сладкихъ пирожковъ, и онъ ѣлъ ихъ, не зная, какой ядовитой цѣною они имъ куплены. Но потомъ я захворалъ, и цѣлый мѣсяцъ ничто не было у Петкевича; я все-таки оказался его лучшимъ другомъ. А когда, выздоровѣвши, я пошелъ къ нему, его уже въ больницѣ не помнили, и ко мнѣ вывели какого-то новобранца, къ фамиліи котораго не успѣли еще привыкнуть. Это не тотъ, сказалъ я: мнѣ нужно видѣть Петкевича, Игнатія Петровича, который одинъ разъ, здѣсь, сидя со мною, при васъ (я обращался къ смотрителю), говорилъ, что здѣсь бездна образованныхъ людей, между которыми одинъ, со связанными руками и ногами, совершенно здоровый человѣкъ, «чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они тутъ держутъ его», иначе не говорить съ нимъ, какъ по татарски. Еще вы такъ смѣялись надъ этимъ, говорилъ я ему, и меня еще это такъ непріятно тронуло.»

Тогда смотритель, до тѣхъ поръ смотрѣвшій вѣпросительно,

поднесъ руку ко лбу и стала тереть его, наклонивши голову, и теръ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ улыбка расширила его губы, и онъ сказалъ: Помню, помню! Игнатій Петровичъ, поэтъ! да вѣдь его ужь похоронили давно.

— Какъ давно?

— Да ужь больше недѣли.

Эти добрые люди въ недѣлю успѣли забыть Петкевича; не мудро, что они въ мѣсяць успѣли забыть меня.

И я узналъ, что Петкевичъ умеръ униженный и уничтоженный, зализывая языкомъ язвы, открывшіяся на тѣлѣ его; но я не хочу тревожить васъ этою мрачною картиною; хотя, сказать между нами, вся наша жизнь есть ничто иное, какъ вѣчное зализыванье постоянно снова и снова открывающихся на сердцѣ ранъ. Тутъ же узналъ я, что Петкевичъ похороненъ на Католическомъ кладбищѣ, что на Выборгской сторонѣ, куда я и отправился уже весною, въ первую свою прогулку за городъ, спустя пять мѣсяцевъ послѣ моего послѣдняго визита въ больницу. Кладбище было привѣтливѣе больницы. Тутъ, не смотря на такой долгій промежутокъ времени, и не смотря на то, что Петкевичъ былъ похороненъ въ даровомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ нищихъ хоронятъ, мнѣ тотчасъ, безъ спра-вокъ, показали ту мокрую яму, въ которой лежалъ онъ, и въ которую былъ воткнутъ ярлыкъ съ надписью: Игнатій Петкевичъ, умеръ 19 декабря 1859 г. тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Впрочемъ это было мнѣнїемъ, какимъ-то особеннаго рода спеціальнымъ направлениемъ кладбищенскаго смотрителя помнить всѣхъ покойниковъ. Онъ послѣ говорилъ мнѣ:

«Пусть найдутъ другого такого смотрителя, пусть найдутъ, я очень радъ буду; мнѣ курьезно будетъ посмотреть на другого такого смотрителя, который бы помнилъ всѣхъ покойниковъ. Вотъ могила: тутъ похоронена нищая старуха изъ нашей церкви на Васильевскомъ острову Матильда Блумъ... Вотъ еще и т. д. И наконецъ предлагалъ, что онъ мнѣ расскажетъ и назоветъ поименно всѣ могилы. И своимъ безпредѣльнымъ удовольствіемъ по этому случаю онъ отвлекъ мое вниманіе отъ Петкевича и заставилъ думать со-всѣмъ о другомъ.

О иностранцы! думалъ я, во сколько разъ вы выше или ниже насъ, русскихъ, которыхъ здравый смыслъ заставляетъ понимать суету всѣхъ этихъ ничтожныхъ способностей и либерально пренебрегать ими. Какими умными и послушными дѣтьми кажетесь вы въ сравне-

ни съ нами, дѣтьми своевольными и непокорными, не смотря на наружное наше спокойствіе; и какимъ облеченнымъ въ формы разума тупоуміемъ покажется намъ ваша сосредоточенность, намъ, понимающимъ, что только все въ мірѣ хорошо, вмѣстѣ взятое, и что скучно корпѣть надъ одной какою-нибудь частью міра, не обхватывая всего цѣлаго. И какъ смѣшны намъ, людямъ безъ принципа, покажутся всѣ ваши принципы, которые всѣ суть не что иное, какъ какая-то почтенная умственная ограниченность. Вы за это тоже будете смѣяться надъ нами, но это будетъ смѣхъ школьника, повторяющаго слова учителя, надъ человѣкомъ, въ которомъ отразилась вся дѣйствительность, со всѣми ея непонятными для узенькой мысли человѣческой противорѣчіями; и который жизнь понялъ сердцемъ, а умомъ понялъ уже только сердце свое. И ужь только въ слѣдующій разъ, придя на могилу Петкевича, я задумался о немъ самомъ; но какое кому дѣло до мыслей моихъ, мыслей о той бурѣ, на которую былъ выгнанъ Петкевичъ изъ-за кулисъ жизни, и въ которой онъ бился и стоналъ, никѣмъ не видимый и не замѣчаемый.

Въ тетрадкѣ, которую онъ оставилъ мнѣ, были кромѣ выписанныхъ стихотвореній еще слѣдующія:

I

И слабъ и жадокъ человѣкъ;
Онъ о своемъ существованьи
Заботится изъ вѣка въ вѣкъ;
Бодрится иногда въ сознаньи
Высокихъ, мощныхъ силъ въ себѣ,
А какъ преступника на плахѣ,
Вся жизнь его проходитъ въ страхѣ
И въ темныхъ грезахъ о судьбѣ.

II

Постигавуъ цѣли бытія,
Всѣ разрѣшилъ вопросы я:
Жизнь тяготѣла надо мной —
Я смѣло вызвалъ жизнь на бой.
И удружилъ за то мнѣ рокъ:
Жизнь стала въ горлѣ поперекъ.
Кто жизнь такую въ сласть не съѣсть,
Тотъ отвергаетъ жизни крестъ.
Я примираюсь съ ней порой;
Но путь тяжолый предо мной

Въ могилѣ мрачной предстоишь;
 И сердце ужась леденить —
 Что долго мнѣ еще идти,
 Крѣпясь, по этому пути.

III

(СТИХОТВОРЕНІЕ, НАПИСАННОЕ УЖЕ ВЪ СУМАСШЕСТВІИ)

Когда уязвленъ
 Тревогъ и мученья
 Томительныхъ дней
 Мой умъ омрачаютъ
 И грудь наполняютъ
 Отравой скорбей:
 Съ стѣсненной душою,
 Я, объятый тьмою,
 Въ страданьяхъ горю,
 И какъ откровенъ,
 Въ нихъ часто видѣнья
 Ужасныя врю:
 Сверкая грозою,
 Встаютъ предо мною,
 Какъ призраки сна,
 И міра кончина,
 И ада пучина,
 Когда сатана
 За помыслъ надѣнный,
 За мигъ дерзновенной,
 Преступной мечты,
 Какъ молнія съ неба,
 Въ пучину Эреба
 Летѣлъ съ высоты.

IV

Мучительныя грезы,
 Въ душѣ темно;
 Звенять уныло слезы
 Дождя въ окно.
 И вѣтра шумъ жестокий
 Во тьмѣ ночью,
 Проникнуть такъ глубоко
 Твоей тоской.
 Въ преддверіе нѣтъ силы
 И заглянуть;
 Въ грядущемъ до могилы
 Тяжелый путь.

Ты подымае взоръ печальный —
 Гляди, гляди:
 Тамъ ликъ многострадальный
 Съ мечомъ въ груди.

V

ВЪ АЛБОМѢ

Въ былые дни, когда въ душѣ моей
 Стремленья и мечты кипучія рождались,
 Делалъ много я причудливыхъ идей,
 И въ звуки стройные онѣ переливались.
 Еще, быть можетъ, вы не позабыли строкъ,
 Внутреннихъ мнѣ тогда счастливой встрѣчей съ вами —
 Хранился ли доселѣ тотъ листокъ,
 Исписанный заветными стихами? —
 Теперь же ихъ опять вы ждете отъ меня,
 И я, покинувъ музу — печальное признание —
 Лишенный прежнихъ силъ священнаго огня,
 Коснулся лиры вновь на милое призванье;
 Но много лучшихъ струнъ на ней давно ужъ нѣтъ:
 Онѣ отъ бурь, отъ грозъ, въ стѣпаніяхъ порвались,
 Когда въ душѣ моей, подъ игомъ тяжкихъ лѣтъ,
 Вопросы страшные и вопли раздавались.

VI

ПОЭЗІЯ

Какъ мысли лучъ, какъ вѣчный жизни духъ,
 Она въ чертахъ природы обитаетъ;
 Есть рѣчь у ней, но только сердца слухъ
 Ея рѣчей значенье понимаетъ.
 Слышна она и въ говорѣ лѣсовъ,
 И въ тишинѣ глубокой ихъ таится,
 Является и въ красотѣ луговъ,
 И въ формахъ горъ, въ улыбкѣ прояснится
 Убогаго пустыщаго цвѣтка;
 Она влечетъ невольню къ дивной думѣ —
 Въ жужжаньи пчелъ и въ сладкозвучномъ шумѣ
 Воздушныхъ струй и крыльевъ голубка,
 И въ вопляхъ совъ, и въ ревѣ волнъ въ часъ бури,
 Подъ сводами померкнувшей лазури;
 Но лишь тому, кто съ юныхъ лѣтъ принесъ
 Ей въ даръ любовь и токи жгучихъ слезъ,
 Чтобъ заглушить порой его страданье,
 Она кой гдѣ шепнетъ свое названье.

Много и другихъ написалъ стихотвореній Петкевичъ , но въ тетрадѣ ихъ не нашлось , а я ихъ не помню , и потому они пропали безъ слѣда и на вѣки...

Вы еще чего-то ждете отъ меня, но тутъ все.

— Какъ все? Вы хотѣли намъ разсказать повѣсть; какая же это повѣсть?

А какъ же не повѣсть? Изъ нея вы узнаете все, что вамъ нужно узнать, и даже больше, потому что вы узнаете еще, что я думаю по поводу разныхъ случаетъ.

Но ваши прекрасные глаза глядятъ на меня вопросительно, точно удивленные, что я безпрестанно приписываю имъ вопросы и замѣчанія, которыхъ никогда въ вашей доброй душѣ и быть не могло, и не было. Простите меня. Я знаю, что ни одна недоброжелательная улыбка никогда не омрачила шѣжныхъ устъ вашихъ, и ни однимъ оскорбительнымъ взоромъ не смутили вы никогда ни одного сердца человѣческаго.

Но во время нашей бесѣды, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ губы ваши благочестиво смыкались, и глаза ваши становились серьезнѣе и печальнѣе, другія уста улыбались; другія уста, много разъ ужъ меня оскорблявшія, хотѣли вновь оскорбить меня недовѣрчивой своею улыбкой; только прямо съ ними мнѣ не хотѣлось вступать въ объясненія, потому что еще недавно я смотрѣлъ на нихъ съ такимъ уваженіемъ и умиленіемъ, и еще не застыла та боль, которую поднималъ я у себя на сердцѣ, отрывая его отъ этихъ губъ и глазъ съ недоброжелательною улыбкою. И потому я говорилъ вамъ то, что хотѣлъ имъ сказать. Вѣдь вы впрочемъ знаете, что я всегда прихожу къ вамъ съ разбитымъ, истерзаннымъ сердцемъ, и всякій разъ даю себѣ слово никогда больше не уходить за предѣлы вашего добраго взгляда. Но всякій разъ... и Богъ знаетъ, сколько разъ еще отведетъ меня отъ васъ лѣшій сердце, и въ какую глубь, и въ трясину какихъ лѣсовъ меня заведетъ оно, и Богъ знаетъ тоже, какими изувѣченнымъ и измученнымъ, и съ какими новыми рѣчами я вернусь оттуда когда-нибудь къ вамъ — я, котораго вѣчно въ лѣсъ янеть.

П. Л. КУСКОВЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(посвящается М. М. Достоевскому)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА III

— А знаете ли что, сказалъ мнѣ князь, садясь вмѣстѣ со мною въ коляску: — что еслибъ намъ теперь поужинать, а? какъ вы думаете?

— Право не знаю, князь, отвѣчалъ я колеблясь: — я никогда не ужинаю...

— Ну, разумѣется, и поговоримъ за ужиномъ, прибавилъ онъ, пристально и хитро смотря мнѣ прямо въ глаза.

Какъ было не понять! Онъ хотѣлъ высказаться, подумалъ я, а мнѣ вѣдь того и надо. Я согласился.

— Дѣло въ шляпѣ. Въ Большую Морскую, къ Б.

— Въ ресторанъ? спросилъ я съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Да. А чтожъ? Я вѣдь рѣдко ужинаю дома. Неужели жъ вы мнѣ не позволите пригласить васъ?

— Но я вамъ сказалъ уже, что я никогда не ужинаю.

— Что за дѣло одинъ разъ. Ктому же вѣдь это я васъ приглашаю...

То есть заплачу за тебя; я увѣромъ, что онъ прибавилъ это нарочно. Я позволилъ вести себя, но въ ресторанѣ рѣшился платить за себя самъ. Мы пріѣхали. Князь взялъ особую комнату

и со вкусомъ и знаніемъ дѣла выбралъ два-три блюда. Блюда были дорогія, равно какъ и бутылка тонкаго столоваго вина, котораго онъ велѣлъ принести. Все это было не по моему карману. Я посмотрѣлъ на карту и велѣлъ принести себѣ полрѣбчика и рюмку лафиту. Князь взбунтовался.

— Вы не хотите со мной ужинать! Mais, mon cher, вѣдь это даже смѣшно. Pardon, mon ami, но вѣдь это... возмутительная щепетельность. Это ужъ самое мелкое самолюбие. Тутъ замѣшались чуть ли не соловьиные интересы и бьюсь объ закладъ, что это такъ. Увѣряю васъ, что вы меня обижаете.

Но я настоялъ на своемъ.

— Впрочемъ, какъ хотите, прибавилъ онъ. — Я васъ не принуждаю... скажите, Иванъ Петровичъ, можно мнѣ съ вами говорить вполне дружелюбно?

— Я васъ прошу объ этомъ.

— Ну такъ по моему такая щепетельность вамъ же вредить. Такъ же точно вредятъ себѣ и всѣ ваши, этимъ же самымъ. Вы литераторъ, вамъ нужно знать свѣтъ, а вы всего чуждаетесь. Я не про рѣбчиковъ теперь говорю, но вѣдь вы готовы отказываться совершенно отъ всякаго сообщенія съ нашимъ кругомъ, а это положительно вредно. Кромѣ того, что вы много теряете, ну, однимъ словомъ, даже карьеру, — кромѣ того, хоть одно то, что надобно самому узнать, что вы описываете, а у васъ тамъ, въ повѣстяхъ, и графы и князья и будуары... Впрочемъ, что жъ я? У васъ тамъ теперь все нищета, потерянные шпигели, ревизоры, задорные офицеры, чиновники, старые годы и расколоченный бытъ, знаю, знаю.

— Но вы ошибаетесь, князь; если я не хожу въ такъ называемый вами «высшій кругъ», то это потому, что тамъ, во-первыхъ, скучно, а во-вторыхъ, нечего дѣлать. Ну и наконецъ, я все-таки бываю...

— Знаю, у князя Р., разъ въ годъ; я тамъ васъ и встрѣтилъ. А остальное время года вы коситесь въ демократической гордости и чаднете на вашихъ чердакахъ, хотя я не всѣ такъ поступаютъ изъ вашихъ. Есть такіе цскатели приключеній, что даже меня тошнить...

— Во-первыхъ, это я одинъ живу на чердакѣ, а во-вторыхъ, я просилъ бы васъ, князь, переменить этотъ разговоръ и не прерываться къ вамъ на чердаки.

— Ахъ, Боже мой, вотъ вы и обидѣлись! Впрочемъ, сами же вы позволяли мнѣ говорить съ вами дружжелюбно. Не виновать, я ни чѣмъ еще не заслужилъ вашей дружбы. Вино порядочное. Попробуйте.

Онъ налилъ мнѣ полстанана изъ своей бутылки.

— Вотъ видите, мой милый Иванъ Петровичъ, я вѣдь очень хорошо понимаю, что завязываться на дружбу неприлично. Вѣдь не всѣ же мы грубы и наглы съ вами, какъ вы со насъ воображаете; ну я тоже очень хорошо понимаю, что вы сидите здѣсь со мной не изъ расположенія ко мнѣ, а оттого, что я общался съ вами *поговорить*. Не правда ли?

Онъ засмѣялся.

— А такъ какъ вы наблюдаете интересы известной особы, то вамъ и хочется послушать, что я буду говорить. Такъ ли? прибавилъ онъ съ злою улыбкою.

— Вы не ошиблись, прервалъ я съ нетерпѣніемъ (я видѣлъ, что онъ былъ изъ тѣхъ, которые видя человѣка хоть капельку въ своей власти, сейчасъ же даютъ ему это почувствовать. Я же былъ въ его власти; я не могъ уйти, не выслушавъ всего, что онъ намѣренъ былъ сказать, и онъ зналъ это очень хорошо. Его тонъ вдругъ измѣнился, и все больше и больше переходилъ въ нагло-фамиллярный и насмѣшливый). — Вы не ошиблись, князь: я именно за этимъ и прѣхалъ, иначе право не сталъ бы сидѣть... такъ поздно.

Мнѣ хотѣлось сказать: иначе ни за что бы не остался съ вами, но я не сказалъ и перевернулъ по другому, не изъ боязни, а изъ проклятой моей слабости и деликатности. (Ну какъ въ самомъ дѣлѣ сказать человѣку грубость прямо въ глаза, хотя онъ и стоялъ того и хотя я именно и хотѣлъ снавать ему грубость? Мнѣ кажется князь это примѣтилъ, по моимъ глазамъ, и съ насмѣшкою смотрѣлъ на меня во все продолженіе моей фразы; какъ бы наслаждаясь моимъ малодушіемъ и точно подзадоривая меня своимъ взглядомъ: «А что, не носмѣлъ, сбрендилъ, то-то братъ!» Это навѣрно такъ было, потомучто онъ, когда я кончилъ, расхохотался и съ какой-то протезирующей ласковой потрепалъ меня по кобѣну.

— Сидишь же ты, братецъ, прѣчиталъ я въ его взглядѣ. Цеской же! подумалъ я про себя.

— Мнѣ сегодня очень весело! вскричалъ онъ: — и, право; по

знаю почему. Да, да, мой другъ, да! Я именно объ этой-особѣ и хотѣлъ говорить. Надо же окончательно высказаться, договоришься до чего-нибудь, и надѣюсь, что въ этотъ разъ вы меня совершенно поймете. Давеча я съ вами заговорилъ объ этихъ деньгахъ и объ этомъ колпакѣ отцѣ, шестидесятилѣтняго младенцѣ,.. Ну! не стоитъ теперь и понимать. Я вѣдь это такъ говорилъ! ха, ха, ха, вѣдь вы литераторъ, должны же были догадаться...

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на него. Кажется, онъ былъ еще не пьянъ.

— Ну а что касается до этой дѣвушки, то право я ее уважаю, даже люблю, увѣряю васъ; капризна она немножко, но вѣдь «цвѣтъ розы безъ шиповъ», какъ говорили пятьдесятъ лѣтъ назадъ и хорошо говорили: шипы колются, но вѣдь это-то и заманчиво, и хоть мой Алексѣй дуракъ, но я ему отчасти уже простилъ, — за хорошей вкусъ. Короче, мнѣ эти дѣвицы нравятся, и у меня — (онъ многозначительно сжалъ губы) — даже виды особенныя,.. Ну да это послѣ...

— Князь! послушайте, князь! вскричалъ я: — я не понимаю въ васъ этой быстрой переменъ, но... перемените разговоръ, прошу васъ!

— Вы опять горячитесь! Ну, хорошо... переменю, переменю! только вотъ что хочу спросить у васъ, мой добрый другъ: очень вы ее уважаете?

— Разумѣется, отвѣчалъ я съ грубымъ нетерпѣніемъ.

— Ну... ну и любите? продолжалъ онъ, отвратительно сжавъ зубы и прищуривъ глаза.

— Князь! вы забываетесь! вскричалъ я.

— Ну, не буду, не буду! успокойтесь! Въ удивительнѣйшемъ расположеніи духа я сегодня. Мнѣ такъ весело, какъ давно не бывало. Не вырвите ли намъ шампанскаго! какъ думаете, мой другъ?

— Я не буду пить, не хочу!

— И не говорите! вы непременно должны мнѣ составить сегодня компанью. Я чувствую себя прекрасно и такъ какъ я добръ до сантиментальности, то и не могу быть счастливымъ однимъ. Кто знаетъ, мы можетъ быть еще дождемъ до того, что выпьемъ на ты, ха, ха, ха! Нѣтъ, молодой мой другъ, вы меня еще не знаете! я увѣренъ, что вы меня полюбите. Я хочу, чтобъ вы

раздѣлили сегодня со мною и горе и радость, и веселье и слезы, хотя надѣюсь, что я-то, по крайней мѣрѣ, не заплачу. Ну какъ же, Иванъ Петровичъ? Вѣдь вы сообразите только то, что если не будетъ того, что мнѣ хочется, то все мое вдохновеніе проійдетъ, пропадетъ, улетучится, и вы ничего не услышите; ну а вѣдь вы здѣсь единственно для того, чтобъ что-нибудь услышать. Не правда ли? прибавилъ онъ, опять нагло мнѣ подмигивая: — ну такъ и выбирайте.

Угроза была важная. Я согласился. Ужь не хочеть ли онъ меня напоить пьянымъ? подумалъ я. Кстати здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ слухѣ про князя, слухѣ, который уже давно дошелъ до меня. Говорили про него, что онъ — всегда такой приличный и взыщный въ обществѣ, — любить иногда по ночамъ, мянствовать, напиваться, какъ стелька, и потаенно развратничать, гадко и таинственно развратничать... Я слыхалъ о немъ ужасные слухи... Говорять, Алеша зналъ о томъ, что отецъ иногда пьетъ, и старался скрывать это передъ всѣми и особенно передъ Наташей. Однажды было онъ мнѣ проговорился, но тотчасъ же замаялъ разговоръ и не отвѣчалъ на мои распросы. Впрочемъ, я не отъ него и слышалъ и признаюсь прежде не вѣрилъ; теперь же ждалъ, что будетъ.

Подали вино; князь налилъ два бокала, себѣ и мнѣ.

— Милая, милая дѣвочка, хоть побранила меня! продолжалъ онъ, съ наслажденіемъ смакуя вино: — но эти милыя существа именно тутъ-то и милы, въ такіе именно моменты... А вѣдь она навѣрно думала, что меня пристыдила, помните въ тотъ вечеръ, разбила въ прахъ! ха, ха, ха! И какъ къ ней идетъ румянецъ! Знаюкъ вы въ женщинахъ? Иногда внезапный румянецъ ужасно идетъ къ блѣднымъ щекамъ, замѣтили вы это? Ахъ, Боже мой! да вы кажется опять сердитесь?

— Да, сержусь! вскричалъ я, уже не сдерживая себя: — и я не хочу, чтобъ вы говорили теперь о Натальѣ Николаевнѣ, то есть говорили въ такомъ тонѣ. Я... я не позволю вамъ этого!

— Ого! ну, извольте, сдѣлаю вамъ удовольствіе, перемигну тому. Я вѣдь уступчивъ и мягокъ какъ тѣсто. Будемъ говорить объ васъ. Я васъ люблю, Иванъ Петровичъ, еслибъ вы знали какое дружеское, какое искреннее я беру въ васъ участіе...

— Князь, не лучше ли говорить о дѣлѣ, прервалъ я его.

— То есть о *мошеле дѣлѣ*, хотите вы сказать. Я васъ пови-

маю съ полуслова, тои ами, но вы и не подозреваете какъ близко мы коснемся къ дѣлу, если заговоримъ теперь объ васъ и если разумѣтся вы меня не прервете. Итанъ, продолжало: я хотѣлъ вамъ сказать, мой безцѣнный Иванъ Петровичъ, что жить такъ какъ вы живете, значитъ просто губить себя. Ужъ вы позволяете мнѣ коснуться этой деликатной матеріи; я и въ дружбы. Вы бѣдны, вы берете у вашего антрепренера впередъ, платите свои долгишки, на остальное питаетесь полгода однимъ чаемъ и дрожите на своемъ чердакѣ, въ ожиданіи когда напишется вашъ романъ въ журналъ вашего антрепренера, вѣдь такъ...

— Хоть и такъ, но все же это...

— Почетнѣе, чѣмъ воровать, низкопоклонничать, брать взятки, интриговать, ну и проч. и проч. Знаю, знаю что вы можете сказать; все это давно напечатано.

— А слѣдственно вамъ нечего и говорить о моихъ дѣлахъ. Неужели я васъ долженъ, князь, учить деликатности.

— Ну, ужъ конечно не вы. Только что же дѣлать, если вы именно касаемся этой деликатной струны. Вѣдь не обходится же ее. Ну, да впрочемъ оставимъ чердаки въ покоѣ. Я и самъ до нихъ не охотникъ, развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, (и юнгъ отъ вратительно захохоталъ). — А вотъ что меня удивляетъ: что за охота вамъ играть роль второго лица? Конечно одинъ вашъ писатель, даже, помнится, сказалъ гдѣ-то: что можетъ быть самымъ великѣйшимъ подвигъ человѣка въ томъ, если онъ съ умѣньемъ ограничиться въ жизни ролью второго лица... Кажется, что-то это такое! Объ этомъ я еще гдѣ-то разговоръ слышалъ, но вѣдь Александръ отбилъ у васъ невѣсту, а вѣдь это знаю, а вы, какъ каноникъ-нибудь Шиллеръ, за нихъ же распинаетесь, имъ же прислушиваете, и чуть ли у нихъ не на побѣгушкахъ... Вы ужъ называйте меня, голубчикъ Иванъ Петровичъ, но вѣдь это какая-то гаденькая игра въ великодушныя чувства... Какъ это вамъ не надоѣстъ, въ самомъ дѣлѣ! Даже стыдно! Я бы кажется на вашемъ мѣстѣ умеръ съ досады! а главное: стыдно, стыдно!

— Князь! вы кажется нарочно привели меня сюда, члѣбъ оскорбить! вскричалъ я, вѣвъ себя отъ злости.

— О нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я въ эту минуту просто-запретъ дѣловой человекъ, и хочу вашего счастья. Однимъ словомъ, я хочу уладить все дѣло. Но оставимъ на время *ест-дѣлю*, а вы

меня дослушайте до конца, постарайтесь не горячиться хоть две-какая-нибудь минутки. Ну, какъ вы думаете, что еслибъ вамъ *мешался*? Видите, я вѣдь теперь совершенно говорю о *пасторон-левѣ*; чтожъ вы на меня съ такимъ удивленіемъ смотрите?

— Жду, когда вы все кончите, отвѣчалъ я, дѣйствительно смотря на него съ удивленіемъ,

— Да высказывать-то нечего. Мнѣ именно хотѣлось знатъ, что бы вы сказали, еслибъ вамъ, кто-нибудь изъ друзей вашихъ, желающій вамъ осмыслительнаго, истиннаго счастья, не эфемернаго какого-нибудь, предложилъ дѣвushку, молоденькую, хоритенькую, но... уже кое-что испробовавшую, я говорю аллегорически, но вы меня понимаете, ну, въ родѣ Натальи Николаевны, *разумѣется* съ приличнымъ вознагражденіемъ... (Замѣтьте я говорю о постороннемъ, а не о *нашемъ дѣлѣ*); ну, чтобы вы ска-зали?

— Я скажу вамъ, что вы... сшили съума.

— Ха, ха, ха! Ба! да вы чуть ли не бить меня собираетесь?

Я дѣйствительно готовъ былъ на него броситься. Дальше я не могъ выдержать. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе какъ кого-то гада, какого-то огромнаго паука, котораго мнѣ ужасно хотѣлось раздавить. Онъ наслаждался своими насмѣшками надо мною, онъ игралъ со мной какъ кошка съ мышью, предполагая, что я весь въ его власти. Мнѣ казалось (и я понималъ это), что онъ находилъ какое-то удовольствіе, какое-то можетъ быть даже сладострастіе въ своей наглости, въ этомъ накалѣствѣ, въ этомъ *пиннажѣ*, съ которымъ онъ срывалъ наконецъ передо мной свою маску. Онъ хотѣлъ насладиться моимъ удивленіемъ, *говнѣ* ужасомъ. Онъ меня искренно презиралъ и смѣялся надо мною.

Я предчувствовалъ еще съ самаго начала, что все это пред-назначенно и къ чему-нибудь клонится; но я былъ въ такомъ *вешоженіи*, что во что-бы-то ни стало долженъ былъ его до-слушать. Это было въ интересахъ Наташи, и я долженъ былъ рѣшиться на все и все перенести, потому что въ эту минуту можетъ быть рѣшалось все дѣло. Но какъ можно было слушать эти *циническія*, подлые выходки на ея счетъ, какъ можно было это переносить хладнокровно! А онъ въ добавокъ къ тому, самъ очень хорошо понималъ, что я не могу его не выслушать, и это еще усугубляло обиду. Впрочемъ онъ вѣдь самъ нуждается въ

миѣ, подумалъ я, сталъ отвѣчать ему рѣзко и бранчиво. Онъ понималъ это.

— Вотъ что, молодой мой другъ, началъ онъ, серьезно смотря на меня: — намъ съ вами этакъ продолжать нельзя, а потому лучше уговоримся. Я видите ли, намѣренъ былъ вамъ кое-что высказать, ну, а вы ужь должны быть такъ любезны, чтобы согласиться слушать, что бы я ни сказалъ. Я желаю говорить какъ хочу, и какъ миѣ нравится, да по настоящему такъ и надо. Ну, такъ какъ же, молодой мой другъ, будете вы терпѣливы?

Я скрѣпился и смолчалъ, не смотря на то, что онъ смотрѣлъ на меня съ такою ѣдкою насмѣшкою, какъ-будто самъ вызывалъ меня на самый рѣзкій протестъ. Но онъ понималъ, что я уже согласился не уходить и продолжалъ:

— Не сердитесь на меня, другъ мой. Вы вѣдь на что разсердились? На одну наружность, не правда ли? Вѣдь вы отъ меня, въ самой сущности дѣла, ничего другого и не ожидали, какъ бы я ни говорилъ съ вами: съ раздушонною ли вѣжливостію, или какъ теперь; слѣдовательно смыслъ все-таки былъ бы тотъ же, какъ и теперь. Вы меня презираете, не правда ли? Видите ли, сколько во миѣ этой милой простоты, откровенности, этой bonhomie. Я вамъ во всемъ признаюсь, даже въ моихъ дѣтскихъ капризахъ. Да, mon cher, да, побольше bonhomie и съ вашей стороны, и мы сладимся, сговоримся совершенно и наконецъ поймемъ другъ друга окончатательно. А на меня не дивитесь: миѣ до того наконецъ надоѣли всѣ эти невинности, всѣ эти Алешины пасторали, вся эта шиллеровщина, всѣ эти возвышенности въ этой проклятой связи съ этой Наташей (впрочемъ очень миленькой дѣвочкой), что я такъ сказать поневолѣ радъ случаю, надъ всѣмъ этимъ погримасничать. Ну, случай и вышелъ. Ктому же я хотѣлъ передъ вами излить мою душу. Ха, ха, ха!

— Вы меня удивляете, князь, и я васъ не узнаю. Вы впадаете въ тонъ полишинеля; эти неожиданныя откровенности...

— Ха, ха, ха, а вѣдь это вѣрно отчасти! премиленькое сравненіе! ха, ха, ха! я кучу, мой другъ, я кучу, я радъ и доволенъ, ну, а вы, мой поэтъ, должны ужь оказать миѣ всевозможное снисхожденіе. Но давайте-ка лучше пить, рѣшилъ онъ, совершенно довольный собою, и подливая въ бокаль: — Вотъ что, другъ мой, ужь одинъ тотъ глупый вечеръ, помните у На-

тани, докавалъ меня орончательцо. Правда, сама она была очень мила, но я вышелъ оттуда съ ужасной злобой и не хочу этого забыть. Конечно, будетъ и наше время и даже быстро приближается, но теперь мы это оставимъ. А между прочимъ я хотѣлъ объяснить вамъ, топ амі, что у меня именно есть черта въ характерѣ, — это ненависть ко всѣмъ этимъ пошлымъ, ничего нестоющимъ наивностямъ и пасторалямъ, и одно изъ самыхъ пикантныхъ для меня наслажденій всегда было прикинуться сначала самому на этотъ ладъ, войти въ этотъ тонъ, обласкать, ободрить какого-нибудь Шиллера и потомъ вдругъ еразу, огорошить его; вдругъ поднять передъ нимъ маску и изъ исторженнаго лица сдѣлать ему гримасу, показать ему языкъ, именно въ ту минуту, когда онъ менѣе всего ожидаетъ этого сюрприза. Что? вы этого не понимаете, вамъ это кажется гадкимъ, нелѣпымъ, неблагороднымъ можетъ быть, такъ ли?

— Разумѣется такъ.

— Вы откровенны. Ну, да что же дѣлать, если самого меня мучать! Глупо и я откровененъ, топ амі, но ужъ таковъ мой характеръ. Впрочемъ мнѣ хочется вамъ рассказать кой-какія черты изъ моей жизни. Вы меня поймете лучше, и это будетъ очень любопытно. Да, я дѣйствительно можетъ быть сегодня похожъ на полишинеля; а вѣдь полишинель откровененъ, не правда ли?

— Послушайте, князь, теперь поздно, и право...

— Что? Боже, какая нетерпимость! Да и куда спѣшить? Ну, посидимъ, поговоримъ подружески, искренно, знаете, этакъ за бокаломъ вина, какъ добрые пріатели. Вы думаете, что я пьянъ; ничего, это лучше. Ха, ха, ха! Право, эти дружескія сходки всегда такъ долго потомъ памятны, съ такимъ наслажденіемъ объ нихъ вспоминается. Вы недобрый человекъ, Иванъ Петровичъ! Сантиментальности въ васъ нѣтъ, чувствительности. Ну, что вамъ часикъ, другой для такого друга, какъ я? Ктому же вѣдь это тоже касается къ дѣлу... Ну, какъ этого не понять? А еще литераторъ; да вы бы еще должны были случай благословлять. Вѣдь вы можете съ меня типъ писать, ха, ха, ха! Боже, какъ я мило откровененъ сегодня!

Онъ видимо хмѣлѣлъ. Лицо его измѣнилось и приняло какое-то злобное выраженіе. Ему очевидно хотѣлось лзвить, колоть, кусать, насмѣхаться. Это отчасти и лучше, что онъ пьянъ,

подумалъ я: пьяный всегда разболтаетъ. Впрочемъ, это было събъ на умъ.

— Другъ мой, началъ онъ, видимо наслаждаясь себѣ: — я сдѣлалъ вамъ сейчасъ одно признаніе, можетъ быть даже и неумѣстное, что у меня иногда является непреодолимое желаніе показать кому-нибудь въ извѣстномъ случаѣ языкъ. За эту наивную и простодушную откровенность мою, вы сранили меня съ пульчинелемъ, что меня искренно разсмѣшило. Но если вы упрекаете меня или дивитесь на меня, что я съ вами теперь грубъ и пожалуй еще неблагопристойнъ какъ мужикъ, однимъ словомъ вдругъ перемѣнилъ съ вами тонъ, то вы въ этомъ случаѣ совершенно несправедливы. Во первыхъ, мнѣ такъ угодно, во вторыхъ я не у себя, а съ вами... то есть я хочу сказать, что мы теперь *путими*, какъ добрые пріятели, а въ третьихъ — я ужасно люблю капризы. Знаете ли, что когда-то я въ каприза даже былъ метафизикомъ и филантропомъ и вращался чуть ли не въ такихъ же идеяхъ какъ вы? Это впрочемъ было ужасно давно, въ влаты дни моей юности. Помню, я еще тогда пріѣхалъ къ себѣ въ деревню съ гуманными цѣлями и разумѣется скучалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ; и вы не повѣрите, что тогда случилось со мною? Отъ скуки я началъ тогда знакомиться съ хорошенькими дѣвочками... Да ужъ вы не гримасничаете ли? О, молодой мой другъ! да вѣдь мы теперь въ дружеской сходкѣ. Когда жъ и покутать, когда жъ и распахнуться! Я вѣдь русская натура, неподдѣльная русская натура, патриотъ, люблю распахнуться, да и кому же надо ловить минуту и насладиться жизнью. Умереть и — что тамъ! Ну, такъ вотъ-съ я и волочился. Помню еще у одной пастишки былъ мужъ, красивый молодой мужичекъ. Я его больно наказалъ и въ солдаты хотѣлъ отдать (прошлыя проказы, мой поэтъ!) да и не отдалъ въ солдаты. Умеръ онъ у меня въ больницѣ... У меня вѣдь въ селѣ больница была, на двѣнадцать кроватей, — великолѣпно устроенная; чистота, полы паркетныя. Я впрочемъ ее давно ужъ уничтожилъ, а тогда гордился ею: филантропомъ былъ; ну, а мужичка чуть не засѣкъ за жену... Ну, что вы опять гримасу состроили? Вамъ отвратительно слушать? Возмущаетъ ваши благородныя чувства? Ну, ну, уснойкойте! Все это прошло. Это я сдѣлалъ когда романтизировалъ, хотѣлъ быть благодѣтелемъ челоѣчества, филантропическое общество основать... въ такую тогда колею попалъ. Тогда и сѣкъ. Теперь

не замѣшу; теперь надо гримасничать; теперь мы всѣ гримасничаемъ, — такое время пришло... Но болѣе всего меня омѣшить теперь дуракъ Ихменевъ. Я увѣрю, что онъ зналъ весь этотъ пассажъ съ мужичкомъ... и чтожъ? онъ изъ доброты своей души, созданной камеша изъ патоки, и оттого что влюбился тогда въ меня и самъ же захвалилъ меня самому себѣ, — рѣшился ничему не вѣрить и не повѣрилъ; то есть факту не повѣрилъ и двѣнадцать лѣтъ стоялъ за меня горой до тѣхъ поръ, пока самого не коснулось. Ха, ха, ха! Ну, да все это вздоръ! Вышесть, мой юный другъ. Послушайте; любите вы женщинъ?

И ничего не отвѣчалъ. Я только слушалъ его. Онъ уже началъ вторую бутылку.

— А я люблю о нихъ говорить за ужиномъ. Познакомилъ бы я васъ послѣ ужина съ одной m-lle Philibert, — а? какъ вы думаете? да что съ вами? вы и смотрѣть на меня не хотите... тм!

Онъ было задумался. Но вдругъ поднялъ голову, какъ-то значительно взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Вотъ что, мой поэтъ, хочу я вамъ открыть одну тайну природы, которая кажется вамъ совсѣмъ неизвестна. Я увѣрю, что вы меня называете въ эту минуту грѣшникомъ, можетъ быть даже подлецомъ, чудовищемъ разврата и порока. Но вотъ что я вамъ скажу! еслибъ только могло быть (чего впрочемъ по чело-вѣческой натурѣ, никогда быть не можетъ), еслибъ могло быть, чтобъ каждый изъ насъ описалъ всю свою подноготную, но такъ, чтобъ не побоялся вложить не только то, что онъ боится сказать и ни за что не скажетъ людямъ, но только то, что онъ боится сказать своимъ лучшимъ друзьямъ, но даже и то, въ чемъ боится подчасъ признаться самому себѣ, — то вѣдь на свѣтѣ поднялся бы тогда такой смрадъ, что намъ бы всѣмъ надо было задохнуться. Вотъ почему, говоря въ скобкахъ, такъ хороши наши свѣтскія условія и приличія. Въ нихъ глубокая мысль — не смачу нравственная, но просто предохранительная, комфорта-ная, что разумѣется еще лучше, потомучтѣ нравственность въ сущности тѣтъ же комфортъ, то есть изобрѣтена единственно для комфорта. Но о приличіяхъ послѣ; я теперь сбиваюсь, напомни-те мнѣ о нихъ потомъ. Заключу же такъ: вы меня обвиняете въ веронѣ, развратѣ, безнравственности, а я можетъ быть только тѣтъ и виновать теперь, что *откровеннѣе* другикъ и больше ничего; что не утаиваю того, что другіе скрываютъ даже отъ са-

нить себя, какъ сказалъ я прежде... Это я скверно дѣлаю, но я теперь такъ хочу. Впрочемъ не безпокойтесь, прибавляя онъ, съ насмѣшливою улыбкой; — я сказалъ «визавать», но вѣдь я вовсе не прошу прощенія. Замѣйте себя еще: я не конфужу васъ, не спрашиваю о томъ: нѣтъ ли у васъ у самого какихъ-нибудь такихъ же тайнъ, чтобъ вашими тайнами оправдать и себя... Я поступаю прилично и благородно. Вообще я всегда поступаю благородно...

— Вы просто заговариваетесь, сказалъ я, съ презрѣшимъ смотря на него.

— Заговариваюсь, ха, ха, ха! а сказать, объ чемъ вы теперь думаете? Вы думаете: Зачѣмъ это я завезъ васъ сюда и заручи ни съ того ни съ сего, такъ передъ вами разоткровенничался? Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, это вы послѣ узнаете.

— А проще всего, вы выжили чуть не двѣ бутылки и... охмѣлѣли.

— То есть, просто пьянъ. И это можетъ быть. «Охмѣлѣли!» то есть, это по нѣжнѣ, чѣмъ пьянъ. О преисполненный деликатностей человекъ! Но... мы кажется опять начали браниться, а заговорили было о такомъ интересномъ предметѣ. Да, мой поэтъ, если еще есть на свѣтѣ что-нибудь хорошенькое и сладенькое, такъ это женщины.

— Знаете ли, князь, я все-таки не понимаю, почему вамъ вздумалось выбрать именно меня конфидентомъ вашихъ тайнъ и любовныхъ... стремленій.

— Гм... да вѣдь я вамъ сказалъ, что узнаете послѣ. Не безпокойтесь, а впрочемъ хоть бы и такъ, безо всякихъ причинъ; вы поэтъ, вы меня поймете, да я ужъ и говорилъ вамъ объ этомъ. Есть особое сладострастіе въ этомъ внезапномъ срывѣ маски, въ этомъ цинизмѣ съ которымъ человекъ вдругъ высказывается передъ другимъ въ такомъ видѣ, что даже не удостоиваетъ и постыдиться передъ нимъ. Я вамъ расскажу анекдотъ: былъ въ Парижѣ одинъ сумасшедшій чиновникъ; его потомъ посадили въ сумасшедшій домъ, когда волюнъ убѣдились что онъ сумасшедшій. Ну такъ, когда онъ сходилъ съ ума, то вотъ что выдумалъ для своего удовольствія: онъ раздѣвался у себя дома, совершенно, какъ Адамъ, оставляя на себѣ одну обую, накин-

двигалъ на себя широкій плащъ до пятъ, закутывался въ него, и съ важной величественной миной выходилъ на улицу. Ну, съ боку посмотрѣть, — человекъ какъ и всѣ, прогуливается себѣ въ широкомъ плащѣ для своего удовольствія. Но лишь только случалось ему встрѣтить какого-нибудь прохожаго, гдѣ-нибудь задвѣнъ, такъ чтобъ кругомъ никого не было, онъ молча шолъ на него, съ самымъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, вдругъ останавливался передъ нимъ, развертывалъ свой плащъ и показывалъ себя во всемъ... чистосердечіи. Это продолжалось одну минуту, потомъ онъ заворачивался опять и молча, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ лица, проходилъ мимо остолбенѣвшаго отъ изумленія зрителя, важно, плавно, какъ тѣнь въ Гамлетѣ. Такъ онъ поступалъ со всѣми, съ мушкетерами, женщинами и дѣтми, и въ этомъ состояло все его удовольствіе. Вотъ часть-то этого самаго удовольствія и можно находить, внезапно огорошивъ какого-нибудь Шиллера и высунувъ ему языкъ, когда онъ всего менѣе ожидаетъ этого. «Огорошивъ» — каково словечко? Я его вычиталъ гдѣ-то въ вашей же современной литературѣ...

— Ну такъ то былъ сумасшедшій, а вы...

— Себѣ на-умѣ?

— Да.

Князь захохоталъ.

— Вы справедливо судите, мой милый, прибавилъ онъ съ самымъ наглымъ выраженіемъ лица.

— Князь, сказалъ я, разгорячившись отъ его нахальства, — вы насъ ненавидите, въ томъ числѣ и меня, и истите мнѣ теперь за все и за всѣхъ. Все это въ васъ изъ самаго мелкаго самолюбія. Вы злы и мелочно злы. Мы васъ разозлили, и можетъ быть больше всего вы сердитесь за тотъ вечеръ. Разумѣется вы ничѣмъ такъ сильно не могли отплатить мнѣ, какъ этимъ окончательнымъ презрѣніемъ ко мнѣ, неуваженіемъ ко мнѣ; вы избавляете себя даже отъ обыденной и всѣмъ обязательной вѣжливости, которою мы всѣ другъ другу обязаны. Вы ясно хотите показать мнѣ, что даже не удостоиваете постыдиться меня, срывая передо мной такъ откровенно и такъ неожиданно вашу гадкую маску и выставляясь передо мной въ такомъ нравственномъ нагнѣ... ..

— Для чего жъ вы это мнѣ все говорите? спросилъ онъ, гру-

было изнеможенно смотря на меня. — Чтобы показать свою признательность?

— Чтобы показать, что я васъ почитаю и заявить это передъ вами.

— Quelle idée, mon cher, продолжалъ онъ вдругъ переименуя свой тонъ на прежній веселый и болтливо-добродушный. — Вы только отбили меня отъ предмета: Выводъ, mon ami, позволяете вамъ назвать. А я только что былъ хотѣлъ рассказать одно прелестнѣйшее и чрезвычайно-любопытное приключеніе. Расскажу его вамъ въ общихъ чертахъ. Былъ я знакомъ, когда-то, съ одной барыней; была она не первой молодости, а такъ, лѣтъ двадцати семи-восьми; — красавица первостепенная! что за бюстъ, что за осанка, что за походка! она глядѣла провантально, какъ орлица; но всегда сурово и строго; держала себя величаво и недоступно. Она слыла холодною, какъ крещенская зима и замуровывала всѣхъ своею недосыгаемою, своею грозною добродѣтелью. Именно грозною. Не было во всемъ ея кругѣ, такого нетерпимаго судьи, какъ она. Она карала не только пороки, но даже малѣйшую слабость въ другихъ женщинахъ и карала безвозвратно, безъ апелляціи. Въ своемъ кругѣ она имѣла огромное значеніе. Самыя гордыя и самыя страшныя по своей добродѣтели старухи, почитали ее, даже заискивали въ ней. Она смотрѣла на всѣхъ безстрастно-жестоко, какъ абесса средневѣкового монастыря. Молодыя женщины трепетали ея взгляда и сужденія. Одно ея замѣчаніе, одинъ намекъ ея уже могъ погубить репутацію, — ужъ такъ она себя поставила въ обществѣ, — боялись ее даже мужчины. Наконецъ она бросилась въ какой-то созерцательный мистицизмъ, впрочемъ тоже спокойный и величавый... И что-жь? Не было развратницы развратнѣ этой женщины, и я имѣлъ счастье заслужить вполне ея довѣренность. Однимъ словомъ — я былъ ея тайнымъ и таинственнымъ любовникомъ. Своенія наши были устроены до того ловко, до того мастерски, что даже никто изъ домашнихъ не могъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія; только одна ея прекоророшенькая камеристка, французенка, была посвящена во всѣ ея тайны, но на эту камеристку можно было вполне положиться: она тоже брала участіе въ дѣлѣ, — какимъ образомъ? я это теперь опущу! Барыня моя была сладострастна до того, что самъ маркизъ де Садъ могъ бы у ней поучиться. Но самое сильное, самое пронзи-

тельное и потрясающее въ этомъ наслажденіи, — была его таинственность и наглость обмана. Эта насмѣшка надъ всѣмъ; надъ всѣми уставами человѣческими; надъ всѣмъ, о чемъ графиня проповѣдывала въ обществѣ какъ о высокомъ, недоступномъ и ненарушимомъ, и наконецъ, этотъ внутренній, дьявольскій хохотъ и сознательное понираніе всего, чего нельзя попить — и все это безъ предѣловъ, доведенное до самой послѣдней степени, до такой степени, о которой самое горячее воображеніе не смѣло бы и подумать, — вотъ въ этомъ-то, главное, и заключалась самая яркая черта этого наслажденія. Да, это былъ самъ дьяволъ во плоти, но онъ былъ непобѣдимо-очарователенъ. Я и теперь не могу припомнить о ней безъ восторга. Въ шллу самыхъ горячихъ наслажденій, она вдругъ хохотала какъ изступленная, и я понималъ, вполнѣ понималъ этотъ хохотъ, и самъ хохоталъ... Я еще и теперь задыхаюсь, при одномъ воспоминаніи, хотя тому уже много лѣтъ. Черезъ годъ она перемѣнила меня. Еслибъ я и хотѣлъ, я бы не могъ повредить ей. Ну, кто бы могъ мнѣ повѣрить? Каковъ характеръ? что скажете, молодой мой другъ?

— Фу, какая пакость! отвѣчалъ я, — съ отвращеніемъ выслушавъ это признаніе.

— Вы бы не были молодымъ жонмъ другомъ, еслибъ отвѣчали иначе! Я такъ и зналъ, что вы это скажете. Ха, ха, ха! Подождите, mon ami, поживете и поймете, а теперь, — теперь вамъ еще нужно прыгачка. Нѣтъ, mon ami, вы не пѣтѣ послѣ этого: эта женщина понимала жизнь и умѣла ею воспользоваться. А вы, — вы всю жизнь свою взяли на прокатъ, вы переживаете не свое: вамъ чужіе ея разливали, еще прежде чѣмъ вы родились, — а вы и не подумали ни разу, что стоитъ захотѣть, стоитъ хоть на мгновеніе показать свою самостоятельность, хоть стотысячную долю самостоятельности, и жизнь будетъ ваша, вполнѣ ваша, оригинальная, вами изобрѣтенная и сочиненная, полная и богатая, въ которой во сто разъ будетъ больше настоящихъ жизненныхъ соковъ, чѣмъ теперь ваша жалкая жизнь на прокатъ, жизнь приказанная паповъкой и маменькой.

— Я понимаю, о чемъ вы говорите, отвѣчалъ я ему, — но развѣ самостоятельность неврѣменно должна довести до такого звѣрства?

— До какого звѣрства?

— До котораго дошла эта женщина и вы съ нею.

— А, вы называете это зѣвствомъ, — признакъ, что вы асе още на помочахъ и на веревочкѣ. Конечно, я признаю, что самостоятельность можетъ явиться и совершенно въ противоположномъ, но... будемъ говорить попросту, шор аті... согласитесь сами, вѣдь все это вздоръ.

— Что же не вздоръ?

— Не вздоръ — это личность, это я самъ. Все для меня и весь міръ для меня созданъ. Послушайте, мой другъ, но я еще вѣрую въ то, что на свѣтѣ можно хорошо пожить. А это самая лучшая вѣра, потому что безъ нея даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться. Говорятъ, такъ и сдѣлалъ какой-то дуракъ. Онъ зафилософовался до того, что разрушилъ все, все, даже законность всѣхъ нормальныхъ и естественныхъ обязанностей человѣческихъ и дошелъ до того что ничего у него не осталось; остался въ итогѣ нуль, вотъ онъ и провозгласилъ, что въ жизни самое лучшее синильная кислота. Вы скажете: это Гамлетъ, это грозное отчаяніе, однимъ словомъ что нибудь такое величавое, что вамъ и не приснится никогда. Но вы поэтъ, а я простой человѣкъ, и потому скажу, что надо смотрѣть на дѣло съ самой простой, практической точки зрѣнія. Я на примѣръ уже давно освободилъ свою личность отъ всѣхъ путъ и даже обязанностей. Я считаю себя обязаннымъ только тогда, когда это мнѣ принесетъ какую-нибудь пользу. Вы, разумѣется, не можете такъ смотрѣть на вещи; у васъ ноги слутаны и вкусъ больной. Вы толкуете по идеалу, по добродѣтелямъ. Но, другъ мой, я вѣдь самъ готовъ признавать все что прикажете; но что же мнѣ дѣлать, если я навѣрно знаю, что въ основаніи всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей лежитъ глубочайшій эгоизмъ. И чѣмъ добродѣтельнѣе дѣло, — тѣмъ болѣе тутъ эгоизма. Люби самага себя, — вотъ одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сдѣлка; даромъ не бросайте денегъ, но пожалуй платите за угожденіе, и вы исполните всѣ свои обязанности къ ближнему, — вотъ моя нравственность, если ужъ вамъ ее непременно нужно, хотя признаю вамъ, по моему думіе и не платить своему ближнему, а стумѣть заставить его дѣлать даромъ. Идеаловъ я не имѣю и не хочу имѣть; тоски по нихъ никогда не чувствовалъ. Въ свѣтѣ можно такъ весело, такъ много прожить и безъ идеаловъ... и ер сомне, я очень радъ, что могу обойтись безъ синильной кислоты. Вѣдь будь я немного

добродетельяле, я бы можетъ быть безъ нел и не обошлось, какъ тотъ дуракъ-философъ (безъ сомнѣнія нѣмецъ). Нѣтъ! въ жизни такъ много еще хорошаго! Я люблю значеніе, чинъ и отель; огромную ставку въ карты (ужасно люблю карты). Но главное, главное — женщины... и женщины во всѣхъ видахъ; я даже люблю потаенный, темный развратъ, пограничье и оригинальчье, даже пещищко свѣрзотной для разнообразія... Ха ха ха! Смотрю я на ваше лицо: съ какимъ презрѣніемъ смотрите вы на меня теперь!

— Вы правы, отвѣчалъ я.

— Ну положимъ, что и вы правы, но вѣдь во всякомъ случаѣ лучше грязнотца, чѣмъ сивильная кислота. Не правда ли?

— Нѣтъ ужъ сивильная кислота лучше.

— Я нарочно спросилъ васъ: не правда ли? чтобъ насладиться вашимъ отвѣтомъ; я его зналъ заранѣе. Нѣтъ, мой другъ; если вы истинный челоуѣколюбець, то пожелаите всѣмъ умнымъ людямъ такого же вкуса какъ у меня, даже и съ грязнотной, иначе вѣдь умному челоуѣку скоро нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ и останутся одни только дураки. То то имъ счастье будетъ! Давѣдь и теперь есть пословица: дуракамъ счастье, и амаете ли, топ ами, нѣтъ ничего пріятнѣе какъ жить съ дураками и поддакивать имъ: выгодно! Вы не смотрите на меня, что я даже иногда дорожу предразсудками, держусь извѣстныхъ условій, добиваюсь значенія; вѣдь я вижу, что я живу въ обществѣ пустомъ; но въ немъ покажѣтся тепло, и я ему поддакиваю, показываю, что за него горой, а при случаѣ я первый его и оставляю. Я вѣдь всѣ ваши новыя идеи знаю, хоть и никогда не страдаю отъ нихъ, да и не отчего. Угрызеній совѣсти у меня никогда не было ни о чемъ. Я на все согласенъ, было бы мнѣ хорошо, и насъ такихъ легионъ, и намъ дѣйствительно хорошо. Все на свѣтѣ можетъ погибнуть, одни мы никогда не погибнемъ. Мы существуемъ съ тѣхъ поръ какъ мѣръ существуетъ. Весь мѣръ можетъ куда-нибудь провалиться, но мы всплывемъ, мы всегда всплывемъ наверхъ.

Кстати: посмотрите хоть ужъ на одно то, какъ живучи такіе люди какъ мы. Вѣдь мы примѣрно, феноменально живучи; пора-жале васъ это когда нибудь? Мы доживаемъ до восьмидесяти, до девяноста лѣтъ? Значитъ сама природа насъ покровительствуетъ, ха, ха, ха! Я хочу непременно жить до девяноста лѣтъ. Я смер-

ти не люблю и боюсь ее. Вѣдь чортъ знаетъ еще какъ прелезетъ умереть! Но къ чему говорить объ этомъ! Это меня огорчило, а философовъ раззадорило. Къ чорту философію! Vivez, mon cher! Вѣдь вы начинали было говорить о хорошихъ дѣвушкахъ... Куда это вы?

— Я иду, князь, да и вамъ пора...

— Полноте, полноте! Я такъ сказать открылъ передъ вами все мое сердце, а вы даже и не чувствуете такого яркаго доказательства дружбы. Хе, хе, хе! въ васъ мало любви, mon cher! Но постойте, я хочу еще бутылку...

— Третью?

— Третью. Про добродѣтель, мой юный питомецъ, (вы мнѣ позволите назвать себя этимъ сладкимъ именемъ: кто знаетъ, можетъ быть моя поученія пойдутъ и впрокъ)... Итакъ, мой питомецъ, про добродѣтель я ужъ сказалъ вамъ: «чѣмъ добродѣтель добродѣтельнѣе, тѣмъ больше въ ней эгоизма.» Хочу вамъ рассказать на эту тему одинъ премиленькій анекдотъ: я любилъ однажды одну дѣвушку и любилъ почти искренно. Она даже многимъ для меня пожертвовала...

— Это та, которую вы обокрали? грубо спросилъ я, не желая болѣе сдерживаться.

Князь вздрогнулъ, переѣмился въ лицѣ, и утѣвился на меня своими воспаленными глазами; въ его взглядѣ было недоумѣніе и бѣшенство.

— Постойте, проговорилъ онъ какъ бы про себя, — постойте, дайте мнѣ сообразить. Я дѣйствительно пьянъ и мнѣ трудно сообразить...

Онъ замолчалъ и пылливо, съ той же злобой смотрѣлъ на меня, придерживая мою руку своей рукойъ, какъ бы боясь, чтобы я не ушелъ. Я увѣренъ, что въ эту минуту, онъ соображалъ и доискивался, откуда я могу знать это дѣло, почти никому неизвѣстное, и нѣтъ ли во всемъ этомъ какой нибудь опасности? Такъ продолжалось съ минуту; но вдругъ лицо его быстро измѣнилось; прежнее насмѣшливое, пьяно-веселое выраженіе появилось снова въ его глазахъ. Онъ захохоталъ.

— Ха, ха, ха! Талейранъ да и только! Ну чтожъ, mon cher; я дѣйствительно стоялъ передъ ней, какъ ослѣпанный, тогда она бринула мнѣ въ глаза, что и обокрала ее! Какъ она взглянула въ эту минуту, какъ ругалась! Бѣшеная была женщина

и... быть всякой выдержки. Но посудите сами, мой ами. Во-первыхъ, я вовсе не обижалъ ея, какъ вы сейчасъ выразились. Она подарила мнѣ свои деньги сама и они уже были мои. Ну положимъ, если мнѣ дарите вашу лучшій фракъ (говоря это, онъ взглянулъ на мой единственный и довольно-безобразный фракъ, шитый года три назадъ портнымъ Иваномъ Скорнягинымъ), я вамъ благодарю, пошу его, вдругъ черезъ годъ вы поссорились со мной и требуете его назадъ, а я ужь его износилъ. Это неблагопрочно; вачѣмъ же дарить? Во-вторыхъ, я, не смотря на то, что деньги были мои, непременно бы возвратилъ ихъ назадъ, но согласитесь сами: гдѣ же я вдругъ могъ собрать такую сумму, а главное, я терпѣть не могу пасторалей и шиллеровщины, я ужь вамъ говорилъ, — ну это-то и было всему причиною. Вы не отрицаете, какъ она рисовалась переле мною, крича, что дарить мнѣ (впрочемъ мои же) деньги. Злость вала меня, и я вдругъ сумѣлъ разсудить совершенно правильно, потому что присутствіе лука никогда не оставляетъ меня: я разсудилъ, что отдавъ ей деньги, сделаю ее можетъ быть даже несчастною. Я бы отнял у ней наслажденіе быть несчастной вполнѣ изъ-за меня, и проклинать меня за это всю свою жизнь. Повѣрьте, мой другъ, въ несчастіи такого рода есть даже какое-то высшее упоеніе сознавать себя вполнѣ правымъ и великодушнымъ и имѣть полное право назвать своего обидчика подлецомъ. Это упоеніе злобы, у шиллеровскихъ натуръ разумѣется, — можетъ быть потомъ ей было нечего вѣсть, но я увѣренъ, что она была счастлива. Я и не хотѣлъ лишитъ ее этого счастья и не отослалъ ей денегъ. Такимъ образомъ и оправдано вполнѣ мое правило, что нѣмъ громче и крупнѣй человѣческое великодушіе, тѣмъ больше въ немъ самаго отвратительнаго эгоизма... Неужели вамъ это неясно, мой сест? Но... вы хотѣли поддѣть меня, ха, ха, ха!.. ну признайтесь, хотѣли поддѣть?.. о Талейранъ!

— Прощайте! сказалъ я, вставая.

— Минутку! два заключительныхъ слова, вскричалъ, онъ измѣняя вдругъ свой гадкій тонъ на серьезный. Выслушайте мое послѣднее: изъ всего что я сказалъ вамъ, слѣдуетъ ясно и ясно, (думаю что и вы сами это замѣтили), что я никогда и ни для кого не хочу упускать мою выгоду. Я люблю деньги, и мнѣ они надобны. У Кати ихъ много; ея отецъ десять лѣтъ совершалъ вышній откупъ. У ней три милліона, и эти три милліона

миѣ очень пригодятся. Алеша и Катя, — совершенная пара: оба дураки въ послѣдней степени: миѣ того и надо. И потому я непременно желаю и хочу, чтобъ ихъ бракъ устроился и какъ можно скорѣе. Недѣли черезъ двѣ, черезъ три графиня и Катя ѣдутъ въ деревню. Алеша долженъ сопровождать ихъ. Предупреждаю Наталью Николаевну: чтобъ не было восторгалей, чтобъ не было шиллеровщины, чтобъ противъ меня не возставали. Я нестателевъ и золъ; я за свое постою. Ея я не боюсь: все безъ сомнѣнія будетъ по моему, и потому если предупреждаю теперь, то почти для нея же самой. Смотрите же, чтобъ не было глупостей и чтобъ вела она себя благоразумно. Не то ей будетъ плохо, очень плохо: Ужь она за то только должна быть миѣ благодарна, что я не поступилъ съ нею какъ слѣдуетъ, по законамъ. Знайте, мой поэтъ, что законы ограждаютъ семейное спокойствіе; они гарантируютъ отца въ повиновеніи сына и что тѣ, которые отвлекаютъ дѣтей отъ священныхъ обязанностей къ ихъ родителямъ, законами не поощряются. Сообразите, наконецъ, что у меня есть связи, что у ней никакихъ и... неужели вы не понимаете, что я бы могъ съ ней сдѣлать?.. но я не сдѣлалъ, потому что до сихъ поръ она вела себя благоразумно. Не безпокойтесь: каждую минуту, за каждымъ движеніемъ ихъ присматривали зоркіе глаза всѣ эти полгода, и я зналъ все до послѣдней мелочи. И потому я спокойно ждалъ, пока Алеша самъ ее броситъ, что ужъ и начинается; а покамѣстъ ему милое развлеченіе. Я же остался въ его понятіяхъ гуманнѣе, а миѣ надо, чтобъ онъ такъ обо миѣ думалъ. Ха, ха, ха! Какъ вспомню, я что чуть не комплементы ей дѣлалъ, тогда вечеромъ, что она была такъ великодушна и безкорыстна, что не вышла за него замужъ; желалъ бы я знать какъ бы она вышла! Что же касается до моего тогдашняго къ ней пріѣзда, то все это было единственно для того, что ужъ пора было кончить ихъ связь. Но миѣ надобно было увѣриться во всемъ своими глазами, своимъ собственнымъ опытомъ... Ну довольно ли съ васъ? или вы можетъ быть хотите узнать еще: для чего я завезъ васъ сюда, для чего я передъ вами такъ ломался и такъ просто откровенничалъ, тогда какъ все это можно было высказать безъ всякихъ откровенностей, — да?

— Да. Я скрѣпился и жадно слушалъ, Миѣ нечего было отвѣчать ему болѣе.

— Единственно потому, мой другъ, что въ васъ я замѣтилъ

нѣсколько болѣе благоразумія и яснаго взгляда на вещи, чѣмъ въ обонхъ нашихъ дурачкахъ. Вы могли и раньше зпать кто я, предугадывать, составлять предположенія обо мнѣ, но я хотѣлъ васъ избавить отъ всего этого труда и рѣшился вамъ наглядно показать съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Дѣйствительное впечатлѣніе великая вещь. Поймите же меня, мой ами. Вы знаете съ кѣмъ имѣете дѣло, ес вы любите, и потому, я надѣюсь теперь, что вы употребите все свое вліяніе (а вы-таки имѣете на нее вліяніе), чтобъ избавить ее отъ *нѣкоторыхъ* хлопотъ. Иначе, — будутъ хлопоты и увѣрю, увѣрю васъ, что не шуточные. Ну-съ, наконецъ третья причина моихъ съ вами откровенностей это... (да вы вы угадали же, мой ами); да, мнѣ дѣйствительно хотѣлось поплевать немножко на все это дѣло, и поплевать имѣнно въ ваши глаза...

— И вы достигли вашей цѣли, сказалъ я, дрожа отъ волненія. Я согласенъ, что ничѣмъ вы не могли такъ выразить передо мной всей вашей злобы, и всего презрѣнія вашего ко мнѣ, и къ всѣмъ вамъ, какъ этимъ откровенностямъ. Вы не только не опасались, что ваши откровенности могутъ васъ передо мной компрометировать; но даже и не стыдились меня... Вы дѣйствительно походили на того сумасшедшаго въ плащѣ. Вы меня за челоуѣка не считали.

— Вы угадали, мой юный другъ, сказалъ онъ вставая, — вы все угадали: не даромъ же вы литераторъ. Надѣюсь, что мы разстанемся дружелюбно. Брудершафтъ вѣдь не будемъ пить?

— Вы пьяны, и единственно потому я не отвѣчаю вамъ какъ бы следовало...

— Опять фигура умолчанія, — не договорили какъ следовало бы отвѣчать, ха-ха-ха? Заплатить за васъ вы мнѣ не позволете?

— Не беспокойтесь, я самъ заплачу.

— Ну, ужъ безъ сомнѣнья. Вѣдь намъ не по дорогѣ?

— Я съ вами не поѣду.

— Прощайте, мой поэтъ. Надѣюсь, что вы меня поняли...

Онъ вышелъ; шагая нѣсколько не твердо и не оборачиваясь ко мнѣ. Лакей усадилъ его въ коляску. Я пошелъ своею дорогою. Былъ третій часъ утра. Шелъ дождь, ночь была темная.

ГЛАВА IV

Не стану описывать моего озлобления, Не смотря на то, что можно было всего ожидать, я был пораженъ; точно онъ предсталъ предо мной во всемъ своемъ безобразіи совсѣмъ неожиданно. Впрочемъ, помню, ощущенія мои были смутны; какъ будто я былъ чѣмъ-то придавленъ, ушибенъ, и черная тоска все больше и больше сосала мнѣ сердце; я боялся за Натану, Я предчувствовалъ ей много мукъ впереди и смутно заботился, какъ бы нѣтъ обойти, какъ бы облегчить эти послѣднія минуты, передъ окончательной развязкой всего дѣла. Въ развязкѣ же сомнѣнія не было никакого. Она приближалась и какъ будто не угадать какова она будетъ!

Я и не замѣтилъ какъ дошелъ домой, хотя дождь мочилъ меня всю дорогу. Было уже часа три утра. Не успѣвъ я стукнуть въ дверь моей квартиры, какъ послышался стонъ, и дверь торопливо начала отпираться, какъ будто Нелли и не дожидаясь спать, а все время сторожила меня у самого порога. Свѣчка горѣла. Я взглянулъ въ лицо Нелли и испугался; оно все измѣнилось: глаза горѣли какъ въ горячкѣ, и смотрѣли какъ-то дико, точно она не узнавала меня. Съ ней былъ сильный жаръ.

— Нелли, что съ тобой, ты больна? — спросилъ я, хватаясь къ ней и обнявъ ее рукой.

Она трепетно прижалась ко мнѣ, какъ будто боялась чего-то, что-то заговорила, скоро, порывисто, какъ будто только и ждала меня, чтобъ поскорѣй мнѣ это рассказать. Но слова ея были безсвязны и странны; я ничего не понялъ, она была въ бреду.

Я повелъ ее поскорѣй на постель. Но она все бросалась ко мнѣ и прижималась крѣпко, какъ будто въ испугѣ, какъ будто прося защитить себя отъ кого-то и когда уже легла въ постель, все еще хваталась за мою руку и крѣпко держала ее, боясь, чтобъ я опять не ушелъ. Я былъ до того потрясенъ и разстроенъ нервами, что глядя на нее, даже заплакалъ. Я самъ былъ боленъ. Увидя мои слезы, она долго и неподвижно вглядывалась въ меня съ усиленнымъ, напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто стараясь что-то осмыслить и сообразить. Видно было, что ей стоило это

большихъ усилій. Наконецъ что-то похожее на мысль прояснилось въ лицѣ ея; послѣ сильнаго припадка падучей болѣзни, она обыкновенно нѣкоторое время не могла соображать свои мысли и внятно произносить слова. Такъ было и теперь; слѣлавъ надъ собою чрезвычайное усиліе, чтобъ выговорить мнѣ что-то и догадавшись, что я не понимаю, она протянула свою рученку и начала отирать мои слезы, потомъ обхватила мою шею, нагнула меня къ себѣ и поцѣловала.

Было ясно: съ ней безъ меня былъ припадокъ и случился онъ именно въ то мгновеніе, когда она стояла у самой двери. Очнувшись отъ припадка, она вѣроятно долго не могла придти къ себѣ. Въ это время дѣйствительность смѣшивается съ бредомъ, и ей вѣрно воображилось что нибудь ужасное, какіе нибудь страхи. Въ то же время она смутно сознавала, что я долженъ воротиться и буду стучаться у дверей, а потому, лежа у самаго порога на полу, чутко ждала моего возвращенія и приподнялась на мой первый стукъ.

Но для чего жъ она какъ разъ очутилась у дверей? подумавъ я, и вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она была въ шубейкѣ (я только что купилъ ей шубку у знакомой старухи-торговки, зашедшей ко мнѣ на квартиру и уступавшей мнѣ иногда свой товаръ въ долгъ); слѣдовательно она собиралась куда-то идти со двора и вѣроятно уже отпирала дверь, какъ вдругъ эпилепсія поразила ее. Куда жъ она хотѣла идти? Ужь не была ли она и тогда въ бреду?

Между тѣмъ жаръ не проходилъ и она скоро опять впала въ бредъ и безпамятство. Съ ней былъ уже два раза припадокъ на всей квартирѣ, но всегда оканчивался благополучно, а теперь она была точно въ горячкѣ. Посидѣвъ надъ ней съ полчаса, я примостилъ къ дивану стулья и легъ, какъ былъ одѣтый, близъ нея, чтобы скорѣй проснуться, еслибъ она меня позвала. Свѣчки я не тушилъ. Много разъ еще я взглядывалъ на нее прежде чѣмъ самъ заснулъ. Она была блѣдна; губы запекшіяся отъ жару и окровавленныя вѣроятно отъ паденія. Съ лица не сходило выраженіе страха и какой-то мучительной тоски, которая казалась не покидала ее даже во снѣ. Я рѣшился на завтра какъ можно раньше сходить къ доктору, еслибъ ей стало хуже. Болла-ся я, чтобъ не приключилось настоящей горячки.

— Это ее князь напугалъ! подумалъ я съ содроганіемъ, и

вспомнить рассказъ его о женщинахъ, бросающей ему въ лице свои деньги.

ГЛАВА V

... Прошло двѣ недѣли; Нелли выздоравливала, Горячки съ ней не было, но была она сильно больна. Она встала съ постели уже въ концѣ апрѣля, въ свѣтлый, ясный день. Была страстная недѣля.

Бѣдное созданіе! Я не могу продолжать моего разсказа въ прежнемъ порядкѣ. Много прошло уже времени до теперашней минуты, когда я записываю все это прошлое, но до сихъ поръ, съ такою, пронзительной тоскою вспоминается мнѣ это блѣдное, худенькое личико, эти пронзительные долгіе взгляды ея черныхъ глазъ, когда бывало мы оставались вдвоемъ и она смотритъ на меня съ своей постели, смотреть, долго смотреть, какъ бы вызывая меня угадать, что у ней на умѣ; но видя, что я не угадываю и все въ прежнемъ недоумѣніи, тихо и какъ будто про себя улыбнется и вдругъ ласково протянетъ мнѣ свою горячую ручку съ худенькими, высохшими пальчиками. Теперь все прошло, уже все извѣстно, а до сихъ поръ я не знаю всей тайны этого больного, измученнаго и оскорбленнаго маленькаго сердца.

Я чувствую, что я отвлекусь отъ разсказа, но въ эту минуту мнѣ хочется думать объ одной только Нелли. Странно: теперь, когда я лежу на больничной койкѣ одинъ, оставленный всѣми, кого я такъ много и сильно любилъ, — теперь иногда одна какая нибудь мелкая черта изъ того времени, тогда часто для меня непримѣтная и скоро забываемая, вдругъ приходитъ на память, впечатлѣніе получаетъ въ моемъ умѣ совершенно другое значеніе, цѣльное и объясняющее мнѣ теперь то, чего я даже до сихъ поръ не умѣлъ понять.

Первые четыре дня ея болѣзни мы, я и докторъ, ужасно за нее боялись, но на пятый день докторъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что бояться нечего, и она непременно выздоровѣетъ. Это былъ тотъ самый докторъ, давно знакомый мнѣ старый холостякъ, добрякъ и чулакъ, котораго я призывалъ еще въ первую болѣзнь Нелли и который такъ порадовалъ ее своимъ Станиславомъ на шеѣ, чрезвычайныхъ размѣровъ.

— Стало бытъ совсѣмъ нечего бояться! сказалъ я, обрадовавшись.

— Да; она теперь выздоровѣетъ, но потому она весьма скоро умретъ.

— Какъ умретъ! да почему же! вскричалъ я, ошеломленный такимъ приговоромъ.

— Да; она непремѣнно весьма скоро умретъ. У пациентки органическій порокъ въ сердцѣ, и при малѣйшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, она сляжетъ снова. Можетъ быть снова выздороветь, но потомъ опять сляжетъ снова и наконецъ умретъ.

— И неужели жъ нельзя никакъ спасти ее? Нѣтъ, этого быть не можетъ!

— Но это должно быть. И однако при удаленіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при спокойной и тихой жизни, когда будетъ болѣе удовольствій, пациентка еще можетъ быть отдалена отъ смерти, и даже бываютъ случаи... неожиданные... ненормальные и странные... однимъ словомъ пациентка даже можетъ быть спасена, при совокупленіи многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, но радикально спасена — никогда.

— Но, Боже мой, что же теперь дѣлать?

— Слѣдовать совѣтамъ, вести покойную жизнь и исправно принимать порошки. Я замѣтилъ, что эта дѣвица капризна, перовпаго характера и даже насмѣшлива; она очень не любитъ исправно принимать порошки и вотъ сейчасъ рѣшительно отказалась.

— Да, докторъ. Она дѣйствительно странная, но я все приписываю болѣзненному раздраженію. Вчера она была очень послушна; сегодня же, когда я ей подносилъ лекарства, она выкинула ложку какъ будто печаянно, и все пролилось. Когда же я хотѣлъ развести новый порошокъ, она вырвала у меня всю коробку и ударила ее объ полъ, а потомъ залилась слезами... Только кажется не оттого, что ее заставляли принимать порошки, прибавилъ я подумавъ.

— Гм. ирритация. Прежнія большія несчастья (я подробно и откровенно разсказалъ доктору многое изъ исторіи Нелли, и разсказъ мой очень поразилъ его), все это въ связи, и вотъ отъ этого и болѣзнь. Покамѣстъ единственное средство — принимать порошки, и она должна принять порошокъ. Я пойду и еще разъ постараюсь внушить ей ея обязанность слушаться медицинскихъ совѣтовъ и... то есть говоря вообще... принимать порошки.

Мы оба вышли изъ кухни (въ которой и происходило наше свиданіе), и докторъ снова приблизился къ постели больной. Но Нелли кажется вѣсть слышала; но крайней мѣрѣ она приподняла голову съ подушекъ и обративъ въ нашу сторону ухо, все время чутко прислушивалась. Я замѣтилъ это въ щель полуотворенной двери; когда же мы пошли къ ней, плаутовка юркнула впродъ одѣла и поглядывала на насъ съ насильственной улыбкой. Бѣдняжка очень похудѣла въ эти четыре дня болѣзни: глаза ввалились, жаръ все еще не проходилъ. Тѣмъ страшнѣе шло къ ея лицу паловливый видъ и задорные блестящія взгляды, очень удивлявшіе доктора, самаго добрейшаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ людей въ Петербургѣ.

Онъ серьезно, но стараясь какъ можно смягчить свой голосъ, ласковымъ и вѣжливѣйшимъ тономъ изложилъ необходимость и спасительность порошковъ, а слѣдственно и обязанность каждаго больного принимать ихъ. Нелли приподняла было голову, но вдругъ, повидимому совершенно нечаяннымъ движеніемъ руки, задѣла ложку, и все лекарство пролилось опять на полъ. Я увѣренъ, что она это сдѣлала нарочно.

— Это очень непріятная неосторожность, — спокойно сказалъ старичекъ, — и я подозреваю, что вы сдѣлали это нарочно, что очень не похвально. Но... можно все исправить и еще развести порошокъ.

Нелли засмѣялась ему прямо въ глаза.

Докторъ методически покачалъ головою.

— Это очень не хорошо, сказалъ онъ, разводя новый порошокъ, — очень, очень непохвально.

— Не сердитесь на меня, отвѣчала Нелли, тщетно стараясь не засмѣяться снова, — я непременно приму... А любите вы меня?

— Если вы будете вести себя похвально, то очень буду любить.

— Очень?

— Очень.

— А теперь не любите?

— И теперь люблю.

— А поцѣлуете меня, если я захочу васъ поцѣловать?

— Да, если вы будете того заслуживать.

Тутъ Нелли опять не могла вытерпѣть и снова засмѣялась.

— У насъ есть веселый характеръ, но теперь — это первый капризъ, прощайте мнѣ докторъ съ самымъ серьезнымъ видомъ.

— Ну хорошо, я выщипаю порошокъ, вскрикнула вдругъ своимъ слабымъ голоскомъ Нелли, — но когда я вырасту и буду больна, вы возьмете меня за себя замужъ?

Вѣроятно выдумка этой новой шалости очень ей нравилась; глаза ея тащъ и горѣли, а губки такъ и подергивало смѣхомъ, въ ожиданіи отвѣта нѣсколько изумленнаго доктора.

— Ну да, отвѣчалъ онъ, улыбаясь невольнo этому новому капризу, — ну да, если вы будете добрая и благовоспитанная дѣвица, будете послушны и будете...

— Принимать порошки? подхватила Нелли.

— Ого! ну да, принимать порошки. Добрая дѣвица, шепнулъ онъ мнѣ снова, — въ ней много, много... добраго и умнаго, но однакожъ... замужъ... какой странный капризъ...

И онъ снова поднесъ ей лекарство. Но въ этотъ разъ, она даже и не схитрила, а просто снизу вверхъ подтолкнула рукою ложку; и все лекарство выплеснулось прямо на манашку и на лицо бѣдному старичку. Нелли громко засмѣялась, но не прежнимъ простодушнымъ и веселымъ смѣхомъ. Въ лицѣ ея промелькнуло что-то жестокое, злое. Во все это время, она какъ будто избѣгала моего взгляда, смотрѣла на одного доктора и съ насмѣшкою, сквозь которую проглядывало однакоже беспокойство, ждала что-то будетъ теперь дѣлать «смѣшной» старичекъ.

— О! вы опять... Какое несчастье! Но... можно еще развести порошокъ, проговорилъ старикъ, отирая платкомъ лицо и манашку.

Это ужасно поразило Нелли. Она ждала нашего гнѣва; думала, что ее начнутъ бранить, упрекать и можетъ быть ей, безсознательно, того только и хотѣлось въ эту минуту, — чтобы видѣть предлогъ тотчасъ же заплакать, зарыдать какъ въ истерикѣ, разбросать опять порошокъ какъ дѣвчѣ и даже рабнуть что-нибудь съ досады; и всѣмъ этимъ утолить свое капризное, наболѣвшее сердечко. Такіе капризы бываютъ и не у однихъ больныхъ, и не у одной Нелли. Какъ часто бывало я ходить вездѣ и впередъ по комнатѣ съ безсознательнымъ желаніемъ, чтобъ поскорѣй меня кто-нибудь обидѣлъ; или сказалъ слово;

которое бы можно было принять за обиду, и шестерый борзеть на пять-шубуль сердце: Женщины же, «срывая» какими образом сердце, начинают плакать самыми искренними слезами, а самым чувствительным: ишь ишь даже до истерики. Дело очень простое и самое житейское, и бывающее чаще всего, когда есть другая, часто никому неизвестная печаль въ сердце, и которую хотѣлось бы, да нельзя никому высказать.

Но вдругъ, неразжимная ангельской добротою «сбиженнаго» ею старичка и терпѣннѣмъ, съ которымъ онъ снова разводилъ и третій порошокъ, не скававъ ей ни одного слова упрека! Нелли вдругъ притахла. Насмѣшка слетѣла съ ея губокъ; краска ударила ей въ лицо, глаза повлажнѣли; она мелькомъ взглянула на меня, и тотчасъ же отворотилась. Докторъ поднесъ ей лекарство. Она смирно и робко выпила его, схватила красную, пухлую руку старичка и медленно погладила ему въ глаза.

— Бы... сердитесь... что я злая, сказала, было она, но не дожидаясь, юркнула подъ одеяло, накрылась съ головой и громко, истерически зарыдала.

— Оудитя мое, не плачьте... Это ничего... Это нервы; выпейте воды.

Но Нелли не слушала.

— Утѣштесь.. не разстройивайте себя: продолжалъ онъ, чуть есмь не хныча надъ нею, потому что былъ очень чувствительный человекъ: — я васъ прощаю и замужъ возьму, если вы, при хорошемъ поведеніи честной дѣвицы, будете...

— Принимать порошки! послышалось изъ подъ одеяла съ тоненькимъ какъ колокольчикъ нервическимъ смѣхомъ, прерываемымъ рыданіями — очень мнѣ знакомымъ смѣхомъ.

— Доброе, признательное дитя, сказалъ докторъ торжественно и чуть не со слезами на глазахъ. — Бѣдная дѣвица!

И съ этихъ поръ между нимъ и Нелли началась какая-то странная, удивительная симпатія. Со мной же напротивъ, Нелли становилась все угрюмѣе, нервичѣе и раздражительнѣе. Я не зналъ, чему это приписать и дивился на нея, тѣмъ болѣе, что эта перемена произошла въ пей какъ-то вдругъ. Въ первые дни бодѣши она была со мной чрезвычайно нѣжна и ласкова; казалась, не могла наглядѣться на меня, не отпускала отъ себя, хватывала мою руку своею горячею рукой и садилась меня, возмѣ себя и если замѣчала, что я упрямъ и вострономъ, старалась ра-

поселить меня, шутила, играли со мной и улыбались мнѣ, аще не подвигая свои собственные страданія. Она не хотѣла, чтобъ я работала по почтамъ или сидѣть, сторожилъ ее, и печалилась, видя, что я ее не слушаю. Иногда я замечалъ въ ней озабоченный видъ; она начинала спрашивать и выпытывать отъ меня, почему я печалюсь, что у меня на умѣ; но, странно, когда доходило до Наташи, она тотчасъ же умолкала или начинала заговаривать о другомъ. Она какъ будто избѣгала говорить о Наташѣ, и это поразило меня. Когда я приходилъ, она радовалась. Когда же я брался за шляпу, она смотрѣла уныло, и какъ-то странно, какъ будто съ упрекомъ презирала меня глазами.

На четвертый день ея болѣзни, я весь вечеръ и даже далеко за полночь просидѣлъ у Наташи. Намъ было тогда о чемъ говорить. Уходя же изъ дому, я сказалъ своей больной, что вернется очень скоро, на что и самъ рассчитывалъ. Оставшись у Наташи почти печально, я былъ спокоенъ на счетъ Нелли: она оставалась не одна. Съ ней сидѣла Александра Семеновна, узнавшая отъ Маслосова, зашедшаго ко мнѣ на минуту, что Нелли больна и что я въ большихъ хлопотахъ и одинъ одинехонекъ. Боже мой, какъ захлопотала добренькая Александра Семеновна!

— Такъ стало быть онъ и обѣдать нѣ намъ теперь не придетъ!.. Ахъ, Боже мой! и одинъ-то онъ бѣдный, одинъ!.. Ну, такъ покажемъ же мы теперь ему наше радудіе. Вотъ случай выдался, такъ и не надо его упускать.

Тотчасъ же она явилась у насъ, привезя съ собой, на извозничьихъ, цѣлый узелъ. Объявивъ съ перваго слова, что теперь она и не уйдетъ отъ меня, и пріѣхала, чтобъ помогать мнѣ въ хлопотахъ, она развязала узелъ. Въ немъ были сиропы, варенья для больной, цымяты и курица въ случаѣ, если больная начнетъ выздоравливать, яблоки для печени, апельсины, кievскія сухія варенья (на случай если докторъ позволитъ), наконецъ бѣлье, простыни, салфетки, женскія рубашки, бивты, компрессы, — точно на цѣлый лагерь!

— Все то у насъ есть! говорила она мнѣ, скоро и хлопотливо выговаривая каждое слово, какъ будто куда-то торопясь, ну а вотъ вы живете на холостому. У насъ вѣдь этого всего мало! Такъ ужь позвольте мнѣ... и Филиппъ Филиппычъ мнѣ такъ приказалъ. Ну, что же теперь!.. поскорѣй, поскорѣй! что же те-

перепало дѣлать? Что она? въ намети? Ахъ, тамъ ей не хорошо лежать, надо переправить подушку, чтобы лучше легла голова, да вылезте мнѣ, не лучше ли кожаную подушку? Отъ дождя то холодитъ. Ахъ, какая я дура! и на умъ не пришло привезти. Я поѣду за ней... Не нужно ли огонь развести? Я свою старуху вамъ привезла. У меня есть знакомая старуха. У васъ вѣдь ничего нѣтъ изъ женской прислуги... Ну, что же теперь дѣлать? Это что? трава... докторъ przepisалъ? Вѣрно для грудного чаю? Сейчасъ поѣду развезти огонь.

Нелли не успѣла успокоиться, и она очень удивилась и даже ошелодилась, что дѣла-то ей выдвигаются вовсе не такъ много. Это впрочемъ не обезкуражило ее совершенно. Она тотчасъ же подружилась съ Нелли; и много поговорила мнѣ во все время ея болѣзни; навѣдала насъ почти каждый день, и всегда бывало прійдетъ съ такимъ видомъ, какъ будто что-нибудь пропало или куда-то уѣхало, и надо поскорѣе ловить. Она всегда прибавляла, что тамъ и Филиппъ, Филиппычъ, прекаралъ. Нелли она очень понравилась. Онѣ полюбились одна другую какъ двѣ сестры, и я думаю, что Александра Семеновна во многомъ была такой же точно ребячонь, какъ и Нелли. Она рассказывала ей разные исторіи, смѣшила ее и Нелли потому часто скучала, когда Александра Семеновна уѣзжала домой. Первое же ея появленіе у насъ удивило мою больную, но она тотчасъ же догадалась зачѣмъ прійехала незнавшая гостья и по обыкновенію своему даже нахмурилась, сдѣлалась молчалива и не любезна.

— Она зачѣмъ къ намъ пріѣзжала? спросила Нелли, какъ будто съ недовольнымъ видомъ, когда Александра Семеновна уѣхала.

— Помочь тебѣ Нелли и ходить за тобой.

— Да чтожъ?... За что же? Вѣдь я ей ничего такого не сдѣлала.

— Добрые люди и не ждутъ, чтобы имъ прожде дѣлали, Нелли. Они и безъ этого любятъ помогать тѣмъ, кто нуждается. Полно, голубчикъ Нелли; на свѣтѣ очень много добрыхъ людей. Тамъ твою-то бѣду, что ты ихъ не встрѣчала и не встрѣтила, когда было надо.

Нелли замолчала; я отошелъ отъ нея. Но четверть часа спустя она сама подошла ко мнѣ къ себѣ слабымъ голосомъ; спросила было нить, я вдругъ крѣпко обняла ее; прижала къ

ной груди и долбо не выпускала меня въ своихъ рукъ. На другой день, когда пришла Александра Семеновна, она встрѣтила ее съ радостной улыбкой, но какъ будто кое-что стыдливо ее стесняло.

ГЛАВА VI

Вотъ въ этотъ-то день я и была у Наташи (весь вечер). Я пришла ужъ поздно. Нелли спала. Александръ Семеновичъ тоже хотѣлся спать, но она все сидѣла надъ больною и ждала меня. Тотчасъ-же торопливнымъ шопотомъ начала она мнѣ рассказывать, что Нелли сначала была очень весела, даже много смѣялась, но потомъ стала скучна и видя, что я не приеду, замолчала и замкнулась. Потомъ стала жаловаться, что у ней голова болитъ, заплакала и такъ разрыдалась, что ужъ я и не знала, что ей надо дѣлать, — прибавила Александра Семеновна. — «Заговорила было со мной о Натальѣ Николаевнѣ, но я ей ничего не могла сказать; она и перестала спрашивать и все потомъ плакала, такъ я уснула въ слезахъ. Ну, прощайте же; Иванъ Петровичъ; ей все-таки легче, какъ я замѣтила, а мнѣ надо домой; такъ и Филиппъ Филиевичъ приказалъ. Ужъ я признаюсь вамъ, вѣдь онъ меня этотъ разъ только на два часа отпустилъ, а я ужъ сама осталась. Да что, ничего, не беспокойтесь обо мнѣ; не сидеть онъ сердиться... Только вотъ развѣ... Ахъ Воже мой, голубчикъ, Иванъ Петровичъ, что мнѣ дѣлать: все-то онъ теперь домой хвѣльной приходитъ! Занять онъ тѣмъ-то очень, со мной не говорить, тоскуетъ, дѣло у него важное на умѣ; я ужъ это вижу; а вечеромъ все-таки вляню... Подумаю только: воротился онъ теперь домой, кто-то его тамъ уложить? ну! вѣду, вѣду, прощайте. Прощайте, мой голубчикъ. Книжки я у васъ тутъ встрѣла: сколько книгъ-то у васъ, а все должно быть уминыя; а я-то дура; ничего-то я никогда не читала... Ну, до завтра...»

Но на-завтра же; Нелли проснулась грустная и утрюмая, хотя отивчала мнѣ. Сама-же ничего со мной не заговаривала, точно сердилась на меня. Я замѣтилъ только нѣсколько взглядовъ ея, брошенныхъ на меня вскользь, какъ бы украдкой; въ этихъ взглядахъ было много какой-то затасанной сердечной боли, но все-таки въ нихъ протлывала нѣжность, которой не

было, когда она прямо глядела на меня. Во этот-то день и прекратилась онема при приёме лекарства съ докторомъ; я не знала, что подумать.

Но Нелли перемѣнилась ко мнѣ окончательно. Въ страшно-сти, капризы, иногда чуть не ненависть ко мнѣ, все это продолжалось вплоть до самаго того дня, когда она перестала жить со мной, вплоть до самой той катастрофы, которая развязала весь нашъ романъ. Но объ этомъ послѣ.

Случалось иногда впрочемъ, что она вдругъ становилась на какой-нибудь часъ ко мнѣ по прежнему ласкова: Ласки ея, казавшееся удивлялись въ эти мгновенія; чаще всего въ эти же минуты она горько плакала. Но часы эти проходили скоро, и она шедшая опять въ прежнюю тоску и опять враждебно смотрѣла на меня, или капризилась, какъ при докторѣ, или вдругъ, замѣтивъ, что мнѣ неприятна какая-нибудь ея новая шалость, начинала хохотать и всегда почти кончала слезами.

Она поссорилась даже разъ съ Александрой Семеновной, сказала ей, что ничего не хочетъ отъ нея. Когда же я сталъ пенять ей, при Александрѣ же Семеновнѣ, она разгорячилась, отъѣхала съ какой-то порывчатой, накопившейся злобой, но вдругъ замолчала и ровно два дня ни одного слова не говорила со мной, не хотѣла принять ни одного лекарства, даже не хотѣла пить и ѣсть, и только старичекъ-докторъ съумѣлъ уговорить и усовестить ее.

Я сказалъ уже, что между докторомъ и ею, съ самаго дня приема лекарства, началась какая-то удивительная симпатія. Нелли онемъ полюбила его, и всегда встрѣчала его съ веселой улыбкой, какъ бы ни была грустна передъ его приходомъ. Съ своей стороны старичекъ началъ ѣздить къ намъ каждый день, а иногда и по два раза въ день, даже и тогда, когда Нелли стала ходить и уже совсѣмъ выздоравливала, и, казалось, она заворовила его такъ, что онъ не могъ прожить дня, не слышавъ ее смѣху и шутокъ надъ нимъ, нѣрѣдко очень забавныхъ. Онъ сталъ возить ей книжки съ картинками, все назидательнаго свойства. Одну онемъ нарочно купилъ для нее. Потомъ сталъ возить ей сласти, конфетъ въ хорошенькихъ коробочкахъ. Въ такіе разы онъ входилъ обыкновенно съ торжественнымъ видомъ, какъ-будто былъ именинникъ, и Нелли тотчасъ же догадывалась, что онъ прѣхалъ съ подаркомъ. Но подарка онъ не пока-

милости, что доверенно итредъ смѣлалась, дѣлалась жидомъ. Нелли; плакала, что если одна молодая дѣвица умѣла вести себя достойно и заслужить въ его отсутствіе уваженіе, то такая молодая дѣвица достойна хорошей награды. При этомъ она такъ просто-душно и добродушно на нее поглядывала, что Нелли, хоть и смѣлалась надъ нимъ самымъ откровеннымъ смѣхомъ, но имѣла съ тѣмъ искренняя, дѣкающая привязанность. проговорила въ эту минуту въ ея ярлыкиныхъ глазахъ. Наконецъ, старинъ торжественно подымался со стула, вынималъ коробочку съ констами и, вручая ее Нелли, непримѣнно прибавляла: «Моей лучшей и любезной супругѣ.» Въ эту минуту онъ самъ былъ такъ твердо счастливѣе Нелли.

Послѣ этого, начинались разговоры, и каждый разъ она серьезно и убѣдительно уговаривала ее беречь здоровье и давала ей убѣдительные медицинскіе совѣты.

— Больше всего, надо беречь свое здоровье, говорила она дѣлать тихимъ тономъ; — и во-первыхъ, главное, для того, чтобъ остаться въ живыхъ, а во-вторыхъ — чтобы всегда быть здоровымъ, и такимъ образомъ достигнуть счастья въ жизни. Если вы имѣете, мое милое дитя, какия-нибудь горести, то вы избегайте ихъ или, лучше всего, старайтесь о нихъ не думать. Если же не имѣете никакихъ горестей, то, такъ же о нихъ не думайте, а старайтесь думать объ удовольствіяхъ, о чемъ-нибудь веселомъ, игривомъ.

— А объ чемъ же это веселомъ и игривомъ думать? спрашивала Нелли.

Докторъ немедленно становился въ тупикъ.

— Ну, тамъ... объ какой-нибудь безвпной игрѣ, приличной вашему возрасту; или тамъ... ну, что-нибудь этакое...

— Я не хочу играть; я не люблю играть, говорила Нелли. А вотъ я люблю лучше новыя платья.

— Новыя платья! гм. Ну, это уже не такъ хорошо. Надъ всемъ удовольствоваться скромною долей въ жизни. А впрочемъ... пожалуй .. можно любить и новыя платья.

— А вы много мнѣ сошьете платьевъ, когда я за васъ замужъ выйду?

— Какая идея! говорилъ докторъ, и уже незолжно вымрцая; Нелли цутовски улыбалась и даже ракъ, забывшись, съ улыбкою взглянула и на меня. — А впрочемъ... я вамъ сошью

платить, если вы его заслужите своим поведением, продолжала докторь. — А порошки нужно будет каждый день принимать; когда же часть вынуть выйдут?

— Ну, тогда можно будет и не всегда принимать порошки, и докторь начинала улыбаться.

Нелли прерывала разговор смехом. Старичекъ смѣялся вслѣдъ за ней и съ любовью слѣдилъ за ея веселостью.

— Игривый ум! говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Но все еще видны наирывъ и некоторая прихотливость и раздражительность.

Онъ былъ правъ. Я рѣшительно не знала, что дѣлалось съ мною. Она какъ-будто совсѣмъ не хотѣла говорить со мной, точно я передъ ней въ семь нибудь провинилась. Мнѣ это было очень горько. Я даже самъ нахмурился и однажды цѣлый день не заговаривая съ нею, но на другой день мнѣ стало стыдно. Часто она плакала, и я рѣшительно не знала чѣмъ ее утѣшить. Впрочемъ она однажды прервала со мной свое молчаніе.

Разъ я воротился домой передъ сумерками и увидѣлъ, что Нелли быстро спрятала подъ подушку книгу. Это была той романъ, который она взяла со стола и читала въ мое отсутствіе. Клему же было его прятать отъ меня? точно она стыдится, подумавъ я, но не показавъ виду, что замѣтилъ что-нибудь. Четверть часа спустя, когда я вышелъ на минутку въ кухню, она быстро вскочила съ постели и положила романъ на прежнее мѣсто; воротясь, я увидѣлъ уже его на столѣ. Черезъ минуту она позвала меня къ себѣ; въ голосѣ ея отзывалось какое-то волненіе. Уже четыре дня какъ она почти не говорила со мной.

— Вы... сегодня... поѣдете опять къ Натальѣ? спросила она меня прерывающимся голосомъ.

— Да, Нелли; мнѣ очень нужно ее видѣть сегодня.

— Вы... очень... ее любите? спросила она опять слабымъ голосомъ.

— Да, Нелли, очень люблю.

— И я ее люблю, прибавила она тихо. За тѣмъ опять наступило молчаніе.

— Я хочу къ ней и съ ней буду жить, начала опять Нелли, робко взглянувъ на меня.

— Да, мамзель, Нелли, отъчала я у вѣселою удивлен-
ной. — Развѣ тебѣ душно у меня?

— Почему-же, мамзель? и она зельхулатъ — ебдъ утвари-
ваге-же вы меня, чтобъ я пошла жить къ ея отцу; ая не хочу
идти. У ней есть служанка?

— Есть.

— Ну, такъ пусть она отошлетъ свою служанку, а я ей буду
служить. Все буду ей дѣлать и ничего съ нею не возьму; я любить
ее буду и кушанье буду варить. Вы такъ и скажите ей сегодня.

— Почему-же, что это за фантазія, Нелли? вѣ какъ же ты
о ней судишь: неужели ты думаешь, что она согласится взять
тебя, анъскоиную карки? Ужь если возьметъ она тебя; то какъ свою
раннюю, какъ младшую сестру свою!

— Нѣтъ, я не кочу какъ равная. Тацъ я не хочу.

— Почему-же?

— Нелли мамзель! Губни ея подертывало; ей хотълось плакать!

— Вѣдь тотъ, котораго она теперь любитъ, уѣдетъ отъ нея
и солову броситъ? спросила она наконецъ.

— Я удивилась.

— Да почему ты это знаешь, Нелли?

— Вы и сами говорили мнѣ все, и третьяго дня, когда мужъ
Александръ Семеновны приходилъ утромъ, я его спрашивала:
онъ мнѣ все и сказалъ.

— Да развѣ Маслобоевъ приходилъ утромъ?

— Приходилъ, отъчала она, потупивъ глазки!

— А зачѣмъ же ты мнѣ не сказала, что онъ приходилъ?

— Такъ, мамзель!

Я подумалъ съ минутою. Богъ знаетъ, зачѣмъ этогъ Масло-
боевъ шляется, съ своею таинственностью. Что за сношенія за-
вель? Надо бы его увидать.

— Ну, такъ чужъ тебѣ Нелли, если онъ ее броситъ?

— Вѣдь вы ее любите же очень, отъчала Нелли, не подымая
на меня глазъ. — А коли любите, стало-быть замужъ ее возъ-
мете, когда тотъ уѣдетъ.

— Нѣтъ, Нелли, она меня не любитъ, такъ какъ я ее люблю,
да и я... Нѣтъ, не будетъ этого, Нелли.

— А я бы вамъ обоимъ служила какъ служанка ваша; а вы
бы жили и радовались, проговорила она тихо, чуть не шопотъ,
на смотря на меня.

— Что я, мой, что съ мной, подумала я, и моя душа перевернулась во мнѣ. Нелли замолчала, а больше во весь вечер не сказала ни слова. Когда же я уснула, она заплакала, а утром весь вечер, какъ доносилъ мнѣ Александръ Семеновна, въ ташки уснула въ слезахъ. Даже ночью, во снѣ, она плакала и что-то ночью говорила въ бреду.

На сѣ этого дня, она сдѣлалась еще угрюмѣе и молчаливѣе и совсѣтъ ужъ не говорила со мной. Правда, я застѣгиваю два три взгляда ея, брошенные на меня украдкой, и въ эти мгновения, было, столько вѣрности! Но это проходило мнѣ съ мгновеніемъ, вызвавшемъ эту внезапную вѣрность, и какъ бы въ отпоръ этому выводу, Нелли, тутъ же съ каждымъ часомъ дѣлалась все мрачнѣе и мрачнѣе, давая съ докторомъ, уличавшимся перелѣтъ ея характера. Между тѣмъ она ужъ совсѣтъ почти выздоровѣла, и докторъ позволилъ ей наконецъ прогулять на свѣжемъ воздухѣ, но только очень немного. Погода стояла свѣтлая, теплая. Была страстная недѣля, приходившаяся въ этотъ разъ очень поздно; я выжила поутру: мнѣ надо было непременно быть у Наташи, но я положилъ раньше вернуться домой, чтобъ взять Нелли и идти съ нею гулять; дома же покаместъ оставилъ ее одну.

Но не могу выразить, какой ударъ ожидалъ меня дома. Я спѣшилъ домой. Прихожу и вижу, что ключъ торчитъ снаружи у двери. Вхожу: цѣлого нѣтъ. Я обмеръ. Смотрю: на столѣ бумажка и на ней написано карандашомъ крупнымъ, неровнымъ почеркомъ:

«Я ушла отъ васъ и больше къ вамъ никогда не приду. Но я васъ очень люблю»

Ваша вѣрная

Нелли»

Я вскрикнулъ отъ ужаса и бросился вонъ изъ квартиры:

ГЛАВА VII

Я еще не успѣлъ выбѣжать на улицу; не успѣлъ сообразить, что и какъ теперь дѣлать, какъ вдругъ увидѣлъ, что у нашихъ воротъ останавливаются дрожки съ ивъ дрожень выходятъ Александра Семеновна, ведя за руку Нелли. Она крѣпко держала ее,

точно бодлась, чтобы она не убѣжала другой разъ. Я какъ и бросился къ нимъ.

— Нелли, что съ тобой! закричалъ я! — куда ты уходила, зачѣмъ?

— Постоите, не торопитесь; пойдите-на поскорѣе къ вамъ, тамъ все и узнаете, зашебетала Александра Семеновна: — какия вещи-то я вамъ расскажу, Иванъ Петровичъ, шептала она наскоро дорогою. Дивиться только надо... Вотъ, пойдите, сейчасъ узнаете.

На лицѣ ея было написано, что у ней чрезвычайно важныя новости.

— Ступай, Нелли, ступай, прилягь немножко, сказала она, когда мы вошли въ комнаты: — вѣдь ты устала; шутка ли сколько обѣгала; а послѣ болѣзни-то тяжело; прилягь, голубчикъ, прилягь. А мы съ вами уйдемте-на пона отсюда, не будешь ей мѣшать, пусть уснетъ. И она мигнула мнѣ, чтобы я вышелъ съ ней въ кухню.

Но Нелли не прилегла, она сѣла на диванъ и закрыла обѣими руками лицо.

Мы вышли и Александра Семеновна наскоро рассказала мнѣ къ чему дѣло. Потомъ я узналъ еще болѣе подробностей. Вотъ какъ это все было.

Уйдя отъ меня, часа за два до моего возвращенія, и оставивъ мнѣ записку, Нелли побѣжала сперва къ старичку-доктору. Адрессъ его она успѣла вывѣдать еще прежде. Докторъ рассказывалъ мнѣ, что онъ такъ и обмеръ, когда увидѣлъ у себя Нелли и все время, пока она была у него, «не вѣрилъ глазамъ своимъ». Я и теперь не вѣрю, прибавилъ онъ, въ заключеніе своего рассказа и никогда этому не повѣрю. И однакожь Нелли дѣйствительно была у него. Онъ сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ, въ креслахъ, въ шлафрокъ и за кофеемъ, когда она вбѣжала и бросилась къ нему на шею, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Она плакала, обнимала и цѣловала его, цѣловала ему руки и убѣдительно, хотя и безсвязно, просила его, чтобы онъ взялъ ее жить къ себѣ; говорила, что не хочетъ и не можетъ болѣе жить со мной, потому и ушла отъ меня; что ей тяжело; что она уже не будетъ болѣе смѣяться надъ нимъ и говорить объ новыхъ платьяхъ, а будетъ вести себя хорошо, будетъ учиться, выучится «манишки ему стирать и гладить» (вѣроятно она со-

обравила всю свою рѣчь доропою, а можетъ быть и раньше) и что наконецъ будетъ послушна и хотъ каждый день будетъ принимать какіе угодно порошки. А что если она говорила тогда, что замужъ хотѣла за него выйти, такъ вѣдь это она шутила, что она и не думаетъ объ этомъ. Старый мѣмецъ былъ такъ ошеломленъ, что сидѣлъ все время, разинувъ ротъ, подымавъ свою руку, въ которой держалъ сигару, и забывъ объ рукѣ и объ сигарѣ, такъ что она и потухла.

— Мадмуазель, проговорилъ онъ наконецъ, получивъ кое-какъ употребленіе языка : — мадмуазель, сколько я васъ поцѣлъ, вы просите, чтобъ я вамъ далъ мѣсто у себя. Но это, — невозможно ! Вы видите, я очень стѣсненъ и не имѣю значительнаго дохода... И наконецъ, такъ прямо, не подумавъ... Это ужасно ! И наконецъ вы, сколько я вижу, бѣжали изъ своего дома. Это очень непохвально и невозможно... И наконецъ, я вамъ позволялъ только немного гулять, въ ясный день, подъ надзоромъ вашего благодѣтеля, а вы бросаете своего благодѣтеля и бѣжите ко мнѣ, тогда какъ вы должны беречь себя и... и... принимать лекарство. И наконецъ... наконецъ я ничего не понимаю...

Нелли не дала ему договорить. Она снова начала вѣкать, снова упрашивать его, но ничего не помогло. Старичекъ все болѣе и болѣе впадалъ въ изумленіе и все болѣе и болѣе ничего не понималъ. Наконецъ Нелли бросила его, вскрикнула: Ахъ, Боже мой ! и выбѣжала изъ комнаты. Я былъ боленъ весь этотъ день, прибавилъ докторъ, заключая свой разсказъ : — и на ночь прилягъ декоктъ...

А Нелли бросилась къ Маслобоевымъ. Она заискала и ихъ адресомъ и отыскала ихъ, хотя и не безъ труда. Маслобоевъ былъ дома. Александра Семеновна такъ и всплеснула руками, когда услышала просьбу Нелли взять ее къ себѣ. На ея же распросы: почему ей такъ хочется, что ей тяжело что ли у меня? Нелли ничего не отвѣчала и бросилась, рыдая, на стулъ. Она такъ рыдала, такъ рыдала, рассказывала мнѣ Александра Семеновна, что я думала, она умретъ отъ этого. Нелли просилась хотъ въ горничныя, хотъ въ кухарки, говорила что будетъ полъ мести, и научится бѣлье стирать. (На этомъ мытѣ бѣлья она основывала какія-то особенныя надежды и почему-то считала это самымъ сильнымъ прельщеніемъ, чтобъ ее взяли). Мнѣніе Александры Семеновны было оставить ее у себя до разъясненія

дѣла, а мнѣ дать знать. Но Филиппъ Филиппычъ рѣшительно этому воспротивился и тотчасъ же приказалъ отвести бѣглянку къ мнѣ. Дорогою Александра Семеновна обнимала и цѣловала ее, отчего Нелли еще больше начинала плакать. Смотри на нее, расплакалась и Александра Семеновна. Такъ объ всю дорогу и плакала.

— Да почему же, почему же, Нелли, ты не хочешь у него жить; что онъ обижаетъ тебя, что ли? спрашивала, заливаясь слезами, Александра Семеновна.

— Нѣтъ, не обижаетъ...

— Ну, такъ отчего же?

— Такъ, не хочу у него жить... не могу... я такая съ нимъ все злая... а онъ добрый... а у васъ я не буду злая, я буду работать, проговорила она, рыдая какъ въ истерикѣ.

— Отчего жъ ты съ нимъ такая злая, Нелли?..

— Такъ...

— И только я отъ нее это: «такъ» и выпытала, заключила Александра Семеновна, отирая свои слезы: — что это она за горемычная такая? родимецъ что ли это? Какъ вы думаете, Иванъ Петровичъ?

Мы вошли къ Нелли, она лежала, скрывъ лицо въ подушкахъ и рыдала. Я сталъ передъ ней на колѣни, взялъ ее руки и началъ цѣловать ихъ. Она вырвала у меня руки и зарыдала еще сильнѣе. Я не зналъ что и говорить. Въ эту минуту вошелъ старикъ Ихменевъ.

— А я къ тебѣ по дѣлу, Иванъ, здравствуй! сказалъ онъ оглаживая насъ всѣхъ и съ удивленіемъ видя меня на колѣняхъ. Старикъ былъ болѣнъ все послѣднее время. Онъ былъ блѣденъ и худъ, но какъ будто храбрясь передъ кѣмъ-то, презиралъ свою болѣзнь, не слушалъ увѣщаній Анны Андревны, не ложился, и продолжалъ ходить по своимъ дѣламъ.

— Прошайте покаместъ, сказала Александра Семеновна, пристально посматрѣвъ на старика. Мнѣ Филиппъ Филиппычъ приказалъ какъ можно скорѣй воротиться. Дѣло у насъ есть. А вечеромъ, въ сумерки, приѣду къ вамъ, часика два посижу.

— Кто такая? шепнулъ мнѣ старикъ, повидимому думая о другомъ. Я объяснилъ.

— Гм. А вотъ я по дѣлу, Иванъ...

Я зналъ, по какому онъ дѣлу и ждалъ его посѣщенія. Онъ пришолъ переговорить со мной и съ Нелли и спросить ее у меня. Анна Андревна соглашалась наконецъ взять въ домъ сиротку. Случилось это вслѣдствіе нашихъ тайныхъ разговоровъ: я убѣдилъ Анну Андревну и сказалъ ей, что видѣ сиротку, которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, можетъ быть повернуть сердце нашего старика на другія мысли. Я такъ ярко разъяснилъ ей свой планъ, что она теперь сама уже стала представлять къ мужу, чтобъ взять сиротку. Старикъ съ готовностью принялся за дѣло: ему хотѣлось во первыхъ угодить своей Аннѣ Андревнѣ, а во вторыхъ, у него были свои особыя соображенія... Но все это я объясню потомъ подробнѣе...

Я сказалъ уже, что Нелли не любила старика еще съ перваго его посѣщенія. Потомъ я замѣтилъ, что даже какая-то ненависть проглядывала въ лицѣ ея, когда произносили при ней имя Ихменева. Старикъ началъ дѣло тотчасъ же безъ околичностей. Онъ прямо подошолъ къ Нелли, которая все еще лежала, скрывъ лицо свое въ подушкахъ и взявъ ее за руку, спросилъ: хочешь ли она перейти къ нему жить вмѣсто дочери?

— У меня была дочь, я ее любилъ больше самаго ребѣ, заключилъ старикъ, — но теперь ее нѣтъ со мной. Она умерла. Хочешь ли ты вступить ея мѣсто въ моемъ домѣ и... въ моемъ сердцѣ?

И въ его глазахъ, сухихъ и воспаленныхъ отъ лихорадочнаго жара, накупѣла слеза.

— Нѣтъ не хочу, отвѣчала Нелли, но подымая головы.

— Почему же дитя мое? у тебя нѣтъ никого. Иванъ не можетъ держать тебя вѣчно при себѣ, а у меня ты будешь какъ въ родномъ домѣ.

— Не хочу, потомучто вы злой. Да злой, злой! прибавила она, подымая голову и садясь на постели противъ старика. И сама злая; и злѣе всѣхъ, но вы еще злѣе меня!.. Говоря это Нелли поблѣднѣла, глаза ее засверкали; даже дрожавшія губы ея поблѣднѣли и искривились отъ прилива какого-то сильнаго ощущенія. Старикъ, въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее.

— Да, злѣе меня, потомучто вы не хотите простить свою дочь; вы хотите забыть ее совсѣмъ и берете къ себѣ другое дитя, а развѣ можно забыть свое родное дитя? Развѣ вы будете любить меня? Вѣдь какъ только вы на меня взглянете, такъ и вспомни-

те, что я сама яужаю, и что у васъ была своя дочь, которую вы сами забивали, потому-то вы жестокий человекъ. А я не хочу жить у жестокихъ людей, не хочу, не хочу!.. Нелли вскрикнула и медлякомъ взглянула на меня.

— После завтра Свѣтаго Воскресенья, Христосъ воскресъ, всѣ цѣлуются и обнимаются, всѣ мирятся, всѣ грѣхи прощаются... Я вѣдь знаю... Только вы... одинъ вы... у! жестокий! подите прочь!

Она залилась слезами. Эту рѣчь она кажется давно уже сообразила и вытердила, на случай если старикъ еще разъ будетъ ее приглашать къ себѣ. Старикъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ. Болѣзненное ощущеніе выразилось къ лицу его.

— И изъ чему, къ чему, зачѣмъ обо мнѣ воѣ такъ беспокоятся! Я не хочу, не хочу! вскрикнула вдругъ Нелли въ какомъ-то изступленіи; я милостыню пойду просить!

— Нелли, что съ тобой? Нелли, голубчикъ мой! вскрикнулъ я недовольно, но восклицаніемъ моимъ только подальше къ огню масла.

— Да, я буду лучше ходить по улицамъ и милостыню просить, а здѣсь не останусь, кричала она рыдая. И мать моя милостыню просила, а когда умерла сама сказала мнѣ: будь бѣдная, и лучше милостыню проси, чѣмъ... Милостыню не стыдно просить: я не у одного человекъ прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человекъ; у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно; такъ мнѣ одна нищенка говорила; вѣдь я маленькая, мнѣ негдѣ взять. Я у всѣхъ и прошу. А здѣсь я не хочу, не хочу, не хочу, я злая, я злѣе всѣхъ; вотъ какая я злая!

И Нелли вдругъ совершенно неожиданно схватила со столика чашку и бросила ее объ полъ.

— Вотъ теперь и разбилась, прибавила она съ какимъ-то вызывающимъ торжествомъ смотря на меня: — Чашекъ-то всего двѣ, прибавила она, я и другую разобью... Тогда изъ чего будете чай-то пить?

Она была какъ взбѣшенная, и какъ будто сама ощущала наслажденіе въ этомъ бѣшенствѣ; какъ будто сама сознавала, что это и стыдно и не хорошо, и въ тоже время какъ будто поджигала себя на дальнѣйшія выходки.

— Она больна у тебя, Ваня, вотъ что, сказалъ старикъ вли... или я ужъ и не понимаю что это за ребенокъ. Прощай!

Онъ взялъ свою фуражку: пожалъ мнѣ руку. Онъ былъ какъ убитый; Нелли страшно оскорбила его; все поднялось во мнѣ:

— И не пожалѣла ты его, Нелли! вскричалъ я, когда мы остались одни, — и не стыдно, не стыдно тебѣ это! вѣтъ, ты не добрая, ты в вѣрвуду злая! и какъ былъ безъ шляпы такъ и побѣжалъ я вслѣдъ за старикомъ. Мнѣ хотѣлось проводить его до воротъ и хотъ два слова сказать ему въ утѣшеніе. Сбѣгаи съ лѣстницы, я какъ будто еще видѣлъ передъ собой лицо Нелли, страшно поблѣдѣвшее отъ моихъ упрековъ.

Я скоро догналъ моего старика:

— Бѣдная дѣвочка оскорблена, и у ней свое горе, вѣрь мнѣ, Иванъ; а я ей о своемъ сталъ расписывать, сказалъ онъ горько улыбаясь. Я растравилъ ей рану. Говорить, что сытый голоднаго не разумѣеть; а я, Ваня, прибавлю, что и голодный голоднаго не всегда пойметъ. Ну, прощай!

Я было заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, но старикъ только рукой махнулъ.

— Полно меня-то утѣшать; лучше смѣтри, чтобъ твоя-то не убѣжала отъ тебя: она такъ и смотритъ, прибавилъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ и пошелъ отъ меня скорыми шагами, помахивая и постукивая своей палкой по тротуару.

Онъ и не ожидалъ, что будетъ пророкомъ.

Что случилось со мной, когда воротаясь къ себѣ, я къ ужасу моему, вошелъ дома Нелли! Я бросился въ сѣни, искалъ ее на лѣстницѣ, клякчалъ, стучался даже у сосѣдей и спрашивалъ о ней; повѣрить я не могъ и не хотѣлъ, что она опять бѣжала. И какъ она могла убѣжать? ворота въ домѣ одни; она должна была пройти мимо насъ, когда я разговаривалъ съ старикомъ. Но скоро, къ большому моему унынію, я сообразилъ, что она могла прежде спрятаться гдѣ-нибудь — на лѣстницѣ и выждать пока я пройду обратно домой, а потомъ бѣжать, такъ, что я никакъ не могъ ее встрѣтить. Во всякомъ случаѣ она не могла далеко уйти.

Въ страшномъ безпокойствѣ, выбѣжалъ я опять на поиски, оставивъ на всякій случай квартиру отпертою.

Прежде всего я отправился къ Маслобоевымъ. Маслобоевыхъ я не засталъ дома, ни его, ни Александры Семеновны. Оставивъ у нихъ записку, въ которой извѣщалъ ихъ о новой бѣдѣ и прося,

если къ намъ придетъ Нелли, немедленно дать мнѣ знать, я пошлю къ доктору: того тоже не было дома, служанка объявила мнѣ, что кромѣ давишняго посѣщенія, другого не было. Что было дѣлать? я отправился къ Бубцовой и узналъ отъ знакомой мнѣ гробовщицы, что хозяйка со вчерашняго дня сидитъ за что-то въ полициѣ, а Нелли тамъ съ *тысячъ поръ* и не видала. Усталый, измученный, я побѣжалъ опять къ Маслобоевымъ; тотъ же отвѣтъ: никого не было, да и они сами еще не возвращались. Записка моя лежала на столѣ. Что было дѣлать?

Въ смертельной тоскѣ возвращаясь я къ себѣ домой, поздно вечеромъ. Мнѣ надо было въ этотъ вечеръ быть у Наташи: она сама звала меня, еще утромъ. Но я даже и не былъ ничего въ этотъ день; мысль о Нелли возмущала всю мою душу. Что же это такое? думалъ я. Неужели жъ это такое мудреное сладостіе болѣзни? Ужъ не сумасшедшая ли она или сходить съ ума? Но Боже мой, — гдѣ она теперь, гдѣ я сыщу ее!

Только что я это воскликнулъ, какъ вдругъ увидѣлъ Нелли, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на В—мъ мосту. Она стояла у фоваря и меня не видала. Я хотѣлъ бѣжать къ ней, но остановился: «Чтожъ это она здѣсь дѣлаетъ? подумалъ я въ недоумѣніи и, увѣренный, что теперь ужъ не потеряю ее, рѣшился ждать и наблюдать за ней. Прошло минутъ десять, она все стояла, поглядывая на прохожихъ. Наконецъ прошелъ одинъ старичекъ, хорошо одѣтый и Нелли подошла къ нему: тотъ, не останавливаясь, вынулъ что-то изъ кармана и подалъ ей. Она ему поклонилась. Не могу выразить, что почувствовалъ я въ это мгновеніе. Мучительно жгало мое сердце; какъ будто что-то дорогое, что я любилъ, лелѣялъ и миловалъ было оповорочено и оплевано передо мной въ эту минуту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слезы потекли изъ глазъ моихъ.

Да, слезы о бѣдной Нелли, хотя я въ тоже время чувствовалъ непримиримое негодованіе: она не отъ нужды просила; она была не брошенная, не оставленная кѣмъ-нибудь на произволъ судьбы; бѣжала не отъ жестокихъ притѣснителей, а отъ друзей своихъ, которые ее любили и лелѣяли. Она какъ будто хотѣла кого-то изумить или испугать своими подвигами; точно она рисовалась передъ кѣмъ-то! Но что-то тайное зрѣло въ ея душѣ... Да, старикъ былъ правъ; она оскорблена, рана ея не могла зажить, и она какъ бы нарочно старалась растравлять свою рану.

этой таинственностью, этой вероубрчивостью къ всѣмъ намъ; точно она наслаждалась сама своей болью, этихъ *эгоизмовъ страданія*, если такъ можно выразиться. Это растравленіе боли и это наслажденіе ею было мнѣ понятно: это наслажденіе многихъ обиженныхъ и оскорбленныхъ, пригнетенныхъ судьбою и сознающихъ въ себѣ ея несправедливость. Но на какую же несправедливость нашу могла пожаловаться Нелли? Она какъ будто хотѣла насъ удивить и испугать своими подвигами, своими капризами и дикими выходками, точно она въ самомъ дѣлѣ рисовалась передъ нами и хвалилась... Но нѣтъ! она теперь одна, никто не видитъ изъ насъ, что она просила милостыню. Неужели жъ она сама про себя находила въ этомъ наслажденіе? Для чего ей милостыня, для чего ей деньги?

Получивъ подаваніе, она сошла съ моста и подошла къ ярко-освѣщеннымъ окнамъ одного магазина. Тутъ она принялась считать свою добычу; я стоялъ отъ нея въ десяти шагахъ. Денегъ въ рукѣ ея было уже довольно; видно, что она съ самаго утра просила. Зажавъ ихъ въ рукѣ, она перешла черезъ улицу и вошла въ молочную лавочку. Я тотчасъ же подошелъ къ дверямъ лавочки, отвореннымъ настежь, и смотрѣлъ: что она тамъ будетъ дѣлать?

Я видѣлъ, что она положила на прилавокъ деньги и ей подали чашку, простую чайную чашку, очень похожую на ту, которую она давеча разбила, чтобъ показать мнѣ и Ихменеву какая она злая. Чашка эта стояла можетъ быть копеекъ пятнадцать, можетъ быть даже и меньше. Купецъ завернулъ ее въ бумагу, завязалъ и отдалъ Нелли, которая терпеливо съ довольнымъ видомъ вышла изъ лавочки.

— Нелли! вскрикнулъ я, когда она поравнялась со мною, Нелли!

Она вздрогнула, взглянула на меня, чашка выскользнула изъ ея рукъ, уткнула на мостовую и разбилась. Нелли была блѣдна; но взглянувъ на меня и увѣрившись, что я все видѣлъ и знаю, вдругъ покраснѣла; этой красной сказывался нестерпимый, мучительный стыдъ. Я взялъ ее за руку и повелъ домой; идти было не далеко. Мы ни слова не промолвили дорогою. Придя домой, я сѣлъ; Нелли стояла передо мной, задумчивая и смущенная, блѣдная по-прежнему, опустивъ въ землю глаза. Она не могла смотреть на меня.

— Нелли, ты просила милостыню?

— Да! прошептала она и еще больше потупилась.

— Ты хочешь набрать денегъ, чтобы купить разбитую давеча чашку?

— Да...

— Но развѣ я непрекалъ тебя, развѣ я бранилъ тебя за эту чашку? Неужели жъ ты не видишь, Нелли, сколько злого, само-дозвольно-злого въ твоемъ поступкѣ? Хорошо ли это? Неужели тебѣ не стыдно? неужели...

— Стыдно... прошептала она чуть слышнымъ голосомъ и слезинка покатила по ея щекѣ.

— Стыдно... повторилъ я за ней; — Нелли, малая, если я виновать передъ тобой, прости меня и помиримся.

Она взглянула на меня, слезы брызнули изъ ея глазъ, и она бросилась ко мнѣ на грудь.

Въ эту минуту влетѣла Александра Семеновна.

— Что! она дома? опять? Ахъ Нелли, Нелли, что это съ тобой дѣлается? Ну да хорошо, что по крайней мѣрѣ дома... гдѣ вы отыскиали ее, Иванъ Петровичъ?

Я махнулъ Александрѣ Семеновнѣ, чтобы она не распрашивала и она поняла меня. Я вѣжно простился съ Нелли, которая все еще горько плакала и упростила добренькую Александру Семеновну поехать съ ней до моего возвращенія, а самъ побѣжалъ къ Наташѣ. Я опоздалъ и торопился.

Въ этотъ вечеръ рѣшалась наша судьба; намъ было много о чемъ говорить съ Наташей, но я все-таки вернулъ словечко о Нелли и рассказалъ все, что случилось, со всеми подробностями. Рассказъ мой очень заинтересовалъ и даже поразилъ Наташу.

— Знаешь что, Ваня, сказала она подумавъ: — мнѣ кажется, она тебя любитъ.

— Что... какъ это? спросилъ я въ удивленіи.

— Да, это начало любви, женской любви...

— Что ты, Наташа, полно! Вѣдь она ребенокъ!

— Которому скоро четырнадцать лѣтъ. Это ожесточеніе оттого, что ты не понимаешь ея любви, да и она-то можетъ быть сама не понимаетъ себя; ожесточеніе, въ которомъ много дѣтскаго, но серьезное, мучительное. Главное, — она ревнуетъ тебя ко мнѣ. Ты такъ меня любишь, что вѣрно и дома только обо мнѣ одной заботишься, говоришь и думаешь, а потому на нее обра-

щаешь мало вниманія. Она замѣтила это, и ее это уязвило. Она можетъ быть хочетъ говорить съ тобой, чувствуетъ потребность раскрыть передъ тобой свое сердце, не умѣетъ, стыдится, сама не понимаетъ себя, ждетъ случая, а ты вмѣсто того, чтобы ускорить этотъ случай, отдаляешься отъ нея, убѣгаешь отъ нея ко мнѣ и даже, когда она была больна, по цѣлымъ днямъ оставлала се одну. Она и плачетъ объ этомъ: ей тебя не достаетъ и хуже всего ей больно, что ты этого не замѣчаешь. Ты вотъ и теперь, въ такую минуту, оставилъ ее одну для меня. Да она больна будетъ завтра отъ этого. И какъ ты могъ оставить ее? ступай къ ней скорѣе...

— Я и не оставилъ бы ее, но...

— Ну да, я сама тебя просила прійти. А теперь ступай.

— Пойду, но только, разумѣется, я ничему этому не вѣрю.

— Оттого, что все это на другихъ не похоже. Вспомни ея исторію, сообрази все, и повѣришь. Она росла не такъ какъ мы съ тобой...

Воротился я все-таки поздно. Александра Семеновна рассказала мнѣ, что Нелли опять, какъ въ тотъ вечеръ, очень много плакала «и такъ и уснула въ слезахъ, какъ тогда. А ужъ теперь я уйду, Иванъ Пегровичъ, такъ и Филиппъ Филиппычъ прикажутъ. Ждетъ онъ меня бѣдный».

И поблагодарилъ ее и сѣлъ у изголовія Нелли. Мнѣ самому было тяжело, что я могъ оставить ее въ такую минуту. Долго до глубокой ночи сидѣлъ я надъ нею задумавшись... Роковое было это время.

Но надо рассказать, что случилось въ эти двѣ недѣли...

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ЯРМАНОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО ВЪТА

Русь! Русь! открыто, пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ?

Изъ Мертвыхъ Душъ.

Впрочемъ я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ.

Изъ Ревизора. (Слова городничаго).

ГЛАВА I

28 августа 185* года большое село Дубовыя Липы было еще не такъ торжественно, какъ торжественно оно было 29 августа того же года, затѣмъ что 28 было только предпразднество Іоанна Предтечи, а 29 самый праздникъ. Конечно для человѣка посторонняго, если онъ возьметъ во вниманіе факты, случившіеся наканунѣ праздника и сравнить ихъ съ фактами, бывшими въ самый праздникъ, торжественность этихъ двухъ дней будетъ почти одинакова; но смотря съ точки зрѣнія Македона Елистратича Нетроньвозжева, письмоводителя Дубово-Липовскаго становаго пристава, выходитъ, что торжественность этихъ двухъ дней, весьма, какъ онъ говорилъ, различествуетъ. Македонъ Елистратичъ, какъ мнѣ удалось подслушать, говорилъ: «Нечего Бога гнѣвить! Наканунѣ праздника, да и въ самый праздникъ мнѣ таки перепадаетъ; да дѣло не въ томъ, что перепадаетъ, а сколько и какимъ, такъ сказать, методомъ перепадаетъ.» (Македонъ Елистратичъ, видите ли, изъ ученыхъ былъ, въ коробов-

скихъ духовныхъ училищахъ цензоромъ шелъ и уже изъ семинаріи былъ выгнанъ за великовозрастіе и душевредительное поведеніе, какъ значилось въ его аттестатѣ.) Ты вотъ на что, говорить, вниманіе обрати: для нашего брата-чиновника, канунъ праздника — пустяки и далеко на немъ уѣхать никакими манерами нельзя. Тутъ хоть и погуливаютъ, да съ бругу-то, говоритъ, никто не спивается, а это главное! Берешь, а ушки на макушцѣ держишь!.. Смотришь, какъ бы не налетѣть на бестію какую-нибудь отъ исправника, вотъ какъ въ прошломъ году. Вѣдь взялъ-то только рубль тридцать съ какого-то прощельжника-красноярца. Позвольте, говоритъ, Макадонъ Елистратичъ, аршинчикъ сей въ дѣвство употребить-съ! А аршинъ-то всего $\frac{3}{4}$ съ небольшимъ былъ... Ну я съ дуру-то, катая, говорю... А мнѣ, какъ теперь оказывается, слупить-то съ него, мошенника, слѣдовало, да и вздуть-то онымъ аршиномъ тоже бы не мѣшало. Служба-то тогда пошла бы сама-собою, да и дружба-то сама-собою!.. Нѣтъ, вѣдь снисходительность-то насъ, начальниковъ, губить. И какая же, я вамъ доложу-съ, скотина — этотъ красноярдецъ, — хоть бы солянку какую ни наестъ прикинулъ; а то суцулъ, невидаль какую, — рубль тридцать, да и пошелъ; а исправникъ-то и нагрянъ. Прежде того, стало быть, единомысліе такое съ красноярцемъ подвелъ, чтобы моего станowego-то поддѣтъ — въ сердцахъ были. Ну чтожь? И поддѣлъ вѣдь! Такую контрибуцію содралъ съ станowego, что тотъ долго бывало, какъ взглянетъ на красную шкатулку, которая у него въ спальнѣ стояла, такъ и давай на себѣ волосы рвать. Ну а меня-то, извѣстное дѣло, попался подъ руку фальшивый безмѣнъ (сотскій съ ярманки принесъ), онъ и ну имъ меня, да такъ признаться, бока-то вздулъ, что по неволѣ пришлось къ Коробовскому лекарю ѣхать. Такъ вотъ какой скверный случай вышелъ; а все отъ того, что на предпразднество вялъ, да ужъ добро бы много взялъ, такъ и душа не болѣла бы, а то вѣдь за кроху какую-нибудь, за пустяки суцо, (тутъ же вѣдь отдалъ я ихъ въ кичергинскомъ трактирѣ шарманкѣ за пѣсню), такъ и за нихъ вѣдь у начальника подъ безмѣномъ страдалъ. На самый праздникъ, прямо скажу, такихъ случаевъ не бываетъ, потому, значить, что и быть имъ никакимъ, т. е. способомъ, нельзя. Православный народъ всегда для праздника накуликается, и ужъ тутъ ему не до хитростей, не станетъ онъ въ это время ближнему яму рыть, а все дѣла идуть у него на чистоту съ цѣлованіемъ дружнымъ... И не только я — начальникъ, можно сказать, непосредственный, луплю со всѣхъ въ это

время, а десятскій какой-нибудь — шишимора, гроша не стоитъ, такъ и тотъ едва упѣваетъ шапку съ тринками домой относить... Право, какъ посмотрюшь, такъ смѣшно даже! Цѣлуются, цѣлуются сначала, такъ что у незнающаго, пожалуй, душа въ умиленіе придетъ; а потомъ ни за што, ни въ что, и по ушамъ другъ-друга. А ты ихъ разнимай, да рассуживай! Такъ и дупи съ праваго и виноватаго. Зачѣмъ, дескать, благочиніе нарушаете, предъ публикой безчинствуете? Ну ужъ тутъ извѣстное дѣло; виноватый кричитъ: возьми, что хошь, только въ холодную не сажай; а правый: я тѣ, говоритъ, Македонъ Алистратичъ, чѣмъ хошь отвѣчаю, засади только! Тутъ съ нихъ съ обоихъ берешь, да обоихъ и сажаешь. Утромъ встанутъ, мировую, говорятъ, хотимъ, — не дадимъ врагу радоваться, да и прошеніе объ этомъ становому написать просятъ... Тутъ опять: за прошеніе съ нихъ возьмешь, да за безпокойство возьмешь, да за то возьмешь, чтобы воротить нарочнаго, посланнаго будто бы къ губернатору съ рапортомъ объ ихъ смертоубійственной дракѣ... А какъ станутъ прошеніе-то становому подавать, такъ тотъ еще имъ зубы начистить, чтобъ послѣ праздничной попойки во рту не воняло, да и сдереть съ буяновъ въ десять разъ болѣе того, что я содралъ, потомучто первое дѣло, я-то въ стану цвѣтикъ, а становой ягодка; а второе дѣло, — проситель, что овца, сколько не стриги, на немъ все шерсть выростетъ... Одно жаль: благодати-то такія не каждую недѣлю бываютъ, а то все бы какъ нибудь на бѣломъ свѣтѣ промаячлса!..

Такъ вотъ какое находилъ Македонъ Алистратичъ различіе между днемъ предпразднества и самимъ праздникомъ; но намъ гдѣ же тягаться съ Македономъ Алистратичемъ? Онъ начальникъ, — у него, видите ли, свой собственный взглядъ на эти вещи, взглядъ, соединяющій, такъ сказать, глубочайшее знаніе правилъ администраціи съ требованіями положительными... Съ насъ — мелкихъ людей, будетъ очень достаточно, если мы окинемъ случившееся во время праздника, простымъ взглядомъ, расскажем съ посильною вѣрностью другимъ то, что видѣли сами, не рассуждая почему было такъ, а иначе; потомучто Македонъ Алистратичъ, какъ начальникъ, можетъ рассуждать, на то онъ и начальникъ; а намъ, простымъ людямъ, ужъ не до рассужденій...

Заснуло село, потомучто была полночь глухая. Ярнимъ свѣтомъ мѣсяца освѣщены были и золотой крестъ деревянной церкви, и соломенные крыши бѣдныхъ хижинъ, и дороги, и лѣсъ, и рѣка, все тонуло

въ этомъ волшебномъ свѣтѣ; избы села, раскинутыя по скату длинной, отлогой горы, оѣнненные деревьями, усыпанныя, такъ сказать, густой, зеленой травою, которая была и на улицѣ и на огородахъ, представляли наблюдателю, смотрящему сверху горы, рядъ уступовъ, облитыхъ мѣсячнымъ свѣтомъ и убранныхъ роскошною зеленью. Въ параллель съ главною сельскою улицей шелъ высокій, земляной валъ, видѣвшій времена Годунова, результатъ его попеченій о безопасности Россіи, которымъ онъ хотѣлъ оградить ее отъ вторженій татаръ. Памятникъ былого, пощажонный временемъ, валъ служить теперь источникомъ разныхъ разказовъ, и часто блуждающіе огоньки, появляясь на его вершинахъ, заставляютъ креститься суевѣрнаго мужика, которому въ дѣтствѣ старою бабкой сказано было, что это очи демона, стерегущаго богатый кладъ, зарытый въ старину какимъ-то разбойникомъ...

Въ самомъ низу села широкая рѣка пересѣкаетъ этотъ валъ, который на другомъ берегу начинается снова высокою земляною башней. Говорятъ, что башня эта была когда-то сторожевою и на ней зажигались вѣстовые огни, предостерегающіе поселянъ и собирающіе ратниковъ на защиту. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я не видалъ этой башни; но какъ живо помнится мнѣ она, окаймленная молодымъ орѣшникомъ и, какъ будто рукою челоуѣка, а не природой, обвитая плющемъ. Неизгладимы должно быть впечатлѣнія дѣтства, затѣмъ что, мнѣ кажется, я никогда не забуду, какъ, дитя еще, я любилъ проводить цѣлые дни въ кустахъ этой башни и, сидя тамъ, я уносился дѣтскою мыслію къ временамъ тяжелаго испытанія Россіи, когда она страдала подъ вражескимъ игомъ. Молодое воображеніе рисовало мнѣ это время, полное ратной дѣятельности, и я представлялъ себѣ набѣгъ хищниковъ, страшную борьбу на завѣтномъ валу, крикъ побѣдителей и послѣдній стонъ воиновъ, умершихъ за славу и честь своей родины... А тамъ не вдалекѣ изъ лѣсу мнѣ слышались молитвы отшельниковъ о побѣдѣ и видѣлось мнѣ сквозь чащу деревъ, какъ на монастырской стѣнѣ мелькали золотыя ризы и развѣвались святыя хоругви... Теперь только столбъ съ истертою надписью, да нѣсколько могильныхъ камней говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ въ былыя времена стояла обитель. Чаща лѣса, почти непроходимая, окружаетъ священное мѣсто...

Но вотъ надъ лѣсомъ взошло яркое солнце и брызнуло оно на окрестности тѣмъ яркимъ, серебряннымъ свѣтомъ, который такъ отличенъ отъ золотого блеска луны. То былъ свѣтъ тайныхъ видѣ-

ній, свѣтъ, при которомъ безъ отчета думаешь о чемъ-то долго и сладко; а это былъ веселый, ясный свѣтъ, преобладающій въ дѣятельности. Онъ сообщилъ какое то радостное, смѣющееся выраженіе до него задумчивому селу и его окрестностямъ, разбудилъ дремяющій лѣсъ съ его неразумными жителями — и пошли и полетѣли они, кто на вѣтку душистой черемухи попить свѣтлой росы, ярко блестящей на солнцѣ; а кто просто повитать надъ рѣкой, да посмотреться въ ея тихія и прозрачныя волны...

И вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, мимо знакомой земляной башни, по большой дорогѣ, проложенной въ лѣсу, потянулись въ село телѣги съ грузомъ и телѣги пустыя. Шумно стучали онѣ, проѣзжая бревенчатый мостъ и распугивая встрѣчное стадо. Съ сельской колокольни раздавался благовѣстъ, народъ шелъ въ церковь, телѣги устанавливались на церковномъ выгонѣ, споря о выгодномъ мѣстѣ, а изъ церкви далеко разносилось праздничное пѣнье...

ГЛАВА II

Было уже такъ около полудня, когда деревенскій колоколь толенькимъ и веселымъ голоскомъ заблаговѣстилъ къ обѣднѣ. Народъ толпами валилъ въ церковь и, расходясь по ярмаркѣ, увеличивалъ общую суматоху. Жаръ былъ нестерпимый, и надъ селомъ носилось густое облако пыли. Ни малѣйшій вѣтеръ не охлаждалъ лицъ, разрисованныхъ потомъ и пылью. Деревья, обставляющія церковь, въ полномъ смыслѣ были напудрены пылью. Ни одна птица не осмѣливалась даже и подумать о томъ, чтобы вылетѣть и посмотреть на ярманку. Засѣла, должно быть, она въ густыя вѣтви лѣсныхъ дубовъ, куда не можетъ проникнуть ни малѣйшій солнечный лучъ. А рѣка такъ тихо, такъ лѣниво катилась, какъ лѣниво тащится по косягу почти издохлая кляча Ивана Зеленыхъ. Ожидаетъ, видите ли, его на ярмаркѣ горе-невзгодье великое: строго на строго приказалъ ему баринъ привезти къ нему въ Дубовыя Липы оброкъ за цѣлыхъ двѣ трети. Такъ вотъ теперь Иванъ на своей телѣжонкѣ и думаетъ великую думу, какъ бы попокорнѣе доложить осударь — Ѳомѣ Алексѣичу, чтобы онъ маненечко пообождалъ съ него, хѣтъ бы, примѣрно, до рождественскихъ заговѣній. И какъ объ Иванѣ можно было заключить, что онъ не истуканъ какой-нибудь, а живой православный, по слезѣ только, которая катилась по загорѣлой,

сохлой щекѣ его ; такъ можно было сказать и про рѣку, что она не превратилась еще въ прозрачный хрусталь потому, что кой-гдѣ на ея неподвижной поверхности раздавались струйчатые круги, которые дѣлали зубастая щука, гоняясь за жирнымъ линемъ...

Наперекоръ такому оцѣпенѣнію природы, какъ постоянное народонаселеніе Дубовыхъ Липъ, такъ и пріѣхавшіе на ярмарку, были исполнены самой суетливой дѣятельности. Помѣщичьи экипажи и крестьянскія телѣги, скатываясь съ горы, съ ужаснымъ грохотомъ проѣзжали по мосту, стараясь, какъ можно бойчѣе, подъѣхать къ церкви. И цѣлыя семейства, въ высшей степени разнокалиберныя и разномастныя, выѣзали изъ своихъ чудовищныхъ тарантасовъ и повозокъ, отряхивались, какъ гуси, послѣ дождя, вытирали запотѣвшія лица шестрыми платками и спѣшили въ церковь. А группы слѣпыхъ и безногихъ нищихъ, усѣвшись подъ тѣнь церковныхъ березъ, дико выкрикивали разныя разности, повѣдывавшія собраншейся на ярмарку публикѣ объ удивительной испорченности человеческого рода и о скорости, будто бы, наступленія по этому случаю страшнаго суда, который они описывали такими мрачными красками, что деревенскія бабы плакали на взрыдъ и спѣшили взглянуть свои грѣшишки посильнымъ приношеніемъ въ пользу несчастныхъ крикуновъ. Но началась служба, и нищие смолкли, пересчитывая свою добычу. Смирно и молча стоялъ въ церковной оградѣ народъ, не вошедшій за тѣснотю въ самую церковь и когда изъ растворенныхъ дверей храма слышалось громкое и протяжное : «Господи помилуй,» всѣ благоговѣнно кланялись въ землю. И на ярмаркѣ все пріутихло — и около царусинныхъ лавокъ, разбросанныхъ около церкви, стояли хозяева съ непокрытыми головами и тоже молились, чтобы послалъ Господь хорошую торговлю. И такая въ то время была тишина, что ничего не было слышно, кромѣ церковнаго хора, да какого-то необъяснимаго шума, какъ будто бы дальняго звона, что обыкновенно бываетъ на югѣ въ палатіе, лѣтніе дни. Въ отворенныя церковныя окна можно было видѣть священную процессію, предшествующую чтенію евангелія, и лишь только слышалось это чтеніе, какъ въ углу храма раздалось громкое, истеричное рыданіе, полное какого-то необъяснимо-безумнаго веселья, тотчасъ же смѣняемаго страшнымъ порывомъ необъятной грусти, ледящей постороннюю душу... И этотъ отчаянный, болѣзненный вопль страдающей души громко разнесся по церкви, заглушая священныя возгласы и раздирая слухъ какою-то особенною дисгармо-

ней противоположныхъ звуковъ... Это была кликуша. Бѣдныхъ женщинъ, одержимыхъ этимъ недугомъ, помѣщики и управители нѣмцы очень удачно иногда вылечиваютъ плетью; но при всемъ томъ какъ-то странно было видѣть, что десять сильныхъ рукъ едва могли вывести больную, слабую женщину изъ церкви... Молодое лицо испорченной освѣщено какимъ-то неестественнымъ блескомъ, какимъ-то особеннымъ выраженіемъ силы и граціи дышетъ оно! Ея черныя косы выбились изъ подъ золотой кики и рассыпались по ситцевому сарафану. Изъ глазъ ея, наполовину закрытыхъ, сыпалось что-то жгучее, ослѣпляющее, и бѣлыя руки ея съ напряженными мускулами рѣзко отбѣнялись отъ синихъ чуекъ мужиковъ, которые держали ее и, какъ змѣи, извивались эти руки, стараясь вырваться; и тяжело дышала грудь, въ которой повидимому собралась самая страшная, самая неукротимая энергія. Мужикамъ нужно было собрать всю силу, чтобы удержать безумную, которая съ проклятіями рвалась отъ нихъ, и когда эти усилія истощили ее, она упала на землю безъ движенія, безъ дыханія, какъ пораженная громомъ! Страшно было смотрѣть на красоту, за секунду мощную и граціозную: эта бѣдная женщина лежала теперь, какъ бездушный трупъ, и на лицѣ ея выпечаталось какое-то мрачное выраженіе буйства и непримиримой мести.

На всѣхъ присутствовавшихъ при этой сценѣ замѣтно было рѣзкое впечатлѣніе невольнаго страха. Всѣ стоящіе въ церковной оградѣ молились какъ будто усерднѣе, изрѣдка поглядывая на больную, около которой суетились ея домашніе.

Между тѣмъ, подъ конецъ обѣдни, ярмарка была уже, какъ говорится, въ самомъ разгарѣ, и разгаръ этотъ еще болѣе увеличился, когда въ свою очередь народъ, находившійся въ церкви, вышелъ на ярмарку и разпестрилъ ее своими праздничными одеждами. Церковный выгонъ, прежде обыкновенное гулянье телятъ и коровъ, не попавшихъ по какому-нибудь случаю въ стадо, былъ теперь заставленъ разнаго рода палатками, шалашами и просто телѣгами, съ оглоблями, поднятыми кверху, на которыхъ, въ видѣ балдахиновъ, вакинуты были рогожи и армяки для защиты отъ зноя. Огромныя кучи дынь, арбузовъ и огурцовъ навалены были около церковной ограды, и дешевизна этихъ плодовъ была изумительная. Деревенскіе мальчишки то и дѣло шныряли около этихъ кучъ и ловко запрягивали откатившіеся плоды въ неизмѣримыя пазухи своихъ праздничныхъ рубахъ. Ни жгучая крапива, ни дражье хохловъ не

отгоняли лакомокъ, а развѣ только усиливали энергію ихъ. Какъ партизаны вокругъ неподвижной пѣхотной колонны, вились мальчишки около вороховъ и, когда рука торговца, вцѣплялась въ шершавые волосенки одного мальчугана, другіе съ ожесточеніемъ расхищали плоды, а страдалецъ, вырвавшись, показывалъ дядошкѣ красный языкъ и собиралъ въ виду своего врага дань съ сотоварищей за свое пожертвованіе общему дѣлу.

Но центръ ярмарки, такъ сказать, душа и средоточіе ея было около моста, подъ горой, затѣмъ что тамъ стояла пестрая, досчатая лавка, надъ которой на длинномъ рожкѣ висѣлъ красно-голубой флагъ. На дощечкѣ, прибитой на верхнемъ карнизѣ лавочки, по черному полю бѣлыми буквами, намалевано было: **Выставка**. Не подумайте, чтобъ это была выставка какихъ нибудь сельскихъ произведеній. Нѣтъ, это былъ... да впрочемъ эту лавку, какъ-то неприлично назвать ея настоящимъ именемъ, и мы должны будемъ прибѣгнуть къ разнаго рода обинякамъ, чтобы дать о ней понятіе, вполне соответствующее ея свойствамъ. Такъ напримѣръ: чернь, или какъ характерно называлъ этотъ низкій классъ русскаго народонаселенія нашъ окружный: мужварье и суконныя рыла, — обыкновенно называли эту лавку Иванъ Ивановичемъ Елкинымъ, звали также бабушкой, съ придачей какого нибудь женскаго имени, примѣрно Дуньки, или Химки. Но, говоря по совѣсти, все это быть можетъ очень остро, но нисколько не вѣрно. И мнѣ, если ужь очень не захочется назвать выставку кабакомъ (виновать—промолвился), то я ужь лучше назову ее чистилищемъ, какъ называлъ ее Дубово-Липовскій дячекъ, человекъ съ поразительными способностями, но погибшій въ слѣдствіе слишкомъ сильнаго закладыванія за галстухъ, хотъ и ходятъ въ томъ краю слухи, что означенный дячекъ отъ рожденія своего галстуховъ не употреблялъ, не употребляетъ и, какъ кажется, употреблять не намѣренъ.

Событія, случающіяся обыкновенно въ заведеніяхъ подобнаго рода, вполне показываютъ смѣтливость дячка, назвавшаго кабакъ чистилищемъ, и приходится сильно жалѣть о томъ, что злая судьба не дала проницательной смѣткѣ дячка никакого хода, ограничивъ кругъ его дѣятельности однимъ только пребываніемъ по праздникамъ въ кабакъ и отчасти на колокольнѣ, а по буднямъ въ кабакъ исключительно. Желающимъ видѣть полную картину чистилища мы скажемъ, что къ пестрой, досчатой лавкѣ былъ придѣланъ на живую руку помѣстительный парусинный шатеръ, снабженный длинными

столами и скамейками. Шатеръ этотъ строился собственно для отборной публики, и поэтому случаю въ одномъ изъ его угловъ стоялъ красный коробъ и сидѣла страшно-размалеванная дѣва, на мѣстномъ нарѣчїи, называемая шарманкой. Въ ожиданїи публики, которая бы могла совершенно оцѣнить обаянїе ея голоса и разстроеннаго сундука — органа, шарманка звучно щелкала каленые орѣхи и, когда деревенскїе мальчишки, сгара я нетерпѣнїемъ послушать ея музыки, старались, сквозь парусину шатра, разсмотрѣть невиданную доселѣ машину и ее, городскую, разубранную барыню, она старалась подкараулить ихъ и кулакомъ, вовсе не дѣвичьимъ, разбивала носы слишкомъ неосторожнымъ меломанамъ. Такїе подвиги, повидимому, очень развлекали барыню и она звонко смѣялась, когда ей удавались ея нетрудныя операціи.

Такимъ образомъ, какъ видите, нельзя сказать, чтобы выставочный шатеръ или его внутренняя обстановка отличались особенною привлекательностью, но тѣмъ не менѣе внутри шатра и около него разыгрывались самыя главныя ярмарочныя комедїи, а подъ часть и драмы.

ГЛАВА III

Не знаю, сказалъ кто-то, что гдѣ есть люди, тамъ есть и страсти, а если гдѣ есть страсти, тамъ бываютъ и преступленїя. На ярманкѣ нашей были люди, слѣдовательно были и страсти. Правда, страсти небольшїя, страстишки, такъ сказать; а потому я не скажу, чтобъ были преступленїя; но за то смѣло можно сказать, что были обманы, было плутовство, размѣры котораго были такъ крупны, что казались гигантами въ сравненїи съ размѣрами полезныхъ результатовъ, для достиженїя которыхъ употреблялось это плутовство. Вотъ здѣсь то устроители обществъ, предвидѣвшїе подобныя вещи, для устраненїя слѣдствїй, неизбѣжно происходящихъ отъ столкновенїя страстей и страстишекъ, постановили выбирать опытныхъ и образованныхъ мужей, которые бы смотрѣли за нравами массы, обуздывали ея страсти и вообще, которые бы, какъ говорится, производя судъ и расправу, счищали нравственную грязь съ народа, порученнаго ихъ надзору. Такъ, примѣрно въ Дубовыхъ Липахъ, такимъ благодѣтельнымъ дѣйствователемъ былъ становой приставъ, а сподручникомъ его по этой части, знакомый уже нѣсколько Македонъ Елистратичъ

Конечно, становой не такая вещь, чтобъ ему самому можно было всякую дрянъ разбирать. Въ пору бѣ только экстренныя бумаги успѣть подписать, да въ лянтикъ съ пріятелемъ талицѣ пятюкъ перекинуть, такъ и то служащій человѣкъ, который можно сказать въ постоянномъ напряженіи умъ свой держитъ, отдыха не знаетъ, и ни вѣсть какъ обрадовался бы такому развлеченію. Такой человѣкъ, небойсь, въ кабакъ, какъ какой нибудь мужланъ, не затѣшется; а воспользуется Божимъ временемъ по благородному. Пріятелей въ комнату, да графинчикъ на столъ, да сырку, да колбаски, да трубочки съ жукетцемъ, да наливочки имъ, эдакъ, домашней, — наливочки, малиновочки, — веселой стало быть причины къ разговорцу, да къ улыбочкѣ... Подумаешь вѣдь какое благородство, вмѣстѣ съ какою такъ сказать невинностью сопряжено! Только бы, кажись, этимъ однимъ и заниматься то нужно образованному, да посредственнаго состоянія человѣку... Анъ не тутъ-то было: наберутся къ тебѣ въ комнату оборванцы разные съ цѣлой волости, да какъ заревутъ въ горла то свои волчьи, такъ, ей Богу, ашпетить весь и отобьютъ. Такъ гдѣ ужъ тамъ становому по ярмаркѣ ходить, да волненье народныхъ страстей умирать. Благодареніе бы Господу Богу, если бы удалось пріятелей во вкусѣ, какъ говорится, принять, которые, по пріязни да дружбѣ служебной, нарочно изъ города пріѣхали, чтобъ съ праздникомъ поздравить,

Такъ неужто становой вмѣсто того, чтобы въ благородномъ разговорѣ съ пріятелями отвести утружденную душу, долженъ по ярмаркѣ ходить, да объ какого нибудь, прости Господи, пьянаго галмана бѣлыя руки обколачивать?... Понадобятся еще безъ того на другія дѣла барскія руки!...

Ради такого-то недосужества станового на ярмаркѣ всѣмъ заправляетъ Македонъ Елистратичъ. Господи, Боже мой! Слѣшымъ вѣдь рѣшительно надо быть, чтобы не видѣть, какихъ высокихъ и благодѣтельныхъ дѣятелей производить наука, да образованность на службу-то человѣчеству. Посмотрите съ какимъ самоотверженіемъ головаца эта умиряетъ волненье народныхъ страстей и очищаетъ нравы невѣжественной черни. Не казиста хоть наружность у Македона Елистратича: лѣвая щека у него освѣщена какъ-то особенно, точно онъ ее только сейчасъ свѣчнымъ саломъ вымазалъ, да носъ какой-то расплюснутый, такъ что не было еще человѣка, который бы не захохоталъ, увидѣвъ этотъ носъ и не согласился съ тѣмъ, что и нарочно нельзя сдѣлать такого носа; но все-таки нельзя было не

сознаться, что въ Македонѣ Елистратичѣ было что-то сильно поражающее, когда онъ окидывалъ ярмарку взглядомъ сокола, который хотя и проголодался, но который утѣшаетъ себя тѣмъ, что не далеко видить добрую добычу.

И похаживаетъ онъ по ярмаркѣ, этотъ Македонъ Елистратичъ, дока бывалая, ястребъ обстрѣленный, махая ременной нагайкой и высматриваетъ онъ ягоду красную, о которую можно бѣ было погрѣть широкія руки. А народъ православный все подходитъ къ нему, да все чувствуетъ; а онъ себѣ и усомъ не ведетъ, съ рѣдкимъ развѣ купцомъ, да и то, что называется, на самую на минуту юркнетъ онъ въ парусинный шатеръ, и только что успеетъ разъ, другой по мадеркѣ пройтись, какъ и спѣшить уже на свое бурное поприще, т. е. на ярмарку, которую бурнымъ поприщемъ я назвалъ собственно для красоты слога.

Впрочемъ и нельзя назвать поприще, на которомъ въ настоящее время подвизается Македонъ Елистратичъ, иначе, какъ бурнымъ, потому что рѣдкому присутствовавшему на ярмаркѣ удалось обойтись безъ руководства Македона Елистратича. Всѣ должно быть сознавали опасность этого поприща и потому спѣшили обращаться къ Македону Елистратичу съ разными умиловительными приношеніями, вѣроятно какъ къ человѣку, который одинъ только можетъ спасти несчастныхъ, попавшихъ въ круговоротъ его дѣятельности.

А тѣмъ людямъ, которые забывали, что Македонъ Елистратичъ, такъ сказать, нептунъ въ своей лужѣ, онъ самъ напоминалъ объ этой несомнѣнной истинѣ и напоминалъ, могу сказать, вразумительно. Вонъ, напримѣръ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, прозванная бестія, пріѣхавшій на ярмарку со всякою дрянью, видите, какъ онъ отвѣшиваетъ сельской красавицѣ на шесть гривенъ румянъ Кажется бы, что тутъ удивительнаго? Ничего; а по мнѣнію Македона Елистратича тутъ заключается многое!.. Какъ голодный ястребъ бросается коломъ съ поднебесья на одинокаго цыпленка, такъ и Македонъ Елистратичъ бросился къ подвижной лавчонкѣ негодая, откаталъ его своей страшной нагайкой и приказалъ, какъ будто выросшимъ изъ подъ земли сотскимъ, отвести въ станъ промахнувагося шельмеца. Схватили раба Божія сотскіе подъ руки, да эдакъ тычкомъ, да пинкомъ его и подганиваютъ... А онъ имъ на полдорогѣ началъ рѣчь держать: съ бариномъ, говорить, говорить хочу. Доложись, говорить. А сотскій ему: ты, говорить, потолкуй, а то въ морду дамъ; а если барину сказать что хошь, такъ все равно, при-

мѣромъ, и мнѣ объяви. Барину-де мы сами доложимъ; а мѣщанинъ ему три цѣлкача въ зубы-то и пырнулъ, барину, говоритъ, отдай; а это вотъ на чай вамъ всѣмъ вмѣстѣ, да мелочи, гривенъ на семь, чай было, вынулъ изъ кармана и тоже имъ отдалъ. Ну, говоритъ, квити что ли? А сотскій, какъ будто замялся, кашлянулъ какъ-то особенно, довольно долго и пристально разсматривалъ свою облѣзлую шапченку и наконецъ проговорилъ: то-то квити! Ты, братъ, съ нашимъ баринице, смотри, не спорь. Хорошій баринъ, онъ тѣ, пожалуй, возьметъ, да въ зубы-то вотъ такъ и съѣздитъ, и при этомъ сотскій жгаль кулачище и хотѣлъ было показать мѣщанину, какъ бы, примѣрно, баринъ могъ его въ зубы съѣздить; но мѣщанинъ благоразумно откачнулся, плюнулъ и пошолъ опять на ярмарку самымъ нагляднымъ образомъ показывать охотникамъ до наблюдений, какъ у насъ на Руси добрые люди съ пятака милліоны наживаютъ, а сотскій съ подручниками отправился въ выставку хватить малую толику за здоровье благодѣтельнаго мѣщанина.

Такимъ образомъ Македонъ Елистратицъ напомнилъ мазурику-мѣщанину, что его уважать должно, въ противномъ случаѣ онъ всегда найдетъ штучку, за которую надлежащимъ манеромъ вздуетъ нагайкой. А штука эта состояла въ томъ, что ко дну вѣсовъ, на которыхъ негоціантъ отвѣшивалъ мужикамъ разныя произведенія природы и искусства, снизу была прилѣплена гривна временъ великой Екатерины... Конечно, гривна, прилѣпленная снизу къ чашечкѣ вѣсовъ, вещь малая есть и Македонъ Елистратицъ очень легко могъ бы ее не примѣтить; но толкъ въ томъ, что хитрецъ-мѣщанинъ, усовершенствовавшій такимъ образомъ вѣсы, при прїѣздѣ на ярмарку, нисколько не озаботился визитомъ къ Македону Елистратицу, чѣмъ, въ нѣкоторомъ родѣ, показалъ неумѣстную гордость и амбицію, каковыя качества Македонъ Елистратицъ очень нетерпѣлъ въ людяхъ вообще; а въ мѣщанахъ и мелкихъ купцахъ, прїѣзжающихъ на сельскія ярмарки его стана, въ особенности.

А между тѣмъ ярмарка разыгрывалась все болѣе и болѣе. Изъ парусиннаго шатра, придѣланнаго къ выставкѣ, начали выходить разгорѣвшіеся, покрытые потомъ посѣтители. Лихо заломляли они на ухо поярковыя шляпы и съ какимъ-то особенно довольнымъ выраженіемъ оглядывали почтенную публику и какъ будто собирались они гаркнуть на цѣлую ярмарку. «Что, дескать, эй вы тумачи-дураки, на насъ посмотрите! Вотъ мы ужъ, почитай что на четвертомъ вьводѣ, а вы что? Эхма! Дрянъ вы, вотъ вы что!»... А звуки лихихъ

гармоникъ и дергающихъ русское плечо балалаекъ еще болѣе раззадоривали пьяную удалъ гулякъ и на туго прибитой землѣ раздавался лихой топотъ быстрого трепака. Удаля поговорки сыпались изъ устъ плясуна, и толпа гремѣла поощрительнымъ хохотомъ, когда удалецъ выхватывалъ изъ среды ея какого-нибудь нюню, вертѣлъ его вмѣстѣ съ собою, приговаривая что-нибудь въ этомъ родѣ:

Эй, кумъ Матвѣй,
Не жалѣй лаптей!

И въ слѣдъ затѣмъ удалецъ показывалъ, что нюня такъ нюней и останется, что онъ самъ и носа-то своего утереть, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ и тутъ же быстро срывалъ шапку съ нюни, утиралъ ему носъ и колѣномъ снова вталкивалъ въ толпу и снова принимался потѣшать собравшійся людъ проворной присядкой подъ ладъ пѣсеннаго разсказа о томъ, что

Ужъ какъ барыня вдова
Во своемъ дому жила...

Немного подалѣ другая толпа, еще болѣе многолюдная, ждала съ нетерпѣніемъ очереди насладиться разнаго рода зрѣлищами, разыгрывавшимися въ небольшой коробкѣ у отставнаго, стараго ундера. Вниманіе народа было совершенно поглощено словами сѣдого усачища, который говорилъ смотрѣвшимъ въ его панораму: вотъ вы извольте, гос-спода, посмотрѣть, какъ эфта, значить была, судырри вы мои, баталья при теткѣ Натальѣ и какъ, стало быть туррки валяться, какъ чуррки, а наши безъ головъ стоять, да табаччо-о-къ поноухиваютъ. А эфта, судырри вы мои, пѣсня въ лицахъ:

Лѣтъ пятнадцати не больше-съ
Вышла Катя погулять-съ.

И при этомъ старикъ-ундеръ обыкновенно оставлялъ свою папирску, молодечески и съ визгомъ подскакивалъ къ какой-нибудь молодицѣ, хваталъ ее за бѣлы руки и съ неописаннымъ удалствомъ пускался съ ней въ плясъ, самымъ залихватокимъ манеромъ напѣвая продолженіе пѣсни, вѣроятно для той собственно цѣли, чтобы показать зрителямъ, какъ гуляла Катя въ то время, когда ей было не болѣе, какъ пятнадцать лѣтъ. Напрасно молодка отпѣкивалась, когда ундеръ, по окончаніи пѣсни, изъявлялъ рѣшительное намѣреніе поцѣловать ее въ сахарныя уста, напрасно закрывалась она краснымъ, кумачнымъ нарукавникомъ, солдатъ непремѣнно цѣловалъ ее и снова продолжалъ, прерываемую этимъ пассажемъ, ра-

цею : а эфто, госсно-о-да, горродъ Китай, въ Бѣл-арабской землѣ на поднебесной выси стоитъ. А эфто, примѣрр-ро-о-мъ, дѣвка Винерка, въ старину она богиней бывала, а теперича, значить, она на Спасскихъ воротахъ на одной ножкѣ стоитъ, а другою по вѣтру поворачивается ; а втащилъ ее на ворота, сталъ быть, махину такую, Брюсь колдунице заморскій. А эфта, я вамъ доложу-сь, французскій царь Наполеонтъ, тотъ самый ; котораго батюшка нашъ Александръ Благословенный, блаженной памяти въ Бозѣ почивающій, сослалъ на островъ Еленцію за худую поведенцію... Ну, а тутъ судырри вы мои, и конецъ скоро. Осталось значить, тутъ вотъ сколько : Васька Кузьку въ зубы, губы хопъ-хопъ и въ коробкѣ быстро показывались два деревянныхъ барана и съ ожесточеніемъ колотили другъ друга въ крѣпкіе лбы.

Толпа ревѣла отъ удовольствія и много было дракъ за окошечки незамысловатой панорамы.

Очевидно было, что старый ундеръ производилъ фуроръ. Хозяинъ выставочнаго шатра, лысый эдакой гостепріимецъ, стоялъ въ дверяхъ своего заведенія и замѣтно было, что онъ съ удовольствіемъ ангажировалъ бы его въ свой шатеръ, если бы всѣ попытки его на этотъ счетъ не остались рѣшительно безуспѣшными, потому что солдатъ ломилъ съ него за день своихъ безостановочныхъ спектаклей чуть ли не 50 рублей. Такимъ образомъ лысина удовольствовалась только сдѣлкой съ шарманщицей, которая, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ, сильно запарилась и пѣла чрезвычайно вяло, такъ что посѣтители шатра были крайне недовольны ея хриплымъ голосомъ. Какъ-то лѣниво вертѣла она ручку сундука органа и по лицу ея ; вѣроятно отъ этой трудной работы, безъ преувеличенія можно сказать, текли ручьи румянъ и бѣлилъ, такъ что въ это время съ нея довольно вѣрно можно было снять портретъ татуированной дикарки.

Вѣроятно самымъ печальнымъ образомъ кончились бы спекуляціи лысаго гостепріимца, разчитанныя на сборъ за пѣсни шарманщицы, если бы въ это время не пришелъ въ шатеръ Македонъ Елистратичъ, въ сопровожденіи господина, какъ замѣтно, сильно подгулявшаго. Громадно-толстый, съ заплывшими отъ жира глазами, съ лицомъ страшно-краснымъ, господинъ этотъ былъ одѣтъ въ длинный, ватный сюртукъ, называемый въ уѣздахъ *пальместроноль*. При появленіи этихъ персонажей, мужики и мѣщане, бывшіе въ шатрѣ, встали съ видомъ наиглубочайшаго почтенія къ пришед-

щимъ , но Македонъ Елистратичъ мановеніемъ руки , истинно величественнымъ , пригласилъ ихъ продолжать начатыя занятія . Лысый хозяинъ съ сладчайшей улыбкой почтительнѣйше спрашивалъ Македона Елистратича : Чего имъ желательно-съ ? Фу , говоритъ Македонъ Елистратичъ , обращаясь къ пальместрону , усталъ , я тебѣ скажу , вотъ до сихъ поръ , и при этомъ онъ провелъ рукою по горлу . Тутъ только онъ удостоилъ отвѣтомъ гостепріимнаго старца и сказалъ ему : дай , говоритъ , арбузикъ сюда , да того знаешь бальзамчику .

Принесли бальзамчику , прошлись они по рюмкѣ-другой , а можетъ и по третьей и рывкнулъ пальместронъ истинно ужасающимъ басищемъ : истинно , говоритъ , Македонъ , скажу тебѣ , что житья нѣтъ . Самъ знаешь , въ прошломъ году чинъ получилъ , а какія , я тебѣ скажу , грубости дѣлаетъ , такъ уму непостижимо ! А намедни спиртъ для больныхъ изъ запасной аптеки прислали ; ну , признаюсь , попробовалъ я немного ; а онъ , т . е . истинно скажу тебѣ , пришелъ свидѣтельствовать и , эхъ не повѣришь вѣдь ты , говоритъ : свинья ты , говоритъ , скотъ необузданный ! А въ аптекѣ насъ только двое было , жоть бы сторожишка какой ни на есть случился , такъ засвидѣтельствовалъ бы ; а то ни одного бестіи : ну онъ меня , эдакъ знаешь какъ хватить , такъ я тебѣ истинно скажу , инда искры изъ глазъ порыпались . Не посмотрю , говоритъ , животное , что ты въ чиновники записался . Я было , знаешь , того эдакъ его хотѣлъ... Благо никого нѣтъ , думаю . Въ порошокъ бы стеръ , щедушный такой ! Сбѣкнулъ онъ , да какъ взглянетъ , истинно скажу , поджилки затряслась... А отъ чего бы ? Маленькій , вѣдь дрянъ ! На ладонь посадить , другою разплюснуть . Нѣтъ , догадался . За одно , говоритъ , подлецъ , намѣреніе въ Сибирь упеку . А городничій пріятель ему , оба питерскіе... Вотъ онъ записку къ нему и шлетъ : выпоротъ , говоритъ , скота , спиртъ казенный выпилъ , да сахаръ , назначенный больнымъ , укралъ . Чтожъ дѣлать ? Не дайся съчь ! Безъ хлѣба умрешь ; ну и выпороли , а чинъ имѣю... Полицейскіе солдаты по городу разнесли...

И пальместронъ какъ-то дико захлюпалъ . Старанія его удержать всхлипыванія , тяжело бы сдавили сердце присутствовавшаго при этой сценѣ . Въ самомъ дѣлѣ , какъ-то странно было видѣть такого огромнаго , сильнаго человѣка плачущимъ , по его собственному сознанію , отъ человѣка слабаго и щедушнаго... И пальместронъ опять говорилъ , жалуясь другу : истинно скажу тебѣ , боюсь , какъ взгля-

нетъ , потому огонь какой-то такъ и сверкаетъ въ глазахъ. Дрожимъ передъ нимъ и дивимся отъ чего?.. Истинно скажу : отъ земли не видать!.. И чтоже вѣдь? Все въ Сибирь , говоритъ ! Свѣчи тамъ узнаетъ что ли у больныхъ взялъ , или двумъ одну порцію дашь , все у него въ Сибирь , все у него донесу... Про смотрителя а намедни (знаешь , кандидатъ вѣдь на офицерство былъ , затхлую муку въ больницу принялъ) , такъ онъ про него въ управу въ губернію написалъ , ну и въ отставку его , штрафъ взяли , а дѣтей было шестеро. Такъ чтоже? Самъ смотритель то съ женою у камня безчувственного въ ногахъ валялся , весь городъ за себя на ноги подвѣля , наконецъ младенца , это , грудного принесъ и плачетъ : по міру , говоритъ , ваше высокоблагородіе идти не дозвольте... Плутъ ты говоритъ , не потаю—и оставили , имѣньишко продали. А за что? Развѣ мы одни? Всѣ такъ , не въ нашу версту , да всѣ такъ... Они одни съ городничимъ то въ святые насильно дѣзутъ... И великанъ опять зарыдалъ и *вырѣзалъ* стаканъ бальзаму. А чѣмъ жить? Съ гарнизонныхъ , съ вдовыхъ солдатокъ даже за пивки не велитъ брать , — вотъ говоритъ , возьми три цѣлковыхъ изъ моего жалованья , а братъ не смѣй. Вырѣзалъ еще стаканъ великанъ , да и говоритъ : Эхъ! Была , не была , убью , говоритъ — попадись только...

Это , изволите видѣть , фельдшеръ изъ Красновска жаловался Македону Елистратичу на притѣсненія недавно пріѣхавшаго доктора. А Македонъ Елистратичъ видитъ , что пріятель ужъ черезчуръ заранпортовался при постороннихъ , быстро толкнулъ его въ бокъ и сказалъ : ты смотри , не азартничай. Не въ четырехъ стѣнахъ сидишь , — народъ есть. Видно было , что жалобы пріятели сильно подѣйствовали на Македона , а потому онъ налил рюмки и предложилъ пальмestрону еще выпить по той собственно причинѣ , что времена нынѣ пришли дѣйствительно скверныя ; но что въ стану у него , похожаго на это , слава Богу , покуда еще ничего нѣтъ...

Такимъ образомъ , благодаря усердію гостеприимнаго старца , много графиновъ ставилось на столъ и уносилось съ него. Скатерть , разосланная на столъ , была совершенно смочена арбузнымъ сокомъ и пропитана настойкой , и пріятели наши находились уже въ совершенномъ разрѣзѣ. Замѣтно было , что Македонъ Елистратичъ желалъ , какими бы то ни было средствами , освободиться изъ подъ тяжелаго впечатлѣнія , произведеннаго на него разговоромъ пальмestрона , а потому онъ то и дѣло подчивалъ его водкой , не забывая угощать и себя надлежащимъ образомъ. Наконецъ пріятели до того

раскутились, что оба ощутили сильнѣйшую потребность въ музыкальномъ наслажденіи, а потому Македонъ Елистратичъ и обратилъ свое вниманіе на шарманщицу, которая, пользуясь разговоромъ друзей, совсѣмъ уже перестала вертѣть сундукъ-органъ и преспокойно спала въ складныхъ креслахъ. Ни басъ пальместрона, ни громкія восклицанія пирующихъ, ни ярманочный шумъ, не могли потревожить сна ярманочной невинности.

— Эй ты, артистка, воскликнулъ Македонъ Елистратичъ, — проснись, чортъ тебя побори.

Быстро встрепенулась барыня и машинально схватилась за ручку органа. Потомъ она вдругъ опомнилась, видя какой важности меломаны стоятъ передъ ней. Пугаясь буйства Македона Елистратича, она въ тоже время трепетала и предъ фельдшеромъ, который имѣлъ надъ ней довольно сильное вліяніе по разнымъ дѣлишкамъ въ городѣ. Оправившись немного отъ своего смущенія, она спросила, преимущественно впрочемъ обращаясь къ Македону Елистратичу, что они спѣтъ прикажутъ-съ? — *Катай : на погибельный Кавказъ не ѣзди.* — Съ чувствомъ прикажете-съ? спросила барыня. — Разумѣется съ чувствомъ, заревѣлъ Пальместронъ. Методу пѣть съ чувствомъ показалъ шарманщицѣ пріѣзжавшій въ прошломъ году въ Красновскъ за лошадьми ремонтеръ. Это, извольте видѣть, при окончаніи каждаго куплета каждой пѣсни, какого-бы рода ни была эта пѣсня, шарманщица должна была вскакивать съ креселъ и плясать отчаянную Русскую подъ хоръ кутиль, которые на разные голоса ревѣли : кто : *ай жи, говори,* — кто : *жили, былъ у бабушки спренькій козликъ*, тогда какъ другіе волчиными голосами изъявляли желаніе своихъ пьяныхъ сердець удалиться во *пустыню, отъ прекрасныхъ, здѣшнихъ мѣсть.* Прошлогодній ремонтеръ всегда съ умиленіемъ воспоминалъ о знакомомъ ему студентѣ, который показалъ ему эту, можно сказать, превосходящую всякое описаніе, штуку — и въ бумажникѣ его крупными русскими буквами написано было, что эта штука называется : *кводъ-либеть*, что ремонтеръ и показывалъ всѣмъ желающимъ усвоить себѣ назидательное названіе этого пріятнаго увеселенія...

И завертѣлась ручка органа чрезвычайно дѣятельно и раздался этотъ пронзительный, высохшій, такъ сказать, горловой голосъ шарманщицы, который слышать можно только въ однихъ Лебедянскихъ трактирахъ, на знаменитыхъ конныхъ ярманкахъ, — больше вездѣ нельзя слышать такого голоса. Вотъ и послѣдній стихъ купле-

та спѣла шарманщица и сперва грянулъ басъ пальмestрона: *охъ, не одна то во поле дорожка*, потомъ Македонъ Елистратичъ теноромъ, похожимъ на крикъ голоднаго павлина, затынулъ: *какъ у нашихъ, у нашихъ, ой у нашихъ-и-хъ у воротъ* — и съ свистомъ ринулся онъ съ своего мѣста и вмѣстѣ съ шарманщицей началъ такой поразительно быстрый и лихой трепакъ, что пыль поднялась бы столбомъ, еслибы она предварительно не была вся выметена. Фельдшеръ былъ въ какомъ-то неестественно-веселомъ расположеніи духа; съ неописаннымъ восторгомъ потиралъ онъ руки, подергивая плечами и припрыгивая на скамьѣ. Сидѣвшій тутъ за столомъ одинъ молодецъ изъ мѣщанъ, долго ухмылялся, смотря на такое веселье, долго переминался на скамейкѣ, наконецъ не выдержалъ и затынулъ въ свою очередь: *шла Машутка, стало-быть, изъ льсочка*. Не успѣлъ онъ окончить и половины стиха, какъ Македонъ Елистратичъ, съ свойственною ему важною, схватилъ молодца за шиворотъ и сказалъ ему: ты что? съ свинымъ рыломъ, да въ калашный рядъ?.. Съ своимъ братомъ ты, что ли?.. Нагайка свиснула, и молодецъ при-смирѣлъ: только долго онъ улыбался той неопредѣленной улыбкой, которую можно замѣтить у всякаго достаточно выпившаго мужика, когда онъ, съ разбитымъ удалцами-товарищами носомъ, идетъ по улицѣ и, съ свойственною русскому народу откровенностью, кричитъ на весь Божій міръ, что вотъ мы какъ, что насъ никто не моги трогать, а то сдачи дадимъ...

Барыня запѣла второй куплетъ и пальмestронъ облокотился на столъ и, повидимому, глубоко обдумывалъ онъ какую-то идею, вѣроятно ту самую, что чѣмъ и какъ будетъ онъ жить при новомъ докторѣ?.. Кончился куплетъ, вскрикнулъ Македонъ Елистратичъ и пальмestронъ пробудился отъ думы своей глубокой и съ большимъ энтузіазмомъ началъ поощрять танцующихъ. Эхма, истинно скажу, говорилъ онъ, залихватски ты, Македошка, плясешь. Дока ты на эти вещи, подлець эдакой! Значительно улыбнулся при этомъ Македонъ Елистратичъ, подперся фертомъ эдакимъ и на каблукахъ однихъ, лежа почти, увивался около шарманщицы, потомъ вдругъ вспрыгнулъ и бросился цѣловать ее. Славная ты, говоритъ, дѣвка, чортъ тебя побери! Баста плясать. Устала ты, вижу, донского давай, лысый ты шутъ. И принесли донского и долго пили они втроемъ, до того пили, что пальмestронъ, нисколько не стѣняясь, ревелъ во все горло, что онъ всѣхъ убьетъ и лѣкаришку своего — мозгляка эдакого, чортъ его возьми, и городничему спуску не дастъ и что онъ,

как и всѣмъ извѣстно, если дастъ кому загвоздку эдакую, такъ ужъ рѣдкій встанетъ; а Македонъ Елистратичъ изъявлялъ желаніе узнать біографію шарманщицы во всей ея подробности...

Шарманщица, достаточно уже освоившаяся съ Македономъ Елистратичемъ, довольно смѣло начала было рассказывать ему, что, дескать, тятенька былъ у меня маіоръ, а маменька маіорша, какъ вдругъ, къ величайшему ея изумленію, Македонъ сильно хватилъ ее своей страшной нагайкой. Забылась, говорить, бестія ты эдакая, что начальникъ говорить съ тобой. Ты мнѣ правду говори, а брехать не смѣй. Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь къ пальместрону: третья мерзавка одинаковымъ образомъ начинаетъ мнѣ рассказывать про свою жизнь. Тятенька, дескать, былъ у меня маіоръ, а маменька маіорша — и вѣдь все врутъ, каналы, а зачѣмъ врутъ, бьсь ихъ знаетъ. А пальместронъ въ отвѣтъ на это громко стукнулъ по столу и съ энергіей провозгласилъ, что дѣйствительно шарманщица дочь маіора и что онъ въ городѣ видѣлъ у нее похвальные листы разные и что ты, Македошка, не смѣй бить ее, а то, говорить, я тебя такъ встряхну, что ты ноги протянешь...

Видали ль вы, когда двѣ грозныя тучи сойдутся съ противоположныхъ сторонъ и брызнуть на оробѣвшую землю перекрестнымъ огнемъ своихъ молній? Если видѣли, такъ можете теперь судить и о той грозной картинѣ, которую представляли писарь и пальместронъ — эти представители сельскаго аристократизма.

Пропустивъ, какъ говорится, мимо ушей слова пальместрона, Македонъ Елистратичъ накинулся на шарманщицу, ожидавшую смерти и лишь только поднялъ было онъ на нее руку съ своей гибельной нагайкой, какъ пальместронъ такъ хватилъ его по становой жилѣ, что ужъ истинно можно сказать, у Македона Елистратича искры изъ глазъ посыпались. Такое, можно сказать, еще незаписанное въ скрижаляхъ исторіи событіе сильно отуманило Македона. Трактиръ заколыхался, какъ колыхается земля, потрясенная громовымъ ударомъ, шарманщица драматически бѣжала съ поля битвы, а лысый гостепріимецъ стремглавъ летѣлъ за сотскими.

Прибѣжало человекъ пять сотскихъ и, предводительствуемые Македономъ, стремительно атаковали они фельдшера съ фронта, тыла и съ обѣихъ фланговъ. Надобно было видѣть, какіе тузы раздавалъ пальместронъ на право и на лѣво; повторяю, видѣть надобно было, какъ великолѣпно изуродовалъ онъ рожи сотскихъ и если его схватили и отвели въ станъ, такъ онъ все таки безъ малѣйшаго фанфарона-

ства могъ сказать , какъ сказалъ какой-то старинный французскій король : я разбитьъ , но не побѣжденъ!

Сильно пострадалъ въ этой ожесточенной борьбѣ важный пальмestронъ фельдшера : но пальмestронъ что? Пустяки , наживное дѣло , а главное-то , что въ стану келейнымъ образомъ , по приказанію Македона Елистратича , сотскіе до того колотили фельдшера , что новому Красновскому доктору уже нечего было бояться его загвоздокъ , потомучто спустя недѣлю послѣ этого событія пальмestронъ умеръ въ Красновской городской больницѣ...

ГЛАВА IV

Нестерпимый жаръ , который доселѣ жегъ и душилъ деревенскую зелень , спалъ наконецъ . Съ рѣки повѣяло освѣжающей прохладой , мелкія струйки зарыбили по ней . Перекатываясь одна чрезъ другую , онѣ сверкали искрами такого ослѣпляющаго блеска , что глазамъ становилось больно смотрѣть на нихъ , — и тогда только успокоивались глаза ваши , когда вы обращали ихъ на раскидистыя , зеленыя вѣтви прибрежныхъ ивъ . Наклоненныя въ воду , онѣ казались , испытывали неизъяснимую сладость , купаясь въ прохладительной влагѣ послѣ палящаго зноя...

Изъ деревенскихъ избъ , куда забралась большая часть ярмарочной публики , слышались и громкій говоръ и еще громчайшія пѣсни . Ярмарочная площадь замѣтно опустѣла . Остались на ней только такъ называемые красные ряды , гдѣ все еще продолжалъ толпиться народъ , да продавцы забракованныхъ плодовъ . Уныло стояли они около нераспроданныхъ кучъ и разсчитавъ , что не стоитъ тратиться на обратный провозъ оставшагося товара , уже ничего не предпринимали противъ очевиднаго грабежа свиней , которыя , съ свойственною имъ вальяжностью , рылись въ плодахъ мордами , страшно запачканными сокомъ прокислыхъ дынь .

Торговые обороты , собственно , такъ сказать , домашніе , были совершенно окончены . Мужики бѣдные , пріѣхавшіе на ярманку съ жалкими произведеніями своего хозяйства , или съ еще жалчайшими вещичками собственнаго досужества , продали все это мужикамъ побогаче , запили могоарычи съ покупателями , закупили домой соли и дегтю , по калачику дѣткамъ и пошли въ другой разъ въ кабакъ пропить остальное... Такимъ образомъ во вторыхъ рукахъ составились

небольшія партіи масла, холста, кожь, телѣжныхъ осей и прочаго, что перешло въ третьи руки, именно къ мѣщанамъ, или къ такъ называемымъ куликамъ, прїѣхавшимъ изъ уѣзднаго города, которые долго спекулируютъ этими вещами между собою, долго запиваютъ могоарычи при каждой перекункѣ и перепродажѣ и наконецъ перепродаютъ все это купцамъ, торгующимъ оптомъ...

Лысый гостепріимецъ съ своими помощниками не успѣвалъ отпустить то невѣроятное количество могоарычей, которые требовались торговцами и неторговцами. Въ это время пили ужъ не для того, чтобы выпить; а для того, чтобы показать православнымъ: во, дескать, колька потребляютъ мы мोगимъ... И такая шла лафа въ это время лысинѣ, что одни потребители болѣе половиннаго количества водки оставляли ему на хлѣбъ, другіе, жарко разговаривая съ дорогимъ куманькомъ или сватомъ любезнымъ, забывали о сдачѣ съ цѣлковаго; а экстазъ третьихъ простирался до той степени увлеченія воображаемой добротой лысаго гостепріимца, что они убѣдительноѣе просили его, чтобы онъ маненечко выпилъ съ ними и что, если не хочетъ онъ хватить родного, такъ хоть чего-нибудь выпилъ бы на ихъ счетъ: бальзаму тамъ, али грому какого... И гостепріимецъ уважалъ просьбы милыхъ дружковъ, — пить хоть можетъ быть не пилъ, за то, разчитываясь съ ними, непременно прикидывалъ къ итогу копеекъ пятнадцать, за которыя онъ въ уваженіе прїятелей сладкихъ себя угостилъ и еще болѣе раззадоривалъ онъ короткихъ знакомцевъ своихъ, когда дѣлалъ имъ уваженіе въ томъ собственно разѣ, что скидывалъ съ счетовъ ту разную дрянъ, разрѣзанную на мельчайшіе кусочки, которая обыкновенно валяется на прилавкахъ питейныхъ заведеній и которою мужикъ заѣдаетъ адскую микстуру, искусно приготовляемую, на потѣху ему, кліентами винныхъ откуповъ.

Поэтому въ выставкѣ слышались, или тѣ забубенныя рѣчи, которыми выпившій объясняетъ своему задушевному другу свое житье бытѣ молодецкое, или слѣзныя жалобы на злую судьбу-лиходѣйку, которая будто бы до того молодца загоняла, что у него ни на что ужъ и не поднимаются бѣлыя руки...

— Эхъ, курица, говоритъ, жисть ты моя злодѣйская, участь моя безталанная, пропадай ты совѣмъ. И запивала она горе свое великое новой косушкой, которая черезъ великую силу въ ротъ влѣзла, но за которую тѣмъ не менѣе заложенъ новый полушубокъ.

Въ то же самое время и лихачи эти — кудрявичи, увлекшись

разказомъ о своей удали неописанной , о своемъ талантѣ и досужествѣ во всякихъ дѣлахъ , пропивали сперва красный кушакъ и поярковую шляпу , а потомъ и новую поддѣвку и оставались они , добрые молодцы , въ однихъ красныхъ рубахахъ . Въ дружескихъ обниманьяхъ незамѣтно отрывались застежки рубашнаго ворота и тогда можно было видѣть ту широкую , желѣзную грудь , по справедливости названную богатырской , которая одна лишь , кажется , долго можетъ выносить злое вліяніе адскаго питья , которымъ жгутъ ее и когда горе сушить ее , и когда радость волнуется , когда у мужика отъ непосильнаго труда кости заломить и когда онъ отъ бездѣлья на теплой печкѣ лежать соскучится...

Море водки было выпито . Вотъ и теперь въ его необъятной пучинѣ погибъ человѣкъ . Съ самаго дѣтства отъ дѣда , отъ отца и отъ добрыхъ людей слышалъ онъ , какъ иногда къ статьѣ говорилось , что всякое горе въ винѣ утопить можно . Долго жилъ онъ на свѣтѣ и не зналъ , что-де за скусъ такой винный есть , затѣмъ что горя не зналъ никакого , а теперь вотъ пришлось испытать и то и другое , да жаль — поздно ! Правда другимъ урокъ ; но за то какъ дорогъ этотъ урокъ !..

И стоитъ толпа надъ трупомъ бездушнымъ и думаетъ : что-де за исторія такая ? Былъ сейчасъ человѣкъ — и ужъ нѣтъ его ! Сроднилась она съ этимъ родомъ зрѣлищъ до того , что другихъ словъ они уже и не внушаютъ ей .

А о томъ , какого рода исторія подвела подъ обухъ человѣка , расскажу сейчасъ ; а теперь доброй ночи , добрые люди ! Новое утро завтра настанетъ для насъ — вновь мы увидимъ свѣтлое солнце , добрыхъ людей ; а жертва порока самаго грустнаго , но тѣмъ не менѣе обыкновеннаго у насъ и , какъ будто бы , нужнаго , потому что дозволеннаго , — ничего не увидить . Доброй дороги ей , въ вѣчный путь отходящей , даже нельзя пожелать...

ГЛАВА V

Верстахъ въ пяти отъ Дубовыхъ Липъ есть огромное барское село . Каменный помѣщичій дворецъ есть въ немъ съ обвалившейся штукатуркой , съ закрытыми ставнями и заглохшимъ садомъ . Давно покинуть хозяиномъ домъ этотъ и только въ развалившихся службахъ живутъ человѣкъ съ полсотни дворовыхъ . Къ соблазну крестьянъ

янскихъ бабъ, народецъ этотъ покуриваетъ себѣ трубки, охотится лѣтомъ за перепелами (свистюльками такими ихъ въ сѣти заманиваетъ), а постоянное занятіе этого народа заключалось главнымъ образомъ въ охаиваніи мужиковъ: дескать, вы что? Суконные пироги ѣдите, ремешкомъ гужемъ давитесь, а мы при господскихъ персонахъ служимъ и съ городскими приказными знаемся... Дѣйствительно лѣтомъ, бывало, набѣдутъ къ нимъ кутилы красновскіе подъ предлогомъ наслажденія сельской природой, да по цѣлымъ недѣлямъ въ барскихъ хоромахъ и пьянствуютъ. О тѣхъ сценахъ, которыя разыгрывались кутилами въ самомъ домѣ, можно судить по тому обстоятельству, что они днемъ, бывало, выбѣгутъ на село *in horibus naturalibus*, да за деревенскими собаками и охотятся...

Человѣкъ, о которомъ я хочу рассказывать, былъ управителемъ въ этомъ селѣ. вмѣстѣ съ этою должностію, отецъ его, находясь при смерти, передалъ ему во владѣніе небольшой дубовый сундукъ, полученный имъ съ своей стороны тоже отъ отца. Какимъ манеромъ пріобрѣтена была внутренность, заключавшаяся въ сундукъ, неизвѣстно; извѣстно только то, что внутренности этой было тысячъ на пятьдесятъ серебромъ. Ну-съ и живетъ себѣ управитель нашъ бариномъ настоящимъ, хотя онъ въ сущности былъ ничто иное, какъ крѣпостной настоящаго барина, который постоянно по заграницамъ шатался, отъ природы полученныя способности, по части бѣенія баклушъ изощрялъ... Управительскія дочки (двѣ у него ихъ было: Сашета старшая, а Пашета младшая) съ утра до вечера чаекъ себѣ попиваютъ въ накладочку съ кренделечками, а въ интервалахъ относительно каленыхъ орѣшковъ, да подсолнечныхъ семянъ зубки навастриваютъ. Словомъ, чадолюбивый отецъ воспитаніе далъ имъ именно такое, результатомъ котораго бывають грандіозныя особы, такъ часто встрѣчаемыя въ дѣвичьихъ большихъ помѣщичьихъ домовъ. Изумляютъ васъ эти особы яркостью розовыхъ щекъ своихъ и тѣмъ прелестнымъ сходствомъ съ откормленными утятами, которое такъ восхищаетъ богатыхъ стариковъ, знатоковъ и спеціалистовъ этой части. Ну, красновскіе приказные видятъ тѣlesa то и думаютъ: какъ бы это, канальство, карьеръ сдѣлать, съ управительской дочкой какойнибудь законнымъ супружествомъ сочетаться? И многіе изъ нихъ сильно истратились на покупку разныхъ платочковъ и колечекъ, которыми они дарили дворовыхъ бабъ, подкупая ихъ снести управительскимъ барышнямъ записочку эдакую золотообрѣзную, на конвертѣ которой самымъ тщательнымъ почеркомъ написано было:

Лети, лети мой вздохъ,
 Кто моему сердцу дорогъ.
 Лети, лети туда,
 Гдѣ примуть его безъ труда.

Всѣ эти поэтическія штуки, выбранныя цѣликомъ, съ небольшими собственными добавленіями, изъ сладчайшей повѣсти о битвѣ русскихъ съ кабардинцами, глубоко потрясали все существо барышень. Онѣ тоже въ свою очередь брали какую-нибудь книжонку съ синими крышками, выбирали оттуда на розовую бумажку что послаще и отсылали приказному съ адресомъ такого зажигательнаго свойства :

Ачѣй манхъ свету
 Міламу прідему, —

нисколько впрочемъ не имѣя понятія о личности милого предмета, съ которымъ онѣ тѣмъ не менѣ изъявляли въ своихъ цидулкахъ твердое и ни чѣмъ неизмѣняемое намѣреніе убѣжать въ страны счастливой Аркадіи.

Въ силу полученныхъ отъ барышень разныхъ нѣжныхъ нѣжностей, многие приказные засылали къ управителю свахъ съ просьбою осчастливить ихъ рукою Сашеты или Пашеты ; но онѣ подавалъ кареты всѣмъ свахамъ, весьма справедливо рассуждая, что весь этотъ народъ сгараетъ любовнымъ пламенемъ къ его дубовому сундуку, а вовсе не къ дочкамъ. Ужь если, говорилъ онъ, дѣвку надо будетъ отдать съ капиталомъ, такъ отдать ее за купца какого нибудь, а съ этой голю приказною, пожалуй, и безъ насущнаго насидится.

Неизвѣстно, сколько бы времени простирали дѣвы въ своемъ печальномъ уединеніи, если бы Сашета предъ старухой теткой не изъявила опасенія, постоянно и глубоко по неизвѣстнымъ причинамъ ее беспокоившаго, что какъ бы къ ихъ дому чего нибудь не подкинули... Просто уснуть не могу ни на минуту, говорила теткѣ Сашета. Ужаси какъ страшно!.. Старуха тетка передала эти опасенія отцу. Отецъ хоть и сказалъ, что все это пустое; однакоже послалъ одну дворовую старуху, занимавшуюся сватовствомъ и удивительно гадавшую на картахъ, въ Красноярскъ, къ одному приказному, который передъ тѣмъ сватался за Сашету, да отказъ получилъ, чтобы онъ пріѣзжалъ къ нему въ усадьбу смотрины дѣлать. Приказный съ разу смѣкнулъ, что исторія-то того-съ... и пріѣхалъ. Этимъ же вечеромъ порѣшили, что быть свадьбѣ черезъ недѣлю, тѣмъ болѣе, что и Сашета, когда отецъ спросилъ ее, нравится ли ей женихъ, рѣши-

тельно отвѣчала : что дескать , тятенька , я къ нему большую склонность въ моемъ сердцѣ питаю . Дѣйствительно свадьба была черезъ недѣлю — и на свадьбѣ этой были приказные изъ всѣхъ судовъ , втихомолку разсуждавшіе на счетъ жениха , за что-де дуракамъ всегда счастье везетъ ?

Спустя другую недѣлю послѣ свадьбы, въ одно прекрасное утро, Сашета не обрѣла своего доблестнаго супруга , потомучто онъ уѣхалъ въ дальніе края съ благородною цѣлью себя показать , да людей посмотреть и кстати , должно быть , захватилъ съ собою тѣ десять тысячъ рублей , которые взялъ за нею въ приданое . Такъ , бестія , кругло дѣльце обдѣлалъ , что ни котъ , ни кошка не знали , какъ онъ , при содѣйствіи попечительнаго начальства , отставку взялъ .

Это былъ первый щелчокъ , который судьба закатила управителю ; а ужь извѣстное дѣло , коль скоро кого судьба по носу хватить , такъ только успѣвай считать ея щелчки . Такъ и здѣсь было дѣло . Замужняя вдова опять къ отцу на старое житье переселилась , а черезъ мѣсяцъ послѣ этого переселенія опасенія , тревожившія ее въ барышняхъ , оправдались на дѣлѣ , — къ дому управителя дѣйствительно подкинули микроскопическаго мальчугана...

Въ это время управитель почувствовалъ въ себѣ первые припадки старости — поясница стала ломить . Перепробовалъ онъ всѣ эти бузинные наборы , каждую ночь малиновымъ чаемъ себя до сегого пота угощалъ , — нѣтъ легче !

Вотъ однажды и пріѣзжаетъ къ нему пріятель одинъ , выгнанный изъ службы чиновникъ (Въ губерніи стало жить нечѣмъ , такъ онъ на свою родину въ село пріѣхалъ и занимается въ настоящее время тѣмъ , что мужикамъ прошенія пишетъ , да тягаться ихъ другъ съ другомъ стравливаетъ) . Ну , извѣстное дѣло , управитель сейчасъ для него закуску съ графиномъ на столъ , а пріятель-то , признаться , ужь *заложимиши былъ* . И началъ управитель жаловаться пріятелю , что вотъ-де у него поясница ужаси какъ болитъ съ тѣхъ самыхъ поръ , какъ несчастье-то его постигло , а пріятель между тѣмъ на старые дрожжи еще пропустилъ дважды и началъ хозяина упрашивать , чтобы тотъ съ нимъ компанію раздѣлилъ , относительно т. е. выпивки , божбой утверждая , что рюмки двѣ или три , если онъ выпьетъ , такъ горе-то съ него , можно сказать , какъ съ гуся вода сбѣжитъ и поясницѣ не въ примѣръ легче будетъ .

— Что это вы , говорилъ управитель , — съ ума спятили , что

ли? Слава Богу, пятьдесят съ хвостикомъ лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, не пилъ; такъ теперъ ужъ не къ чему покойныхъ родителей обижать.

— Да вѣдь это что, говорилъ чиновникъ? Вѣдь это съ лекарственной цѣлю. Ты выпей, и тогда посмотри что съ тобой будетъ. Новый человекъ совсѣмъ будешь; — и чѣмъ болѣе отказывался управитель отъ чести раздѣлить съ нимъ компанію, тѣмъ онъ убѣдительнѣе просилъ его объ этой чести и наконецъ даже сталъ на колѣни и съ слезами чувствительнаго сердца, глубоко проникнутаго состраданіемъ къ немощамъ ближняго, началъ увѣрять управителя, что онъ добра ему желаетъ, видя его горе великое и что самъ онъ отъ покойника тятеньки получилъ завѣщанье не пить, потому-де что смертный грѣхъ пьянство есть и что наконецъ теперъ онъ, слава Богу, многолѣтнимъ опытомъ дозналъ ошибочность тятенькина завѣщанія.

Кончились наконецъ просьбы чиновника тѣмъ, что управитель выпилъ... Сидитъ онъ, а гибельный процессъ, которымъ несчастныя жертвы вербуются подъ знамена порока, совершается въ немъ. Размгачаются устарѣлыя кости, горячѣетъ, начинавшая уже охладѣвать кровь, и теплой струей приливаетъ она къ изнывшему сердцу, заставляя его такъ радостно биться...

Послѣ второй рюмки, все окружающее управителя показалось ему въ такомъ добромъ, благопріятномъ свѣтѣ, что онъ очень удивлялся тому обстоятельству, какъ это могли безпокоить его такіе пустяки, какъ напримѣръ потеря десяти тысячъ, увезенныхъ безсовѣстнымъ зятемъ и разныя глупыя сплетни относительно Сашеты и подкинутаго мальчугана?..

Уѣхалъ пріятель, — вышелъ часа черезъ два хмѣль изъ головы управителя и опять заболѣла поясница и опять, на мѣсто испарившейся водки, полѣзли въ голову тѣ страшныя сказки, которыя до сужіе языки разнесли о его дочери по цѣлому уѣзду.

Полечился немного старикъ и опять ничего, хорошо стало и въ головѣ и въ поясницѣ...

Такой порядокъ вещей продолжался съ годъ, или немного болѣе. Сашета пустилась между тѣмъ, какъ говорится, во вся тяжкая — и ужъ не то, чтобы какъ прежде въ свободное время чайкомъ позабавиться, нынче она нарываетъ эдакъ въ укрономомъ мѣстечкѣ на счетъ перцовки пройтись, потому собственно случаю, что вотъ де подъ ложечкой очень больно...

Надобно знать сельскую жизнь, чтобы понять, какъ терзали отцовское сердце разные пріятельскіе эживки на счетъ его дочери — этой пѣвчей птички, которая принявъ еще утромъ свое обыкновенное лекарство отъ боли подъ ложечкой, по цѣлымъ днямъ, бывало, сидитъ себѣ подъ окошкомъ, да напѣваетъ сентиментальные стишки, гласившіе о нѣкоемъ, хотя и зломъ, но все еще милымъ тиранѣ.

Такимъ образомъ, чѣмъ язвительнѣе былъ клинокъ, которымъ хотѣли подколотъ глазъ управителю, тѣмъ болѣе былъ пріемъ лекарства, которымъ онъ уже привыкъ залечивать раны глубоко уязвленнаго сердца. Къ концу года старыя опасенія Сашеты, относительно, такъ сказать, подкинутія къ нимъ чего-нибудь, возобновились и очень скоро осуществились на самомъ дѣлѣ. Въ другой разъ около управительской квартиры найдено было микроскопическое существо человѣческой породы.

Старикъ началъ пить по цѣлымъ мѣсяцамъ...

Видятъ все въ околodкѣ, что управитель съ панталыку сбился и юристь-то — пріятель видитъ, и запала ему въ голову счастливая мысль спихнуть съ мѣста друга любезнаго, а самому попасть на это мѣсто. Вещь, думалъ юристь, хлѣбная будетъ.

И принялся онъ за это дѣло съ тою ловкостью истиннаго дѣльца, за которую много головицъ по нижегородской дорогѣ прогуливается. Безыменное письмецо лѣвой рукой, во избѣжаніе предательства со стороны почерка, накаталъ, да къ владѣльцу имѣнія и пустилъ.

Письмо юриста попало, что называется въ самую центру. Хорошо еще, что управителю дали изъ-подъ руки знать, что баринъ къ нему на ревизію ѣдетъ. Опомнился старикъ, вытащилъ внутренности изъ сундука, въ пакетъ ихъ заложилъ, да и думаетъ: кому бы это, какъ гроза пройдетъ, сокровище повѣрить. Наконецъ выдумалъ онъ, что кому же болѣе, какъ не юристу. Съ нимъ онъ въ малолѣтствѣ въ казанки игрывалъ, у одного дьячка вмѣстѣ азбукъ учились и теперь вотъ лѣтъ ужъ будетъ съ десятокъ, какъ они хлѣбъ соль другъ съ другомъ водятъ, да и дѣтей у юриста управитель крестилъ, — на что же вѣрнѣй человѣка? Вотъ и пріѣзжаетъ управитель къ куму, — тотъ тоже закуску съ графиномъ на столъ — и пошли у нихъ разговоры, обыденные, сельскіе разговоры, какъ на примѣръ красновскій купецъ Лабочинниковъ надулъ сопатымъ

рысакомъ Васю Тарасовскаго (личность эта скоро имѣеть быть представлена благосклонному вниманію читателей), и какъ у Васи Тарасовскаго означеннаго рысакъ выигралъ Григорій Лукичъ. (А Григорій Лукичъ, если вамъ угодно знать, до статскаго совѣтника, будучи какъ говорится изъ прискорбныхъ, дошелъ; а теперь живетъ на покоѣ въ Красновскѣ, да на обухѣ рожь помолачиваетъ.)

Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ, управитель прямо къ дѣлу пошелъ, вынулъ пакетъ, да и говоритъ: слышалъ ты, кумъ, баринъ къ намъ ѣдетъ. Неровенъ случай съ повальнымъ нагрянетъ, такъ я ужь къ тебѣ привезъ — спрячь! Да какъ развернетъ пакетъ—то, да какъ пачками на двѣсти тысячъ хлынетъ, такъ у юриста голова кругомъ и пошла. Задрожалъ и замлѣлъ весь, какъ эти розы—то сотенныя, да серіи зеленыя въ глазахъ у него зарябили... Ну, кумъ, говоритъ юристъ, — вижу, что ты меня любишь. Ну, а какъ я тебя, да того... подъ сиротскій судъ упеку, шутливо прибавилъ юристъ? Что ты тогда станешь дѣлать? и пріятели оба засмѣялись такому несбыточному предположенію, — должно быть другъ на друга крѣпко надѣялись.

Разсказывать ли вамъ о томъ, какъ порѣшивъ дѣло, пріятели долго сидѣли за свѣтлою рюмкой, какъ юристъ упрашивалъ кума, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не беспокоился о своихъ деньгахъ, потому что совѣсть ему дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ и какъ наконецъ, по отѣздѣ помѣщика, кумъ—юристъ протурилъ въ три шеи кума—управителя, когда тотъ пріѣхалъ къ нему за своимъ пакетомъ?.. Все это исторіи обыкновенныя, какъ обыкновенна и та исторія, что помѣщикъ, пріѣзжавшій ревизовать свое имѣніе, смѣнилъ управителя и увезъ съ собою его младшую дочь, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такой воспитанной дѣвушкѣ, какою на его барскіе глаза показалась Пашета, неприлично жить съ постоянно пьянымъ отцомъ...

— Мы эти исторіи сами до тонкости знаемъ, говоритъ одинъ мѣщанинъ, когда квартировавшій у него служивый, расчитывая пообѣдать съ нимъ за однимъ столомъ, старался распотѣшить его забавнымъ разсказомъ о томъ, какъ дескать мы подъ турецкиной были.

Старикъ началъ пить запоемъ, пропивая крошки, оставшіяся отъ прежнихъ счастливыхъ дней, — и болѣзнь его, такъ страшно свирѣпствующая въ простомъ народѣ, получила еще большее раз-

витіе въ слѣдствіе слуховъ , разнесшихся по-уѣзду , что младшая дочь его , увезенная помѣщикомъ , пропала безъ вѣсти послѣ того , какъ онъ подарилъ ей вольную и приказалъ убираться на всѣ четыре стороны...

Такимъ манеромъ свалило старика сердцекрѣпительное ! Лежить онъ теперь на голой землѣ — и окружила его ярманочная толпа , — благо , что некому укрыть его отъ чужихъ насмѣшливыхъ глазъ — и не прощальные вопли жены или дочери раздаются надъ его грѣшной головой , а холодные толки людскіе .

— Что , что тутъ такое , братцы мои , тараторила городская бабенка , торговашая на ярмаркѣ прошлогодними и какъ-будто кирпичными калачами ?

— А вотъ , примѣромъ , про то толковище завели , чтобы городскими калашницами плотины мостить , отвѣтилъ ей длинный сюртукъ , пропитанный саломъ и дегтемъ .

— Молоденекъ вижу ты , батенька , зубы у тебя еще не прорѣзались , а ты ужъ на честныхъ людей лаешься . У моего жильца , приказнаго , въ городѣ медеянскій кобель есть , такъ и тотъ на меня еще ни разу не брехалъ .

— Ну-ну проваливай , добавилъ сюртукъ , — стукну вотъ по затылку-то , такъ у меня небось позолота-то съ серегъ , какъ разъ слетить...

Два пріятеля подходили къ толпѣ , — одинъ черноватый такой , съ лицомъ какъ-будто нарочно засѣяннымъ угрями и въ разорванномъ архалукѣ , а другой рыжеватый , съ бородой и въ кучерской сбруѣ — дворовые , надобно быть . Архалукъ съ неимовѣрными жестами , то останавливаясь , то забѣгая впередъ , говорилъ кучеру : Вѣдь знаешь же ты , какой я былъ тогда ? Говори , знаешь ? Краснощекій я тогда былъ , ухъ какой краснощекій ! Маку-то этого розоваго на лицѣ не имѣлось . Да ! Развестъ , стало быть , мнѣ его еще некогда было — мальчишка былъ . И вѣдь ты не повѣришь , какой я тогда былъ малый , — во всѣхъ статьяхъ молодчина , кровь съ молокомъ ! А она , барыня-то и говоритъ мнѣ : ты , говоритъ , Степанъ , здѣсь ложись , — я боюсь одна... А у барина-то я , когда онъ , бывало , домой наѣдетъ (рѣдко ѣзжалъ домой-то — слышь ?) , такъ я , значить , всегда у него камардинскую должность справлялъ . Ну и погибъ черезъ эсто ! Да — черезъ эсто самое и погибъ ; слухи , значить , до него донеслись , а я и погибъ...

— А ты бы того, говорила сбруя, — къ Маревъ сходилъ бы, она, говорятъ, хорошо на водѣ наговариваетъ, помогло бы можетъ...

— Нѣтъ! Я тебѣ говорю, не вода тутъ нужна, потому ничего ты въ этомъ разѣ водой не подѣлаешь, а нуженъ тутъ плетюганъ... Да!

— Вонъ она куда исторія-то поѣхала, добавилъ кучеръ. Приятели скрылись за парусинныя полы выставочнаго шатра, откуда громко неслись раздрающіе душу звуки органа и разбитая фистула маіорской дочери.

— Ведмѣдя, ведмѣдя ведутъ! кричало нѣсколько парней, со всѣхъ ногъ бѣжавшихъ къ толпѣ, волны которой неистово бурлили кругомъ покойника. Обманулись парни, рассчитывая въ толпѣ этой даромъ увидѣть косматаго мишку и неизбѣжную спутницу его — козу бородатую.

На завальнѣ церковной караулки, мимо которой шла большая дорога, сидѣли мужики, тщетно пытающіеся разрѣшить себѣ вопросъ, для чего де это у нихъ на дорогѣ ставятъ такія длинныя плахи съ желѣзными проволоками? Одни говорили, что все это французъ выдумалъ и что выдетъ изъ этого какое-нибудь наваждение недоброе; а другіе говорили, что это махина какая-нибудь, добрымъ царемъ на ихъ счастье поставленная, а какая именно махина, того они доподлинно сказать не могли...

Знакомый намъ юристъ тоже въ это время по улицѣ шелъ — и онъ тоже мимоходомъ на покойнаго кума взглянулъ, — гробъ ему заказалъ, да рубашку новую приказалъ сшить. Юристъ нашъ теперь, изволите видѣть, приказываетъ; въ настоящее время онъ въ Черногородскѣ живетъ, тамъ постройкой казенныхъ домовъ спекулируетъ, своихъ уже штукъ шесть ихъ имѣетъ и вообще въ губерніи большимъ тузомъ считается, а видимъ мы его на ярманкѣ по тому случаю, что онъ каждагодно на престольный праздникъ пріѣзжаетъ въ родное село покойныхъ родителей помануть, да всѣмъ церковнымъ иконамъ гигантскія свѣчи постановить. Думаетъ такимъ образомъ грѣхи замолить!..

Разстроенный смертью кума, которую случай привелъ ему видѣть, идетъ онъ злой на весь міръ, а тутъ какъ на зло встрѣтилась съ нимъ дворовая баба съ штофомъ въ рукахъ, — пробиралась она, изволите видѣть, на выставку и орала во все горло какую-то безпутную пѣсню.

Быстро махнулъ рукою нашъ баринъ челоуѣку съ мѣдной бляхой на груди, означавшей сотскаго и приказалъ ему взять пѣвицу въ холодную. Юриста-то, изволите видѣть, лѣтъ пять тому назадъ, самого неоднократно съ похмѣлья въ кабакъ забѣгавшаго, уже начали возмущать сцены сельской ярманки: его благородные нервы уже не могли выносить, какъ тамъ эдакія бабы неумытыя горланятъ пѣсни безсмысленныя...

Ну сотскій, извѣстное дѣло, всегда съ бадикомъ ходить, такъ онъ прежде нежели забралъ бабу въ станъ, взялъ ее, да бадикомъ раза три и огрѣлъ, а самъ приговариваетъ: смолкни, пташка-кана-рейка, — подвострить, значить, надъ дворовой кантатриссой хотѣлъ; анъ же туда глядишь. Востроту эту, какъ на грѣхъ увидалъ мужъ кантатриссы, эдакая, можете себѣ представить, забіяка съ кулачищами самаго гибельнаго свойства, — налетѣлъ онъ на сотскаго, да въ зубы его; за какія, говоритъ, великія прегрѣшенія бьешь ты ее, разбойникъ ты эдакой? Да, до насъ, говоритъ, баринъ нашъ, такъ и тотъ перстомъ не касается. (Въ скобкахъ сказать, баринъ на дняхъ ему лихую встрепку задалъ, за то что забіяка барскихъ индюковъ московскому курятнику потихоньку продалъ.) Сотскій въ свою очередь вовсе не былъ такимъ лапчатымъ гусемъ, чтобы личную обиду могъ безъ отмщенія перенести, самъ его съѣздилъ, да караулъ закричалъ. Подбѣжалъ другой сотскій и другой дворовый, къ тому подстали сваты, къ тому кумовья, а тамъ налетѣли и тѣ добрые молодцы съ ретивыми сердцами, для которыхъ подрасть тоже, что меду поѣсть — и пошли ломить стѣна на стѣну...

Вотъ онъ разыгрались страсти-то челоуѣческія. Укротитель понадобился!..

ГЛАВА VI

Тумаки, которыми пальмestронъ угостилъ въ выставочномъ шатрѣ Македона Елистратича, имѣли слѣдствія въ высшей степени благопріятныя для послѣдняго и очень замѣтно отозвались и на ярманкѣ. Кто бы разогналъ этихъ буйныхъ забіякъ, которые безъ милосердія тузили другъ друга и что было бы со всей ярманкой, если бы Македонъ Елистратичъ закутился съ пріятелемъ у лысаго гостепріимца? Мужики развѣхались бы по домамъ, къ крайнему своему удивленію, не поколоченные Македономъ Елистратичемъ —

этимъ, по ихъ выраженію, драчливымъ бариномъ, а тогда нечѣмъ было бы имъ и ярманку вспомнать, да и вообще вся ярманка пролетѣла бы облакомъ мимолетнымъ, тучей безгрозною, безъ тѣхъ неизбежныхъ результатовъ, которые производятъ на всѣхъ сельскихъ торгахъ доки въ родѣ Македона. Только вечеромъ надъ селомъ пыль взвилась бы столбомъ отъ телѣгъ пьяныхъ мужиковъ и опять улеглась бы она на окрестныхъ поляхъ, увлаженная ночью росой; только бы загремѣли бубенчики на лошадяхъ, имѣвшихъ увезти въ городъ краснорядцевъ съ ихъ незамысловатыми товарами.

Конечно, одинъ мой знакомый и именно начальникъ Красновской инвалидной роты (человѣкъ замѣчательный по своему поэтическому таланту), бывшій на ярманкѣ, рассказывалъ мнѣ, что движеніе это, какъ онъ говорилъ, совершавшееся въ прекрасный лѣтній вечеръ, при этакомъ слабомъ мерцаніи звѣздъ небесныхъ, представляло эффектъ поразительный; оно, изволите видѣть, не знаю какими манерами, напоминало ему эдакую, чортъ возьми, Сахару безплодную, караванъ въ пескахъ утонувшій; а сестра его, молодая барышня, лѣтъ 35, извѣстная по своей шикозности въ цѣломъ уѣздѣ, прибавила къ разсказу брата, что дѣйствительно ярмарочный разѣздъ въ цѣломъ представлялъ чрезвычайно милую картинку, полную жизни — и такой жизни, которая, по ея мнѣнію, рѣшительно неизвѣстна въ нашей душной темницѣ. (Подъ душной темницей она разумѣла Красновскъ. Либералка такая, Богъ съ ней! Все французскіе романы въ русскомъ переводѣ читаетъ и даже слово новое въ свѣтъ выдала по поводу произвольнаго оставленія одной красновской барышней родительскаго дома, для того, чтобы слѣдовать за другомъ сердца — юнкеромъ, похожимъ на сажженный бокалъ, выразившись объ ея поступкѣ такимъ манеромъ: ахъ, какой Жоржъ-Зандизмъ!..)

Но Македону Елистратичу какое дѣло до всѣхъ этихъ прелестей природы? Ему нужна была ярманка съ ея звенящими, если такъ можно выразиться, качествами, часть которыхъ, присоединенная къ его собственнымъ достоинствамъ, могла бы его пѣлый годъ прокормить. Безъ этого присоединенія ему неминуемо пришлось бы испытать то печальное положеніе гончей собаки, у которой заяцъ изъ подъ носа выскочилъ. На мѣстѣ охоты ее за такой несчастный промахъ арапникомъ вздуютъ, а по пріѣздѣ съ охоты благодатной овсянки лишать. Вотъ куда подѣзжали обстоятельства, если бы

пальмestронъ своей живительной кашкой не отрезвилъ совѣтъмъ было загулявагося Македона Елистратича.

А теперь вотъ сходилъ онъ въ станъ, умылся тамъ холодной водицей, и по первомъ извѣщеніи о тревогѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ на ярмарку.

Конечно публика уже вся знала, что шарамыгѣ-писарю въ шею наклали; а потому появленіе его было причиной разныхъ остротъ, выраженныхъ болѣе или менѣе гласно. Особенно прогуливались въ этотъ разъ на счетъ Македона Елистратича, краснорядцы, и кто знаетъ, въ какой степени забористымъ феферомъ угостилъ бы онъ ярманочныхъ остряковъ, если бы въ это время не встрѣтился съ нимъ Вася Тарасовскій, тотъ самый, который Григорью Лукичу рысака проигралъ.

При видѣ Васи, Македонъ Елистратичъ уже нисколько не обращалъ вниманія на драку удалцовъ, представлявшую ему полную возможность набить несчастными узниками тотъ чуланъ въ становой конторѣ, въ который приставъ обыкновенно сажаетъ молодцовъ, имѣющихъ съ нимъ разныя дѣлишки.

Вася Тарасовскій принадлежитъ къ числу тѣхъ гороховыхъ шутовъ, которыхъ называютъ великими людьми на малыя дѣла. Не имѣя счастливой возможности утвердительно сказать, кто былъ его папаша, Вася съ дѣтства жилъ въ домѣ стараго, безроднаго холостячка, отставнаго капитана Тарасовскаго, владѣльца чудесной деревни съ семьюстами крестьянъ по послѣдней ревизіи. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Вася попалъ къ тарасовскому барину, неизвѣстно; извѣстно только то, что капитанъ ищетъ теперь выгоднаго покупщика на свою деревню съ тѣмъ, чтобы вырученнымъ за нее капиталомъ навсегда обезпечить своего приемыша. На этомъ основаніи, Вася кутитъ себѣ на чемъ свѣтъ стоитъ и, не будучи тѣмъ человѣкомъ, который выдумалъ порохъ, онъ нисколько неподозрѣваетъ, что только лѣнивейшіе въ уѣздѣ не щиплютъ изъ него его золотыхъ перьевъ.

Раскланявшись другъ съ другомъ съ граціозностью тѣхъ людей, о которыхъ въ таинственные часы полночи такъ много ломается биллиардныхъ киевъ въ уѣздныхъ трактирахъ, Вася и Македонъ Елистратичъ единогласно объявили, что взаимное ихъ свиданіе доставляетъ имъ обоимъ большое удовольствіе, и что вслѣдствіе этого не худо бы выпить.

Есть у насъ въ Дубовыхъ Линахъ нѣкая благопріятная женщина; въ старину принадлежала она къ разряду барскихъ барынь, а теперь на своей волѣ живетъ и занимается партикулярной коммерціей по трактирной и по питейной частямъ. Мужикъ найдетъ у ней всегда разлихую водку, не въ примѣръ лучше кабацкой, а такіе господа, какъ Вася и Македонъ Елистратичъ — все, что ихъ душа пожелаетъ. Вотъ наши удалыцы и затесались къ этой благопріятной женщинѣ; она же, разсыпаясь предъ гостями мѣлкимъ бѣсомъ, сейчасъ имъ особнякъ отвела, а дочь ея, эдакій расфуфыренный въ шелки персонажъ, въ сторонкѣ пуншики готовить.

— Ну, что тутъ у васъ новенькаго? спросилъ Вася Македона Елистратича.

— Да, что можетъ быть новаго подъ луной? Вотъ бывшій управитель опияся, видѣли?

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ; думаю, что и тебѣ тоже, Македонъ. Мѣднаго гроша съ своимъ становымъ не получите вы за это слѣдствіе. Правда, что ли?

— А до этого вамъ нѣтъ дѣла, нашелся отвѣтить Македонъ Елистратичъ: — впрочемъ относительно прикосновенности надежда есть, съ свидѣтелей быть можетъ сорвемъ. Да! скажите пожалуйста, Василий Петровичъ, что это у васъ за исторія анамедни съ Григорьемъ Лукичемъ вышла?

— Старая каналья онъ и больше ничего, вспылилъ Вася. — Представь: мечу я, эдакъ, штосся, — становить онъ карту съ самымъ яидовскимъ кушемъ — бью; становить другую, и знаешь въѣдъ ты, какъ онъ за картами польскій языкъ коверкаетъ и говорить: идземъ до тарасавскѣго банку, панъ круль, — и послѣ этого, хоть ты про бабушку-рѣпку пой, панъ круль его дьявольскій непрѣмѣнно рвалъ мой банкъ. Ужъ я закладывалъ, закладывалъ и тутъ только догадался я, что онъ, старый идолъ, тремя картами рѣзалъ, (одну-то назадъ возьметъ, а двѣ у меня въ талии оставитъ) когда уже я рысака ему съ одноколкой спустилъ. Спасибо, мой старикъ про этотъ ужасъ не знаетъ, а то бы унеси ты мое горе на гороховое поле. Кажъ вспомню я на какую дѣтскую штуку поддѣлъ меня, можно сказать, обстрѣленнаго воина этотъ старый кашлюга, такъ бы всѣ волосы на себѣ вырвалъ.

— А въѣдъ я недавно былъ у него, сказалъ Македонъ Елистратичъ.

— Что же ты мнѣ не скажешь, злодѣй? Повѣдай намъ, какими, говоря высокими слогами, новыми мерзостями этотъ старый плутъ украшаетъ свои маститыя сѣдины?

— Слѣдствіе въ подгородней слободѣ было (она вѣдь къ нашему стану принадлежитъ), такъ я тамъ цѣлую недѣлю выжилъ. Скука такая, что хоть во дремучіе лѣса бѣжи. Смотрю: человекъ отъ него приходитъ и записку мнѣ подаетъ. Читаю: пріѣзжай, говоритъ, Македонъ, ни мало не медля. Припомадился я, знаете, и пріѣхалъ и вижу: сидятъ у него. Князь—то этотъ Татарскій абазами своими стертыми всю честную компанію снабжаетъ, да главноуправляющій откупной, да капитанъ сосланный (не тотъ, который у Лабочинникова ворота дегтемъ вымазалъ, а тотъ, что у этой вдовой барыни, какъ ея фамилія—то забылъ, всё окна повыбилъ), и, можете себя представить, четвертые сутки въ картици и рѣжутся. А Григорій Лукичъ прямо ко мнѣ, съ шуточкой эдакъ: разведи, говоритъ, Македонъ, пѣтуховъ, дай умамъ направленіе другое. Ошалѣли, говорятъ, совсѣмъ. Посмѣялись мы тутъ немного. Хересомъ меня Григорій Лукичъ подчивать сталъ, не хочешь ли, говоритъ? Гдѣ, молъ намъ, дуракамъ чай пить, хоть бы родное—то изъ устъ не лилось — пропустилъ я стаканчикъ. Потомъ Григорій Лукичъ отвелъ меня къ сторонѣ, да и шепчетъ: Македонъ, относительно клубники разстарайся любезный, въ приличномъ нашему компанству количествѣ къ тому времени, когда, говоритъ, серебристая луна горизонтъ небесъ озолотитъ... Право, такой удалой старичина! Къ нему въ окно смерть смотритъ, а онъ себя все посмѣивается, какъ—будто не до него дѣло касается...

Пошелъ я, и что же? Куда ни сунусь, вездѣ, знаете, носъ эдакой! Куда ни пошлю (сколько, признаться, народу съ ногъ сбилъ), вездѣ, говорятъ, отъ молодого тарасовскаго барина пенсія идетъ — занятъ и, кромѣ того, надзоръ строгій...

Въ этомъ мѣстѣ разказа, Вася залился своимъ звонкимъ, безпечнымъ смѣхомъ. Нашла, говоритъ, коса на камень. И мой механизмъ возымѣлъ свое дѣйствіе на эту старую ракалю, Это ужъ не то, что идемъ до банку, панъ круль. Вотъ монополія—то въ нѣкоторомъ родѣ. Стоила она мнѣ, другъ любезный, коку съ сокомъ, да по крайней мѣрѣ распотѣшила: не жаль на такую штуку и деньги бросить.

И дѣйствительно штука весьма сильно потѣшала друзей; громко

хотали они надъ ней, попивая крайне забористое произведеіе рукъ расфуфыренного персонажа.

— Ну, рассказывай, что тамъ было, какъ ты показалъ имъ свою физиономію, измученную неудачною экспедиціей?

— Да тутъ ужь, почитай что ничего не было. Деньги всѣ перешли къ капитану, играть не на что. На вексель у него просили — не далъ. Нѣтъ, говорить, господа, тятеньки ваши про это узнають, такъ и мнѣ бѣда будетъ. (Это онъ откупного управляющаго на зубокъ поднималъ, изъ купцовъ вѣдь онъ.)

— Изрядно должно быть мы выпили въ это время, потому что ухитрилъ же насъ шутъ вывѣски поснимать у акушерки и у цирюльника. Вывѣску акушерки мы приколотили къ водочному магазину, а цирюльнику къ дому той купчихи, которая, знаете, всѣхъ прикащиковъ своихъ съ собою беретъ, когда въ дѣсь за грибами ѣдетъ... Въ магазинѣ-то цѣлый день не примѣтили, какъ на немъ красовалась доска съ надписью: привилегированная бабка Дарья Гусакова...

— Богатую идею далъ ты мнѣ, Македонъ. Нарочно закажу я теперь огромную вывѣску, крупнѣйшими буквами велю изобразить на ней примѣрно хоть это: здѣсь производится постоянная выгрузка чужихъ кармановъ, и ночью приколочу къ логовищу этого безпутнаго Лукича. Штука будетъ затѣйливая.

Македонъ Елистратичъ согласился съ тѣмъ, что штука эта дѣйствительно будетъ затѣйливая; но что она можетъ быть еще затѣйливѣй, еслибъ можно было, не нарушая сна мирныхъ гражданъ, могущихъ наколотить за нее шею, прибить вывѣску, и, въ довершеніе эффекта, иллиминировать ее.

— Другъ души, завопилъ Вася: — прижмись къ нашему родительскому сердцу! Ничего не пожалѣю, а ужь угощу иллиминаціей сѣдую крысу. Послушайте, мамзель, соблаговолите осчастливить сего удалого дѣтину другимъ пуншикомъ, да позловреднѣй чтобъ былъ, кстати и себя не забудьте дамскимъ поподчивать, слабенькимъ. Сообразуйтесь въ этомъ случаѣ, мой прекрасный другъ, съ потребностями вашего чувствительнаго сердца.

— Шутники вы эдакіе, Василий Петровичъ. Барышнямъ не прилично пуншъ употреблять. Вамъ, если прикажете, сейчасъ изготовлю-сь.

— О, нѣжный другъ мой, декламировалъ Вася! Шутники, почтительнѣйше докладываю вамъ, живутъ по ту сторону Оки, а относи

тельно пунша скажу: потрудитесь ужь изготовить медвѣдя, ибо геройская душа моя, опасностей жаждущая, ощущаетъ сильную потребность сразиться съ симъ кровожаднымъ звѣремъ

— Какого-жъ это ведмѣдя вы еще выдумали? съ сомнительной улыбкой спрашивалъ расфуфыренный персонажъ.

— Справедливые боги! Вы — такая прекрасная миссъ и спрашиваете: какого ведмѣдя-съ? Въ этомъ трагическомъ случаѣ отсылаю васъ къ нѣжно-любящей васъ матери вашей. Обратитесь къ ней, она дастъ вамъ всѣ зоологическія свѣденія, необходимыя для составленія кровожаднаго животнаго, называемаго вами ведмѣдемъ.

Благопріятная женщина сейчасъ же показала дочери, какъ надобно изготовлять ведмѣдя. Въ капельку чая ухнуть, что называется, стаканъ рому, вотъ вамъ и медвѣдь будетъ. Сражаясь съ медвѣдемъ, Вася энергично увѣрялъ Македона въ своей неизмѣнной дружбѣ; а Македонъ Елистратичъ, въ свою очередь, обѣщался разуважить его такимъ сюрпризомъ, о какомъ Вася, будто бы и не думаетъ; но что для того, чтобы окончательно овладѣть этимъ сюрпризомъ, нужно на предварительные расходы малую толику финансовъ, которыхъ въ настоящее время у Македона Елистратича будто бы не имѣлось.

На убѣдительнѣйшія просьбы Васи, сказать ему, въ чемъ состоялъ этотъ сюрпризъ, Македонъ Елистратичъ только многозначительно подмаргивалъ глазомъ, улыбался и щелкая языкомъ говорилъ: ну ужь удружилъ бы я васъ, еслибы у меня было теперь цѣлкачей пятьдесятъ. Въ одну недѣлю такого бы снигиря представилъ, что взгляни, да ахни!.. Не распрашивая болѣе ни о чемъ, Вася досталъ изъ бумажника полсотенную и отдалъ Македону Елистратичу.

Удовлетворивъ надлежащимъ образомъ благопріятную женщину, приятели вышли изъ ея гостепрѣимнаго убѣжища.

— Куда же теперь? спрашивалъ Васю Македонъ Елистратичъ.

— Если тебѣ нѣтъ дѣла, поѣдемъ со мной, авось куданибудь прѣдемъ, отвѣтилъ Вася; а теперь видишь: старикъ мой затѣваетъ на свои именины сельскій праздникъ для крестьянъ сдѣлать, такъ послалъ меня сюда разной дряни имъ закупить. Пошатаемся покуда немного, не придется ли какуюнибудь буржуазію вздуть: что-то руки чешутся...

И пошли они по этимъ, такъ называемымъ, краснымъ рядамъ, владѣльцы которыхъ прѣехали въ Дубовыя Липы съ похвальною цѣлью удовлетворить изящнымъ требованіямъ своихъ покупателей.

При первомъ взглядѣ на эти ряды, они представляли совершенное сходство съ цыганскими таборами. Колья, вбитые въ землю и накрытые грубой парусиной, громко назывались лавкой, въ которой можно было найдти соль и деготь, окаменѣлыя конфекты и вяленую рыбу, ржавыя подковы и ситцы серпуховской фабрикаціи съ такими неестественными колерами, для обозначенія которыхъ еще не придумано соответствующихъ имъ эпитетовъ.

Долго забавлялся Вася въ красныхъ рядахъ, разбрасывая на драку сокрушающіе зубы пряники, и долго деревенскія дѣвки хохотали надъ его плутовскою рѣчью, съ которою онъ обращался къ нимъ, желая узнать имѣлъ ли онъ высокую честь своими медовыми пряниками заслужить доброе расположеніе высокородныхъ лэди и, если имѣлъ, то въ какой сильной степени?

— Ваше высокоблагородіе, соблаговолите пожертвовать лепту отъ своихъ трудовъ праведныхъ, бѣдному страннику, идущему во святой градъ Іерусалимъ и на Синайскія горы! Съ такой рацеей обратился къ Васѣ старикъ съ бородой самаго почтеннаго вида, въ длинномъ порыжѣломъ, должно быть отъ дальней дороги, халатѣ и въ плисовой остроконечной шапочкѣ.

Краснорядецъ, въ лавкѣ котораго сидѣли наши молодцы, досталъ нарочно приготовленный для подобныхъ случаевъ грошъ и подаль старому человѣку. Вася въ свою очередь далъ ему цѣлковый; а Македонъ Елистратичъ по обязанности своей обратился къ нему съ вопросомъ: позвольте, говорить, старче Божій, на вашъ пашпортъ взглянуть?

Старъ человѣкъ съ смиреніемъ, отличающимъ всякаго подобнаго странника, отвѣтилъ Македону Елистратичу, что пашпортъ свой онъ затерялъ какъ-то; но что ему въ самомъ непродолжительномъ времени другой вышлютъ...

— Такъ ужъ ты, любезный, подожди у насъ въ конторѣ, пока тебѣ новый пашпортъ вышлютъ, сказалъ Македонъ Елистратичъ. Взять его!

— Неужели и съ этого съумѣешь слупить? сомнительно спросилъ Вася.

— Съ этого народа и лупить-то, утвердительно отвѣтилъ Македонъ Елистратичъ и, должно быть, зналъ онъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, потому что старче Божій дѣйствительно поплатился въ становой конторѣ.

Изволите видѣть: по представленіи путника въ ставъ, приставъ

началъ ему допросъ чинить: кто онъ, откуда и проч. На все старъ чело­вѣкъ отвѣчаетъ удовлетворительно, ни одной загвоздки подпус­тить подъ свои слова не даетъ. Правда, отсутствіе паспорта давало становому право препроводить старика въ городъ, да что толку? Возня одна, да переписка излишняя... Къ тому же и старъ чело­вѣкъ, нисколько непрочъ отъ удовольствія прокатиться въ Крас­новскъ на обывательской подводѣ, и ужь хотѣлъ было становой со­вѣтъ его отпустить, мало ли, дескать, бродягъ по бѣлу свѣту ша­тается, всѣхъ не переловишь! Да ужь на прощанье почти, такъ, ради шутки, и говоритъ ему: что старина, небойсь достаточно со­бралъ съ православныхъ на дорогу—то? Хоть бы ты съ нами бѣд­ными, мірскими людьми подѣлился, а то тебѣ одному не много ли будетъ? А старикъ видитъ, что становой на него между пальцевъ смотритъ, — заѣлся, значить, (все равно, какъ сытая кошка съ мышью играетъ: уйдешь, дескать, такъ уйдешь — чортъ съ тобой! Я сыта!) и говоритъ становому: только вамъ должно быть, ваше благородіе, и дѣла—то въ стану, что бѣдныхъ стариковъ обижать, да съ праваго и виноватаго въ свой карманъ собирать.

Какъ, заревѣлъ становой! Тебѣ благодѣяніе дѣлають, а ты еще забываешься, да за бородочку его и ухвати... Недаромъ пословица говорится: и на старуху бываетъ проруха. Бородочка—то у стараго чело­вѣка и отвалилась...

— Ступайте вонъ, шелопай! Чего вы тутъ глазѣете! закричалъ становой на двухъ сотскихъ, стоявшихъ въ комнатѣ, а самъ старо­му чело­вѣку и говоритъ: такъ вотъ ты каковъ сахаръ медовичъ? А старикъ видитъ, что дѣло—то плохо — на чистоту пошелъ: вино­вать, говоритъ, ваше благородіе! Двѣнадцать губернеъ, говоритъ, прошелъ, а въ вашей, тринадцатой, налетѣлъ. Тысячки, говоритъ, ассигнаціями довольно будетъ, чтобы дѣльцо покончить?.. Видитъ ста­новой, что парень—то бравый: доставай, говоритъ, пять сотъ серебра и квитъ, а старикъ и толковаться не сталъ. Подкладку у норыжѣ­лаго халата распоролъ, да пятью радужными станового и спрыс­нулъ, да еще благой совѣтъ ему подалъ. Я, говоритъ, ваше благо­родіе, бороду—то опять подвяжу, а вы позовите сотскихъ, да при нихъ у меня, акибы за напрасную обиду, христіанскаго прощенія попро­сите. Дѣло—то, кажись, круглѣе будетъ...

Такъ и сдѣлали и, конечно, сотскіе хоть и поняли, что тутъ должна быть штука; но отъ этого имъ нисколько не было теплѣе; а старикъ эту ночь ночевалъ у станового и откровенно рассказалъ

ему, что онъ солдатикъ, удравшій изъ полка, въ слѣдствіе обѣщанной ему жаркой бани, за разныя молодецескія штуки...

— Не пора ли намъ, свать, по домамъ, говорилъ одинъ мужикъ другому мужику, собираясь впрягать лошадь въ телѣгу. Вишь солнышку—то до заката на полкнUTOвища пройти не осталось.

— Поѣдемъ, дорогой мой, поѣдемъ. Ухъ и закатымъ же мы съ тобой. Во, какъ закатымъ, только шапка держись. Только ты удружи мнѣ, братище, запряги мою лошадь. Не слуха-ша-а-ется меня, волякъ ее зарѣжъ, отвѣчалъ сильно восторженный свать, угощая пинками свою жалкую клячу, безъ видимаго на то основанія.

Послѣднія пѣсни пѣлъ дѣвичій хороводъ въ то время, какъ солнце бросало послѣдніе лучи на сцены нашей ярманки, которой пришла пора разтѣзаться.

Послѣдней плутней заключалась практика купцовъ, торговавшихъ въ красныхъ рядахъ. Одинъ изъ нихъ продалъ молодой крестьянкѣ отворотный корень, которымъ она воображала прекратить обыкновеніе стараго управителя, вслѣдствіе котораго онъ очень часто наряжалъ ее одну мыть полы въ своей квартирѣ... Краснорядецъ вызывался было кстати уступить ей за сходную цѣну и приворотный корень, которыхъ у него отъ ярмарки, будто бы только два и осталось; но она приворотнаго не купила, потому ли что не имѣла въ немъ настоящей нужды, или быть можетъ потому, что на пріобрѣтеніе отворотнаго она истратила бы все деньги, вырученныя ею за продажу холстовъ, которые она выпрядала въ длинныя зимнія ночи...

Ночь наступила. Долго туманные облака затемняли мѣсяцъ, а потомъ понемногу разсѣялись они и выплылъ онъ на небо, молодой и свѣтлый!..

Изъ окна помѣщичьяго дома неслись звуки рояля. Съ звуками этими сливался молодой, женскій голосъ, который пѣлъ печальную исторію про березу, раненую безжалостной сѣкирой. Говорила эта исторія, какъ горячая кровь текла изъ надрубленной березы, а потомъ рана ея, имѣющая зажить на другое лѣто, сравнивалась съ ранами человѣческаго сердца, которыя никогда не заживаютъ...

Кончилось полное грустной правды слово поэта, и на счастье

души, измученной бурей страстей, въ природѣ была такая полнота покоя и мира, при видѣ которыхъ забывалось всякое горе...

Быстро съ неба скатилась звѣзда. Въ тысячи мелкихъ искръ рассыпалась она, и казалось, что искры эти зажгутъ рѣчной камышъ, въ который онѣ упали. Вонъ Господь погасилъ христіанскую душу, крестьясь говорятъ мужики. когда упадаетъ съ неба звѣзда.

Глубоко безмолвіе ночи, громко отзываются въ немъ звуки, неслышанные прежде. Нельзя уловить, откуда принесъ вѣтеръ полночный звуки эти, усвоить ихъ тайнаго смысла нельзя; а между тѣмъ никто не можетъ не слушаться ихъ. Нѣтъ помина въ это время о жизненномъ горѣ, тихо и свѣтло на душѣ, а между тѣмъ такъ тоскливо замираетъ она!..

А. ЛЕВИТОВЪ

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЙСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

ДЖОНЪ СТУАРТЪ МИЛЬ И ЕГО СИСТЕМА ЛОГИКИ

(статья Г. Тэца)

Въ прошломъ году, во время засѣданій British association for the advancement of learning, я былъ въ Оксфордѣ и, изъ числа не многихъ остававшихся студентовъ, сошелся съ однимъ молодымъ англичаниномъ, весьма умнымъ мальчѣмъ. Онъ водилъ меня, по вечерамъ, въ новый музей, наполненный образчиками всякаго рода; тамъ читаются небольшія лекціи, пробуются новозобрѣтенныя машины; тамъ бывають дамы, и очень интересуются опытами; въ послѣдній разъ, въ избыткѣ восторга, онѣ спѣли God save the Queen. Дивился я этой ревности, этой строгости ума, этой организаціи науки, этимъ добровольнымъ подпискамъ, этой способности къ ассоціаціи и къ труду, этой огромной машинѣ, дружно двигаемой такимъ множествомъ рукъ и такъ хорошо приспособленной къ собиранію, провѣркѣ и классификаціи научныхъ фактовъ.

А между-тѣмъ, во всемъ этомъ богатствѣ чувствовался недостатокъ чего-то. При чтеніи отчетовъ, мнѣ казалось, что я присутствую на засѣданіи какихъ-нибудь заводчиковъ. Всѣ эти ученые занимались повѣркою частныхъ и подводили итоги. Мнѣ все казалось, что сидятъ мастеровые и сообщаютъ другъ другу способъ выдѣлки кожи или окраски бумажныхъ издѣлій: общихъ идей не было. Я пожаловался на это моему пріятелю и по вечерамъ, при лампѣ, среди того глубокаго молчанія, въ которое погружается здѣсь университетскій городъ, мы вдвоемъ стали искать причинъ такого явленія.

Однажды я сказалъ ему:

— У васъ совершенно нѣтъ философіи, т. е. того, что нѣмцы называютъ метафизикой. У васъ много ученыхъ, но нѣтъ мыслителей.

— Вы скоры въ заключеніяхъ, какъ истинный французъ, отвѣчалъ мой товарищъ; — вы перескакиваете черезъ факты и разомъ располагаетесь въ области теоріи; нѣтъ, у насъ есть мыслители, за которыми и ходить далеко не нужно, не дальше напимѣръ Christ Church.

Одинъ изъ нихъ, профессоръ греческаго языка, такъ глубокомысленно читалъ о наутии, о твореніи и конечныхъ причинахъ, что у него отняли кафедру. Просмотрите этотъ новенькій сборникъ *Essays and Reviews*; всѣ ваши философскіе взгляды прошлаго вѣка, всѣ новѣйшія заключенія геологіи и космогоніи, смѣлыя нѣмецкія толкованія, все — есть въ нихъ въ сокращеніи. Конечно многого и нѣтъ; недостаетъ шалостей Вольтера, туманнаго зарейнскаго жаргона и прозаической грубости Конта; по моему это еще небольшая потеря. Лѣтъ черезъ двадцать, вы найдете въ Лондонѣ парижскія и берлинскія идеи.

— Но онѣ и останутся парижскими и берлинскими; а чтожь у васъ самобытнаго?

— Стюартъ Миль.

— Что же такое Стюартъ Миль?

— Политикъ; его *On Liberty*, книга въ такой же степени достойная вниманія, въ какой никуда не годится *Contrat social* вашего Руссо.

— Ну, это сильно сказано.

— Нѣтъ, потому что принципъ Мила — личная свобода, а принципъ Руссо — государственный деспотизмъ.

— Пусть такъ, но это еще не доказываетъ, что онъ философъ; посмотримъ, что есть еще въ вашемъ Стюартѣ Милѣ?

— Въ политической экономіи, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и починилъ произведенія человѣку, а не человѣка произведеніямъ.

— Такъ, но это все еще не философъ.

— Онъ написалъ систему логики.

— Къ какой школѣ принадлежать его воззрѣнія?

— Къ его собственной. Я вамъ сказалъ, что онъ самобытенъ.

— Онъ гегельянецъ?

— О, вовсе нѣтъ; онъ слишкомъ любитъ факты и доказательства.

— Не слѣдуетъ ли онъ Порт-Ройлю?

— И того меньше; онъ слишкомъ хорошо знаетъ современныя науки.

— Не подражаетъ ли онъ Кондильяку?

— Безъ сомнѣнія нѣтъ; Кондильякъ учить только хорошо писать.

— Кого жъ онъ держится?

— Локке и Конта (Comte) во первыхъ, потомъ Юма (Hume) и Ньютона.

— Онъ систематикъ или спекулятивный реформаторъ?

— Онъ слишкомъ уменъ для этого: онъ просто выводитъ лучшія теоріи и указываетъ наилучшій способъ примѣнять ихъ къ практикѣ. Онъ не беретъ на себя титула возстановителя науки; не объявляетъ, какъ ваши нѣмцы, что съ его книгой откроется новая эра для человѣчества. Онъ идетъ шагъ за шагомъ, немножко медленно и часто ползкомъ черезъ множество частныхъ случаевъ. Онъ умѣетъ точно опредѣлить какую-нибудь идею, разъяснить принципъ, отыскать его во множествѣ различныхъ формъ, опровергнуть, различить, построить доказательство. Онъ вполнѣ обладаетъ тонкостью, терпѣніемъ, методой и проникательностью законовѣда.

— Прекрасно, но вы подтверждаете мою первую мысль; Милль законовѣдъ, другъ Локке, Конта, Ньютона и Юма, все это только англійская философія, не больше. Достигаетъ ли онъ глубокаго общаго взгляда?

— Да.

— Есть ли у него полное, самобытное понятіе о природѣ и духѣ?

— Да.

— Приведены ли у него къ одному принципу дѣйствія и открытія человѣческаго духа и разсмотрѣны ли онѣ съ новой точки?

— Да, только нужно отыскать этотъ принципъ.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Но я могу впасть въ отвлеченность.

— Въ этомъ не будетъ ничего дурного.

— Но все это сжатое разсужденіе будетъ похоже на колючую изгородь.

— Ничего, мы поколемъ руки.

— Но три четверти рода человѣческаго не стали бы терять времени на эти разсужденія, какъ на дѣло праздное.

— Тѣмъ хуже для нихъ; вѣка и народы существуютъ для развитія этихъ созерцаній. Только черезъ это и дѣлаешься настоящимъ человѣкомъ. Если бы житель другой планеты явился на землю и пожелалъ узнать, какъ далеко мы ушли, нужно бы было указать ему на пять или на шесть міровыхъ идей о природѣ и духѣ, и только по нимъ, онъ могъ бы составить понятіе о степени нашего мышленія. Объясните мнѣ вашу теорію, и я уѣду съ большими познаніями, чѣмъ я приобрѣлъ, осмотрѣвъ массы кирпичей, которыя вы называете Лондономъ и Манчестеромъ.

I. О П Ы Т Ъ

I

— Ну, такъ начнемте, какъ истые логики, сначала : допускаете вы существованіе логики ?

— Ну, смотря потому, что дальше.

— Согласны ли вы, что есть предметы, принадлежащіе собственно логикѣ, а не другой какой наукѣ ?

— Да, если вы мнѣ ихъ укажете.

— Вамъ стоитъ только открыть глаза, предметы эти — науки: Существуютъ не одни только растенія и животныя, но также ботаника и зоологія; не только линіи, плоскости, величины и числа, но геометрія и ариѳметика. Науки также несомѣнно существуютъ, какъ и факты, стало-быть должны точно также составлять предметъ изученія: ихъ можно анализировать, какъ анализируютъ факты, изыскивать ихъ элементы, ихъ составъ, порядокъ, отношенія между собою и цѣль. Слѣдовательно, существуетъ наука о наукахъ: эта наука называется логикой и составляетъ содержаніе книги Стюарта Мила. Въ ней не разлагаются собственно дѣятельность духа, память, ассоціація идей, внѣшнія ощущенія: это дѣло психологіи. Не разсуждается также о достоинствѣ этихъ отправленій, о достовѣрности нашего мышленія, абсолютной вѣрности нашихъ элементарныхъ познаній: это дѣло метафизики. Тутъ берутся наши способности уже въ дѣйствиіи и предполагаются ихъ первобытныя открытія. Орудіе берется въ томъ видѣ, въ какомъ его даетъ намъ природа и вѣрность его допускается. Другимъ предоставляется объяснять его механизмъ и контролировать его результаты. Его первоначальныя дѣйствиія служатъ точкою исхода; здѣсь только разсматриваютъ, какъ они прибавляются одно къ другому, сочетаются одно съ другимъ, превращаются одни въ другія; какъ, слагаясь, сочетаясь и преобразуясь, онѣ составляютъ систему истинъ, тѣсно связанныхъ между собою, въ восходящей прогрессіи. Теорія науки составляется также, какъ другіе составляютъ теорію растительности, духа и чиселъ. Вотъ идея логики; ясно, что она, подобно другимъ наукамъ, имѣетъ свое реальное содержаніе, свою отдѣльную область, свою методу, свою очевидную важность и свою несомнѣнную будущность.

— Согласенъ.

— Но всѣ эти науки, входяція въ составъ логики, суть только

собрания предложений, а предложение только отдѣляетъ или соединяетъ подлежащее и сказуемое, т. е. одно имя съ другимъ, качество съ сущностью, т. е. одну вещь съ другою. Опредѣлимъ теперь, что разумѣется подъ словомъ вещь, и что обозначаетъ имя; другими словами, то, что мы знаемъ въ предметахъ, то, что мы соединяемъ или раздѣляемъ, то, что составляетъ сущность нашихъ предложений и всѣхъ нашихъ наукъ. Есть одна точка, на которой сходятся всѣ наши познанія, есть общій элементъ, который, безирестанно повторяясь, входитъ въ составъ каждой идеи. Есть маленькій первичный кристаллъ, который, будучи безконечно и различно прибавляемъ къ самому себѣ, порождаетъ цѣлую массу; узнавъ его разъ, мы можемъ напередъ знать законы и составъ сложныхъ тѣлъ, которыя изъ него произошли. Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая внимательно идею, которую мы имѣемъ о предметѣ, — что мы въ ней находимъ? Возьмите сначала сущности, т. е. тѣла и духовъ. Этотъ столъ темнаго цвѣта, длинный, широкій, высокій, это значить, что онъ составляетъ маленькое пятно на полѣ зрѣнія; другими словами, производитъ впечатлѣніе на оптической нервъ. Онъ вѣситъ десять фунтовъ: это значить, что нужно для поднятія его мѣньшее усиліе, нежели для поднятія тяжести въ одиннадцать фунтовъ и большее, нежели для тяжести въ девять фунтовъ, другими словами, онъ дѣлаетъ извѣстное впечатлѣніе на мускулы. Онъ твердъ и четырехуголенъ: это значить, что, толкнувъ и обведя его рукою, получишь два различные рода мускульныхъ впечатлѣній и т. д. Рассмотрѣвъ поближе то, что я объ немъ знаю, прихожу къ заключенію, что знаю только тѣ впечатлѣнія, которыя онъ на меня произвелъ. Наша идея о всякомъ тѣлѣ не представляетъ ничего другого: мы знаемъ только впечатлѣнія, которыя оно въ насъ возбуждаетъ, мы опредѣляемъ его по роду, числу и порядку этихъ впечатлѣній; мы ничего не знаемъ о внутренней его природѣ, даже и того, есть ли у него такая природа; мы просто утверждаемъ, что онъ есть неизвѣстная причина нашихъ впечатлѣній. Если мы говоримъ, что тѣло существуетъ и въ этихъ впечатлѣній, это значить только то, что, если бы мы въ это время были близъ него, оно сообщало бы намъ тѣ же впечатлѣнія. Опредѣлять его мы только и можемъ впечатлѣніями настоящими или прошедшими, будущими или возможными, сложными или простыми. Это такъ справедливо, что философы, какъ напр. Берлей, утверждали, что матерія есть воображаемое существо и что весь чувственный міръ состоитъ изъ ряда ощущеній. По крайней мѣрѣ, онъ такъ представляется нашему знанію, и всѣ сужденія наукъ относятся только къ впечатлѣніямъ, которыя онъ на насъ производитъ.

Тоже можно сказать, говорить Миль, и о духѣ. Мы можемъ предположить, что въ насъ есть душа, наше я, субъектъ или «пріемникъ» впечатлѣній и другихъ формъ существованія, отличающійся отъ самыхъ ощущеній и формъ; но мы ничего не знаемъ о немъ положительно. «Все, что мы замѣчаемъ въ себѣ, говоритъ Миль, есть родъ ткани изъ внутренникъ состояній, рядъ впечатлѣній, ощущеній, волненій и желаній.» Понятіе наше о духѣ перейдетъ далѣе понятія о матеріи. Итакъ субстанціи, какія бы онѣ не были, тѣло или духъ, въ насъ или внѣ насъ, представляются намъ какъ ткани болѣе или менѣе сложныя, болѣе или менѣе правильныя, составленныя изъ нашихъ впечатлѣній.

Еще яснѣе это видно въ качествахъ, чѣмъ въ субстанціяхъ. Когда мы говоримъ, что снѣгъ бѣлъ, это значить, что когда онъ представляется нашему взору, у насъ есть ощущеніе бѣлизны. Когда говоримъ, что огонь горячъ, мы хотимъ выразить, что находясь вблизи его, мы чувствуемъ ощущеніе тепла.

Когда мы говоримъ о духѣ, что онъ склоненъ къ набожности, суевѣрію, размышленію или веселости, мы хотимъ выразить, что идеи, волненія и желанія, означенныя этими словами, часто повторяются въ ряду формъ его существованія.

Когда мы говоримъ, что тѣла тяжелы, раздѣляются на части, подвижны, мы хотимъ сказать, что предоставленныя сами себѣ, они бы упали, разрѣзанныя раздѣлились бы на части, а получивши толчекъ, пришли бы въ движеніе, т. е., въ томъ или другомъ случаѣ, произвели бы какое нибудь впечатлѣніе на наше зрѣніе или на наши мускулы.

Аттрибутъ всегда означаетъ наше состояніе или цѣлый рядъ состояній. Какъ ни маскируемъ мы ихъ, раздѣляя на группы, скрывая подъ отвлеченными названіями, измѣняя до такой степени, что трудно бываетъ узнать, всякій разъ, какъ посмотришь по пристальнѣе на сущность словъ и идей, находишь все ихъ же и ничего болѣе. «Разложите на части отвлеченное предложеніе, говоритъ Миль, напр. благодѣтельный человѣкъ достоинъ уваженія. Слово *благодѣтельный* будетъ означать одно изъ обычныхъ состояній духа и нѣкоторыя привычныя особенности поведенія, т. е. внутреннее состояніе и внѣшніе осязательные факты. Слово *уваженіе* выражаетъ чувство одобренія и удивленія, сопровождаемое при случаѣ соответствующими внѣшними дѣйствіями. Слово *достойнъ* означаетъ, что мы одобряемъ дѣйствіе уваженія. Всѣ эти вещи суть феномены или состоянія духа, сопровождаемыя фактами ощущенія.»

Итакъ , куда бы мы ни повернулись , все остаемся въ томъ же кругу.

Будетъ ли предметомъ самая субстанція или только ея принадлежность , будетъ ли предметъ простой или сложный , конкретный или отвлеченный , содержаніе его для насъ одинаково : мы влагаемъ въ него только наши собственныя состоянія . Умъ нашъ , въ природѣ , похожъ на термометръ , опущенный въ воду : мы опредѣляемъ свойства природы впечатлѣніями , которыя они на насъ производятъ , какъ опредѣляемъ температуру воды по степени измѣненія термометра . Мы знаемъ въ томъ и другомъ только ихъ состояніе , ихъ измѣненія ; мы образуемъ ихъ изъ отдѣльных и измѣняющихся данныхъ : предметъ , для насъ , есть только собраніе явленій . Вотъ пока единственные элементы нашей науки : впередъ , всѣ усилія будутъ обращены на прибавленіе одного факта къ другому или связь одного факта съ другимъ .

II

— Прекрасно , вотъ великая идея , богатая выводами ; не возможно быть лучшимъ ученикомъ Бакона , бѣльшимъ врагомъ истинъ аргюи и поклонникомъ чистаго опыта . Если ученый вашъ умѣетъ разсуждать , онъ обновитъ все своимъ принципомъ ; онъ будетъ видѣть , во всѣхъ формахъ и степеняхъ знанія , только познаніе фактовъ и ихъ соотношеній .

— Онъ и не видитъ въ нихъ ничего другого .

— Такъ онъ измѣнилъ понятіе , которое имѣли прежде о цѣли и средствахъ науки ?

— Да .

— Онъ на свой ладъ обтесалъ два краеугольныхъ камня логики — теорію опредѣленія и теорію доказательствъ ?

— Конечно .

— Я боюсь , чтобы онъ ихъ не слишкомъ стесалъ .

— Погодите , пока увидите .

— Я слушаю .

— Нѣтъ , говорите ; теперь ваша очередь излагать теорію старейшей школы .

— Вотъ наша идея объ опредѣленіи . Логика говоритъ : возьмите животное , растеніе , чувство , геометрическую фигуру , предметъ или цѣлую группу предметовъ . Разумѣется , предметъ имѣетъ свои свойства , но также и свою сущность . Онъ проявляетъ свое существованіе множествомъ дѣйствій и свойствъ , но всѣ

эти проявленія суть слѣдствія или творенія его внутренней природы. Въ немъ есть скрытое основаніе, самое первичное и важное, безъ котораго онъ не могъ бы существовать и быть мыслимымъ; и которое составляетъ его существо и его понятіе. По мнѣнію логиковъ идеалистовъ, до этого существа можно дойти, выходя изъ понятія; идея, разложенная посредствомъ анализа, обнаружитъ сущность. По мнѣнію логиковъ классификаторовъ, до этой сущности можно достигнуть, ставя предметъ въ группу однородныхъ ему предметовъ и его понятіе опредѣляютъ, назвавъ ближайшій къ нему родъ и указавъ различіе. Тѣ и другіе согласны, что можно постичь сущность. Они называютъ опредѣленіемъ предложенія, которыя на нее указываютъ и говорятъ, что лучшая сторона науки состоитъ изъ этихъ предложеній.

— Напротивъ, эти предложенія ничего не доказываютъ; они указываютъ только смыслъ слова; они суть чисто словесныя опредѣленія. Что я узнаю, если вы мнѣ скажете, что человѣкъ есть разумное животное, или что треугольникъ есть пространство, заключающееся между тремя линіями? Первая половина фразы выражаетъ кратко то, что во второй части развивается подробнѣе. Вы повторяете два раза одно и тоже, представляете тотъ же фактъ подъ двумя различными терминами. Вы не прибавляете фактъ къ факту, а переходите отъ того же къ тому же. Ваше предложеніе не поучительно. Вы могли бы собрать миллионъ ему подобныхъ, и мой умъ ничего бы не выигралъ; я прочелъ бы только лексиконъ и не приобрѣлъ бы ни одного познанія.

Вмѣсто того, чтобъ говорить, что предложенія, относящіяся къ сущности, главныя, а тѣ, которыя относятся къ качествамъ, второстепенны, слѣдовало сказать на оборотъ, что относящіяся къ качествамъ главныя, а къ сущности второстепенны. Я ничего не узнаю, если мнѣ скажутъ, что кругъ есть фигура, образуемая обращеніемъ прямой линіи вокругъ одной изъ ея точекъ; другое дѣло, если мнѣ скажутъ, что хорды, стягивающія равныя дуги, равны, или что три точки достаточны для опредѣленія окружности. То, что называютъ природою существа, есть ничто иное, какъ сплетеніе фактовъ, которые составляютъ это существо. Природа млекопитающаго плотояднаго состоитъ въ томъ, что способность кормить дѣтенышей молокомъ и соответствующее ей строеніе тѣла соединяются съ острыми зубами, съ instinctомъ добыванія мясной пищи и соответствующими способностями. Вотъ элементы составляющіе его природу. Это частицы, соединенныя одна съ другой, какъ петля съ петлей. Мы забываемъ въ которыхъ изъ нихъ и знаемъ, что за предѣлами настоящей науки и будущихъ опытовъ тянется безконечная цѣпь этихъ пе-

тель, перепутываясь и распадаясь на множество новыхъ. Сущность или природа существа есть неопредѣленная сумма его свойствъ.

«Никакое опредѣленіе, говоритъ Миль, не выражаетъ всей этой природы, и всякое предложеніе выражаетъ часть этой природы.» Оставьте тщетную надежду открыть, чрезъ научное, аналитическое изученіе свойствъ, какое-нибудь таинственное, первичное существо, источникъ и сокращеніе всего остального; предоставьте сущности (entités) Дунсъ-Скоту (Duns-Scot), не думайте, что углубляясь въ свои мысли какъ въмыцы, распредѣляя предметъ по родамъ и видамъ, какъ схоластики, возобновляя номенклатуру среднихъ вѣковъ или цифру Гегелевой метафизики, вы откроете субстанціальную форму и замѣните наблюденіе. Не можетъ быть опредѣленія вещей: если и существуютъ опредѣленія, то это опредѣленія именъ. Никакая фраза не объяснитъ мнѣ, что такое лошадь, но есть фразы, которыя откроютъ мнѣ, какое понятіе соединяется съ этими шестью буквами. Никакая фраза не выразитъ неисчерпаемаго количества свойствъ, составляющихъ существо, но нѣсколько фразъ могутъ указать факты, соответствующія слову. Въ такомъ смыслѣ можно сдѣлать опредѣленіе, потому что возможенъ анализъ. Отъ краткаго, отвлеченнаго термина оно вестъ насъ къ свойствамъ, которыя онъ выражаетъ; отъ этихъ свойствъ къ опытамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, которыя служатъ имъ основой. Отъ термина собака оно доводитъ насъ до свойствъ: млекопитающее, плотоядное и другихъ, которыя терминъ представляетъ, а отъ нихъ до опытовъ зрѣнія, осязанія или анатоміи, служащихъ ихъ основаніемъ. Отъ обращаетъ сложное въ простое, производное въ первоначальное. Онъ приводитъ наше знаніе къ первоначальному источнику, превращаетъ слова въ факты. Если существуютъ опредѣленія, напр. въ геометріи, могущія породить цѣлый рядъ новыхъ истинъ, такъ это потому, что въ нихъ, кромѣ объясненія слова, заключается утвержденіе вещи. Въ опредѣленіи треугольника есть два отдѣльныя предложенія: одно, говорящее, что можетъ существовать фигура, ограниченная тремя прямыми линіями; другое, говорящее, что такая фигура называется треугольникомъ. Первое есть постулатъ, второе опредѣленіе; первое скрыто, второе видимо; первое можетъ быть вѣрно и невѣрно, второе не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Первое есть источникъ всѣхъ теоремъ, которыя можно построить о треугольникахъ, второе совокупляетъ въ одномъ словѣ всѣ факты, заключающіеся въ другомъ. Первое истина, второе — удобство; первое есть часть науки, второе — одно изъ средствъ языка. Первое выражаетъ возможное отношеніе между тремя прямыми линіями, второе даетъ названіе этому отношенію. Только одно пер-

вое полезно, потому что оно одно, исполняя значеніе каждаго полезнаго предложенія, соединяетъ два факта. И такъ поймемъ отчетливо сущность нашего знанія: оно относится или къ словамъ, или къ предметамъ, или къ тѣмъ и другимъ разомъ. Если рѣчь идетъ о словахъ, какъ при опредѣленіи именъ, то все усиліе знанія будетъ состоять въ приведеніи словъ къ первоначальнымъ опытамъ, т. е. къ фактамъ, которые составляютъ элементы. Если рѣчь идетъ о предметахъ, какъ при опредѣленіяхъ вещей, все дѣйствіе знанія состоитъ въ томъ, что оно соединяетъ факты, чтобъ приблизить ограниченную сумму извѣстныхъ свойствъ къ безконечной суммѣ свойствъ, требующихъ изученія. Если же рѣчь идетъ о тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, какъ при опредѣленіи названій, которыя скрываютъ въ себѣ опредѣленіе вещей, оно будетъ стремиться къ той и другой цѣли. Дѣйствіе вездѣ одно и тоже. Вездѣ нужно только или понимать другъ друга, т. е. возвращаться къ фактамъ, или что-нибудь узнать, т. е. соединять одинъ фактъ съ другимъ.

III

— Прекрасно выведено; вотъ логикъ, — это идеи Локке, но развитыя болѣе тонкимъ и крѣпкимъ умомъ. Посмотримъ однакоже, какъ онъ справится съ теоріей доказательствъ. Ее не затрогивали уже двѣ тысячи лѣтъ; на аналитику Аристотеля и геометрію Эвклида смотрять, какъ на доказанныя, положительныя, неопровержимыя истины. Что скажетъ Миль противъ такого силлогизма: «Всѣ люди смертны; принцъ Альбертъ человекъ, слѣдовательно онъ смертенъ.» Вотъ образецъ доказательства; всякое сложное доказательство сводится на такія. Что же содержитъ въ себѣ это доказательство? Общее предложеніе, относящееся ко всѣмъ людямъ, въ соединеніи съ частнымъ, касающимся одного человека. Отъ перваго переходятъ ко второму, потому что второе содержится въ первомъ. Отъ общаго переходятъ къ частному, потому что частное содержится въ общемъ. Второе есть только случай перваго; его истина уже заранѣе заключается въ истинѣ перваго, потому-то она и есть истина. Если заключеніе не содержится въ первыхъ посылкахъ, разсужденіе ложно, и всѣ сложныя правила среднихъ вѣковъ были сведены Порт-Ройлемъ въ одно то, что заключеніе должно содержаться въ первыхъ посылкахъ. И такъ вся работа человеческого ума, когда онъ разсуждаетъ, состоитъ въ отысканіи въ частномъ предметѣ того, что онъ знаетъ въ цѣлой группѣ, въ подтвержденіи, въ подробностяхъ того, что сказали о цѣломъ, въ по-

степенномъ положеніи по частямъ того, что сначала уже было положено цѣликомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, потому что еслибъ было такъ, говорить Милль, то разсужденіе ни къ чему бы не служило. Оно не прогрессъ, а повтореніе. Когда я утверждаю, что всѣ люди смертны, я вмѣстѣ утверждаю, что и принцъ Альбертъ смертенъ. Говора о цѣлой группѣ, я говорю о каждой личности, въ ней заключающейся, слѣдственно и о принцѣ Альбертѣ.

Назвавши его отдѣльно, я не скажу ничего новаго. Мое-заключеніе не прибавитъ ничего къ моему положительному знанію; оно только представитъ въ другой формѣ то, что я уже знаю, слѣдственно оно лишнее. Если это разумѣть подъ именемъ заключенія, то подобное заключеніе ничему не научитъ; мы будемъ только переставлять слова съ мѣста на мѣсто, не подвигаясь впередъ. На самомъ же дѣлѣ, разсужденіе должно приводить насъ къ познанію новыхъ истинъ. То, что принцъ Альбертъ смертенъ, есть для насъ новая истина, и эту истину мы открываемъ посредствомъ разсужденія, потому что, видя его въ живыхъ, мы не могли увѣриться въ ней посредствомъ опыта. Итакъ логики ошибаются, и сверхъ чисто схоластической теоріи силлогизма, которая сводитъ разсужденіе на подстановку словъ, нужно искать положительной теоріи доказательствъ, которая бы выводила изъ разсужденія новые факты.

Для этого нужно только замѣтить, что общее предложеніе не есть настоящее доказательство частнаго; оно только кажется доказательствомъ. Я вывожу мысль о смертности принца Альберта не изъ общей смертности прочихъ людей; первыя послылки находятся не здѣсь. Главное предложеніе есть только замѣтка, родъ краткаго реестра, въ которомъ записанъ плодъ моихъ наблюденій; въ него можно заглядывать для памяти, но знаніе почерпается не изъ него, а изъ предметовъ, которые мы видѣли. Значеніе общаго предложенія состоитъ только въ томъ, чтобы приводить на память наблюденія и соединять нѣсколько частныхъ фактовъ. «Смертность Ивана, Тома и комп. есть единственное доказательство смертности принца Альберта.» — «Настоящая причина, заставляющая предполагать, что принцъ Альбертъ умретъ, есть та, что всѣ его и наши предки и всѣ лица имъ современныя умерли. Эти факты и суть настоящіе первыя послылки заключенія.» Изъ нихъ мы вывели общее предложеніе, онѣ сообщили ему его силу и истину; оно только излагаетъ ихъ въ болѣе краткой формѣ, а всю свою сущность получаетъ изъ нихъ; онѣ дѣйствуютъ въ немъ и приводятъ къ заключенію. А оно есть только ихъ выраженіе, безъ котораго можно и обойтись, при случаѣ. Дѣти, невѣжды и животныя знаютъ безъ помощи этого

предложенія, что взойдетъ солнце, что въ водѣ можно утонуть, въ огнѣ сгорѣть. Они разсуждаютъ и мы также разсуждаемъ, не переходя отъ общаго къ частному, а отъ частнаго къ частному. Умъ только переходитъ всегда отъ случаевъ наблюденныхъ къ случаямъ ненаблюденымъ, съ помощью или безъ помощи напоминающихъ формулъ; онѣ служатъ тутъ только для большаго удобства». — «Еслибъ у насъ была обширная память и способность удерживать въ порядкѣ множество подробностей и частныхъ, мы были бы въ состояніи разсуждать, не прибѣгая къ общему предложенію.»

Здѣсь какъ и выше, догматики ошибаются: они ставятъ на первомъ мѣстѣ операциі словесныя и оставляютъ на заднемъ планѣ дѣйствія плодovitыя; они даютъ словамъ преимущество передъ фактами и тѣмъ продолжаютъ номинальную науку среднихъ вѣковъ. Они приняли объясненіе названій за сущность вещей, а преобразование идей за прогрессъ мышленія. Мы должны опровергнуть этотъ порядокъ въ логикѣ, потомучто уничтожили его въ наукахъ, и дать перевѣсъ частнымъ и поучительнымъ наблюденіямъ, однимъ словомъ, дать имъ въ теоріи то мѣсто и значеніе, которое уже триста лѣтъ принадлежитъ имъ въ практикѣ.

IV

— Я еще не спору, а только слушаю. Какъ бы то ни было, это по крайней мѣрѣ ново. Нуженъ былъ смѣлый умъ для преобразованія теоріи доказательствъ. Остается только взять еще одну, такъ сказать, философскую крѣпость, въ которой укрываются идеалисты. Въ началѣ всѣхъ доказательствъ лежитъ источникъ доказательствъ, т. е. аксіомы. Двѣ прямыя линіи не могутъ составить круга; двѣ величины, равныя третьей, равны между собою; если къ равнымъ величинамъ прибавлять равныя, то и суммы будутъ равныя; вотъ поучительныя предложенія, потомучто они выражаютъ не значеніе словъ, но отношенія вещей, и предложенія самыя полезныя, потомучто ариметика, алгебра и геометрія суть слѣдствія истинъ, въ нихъ заключающихся. Съ другой стороны однакожь они не добыты наблюденіемъ, потомучто намъ не нужно видѣть своими глазами двухъ прямыхъ линій, чтобъ убѣдиться, что онѣ не замыкаютъ пространства; намъ достаточно справиться съ нашимъ внутреннимъ понятіемъ объ нихъ; свидѣтельство нашихъ чувствъ въ этомъ случаѣ бесполезно; здѣсь наша вѣра и вся ея сила основывается на простомъ сравненіи нашихъ идей. Притомъ же, наблюденіе можетъ слѣдовать за этими линіями только на разстояніи десяти,

ста, тысячи футовъ, а аксіома справедлива до безконечности; стало-быть уже не на наблюденіи основывается аксіома. Наконецъ, аксіома необходима, стало-быть, противоположное ей невозможно. Мы не можемъ вообразить пространства, заключеннаго двумя прямыми линиями. Какъ скоро мы представимъ себѣ пространство заключенныиъ, линіи перестаютъ быть прямыми; и какъ скоро представимъ двѣ прямыя линіи, пространство перестаетъ быть заключеннымъ. Въ утвержденіи аксіомъ основныя идеи соединяются неодолимо, а въ отрицаніи аксіомъ неодолимо отталкиваются. Въ опытныхъ же предложеніяхъ это не имѣетъ мѣста: они утверждаютъ случайныя отношенія, а не необходимыя; они указываютъ, что два факта соединены, а не то, что два факта должны соединиться; они утверждаютъ, что тѣла тяжелы, а не то, что тѣла должны имѣть тяжесть. Итакъ, аксіомы не могутъ быть слѣдствіемъ наблюденій, потому что ихъ можно создать въ головѣ, безъ наблюденія, и потому, что ихъ истинны превосходятъ, въ сущности и силѣ, истинны, выведенныя изъ наблюденія. У нихъ другой источникъ, болѣе глубокий. Онѣ идутъ дальше и имѣютъ другое начало.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаетъ Миль; теперь, какъ и прежде, вы разсуждаете, какъ схоластикъ; вы забываете факты, скрытые за представленіемъ; посмотрите на свой первый аргументъ. Конечно, вы можете открыть безъ помощи глазъ, по одному мысленному созерцанію, что прямыя линіи не составятъ круга, но это созерцаніе будетъ только перемѣщенное наблюденіе. Воображаемыя линіи замѣняютъ вамъ настоящія: вы переносите фигуры въ самаго себя, вмѣсто того, чтобъ перенести ихъ на бумагу; ваше воображеніе играетъ роль математической доски; вы довѣряете ему, какъ довѣряетесь доскѣ, потому что въ отношеніи къ фигурамъ и линіямъ, воображеніе вполне воспроизводитъ ощущеніе. То, что вы видѣли съ открытыми глазами, вы, минуто спустя, точно также видите съ закрытыми, и вы изучаете геометрическія особенности, перенесенныя на внутреннее поле зрѣнія, точно также, какъ изучали бы ихъ въ полѣ внѣшняго зрѣнія. И такъ существуетъ наблюденіе головою, какъ наблюденіе глазами; основываясь на такомъ-то наблюденіи, вы и не допускаете, чтобы прямыя линіи могли заключить пространство, даже если бы были продолжены до безконечности. Вамъ не нужно для этого слѣдить за ними до безконечности, стоитъ только перенестись воображеніемъ на то мѣсто, гдѣ онѣ сходятся въ одной точкѣ и вы получите впечатлѣніе сгибающейся линіи, т. е. такой, которая перестала быть прямою. Воображаемое присутствіе замѣняетъ вамъ дѣйствительное присутствіе вещи; первое есть тоже, что и второе, только болѣе гибкое, подвижное, могущее прости-

ратся гораздо далѣе. Это телескопъ, вмѣсто глаза; свидѣтельства телескопа составляютъ различныя предложенія, значить и свидѣтельства воображенія суть столь же опытыныя... Что же касается до аргумента, различающаго аксіомы и предложенія опытыныя, на томъ основаніи; что противоположное однимъ невообразимо, а противоположное другимъ возможно, то онъ несправедливъ, потому что этого различія не существуетъ. Почему нельзя принять, что мы можемъ допустить противоположное однимъ опытынымъ предложеніямъ и не можемъ допускать противоположнаго другимъ? Это зависитъ отъ устройства нашего ума. Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ способенъ отвергнуть свои наблюденія, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ; что иногда познаніе разнится отъ воспріятія, а иногда нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣшнее созерцаніе разнится отъ внутренняго, а въ другихъ нѣтъ. Мы уже видѣли, что въ геометрическихъ фигурахъ внутреннее созерцаніе совершенно вѣрно воспроизводитъ внѣшнее зрѣніе. Значить, въ аксіомахъ фигуръ, внутреннее созерцаніе не будетъ противоположно внѣшнему; воображеніе не противорѣчитъ ощущенію. Другими словами, противоположное аксіомамъ будетъ невообразимо. И такъ, аксіомы, хотя противоположное имъ и невообразимо, принадлежатъ къ наблюденіямъ извѣстнаго рода и потому-то, что онѣ суть извѣстнаго рода наблюденія, невообразимо имъ противоположное. Отовсюду вытекаетъ одно и тоже заключеніе, которое и есть сокращеніе системы: всякое плодотворное и поучительное предложеніе происходитъ изъ наблюденія и есть только связь фактовъ.

V

— Это настоящее чудо философской стратегіи. Вотъ вы и разбили или привлекли на свою сторону лучшихъ непріятельскихъ воиновъ. Нѣтъ болѣе источниковъ науки, нѣтъ лабораторіи! Нѣтъ ключа къ природѣ, кромѣ наведенія!

— Конечно.

— Что-жъ такое наведеніе, по Миллю?

— Это операція, «которая открываетъ и доказываетъ общія предложенія. Это дѣйствіе, по которому мы заключаемъ, что справедливое въ отношеніи къ одному недѣлимому, справедливо въ отношеніи къ цѣлому классу, или, что то, что справедливо въ одну эпоху, будетъ справедливо во всѣ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ». Это разсужденіе, по которому, замѣтивши, что Иванъ и Петръ и боль-

шее или меньшее количество другихъ умерли, мы заключаемъ, что всякій человѣкъ умретъ.

— Хорошо, выводъ соединяетъ смертность и качество человѣка, т. е. два общихъ факта, обыкновенно слѣдующихъ другъ за другомъ, и объявляетъ, что первый есть *причина* второго. Вотъ еще метафизическое слово. Что-то съ нимъ слѣдуетъ Мысль?

— Онъ изгоняетъ его, какъ и всѣ другія. Когда онъ говоритъ, что соприкосновеніе желѣза съ сырими воздухомъ производитъ ржавчину, или что теплота расширяетъ тѣла, онъ не упоминаетъ о таинственной связи, посредствомъ которой метафизики соединяютъ причину и дѣйствіе. Онъ не занимается внутренней силой и образовательной способностью, которую нѣкоторые философы ставятъ между производителемъ и произведеніемъ. «Единственное понятіе, въ которомъ нуждается въ этомъ случаѣ индукція, можетъ быть дано наблюдениемъ», говоритъ онъ. Мы видимъ изъ наблюденія, что въ природѣ есть неизмѣнная послѣдовательность, что каждому факту предшествуетъ другой фактъ. Мы называемъ причину *неизмѣнное предшествующее*, а дѣйствіемъ *неизмѣнное послѣдующее*. Другого значенія мы не придаемъ этимъ словамъ. Мы хотимъ только сказать, что, всегда и вездѣ, соприкосновеніе желѣза съ сырими воздухомъ поведетъ за собой появленіе ржавчины, а теплота — расширение тѣла. «Настоящая причина есть рядъ условій, совокупность предшествующихъ явленій, безъ которыхъ не могло бы быть взятаго нами слѣдствія... различіе между причиной явленія и его условіями не имѣетъ научнаго основанія... Причина есть сумма отрицательныхъ и положительныхъ условій, взятыхъ вмѣстѣ, итогъ всякаго рода случайностей, за которыми, если они существуютъ, неизмѣнно слѣдуетъ извѣстное слѣдствіе». Много кричатъ о словѣ *необходимый*. «Необходимое, то, что не можетъ не существовать, есть то, что случится, каковы бы ни были наши предположенія относительно всѣхъ другихъ вещей.

Вотъ все, что хотять сказать, когда говорятъ, что понятіе о причинѣ заключаетъ понятіе необходимаго. Хотять сказать, что предшествующее такъ полно, что нѣтъ надобности предполагать ничего кромѣ его, что оно содержитъ въ себѣ всѣ условія, и, вмѣсто его, какое условіе не нужно. Безусловная послѣдовательность — вотъ все объясненіе причины и дѣйствія. Другого мы не имѣемъ. Философы ошибаются, открывая въ нашей волѣ типъ причины и объясняя, что въ ней мы находимъ дѣйствующую причину въ самомъ дѣйствіи. Мы не видимъ въ ней ничего подобнаго. Въ ней, какъ и во всемъ другомъ, мы видимъ только неизмѣнную послѣдовательность. Мы не видимъ факта, который бы порождалъ другой фактъ, но только фактъ,

слѣдующій за другимъ фактомъ. «Наша воля, говоритъ Миль, порождаетъ наши тѣлесныя дѣйствія, какъ холодъ порождаетъ ледъ или какъ искра производитъ выстрѣлъ изъ пушки». Тутъ есть предшествующее, какъ и вездѣ, выраженное въ рѣшимости или состояніи духа, и послѣдующее—усиліе или физическое ощущеніе. Наблюденіе ихъ соединяетъ и даетъ намъ предвидѣть, что усиліе послѣдуетъ за рѣшимостью точно также, какъ выстрѣлъ за прикосновеніемъ искры. Оставимъ психологическія иллюзіи и будемъ просто видѣть, подъ именемъ дѣйствія и причины, явленія, которыя *составляютъ пары, безъ исключенія и условія.*

Чтобы устанавливать эти опытные соединенія, Миль открылъ четыре метода, и только четыре : методъ согласованій, методъ различій, методъ остатковъ и методъ параллельныхъ измѣненій. Вотъ единственные пути къ природѣ. Они встрѣчаются всюду, и черезъ множество поворотовъ, по безчисленному множеству направленій, приводятъ насъ къ вершинамъ, до которыхъ достигли наши науки. Они объясняютъ своими границами и протяженіемъ наши успѣхи и безсиліе. Изучая ихъ, можно узнать, почему одна наука окончена, а другая только получила начальное очертаніе ; какими средствами зарождающіяся науки преобразовываются въ науки установившіяся ; какіе успѣхи возможны для нашего знанія и какихъ усилій оно не должно предпринимать.

Вотъ пятьдесятъ тиглей съ растопленнымъ веществомъ, которымъ даютъ охладиться, и пятьдесятъ растворовъ, которымъ дадутъ испаряться ; во всѣхъ происходитъ кристаллизація. Сахаръ, сѣра, хлористый натрій, вещества, температуры, обстоятельства, все различно. Мы находимъ во всемъ одинъ общій фактъ, переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, и заключаемъ, что этотъ переходъ есть необходимое предшествующее кристаллизаціи. Вотъ примѣръ методы согласованій : основное его правило : если два или нѣсколько случаевъ разсматриваемаго явленія имѣютъ только одно общее обстоятельство, это обстоятельство есть его причина или дѣйствіе.

Вотъ птица, которая дышетъ въ воздухъ ; погрузимъ ее въ угольную кислоту, — она перестанетъ дышать. Уничтоженіе дыханія встрѣчается во второмъ случаѣ, и не встрѣчается въ первомъ ; впрочемъ оба случая сходны, потомучто въ обоихъ дѣло идетъ о той же птицѣ и почти въ ту же минуту ; они различаются по одному обстоятельству, погруженію въ угольную кислоту, вмѣсто воздуха. Изъ этого заключаютъ, что это обстоятельство есть одно изъ неизмѣнныхъ, предшествующихъ прекращенію дыханія. Вотъ примѣръ методы различій ; ея основное правило то, что «если случай, въ которомъ встрѣчается разсматриваемое явленіе и случай, въ которомъ

оно не встрѣчается, имѣютъ всѣ одинаковыя обстоятельства, кромѣ одного, это одно и есть причина или дѣйствіе явленія».

Положимъ у насъ двѣ группы, одна изъ предыдущихъ, другая изъ послѣдующихъ; всѣ предыдущіе связаны съ ихъ послѣдующими, кромѣ одного, также и всѣ послѣдующіе, исключая также одного. Можно заключить, что оставшееся предыдущее соединится съ оставшимся послѣдующимъ. Напр. физики, рассчитавъ по закону распространенія звуковой волны, какова должна быть скорость звука, нашли, что на дѣлѣ звукъ доходитъ скорѣе, нежели показывасть расчетъ. Этотъ излишекъ или остатокъ скорости есть послѣдующее и предполагаетъ предыдущее; Лапласъ нашолъ это предыдущее въ теплотѣ, происходящей отъ сгущенія каждой звуковой волны, и введеніе этого новаго элемента въ вычисленіе сдѣлало его вполне вѣрнымъ. Вотъ примѣръ методы остатковъ: ея правило: «если отдѣлить отъ явленія часть, составляющую слѣдствіе извѣстныхъ предыдущихъ, остатокъ явленія будетъ слѣдствіемъ остающихся предыдущихъ».

Возьмемъ два факта: существованіе земли и качаніе маятника, или существованіе луны и приливы и отливы. Чтобъ прямо соединить эти два явленія вмѣстѣ, нужно бы было уничтожить первое и провѣрить, послѣдуетъ ли за нимъ уничтоженіе второго. Это уничтоженіе, въ обоихъ случаяхъ, матеріально невозможно. Поэтому мы употребляемъ косвенный путь для соединенія этихъ двухъ явленій. Мы замѣчаемъ, что всѣ измѣненія въ одномъ соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ другомъ, что всѣ качанія маятника соотвѣтствуютъ различнымъ положеніямъ земли, что всѣ обстоятельства повышенія и пониженія воды соотвѣтствуютъ положенію луны. Изъ этого мы заключаемъ, что второй фактъ есть предыдущее перваго. Вотъ примѣръ методы параллельныхъ измѣненій: ея основное правило: «если одно явленіе измѣняется какимъ нибудь образомъ; каждый разъ, когда измѣняется другое; то первое есть прямая или косвенная причина или слѣдствіе второго».

Замѣьте, что всѣ эти дѣйствія основаны на исключеніяхъ, и дѣйствительно, наведеніе есть ничто иное, какъ исключеніе. У васъ двѣ группы, одна изъ предшествующихъ, другая изъ послѣдующихъ, каждая содержитъ болѣе или менѣе элементовъ, напр. десять. Съ какимъ предшествующимъ соединить послѣдующее, первое съ третьимъ, шестымъ или десятымъ? Весь вопросъ и заключается въ этомъ.

Чтобъ разрѣшить его, надо исключить предшествующія, не связанные съ рассматриваемымъ послѣдующимъ.

«Метода различій, говоритъ Миль, основана на томъ, что все, чего нельзя исключить, связано закономъ съ явленіемъ.

«Метода согласованій основана на томъ, что все, могущее быть исключеннымъ, не связано закономъ съ явленіемъ.

«Метода остатковъ есть видоизмѣненіе методы различій, точно также и метода параллельныхъ измѣненій, съ тѣмъ только различіемъ, что она относится не къ явленіямъ, а къ ихъ измѣненіямъ».

Въ сущности, все дѣло въ составленіи паръ (couples), а составлять ихъ можно только изолируя ихъ.

VI

— Совершенно ясно и основательно; но это еще не всѣ приемы наукъ.

— Подождите, эти ведутъ къ другимъ. Вы увидите, какъ у Милля все находится въ связи. Это одинъ изъ самыхъ строгихъ умовъ. Конечно, эти приемы изолированія во многихъ случаяхъ недостаточны и въ тѣхъ именно, гдѣ дѣйствіе, произведенное совокупностью причинъ, не можетъ раздѣлиться на свои элементы. Тогда методы изолированія неприменимы. Мы не можемъ исключать, значитъ, не можемъ и дѣлать наведенія.

Это важное затрудненіе встрѣчается почти во всѣхъ случаяхъ движенія, потому что всякое движеніе есть дѣйствіе совокупности силъ в взаимныя дѣйствія различныхъ силъ сливаются въ немъ до такой степени, что нельзя раздѣлить ихъ, не уничтоживъ движенія; такъ что невозможно узнать, какое участіе имѣла въ немъ каждая сила взятая отдѣльно.

Возьмите тѣло, движимое двумя силами, направленія которыхъ образуютъ уголъ; оно движется по діагонали; каждая часть, каждое мгновеніе, каждое положеніе, каждый элементъ его движенія есть соединенное дѣйствіе двухъ движущихъ силъ. Оба дѣйствія такъ проникаютъ одно въ другое, что нельзя отдѣлить одно и отыскать его источникъ. Чтобы увидѣть каждое дѣйствіе отдѣльно, нужно бы было наблюдать различныя движенія, т. е. уничтожить данное движеніе и замѣнить его другими. Ни метода согласованій или различій, ни метода остатковъ или совпадающихъ измѣненій, такъ какъ всѣ они основаны на разложеніяхъ и исключеніяхъ, не могутъ быть употреблены съ явленіемъ, которое по природѣ не допускаетъ исключенія и разложенія. Надо обойти препятствіе и тутъ—то представится послѣдній ключъ природы, метода дедукціи, выведенія. Мы оставляемъ явленіе въ сторонѣ и беремъ другія,

болѣе простыя, опредѣляемъ ихъ законы и соединяемъ каждое съ его причиною, посредствомъ обыкновеннаго наведенія; потомъ, предполагая совокупное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ подобныхъ причинъ, мы заключаемъ, по ихъ извѣстнымъ законамъ, каково должно быть ихъ общее слѣдствіе. Мы провѣряемъ потомъ сходно ли данное движеніе съ предсказаннымъ нами и, если сходно, то приписываемъ его причинамъ, изъ которыхъ оно выведено. Такимъ образомъ, чтобы открыть причины движенія планетъ, мы отыскиваемъ посредствомъ простыхъ наведеній законы двухъ его причинъ, одной, состоящей въ первоначальномъ толчкѣ по касательной линіи, другой, состоящей въ ускоряющей силѣ притяженія. Изъ этихъ законовъ, добытыхъ наведеніемъ, мы выводимъ посредствомъ вычисленія движеніе тѣла, которое бы подвергалось ихъ совокупному дѣйствію, и провѣривъ, что наблюдаемыя движенія планетъ совершенно соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ нами движеніямъ, мы заключаемъ, что обѣ упомянутыя силы суть дѣйствительныя причины движенія планетъ. «Этой методѣ, говоритъ Миль, человѣческой умъ обязанъ величайшими своими побѣдами. Благодаря ей, мы нашли всѣ теоріи, соединяющія обширныя и сложныя явленія въ нѣсколько простыхъ законовъ». Ея обходы довели насъ далѣе, нежели прямой путь; изъ своего несовершенства она извлекла свою силу.

Если мы сравнимъ теперь эти двѣ методы, ихъ удобство, заслуги, область, то найдемъ въ сокращенномъ видѣ исторію, раздѣленія, надежды и границы человѣческой науки. Первая является въ началѣ, вторая въ концѣ. Владычество первой было во времена Бэкона, и теперь начинается падать; сила второй должна была потеряться во времена Бэкона, но теперь начинается возрастать; такъ что наука прежде перешла отъ дедукціи къ наблюденію, а теперь отъ наблюденія переходитъ къ дедукціи. Область первой состоитъ въ явленіяхъ разложимыхъ и надъ которыми можно дѣлать опыты; область второй содержитъ явленія неразложимыя, надъ которыми опытовъ мы дѣлать уже не можемъ. Первая сильна въ физикѣ, зоологіи, ботаникѣ, на первыхъ ступеняхъ каждой науки, всюду, гдѣ явленія не очень сложны, пропорціональны нашимъ силамъ, примѣняемы доступными намъ средствами. Вторая могущественна въ астрономіи, въ высшихъ отдѣлахъ физики, въ физиологіи, въ исторіи, на послѣднихъ ступеняхъ каждой науки, всюду, гдѣ явленія очень сложны, какъ напримѣръ жизнь животная и общественная, или не легко доступны для насъ, какъ движенія небесныхъ тѣлъ и измѣненія земной коры. Если надлежащей методы не употребляется, наука останавливается; если прилагается надлежащая

метода, наука идетъ впередъ. Въ этомъ вся тайна ея прошедшаго и будущаго. Если до Бэкона естественныя науки не сдѣлали шага впередъ, то потому только, что прибѣгали къ дедукціи, вмѣсто наведенія. Если физиологія и нравственныя науки въ настоящее время еще не разработаны, это потому, что дѣлаютъ наведенія, тогда какъ нужна дедукція. Посредствомъ дедукціи и законовъ физическихъ и химическихъ можно будетъ объяснить физиологическія явленія. Посредствомъ дедукціи и законовъ мышленія можно надѣяться объяснить явленія историческія. То, что служитъ орудіемъ этимъ двумъ наукамъ, составляетъ цѣль всѣхъ другихъ. Всѣ стремятся стать дедуктивными и совмѣститься въ немногихъ главныхъ предложеніяхъ, изъ которыхъ можно бы было вывести остальное. Чѣмъ малочисленнѣе эти предложенія, тѣмъ больше успѣховъ сдѣлала наука. Чѣмъ меньше наука требуетъ предположеній и данныхъ, тѣмъ она совершеннѣе. Это сжатіе есть ея конечное состояніе. Астрономія, акустика, оптика дошли до этой точки. Мы будемъ знать природу, когда будемъ въ состояніи вывести ея милліоны фактовъ изъ двухъ или трехъ законовъ.

Осмѣлюсь сказать, что теорія, которую вы слышали, безукоризвенна. Я пропустилъ многія частности, но вы довольно видѣли, чтобъ убѣдиться, что никогда наведеніе не было объяснено съ болѣею точностью и съ такимъ множествомъ тонкихъ и вѣрныхъ различій, съ такими обширными и точными примѣненіями, съ такимъ знаніемъ употребительности пріемовъ и всѣхъ открытій, съ болѣе совершеннымъ исключеніемъ принциповъ аргюи и метафизическихъ предположеній, въ духѣ болѣе согласномъ съ строгими правилами новѣйшаго опыта. Вы меня сейчасъ спрашивали, что мы сдѣлали въ области философіи; я отвѣчаю: теорію наведенія. Миль есть послѣдній въ великомъ ряду, начатомъ Бэкономъ и продолжаемомъ Гоббсомъ, Ньютономъ, Локке, Юмомъ, Гершелемъ, до вашего времени.

Они внесли въ философію нашъ національный духъ; они были положительны и практики; они не заносились выше фактовъ, не прокладывали необыкновенныхъ дорогъ; они очистили человѣческой мозгъ отъ его вллюзій, претензій и фантазій; они употребили его тамъ, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ дѣйствовать; они хотѣли только освѣтить путь, уже проложенный истиною плодотворными науками. Они не хотѣли тратить труда вѣтъ пути, уже изслѣдованнаго и провѣреннаго. Они помогали общему современному труду, открытію законовъ, примѣняемыхъ къ дѣлу; они способствовали, какъ ученые спеціалисты, къ увеличенію могущества человѣка. Найдите мнѣ другую философію, которая сдѣлала бы столько же.

VII

— Ничто на свѣтѣ не обходится даромъ. Вѣроятно вашъ философъ подрѣзавъ себѣ крылья, чтобъ укрѣпить ноги.

— Конечно; и очень хорошо сдѣлать. Наблюденіе ограничиваетъ путь, который намъ открываетъ; оно даетъ намъ цѣль и указываетъ предѣлы.

Стоитъ только разсмотрѣть элементы, которые его составляютъ, и случаи, отъ которыхъ оно беретъ начало, чтобъ понять, что его протяженіе ограничено. Его природа и его дѣйствія сводятъ его путь на нѣсколько шаговъ. Во первыхъ, послѣдніе законы природы должны быть не менѣе многочисленны, какъ и различныя виды нашихъ ощущеній. Мы можемъ свести одно движеніе въ другое, но не можемъ свести ощущеніе тепла на ощущеніе запаха или цвѣта, или звука, и не можемъ свести какое нибудь ощущеніе на движеніе; мы можемъ свести одно на другое явленія различныхъ степеней, но не различныхъ видовъ. Мы находимъ отдѣльныя ощущенія въ основаніи всѣхъ нашихъ познаній, какъ простые, неразлагаемые элементы, совершенно неспособные къ сведенію однихъ на другіе. Наблюденіе не въ силахъ уничтожить этого различія, которое лежитъ въ его основѣ; съ другой стороны, оно не можетъ уклониться отъ условій, при которыхъ дѣйствуетъ. Какая бы ни была его область, оно все-таки ограничено пространствомъ и временемъ; фактъ, который оно разсматриваетъ, ограниченъ и имѣетъ начало отъ безчисленнаго множества другихъ, которые ему недоступны. Оно принуждено предположить какую нибудь исходную точку, съ которой оно начинается, но которой не объясняетъ.

Всякая проблема имѣетъ случайныя и произвольныя данныя: изъ нихъ выводится остальное, но онѣ ни изъ чего не выведены. Солнце, земля, планеты, начало движенія небесныхъ тѣлъ, первоначальныя свойства химическихъ веществъ принадлежатъ къ этимъ даннымъ. Еслибъ онѣ всѣ были намъ доступны, мы все объяснили бы посредствомъ ихъ, но не объяснили бы ихъ самихъ. «Почему, спрашиваетъ Миль, явились въ началѣ именно эти дѣатели? почему онѣ перемѣшаны въ извѣстной пропорціи? почему онѣ расположены, тѣмъ или другимъ образомъ, въ пространствѣ?» Вотъ вопросъ, на который мы не въ состояніи отвѣчать. Мы не видимъ даже правильности въ этомъ распредѣленіи, мы не можемъ свести его на какой-нибудь законъ. Совокупность этихъ дѣателей имѣетъ случайность. Сама астрономія, которая сейчасъ представля-

мъ намъ образцомъ оконченной науки, кажется уже теперь образцомъ науки ограниченной. Мы можемъ предсказать безчисленныя положенія небесныхъ тѣлъ, но должны предполагать, кромѣ первоначальнаго толчка и степени его силы, кромѣ притягательной силы и ея закона, извѣстныхъ массы и разстоянія тѣлъ, о которыхъ мы говоримъ. Мы понимаемъ миллионы фактовъ, но съ помощью сотни другихъ фактовъ, которые для насъ необъяснимы; мы достигаемъ необходимыхъ послѣдствій, при помощи случайныхъ предъидущихъ, такъ что, еслибы теорія вселенной была закончена, въ ней оставалось бы два большихъ пробѣла: одинъ въ началѣ физическаго міра, другой въ началѣ нравственнаго; одинъ, заключающій въ себѣ начальныя элементы существъ, другой, заключающій элементы наблюденій; одинъ, содержащій первоначальныя ощущенія, другой — первоначальныя дѣйствующія силы.

«Наша наука, говоритъ вашъ Ройе-Колларъ, состоитъ въ томъ, чтобы почерпать незнаніе изъ самыхъ отдаленныхъ источниковъ».

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, утверждать, что эти неприводимыя данныя только кажутся намъ такими, что они таковы только относительно къ нашему уму? Можемъ ли мы сказать, что онѣ имѣютъ причины, какъ и выведенныя изъ нихъ факты? Можемъ ли мы рѣшить, что всякое происшествіе, во всякій моментъ въ пространствѣ и времени, случается по законамъ, и что нашъ маленькій міръ, такъ хорошо устроенный, есть сокращеніе большого? Можемъ ли мы, съ помощью какой-нибудь аксіомы, выйти изъ нашей тѣсной рамки и оказать что-нибудь утвердительное о вселенной? Никакимъ образомъ. И тутъ-то Миль доходитъ до крайнихъ послѣдствій, потому что законъ, приписывающій причину каждому явленію, не имѣетъ для него другого основанія, другой цѣны и другого примѣненія, кромѣ нашего наблюденія. Онъ не заключаетъ въ самомъ себѣ своей необходимости, и получаетъ свою силу отъ множества случаевъ, въ которыхъ его признали вѣрнымъ; онъ только резюмируетъ сумму наблюденій, соединяетъ двѣ данныя, которыя, разсматриваемыя сами по себѣ, не имѣютъ внутренней связи; онъ соединяетъ предшествующее и послѣдующее взятое вообще, какъ законъ тяготѣнія соединяетъ предшествующее и послѣдующее взятое въ частности; онъ указываетъ на пару, какъ и всѣ другіе опытные законы, и подобно всѣмъ имъ не говоритъ ничего рѣшительнаго. Вслушайтесь въ эти твердыя слова: «Я убѣжденъ, что если бы человекъ, привыкшій къ умозрѣніямъ и анализу, добросовѣстно употреблялъ свои способности, для него не было бы трудно понять, при извѣстномъ настроеніи воображенія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр.,

въ одной изъ твердей, изъ которыхъ звѣздная астрономія составляетъ теперь вселенную, явленія могутъ происходить случайно, безъ опредѣленнаго закона; ничто въ нашихъ наблюденіяхъ и нашемъ умственномъ устройствѣ не даетъ намъ достаточной причины, и даже какой бы то ни было причины, думать, что это нигдѣ не имѣеть мѣста.» Практически, мы можемъ положиться на такой твердо установленный законъ, но «въ отдаленныхъ частяхъ звѣздныхъ пространствъ, гдѣ явленія могутъ быть совершенно различны отъ извѣстныхъ уже намъ, было бы сумасшествіемъ смѣло утверждать владычество этого общаго закона, какъ было бы неразумно утверждать существованіе всѣхъ частныхъ законовъ, виѣющихъ мѣсто на нашей планетѣ.» Итакъ, мы безвозвратно изгнаны изъ безконечности; наши способности и наши выводы не могутъ до нея достигнуть, мы остаемся заключенными въ тѣсномъ кругу; нашъ умъ не возвышается далѣе наблюденія; мы не можемъ установить, между фактами, необходимой всеобщей связи. Можетъ быть между фактами и вовсе не существуетъ никакой необходимой и всеобщей связи. Миль останавливается на этомъ, но конечно, доведя его мысль до конца, нужно смотрѣть на міръ, какъ на простое собраніе фактовъ. Никакая внутренняя необходимость не производитъ ихъ связи и существованія. Они суть чистыя данныя, т. е. случайности. Иногда, какъ въ нашей системѣ, они сгруппировываются такъ, что даютъ правильныя повторенія; иногда они сгруппированы такъ, что этихъ повтореній не бываетъ вовсе. Такимъ образомъ случай, какъ у Демокрита, былъ бы въ самомъ корнѣ вещей. Изъ него, тамъ и сямъ, то простекали бы законы, то вовсе не простекали бы. Съ существами было бы тоже, что съ числами, напр. съ дробями, которыя, смотря по двумъ первоначальнымъ факторамъ, то развертываются, то не развертываются въ правильные періоды. Вотъ, безъ сомнѣнія, смѣлое и оригинальное понятіе. Оно составляетъ крайнее слѣдствіе первоначальной и господствующей идеи, которую мы видѣли въ началѣ системы, которая преобразовала теорію опредѣленія, предложенія и силлогизма, которая превратила аксіомы въ наблюдательныя истины, которая развила и усовершенствовала теорію наведенія, опредѣлила цѣль, предѣлы, области и методы науки, которая въ природѣ и наукѣ, вездѣ исключила внутреннія связи, замѣнила неизбѣжное случайнымъ, причину предъидущимъ и которая утверждаетъ, что всякое полезное положеніе должно имѣть слѣдствіемъ образованіе паръ, т. е. соединеніе двухъ фактовъ, раздѣльныхъ по своей природѣ.

II. ОТВЛЧЕНІЕ (abstraction)

I

— Бездна случая и бездна невѣденія... Перспектива мрачна; но что за дѣло, если она справедлива, по крайней мѣрѣ это чисто англійская теорія науки. Я согласенъ, что рѣдко мыслитель лучше выразилъ, въ своей доктринѣ, практическую сторону своей націи; рѣдко человѣкъ вѣрнѣе изображалъ своими отрицаніями и открытіями предѣлы и мѣру познаній своего племени; онъ составляетъ науку изъ тѣхъ приемовъ, которые вамъ наиболѣе сподручны и увячтожаетъ всѣ тѣ, которыхъ вамъ недостаетъ больше, чѣмъ кому либо. Онъ изобразилъ англійскій умъ, думая изобразить умъ общечеловѣческій. Въ этомъ его слава, но въ этомъ же и его слабость. Въ вашей идеѣ о познаніи есть пробѣлъ, который, постоянно умножаемый на самого себя, образуетъ ту бездну случайности, изъ которой, по его мнѣнію, рождаются вещи, и ту пропасть невѣденія, на краю которой, по его мнѣнію, должна остановиться наука. Посмотрите, что изъ этого выходитъ. Исключая изъ науки познаніе первыхъ причинъ, т. е. причинъ божественныхъ, вы доводите человека до скептицизма, положительности, утилитарности, если у него сухой умъ, или дѣлаете его мистикомъ, экзальтированнымъ методистомъ, если онъ одаренъ живымъ воображеніемъ. Въ той невѣдомой пустотѣ, которую вы ставите за предѣлами нашего маленькаго міра, человѣкъ съ горячей головой, или съ печальной совѣстью, можетъ помѣстить всѣ свои мечтательные призраки, тогда какъ человѣкъ съ холоднымъ разсудкомъ, не надѣясь достигнуть чего-нибудь высшаго, долженъ весь погрузиться въ практическія изслѣдованія объ улучшеніяхъ матеріальнаго быта. Мнѣ кажется, чаще всего, эти двѣ крайности встрѣчаются въ головѣ англичанина. Религіозность и духъ положительности уживаются у него рядомъ, не вѣшая другъ другу. Это составляетъ странную смѣсь, и мнѣ, признаюсь, болѣе нравится нѣмецкій способъ примиренія религіи съ наукой.

— Но нѣмецкая философія ничто иное, какъ дурно написанная новелла.

— Можетъ быть.

— Но то, что они называютъ разумомъ или умозрѣніемъ началъ, есть только способность строить гипотезы.

Т. III. — Стд. I.

— Можетъ быть.

— Но ихъ системы не устояли противъ наблюденій.

— Я и не вступаю за ихъ творенія.

— Но ихъ абсолютное, ихъ субъектъ и объектъ и прочее, все это одни громкія слова.

— Отступаю и отъ ихъ слога.

— Чтоже вамъ нравится ?

— Ихъ идея о причинѣ.

— Такъ вы тоже думаете, что причины могутъ быть открыты отправленіемъ разума ?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ вы согласны съ нами, что причину можно открыть простымъ наблюденіемъ ?

— Ни мало.

— Такъ вы находите, что, кромѣ наблюденія и разума, существуетъ другая способность открывать причины ?

— Да.

— Вы думаете, что, есть средняя операція, занимающая мѣсто между разумомъ и наблюденіемъ, способная достигать началъ, какъ говорятъ о первомъ, и достигнуть истины, какъ мы знаемъ о второмъ ?

— Да.

— Чтожъ это такое ?

— Отвлеченіе. Возьмемъте снова вашу начальную идею ; я постараюсь доказать, въ чемъ нахожу ее неполной и почему мнѣ кажется, что вы уродуете человѣческой умъ. Только мнѣ нужно много времени.

Ваша начальная точка хороша : въ самомъ дѣлѣ, человекъ не знаетъ сущности, онъ не знаетъ ни духа, ни тѣла, онъ видитъ только свои внутреннія состоянія, прехоляція и изолированныя, онъ пользуется этимъ, чтобъ опредѣлить и означить наружныя проявленія, положенія, движенія, перемѣщенія и не прилагаетъ своего знанія ни къ чему другому. Онъ достигаетъ только фактовъ, внутреннихъ или внѣшнихъ, то прехолящихъ, если его впечатлѣніе не повторяется, то постоянныхъ, если его впечатлѣніе, повторившись нѣсколько разъ, приведетъ его къ мысли, что оно будетъ повторяться каждый разъ, когда онъ захочетъ. Онъ воспринимаетъ только цвѣта, звуки, сопротивленія, движенія, то быстрыя и разнообразныя, то сходныя и повторяющіяся. Онъ предполагаетъ свойства и качества только на словахъ, для болѣе удобной группировки фактовъ. Мы идемъ даже далѣе васъ, мы думаемъ, что нѣтъ ни духа, ни тѣла, но просто группы движеній видимыхъ или во-

возможных и группы мыслей действительных или возможных. Мы думаемъ, что вѣтъ сущности, но только есть системы фактовъ. Мы смотримъ на идею о сущности, какъ на психологическую иллюзію. Мы считаемъ сущность, силу и всѣ метафизическія существа, остатками схоластическихъ доктринъ. Мы думаемъ, что на свѣтъ есть только факты и законы, т. е. явленія и ихъ соотношенія, и признаемъ выѣскъ съ нами, что всякое знаніе состоитъ прежде всего въ связи или сложеніи фактовъ. Но, вслѣдъ за этимъ, начинается новая операція, самая плодотворная изъ всѣхъ, состоящая изъ разложенія этихъ сложныхъ данныхъ въ простые. Является великолѣпная способность, источникъ языка, истолковательница природы, источникъ религій и философій, единственное отличие человека отъ животнаго и великихъ людей отъ обыкновенныхъ, т. е. способность *отвлеченія* или способность отдѣлять элементы фактовъ и разсматривать ихъ отдѣльно. Я слѣжу глазами контуръ квадрата и отвлеченіе изолируетъ двѣ существенныя особенности, равенство боковъ и угловъ. Пальцы мои дотрогиваются до поверхности цилиндра и отвлеченіе изолируетъ два главныхъ элемента: прямоугольникъ и вращеніе его около одной изъ своихъ сторонъ, принятой за ось. Сто тысячъ опытовъ раскрываютъ мнѣ черезъ безчисленное множество подробностей рядъ физиологическихъ операцій, составляющихъ жизнь, и отвлеченіе изолируетъ направленіе этого ряда, который есть ничто иное, какъ круговоротъ постоянной потери и постоянного возобновленія. 1200 страницъ излагаютъ мнѣ сужденіе Милля о различныхъ частяхъ науки; отвлеченіе изолируетъ его основную идею, что единственныя полезныя предложенія суть тѣ, которыя присоединяютъ одинъ фактъ къ другому факту, не содержащемуся въ первомъ. Такъ всюду повторяется одно и то же. Всюду фактъ или рядъ фактовъ можетъ быть разрѣшонъ на свои составныя части. Этому разложенію требуютъ, когда сирашиваютъ о природѣ предмета. Этимъ же составнымъ частямъ ищутъ, когда хотятъ проникнуть во внутренность существа. Ихъ обозначаютъ именемъ фактовъ, причинъ, законовъ, сущностей, первоначальныхъ качествъ. Они не новый фактъ, прибавленный къ первому, но часть, абстрагъ изъ него: они содержатся въ самыхъ фактахъ и суть ничто иное, какъ эти факты. Отрывая ихъ, не переходятъ отъ одной линіи къ другой, но отъ той же къ той же, отъ цѣлаго къ части, отъ сложнаго къ составнымъ частямъ. Оду и ту же вещь видятъ только въ двухъ формахъ, сначала цѣлою, потомъ раздѣленную; это переводъ одной и той же идеи съ одного языка на другой, съ языка чувственнаго на языкъ абстрактный, такъ точно, какъ переводятъ кривую линію на уравненіе, какъ выражаютъ кубъ функціею

одного изъ его реберъ. Что нужно, если этотъ переводъ труденъ, если для него нѣтъ нужно огромное собраніе или сравненіе фактовъ, если иногда нашъ умъ падаетъ, не достигнувъ цѣли; не въ этомъ дѣло. Все-таки въ этой операціи, очевидно плодотворной, вмѣсто перехода отъ одного факта къ другому, переходятъ отъ того же къ тому же; вмѣсто прибавленія одного наблюденія къ другому, оставляютъ въ сторонѣ какую-нибудь часть перваго; вмѣсто того, чтобы идти впередъ, останавливаются и роютъ на одномъ мѣстѣ. Стало быть, существуютъ сужденія поучительныя, не основанныя на опытахъ; есть предложенія, рассматривающія сущность, и однакоже не словесныя; значитъ есть операція, отличная отъ наблюденія, дѣйствія которой состоятъ изъ исключеній, вмѣсто приращиванія; которая не ищетъ пріобрѣтеній, а работаетъ надъ пріобрѣтенными данными, и, возвышаясь надъ наблюденіемъ, открывая наукамъ новый путь, опредѣляетъ ихъ ходъ и сущность, подыскиваетъ ихъ средства и назначаетъ имъ цѣль.

Вотъ огромный пропускъ въ вашей системѣ: отвлеченіе оставлено на заднемъ планѣ, объ немъ едва упоминается, въ числѣ другихъ умственныхъ операцій и то какъ о прибавленіи къ наблюденію; намъ слѣдуетъ ввести его въ общую теорію, а мы преобразуемъ частныя теоріи, гдѣ его не доставало. Возьмемъ опредѣленіе Милля говорить: нѣтъ опредѣленія вещей и когда мы опредѣляютъ сферу, какъ тѣло, происходящее отъ вращенія полушарія около своего діаметра, мы опредѣляютъ только названіе. Конечно намъ объясняютъ смыслъ названія, но вмѣстѣ съ тѣмъ узнается еще другое: намъ говорятъ, что свойства всякой сферы происходятъ отъ этой первоначальной формулы. Чрезвычайно сложную данную, сводятъ на два элемента: данную видимую преобразуютъ въ данныя абстрактныя; выражаютъ сущность сферы, т. е. внутреннюю, первоначальную причину всѣхъ ея свойствъ.

Вотъ природа всякаго истиннаго опредѣленія: оно не только объясняетъ названіе или указываетъ отличительное свойство, оно не ограничивается выставленіемъ на предметѣ этикета, отличающаго его отъ всѣхъ прочихъ. Кромѣ опредѣленія, есть много способовъ распознать предметъ; у него есть всегда какое-нибудь, собственно ему принадлежащее свойство; сферу можно опредѣлить тѣмъ, что изъ всѣхъ тѣлъ, имѣющихъ равныя поверхности, она занимаетъ наибольшій объемъ, или какъ-нибудь иначе. Только эти указанія не будутъ опредѣленія; онѣ выказываютъ характеристическое, производное свойство, а не образовательное и первое; онѣ не приводятъ предмета къ его факторамъ; не создаютъ чего передъ нашими глазами, не указываютъ его внутренней природы и не

сдѣлать элементъ. Опредѣленіе есть предложеніе, указывающее къ предмету качество, изъ котораго происходятъ другія, но которое само не происходитъ изъ другого качества. Это не словесное предложеніе, потому что оно указываетъ качество предмета, и не опредѣленіе простаго качества, а того, которое есть источникъ другія: это совершенно особаго рода положеніе, самое плодотворное изъ всѣхъ, на которое сводится цѣлая наука и къ которому стремится каждая наука. Есть опредѣленія въ каждой наукѣ и для каждаго предмета. Мы его не вездѣ находимъ, но всюду ищемъ. Мы опредѣляли движеніе планетъ посредствомъ касательной силы и законовъ притягательной силы; мы отчасти опредѣляемъ уже химическое тѣло понятіемъ объ эквивалентѣ, а живое тѣло, — понятіемъ о типѣ. Мы стараемся превратить группу явленій въ нѣсколько законовъ, силъ или абстрактныхъ понятій. Мы стремимся открыть въ каждомъ предметѣ образовательные элементы, какъ мы достигли этого въ цилиндрѣ, кругѣ, конусѣ и всѣхъ математическихъ сложностяхъ. Мы приводимъ естественныя тѣла къ двумъ или тремъ родамъ движенія, протяженію, колебанію, поляризаціи, а тѣла геометрическія мы сводимъ къ двумъ или тремъ родамъ элементовъ, точкѣ, движенію, линіи, и называемъ нашу науку частною или полною, предварительною или окончательною, смотря потому, приблизительно или абсолютно, слабо или полно это приведеніе. Тоже извѣстное нужно сдѣлать и въ теоріи доказательствъ. По мнѣнію Милля, говоря, что всѣ люди смертны, мы не доказываемъ, что принцъ Альбертъ умретъ, потому что это только повтореніе два раза одного и того же, а доказать можно тѣмъ, что Иванъ, Петръ и всѣмъ подобные умерли. Я утверждаю, что настоящее доказательство составляетъ не смерть Ивана и Петра и проч. и не смертность всѣхъ людей, но нѣчто другое. Фактъ доказывается, говорятъ Аристотель, тѣмъ, что указывается его причина. Значитъ и смертность принца Альберта можно доказать, только указавъ на причину его смерти, а причина безспорно та, что тѣло человѣческое, какъ непостоянный химическій составъ, должно разложиться въ извѣстное время, другими словами, потому что смертность есть одно изъ свойствъ человѣка.

Вотъ и причина и доказательство. Этотъ отвлеченный законъ, присутствуя въ природѣ, производитъ смерть принца, а присутствуя въ насъ умѣ, указываетъ намъ на эту смерть. Доказательно только это отвлеченное положеніе, а не частная и не общая посылка. Оно есть дѣйствительно доказательство, потому что оно же и доказываетъ посылку. Если Иванъ, Петръ и проч. умерли, то только потому, что смертность связана съ качествомъ человѣка. Если всѣ люди умерли или умрутъ, то опять потому, что смертность есть одно

тивъ свойствъ челоѣка. Въ этомъ случаѣ, Миль также не далъ ни ста отвлеченію; онъ смѣшалъ его съ наблюденіями, не отличилъ доказательства отъ матеріаловъ, его составляющихъ, абстрактнаго закона отъ опредѣленнаго или неопредѣленнаго числа его примѣненій. Примѣненія содержатъ въ себѣ законъ и доказательство, но они не суть ни законъ, ни доказательство. Примѣръ Ивана, Петра и другихъ содержитъ въ себѣ причину, но не есть самая причина. Недостаточно собрать случаи, надо вывести изъ нихъ законы; недостаточно сдѣлать наблюденія, требуется сдѣлать отвлеченіе. Вотъ великая научная операція. Силлогизмъ не переходитъ отъ частнаго къ частному, какъ говоритъ Миль, и отъ общаго къ частному, какъ говорятъ другіе логики, но отъ абстрактнаго къ конкретному, т. е. отъ причины къ слѣдствію. Въ этомъ видѣ онъ составляетъ часть науки, образуетъ и обозначаетъ ея звѣнья; соединяетъ начала съ дѣйствіями, связываетъ опредѣленія съ явленіями. Онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ науки то отвлеченіе, которое опредѣленіе ставитъ только въ началѣ.

Таже операція объясняетъ и аксіомы. По мнѣнію Мила, то, что равныя величины, прибавленныя къ другимъ равнымъ величинамъ, производятъ равныя суммы и, что двѣ прямыя линіи не заключаютъ пространства, мы узнаемъ или посредствомъ вѣшняго наблюденія, при помощи глазъ, или посредствомъ наблюденія внутренняго, съ помощью воображенія. Конечно, такимъ образомъ можно узнать, что двѣ прямыя линіи не заключаютъ пространства, но есть для этого познанія еще другой способъ. Прямую линію можно представить въ воображеніи и можно также постичь ее разумомъ. Можно разсматривать ея образъ и ея опредѣленіе. Можно изучать ее на ней самой или на ея образовательныхъ элементахъ.

Я могу представить себѣ уже проведенную прямую линію, но также могу привести ее къ ея факторамъ. Я могу воспроизвести ея образованіе и отдѣлить порознь ея абстрактные элементы, также, какъ дѣлаю это при образованіи цилиндра и отдѣленіи прямоугольника, который служитъ ему основой. Я могу сказать не только, что прямая линія есть самая короткая отъ одной точки къ другой, это уже производное свойство, но то, что она есть линія, произведенная стремленіемъ одной точки къ соединенію съ другой, и только съ этой одной точкой; это будетъ значить, что двухъ точекъ довольно для опредѣленія прямой линіи, другими словами, что двѣ прямыя линіи, имѣющія двѣ общія точки, совпадаютъ на всемъ своемъ протяженіи, изъ чего можно видѣть, что еслибы двѣ прямыя линіи сомкнулись, онѣ составили бы только одну прямую линію и не заключили бы никакого пространства. Вотъ второй способъ

узнать аксіому, совершенно различный отъ перваго. Въ первомъ говорятъ, что она существуетъ, во второмъ ее выводятъ. Въ первомъ чувствуютъ, что она справедлива, во второмъ это доказываютъ. Въ первомъ ее допускаютъ, во второмъ объясняютъ. Въ первомъ замѣчаютъ только, что противоположное аксіомы невообразимо, во второмъ открываютъ еще, что противоположное аксіомы противорѣчитъ само себя. Въ опредѣленіи прямой линіи уже заключается аксіома, что двѣ прямыя не замыкаютъ пространства; она истекаетъ изъ него, какъ слѣдствіе изъ своего начала. Вообще она есть тождественное предложеніе, въ которомъ подлежащее содержится въ себѣ сказуемое; она не соединяетъ два отдѣльные термина, не сводимыя одинъ на другой, но два термина, изъ которыхъ второй есть часть перваго. Она есть только простой анализъ, какъ и всѣ аксіомы. Стоитъ только разложить ихъ, чтобы увидѣть, что онѣ переходятъ не отъ одного предмета къ другому, но отъ того же къ тому же. Стоитъ только понятія равенства, причины, вещества, времени и пространства привести къ ихъ абстрактамъ, для того, чтобы явились аксіомы. Есть только одна аксіома, аксіома тождества; всѣ другія суть только ея примѣненія или послѣдствія. Допустивъ это, тотчасъ увидимъ, что предѣлъ нашего ума измѣнился. Мы способны не къ однимъ только относительнымъ и ограниченнымъ познаніямъ, но къ абсолютнымъ и безконечнымъ; мы въ аксіомахъ имѣемъ данныя, которыя не только слѣдуютъ одна за другой, но содержатъ одна другую. Если бы онѣ были только послѣдовательныя, мы должны были бы прійти къ убѣжденію Мила, что послѣдовательность эта иногда нарушается. Мы не видѣли бы внутренней необходимости ихъ союза, но выражали бы ее какъ фактъ; мы сказали бы, что такъ какъ двѣ данныя по своей натурѣ изолированы, то могутъ однако же встрѣтиться случаи, которыя ихъ раздѣлятъ; мы утверждали бы справедливость аксіомъ только относительно нашего міра и нашего ума. Если напротивъ изъ двухъ данныхъ, первая заключаетъ вторую, то тѣмъ самымъ выражается необходимость ихъ связи; первая всюду носитъ въ себѣ вторую, потому что она есть ея часть, и ей невозможно отдѣлиться отъ самой себя. Между ними нѣтъ мѣста случайности, могущей раздѣлять ихъ, потому что онѣ составляютъ одно и то же, въ двухъ видахъ. И такъ ихъ соединеніе абсолютно и всеобще, и мы имѣемъ истины, не допускающія сомнѣній, границъ, условій и ограниченій. Отвлеченіе даетъ настоящую силу аксіомамъ, показывая ихъ происхожденіе, и мы возвращаемъ наукѣ отнимаемое у нея значеніе, возвращая уму отнятую у него епоспособность.

Остается теперь наведеніе, которое кажется триумфомъ частаго

наблюденія. Выходитъ однако же, что наоборотъ : наведеніе есть триумфъ отвлеченія. Когда я посредствомъ наведенія открываю, что холодъ производитъ росу или что переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое производитъ кристаллизацію, я устанавливаю соотношеніе между двумя отвлеченностями. Ни холодъ, ни роса, ни переходъ изъ состоянія жидкаго въ твердое, сами по себѣ не существуютъ. Это суть части явленій, извлеченія изъ этихъ сложностей, простые элементы, заключенные въ болѣе сложныхъ дѣлахъ явленіяхъ. Я изолирую ихъ; я изолирую росу, взятую вообще отъ всякой мѣстной, временной и случайной, которую я могу наблюдать; я изолирую холодъ, взятый вообще отъ всѣхъ холодовъ, частныхъ, различныхъ, отдѣльныхъ, которые могутъ происходить отъ различія тканей, веществъ, неравноностей температуры и соединенія другихъ обстоятельствъ. Я соединяю абстрактное предыдущее съ абстрактнымъ послѣдующимъ и связываю ихъ, по указанію самаго Мила, посредствомъ сокращеній и исключеній. Я исключаю изъ двухъ группъ, которыя ихъ содержатъ, всѣ смѣшанные обстоятельства, отыскиваю пару, въ закрывающей ее обстановкѣ, отдѣляю посредствомъ ряда сравненій и наблюденій всѣ побочныя обстоятельства и вывожу ее наружу. Кажется, что я разсматриваю множество случаевъ вдругъ, между тѣмъ какъ я доискиваюсь только одного; кажется, что я дѣйствую посредствомъ сложенія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ я употребляю только дѣйствіе вычитанія. Всѣ способы наведенія суть приемы отвлеченія, а всѣ его дѣйствія состоятъ въ томъ, чтобы соединять абстракты.

Намъ представляются теперь два великіе момента науки и двѣ великія стороны природы. Существуютъ двѣ операціи: наблюденіе и отвлеченіе, и двѣ области: — сложныхъ фактовъ и простыхъ элементовъ. Первая операція есть дѣйствіе, вторая причина. Первая заключается во второй и выводится изъ нея, какъ слѣдствіе изъ причины. Обѣ равны между собою, составляютъ одну вещь въ двухъ видахъ. Этотъ удивительный движущійся міръ, этотъ хаосъ пересѣкающихся явленій, эта непрерывная, безконечно-разнообразная жизнь сводятся на нѣсколько элементовъ и ихъ соотношенія. Все наше усиліе клонится къ тому, чтобы перейти отъ одного къ другому, отъ сложнаго къ простому, отъ фактовъ къ законамъ, отъ наблюденій къ формуламъ. Причина этого очевидна: всякій фактъ, который я сонаю или ощущаю, есть какъ-бы часть безконечной ткани существующаго, отдѣленная моими чувствами или моимъ сознаніемъ. Еслибы мои чувства или сознаніе были иначе устроены, они восприняли бы другую часть. Эта же часть опредѣляется случайностью

ихъ устройствъ. Она похожа на циркуль; который могъ бы быть отъкрытъ болѣе или менѣе. Кругъ, который они описываютъ, не естественный, а искусственный съ внутренней и съ вѣншей стороны; потому что когда я замѣчаю явленіе, я искусственно изолирую его изъ естественной обстановки и искусственно составляю его изъ элементовъ, которые не представляютъ естественной совокупности. Когда я вижу, что камень падаетъ, я отдѣляю паденіе отъ предъидущихъ ему обстоятельствъ, которыя съ нимъ нераздѣльны, и соединю вмѣстѣ паденіе, форму, построеніе, цвѣтъ, звукъ и множество другихъ обстоятельствъ, вовсе съ нимъ не соединенныхъ. Такимъ образомъ фактъ есть произвольное соединеніе; произвольная вырѣзка, т. е. искусственная группа, раздѣляющая то, что соединено и соединяющая то, что раздѣлено (*). И такъ пока мы смотримъ на природу только со стороны наблюденія, мы не видимъ ее такъ, какъ она есть: мы имѣемъ о ней только обманивающую и приготовительную идею. Это канвовый узоръ, видимый наизнанку. Вотъ почему мы стараемся его перевернуть. Мы стараемся отыскать законы, т. е. естественныя группы, которыя на самомъ дѣлѣ отличались бы отъ окружающаго и состояли бы изъ элементовъ, дѣйствительно соединенныхъ. Мы открываемъ соединенія; пары, т. е. настоящіе составы и настоящія связи. Мы переходимъ отъ случайнаго къ необходимому, отъ относительнаго къ абсолютному, отъ правдоподобія къ истинѣ. Найдя первыя пары, мы производимъ надъ ними ту же операцію, какъ и надъ фактами, потому что онѣ имѣютъ ту же природу, въ меньшей только степени. Онѣ сложны, хотя и абстрактны, и могутъ быть разлагаемы и объясняемы. Они имѣютъ причину существованія, причину, которая ихъ строитъ и соединяетъ. Для нихъ, какъ и для фактовъ существуютъ образовательные элементы, на которые они могутъ быть разрѣшены и изъ которыхъ они выводятся; эту операцію нужно продолжать, пока дойдемъ до совершенно простыхъ элементовъ, т. е. такихъ, которыхъ разложеніе будетъ заключать въ себѣ противорѣчіе. Найдемъ мы ихъ или нѣтъ, но они несомнѣнно существуютъ; недостатокъ ихъ опровергалъ бы аксіому причинъ. Итакъ, есть неразложимые элементы, изъ которыхъ протекаютъ самыя общія законы, производящіе въ свою очередь законы частныя, изъ которыхъ составляются факты, подобно тому; какъ въ геометріи есть три первоначальныхъ понятія, изъ которыхъ происходятъ свойства линій, изъ нихъ свойства плоскостей,

(*) Фактъ, говоритъ мнѣ одинъ извѣстный физикъ, есть наслоеніе законовъ одного на другой.

нивъ этихъ свойства твердыхъ тѣлъ и безчисленныхъ формъ, существующихъ въ природѣ для образуемыхъ воображеніемъ. Теперь становится понятна важность аксіомы причинъ, которая исѣтъ управляетъ и которую Миль изуродовалъ. Есть внутренняя, побудительная сила, вызывающая явленіе, которая связываетъ все, что возможно, и порождаетъ всѣ данныя. Это значитъ, съ одной стороны, что есть причина всякой вещи, что всякій фактъ имѣетъ свой законъ, что все сложное сводится на простыя начала, что всякое произведеніе предполагаетъ факторы, что всякое свойство и всякое существованіе должны быть выведены изъ какого-нибудь высшаго и предыдущаго предѣла. Съ другой стороны это значитъ, что произведеніе равняется факторамъ, что они составляютъ одно, въ двухъ видахъ, что причина не различается отъ слѣдствія, что образовательная сила суть только элементарныя свойства, что дѣятельная сила, въ которой мы представляемъ природу, есть только логическая необходимость, преобразующая одно въ другое, сложное въ простое, фактъ въ законъ. Этимъ мы напередъ указываемъ предѣлъ всякой науки и получаемъ могущественную формулу, которая, указывая необходимую связь и самобытное происхожденіе существъ, указываетъ, что сила природы заключена въ самой природѣ, и въ то же время захватываетъ глубину каждаго живого существа желѣзными клещами необходимости.

Можемъ-ли мы знать эти первые элементы? Мнѣ кажется, что можемъ. Именно, такъ какъ это абстракты, то они существуютъ не изъ фактовъ, а заключаются въ нихъ самихъ, — стоитъ только извлечь ихъ. А такъ какъ они должны быть самыя отвлеченныя абстракты, т. е. самыя общія, то нѣтъ факта, изъ котораго нельзя бы было ихъ извлечь. Какъ бы ни былъ ограниченъ нашъ опытъ, мы все-таки можемъ дойти до нихъ; на этомъ-то основаніи, новѣйшіе германскіе метафизики пробовали создать свои великія построенія. Они поняли, что есть простыя понятія, т. е. неразложимыя отвлеченія, что ихъ соединеніе порождаетъ остальное и что правила ихъ взаимнаго соединенія или противоположенія составляютъ первичные законы вселенной. Они пробовали дойти до нихъ, воспроизвести посредствомъ чистой мысли міръ въ томъ видѣ, какъ намъ показало его наблюденіе. Они въ половину не достигли своей цѣли и ихъ гигантское зданіе представляетъ развалины, подобно предварительнымъ лѣсамъ, показывающимъ только планъ будущаго зданія. Глубоко чувствуя наше могущество, они придали ему самымъ большіе размѣры и потеряли изъ вида его предѣлы; потому-что отсюду мы теряемся въ безконечности пространства и времени; въ этой чудовищно-огромной вселенной мы похожи на раковину

на краю скалы или на муравья у подножія горы. Въ этомъ отноше-
ніи Миллъ сказалъ правду; случай является въ концѣ всякой данной;
не смотри на всѣ усилія, мы можемъ достигнуть, и то по предполо-
женіямъ, до нѣкотораго начальнаго состоянія; но это состояніе за-
виситъ отъ предыдущаго, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ
другого и т. д.; такъ что мы принуждены принять его какъ частую
данную и отказаться отъ вывода, хотя и знаемъ, что оно должно быть
выведено. Это повторяется въ каждой наукѣ, въ геологіи, естест-
венной исторіи, физикѣ, химіи, психологіи, исторіи и первоначаль-
ный случай простираетъ свое влияние на всю окружающую его сфе-
ру. Еслибъ онъ былъ другой, а не этотъ, у насъ бы не было ни
такихъ планетъ, ни такихъ химическихъ веществъ, растеній, жи-
вотныхъ, людскихъ породъ, можетъ быть не было бы ни одного
изъ этихъ существъ. Если муравья перенести въ другую страну,
онъ не нашолъ бы ни тѣхъ деревьевъ, ни тѣхъ насѣкомыхъ, ни
тѣхъ измѣненій воздуха, и можетъ быть ни одной изъ формъ суще-
ствованія. Въ каждомъ фактѣ и въ каждомъ предметѣ есть случай-
ная и чисто мѣстная часть, часть огромная, зависящая, какъ и
остальное, отъ первоначальныхъ законовъ, но зависящая не прямо,
а, такъ сказать, заслоненная цѣлымъ лабиринтомъ случайностей,
такъ что между нею и первоначальными законами остается беско-
нечное пространство, которое можетъ наполнить только бесконе-
чный рядъ выводовъ.

Вотъ необъяснимая часть явленій и вотъ — что за-роискіе мета-
физики старались разъяснить. Они хотѣли вывести изъ своихъ эле-
ментарныхъ теоремъ форму планетной системы, законы физики и
химіи, главнѣйшіе жизненные типы, ходъ цивилизаціи и человѣ-
ческихъ мыслей. Они всячески перевортывали свои мировыя форму-
лы, чтобы извлечь изъ нихъ частные случаи; они принимали неправи-
льными и отдаленными слѣдствіями за слѣдствія пріямые и близкія;
они пропустили огромный ходъ машины между первоначальными
законами и крайними послѣдствіями; они устранили изъ своихъ
основаній случай, какъ основаніе недостойное науки, и эта-то ду-
стота, которую они наполнили подложными матерьялами, была при-
чиною паденія всего ихъ здавія.

Будетъ ли это значить, что въ данныхъ, доставляемыхъ намъ
нашимъ уголкомъ вселенной, все только мѣстное? Далекъ нѣтъ. Если
бы муравей могъ дѣлать наблюденія, онъ дошелъ бы до идеи физиче-
скаго закона, живой формы, представительнаго ощущенія, отале-
ченной мысли, потому что все это заключается въ клочкѣ земли, на
которомъ помѣщается мыслящее существо; какъ бы ни было огра-
дичено поле ума, въ немъ всетамъ будутъ общія данныя, т. е. рас-

пространенныя на дѣленія высшнія пространства, куда самъ онъ по своей конечности не можетъ проникнуть. Если бы муравей могъ разсуждать, то могъ бы построить арифметику, алгебру, геометрію, механику, потому что движеніе, на протяженіи полувершка, уже содержитъ въ ракурсѣ время, пространство, число и силу, всѣ матеріалы для математики; итакъ, какъ бы ни было ограничено поле мышленія, оно содержитъ всеобщія данныя, то есть такія, которыя распространяются на всю область времени и пространства. Если бы муравей философствовалъ, онъ могъ бы найти идею *бытія*, *ничто* и вообще всѣ матеріалы метафизики, потому что ихъ представляетъ всякое явленіе высшнѣе или внутреннее; итакъ, какъ-бы ни было ограничено поле ума, оно содержитъ въ себѣ абсолютныя данныя, т. е. такія, которыя заключаются въ каждомъ предметѣ. Необходимо, чтобы было именно такъ, потому что чѣмъ общѣе данная, тѣмъ менѣе нужно перебрать фактовъ, чтобы ее встрѣтить: если она міровая, то встрѣтится всюду; если она абсолютна, невозможно ее не встрѣтить. Вотъ почему, несмотря на узкость нашихъ опытныхъ наблюденій, метафизика, т. е. изысканіе начальныхъ причинъ, возможна только съ условіемъ, оставаться на большой высотѣ и не вдаваться въ подробности; разсматривать только самыя простыя элементы существованія и самыя общія стремленія природы. Если бы кто нибудь овладѣлъ тремя или четырьмя великими идеями, къ которымъ пришли наши науки, и обнялъ три или четыре вида существованій, образующихъ нашу вселенную; если бы онъ сравнилъ эти два страннѣйшихъ количества, называемыя пространствомъ и временемъ, эти главныя формы или опредѣленія количества, называемыя физическими законами, химическими типами и живыми породами и эту чудесную представительную силу духа, которая составляетъ умъ, и, не подпадая сама количеству, представляетъ и оба количества и вмѣстѣ себя; если бы онъ открылъ между этими тремя терминами: чистое количество, количество опредѣленное и количество поглощенное, такой порядокъ, чтобы первое влекло за собою второе, а второе третье; если бы онъ доказалъ, что чистое количество есть необходимое начало природы, а мысль есть крайній предѣлъ, на которомъ держится вся природа; если бы далѣе, изолируя элементы этихъ данныхъ, онъ показалъ, что они должны находиться въ той комбинаціи, въ которой находятся, а не иначе; если бы наконецъ онъ доказалъ, что нѣтъ другихъ элементовъ и не можетъ быть, — онъ сдѣлалъ бы очеркъ метафизики, не заходя въ область положительныхъ наукъ; и достигъ бы источника, не бывъ вынужденнымъ спускаться на дно всѣхъ ручьевъ.

По моему мнѣнію, это двѣ великія операціи, наблюденіе, такъ

какъ вы его описали, и отвлеченіе, въ томъ видѣ, какъ я старался его опредѣлить, составляютъ вдвоемъ всѣ источники человѣческаго ума. Одно есть практическое направленіе, другое — умозрительное. Первое смотритъ на природу, какъ на столкновеніе фактовъ, второе — какъ на систему законовъ; взятое отдѣльно, первое будетъ чисто англійское, а второе чисто нѣмецкое. Если есть мѣсто между этими двумя націями, то оно принадлежитъ намъ, французамъ. Мы расширили англійскія идеи XVIII вѣка, а въ XIX можемъ дать большую точность идеямъ германскимъ. Наше дѣло умѣрять, исправлять и дополнять одни идеи другими, слить ихъ въ одно, выразить ихъ общепонятнымъ языкомъ, и такимъ образомъ сдѣлать ихъ міровыми.

II

Мы вышли. Каждый изъ насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, заставилъ другого мыслить, но оба остались при своихъ убѣжденіяхъ. Въдъ всѣ серьезныя размышленія разсѣваются передъ прекраснымъ лѣтнимъ утромъ.

Старыя стѣны, камни, источенные дождемъ, улыбаются восходящему солнцу. Желтый свѣтъ обливаетъ зубцы стѣнъ, фестоны аркадъ и блестящую листву плюща. Ползучія розы и капризныя фоліи поднимались вольно по перекладинамъ и вѣнчики ихъ дрожали и блестяли подъ дыханіемъ вѣтра.

Прелестный городъ выходилъ изъ утренняго тумана, разукрашенный и покойный, какъ дворецъ фей. Архитектуры всѣхъ вѣковъ смѣшивали свои своды и стрѣлки, свои статуи и свои колонны; время слило ихъ краски; солнце соединяло ихъ своимъ свѣтомъ....

Вездѣ я замѣчалъ слѣды того практическаго здраваго смысла, который производитъ коренныя измѣненія, не прибѣгая къ кровопролитіямъ, улучшаетъ, не уничтожая прошедшаго, сохраняетъ свои старыя деревья и конституціи, обрѣзываетъ сухія вѣтви, не касаясь ствола, и одинъ, между всѣми народами, пользуется не только настоящимъ, но и прошедшимъ.

Примѣчаніе. Главное достоинство этой прекрасной статьи состоитъ, конечно, въ изложеніи содержанія системы логики Миля, изложеніи, отличающемся обыкновеннымъ мастерствомъ французовъ. Джонъ Стюартъ Миль уже очень извѣстенъ русскимъ читателямъ, какъ одинъ изъ передовыхъ мыслителей Ан-

гид, и потому читатели без сомнения заинтересуются его догмами. Она замечательна в высшей степени, как крайнее выражение известного мирозерцания. А мысль развитая до конца, вполне, необходимо сама обличает свою истину или свою ложь.

Система Миля ведет прямо к отрицанию мышления, то есть к полному скептицизму. Он почти жалится, что мы имеем мышление, а не одну память, то есть, что мы срединяем и согласуем все, что содержится в нашем уме, а не оставляем каждого элемента в его частности и отдельности. Так как мышление есть начало, служащее для понимания мира, то, отказываясь от мышления, Миль необходимо должен был отказаться и от понимания мира. Поэтому мир у него является *заблужд.* в полномъ смысле этого слова, и он доходит до того, что называет *безуслетным* всякое другое понимание мира, т. е. всякое предположение в нем какого-нибудь порядка, какой-нибудь связи и гармонии.

Съ необыкновенною последовательностью Миль отрицает в мышлении все *диалектическое*, все, в чем собственно состоит сущность мышления. Так что, чтобы принять эту систему, нужно вовсе разучиться мыслить, потому что она не совместима съ простѣйшимъ движеніемъ мысли.

Чтобы опровергнуть подобный взглядъ, нужно было доказать необходимость какого-нибудь, хотя бы самого элементарнаго приема мышления и показать неизбежное присутствие этого приема и у самого Миля. Такъ и сдѣлалъ Тэнъ, доказывая неизбежность отвлеченій и указывая его дѣйствія. Всякая дѣятельность мысли есть необходимо дѣятельность связующая, организующая, и потому хаосъ Миля тотчасъ же долженъ былъ исчезнуть передъ отвлеченіемъ Тэна. Вездѣ явилась связь и необходимость, свойственная мышленію. Въ словахъ Тэна много остроумнаго и вѣрнаго, но онъ не идетъ до конца. Огославившись съ высокоуміемъ о разумѣ нѣмцевъ, Тэнъ, взявши его, одаряетъ человека, какъ *особую способность*, отвлеченіемъ, которое, по его словамъ, надежнѣе и чистаго опыта и чистаго разума.

Такимъ образомъ мышленіе является чѣмъ-то распадающимся, не имѣющимъ цѣлости и слѣдовательно настоящаго своего смысла. *Отвлеченіе* дѣйствительно приводитъ Тэна къ нѣкоторой связи и даже къ отождествленію всѣхъ явленій; миръ уже не разбитъ на безчисленные отдельные факты, какъ у Миля, но представляетъ сплошные ряды.

Этотъ сплошной миръ однакоже *только сплошной*; Тэнъ въ немъ еще не находитъ ни центра, ни границъ. И потому въ концѣ концовъ Тэнъ сходится съ Милемъ; почему все такъ, а не иначе, это, говоритъ онъ, зависитъ отъ случая; при другихъ обстоятельствахъ все было бы совершенно иначе.

Впрочемъ мысли Тэна не отличаются большою систематичностью и потому кажется страдать нѣкоторою темнотою и недоконченностью. **Н. С.**

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНИЕ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

ГЛАВА I

Давно Таптыгинъ, князь известный
Въ Москвѣ, какъ солнце въ поднебесной, —
Затихъ, шампанскаго не пьеть
И вечеровъ ужь не даеть.
Куда, злодѣй, онъ путь направилъ,
Гдѣ онъ слѣды свои оставилъ?
Зачѣмъ исчезъ, какъ метеоръ?
Кто князя помнить? — Но съ тѣхъ поръ
Боговъ російскаго парнаса
Перевели на залній дворъ;
Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, во имя Спаса
Успѣли выстроить соборъ;
Прошла желѣзная дорога;
Палъ Севастополь; — въ добрый часъ
Иная ломка началась,
И утекло воды такъ много,
Что можетъ быть Таптыгинъ князь
Давно ужь превратился въ грязь.

Давно въ Москвѣ его забыли:
Забылъ и тотъ, кто обыгралъ,
И тѣ, которые трубили,
Что онъ невѣжда и нахаль,
И та, которую любовнымъ
Письмомъ онъ нѣкогда сразилъ,
И тотъ, кто нѣкогда грозилъ
Ему процессомъ уголовнымъ.

Когда я прилеталъ въ Москву,
 Какъ юноша, когда-то праздный,
 Любилъ я старую молву
 Ловить за хвостъ немножко грязный,
 И помню, какъ одинъ приказный
 Съ какимъ-то чувствомъ говорилъ,
 Какъ этотъ князь его побилъ,
 И какъ онъ щедро наградилъ
 За свой поступокъ безобразный.
 Когда же я его спросилъ :
 Какъ звали князя, гдѣ онъ жилъ,
 Гдѣ онъ служилъ и куралесилъ, —
 Съдой пьянюшка носъ повѣсилъ
 И повинился, что забылъ :
 «Забылъ, сударь ! забылъ, признаться !
 «Забылъ — кажись бы и не пьянъ»...
 Такъ часто трудно добираться
 До историческихъ имянъ.

Таптыгина не зналъ я лично :
 Но, какъ его историкъ, я
 Въ то время велъ себя отлично.
 Нельзя писать о немъ шутя,
 Писать подробно неприлично ;
 Мы не дозрѣли, говорятъ,
 И можетъ быть не безъ причины !
 Разврата грязныя картины
 Насъ потѣшаютъ, какъ ребатъ.

Жена Таптыгина, Ульяна
 Ивановна, довольно рано
 Покинула московскій свѣтъ.
 Я зналъ ее : она въ разводѣ
 Жила у брата на заводѣ.
 (Теперь ее въ живыхъ ужъ нѣтъ ;
 Погребены ея страданья,
 Чтó значить : вся погребена.)

Старушка блѣдная, она
 Ходила въ темномъ одѣяньи ;
 Какъ у игуменьи, у ней
 Былъ гордый видъ, но не сибирскій.

Глаза ея, когда на васъ
 Она глядѣла въ первый разъ
 Съ какой-то грустью молчаливой,
 Казалось, говорили вамъ:
 Еще ты молодъ — по губамъ
 Я это вижу; — что-то будетъ
 Какъ ты съ моею поживешь;
 Ума прибавится на грошъ,
 А сердца на алтынъ убудетъ.

Въ рукахъ она вездѣ съ собой
 Носила бархатный мѣшочикъ,
 Тамъ было все: платокъ, клубочикъ,
 Наперстокъ, ея начатой
 Чулокъ, рогулька для вязанья,
 Молитвенникъ и поминанье.

Порой черты ея лица
 На юность навѣвали скуку.
 Я помню два большихъ кольца
 У ней на пальцѣ; помню руку
 Худую, блѣдную — она
 Была дѣйствительно блѣдна
 Какъ старый воскъ — не исчезаетъ
 Она изъ памяти моей;
 И право странно — мнѣ объ ней
 Всего скорѣй напоминаеть
 Одеколонъ, когда его
 Я слышу запахъ — отъ чего,
 И почему? — самъ чортъ не знаетъ;
 А чортъ не знаетъ потому,
 Что онъ не вѣрить ни чему
 И Мошота изучаетъ.

Старушка добрая, она
 Была ненынѣшняго вѣку;
 Я для нее ходилъ въ аптеку,
 Когда она была больна,
 Пилъ чай у ней, всегда съ вареньемъ,
 Читалъ ей лучшія мѣста
 Изъ Ф . . . съ удареньемъ,
 И даже гладилъ съ наслажденьемъ

Т. III. — Отд. I.

Ея любимаго кота.
 О мужѣ темныя преданья:
 Она могла бы пояснить,
 Да мало было въ ней желанья
 Со мной объ этомъ говорить.
 Бывало все молебны служить,
 Чего-то ждетъ, о чемъ-то тужить;
 Порой собирается въ Москву,
 Порой задумается, — бредить:
 Отецъ помретъ — она прѣдетъ —
 Княжна съ отцомъ теперь живетъ,
 Но скоро будетъ мой чередъ —
 У Бога очередь ведется,
 Ужъ это такъ! что Богъ возьметъ
 У одного, — другимъ дается.

Съ старушкой было бы смѣшно
 И даже глупо спорить, — но
 Я часто въ постъ у ней обѣдалъ
 И все-таки кой-что развѣдалъ.
 Не разъ, хвала обѣдъ престой,
 Да подливая супъ грибной
 Въ тарелку съ гречневою кашей,
 Я спрашивалъ: а гдѣ вашъ мужъ?
 И что княжна? отъ дочки вашей
 Ужъ нѣтъ ли писемъ? почему жъ
 Она не пишетъ?

— Мужъ въ имѣньи

И, говорятъ, сталъ нелюдимъ,
 Моя княжна конечно съ нимъ,
 Она въ большомъ уединеннѣ
 Живетъ, почти-что ни кого
 Не видитъ, нѣкого и видѣть —
 Степь, гдѣсь и больше ничего;
 Богъ милостивъ, и не обидитъ
 Ее, бѣдняжку!..

Тутъ рука

Княгини явно начинала
 Дрожать, и дѣло безъ платка
 Необходимо. Разъ измяла
 Она его и подняла,
 Какъ будто къ носу, протрѣла

Повыше перенося, словно
Такъ было нужно...

Изъ сего

Я заключилъ, что хладнокровно
Она допроса моего
Не можетъ слышать. Такъ невольну
Я заставлялъ ее страдать ;
Такъ ей, замѣтно, было больно
Мнѣ отвѣчать.

И то сказать,

Пріятно въ старость принимать
Въ свой домъ безпечнаго повѣсу,
Его кормить, ему внимать,
Но передъ нимъ сорвать завѣсу
Съ той сцены, гдѣ судьба, смѣясь,
Когда-то безъ пощады въ грязь
Насъ повалила и топтала,
Или, какъ съ мышью котъ, играла —
Увы! не всякому легко.
Не все, что скрыто глубоко,
У насъ въ душѣ, легко всплываетъ ;
Любовь погибшая, и та
На откровенныя уста
Печать молчанья налагаетъ.

То были дни моей весны,
И было у меня пророкомъ
Мечтательное сердце; въ сны
Его я вѣрилъ; изъ княжны
Я создалъ по однимъ намекамъ
Тотъ чистый, грустный идеалъ,
Который спать мнѣ не давалъ.
Тогда благоразумья окомъ
Еще глядѣть я не умѣлъ...
Хоть я и не былъ яръ и смѣлъ
Какъ Донъ-Кихоть; хотя идея
Спасти княжну была смѣшна;
Но для меня моя княжна
Была такая жъ Дульцинея...

Герой грядущаго, я мнилъ
Сойдтись съ несчастной героиней;

Вотъ, почему я говорилъ
 Такъ часто съ бѣдною княгиней,
 Въ ней струны сердца шевелилъ,
 И на лицѣ ея слѣдилъ
 За каждой вздрогнувшей морщиной;
 Я даже случай находилъ
 Съ ея служанкой Катериной,
 Кривою дѣвкой въ сорокъ лѣтъ,
 Болтать о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 И, разумѣется, читатель,
 Былъ любопытенъ какъ поэтъ,
 Иль какъ уѣздный засѣдатель.

И я ей-Богу не шутилъ.
 Однажды мучимый тоскою
 (Отъ лихорадки праздныхъ силъ)
 Я вдругъ старухѣ объявилъ,
 Что самъ поѣду за княжнюю
 И привезу ее.

Она

(Хоть и была изумлена)
 Спокойно на меня взглянула,
 И равнодушно протянула
 Мнѣ руку съ тѣмъ, чтобъ я ее
 Поцѣловалъ, — прошу покорно,
 Какая милость! Я проворно
 Впился въ нее губами. О!
 Теперь и самъ я начинаю
 Смѣкать, зачѣмъ и отчего
 Я эту руку вспоминаю
 Живѣе вдвое, чѣмъ черты
 Ея поблекшей красоты.

Тогда я жилъ, какъ подобаетъ
 Жить юношамъ холостякамъ,
 Жилъ гдѣ прійдется. — Куликамъ
 Тамъ и уютно, гдѣ къ водамъ
 Камышъ болотный прилегаеть;
 Гдѣ можно въ тину запустить
 Свой длинный носъ и угостить

Себя на славу. — Не мѣшаетъ
Сказать, что истинный куликъ,
Къ какой бы кочкѣ ни приникъ,
Нягдѣ крыла не замазаетъ.

Я помню — разгарался день,
Но облака ходили низко,
И на Москвѣ лежала тѣнь.
Отъ насъ Москва была не близко,
Хоть и мелкали съ двухъ сторонъ
Ея макушки. Ранній звонъ
Колоколовъ ея въ туманѣ
Носился смутно надъ землей.
На первомъ планѣ надъ рѣкой,
У ближней рощи, на полянѣ
Сидѣли кучками цыгане;
Дымился таборъ кочевой.
Въ кустахъ посвистывали птицы;
Вдоль сѣрыхъ грядокъ свекловицы
Тянулся низенькій заборъ;
За нимъ ряды фабричныхъ зданій,
Сушила, кузница, двѣ бани
Глядѣли окнами на дворъ;
Косую тѣнь бросали трубы
На дернъ покатаго двора;
Изъ темной пасти ихъ, съ утра
Выбрасывались дыма клубы,
Столбомъ тянулись въ облака,
Потомъ на западъ уходили
И тамъ терлись въ тучахъ пыли.
За банями текла рѣка;
Тамъ раздавался стукъ валька;
Фабричные бѣлье тамъ мыли;
На лѣво — шоль сосновый лѣсъ,
А я подъ небольшой навѣсъ
Присѣлъ на пыльные ступеньки
Избы, что съ краю деревеньки,
Гдѣ я въ то время нанималъ
Чуланъ съ окномъ и сѣновалъ.

Что вамъ сказать о сѣновалѣ?
Онъ былъ мой маленькій эдемъ,

И что тамъ было — и за чѣмъ,
 Туда сквозь кровлю мнѣ мигали
 Ночныя звѣзды, говоря:
 Ты, братъ, блаженнѣ царя, —
 Зачѣмъ за полуночной тѣнью
 Слѣдилъ мой глазъ — и отчего
 У изголовья моего
 Такъ пахло свѣжею сиренью? —
 О пусть перо мое молчать!
 Къ чему дразнить мнѣ аппетитъ,
 Когда желудокъ мой набитъ
 Неперевареннымъ обѣдомъ?
 Мнѣ только слѣдуетъ сказать,
 Что я княгинѣ былъ сосѣдомъ, —
 И могъ старушку навѣщать.

Старушка къ своему сосѣду
 Хоть недоувѣрчива была,
 Однако иногда звала
 Меня по праздникамъ къ обѣду;
 Но рано утромъ никогда
 Ни для варенья, ни для чтенья
 Не получала я приглашенья.
 А въ это утро, господа,
 Ея посланница кривая
 Явилась вдругъ передо мной,
 Какъ будто листъ перся травой.
 — А! вы ужъ встали! Вишь какая
 Погода! Птички какъ поютъ!..
 Она болтать со мной пустилась,
 И наконецъ договорилась:
 — Васъ просить на десять минутъ
 Пожаловать.

— Что это значить!
 Ужь не больна ли?

— Нѣтъ, все плачетъ...

Княгиню я засталъ одну
 Въ какомъ то шлафорѣ, съ букетомъ

Фіалокъ и въ чепцѣ, надѣтомъ
Немножко на сторону.

— Ну,

Любезный мой! — не осудите

Старуху — послужите ей.

— Все, что прикажете!

— Сходите

Въ Москву, мой милый. Отъ моей

Княжны, вотъ видите ли, цѣту

Совсѣмъ извѣстій. Я боюсь:

Онъ тамъ сживетъ ее со свѣту...

Ей-Богу толку не добьюсь...

Сходите, милый.

— Чтожь могу я...

Скажите...

Плача и тоскуя,

Съ лицомъ измятымъ, раза два

По комнатѣ прошла старуха;

У ней качалась голова,

У ней не доставало духа

Со мной бесѣдовать...

— А вотъ,

Я дамъ вамъ адресъ: онъ живетъ

Близъ *курьихъ ножекъ*... Вотъ... возьмите

Хоть это перышко... Пишите:

Домъ Савиной — второй кварталъ...

Я взялъ перо; перо скризло

И брызгало... Я записалъ...

— Вотъ видите — какое дѣло...

Чего я не могу постичь...

Но, впрочемъ, если Петръ Ильичъ

Камковъ васъ приметъ, то, быть можетъ,

Расскажетъ вамъ. — Меня тревожатъ

Одно: не умеръ ли Камковъ?

Онъ былъ всю зиму нездоровъ;

Все кашлялъ — этакое горе.

Спросите: — не было ли вскорѣ

Послѣ святой, какъ былъ Матвѣй,

Письма отъ дочери моей.

Пусть сходить справиться въ конторѣ...

Мой другъ, — утѣшите вы меня —
 Всю жизнь вамъ благодарна буду...

И вечеромъ того же дня
 Я шолъ Москвой. Не позабуду,
 Какъ, послѣ дождика съ грозой,
 Надъ Воробьевыми горами,
 И надъ пустынными дворцами,
 И надъ садами за рѣкой
 Гасъ тихо вечеръ золотой; —
 Какъ съ теплотой боролся холодъ;
 Какъ подрумяненъ былъ и молодъ
 Мاستитый Кремль съ его стѣной;
 Какъ горячо горѣли главы
 Его соборовъ;

 Какъ были зелены бульвары;
 Какъ тамъ заманчиво въ тѣни
 Влюбленные гуляли пары
 (Такъ мнѣ казалось въ оны дни);
 Какъ пахло хлѣбомъ близъ пекаренъ, —
 И помню я, какъ въ тишинѣ,
 Изъ-за гардинъ, въ одномъ окнѣ,
 Я слышалъ: «зайдите, баринъ...»
 Я останавливался... и
 Усталый, мокрый, весь въ пыли,
 Опять шагаль, какъ нѣкій странникъ,
 Какъ тотъ, кому самъ чортъ не братъ,
 И пробирался на Арбатъ.

Фантазіи наивный денникъ,
 Я представлялъ себѣ, каковъ
 Собою долженъ быть Камковъ.
 Объ немъ уже молва блуждала
 Въ той бѣдной, маленькой средѣ,
 Которая благословляла
 Зародыши талантовъ, — гдѣ
 Авторитеты колебали,

И критику изъ-подъ-тишка
 Не громко, но рукоплескали ;
 Смотрѣть ходили изъ райка
 Мочалова, — перелакали
 Кольцова стихъ изъ устъ въ уста,
 И въ Наблюдателѣ искали
 Стиховъ подъ литерой Ѳ.
 И такъ, объ немъ слыхалъ я прежде.
 Я думалъ: гений и поэтъ —
 Синонимы: и былъ въ надеждѣ,
 Что славой онъ покроетъ свѣтъ,
 Что на святой Руси онъ будетъ
 Виднѣе солнца самого,
 И мѣръ, конечно, не забудетъ
 Меня, какъ спутника его.

Я былъ на столько легковѣренъ,
 На сколько зеленъ былъ душой;
 А потому и не намѣренъ
 Смѣяться надъ моей весной
 Почтенной публикѣ въ угоду.
 (Пора оставить эту моду!)

Я и теперь, читатель мой,
 Увѣренъ въ томъ, что будь вы гений, —
 Не вмеша крику пошлыхъ мѣнѣй,
 Я былъ бы раньше самъ собой,
 И былъ бы выше головой.
 Но что объ этомъ...

Близъ Полянки,
 Камковъ жилъ у одной мѣщанки
 Во Флигелѣ. — Къ его сѣнямъ
 Прошолъ я по сырымъ доскамъ
 И сталъ стучаться. — Оказалось,
 Что дверь была не заперта
 И очень просто отворилась.
 Вхожу — передняя пуста.
 Тутъ, признаюсь вамъ, я смутился:
 Вообразите вы, — что вдругъ
 Я у поэта очутился
 Съ пустою вѣшалкой самъ-другъ.

Я думалъ: за перегородку
Идутъ слѣды Камень — и чтожъ
Увидѣлъ? — половую щетку,
Да пару стоптанныхъ калошъ!
Я кашлянулъ, какъ будто въ глотку
Мнѣ пыль зашла; — я не зналъ
Войти ли мнѣ — и — не рѣшался.
«Я дома — дома!» отозвался.
Мнѣ тихій голосъ: онъ звучалъ
Какимъ-то дѣтскимъ нетерпѣньемъ,
Какъ-будто звалъ меня болшой,
Капризный другъ. — Съ благоговѣньемъ,
Вошелъ я въ комнату.

Худой,

Въ халатишкѣ, одной ногой
Поймавши туфлю, онъ съ дивана
Приподнялся, — то былъ Камковъ.
Я началъ: «Къ вамъ меня Ульяна
Ивановна...» — Я не здоровъ,
Онъ перебилъ: — и поджидаю
Къ себѣ давно кого нибудь.
Вообразите, — самъ не знаю
Что дѣлать? — Собираюсь въ путь,
И обреченъ на злую скуку.
Лежу весь день — совсѣмъ разбитъ,
Бока болятъ и грудь болитъ.
Садитесь.

Протянувши руку,

Онъ для меня подвинулъ стулъ,
И словно въ душу заглянулъ
Большими, сѣрыми глазами.
Я не бывалъ знакомъ съ орлами,
Но, думаю, что на орла
Похожъ онъ не былъ... Надъ бровями
Его, замѣтной складкой, шла
Морщинка — знакъ упорной воли,
Иль напряженья мысли. Онъ
Былъ моложавъ, — но сокрушонъ,
Подавленъ чѣмъ-то; — по неволѣ
Я на него глядѣлъ — глядѣлъ,

И слушалъ, и понять хотѣлъ
 Казалось, былъ онъ безконечно—
 Внимателенъ и добръ; — конечно
 Съ такими качествами, кто жь
 Бываетъ на орла похожъ?
 А между тѣмъ и самъ постигъ я
 Не въ состояннн, отъ чего
 Сначала мнѣ въ лицѣ его
 Почудилось что-то птичье,
 Тогда какъ черезъ часъ потомъ
 Глядѣлъ онъ просто добрякомъ: —
 Улыбка мягкая скользила
 По очертанью тонкихъ губъ
 И прямо, ясно говорила:
 Повѣрьте мнѣ, Камковъ не грубъ,
 Хоть и бываетъ золъ и ѣдокъ.

Я сѣлъ — онъ сѣлъ — и на послѣдокъ
 Мы познакомились.

Друзья,
 Пиши я въ прозѣ, вѣрно съ я
 Вамъ описалъ его коморку,
 Столъ, кресла, книги подъ столомъ
 И на столѣ, да съ табакотъ
 Кисеть; — но, господа, что толку
 Намъ въ описаннн такомъ! —
 Жилище моего Камкова
 Теперь напомнило бы мнѣ
 Мое студенчество; другого
 Сказать вамъ нечего.

Вполнѣ
 Довольный тѣмъ, что дѣлъ коросн
 Напился чаю съ калачемъ,
 Тогда я думалъ, что мы боги —
 Сошлись и судимъ обо всемъ.

Камковъ просилъ меня любезно
 Отвѣтъ княгини передать,
 Ни чуть не думая скрывать,
 Что было вовсе безпозебно.
 И тутъ кой что узналъ я, — но
 Одной страницей изъ романа

Мнѣ не довольно... и смѣшно
 Вамъ раскрывать ее — и рано.
 Пусть подождетъ меня Ульяна
 Ивановна, — пусть положитъ
 Меня княжна. — Пушу впередъ,
 Сіятельныхъ не безпою,
 Камкова, моего героя.
 Друзья! какъ друга моего,
 Рекомендую вамъ его.

Простымъ и грустнымъ разговоромъ
 Знакомство наше началось,
 И тронулъ онъ меня до слезъ
 Однимъ рассказомъ (о которомъ
 Теперь умалчиваю). Споромъ
 Мы заключили разговоръ.
 О чемъ былъ сей великій споръ?
 Не помню. — Я уже порядкомъ
 Отъ метафизики отсталъ;
 Уже давно не повѣрялъ
 Своихъ идей по тѣмъ тетрадамъ,
 Въ которыхъ иногда писалъ
 Дневникъ мой: тайно признавался,
 Какъ я любилъ, какъ я терзался,
 Какъ правды-истины искалъ,
 И на себя наивно лгалъ.

Я только помню впечатлѣнье, —
 Я только помню — какъ, живей
 Своею рѣчью, молодой
 Моей души святой покой
 Онъ нарушалъ безъ сожалѣнья,
 Онъ не смѣялся надо мной,
 Не вапалъ, — но по немногу
 Одолѣвалъ, и въ міръ иной,
 Не огражденный никакой
 Стѣною, сталъ казать дорогу.

Оставшись до другого дня
 Въ его коморкѣ, — помню, — я
 Заснулъ подъ утро. Для меня
 Камковъ дѣйствительно былъ гений.

Хоть онъ замѣтнаго слѣда
Среди общественныхъ явленій
И не оставилъ, господа.
Увы! какъ Рудину, — тогда
Ему была одна дорога
Въ домъ богатырши, или острога.

Но между Рудинимъ и нимъ,
Какъ поглядимъ да посравнимъ,
Была значительная разность.
Характеровъ разнообразность
Разнообразить вѣчный типъ.
Идея, будь одна и та же,
Въ одномъ засядетъ какъ полинь,
Другого выравниваетъ глаже,
Или заставитъ съ бородой
Ходить безъ галстука. — Иной,
Принявъ ее въ свои владѣнья,
Идетъ на гибель какъ герой,
Иной напротивъ на покой
Отправится въ уединенье,
И сложить руки. — Мой Камковъ
Былъ съ нею чѣмъ-то въ родъ Пери,
Блуждающей у райской двери,
Внимающей изъ облаковъ
Далекаго блаженства звукамъ,
И въ то же время адскимъ мукамъ,
Огню и скрежету зубовъ.
Онъ былъ далеко не ребенокъ;
Все понималъ: и жизнь и вѣкъ,
Зло и добро — былъ добръ и тонокъ;
Но — былъ невзрослый человекъ,
Какъ часто, самъ сознавшись въ этомъ,
Искалъ онъ дѣла — и грустилъ;
Хотѣлъ ученымъ быть, поэтому,
Рвался и выбился изъ силъ.
Онъ бѣденъ былъ, но не нуждался.
Хотѣлъ любить — и не влюблялся,
Какъ-будто жаръ его любви
Былъ въ головѣ, а не въ крови.

Онъ по лѣтамъ своимъ былъ сверстникъ

Бѣлинскому. — Станкевичъ былъ
Его любимецъ и наперстникъ,
Къ нему онъ часто заходилъ
То сумрачный, то окрыленный
Надѣждами, и говорилъ —
И говорилъ, какъ озаренный,
А то такъ надъ собой трунилъ —
Или пріятелю твердилъ:
«Какъ зналъ ты жизнь — какъ мало жила.» (*)

Какую роль игралъ онъ въ свѣтѣ,
И какъ онъ въ высшій свѣтъ попалъ,
Когда не ѣздилъ онъ въ каретѣ
И модныхъ галстуковъ не зналъ.
Туда, сказать вамъ откровенно,
Попалъ онъ необыкновенно,
И вовсе роли не игралъ, —
С тамъ его встрѣчалъ —
Онъ появлялся блѣдный, скромный,
Всегда съ улыбкою заѣмной,
Всегда одинъ, — всегда вдали
Отъ пышныхъ дамъ, коть эти дамы
И были какъ нелзяя милѣй,
Вообразивъ, что на мужей
Онъ сочиняетъ эпитафмы.

Но не пора ли кончить мнѣ
Бесѣдовать наединѣ
Съ моею музой престодушной,
Чтобъ за мномъ героемъ вслѣдъ
На время окунуться въ свѣтъ,
Холодный свѣтъ, но не бездушный —
Свѣтъ не бездушный, но съ душой
Опутавной, нѣмой, слѣпой,
Коварнымъ идоламъ послушной,
Свѣтъ не ходящій безъ ходуль,
Но обладающій крылами
Могучими. — Друзья! найду ль

(*) Стихъ Веневитинова.

Я крылья тамъ, — иль вмѣстѣ съ вами
Пройдусь въ толпѣ, гордись цвѣтами?

Читатель! Если ты желалъ
Въ началѣ моего творенья
Найти ошибку, упущенье,
Иль вялый стихъ, — и не збывалъ
Надъ этой первою главою, —
Ты ничего не потерялъ:
Я угощу тебя второю.
Но если ты не дотянулъ
До половины и — заснулъ,
Спи, милый мой! — Господь съ тобою! —

ГЛАВА II

Въ Москвѣ жилъ-былъ одинъ баронъ.
Какъ всѣ бароны, вѣрно онъ
Былъ человѣкомъ не безъ вѣса:
Онъ былъ богатъ, игралъ въ бостонъ,
По утру дѣлалъ моціонъ,
И — былъ дуракъ. Но баронесса...
Была особая статья!
О! будь я дама, — вѣрно бъ я
Ей подражалъ, иль, ужъ повѣрьте,
Возненавидѣлъ бы до смерти.
(Пишу по слухамъ мой рассказъ),
Я къ сожалѣнью только разъ
И видѣлъ, какъ она въ концертѣ
Съ тетрадкой нотъ сидѣла, и —
Рѣсницы длинныя свои
Склоня къ колѣнамъ, какъ маэстро,
Карандашемъ, полъ громъ оркестра,
Чертила что-то.

Гордый Листъ,
Извѣстный вамъ фортепьянистъ,
Когда изъ Венгріи опальной
(Артистовъ модный идеалъ)
Онъ прилетѣлъ и взволновалъ
Нашъ сѣверъ славой музыкальной, —

Ее не даромъ похитилъ :
 Былъ пьянъ и гениально милъ.

Не даромъ Щепкинъ знаменитый,
 Поборникъ Гоголя маститый,
 Ея гостямъ «Разъѣздъ» читалъ,
 Смѣшилъ, смѣялся и рыдалъ.

Не даромъ зеленью, цвѣтами
 Въ морозъ крещенскій убрала
 Она свой уголъ, и была
 Всегда особенно мила
 Съ московскими профессорами.
 Стихи читала какъ поэтъ,
 Хоть и безъ лишнихъ декламаций,
 И на защиту диссертаций
 Ъзжала въ университетъ.
 Не даромъ въ обществѣ старались
 Ей потихоньку подражать :
 Хвалили, громко заступались,
 Или за нравственность боялись,
 И торопились клеветать.
 Но ложь была такого рода, —
 Такая радужная ложь,
 Что ей завидовала мода
 И восхищалась молодежь.

Баронъ былъ мужъ довольно вялый,
 Не дѣлалъ ни добра, ни зла;
 Жена конечно не могла
 При немъ быть женщиной отсталой;
 У ней былъ сынъ — не глупый малый,
 Но, недогадливый — въ отца.
 Когда онъ въ зеркало глядѣлся,
 Чертами своего лица
 Онъ любовался и вертѣлся,
 И этого-то молодца
 Училъ Камковъ. Воображаю,
 Какъ онъ внушалъ, какъ прививалъ
 Онъ философію къ лѣнтыю.

Однажды, право я не знаю —

Кто баронессѣ подсказалъ,
 Что это — золото-учитель,
 Что онъ магистръ и сочинитель,
 Что онъ, какъ древній Ювеналъ,
 Не только знаетъ по латынѣ,
 Но, что довольно рѣдко нынѣ,
 Прочелъ Гомера до конца,
 И также изучилъ глубоко
 Языкъ боговъ и духъ слѣпца,
 Какъ баронесса Поль-де-Кока.

Такая новость не могла
 Не изумить ее сначала;
 Но баронесса отвѣчала
 Спокойно, то есть солгала,
 Не покраснѣвъ : — я это знала,
 Для сына я его брала.

Потомъ какъ-будто испугалась,
 Пошла и сѣла въ уголокъ,
 Когда Камковъ давалъ урокъ.

Черезъ недѣлю оказалось,
 Что онъ, хотя и латинистъ,
 Но вовсе не семинаристъ,
 И также знаетъ по-французски
 И по-нѣмецки, какъ по-русски.

Какъ говорить онъ ! Боже мой,
 Какъ милъ !

Упала съ глазъ завѣса : —

Онъ человекъ передовой, —
 Вообразила баронесса.

Ему восторженно внимать,
 Ему безмолвно поклоняться,
 За нимъ карету посылать,
 Задерживать и въ свѣтъ толкать,
 И за Камкова распинаться
 Она повсюду, гдѣ была,
 За первый долгъ себѣ сочла.

Не будь Гамлетомъ мой ученый,
 Онъ натолкнулся бы на грѣхъ,
 Рѣшися онъ смѣло быть короной
 Въ павлиныхъ перьяхъ, — и уснѣхъ,
 Его завидный ждалъ бы въ свѣтъ;
 Но, — бѣдный, на чужомъ паркѣтѣ
 Онъ спотыкаться не желалъ,
 Себя цѣнилъ, и наблюдалъ.

Любилъ онъ юность, свѣжесть, стройность,
 Наряды, штофы, зеркала,
 Картины, мраморъ, даже зла
 Наружную благопристойность.
 Не приглядѣвшись ни къ чему,
 Онъ все любилъ, — но не по страсти
 Къ кумирамъ, и не потому,
 Чтобъ вѣрилъ, — нѣтъ, Камковъ отчасти
 По складу сердца былъ артистъ,
 А по уму идеалистъ.
 И не людей онъ непавидѣлъ,
 Нѣтъ! въ нихъ таинственной судьбы
 Онъ временную жертву видѣлъ,
 Непризованую для борьбы.
 Конечно къ дикимъ отношеньямъ,
 Отъ поколѣнья къ поколѣньямъ.
 Переходящимъ какъ зарѣтъ,
 Онъ чувствовалъ антипатію;
 Но... какъ дитя, любилъ Россію,
 И вѣрилъ въ то, чего въ ней нѣтъ.

Всегда съ протянутой рукою
 Баронъ Камкова принималъ;
 Передъ ученою женою
 Онъ какъ-то смутно сознавалъ
 Свое ничтожество; являлся
 На полчаса, финтиль, иградъ,
 Съ собачкою, — и пропадалъ.
 Женѣ во всемъ онъ довѣрялся,
 Но о Камковѣ отзывался:
 Что это перль. Чтожъ? Можетъ быть,
 Онъ зналъ (не даромъ же учился),
 Какъ неприлично походить

На пѣтуха, который рылся
 Въ навозѣ — и *нашедъ* зерно
 Жемчужное : «къ чему оно ?!»
 Воскликнулъ и расцѣтушился.

А между тѣмъ мой старый другъ,
 Въ навозѣ рывшійся пѣтухъ,
 Какъ человекъ обыкновенный,
 Былъ и понятнѣй и сноситей
 (Хоть можетъ быть и не умнѣй)
 Иной, глубоко современной
 Намъ критики : онъ не желалъ
 Чудеснаго соединенья
 Душеспасительныхъ началъ
 Съ жемчужинами вдохновенья.
 Нашедъ жемчужное зерно,
 Онъ не желалъ, чтобы оно,
 Не переставши быть жемчужнымъ,
 Могло быть для закуски нужнымъ.
 Онъ просто на-просто не зналъ
 Ему цѣны, и браковалъ.
 Конечно столь же откровенныхъ,
 Фортувою благословенныхъ,
 Я знаю много пѣтуховъ.
 Они кричатъ намъ : «для голодныхъ
 «Не нужно украшеній модныхъ,
 «Не нужно вашихъ жемчуговъ —
 «Изящной прозы и стиховъ».
 «Мы для гражданства не видали,
 «Отъ музы никакихъ заслугъ :
 «Стихи безплодны, какъ жемчугъ.
 «Прочь, — это роскошь !» Но, — едва ли
 У этихъ бѣдныхъ пѣтуховъ,
 Опровергающихъ искусство,
 Изящное простыло чувство
 Для *настоящихъ жемчуговъ* ? —

И такъ, мой бѣдный другъ, Камковъ
 Барономъ не былъ забракованъ :
 Онъ скоро былъ рекомендованъ
 Всѣмъ знаменитостямъ, — инымъ
 Онъ нравился умомъ своимъ

Оригинальнымъ и живымъ,
Другими самъ былъ очарованъ.

Въ тѣ дни Тургеневъ молодой
Еще на пажитяхъ чужой
Науки думалъ сѣять розы;
Глядѣлъ на женщинъ какъ герой;
Писалъ стихи, не зная прозы,
И былъ преслѣдуемъ молвой
Съ какимъ-то юношескимъ жаромъ,
Что суждено ему не даромъ
Ходить съ большою головой.

Аксаковъ былъ еще моложе,
Но — юноша — глядѣлъ онъ строже
На жизнь, чѣмъ патриархъ иной.
Весь до костей проникнуть вѣрой
Въ туманный русскій идеалъ,
Онъ счастье гордо отрицалъ,
И называлъ любовь химерой.

Краснорѣчивый Хомяковъ,
Славянства чуткій предвозвѣстникъ,
Камковъ былъ почти ровестникъ.
Камковъ нерѣдко съ первыхъ словъ
Сходился съ ними. Разговоры
Ихъ часто до пяти часовъ
Утра тянулись. — Эти споры
Звалъ мой насмѣшливый Камковъ
Взаимнымъ щупаньемъ головъ.
Иные на него косились,
Потомъ какъ-будто ничего
Въ немъ не нашли, — и подружились.
Иные, раскусивъ его,
Тянули на свою дорогу,
Ему замазывали ротъ,
И льстили; — словомъ по немногу
Заманивали въ свой приходъ...
Иные... но мы только знаемъ,
Что онъ въ сороковыхъ годахъ
Былъ на виду, былъ приглашаемъ, —
И сталъ являться на балахъ.

Вотъ онъ на улицу выходитъ
 Въ елотъ, въ шляпѣ и кашне.
 Ужь ночь. Все глухо. Въ сторонѣ
 Собака лаетъ... кто-то бродитъ...
 Мятель, шумя по чердакамъ,
 Съ досчатыхъ кровель снѣгъ сдуваетъ ;
 Фонарь таинственно мигаетъ
 Двумъ отдаленнымъ фонарямъ ;
 Закрыты ставни у сосѣдей ;
 Высоко гдѣ-то на стеклѣ
 Свѣтъ огонька дрожить во мглѣ.
 — Вотъ подлинно страна мелѣдей ! —
 Самъ про себя Камковъ ворчитъ ,
 Въ карманъ свои перчатки суетъ ,
 Глядитъ, — ну такъ, платокъ забыть !
 И мой герой съ досады плюетъ.
 Вотъ ѣдетъ Ванька. Ванька — стой !
 Не повали меня, онъ проситъ,
 И въ сани ногу онъ заноситъ
 И ѣдетъ. — Носъ его поникъ
 Въ заиндевлѣмый воротникъ ;
 Извожикъ клячу погоняетъ ;
 Камковъ сидитъ и размышляетъ :
 — Кой чортъ несетъ меня туда ?
 А впрочемъ что же за бѣла !
 Балъ охраняетъ нашу личность,
 Такъ какъ никто — и
 И тотъ не скажетъ неприличность
 Тому, кто приглашонъ на балъ,
 Хотя бы этотъ, приглашонный,
 Былъ самый жалкій подчиненный.
 Балъ нашихъ женщинъ обновилъ
 И насъ съ Европой породнилъ.

Такъ ѣдучи да размышляя
 О томъ о семъ, онъ у Тверскихъ
 Воротъ очнулся. — Десять бьетъ
 На монастырской башнѣ. Вотъ
 И Дмитровка. Освобождая
 Свой носъ, глядитъ онъ : у воротъ
 Четыре плоски, — въ бель-этажѣ
 Сіяютъ окна. Экипажи

Пустые ѣдутъ со двора;
 Надъ ихъ двойными фонарями
 Торчатъ, какъ тѣни, кучера.
 Одинъ изъ нихъ : «куда ты лѣпшій!»
 Кричитъ на Ваньку въ воротахъ,
 «Опѣшилъ что ли?» Самъ опѣшилъ,
 Бормочетъ Ванька въ попыхахъ
 И барина благополучно
 Подвозитъ по двору къ сѣнямъ
 На зло горластымъ кучерамъ.

Камковъ идетъ ; — ему не скучно ;
 Онъ радъ внезапному теплу ;
 Онъ всѣмъ доволенъ — завываньемъ
 Оркестра, вазой на углу
 Воздушной лѣстницы, сниманіемъ
 Салоповъ, обнаженныхъ плечъ
 Благоуханной бѣлизною,
 Блондинкою, что передъ нимъ
 Идетъ легка, шумя своимъ
 Атласомъ, — стройная, — одною
 Рукою платье приподнявъ,
 Другую опустивъ съ букетомъ.

Камковъ былъ правъ, смѣясь надъ свѣтомъ,
 Но, и любясь, былъ онъ правъ,
 Когда на все глядѣлъ поэтомъ.

Вотъ посреди толпы живой
 Онъ озаренный залъ проходить,
 Тутъ, слава Богу, мой герой
 Два или три лица находитъ
 Ему знакомыхъ ; — ухватилъ
 За пуговицу, чуть не обнялъ
 Его одинъ славянофилъ,
 И, милый спорщикъ, тутъ же поднялъ
 Вопросъ : чѣмъ вѣче началось
 Новгородское ? — Вопросъ
 Не бальный, но за то мудреный.
 — Мирскою сходкой, — отвѣчалъ
 Ему Камковъ. — Захоталъ
 Славянофилъ ; — но споръ ученый

Былъ какъ-то скоро прекращенъ.
 Ихъ разлучилъ. — Съ двухъ сторонъ
 Танцующихъ грѣмя подѣмлетъ
 Летучій вальсъ своимъ жезломъ ;
 Толпа ему послушно внемлетъ ;
 Вотъ подъ его звѣвучій громъ
 Несутся пары. — Вотъ кругомъ
 Тѣснятся зрители. — Межъ ними,
 Засунувъ палець подъ жилетъ,
 Стоитъ весь въ черное одѣтъ,
 Съ лицомъ задумчивымъ, съ живыми
 Глазами, съ складкою на лбу,
 Камковъ, какъ нѣкій вождь, впервые
 Вдали слышавшій палубу.

О чемъ онъ думаетъ, — въ какія
 Мечты душою погруженъ?
 Кого въ толпѣ замѣтилъ онъ, —
 За кѣмъ слѣдитъ онъ такъ прилѣжно?

Въ числѣ танцующихъ была
 Одна особенно мила.
 Нѣжна, какъ ланлышъ самый вѣжнѣй,
 Свѣжа, какъ роза. — На плечахъ
 У ней (не только на щекахъ)
 Игралъ застѣнчивый румянецъ ;
 Игралъ онъ даже на локтяхъ,
 Когда ее, какъ деспотъ, танецъ
 На середину увлекалъ.
 Въ ея глазахъ огонь пугливый
 То вспыхивалъ, то померкалъ ;
 Она переходила залъ
 То медленной, то торопливой
 Походкой ; — такъ была робка,
 Такъ граціозно не ловка,
 Такъ не похожа на плутовку,
 Что странно, кто рѣшиться могъ
 Надѣтъ вакхическій вѣнокъ
 На эту дѣтскую головку.

Она дитя, — но кто она ?
 Камковъ невольно знать желаетъ.

— Кажись, — Таптыгина княжна,
 Ему знакомый отвѣчать, —
 А впрочемъ, право, чортъ ихъ знаетъ, —
 Я можетъ статься и совралъ, —
 У ней, онъ вяло продолжалъ,
 Поднявъ лорнетъ, — не дурень прощай!
 Но я, товарищъ старый мой,
 На все гляжу, какъ Мефистофель.
 Что дѣлать? пожилъ, братецъ мой,
 И вкуса въ сливахъ недоодрѣлыхъ
 Не вижу: — вяжутъ, чортъ возьми!
 Люблю я барынь угорѣлыхъ
 Лѣтъ этакъ двадцати-осьми...

Камковъ немножко удивился —
 Такимъ рѣчамъ, — посторонился,
 И на знаконца своего
 Взглянулъ съ усмѣшкой. — Для него
 Такого рода миѣніе было
 Довольно ново — и — смѣшило.

Вотъ, вѣкъ живи, подумалъ онъ,
 Да вѣкъ учись, — прошу покорно, —
 Какъ выражается задорно.
 Камковъ былъ самъ порой смѣшонъ
 И страненъ, — но иначе онъ
 Блохою жизни былъ укушенъ,
 Инымъ фантазіямъ послушенъ,
 Иною солью просоленъ.

Вотъ началась кадрили — одна,
 Другая, третья, — кто ихъ знаетъ
 Какая?! — Балъ не отдыхаетъ.
 Въ фигуры переплетена,
 Толпа скользить; перебѣгаетъ
 Рука къ рукѣ; — по жемчугамъ,
 По брилліантамъ, по цвѣтамъ,
 По золоту огонь играетъ,
 Тѣнь бѣгаетъ по рукавамъ,
 И музыка гремя сливаетъ
 Людскія рѣчи въ птичій гамъ.

Кто ихъ подслушаетъ, — едвали
Съ невольной грустью не вздохнетъ.
Да, — въ нашемъ обществѣ на балѣ
Тотъ и уменъ, кто больше вретъ.

Но не люблю я темъ любимыхъ ;
Изъ тысячи произносимыхъ
Словъ вѣроятно девять сотъ
И девяносто девять были
На этомъ балѣ лишены
Значенья, десять замъ смѣшили,
Забыты и повторены.

Греми же музыка сильнѣе,
Рычи охриплый контра-басъ, —
Пускай никто не слышитъ насъ ;
Себя же слушать, не краснѣя,
Давно привыкли мы, — и намъ
Недостаетъ лишь только дамъ,
Чтобъ быть подъ часъ еще пустѣе.

Камковъ кадрилией не считалъ,
Но такъ глядѣлъ, и такъ вникалъ,
Какъ-будто, право, каждый бантикъ
Въ нарядахъ дамскихъ изучалъ.
Философическій романтикъ,
Быть можетъ, въ танцахъ открывалъ
Онъ всенародное значенье ;
Слѣдя быть можетъ за княжной,
Онъ дѣвственною красотой
Проникнуть былъ до умиленья.
Сбираясь на этотъ балъ,
Онъ вѣрно Шиллера читалъ.

Но тотъ, кто вѣчно наблюдаетъ,
Тотъ часто ходитъ, какъ слѣпой.
Такъ скромный наблюдатель мой
Рѣшительно не замѣчаетъ,
Какъ отъ него близка гроза,
И чьи ревнивые глаза
За нимъ давно слѣдятъ на балѣ.

Вотъ три часа. — Въ сосѣднемъ залѣ
 По двумъ раздвинутымъ столамъ
 Приборы ставятъ. — По угламъ
 Сидятъ разрозненныя пары.
 Кому до танцевъ дѣла нѣтъ,
 Идетъ въ хозяйскій кабинетъ
 Курить хозяйскія сигары.
 Вотъ и мазурка. — Пышный балъ
 Подходитъ къ ужину. — Усталъ
 Камковъ; ужъ онъ спѣшитъ убраться,
 Ужъ онъ спиной къ дверямъ стоитъ,
 Но баронесса оставаться
 Ему до ужина велитъ.

Игравъ вѣеромъ, вздыхая
 Всей грудью, — словно отдыхая,
 Она задумчиво сидитъ.
 Онъ долженъ низко наклониться,
 Чтобъ слушать; — дама говорить:

— Вы не хотѣли увлекаться,
 И не хотѣли танцовать,
 Я, — надо правду вамъ сказать, —
 Васъ изучаю...

— Много чести.

— Нѣтъ... увѣрю васъ безъ лести,
 Что вы предобрый человекъ,
 Но, знаете! — больной нашъ вѣкъ
 Вамъ повредилъ, — вашъ умъ озлобленъ
 И сердце спитъ, — не грѣхъ ли вамъ?
 — Нѣтъ, баронесса, я къ баламъ
 Былъ съ юныхъ лѣтъ не приспособленъ:
 Когда я гимназистомъ былъ,
 Я все змѣйки пускать любилъ;
 Когда въ студенты поступилъ,
 Я самага себя пустилъ
 Подъ облака, и въ нихъ терялся,
 Леталъ — пока не оборвался.
 Такъ прозѣвалъ я жизнь и свѣтъ.
 Танцмейстеру же въ тридцать лѣтъ
 Платить за рѣзвые уроки,
 И прыгать въ образѣ сороки

Смѣшно тому, кто учитъ самъ —
Судить людей не по ногамъ.

— А знаете, что я желаю
Быть вашей ученицей, — и
Боюсь...

— Я васъ не понимаю.

— Недавно съ вами о любви
Я спорила... вы слишкомъ строги;
Вы забываете, что мы
Простые люди, а не боги.
Конечно жить въ стѣнахъ тюрьмы
Я не хочу, — но и на волѣ
Нельзя всегда на свѣтъ безъ боли
Глядѣть. — Вы хоть немножко тьмы
Намъ дайте, — для отдохновенья, —
Ну... хоть немножко, — для меня...

Камковъ любилъ опредѣленья; —
(Педантъ — не правда ли друзья?!)
— Что значитъ ваша тьма? Позвольте
Спросить? — къ роскошному плечу
Склонясь, бормочетъ онъ.

— Увольте

Отъ объясненій, — не хочу
Я объясняться, отвѣчаетъ
Она поспѣшно. — На щекахъ
У ней румянецъ, — на губахъ
Усмѣшка, — тихо пожимаетъ
Она плечемъ, — опять глядитъ
Ему въ лице и говоритъ:

— Что значитъ тьма? Да развѣ съ вами
Былъ вѣчно свѣтъ? Да развѣ сами
Вы... не блуждали никогда?
Ни разу не были счастливы?

— Я, никогда!

— Ужели?

— Да!..

— Такъ чтожъ вы такъ краснорѣчивы!

— Вы убиваете меня...

Но, баронесса, если я

Въ моихъ невольныхъ увлеченьяхъ

Одно мученье почерпалъ,
 Метался, путался въ сомнѣньяхъ,
 Какъ будто выхода искалъ
 Изъ лабиринта, или хаоса,
 И, если самая любовь
 Глядѣла на меня такъ косо,
 Что въ жилахъ не кипѣла кровь,
 А застывала, — неужели
 За это надо васъ просить
 Меня, какъ варвара, казнить...
 Прощайте! — накрываютъ ужинъ,
 Какъ кавалеръ, — а вамъ не нуженъ,
 Къ тому же... право — сплю давно —
 И даже брежу...

— Уѣзжайте,
 Богъ съ вами! Мнѣ самой пора.
 И такъ М-г Камковъ, прощайте...
 И... до свиданья... до утра...

ГЛАВА III

Ночь на исходѣ. Снѣжнымъ комомъ
 Уединенна и блѣдна,
 Виситъ надъ кровлями луна,
 И дымъ встаетъ надъ каждымъ домомъ
 Столпообразнымъ облакамъ
 Подобно; медленно и грозно
 Овъ къ потухающимъ звѣздамъ
 Ползеть.

Неужели такъ поздно?!
 Лѣниво удаляясь прочь,
 У башенъ спрашиваетъ ночь.
 Который часъ?

— Да ужъ девятый!
 Звонить ей Спасская въ отвѣтъ,
 И ночь уходитъ. Ей во слѣдъ
 Глядитъ, зардѣвшись, кремль зубчатый
 Сквозь призму неподвижной мглы.
 Надъ сѣрыми его зубцами
 Кресты и вышки и орлы
 Горятъ пурпурными огнями,

И утро съ розовымъ лицомъ
Стучится въ ставни кулакомъ :
«Вставай лѣвтяй ! вставай затворникъ» !

И просыпается Камковъ.
Уже къ нему съ визанкой дровъ
Ввалился неуклюжій дворникъ,
Вотъ онъ на корточкахъ сидитъ
Передъ заслонкою ; трещитъ
Подъ пальцами его береста,
И печка топится.

«Морозъ—то
Какой Богъ далъ, — такой лихой;
Что вида *жстеть*.

— А что, большой?
— Да такъ себѣ, изрядный ; галка,
И та вишь мерзнетъ на лету.

Камковъ (ему какъ будто жалко
Что птицу вольную, и ту
Не пощадилъ морозъ проклятый),
Облокотясь одной рукой
На край своей подушки смятой,
Хандритъ, и кажется ему,
Что онъ похожъ на инвалида,
Что онъ не можетъ ни къ кому
Пристать, какъ каторжникъ безъ вида,
Тайкомъ покинувшій тюрьму ;
Что предаваться увлеченьямъ
Не смѣетъ онъ, и на себя
Глядитъ герой мой съ сокрушеньемъ,
И мыслить : чортъ возьми тебя,
Камковъ ! ты никуда не годенъ.
Вотъ, погляди, мужикъ сей рабъ
И такъ здоровъ, а ты свободенъ,
И непростительно такъ слабъ.
Да я бѣ дрова колоть, да я—бѣ
Таскать тебя заставилъ воду,
Чтобъ ты здоровую свободу
Благословлялъ.

Ну словомъ мой
Герой всталъ лѣвою ногой.

Такъ онъ хандрилъ. — Конечно это
 Хандра минутная была,
 Но иногда она веда
 Его къ стихамъ; произвела
 Его для многихъ въ чинъ поэта,
 Хоть элегическихъ стиховъ
 Своихъ терпѣть не могъ Камковъ.

Блаженъ, кто съ раннею зарею,
 Или къ полуденной порѣ,
 Проснувшись съ свѣжей головою,
 Не спросить: что-то на дворѣ?
 Какая-то теперь погода?
 Кому и счастье и природа
 Равно всегда благоволятъ;
 Кто сильно молодъ, иль богатъ;
 Кому въ минуты пробужденья,
 Мечта пророчить наслажденья,
 Поеть ему: ты мой женихъ,
 Сердечный, милый, ненаглядный,
 Тебя на крыльяхъ золотыхъ
 Я увесу въ чертогъ нарядный:
 Тамъ посреди зеркальныхъ стѣнъ
 Я проведу тебя украдкой
 И положу въ истомѣ сладкой
 У трепетныхъ ея колѣнъ.
 Или поеть: мой другъ, сегодня
 Лети на биржу, да бери
 Съ собою акцій пукъ, да ври
 Безсовѣстнѣй какъ можно, и
 Авось для праздника Господня
 По прежнему кого-нибудь
 Я помогу тебѣ надуть,
 И будешь ты богаче в двое
 И разжирѣешь на покоѣ.

Или поеть; начальникъ твой
 Тебѣ сегодня улыбнется...
 Не даромъ у тебя такъ бьется
 Сердчишко; ты, любимецъ мой;
 Повѣрь, что у слѣпой Фемиды
 Есть на тебя большіе виды,

И наканунѣ имяннѣ
Къ тебѣ слетитъ желанный чинъ.

И такъ друзья, блаженъ, кто грѣшенъ
Безъ ссоры съ золотой мечтой;
Кто ласкою ея утѣшенъ,
Тотъ вѣрно лѣвою ногой
Не встанетъ съ утренней постели,
Не скоро сброситъ свой халатъ,
И на морозы, ни мятели
Его блаженства не смутятъ.

Камковъ недолго оставался
Въ своемъ халатѣ, потому
Что было некогда ему.
Онъ брился, мылся, одѣвался:
Ну, словомъ, выѣхати спѣшилъ:
Едва-едва онъ не забылъ,
Что ровно въ десять начинался
Урокъ, что цѣлый пансіонъ
Дѣвицъ учить обязанъ онъ;
Что ученицы молодыя
Нетерпѣливы, что дныя
Съ утра долбятъ: Платонъ, Сократъ,
Периклъ, Софоклъ, Алквїадъ,
И такъ долбятъ, и такъ спѣшатъ,
Что даже, не доѣвши булки
За чаемъ, посовали ихъ
Въ кармашки фартучковъ своихъ;
Камковъ, какъ вижу я, прогулки
Въ Афины съ ними соверщаль,
Ихъ юность въ древность посвящаль.

Вотъ мой герой напился чаю,
И не въ Афины ѣдетъ, — онъ
На Ванкѣ ѣдетъ къ Ермолаю
Въ вышерѣченный пансіонъ,
Туда, гдѣ помавая бровью,
Не разъ онъ съ жаромъ говорилъ,
Гдѣ платонической любовью
Двѣ-три шалуны заразилъ,
И тѣмъ заставилъ ихъ смириться,

Сидѣть прямѣе, не болтать,
За нимъ въ Элладу улетать,
И чуть не взапуски учиться.

Увы! подсиѣжные цвѣты,
Прощайте!.. выросла крапива,
Дурманъ, цикорій, хмѣль для пива;
Деревья, травы и кусты
Уже блестятъ въ нарядахъ лѣта, —
Прощайте дѣтскія мечты!
Вы позабыты въ шумѣ свѣта
Подъ вѣяньемъ житейскихъ грозъ,
Страстей, борьбы, заботъ и слезъ.

Изъ пансіона къ молодому
Барону ѣдетъ мой Камковъ,
(Хоть онъ и не совсѣмъ здоровъ);
Но къ баронессѣ, даже къ дому
Ея, невольно какъ-то онъ
Привыкъ, замѣтно окружонъ
Предупредительнымъ вниманьемъ
Хозяйки: — могъ онъ тамъ курить,
Входить въ гостиную, — смѣшнить,
Пугать хандрой, иль отрицаньемъ
Житейскихъ всякихъ пустяковъ.

Такъ незамѣтно мой Камковъ
Сталъ баронессѣ тѣмъ пріятель,
Что былъ и простъ и непонятель:
Ей нравиться не прилагалъ
Онъ ни малѣйшаго старанья,
А потому и привлекалъ.
Ея намеки иль признанья
Полушутливыя (давно
Другой бы повлялъ ихъ: одно
Изъ нихъ мы слышали на балѣ)
Его нисколько не смущали;
Ея пріязнь онъ принималъ
За симпатію убѣжденій;
Другихъ же тайныхъ побужденій
Покуда не подозрѣвалъ.

Такъ ѣздя на урокъ съ урока,
 Въ наукѣ жизни не далеко
 Ушолъ ученый мой поэтъ ;
 Но, говорятъ, кто съ юныхъ лѣтъ
 Нѣмецкой мудростью напудривъ,
 Не можетъ быть не цѣломудривъ.

Попробуйте вообразить,
 Положимъ Гегеля — Фоблазомъ,
 Иль Канта — Казаповой, — разомъ
 Поймете вы, что совмѣстить
 Такіе типы высшій разумъ
 И тотъ не въ силахъ. Только бракъ
 И можетъ сочетать съ вакомкой
 Философическій колпакъ ;
 И если кофе и табакъ
 Сольются запахами, — смолкой
 Ихъ духъ не выкурить никакъ.

Не странно ль! — Эти замѣчанья,
 Позднѣй, въ часъ горькаго признанья,
 Отъ самаго Камкова я
 Подслушалъ. — Самаго себя
 Онъ не щадилъ нисколько. Съ этимъ
 Глуменьемъ надъ самимъ собой
 Онъ былъ (мы отъ себя замѣтивъ)
 Гамлетомъ съ русскою душой.
 И вспомнимъ кстати, что Гамлета
 Тургеневъ громко оевисталъ.
 Но кто же, кто имъ не бывалъ
 Изъ тѣхъ, кто мыслить и страдалъ,
 Кто работнино не склонялъ
 Колѣвъ предъ идолами свѣта,
 Кто сердце честное лопалъ
 Объ ихъ желѣзныи пьедесталъ,
 И кончилъ тѣмъ, что притворился
 Юродивымъ, или смирился.

Отъ баронессы мой герой
 Спѣшилъ обѣдать то въ кофейной,
 То у друзей, или домой
 Летѣлъ забиться въ уголь свой,

Заняться новой книжкой Гейне, и прочесть еще раз
 Прочесть романа свѣжій томъ, иль углубиться надъ трудомъ
 Иль углубиться надъ трудомъ Историка. — Все, отъ Гибона
 До современнаго Прудона, — Онъ все читалъ, какъ-будто медь
 Изъ нихъ высасывалъ. — Но тотъ, Кого считалъ онъ великаномъ,
 Кто въ черепѣ своемъ вмѣщалъ Весь мѣръ, хотя и прикрывалъ
 Философическимъ туманомъ Зерно идей своихъ, — чей взоръ
 Въ границахъ отыскалъ престоуръ; Нашолъ, что духъ всему основа,
 Для малаго и для большаго, Для зла и для добра, — и то,
 Что абсолютное ничто. Всему есть вѣчное начало;
 Ну, словомъ, Гегель для него Былъ первый другъ и зашвало.
 Изъ отвлеченностей его Онъ много разныхъ истинъ вывелъ,
 И даже — чуть не оплѣшивѣлъ.

О! часто думалъ я, — родился Камковъ мой въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ,
 Въ философическую высь Ушолъ бы мой герой, и нынѣ,
 Быть можетъ, въ парикѣ, въ очкахъ, Шумѣлъ бы съ кафедры — писалъ бы
 Трактатъ ученый, — издавалъ бы Въ ста двадцати пяти частяхъ
 Иль выпускахъ свои творенья; Въ нихъ разрѣшилъ бы всѣ сомнѣнья,
 Доволенъ былъ бы самъ собой; Своей дешевою сигаркой,
 Сентиментальною кухаркой, Или кухаркою женой,
 Своимъ уютнымъ, скучнымъ домомъ, И докторскимъ своимъ дилломомъ,
 И былъ бы счастливъ.

Въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ, въ Геттингенѣ.

— Не таконъ, — онъ такъ говорилъ.

Былъ мой талантливый Камковъ,
Онъ радъ былъ день и ночь трудиться,
Но увѣрялъ, что не годится
Въ московскіе профессора;
И увѣрялъ, что самъ предвидитъ,
Какъ ничего, изъ подъ мѣра
Его, хорошаго не выдетъ.

Я, говорилъ онъ: — «я похожъ
На скрипача. Едва начнешь
Играть въ своей каморкѣ тѣсной
Какой-нибудь концертъ, — едва
Смычокъ, струна и голова
Сольются въ музыкѣ чудесной,
Какъ вдругъ какой-нибудь соедъ,
Больной подагрой или чахоткой,
Стучится за перегородкой,
И вамъ кричить: «Эхъ мочи нѣтъ,
Мнѣ ваша скрипка спать мѣшаетъ!»
И вотъ чувствительный скрипачъ
Отъ струнъ смычокъ свой отрываетъ
И въ вѣжномъ сердцѣ ощущаетъ
Такую злобу, что хоть плачь.

Вотъ ночь проходить. Солнце всходитъ.

На скрипача опять находить

Охота къ солнцу улетѣть

И вотъ опять смычкомъ онъ водить,

И вотъ ужъ гимны сталъ онъ пѣть:

Чу! кто тамъ? — Отъ хозяйки Протка:

За чѣмъ ты? — Начали говѣть

И просятъ погодить немножко,

Недѣлку эту не скрипѣть;

И вспомнилъ онъ, что и намѣдн

Его просили не играть

За тѣмъ, что цопъ прошолъ къ обѣднѣ.

Что дѣлать бѣдняку? Искать

Другое мѣстопробыванье

Иль оказать непослушанье;

А такъ-какъ робость на него

Нашла, что выгонять его

Съ квартиры на морозъ безъ денегъ, —

Карманъ—то видно былъ пустенекъ, —
 То вы изъ этого всего
 И выводите заключење.»

Камковъ былъ мастеръ на сравненя ;
 Онъ вѣроятно испыталъ,
 Что значуть камни преткновеня
 И съ видомъ остряка желалъ
 Передъ друзьями оправдаться,
 Но онъ отъ этаго, признаться,
 Ни выигралъ, ни проигралъ.

Чудакъ! писалъ бы да писалъ,
 И вѣрно бы не хуже многихъ
Судей рѣшительныхъ и строимъ ()*
 Къ намъ въ просвѣтители попалъ.
 Чего ему не доставало ?
 Знать не было геройства ? Да,
 Такого свойства, госнода,
 Въ моемъ героѣ было мало,
 А безъ геройства, чортъ возьми,
 Какъ трудно вѣдаться съ людьми !

Уроки, чтение, споры, Боже !
 Ужели все одно и то же ?
 Но дни бѣгутъ, какъ за волной
 Волна, сказалъ бы я въ сравненье,
 Когда бы съ русскою зимой
 Могло мое воображенье
 Себѣ представить волнъ теченье...
 Стояли рѣки въ берегахъ,
 Но дни къ веснѣ текли, — и ночи
 Замѣтно дѣлались короче,
 Хотя по прежнему морозъ
 Знобилъ народъ, и злбкій носъ
 Краснѣлъ порядкомъ. Но едва ли
 На то вниманье обращали

(*) Стихъ А. Пушкина.

Всѣ тѣ, кому вездѣ тепло,
Куда бы ихъ не занесло.

Пусть въ берегахъ рѣка застыла
И снѣгу много намело,
Москва попрежнему кутила
Природѣ пасмурной на зло.
Въ сердцахъ, по милости лохматыхъ
Шкуръ, содранныхъ съ лисицъ, волковъ,
Медвѣдей, котиковъ, бобровъ,
Звѣрей, ничѣмъ невиноватыхъ,
По милости печей и дровъ,
Играла кровь, вставала страсти,
Просили счастья, денегъ, власти,
И волновались зимой
Еще сильнѣе, чѣмъ весной,
Однимъ на смѣхъ, другимъ на горе.

И вотъ печальной волной
Страстей волнуемое море
Плеснуло даже на него...
Да-съ, на героя моего
Оно плеснуло. Онъ забылся, —
Не остерегся и влюбился,
Какъ вѣкій отрокъ. Но въ кого?
Вопросъ, — ужели въ баронессу?
Чтожъ развѣ это мудрено:
Ей двадцать девять слишкомъ, но
Она свѣжа, она повѣсу
Любого можетъ вдохновить
И сонъ блаженства подарить.
И этому Бальзакъ нисколько
Не удивился бы. Отецъ
Тридцатилѣтнихъ дамъ на столько
Зналъ глубину людскихъ сердець,
Что зрѣлыхъ женщинъ страсти зрѣлой
Онъ отдалъ пальму первенства
Передъ волненьями едва
Не плачущей, въ любви не смѣлой,
Неловкой дѣвушки. Онъ зналъ
Конечно для кого писалъ.
Камковъ и самъ былъ почитатель

Большой Бальзака, — для него
 Онъ былъ съ достоинствомъ писательнаго таланта
 Но не оракулъ, отъ того
 Быть можетъ, что въ его натурѣ
 (Равно какъ и въ его фигурѣ)
 Вы не нашли бы ничего
 Французскаго. Камковъ повѣсой
 Увы! ни разу не былъ,
 Поэтому, друзья мои,
 Не могъ плѣниться баронессой:
 Онъ къ пей привыкъ, и такъ сказать
 Ужъ слишкомъ началъ уважать
 Въ пей умъ и сердце, а извѣстно
 Какъ это чувство неизвѣстно
 Тамъ, гдѣ великій самодуръ
 Шалить и тѣшится Амуръ,
 Амуръ, и мой Камковъ! признаться,
 Довольно странная игра
 Судьбы, но мнѣ давно пора
 Судьбѣ ни въ чемъ не удивляться.

1861 г.

М. КОЛОМСКІЙ

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА X.

Не дай ей впасть во грѣхъ, который я свершила,
Ея невинность вѣчную лелѣй;
О! лучше во сто кратъ холодная могила,
Чѣмъ низкій жребій мой, во цвѣтъ юныхъ дней!»

-Отверженная-

Отчаяніе мрачнымъ облакомъ сгустилось надъ ними; изрѣдка грозная тишина тупаго страданія прерывалась рѣзкимъ свистомъ бурнаго вѣтра, который служилъ унылымъ предзнаменованіемъ того, чѣмъ могла, чѣмъ должна была разразиться эта собирающаяся буря. Въ тяжкія времена насъ нерѣдко утѣшаютъ народныя поговорки и пословицы, и мы съ нѣкоторой отрадой повторяемъ эти знакомыя старыя слова, всенцію праотцевской мудрости, въ родѣ того что «изтъ худа безъ добра», «у всякой дорожки свой поворотъ», «всему приходитъ конецъ», и такъ далѣе. Но въ настоящемъ случаѣ тяжолыя времена уже такъ долго, такъ неумолимо тяготѣли надъ бѣднымъ населеніемъ, что подобныя поговорки казались бессмысленными и утратили всю свою прелесть. Бѣдняки погружались все больше и больше въ безвыходную нищету. Удивительна живучесть челоуѣка, если подумаемъ какъ немногіе (сравнительно) перемерли за это время, тогда какъ жизнь была имъ такъ трудна, такъ долго, долго морила ихъ. Но вспомнимъ, что смерть

тогда только поражаетъ насъ, когда выхватываетъ изъ общества людей крѣпкихъ, годныхъ къ труду; престарѣлыхъ, хворыхъ и дѣтей мы почти несчитаемъ въ чужь. Но мало ли остается послѣ нихъ осиротѣлыхъ сердець, которые годами еще не успѣютъ оплакать всѣ свои потери. Вспомнимъ также, что хотя очень много нужно времени, чтобы окончательно уморить крѣпкаго человѣка страданіями и лишеніями, но вовсе не такъ много для того, чтобы нормальное, существо полное жизни и благородныхъ способностей оборотить въ хилое, немощное, безучастное созданіе, съ жолчнымъ сердцемъ и изнеможенной плотью продолжающее свое незавидное существованіе.

Бѣдники считали прошедшіе года очень тяжелыми, и тогдашняя судьба ихъ казалась имъ горькою; но этотъ годъ принесъ имъ несравненно худшіе дни.

На долю Бартона конечно выпало также не мало физическихъ страданій. Передъ путешествіемъ въ Лондонъ, понапрасну отнявшимъ у него дорогое время, онъ имѣлъ уже немного работы; но тогда, въ надеждѣ на скорую перемену къ лучшему, вслѣдствіе вмѣшательства парламента, онъ не призадумался отказаться отъ этого мѣста. Теперь же, когда онъ снова сталъ просить работы, ему отвѣчали, что на фабрикахъ и такъ каждую недѣлю уменьшаютъ число рабочихъ, и дали ему замѣтить между прочимъ, что еслибы и потребовались новые работники, то фабриканты стали бы выбирать ихъ конечно не изъ числа чартистовъ и не изъ дѣйствительныхъ членовъ-предводителей Торговаго Общества. Бартонъ все еще держался молодцомъ и старался не падать духомъ. Онъ зналъ, что голодь ему ни почемъ, потому что привыкъ переносить его еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда мать откладывала свою порцію насущнаго хлѣба, съ тѣмъ чтобы раздѣлить ее потомъ между дѣтьми; и самъ онъ, въ подражаніе ей, смѣло произносилъ благородную ложь, что «сытъ и не можетъ больше проглотить ни куска»; и тогда его частица передавалась въ руки младшихъ членовъ семьи, неразумно плакавшихъ отъ голоду. Мери была обезпечена у миссъ Симмондсъ, гдѣ ее кормили два раза въ сутки; однако добрая модистка также не избѣгла вліянія трудныхъ обстоятельствъ и принуждена была отказать своимъ швейцъ въ обычной порціи вечерняго чая; впрочемъ она лично подавала имъ примѣръ воздержанія, откладывая свою вечернюю трапезу до того времени, когда швей расходились по домамъ, какъ бы это ни было поздно.

Но квартира! Въдѣ за Мее надо было платить поироны въ недѣлю — почти весь заработокъ Мери — а зачѣмъ имъ такое большое помѣщеніе? Въдѣ ихъ всего только двое. — Да, пришло время благодарить Бога за то, что онъ раньше прибралъ остальныхъ и не далъ имъ дожить до этой крайности. Хлѣбонашцы и вообще поселавы сильно привязываются къ мѣсту своего жительства; но огорожахъ этаго нельзя сказать. Однако есть исключенія, и къ числу ихъ принадлежалъ именно Бартонъ. Онъ поселился въ этомъ домѣ тотчасъ послѣ смерти своего малютки Тома; тогда онъ вздумалъ перемѣнять квартиру, для того, чтобы хлопотами и новыми заботами развлечь свою обезумѣвшую отъ горя жену; да и самъ онъ по этой причинѣ принялъ такое дѣятельное участіе въ перестановкѣ и отдѣлкѣ разныхъ мелочей, какого вѣроятно при иныхъ обстоятельствахъ не удостоилась бы отъ него никакая квартира. За то въ этомъ жилищѣ зналъ онъ каждый гвоздикъ и крючекъ, прикрепленный когда-то для удобства бѣдной жены. Одинъ только гвоздикъ и былъ вынутъ съ той поры: то былъ гвоздикъ, на который Эсэиръ вѣшала свои хорошенькія шляпки и который послѣ смерти жены онъ съ жолчнымъ чувствомъ выдернулъ изъ стѣны и выбросилъ на улицу.

Тяжко было бы теперь выбираться изъ этаго дома, освященнаго дорогими воспоминаніями о прошломъ счастіи. Но признавъ что-либо нужнымъ и разумнымъ, Бартонъ поставлялъ для себя закономъ исполненіе такой обязанности, и хотя подобный самодѣльный законъ бывалъ подѣ часъ очень тяжолъ и обременителенъ, Бартонъ за этимъ не стоялъ.

Онъ рѣшилъ немедленно предупредить управляющаго о сдачѣ своей квартиры и объявить дочери о перемѣнѣ. Бѣдная Мери! Она также привязалась къ дому, и сердце перевернулось въ ней при мысли разстаться съ нимъ. Скоро ли еще привыкнетъ это сердце къ другому очагу!

Но нѣтъ, эта чаша пршла мимо. Въ тотъ самый поведѣльничій, въ который Бартонъ положилъ предупредить управляющаго, этотъ послѣдній самъ отъ себя понизилъ цѣну за квартиры на три пенса въ недѣлю, т. е. ровно настолько, чтобы соблазнить Бартона остаться на старомъ мѣстѣ.

Но мало по малу квартира лишилась всѣхъ своихъ маленькихъ украшеній. Иныя вещи переломались отъ времени, а починить ихъ было не на что, потому что каждая полушка шла на необходимую насущную пищу. Другія вещи начали исчезать изъ дому еще болѣе

положительнымъ образомъ, такъ какъ Мери относилъ одну за дру-
вою вкладывать роотовику.

Восписной подносъ и яркій чайный ларецъ, такъ долго и тща-
тельно сохраненные, ушли туда же, на хлѣбъ отцу. Онъ этого не
просилъ и не требовалъ, но она видѣла, что онъ покладаетъ, по осу-
нувшемуся лицу, по беспокойному выраженію его глазъ, лихора-
дочно горѣвшихъ. Потомъ она спустила съ рукъ одѣяла, потому что
время было лѣтнее и особой нужды въ нихъ не было; вырученныя
за нихъ деньги составили изрядную маленькую сумму, и Мери на-
дѣялась, что она протянется до тѣхъ поръ, пока судьба ихъ нѣсколь-
ко облегчится. Но деньги скоро вышли, и она снова стала осматри-
вать комнату, нища въ ли чего лишняго. На все это отецъ не ока-
залъ ни одного слова. Постился ли онъ, или нировавъ (послѣ прода-
жи какой-нибудь вещицы) актренимъ кускомъ хлѣба и сыра, ему
была повидимому все равно, и это угрюмое равнодушіе страшно
таготило сердце Мери. Она часто думала, отчего бы ему не обра-
титься въ поочтенительному комитету о бѣдныхъ, и дивилась, что ком-
мерческій клубъ ничѣмъ не помогалъ ему. Однажды, когда онъ цѣл-
ый день просидѣлъ безъ пищи у намина, худой, набитый, въ
вѣскоф одѣждѣ и съ какими-то дикими и воспаленными глазами, она
спросила его, почему онъ не похлопочетъ о вспоможеніи изъ город-
ской кассы; онъ обернулся и, бросивъ на нее жолчный, свирѣпый
взглядъ, оказалъ: «не нужно мнѣ ихъ денегъ, Мери! Чортъ побори
ихъ деньги и благодѣянія! Мнѣ надо работу, я имѣю на нее право.
Работу мнѣ надо!»

Онъ оказалъ себѣ, что все стерпитъ, все вынесетъ. И точно
сносилъ; но безъ всякой кротости; этаго уже нельзя было и ожидать.
Настоящею кротостію обладаютъ только тѣ люди, которые видѣли
много доброты и участія отъ своихъ ближнихъ. А Бартому не часто
приходилось подвергаться такому примирительному вліянію. Но не
смотря на крайнюю нищету, онъ упорно отказывался отъ вспоможе-
нія, которое предлагалъ ему коммерческій клубъ. Правда, что клубъ
этогъ давалъ немного — и давать ему было не изъ чего, но за то, пре-
мудро-взирая на житейскія дѣла, онъ рѣшилъ оказывать вспоможе-
ніе только самымъ благонадежнымъ членамъ общества, т. е. самымъ
энергичнымъ и дѣятельнымъ; а не тѣмъ, которые болѣе нужда-
лись.

Не такъ разсуждалъ Джонъ Бартоу. По его мнѣнію нужда
равнялась законному праву.

— Отдайте мою долю Тому Дербишейру, говорилъ онъ. Онъ больше моего имѣетъ правъ на помощь, потому что ему нужнее: у него семеро дѣтей.

Надо знать, что Томъ Дербишейръ былъ рѣшительнымъ недоброжелателемъ и изподтишка врагомъ Джона Бартона, и Джонъ зналъ это; но въ настоящемъ случаѣ что за дѣло? Теперь не время было входить въ такія мелочи.

Мери по прежнему рано уходила на работу; но дѣвушки, товарищи ея, замѣчали, что давно уже не слышно въ швейной комнатѣ ея звонкаго, веселаго смѣха. Мысли ея тоскливо летали надъ картинами настоящей нищеты, но по мѣрѣ того, какъ иголка правильно передвигалась въ ея рукахъ, мысли группировались вокругъ отрядныхъ картинъ будущаго; она всею душой предавалась мечтамъ о предстоящемъ ей богатствѣ, о роскоши и суетныхъ забавахъ, и едва, мимоходомъ, задумывалась о любимомъ человѣкѣ, который раздѣлитъ съ нею все это. Однако же она гордилась мыслью, что привлекла вниманіе человѣка, поставленнаго въ обществѣ на столько выше ея; она тайнѣ наслаждалась сознаніемъ, что онъ, окруженный такимъ блескомъ, избалованный всеобщею любовью и похвалами, не разъ говорилъ, что готовъ отдать все на смѣхъ за одну ея улыбку. Любовь ея къ нему была не болѣе, какъ пузырь, вадутый тщеславіемъ; но на видъ любовь эта казалась очень правдоподобною и горячею. Салли Ледбиттеръ между тѣмъ терпѣливо выжидала у моря погоды; она уже замѣтила, что Мери начинаетъ цѣнить деньги, какъ великое средство къ жизни; а мало ли дѣвушекъ пошло на эту золотую приманку, не ощущая даже ни капли той увлекающей страсти, которая по ея мнѣнію наполняла уже сердце Мери. Въ дѣствіе этого она постоянно подстрекала молодаго мастера Каренса повесть дѣло порѣшительнѣе, въ особенности напирала на крайнюю бѣдность Мери. Но онъ какъ-то инстинктивно остерегался оскорбить ее намекомъ на эту бѣдность, зная, что далеко не одна она страдаетъ отъ такого положенія дѣлъ. Онъ чувствовалъ, что покамѣстъ довольно и этихъ встрѣчъ, этихъ нечаянныхъ прогулокъ въ длинные лѣтніе вечера и довольствовался покамѣстъ тѣмъ, что напопытывалъ ей сладкія рѣчи и заставлялъ ея щеки вспыхивать, а губки улыбаться и сіять миловиднѣйшимъ счастьемъ. Да, нужна осторожность, чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли. Такъ или иначе, — Мери неминуемо будетъ принадлежать ему. Онъ никакъ не сомнѣвался въ своихъ личныя преимуществахъ и въ привле-

кательности своей особы: сознавая себя очень красивымъ, онъ полагалъ, что онъ изобразимъ.

Если бы онъ видѣлъ или зналъ, что такое внутренній бытъ Бартоновъ, онъ конечно не сталъ бы приписывать влиянію своихъ личнѣхъ достоинствъ той готовности, съ которою Мери соглашалась теперь проводить съ нимъ на улицѣ тихіе лѣтніе вечера. Возвращаясь на ночь домой, Мери часто не заставала тамъ отца, а самая квартира далеко уже не представляла теперь того веселѣлаго и пріятнаго вида, какъ въ прежнія времена: давно прошло для нея то время, когда не жалѣли ни мыла, ни щетокъ, ни штукатурки, ни политуры для приведенія ея въ надлежащій порядокъ. Квартира была грязна и безпріютна, тѣмъ болѣе, что ее не оживляла даже и обычный, безмолвный другъ дома, каминный огонекъ. Маргарита приходила рѣдко, потому что теперь ее очень часто приглашали пѣть въ концертахъ, и она разтѣжалась по великолѣпнымъ домамъ. А Алиса? О, какъ Мери жалѣла, что Алиса покинула свой подвалъ и переселилась въ Энкотсъ къ невѣсткѣ! А Мери была очень виновата по этой части: она все откладывала, да откладывала своей визитъ ко вдовѣ Джоржа Вильсона, со страху встрѣтиться съ Джемомъ или подать ему видъ, будто хочетъ оставаться съ нимъ на той же короткой ногѣ, какъ и прежде; и ужъ такъ давно не посѣщала она Энкотса, что ей было ужасно совѣстно, и она вовсе не хотѣла ходить туда.

Когда отецъ бывалъ дома, то дѣло выходило ни чуть не лучше, а даже хуже. Онъ рѣдко говорилъ, рѣже чѣмъ когда либо; а когда начиналъ говорить, то у него вырывались большею частью жесткія, грубыя выраженія, которыхъ Мери никогда не слыхивала прежде. Она была вспыльчива и также рѣзко отвѣчала ему. Одинъ разъ, въ припадкѣ гнѣва, онъ даже ударилъ ее. Случись въ эту минуту подъ рукою Салли Ледбиттеръ или мистеръ Карсонъ, Мери была бы готова навсегда покинуть родительскій кровъ. Отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ, а она осталась одна, вспоминая о давно прошедшихъ дняхъ семейнаго счастья и тишины; она сидѣла и раздумывала, что напрасно погорячилась съ отцомъ, потомъ разсудила, что должно быть отецъ уже не любить ее. Одна горькая мысль приходила за другою и заволакивала ее смущенное сердце. Кто же ее любить теперь? Можетъ быть мистеръ Карсонъ; но только это какъ-то неутѣшительно въ минуту настоящей печали. Мать лежитъ въ сырой землѣ! Отецъ сталъ такой сердитый, а вотъ сегодня и жесто-

кій (потому что ударъ былъ силенъ, и нижняя часть Мери раскрасилась отъ боли). Тутъ сердце ея сжалось, она стихла и начала припоминать, что въ последнее время она сама нерѣдко дразнила его своими взглядами и отвѣтами, а бѣдному отцу и такъ не сладко; а прежде, какъ онъ былъ добръ и нѣженъ къ ней! Одно за другимъ столпились передъ ней воспоминанія о разныхъ проявленіяхъ его родительской любви, и она не могла надивиться, что ее понудило такъ дурно обращаться съ нимъ.

Онъ воротился домой. Если бы не стыдъ, она бы тотчасъ высказала ему все свое раскаяніе. Но, усиливаясь скрыть свое волненіе, она казалась угрюмою, и отецъ нѣсколько минутъ не зналъ, какъ подступиться къ ней. Наконецъ онъ поборолъ свою гордость и сказалъ:

— Мери, признаюсь, что мнѣ очень жаль, что я тебя приблизилъ. Ты меня вывела изъ терпѣнія, да и самъ я уже не тотъ человекъ, что былъ прежде. Но все-таки я напрасно это сдѣлалъ и постараюсь никогда больше не задѣвать тебя подъ сердитую руку.

Онъ протянулъ къ ней руки, она бросилась въ его объятія и съ горькими слезами покаялась въ своихъ ошибкахъ. Онъ дѣйствительно съ тѣхъ поръ ни разу не ударилъ ее.

Но сердился онъ все также. А для Мери его гнѣвъ былъ все же легче угрюмага молчанія. Потомъ онъ сѣлся къ камину (чисто по привычкѣ, потому что огня не было) и курилъ или жевалъ опиумъ. О, какъ ненавидѣла Мери запахъ этого опиума. А по вечерамъ, уже къ самой ночи, она боязливо поглядывала на окна, лицевонныя теперь всякихъ сторъ и занавѣсовъ: тамъ нерѣдко видѣлись ей такіе виды, отъ которыхъ духъ занимался и спать наверху было жутко. То были блѣдныя, изхудалыя лица съ блестящими, впадыми глазами, которыя съ темнаго двора въ окно разглядывали еще болѣе темную комнату Бартона, чтобы удостовѣриться, дома ли онъ. Иногда въ полурастворенную дверь кухни всовывалась снаружи одна только рука, остальнаго тѣла не было видно, и безмолвнымъ жестомъ приглашала Бартона куда-то идти. Онъ тотчасъ вставалъ и уходилъ. А разъ или два, когда Мери была уже въ постели, она слышала съ верху горячій шопотъ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ.

То были отчаянные члены коммерческаго клуба, на все готовые и доведенные до этой крайности нищетою.

Всѣ эти перемѣны и глухая буря, собиравшаяся вокругъ, свинцовою тяжестью ложились на сердце Мери и заставляли ее крѣпко

задумываться! Однажды вечером отецъ внезапно спросилъ ее, давно ли она навѣщала Джима Вильсона. Тогда его вопроса ясно показывалъ, что онъ былъ тамъ; но когда бытъ — оставалось неизвѣстнымъ, потому что онъ ни разу не упоминалъ объ этомъ. Теперь же онъ рѣзко приказалъ ей непремѣнно идти туда на слѣдующій день и еще грубо выбранилъ за то, что она давно не ходила. Это обстоятельство дало Мери необходимый толчекъ для возобновленія сношеній съ Вильсонами, и на другой день, рассчитавъ въ какіе часы Джимъ навѣрное не бываетъ дома, она пошла вечеромъ въ Эжмотъ.

Наружность знакомаго дома сильно поразила ее: дверь, въ прѣжнія времена гостепріимно растворенная настежь, теперь была заперта. Комнатныя растения на окнахъ, составлявшія нѣкогда предметъ самыхъ нѣжныхъ попеченій и гордыхъ радостей Джоржа Вильсона, завяли и казались изнуренными. Они долго стояли безъ поливки, а потомъ, когда вдова опомнилась и сознала такое упущеніе, она, въ припадкѣ раскаянія и любви, и въ совершенномъ невѣденіи ихъ настоящихъ потребностей, стала поливать ихъ безпрестанно. Отворивъ дверь, Мери увидѣла Аллсу, которая не суетилась по комнатѣ въ мелкихъ хлопотахъ, какъ въ былыя времена, а сидѣла съ вязаньемъ у огня. Въ комнатѣ было жарко, хотя огонь едва теплился въ стѣрыхъ угольяхъ, облитыхъ горячими лучами заходящаго солнца. Мистрисъ Вильсонъ прибирала посуду и, тихо ходя взадъ и впередъ, все время говорила, но какъ-то жалобно и съ возгласами. Мери нѣсколько минутъ не могла вникнуть, что она такое говоритъ; наконецъ ей стало ясно, что долгое ея отсутствіе замѣтили, толковали о немъ, а теперь недовольное лицо печальной мистрисъ Вильсонъ обѣщало Мери впередъ порядочный нагоняй.

— Батюшки мои! Мери, ты ли это? начала она. Вотъ ужъ никакъ не ожидала! И кто бы могъ подумать? Я думала, ты ужъ вовсе насъ позабыла. А Джимъ частенько говоритъ, что если встрѣтитъ тебя на улицѣ, то пожалуй и не узнаетъ.

Бѣдная Джими Вильсонъ перенесла много горя, и печаль ея выражалась теперь постоянною брюзгливостью и нервозностью характера. Ей хотѣлось порядкомъ душить Мери, до какой степени она считаетъ себя оскорбленною ея невниманіемъ, и думала, что всего лучше подкрѣпить свои подирека, приписать Джиму свои собственные горючія рѣчи изъ ея сноты.

Мери чувствовала себя виноватою в доннахъ двѣхъ сприндацѣхъ или хоть сколько-нибудь годныхъ отговорокъ, и потому стояла молча, очень скромно и тихо; потомъ она обратилась къ тетѣ Аленѣ, — потрясая въ попыткахъ, вколыхив ей на встрѣчу, уродлива и глубоко шерстя на пость и теперь занималась спасеніемъ пряжи: отъ вѣрной логи бѣли, потому что потевомъ успѣвъ уже завладѣть и глубоко въ обернулъ нитку по одному разу вокругъ каждаго стула и два раза вокругъ понакъ стола.

— Говори громче, если хочешь, чтобы она тебя разслышала, сказала мистрисъ Вильсонъ. — Она совсѣмъ оглохла въ ноелднее время, ужъ не знаю сколько времени; какъ оглохла, я бы и сказала тебѣ, да не помню много ли недѣль ты здѣсь не бывала.

— Да, душечка, я стала очень туга на ухо, сказала Аліса, тотчасъ догадавшись о чемъ идетъ рѣчь. — Видно ужъ конецъ мой приходить.

— Полно ты говорить такія вещи! вскричала ея невѣстка. Кажется довольно было у насъ всякихъ концовъ и смертей, что еще то накликать! Она закрыла лицо передникомъ, съѣла и заплакала.

Мало по малу она стихла, и, выглядывая на Мери изъ за передника, заговорила сивозъ слезы: Какой онъ былъ мужъ-то, кабы кто зналъ! Никто, никто не можетъ себѣ представить, какова моя потеря, потому что никто не зналъ его, какъ я.

Живѣйшее участіе, написанное на лицѣ растроганной Мери, окончательно смягчило наболѣвшее сердце Джени и побудило ее къ дальнѣйшимъ изліаніямъ горести.

— О, Боже мой, Боже! Конечно, кому жъ понять мою потерю! Когда умерли мои крошки, я думала, что Господь излилъ на меня величайшія испытанія и что хуже не можетъ быть. Никогда мнѣ и на умъ не приходило, чтобы потерять Джоржа; я не думала, чтобы можно было пережить его. И вотъ я здѣсь, а онъ...

Новые потоки слезъ прервали ея слова.

— Мери, начала она оиать чрезъ нѣсколько минутъ; — слыжала ли ты, какад я была неверачная и дранная, когда онъ на мнѣ женился? А оиъ-то какой былъ красавецъ! Ужъ на это Джемъ дороише теперь, а отецъ не въ примѣръ былъ лучше его въ эти годы.

— Да, Мери, слыжала объ этомъ и отвѣчала утвердительно. Не воспоминаія бѣдной вдовы пробудились съ такою силой, что она не могла удержаться отъ разсказовъ и продолжала говорить, томъ двѣ

до прерываю, свернувшись водоками, «слованъ», и печально качаю голову.

— Ничего волнѣе не было особеннаго, мне знало ужь, за что онъ именно меня выбралъ. До того случая съ колесомъ я еще была туда и сюда, а ужь послѣ случая рѣшительно никуда не годилась. И въ это же самое время Бесси Уинтеръ ужасно за нимъ ухаживала, такъ что кажется готова была все на свѣтъ за него отдать. Она послѣ вышла замужъ за мистера Карсонса, потому что надо правду сказать, хороша была, хоть я тогда и не соглашалась съ этимъ. Впрочемъ, тогда мистеръ Карсонсъ былъ для насъ далеко не такой блестящей партіей; они были почти равны по состоянію. А вотъ теперь какъ оба возвысились надъ нами грѣшными.

Мери покраснѣла какъ макъ и отъ всего сердца желала скрыть это, Она желала также, чтобы мисстрисъ Вильсонъ побольше распространилась о родителяхъ ея возлюбленнаго, но сама не смѣла дѣлать вопросовъ; а мысли вдовы тотчасъ опять перенеслись къ покойному мужу и къ первому времени ихъ женитьбы.

— Я тебѣ по правдѣ скажу, Мери, хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ: въ цѣломъ свѣтѣ не было такой дуры, какъ я, на счетъ домашняго хозяйства; и онъ все-таки женился на мнѣ! Я работала на фабрикѣ почти-что съ пятилѣтняго возраста, и ничего не умѣла, ни чистить, ни печь, ни варить, не говоря уже о стиркѣ бѣлья и другой черной работѣ. На другой день послѣ свадьбы онъ пошелъ на работу послѣ завтрака, да и говорить мнѣ: за обѣдомъ, Джени, мы поѣдимъ холодной говядины съ варенымъ картофелемъ, и будетъ отлично. Мнѣ очень хотѣлось угодить ему, Богъ видитъ какъ хотѣлось. А между тѣмъ я и понятія не имѣла, какъ варится картофель. Знала что въ воду кладутъ, да кожу счищаютъ, да я только. Вотъ, убрала я кое-какъ горницу и поглядѣла на часы, на эти самые, — она указала рукою на стѣну гдѣ висѣли старинные часы; — вижу что девять часовъ, да и думаю себѣ: ну, картофель-то авось сварится къ обѣду, и принялась его чистить. Какъ ни трудно мнѣ это было, я его весь облупила, и свалила въ закрытый горшокъ; налила водой, поставила вариться, да и пошла свои ящики и картонки разбирать. Въ половинѣ перваго приходитъ мужъ; я поставила на столъ говядину и пошла за картофелемъ. И что же, Мери! Открыла врышку, а вода-то вся выкипѣла, а картофельъ свѣлой и грязной, сврое тѣсто, да такъ вонялъ, что по всему дому запахъ пошелъ. Мужъ ни слова не сказалъ и былъ все такой же маскозый; а я несла

обѣда наплакалась. И никогда, Мери, никогда я этого не позабуду. И прежде, и послѣ много на мнѣ было всякихъ грѣховъ, но ни одинъ не стоилъ мнѣ такого горя.

— Отецъ мой тоже не любитъ, когда дѣвушки ходятъ на фабрику, замѣтила Мери.

— Да, я знаю, что не любитъ, и хорошо дѣлаетъ. А ужъ послѣ-то свадьбы, какъ плохо продолжать фабричную работу, куда какъ плохо! Да вотъ, я знаю (она стала считать по пальцамъ) девять мужей отъ фабричныхъ жонъ впади въ пьянство и привыкли къ трактирамъ; и все хорошіе люди, да что за радость дѣтей отдавать кормилицамъ, а дома видѣть только грязь, да беспорядокъ, да холодныя печки безъ огня; къ такому дому кто же будетъ радѣть! Поневолю пойдешь въ трактиръ, гдѣ и чисто, и весело, и каминъ горитъ такъ ярко, какъ-будто манитъ тебя въ комнату.

Алиса, чтобы лучше разслышать, стала какъ можно ближе къ собесѣдницамъ и дѣйствительно многое поняла изъ этой рѣчи; очевидно, что невѣстки уже и прежде говорили объ этомъ предметѣ, потому что она тотчасъ подхватила:

— Вотъ, кабы нашъ Джемъ поговорилъ королевѣ о фабричной работѣ для замужнихъ женщинъ! Нечего сказать, есть чего послушать, когда онъ заговоритъ объ этомъ. Небось, его женѣ никогда не придется уходить на работу вонъ изъ дома.

— Нѣтъ, ты лучше вотъ что скажи, вмѣшалась мистриссъ Вильсонъ: — не королевѣ объ этомъ докладывать, а принца Альберта слѣдуетъ спросить, каково показалось бы ему, еслибы возвращаясь откуда-нибудь онъ не заставалъ дома своей жены, и нѣкому бы его, усталого и ослабѣвшаго, приглубить и успокоить; или вслѣдъ за нимъ притащилась бы откуда-нибудь и жена, тоже усталая да измученая; каково бы ему было тогда, коли нѣкому присмотрѣть ни за уборкой горницъ, ни за топкою печей, не говоря уже объ обѣдѣ. Какой тутъ обѣдъ, если хозяйкѣ до него дѣла нѣтъ! Да, будь онъ себѣ хоть семи пядей во лбу, да если жена угоститъ его такимъ родомъ, я голову отдамъ на отсѣченіе, что онъ пойдетъ въ трактиръ или въ какое-нибудь такое мѣсто. — Такъ что же онъ не сочинитъ закона, чтобы жоны бѣдныхъ людей не ходили работать на фабрики?

Мери осмѣлилась замѣтить, что кажется ни королева, ни принцъ Альбертъ не имѣютъ права сочинять законы, но на это мистриссъ Вильсонъ отвѣчала ей очень рѣшительно:

— Поди ты съ своими правами, кто же какъ не королева будетъ законы сочинять? А королева обявана во всемъ повинноваться принцу Альберту, потому что онъ глава. Такъ если онъ скажетъ, чтобы не смѣли! и она скажетъ, чтобы не смѣли, а тогда ужь и весь народъ скажетъ, что никогда, молъ, этого больше не будетъ.

— Джемъ идетъ отлично, сказала Алиса, которая не слыжала краснорѣчивыхъ толковъ невѣстки и все еще размышляла о своемъ племянникѣ и его разнообразныхъ талантахъ. — Онъ недавно выдумалъ еще какой-то чанъ или кранъ, не знаю хорошенько, — и хозяинъ назначилъ его теперь наибольшимъ, тогда какъ другихъ рабочихъ то и дѣло выключаетъ изъ заведенія. Но съ Джемомъ, говорить, разстаться не могу. И жалованье положилъ ему большое. Я говорю ему, что вотъ молъ скоро и женишься; да ужь онъ ли не стоить самой лучшей жены! Авось, Богъ милостивъ.

Мери сильно покраснѣла и лицо ея выразило досаду, хотя сердце ёкнуло съ радости, когда она услышала такой отзывъ о Джемѣ. Но Джени Вильсонъ замѣтила только досаду и мигомъ обидѣлась за сына. Ей не очень хотѣлось, чтобы онъ женился; присутствіе его въ домѣ какъ-то еще связывало ее съ прошедшими счастливыми днями, а къ будущей женѣ его, кто бы она ни была, Джени начинала уже ревновать. Тѣмъ не менѣе она не могла переносить мысли, чтобы кто-нибудь не цѣнилъ предпочтенія Джема; а въ томъ, что онъ предпочиталъ Мери всѣмъ остальнымъ женщинамъ въ мірѣ, она увы! была слишкомъ увѣрена. Надо признаться, что она никогда не считала Мери достойною Джема, а продолжительное ея отсутствіе въ послѣднее время еще больше возстановило противъ нея вдову Вильсонъ. По этому вдова рѣшилась даже покривить душой, чтобы только доказать Мери, что никакъ не ей выпадетъ честь быть «самой лучшей» женою для ея сына, какъ выражалась тетка Алиса.

— Да, да, не долго ему оставаться холостымъ, сказала Джени, и потомъ прибавила, понизивъ голосъ, какъ-будто по секрету, а въ сущности для того, чтобы не слышала невѣстка, которая по простодушію своему могла вѣдь и поспорить съ нею или пуститься въ объясненія.

— Скоро, Богъ дастъ, Молли Гибсонъ (дочь лавочника, что у насъ за угломъ фруктовую лавку держитъ) услышитъ одну вѣстичу, которая ей, я думаю, очень будетъ по сердцу. Она давно уже озабочкою поглядываетъ на нашего Джема, но онъ думалъ, что отецъ не

отдать ее за простаго работника. Ну, а теперь-то онъ ничѣмъ не хуже ея, и не ниже. И думала прежде, что онъ на тебя имѣеть виды, Мери; но вы кажется вовсе не пара и потому хорошо, что оно выходитъ такъ, а не иначе.

Мери съ усніемъ подавила свое волненіе и досаду, и сказала:

— Я надѣюсь, что онъ будетъ счастливъ съ Молли Гибсонъ, Она вѣдь очень хороша собой.

— О да, и такая почтительная. Я сейчасъ схожу наверхъ, и принесу тебѣ показать одѣяло, которое она мнѣ выстегала и подарила въ прошлую субботу.

Мери обрадовалась, когда она вышла изъ комнаты. Каждое слово Джени раздражало ее, и можетъ быть тѣмъ сильнѣе, что половина ея рассказовъ она не вѣрила. Кромѣ того, ей хотѣлось поговорить съ Алисою, а мистриссъ Вильсонъ, по праву безпомощной вдовы, повидимому думала, что все вниманіе должно исключительно сосредоточиться на ней самой.

— Милая Алиса, начала Мери: — какъ огорчаетъ меня ваша глухота. И какъ это скоро сдѣлалось!

— Да, душечка, по истинѣ испытаніе божеское, это вѣрно. Молю Бога, чтобы и это послужило мнѣ только блажимъ указаніемъ. Сперва-то я крѣпко опечалилась. Пошла я одинъ разъ въ поле, поискать одну травку отъ кашля для Джени; и показалось мнѣ въ полѣ что-то необыкновенно тихо и глухо. Я сначала не могла разобрать, въ чемъ дѣло; но потомъ, какъ сообразила, что не слышу птичьяго пѣнья и щебетанья, да и никогда больше не услышу, — меня горе взяло и я таки поплакала. Ну, мнѣ все-таки есть за что благодарить Бога; мнѣ кажется для бѣдной Джени я служу кой-какимъ утѣшеніемъ; ей теперь есть по крайней мѣрѣ на концѣ сердца сорвать. Бѣдняжка! Хоть побранить кого можно, ей и то легче на душѣ. А я ничего, лишь бы Господь зрѣнія не отнял, а то я угадываю глазами, о чемъ говорятъ при мнѣ.

Великолѣпное красное одѣяло съ желтыми разводами появилось на сцену, и Джени Вильсонъ не успокоилась до тѣхъ поръ, пока Мери осмотрѣла и узоръ, и борты, и середину, и подкладку, изнанку и лицо. Мери подробно исполнила эту обязанность и выхваляла тѣмъ краснорѣчивѣе, что въ душѣ вовсе не восхищалась подаркомъ своей соперницы. Однако она не побѣдилась откланяться и поскорѣе ушла, чтобы не столкнуться съ Джемомъ. Какъ только она доста-

точно удалилась отъ дома и улицы, гдѣ жили Вильсоны, она пошла потише и стала раздумывать. Точно ли Джемъ обращаетъ вниманіе на Молли Гибсонъ? Чтожь, пусть его. Кажется все думаютъ, что она, Мери, его не стоитъ. Хорошо, пусть ихъ. А можетъ кто-нибудь другой, гораздо покрасивѣе и поважнѣе ихъ, докажетъ имъ на дняхъ, что она стоить того, чтобы называться мистриссъ Бенри-Карсонсъ. — Такимъ образомъ досада или, какъ она думала, *своя воля* понудила ее съ этихъ поръ ободрять мистера Карсе неа больше чѣмъ когда-либо.

Нѣсколько недѣль спустя, въ коммерческомъ клубѣ, къ которому принадлежалъ Джонъ Бартонъ, былъ большой митингъ. Утромъ того дня, который назначенъ былъ для митинга, Джонъ долго лежалъ въ постели, потомучто вставать было незачѣмъ. Потомъ онъ колебался, чего купить на этотъ день, съѣстнаго или опиума? и рѣшился на послѣднее, потомучто уже привыкъ къ нему. Опіумъ сдѣлался ему необходимъ, чтобы хоть нѣсколько разогнать страшную тоску, въ которую онъ неминуемо впадалъ въ противномъ случаѣ.

Съ помощью большой порціи опиума возвращался онъ теперь къ своему прежнему состоянію, или по крайней мѣрѣ становился похожимъ на то, что былъ прежде. Въ восемь часовъ собрались члены клуба; на митингъ читали письма, полученныя съ разныхъ сторонъ и отъсюду свидѣтельствовавшія о безнадежномъ положеніи рабочаго класса. Мрачное, дикое уныніе овладѣло сборищемъ, и члены разошлись въ одиннадцать часовъ, въ самомъ тяжкомъ, мстительномъ настроеніи духа; иные были особенно раздражены оппозиціею, встреченною ими со стороны умѣренныхъ, которые противились отчаяннымъ ихъ намѣреніямъ и выходкамъ.

Выйдя изъ залы клуба, ярко освѣщенной газомъ, они попали въ другую атмосферу, ни мало не смягчавшую для нихъ впечатлѣнія этаго вечера. Ночь была темная, улица сырая; шолъ безпрерывный, холодный дождь, и самые фонари едва свѣтились изъ за мокрыхъ стеколъ, такъ что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фонарныхъ столбовъ уже ничего не было видно. Улицы были пусты; казалось ничто не шевелилось въ городѣ, кромѣ нѣсколькихъ полицейскихъ, которые тамъ и сямъ прохаживались по тротуарамъ въ своихъ клеенчатыхъ фуражкахъ. Бартонъ простился съ товарищами и побрелъ домой. Пройдя еще улицы двѣ, онъ ясно слышалъ за собою ускоренные шаги; но не чувствовалъ ни малѣйшей охоты оглянуться и посмотреть, кто за нимъ идетъ. Но нѣсколько далѣе шаги

еще ускорились и кто-то тронулъ его за руку. Онъ обернулся и увидѣлъ, не смотря на полутьму тусклыхъ фонарей, что-то была женщина, и притомъ особа известной профессіи. Это видно было по ея намысканному и обветшалому наряду, который странно поражалъ въ эту ненастную, бурную ночь: на ней была креповая шляпка, когда-то розовая, а теперь грязно бѣлая; кисейное платье, измятое и отъ дождя прилипавшее къ колѣнкамъ; а яркій бережевый платокъ плотно окутывалъ худую фигуру, дрожавшую отъ стужи. Женщина проговорила шопотомъ: мнѣ надо поговорить съ вами.

Онъ отвѣтилъ ей бранью и велѣлъ идти прочь.

— Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо поговорить съ вами. Не гоните меня. Я такъ запыхалась, что не могу вдругъ сказать всего, что мнѣ нужно. — Она приложила руку къ боку и съ очевиднымъ трудомъ стала откашливаться.

— Говорю тебѣ, что отъ меня тебѣ нечего ждать! сказалъ Бартонъ съ ругательствомъ. Постой! прибавилъ онъ, пораженный звуками ея голоса, и быстро схвативъ ее за руку, которую только что оттолкнулъ, потащилъ женщину къ ближайшему фонарю. Она слабо сопротивлялась. Онъ сдвинулъ ея шляпку назадъ, грубо повернулъ къ свѣту ея лицо, которое она силилась скрыть, и узналъ эти чудные, большіе сѣрые глаза, какъ-то странно блестяшіе, и хорошенькій, полуоткрытый ротъ, безмолвно молившій о пощаду; — да, это была Эсвиръ, давно пропавшая сестра, горькая причина смерти жены его. Многие изъ ея лицъ напоминало еще прежнюю, веселую дѣвушку; но нарумяненные щеки, заостренные черты, и это новое, ужасное выраженіе лица!.. А главное возмущалъ Бартонъ ея нарядъ, хотя несчастная выбрала изъ своего гардероба самый простой костюмъ для этой ночи.

— А-а! такъ это ты, — это ты? вскричалъ Джонъ, стиснувъ зубы и грубо трясъ ее за плечо. — Я уже давно высматриваю тебя за углами; на улицѣ и во всѣхъ такихъ мѣстахъ. Я зналъ, что наконецъ найду тебя тутъ. А помнишь ты, что я говорилъ тебѣ тогда, — помнишь, что я говорилъ объ уличныхъ потаскушкахъ? — Да итъ! Какъ же можно подумать, чтобы ты стала такою! Никто не скажетъ этого. Стоить взглянуть на твое поганое платье, да на румяное лицо!..

Онъ задыхался отъ бѣшенства.

— О, пощади, Джонъ, пощади! Выслушай меня, ради самой Мери!

Она говорила о его дочери; но Бартош думалъ только о женѣ, и слова ея еще больше раздражили его. Напрасно смертная блѣдность покрыла лицо ея, и мертвенно отдѣлялась вокругъ нарумяненныя щеки; тщетно шептала она несвязныя слова, моля о помилованіи, — онъ отшатнулся и крикнулъ:

— И ты еще смѣешь призывать ея имя! И ты еще думаешь, что ради ея я надъ тобой могу сжалиться! Да знаешь ли, что ты ее убила, какъ Каинъ убилъ Авеля! Она тебя любила, какъ дочь родную, вѣрила тебѣ, какъ родной дочери; а какъ убѣжала ты изъ дому, она глазъ не осушала, головы не подняла ни разу и черезъ три недѣли умерла. Когда встанетъ она изъ гроба, въ день страшнаго суда, то укажетъ на тебя, какъ на убійцу свою. А если она не сдѣлаетъ этого, то я укажу!

Онъ толкнулъ ее, дрожащую, задыхающуюся, и быстро ушелъ. Она съ слабымъ крикомъ упала у фонаря и долго лежала, не въ силахъ будучи приподняться или прійти въ себя. Подошелъ полицейскій и, видя ея слабость и трепеть, заключилъ, что она пьяна. Въ видѣніе этого онъ поднялъ ее, почти безъ памяти, отвелъ въ часть и ваперъ на ночь въ назначенную для этого комнату. Главный сторожъ этаго мрачнаго пристанища нищеты и униженія слышалъ въ полудремотѣ, какъ въ тишинѣ темной ночи раздавались тихіе жалобныя воли и какъ-будто бредъ; но все это приписалъ онъ нетрезвому состоянію заключенной. А еслибы онъ прислушался, то услышалъ бы слѣдующія слова, повторяемая на множество ладовъ, но все тѣмъ же страждущимъ голосомъ, и скороговоркою.

— Не хотѣлъ онъ выслушать меня, — что мнѣ дѣлать? Не хотѣлъ слушать, а надо его предупредить! О, что же сдѣлать, чтобы спасти дитя моей Мери! Что дѣлать? Какъ быть, чтобы она не слѣдалась такою же пропащей тварью, какъ я, такой же несчастной, презрѣнной тварью! Она слушаетъ его рѣчи, какъ я слушала, и любитъ, какъ я любила, и конецъ будетъ такой же... Какъ мнѣ спасти ее! Она не послушаетъ моего предостереженія, какъ и я не слушала; а кто же любить ее на столько, чтобы присмотрѣть за нею, какъ слѣдуетъ? — Господи, помилуй ее отъ бѣды! — Да нѣтъ, не надо мнѣ молиться о ней, — какъ могу я, грѣшная! Развѣ Богъ услышитъ меня? Нѣтъ, мои молитвы только повредятъ ей. Какъ же спасти ее? — А онъ меня не выслушалъ!

Такъ проходила ночь. На слѣдующій день ее посадили въ смиренный домъ. Дѣло было ясное, ее обвинили въ ночномъ бро-

длжнствѣ и присудили къ тюремному заключенію на одинъ мѣ-
сяцъ.

— Мало ли что можетъ случиться въ одинъ мѣсяцъ!

ГЛАВА XI

— О Мери, ты ль его отвернешь?

— Вѣдь онъ бы умеръ за тебя!

— Не разрушай его надежды,

Онъ только и жветъ, любя.

Р. Борнсъ.

— Я важный санъ люблю, богатство уважаю,
А бѣднаго въ душѣ своей предпочитаю;
И сердца не могу на столько измѣнить,
Чтобъ принудить себя за деньги васъ любить.

Уитеръ. (Фиделія).

Послѣ встрѣчи съ Эсвирью, Бартонъ воротился домой безпокой-
ный и недовольный. Онъ сказалъ ей отнюдь не больше того, что за-
мышлялъ въ послѣдніе годы, на случай если встрѣтится съ нею
именно въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ думалъ, что она стоила
такихъ рѣчей, но тѣмъ не менѣ жалѣлъ, зачѣмъ все это выска-
завъ. — Ея умоляющій взглядъ, ея просьба о пощадѣ, то и дѣло
снились ему въ эту безпокойную ночь. Онъ не могъ забыть какъ
онъ оставилъ ее, безсильно распростертою на мостовой, и фигура
ея въ этомъ положеніи постоянно его преслѣдовала во снѣ. Онъ сѣлъ
на своей кровати, чтобы разсѣять всѣ эти видѣнія, я тутъ совѣсть
стала сильно упрекать его въ жестокости. Все это можно было ей
высказать, думалъ онъ, но отчего же не прибавить нѣсколько до-
брыхъ словъ? Онъ обдумывалъ, можетъ ли его покойная жена знать
о томъ, что случилось въ эту ночь? Хорошо если нѣтъ, потому что
любя Эсвирь, такъ какъ она ее любила, и видя ее теперь такую от-
верженною и униженною, душа Мери не могла ощущать блаженнаго
покоя даже и въ раю. — Ему представилось, какъ смиренна, какъ
кротка была Эсвирь въ этотъ вечеръ — очевидно, она вполнѣ соз-
наетъ свое униженіе. Тогда онъ подумалъ, а что если бы религія
могла еще спасти ее и возвратить на истинный путь, — вѣдь это,
говорять; случалось? Онъ чувствовалъ, что никакая человѣческая
сила не въ состояніи совершить такого чуда, но мысль, что могла

бы въ такомъ случаѣ сдѣлать религія, смутно свѣтилась ему во тьмѣ. — Гдѣ же теперь найти Эсеирь? Въ суматохѣ громаднаго города, гдѣ отыскать личность, до такой степени темную и ничтожную?

Во всѣ послѣдующіе вечера онъ ходилъ взадъ и впередъ по тьмѣ улицамъ, гдѣ въ первый разъ слышалъ за собою шаги, и заглядывалъ подъ каждую странную или сомнительную шляпку, въ надеждѣ опять напасть на Эсеирь и съ намѣреніемъ заговорить съ нею теперь совершенно въ другомъ тонѣ. Но каждый вечеръ онъ ходилъ по напрасну, съ досадою возвращался домой, и рѣшился наконецъ прекратить свои поиски; онъ старался даже возбудить все свое прежнее негодованіе и злобу противъ Эсеири, чтобы чѣмъ-нибудь оправдаться въ собственныхъ глазахъ и заглушить свое раскаяніе.

Часто, смотря на Мери, его поражало сходство ея съ теткою и онъ неволью пугался этого сходства, какъ будто эта чисто-физическая случайность могла имѣть вліяніе на ея судьбу. Мало по малу эти мысли раздражали его до ярости, и онъ сталъ недоувѣрчиво слѣдить за поведеніемъ Мери. Такъ какъ до сихъ поръ она пользовалась неограниченною свободою во всѣхъ своихъ поступкахъ, то новыя придирки отца выводили ее изъ терпѣнія. Въ то самое время, какъ она всего охотнѣе начала соглашаться на усиленные мольбы Карсона, видѣться какъ можно по чаще, ей несносны были настоячивыя распросы отца, въ какіе часы она уходитъ съ работы, да прямо ли пришла домой изъ магазина, да что такъ замѣшкалась, и т. д. Она не хотѣла лгать; но еслибы ни о чемъ ее не спрашивали, скрыть истину было бы такъ легко! По этому она больше отмалчивалась, подъ тьмѣ предлогомъ что ее оскорбляютъ эти подозрительныя допросы. Такая система дѣйствій разумѣется не способствовала къ улучшенію отношеній между отцомъ и дочерью; а между тьмѣ они искренно любили другъ друга, и каждый изъ нихъ именно потому подымалъ войну, что думалъ этимъ путемъ вѣрнѣе обезпечить благосостояніе своего противника.

Отецъ сильно желалъ теперь отдать Мери замужъ. Тогда только избавился бы онъ отъ томительнаго, суевѣрнаго опасенія, возбужденнаго въ немъ сходствомъ ея съ Эсеирью. Онъ чувствовалъ, что уже такъ пріучилъ ее къ свободѣ, что теперь не заставитъ безпрекословно повиноваться себѣ. А будь она замужемъ — тогда иное дѣло. Еслибы на ней женился напиримѣръ Джемъ Вильсонъ — че-

ловкъ съ такимъ твердымъ, степеннымъ характеромъ и съ такими признанными способностями! Но должно быть Мери его отвадила какъ-нибудь, потому что въ послѣднее время онъ что-то рѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ. Спросить, развѣ?

— Мери, что у васъ такое вышло съ Джемомъ Вильсономъ? Вы прежде были кажется большими друзьями.

— О, говорятъ, онъ женится на Молли Гибсонъ; должно быть сватовство его отвлекаетъ и беретъ у него много времени, отвѣчала Мери, какъ можно равнодушноѣ.

— Стало быть ты надурила, возразилъ отецъ сердито. — Еще недавно онъ тебя любилъ безъ ума, за это я ручаюсь. И гораздо больше любилъ, чѣмъ ты стоишь.

— Вкусы бываютъ разные, отвѣчала Мери отрывисто и запальчиво; она вспомнила, что, не далѣе какъ наканунѣ утромъ, мистеръ Карсонъ увѣрялъ ее со вздохами, клятвами, и иными нѣжными доказательствами, что въ свѣтѣ нѣтъ никого лучше, краше, милѣе ея, и т. д. А потомъ она встрѣтила его, когда онъ ѣхалъ веркомъ съ одною изъ своихъ красавицъ-сестеръ; онъ ее замѣтилъ тотчасъ, какъ особу вовсе не обыкновенную и не дюжинную, и, осадивъ нѣсколько свою лошадь, нарочно отсталъ отъ сестры, чтобы послать ей, Мери, рукою нѣсколько поцѣлуевъ. Такъ что же за важность, если она не пришлось по вкусу какому нибудь Джиму Вильсону.

Но отрывистый отвѣтъ ея совсѣмъ не успокоилъ отца и онъ до тѣхъ поръ укорялъ ее въ потерѣ расположенія Джима, пока она не искусала себѣ губъ до крови, желая удержаться отъ жесткихъ словъ, просившихся на языкъ. Наконецъ отецъ ушелъ изъ дому и оставилъ ее волю насердиться и наплакаться.

Случилось такъ, что Джемъ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился въ этотъ день попытать счастья и узнать навѣрное свою судьбу. Онъ теперь былъ въ такомъ положеніи, что содержать жену могъ очень хорошо. Правда, мать и тетку долженъ онъ былъ также содержать; но это часто случается въ ихъ быту, и, въ случаѣ добраго согласія между всѣми членами семьи, все обходилось очень благополучно. Джемъ и въ настоящемъ случаѣ не считалъ этого обстоятельства помѣхою своему супружеству; онъ думалъ, что и мать, и тетка, съ радостью примутъ Мери. А сколько счастья ему самому могла принести эта радость, и говорить нечего.

Цѣлый день онъ погруженъ былъ въ размышленія объ этомъ вечерѣ и соображалъ, какъ ему поступить. Умываясь и прибираясь

передъ этимъ визитомъ, онъ взглянулъ въ зеркало и самъ чуть не разсмѣялся своему озабоченному виду. Онъ нерешительно одинъ ждалъ за другимъ, какъ-будто тотъ или другой ждалъ некое влияние на такое важное обстоятельство! Онъ пертлся передъ зеркаломъ, только чтобы выиграть время, потому что такъ сильно боялся предстать передъ любимою дѣвушкой. Онъ говорилъ себѣ, что въ сущности нечего такъ горячо объ этомъ думать, и думалъ еще горячѣе.

Бѣдный Джемъ! Не добрую ты выбралъ минуту!

— Войдите! сказала Мери, услышавъ стукъ въ дверь. Она печально сидѣла одна и шила, стараясь заработать нѣсколько лишнихъ пенсовъ изготовленіемъ траура, по заказу, со стороны.

Джемъ вошелъ, еще неловчѣе и застѣнчивѣе, чѣмъ когда-либо. А Мери была дома, и одна, именно такъ какъ ему было надо. Она не приглашала его садиться, но, постоявъ съ минуту, онъ самъ ваялъ стулъ и сѣлъ около нея.

— Отецъ вашъ дома, Мери? спросилъ онъ, чтобы съ чего нибудь начать разговоръ; потому что она повидимому нерасположена была говорить и безмолвно продолжала стегать.

— Нѣтъ, онъ должно быть ушелъ въ свой клубъ. — Опять воцарилось молчаніе. Нечего ждать, подумалъ Джемъ. Объ чемъ ни заговори, главный предметъ никакъ не придется къ слову; во всякомъ случаѣ теперь не придумаешь, какъ бы ловчѣе подступить къ дѣлу, и потому лучше начать прямо!

— Мери! произнесъ онъ тихо; звукъ его голоса заставилъ ее поднять голову. По выраженію его лица она тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло, и сердце ея забилося такъ внезапно, такъ сильно, что она съ трудомъ могла усидѣть спокойно на мѣстѣ. Она одно только знала навлѣрное: что бы онъ ни говорилъ, она ни за что не пойдетъ за него. Вотъ она покажетъ имъ всѣмъ, кто на ней жемится, да еще съ радостью. Послѣ разговора съ отцомъ она все еще не пришла въ себя и не уgomонилась. Однако она не выдержала страстнаго взгляда, устремленнаго на нее въ эту минуту, и опустила рѣсницы.

— Милая Мери! не могу выразить какъ вы мнѣ дороги и милы! Все, что я вамъ скажу, будетъ не ново. Вы давно уже могли замѣтить и знать это; съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами были еще почти дѣтьми, я любилъ васъ пуще отца и матери, больше всего на свѣтѣ. Ко всякой мысли моей, ко всякой дѣлѣ, всегда примысливалась мысль о васъ; я думаю о васъ день и ночь. До сихъ поръ я не

въ состояніи быть содержать семейство, а обязывать васъ какими либо общаніемъ не хотѣлъ. И какъ я боялся, какъ опасался, чтобы кто-нибудь не пришелъ и не взялъ васъ совѣмъ... А теперь Мери, и старшій прикащикъ въ заведеніи, и — выслушайте меня, Мери! Она встала и въ сильномъ волненіи отвернулась отъ него. Онъ также всталъ и подошелъ къ ней еще ближе хотѣлъ взять ея руку; но она не дала. Она собиралась съ духомъ, чтобы отказать ему равъ навсегда.

— Теперь Мери, я предлагаю вамъ спокойное жилие и порядчье сердце, вѣрное сердце, которое всю жизнь будетъ любить и лелѣять васъ. Мы никогда не сдѣлаемся богатыми людьми, этого и думать нечего; но если довольно любящаго сердца и досужей руки, чтобы защитить васъ отъ горя и нужды, я могу дать вамъ и то и другое. Я не умѣю сказать всего этого такъ, какъ бы хотѣлось; мою любовь не перескажешь словами. Но милая; дорогая моя; скажите что вы мнѣ вѣрите, что вы будете принадлежать мнѣ.

Она не могла говорить, у ней захватило дыханіе.

— Мери, правду ли говорятъ, что молчаніе — знакъ согласія? прошепталъ онъ.

Теперь или никогда, надо кончить! подумала Мери.

— Нѣтъ, теперь это не то, проговорила она. Голосъ ея былъ спокойнъ, хотя вся она дрожала какъ листъ. — Я всегда буду вашимъ другомъ, Джемъ, но женою вашею быть не могу.

— Женою не можете, сказалъ онъ съ грустью. — О, Мери, подумайте объ этомъ хорошенько! вы не можете быть мнѣ другомъ, если не хотите быть моею женой. Но крайней мѣрѣ я не могу примириться съ мыслью, чтобы быть для васъ только другомъ. Подумайте еще! Если вы еще скажете нѣтъ, то вы доведете меня до безнадежнаго отчаянія. Вѣдь я не со вчерашняго дня полюбилъ васъ. Эта надежда всегда меня поддерживала и воспитала все, что есть во мнѣ добраго. Я не знаю что со мной будетъ, если вы рѣшительно откажете мнѣ. Подумайте, Мери, какъ радъ былъ бы вашъ отецъ! Можетъ быть вамъ покажется тщеславіемъ то, что я вамъ говорю теперь, но сколько разъ онъ говорилъ мнѣ, что болѣе всего на свѣтѣ желалъ бы нашего брака!

Джемъ полагалъ, что послѣдній доводъ его особенно убѣдительно; но при существующихъ обстоятельствахъ этотъ-то доводъ и возстановилъ Мери рѣшительно противъ него; потому что ей тогда пришла въ голову глупая и совершенно несообразная мысль,

что отецъ, такъ нетерпѣливо желавшій этаго супружества, въ припадкѣ усердія самъ говорилъ о немъ Джемъ и даже можетъ быть просилъ его жениться на ней.

— Я говорю вамъ, Джемъ, что этаго не будетъ. Разъ навсегда объявляю вамъ, что я за васъ не пойду.

— Такъ и должны кончиться всѣ мои надежды и опасенія? Тутъ и конецъ моей жизни, или по крайней мѣрѣ того, для чего стоило жить... Волненіе его усилилось и дошло до отчаянія. Мери! можетъ статься вы услышите, что я сталъ пьяницей; или воромъ, а можетъ быть и убійцей. Помните же! когда всѣ будутъ осуждать меня, вы одиѣ не имѣете на то никакого права, потому что одна вашѣ жестокость можетъ довести меня до такихъ крайностей. Вы не говорите даже, что постараетесь полюбить меня, — Мери — постарайтесь! и голосъ его, отъ отчаянной угрозы перешолъ къ страстной нѣжности; онъ насильно взялъ ея руку и пытался заглянуть ей въ лицо, тогда какъ она усиленно отвертывалась отъ него. Она молчала; потому что была слишкомъ глубоко и сильно взволнована. Но для него такое безмолвіе, такое ожиданіе были не выносимы. Онъ не хотѣлъ онять обманываться мечтами, боясь снова разбить ихъ о жестокую дѣйствительность; въ эту тяжкую минуту ему легче было предаться полной безнадежности, нежели колебаться между страхомъ и надеждою; и прежде, чѣмъ она успѣла, на что либо рѣшиться и промолвить слово, онъ отбросилъ ея руку и выбѣжалъ вонъ изъ дому.

— Джемъ! Джемъ! слабо крикнула она ему вслѣдъ, задыхающимся голосомъ. Но было уже поздно: онъ летѣлъ какъ стрѣла, изъ одной улицы въ другую, и ушолъ наконецъ въ поле, гдѣ могъ безъ помѣхи предаться своему глубокому, безвыходному отчаянію.

За десять минутъ передъ тѣмъ, входя въ домъ Бартона, онъ нашелъ Мери сравительно довольно спокойною; а теперь, если бы онъ могъ ее видѣть! Закрывъ лицо руками и почти лежа поперекъ комода, она горько плакала, такъ что отъ рыданій вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Сначала, если бы кто спросилъ ее, и главное, если бы она сама въ состояніи была отвѣчать, она едва ли могла бы сказать, о чемъ именно плачетъ такъ неутѣшно. Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что она ничего разобрать не могла. Она чувствовала только, что сама устроила себѣ самую печальную, самую безутѣшную будущность. Мало по малу слезы ее утомили и она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Мысли ея кружились и путались. Еще часъ тому назадъ ничто не было рѣшено: судьба ея была въ

ея собственныхъ рукахъ. А между тѣмъ, какъ давно уже рѣшилась она дать ему при случаѣ тотъ самый отвѣтъ, который дала сейчасъ. Съ чего же убиваться?

Казалось, въ ней теперь боролись два различныхъ существа, спорившихъ и побивавшихъ другъ друга: то была теперешняя Мери, Мери настоящей минуты, и другая, вчерашняя Мери, та, что была за часъ передъ тѣмъ. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе испыталь, какъ одна рѣшительная минута въ жизни являетъ намъ и прошедшее и будущее въ совершенно новомъ свѣтѣ; какъ внезапно прозрѣваемъ мы въ смыслъ собственныхъ дѣйствій своихъ и разомъ клеймимъ ихъ тщеславіемъ или даже преступленіемъ; какъ измѣняется взглядъ нашъ на грядущее, и предметы доголѣ самые желанныя вдругъ становятся намъ противны и гадки. Такія минуты могутъ перевернуть цѣлый характеръ человѣка, радикально измѣнивъ все его цѣли и надежды.

Но возвратимся къ Мери. Мы уже знаемъ, что она намѣрена была выйти замужъ за мистера Карсона и съ этою цѣлью дала Джемю такой неутѣшительный отвѣтъ; то былъ, по ея мнѣнію, не болѣе какъ предварительный шагъ къ осуществленію упомянутыхъ намѣреній. Это такъ; но этотъ-то именно поступокъ и уяснилъ ей состояніе ея собственнаго сердца; онъ доказалъ ей, что Джемю она любитъ болѣе всего на свѣтѣ. А Джемъ бѣдный машинистъ, у котораго на рукахъ еще тетка и мать; и мать эта къ тому же на дняхъ довольно ясно выразила, что не желаетъ имѣть ее невѣсткою; между тѣмъ какъ мистеръ Карсонъ богачъ, красавецъ, веселый и щедрый, который тотчасъ поставитъ ее на высокую ступень въ обществѣ и навсегда избавитъ отъ всякой нужды и заботы. Но что значать для нея все эти пустяки и бездѣлки теперь, когда она познала наконецъ кипучую тайну своей души? Ей показалось, что она почти ненавидитъ мистера Карсона, за то, что онъ сулитъ ей такія вздорныя и суетныя блага. Ясно, что все великолѣпія и блестящія преимущества богатства, все забавы и удовольствія для нея ничто, если нельзя раздѣлить ихъ съ Джемомъ; да, съ Джемомъ, котораго она такъ жестоко отвергла за полчаса назадъ. Что за бѣда, что онъ бѣденъ? За это она его любитъ только еще нѣжнѣе. А что мать находить ее не достойною Джемю, такъ она совершенно права, Мери теперь съ горемъ сознаетъ это. До сихъ поръ она шла въ жизни оцупью, и притомъ шла къ своей гибели; но въ этотъ знаменательный часъ новый свѣтъ озарилъ ея путь: она все увидѣ-

дѣла, сознала опасность и отвернулась отъ нея, рѣшительно отвернулась навсегда.

Теперь она утѣшалась мыслию, что по крайней мѣрѣ навѣрно знаетъ, чего не надо дѣлать, чего не слѣдуетъ желать, какимъ некушениемъ не должно поддаваться. Какъ поправить дѣло, какъ вознаградить Джема и самое себя за обманутыя ожиданія, за отвергнутую любовь, это другой вопросъ. Она измучилась, то изобрѣтая, то опровергая различныя планы дѣйствій.

Наконецъ, она очнулась, услышавъ какъ на соедѣнной церковной башнѣ било двѣнадцать часовъ. Она знала, что отецъ долженъ былъ придти съ минуты на минуту; но чувствуя, что въ настоящемъ разстроенномъ состояніи духа встрѣтиться съ нимъ было бы крайне непріятно, поспѣшно убрала работу и пошла къ себѣ наверхъ, предоставляя ему входить и распоряжаться одному.

Она задула свѣчу, чтобы отецъ не видалъ у ней огня изъ подъ двери, и сѣла на кровать. Но сколько ни думала, ни передумывала она о своей судьбѣ, выходило одно: надо тотчасъ же и самымъ положительнымъ образомъ разорвать всякія сношенія съ мистеромъ Карсонсомъ. Дѣвическая скромность (истинная любовь всегда скромна) воспрещала ей предпринять что бы то ни было для увѣренія Джема въ ея раскаяніи и любви, такъ внезапно для нея самой открывшейся. Она пришла къ тому необыкновенно мудрому заключенію, что дѣлать ничего особеннаго не нужно, но что слѣдуетъ терпѣливо ждать и только пользоваться благоприятными обстоятельствами. Видя, что она не выходитъ замужъ, Джемъ вѣроятно еще разъ попробуетъ посвататься; не удовольствуется же онъ первымъ отказомъ; Мери чувствовала, по крайней мѣрѣ, что на его мѣстѣ она бы не удовольствовалась. Она была очень виновата; но впередъ постарается быть умнѣе и лучше, вооружится женскою кротостью и терпѣніемъ; авось Джемъ замѣтитъ эту перемѣну и оцѣнитъ ея раскаяніе. Если бы пришлось ждать еще годы, то и то не бѣда: это будетъ ей наказаніемъ, во первыхъ за глупое кокетство, а во вторыхъ за такую грубую ошибку въ своемъ собственномъ сердцѣ. Въ сладкой надеждѣ на счастливое окончаніе своего романа, хотя бы и весьма отдаленное, она заснула, въ то самое время, какъ по городу раздавались первые фабричныя звонки. Она легла, не раздѣваясь; и сонъ ея былъ вовсе неосвѣжителенъ. Она проснулась озябая и усталая тѣломъ, смущенная душой, хотя въ первую минуту не могла хорошенько припомнить, что причиною ея смущенія и грусти.

Вспомнивъ приключенія прошеднаго вечера, она снова рѣшилась поступать сообразно вчерашнему рѣшенію; но утро вечера мудренѣе — и задача *терпимія* показалась ей наутро также гораздо мудренѣе.

Она поспѣшила сойти внизъ, и, въ усердномъ желаніи дѣйствовать какъ можно лучше, употребила все усилія, чтобы изготавить отцу порядочный, хотя конечно скудный завтракъ. А когда онъ лѣниво сощолъ съ верху, раскачиваясь на ходу и очевидно готовый разсердиться при каждомъ удобномъ случаѣ, она все вынесла съ кропотью и смиреніемъ, пока наконецъ тихіе отвѣты ея не разсѣяли отцовскаго гнѣва.

Ей тяжело было при мысли о необходимой встрѣчѣ съ Салли Ледбиттеръ, въ швейномъ заведеніи; однако отъ этой встрѣчи избавиться было невозможно, и потому она вячески старалась приготовиться къ свиданію; между прочимъ она придумывала, какъ бы съ разу дать ей почувствовать, что съ этой минуты конецъ всякой короткости между ними, такъ какъ она рѣшилась вовсе прекратить знакомство съ мистеромъ Карсонсомъ.

Но Салли была не таковская, чтобы допустить съ собою подобную тактику. Она мигомъ сообразила, что происходитъ на душѣ у Мери, но все приписала дѣвической перемѣчивости и положила дѣйствовать рѣшительнѣе, такъ какъ по ея соображеніямъ Мери со временемъ будетъ ее же благодарить за то, что она ее какъ будто приневолить сблизиться съ богатымъ любовникомъ.

Прошло еще дня два; Мери все также замѣтно избѣгала столкновений съ Салли; съ своей стороны мистеръ Карсонсъ пожаловался этой послѣдней, что Мери больше не является на улицѣ въ условные часы, и что если не удерживать ее сплю, то она ни за что не останавливается поболтать съ нимъ, возвращаясь вечеромъ домой, Салли рѣшила убѣдить Мери не противиться долѣе «ея собственному счастью», какъ она выражалась.

На третій день она какъ будто не замѣчала больше охлажденія Мери и спокойно сидѣла за работою; повидимому, она даже сама ощутила эту холодность.

Она рано убрала свое шитье и ушла домой къ матери, которая, по ея словамъ, хворала еще хуже обыкновеннаго. Остальныя швей вѣскорѣ послѣдовали ея примѣру, и Мери, оставшись одна, на цорокъ мнѣсть Симондсъ, и поспѣшно оглянувъ улицу по обѣ стороны, встрѣтилась также къ себѣ домой, въ надеждѣ избѣгнуть встрѣчи съ тѣмъ,

которыхъ она наконецъ начинала бояться. На этотъ разъ она прошла по улицамъ благополучно, и, возвратясь къ себѣ на квартиру, нашла ее, какъ и ожидала пустою; въ тотъ вечеръ собирався клубъ, она это знала и думала, что отецъ ни за что не пропуститъ митинга. Она съѣла, чтобы перевести духъ и утишить біенія своего сердца, которое усиленно билось скорѣе отъ перваго безпокойства, нежели отъ усталости, хотя она шла довольно скоро. Успокоившись, она встала и, снимая шляпку, увидѣла фигуру Салли Ледбиттеръ, медленно проходившую мимо окна и пристально смотрѣвшію во внутренность темной комнаты, какъ бы для того, чтобы увѣриться, тутъ ли Мери. Въ ту же минуту она еще разъ прошла мимо окна и постучалась въ дверь, но, не дожидаясь отвѣта, тотчасъ вошла.

— Ну, Мери, моя милая, начала она, впрочемъ вполне сознавая, какъ не мила она въ эту минуту для Мери;— у миссъ Симмондсъ ни минутки не выберешь поговорить порядкомъ, такъ я рѣшилась зайти къ тебѣ на домъ, повидаться на свободѣ.

— Ты кажется говорила, что у тебя мать больна, и что тебѣ нужно съ ней посидѣть, возразила Мери, вовсе не привѣтливо.

— О, матушкѣ стало лучше; отвѣчала Салли, безъ запинки. Отца твоего нѣтъ дома, я надѣюсь? продолжала она, оглядываясь какъ можно внимательно. Мери не спѣшила радушными привѣтствіями и даже не трудилась доставать спичекъ, и зажечь свѣчу.

— Да, его дома нѣтъ, отвѣчала она отрывисто и лѣниво пошла отыскивать свѣчу, не попросивъ гостю даже сѣсть.

— Тѣмъ лучше, сказала Салли, — потому что, по правдѣ сказать, тамъ въ концѣ улицы стоитъ у меня одинъ пріятель, который ужасъ какъ желаетъ придти и повидаться съ тобою здѣсь, если ужъ ты стала такая щепетильная, что на улицѣ съ тобою и говорить нельзя. Онъ сейчасъ придетъ сюда.

— О, Салли, не пускай его! воскликнула Мери съ живостью, и прыгнувъ къ двери хотѣла было припереть ее, но Салли удержала ее за руки, громко смѣясь такой строптивости.

— О, сдѣлай милость Салли, отбивалась Мери: — милая Салли, не пускай его сюда, что скажутъ сосѣди, да и отецъ, вѣдь онъ съ ума сойдетъ, если узнаетъ! Онъ убьетъ меня, Салли, право убьетъ до смерти. Къ тому же вѣдь я не люблю его и никогда не любила. Ахъ, пусти же меня! На дворѣ послышались шаги и Мери рванулась; но шаги прошли мимо и она продолжала умолять: — Пожалуйста, Салли, милая моя, поди скажи ему, что я его не люблю, и вовсе

не хочу имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Я думаю, по правдѣ, что очень дурно было съ моей стороны знакомиться съ нимъ, но я въ этомъ очень раскаиваюсь, и мнѣ будетъ очень досадно, если я заставила его слишкомъ много объ себѣ думать; я не хочу больше, чтобы онъ занимался мною. Ты это скажешь ему, Салли? Если ты скажешь, я готова все на свѣтѣ для тебя сдѣлать!

— Вотъ что я тебѣ скажу, заговорила Салли по тише: — мы съ тобою пойдѣмъ сейчасъ туда, гдѣ онъ ждетъ насъ, или лучше сказать туда, гдѣ я велѣла ему ждать четверть часа, покуда узнаю дома ли твой отецъ; у насъ было такое условіе, что если черезъ четверть часа я не ворочусь къ нему, то онъ придетъ сюда и пожалуй хотъ дверь выломаетъ, лишь бы увидѣть тебя.

— О, такъ пойдѣмъ же, пойдѣмъ! сказала Мери, чувствуя, что такъ или иначе, а этого свиданія не миновать, и все-таки лучше ему случиться гдѣ нибудь на улицѣ, чѣмъ дома, гдѣ каждую минуту могъ очутиться отецъ. Она схватила свою шляпку и въ одну минуту перебѣжала дворъ; но у воротъ, не зная куда идти, на право или на лѣво, принуждена была остановиться и подождать Салли, которая подошла себѣ равнымъ шагомъ, и рѣшительно взявъ Мери подъ руку, повела ее твердою стопой, уничтожая такимъ образомъ всякую возможность побѣга или увертки съ ея стороны. Такая тактика однакоже вовсе была не по сердцу Мери. Она не разъ уже думала, что вѣроятно придется ей еще разъ повидаться съ мистеромъ Карсонсомъ и порѣшивъ въ умѣ, что это свиданіе будетъ послѣднее, собиралась непременно высказать ему свое искреннее сожалѣніе о томъ, что такъ необдуманно подавала ему ложныя надежды.

Вспомнимъ при этомъ, что она настолько была простодушна или невинна, что вполне вѣрила въ честность его намѣреній; рѣшившись овладѣть ею во что бы то ни стало, а впрочемъ желая устроить это какъ нибудь подешевле, мистеръ Карсонсъ никогда не разувѣрялъ ее въ чистотѣ своихъ цѣлей; между тѣмъ, какъ Салли Ледбиттеръ втихомолку посмѣивалась надъ обоими и наблюдала, чѣмъ все это кончится; пожалуй, думала она, Мери выиграетъ дѣло и заставить его на себѣ жениться, притворяясь дурочкой и будто бы не понимая, чего онъ добивается.

Не далеко отъ конца той улицы, на которой жила Мери, онѣ встрѣтили мистера Карсонса, нахлобучившаго свою шляпу очень низко, какъ будто бы онъ боялся быть узнаннымъ. Завидѣвъ ихъ, онъ обернулся и не сказавъ ни слова, не смотря на то, что онѣ шли

тотчасъ вслѣдъ за нимъ, повелъ ихъ въ боковую улицу, гдѣ стояло нѣсколько недостроенныхъ домовъ.

Переходы эти были такъ длинны, что Мери успѣла прійти въ себя и сознать всю непріятность предстоящаго свиданія; но какъ ни хотѣлось ей избѣгнуть этихъ переговоровъ, Салли Ледбиттеръ держала ее подъ руку очень крѣпко, такъ что уйдти не было возможности иначе какъ вступивъ съ нею въ единоборство.

Наконецъ онъ остановился подъ защитою деревяннаго забора, выстроеннаго повидимому для прикрытія строевыхъ матеріаловъ или для огражденія тротуара отъ опилокъ и чурокъ. Черезъ минуту обѣ дѣвушки стояли вмѣстѣ съ нимъ за заборомъ и Мери, сама уцѣпившись за руку Салли съ еще боьшею силою, держала ее очень рѣшительно, съ тѣмъ, чтобы волею или неволею сдѣлать ее свидѣтельницею предстоявшаго разговора. Но Салли и безъ того такъ интересовалась бесѣдою, что подверглась плѣненію безъ малѣйшихъ отговорокъ.

Мистеръ Карсонъ позволилъ себѣ на этотъ разъ несравненно болѣе свободы, нежели обыкновенно, и, не смотря на гнѣвное сопротивленіе Мери, смѣло обнялъ ее одною рукою за талію.

— Нѣтъ, нѣтъ! моя маленькая волшебница! Теперь—то я васъ поймалъ наконецъ и задержу въ плѣну. Скажите-ка, отчего вы вздумали отъ меня бѣгать всѣ эти дни? Ну, говорите же, моя очаровательная кокеточка!

Мери перестала сопротивляться, но, обернувшись къ нему почти лицомъ, заговорила спокойно и смѣло.

— Мистеръ Карсонъ! Мнѣ надо поговорить съ вами рѣшительно, разъ навсегда. Съ послѣдней встрѣчи нашей, въ понедѣльникъ вечеромъ, я много думала и положила прервать съ вами всякія сношенія. Я знаю, что очень дурно поступила, подавъ вамъ поводъ думать, будто я къ вамъ равнодушна; но мнѣ кажется, что до сихъ поръ я сама не знала, что дѣлала. А теперь, сэръ, я искренно прошу у васъ прощенія за то, что заставила васъ такъ мною много заниматься.

Въ первую минуту слова эти сильно удивили его; вслѣдъ за тѣмъ заговорило въ немъ тщеславіе, и онъ подумалъ, что все это шутка. Онъ такъ молодъ и красивъ, такъ богатъ и любезенъ! Нѣтъ, это вѣрно только такъ, женская тактика, маленькое кокетство!

— О, да какая же вы восхитительная плутовочка, со своею скромностію! — Покорнѣйше просите у меня прощенія за то, что заста-

шли слишкомъ много о себѣ думать! Какъ будто вы не знаете, что я съ утра до ночи только о васъ и думаю! Но вамъ можетъ быть хочется, чтобы я еще и еще разъ повторилъ вамъ тоже самое?

— Нѣтъ, сэръ, увѣряю васъ, что нѣтъ. По мнѣ было бы гораздо лучше, если бы вы вовсе обо мнѣ позабыли, нежели говорить такія вещи. Право, сэръ, я съ вами говорю совершенно серьезно и увѣряю васъ, что вполне знаю, что дѣлаю, когда объявляю вамъ, что сегодня вечеромъ въ послѣдній разъ говорю съ вами.

— Вечеромъ въ послѣдній разъ, милѣйшая спорщица, значитъ днемъ будетъ можно? А, Мери, наконецъ-то я поймалъ васъ! вскричалъ онъ, видя что она затрудняется отвѣтомъ; она видѣла, что онъ все повертываетъ въ шутку и остановилась, придумывая, какъ бы выразиться пояснѣе.

— Нѣтъ, сэръ, возразила она рѣзко, — это значитъ, что я никогда больше не стану говорить съ вами съ сегодняшняго вечера.

— Что же значитъ такая перемѣна, Мери? спросилъ онъ довольно серьезно. Не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ нибудь? прибавилъ онъ съ жаромъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала она тихо, но твердо. — Я не могу объяснить вамъ, почему именно измѣняю свое поведеніе; но еще разъ измѣнять его не хочу. Повторяю, сэръ, извините меня, если я чѣмъ нибудь досадила вамъ; а теперь позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.

— Нѣтъ, я не позволяю. Вы такъ не уйдете отъ меня. Чѣмъ я провинился, Мери? Скажите мнѣ. Я не отпущу васъ прежде нежели узнаю, чѣмъ вы не довольны. Говорите же, что желаете, чтобы я сдѣлалъ?

— Ничего, сэръ, но... (взволнованнымъ голосомъ) — о, пустите меня! Вы не можете измѣнить моего рѣшенія; это кончено. О, сэръ! затѣмъ вы такъ крѣпко сжимаете меня! Если вы непременно хотите знать, отчего я не хочу имѣть съ вами никакихъ сношеній, такъ это оттого, что я никакъ не могу любить васъ. Я старалась васъ полюбить, но право не могу!

Такое простодушное и откровенное признаніе не повело ни къ чему. Онъ не могъ понять, какъ это могло случиться. Что нибудь да не такъ, думалъ болѣе нежели когда либо. влюбленный юноша. Что же сдѣлать, чтобы соблазнить ее? — Внезапно озарила его новая мысль.

— Послушайте, Мери; нѣтъ, — я не могу разстаться съ вами, пока вы не выслушаете меня. Я васъ люблю страстно, и мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы не любили меня немножко, ну — хоть самую крошечку! Чтожъ, если вы и въ этомъ не хотите признаться, то дѣлать нечего. Я только хочу вамъ выразить, какъ я васъ люблю и чѣмъ рѣшаюсь наконецъ вамъ пожертвовать. Вы знаете, а можетъ быть и не знаете хорошенько, какъ неприятно было бы моимъ родителямъ, если бы я женился на васъ. Такой бракъ такъ разсердилъ бы ихъ и подалъ бы поводъ къ столькимъ насмѣшкамъ на мой счетъ, что я конечно никогда и не думалъ объ этомъ до сихъ поръ. Я полагаю, что намъ очень будетъ хорошо и безъ женитьбы. (Эти слова глубоко запаали въ душу Мери.) — Но теперь, если хотите, я выхлопочу церковное позволеніе завтра утромъ или даже хоть сейчасъ, и женюсь на васъ вопреки всему свѣту, лишь бы не лишиться васъ. Черезъ годъ или два отецъ навѣрное проститъ меня, а до тѣхъ поръ я вамъ доставлю все, что можно купить на деньги, окружу васъ всевозможною роскошью и всѣми удобствами жизни, словомъ, изошрю свою любовь для вашего счастья. Чтожъ, вѣдь и мать моя была изъ фабричныхъ дѣвушекъ! — (Это замѣчаніе произнесено было въ полголоса и какъ будто относилось къ нему самому; видно было, что совѣсть его возмущалась противъ такого дерзкаго предпріятія.) — Ну, Мери, вы видите, что я готовъ, готовъ принесть вамъ довольно большую жертву; я предлагаю вамъ даже женитьбу, для успокоенія вашего честолюбиваго сердечка. Что же, теперь, согласны вы признаться, что можете полюбить меня, хоть немножко?

Онъ потянулъ ее къ себѣ; но, къ изумленію его, она опять оказала сопротивленіе. Да, въ эту самую минуту, какъ настало осуществленіе всѣхъ ея надеждъ и грезъ, въ ту минуту, какъ возможность назваться женою Карсона была въ ея рукахъ, она противилась. Рѣчь его произвела на нее одно только впечатлѣніе: у ней какъ гора свалилась съ плечъ. Она было боялась, что внушила слишкомъ горячую привязанность; зная теперь по собственному опыту, что значитъ истинная, глубокая любовь, она опасалась, чтобы ея кокетство не возбудило въ ея поклонникѣ серьезнаго чувства и уже неразъ горько упрекала себя въ томъ, что стала причиною несчастія для молодаго человѣка. Но какъ отлегло у ней отъ сердца, когда она убѣдилась, что то была любовь низкаго, мелкаго сорта, такая любовь, которая можетъ рассчитывать на соблазнъ, стремится лишь къ удовлетворенію личной прихоти и не задумывается погубить, разбить

существованіе и честь мнимо-любимой особы. Ну, ей не въ чемъ больше упрекать себя! По крайней мѣрѣ это утѣшительно.

— Я очень вамъ благодарна, сэръ, за все, что вы мнѣ сказали. Вы можете считать меня очень глупою, но я вѣдь во все время думала, что вы намѣрены жениться на мнѣ; и, не смотря на то, все-таки не могла полюбить васъ. Однако же я раскаявалась въ знакомствѣ съ вами и уже упрекала себя въ этомъ. Теперь, сэръ, знайте, что если бы я и любила васъ прежде, то навѣрное перестала бы любить съ той минуты, какъ вы признались, что замыслили погубить меня, — да, погубить! какъ же иначе понять ваши слова, что до сихъ поръ вы не думали на мнѣ жениться? Я сказала вамъ, что раскаяваюсь въ своемъ поведеніи и покорно прошу вашего прощенія; но я тогда не знала еще, кто вы такой. Теперь говорю вамъ, что презираю васъ, за то что вы собирались погубить бѣдную дѣвушку. Прощайте.

И, рванувшись изо всей силы, она быстро убѣжала. Они слышали, какъ раздавались ея торопливые шаги по пустынной улицѣ, и молчали. Наконецъ Салли захохотала; смѣхъ ея неприятно поразилъ слухъ мистера Карсонса и подѣйствовалъ на него раздражительно.

— Что вы находите такого забавнаго, Салли? спросилъ онъ.

— О, сэръ, извините пожалуйста, я покорно прошу прощенія, какъ говоритъ Мери, но право, нельзя нерасхохотаться, какъ подумаю, какъ она славно насъ перехитрила! (Она едва не сказала «васъ надула», — но благоразумно смягчила выраженіе).

— Что же это такое, Салли, ожидали ли вы хоть сколько-нибудь, что она такъ и убѣжитъ отъ насъ?

— Нѣтъ, этого никакъ не ожидала. Но если вы уже рѣшились на ней жениться, то — позвольте спросить, для чего же вы ей объявляли, что когда-либо имѣли другія намѣренія? Это-то ее и взорвало теперь.

— Но я и прежде не разъ уже намекалъ ей, что вовсе не думаю о сватѣхъ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы она была такая романтическая дурочка и принимала бы мои слова въ такомъ смыслѣ! По этому очень естественно, что я хотѣлъ ей показать, чѣмъ я жертвую для нея, какими предразсудками пренебрегаю, какъ рискую наконецъ своею особою; — этого-то кажется она такъ и непоняла хо-рошенько. Я думаю, я могъ бы выбирать любую леди изъ всего Манчестера, а теперь хотѣлъ жениться на бѣдной швейкѣ. Понимаете

ли вы это? Сознаете ли вы, какую огромную жертву приношу я ея самолюбію? — И все это даромъ!

Салли молчала. Карсонъ продолжалъ.

— Отецъ скорѣе простилъ бы мнѣ какую угодно временную связь, нежели бракъ съ дѣвушкой, до такой степени ниже меня по состоянію.

— А мнѣ показалось будто вы сказали, сэръ, что матушка ваша была изъ фабричныхъ? замѣтила Салли лукаво.

— Ну да, да! — Но тогда и отецъ мой былъ почти одинаково съ нею поставленъ въ свѣтъ; во всякомъ случаѣ между ними не существовало такой огромной разницы, какъ между Мери и мною.

Опять молчаніе.

— Такъ вы думаете ужъ отказаться отъ нея, сэръ? Она, кажется, безъ обиняковъ объявила, что отказывается вамъ.

— Нѣтъ, я вовсе не думаю отъ нея отказываться, что бы вы ни думали объ этомъ, и она тоже. Я влюбленъ въ нее больше чѣмъ когда либо, именно за этотъ миленькій капризъ, за это очаровательное сопротивленіе, Она еще одумается, вы увидите. Женщины всегда такъ. Сначала непременно поломаются, попробуютъ отвергнуть поклонника, а потомъ смотришь — и раскаянія являются. Только не думайте пожалуйста, чтобы я сталъ ей въ другой разъ предлагать женитьбу; о нѣтъ, теперь пойдетъ иная рѣчь.

Поговоривъ еще въ такомъ духѣ, союзники разстались.

ГЛАВА XII

— Я безъ любви, безъ горя съ нимъ разсталась —
 Онъ мнѣ не милъ.
 А вотъ теперь, когда одна осталась,
 Мнѣ свѣтъ постылъ.
 Его словамъ тогда я не внимала
 Въ душѣ своей...
 Теперь же я послушать бы желала
 Его рѣчей!

В. С. Лендоръ.

Теперь, думала Мери, устранены оба вздыхателя. Но вздыхатели съ своей стороны смотрѣли на такое отстраненіе съ весьма различными точекъ зрѣнія. Тотъ, который любилъ ее всею душой, считалъ себя окончательно отвергнутымъ. Онъ и не подумалъ утѣшать-

ся мыслию, которая въ настоящемъ случаѣ была особенно справедлива, т. е. мыслию, что женщина, отвергающая обожателя, часто спохватывается и сильно раскаивается въ этомъ. Онъ слишкомъ уважалъ свое серьезное и глубокое чувство, чтобы въ глубинѣ души считать себя недостойнымъ Мери; такая лицемѣрная насмѣшка не приходила ему въ голову. Онъ думалъ только, что пришлось ей «не по нраву», и, какъ ни пошло покажется это выраженіе, онъ живо чувствовалъ его горькую справедливость. Въ умѣ его бродили неясные, смутные предположенія и планы: то онъ хотѣлъ записаться въ рекруты, то намѣревался съ горя спиться до забытья, или вообще какънибудь загулять, для разсѣянія; но мысль о матери постоянно охраняла его отъ всѣхъ этихъ крайностей и, подобно ангелу-хранителю, удаляла его отъ порока. Въдъ онъ одинъ былъ у матери, бѣдной вдовы, единое ея утѣшеніе и опора. По этому онъ не могъ себѣ позволить расточать время и здоровье, замѣнявшія ему деньги и доставлявшія матери насущное пропитаніе. Вслѣдствіе того онъ сталъ ходить на работу, какъ обыкновенно, какъ будто ни въ чемъ небывало; но тяжело, тяжело было у него на сердцѣ.

Что касается до мистера Карсона, то, какъ мы уже видѣли, онъ продолжалъ считать отказъ Мери за очаровательный капризъ. Приходя на работу, она могла быть увѣрена, что Салли Ледбиттеръ непременно сунуть ей въ руку какуюнибудь сладчайшую записочку самаго страстнаго содержанія и такъ ловко ускользнетъ потому, что невозможно будетъ возвратитъ ей нѣжное посланіе, не возбудивъ вниманія всѣхъ швей. Она даже вынуждена была многія изъ такихъ записочекъ уносить съ собою домой. Но прочтя одну изъ нихъ, немедленно рѣшила что ей дѣлать. Она перестала избѣгать полученія пакетиковъ отъ Салли, но ни одного больше не распечатывала и время отъ времени возвращала ихъ тѣмъ же путемъ, завернувъ по нѣскольку въ чистый листокъ бумаги. Но гораздо хуже этой корреспонденціи были ежедневныя и непремѣнныя встрѣчи съ настойчивымъ обожателемъ. Онъ такъ давно и такъ подробно изучилъ всѣ ея привычки и дорожки, что ускользнуть отъ него не было никакой возможности. Какъ бы рано или поздно не возвращалась она домой, онъ былъ тутъ, какъ тутъ. Какую бы ни выбрала она дорогу, въ ту самую минуту, какъ она радовалась, что спаслась хоть на этотъ разъ, изъ ближняго переулка непремѣнно являлся мистеръ Карсонъ. Надо сознаться, что онъ выбралъ вѣрнѣйшее средство окончательно ей опротивѣть и надѣветъ.

И во все это время ни разу не пришолъ Джемъ Вильсонъ! Конечно не къ ней, этого она и не ожидала, но хоть бы къ отцу зашолъ повидаться. Она сама не знала почему, но постоянно надѣялась, что онъ придетъ подь какимъ нибудь предлогомъ, чтобы посмотрѣть, не одумалась ли она, можетъ быть. Но онъ не шолъ. Она уставала и выходила изъ терпѣнія, падала духомъ. Преслѣдованіе одного вздыхателя и равнодушіе другаго тяготили ее страшно. Она почти не могла уже спокойно просиживать вечеровъ за работою, а если ей удавалось принудить себя, запретить себѣ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, она чувствовала непремѣнную потребность пѣть, чтобы развлечься за шитьемъ. Всѣ ея пѣсни отличались теперь самую необузданною веселостью, какою-то удалой игривостью, чего прежде не бывало. Прежде пѣвала она Барбару-Эленъ и тому подобныя унылыя мелодіи, но то было хорошо въ прежнія, счастливыя времена. Теперь же ей надо было всѣми силами, всѣми внѣшними средствами заглушать въ себѣ горестныя, печальныя размышленія.

Сильно беспокоилъ ее также старій отецъ: онъ такъ измѣнился, такъ исхудалъ въ послѣднее время; но не жаловался ни на какую боль и не сознавалъ своего болѣзненнаго положенія. Она сидѣла по вечерамъ съ шитьемъ до самой поздней ночи, и такимъ образомъ ей всякій день удавалось заработать отцу на завтрашнее пропитаніе по нѣскольку пенсовъ, въ случаѣ, если бѣдныя служанки, на которыхъ она чинила и штопала всякое тряпье, могли выплатить ей аккуратно; но, сидя такъ долго по ночамъ, она не въ состояніи была вставать рано и на слѣдующее утро до урочнаго часа у миссъ Симмондсъ едва находила время отнестъ свою работу и получить за нее деньги; но большей части, ей нѣкогда было закупать самой провизію и она отдавала отцу деньгами. Онъ съ жадностью хваталъ ихъ и иногда дѣйствительно употреблялъ на ѣду, но чаще на покупку опиума.

Въ сущности онъ далеко не такъ терпѣлъ отъ голода, какъ дочь его. Отъ обѣда миссъ Симмондсъ, который приходился въ часъ полудни, до вечерняго отдыха, который, нерѣдко, откладывался до полуночи, постъ былъ порядочный, а Мери была молода, живо ощущала потребность пищи и къ голоданью не привыкла.

Однажды вечеромъ она по обыкновенію сидѣла за шитьемъ и пѣла веселую пѣсню, изрѣдка прерывая ее вздохами, какъ вдругъ дверь отворилась и оцупью вошла слѣпая Маргарита. Отсутствіе

ей давно уже было дополнительнымъ горемъ для Мери: Маргарита ѣздила вмѣстѣ съ профессоромъ музыки по разнымъ промышленнымъ городамъ Йоркшира и Ланкашира. Дѣдъ ея рассудилъ, что теперь самое время ему постранствовать за различными предметами натуральной исторіи; такимъ образомъ квартира ихъ стояла пустая и уже нѣсколько недѣль сряду была заперта.

— О Маргарита, Маргарита! Какъ я рада тебѣ! постой, не ушибись, вотъ сюда — теперь такъ, это батюшкино кресло. Сядь. И Мери нѣсколько разъ принималась цѣловать ее.

— Точно новое солнышко взошло, какъ я тебя увидала, Маргарита, милая ты моя. И какъ ты похорошѣла!

— Доктора всегда предписываютъ хворымъ людямъ перемѣну воздуха, а ты знаешь что за послѣднее время у меня этого снадобья было довольно.

— О да, ты просто стала путешественницей! Расскажи же все по порядку, Маргарита. Во-первыхъ, гдѣ ты была?

— Ну, душа моя, это долго рассказывать. Кажется чуть не полсвѣта объѣздила. Въ Болтонѣ была, въ Бери, въ Ольдгемѣ, въ Галифаксѣ — да, кстати: угадай, Мери, кого я тамъ встрѣтила? Или можетъ быть ты уже знаешь, такъ угадать не мудрено будетъ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, а догадываться терпѣть не могу. Скажи, Маргарита, не мучь.

— Такъ вотъ что. Иду я, разъ вечеромъ, съ хозяйскимъ слугою, изъ своей квартиры въ ту залу, гдѣ мнѣ назначили пѣть, иду, и слышу, какъ впереди меня кто-то кашлянулъ, да и думаю себѣ: вѣдь это словно кашель Джема Вильсона. Черезъ минуту опять тотъ же кашель и на этотъ разъ съ чиханьемъ; тутъ ужъ я убѣдилась, что это онъ. Сначала мнѣ было совѣстно съ нимъ заговорить, потому что, думаю, если это чужой, то пожалуй подумаетъ, что я къ нему привязываюсь; но потомъ рассудила, что слѣпому человеку съ своимъ языкомъ церемониться нечего, и говорю: Джемъ Вильсонъ, это вы? Онъ и былъ, своею особой. А ты знала, что онъ въ Галифаксѣ, Мери?

— Нѣтъ, отвѣчала она печально и чуть слышно. Галифаксъ представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ Америки, все равно: оттуда не видать ея смиренного, раскаяннаго взгляда, не видать признаковъ ея дѣвической любви.

— Ну, такъ онъ тамъ теперь; устраиваетъ какую-то машину для какихъ-то господъ, за своего хозяина. Онъ должно быть на хо-

рошемъ счету, у него пятеро помощниковъ. Мы съ нимъ встрѣчались раза два или три, и онъ мнѣ рассказывалъ про свое изобрѣтене, съ кранами или съ какими-то тамъ трубочками. Хозяинъ купилъ у него эту выдумку и взялъ привилегію, а Джемъ получилъ за это столько денегъ, что теперь всю жизнь можетъ прожить бариномъ. Но впрочемъ ты вѣрно уже обо всемъ этомъ слышала.

Нѣтъ, не слыхала?

— Ну вотъ, а я думала, что все это случилось передъ его отъѣздомъ изъ Манчестера, а тогда, разумѣется, тебѣ все было бы извѣстно. Но можетъ быть онъ устроилъ свой дѣла только въ Галифаксѣ. Двѣсти или триста фунтовъ стѣрлинговъ дали ему за эту штуку! Да что же это, Мери, ты будто вовсе ничего не знаешь. Вѣдь вы кажется съ Джемомъ не ссорились?

Тутъ Мери расплакалась. Тѣломъ она ослабѣла, духомъ приуныла и вотъ теперь пришла минута, когда можно облегчить свое сердце, все рассказавъ подругѣ. Впрочемъ, она никакъ не рѣшалась признаться ей до какой степени страдала теперь отъ признанія своего прошлаго тщеславія и глупости. Она надѣялась, что объ этомъ можно будетъ умолчать на вѣкъ, и сама не любила останавливаться на этой мысли.

— О, Маргарита, знаешь ли что было? Одинъ разъ вечеромъ, когда я была раздосадована и зла, приходилъ Джемъ. О Боже мой, Господи! Какъ подумаю объ этомъ, готова откусить себѣ языкъ. Онъ мнѣ говорилъ какъ любить меня, а я думала, что не люблю его, да такъ ему и сказала. А онъ, Маргарита, онъ мнѣ повѣрилъ, и такъ опечалился, такъ разсердился! А я бы теперь готова была сдѣлать все на свѣтѣ, право... рыданія прервали ее слова. Маргарита слушала ее задумчиво, но не теряя надежды. Въ душѣ, она не сомнѣвалась, что разрывъ этотъ не надолго.

— Скажи мнѣ, Маргарита, сказала Мери, опустивъ передникъ, которымъ отирала глаза, и глядя на свою подругу съ довѣренностью и вниманіемъ, — скажи, что мнѣ дѣлать, чтобы воротить его, — не написать ли?

— Нѣтъ, возразила Маргарита, этого дѣлать не слѣдуетъ. Муцины вѣдь знаешь какіе странные, хотятъ, чтобы все ухаживанье было только на ихъ сторонѣ.

— Но что же за ухаживанье, если я напишу письмо; вѣдь я не подлачиваться же къ нему буду! сказала Мери съ досадою.

— Да, но если ты напишешь, то это будетъ значить, что ты раздумала и очень рада была бы теперь отдаться ему. Мнѣ кажется, лучше будетъ, если онъ самъ все это увидить и откроетъ.

— Но онъ и не подумаетъ искать, сказала Мери, вздыхая. Какъ же ему узнать, когда онъ въ Галифаксѣ?

— Захочетъ, такъ все узнаетъ, въ этомъ ты будь увѣрена. А ты вѣдь вѣрно не желала бы выйти за него, если онъ самъ этого не захочетъ? Да нѣтъ, милочка! продолжала она, внезапно переходя отъ строгаго тона, которымъ, обыкновенно, говорятъ разсудительные люди, къ нѣжному и ласкающему тону, который такъ особенно дорогъ въ ихъ устахъ. — Нѣтъ милочка, ты только жди и будь терпѣлива. И будь увѣрена, что само собою все кончится отлично, гораздо лучше, чѣмъ если ты сама возьмешься все перебивать.

— Но терпѣть такъ трудно! жалобно проговорила Мери.

— Какъ же быть! Терпѣніе, конечно, самое трудное дѣло, какое только выпадаетъ человѣку въ жизни; это такъ. Ждать несравненно мудренѣе, чѣмъ дѣйствовать. Это я испытала съ своей слѣпотой, и всякій испыталъ, кому случалось ходить за больными; но это ужъ Божіе предопредѣленіе, которому всѣ мы должны подчиняться, такъ или иначе. — Маргарита замолчала и потомъ прибавила: — А давно ты не ходила къ его матери?

— Давно, уже нѣсколько недѣль. Въ послѣдній разъ, какъ я ходила, она была со мною такъ неласкова, что я право думала лучше уже оставить ее въ покоѣ.

— Ну, а я бы на твоемъ мѣстѣ опять пошла. Джемъ узнаетъ объ этомъ и, навѣстивъ его мать, ты конечно больше выиграешь въ его мнѣніи, нежели написавъ къ нему письмо. Да и что ты станешь писать? подумай только, какъ это трудно: побоишься сказать лишнее, и побоишься не договорить. Однако мнѣ пора уйти; дѣдушка дома ждетъ. Сегодня мы первый вечеръ опять вмѣстѣ проведемъ, и мнѣ не хочется заставлять его долго дожидаться.

Она встала, но все не уходила, въ какой-то нерѣшимости.

— Мери, мнѣ надо еще кое-что сказать тебѣ, только право не знаю съ чего начать. Видишь ли, мы съ дѣдушкой знаемъ, что значатъ тяжкія времена и нужды, знаемъ и то, что отецъ твой безъ работы; а у меня денегъ столько, что и тратить не посбиваю. Такъ не возьмешь ли ты, душечка, вотъ эту золотую монетку: заплатишь

когда-нибудь послѣ. — На глазахъ Маргариты навернулись слезы при этихъ словахъ:

— Милая Маргарита, намъ вѣдь не такъ ужь дурно. — (Говоря это, въ умѣ Мери мелькнуло воспоминаніе объ отцѣ, о его изнуренномъ лицѣ и скудной пищѣ, и она прибавила:) А впрочемъ, душечка, если тебя это не раззоритъ, то... Я постараюсь поскорѣе заработать и выплатить тебѣ, — а дѣдушка не разсердится?

— Дѣдушка-то! О нѣтъ, какъ можно. По правдѣ сказать, это онъ и выдумалъ предложить вамъ, а дома у насъ еще столько же денегъ, такъ ты не торопись возвращать. — Большое горе моя слѣпота, но за то какъ легко стало деньги добывать! И какое удовольствіе притомъ, я такъ люблю пѣть!

— Ахъ, кабы я умѣла пѣть! сказала Мери; глядя на золотую монету.

— Чтожь, одному дается одно, другому другое. Сколько разъ, Мери, пока я еще не была слѣпа, мечтала я быть такой красавицей какъ ты! — Всѣ-то мы, точно дѣти, только за тѣмъ и гонимся, чего нѣтъ у насъ. Теперь еще одно слово, Мери: помни, пожалуйста, что если вамъ опять понадобятся деньги, ты просто обидишь меня, если не скажешь. — Прощай, милочка.

Несмотря на слѣпоту, Маргарита поспѣшно удалилась, отчасти торопясь къ дѣдушкѣ, отчасти желая избѣгнуть изліяній благодарности Мери.

Ея посѣщеніе во многихъ отношеніяхъ облегчило Мери. Оно усилило ея терпѣніе и надежду, оживило въ ней увѣренность въ тепломъ участіи Маргариты и наконецъ (какъ ни ничтожны житейскія блага въ сравненіи съ дарами любви, которые повидимому всякому доступны) она оцѣнила важность золотого, оставшагося у ней въ рукахъ. Сколько разныхъ вещей можно купить на него! Во первыхъ, тотчасъ же можно приготовить славный ужинъ для отца; съ этою мыслью Мери въ ту же минуту выбѣжала за провизією, въ надеждѣ, что не всѣ еще лавки заперты, несмотря на поздній часъ.

Въ этотъ вечеръ квартира Бартонна сіяла необыкновеннымъ блескомъ сальной свѣчи и пылающаго камина, а отецъ и дочь сѣли за ужинъ, который показался имъ даже черезъ чуръ роскошнымъ: такъ давно уже они не наѣдались до сыта.

Пища душу крѣпитъ, говоритъ народная поговорка. И на слѣдующій день Мери нашла таки время сходить къ мистриссъ Вяльсонъ, по совѣту Маргариты.

Она застала ее совершенно одну и нашла старушку на этотъ разъ несравненно любезнѣе, чѣмъ въ прошлый визитъ. Она сказала ей, что Алиса отлучилась изъ дому.

— Она пошла на почту, только я увѣрена, что воротится съ пустыми руками. Хотѣла, видишь ли, спросить, нѣтъ ли тамъ письма на ея имя, отъ пріемнаго сына ея, Вилля Вильсона, моряка.

— Почему ей пришло въ голову, что тамъ можетъ быть письмо? спросила Мери.

— А вотъ былъ здѣсь сосѣдъ, изъ Ливерпуля, и сказывалъ ей, что пришлозъ тутъ корабль, на которомъ служитъ Вилль. Въ прошлый разъ, какъ пріѣзжалъ этотъ корабль, онъ не могъ отлучиться для свиданья съ Алисою, потому что они и всего-то одну недѣлю стояли въ гавани, а дѣла было имъ по горло. Такъ Алиса думаетъ, что Вилль непремѣнно побываетъ у ней теперь, и то и дѣло прикладываетъ руку къ ушамъ, прислушивается къ каждому шуму на улицѣ, все воображаетъ, что это онъ идетъ. А сегодня ужъ не могла сидѣть на мѣстѣ и побѣжала хотъ на почту справиться, не писалъ ли онъ на прежній ея адресъ, что около васъ. Я пыталась отговорить ее, чтобъ не ходила, потому что, не говоря уже о глухотѣ, она становится такъ слѣпа, что за пять аршинъ впереди ничего не видитъ. Нѣтъ таки, пошла моя старуха.

— Я не знала, что у ней и зрѣніе испортилось. Когда она жила по сосѣдству съ нами, у ней были славные глаза.

— Да, а вотъ въ последнее время вовсе плохи стали. Да что же ты ниче не спросишь о Джемъ? проговорила вдова, желая поскорѣе обратиться къ главному и любимому предмету всѣхъ своихъ помышлений.

— Ахъ да! сказала Мери, вспыхнувъ какъ роза; — какъ онъ поживаетъ?

— Въ эту самую минуту не могу тебѣ сказать, какъ онъ поживаетъ, по той причинѣ, что онъ въ Галифаксѣ. Но въ прошлый вторникъ онъ писалъ, что здоровъ, слава Богу. Слышала ты объ его удачѣ?

Мери призналась, что слышала какую сумму Джемъ получилъ отъ хозяина за свое изобрѣтеніе, чѣмъ вдова была не совсѣмъ довольна.

— Ну, а сказывала тебѣ Маргарита, куда онъ дѣвалъ эти деньги? Впрочемъ это такъ на него и похоже, если онъ ни слова не сказалъ ей объ этомъ. Видишь ли, какъ только получилъ онъ свое, тотчасъ

отправился къ хозяину и просилъ помочь ему купить пожизненное обезпеченіе для меня и Алисы. Такъ и написано ея имя въ контрактъ; только недолго ей осталось пользоваться своими доходами; очень она становится плоха, моя голубушка. И такъ, Мери, ты видишь какія мы стали важныя леди, доходы получаемъ съ своихъ имѣній. Говорятъ, это составитъ фунтовъ по двадцати въ годъ. Ахъ, кабы близнечки-то мои живы были! прибавила она со слезами. — Послала бы ихъ на выучку въ лучшую школу, и кушали бы вдоволь, ангельчики мои. Конечно на томъ свѣтѣ имъ должно быть лучше, но какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть ихъ!

Сердце Мери преисполнилось любовью при этомъ новомъ доказательствѣ прекрасной души Джема; но говорить она не могла. Взявъ руку Джени Вильсонъ, она съ чувствомъ сжала ее и снова свела разговоръ на Вилля, племянника-моряка. Джени нѣсколько подсадовала на перемѣну разговора, но такъ какъ довольство значительно смягчило ея нравъ, то она не напала на Мери за такое равнодушіе къ Джему и его добродѣтелямъ.

— Вилль? Онъ былъ въ Африкѣ и вообще въ той сторонѣ, какъ жется. Красивый малый, но никогда у него не было такихъ волосъ какъ у Джема: все что-то рыжеватое въ отбѣнкѣ. Онъ присылалъ Алисѣ — она можетъ говорила тебѣ тогда — присылалъ ей изъ за моря фунтовъ пять стерлинговъ; но въ сравненіи съ доходомъ нашимъ что же это такое? Самая малость, разумѣется.

— Не всякій же можетъ разомъ зашибить сотни фунтовъ, сказала Мери.

— О нѣтъ, нѣтъ, не всякій. Это-то совершенно справедливо. Не много на свѣтѣ такихъ, какъ Джемъ. Вонъ я слышу Алиса идетъ, прибавила она и поспѣшила отворить дверь своей золовкѣ. Алиса устала, запыхалась и была печальна. Пыли и усталости можетъ быть никто бы и не замѣтилъ, если бы не эта печаль.

— Нѣтъ цисемъ? спросила мистриссъ Вильсонъ.

— Нѣтъ! еще денекъ придется ждать вѣстей отъ моего парня. Какое тяжелое дѣло, это жданье, сказала Алиса.

Мери вспомнила слова Маргариты. Всякому выпадаетъ на долю свой крестъ терпѣнія и ожиданія.

— Хоть бы знать только, что онъ живъ и здоровъ, не утонулъ гдѣ-нибудь! заговорила опять Алиса. — Или ужь знать, что утонулъ, и просить у Господа силы положиться на Бѣгу святую волю. Но ждать-то, ждать!

— Всѣмъ намъ трудно дается терпѣніе, сказала Мери. — Я знала, что для меня оно трудно, но не ожидала, чтобы для васъ это было таково, Алиса. Теперь я не буду такъ сильно упрекать себя въ нетерпѣніи, узнавъ, что даже вы находите его мудренымъ.

Мери и не думала, чтобы въ словахъ ея заключался какой-нибудь упрекъ; Алиса также не думала этого, но тѣмъ не менѣе сочла за нужное отвѣтить:

— Въ такомъ случаѣ прости меня, душечка, и да проститъ мнѣ Богъ за то, что я ввела тебя въ соблазнъ, выказавъ передъ тобою всю мою слабость. Половина жизни нашей проходитъ въ ожиданіи, и конечно не пристало мнѣ грѣшной жаловаться, тогда какъ Господь осыпаетъ меня своими милостями. Постараюсь укоротить свой языкъ и унять свои мысли.

Она говорила очень смиренно и кротко, какъ-будто дѣйствительно просила прощенія.

— Ну, ну, Алиса, вмѣшалась мистриссъ Вильсонъ, не мучь себя изъ-за какого-то вздора. Вотъ я поставила котелокъ и мигомъ заварю чаю для тебя и для Мери.

Она засуетилась, принесла большой, вкусный хлѣбъ, заставила Мери рѣзать ломтики и намазывать ихъ масломъ, а сама зазвенѣла чашками и блюдами — звукъ всегда отрадный, особливо для бѣдняка!

Только что онѣ сѣли за чай, какъ послышался стукъ въ дверь и кто-то, не дожидаясь отвѣта приподнявъ скобу, отворилъ дверь, и заглянувъ въ комнату, спросилъ мужественнымъ, пріятнымъ голосомъ: здѣсь ли живетъ нѣкто, по имени Джоржъ Вильсонъ?

Мистриссъ Вильсонъ тотчасъ пустилась въ длинныя и печальныя объясненія о томъ, что точно жилъ здѣсь прежде такой человекъ, но теперь уже онъ скончался; какъ вдругъ Алиса, съ вѣрнымъ инстинктомъ любви, встала и поплелась къ двери. Во всѣхъ прочихъ, обыкновенныхъ случаяхъ жизни, слухъ и зрѣніе ея были уже до того слабы, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія звуковъ и образовъ достигали до нея несравненно позже, — чѣмъ слѣдовало. Но на этотъ разъ другое дѣло.

— Мой мальчикъ! — мой милый, безцѣнный мальчикъ! вскрикнула она, кидаясь на шею къ Виллю Вильсону.

Читатель можетъ себѣ вообразить, какая послѣдовала живая и радостная сцена; какъ мистриссъ Вильсонъ смѣялась, болтала и всхлипывала въ одно и тоже время; какъ Мери съ пріятнымъ удив-

леніемъ осматривала съ ногъ до головы своего стараго пріятеля, прежняго товарища по разнымъ дѣтскимъ играмъ , а нынѣ виднаго, загорѣлаго , кудряваго моряка , съ открытымъ , веселымъ и привѣтливымъ лицомъ.

Но радость Алисы , при свиданіи съ своимъ пріемнымъ сыномъ выходила изъ разряда обыкновенныхъ. Она ничего не говорила , потомучто дѣйствительно не въ состояніи была произнести слова ; но обильныя слезы ручьями текли по старымъ , сморщеннымъ щекамъ и туманили большія очки, въ роговой оправѣ , которыя она надѣла, чтобы лучше разглядѣть своего любимца. Убѣдившись наконецъ , что слѣпота и слезы не дадутъ ей хорошенько изучить это милое лицо, она нашла средство сдѣлать это безъ помощи зрѣнія , и употребила въ дѣло другое чувство. Она подняла свои желтыя , сухія руки къ его головѣ , терпѣливо склоненной передъ нею , и дрожащими отъ волненія пальцами провела по мужественнымъ чертамъ юноши , который съ величайшею кротостью подвергся этой странной операци. Наконецъ—то она налюбовалась вволю!

Послѣ чаю Мери почувствовала, что съ обѣихъ сторонъ многое нужно имъ было сказать другъ другу на единѣ и что въ такомъ случася даже и она была лишняя , не смотря на давнишнюю короткость свою въ этомъ кружкѣ. Это движеніе, какъ будто впервые, пробудило Алису отъ полноты блаженства и она поспѣшно бросилась къ дверямъ вслѣдъ за Мери. Выйдя на улицу и держась рукою за скобу, она схватила Мери за руку и горячо проговорила, чуть ли не первыя слова съ самаго появленія племянника.

— Душечка! я никогда не прощу себѣ , если грѣшныя рѣчи мои послужатъ тебѣ камнемъ преткновенія на пути жизни. Видишь ли, какія горячія уголья Господь положилъ на мою голову! — О Мери , да не будутъ слова мои помѣхою твоей вѣрѣ , — вѣдь это я такой Оома невѣрный! А ты терпѣливо жди и надѣйся на Господа, какое бы ни было у тебя горе.

ГЛАВА XIII

Русалка сидитъ на высокой скалѣ,
 Въ туманной во мглѣ;
 И волосы чешетъ, и въ воду глядитъ,
 И пѣсни звѣнитъ.
 А пѣсню русалки услышитъ лишь тотъ,
 Кто за солнцемъ поидетъ
 И съ солнцемъ вдвоемъ, какъ заходитъ оно,
 Омунется на самое дно.

В. С. Лендоръ.

Дней черезъ пять, послѣ описанныхъ происшествій, Мери стояла у окна своей квартиры и, погрузившись думою въ неопредѣленные грезы и размышленія, увидѣла Вилля Вильсона, который быстро вошелъ въ ворота и также быстро приблизился къ ея двери. Она рада была видѣть его, потому что съ дѣтства была съ нимъ очень дружна и, можетъ быть, только чрезвычайное сходство характеровъ помѣшало имъ питать другъ къ другу чувства болѣе нѣжныя. Она отворила ему дверь и ласково отвѣчала на его дружеское привѣтствіе.

— Ну-ка, Мери, надѣвайте шляпу и шаль, или тамъ какія другія штуки, словомъ то, въ чемъ вы уходите со двора. Меня прислали за вами, а когда я исполняю порученіе, то времени тратить не люблю. Живо, живо!

— Куда же мы поидемъ? спросила Мери, и сердце въ ней замерло при мысли о томъ, кто можетъ быть ждетъ ее.

— Не очень далеко, отвѣчалъ онъ. Всего-то за уголь, къ старому Джобу Легу. Меня тетушка привела туда, чтобы познакомить съ своими новыми друзьями, а потомъ мы хотѣли идти сюда, навѣстить васъ и вашего батюшку, но старый джентльменъ расположонъ кажется задать сегодня званый вечеръ и потому прислалъ меня захватить васъ. Гдѣ отецъ? Мнѣ и его надо, его также ждуть.

— Его дома нѣтъ, но я попрошу сосѣда, чтобы сказали ему гдѣ и куда ему прійти; то есть это въ томъ случаѣ, если онъ скоро воротится домой. — А что, у Джоба Лега больше никого нѣтъ! прибавила она нерѣшительно.

— Нѣтъ; тетка Джени не пришла, у ней какія-то домашнія хлопоты, а Джемъ — что и говорить! И какого зелья поѣ вы ему

туть подсыпали, что онъ какъ въ воду опущенный, право! Конечно было горе и у него, бѣдняги, да пора бы ужъ страхнуться и глядѣть молодцомъ; а то что это, словно баба!

— Такъ онъ ужъ воротился изъ Галифакса? спросила Мери.

— Да, брѣнное тѣло его воротилось; а сердце должно быть посялъ гдѣ нибудь. Языкъ то еще кажется на мѣстѣ, какъ бывало говорили мы ребятамъ, которые говорить не хотятъ. Я иногда пробую расшевеливать его, и онъ какъ будто не прочь отъ моей компаніи, но все такой же угрюмый и печальный. Вчера шли мы съ нимъ на заводъ, словно два квакера, на которыхъ еще не сошелъ святой духъ; всю дорогу промолчали. Ну, мѣстечко! По неволѣ съ ума сойдешь: что за шумъ, что за темнота! Впрочемъ есть двѣ три хорошія вещи, напримѣръ раздувательные мѣха, или лучше сказать крѣпкій вѣтеръ, который они зовутъ мѣхами. Тутъ я бы наелся вѣсь день простоялъ; и еслибы, когда нибудь, затесала меня нелегкая въ эту каторгу, я бы выпросилъ себѣ мѣсто раздувателя, коли есть такое мѣсто. А Джемъ даже и этимъ не тѣшится: стоитъ себѣ, словно истуканъ, тогда какъ у меня этотъ вѣтеръ чуть шапку изъ рукъ не вырвалъ. Отъ бѣды тоже его отбили, и объ этомъ тетка всею душою сокрушается. Ну, Мери, готовы ли вы?

Изъ всей этой рѣчи она все-таки не могла понять, пришло ли Джемъ къ Джобу Легу; но едва отворилась передъ ней гостеприимная дверь, какъ она сразу увидала и почувствовала, что его тутъ нѣтъ. Стало быть и этотъ вечеръ пройдетъ для нея попусту, думала она. Но минулъ черезъ пять уныніе ея исчезло подъ вліяніемъ встрѣчи съ добрыми старыми друзьями, изъ которыхъ каждый, кромѣ ея самой, имѣлъ особую причину быть довольнымъ и счастливымъ.

Маргарита, которая безъ работы не могла существовать, что-то вязала, равумбется не глядя на вязанье и обративъ свое внимательное лицо къ присутствующимъ. Алиса сидѣла тихо и терпѣливо, съ тусклыми глазами и кроткимъ выраженіемъ лица, старалась вглядываться и прислушиваться, но ни разу не пожаловалась на свои недуги. Въ душѣ она даже очень искренно благодарила Бога за свое обыкновенное счастье, потому что радость отъ присутствія племянника перевѣшивала для нея печальный недостатокъ зрѣнія и слуха.

Джобъ съ честію исполнялъ должности хозяина и хозяйки, потому что современи слѣпоты Маргариты онъ, ничего не говоря, страх-

нулъ свою обычную разсѣянность и взялъ на себя большую часть мелкихъ хозяйственныхъ хлопотъ, лежавшихъ, до тѣхъ поръ, исключительно на вничкѣ. Ходя по комнатѣ туда и сюда, онъ въ тоже время велъ самую душешвную бесѣду съ молодымъ морякомъ, стараясь извлечь какія нибудь естественно-историческія подробности изъ всѣхъ его разсказовъ о путешествіяхъ въ далекіе края.

— О, если вы такой охотникъ до мухъ, стрекозъ и червей, то вамъ бы съѣздить въ Сіерра-Леоне, тамъ ихъ всего больше. Жаль, что васъ не случилось съ нами, а намъ, по правдѣ сказать, черезъ чуръ уже много доставалось этаго добра: и въ питьѣ, и въ ѣдѣ, не оберешься. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы на свѣтѣ были охотники до такихъ жирныхъ зеленыхъ тварей, а не то я бы вамъ привезъ ихъ тысячи. Въ одну тарелку гороховаго супа вамъ напало бы ихъ достаточное количество, я полагаю; намъ-то, пожалуй, казалось даже, что и слишкомъ довольно.

— О, я бы дорого далъ за такую штуку! сказалъ Джобъ.

— Чтожъ, я зналъ многихъ на родинѣ, которые любятъ разныя заморскія рѣдкости; но не думалъ, чтобы кому либо могли понадобиться такія противныя гадины. Вотъ русалокъ я всегда искалъ и очень хотѣлъ встрѣтить, потомучто это по крайней мѣрѣ вещь любопытная.

— Долго же пришлось бы вамъ искать, проговорилъ Джобъ въ полголоса, но съ замѣтнымъ презрѣніемъ, которое не ускользнуло отъ чуткаго уха моряка.

— Не такъ-то долго какъ вы полагаете, сэръ, особенно въ нѣкоторыхъ широтахъ. Все дѣло въ томъ, что въ иныхъ мѣстахъ для русалокъ слишкомъ холодно, — это тамъ, гдѣ женщины еще не ходятъ полунагія отъ жара. Но я бывалъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подъ одной кисеей не знаешь куда дѣваться отъ зноя, а вода въ морѣ теплѣе парнаго молока. Вотъ тутъ-то и водятся русалки, и хотя самому мнѣ ни разу не удавалось видѣть ихъ, но я лично знаю очевидцевъ.

— Разскажите, — какъ это? подхватила Мери.

— Разсказывай! проговорилъ натуралистъ скептически.

Оба восклицанія подстрекнули Вилюя разсказать свою исторію. И что же это, въ самомъ дѣлѣ? тутъ все народъ, который съ роду изъ своей мурьи не вывзвалъ и ничего не смыслить въ морскихъ чудесахъ, а еще ему же ротъ занимаетъ.

— Вот изводьте видѣть, пріятель мой Джекъ Гаррисъ, нашъ подщиперъ, въ послѣднее плаваніе не разъ намъ объ этомъ досканально рассказывалъ. Засталъ ихъ штиль около острова Чэтема (это въ Тихомъ океанѣ; жара тамъ порядочная и водятся всякія страсти, и русалки, и акулы, и все такое). Вотъ нѣкоторые изъ матросовъ и вздумали на веслахъ съѣздить на островъ, посмотрѣть его по ближе; взяли лодку и поѣхали. Приближаясь къ берегу, слышатъ они какъ будто кто вздыхаетъ или отдувается, словно духъ переводить. Вы водолазовъ видали? Нѣтъ! Ну, видали по крайней мѣрѣ людей, одержимыхъ одышкою? Такъ этотъ звукъ именно на то былъ похожъ. Вотъ осмотрѣлись наши молодцы кругомъ, и что же они видятъ? Сидитъ на утесѣ русалка и грѣется на солнцѣ. Вода бываетъ гораздо теплѣе во время бури или сильнаго волненія, такъ въ затишьѣ—то она видно озябла и вышла погрѣться.

— Какая же она была? спросила Мери, затаивъ дыханіе.

Джобъ между-тѣмъ взялъ съ камня свою трубку и сталъ курить, попыхивая очень явственно, въ знакъ того, что рѣчи идутъ самыя пустыя.

— О, Джекъ говоритъ, что она была такая красавица, какъ бываютъ восковыя куклы у паракмахеровъ на окнахъ; только вотъ что, Мери, волоса у ней были ярко-зеленаго цвѣта.

— А я бы не думала, чтобы это могло быть такъ красиво, сказала Мери нерѣшительно, какъ будто ей самой странно было сомнѣваться въ чемъ либо, касающемся такого достовѣрнаго предмета.

— О, вѣдь это только съ непривычки кажется некрасиво. А помнѣ, какъ подплываешь къ твердой землѣ, ничего не можетъ быть отраднѣе и лучше ярко-зеленой травы. Ну, такъ волоса-то у ней зеленія и повидимому она этимъ очень довольна, потомучто, когда они ее увидѣли, она то и дѣло расчесывала ихъ во всю длину. Они подумали, что это славная добыча, ничѣмъ не хуже кита (моряки-то эти были всѣ китоловы), и продать ее можно за чистыя денежки. Потомучто, видите ли, бываютъ иные великіе охотники до русалокъ, чтобы тамъ ни говорили объ этомъ другіе — прочіе.

Это былъ камешекъ въ огородъ Джоба Лега, который съ новымъ рвеніемъ и свистомъ принялся выпускать изо рта табачный дымъ.

— Ну, такъ они повернули лодку въ ея сторону, съ намѣреніемъ поймать ее. Она все время чесала свои чудесныя волосы и жанила ихъ рукою, а въ другой рукѣ держала зеркало,

— Много ли у ней рукъ-то было? спросилъ Джобъ.

— Разумѣется двѣ, также какъ у всякой другой женщины, отвѣчалъ Вилль съ негодованіемъ.

— А-а! мнѣ показалось по вашимъ словамъ, что она одной рукой манила, другой чесала волосы, а третьей держала зеркало, сказала Джобъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ, этого я не говорилъ! а если сказалъ, то разумѣлъ, что все это она дѣлала не вдругъ; это кажется всякій можетъ понять, кто только не... (послѣдовало легкое бормотанье себѣ подъ носъ). Ну, Мери (рѣчь обратилась теперь рѣшительно къ Мери), какъ увидѣла она, что они приближаются, испугалась. Ружьевъ ли побоялась, что въ лодкѣ были приготовлены для стрѣлянья дичи на острову, или просто бабій капризъ нашелъ (что очень можетъ быть, потому что половина ея тѣла все-таки женская); но только едва они подошли шаговъ на восемь къ утесу, на которомъ она сидѣла, какъ она бултыхъ въ воду — только и мелькнулъверху рыбій хвостъ ея, и тотъ исчезъ въ ту же минуту.

— И никогда больше ее не встрѣчали? спросила Мери.

— Никогда такъ близко. Одинъ изъ нашихъ матросиковъ, стоя разъ ночью на часахъ, сказывалъ, что видѣлъ, какъ она плавала вокругъ корабля и подняла къ нему свое зеркальце; и въ зеркалѣ онъ ясно увидѣлъ избушку, въ которой оставилъ свою жену въ валлійскомъ княжествѣ, и очень хорошо разсмотрѣлъ тамъ на порогѣ жену: стоитъ будто у двери, и глаза загородила рукою, словно ждетъ его и глядитъ на дорогу. Однако Джекъ Гаррисъ ему не больно вѣрилъ, потому что этотъ матросикъ, говорятъ, былъ такой мечтательный, унымый, да по родинѣ сильно тосковалъ.

— Жаль, что не поймали! сказала Мери задумчиво.

— Они таки достали одну вещицу, которая ей принадлежала, возразилъ Вилль. Я тысячу разъ видѣлъ эту вещицу собственными глазами, и помнѣ она достаточно доказываетъ, что это все невыдумки, впрочемъ вѣдъ такихъ ясныхъ доказательствъ, слава Богу, не всѣ и требуютъ.

— Что же это было? спросила Маргарита, отъ души желавшая, чтобы дѣдушка наконецъ убѣдился.

— Да она, видите ли, въ поныхакъ позабыла на камнѣ свой гребень; одинъ изъ матросовъ замѣтилъ это, подумалъ что все же лучше хоть гребень взять, и слазилъ за нимъ на утесъ. Потомъ гребень перешолъ въ руки Джека Гарриса, и я самъ видѣлъ, какъ онъ имъ чесался по воскресеньямъ на нашемъ кораблѣ.

— А какой онъ былъ? спросила Мери съ удвоеннымъ любопытствомъ; она уже вообразила себѣ коралловый гребешокъ, украшенный жемчугомъ.

— Еслибы не странная какая-то нитка или шерстинка, которую онъ былъ опутанъ, то въ немъ ничего бы не было необыкновеннаго: такой же гребень какъ и всѣ ваши чистые гребни.

— Вотъ какъ, проворчалъ Джобъ Легъ съ презрительною усмѣшкой.

Морякъ занузилъ губы, чтобы какъ-нибудь не выплыть на старика. Маргарита сидѣла какъ на иголкахъ; она знала, что дѣдъ за словомъ въ карманъ не ползѣеть, и съ замираніемъ сердца старалась угадать, что еще дальше будетъ и не выведетъ ли онъ изъ терпѣнія своего молоденькаго гостя.

Но Мери до того углубилась въ морскія чудеса, что даже не замѣтила недовѣрія, съ которымъ Джобъ Легъ слушалъ разсказъ о русалкѣ; когда Вильсонъ, нѣсколько оскорбленный такимъ сомнѣніемъ, замолчалъ и намѣревался не развѣвать больше рта во весь вечеръ, Мери опять пристала къ нему съ просьбами:

— Раасскажите еще что-нибудь, что вы видѣли и слышали тамъ на кораблѣ. Раасскажите, Виль!

— Что за охота, Мери, когда тутъ не вѣрять? Я собственными глазами видалъ такія вещи, что если ихъ разсказывать, то мнѣ же въ глаза начнутъ фыркать, какъ малому ребенку, чтобы заставить замолчать. Но *вамъ*, Мери, я пожалуй разскажу о какихъ-нибудь морскихъ чудесахъ, потому что *вы* кажется не считаете себя слишкомъ мудрою, чтобы вѣрить мнѣ на слово. Я видалъ, какъ рыбы летаютъ.

Это извѣстіе повергло Мери въ величайшее изумленіе. О русалкахъ она еще слыхала, и даже на вывѣскахъ видала ихъ изображенія; но о летучихъ рыбахъ неимѣла ни малѣйшаго понятія. Но Джобъ не такъ это принялъ. Онъ положилъ трубку на мѣсто и, энергически кивнувъ головою, сказалъ:

— Вотъ это дѣло, молодой человекъ; теперь вы правду говорите!

— Ну, наконецъ-то, хоть это пришлось по нутру! проговорилъ Виль. Какъ же такъ, старина? когда я говорю, что видѣлъ тварь полу-рыбу и полу-птицу, вы вѣрите; а когда говорю, что бываютъ твари полу-рыбы и полу-женщины — не вѣрите. Развѣ не все равно чудо?

— Вѣдь вы сами никогда не выдвигали русалокъ? кротко вмѣшалась Маргарита. Но Вилль держался пословицы «кто меня любитъ, любн и собаку мою», и на этотъ разъ перевертывалъ ее такъ: кто мнѣ вѣрнть, вѣрь и Джеку Гаррису. По этому примирительное замѣчаніе Маргариты не произвело на него желаемого дѣйствія.

— Это экзодетусъ, продолжалъ старый Джобъ, сидно заинтересованный летучею рыбой; онъ принадлежитъ къ отряду *Malacopterygii abdominales*.

— А-а, такъ вогъ что! Вы видно изъ тѣхъ людей, которые не признають звѣря, покамѣстъ не окрестить его какимъ-нибудь бурсманскимъ именемъ. Наряди скотину въ воскресное платье, вы ее тотчасъ узнаете; а приведи вамъ ее въ чемъ мать родила, такъ это уже не та. Я много встрѣчалъ такихъ чудаковъ. Кабы я зналъ, что вы принадлежите къ ихъ числу, то навязалъ бы русалкѣ бѣднаго Джека какое-нибудь долговязое названіе, съ латинскимъ хвостомъ. Вотъ напримѣръ, Русаликусъ Джеки Гарріэнзисъ, — это хорошее названіе, точь въ точь на вашъ манеръ. Какъ вы полагаета, сэръ, въ Тихомъ океанѣ Русаликусы водятся? продолжалъ Вилль, чрезвычайно довольный своею остротой.

— Нѣтъ, этого нѣтъ. А вы расскажите-ка мнѣ объ...

— Ладно! сказалъ Вилль, довольный и тѣмъ, что старикъ чему-либо вѣрнть и чѣмъ-либо заинтересовался изъ его рассказовъ.

— Это было въ послѣднее наше плаваніе, за день пути отъ Мадейры; слышу я, что одинъ изъ нашихъ матросовъ...

— Не Джекъ Гаррисъ, я надѣюсь, пробормоталъ Джобъ.

— Зоветъ меня (продолжалъ Вилль, не слушая замѣчанія) на надубу, посмотрѣть эту диковинку, какъ бишь вы ее называли, ну, по нашему летучую рыбу. Она летѣла футовъ на двадцать надъ водою и пролетѣла пространство шаговъ во сто. А кстати объ этомъ, сэръ, я одну поймалъ и высушилъ; не хотите ли ее взять? Я уступаю вамъ охотно. Только, прибавилъ онъ вполголоса, — хоть бы за это вы повѣрили моему Русаликусу.

Если бы такая вѣра поставлена была непремѣннымъ условіемъ уступки летучей рыбы, то я думаю, что Джобъ Легъ, несмотря на все свое прямодушіе, покривилъ бы душою на этотъ разъ и притворился бы, что вѣрнть въ русалокъ: такъ хотѣлось ему пріобрѣсть этотъ экземпляръ. Схвативъ обѣ руки молодого шоряка, онъ такъ крѣпко и усердно пожалъ ихъ, что этимъ несомнѣннымъ выраженіемъ благодарности тотчасъ расположилъ юношу въ свою

пользу, къ великому недоумѣнію старой Алисы; которая не могла понять, что это значить; впрочемъ, догадываясь, что такое движеніе во всякомъ случаѣ происходитъ отъ добраго чувства къ ея племяннику, она добродушно улыбалась, глядя на собесѣдниковъ.

Джобу захотѣлось чѣмъ-нибудь существеннымъ доказать свою признательность; но онъ не могъ придумать, какъ бы это сдѣлать? Онъ разсудилъ, что молодой человѣкъ едва ли оцѣнитъ по достоинству одинъ изъ дублетовъ его Аранеидъ; того и гляди, что онъ останется равнодушнымъ даже къ большой американской Мигале, главнѣйшему сокровищу Джоба; въ противномъ случаѣ Джобъ готовъ былъ подѣлиться даже этими прелестями съ великодушнымъ юношей, который доставить ему экземпляръ настоящаго сущопаго экзоцетуса. Чѣмъ же однако возблагодарить его? Можно попросить Маргариту пѣть. Вѣдь и кромѣ ея стараго, баловливаго дѣда многіе теперь восторгаются ея пѣніемъ. И такъ; Маргарита запѣла одну изъ своихъ старинныхъ, чудныхъ пѣсенъ. Новѣйшей музыки она не знала (и за это слушатели должны были быть ей наиболѣе благодарны); но звучнымъ, мягкимъ голосомъ спѣла нѣсколько классическихкихъ мелодій, которымъ выучилъ ее въ послѣднее время страствующій профессоръ музыки.

Мери съ удовольствіемъ слѣдила за восторженнымъ лицомъ молодого моряка; широко раскрывъ глаза, съ легко разинутымъ ртомъ; сидѣлъ онъ въ какомъ-то оцѣпененіи; боясь проронить малѣйшій звукъ этого чуднаго, великолѣпнаго голоса. Онъ даже не мигнулъ ни разу, какъ будто опасался и этимъ быстрымъ движеніемъ прервать очарованіе. Въ первый разъ въ жизни Мери пришло въ голову, что маленькая, невзрачная Маргарита, такая смиренная и тихая, можетъ вскружить голову такому красивому, остроумному и молодцоватому юношѣ, какъ Вилль Вильсонъ.

Въ умѣ Джоба также произошла быстрая перемена въ пользу молодого гостя. Летучая рыба конечно много къ тому способствовала, но откровенный восторгъ его отъ пѣнія Маргариты также не мало возвысилъ моряка во мнѣніи Джоба.

Довольно забавно было видѣть, какъ эти два человѣка, за часъ передъ тѣмъ оказывавшіе другъ другу самую обыкновенную и даже холодную вѣжливость, теперь наперерывъ старались угождать одинъ другому. Вилль, только что оправившійся отъ пѣнія Маргариты, глубоко и благоговѣнно вздохнулъ; потомъ подѣлалъ къ Джобу и сказалъ, не совсѣмъ твердымъ и очень умильнымъ голосомъ:

— Вы можетъ быть желали бы имѣть живую безхвостую кошку?

— Что-о?

— Я право не знаю, какъ это называется по настоящему, отвѣчалъ Вилль смиренно. Мы ихъ зовемъ просто безхвостыми кошками, отъ того, что они похожи на кошекъ, только безъ хвостовъ.

Оказалось, что Джобъ, изучая натуральную исторію, и не слышавъ о такой звѣрушкѣ. Вилль продолжалъ.

— Я, видите ли, передъ отправленіемъ на свой корабль хочу побывать на островѣ, у матушкиныхъ родныхъ, и тогда съ охотою привезу вамъ такую кошку, если вы желаете. Онѣ ужасно странныя и съ непривычки также поражаютъ какъ летучая рыба и... (онѣ проглотилъ послѣднее слово). Особливо странно на нихъ смотрѣть, когда онѣ ходятъ по крышамъ: обыкновенная кошка въ такихъ случаяхъ всегда держитъ хвостъ вверхъ и онѣ ясно рисуется на небѣ, а этой подымать нечего, потому что хвоста она не имѣетъ, и многимъ это кажется очень любопытно. Если вы позволите, я могу такую вещицу привезти для миссъ. И онѣ головою указалъ на Маргариту. Джобъ согласился съ признательнымъ любопытствомъ и сознался, что очень интересуется безхвостой диковинкой.

— Когда вы отплываете? спросила Мери.

— Навѣрное не знаю. Корабль нашъ поѣдетъ теперь въ Америку, какъ мнѣ говорили. Одинъ изъ моихъ однокорытниковъ дастъ мнѣ знать какой день назначать для отплытія; но сначала я отпрагился на островъ Менъ. Въ прошлый разъ, какъ были мы въ Англии, дядя наказалъ мнѣ непременно побывать тамъ. А такъ какъ я со дня на день жду повѣстки, то не надолго я вамъ достался, Мери, и вы пользуйтесь моимъ присутствіемъ, какъ можно больше.

Джобъ спросилъ его; былъ ли онѣ въ Америкѣ.

— Я-то? Какъ же, и въ Сѣверной, и въ Южной. Теперь мы идемъ въ Сѣверную, въ землю Янки.

Мери не совсѣмъ поняла послѣднее выраженіе и подѣсла къ Алисѣ, которая ничего не слыхала иначе, какъ если относились прямо къ ней. Она терпѣливо и безмолвно просидѣла большую часть вечера и привѣтствовала Мери спокойною улыбкой.

— Гдѣ твой отецъ? спросила она.

— Въ своемъ клубѣ, я думаю. Онѣ туда почти каждый вечеръ уходитъ.

Алиса покачала головою; но отъ того ли, что не разслышала отвѣта, или отъ того, что не одобряла его, Мери не могла разо-

братъ. Она тихо сидѣла около Алисы и грустно смотрѣла на ея тусклые, незрячіе глаза, еще недавно такіе живые и блестящіе. Алиса, какъ будто по инстинкту, угадала ея мысли и, внезапно обратившись къ Мери, сказала ей :

— Ты горюешь обо мнѣ, душечка, а горевать нечего. Я счастлива, какъ малое дитя. Иногда мнѣ кажется, что Господь уже баюкаетъ меня передъ вѣчнымъ сномъ, какъ ребенка. Когда я служила нянюшкой, барыня всегда учила меня говорить, какъ можно тише и спускать всѣ сторы, когда дитя ложилось почивать. И теперь всѣ звуки земные такъ для меня невнятны, и все вокругъ меня такъ стемнѣло, что видно Отецъ мой небесный уже готовитъ меня ко сну. Я очень довольна и тебѣ печалиться нечего. Я пережила на своемъ вѣку чуть ли не всѣ роды человѣческаго счастья, право такъ.

Мери подумала о давнишнемъ, сердечномъ желаніи Алисы еще разъ увидѣть родное пепелище; желаніе это столько разъ было отложено, и вотъ теперь вѣроятно уже совсѣмъ не будетъ приведено въ исполненіе. А если бы и было, то какая разница между тѣмъ, чего она такъ пламенно ждала столько лѣтъ, и неумолимою дѣйствительностью! Для слѣпой и глухой старухи такое свиданіе съ родной было бы похоже на насмѣшку судьбы.

Вечеръ прошолъ быстро. Подали скромный, чистенькій ужинъ, потомъ весело и шумно простились и разошлись по домамъ. Мери снова вступила въ свое безмолвное, одинокое жилище, непривѣтное и печальное; отца все еще не было дома, каминъ потухъ, а вечерняя работа ея, неубраная и даже неоконченная, валялась на комодѣ. Но этотъ вечеръ внесъ пріятное разнообразіе въ ея жизнь, доставилъ ей рядъ пріятныхъ воспоминаній. Онъ отвлекъ ея вниманіе отъ многихъ тяжелыхъ заботъ и подавляющихъ думъ; отъ размышленій о трудныхъ временахъ, о горестяхъ и нуждахъ, стѣною обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, объ отцѣ, объ его исхудалой фигурѣ, разстроенномъ здоровьѣ и ожесточенномъ сердцѣ; о завтрашнемъ днѣ и о всѣхъ послѣдующихъ дняхъ, которые предстояло проводить въ душной, тѣсной комнатѣ швейнаго заведенія, но неволь слушая противныя рѣчи Салли Ледбиттеръ, а Салли непременно станетъ наоптывать ей въ уши всякую дрянъ. А потомъ Мери съ ужасомъ будетъ осматриваться на порогъ миссъ Симмондсъ и прислушается, не слышно ли гдѣ нибудь по близости ненавистныхъ шаговъ мистера Карсона, который въ послѣднее время надѣлъ ей свыше всякой

нѣры, попомучто съ удивительною настойчивостію подстерегалъ ее всюду и насильно останавливалъ на улицѣ для переговоровъ. При этомъ онъ съ величайшимъ равнодушіемъ подвергалъ ее замѣчаніямъ всѣхъ прохожихъ, которые вольны были прославить о ней всякую молву; ну что, если бы такая молва дошла до ушей Джона Бартона? Она ужасалась этой мысли, и не скрывала отъ себя, что для Джема Вильсона подобные слухи были бы также хуже смерти.

И все это навлекла она на себя своимъ глупымъ кокетствомъ! О, какъ тяготило ее воспоминаніе о томъ тепломъ лѣтнемъ вечерѣ, когда она, усталая и лѣнивая, возвращалась съ работы и тихо идя по улицѣ въ первый разъ прислушивалась къ льстивымъ рѣчамъ своего обожателя.

А Джемъ Вильсонъ? О, Джемъ! зачѣмъ не приходилъ ты, зачѣмъ не видалъ нѣжнаго взгляда, не слышалъ любящихъ словъ, которыми Мери готова была наградить тебя за поспѣшный отказъ, такъ поспѣшно принятый тобою за окончательное рѣшеніе твоей участи. А сколько слезъ и тоски стоила вамъ обоимъ эта разлука! Но дни проходили за днями и терпѣніе Мери истощалось понапрасну; не разъ повторяла она слова заунывной старой баллады:

Но чтожь, его все не видать!
А я такъ устала, устала...
Ужь лучше-бъ скорѣй умирать,
Тогда-бъ я покойнѣе стала!

ГЛАВА XIV

«Не осуждай, но выслушай сперва.
Смотри, вотъ дубъ; онъ былъ красивъ и зеленъ,
Еще недавно такъ тѣнистъ и свѣжъ.
И чтожь его такъ страшно изсушило?
Едва пуская слабые ростки,
Томится онъ невѣдомымъ недугомъ.
Его недугъ въ корняхъ его, въ землѣ,
Тамъ ихъ бѣда глухая подточила
И не спасеть его бывая сила.»

Прошелъ мѣсяцъ. Для новобрачныхъ медовый мѣсяцъ время молодого счастья; для родильницы время отраднaго выздоровленія и знакомства съ новорожденнымъ сокровищемъ; для вдовы и сироты тяжкое время недавней, невозвратной потери; для темнаго шлѣнника,

нелюдиимаго и угрюмаго, законный срокъ одиночнаго заключенія, безмолвнаго труда.

На одрѣ болѣзни и въ темницѣ, вы навѣстили меня. Кто изъ насъ еѣ вами заслужитъ такую мзду, читатель? А я знаю человѣка, который заслужилъ ее. Директоръ одной изъ манчестерскихъ типографій, сѣдой старикъ, уже много лѣтъ сряду проводитъ воскресные дни въ тюрьмахъ и рабочихъ домахъ, навѣщая манчестерскихъ преступниковъ. Онъ не ограничивается совѣтами и утѣшеніями, но доставляетъ имъ средства возвратиться къ мирной и порядочной жизни, самъ отыскиваетъ имъ занятія и работу, и никогда не теряетъ изъ вида тѣхъ, кто однажды обратился къ нему за помощью.

Срокъ заключенія Эсфири миновалъ. Въ книгѣ смотрителя о ней сдѣлана была похвальная отмѣтка: она аккуратно сдавала свою ежедневную урочную работу, ни разу не заслужила дополнительнаго наказанія за нитянымъ станкомъ и въ рѣчахъ своихъ постоянно была учтива и прилична.

Эсфирь очутилась опять на свободѣ, но когда захлопнулась за нею дверь тюрьмы, ей показалось, что она снова покидаетъ родимый кровъ; потомучто для несчастной женщины этотъ домъ былъ все-таки единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ; другаго крова у ней не было, денегъ тоже не было, а день былъ ненастный и сумрачный.

Но она не долго стояла въ раздумьи. День и ночь преслѣдовала ее мысль, недававшая ей покоя; то была мысль о Мери, единственномъ дитяти покойной сестры, миломъ ребенкѣ, такъ много любимомъ ею самой въ счастливые дни невинности и чистоты. Какъ бы спасти Мери отъ несчастія, какъ бы отвратить ея заблудшіе шаги отъ пути порока? Кому сказать объ этомъ, кого просить о помощи? При мысли о Джонѣ Бартонѣ она приходила въ ужасъ: вспоминая свою встрѣчу съ нимъ, его гнѣвный толчекъ и жестокія слова, она чувствовала, что кровь застывала въ ней. Обратиться къ самой Мери казалось ей еще ужаснѣе, хотя по временамъ она думала, что это было бы самое лучшее средство, самое дѣйствительное предостереженіе. Во всякомъ случаѣ дѣйствовать было необходимо; безъ этого, она чувствовала, что не будетъ ей покоя; но къ кому обратиться? Она боялась возобновить сношенія съ которой бы то ни было изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, хотя и предполагала, что у нѣкоторыхъ достало бы ума, доброты, или просто услужливости, чтобы передать ея порученіе.

Кому же отверженная расскажетъ свою темную повѣсть? Кто протянетъ ей руку помощи? Она какъ прокаженная, и всякій боится заразы.

Во время своихъ ночныхъ странствій по городу, она замѣчала жилье и изучала привычки многихъ людей, которые и не воображали, чтобы за ними слѣдила эта несчастная женщина. Само собою разумѣется, что она съ удвоеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдила за тѣми, кого знала въ дѣтствѣ, въ тѣ давно прошедшіе дни, которые казались ей тогда такими однообразными и скучными, а теперь оживали въ ея памяти ясными и безоблачными. Мы видѣли, что она безошибочно знала, гдѣ встрѣтить Джона Бартона въ ту ночь, какъ онъ такъ страшно съ нею обошелся, а она попала въ тюрьму. Она знала также, что онъ продолжаетъ свое короткое знакомство съ Вильсонами, видала какъ онъ шолъ по улицамъ и разговаривалъ то съ отцомъ, то съ сыномъ, — тоже ея старыми друзьями; и не мало пролила она тайныхъ, никому невѣдомыхъ слезъ, когда узнала о внезапной смерти Джоржа Вильсона. Ей вдругъ пришло въ голову, что сынъ Вильсона былъ въ дѣтствѣ друженъ съ Мери, любилъ ее какъ сестру родную, и что ему можно все повѣрить: онъ все выслушаетъ и быть можетъ найдетъ средство какъ нибудь сберечь и охранить Мери.

Все это она обдумала еще въ тюрьмѣ, и потому, когда ее выпустили, планъ дѣйствій уже ясно обрисовался въ ея воображеніи и она недумала предаваться печали о своей свободѣ, о своемъ одиночествѣ, какъ предавалась бы вѣроятно въ иныхъ обстоятельствахъ.

Въ этотъ вечеръ она за-свѣтло помѣстилась около типографіи, въ которой работала Джемъ. Онъ долго не выходилъ изъ дома, занятый какими-то распоряженіями на завтрашній день. Эсѣбрь утомилась и теряла терпѣніе; многіе работники уже вышли и прошли мимо ея, вдоль длинной кирпичной стѣны, и каждому изъ нихъ она пристально и поспѣшно заглянула въ лицо, не обращая вниманія на ругательства и обидныя прозвища, которыми надѣляли ее эти прохожіе. Нѣтъ, видно онъ раньше всѣхъ ушелъ домой; она рѣшилась въ послѣдній разъ пройтись вдоль стѣны и потомъ удалиться.

Въ ту самую минуту, какъ она совершала это послѣднее путешествіе, въ тихой, уединенной улицѣ раздались шаги Джема. На мгновеніе она остановилась въ сильномъ смятеніи, но все-таки не переизмѣнила намѣренія, какъ ни трудно казалось ей теперь его исполненіе.

Она положила руку на его плечо. Случилось то, чего она ожидала: взглянувъ вскользь на особу, задержавшую его такимъ движеніемъ, онъ съ усиленіемъ тряхнулъ плечомъ, чтобы освободиться отъ ея руки и хотѣлъ пройти мимо. Но какъ ни сильно дрожала она всѣмъ тѣломъ, предвидя его сопротивленіе, она крѣпко держалась за его плечо.

— Вы должны меня выслушать, Джемъ Вильсонъ, произнесла она почти повелительно.

— Ступайте, ступайте, матушка; отъ меня вамъ ждать нечего, я ни слушать васъ, ни говорить съ вами не намѣренъ.

И онъ попытался освободиться отъ ея руки.

— Вы должны слушать, повторила она настойчиво, вы должны, изъ участія къ Мери Бартонъ.

Это имя произвело магическое дѣйствіе. Онъ сталъ, какъ вкопанный, и съ дѣтскимъ вниманіемъ вслушивался въ каждое ея слово.

— Я знаю, вы довольно къ ней привязаны, чтобы желать ей всего добраго и защитить ее отъ зла.

Онъ пристально и серьезно посмотрѣлъ ей въ лицо и воскликнулъ:

— Кто же вы, если знаете Мери Бартонъ и можете предполагать, что я къ ней привязанъ?

На минуту въ душѣ Эсэири произошла борьба; она стыдилась назвать себя по имени, но чувствовала, что такое признаніе съ ея стороны придаетъ особый вѣсъ ея предположенію.

— Помните ли вы Эсэиръ? сказала она. Эсэиръ, сестру Бартоновой жены, тетку Мери? Помните ли записку, которую я написала вамъ въ день св. Валентина, лѣтъ десять тому назадъ?

— Записку я помню. Но вѣдь вы вѣроятно не Эсэиръ? Онъ снова взглянулъ ей прямо въ лицо и видя, что дѣйствительно передъ нимъ стояла подруга его дѣтства, онъ взялъ ея руку и пожалъ ее съ величайшимъ дружелюбіемъ.

— Какъ, Эсэиръ! Это вы? Да гдѣ жъ вы пропадали столько лѣтъ? Куда вы дѣвались, что никто изъ насъ не могъ васъ отыскать?

Вопросы эти сдѣланы были слегка, вовсе не обдуманно; но отвѣтъ, послѣдовавшій на нихъ, былъ ужасенъ своею грубою свръеязностью.

— Гдѣ я была? Что я дѣлала? Зачѣмъ вы мучите меня такими вопросами? Развѣ этого нельзя угадать? Но хорошо, вы узнаете всю

мою исторію, она придасть особый смыслъ тому, что я хочу сказать вамъ. Нѣтъ, вѣтъ! Не отговаривайтесь теперь, не увѣряйте меня, что вамъ не зачѣмъ знать всего. Вы должны слушать, а я обязана все высказать, и тогда вы побережете Мери, позаботитесь, чтобы она не пошла по моей дорогѣ. Какъ она теперь любитъ, такъ и я любила чловѣка гораздо выше меня по состоянію. (Въ волненіи своемъ она не замѣчала какъ тяжело дышалъ Джемъ; какъ онъ внезапно прислонился къ стѣнѣ и съ какимъ страшнымъ вниманіемъ вникался въ каждое ея слово). Онъ былъ такъ хорошъ собою, такъ добръ! Полкъ его выступилъ въ Честеръ, да я кажется не сказала вамъ, что онъ былъ военный. Онъ не могъ перенести мысли о разлукѣ со мною и я не могла съ нимъ разстаться. Онъ взялъ меня съ собою. Я и не думала, чтобы бѣдная сестра Мери такъ приняла это къ сердцу! Я все думала, когда нибудь послать за ней, чтобы она у меня погостила, когда я буду замужемъ. Вы замѣтите, что онъ обѣщаль жениться на мнѣ. Они всѣ общаются. Три года прошли для меня въ невѣроятномъ блаженствѣ. Мнѣ кажется вовсе не слѣдовало такъ наслаждаться своимъ положеніемъ, но я наслаждалась. У меня и дочка была. О, какой прелестный ребенокъ, если бы вы знали! Но нѣтъ, мнѣ не надо думать о ней, или я съ ума сойду.

— Вы больше не рассказывайте о себѣ, сказалъ Джемъ тихо и усюкоительно.

— Какъ, вамъ уже наскучило? Но я все-таки скажу, все скажу; вы меня вызвали на это и обязаны выслушать. Не даромъ же припомнились мнѣ всѣ мученія прошедшаго. По крайней мѣрѣ есть кому разсказать ихъ. О, какъ я была счастлива! Голосъ ея понизился и въ немъ слышались почти дѣтскія, жалобныя ноты. — Когда онъ пришолъ сказать мнѣ, что его переводятъ въ Ирландію и что ему нельзя взять меня съ собою, меня это смертельно поразило. Мы были тогда въ Бристолѣ.

Джемъ пробормоталъ что-то; она не разслышала, но понявъ смыслъ его словъ, подхватила съ жаромъ и тревогою:

— О, не осуждайте его! Ни словомъ не оскорбляйте его. Вы не знаете, какъ я люблю его до сихъ поръ; да, даже теперь, когда я пала такъ низко. Вы себѣ представить не можете, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ. Передъ разлукюю онъ далъ мнѣ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, а я знаю, что тогда это было ему затруднительно. Пожалуйста, Джемъ, не говорите ничего такого. (Джемъ опять въ неподованіи проворчалъ что-то не совсемъ лестное для военнаго)

джентльмена, но, видя ея горе, удержался и замолчалъ). Я могла бы употребить эти деньги гораздо лучше, теперь я знаю это, а тогда я цѣны деньгамъ не знала. Прежде я легко выработывала ихъ на фабрикѣ и, не имѣя серьёзныхъ нуждъ, всё тратила на наряды и лакомства. Живя съ нимъ, я и подавно въ чемъ не терѣла нужды, и потому думала, что пятидесяти фунтовъ мнѣ достанетъ очень надолго. И такъ я воротилась въ Честеръ, гдѣ была такъ счастлива, открыла тамъ маленькій магазинъ и около него наняла себѣ крошечную квартиру. Все пошло бы хорошо, но малютка моя заболѣла, — заболѣла моя крошечка. Я не могла въ одно и тоже время присмотрѣть за магазиномъ и за нею, и дѣла мои пошли кривь и вкось. Я продавала свои товары, какъ попало, лишь бы скорѣе взять деньги и купить ей лекарство и кушанья. Я нѣсколько разъ писала къ ея отцу, прося его о скорой помощи; но онъ должно быть опять перѣхалъ куда-нибудь, потому что я никогда не получала отвѣта на мои письма. Что осталось у меня въ магазинѣ тесемокъ и кружевъ, хозяйинъ дома взялъ за долгъ; а хозяйка того дома, въ которомъ я занимала бѣдную и дрянную квартиру, грозилась непременно выгнать меня съ ребенкомъ, если я тотчасъ не заплачу ей. Такъ прошло нѣсколько недѣль, а была холодная, крутая зима; дочка моя лежала въ тяжкой, тяжкой бодѣзни, а я изнемогала отъ голода. Я не выдержала, не могла видѣть ея страданій и забыла, что лучше бы еще немножко подождать и умереть вмѣстѣ. Но она такъ стонала, такъ очонала... и деньгами еще можно было помочь ей, я знала это! — Вотъ я и вышла на улицу въ одну темную январскую ночь... Какъ вы думаете, Богъ покараетъ меня за это? — прибавила она какъ-то дико и порывисто; взгляды ея помутились и она крѣпко схватилась за руку Джема, жадно ожидая его отвѣта.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ высказать все, что глубоко-тронутое сердце внушало ему примиряющаго и успокоительнаго, голосъ ея смягчился и она продолжала говорить со спокойствіемъ полного отчаянія.

— Все равно! Я это и послѣ дѣлала, и поведеніе мое во всякомъ случаѣ проложило темную бездну между нею и мной, — бездну, что отдѣляетъ небеса отъ преисподней. Тутъ у ней вырвался вопль. — Сокровище мое, малютка моя! Даже и послѣ смерти не могу я увидѣться съ тобою, родное, безцѣнное дитя мое! О, она была такъ мила, такъ добра, совершенный ангелъ. Какъ бишь этотъ текстъ, я не помню... Текстъ, которому учила меня мать моя давно, давно,

когда еще я сиживала у ней на колѣнахъ. Онъ начинается такъ: Блаженны чистые...

— Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ, подсказалъ Джемъ.

— Такъ, такъ, это и есть! Если бы знала матушка, что изъ меня вышло, она умерла бы съ горя; — вотъ Мери, сестра моя, умерла же отъ этого! Ахъ да, мнѣ надо было что-то сказать вамъ на счетъ ея дочери, Джемъ. Вы знаете Мери Бартонъ, не правда ли? продолжала она, стараясь собраться съ мыслями.

Да, Джемъ знаетъ ее. И еще какъ знаетъ! Безумно забилось его сердце при этомъ имени.

— Ну, такъ что-то нужно для нея сдѣлать. Забыла я, что это... Чстойте. Какъ она похожа на мою малютку! начала она опять, поднявъ на Джема глаза полные слезъ и ища въ его взорѣ участія и состраданія.

Ему было чрезвычайно жаль ее; но Боже мой, чего бы онъ не далъ, чтобы снова навѣсть ее на разговоръ о Мери, о ея знатномъ обожателѣ и о томъ, что нужно для нея сдѣлать. Но онъ удержался и ждалъ молча. Черезъ минуту она заговорила тише и ровнѣе.

— Послѣ ея смерти я не могла оставаться въ Честерѣ и пріѣхала сюда. Здѣсь я скоро нашла всѣхъ васъ; но все еще не знала, что бѣдная сестра моя умерла. Кажется, мнѣ просто не хотѣлось этого думать и узнавать. Я много вечеровъ простояла у ихъ забора и бродила вокругъ двора, на которомъ жилъ Бартонъ; заглядывала туда и старалась изъ болтовни ихъ сосѣдей узнавать все, что у нихъ происходило. Я никогда о нихъ не спрашивала никого, но собирала мимоходомъ всѣ случайные слухи и этимъ довольствовалась. Не разъ я улучала минуту, когда полисменъ уходилъ подальше, и, подкравшись къ дому, рассматривала сквозь щелку ставня знакомую комнату, въ которой часто сидѣла Мери съ отцомъ и засиживалась иногда до поздней ночи. Я вскорѣ узнала, что Мери ходитъ учиться швейному мастерству и начала бояться за нее; потому что плохое дѣло дѣвочки ходить одной по улицамъ въ темные вечера, да еще послѣ долгаго трудового дня; съ усталости и скуки она рада всякой новости, и какъ знать, что можетъ случиться? Тогда я рѣшила, что каковая ни есть, а все еще гожусь хоть издали наблюдать за Мери и беречь ее, можетъ быть и спасти. И каждый вечеръ я дожидалась ее на улицѣ и провожала домой, тогда какъ она и неподозрѣвала что за нею есть кто-нибудь. У ней есть одна подруга, которой я тер-

пѣть не могу и крѣпко подозрѣваю эту дѣвушку въ какой-нибудь мерзости. Черезъ нѣсколько времени Мери стала возвращаться не одна: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ швейнаго заведенія къ ней присоединился мужчина, джентльменъ. Я начала сильно за нее бояться, потому что видѣла, какъ она легкомысленно и какъ охотно принимаетъ его любезности. А онъ казался мнѣ тѣмъ хуже, что я часто видала его въ длинныхъ переговорахъ съ тою пахальной дѣвушкой, о которой я говорила вамъ. Но вскорѣ я сама слегла въ постель, долго была больна, кашляла кровью, и ничего не могла сдѣлать; кажется болѣзнь моя именно оттого и усиливалась, что я все думала о Мери и о томъ что съ нею можетъ приключиться въ мое отсутствіе. Когда же я снова вышла на улицу, то увидѣла, что все идетъ по-прежнему, только она какъ будто еще нѣжнѣе привязалась къ нему. Я хотѣла сказать ея отцу, но онъ не хотѣлъ меня выслушать Джемъ. О, ради всего святаго, спасите ее хоть вы! Вы для нея все равно, что братъ родной, можетъ быть вы могли бы дать ей сонѣтъ, присмотрѣть за нею, и во всякомъ случаѣ хоть съ Джономъ переговорить: васъ то онъ послушаетъ. А со мной онъ такъ грубъ, такъ жестокъ! Вспомнивъ его страшныя слова, она заплакала; но Джемъ внезапно прервалъ ее глухимъ и страшнымъ голосомъ:

— Кто же этотъ обожатель Мери, котораго она любитъ? скажите мнѣ его имя.

— Это молодой Карсонъ, сынъ того Карсона, у котораго на фабрикѣ работалъ вашъ отецъ.

Настало молчаніе. Черезъ минуту она заговорила:

— О Джемъ, я на васъ налагаю отвѣтственность за нее! Убить ее было бы конечно преступно, но все лучше, чѣмъ допустить до такой жизни, какую я веду. Слышите ли, Джемъ?

— Да, слышу. Лучше было бы. А лучше всего вѣсѣмъ намъ умереть.

Это было произнесено тихо и отрывисто, какъ будто онъ подумалъ вслухъ; но тотчасъ перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ.

— Эсвиръ, повѣрьте, что я сдѣлаю для Мери все, что могу. На это я уже рѣшился. Теперь послушайте. Судя потому, какъ вы говорите о своей жизни, ясно что вы ненавидите такое существованіе. Пойдемте со мной къ намъ. Пойдемте къ моей матери: она живетъ вмѣстѣ съ тетушкой Алисой. Обѣщаю вамъ съ ихъ стороны радушный пріемъ, а завтра мы посмотримъ, нельзя ли доставить вамъ средства къ честной жизни. Пойдемте домой.

Съ минуту она молчала и онъ думалъ, что убѣдилъ ее. Но она сказала :

— Да благословить васъ Богъ , Джемъ , за то , что вы сейчасъ сказали. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы бы могли еще спасти меня, какъ я надѣюсь спасете Мери. Но для меня теперь уже поздно. Поздно! прибавила она съ глубокимъ отчаяніемъ.

Но онъ продолжалъ крѣпко держать ее за руку.

— Пойдемте домой, говорилъ онъ.

— Говорю вамъ, что нельзя. Если бы я и хотѣла вести порядочную жизнь, то уже не могу. Я только васъ буду мучить. Если вы хотите знать все за разъ, продолжала она, видя что онъ все еще надѣется склонить ее, — то я скажу вамъ, что привыкла къ вину. Существа мнѣ подобныя не могутъ жить безъ этаго; одно опьяненіе способно удерживать насъ отъ самоубійства. Если бы мы не пили, то не могли бы выдержать воспоминаній о прошломъ и сознанія настоящаго, сознанія того, что мы такое. Не будь у меня ни пищи, ни крова, но водка мнѣ необходима. О, еслибы вы знали какія ночи проводила я въ тюрьмѣ, гдѣ не было водки! — Она вздрогнула и горячими, тревожными глазами повела кругомъ, какъ бы опасаясь увидѣть подлѣ себя какой-нибудь грозный призракъ.

— Они такъ страшны! прошептала она съ дикимъ ужасомъ. Всю ночь ходятъ вокругъ моей постели, всю ночь! Мать моя носитъ на рукахъ мою крошку Анни (какъ это онѣ тамъ сошлись?) и Мери сестра моя, — и всѣ смотрятъ на меня неподвижными, грустными глазами... О, Джемъ! это такъ ужасно! Они не ходятъ взадъ и впередъ передо мною, а обходятъ вокругъ изголовья, и я во все время чувствую на себѣ ихъ взглядъ. Если закутаюсь въ одѣяло съ головою, и то вижу ихъ, и, что еще хуже, продолжала она съ тревогою, — они меня тоже видятъ. Не говорите мнѣ о другой жизни, нѣтъ, — мнѣ нужно вина. И сегодня вечеромъ я не могу обойтись безъ своей порціи, — не смѣю!

Джемъ былъ глубоко тронутъ и молчалъ отъ сильнаго волненія. О, неужели онъ ничего уже не въ состояніи для нея сдѣлать? Она снова заговорила, гораздо спокойнѣе, но съ глубокимъ чувствомъ.

— Вамъ жалъ меня, я вижу! Я чувствую это, гораздо лучше, нежели вы могли бы выразить мнѣ словами. Но вы для меня ничего не можете сдѣлать. Для меня все кончено. Но Мери вы можете спасти. Вы должны, — она ни въ чемъ не виновата, развѣ въ томъ

только, что подлюбила челоуѣка, гораздо выше ея поставленнаго. Джемъ, вѣдь вы спасете ея, вы хотите этаго?

Изъ глубины встревоженной души Джемъ въ короткихъ словахъ общалъ ей, что все возможное на землѣ простому смертному онъ сдѣлаеть, лишь бы спасти ея. Она благоговѣнно поблагодарила его и стала прощаться.

— Подождите еще минуту! сказалъ онъ, удерживая ея. — Можетъ случиться, что мнѣ опять нужно будетъ поговорить съ вами. Надо знать, гдѣ васъ найти. Гдѣ вы живете?

Она засмѣялась страннымъ смѣхомъ.

— И вы думаете, что твари, подобныя мнѣ, имѣютъ свой кровъ? Домашній очагъ бываетъ только у порядочныхъ людей, а у насъ ничего такого нѣтъ. Нѣтъ, если я буду нужна вамъ, выдѣте ночью на улицу и ищите меня за углами, въ темныхъ переулкахъ. Чѣмъ холоднѣе, чѣмъ ненастнѣе и бурнѣе ночь, тѣмъ вѣрнѣе вы найдете меня, потомучто, прибавила она жалобнымъ, заунывнымъ голосомъ: — въ такую погоду такъ холодно въ чужихъ сѣняхъ, на чужихъ порогахъ и крыльцахъ, а водка мнѣ нужнѣе, чѣмъ когда либо.

Она быстро повернулась и ушла. Джемъ также ушелъ въ противоположную сторону. Но не дойдя еще до конца улицы, не смотря на муку ревности, которая томила его сердце, онъ почувствовалъ сильное угрызеніе совѣсти: онъ ничего не сдѣлалъ для спасенія Эсѳири. Еще минута убѣжденія, еще одна усиленная просьба, и она можетъ быть согласилась бы слѣдовать за нимъ. Да что одна просьба! Стоило двадцать разъ просить и убѣждать, лишь бы убѣдить. Онъ вернулся назадъ за нею, но она уже скрылась. Въ тревогѣ своего смущеннаго сердца онъ на время заглушилъ голосъ совѣсти; но сколько разъ, во всѣ послѣдующіе дни, упрекнулъ онъ себя горько и глубоко за такое упущеніе нравственной обязанности, за равнодушіе къ добру.

Что же остается дѣлать? добраться до дому и уединиться отъ всѣхъ Мери любить другаго. О, какъ же вынести это? Онъ думалъ, что отказъ ея очень тяжкое испытаніе, но въ сравненіи съ настоящимъ горемъ, все это были еще пустяки. Вспоминая объ этомъ прошедшемъ, сравнительно мелкимъ горемъ, онъ благодарилъ Бога, что не поддался искушенію еще разъ попробовать счастья и не подвергся мученію видѣть по ея лицу и движеніямъ, что все лучшее въ ней, ея милыя улыбки, ея граціозная хлопотливость, ея нѣжныя

ласки суждены другому, будутъ радовать другое сердце, разливать свѣтъ и счастье у чуждаго очага.

А онъ все будетъ жить; это казалось всего страннѣе и всего болѣе не кстати. Джемъ зналъ, что человѣкъ можетъ жить ужасно долго съ глубокимъ, гнетущимъ горемъ на душѣ и думалъ, что вотъ ему предстоитъ такая долгая, долгая жизнь одному, безъ Мери; и главное, съ сознаниемъ, что Мери принадлежитъ другому. Но нѣтъ, эти мысли, этотъ адъ надо отложить до ночи, до того времени, когда онъ запрется одинъ въ своей комнатѣ. Вотъ и дверь въ его квартиру.

Онъ вошелъ. Все тѣ же лица, все та же комната. Какъ они ему опротивѣли! И какъ онъ самъ себя проклиналъ за это! Материнская заботливость въ этотъ вечеръ была сварливаго свойства, потому что его ждали такъ долго, что заманчивыи ужинъ, приготовленный для него съ безконечнымъ стараніемъ, успѣлъ почти вовсе испортиться. Алиса, которая день ото дня глохла и слѣпла все больше, молча и неподвижно сидѣла у огня; она была очень счастлива, зная что Вилль сидитъ тутъ же, что въ случаѣ нужды онъ повторитъ ей громкимъ голосомъ то, что говорится вокругъ, а когда она встанетъ и побредетъ по комнатѣ, онъ отстранитъ съ ея пути всѣ лишніе предметы. А Вилль, по добротѣ своего сердца, болталъ и шутилъ больше, чѣмъ когда либо. Онъ замѣтилъ, что Джемъ повѣсилъ носъ, и думалъ своей болтовней развеселить его; во всякомъ случаѣ онъ заглушилъ ворчанье недовольной тетки Джени и хотъ нѣсколько оживилъ этотъ мрачный семейный вечеръ. Наконецъ пришло время спать. Вилль ушелъ на свою квартиру по сосѣдству. Джени и Алиса Вильсонъ поправили угли въ каминѣ, заперли двери и ставни, и поплелись навверхъ со своею старческой походкой и крикливыми голосами.

Джемъ также пошелъ въ коморку, называвшуюся его спальней. Замка у двери не было, она припиралась изнутри тяжелымъ ящикомъ, который сдвигался сильною рукой Джема. Онъ затворился, сѣлъ на кровать и задумался.

Мери любитъ другаго! Эта мысль затемняетъ всѣ другія, высится надъ всѣми и мучитъ разнообразными пытками. Чтожъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что она предпочла человѣка до такой степени превосходящаго Джема во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Но джентльменъ, — зачѣмъ онъ, которому открывался такой богатый выборъ женщинъ въ его собственномъ кругу, между блестящими

леди, — зачѣмъ ему нужно было нисходить въ эту бѣдную сферу и отымать у бѣднаго человѣка его единственное сокровище? У джентльмена подъ рукою всѣ богатства роскошнаго сада; зачѣмъ ему понадобилось сорвать именно эту дикую розу, — Джемовъ любимый, свѣжій цвѣточекъ шиповника?

Джемовъ любимый, — да, но не ему принадлежащій. Нѣтъ, в никогда онъ не будетъ принадлежать ему.

Тогда зашевелилась въ немъ преступная жажда крови, — демонъ ревности. Кто-нибудь долженъ умереть. Лучше положить Мери въ холодную могилу, чѣмъ отдать ее другому. И вотъ, передъ его глазами всталъ ея блѣдный, прекрасный образъ, ея милая головка, съ запекшеюся кровью на чудныхъ волосахъ; лицо было мертвенно, но открытые глаза смотрѣли на него пристально, кротко и печально, съ выраженіемъ нѣмага упрека. Что она сдѣлала, чѣмъ заслужила такое страшное наказаніе. За нею ухаживалъ человѣкъ богатый, красивый и блестящій, и она отдала ему свое сердце. Вотъ и все! Такъ не ей, а обожателю ея надо умереть, и знать за что онъ умираетъ. Дjemu представился образъ этого человѣка, распостертаго, побѣжденнаго, но все еще не потерявшаго сознанія: сомкнувъ уста, умирающій выслушиваетъ осужденіе своего убійцы. Зачѣмъ покинулъ онъ свой блестящій кругъ и осмѣлился полюбить дѣвушку ниже его по состоянію; зачѣмъ — о, это главное и худшее, — зачѣмъ привязалъ къ себѣ эту дѣвушку! Потомъ заговорила другая струна: Джемъ вспомнилъ, какое страданіе готовить онъ для самой Мери. Сначала онъ не слушалъ этого голоса совѣсти, или слушая, переиначивалъ смыслъ: онъ думалъ, что насладится ея горемъ, съ радостью будетъ внимать воплямъ ея растерзаннаго сердца.

Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь, повторялъ тихій голосокъ. Хуже, въ тысячу разъ хуже быть причиною такого бѣдствія, нежели переносить все, что ты теперь переносишь.

Но не слишкомъ ли тяжело, не слишкомъ ли горько все вынести, и все жить, жить? Да, онъ самъ убьется, а любовники, пусть солнце свѣтитъ имъ тепло и ярко; а его разбитое, кипящее страстью сердце обрѣтетъ покой. «Покой, иже уготованъ праведникамъ».

Но онъ обѣщалъ оградить Мери, спасти ее отъ судьбы Эсѳери; онъ обязался такими словами, которыя важнѣе всякихъ клятвъ. Неужели онъ пренебрежетъ обязанностями, налагаемыми жизнью, и отъ нихъ малодушно укроется въ добровольную могилу? Кто же

будеть заступникомъ Мери, кто останется покровителемъ ея любви и невинности? Не лучше ли будетъ передъ Богомъ служить ей, не смотря на то, что она любитъ другого; беречь ее на трудномъ пути жизни, хоть бы она никогда этого не узнала?

Онъ воспрянулъ духомъ и сказалъ себѣ, что съ Божьей помощью станеть земнымъ хранителемъ Мери.

И вотъ туманъ сталъ проясняться, тучи разсыялись, путь освѣтился, все еще тяжкій путь, усыпанный терніями. Когда выполненъ былъ этотъ первый, ближайшій долгъ, когда онъ укротилъ нѣсколько свое взволнованное сердце и привелъ мысли въ порядокъ, остальное показалось легче и проще.

Быть можетъ личный опытъ бѣдный Эсвири обманулъ ее, быть можетъ она напрасно думаетъ, что мистеръ Карсонъ имѣетъ дурныя намѣренія относительно Мери; по крайней мѣрѣ, на чемъ же основаны такія опасенія? Очень можетъ быть, по мнѣнію Джема, даже очень вѣроятно, что Карсонъ за счастье почтетъ на ней жениться. Чѣмъ она не леди? Ея умъ, красота, изящная грація, даютъ ей естественное право на барство. Да и что значить знатность породы для манчестерскаго фабриканта, тогда какъ многіе изъ нихъ по справедливости гордятся тѣмъ, что сами творцы своего богатства? Судя по себѣ, Джемъ воображалъ, что ничего не можетъ быть отраднѣе какъ всѣ свои сокровища повергнуть къ ногамъ любимой женщины. Мать Гарри Карсона тоже была не болѣе, какъ фабричная дѣвушка. Итакъ, гдѣ же поводъ сомнѣваться въ его намѣреніяхъ относительно Мери?

Сначала разумѣется будутъ нѣкоторыя затрудненія: во первыхъ, отецъ Мери такъ сильно предубѣжденъ противъ всего сословія богачей; во-вторыхъ, со стороны Карсонсовыхъ родителей тоже не обойдется безъ задержекъ. Но Джемъ зналъ свое вліяніе на Джона Бартона, и конечно это вліяніе будетъ очень важно, если употребить его для счастья Мери; а о себѣ самомъ и думать нечего.

О, зачѣмъ Эсвиръ выбрала его для этаго дѣла? Такое безпристрастіе и благоразуміе едвали въ его силахъ. Отчего же все это выпало на его долю?

Отвѣтъ пришолъ только тогда, когда на душѣ улеглася буря и онъ былъ довольно спокоенъ, чтобы подумать, что у его Мери нѣтъ друзей, способныхъ къ исполненію подобнаго долга: дѣтская дружба его съ Мери внушила Эсвири мысль, что они могли оставаться въ братскихъ отношеніяхъ. И такъ, онъ будетъ ей братомъ.

Вслѣдствіе этаго прежде всего слѣдовало удостовѣриться, каковы были намѣренія Гарри Карсона, при его ухаживаніи за Мери. Джемъ рѣшился спросить его прямо безъ обиняковъ, какъ подобаетъ мужчинѣ говорить съ женщиною. Въ случаѣ надобности онъ намѣревался объяснить ему даже свои личные чувства и отношенія къ Мери.

Рѣшившись такимъ образомъ честно исполнять свой трудный долгъ, онъ почувствовалъ въ душѣ миръ и спокойствіе. Буря кончилась, онъ пережилъ грозу.

За два часа до разсвѣта онъ заснулъ.

З А Р Я

Заря! Увынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой;
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ!
Свое для всѣхъ положить каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ биеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы!

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучать... Земля моя родная!
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣстъ жизнь вная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,
И храма ветхаго, — подъ твердую стопой —
Дрогнули мшистыя ступени...о

Ю. ВЕРГЪ

ГРЕЗА

(мысль Шенье)

Прійди къ ней по утру, когда по изголовью
Красавицы свой макъ съ ревнивою любовью
Сна и забвенія лѣнивый сыплеть богъ:
О, еслибъ увидать ее тогда ты могъ!
Какъ хороша она! отъ жаркаго лобзанья
Проснувшася днѣ ей душно, — одѣянья
Ночныя сброшены; что мраморъ бѣлизной,
Она нетронутой сверкаетъ наготой!
Румянцемъ дѣвственнымъ горять ея ланиты,
Улыбкой легкою уста полураскрыты,
Въ волнахъ ея кудрей высокое чело
Блѣбеть лиліей и чисто и свѣтло;
Какъ хороша рука, что, задрожавъ невольнѣ,
Скользить и свѣсилась; какъ дышетъ грудь привольно,
Какъ гибокъ станъ ея, какъ страстно прихотливъ
Волнистыхъ очерковъ причудливый извивъ!
О, еслибъ у тебя въ вѣкъ сердце не любило,
Оно бы и тогда въ груди твоей заняло,
Не въ силахъ удержать восторженный порывъ:
Ты все бы сталъ глядѣть, дыханье затаивъ,
И все бы ты слѣдилъ колѣнопреклоненный
За каждою чертой красы неоцѣненной.

Н. КУРОЧКИНЪ

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА

ВЪЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ПУТЕ-
ШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОММИСИИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСИИ

ВВЕДЕНІЕ

I

Константинополь. — Общая панорама Босфора. — Декорация семи хол-
мовъ и окрестностей. — Дѣйствующія лица. — Сцены. — За кули-
сами.

.... -Ville étrange que Constantinople!
Splendeur et misères; larmes et joies: l'ar-
bitraire plus qu'ailleurs, et ainsi plus de
liberté....

GÉRARD DE NEVAL.

Въ январь 1849 года я покидалъ Константинополь для долгихъ ко-
чеваній въ царствѣ солнца. Мнѣ тяжело было разставаться съ моимъ
любезнымъ Босфоромъ и его игривыми окрестностями. Я боялся
что никогда ихъ болѣе не увижу; а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, я на
вѣки прощался... Но читателю какое до этого дѣло. Не буду оста-
навливаться надъ воспоминаніями о неизвѣстныхъ ему лицахъ... Я
увидѣлъ Босфоръ ровно четыре года послѣ той эпохи и хотя въ
глазахъ моихъ онъ утратилъ уже много своей прелести; но я все-
таки несказанно ему обрадовался. Я чувствовалъ себя какъ бы воз-
рожденнымъ послѣ четырехлѣтней тяжкой болѣзни, послѣ долгихъ
терзаній въ отдаленныхъ, негостеприимныхъ странахъ. Я вступилъ
на этотъ цвѣтистый, блистательный и такъ мнѣ знакомый порогъ
родной Европы, и страшная мысль о вѣчной съ нею разлукѣ, пре-
слѣдовавшая меня съ назойливостью, оборвалась на Босфорѣ и какъ

бы потонула въ его семи теченіяхъ. Какъ было не радоваться, не благословлять судьбу свою!

Но тогда, въ январѣ 1849 года, мнѣ надо было покидать его для долгихъ кочеваній.

А кто свылся съ Босфоромъ, какъ я свылся съ нимъ, кто узналъ его, подобно мнѣ, во всѣхъ его граціозныхъ движеніяхъ, въ рѣзвой и привлекательной игрѣ роскошныхъ его береговъ и волнистой дали съ заревомъ восходящаго или заходящаго солнца, — кто, какъ я, искрестилъ его, исшвырялъ по всѣмъ его направленіямъ и познакомился со всѣми его кудрявыми, многоцвѣтными, пріятно улыбающимися и сладко поющими уголками и закоулками, — кто, какъ я, привыкъ засматриваться, съ высокихъ береговъ, на безчисленныя и восхитительныя панорамы Босфора, сидя, по цѣлымъ часамъ, на приземистыхъ скамеечкахъ кофейнъ и дымя трубку, то одинъ, то съ товарищемъ, а не то, бесѣдуя съ туземцами на ихъ благозвучномъ языкѣ, тотъ пойметъ тоску, овладѣвшую мною при разставаніи съ Босфоромъ. А Босфоръ Оракійскій тѣмъ и замѣчательнъ, что чѣмъ болѣе познакомишься съ нимъ, тѣмъ сильнѣе къ нему привязываешься.

Много есть ловкихъ описаній Константинополя, много есть прекрасныхъ картинъ его изображающихъ; но ни перу, ни кисти, какъ бы они искусны ни были, не суждено дать, о красотахъ этого избраннаго мѣста, вѣрнаго понятія.

Развѣ можно передать этотъ воздухъ, это движеніе, это постепенное и суетливое снованіе свѣта и тѣней по его мягкимъ и пестрымъ изворотамъ, эти переливы, по вечерней зорѣ, красныхъ огней азіятскаго берега, гдѣ Скутари можетъ, по справедливости, оставить за собою прозваніе Хризополиса, золотого города, нѣкогда красовавшагося на его мѣстѣ? А сумракъ кипарисовыхъ сѣней на мусульманскихъ кладбищахъ? А при восходѣ солнца, радужное, полное необъятнаго величія, разоблаченіе Истамбульскихъ куполовъ, башенъ, кипарисовъ отъ клубящихся паровъ, по которымъ скользятъ и дробятся яркіе, ослѣпительныя блески лучей еще не показавшагося солнца? И сверканье зеркальныхъ водъ затихшаго моря и миганье розоваго паруса на его дымящейся поверхности и полетъ легкаго кашка на чешуйчатомъ полѣ золотого столба, разрастающагося поперегъ Босфора; благоуханье кипарисовой рощи, жасмина и жимолости, разметавшихъ, посреди фестоновъ виноградника, бѣлыя и розовыя кудри свои по стѣнамъ садовъ, говоръ воды и людей, шелестъ листьевъ въ садахъ и рощахъ, гдѣ уже начинаютъ мелькать тамъ и здѣсь пестрыя группы утробныхъ бе-

сѣдъ... И замирающая пѣснь утренняго соловья и октавы утренней молитвы эзана :

«Боже великій! Боже великій! Боже великій!

«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ пророкъ Его.

«Правовѣрные, просыпайтесь скорѣе и спѣшите въ храмъ святой!

«Къ молитвѣ! Къ молитвѣ!

«Промѣняйте сонъ вашъ на призваніе Бога никогда не дремлющаго!

«Заря появляется; да будетъ она для васъ сигналомъ къ богопоклоненію и исполненію вашихъ обязанностей религіозныхъ!

«Къ молитвѣ! Къ молитвѣ! Богъ великъ и Мухаммедъ пророкъ его.»

и ропотъ, и всплески водомета и журчанье кальяна; а въ палатіе дни прохлада линовой или платановой сѣни; а, по закатѣ солнца, въ густой чащѣ кустовъ, рѣянье сверкающихъ лучолей; студеность ключей Розовой долины или Алемдага и всѣхъ безчисленныхъ изворотовъ обоихъ береговъ! А эта безмятежность и не возмутимая тишина уединенныхъ пріютовъ Агаджъ-алты (1), внезапно открываемыхъ вами, во время прогулки, въ глубинѣ зеленѣющихъ лощинъ и обрывистыхъ овраговъ;—тамъ, съ кофейною, гдѣ или у мраморнаго бассейна, или у журчащаго протока горнаго источника, встрѣчаетъ васъ услужливый и молчаливый кафеджі (2) въ передникѣ и съ засученными рукавами,—тутъ, съ картиною христіанскаго кладбища, гдѣ, склонившись надъ могильною плитою, убогій священникъ углубился въ чтеніе ветхаго молитвенника? И все это, освѣщенное такъ тепло и привлекательно!

Вотъ луна Рамазана (3) выставила серебрянный серпъ свой изъза высоко поднявшихся Кандильійскихъ роцей и садовъ, и тысячью огнями засверкали воды и берега Босфора, какъ бы отражая звѣзды. Мусульманскій міръ, утомленный, одурѣвшій отъ дневнаго воздержанія и умерщвленія плоти, очнулся, зашевелился, заходилъ; повсюду видно движеніе, слышны голоса, пискливые звуки азіатскихъ инструментовъ, клокотанье азіатской пѣсни! Наступаетъ и священная ночь Рамазана, съ четверга на пятницу: сколько огней, на небесахъ, на землѣ, въ водахъ Босфора, на воздухѣ, въ причудливыхъ, громадныхъ узорахъ, представляющихъ изрѣченія изъ ку-

(1) Подъ деревьями.

(2) Прислуга или хозяинъ кофейнаго дома.

(3) Священный мѣсяць мусульманъ, въ который они постятся, т. е. не ѣдятъ вовсе ничего и не пьютъ съ восхода и до заката солнца.

рава или цѣлый корабль и другія изображенія, *Mosque*, повѣшанныя высоко, между вершинами минаретовъ. Сколько таинственной торжественности! Сколько во всемъ этомъ величія и поэзіи!

Сегодня, это празднества и торжества мусульманъ, то по случаю бракосочетанія султанскихъ дочерей и сестеръ, то обрѣзанія султанскихъ сыновей. Тянутся великолѣпныя и причудливыя процессіи въ праздничныхъ одѣянїяхъ; улицы, площади, набережныя, холмы и самый Босфоръ запружены и волнуются разливомъ параднымъ; въ промежуткахъ предметій, съ высоты холмовъ и до морскаго берега, и на зеленой скатерти обширныхъ выгоновъ, тѣснится ряды громадныхъ, зеленыхъ ставокъ съ краснымъ подбоемъ, золотыми украшеніями и сверкающими золотыми маковками; фигляры, плясуны въ женскихъ платьяхъ, продавцы лакомствъ, прислуга кофейнъ суетятся, кривляются, голосятъ, и все сверкаетъ и кипитъ жизнью. А ночью, съ плотовъ, выведенныхъ на середину и во всю длину пролива, поднимаются и искрятся въ воздухъ разноцвѣтные узоры потѣшныхъ огней, отражаясь въ потемнѣвшей его поверхности. Завтра, это очередь Перы и Галаты: христіанское народонаселеніе шумно справляетъ свой карнавалъ и снуетъ по улицамъ, по среди своихъ узорчатыхъ домовъ, по загороднымъ пустырямъ и сѣнистымъ погостамъ, посреди величавой обстановки трехъ городовъ, и необъятныхъ для глаза предметій, сафирнаго моря съ его отраженіями, сафирнаго неба съ его облачками. Тяжелые Анатолийцы, пришедшіе въ Истамбуль на заработки, сплетясь руками, кружатся въ медвѣжьей пляскѣ, подъ звуки сопѣлки и турецкаго барабана, презабавно покачиваясь отъ хмѣля и подымая, въ тактъ и безъ такта, носки грубо обутыхъ ногъ своихъ; красныя и влажныя лица ихъ лоснятся подъ сѣнью черной повязки, мохнатая грудь открыта; и вдругъ, вся ватага, предводимая своею оглушительною музыкою и толпою кривляющихся ребятишекъ, не разплетаясь и не оставляя косолапыхъ ужимокъ пляски, валить по улицамъ одна за другою; навстрѣчу къ нимъ маски, мужскія съ пеньковыми бородами, длинными носами, женскія, съ помятою физиономіею, съ коротенькою юбкою лубочной сальфиды... Свѣсившись изъ оконъ или изъ шахнишиновъ ⁽¹⁾, глядятъ на всю эту суматоху, нарядныя коконы и коконницы ⁽²⁾, сверкая черными глазами и брилліантами, и пожовывая мастику... «Делі олдуляръ!» ⁽³⁾ говоритъ, глядя на нихъ съ презрѣніемъ, надутый, натянутый османлы.

(1) Закрытые со всѣхъ сторонъ балконы.

(2) Дамы и дѣвцы: греч. слова.

(3) Съ ума сошли.

Ночь. Чу! Пущечный выстрѣлъ! одинъ, другой; послѣ седьмого, на минуту, воцаряется тишина; но усиленный стукъ по мостовой мѣлъзошъ бкованной палки бекчи (1) и протяжное его зывываніе не позволяютъ долѣ сомнѣваться: надъ необъятнымъ городомъ встало перловое зарево; на одной сторонѣ его зарумянилось небо, все ярче и ярче, и вырвались на немъ и темные силуэты безчисленныхъ мачтъ Золотого Рога (2), и купола, и башни и кипарисы; повалили клубы чернаго дыма по этому жаркому полю и помняси отъ земли зловъщій, глухой и протяжный крикъ: «Истамбулда янгинъ варъ» (3)! Страшный гулъ человѣческихъ голосовъ и топота бѣгущихъ людей загудѣлъ. Поднялася пожарная заввруха! Какъ передать это движеніе, эту суматоху, это мельканье во узкихъ и темныхъ улицахъ лошадей, собакъ, людей всѣхъ сословій и между прочимъ носильщиковъ, съ огромными кладами на спинахъ и связанныхъ веревкою, чтобы не растерялся въ толпѣ, или не зашли бы нечаянно куда-нибудь подалеже отъ своего коновода хозяина. Тамъ, несутся, какъ ураганъ, полунагіе и покрытые потомъ и сажею, волоносы съ ручнымъ насосомъ, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, тутъ разстрепанные и разстроенные жители бѣгутъ, кто съ фонаремъ, кто съ ребенкомъ, и скачутъ чауши (4) и носятся ординарцы, обрызгивая грязью и давя народъ; всѣ двери въ домахъ распахнулись и внутри идетъ разгромъ; тѣмъ ближе къ пожару, тѣмъ этотъ разгромъ страшнѣе. Въ дайнѣйшихъ домахъ всѣ пожитки сложены въ одномъ покоѣ цѣлыми холмами и на нихъ присѣли женщины и дѣти съ беспорядкомъ въ одеждѣ, со страхомъ въ глазахъ, и безпрестанно донрашиваютъ мимобѣгуцій народъ и забѣгающихъ къ нимъ друзей дома объ успѣхахъ пожара. Хозяева пожираемыхъ домовъ, если они христіане, ссыпаютъ деньгами, умоляя неподатливыхъ волоносовъ, жадно пользующихся этими случаями для своего обогащенія, отстоять ихъ достояніе, напрасно! Тѣсно скученныя досчатыя зданія, охваченныя пламенемъ, трещатъ, коробятся, рушатся и обращаются въ груды угля съ неизмовѣрною быстротою. За то мусульманинъ, когда загорѣлся домъ его, смиренно произносить свое «Аллахъ Керимъ» (5), такъ же какъ и въ случаѣ смерти любимого родственника, жены, сына, и, закуривъ свою трубку пылающею толбюнею, садится поодаль и съ наружнымъ хладнокровіемъ взираетъ на постепенное уничтоженіе добра своего. Пусть его до-

(1) Сторожъ.

(2) Константинопольскій портъ.

(3) Въ Истамбулѣ пожаръ.

(4) Разсылные.

(5) Богъ милостивъ.

машине, женщины и дѣти, визжа и голоса на весь кварталъ, хлопоту о спасеніи пожитковъ; онъ съ достоинствомъ разыгрываетъ роль, предписанную ученіемъ пророка. Это живая картина, освѣщенная красными огнями.

Ученіе да пророка расположило ихъ къ этой невозмутимой неподвижности, къ этой бессмысленной неповоротливости? врожденная ли лѣвь отыскала себѣ въ немъ законный предлогъ? Кажется все вмѣстѣ, ученіе и лѣвь подаютъ другъ другу руку, питаютъ другъ друга.

Къ каждому изъ министровъ султана врывается или въ домъ, или въ присутствіе, полунагой и босой бекчі, съ жѣзвной тросточкой на плечѣ, въ короткихъ и узкихъ штавахъ, съ открытою грудью; всѣ двери передъ нимъ открываются. Онъ подбѣгаетъ къ самому уху паши и шепчетъ ему, гдѣ и какъ пожаръ, особенно если онъ близокъ къ публичнымъ зданіямъ. Члѣды подаютъ господину своему саблю, подводятъ коня, и онъ, посаждаемый своею свитой, несется по звонкой мостовой къ пожару. Тѣснота, лавка, удары, дребезгъ разбиваемыхъ или лопающихся отъ огня стеколъ, вой, визгъ людской, ржаніе коней, суматоха на кладбищахъ, разсыпанныхъ по кварталамъ, куда сносятъ жители пожитки, оставляя присматривать за ними дряхлыхъ членовъ семейства или дѣтей, и надъ всѣмъ этимъ стоитъ во все время зловѣщее завываніе бекчі: «Истамбуладдъ янгинъ-варъ!» А эти драмы повторяются по Босфору почти ежелвенно и по нѣскольку разъ въ сутки. Команды пожарной до сихъ поръ нѣтъ въ Константинополѣ, и до сихъ поръ эта часть въ одиѣхъ рукахъ Божіихъ... Но зато какой видъ надъ Босфоромъ!

А пятничныи выѣздъ султана въ одну изъ мечетей на обязательную молитву, при блистательной обстановкѣ причудливыхъ зданій съ фантастическими выступами, водъ съ безчисленными судами и судевышками, войска съ музыкою, свиты покрытой золотомъ, пѣшихъ нажей съ ихъ зелеными султанами и блестящими алебардами, нестрыхъ рядовъ народа по обѣимъ сторонамъ поѣзда, яснаго неба...

Тутъ тянется длинная вереница четверомѣстныхъ придворныхъ каретъ европейской отдѣлки, запряженныхъ парю добрыхъ коней; на козлахъ сидятъ красавцы айвâзы^(*), большею частью кроаты или болгары, въ своихъ національныхъ костюмахъ, облитыхъ золотыми узорами курткахъ, широкихъ кушакахъ, перевитыхъ золотыми часовыми цѣпочками, красныхъ фескахъ. Вокругъ каретъ, на

(*) Коноуше.

красивыхъ жеребцахъ въ золотой збруѣ, безобразные евнухи въ безобразной формѣ европейскаго покроя, съ иппотамовыми хлыстами въ рукахъ противъ любопытныхъ или неловкихъ. Въ каретахъ, съ открытыми боками, по три, по четыре, сидятъ Заремы и Маріи султанскаго гарема, въ разноцвѣтныхъ яркихъ цвѣтовъ фередже⁽¹⁾ и въ яшмакахъ⁽²⁾ изъ тончайшей кисеи, такой же какъ и у дамъ, толпящихся по сторонамъ дороги, такъ что вы можете разглядѣть иногда всѣ жилки на этомъ запрещенномъ плодѣ. Напрасно султанъ издаетъ безирестанно фирманы⁽³⁾, чтобы дамы не осмѣливались, для яшмаковъ, употреблять тонкихъ прозрачныхъ кисей, кокетство беретъ свое, — не курану же было искоренить его, и истамбульская пословица не даромъ говоритъ: «пальшахынъ фирманъ ючъ-гюнъ сюреръ»: повелѣніе султанское дѣйствуетъ только три дня.

А движеніе при южномъ вѣтрѣ, вдоль Босфора, цѣлой армады кораблей, дождавшихся, при входѣ въ проливъ, этой попутной струи. Ни что не можетъ быть величественнѣе этой плывучей дружины, на всѣхъ парусахъ, весело стремящейся по одному пути, какъ бы сплетаясь руками.

Вездѣ, куда ни помотришь, глазъ встрѣчаетъ пестроту и небрежное великолѣпіе восточныхъ одеждъ, разнообразіе восточныхъ типовъ, прекрасныхъ, выразительныхъ лицъ, то строгихъ, величавыхъ, съ рѣзкими чертами, съ пышными кудрями, выюпавшимися изъ-подъ краснаго феса, съ чернымъ усомъ или съ сѣдою какъ лувъ бороною, то пѣжныхъ, тонкихъ, античныхъ, съ бѣлымъ какъ снѣгъ цвѣтомъ лица, съ голубымъ глазомъ и темною бровью прекраснаго рисунка. И вездѣ и во всемъ этомъ щегольство, желаніе нравиться и видѣть съ тѣмъ какал-то естественностью и непринужденностью, и благородство посадки и движеній, — я не говорю только о ногахъ, искривленныхъ отъ складыванія ихъ казачикомъ во время сидѣнія!

И памятники древнихъ, восточныхъ построекъ, граціозные, мраморные фонтаны, причудливые тюрбѣ⁽⁴⁾ султановъ и сантоновъ, увѣшанные трапичками всѣхъ цвѣтовъ, ради излѣченія лихорадокъ; живописныя крыши ихъ съ позолотою и каллиграфическія надписи, и рѣзные, бронзовыя рѣшотки, и тамъ кипарисы, и

(1) Мантія, фередже.

(2) Вуаль, обматывающая голову и лицо кромѣ глазъ и носа.

(3) Повелѣніе.

(4) Мавзолей.

забѣе тополь, и тутъ въковой платинѣ, и настатый орѣхъ и стая голубей!...

Вездѣ громадный, необъятный калейдоскопъ узоровъ и несумысленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ гармоническихъ сочетаній; на каждомъ шагу рѣзкія противоположности какъ бы нарочно сошлись, чтобы отбивать другъ друга. Это тѣни и блески; суета и — безмятежное спокойствіе; мерцанье зыбей и — мертвая неподвижность; жаркіе и — холодные тоны и оттѣнки; отчетливость и — туманность живописныхъ линий и очерковъ; природа и — искусство; отпечатки Европы и Востока; глубокая и строгая древность и — изящная новизна; живописный обломокъ развалины, обросшій плющемъ и фиговыми деревьями, и — новая, шегольская постройка; степенность и — игривость въ фізіономіяхъ; и наконецъ красота и — типическое безобразіе, и роскошныя одежды и — картинныя лохмотья... Здѣсь все скомкано и смѣшано въ какой-то живописный хаосъ.

Видъ Вавилона не могъ быть такъ величественъ и картиненъ:

Развѣ Евратъ можетъ сравниться съ Босфоромъ, съ его великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ портомъ, который не даромъ носитъ названіе Золотаго Рога? Развѣ равнины Месопотаміи могли когда-нибудь имѣть обворожительную прелесть холмистыхъ дебрей Фракіи и Вѣнніи, густо поросшихъ самородною растительностью? Развѣ искусственные сады Семирамидъ и Нитокрисъ могутъ замѣнить въ воображеніи въковѣчныя, прохладныя сѣни дубовъ и роцей береговъ Румелии и Анатолиі? Наконецъ, развѣ строгая и односторонняя красота ассирійскихъ лицъ имѣеть привлекательную игривость разнохарактерныхъ типовъ, роющихся на Босфорѣ?

Итакъ природа, преданіе, современность, особенности мѣстныхъ, отпечатки, оттѣнки всѣхъ странъ свѣта соединила, на этихъ какихъ нибудь двадцати пяти верстахъ пространства, (1) всѣ совершенство, всѣ оболоченія и всѣ свои эффекты.

Но въ какой степени пользуются своими сокровищами жители этого земного рая? Надо сказать, что не всѣмъ одинаково достаются они дешево и долговѣ:

Въ то время, какъ мусульманинъ всѣхъ классовъ общества, во преимущественно, конечно, достаточные люди, полными пригоршнями черпаетъ въ этомъ неизсякаемомъ родникѣ наслажденій, труженику христіанину, сгорбившемуся надъ дѣлами своими, только къ вечеру удастся, пзъ-подъ ихъ бремени, высунуть голову на свѣжій воздухъ, подышать имъ свободно, оторвать отъ безчислен-

(1) Длина Босфора Фракійскаго.

мыль легионовъ цвѣрь усталые глаза свои и дать имъ понѣхаться на обморозительныхъ панорамахъ босфорскихъ.

Должностной османлы проводитъ обыкновенно въ присутствіи не болѣе четырехъ или пяти часовъ. Главныя лица, да и большая часть низшихъ чиновниковъ, занимается дѣлами своими, сидя на диванѣ у раствореннаго окна, обращеннаго на море. Посреди томительнаго однообразія приказныхъ дѣлъ, кропяща дѣловыхъ бумагъ, отчетностей, онъ постоянно осѣждаетъ себя, въ говорѣ уже струбцахъ и носѣ, онъ постоянно осѣждаетъ себя дыханьемъ чистаго и прохладнаго воздуха, созерцаніемъ упоительной природы и городского движенія. Часто сановникъ отправляетъ дѣла государственныхъ, нѣжась на диванѣ своего босфорскаго ялы (1). Подъ нимъ плещутся рѣзвыя струйки соленой воды, рѣютъ легкія картонныя камки, быстрые альціоны или эиморолки и бѣлые рыболовы, плывутъ важныя парусники, мчатся шипящіе пароходы; дѣла, противоположный берегъ съ его зеленью и уступчатыми лачинами и куполами бань и мечетей; а въ противоположную морю океанъ привѣтно глядятъ на хозяина благовоныя цвѣты его наряднаго сада; у дверей, со сложенными на груди руками, стоитъ его челядь въ трепетномъ ожиданіи приказаній и между ними черныя, ослѣпительныя свухъ; въ барскихъ рукахъ его, въ одной четки, въ другой маршичъ (2) великолѣпнаго наргиллѣ (3); по бородаѣ его стелется синій дымокъ благоуханнаго ширазскаго тембеки (4); на колѣняхъ розовое дитя; а передъ нимъ, на тарелкѣ, чернильница, калыны, (5), ножичекъ, деревянная, такъ называемая, дѣловая шкапулка; возлѣ, дѣловой шѣшокъ изъ алой тафты или атласа, а иногда впросто изъ бѣлаго калекора, съ двумя, тремя десятками лоскутковъ испанской бумаги. Вотъ и вся обстановка шахи или эсендія, посреди его служебной дѣятельности.

Мусульмане, занимающіеся въ Истамбулѣ торговлею, принада, сидятъ по цѣлымъ днямъ въ своихъ открытыхъ лавкахъ; но какъ сидятъ! Надо видѣть невозмутимую олеми мусульманскаго купца, чтобы получить о ней настоящее понятіе; фарфоровая и раскрашенная кукла, съ трубкою въ рукѣ, возсѣдающая у насъ на каминныхъ и этажеркахъ, не можетъ похвастаться болѣею неподвижностью. Лѣнивымъ взглядомъ, сквозь клубы табачнаго дыма, истрѣ-

(1) Загородный домъ на берегу моря.

(2) Витой чубукъ.

(3) Кальянъ.

(4) Табакъ для кальяна.

(5) Камышевыя перья.

часть онъ покупателя, съ успіемъ подымаетъ съ ковра, отяжелѣвшее тѣло свое, и, какъ бы нехотя, придвигаетъ его къ полкамъ, молча снимаетъ съ нихъ и развертываетъ товаръ, молча отъ-
часть на вопросы о цѣнѣ его, потому что для этого у него есть пальцы, молча отказывается уступить дешевле, цыкая и подымая голову къ небу; или, наскучивъ торговлею и базарною суетою, бросаетъ еѣтку на товары, что означаетъ отсутствіе хозяина, либо передаетъ ихъ сидѣльцу и бредетъ самъ въ кофейную, покейфовату на берегъ Богаза (1), или въ виду какой-нибудь живой его картины.

А христіанинъ!.. Конурки грязныхъ каравансераевъ Галаты, Истамбула, Скутари, въ которыхъ копошатся они ежедневно отъ ранняго утра до поздняго вечера, подернутыя вѣчною грязью, вѣчными сумерками, вѣчною затхлостью, похожи болѣе на секреты крѣпостей, чѣмъ на конторы негодяиновъ, банкировъ. Узкіе переулки, охватывающіе эти мрачные гостинные дворы своею ветхою сѣтью, извиваясь посреди нѣ высокихъ, сплошныхъ стѣнъ ихъ, едва ли не также мрачны и грязны, какъ и самыя конуры каравансераевъ и уже во всякомъ случаѣ заражены еще болѣею, захватывающею дыханіе вонью; отвратительная мостовая запружена всякою нечистотою, надалью; злыми собаками, завьюченными ослами, такъ что едва-едва можно пробраться по этимъ путямъ сообщенія. Однѣ только тяжбы, заключенія контрактовъ, хожденіе за долгами вызываютъ терпѣливыхъ торговцевъ изъ ихъ сыранныхъ логовищъ. Но и тутъ новыя испытанія, новая каторга! По цѣлымъ днямъ обтираютъ они пороги и рогожки въ переднихъ присутственныхъ мѣстѣ, въ толпѣ шакальныхъ и жадныхъ оборванцевъ — разсыльныхъ дивана, и часто возвращаются, къ закату солнца, въ ханъ (2) свой съ пустыми руками, тяжелою головою, съ обманутыми надеждами или съ обѣщаніями, данными на вѣтеръ; запираютъ лавку и тащатся къ пристани, откуда какъ-нибудь пародъ несетъ одурѣвшую ихъ особу, въ загородный домъ ихъ, къ сиротѣвшему цѣлый день семейству. Тутъ либо очнутса они, либо вѣтъ, подъ наитіемъ семейныхъ радостей. Если не надо имъ завяться опять какимъ-нибудь недоконченнымъ расчетомъ, либо не дѣламъ видѣться съ товарищемъ или съ должникомъ, они пытаются перейти къ кейфу (3); но рѣдко дается имъ это наслажденіе; мысли ихъ не могутъ оторваться отъ ихъ ковуры, отъ счетныхъ

(1) Проливъ; такъ называютъ турки Босфоръ.

(2) Каравансерай.

(3) Усладительный покой.

книгъ, отъ піастровъ, росписокъ, банковыхъ билетовъ, облигацій, полисъ. Передъ ними молькають ихъ покинутыя жены, покинутыя дѣти, покинутая природа, сквозь грязную сѣтку ихъ дѣловой жизни. Напрасно глядятся къ нимъ въ окно Богазъ, со всѣми его очарованиями, небо, съ луною и звѣздами, — они спѣшаютъ пообѣдать, надѣть кофтакъ и завалиться въ постель. Рано утромъ, глотнувъ варенья, воды и кофе, промышленникъ мой садится въ каякъ и былъ таковъ! Жена его опять одна до позднаго вечера, и мается она съ своими дѣтьми, между заботъ по хозяйству, сплетень, бани, прогулокъ по базару, скуки и... Богъ ихъ знаетъ еще чего!

Таковы общія черты жизни христіанина, будь онъ райа⁽¹⁾ или европейскій купецъ. Конечно и въ ней сверкають минуты отдыха и отрады; но онѣ составляютъ исключеніе.

Европа, мнѣ кажется, не одиѣмъ въ тѣ времена мужавшимъ своимъ слямъ, но и оболыщеніемъ этой избранной природы, быть можетъ, обязана своимъ спасеніемъ. Эдемъ босфорскій наложилъ гнетъ неволи и безсилія на всеокрушавшую энергію свирѣпыхъ азіатцевъ, катившуюся огненною лавою для ея поглощенія. Въ сладостныхъ объятіяхъ этой красоты гасли мало по малу завоевательныя порывы и пала желѣзная воля оттомановъ, такъ же точно какъ сила самсонова упала подъ ножицами Далилы. Неразвитая природа чувственнаго османлы, осужденная ученіемъ пророка на вѣчное младенчество, не устояла противъ вѣжвыхъ убаюкиваній этой феи. Напрасно харахорились преемники Мухаммеда Завоевателя и съ живописною своею чалмою и налитыми кровью глазами махали ятаганомъ на право и на лѣво, — Европа, выходявшая въ то время изъ хаоса и начинавшая крѣпнуть и жить разумною жизнью, показала имъ, что въ мірѣ торжествуетъ не одна животная и грубая сила, и что только подгнившія общества, каковы были монархіи Азіи и сама Византія, могли, и еще такъ скоро, пасть подъ ихъ ударами. Герои Польши, Венгріи и габсбургскаго дома, славянскія племена, адмиралы Венеціи, въ числѣ которыхъ Мочениго, не настигни его внезапная смерть, выгнали бы турокъ изъ Европы, рыцари Мальты и Родоса, предприимчивая Генуя, львы Черной горы и наконецъ орлы екатерининскіе не дали оттоманамъ ругаться надъ собою, и на удары ихъ отвѣчали ударами удвоенными и уроками страшными для оттоманскаго тщеславія.

Въ то время, какъ завоеватели Византіи претерпѣвали такимъ образомъ неудачи въ своихъ послѣдующихъ предпріятіяхъ⁽²⁾ на

(1) Турецко-поданный христіанинъ.

(2) Исключая нѣкоторые частныя усѣхи, какъ напр. противу Кандіи.

волахъ и на сушь Европы, особенно со времени ошестнаго дѣла, (1) историки ихъ, въ витіеватой прозѣ и стихахъ, воспѣвали ихъ во всея, мнимыя торжества и мнимые подвиги и побѣды надъ евраями во славу пророка и его ученія. Оттоманы не были такъ глупцы: они внутренно не могли не сознавать неминуемости своего позора и тщеты своихъ усилій, также какъ и въ настоящее время; во чтя отечественныхъ бытописателей, вельфичивыхъ и джиякъкъ до безстыдства, облизывались отъ самодовольствія за недостаткомъ дѣйствительной славы и успѣховъ, поддавались хмѣлю поддѣльнаго вина, подносимаго имъ народными льстецами и съ возрастающимъ удеченіемъ предавались сладкой дремотѣ, которую навѣвала на нихъ обольстительная природа Босфора и необятныя удобства его положенія на земномъ шарѣ. А помириться съ мыслью о своемъ безсиліи потомкамъ Мухамеда IV ничего не стоило: закомъ предопредѣленія, какъ тутъ, успокоилъ ихъ совѣсть и поощрилъ ихъ бездѣйствіе:

«Каждому народу, гласитъ куранъ, назначено время, когда встанетъ часъ его кончины; людямъ нельзя будетъ не остановить его, ни укорить».

Таковъ Босфоръ.

Намъ приходилось его покидать, говорили, всего на два года; но мы знали, какъ понимать *два года* въ подобномъ нашему случаѣ: помирить турокъ съ персіянами на границахъ ихъ государствъ, и пронести никогда дотолъ не существовавшую, опредѣленную трактатами, пограничную черту между ними, намъ казалось дѣломъ не легкимъ; и мрачная будущность долгихъ, безвыходныхъ кочеваній въ негостеприимныхъ странахъ солнца пугала наше воображеніе и смущала духъ.

Но съ другой стороны, какъ ни дико, какъ ни угромо смотрѣла на меня будущность наша на границѣ, какъ ни тяжело мнѣ было разговаривать съ Босфоромъ, я не безъ сердечнаго удовольствія помышлялъ о томъ, что на долгое время избавлюсь отъ мрачной стороны моей константинопольской жизни.

Если не хотите разочароваться въ красотахъ Константинополя, не знакомьтесь со внутреннею его обстановкою. Такъ же, какъ и во всемъ остальномъ на Востокѣ, внутренняя сторона въ Константинополѣ и въ самихъ его жителяхъ далеко не отвѣчаетъ лицевой. Это настоящій театръ: все, что на сценѣ, обольщаетъ и вѣжитъ чувства ваши; но, какъ только вы заглянули за кулисы, разочарованіе бросается къ вамъ на встрѣчу:

(1) Когда герцогъ Лоренскій въ 1686 году положилъ предѣлъ ихъ натиску.

Гризнали улицы, крутые и скользкіе подъямы во изрытой мостовой, стада отвратительныхъ, злыхъ собакъ, кинжалы мальтійцевъ, козловотекъ и братія, среди бѣлаго дня и безъ всякаго стѣсненія, угрожающіеки мирному жителю, подъ защитою законовъ Англіи, и наконецъ всякаго рода зловопія ожидаютъ васъ на берегахъ *оцарованнаго Босфора*. Невѣжество, злоба и надменность не замедлятъ выгнать изъ поля добродушной личности живописнаго турка, если вы съ ними сблизитесь.

Да, сношенія съ эфендіями бываютъ подчасъ очень непріятны. Опытный глазъ и опытное ухо повищаютъ смыслъ каждаго турецкаго слова, каждаго турецкаго взгляда, какъ бы они не были замаскированы лакомъ, и не могутъ не оскорбляться и не смущаться ежесекундно. Но надо объяснить это, и потому я позволю себѣ небольшое отступление.

II

Оттоманы и ихъ нововведенія. — Уничтоженіе янычаръ и чумы. — Фанатизмъ. — Турецкіе христіане. — Неисправимость.

«La Turquie n'est pas à l'heure de l'Europe»

S. M. GIRARDIN. 1858.

Читатель, я надѣюсь, увидитъ здѣсь турокъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Нѣтъ народа въ мірѣ, по моему, болѣе турокъ склоннаго и способнаго къ ябелѣ. Духъ этотъ они очевидно наследовали отъ грековъ восточной имперіи.

Извѣстно, что прямыя потомки этихъ послѣднихъ, жители константинопольскаго предмѣстья Фанаря, такъ называемые фанариоты, съ временъ водворенія въ Константинополь оттомановъ, служили имъ постоянными посредниками въ ихъ сношеніяхъ политическихъ и торговыхъ съ чужеземными народами. Изъ среды ихъ избирались драгоманъ для всѣхъ отраслей правленія. Колеса этой машины не двигались безъ ихъ участія. Драгоманъ Порты, въ сущности, значилъ болѣе, чѣмъ самъ тогдашній рейсъ-эфенді (¹), который большею частью, какъ нѣкоторые и изъ нынѣшнихъ министровъ султана, подымался на эту степенъ или изъ кайка или изъ кофейной и мелочной лавочки, и потому не многое смыслилъ въ наукѣ государ-

(¹) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

ственного управленія. Драгоманъ Порты держалъ; вслѣдствіе этого, самовластною рукою нити оттоманской политикѣ и награждаемъ былъ за службу свою, сперва должностію драгомана адмиралтейства, а потомъ и званіемъ бея одного изъ придунайскихъ княжествъ. Князья Молдавіи и Валахіи, начиная съ 1731 года, поставались всегда изъ этого сословія. Вмѣстѣ съ княжескою собольею шапкою, съ верхомъ изъ желтаго сукна, подымалась надъ счастливецемъ зора невообразимыхъ почестей, роскошнѣйшей жизни, безпримѣрныхъ, баснословныхъ стажаній. Княжества трепетали предъ грозою его силы, великолѣнія и вліянія, съ раболѣпствомъ ползали у красивыхъ подошвъ его туфель и осыпали ихъ золотомъ. И потому фанаріоты, имѣя передъ собою такія заманчивыя цѣли, всѣ до одного росли и воспитывались въ надеждѣ когда нибудь достигнуть ихъ. Съ самого дѣтства они, такъ сказать, всасывали въ себя турецкую грамоту, которая, вмѣстѣ съ языками греческимъ, французскимъ и итальянскимъ, и составляла главный предметъ ихъ образованія. Она изучалась ими въ совершенствѣ, до какого достигали рѣдкіе турки. Но вмѣстѣ съ этимъ языкомъ, они изощряли въ себѣ свою естественную склонность къ кознямъ, потому что надо же было каждому стараться опередить другого на лестномъ поприщѣ или сбить своего соперника и самому удержаться на этой скользкой и обрывистой вершинѣ благополучія; а безъ пронырства нельзя было успѣть въ этомъ. Когда послѣ греческой революціи турки охладѣли къ фанаріотамъ, да и самое время знакомства съ европейскими обычаями наступало для нихъ, турки стали низводить фанаріотовъ съ ихъ пьедестала и замѣщать ихъ людьми изъ своей среды; а эти, въ свою очередь, не могли не руководствоваться на новомъ поприщѣ духомъ и манерою своихъ ловкихъ предшественниковъ. Другихъ примѣровъ и учителей имъ негдѣ, да и незачѣмъ было искать. Духъ, этотъ и манера привялись и развились съ необыкновенною силою на почвѣ врожденной смѣси и нетерпимости оттоманской и вліянія харема, этого разсадника всякаго рода козней и честолюбивыхъ вліяній.

Довольно иногда пріятные и даже симпатичные въ частныхъ бесѣдахъ и сношеніяхъ турки, — въ дѣлахъ съ христіанами, въ особенности же съ чиновниками иностранныхъ миссій, обнаруживаютъ всю свою мелочность, суетность, невѣжество, упрямство, духъ клеузъ, сутяжничества, недовѣрія, но болѣе всего маленность и склонность къ злобной насмѣлкѣ. Между молодыми турками попадаются даже весьма ласковые и услужливые люди, старающіеся поддѣлаться подъ тонъ и манеры людей просвѣщенныхъ; но искренности въ нихъ нѣтъ, и быть не можетъ, пока окончательно несбро-

сятъ они съ себя оковы своихъ невѣрныхъ вѣрованій и не забудутъ преданій своихъ. Пожилуи и старый Османлы прежняго вѣка обворожатъ васъ иногда достоинствомъ и добродушіемъ своей постановки и своихъ дѣйствій, духомъ справедливости и благородствомъ въ сужденіяхъ; но османлы этотъ только рисуется. Турки, или вѣриве, оттопаны не дѣлаютъ добро: они, отъ перваго до послѣдняго, изволятъ оказывать благодѣяніе, покровительство. Оборванный простоякунъ, напимѣръ, протягиваетъ руку къ знатному европейцу, для того, чтобы... съ одобреніемъ, или снисходительною ласкою потрепать его по плечу и сказать ему при этомъ: «валлахъ эй адамъ-сытъ» — ей Богу, ты хороший человекъ!

Врещенные въ предразсудкахъ своей религіи, раздутые минушею славою своего оружія и налегающіе, какъ господствующее племя, на христіанъ имъ подвластныхъ, всею тяжестью аристократическаго преимущества и высококомѣрнаго религіознаго презрѣнія, турки безсознательно заглушаютъ въ себѣ начала добра, которыми щедро наградила ихъ природа и которыми они между прочимъ такъ тщеславятся, — и не могутъ проникнуться въ своемъ слѣпомъ эгоизмѣ общечеловѣческимъ побужденіями и потому, при настоящихъ условіяхъ своего общества, не доступны истинному просвѣщенію.

Внимательно слѣдящіе за событіями этой страны и читающіе современные газеты знаютъ хорошо, какъ ничтожны успѣхи ихъ на поприщѣ общественной жизни и какъ мало исравила ихъ и принесла имъ существенной пользы опека западныхъ державъ.

Конечно нельзя не признать дѣйствительности наружнаго переворота, совершившагося въ турецкомъ бытѣ со времени вступленія на престолъ Абдуль-Меджида (1). Отецъ его подалъ на Этмейданъ (2) первый сигналъ къ этому перевороту. Съ уничтоженіемъ милиціи янычаръ начинается новая эра для оттомановъ. Какъ только разорвались связи этой громадной и вѣковой плотвицы, потокъ европейскаго вліянія хлынулъ на Турцію и сталъ просеиваться во всѣ жилицы этого безобразнаго тѣла. Но не суждено было ему призвать тѣло это къ новой жизни! Онъ придалъ ему какое-то искусственное судорожное движеніе; только издали похожее на жизнь, на возрожденіе; а между тѣмъ онъ смыслъ обаяніе его прежней силы и величія. Пушка Каръ-Джехеннема (3) взорвала на воздухъ такъ называемое турками «оттоманское великолѣпіе», «Салтанати алл-османъ».

(1) Скопчался 13-го этого мѣсяца.

(2) Говяжья площадь въ Истамбулѣ, на которой стояли казармы янычаръ.

(3) Артиллеристъ Ибрахимъ, впоследствии паша, игравшій главную роль въ побѣдѣ янычаръ на Этмейданѣ. Въ молодости онъ былъ каякчи, (лодочникъ) и

Пестрые восточныя одежды уступили мѣсто европейскимъ темнымъ кафтанамъ и узкимъ панталонамъ, чалма замѣнилась фескою, размѣры бородъ, лантарныхъ мундштуковъ и чубуковъ уменьшились, чапراки и сѣдла утратили много своей роскоши. Я еще засталъ въ 1839 году, въ Константинополѣ, турецкихъ армянъ и грековъ въ ихъ огромныхъ и безобразныхъ черныхъ каукахъ, похожихъ на опрокинутый на голову котелъ, въ ихъ широкополыхъ черныхъ бинишахъ. Но уже два года спустя все это исчезло и весь Константинополь былъ одѣтъ въ подобіе однообразнаго европейскаго костюма. Молодое поколѣніе высшаго турецкаго сословія затараторило по французски, картавилъ и жеманясь; лакированныя ботинки заступили мѣсто желтыхъ туфель, босыя ноги богатыхъ женщинъ одѣлись въ тонкіе, хорошо натянутые чулки, а даже мѣкоторыя талин, кажется, уже сжимаются корсетами. Развелись европейскіе экипажи на лежачихъ рессорахъ, а прежнія *арбы*, покрытыя красною тканью и преоригинально запряженныя быками, обитыя паннами раковинами и коралломъ, красныя *хитроны* и первобытныя *талики*, въ которыя впазываютъ, какъ и на арбу и въ хитавъ, по приставленнымъ мѣсенкамъ, точно въ бочку, поставленную на рогатки, служатъ теперь только среднему и низшему сословіямъ.

Одинъ *камкъ* (1) сохранилъ свою обворожительную наружность и качества: та же легкая и изящная форма, та же красная или голубая ткань, съ золотою бахромою на сидѣньѣ, небрежно свѣсилась съ кормы, тѣже богатые подушки изъ бархатной брусской ткани; тѣже гребцы, рослые, красивые, съ открытою до подса грудью, съ обнаженными руками до плечъ и ногами до колѣнъ, въ прозрачныхъ шелковыхъ или нитяныхъ рубашкахъ, въ круглыхъ крошечныхъ фескахъ, торчащихъ на темени, та же сила въ ихъ мышцахъ, тѣже взмахи ихъ огромныхъ и выточенныхъ какъ игрушки веселъ при шумномъ вбирании воздуха широкою грудью за каждымъ ударомъ весла, и удары весла такъ же мягки и не слышны отъ быстроты сдвиганья бортовъ саломъ, и тотъ же легкій и быстрый полетъ по волнамъ, среди рвущихъ птицъ и рвѣющихся морскихъ свинокъ...

служилъ въ этомъ качествѣ у одного изъ членовъ нашей миссіи въ Константинополь. Не знаю живъ ли теперь этотъ старый артиллерійскій генералъ, съ прекраснымъ лицомъ, бѣлою бородою и черными, густыми бровями; но еще до 1848 года я видѣлъ, какъ онъ, при встрѣчѣ съ своимъ прежнимъ господиномъ, оказывалъ ему знаки уваженія и вспоминалъ о своей службѣ у него. *Камкъ* *Джеханна* есть прозвище и значитъ *черный адъ*.

(1) Лодка.

Все же остальные немедленно выдохлось, пошло, базары наводнились европейскими товарами, а съиди и возвращаться и всё плутовскія замашки европейскіхъ торговцевъ усвоились туркамъ. Наконецъ, самая строгость въ соблюденіи религиозныхъ обрядовъ уступила мѣсто уваткамъ и образу, а дѣйствій, исполненіемъ легкомыслія, а между тѣмъ фанатическія выходы противъ иноиѣрцевъ не уменьшились, только проявленія ихъ различны, смотря по классамъ общества и по степени воспитанія. Въ то время, какъ простолудинъ, въ особенности содѣлать, угождать Френга (1) въѣми отборными и затѣйливо энергическими выраженіями рудательнаго словаря своего, самыми нахальными взглядами, а при случаѣ не поцеремонится метнуть въ него и камнемъ (2), очищенный османлы прикрываетъ насмѣшку свою, ненависть и сѣнь приличнымъ обхожденіемъ. Не всякій и различитъ ихъ сквозь сѣть задушевныхъ и ласковыхъ выраженій, мягкихъ пріемовъ и взглядовъ, наружнаго смиренія и вротости. Особенно, если европеецъ не спасетъ еще въ турецкомъ языкѣ, эфенди заклеваетъ его и поставитъ въ тупикъ двусмысленными словами и оборотами рѣчи, малкия, особенно-стами и тонкостями необыкновенно труднаго и обработаннаго языка своего, который не легко ни перевести, ни усвоить. Европеецъ улыбается и кланяется турку, не понимая, что тотъ надъ нимъ издѣвается и тѣшится жакою и смѣшною ролью, которую составляетъ онъ играть собесѣдника глаура въ плазахъ своихъ клеветовъ и челды. Если же европеецъ и пойметъ насмѣшку, такъ не овладѣетъ съ фразою, чтобы отплатить турку тою же монетою. Впродолженіе подобной бесѣды, турокъ, съ торжествомъ во взглядѣ, перемагивается съ окружающими его адимовѣрцами, которые ослабляются отъ удовольствія и кланяются ему, прикладывая руку къ своей фескѣ, выражая тѣмъ, что онъ ловко отдѣлалъ и одурачилъ невѣрнаго; когда атотъ уйдетъ, они переводятъ восхищеніе свое на слова и шуткамъ и острогамъ ихъ нѣтъ конца. Въ особенности это бываетъ замѣтно въ постные дни мѣсяца Рамазана. Въ это время каждый турокъ представляеть собою два различныя лица, *постное* и *скоромное*. Днемъ, когда законъ запрещаетъ ему не только ѣсть, пить и курить, но и ласкать свое обоняніе запахомъ цвѣтка, маска спадаетъ съ лица его, его коробитъ тѣщій желудокъ и всё скверныя побужденія турка выходятъ, какъ бы на показъ: брови хмурятся,

(1) Такъ мусульмане называютъ европейцевъ.

(2) Еще въ 1853 году меня атаковали турецкіе солдаты ругательствами и камнями, днемъ, посреди гуанья безъ всякаго, разуміется, повода съ моей стороны.

лицо подергивается желчью, вмѣсто связанныхъ рѣчей, изъ рта его, посреди неистовыхъ вѣсковъ, вырываются какіе-то варварскіе звуки, и нѣтъ европейцу возможности говорить съ нимъ, потому что онъ непремѣнно отвѣтитъ ему колкостью, грубостью или нескладницею, какъ будто съ просонья или съ перепоя, въ тяжелыя минуты *каццель-аммера*. Ночью же, когда дружеская конопь табачнаго дыма, вмѣстѣ съ пищею, оживляетъ и укрѣпляетъ желудокъ его, турокъ возвращается къ обычной, твердо заученной роли своей, масляная маска снова является на лицѣ его и по прежнему продолжаетъ онъ интриговать и дурачить новичковъ, не посвященныхъ въ таинства этихъ оттоманскихъ передергиваній, которымъ бы позавидовалъ самъ пресловутый Робертъ-Макеръ.

Нечего и говорить о положеніи тѣхъ иностранцевъ, которымъ приходится вести съ турками бесѣду черезъ уличнаго переводчика, такъ называемаго *drogman de place*! Всѣ эти наемные и временные слуги или плуты, или невѣжи, или то и другое вмѣстѣ, и уже всѣ вообще непремѣнно зануганы фанатическими выходками и надменностью этихъ аристократовъ мусульманъ.

Такъ называемые образованные турки, пожалуй будутъ пить съ нами вино, причемъ перепоютъ васъ непремѣнно, будутъ издѣваться передъ вами надъ своимъ пророкомъ, будутъ нѣздаться въ постные дни рамазана; но, только что вы отвернулись, они назовутъ васъ «нечистою собакой». Вы нѣрѣдко увидите турка на базарахъ и въ кофейнахъ Константинополя, въ магазинахъ и гостиныхъ Перы, чуть не обнимающагося съ христіаниномъ; не думайте, чтобы турокъ этотъ одушевленъ былъ истинною къ нему пріязнью или сознавалъ свое съ вами равенство на ступеняхъ челоѣчества, «эстагуръ-аллахъ»!.. (1) онъ занялъ, занимаетъ или замышляетъ занять у христіанина нѣсколько піастровъ, не всегда съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ ему (2), или старается воспользоваться его вліяніемъ для достиженія успѣха въ своихъ замыслахъ; или наконецъ перенимаетъ у него или языкъ его или приемы, сдѣлавшіеся теперь для нихъ необходимою. А христіанинъ, особенно если онъ турецко-полавиный, и не обращаетъ вниманія на истинныя побужденія эти. Онъ увлекается ласковымъ обращеніемъ надменнаго османлы, гордится нанибратствомъ его, важничаетъ, зоветь своего турка къ себѣ въ домъ, иногда на сутки цѣлые и болѣе; поить его лучшими винами и часто до-пьяна; переносить съ терпѣніемъ его

(1) Помилуй Боже! или сохрани отъ этого Богъ!

(2) Авторъ говоритъ изъ опыта, потому что, продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, ему приходилось разбирать тяжбы между христіанами и турками.

причуды, и не смотря на то, что за одинъ нескромный взглядъ на турчанку, закутанную въ улыцахъ въ свои покровы, со всего плеча угостятъ его курбачемъ ⁽²⁾ по синиѣ, по лицу или по чему полагаетъ заставитьъ женщину или дѣвицу своего семейства подносить турку кофе, трубки, варенье, заставляетъ ихъ идася передъ гостемъ и проч. Онъ влюбленъ въ своего турка, прославляетъ его, хотя иногда тотъ живетъ на его счётъ, его трудовую копѣйкою. Въ томъ же смыслѣ ведутъ себя и власти турецкія относительно христіанскихъ банкировъ, негодіантовъ, поданныхъ Порты, промышленныхъ, дѣятельныхъ, оборотливыхъ. Случалось, что эти послѣдніе наживали, черезъ нахъ, большія деньги; но во первыхъ, такихъ было немного. Они составляли собою особую касту «саррафовъ» ⁽³⁾, нынѣ потерявшихъ всю свою силу и обаяніе; а во вторыхъ, или довѣритель ихъ внезапно умиралъ, либо попадалъ въ опалу, въ ссылку, въ шунокъ, и они разомъ теряли и потраченный капиталъ свой, и кредитъ, и вліяніе, путались въ счетахъ, въ отчетности, въ тяжбахъ съ наследниками довѣрителя и казною, и наконецъ разорялись и шли по міру; или угнетательныя мѣры жадныхъ властей обращали вверхъ дномъ мяткое званіе колоссальныхъ богатствъ этихъ избранныхъ. Примѣровъ много на лицо: куда дѣвались богатства армянина Казазъ Артина, который изъ уличнаго мальчишки сдѣлался опорой и первымъ министромъ султана Махмуда, и котораго смерть извлекла слезы изъ глазъ этого государя, прославившагося своимъ желѣзнымъ характеромъ? Что случилось, на глазахъ нашихъ съ другими армянами, прославленными богачами Константинополя? Именъ ихъ приводить не зачѣмъ. Онѣ тамъ извѣстны всѣмъ. Идея о непрочности такого благосостоянія не помѣшала однакожъ многимъ утверждать, что турки, эти въ сущности дѣливые, не поворотливые и вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ турки, одушевлены вѣротерпимостью и благодарностью своимъ подданнымъ, христіанамъ.

А христіане такъ привыкли къ своему положенію, что и не оскорбляются, на примѣръ названіемъ глаура ⁽³⁾, употребленіе котораго, впрочемъ нынѣ запрещено султаномъ. Простой народъ и теперь еще, на вопросъ турка «ты кто такой?» отвѣчаетъ прехладнокровно, по старой привычкѣ: «сурумъ-глаурумъ или армені-глаурумъ» ⁽⁴⁾. И сколько другихъ насильственныхъ названій райа ⁽⁵⁾ по-

(1) Хлысть изъ инопотамовой жилы.

(2) Банкиръ.

(3) Невѣрный.

(4) Я невѣрный грекъ или я невѣрный армянинъ.

(5) Христіанскій подданный султана.

лучилъ отъ турокъ! Онѣ вошли въ яэны, остались нарицательными. Такъ житель Архиделага турецкаго скажетъ, не думая тытъ нисколько унижить себя: «бень-таушанъ-ымы» (1). Турки назвали ихъ такъ потому, что эти островитяне разбѣгались во все стороны, какъ зайцы, при появленіи сборщиковъ податей съ флотомъ адмирала. Говоря христіанскимъ торговцамъ, вѣстоэи ховяицъ, — эй чорбаджи, (2) турки приучили ихъ считать это названіе почетнымъ. Чорбаджи былъ конечно почетнымъ чиномъ у янычаръ, потому что котлы янычаръ были у нихъ чѣмъ-то священнѣе самого знамени; но тѣмъ становится яснѣе, что названіе это было оставлено за христіанами въ насмѣшку. Нѣкоторые изъ христіанъ, ходившіе на поклоненіе въ Иерусалимъ, называютъ себя хаджи; такъ встрѣчаются имена хаджи-Фоти, хаджи-Юрги и др. Турки, придающіе священнѣйшій смыслъ слову хаджи (3); придумали также въ насмѣшку надъ христіанами, писать въ оффиціальнѣхъ актахъ, а иногда и въ печати: Аджид-Фоти, аджид-Юрги, т. е. *туркскій Фотій, туркскій Георгій*. Въ Турціи не дозволено строить церкви съ куполами и колокольнями; желѣзная доска замѣняетъ у нихъ колокола. Надъ могилами христіанъ вы не увидите въ Турціи обычнаго креста; мраморная или другая плита, на которой съ ижепемъ покойнаго, вырѣзана эмблема его ремесла: топоръ, ножницы, цѣпуръ, вѣсы и проч., составляетъ все убранство могилы. Нѣкоторые изъ старыхъ плитъ этихъ носятъ изображенія и рода смерти покойнаго, если онъ былъ казненъ: отсѣченная голова между ногъ, тѣло на висѣлицѣ и т. д.

Турки останутся турками. С. М. Жирарденъ замѣтилъ недавно, что турки все тѣже антропофаги, какими были и прежде; только они теперь ѣдятъ вилами. Никто, конечно, не предастъ словамъ этимъ буквального смысла; но въ переносномъ значеніи своемъ, они вѣрно обрисовываютъ настоящее положеніе.

Да, время взяло свое, и двѣ гидры, эти различныя особенности прежней константинопольской жизни, были задавлены влияніемъ запада:

Не стало чумы и необузданныхъ янычаръ, державшихъ въ постоянномъ ужасѣ жителей оттоманской столицы, но болѣе еще съ иностранныхъ гостей. (4).

(1) Я заяць.

(2) Эй суповаръ или поваръ.

(3) Ходившій въ Мекку на поклоненіе.

(4) Последняя чума въ Константинополѣ была въ 1837 году. Янычары уничтожены въ 1826 году.

Когда, бывало, появлялся на большой улицѣ Перы одинъ изъ этихъ чудовищныхъ воиновъ въ своей красной одеждѣ, шитой золотомъ, въ нахально и высоко взбитой чалмѣ, весь увѣшанный и утыканный оружіемъ, съ жесткими и свирѣпыми взглядомъ, съ лаглыми хватками хозяина дома буйнаго гуляки, тирана, передъ которымъ все должно трепетать и преклоняться, — всѣ съеживались, какъ подъ вихремъ самуша, бѣжали по сторонамъ, прижимались къ стѣнамъ домовъ, моргая глазами, или забѣгали въ лавки и переулки. Узкая улица вся занималась его широкою особою, и бѣда тому, кто или не дасть ему дороги во-время или, задѣлъ его нечаянно! Онъ былъ мгновенно приплюснутъ или опрокидывался съ окровавленной головою. На мѣсто этихъ свирѣпыхъ чудовищъ встрѣчае теперь невзрачныхъ солдатиковъ, мизерно и грязно одѣтыхъ по европейски, которые хотя одушевлены тѣми же побужденіями, хотя также нахально и грубо глядятъ на васъ, но они, по крайней мѣрѣ, сдержаны какимъ-то подобіемъ дисциплины и не всегда удается имъ безвакантно узавить и обидѣть васъ.

А чума (1), это блѣдное и грозное чудовище, рѣдко удалявшееся съ береговъ Восфора! Оно правда, запыхавшись отъ яростныхъ своихъ опустошеній, по семи лѣтъ (2) не переводитъ бывало духъ, чтобы съ новыми силами броситься на беззащитныхъ жертвъ своихъ; но и въ продолженіе своего отдыха оно держало всѣхъ въ постоянномъ страхѣ и отъ времени до времени душило въ когтяхъ своихъ блѣднугу, обреченнаго ея ненасытности. Но надо было, говорятъ, видѣть горемычныхъ константинопольцевъ, когда чума подымалась на нихъ послѣ своего коварнаго отдыха! Все блѣднѣло и мертвѣло заранѣе. Улыбка отлетала изъ семействъ, заширавшихся на-глухо въ домахъ своихъ и прекращавшихъ прямое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. У каждой двери являлись рѣшотки и желѣзные щипцы, которыми принимали съѣстные припасы, вещи. Каждый лоскутокъ, валявшійся на полу, или вѣтромъ занесенная въ домъ соломенка, приводила въ тревогу всѣхъ его жителей. Влетитъ ли въ окно жаворонокъ, забѣжитъ ли кошка съ сосѣдней крыши, сердца бились отъ невольнаго страха, и все пряталось отъ незна-

(1) Турки, въ какомъ-то трепетномъ сознаніи неизбежности и безпощадности этой кары небесной, дали ей названіе болѣзни *благословенной*, мубарекъ.

(2) Въ природѣ, семилѣтній срокъ и вообще число *семь*, играютъ какую-то таинственную, роковую роль. Такъ напр. въ Восфорѣ считаютъ 7 теленій, въ Константинополѣ 7 холмовъ; большой Казбекскій завал падаетъ въ долину Терека въ 7 лѣтъ разъ. Есть источники, измѣняющіе каждые 7 лѣтъ или цвѣтъ свой или температуру. Зимородки выютъ свои гнѣзда 7 дней до и 7 дней по зимнемъ равноденствіи и проч.

ныхъ гостей. Пріятели, братья, при встрѣчѣ на улицахъ, протянувъ трости, старались не допустить къ себѣ другъ друга, и возвращаясь домой, или жгли одежды свои, или окуривали ихъ уксусомъ. Дни и ночи проходили въ достоянной тревогѣ. Похороны тянулись по улицамъ безпрерывною вереницею; христіане нарвали куда-нибудь дать тягу; мусульмане, преданные тупому фатализму, умирали семьями; дома, каравансерай, цѣлые кварталы пустѣли; и даже собаки, не находившія себѣ пищи, перекочевывали въ другія части города.

Учрежденный въ Константинополь, въ послѣдніе дни царствованія султана Махмуда, карантинъ остановилъ чуму и уничтожилъ ее. Мѣсто ея конечно не осталось не занятымъ; но холера не имѣетъ того страшнаго характера заразы, какимъ вооружена чума... И въ этомъ есть утѣшеніе для человѣчества.

Правда, въ провинціяхъ турецкихъ карантинъ и до сихъ поръ представляется въ какихъ-то легкихъ, не полныхъ и пресмѣшныхъ очертаніяхъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ, давно уже водворены европейскіе медики, большею частію самозванцы, изъ выходцевъ Италіи; но карантиновъ нѣтъ; ни строеній, ни антеки, ни заставы. Со мною, въ 1840 году, былъ презабавный и вмѣстѣ съ тѣмъ предосадный случай: мнѣ привелось, во время плаванія на турецкой чектырмѣ⁽¹⁾, выйти, въ Айвалыкскомъ заливѣ, между Тенедосомъ и Смирною, въ Адремити. Я нанялъ верховыхъ лошадей въ портѣ и поскакалъ въ городъ, отстоящій верстъ на десять отъ моря. Прибывъ туда, я пошелъ прямо къ Каймакану, начальнику города и округа, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, курилъ его трубку, пилъ его кофе, далъ еще ему прочесть одну бумагу, бывшую со мною, и когда вышелъ изъ палаты его, на площади подошелъ ко мнѣ какой-то турченокъ въ оборванномъ сюртукѣ реформы и потребовалъ отъ меня карантиннаго ярлыка. Увы! я вспомнилъ, что эта грамотка осталась въ чамѣ проводника моего, покинувшего меня на первой станціи отъ Дарданеллъ. Турченокъ тогда подпросилъ меня въ карантинное званіе... Такъ, собственно для виду! Я послѣдовалъ за нимъ. За городомъ торчала какая-то будка. Онъ ввелъ меня въ нее и заперъ дверь на замокъ, приставивъ къ ней караульнаго. Напрасно я рвался, кричалъ что онъ съ ума сошелъ, что послѣ этого надо и самого каймакама, съ которымъ я общился, и людей его и весь городъ запереть со мною въ карантинъ! Это плоское чудовище держало меня два дня въ заперти, и продержало бы и двѣ недѣли, какъ грозилось, еслибъ не проходилъ мимо моего окна, случайно, какой-

(1) Большой барказъ.

то левантинецъ , сказавшій что онъ консуль и агентъ всѣхъ державъ Европы и Азій, о существованіи котораго въ Адремити я и не подозрѣвалъ, и избавившій меня изъ этой шутовской западни.

Въ самой столицѣ дѣло это конечно пошло серьезнѣе подь наблюдениемъ европейскихъ миссій, — имѣющихъ своихъ депутатовъ въ карантинномъ правленіи.

Третій бичъ Константинополя также какъ будто начинаеть походить его. Это злая порода уличныхъ собакъ, живущихъ по семьямъ во всѣхъ кварталахъ столицы. Не смѣйтесь, читатель! Я вамъ совѣтую, и теперь еще, если вы посѣтите Босфоръ, быть осторожными въ вашихъ кочеваньяхъ по берегамъ его. Случалось и мнѣ самому попадаться имъ на зубокъ и оставлять на немъ часть своего платья, и не одинъ европеецъ бывалъ буквально загрызанъ ими.

Туркофилы прославляютъ добродушіе своихъ любимцевъ, указывая, между прочимъ, на попеченіе Константинопольскихъ турокъ о своихъ уличныхъ собакахъ, для прокормленія которыхъ иные выдаютъ булочникамъ города мѣсячную плату. Туркофилы не хотять видѣть и тутъ фанатическихъ побужденій оттомановъ: эти собаки, какъ бы въ угоду своимъ покровителямъ, съ остервенѣніемъ бросаются на френковъ и на всѣхъ христіанъ вообще, узнавая ихъ даже и подь турецкою одеждою. Это положительный фактъ, какъ ни похожъ онъ на выдумку. А между тѣмъ онѣ подбирають падаль, оставляемую, по лѣности и нерадѣнію жителей, на улицахъ и площадяхъ.

Итакъ, время взяло свое. Не одно зло оно искоренило въ Турціи; но переворотъ, въ ней совершившійся, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, все-таки, повторяю, переворотъ наружный, односторонній, и не общаеть, даже и въ отдаленномъ будущемъ, никакихъ благотворныхъ успѣховъ турецкому обществу на поприщѣ просвѣщенія, потомучто не ведетъ онъ его къ вещественному сближенію съ почитіями, преданіями и потребностями европейской жизни.

Пагубное употребленіе опиума, искажающее человѣка, напр. нышло изъ моды, но его замѣнялъ заной спиртомъ; — образовалось регулярное войско; но нѣтъ въ немъ не только ни одного дѣльнаго, но и ни одного на что-нибудь похожего офицера; запрещено публично продавать невольниковъ и фабриковать евнуховъ; но чѣмъ же питаются харемы оттоманскіе, до сихъ поръ процвѣтающіе со всею ихъ обстановкою? Ввелось книгопечатаніе; но вышла ли въ свѣтъ хотя одна серьезная книга въ Константинополѣ, которая бы заслуживала вниманія историка, ученаго или литератора? А племянниковъ и племянницъ султанскихъ и до сихъ поръ давятъ при

ихъ рожденіи; и до сихъ поръ , хотя не замѣтно, мѣшки съ невѣрными женами отправляются ко дну Босфора.

Кто бы повѣрилъ что по мѣрѣ того, какъ Турція, съ дѣтскимъ важничаньемъ, подвигается на пути этихъ мишурныхъ преобразованій, какъ Европа все громче и громче привѣтствуетъ возрожденіе страны этой и обращеніе ея къ лучшимъ чувствамъ, — ея фанатизмъ растетъ все болѣе и болѣе, все глубже и глубже пуская свои корни въ эти сердца, въ самое зародышѣ испорченныя ложнымъ и сбивчивымъ ученіемъ. Чѣмъ сильнѣе и настойчивѣе вліяніе христіанскаго міра ослабляетъ ихъ религіозный фанатизмъ, тѣмъ плотнѣе они жмутся другъ къ другу, стараясь его защитить отъ христіанства, тѣмъ съ большей недовѣрчивостью, тѣмъ съ сильнѣйшею ненавистью глядятъ они на тѣсненія ихъ стихій. Спросите райа улучшается ли ихъ положеніе; онъ со вздохомъ отвѣтитъ вамъ, что время ихъ жатвы и относительнаго благосостоянія миновало. Хотя, въ былыя эпохи, собственность не принадлежала имъ неозвратно, завися отъ произвола владыки; но по крайней мѣрѣ они наживали ее свободно, быстро, и наконецъ келейно пользовались до поры ея удобствами. Такъ, было время, блескъ «салтанати алы-османъ» отражался на жизни, на обстаповкѣ, на самой посадкѣ многихъ христіанскихъ семействъ въ Турціи. Теперь мелькаютъ въ ней однѣ развѣ тѣни этого прошедшаго великолѣпія и каждый райа, или сохранившій частицу его, или подвизающійся на поприщѣ приобрѣтеній, мечтаетъ объ одномъ, какъ бы ему добыть *пашпуртъ* иностранной державы и ея покровительство. Дознано опытомъ, что чѣмъ турокъ долѣе терся въ нашемъ обществѣ, чѣмъ далѣе онъ жилъ въ Европѣ, чѣмъ ближе знакомъ съ ея языками и обычаями, тѣмъ болѣе питаетъ презрѣніе къ христіанамъ. Духъ неприязни ко всему христіанскому нисколько не измѣнился въ Турціи, если не увеличился: каменья, ругательства, дразнящіе языки мальчишекъ, косые взгляды, плевки розовыхъ и прелестныхъ дѣточекъ оттоманскихъ, которыхъ въ началѣ такъ хотѣлось мнѣ приласкать, надменность, недоброхотство или лукавое притворство эфендіевъ встрѣтили меня въ Истамбулѣ съ перваго же дня моего пріѣзда и проводили оттуда, когда четырнадцать лѣтъ спустя я покидалъ его (1).

(1) Все это было написано нами до Джебдской рѣзни, а слѣдовательно и до послѣдовавшихъ за ними кровавыхъ проявленій оттоманскаго фанатизма въ Сиріи, проявленій, торжественно подтверждающихъ слова наши. Въ парижскомъ законодательномъ собраніи, одинъ изъ членовъ онаго, г. Плишонъ весьма краснорѣчиво и какъ нельзя болѣе вѣрно обрисовалъ въ рѣчи своей, произнесенной 8-го текущаго мѣсяца, настоящее расположеніе умовъ въ Турецкой землѣ

Въ то время, какъ самъ хозяинъ катается ли по Босфору на своемъ легкрыломъ лебедѣ-каикѣ, чтобы подышать пороховымъ фиміамомъ орудій, гремящихъ ему на встрѣчу съ береговъ Европы и Азіи и съ бортовъ разноплеменныхъ военныхъ судовъ, толпящихся въ Золотомъ Рогѣ, плыветъ ли на пароходѣ по мраморному морю до Исмиа (1), чтобы полюбоваться своею суконною фабрикою, или поближе, посмотреть въ Санъ-Стефано, на стѣны своего порохового завода (2), прогуливается ли верхомъ или въ блестящемъ экипажѣ, предшествуемый взводомъ уланъ и послѣдуемый своею свитою, то въ Кеатъ-Ханъ (3), то въ любимые ею Иылдызлы Кіошкь (4) и Ыхламуръ-Алты (5), — паши, по прежнему, занимаются своею подземною стряпнею, толкаютъ другъ друга, падаютъ и безпрерывно тасуются въ служебныхъ ихъ должностяхъ; по прежнему кадыни (6) ихъ, обвѣшанныя жемчугомъ и алмазами, насурмленные и густо вымазанные по бровямъ черною краскою, гомозятся въ харемахъ, завязывая отъ бездѣля безконечныя нити интригъ и честолюбивыхъ затѣй, и за одно съ свпухами, ихъ дяльками, преподають дѣтямъ своимъ турецкую науку жить въ свѣтѣ; по прежнему, бѣлая чалма Шейхъ-уль-Ислама и всей духовной касты держитъ всѣхъ вмѣстѣ въ почтеніи и страхѣ, набиваетъ свои карманы отъ безконечныхъ тяжбъ... и останется по этому навсегда для земли своей незыблемымъ громоотводомъ истиннаго просвѣщенія.

Сверхъ того, мусульманскій міръ, по крайней мѣрѣ всѣ сунниты, смотритъ на султана, какъ на намѣстника своего пророка, халифа. Титулъ этотъ, со времени султана Селима, перешолъ отъ послѣдняго Аббассида Мухаммеда XII къ оттоманскимъ владыкамъ, и можно себѣ представить, какъ эти послѣдніе гордятся имъ! И потому, пока у оттомановъ будетъ султанъ, съ его священнымъ титуломъ халифа, пока на этомъ основаніи *Санджакы-шерифъ* (7) будетъ храниться въ константинопольской мечети Айа Софія, для того, чтобы, во время войны съ невѣрными, вести на бой дружины мусульман-

и несостоятельность надеждъ на усвоеніе турецкимъ обществомъ идей образованнаго міра. Впрочемъ и у правительственныхъ лицъ самой Англіи, такъ горячо патронирующей турокъ, вырываются въ парламентъ подобныя же признанія.

(1) Никомедія.

(2) Подъ управленіемъ армянина Дадіана.

(3) Буквально бумажная фабрика, которой однакоже нѣтъ. Это долина европейскихъ прѣсныхъ водъ, любимое гулянье константинопольцевъ.

(4) Звѣздный Кіоскъ.

(5) Подъ липами. Кофейня и мраморные бассейны и фонтаны.

(6) Госпожи.

(7) Зеленое знамя Мухаммеда.

скія и воодушевлять ихъ сугубымъ фанатизмомъ, пока будутъ храниться у нихъ, въ такомъ почтеніи какъ нынѣ, *Хыркям-Сеадетъ* ⁽¹⁾ и мечъ пророка, вмѣстѣ съ мечами первыхъ халифовъ, перенесенные изъ Египта въ Истамбулъ; пока эти лохмотья, весь этотъ хламъ изувѣрства не сдѣлаются, напримѣръ, достояніемъ Британскаго музея; пока Истамбулъ будетъ для мусульманъ всего земнаго шара убѣжищемъ ислама по преимуществу, *Даръ-уль-исламъ*; пока турки будутъ смотрѣть на женщинъ, какъ на вещь, или какъ на *маю*, по выраженію курана, данную людямъ только для оплодотворенія; а на музыку, живопись и ваганіе какъ на святотатство, позоръ и скверну, — напрасно будутъ ожидать существеннаго въ Турціи переворота, который бы поставилъ ее на одну степень съ европейскими государствами.

ГЛАВА I

ПЛАВАНІЕ

Васитай Тиджаретъ. — Прощанье съ Босфоромъ. — Черное море. — Палуба парохода. — Турецкій сновникъ. — Инеболі. — Синоцъ. — Прибытіе въ Самсунъ.

Fare thee well and if for ever. В.

Въ послѣднихъ числахъ декабря мы должны были выйти въ море. Люди были наняты; въ числѣ ихъ явился у насъ на сценѣ знаменитый македонецъ Ставри Байко, о которомъ я говорилъ уже прежде. ⁽²⁾ Закупки сдѣланы; а о запасахъ надо было подумать, потому что страны, ожидавшія нашего посѣщенія, конечно не заботились о нуждахъ нашихъ и прихотяхъ. Бараны же, рисъ, курь, сыръ, молоко, яйца, ключевыя, рѣчныя и колодезные воды, которыми обилуютъ первобытныя страны эти, не способны были удовлетворить всѣмъ нуждамъ нашимъ и привычкамъ.

Надо было также подумать о запасѣ медикаментовъ, о снабженіи себя медикомъ. Все было сдѣлано къ сроку. Медика мы наняли по поламъ съ англичанами; это былъ очень милый молодой человекъ, уроженецъ Буэносъ-Айреса, учившійся въ Лондонѣ. Онъ впоследствии оказался очень искуснымъ.

⁽¹⁾ Плащъ пророка мусульманскаго.

⁽²⁾ Современникъ. Августъ 1857. *О Турціи и Персіи.*

Оставалось съѣсть на пароходъ. Но отъѣздъ нашъ откладывался нѣсколько разъ. Мы стали хворать одинъ за другимъ, и это послужило къ нашему счастью, потомучто пароходы, на которыхъ мы должны были отправиться, претерпѣли жесточайшія бури, и съ послѣдняго изъ нихъ море смыло нѣсколько человѣкъ матросовъ. Англійская коммисія, вышедшая въ море недѣлю ранѣе насъ, вмѣсто трехъ дней, употребила шесть, чтобы добраться до Самсуна; пароходъ ея былъ занесенъ вѣтрами въ близкое сосѣдство Одессы и много она бѣдовала, пока не выбрались на прямой путь.

Не даромъ, въ Константинополь, съ поконъ вѣка замѣчено, что опасно до Крещенья пускаться въ *негостепріимное море* (1). Не только христіанскія, но и мусульманскія суда не выходятъ въ Понтъ, пока патріархъ Греческій не погрузитъ креста въ воды Золотого Рога.

А зима съ 1848 на 1849 годъ была какъ-то особенно богата бурями.

Но вотъ и 6-е Января! И такъ называемое турками Кючюкъ Язъ (2) вступило въ права свои. Вѣтры опустили крылья; тучи растаяли. Пора подымать якорь! Мѣста взяты на пароходѣ *Васитан Тиджаретъ* (3), великолѣпномъ турецкомъ фрегатѣ, подъ командою опытнаго капитана Славянина Кличсна, котораго турки называютъ *Кылычъ капитанъ* (4).

Прощальные визиты сдѣлавы.

Прощай Босфоръ!

Наступило 17-е января. Пароходъ наконецъ принялъ насъ со всѣми людьми и запасами, которыхъ набралось цѣлыя горы. Я обнялся съ провожавшими меня пріятелями и слѣдилъ за ними прослезившимися глазами до самаго берега; и долго не могъ оторвать глазъ отъ него...

Пароходъ двинулся. Все вокругъ зашевелилось, заходило. Одинъ предметъ прятался за другимъ отъ глазъ нашихъ по мѣрѣ того, какъ быстрый Васитан Тиджаретъ описывалъ на Босфорѣ кривыя линіи и повороты и скользилъ по шипѣвшей влагѣ, преслѣдуемый веселою гурьбою дельфиновъ. Бѣлыя стаи чашекъ и мартышекъ съ крикомъ кружились около парохода, какъ будто тоже прощались съ нами. Каики, не менѣе ихъ быстрые и легкіе, но болѣе граціозные, стремительные, разрѣзали волны подъ кормою, подъ носомъ; а нѣкоторые изъ нихъ едва не обгоняли насъ.

(1) *Аксеносъ*, отсюда Эвксинскій Понтъ.

(2) Малое лѣто.

(3) Посредничество торговли.

(4) Капитанъ-сабля.

Ушла изъ глазъ Пропонтида съ ея островами и сизою далью, въ которой такъ живописно вырѣзывается снѣжная вершина бруескаго Олимпа! Ушли и Фаараки, и самый Скутари, съ его кладбищами и кипарисами, и граціозная Леандрова башня, и вся очаровательная декорация Серай Бурну, съ его садами, куполами, башнями, и Айа-Софія, и Султанъ — Сулейманъ⁽¹⁾, и прибрежный дворецъ султанскій, и Золотой Рогъ, съ плывучимъ мостомъ его, оживленнымъ толпами народа, съ его лѣсомъ мачтъ и пароходныхъ трубъ. А ужъ Пера, съ высокими чертогами русскаго посольства и съ этимъ картиннымъ хаосомъ стресній, давно повернулась ко мнѣ спиною и юркнула за прилежащія высоты Бешикъ-Таша, съ его Байылдымъ-Кѣшкомъ⁽²⁾. Вотъ бѣгутъ отъ насъ и литейный дворецъ Топ-хані, съ прелестною его мечетью и золочеными манаретами, единственными на всемъ Босфорѣ, и Фындыкль и Бешикъ-Ташъ, — эта послѣдняя якорная стоянка Аргонавтовъ, передъ вступленіемъ ихъ въ Эвксинскій Понтъ, и султанскіе дворцы европейскаго и азіятскаго береговъ: Долма-Багчѣ, тогда еще воздвигавшійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ исторія записала имена Даріевъ и Мухаммедовъ завоевателей, и узорчатый Чераганъ; а на той соронѣ Бейлербей⁽³⁾, и загородные сады, и кѣшки и мечети, и каравансеран, и пристаньки съ кофейнями, мраморными фонтанами, бассейнами и древесною сѣнью для кейфа гуляющихъ.

Здѣсь пронеслись мимо насъ Лени кѣй, Куру чешмѣ, Бебекъ, Арнаутъ Кѣй, съ своимъ пестрымъ и кипящимъ жизнію населеніемъ, — тамъ задумчивыя и безмолвныя красавицы Анатоліи — Кулелі, Канлыджі; а за ними вслѣдъ и Кавіаки⁽⁴⁾ и азіятскія прѣсныя воды Гюкъ-су, и европейка Стенія, — каждый, съ своими кофейнями, фонтанами, гуляньями, и широко и густо разросшеюся зеленью старыхъ платановъ, фигъ, кипариса и пестрыми кружками гуляющихъ.

За ними повеселись Чубукльы, треща своимъ эхомъ, повторявшимъ топотню колесъ нашего парохода. А тамъ, уже близко, на европейскомъ берегѣ, и веселый Орта-Кѣй. Вотъ онъ бѣжитъ къ намъ на встрѣчу, взвиваясь и сверкая, какъ змѣя своими кольцами. За нимъ пробѣжали, на право — Бейкосъ, на лѣво — гульливая Тера-

(1) Мечети.

(2) Этому кіоску дано названіе Байылдымъ: я *обезпамятѣлъ*, потомучто изъ него открывается одинъ изъ плѣнительнѣйшихъ видовъ на Босфоръ и на Мармару.

(3) Долма-Багчѣ, Чераганъ, Бейлербей, три султанскіе дворца.

(4) Укрѣпленные замки Румеліи и Анатоліи, стоящіе одинъ противъ другого на половинѣ всей длины Босфора.

тѣя, въ то время, какъ со стороны Анатоліи, кружились и летѣли мимо насъ цѣлыя вереницы очаровательныхъ уголковъ. Прочтѣлись наконецъ и Хюнкѣръ — Искелесѣ, и Гигантова гора и Киречъ—Буриу, и самый Буюкдере... передъ нами открылся Понтъ!

Когда я очнулся отъ грустныхъ мыслей, порожденныхъ во мнѣ разставаньемъ, мы были уже посреди необозримаго, воднаго пространства.

Но пора осмотрѣться на палубѣ.

Она была загромождена разноцвѣтнымъ народомъ, тюками, пожитками, горами каменнаго угля и всякаго хлама. Мужчины, женщины, дѣти большею частью мусульманы — турки, персіане, татары, кавказскіе горцы. Они разсѣлись у бортовъ на конрикахъ и войлокахъ, облокотясь на сѣдла и узлы свои, и дымя трубки и кальяны. Нечистота лежитъ на всѣхъ этихъ грунахъ отвратительною тѣнью; цѣлыя лужи отъ кальяновъ и мѣдныхъ кувшиновъ, служащихъ для всякаго рода омовеній, окружаютъ ихъ ноги, или босыи или обутыя въ грязныя, шерстяныя носки, и пробираются къ самымъ сидѣльцамъ; — а между тѣмъ, издали, все это составляетъ картину. Мужественныя, красивыя лица, затѣйливыя, пестрыя анатолійскія одежды, причудливыя посадки, неподвижность азіятцевъ, когда они предаются кейфу, являютъ ихъ живою картиною, иногда очень замѣчливою.

Но тамъ и здѣсь мелькаютъ европейскія фізіономіи, нахохлившіяся довольно уродливо надъ узлами и сундуками; наши люди, уже одѣтые по походному и даже вооруженные на всякій случай. На моемъ злобномъ болгарѣ красуется турецкая сабля на красныхъ шнуркахъ и огромный пистолеть заткнутъ за кушакъ.

Не было здѣсь тѣхъ граціозныхъ, изящныхъ явленій, которыя служатъ постояннымъ украшеніемъ пароходныхъ палубъ на другихъ моряхъ, или вѣрнѣе, на другихъ рейсахъ. Здѣсь же все было грубо, грязно, непривѣтно. Были и тутъ женщины; но какія! азіатки, африканки: бѣлыя, черныя, шоколадныя, кутались онѣ въ свои дорожныя, грязныя, дырявыя покровы.

Но вотъ меня зовутъ къ работѣ: помогать разговору Е. И—ча съ какимъ-то туркомъ почтенной наружности, съ сѣдою бородою, съ медовымъ выраженіемъ лица, съ осанкою и трубкою великаго визиря. Онъ заинтересовалъ своего собесѣдника припоминаніемъ случайностей компаніи 1828 года, въ которой они оба участвовали.

Это были знакомые уху моему и музыка и самый мотивъ. Турки мастера говорить и любятъ пощеголять, особенно передъ иностранцемъ, изяществомъ и музыкальностью своего разговорнаго языка и похвалятся благороднымъ образомъ мыслей и человѣколюбіемъ.

Сверхъ того, у мусульманъ страсть преподавать иновѣрцамъ правила нравственности и общечеловѣческихъ обязанностей. Неастичивыхъ господъ такого рода, пожалуй, встрѣчаемъ мы и въ нашемъ обществѣ: не принимая въ соображеніе ни дѣла, ни опытность своего собесѣдника, эти господа заносчиво навязываютъ ему свои взгляды на вещи, свои мнѣнія, учатъ его предметамъ, которые онъ иногда знаетъ лучше ихъ, разглагольствуютъ о приличіи, не замѣчая того, что они сами нарушаютъ его основанія и главныя условія, и увлеченные своимъ краснорѣчіемъ, смотрятъ вокругъ себя съ самодовольствіемъ и съ увѣренностью въ своемъ превосходствѣ. Турки же вообще всѣ таковы, хотя и сохраняютъ достоинство и умѣренность движеній несравненно лучше нашихъ доморощенныхъ демосееновъ. Въ невѣжественномъ своемъ ослѣпленіи они воображаютъ, что куранъ одинъ содержитъ въ себѣ основанія всѣхъ добродѣтелей; что бѣдняжки невѣрные, не изучающіе его и не слѣдующіе ученію ихъ пророка, не могутъ имѣть истиннаго понятія о человѣческихъ обязанностяхъ; что если они иногда и отличаются благородствомъ и доблестями, то это безъ всякаго сознанія; и что наконецъ совершенство есть удѣлъ однихъ мусульманъ, избраннаго и любимаго небомъ народа.

Главныя правила человѣка, говорилъ добродушный старичокъ, обращаясь къ моему начальнику, должны быть кротость, человѣколюбіе, терпимость, великодушіе. Человѣкъ, служа своему государю, долженъ исполнять его волю и приказанія, и драться на войнѣ храбро, но не долженъ онъ при этомъ отступать и отъ долга человѣколюбія.

«Я восвалъ много, дрался подъ Тульчею, Шумлюю, Браиловымъ, Исакчи, Варной; былъ во время войны Селихдаромъ Сераскера Хюсейна Паши; но во время войны я старался всегда изъ враговъ дѣлать себѣ друзей. Однажды, между прочимъ, вотъ что случилось: во время осады Шумлы, одинъ изъ часовыхъ вашей цѣпи поставленъ былъ ближе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ редута, названнаго въ честь моего тогдашняго званія, селихдарскимъ. Люди мои приложились къ нему; я остановилъ ихъ изъ сожалѣнія къ бѣднягѣ. Войско наше было въ то время не то что теперь: послушанія и дисциплины ни на волосъ; солдаты мои стали ворчать на меня и ругаться. Я имъ сказалъ, что смерть одного солдата на часахъ не поможетъ нашему дѣлу; а что изъ человѣколюбія лучше будетъ послать сказать ему, чтобы онъ отошелъ подалѣе, и не навязывался бы понапрасну на пулю. Турки унялись и я, кликнувъ одного некрасовскаго казака, послалъ его предложить часовому отойти еще на ружейный выстрѣлъ. Некрасовецъ воротился съ отвѣтомъ, что ча-

совой приказалъ премного благодарить генерала за его доброе попеченіе, но что онъ поставленъ туда ефрейторомъ, и покуда тотъ не смѣнитъ его, онъ не отойдетъ ни на шагъ, хотя и очень хорошо видѣть, что жизнь его въ вашихъ рукахъ. Отвѣтъ этотъ такъ пришелся мнѣ по душѣ, что я рѣшительно запретилъ трогать часоваго и наблюдалъ за этимъ, пока его не смѣнили.»

Не удалось мнѣ только хорошо разобрать, чѣмъ турокъ болѣе восхищался, отвѣтомъ ли русскаго часоваго или собственнымъ поступкомъ. Не знаю также какъ бы онъ выпутался изъ задачи, если бы у него тогда спросили повторялъ ли онъ ту же операцію съ слѣдующими за этимъ часовыми, которые естественно должны были находиться въ однѣхъ условіяхъ съ первымъ, или... но разговоръ прекратился на этомъ наивномъ буракѣ оттоманскаго тщеславія.

Послѣ мы узнали, что этотъ важный, осанистый вельможа въ турецкомъ вкусѣ, бывшій, по словамъ его, еще въ компанію 1828 г. генераломъ, былъ нѣкто Дарбазъ-Ага, и не болѣе какъ Мухасъ-сылъ, ⁽¹⁾ назначенный начальникомъ курдистанскаго города *Джези-рек-мбни-Омаръ*, на который лежалъ и намъ путь... Впрочемъ и то правда, генераловъ у нихъ пекутъ заурядъ; почему же было и Дарбазъ-Агѣ не быть въ свое время генераломъ!

Море было тихо, качка едва ощущалась. Вѣтеръ не сильный и дулъ съ береговъ Анатолиі, подъ защитою которыхъ, иногда высоко подымавшихся надъ моремъ, пароходъ несся довольно плавно по десяти узловъ.

При тихомъ и благополучномъ плаваньи время летитъ однообразно на пароходѣ, когда берегъ далекъ или ни чѣмъ не замѣчательнъ и когда нѣтъ на палубѣ предметовъ, годныхъ для наблюдательности или вызывающихъ послѣдовательное созерцаніе. Берега Анатолиі, хотя и не были у насъ, что называется, за горами и хотя природа ихъ не лишена красоты, но все это горы, покрытыя лѣсомъ, долины, тамъ и здѣсь довольно живописныя; но населеній мало, почти нѣтъ ихъ.

Но вотъ закатъ солнца! Въ ясное время этотъ торжественный моментъ бываетъ всегда сигналомъ движенія на пароходѣ: мусульмане бросаютъ на палубу настилки, — войлокъ, коврикъ или абѹ ⁽²⁾, и принимаются класть земные поклоны, то стоя, то сѣвъ себѣ на ноги; европейцы облакачиваются на борты и устремляютъ глаза къ горизонту, гдѣ небо слилося съ моремъ въ одномъ огромномъ заревѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться съ этимъ зрѣлищемъ?

⁽¹⁾ Сборщикъ податей. Начальникъ округа.

⁽²⁾ Плащъ.

Но зарево начинаетъ гаснуть, воздухъ свѣжѣеть, палуба покрывается сыростью, до того, что ни къ чему нельзя прислониться, ни сѣсть на скамьи; всѣ кутаются въ плащи бурки и тубы. Мусульманское общество, стѣвъ по кусочку сыру, хлѣба, луку и еще какой-нибудь дряни, отправляется спать, завернувшись съ головою въ свои покровы. Звонять къ чаю.

Чай, трубки, сигары, шаганье взадъ и впередъ по палубѣ, отъ перилъ, поставленныхъ около шпиля для харема, и до трубы, а пожалуй и далѣе, если найдется мѣсто для прогулки посреди этого хаоса растянувшихся людей и кладь, — вотъ, въ это время, занятія пассажира.

Изъ средняго люка высовывается растрепанная саміелевская голова, съ лицомъ густо покрытымъ сажею, это голова кочегара. Онъ поднялся по трану, чтобы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ отъ своей адской работы у пылающаго жерла печи. Несутъ къ люку тяжелыя кладь каменнаго угля и съ громомъ сыплютъ кочегару его насущную провизію. Раздается дребезжащій свистокъ, и со всѣхъ концовъ судна, топая босыми ногами, стекаются матросы хватить чарочку горячаго. Минута отрадная для этихъ тружениковъ!

Является ночь съ своими небесными спутниками. Сонъ клонить, а то бы не сходилъ съ палубы... такъ хорошо!

На другой день, въ три часа по полудни, бросили мы якорь на рейдѣ Инеболи. Это портъ города Кастанболи, и состоитъ изъ незначительнаго селенія и верфи для незначительныхъ судовъ. Инеболи не щеголяетъ даже и мѣстоположеніемъ, онъ лежитъ у входа въ ущелье и замѣчательнъ только тѣмъ что находится на удобнѣйшемъ, по всему Анатолійскому берегу, пунктѣ сообщенія со внутренностью Азіи. Хорошая дорога ведетъ отсюда на Бастемунн (Германикополь), до котораго не болѣе двадцати пяти верстъ. Тутъ мы помѣнялись нѣсколькими пассажирами, и, не простоявъ и двухъ часовъ, залопатили далѣе.

Въ этотъ день мы тоже не видѣли ничего замѣчательнаго. Тѣ же берега; вѣтеръ тотъ же.

Усталость тѣла и тоска душевная услипаются обыкновенно и начинаютъ тяготѣть надъ нами только на другой день послѣ отъѣзда въ долгій путь. Въ день разставанья съ милыми людьми, съ долговременными привычками, съ мѣстами освященными для васъ сердечными воспоминаніями, вы въ какомъ-то чаду, въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Да вамъ и некогда было сосредоточиться. Васъ занимаютъ мелочныя хлопоты, покупки, дорожныя и хозяйственныя распоряженія, однимъ словомъ, матеріальная часть, суета отъѣзда. Но на другой день, когда вы останетесь одни и васъ ни

что болѣе не развлекаетъ, особенно при тихомъ плаваньи, вась одо-
лѣваетъ тоска. Видъ безбрежнаго моря, однообразный гулъ валовъ,
однотипное шлепанье пароходныхъ колесъ способствуютъ особен-
но къ подобному настроенію.

Такъ и со мною было: тоска туманила глаза мои, безпрестанно
отвлекала мое вниманіе отъ окружающихъ предметовъ и помѣшала
бы мнѣ слѣдить за всѣми изгибами береговъ, бѣжавшихъ мимо па-
рохода, и въ такомъ даже случаѣ, еслибы они были интереснѣе Ана-
толійскихъ... Испытавшіе поймутъ меня.

19-го поздно вечеромъ мы бросили якорь передъ Синопомъ.
Громкое имя это напоминало намъ въ то время и Диогеновъ и Ми-
трилатовъ, Тиграновъ и Лукулловъ; а теперь вызываетъ оно дру-
гя болѣе близкія намъ воспоминанія.

Синопъ замѣчательнъ портомъ, единственнымъ, по своему удоб-
ству, на всемъ протяженіи Анатолійскихъ береговъ, до Батума.

Ночь была лунная, но на разстояніи, на которомъ мы остано-
вились, намъ трудно было разсмотрѣть въ подробности этотъ городъ,
любопытный, какъ ни жалки были тогдашнія его турецкія строе-
нія. Передъ нами явственно зубрились только бѣлыя стѣны, кажет-
ся Генуэзской постройки, да подымался бѣлый минаретъ, — все это
задернутое дымкой ночи, да лежали дома и сады черными пятнами.
Тогда въ городѣ было не болѣе 1600 домовъ, да плохая верфь.

Черезъ нѣсколько часовъ мы стояли уже въ Самсунскомъ рейдѣ
и... конецъ нашему плаванью, удачному необыкновенно! Слѣдую-
щій за нашимъ пароходъ претерпѣлъ сильную бурю, а о бѣдство-
ваніяхъ предшествовавшаго я говорилъ выше.

Мы ступили на берегъ Анатоліи.

На низменностяхъ страшная грязь и слякоть; на лѣсистыхъ вы-
сотахъ снѣгъ и снѣгъ глубокій. Не привѣтная, не утѣшительная
картина! А крути-то! Крути-то, страшною стѣною подыавшіяся надъ
самымъ городомъ! И вамъ карабкаться на нихъ!

Господи, какъ сурово глядитъ на насъ Тавръ, занесенный снѣ-
гами, изъ подъ черныхъ тучъ, окутавшихъ его вершины!

М. Г.

Молю тебя, скажи : ты любишь ли меня ?
Мое ли, трепеща, ты имя произносишь ?
Во тьмѣ нѣмыхъ ночей мучительно стена,
Во снѣ моихъ ли поцѣлуевъ просишь ?

Когда, въ объятіяхъ моихъ заключена,
Меня ты медленно и пламенно лобзаешь,
Любовью-ль чистою душа твоя полна ?
Ты не глядишь, ты мнѣ не отвѣчаешь !

Иль сладострастія нечистаго порывъ
Тебя властительно толкнулъ въ мои объятія,
И пала ты — пошла на гибельный призывъ,
Тая въ душѣ своей невольныя проклятія ?

О, если такъ — молчи ! Пусть сладостный обманъ
Чаруетъ сердце мнѣ желаннымъ обаяньемъ.
Цѣлуй, цѣлуй меня ! Не нужно новыхъ ранъ,
Не отравляй любви губительнымъ страданьемъ !

О. ВЕРГЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(посвящается М. М. Достоевскому)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА VIII

Послѣ достопамятнаго для меня вечера, проведеннаго мною съ княземъ въ ресторани у Б. я, нѣсколько дней сряду, былъ въ востоянномъ страхѣ за Наташу. «Чѣмъ грозилъ ей этотъ проклятый князь и чѣмъ именно хотѣлъ отмстить ей?» спрашивалъ я самъ себя поминутно и терялся въ разныхъ предположеніяхъ. Я пришелъ наконецъ къ заключенію, что угрозы его были не вздоръ, не фанфаронство и что покамѣстъ она живетъ съ Алешей, князь дѣйствительно могъ надѣлать ей много неприятностей. Онъ мелочень, мстительень, золь и расчетливъ, думалъ я. Трудно чтобъ онъ могъ забыть оскорбленіе и не воспользоваться какимъ нибудь случаемъ къ отмщенію. Во всякомъ случаѣ онъ указалъ мнѣ на одинъ пунктъ во всемъ этомъ дѣлѣ и высказался на счетъ этого пункта довольно ясно: онъ настоятельно требовалъ разрыва Алеши съ Наташей и ожидалъ отъ меня, чтобъ я приготовилъ ее къ близкой разлукѣ и такъ приготовилъ, чтобъ не было «спень, пасторалей и шиллеровщины». Разумѣется онъ хлопоталъ всего болѣе о томъ, чтобъ Алеша остался имъ доволенъ и продолжалъ его считать вѣж-нымъ отцомъ; а это ему было очень нужно для удобнѣйшаго овладѣнія впоследствии Катиными деньгами. Итакъ мнѣ пред-

стояло приготовить Наташу къ близкой разлукѣ. Но въ Наташѣ я замѣтилъ сильную переѣну: прежней откровенности ея со мною и помину не было; мало того, она какъ будто стала со мною недовѣрчива. Утѣшенія мои ея только мучили; мои вопросы все болѣе и болѣе досаждали ей, даже сердили ея. Сижу бывало у ней, гляжу на нее: она ходитъ, скрестивъ руки, по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мрачная, блѣдная, задумчивая, какъ будто въ забытїи, забывъ даже что и я тутъ, подлѣ нея. Когда же ей случалось взглянуть на меня (а она даже и взглядовъ моихъ избѣгала), то нетерпѣливая досада вдругъ проглядывала въ ея лицѣ и она быстро отворачивалась. Я понималъ, что она сама обдумывала можетъ быть какой нибудь свой собственный планъ о близкомъ, предстоящемъ разрывѣ и могла ли она его безъ боли, безъ горечи обдумывать? А я былъ убѣжденъ, что она уже рѣшилась на разрывъ. Но все-таки меня мучило и пугало ея мрачное отчаянье. Къ тому же, говорить съ ней, утѣшать ея я иногда и не смѣлъ, а потому со страхомъ ожидалъ чѣмъ это все разрѣшится.

Что же касается до ея суроваго и неприступнаго вида со мною, то это меня хоть и безпокоило, хоть и мучило, но я былъ увѣренъ въ сердцѣ моей Наташи: я видѣлъ, что ей очень тяжело и что она была слишкомъ разстроена. Всякое постороннее вмѣшательство возбуждало въ ней только досаду, злобу. Въ такомъ случаѣ особенно вмѣшательство близкихъ друзей, знающихъ наши тайны, становится намъ всего досадиѣе. Но я зналъ тоже очень хорошо, что въ послѣднюю минуту Наташа придетъ же ко мнѣ снова и въ моемъ же сердцѣ будетъ искать себѣ облегченія.

О моемъ разговорѣ съ княземъ я разумѣется ей умолчалъ: рассказъ мой только бы взволновалъ и разстроилъ ея еще болѣе. Я сказалъ ей только такъ, мимоходомъ, что былъ съ княземъ у графини и убѣдился, что онъ ужасный подлецъ. Но она и не спрашивала про него, чему я былъ очень радъ; за то жадно выслушала все, что я рассказалъ ей о моемъ свиданїи съ Катей. Выслушавъ, она тоже ничего не сказала и о ней, но краска покрыла ея блѣдное лицо и весь почти этотъ день она была въ особенномъ волненїи. Я не скрылъ ничего о Катѣ и прямо признался, что даже и на меня Катя произвела прекрасное впечатлѣніе. Да и къ чему было скрывать? Вѣдь Наташа

угадала бы, что я скрываю и только разсердилась бы на меня за это. А потому я нарочно рассказывалъ какъ можно подробнѣе, стараясь предупредить всѣ ея вопросы, тѣмъ болѣе что ей самой, въ ея положеніи, трудно было меня спрашивать: легко ли въ самомъ дѣлѣ подъ видомъ равнодушія выпытывать о совершенствахъ своей соперницы?

Я думалъ что она еще не знаетъ, что Алеша, по непремѣнному распоряженію князя, долженъ былъ сопровождать графиню и Катю въ деревню, и затруднялся, какъ открыть ей это, чтобъ, по возможности, смягчить ударъ. Но каково же было мое изумленіе, когда Наташа съ первыхъ же словъ остановила меня и сказала, что нечего ее *утѣшать*, что она уже пять дней какъ знаетъ про это.

— Боже мой! вскричалъ я, да кто же тебѣ сказалъ?

— Алеша.

— Какъ? онъ уже сказалъ?

— Да, и я на все рѣшилась, Ваня, прибавила она, съ такимъ видомъ, который ясно и какъ-то нетерпѣливо предупреждалъ меня, чтобъ я и не продолжалъ этого разговора.

Алеша довольно часто бывалъ у Наташи, но все на минутку; одинъ разъ только просидѣлъ у ней нѣсколько часовъ сряду; но это было безъ меня. Входилъ онъ обыкновенно грустный; смотрѣлъ на нее робко и нѣжно; но Наташа такъ нѣжно, такъ ласково встрѣчала его, что онъ тотчасъ же все забывалъ и развеселялся. Ко мнѣ онъ тоже началъ ходить очень часто, почти каждый день. Правда, онъ очень мучился, но не могъ и минуты пробыть одинъ съ своей тоской и поминутно прибѣгалъ ко мнѣ за утѣшеніемъ.

Что могъ я сказать ему? Онъ упрекалъ меня въ холодности, въ равнодушій, даже въ злобѣ къ нему; тосковалъ, плакалъ, уходилъ къ Катѣ и ужъ тамъ утѣшался.

Въ тотъ день, когда Наташа объявила мнѣ, что знаетъ про отъѣздъ (это было съ недѣлю послѣ разговора моего съ княземъ), онъ вбѣжалъ ко мнѣ въ отчаяніи, обнялъ меня, упалъ ко мнѣ на грудь и зарыдалъ какъ ребенокъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Я низкій, я полый человѣкъ, Ваня, началъ онъ мнѣ: сваси меня отъ меня самого. Я не оттого плачу, что я низокъ и подлъ, но оттого, что черезъ меня Наташа будетъ несчастна.

Вѣдь я оставляю ее на несчастье... Ваня, другъ мой, скажи мнѣ, рѣши за меня, кого я больше люблю изъ нихъ: Катю или Наташу?

— Этого я не могу рѣшить, Алеша, отвѣчалъ я: тебѣ лучше знать, чѣмъ мнѣ...

— Нѣтъ, Ваня, не то; вѣдь я не такъ глупъ, чтобъ задавать такіе вопросы; но въ томъ-то и дѣло, что я тутъ самъ ничего не знаю. Я спрашиваю себя и не могу отвѣтить. А ты смотришь со стороны и можешь больше моего знаешь... Ну, хоть и не знаешь, то скажи, какъ тебѣ кажется?

— Миѣ кажется, что Катю ты больше любишь.

— Тебѣ такъ кажется! Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Ты совсѣмъ не угадалъ. Я безпредѣльно люблю Наташу. Я ни за что, никогда не могу ее оставить; я это и Катѣ сказалъ и Катя совершенно со мною согласна. Чтожъ ты молчишь? Вотъ, я видѣлъ, ты сейчасъ улыбнулся. Эхъ Ваня, ты никогда не утѣшалъ меня, когда мнѣ было слишкомъ тяжело, какъ теперь... Прощай!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ чрезвычайное впечатлѣніе въ удивленной Нелли, молча выслушавшей нашъ разговоръ. Она тогда была еще больна, лежала въ постели и принимала лекарство. Алеша никогда не заговаривалъ съ нею и, при посѣщеніяхъ своихъ, почти не обращалъ на нее никакого вниманія.

Черезъ два часа онъ явился снова и я удивился его радостному лицу. Онъ опять бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня.

— Конечно дѣло! вскричалъ онъ: — всѣ недоумѣнія разрешены. Отъ васъ я прямо пошолъ къ Наташѣ: я былъ разстроены, я не могъ быть безъ нея. Войдя я упалъ передъ ней на колѣни и цѣловалъ ея ноги: мнѣ это нужно было, мнѣ хотѣлось этого; безъ этого я бы умеръ съ тоски. Она молча обняла меня и заплакала. Тутъ я прямо ей сказалъ, что Катю люблю больше ея...

— Чтожъ она?

— Она ничего не отвѣчала, а только ласкала и утѣшала меня, — меня, который ей это сказалъ. Она умѣетъ утѣшать, Иванъ Петровичъ! О, я заплакалъ передъ ней все мое горе, все ей высказалъ. Я прямо сказалъ, что люблю очень Катю, но, что какъ бы я ее не любилъ и кого бы я не любилъ, я все-таки безъ нея, безъ Ната-

ни, обойтись не могу и умру. Да, Ваня, дня не проживу безъ нея, я это чувствую! да! и потому мы рѣшили немедленно съ ней обвѣнчаться; а такъ какъ до отъѣзда нельзя этого сдѣлать, потому-что теперь великій постъ и вѣнчать не стануть, то ужь по пріѣздѣ поедемъ, а это будетъ къ первому іюня. Отецъ позволить, въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія. Что же касается до Кати, то чтожъ такое! Я вѣдь не могу же жить безъ Наташи... Обвѣнчаемся и тоже туда съ ней поѣдемъ, гдѣ Катя...

Бѣдная Наташа! каково было ей утѣшать этого мальчика, сидѣть надъ нимъ, выслушать его признаніе и выдумать ему, наввному эгоисту, для спокойствія его, сказку о скоромъ бракѣ. Алеша дѣйствительно на нѣсколько дней успокоился. Онъ и бѣгалъ къ Наташѣ собственно изъ того, что слабое сердце его не въ силахъ было одно перенести печали. Но все-таки, когда время начало приближаться къ разлукѣ, онъ опять впалъ въ безпокойство, въ слезы и опять прибѣгалъ ко мнѣ и выплакивалъ свое горе. Въ послѣднее время онъ такъ привязался къ Наташѣ, что не могъ ее оставить и на день, не только на полтора мѣсяца. Онъ вполнѣ былъ однакожъ увѣренъ, до самой послѣдней минуты, что оставляетъ ее только на полтора мѣсяца и что по возвращеніи его будетъ ихъ свадьба. Что же касается до Наташи, то она, въ свою очередь, вполнѣ понимала, что вся судьба ея мѣняется, что Алеша ужь пикогда теперь къ ней не воротится, и что такъ тому и слѣдуетъ быть.

День разлуки ихъ наступилъ. Наташа была больна, — блѣдная, съ воспаленнымъ взглядомъ, съ запекшимися губами, изрѣдка разговаривала сама съ собою, изрѣдка быстро и пронзительно взглядывала на меня, не плакала, не отвѣчала на мои распросы и вздрагивала какъ листокъ на деревѣ, когда раздавался звонкій голосъ входившаго Алеши. Она вспыхивала какъ зарево и спѣшила къ нему; судорожно обнимала, цѣловала его, смѣялась... Иногда въ эти минуты она какъ-будто вся перерождалась... Алеша иглядывался въ нее, иногда съ безпокойствомъ спрашивалъ здорова ли она? утѣшалъ, что уѣзжаетъ не на долго, что потомъ ихъ свадьба. Наташа дѣлала видимыя усилія, перемогала себя и давила свои слезы. Она не плакала передъ нимъ.

Одинъ разъ онъ заговорилъ, что надо оставить ей денегъ на все время его отъѣзда, и чтобъ она не безпокоилась, потому что

отецъ обѣщалъ ему дать много на дорогу. Наташа нахмурилась. Когда же мы остались вдвоемъ, я объявилъ, что у меня есть для нея *сто-пятьдесятъ рублей*, на всякій случай. Она не расспрашивала откуда эти деньги. Это было за два дня до отъѣзда Алеши, и наканунѣ перваго и послѣдняго свиданія Наташи съ Катей. Катя прислала съ Алешей записку, въ которой просила Наташу позволить посѣтить себя завтра; при чемъ писала и ко мнѣ: она просила и меня присутствовать при ихъ свиданіи.

Я непремѣнно рѣшился быть, въ двѣнадцать часовъ (назначенный Катей часъ), у Наташи, не смотря ни на какія задержки; а хлопотъ и задержекъ было много. Не говоря уже о Нелли, въ послѣднее время мнѣ было много хлопотъ у Ихменевыхъ.

Эти хлопоты начались еще недѣлю назадъ. Анна Андревна прислала въ одно утро за мною, съ просьбой, чтобъ я бросилъ все и немедленно спѣшилъ къ ней, по очень важному дѣлу, нетерпящему ни малѣйшаго отлагательства. Приѣдя къ ней, я засталъ ее одну; она ходила по комнатѣ, вся въ лихорадкѣ отъ волненія и испуга, съ трепетомъ ожидая возвращенія Николая Сергѣевича. По обыкновенію я долго не могъ добиться отъ нея въ чемъ дѣло, и чего она такъ испугалась, а между тѣмъ, очевидно, каждая минута была дорога. Наконецъ, послѣ горячихъ и ненужныхъ дѣлу попрековъ: «зачѣмъ я не хожу и оставляю ихъ какъ сиротъ, однихъ въ горѣ», такъ что ужь «Богъ знаетъ, что безъ меня происходитъ»? — она объявила мнѣ, что Николай Сергѣичъ, въ послѣдніе три дня, былъ въ такомъ волненіи, «что и описать невозможно».

— Просто на себя не похожъ, говорила она: — въ лихорадкѣ, по ночамъ тихонько отъ меня, на колѣнкахъ передъ образомъ молится, во снѣ бредитъ, а на яву какъ полуумный: «стали вчера ѣсть щи, а онъ ложку подлѣ себя отыскать не можетъ, спросишь его про одно, а онъ отвѣчаетъ про другое. Изъ дому сталъ поминутно уходить: все по дѣламъ, говоритъ, ухожу, адвоката видѣть надо; наконецъ сегодня утромъ заперся у себя въ кабинетъ: мнѣ, говоритъ, нужную бумагу по тяжбному дѣлу надо писать». Ну какую, думаю про себя, тебѣ бумагу писать, когда ложки подлѣ прибора не могъ отыскать? Однако въ замочную щелку я подсмотрѣла: сидитъ, пишетъ, а самъ такъ и заливается плачетъ. Какую жъ такую, думаю, дѣловую бумагу такъ пишутъ? али можетъ ему ужь такъ Ихменевку нашу

жалко ; стало быть ужь совсѣмъ пропала наша Ихменевка ! Вотъ думаю я это, а онъ вдругъ вскочилъ изъ за стола , да какъ ударить перомъ по столу , раскрасился , глаза сверкають , схватился за фуражку и выходитъ ко мнѣ . Я , говорить , Анна Андrevena скоро прійду . Ушолъ онъ , а я тотчасъ же къ его столику письменному ; бумагъ у него по нашей тяжбѣ тамъ пропасть такая лежить , что ужь онъ мнѣ и прикасаться къ нимъ не позволяетъ . Сколько разъ бывало прошу : « дай ты мнѣ хоть разъ бумаги поднять , я бы пыль со столика стерла » . Куды , закричить , замашеть руками : нетерпѣливый онъ сталъ такой злѣсь въ Петербургѣ , крикунъ . Такъ вотъ я къ столику-то подошла и ищу : которая это бумага , что онъ сейчасъ-то писалъ ? потому доподлинно знаю , что онъ ее съ собой не взялъ , а когда вставалъ изъ за стола , то подъ другія бумаги сунуль . Ну вотъ , батюшка Иванъ Петровичъ , что я нашла , посмотри-ка .

И она подала мнѣ листь почтовой бумаги , вполовину исписанный , но съ такими помарками , что въ иныхъ мѣстахъ разобрать было невозможно .

Бѣдный старикъ ! Съ первыхъ строкъ можно было догадаться , что и къ кому онъ писалъ . Это было письмо къ Наташѣ , къ возлюбленной его Наташѣ . Онъ начиналъ горячо и нѣжно ; онъ обращался къ ней съ прощениемъ и звалъ ее къ себѣ . Трудно было разобрать все письмо , написанное нескладно и порывисто , съ безчисленными помарками . Видно только было , что горячее чувство , заставившее его схватить перо и написать первыя , задумевныя строки , быстро , послѣ этихъ первыхъ строкъ , переродилось въ другое : Старикъ начиналъ укорять дочь , яркими красками описывалъ ей ея преступленіе , съ негодованіемъ напоминалъ ей о ея упорствѣ , упрекалъ въ безчувственности , въ томъ , что она ни разу , можетъ быть , и не подумала , что сдѣлала съ отцомъ и матерью . За ея гордость онъ грозилъ ей наказаніемъ и проклятіемъ и кончалъ требованіемъ , чтобъ она немедленно и покорно возвратилась домой и тогда , только тогда , можетъ быть , послѣ покорной и примѣрной новой жизни « въ нѣдрахъ семейства » , мы рѣшимся простить тебя , писалъ онъ . Видно было , что первоначальное , великодушное чувство свое , онъ , послѣ нѣсколькихъ строкъ , принялъ за слабость , сталъ стыдиться ея , и наконецъ почувствовалъ муки оскорбленной гордости , кончилъ гнѣвомъ и угрозами . Старушка стояла

передо мной, сложа руки и въ страхѣ ожидая, что я скажу во прочтеніи письма.

Я высказалъ ей все прямо, какъ мнѣ казалось. Именно: что старикъ не въ силахъ болѣе жить безъ Наташи и что положительно можно сказать о необходимости скорого ихъ примиренія; но что однакоже все зависитъ отъ обстоятельствъ. Я объяснилъ при этомъ мою догадку, что, во первыхъ, вѣроятно дурной исходъ процесса сильно разстроилъ и потрясъ его, не говоря уже о томъ, насколько было уязвлено его самолюбіе торжествомъ надъ нимъ князя и сколько негодованія возродилось въ немъ при такомъ рѣшеніи дѣла. Въ такія минуты душа не можетъ не искать себѣ сочувствія, и онъ еще сильнѣе вспомнилъ о той, которую всегда любилъ больше всего на свѣтѣ. Наконецъ можетъ быть и то: онъ навѣрно слышалъ (потому что онъ слѣдить и все знаетъ про Наташу), что Алеша скоро оставляетъ ее. Онъ могъ понять, каково было ей теперь и по себѣ почувствовалъ, какъ необходимо было ей утѣшеніе. Но все-таки онъ не могъ преодолѣть себя, считая себя оскорбленнымъ и униженнымъ дочерью. Ему вѣрно приходило на мысль, что все-таки не она идетъ къ нему первая; что можетъ быть даже она и не думаетъ объ нихъ, и потребности не чувствуетъ къ примиренію. Такъ онъ долженъ былъ думать, заключилъ я мое мнѣніе, и вотъ почему не докончилъ письма и можетъ быть, изъ всего этого, произойдутъ еще новыя оскорбленія, которыя еще сильнѣе почувствуются, чѣмъ первыя и, кто знаетъ, примиреніе можетъ быть еще надолго отложится...

Старушка плакала, меня слушая. Наконецъ, когда я сказалъ, что мнѣ необходимо сейчасъ же къ Наташѣ и что я опоздалъ къ ней, она вся встрепенулась и объявила, что и забыла о *главномъ*. Вынимая письмо изъ подъ бумагъ, она нечаянно опрокинула на него чернильницу. Дѣйствительно цѣлый уголокъ былъ залитъ чернилами и старушка ужасно боялась, что старикъ, по этому пятну, узнаетъ, что безъ него перерыли бумаги и что Анна Андревна прочла письмо къ Наташѣ. Ея страхъ былъ очень основателенъ: ужъ изъ одного того, что мы знаемъ его тайну, онъ со стыда и досады, могъ продлить свою злобу и изъ гордости упорствовать въ прощеніи.

Но, рассмотрѣвъ дѣло, я уговорилъ старушку не безо-

кояться. Онъ всталъ изъ-за письма въ такомъ волненіи, что могъ и не помнить всѣхъ обстоятельствъ и теперь, вѣроятно, по-думаетъ, что-самъ запачкалъ письмо и забылъ объ этомъ. Утѣшивъ такимъ образомъ Анну Андревну, мы осторожно положили письмо на прежнее мѣсто, а я вздумалъ уходя поговорить съ нею серьезно о Нелли. Миѣ казалось, что бѣдная брошенная сиротка, у которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, могла бы грустивымъ, трагическимъ разсказомъ о прежней своей жизни и о смерти своей матери тронуть старика и подвигнуть его на великодушныя чувства. Все готово, все созрѣло въ его сердцѣ; тоска по дочери стала уже пересиливать его гордость и оскорбленное самолюбіе. Недоставало только толчка, послѣдшаго удобнаго случая; и этотъ удобный случай могла бы замѣнить Нелли. Старушка слушала меня съ чрезвычайнымъ вниманіемъ; все лицо ея оживилось надеждою и восторгомъ. Она тотчасъ же стала меня упрекать: зачѣмъ я давно ей этого не сказалъ; нетерпѣливо начала меня разспрашивать о Нелли и кончила торжественнымъ обѣщаніемъ, что сама теперь будетъ просить старика, чтобъ взялъ въ домъ сиротку. Она уже начала искренно любить Нелли, жалѣла о томъ, что она больна, разспрашивала о ней, принудила меня взять для Нелли банку варенья, за которымъ сама побѣжала въ чуланъ; принесла миѣ пять цѣлковыхъ, предполагая, что у меня нѣтъ денегъ для доктора, и, когда я ихъ не взялъ, едва успокоилась, и утѣшилась тѣмъ, что Нелли нуждается въ платьѣ и бѣльѣ, и что, стало-быть, можно еще ей быть полезною, вслѣдствіе чего стала тотчасъ же перерывать свой сундукъ и раскладывать всѣ свои платья, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя можно было подарить «сироткѣ.»

А я пошелъ къ Наташѣ. Подымаясь на послѣднюю лѣстницу, которая, какъ я уже сказалъ прежде, шла винтомъ, я замѣтилъ у ея дверей человѣка, который хотѣлъ уже было постучаться, но слышавъ мои шаги пріостановился. Наконецъ, вѣроятно послѣ нѣкотораго колебанія, вдругъ оставилъ свое намѣреніе и вступилъ внизъ. Я столкнулся съ нимъ на послѣдней забѣжной ступенькѣ и каково было мое изумленіе когда я узналъ Ихменева. На лѣстницѣ и днемъ было очень темно. Онъ прислонился къ стѣнѣ, чтобы дать миѣ пройти и помню странный блескъ его глазъ; пристально меня разсматривавшихъ. Миѣ казалось, что онъ

ужасно покраснѣлъ; по крайней мѣрѣ онъ ужасно снѣшался и даже потерялся:

— Эхъ Ваня, да это ты! проговорилъ онъ неровнымъ голосомъ; а я здѣсь къ одному человѣку... къ писарю... все по дѣлу... не давно переѣхалъ... куда-то сюда... да не здѣсь кажется живеть. Я ошибся. Прощай.

И онъ быстро пустился внизъ по лѣстницѣ.

Я рѣшился до времени не говорить Наташѣ объ этой встрѣчѣ, но непремѣнно сказать ей, тотчасъ же когда она останется одна, по отъѣздѣ Алеши. Въ настоящее же время она была такъ разстроена, что хотя бы и поняла и осмыслила вполне всю силу этого факта, но не могла бы его такъ принять и прочувствовать, какъ впоследствии, въ минуту подавляющей послѣдней тоски и отчаянія. Теперь же минута была не та.

Въ тотъ день я бы могъ сходить къ Икменевымъ и подмывало меня на это, но я не пошелъ. Мнѣ казалось, что старику тяжело будетъ смотрѣть на меня: онъ даже могъ подумать, что я нарочно прибѣжалъ вслѣдствіе давишной встрѣчи. Пошелъ я къ нимъ уже на третій день: старикъ былъ грустенъ, но встрѣтилъ меня довольно развязно и все говорилъ о дѣлахъ.

— А что, къ кому это ты тогда ходилъ, такъ высоко, вотъ помнишь, мы встрѣтились, — когда бишь это, — третьяго дня кажется, спросилъ онъ вдругъ, довольно небрежно, но все-таки какъ-то отводя отъ меня свои глаза въ сторону.

— Пріятель одинъ живеть, отвѣчалъ я, тоже отводя глаза въ сторону.

— А! А я писаря моего искалъ, Астафьева; на этотъ домъ указали... да ошибся... Ну такъ вотъ я тебѣ про дѣло-то говорилъ: въ сенатѣ рѣшили... и т. д. и т. д.

Онъ даже покраснѣлъ, когда началъ говорить о дѣлѣ.

Я рассказалъ все въ тотъ же день Аннѣ Андревнѣ, чтобы обрадовать старушку, умоляя ее, между прочимъ, не заглядывать ему теперь въ лицо съ особеннымъ видомъ, не вздыхать, не дѣлать намековъ и, однимъ словомъ, ни подъ какимъ видомъ не показывать, что ей извѣстна эта послѣдняя его выходка. Старушка до того удивилась и обрадовалась, что даже сначала и не повѣрила. Съ своей стороны она рассказала мнѣ, что уже намекала Николаю Сергѣичу о сироткѣ, но что онъ промолчалъ, тогда какъ прежде самъ все спрашивалъ взять въ домъ дѣ-

вочку. Мы рѣшили, что завтра она попроситъ его объ этомъ прямо, безъ всякихъ предисловій и намековъ. Но на завтра оба мы были въ ужасномъ испугѣ и безпокойствѣ.

Дѣло въ томъ, что Ихменевъ видѣлся утромъ съ чиновникомъ, хлопотавшимъ по его дѣлу. Чиновникъ объявилъ ему, что видѣлъ князя и что князь хотъ и оставляетъ Ихменевку за собой, но, «вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ», рѣшается вознаграждать старика и выдать ему десять тысячъ. Отъ чиновника старикъ прямо прибѣжалъ ко мнѣ, ужасно разстроенный; глаза его сверкали бѣшенствомъ. Онъ вызвалъ меня, неизвестно зачѣмъ, изъ квартиры на лѣстницу, и настоятельно сталъ требовать, чтобъ я немедленно шолъ къ князю и передалъ ему вызовъ на дуэль. Я былъ такъ пораженъ, что долго не могъ ничего сообразить. Началъ было его уговаривать. Но старикъ пришолъ въ такое бѣшенство, что съ нимъ сдѣлалось дурно. Я бросился къ себѣ за стаканомъ воды; но, воротясь, уже не засталъ Ихменева на лѣстницѣ.

На другой день я отправился къ нему, но его уже не было дома; онъ исчезъ на цѣлыхъ три дня.

На третій день мы узнали все. Отъ меня онъ кинулся прямо къ князю, не засталъ его дома и оставилъ ему записку: въ запискѣ онъ писалъ, что знаетъ о словахъ его, сказанныхъ чиновнику, что считаетъ ихъ себѣ смертельнымъ оскорбленіемъ, а князя низкимъ человѣкомъ, и вслѣдствіе всего этого вызываетъ его на дуэль, предупреждая при этомъ, чтобъ князь не смѣлъ уклоняться отъ вызова, иначе будетъ обезчещенъ публично.

Анна Андревна рассказывала мнѣ, что онъ воротился домой въ такомъ волненіи и разстройствѣ, что даже слегъ. Съ ней былъ очень ибженъ, но на распросы ея отвѣчалъ мало и видно было, что онъ чего-то ждалъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. На другое утро пришло по городской почтѣ письмо; прочтя его онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Анна Андревна обмерла отъ страха. Но онъ тотчасъ же схватилъ шляпу, палку и выбѣжалъ вонъ.

Письмо было отъ князи. Сухо, коротко и вѣжливо онъ извѣщалъ Ихменева, что въ словахъ своихъ, сказанныхъ чиновнику, онъ никому не обязанъ никакимъ отчетомъ. Что хотя онъ очень сожалѣетъ Ихменева, за проигранный процессъ, но, при всемъ своемъ сожалѣніи, никакъ не можетъ пайдти справедливымъ,

чтобъ проигравшій въ тяжбѣ имѣлъ право, изъ мщенія, вызывать своего соперника на дуэль; что же касается до «публичнаго безчестія», которымъ ему грозили, то князь просилъ Ихменева не беспокоиться объ этомъ, потому что никакого публичнаго безчестія не будетъ, да и быть не можетъ; что письмо его немедленно будетъ представлено куда слѣдуетъ и что предупрежденная полиція навѣрно въ состояніи принять надлежащія мѣры къ обезпеченію порядка и спокойствія.

Ихменевъ съ письмомъ въ рукѣ тотчасъ же бросился къ князю. Князя опять не было дома; но старикъ успѣлъ узнать отъ лакея, что князь теперь вѣрно у графа N. Долго не думая, онъ побѣжалъ къ графу. Графскій швейцаръ остановилъ его, когда уже онъ подымался на лѣстницу. Возбѣшенный до послѣдней степени, старикъ ударилъ его палкой. Тотчасъ же его схватили, вытащили на крыльцо и передали полицейскимъ, которые препроводили его въ часть. Доложили графу. Когда же случившійся тутъ князь, объяснилъ сластолюбивому старичку, что этотъ тотъ самый Ихменевъ, отецъ той самой Натальи Николаевны, (а князь не разъ прислуживалъ графу по *этимъ дѣламъ*), то вельможный старичокъ только засмѣялся и перемѣнилъ гнѣвъ на милость; сдѣлано было распоряженіе отпустить Ихменева на всѣ четыре стороны; но выпустили его только на третій день, при чемъ (навѣрно по распоряженію князя) объявили старичку, что самъ князь упросилъ графа его помиловать.

Старикъ воротился домой, какъ безумный, бросился на постель и цѣлый часъ лежалъ безъ движенія; наконецъ приподнялся и, къ ужасу Анны Андревны, объявилъ торжественно что *на вѣки* проклинаетъ дочь и лишаетъ ея своего родительскаго благословенія.

Анна Андревна пришла въ ужасъ, но надо было помогать старичку и она, сама чуть не безъ памяти, весь этотъ день и почти всю ночь ухаживала за нимъ, примачивала ему голову укусомъ, обкладывала льдомъ. Съ нимъ былъ жаръ и бредъ. Я оставилъ ихъ уже въ третьемъ часу ночи. Но на утро Ихменевъ всталъ и въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ, чтобъ окончательно взять къ себѣ Нелли. Но о сценѣ его съ Нелли я уже рассказывалъ; эта сцена потрясла его окончательно. Воротясь домой онъ слегъ въ постель. Все это происходило въ Страстную пятницу, — когда было назначено свиданіе Кати и Наташи, наканунѣ отъ-

жда Алеша и Катя изъ Петербурга. На этомъ свиданіи я былъ: оно происходило рано утромъ, еще до прихода ко мнѣ старика и до перваго побѣга Нелли.

ГЛАВА IX

Алеша пріѣхалъ еще за часъ до свиданія предупредить Наташу. Я же пришолъ именно въ то мгновеніе, когда коляска Кати остановилась у нашихъ воротъ. Съ Катей была старушка-французженка, которая, послѣ долгихъ упрасиваній и колебаній, согласилась наконецъ сопровождать ее и даже отпустить ее наверхъ къ Наташѣ одну, но не иначе, какъ съ Алешей; сама же осталась дожидаться въ коляскѣ. Катя подозвала меня и, не выходя изъ коляски, попросила вызвать къ ней Алешу. Наташу я засталъ въ слезахъ; и Алеша и она оба плакали. Услышавъ, что Катя уже здѣсь, она встала со стула, отерла слезы и съ волненіемъ стала противъ дверей. Одѣта она была въ это утро вся въ бѣломъ. Темпорусые волосы ея были зачесаны гладко и назадъ связывались густымъ узломъ. Эту прическу я очень любилъ. Увидавъ, что я остался съ нею, Наташа попросила и меня пойдти тоже на встрѣчу гостямъ.

— До сихъ поръ я не могла быть у Наташи, говорила мнѣ Катя, подымаясь на лѣстницу. — Меня такъ шпіонили, что ужасъ. М-me Albert я уговаривала цѣлыхъ двѣ недѣли, наконецъ то согласилась. А вы, а вы, Иванъ Петровичъ, ни разу ко мнѣ не зашли! Писать я вамъ тоже не могла, да и охоты не было, потомучто письмомъ ничего не разъяснишь. А какъ мнѣ надо было васъ видѣть... Боже мой, какъ у меня теперь сердце бьется...

— Лѣстница крутая, отвѣчалъ я...

— Ну да... и лѣстница... а что, какъ вы думаете: не будетъ сердиться на меня, Наташа?

— Нѣтъ, за что же?

— Ну да... конечно за что же, сейчасъ сама увижу; къ чему же и спрашивать?..

Я велъ ее подъ руку. Она даже поблѣднѣла и кажется очень боялась. На послѣднемъ поворотѣ она остановилась перевести духъ, но взглянула на меня и рѣшительно поднялась наверхъ.

Еще разъ она останавливалась въ дверяхъ и шепнула мнѣ: я просто войду и скажу ей, что я такъ въ нее вѣрила, что прѣѣхала же опасаясь... впрочемъ, чтожъ я разговариваю; вѣдь я увѣрена, что Наташа благороднѣйшее существо. Не правда ли?

Она вошла робко, какъ виноватая, и пристально взглянула на Наташу, которая тотчасъ же улыбнулась ей. Тогда Катя быстро подошла къ ней, схватила ее за руки и прижалась къ ея губамъ своими пухленькими губками. Затѣмъ, еще ни слова не сказавъ Наташѣ, серьезно и даже строго обратилась къ Алешѣ и попросила его оставить насъ на полчаса однихъ.

— Ты не сердись Алеша, прибавила она: — это я потому, что мнѣ много надо переговорить съ Наташей, объ очень важномъ и о серьезномъ, чего ты не долженъ слышать. Будь же умненъ, поди. А вы, Иванъ Петровичъ, останьтесь. Вы должны выслушать весь нашъ разговоръ.

— Сядемъ, сказала она Наташѣ по уходѣ Алеши; я такъ, противъ васъ сяду. Мнѣ хочется сначала на васъ посмотреть.

Она сѣла почти прямо противъ Наташи и нѣсколько мгновеній пристально на нее смотрѣла. Наташа отвѣчала ей невольной улыбкой.

— Я уже видѣла вашу фотографію, сказала Катя: — мнѣ показывалъ Алеша.

— Чтожъ, похожа я на портретъ?

— Вы лучше, отвѣтила Катя, рѣшительно и серьезно. — Да я такъ и думала, что вы лучше.

— Право? А я вотъ засматриваюсь на васъ. Какая вы хорошенькая!

— Что вы! Куды мнѣ!.. голубчикъ вы мой! прибавила она, дрожавшей рукой взявъ руку Наташи, и обѣ опять примолкли, всматриваясь другъ въ друга. — Вотъ что, мой ангелъ, прервала Катя: — намъ всего полчаса быть вмѣстѣ; m-me Albert и на это едва согласилась, а намъ много надо переговорить... Я хочу... я должна... ну я васъ просто спрошу: очень вы любите Алешу?

— Да, очень.

— А если такъ... если вы очень любите Алешу... то... вы должны любить и его счастье... прибавила она робко и шопотомъ.

— Да, я хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ...

— Это такъ... но вотъ въ чемъ вопросъ: составлю ли я его счастье? Имѣю ли я право такъ говорить, потомучто я его у васъ отнимаю. Если вамъ кажется, и мы рѣшимъ теперь, что съ вами онъ будетъ счастливѣе, то... то...

— Это уже рѣшено, милая Катя, вѣдь вы же сами видите, что все рѣшено, отвѣчала тихо Наташа и склонила голову. Ей было видимо тяжело продолжать разговоръ.

Катя приготовилась, кажется, на длинное объясненіе на тему: кто лучше составить счастье Алешки и кому изъ нихъ придется уступить? Но, послѣ отвѣта Наташи, тотчасъ же поняла, что все уже давно рѣшено и говорить больше не объ чемъ. Полураскрывъ свои хорошенькія губки, она съ недоумѣніемъ и съ печалью смотрѣла на Наташу, все еще держа ея руку въ своей.

— А вы его очень любите? спросила вдругъ Наташа.

— Да; и вотъ я тоже хотѣла васъ спросить и ѣхала съ тѣмъ: скажите мнѣ, за что именно вы его любите?

— Не знаю, отвѣчала Наташа и какъ-будто горькое нетерпѣніе послышалось въ ея отвѣтъ.

— Уменьш онъ, какъ вы думаете? спросила Катя.

— Нѣтъ, я такъ его, просто люблю.

— И я тоже. Мнѣ его все какъ-будто жалко.

— И мнѣ тоже, отвѣчала Наташа.

— Что съ нимъ дѣлать теперь! И какъ онъ могъ оставить васъ для меня, не понимаю! воскликнула Катя. — Вотъ какъ теперь увидѣла васъ я не понимаю! — Наташа не отвѣчала и смотрѣла въ землю. Катя помолчала немного и вдругъ, поднявшись со стула, тихо обняла ее. Обѣ, обнявъ одна другую, заплакали. Катя сѣла на ручку кресель Наташи, не выпуская ея изъ своихъ объятий и начала цѣловать ея руки.

— Еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю! проговорила она, плача. Будемъ сестрами, будемъ всегда писать другъ другу... а я васъ буду вѣчно любить... я васъ буду такъ любить, такъ любить...

— Онъ вамъ о нашей свадьбѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, говорилъ? спросила Наташа.

— Говорилъ. Онъ говорилъ, что и вы согласны. Вѣдь это все только такъ, чтобъ его утѣшить, не правда ли?

— Конечно.

— Я такъ и поняла. Я буду его очень любить, Наташа, и

вамъ обо всемъ писать. Кажется онъ будетъ теперь скоро моимъ мужемъ; на то идетъ. И они всё такъ говорятъ. Голубчикъ Наташечка, вѣдь вы войдете теперь... въ вашъ домъ?

Наташа не отвѣчала ей, но молча и крѣпко подцѣловала ее.

— Будьте счастливы! сказала она.

— И... и вы... и вы тоже, проговорила Катя. Въ это мгновеніе отворилась дверь и вошелъ Алеша. Онъ не могъ, онъ не въ силахъ былъ переждать эти полчаса, и увидя ихъ обнявъ въ объятіяхъ другъ у друга и плакавшихъ, весь изнеможенный, страдающій упалъ на колѣна передъ Наташей и Катей.

— Чего же ты-то плачешь? сказала ему Наташа, что разлучаешься со мной? да надолго ли? къ іюню вѣдь пріѣдешь?

— И свадьба ваша будетъ тогда, поспѣшила, сквозь слезы, проговорить Катя, тоже въ утѣшеніе Алеши.

— Но я не могу, я не могу тебя и на день оставить, Наташа. Я умру безъ тебя... ты не знаешь какъ ты мнѣ теперь дорога! именно теперь.

— Ну, такъ вотъ какъ ты сдѣлай, сказала, вдругъ оживляясь, Наташа, вѣдь графиня останется хоть сколько-нибудь въ Москвѣ?

— Да, почти недѣлю, подхватила Катя.

— Недѣлю! такъ чегожъ лучше: ты завтра проводишь ихъ до Москвы, — это всего одинъ день, и тотчасъ же пріѣзжай сюда. Какъ имъ надо будетъ выѣзжать изъ Москвы, мы ужъ тогда совѣмъ, на мѣсяцъ, простимся и ты воротись въ Москву ихъ провожать.

— Ну такъ, такъ... А вы все-таки, лишникъ четыре дня пробудете вмѣстѣ, вскрикнула восхищенная Катя, обмѣнявшись многозначительнымъ взглядомъ съ Наташей.

Не могу выразить восторга Алеши отъ этого новаго прозѣта. Онъ вдругъ совершенно утѣшился, его лицо засіяло радостью, онъ обнималъ Наташу, цѣловалъ руки у Кати, обнималъ меня. Наташа съ грустною улыбкою смотрѣла на него, но Катя не могла вынести. Она переглянулась со мной горячимъ, сверкающимъ взглядомъ, обняла Наташу и встала со стула, чтобъ ѣхать. Какъ нарочно въ эту минуту француземка прислала человѣка съ просьбою окончить свиданіе поскорѣе и что условленные полчаса уже прошли.

Наташа встала. Обѣ стояли одна противъ другой, держась за руки, и какъ будто силясь передать взглядомъ все, что скопилось въ душѣ.

— Въдъ мы ужъ больше никогда не увидимся, сказала Катя.

— Никогда Катя, отвѣчала Наташа.

— Ну, такъ простимся. Обѣ обнялись.

— Не проклинайте меня, прошптала наскоро Катя... а я... всегда... будьте увѣрены... онъ будетъ счастливъ... Пойдемъ Алеша, проводи меня! быстро произнесла она, схватывая его руку.

— Ваня! сказала мнѣ Наташа, взволнованная и измученная, когда они вышли, ступай за ними и ты, и... не приходи назадъ: у меня будетъ Алеша до вечера, до восьми часовъ; а вечеромъ ему нельзя, онъ уйдетъ. Я останусь одна.. Приходи часовъ въ девять. Пожалуста!

Когда въ девять часовъ, оставивъ Нелли (послѣ разбитой чашки) съ Александрой Семеновной, я пришолъ къ Наташѣ, она уже была одна и съ нетерпѣніемъ ждала меня; Мавра подала намъ самоваръ; Наташа налила мнѣ чаю, сѣла на диванъ и подозвала меня поближе къ себѣ.

— Вотъ и кончилось все, сказала она пристально взглянувъ на меня. Никогда не забуду я этого взгляда.

— Вотъ и кончилась наша любовь. Полгода жизни! И на всю жизнь, прибавила она, сжимая мнѣ руку. Ея рука горѣла. Я сталъ уговаривать ее одѣться потеплѣ и лечь въ постель.

— Сейчасъ, Алеша, сейчасъ мой добрый голубчикъ. Дай мнѣ поговорить и припомнить немного... Я теперь, какъ разбитая... Завтра послѣдній разъ его увижу, въ десять часовъ... *въ послѣдній!*..

— Наташа, у тебя лихорадка, сейчасъ будетъ ознобъ; пожалѣй себя...

— Что же? Ждала я тебя теперь, Ваня, эти полчаса какъ онъ ушолъ, и какъ ты думаешь, объ чемъ думала, объ чемъ себя спрашивала? Спрашивала: любила я его, иль не любила, и что это такое была наша любовь? Что тебѣ смѣшно, Ваня, что я объ этомъ только теперь себя спрашиваю?

— Не тревожь себя Наташа...

— Видишь Ваня: вѣдь я рѣшила, что я его не любила какъ ровню, такъ какъ обыкновенно женщина любитъ мужчине. Я любила его какъ... почти какъ мать. Мнѣ даже кажется, что совсѣмъ и не бываетъ на свѣтѣ такой любви, чтобъ оба другъ друга любили какъ равные, а? Какъ ты думаешь?

Я съ беспокойствомъ смотрѣлъ на нее и боялся не начинается ли съ ней горячка. Какъ будто что-то увлекало ее; она чувствовала какую-то особенную потребность говорить; нныя слова ея были какъ будто безъ связи и даже иногда она плохо выговаривала ихъ. Я очень боялся.

— Онъ былъ мой, продолжала она. — Почти съ первой встрѣчи съ нимъ у меня явилось тогда непреодолимое желаніе чтобъ онъ былъ *мой*, поскорѣй *мой* и чтобъ онъ ни на кого не глядѣлъ, ни кого и не зналъ, кромѣ меня, одной меня... Катя, давеча, хорошо сказала: я именно любила его такъ, какъ будто мнѣ все время было отчего-то его жалко... Было у меня всегда непреодолимое желаніе, даже мученіе, когда я оставалась одна, о томъ, чтобъ онъ былъ ужасно и вѣчно счастливъ. На его лицо (ты вѣдь знаешь выраженіе его лица Ваня) я спокойно смотрѣть не могла; такого выраженія ни у *кого не бываетъ*, а засмѣется онъ, такъ у меня холодъ и дрожь была... Право!..

— Наташа, послушай...

— Вотъ говорили, перебила она, — да и ты впрочемъ говорилъ, — что онъ безъ характера и... и умомъ не далекъ, какъ ребенокъ. Ну, а я это-то въ немъ и любила больше всего... вѣришь ли этому? Не знаю впрочемъ любила ли именно одно это: такъ, просто, всего его любила, и будь онъ хоть чѣмъ-нибудь другой, съ характеромъ, иль умнѣе, я бы можетъ и не любила его такъ. Знаешь, Ваня, я тебѣ признаюсь въ одномъ: помнишь у насъ была ссора, три мѣсяца назадъ, когда онъ былъ у той, какъ ее, у этой Минны... я узнала, выслѣдила, и вѣришь ли: мнѣ ужасно было больно, а въ то же время какъ будто и пріятно... не знаю почему... одна ужъ мысль, что онъ тѣшится... или вѣтъ не то: что онъ тоже, какъ *большой* какой-нибудь, вмѣстѣ съ другими *большими* по красавицамъ развѣзжаетъ, тоже къ Миннѣ поѣхалъ! Я... Какое наслажденіе было мнѣ тогда въ этой ссорѣ; а потомъ простить его... о шильи!

Она взглянула мнѣ въ лицо и какъ-то странно разсмѣялась. Потомъ какъ-будто задумалась, какъ-будто все еще привошни-

вала. И долго сидѣла она такъ, съ улыбкой на губахъ, вдумываясь въ прошедшее.

— Я ужасно любила его прощать, Ваня, продолжала она, и знаешь что, когда онъ оставлялъ меня одну я хожу бывало по комнатѣ мучаюсь, плачу, а сама иногда подумаю: чѣмъ виноватѣе онъ передо мной, тѣмъ вѣдь лучше... да! И знаешь: мнѣ всегда представлялось, что онъ какъ-будто такой маленькій мальчикъ; я сижу, а онъ положилъ ко мнѣ на колѣни голову, заснулъ, а я его тихонько по головкѣ глажу, ласкаю... Всегда такъ воображала о немъ, когда его со мной не было... Послушай, Ваня, прибавила она вдругъ: — какая это прелесть Катя!

Мнѣ показалось, что она сама нарочно растравляетъ свою рану, чувствуя въ этомъ какую-то потребность, — потребность отчаянія, страданій... И такъ часто бываетъ это съ сердцемъ, много потерявшимъ!

— Катя, мнѣ кажется, можетъ его сдѣлать счастливымъ, продолжала она. Она съ характеромъ и говоритъ, какъ-будто такая убѣжденная, и съ нимъ она такая серьезная, важная, — все объ умныхъ вещахъ говоритъ, точно большая. А сама-то, сама-то — настоящій ребенокъ! Милочка, милочка! О! пусть они будутъ счастливы! пусть, пусть, пусть!..

И слезы, рыданія, вдругъ, разомъ такъ и хлынули изъ ея сердца. Цѣлыхъ полчаса она не могла прійти въ себя и хоть сколько нибудь успокоиться.

Милый ангелъ Наташа! Еще въ этотъ же вечеръ, не смотря на свое горе, она смогла таки принять участіе и въ моихъ заботахъ, когда я, видя что она немножко успокоилась вли лучше сказать устала, и думая развлечь ее, рассказалъ ей о Нелли... Мы расстались въ этотъ вечеръ поздно, я дождался, пока она заснула, я, уходя, просилъ Мавру не отходить отъ своей больной госпожи всю ночь.

— О поскорѣе, поскорѣе! восклицалъ я, возвращаясь домой, — поскорѣе конецъ этимъ мукамъ! хоть чѣмъ нибудь, хоть какъ нибудь, но только скорѣе, скорѣе!

На утро, ровно въ десять часовъ, я уже былъ у нея. Въ одно время со мной пріѣхалъ и Алеша... прощаться. Не буду говорить, не хочу вспоминать объ этой сценѣ. Наташа какъ-будто дала себѣ слово скрѣпить себя, казаться веселѣе, рав-

нодушиѣ, но не могла. Она обняла Алешу судорожно, крѣпко. Мало говорила съ нимъ, но глядѣла на него долго, пристально, мученическимъ и словно безумнымъ взглядомъ. Жадно вслушивалась въ каждое слово его и кажется ничего не понимала изъ того, что онъ ей говорилъ. Помню онъ просилъ простить ему, простить ему и любовь эту и все чѣмъ онъ оскорблялъ ее въ это время, свои измѣны, свою любовь къ Катѣ, отъѣздъ... Онъ говорилъ безсвязно, слезы душили его. Иногда онъ вдругъ принимался утѣшать ее, говорилъ что ѣдетъ только на мѣсяцъ, или много что на пять недѣль, что пріѣдетъ лѣтомъ, тогда будетъ ихъ свадьба и отецъ согласится и, наконецъ, главное, что вѣдь онъ послѣ завтра пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда цѣлыхъ четыре дня они еще пробудутъ вмѣстѣ и что, стало-быть, теперь разстанутся на одинъ только день. .

Странное дѣло: самъ онъ былъ вполне увѣренъ, что говорить правду и что непременно послѣ завтра воротится изъ Москвы... Чего же самъ онъ такъ плакалъ и мучился?

Наконецъ часы пробили одиннадцать. Я насилу могъ уговорить его ѣхать. — Московскій поѣздъ отправлялся ровно въ двѣнадцать. Оставался одинъ часъ; его вѣрно ждали. Наташа мнѣ сама потомъ говорила, что не помнитъ какъ она послѣдній разъ взглянула на него. Помню что она нерекрестила его, поцѣловала и закрывъ руками лицо бросилась назадъ въ комнату. Мнѣ же надо было проводить Алешу до самаго экипажа, иначе онъ непременно бы воротился и никогда бы не сошелъ съ лѣстницы.

— Вся надежда на васъ, говорилъ онъ мнѣ, сходя внизъ. — Другъ мой, Ваня! Я передъ тобой виноватъ и никогда не могъ заслужить твоей любви, но будь мнѣ до конца братомъ: люби ее, не оставляй ее, пиши мнѣ обо всемъ, обо всемъ, какъ можно подробно и мельче, какъ можно мельче пиши, чтобъ больше увисалось. Послѣ завтра я здѣсь опять, непременно, непременно! Но потомъ, когда я уѣду, пиши!

Я посадилъ его на дрожки. — До послѣ завтра! закричалъ онъ мнѣ съ дороги, — Непременно!

Съ замиравшимъ сердцемъ, воротился я на верхъ, къ Наташѣ. Она стояла посреди компаты, скрестивъ руки, и въ недоумѣніи на меня посматрѣла, точно не узнавала меня. Волосы ея сбились какъ-то на сторону; взглядъ былъ мутный и

блуждающій. Мавра, какъ потерянная, стояла въ дверяхъ, со страхомъ смотря на нее.

Вдругъ глаза Наташи засверкали :

— А! Это ты! ты! вскричала она на меня. — Только ты одинъ теперь остался. Ты его ненавидѣлъ! Ты никогда ему не могъ простить, что я его полюбила... Теперь ты опять при мнѣ! Чтожъ? опять *утьшать* пришолъ меня, уговаривать, чтобъ я шла къ отцу, который меня бросилъ и проклялъ. Я такъ и знала еще вчера, еще за два мѣсяца!.. Не хочу, не хочу! Я сама проклинаю ихъ!.. Поди прочь, я не могу тебя видѣть! Прочь, прочь!

Я понялъ, что она въ изступленіи и что мой видъ возбуждаетъ въ ней гнѣвъ до безумія, понялъ, что такъ и должно было быть, и разсудилъ лучше выйти. Я сѣлъ на лѣстницѣ, на первую ступеньку, и — ждалъ. Иногда я подымался, отворялъ дверь, подзывалъ къ себѣ Мавру и спрашивалъ ее; Мавра плакала.

Такъ прошло часа полтора. Не могу изобразить, что я вынесъ въ это время. Сердце замирало во мнѣ и мучилось отъ безпредѣльной боли. Вдругъ дверь открылась и Наташа выбѣжала на лѣстницу, въ шляпкѣ и бурнусѣ. Она была какъ въ безпамятствѣ и сама потомъ говорила мнѣ, что едва помнить это и не знаетъ куда и съ какимъ намѣреніемъ она хотѣла бѣжать.

Я не успѣлъ еще вскочить съ своего мѣста и куда нибудь отъ нея спрятаться, какъ вдругъ она меня увидала, и какъ пораженная остановилась передо мной безъ движенія. Мнѣ вдругъ припомнилось, говорила она мнѣ потомъ, что я, безумная, жестокая, могла выгнать тебя, тебя моего друга, моего брата, моего спасителя! И какъ увидѣла, что ты бѣдный, обиженный мною, сидишь у меня на лѣстницѣ, не уходишь и ждешь, пока я тебя опять позову, — Боже! Еслибъ ты зналъ Ваня, что тогда сомной случилось! Какъ будто въ сердце мнѣ что-то воизили...

— Ваня! Ваня! закричала она, протягивая мнѣ руки. — ты здѣсь!.. и упала въ мои объятія.

Я подхватилъ ее и понесъ въ комнату. Она была въ обморокѣ. Что дѣлать! думалъ я. Съ ней будетъ горячка, это навѣрно!

Я рѣшился бѣжать къ доктору; надо было захватить болѣзнь. Съѣздить же можно было скоро; до двухъ часовъ мой старикъ-

нѣмецъ обыкновенно сидѣлъ дома. Я побѣждалъ къ нему, умоляя Мавру ни на минуту, ни на секунду не уходить отъ Наташи и не пускать ее никуда. Богъ мнѣ помогъ: еще бы немного и я бы не засталъ моего старика дома. Онъ встрѣтился уже мнѣ на улицѣ, когда выходилъ изъ квартиры. Мигомъ я посадилъ его на моего извозчика, такъ что онъ еще не успѣлъ удивиться и мы пустились обратно къ Наташѣ.

— Да, Богъ мнѣ помогъ! Въ полчаса моего отсутствія случилось у Наташи такое происшествіе, которое бы могло совсѣмъ убить ее, еслибъ мы съ докторомъ не подоспѣли во время. Не прошло и четверти часа послѣ моего отъѣзда, какъ вошелъ князь. Онъ только что проводилъ своихъ и явился къ Наташѣ прямо съ желѣзной дороги. Этотъ визитъ, вѣроятно, уже давно былъ рѣшенъ и обдуманъ имъ. Наташа сама рассказывала мнѣ потомъ, что въ первое мгновеніе она даже и не удивилась князю. «Мой умъ мѣшался», говорила она.

Онъ сѣлъ противъ нея, глядя на нее ласковымъ, соболѣзующимъ взглядомъ.

— Милая моя, сказалъ онъ вздохнувъ, — я понимаю ваше горе; я зналъ, какъ будетъ тяжела вамъ эта минута, и потому положилъ себѣ за долгъ посѣтить васъ. Угѣшьтеся, если можете, хотя той мыслью, что, отказавшись отъ Алеши, вы составили его счастье. Но вы лучше меня это понимаете, потому что рѣшились на великодушный подвигъ...

Я сидѣла и слушала, рассказывала мнѣ Наташа, но сначала право какъ будто не понимала его. Помню только что пристально, пристально глядѣла на него. Онъ взялъ мою руку и началъ пожимать ее въ своей. Это ему кажется было очень пріятно. Я же до того была не въ себѣ, что и не подумала вырвать у него мою руку.

— Вы поняли, продолжалъ онъ, — что, сдѣлавшись женою Алеши, могли возбудить въ немъ, впоследствии, къ себѣ ненависть и у васъ достало благородной гордости, чтобъ сознать это и рѣшиться... но, — вѣдь не хвалить же я васъ пріѣхалъ. Я хотѣлъ только заявить предъ вами, что никогда и нигдѣ не найдете вы лучшаго друга, какъ я. Я вамъ сочувствую и жалѣю васъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ я принималъ невольное участіе, но — я исполнилъ свой долгъ. Ваше прекрасное сердце пойметъ это и примирится съ мной... А мнѣ было тяжелѣе вашего; повѣрьте!

— Довольно, князь, сказала Наташа. — Оставьте меня въ покоѣ.

— Непременно, я уйду скоро, отвѣчалъ онъ, — но я люблю васъ, какъ дочь свою, и вы позволите мнѣ шестничать себя. Сморщите на меня теперь какъ на вашего отца и позволите мнѣ быть вамъ полезнымъ.

— Мнѣ ничего не надо, оставьте меня, прервала опять Наташа.

— Знаю, вы горды... Но я говорю искренно, отъ сердца. Что намѣрены вы теперь дѣлать? Помириться съ родителями? Доброе бы оно дѣло, но вашъ отецъ несправедливъ, гордъ и деспотъ; простите меня, но это такъ. Въ вашемъ домѣ вы встрѣтите теперь одни цѣпки и новыя мученія... Но однакоже надо, чтобъ вы были независимы, а моя обязанность, мой священный долгъ — заботиться теперь о васъ и помогать вамъ. Алеша умолялъ меня не оставлять васъ и быть вашимъ другомъ.. Но и крошечка меня есть люди вамъ глубоко преданные. Вы мнѣ, вѣроятно, позволите представить вамъ графа N. Онъ съ превосходнымъ сердцемъ, родственникъ нашъ и даже, можно сказать, благодѣтель всего нашего семейства; онъ много сдѣлалъ для Алеши. Алеша очень уважалъ и любилъ его. Онъ очень сильный человѣкъ, съ большимъ вліяніемъ, уже старичокъ, и принимать его вамъ, дѣвицѣ, можно. Я ужь говорилъ ему про васъ. Онъ можетъ пристроить васъ и, если захотите, доставитъ вамъ превосходное мѣсто... у одной изъ своихъ родственницъ. Я давно уже, прямо и откровенно, объяснилъ ему все наше дѣло и онъ до того увлекся своимъ добрымъ и благороднѣйшимъ чувствомъ, что даже самъ спрашиваетъ меня теперь какъ можно скорѣе представиться вамъ... Это человѣкъ сочувствующій всему прекрасному, повѣрьте мнѣ, — щедрый, почтенный старичокъ, способный цѣнить достоинство и еще даже, недавно, благороднѣйшимъ образомъ обошелся съ вашимъ отцомъ, въ одной исторіи.

Наташа приподнялась какъ уязвленная. Теперь она уже потыкала его.

— Оставьте меня, оставьте сейчасъ же! закричала она.

— Но, мой другъ, вы забываете: графъ можетъ быть полезенъ и вашему отцу...

— Мой отецъ ничего не возьметъ отъ васъ. Оставьте ли вы меня! закричала еще разъ Наташа.

— О Боже, какъ вы нетерпѣливы и недоверчивы! Чѣмъ заслужилъ я это, произнесъ князь, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ: — во всякомъ случаѣ вы позволите мнѣ, продолжалъ онъ, вынимая большую пачку изъ кармана: — вы позволите мнѣ оставить у васъ это доказательство моего къ вамъ участія и въ особенности участія графа N, побудившаго меня своимъ совѣтомъ. Здѣсь, въ этомъ пакетѣ, десять тысячъ рублей. Подождите мой другъ, подхватилъ онъ, видя что Наташа съ гнѣвомъ поднялась съ своего мѣста: — выслушайте терпѣливо все: вы знаете, отецъ вашъ проигралъ мнѣ тяжбу и эти десять тысячъ послужатъ вознагражденіемъ, которое...

— Прочь, закричала Наташа, прочь съ этими деньгами! Я васъ вижу насквозь... о низкій, низкій, низкій человѣкъ!

Князь поднялся со стула, блѣдный отъ злости...

Вѣроятно онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ оглядѣть мѣстность, разузнать положеніе и, вѣроятно, крѣпко рассчитывалъ на дѣйствіе этихъ десяти тысячъ рублей передъ нищею и оставленною всѣми Наташей... Низкій и грубый, онъ не разъ подслуживался графу N, сластолюбивому старику, въ такого рода дѣлахъ. Но онъ ненавидѣлъ Наташу, и догадавшись, что дѣло не пошло на ладъ, тотчасъ же перемѣнилъ тонъ и съ злою радостію поспѣшилъ оскорбить ее, чтобъ *не уходитъ, по крайней мѣрѣ, даромъ*:

— Вотъ ужъ это и нехорошо, моя милая, что вы такъ горячитесь, произнесъ онъ нѣсколько дрожавшимъ голосомъ, отъ нетерпѣливаго наслажденія видѣть поскорѣе эффектъ своей обиды: — вотъ ужъ это и нехорошо. Вамъ предлагаютъ покровительство, а вы подымаете носикъ... А того и не знаете, что должны быть мнѣ благодарны, потомучто уже давно могъ бы я посадить васъ въ смирительный домъ, какъ отецъ развращаемаго вами молодого человѣка, котораго вы обирали, да вѣдь не сдѣлалъ же этого... хе, хе, хе, хе!

Но мы уже входили. Услышавъ еще изъ кухни голоса, я остановилъ на одну секунду доктора и вслушался въ послѣднюю фразу князя. Затѣмъ раздался отвратительный хохотъ его и отчаянное восклицаніе Наташи: «О Боже мой!» Въ эту минуту я отворилъ дверь и бросился на князя.

Я плюнулъ ему въ лицо и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Онъ хотѣлъ было броситься на меня, но, увидавъ, что

насъ двое, пустился бѣжать, схвативъ сначала со стола свою пачку съ деньгами. Да, онъ сдѣлалъ это; я самъ видѣлъ. Я бросилъ ему въ догонку скалкой, которую схватилъ въ кухнѣ, на столѣ... Вбѣжавъ опять въ комнату, я увидѣлъ, что докторъ удерживалъ Наташу, которая билась и рвалась у него изъ рукъ, какъ въ припадкѣ. Долго мы не могли успокоить ее; наконецъ, намъ удалось уложить ее въ постель; она была какъ въ горячешномъ бреду.

— Докторъ, докторъ! что съ ней! спросилъ я, замирая отъ страха.

— Подождите, отвѣчалъ онъ: — надо еще приглядѣться къ болѣзни и потомъ уже сообразить... но, вообще говоря, дѣло очень не хорошо. Можетъ кончиться даже горячкой... Впрочемъ, мы примемъ мѣры...

Но меня уже осѣнила другая мысль. Я умолилъ доктора остаться съ Наташей еще на два или на три часа, и взявъ съ него слово не уходить отъ нея ни на одну минуту. Онъ далъ мнѣ слово, и я побѣжалъ домой.

Нелли сидѣла въ углу, угрюмая и встревоженная, и странно поглядѣла на меня. Должно быть, я и самъ былъ страненъ.

Я схватилъ ее на руки, сѣлъ на диванъ, посадилъ къ себѣ на колѣни и горячо поцѣловалъ ее. Она вспыхнула.

— Нелли, ангелъ! сказалъ я: — хочешь ли ты быть нашимъ спасеніемъ? хочешь ли спасти всѣхъ насъ?

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Нелли! вся надежда теперь на тебя! Есть одинъ отецъ: ты его видѣла и знаешь; онъ проклялъ свою дочь и вчера приходилъ просить тебя къ себѣ вмѣсто дочери. Теперь ее, Наташу (а ты говорила, что любишь ее!), оставилъ тотъ, котораго она любила и для котораго ушла отъ отца. Онъ сынъ того князя, который прѣвѣжалъ, помнишь, вечеромъ ко мнѣ, и засталъ еще тебя одну, а ты убѣжала отъ него и потомъ была больна... Ты, вѣдь знаешь его? Онъ злой человѣкъ!

— Знаю, отвѣчала Нелли, вздрогнула и поблѣднѣла.

— Да, онъ злой человѣкъ. Онъ ненавидѣлъ Наташу за то что его сынъ, Алеша, хотѣлъ на ней жениться. Сегодня ухажалъ Алеша, а черезъ часъ его отецъ уже былъ у ней и оскорбилъ ее, и грозилъ ее посадить въ смиренительный домъ и смѣялся надъ ней. Понимаешь меня, Нелли?

Черные глаза ея сверкнули, но она тотчас же их опустила.

— Показано, прошептала она чуть слышно.

— Теперь Наташа одна, больная; я оставилъ ее съ нашимъ докторомъ, а самъ приближалъ къ тебѣ. Слушай, Нелли: пойдешь къ отцу Наташи; ты его не любишь, ты къ нему не хотѣла идти, но теперь пойдешь къ нему вмѣстѣ. Мы войдемъ, и я скажу, что ты теперь хочешь быть у нихъ вмѣсто дочери, вмѣсто Наташи. Старикъ теперь боленъ, потомучто проклилъ Наташу, и потомучто отецъ Алеши еще на дняхъ смертельно оскорбилъ его. Онъ не хочетъ и слушать теперь про дочь, но онъ ее любить, любить, Нелли, и хочетъ съ ней примириться; я знаю это, я все это знаю! это такъ!.. Слышишь ли, Нелли?

— Слышу, произнесла она тѣмъ же шепотомъ. Я говорилъ ей, обливаясь слезами. Она робко заглядывала на меня.

— Вѣришь ли этому?

— Вѣрю.

— Ну такъ я войду съ тобой, посажу тебя, и тебя примутъ, обласкаютъ и начнутъ спрашивать. Тогда я самъ такъ подведу разговоръ, что тебя начнутъ спрашивать о томъ, какъ ты жила прежде: о твоей матери и о твоемъ дѣдушкѣ. Расскажи имъ Нелли все такъ, какъ ты мнѣ рассказывала. Все, все расскажи, просто и ничего не утаивая. Расскажи имъ, какъ твою мать оставилъ злой челоуѣкъ, какъ она умирала въ подвалѣ у Бубиновой, какъ вы съ матерью вмѣстѣ ходили по улицамъ и просили милостыню; что говорила она тебѣ и о чемъ просила тебя, умирая... Расскажи тутъ же и про дѣдушку. Расскажи, какъ онъ не хотѣлъ прощать твою мать, и какъ она посылала тебя къ нему въ свой предсмертный часъ, чтобъ онъ пришолъ къ ней простить ее и какъ онъ не хотѣлъ... и какъ она умерла. Все, все расскажи! И какъ расскажешь все это, то старикъ почувствуетъ все это и въ своемъ сердцѣ. Онъ вѣдь знаетъ, что сегодня бросилъ ее Алеша, и она осталась униженная и поруганная, одна, безъ помощи и безъ защиты, на поруганіе своему врагу. Онъ все это знаетъ... Нелли! спаси Наташу! Хочешь ли ѣхать?

— Да, отвѣчала она, тяжело переводя духъ и какимъ-то страннымъ взглядомъ, пристально и долго посмотрѣвъ на меня; что-то похожее на укоръ было въ этомъ взглядѣ, и я почувствовалъ это въ моемъ сердцѣ.

Но я не могъ оставить мою мысль. Я слишкомъ вѣрилъ въ нее. Я схватилъ за руку Нелли, и мы вышли. Былъ уже третій часъ до полудни. Находила туча. Все послѣднее время погода стояла жаркая и удручивая, но теперь послышался, гдѣ-то далеко, первый, ранній весенній громъ. Вѣтеръ пронесся по пыльнымъ улицамъ.

Мы съѣли на извозчика. Всю дорогу Нелли молчала, взрѣдка только взглядывала на меня все тѣмъ же страннымъ и загадочнымъ взглядомъ. Грудь ея волновалась, и, придерживая ее на дрожжахъ, я слышалъ, какъ въ моей ладони колотилось ея маленькое сердечко, какъ-будто хотѣло выскочить вонъ.

ГЛАВА X

Дорога мнѣ казалась безконечною. Наконецъ мы пріѣхали, и я вошелъ къ своимъ старикамъ съ замираніемъ сердца. Я не зналъ какъ выйду изъ ихъ дома, но зналъ, что мнѣ, во чтобы то ни стало, надо выйдти съ прощеніемъ и примиреніемъ.

Былъ уже четвертый часъ. Старики сидѣли одни, по обыкновенію. Николай Сергѣичъ былъ очень разстроенъ и боленъ и полулежалъ, протянувшись въ своемъ покойномъ креслѣ, блѣдный и изнеможенный, съ головой, обвязанной платкомъ. Анна Андревна сидѣла возлѣ него, изрѣдка примачивала ему виски уксусомъ и безирестапно, съ пытливымъ и страдальческимъ видомъ, заглядывала ему въ лицо, что, кажется, очень беспокоило старика и даже досаждало ему. Онъ упорно молчалъ, она же смѣла заговорить. Нашъ внезапный пріѣздъ поразилъ ихъ обоихъ. Анна Андревна что-то вдругъ испугалась, увидя меня съ Нелли, и въ первыя минуты смотрѣла на насъ такъ, какъ-будто въ чемъ-нибудь вдругъ почувствовала себя виноватою.

— Вотъ я привезъ къ вамъ мою Нелли, сказалъ я, входя. — Она надумалась, и теперь сама захотѣла къ вамъ, Примите и полюбите...

Старикъ подозрительно взглянулъ на меня и уже до одному этому взгляду можно было угадать, что ему все извѣстно, тотъ есть что Наташа теперь уже одна, оставлена, брошена, и можетъ быть уже оскорблена. Ему очень хотѣлось проникнуть въ тайну нашего прибытія, и онъ вопросительно смотрѣлъ на меня и

на Нелли. Нелли дрожала, крѣпко сжимая своей рукой мою, смотрѣла въ землю и изрѣдка только бросала кругомъ себя пугливый взглядъ, какъ пойманный звѣрокъ. Но скоро Анна Андревна опомнилась и догадалась: она такъ и кинулась къ Нелли, поцѣловала ее, приласкала, даже заплакала и съ нѣжностью усадила ее возлѣ себя, не выпуская изъ своей руки ея руку. Нелли съ любопытствомъ и съ какимъ-то удивленіемъ оглядѣла ее искоса.

Но, обласкавъ и усадивъ Нелли подлѣ себя, старушка уже и не знала больше что дѣлать и съ наивнымъ ожиданіемъ стала смотрѣть на меня. Старикъ поморщился, чуть ли не догадавшись для чего я привелъ Нелли. Увидѣвъ, что я замѣчаю его недозвольную мину и нахмуренный лобъ, онъ поднесъ къ головѣ свою руку и сказалъ мнѣ отрывисто:

— Голова болить, Ваня.

Мы все еще сидѣли и молчали; я обдумывалъ что начать. Въ комнатѣ было сумрачно; надвигалась черная туча и вновь послышался отдаленный раскатъ грома.

— Громъ-то; какъ рано въ эту весну, сказалъ старикъ. — А вотъ въ тридцать седьмомъ году, помню, въ нашихъ мѣстахъ, былъ еще раньше.

Анна Андревна вздохнула.

— Не поставитъ ли самоварчикъ, робко спросила она, но никто ей не отвѣтилъ, и она опять обратилась къ Нелли.

— Какъ тебя, моя голубушка, звать? спросила она ее.

Нелли слабымъ голосомъ назвала себя и еще больше потупилась. Старикъ пристально поглядѣлъ на нее.

— Это Елена, что ли? продолжала, оживляясь, старушка.

— Да, отвѣчала Нелли, и опять послѣдовало минутное молчаніе.

— У сестрицы Прасковьи Андревны была племянница Елена, проговорилъ Николай Сергѣичъ: — тоже Нелли звали. Я помню.

— Чтожь у тебя, голубушка, ни родныхъ, ни отца, ни матери нѣту? спросила опять Анна Андревна.

— Нѣтъ, отрывисто и пугливо прошептала Нелли.

— Слышала я это, слышала. А давно ли матушка твоя померла?

— Недавно.

— Голубчикъ ты мой, сироточка, продолжала старушка, жалостливо на нее поглядывая. Николай Сергѣичъ въ нетерпѣніи барабанилъ по столу пальцами.

— Матушка-то твоя изъ иностранокъ, что ли была; такъ, что ли вы рассказывали, Иванъ Петровичъ? продолжались робкіе раепросы старушки.

Нелли бѣгло взглянула на меня своими черными глазами, какъ-будто призывая меня на помощь. Она какъ-то не ровно и тяжело дышала.

— У ней, Анна Андревна, началъ я: — мать была дочь англичанина и русской, такъ что скорѣе была русская; Нелли же родилась за границей.

— Какже ея матушка-то съ супругомъ своимъ за границу поѣхала?

Нелли вдругъ вся вспыхнула. Старушка мигомъ догадалась, что обмолвилась и вздрогнула подъ гнѣвнымъ взглядомъ старика. Онъ строго посмотрѣлъ на нее и отворотился было къ окну.

— Ея мать была дурнымъ и подлымъ человѣкомъ обманута, произнесъ онъ, вдругъ обращаясь къ Аннѣ Андревнѣ. — Она уѣхала съ нимъ отъ отца и передала отцовскія деньги любовнику; а тотъ, выманилъ ихъ у нея обманомъ, завезъ за границу, обокралъ и бросилъ. Одинъ добрый человѣкъ ее не оставилъ и помогалъ ей до самой своей смерти. А когда онъ умеръ, она, два года тому назадъ, воротилась назадъ къ отцу? Такъ что ли ты рассказывалъ, Ваня? спросилъ онъ отрывисто.

Нелли въ величайшемъ волненіи встала съ мѣста и хотѣла было идти къ дверямъ.

— Поди сюда Нелли, сказалъ старикъ, протягивая наконецъ ей руку. — Сядь здѣсь, сядь возлѣ меня, вотъ тутъ, — сядь! Онъ нагнулся, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо началъ гладить ее по головкѣ. Нелли такъ вся и затрепетала... но сдержала себя. Анна Андревна въ умиленіи, съ радостною надеждою смотрѣла какъ ея Николай Сергѣичъ приголубилъ, наконецъ, сиротку.

— Я знаю, Нелли, что твою мать погубилъ злой человѣкъ, злой и безнравственный, но знаю тоже, что она отца своего любила и почитала, съ волненіемъ произнесъ старикъ, продолжая

гладить Нелли по головкѣ, и не стерпѣвъ, чтобъ не бросить намъ въ эту минуту этотъ вызовъ. Ледяная краска покрыла его блѣдныя щеки; но онъ старался не взглядывать на насъ,

— Мамаша любила дѣдушку больше, чѣмъ ее дѣдушка любилъ, робко, но твердо проговорила Нелли, тоже стараясь ни на кого ни взглянуть.

— А ты почему это знаешь? рѣзко спросилъ старикъ, не выдержавъ какъ ребенокъ, и какъ будто самъ стыдился своего нетерпѣнія.

— Знаю, отрывисто отвѣтила Нелли. Онъ не принялъ ма-тушку и... прогналъ ее...

Я видѣлъ, что Николаю Сергѣичу хотѣлось было что-то сказать, возразить, сказать напримѣръ, что старикъ за дѣло не принялъ дочь, но онъ поглядѣлъ на насъ и смолчалъ.

— Какъ же, гдѣ же вы жили-то, когда дѣдушка васъ не принималъ? спросила Анна Андревна, въ которой вдругъ родилось упорство и желаніе продолжать именно на эту тему.

— Когда мы пріѣхали, то долго отыскивали дѣдушку, отвѣчала Нелли, — но никакъ не могли отыскать. Мамаша мнѣ и сказала тогда, что дѣдушка былъ прежде очень богатый и фабрику хотѣлъ строить, а что теперь онъ очень бѣдный, потому что тотъ, съ кѣмъ мамаша уѣхала, взялъ у ней всѣ дѣдушкины деньги и не отдалъ ей. Она мнѣ это сама сказала...

— Гм... отозвался старикъ.

— И она говорила мнѣ еще, продолжала Нелли, все болѣе и болѣе оживляясь и какъ будто желая возразить Николаю Сергѣичу, но обращаясь къ Аннѣ Андревнѣ, — она мнѣ говорила, что дѣдушка на нее очень сердитъ и что она сама во всемъ передъ нимъ виновата, и что нѣтъ у ней теперь на всей землѣ никого кромѣ дѣдушки. И когда говорила мнѣ, то плакала... «Онъ меня не проститъ», говорила она, еще когда мы сюда ѣхали. «но можетъ быть тебя увидитъ и тебя полюбитъ, а за тебя и меня проститъ». Мамаша очень любила меня и когда это говорила, то всегда меня цѣловала, а къ дѣдушкѣ идти очень боялась. Меня же учила молиться за дѣдушку и сама молилась и много мнѣ еще рассказывала, какъ она прежде жила съ дѣдушкой и какъ дѣдушка ее очень любилъ, больше всѣхъ. Она ему на фортепьяно играла и книги читала по вечерамъ, а дѣдушка редкю

валъ и много ей дарилъ... все дарилъ, такъ что одинъ разъ они и вессорились, въ мажашины именины; потомучто дѣдушка думалъ, что мамаша еще не знаетъ какой будетъ подарокъ, а мамаша уже давно узнала какой. Мамашѣ хотѣлось серьги, а дѣдушка все нарочно обманывалъ ее и говорилъ что подарить не серьги, а брошку; и когда онъ принесъ серьги и какъ увидѣлъ, что мамаша ужъ знаетъ, что будутъ серьги а не брошка, то разсердился за то, что мамаша узнала, и половину дня не говорилъ съ ней, а потомъ самъ пришолъ ее цѣловать и прощенья просить...

Нелли рассказывала съ увлеченіемъ и даже краска заиграла на ея блѣдныхъ, больныхъ щечкахъ.

Видно было, что ея мамаша не разъ говорила съ своей маленькой Нелли о своихъ прежнихъ счастливыхъ дняхъ, сидя въ своемъ углу, въ подвалѣ, обвиная и цѣлуя свою дѣвочку (все что у ней осталось отрадного въ жизни), и плача надъ ней, а въ тоже время и не подозрѣвая, съ какою силою отзовутся эти рассказы ея въ болѣзненно впечатлительномъ и рано развившемся сердцѣ больного ребенка.

Но увлекшаяся Нелли какъ будто вдругъ опомнилась, недоувѣрчиво осмотрѣлась кругомъ и притихла. Старикъ наморщилъ лобъ и снова забарабанилъ по столу; у Анны Андревны показались на глазахъ слезинка и она молча отерла ее платкомъ.

— Мамаша прѣехала сюда очень больная, прибавила Нелли тихимъ голосомъ, — у ней грудь очень болѣла. Мы долго искали дѣдушку и не могли найти, а сами занимали въ подвалѣ, въ углу.

— Въ углу, больная—то! вскричала Анна Андревна.

— Да... въ углу... отвѣчала Нелли. Мамаша была бѣдная. Мамаша мнѣ говорила, прибавила она, оживляясь, — что не грѣхъ быть бѣдной, а что грѣхъ быть богатымъ и обижать... и что ее Богъ наказываетъ.

— Что же вы на Васильевскомъ занимали? это тамъ у Бубновой, что ли? спросилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ и стараясь выпазать нѣкоторую небрежность въ своемъ вопросѣ. Спросилъ же какъ будто ему неловко было сидѣть молча.

— Нѣтъ, не тамъ... а сперва въ Мѣщанской, отвѣчала Нелли. Тамъ было очень темно и сыро, продолжала она, по-

молчавъ, и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ тоже жила одна старушка, капитанша, и жилъ отставной чиновникъ и все приходилъ пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель, и обнимала меня, а сама вся бывало дрожить, а чиновникъ кричить и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ прибить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жаль ее, и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника...

Нелли остановилась. Воспоминаніе взволновало ее; глазки ея засверкали.

— Господи Боже мой! вскрикнула Анна Андревна, до послѣдней степени заинтересованная разсказомъ и не спускавшая глазъ съ Нелли, которая преимущественно обращалась къ ней.

— Тогда мамаша вышла, продолжала Нелли: — и меня увела съ собой. Это было днемъ. Мы все ходили по улицамъ, до самаго вечера, и мамаша все плакала и все ходила, а меня вела за руку. Я очень устала; мы и не ѣли этотъ день. А мамаша все сама съ собой говорила и мнѣ все говорила: будь бѣдная, Нелли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни къ кому не ходи; будь одна, бѣдная, и работай, а пѣть работы, такъ милостыню проси, а къ нимъ не ходи. Только въ сумерки мы переходили черезъ одну большую улицу; вдругъ мамаша закричала: «Азорка! Азорка!», и вдругъ большая собака, безъ шерсти, подбѣжала къ мамашѣ, завизжала и бросилась къ ней, а мамаша испугалась, стала блѣдная, закричала и бросилась на колѣни передъ высокимъ старикомъ, который шолъ съ палкой и смотрѣлъ въ землю. А этотъ высокій старикъ и былъ дѣдушка и такой сухощавый, въ дурномъ платьѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и увидала дѣдушку. Дѣдушка тоже очень испугался и весь поблѣднѣлъ и какъ увидалъ, что мамаша лежитъ подлѣ него и обхватила его ноги, — онъ вырвался, толкнулъ мамашу, ударилъ по камню палкой и пошелъ скоро отъ насъ. Азорка еще остался и все вылъ и лизалъ мамашу, потомъ побѣжалъ къ дѣдушкѣ, схватилъ его за полу и потащилъ назадъ, а дѣдушка его ударилъ палкой. Азорка опять къ намъ было побѣжалъ, да дѣдушка кликнулъ его, онъ и побѣжалъ за дѣдушкой и все вылъ. А

мамаша лежала какъ мертвая, кругомъ народъ собрался, полицейскіе пришли. Я все кричала и подымала мамашу. Она встала, оглядѣлася кругомъ и пошла за мной. Я ее повела домой. Люди на насъ долго смотрѣли и все головой качали...

Нелли пріостановилась перевести духъ и скрѣпить себя. Она была очень блѣдна, но рѣшительность сверкала въ ея взглядѣ. Видно было, что она рѣшилась наконецъ все говорить. Въ ней было даже что-то вызывающее въ эту минуту.

— Чтожъ, замѣтилъ Николай Сергѣичъ, неровнымъ голосомъ, съ какою-то раздражительною рѣзкостью: — чтожъ, твоя мать оскорбила своего отца и онъ за дѣло отвергъ ее...

— Матушка мнѣ тоже говорила, рѣзко подхватила Нелли: — я какъ мы шли домой, все говорила: это твой дѣдушка, Нелли, я виновата передъ нимъ, вотъ онъ и проклялъ меня, за это меня теперь Богъ и наказываетъ, и весь вечеръ этотъ и всѣ слѣдующіе дни, все это же говорила. А говорила, какъ-будто себя не помнила...

Старикъ смолчалъ.

— А потомъ какъ же вы на другую-то квартиру перебрались? спросила Авна Андревна, продолжавшая тихо плакать.

— Мамаша въ туже почъ заболѣла, а капитанша отыскала квартиру у Бубиной, а на третій день мы и переѣхали и капитанша съ нами; и какъ переѣхала, мамаша совсѣмъ и слегла, и три недѣли лежала больная, а я ходила за ней. Деньги у насъ совсѣмъ всѣ вышли, и намъ помогла капитанша и Иванъ Александрычъ.

— Гробовщикъ, хозяинъ, сказалъ я въ поясненіе.

— А когда мамаша встала съ постели и стала ходить, тогда мнѣ про Азорку и рассказала.

Нелли пріостановилась. Старикъ какъ-будто обрадовался, что разговоръ перешолъ на Азорку.

— Чтожъ она про Азорку тебѣ рассказывала? спросилъ онъ, еще болѣе нагнувшись въ своихъ креслахъ, точно, чтобъ еще больше скрыть свое лицо и смотрѣть внизъ.

— Она все мнѣ говорила про дѣдушку, отвѣчала Нелли: — я больная все про него говорила, и когда въ бреду была, тоже говорила. Вотъ она какъ стала выздоравливать, то и начала мнѣ опять рассказывать, какъ она прежде жила... тутъ и про Азорку

рассказала, потому что разъ гдѣ-то на рѣкѣ, за городомъ, мальчишки тащили Азорку на веревкѣ топить, а мамаша дала имъ денегъ и купила у нихъ Азорку. Дѣдушка, какъ увидѣлъ Азорку, сталъ надъ нимъ очень сѣяться. Только Азорка и убѣжалъ. Мамаша стала плакать; дѣдушка испугался и сказалъ, что дастъ сто рублей тому, кто приведетъ Азорку. На третій день его и привели; дѣдушка сто рублей отдалъ и съ атыхъ поръ сталъ любить Азорку. А мамаша такъ его стала любить, что даже на постель съ собой брала. Она мнѣ рассказывала, что Азорка прежде съ комедіантами по улицамъ ходилъ, и служить умѣлъ, и обезьяну на себѣ возилъ, и ружьемъ умѣлъ дѣлать и много еще зналъ... А когда мамаша уѣхала отъ дѣдушки, то дѣдушка и оставилъ Азорку у себя и все съ нимъ ходилъ, такъ что на улицѣ, какъ только мамаша увидала Азорку, тотчасъ же и догадалась, что тутъ же и дѣдушка...

Старикъ видимо ожидалъ не того объ Азоркѣ, и все больше и больше хмурился. Онъ ужъ не спрашивалъ болѣе ничего.

— Такъ какъ же, вы такъ больше и не видали дѣдушку? спросила Анна Андревна.

— Нѣтъ, когда мамаша стала выздоравливать, тогда я встрѣтила опять дѣдушку. Я ходила въ лавочку за хлѣбомъ: вдругъ увидѣла человѣка съ Азоркой, посмотрѣла и узнала дѣдушку. Я постороилась и прижалась къ стѣнѣ. Дѣдушка посмотрѣлъ на меня, долго смотрѣлъ и такой былъ страшный, что я его очень испугалась, и прошолъ мимо. Азорка же меня припомнилъ и началъ скакать подлѣ меня и мнѣ руки лизать. Я поскорѣй пошла домой, посмотрѣла назадъ, а дѣдушка зашолъ въ лавочку. Тутъ я подумала: вѣрно спрашиваетъ и испугалась еще больше, и когда пришла домой, то мамашѣ ничего не сказала, чтобъ мамаша опять не сдѣлалась больна. Сама же въ лавочку на другой день не ходила, сказала, что у меня голова болитъ, а когда пошла на третій день, то никого не встрѣтила и ужасно боялась, такъ что бѣгомъ бѣжала. А на слѣдующій день вдругъ я иду, только что за уголъ зашла, а дѣдушка передо мной и Азорка. Я побѣжала и поворотила въ другую улицу и съ другой стороны въ лавочку зашла; только вдругъ прямо на него опять и наткнулась и такъ испугалась, что тутъ же и остановилась и не могу идти. Дѣдушка остановился передо мною и опять долго смотрѣлъ на меня, а потомъ погладилъ меня по головкѣ, взялъ за руку и

повелъ меня, а Азёрка за нами, и хвостомъ махаетъ. Тутъ я и увидала, что дѣдушка и ходить прямо ужъ не можетъ и все на палку упирается, а руки у него совсѣмъ дрожать. Онъ меня привелъ къ разнощику, который на углу сидѣлъ и продавалъ пряники и яблоки. Дѣдушка купилъ пряничнаго вѣтушка, и рыбку, и одну конфетку, и яблоко, и когда вынималъ деньги изъ кожанаго кошелька, то руки у него очень тряслись и онъ уронилъ пятакъ, а я подняла ему. Онъ мнѣ этотъ пятакъ подарилъ, и пряники отдалъ и погладилъ меня по головѣ, но опять ничего не сказалъ, а пошелъ отъ меня домой.

— Тогда я пришла къ мамашѣ и рассказала ей все про дѣдушку, и какъ я сначала его боялась и пряталась отъ него. Мамаша нѣ сперва не повѣрила, а потомъ такъ обрадовалась, что весь вечеръ меня разсиривала, цѣловала и плакала, и когда я ужъ ей все рассказала, то она мнѣ впередъ приказала: чтобъ я никогда не боялась дѣдушку, и что стало—быть дѣдушка любить меня, коль нарочно приходилъ ко мнѣ. И велѣла, чтобъ я ласкалась къ дѣдушкѣ и говорила съ нимъ. А на другой день все меня высылала нѣсколько разъ поутру, хоть я и сказала ей, что дѣдушка приходилъ всегда только передъ вечеромъ. Сама же она за мной издали шла и за угломъ пряталась и на другой день также, но дѣдушка не пришолъ, а въ эти дни шолъ дождь, и матушка очень простудилась, потомучто все со мной выходила за ворота и опять слегла.

Дѣдушка же пришолъ черезъ недѣлю и опять мнѣ купилъ одну рыбку и яблоко и опять ничего не сказалъ. А когда ужъ онъ пошелъ отъ меня, я тихонько пошла за нимъ, потомучто заранѣ такъ вздумала, чтобъ узнать, гдѣ живетъ дѣдушка и сказать мамашѣ. Я шла издали по другой сторонѣ улицы, такъ чтобъ дѣдушка меня не видалъ. А жилъ онъ очень далеко, не тамъ, гдѣ послѣ жилъ и умеръ, а въ Гороховой, тоже въ большомъ домѣ, въ четвертомъ этажѣ. Я все это узнала и поздно воротилась домой. Мамаша очень испугалась, потомучто не знала, гдѣ я была. Когда же я рассказала, то мамаша опять очень обрадовалась, и тотчасъ же хотѣла идти къ дѣдушкѣ, на другой же день; но, на другой день стала думать и бояться и все боится, цѣлыхъ три дня; такъ и не ходила. А потомъ позвала меня и сказала: вотъ что, Нелли, я теперь больна и не могу идти, а я написала письмо къ твоему дѣдушкѣ, води къ нему и

отдай письмо. И смотри, Нелли, какъ онъ его прочтетъ, и что скажетъ, и что будетъ дѣлать; а ты стань на колѣни, цѣлуй его и проси его, чтобъ онъ простилъ твою мамашу... И мамаша очень плакала, и все меня цѣловала и крестила въ дорогу и Богу молилась, и меня съ собой на колѣни передъ образомъ поставила, и хоть очень была больна, но вышла меня провожать къ воротамъ и когда я оглядывалась, она все стояла и глядѣла на меня, какъ я иду...

Я пришла къ дѣдушкѣ и отворила дверь, а дверь была безъ крючка. Дѣдушка сидѣлъ за столомъ и кушалъ хлѣбъ съ картофелемъ, а Азорка стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ какъ онъ ѣстъ и хвостомъ махалъ. У дѣдушки тоже и въ той квартирѣ были окна низкія, темныя, и тоже только одинъ столъ и стулъ. А жилъ онъ одинъ. Я вошла, и онъ такъ испугался, что весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я тоже испугалась и ничего не сказала, а только подошла къ столу и положила письмо. Дѣдушка какъ увидалъ письмо, то такъ разсердился, что вскочилъ, схватилъ палку и замахнулся на меня, но не ударилъ, а только вывелъ меня въ сѣни и толкнулъ меня. Я еще не успѣла и съ первой лѣстницы сойти, какъ онъ отворилъ опять дверь и выбросилъ мнѣ назадъ письмо нераспечатанное. Я пришла домой и все рассказала. Тутъ матушка слегла опять...

ГЛАВА XI

Въ эту минуту раздался довольно сильный ударъ грома, и дождь крупнымъ ливнемъ застучалъ въ стекла; въ комнатѣ стемнѣло. Старушка словно испугалась и перекрестилась. Мы всѣ вдругъ остановились.

— Сейчасъ пройдетъ, сказалъ старикъ, поглядывая на окна; затѣмъ всталъ и прошолся взадъ и впередъ по комнатѣ. Нелли искоса слѣдила за нимъ взглядомъ. Она была въ чрезвычайномъ, болѣзненномъ волненіи. Я видѣлъ это; но на меня она какъ-то избѣгала глядѣть.

— Ну, чтожь дальше? спросилъ старикъ, снова усявшись въ свои кресла.

Нелли пугливо оглядѣлась кругомъ.

— Такъ ты ужь больше и не видала своего дѣдушку?

— Нѣтъ, видѣла...

— Да, да! рассказывай, голубчикъ мой, рассказывай, подхватила Анна Андревна.

— Я его три недѣли не видала, начала Нелли, — до самой зимы. Тутъ зима стала и снѣгъ выпалъ. Когда же я встрѣтила дѣдушку опять, на прежнемъ мѣстѣ, то очень обрадовалась... потому что мамаша тосковала, что онъ не ходитъ. Я какъ увидѣла его, нарочно побѣжала на другую сторону улицы, чтобъ онъ видѣлъ, что я бѣгу отъ него. Только я оглянулась и вижу, что дѣдушка сначала скоро пошелъ за мной, а потомъ и побѣжалъ, чтобъ меня догнать и сталъ кричать мнѣ: Нелли, Нелли! И Азорка бѣжалъ за нимъ. Мнѣ жалко стало, я и остановилась. Дѣдушка подошелъ и взялъ меня за руку и повелъ, а когда увидѣлъ что я плачу, остановился, посмотрѣлъ на меня, нагнулся и поцѣловалъ. Тутъ онъ увидалъ, что у меня башмаки худые и спросилъ: развѣ у меня нѣтъ другихъ. Я тотчасъ же сказала ему поскорѣй, что у мамаша совсѣмъ нѣтъ денегъ и что намъ хозяева изъ одной жалости ѣсть даютъ. Дѣдушка ничего не сказалъ, но повелъ меня на рынокъ и купилъ мнѣ башмаки и велѣлъ тутъ же ихъ надѣть, а потомъ повелъ меня къ себѣ, въ Гороховую, а прежде зашелъ въ лавочку и купилъ пирогъ и двѣ конфетки и когда мы пришли, сказалъ, чтобъ я ѣла пирогъ и смотрѣлъ на меня, когда я ѣла, а потомъ далъ мнѣ конфетки. А Азорка положилъ лапы на столъ и тоже просилъ пирога, я ему и дала и дѣдушка засмѣялся. Потомъ взялъ меня, поставилъ подлѣ себя, началъ по головѣ гладить и спрашивать: училась ли я чемунибудь и что я знаю? Я ему сказала, а онъ велѣлъ мнѣ, какъ только мнѣ можно будетъ, каждый день, въ три часа, ходить къ нему и что онъ самъ будетъ учить меня. Потомъ сказалъ мнѣ, чтобъ я отвернулась и смотрѣла въ окно, покамѣстъ онъ скажетъ, чтобъ я опять повернулась къ нему. Я такъ и стояла, но тихонько обернулась назадъ и увидѣла, что онъ распроголъ свою подушку, съ нижняго уголка, и вынулъ четыре цѣлковыхъ. Когда вынулъ, принесъ ихъ мнѣ и сказалъ: «Это тебѣ одной». Я было взяла, но потомъ подумала и сказала: «Коли мнѣ одной, такъ я не возьму». Дѣдушка вдругъ рассердился и сказалъ мнѣ: «ну бери какъ знаешь, ступай». Я вышла, а онъ и не поцѣловалъ меня.

Какъ я пришла домой, все мамашѣ и рассказала. А мамашѣ все становилось хуже и хуже. Къ гробовщнку ходилъ одинъ студентъ; онъ лечилъ мамашу и велѣлъ ей лекарства принимать.

А я ходила къ дѣдушкѣ часто; мамаша такъ приказывала. Дѣдушка купилъ Новый Завѣтъ и Географію и сталъ меня учить; а иногда рассказывалъ мнѣ какія на свѣтѣ есть земли и какіе люди живутъ, и какія моря и что было прежде и какъ Христось насъ всѣхъ простилъ. Когда я его сама спрашивала, то онъ очень былъ радъ; потому я и стала часто его спрашивать, и онъ все рассказывалъ и про Бога много говорилъ. А иногда мы не учились и съ Азоркой играли: Азорка меня очень сталъ любить, и я его выучила черезъ палку скакать и дѣдушка смѣялся, и все меня по головкѣ гладилъ. Только дѣдушка рѣдко смѣялся. Одинъ разъ много говорить, а то вдругъ замолчать и сидеть, какъ будто заснулъ, а глаза открыты. Такъ и досидитъ до сумерекъ, а въ сумерки онъ такой становится страшный, старый такой... А то бывало придю къ нему, а онъ сидитъ на своемъ стулѣ, думаетъ и ничего не слышитъ, а Азорка подлѣ него лежитъ. Я жду, жду и кашляю; дѣдушка все не оглядывается. Я такъ и уйду. А дома мамаша такъ ужъ и ждетъ меня: она лежитъ, а я ей рассказываю все, все, такъ и ночь придетъ, а я все рассказываю и она все слушаетъ про дѣдушку: что онъ дѣлалъ сегодня, и что мнѣ рассказывалъ, какія исторіи, и что на урокъ мнѣ задалъ. А какъ начну рассказывать про Азорку, что я его черезъ палку заставляла скакать и что дѣдушка смѣялся, то и она вдругъ начнетъ смѣяться и долго бывало смѣется и радуется и опять заставляетъ повторять, а потомъ молиться начнетъ. А я все думала: чтожъ мамаша такъ любитъ дѣдушку, а онъ ее не любитъ, и когда пришла къ дѣдушкѣ, то нарочно стала ему рассказывать, какъ мамаша его любитъ. Онъ все слушалъ; такой сердитый, а все слушалъ и ни слова не говорилъ; тогда я и спросила, отчего мамаша его такъ любитъ, что все объ немъ спрашиваетъ, а онъ никогда про мамашу не спрашиваетъ. Дѣдушка рассердился и выгналъ меня за дверь; я немножко постояла за дверью, а онъ вдругъ опять отворилъ и позвалъ меня назадъ и все сердился и молчалъ. А когда потомъ мы начали Законъ Божій читать, я опять спросила: отчего же Иисусъ Христось сказалъ: любите другъ друга и прощайте обиды, а онъ не хочетъ простить мамашу? Тогда онъ вскочилъ и закричалъ, что это ма-

мама меня научила, вытолкнулъ меня другой разъ воиъ и сказалъ, чтобъ я никогда не смѣла теперь къ нему приходять. А я сказала, что я и сама теперь къ нему не приду и ушла отъ него... А дѣдушка на другой день изъ квартиры переѣхалъ.

— Я сказалъ, что дождь скоро пройдетъ, вотъ и прошолъ, вотъ и солнышко... смотри Ваня, сказалъ Николай Сергѣичъ, оборотись къ окну.

Анна Андревна поглядѣла на него въ чрезвычайномъ недоумѣннн, и вдругъ негодование засверкало въ глазахъ доселѣ смирной и запуганной старушки. Молча, взяла она Нелли за руку и посадила къ себѣ на колѣни.

— Рассказывай мнѣ, ангелъ мой, сказала она: — я буду тебя слушать... Пусть тѣ, у кого жестокия сердца...

Она не договорила и заплакала. Нелли вопросительно взглянула на меня, какъ бы въ недоумѣннн и въ испугѣ. Старикъ посмотрѣлъ на меня, пожалъ было плечами, но тотчасъ же отвернулся.

— Продолжай, Нелли, сказалъ я.

— Я три дня не ходила къ дѣдушкѣ, начала опять Нелли: — а въ это время мамашѣ стало худо. Деньги у насъ всѣ вышли, а лекарства не на что было купить, да и не ѣли мы ничего, потому что у хозяевъ тоже ничего не было, и они стали насъ попрекать, что мы на ихъ счетъ живемъ. Тогда я, на третій день угромъ встала и начала одѣваться. Мамаша спросила: куда я иду? Я и сказала: къ дѣдушкѣ просить денегъ и она обрадовалась, потому что я уже рассказала мамашѣ все, какъ онъ прогналъ меня отъ себя и сказала ей, что не хочу больше ходить къ дѣдушкѣ, хоть она и плакала и уговаривала меня итти. Я пришла и узнала, что дѣдушка переѣхалъ и пошла искать его въ новый домъ. Какъ только я пришла къ нему въ новую квартиру, онъ вскочилъ, бросился на меня и затопалъ ногами, и я ему тотчасъ сказала, что мамаша очень больна, что на лекарство надо денегъ, пятьдесятъ копѣекъ, а намъ ѣсть нечего. Дѣдушка закричалъ и вытолкалъ меня на лѣстницу и заперъ за мной дверь на крючекъ. Но когда онъ толкалъ меня, я ему сказала, что я на лѣстницѣ буду сидѣть и до тѣхъ поръ не уйду, пока мнѣ онъ денегъ не дастъ. Я и сидѣла на лѣстницѣ. Не много спустя, онъ отворилъ дверь и увидѣлъ, что я сижу и опять затворилъ.

Потомъ долго прошло, онъ опять отворилъ, опять увидалъ меня и опять затворилъ. И потомъ много разъ отворялъ и смотрѣлъ. Наконецъ вышелъ съ Азоркой, заперъ дверь и прошолъ мимо меня со двора и ни слова мнѣ не сказалъ. И я ни слова не сказала и такъ и осталась сидѣть, и сидѣла до сумерекъ.

— Голубушка моя, вскричала Анна Андревна: — да вѣдь холодно, знать, на лѣстницѣ-то было!

— Я была въ шубкѣ, отвѣчала Нелли.

— Да чтожъ въ шубкѣ... голубчикъ ты мой, сколько ты потерпѣлась! Чтожъ онъ, дѣдушка-то твой?

Губки у Нелли начало было потрогивать, но она сдѣлала чрезвычайное усилюе и скрѣпила себя.

— Онъ пришолъ, когда уже стало совсѣмъ темно и входя наткнулся на меня и закричалъ: кто тутъ? Я сказала, что это я. А онъ вѣрно думалъ, что я давно ушла и какъ увидалъ, что я все еще тутъ, то очень удивился и долго стоялъ передо мной. Вдругъ ударилъ по ступенькамъ палкой, побѣжалъ, отперъ свою дверь и черезъ минуту вынесъ мнѣ мѣдныхъ денегъ, все пятаки и бросилъ ихъ въ меня на лѣстницу. — Вотъ тебѣ, закричалъ, возьми, это у меня все, что было и скажи твоей матери, что я ее прокливаю, а самъ захлопнулъ дверь. А пятаки покатались по лѣстницѣ. Я начала подбирать ихъ въ темнотѣ и дѣдушка видно догадался, что онъ разбросалъ пятаки и что въ темнотѣ мнѣ ихъ трудно собрать, отворилъ дверь и вынесъ свѣчку и при свѣчкѣ я скоро ихъ собрала. И дѣдушка самъ собиралъ вмѣстѣ со мной и сказалъ мнѣ, что тутъ всего должно быть семь гривенъ и самъ ушолъ. Когда я пришла домой, я отдала деньги и все рассказала мамашѣ, и мамашѣ сдѣлалось хуже, а сама я всю ночь была больна и на другой день тоже вся въ жару была, но я только объ одномъ думала, потомучто сердилась на дѣдушку, и когда мамаша заснула, пошла на улицу, къ дѣдушкиной квартирѣ, и, не доходя, стала на мосту. Тутъ и прошолъ тотъ...

— Это Архиповъ, сказалъ я: тотъ, объ которомъ я говорилъ, Николай Сергѣичъ, — вотъ что съ купцомъ у Бубновой былъ и котораго тамъ отколотили. Это въ первый разъ Нелли его тогда увидала... Продолжай Нелли...

— Я остановила его и попросила денегъ, рубль серебромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: рубль серебромъ? я сказа-

ла: да. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: пойдемъ со мной. Я не звала идти ли, вдругъ подошелъ одинъ старичокъ, въ золотыхъ очкахъ; а онъ слышалъ, какъ я спрашивала рубль серебромъ, нагнулся ко мнѣ и спросилъ: для чего я непременно столько хочу. Я сказала ему, что мамаша больна и что нужно столько на лекарство. Онъ спросилъ: гдѣ мы живемъ? и записалъ и далъ мнѣ бумажку, рубль серебромъ. А *тотъ*, какъ увидалъ старика въ очкахъ, ушелъ и не звалъ меня больше съ собой. Я пошла въ лавочку и размѣнила рубль на мѣдныя; тридцать копѣекъ завернула въ бумажку и отложила мамашѣ, а семь гривенъ не завернула въ бумажку, а нарочно зажала въ рукахъ и пошла къ дѣдушкѣ. Какъ пришла къ нему, то отворила дверь, стала на порогѣ, размахнулась и бросила ему съ размаха всѣ деньги, такъ они и покатались по полу.

— Вотъ, возьмите ваши деньги! сказала я ему. — Не надо ихъ отъ васъ мамашѣ, потомучто вы ее проklinаете, хлопнула дверью и тотчасъ же убѣжала прочь.

Ея глаза засверкали, и она съ наивно-вызывающимъ видомъ взглянула на старика.

— Такъ и надо, сказала Анна Андревна, не смотря на Николая Сергѣича и крѣпко прижимая къ себѣ Нелли, — такъ и надо съ нимъ; твой дѣдушка былъ злой и жестокосердый...

— Гм, отозвался Николай Сергѣичъ

— Ну такъ какъ же, какъ же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Анна Андревна.

— Я перестала ходить больше къ дѣдушкѣ и онъ пересталъ ходить ко мнѣ, отвѣчала Нелли.

— Чтожъ, какъ же вы остались съ мамашей-то? Охъ бѣдныя вы бѣдныя!

— А мамашѣ стало еще хуже, и она уже рѣдко вставала съ постели, продолжала Нелли и голосъ ея задрожалъ и прервался... Денегъ у насъ ужъ ничего больше не было, я и стала ходить съ капитаншей. А капитанша по домамъ ходила тоже и на улицѣ людей хорошихъ останавливала и просила, тѣмъ и жила. Она говорила мнѣ, что она не нищая, а что у ней бумаги есть, гдѣ ея чинъ написанъ и написано тоже, что она бѣдная. Эги бумаги она и показывала, и ей за это деньги давали. Она и говорила мнѣ: что у всѣхъ просить не стыдно. Я и ходила съ ней и

цать подавали, тѣмъ мы и жили. Мамаша узнала про это , потому что жильцы стали попрекать, что она нищая, а Бубнова сама приходила къ мамашѣ и говорила, что лучше бѣ я ее къ ней отпустила, а не просить милостыню. Она и прежде къ мамашѣ приходила и ей денегъ посила; а когда мамаша брала отъ нея, то Бубнова говорила: зачѣмъ вы такія гордыя, и кушанье присылала. А какъ сказала она это теперь про меня, то мамаша заплакала и испугалась, а Бубнова начала ее бранить, потому что была пьяна и сказала, что я и безъ того нищая и съ капитаншей хожу и въ тотъ же вечеръ выгнала капитаншу изъ дому. Мамаша, какъ узнала про все, то стала плакать, потомъ вдругъ встала съ постели, одѣлась, схватила меня за руку и повела за собою. Иванъ Александрычъ сталъ ее останавливать, но она не слушала, и мы вышли. Мамаша едва могла ходить и каждую минуту садилась на улицѣ, а я ее придерживала. Мамаша все говорила, что идти къ дѣдушкѣ и чтобъ я вела ее, а ужъ давно стала ночь. Вдругъ мы пришли въ большую улицу; тутъ передъ однимъ домомъ останавливались кареты, и много выходило народу, а въ окнахъ вездѣ былъ свѣтъ и слышна была музыка. Мамаша остановилась, схватила меня и сказала мнѣ тогда: «Нелли, будь бѣдная, будь всю жизнь бѣдная, не ходи къ нимъ, кто бы тебя ни позвалъ, кто бы ни пришолъ. И ты бы могла тамъ быть, богатая, и въ хорошемъ платьѣ, да я этого не хочу. Они злые и жестокіе, и вотъ тебѣ мое приказаніе: Оставайся бѣдная, работай и милостыню проси, а если кто прійдетъ за тобой, скажи: не хочу къ вамъ!.. Это мнѣ говорила мамаша, когда больна была, и я всю жизнь хочу ее слушаться, прибавила Нелли, дрожа отъ волненія съ разгорѣвшимся личикомъ и: — всю жизнь буду служить и работать, и къ вамъ пришла тоже служить и работать, а не хочу быть, какъ дочь...

— Полно, полно, голубка моя, полно! вскрикнула старушка, крѣпко обнимая Нелли. — Вѣдь матушка твоя была въ это время больна, когда говорила.

— Безумная была, — рѣзко замѣтилъ старикъ.

— Пусть безумная! подхватила Нелли, рѣзко обращаясь къ нему, — пусть безумная, но она мнѣ такъ приказала, такъ я и буду всю жизнь. И когда она мнѣ это сказала, то даже въ обморокъ упала.

— Господи Боже! вскрикнула Анна Андревна, — больная-то, на улицѣ, зимой?..

— Насъ хотѣли взять въ полицію, но одинъ господинъ вступился, распросилъ у меня квартиру, далъ мнѣ десять рублей и велѣлъ отвезти мамашу къ намъ домой на своихъ лошадахъ. Послѣ этого мамаша ужъ и не вставала, — а черезъ три недѣли умерла...

— А отецъ-то чтожъ? Такъ и не простилъ? вскрикнула Анна Андревна.

— Не простилъ! отвѣчала Нелли, съ мученіемъ пересиливая себя. За недѣлю до смерти, мамаша подозвала меня и сказала: «Нелли, сходи еще разъ къ дѣдушкѣ, въ послѣдній разъ, и попроси, чтобъ онъ пришолъ ко мнѣ и простилъ меня; скажи ему, что я черезъ нѣсколько дней умру, и тебя одну на свѣтъ оставляю. И скажи ему еще, что мнѣ тяжело умирать...» Я и пошла, постучалась къ дѣдушкѣ, онъ отворилъ и какъ увидѣлъ меня, тотчасъ хотѣлъ было передо мной дверь затворить, но я ухватилась за дверь обѣими руками и закричала ему: «мамаша умираетъ, васъ зоветъ, идите!..» Но онъ оттолкнулъ меня и захлопнулъ дверь. Я воротилась къ мамашѣ, легла подлѣ нея, обняла ее и ничего не сказала... Мамаша тоже обняла меня и ничего не спрашивала...

Тутъ Николай Сергѣичъ тяжело оперся рукой на столъ и всталъ, но обведя пасъ всѣхъ какимъ-то страннымъ мутнымъ взглядомъ, какъ бы въ безсиліи опустился въ кресла. Анна Андревна уже не глядѣла на него, но, рыдая, обнимала Нелли...

Вотъ послѣдній день, передъ тѣмъ какъ ей умереть, передъ вечеромъ, мамаша подозвала меня къ себѣ, взяла меня за руку и сказала: Я сегодня умру Нелли, хотѣла было еще говорить, но ужъ не могла. Я смотрю на нее, а она ужъ какъ-будто меня и не видитъ, только въ рукахъ мою руку крѣпко держитъ. Я тихонько вынула руку и побѣжала изъ дому, и всю дорогу бѣжала бѣгомъ и прибѣжала къ дѣдушкѣ. Какъ онъ увидѣлъ меня, то вскочилъ со стула и смотреть и такъ испугался, что совсѣмъ сталъ такой блѣдный и весь задрожалъ. Я схватила его за руку и только одно и выговорила: «сейчасъ умереть». Тутъ онъ вдругъ такъ и заметался; схватилъ свою палку и побѣжалъ за мной; даже и шляпу забылъ, а было холодно. Я схватила шляпу и на дѣла ее ему, и мы вмѣстѣ выбѣжали. Я торопила его и говорила,

чтобь онъ нанялъ извозчика, потомучто мамаша сейчасъ умереть; но у дѣдушки было только семь копѣекъ всѣхъ денегъ. Онъ останавливалъ извозчиковъ, торговался, но они только смѣялись и надъ Азоркой смѣялись, а Азорка съ нами бѣжала, и мы все дальше и дальше бѣжали. Дѣдушка усталъ и дышалъ трудно, но все торопился и бѣжалъ. Вдругъ онъ упалъ и шляпа съ него соскочила. Я подняла его, надѣла ему опять шляпу и стала его рукой вести и только передъ самой ночью мы пришли домой... Но матушка уже лежала мертвая. Какъ увидѣлъ ее дѣдушка, всплеснулъ руками, задрожалъ и сталъ надъ ней, а самъ ничего неговорить. Тогда я подошла къ мертвой мамашѣ, схватила дѣдушку за руку и закричала ему: «вотъ жестокой и злой человѣкъ, вотъ смотри!.. смотри!» тутъ дѣдушка закричалъ и упалъ на полъ, какъ мертвый...

Нелли вскочила, высвободилась изъ объятій Анны Андревны и стала посреди насъ, блѣдная, измученная и испуганная. Но Анна Андревна бросилась къ ней, и, снова обнявъ ее, закричала, какъ будто въ какомъ-то вдохновеніи:

— Я, я буду тебѣ мать, теперь, Нелли, а ты мое дитя! Да, Нелли, уйдемъ, бросимъ ихъ всѣхъ, жестокихъ и злыхъ! Пусть потѣшаются надъ людьми, Богъ, Богъ зачтетъ имъ... Пойдемъ Нелли, пойдемъ отсюда, пойдемъ!..

Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ ее въ такомъ состояніи, да и не думалъ, чтобъ она могла быть когда-нибудь такъ взволнована. Николай Сергѣичъ выпрямился въ креслахъ, приподнялся и прерывающимся голосомъ, спросилъ:

— Куда, куда ты, Анна Андревна?

— Къ ней, къ дочери, къ Наташѣ! закричала она и потащила Нелли за собой къ дверямъ.

— Постой, постой, подожди!..

— Нечего ждать, жестокосердый и злой человѣкъ! Я долго ждала и она долго ждала, а теперь прощай!..

Отвѣтивъ это, старушка обернулась, взглянула на мужа и остолбенѣла: Николай Сергѣичъ стоялъ передъ ней, захвативъ свою шляпу и дрожащими безсильными руками торопливо натягивалъ на себя свое пальто.

— И ты... и ты со мной! вскрикнула она, съ мольбою сложивъ руки и недовѣрчиво смотря на него, какъ будто не смѣя и повѣрить такому счастью.

— Наташа, гдѣ моя Наташа! гдѣ она! гдѣ дочь моя! вырвалось наконецъ изъ груди старика. Отдайте мнѣ мою Наташу! гдѣ, гдѣ она! и, схвативъ костыль, который я ему подаю, онъ бросился къ дверямъ.

Простить! простить! вскричала Анна Андревна.

Но старикъ не дошелъ и до порога. Дверь быстро отворилась, и въ комнату вбѣжала Наташа, блѣдная, съ сверкающими глазами, какъ будто въ горячкѣ. Платье ея было измято и смочено дождемъ. Платочекъ, которымъ она накрыла голову, сбился у ней на затылокъ и на разбившіеся густыхъ прядей ея волосъ сверкали крупныя капли дождя. Она вбѣжала, увидала отца и съ крикомъ бросилась передъ нимъ на колѣна, простирая къ нему руки.

ГЛАВА XII

Но онъ уже держалъ ее въ своихъ объятіяхъ!..

Онъ схватилъ ее и, поднимая какъ ребенка, отнесъ въ свои кресла, посадилъ ее, а самъ упалъ передъ ней на колѣна. Онъ цѣловалъ ея руки, ноги; онъ торопился цѣловать ее, торопился поглядѣться на нее, какъ будто еще не вѣря, что она омыта вѣстѣ съ нимъ, что онъ опять ее видитъ, — и слышитъ ее, свою дочь, свою Наташу! Анна Андревна, рыдая, схватила ее, прижала голову ея къ своей груди и такъ и замерла въ этомъ объятіи, не въ силахъ произнести слова.

— Другъ мой!.. жизнь моя!.. радость моя!.., бесцѣнно восклицалъ старикъ, схвативъ руки Наташи и какъ влюбленный смотрѣвъ блѣдное, худенькое, но прекрасное личико ея, въ глаза ея, въ которыхъ блистали слезы. — Радость моя, дитя мое! Повторялъ онъ и опять смолкалъ и съ благоговѣйнымъ упоеніемъ глядѣлъ на нее: — Что же, что же мнѣ сказали, что она похудѣла!.. протворилъ онъ съ торопливою, какъ-будто дѣтскою улыбкою, обращаясь къ намъ и все еще стоя передъ ней на колѣнахъ. — Худенькая, — правда, блѣдненькая, — да; но посмотрь на нее, какія торопенькая! еще лучше, чѣмъ прежде была, да лучше! прибавилъ онъ, невольно улыбаясь подъ душевной

болно, радостно болно, съпъ погрой какъ будто душу ломить надвое.

— Встаньте, папаша! да, встаньте же, погорела Наташа: — вѣдь мнѣ тоже хочется васъ цѣловать!..

— О, милая! слышишь, слышишь, Аннушка, какъ она это хорошо сказала, и омы судорожно обидеть ея.

— Нѣтъ, Наташа, мнѣ, мнѣ надо у твоихъ ногъ лежать до тѣхъ поръ, пока сердце мое услышитъ, что ты простила меня, потому что никогда, никогда не могу заслужить я теперь отъ тебя прощенія! Я отвергъ тебя, я забылъ тебя, я проклиналъ тебя, слышишь Наташа, я проклиналъ тебя, — и я могъ это сдѣлать!.. А ты, а ты, Наташа: и могла ты повѣрить, что я тебя проклялъ! И повѣрила — вѣдь повѣрила! Не надо было дѣрнуть! Не вѣрила бы, просто бы не вѣрила! Жестокое сердечко! Что же ты не шла ко мнѣ? вѣдь ты знала, какъ я приму тебя!.. О Наташа, вѣдь ты помнишь, какъ я прежде тебя любилъ: Ну, а теперь, и во все это время я тебя вдвое, въ тысячу разъ больше любилъ, чѣмъ прежде! Я тебя съ кровью любилъ! Душу бы изъ себя съ кровью вынулъ, сердце свое располобывалъ, да къ ногамъ твоимъ полежилъ бы!.. О радость моя!

— Да, поцѣлуйте же меня, жестокой вы человекъ, въ губы, въ лицо поцѣлуйте, какъ мапаша цѣлуетъ! воскликнула Наташа большими, разслабленными, полными слезами радости глазами.

— И въ глазки тоже! И въ глазики тоже! помнишь какъ прежде, восторгалъ старикъ посабъ долгача, сладкаго объятія съ дочерью. — О, Наташа! Снилось ли тебѣ когда про насъ? А мнѣ ты смилась вуть не каждую ночь и каждую ночь, ты ко мнѣ прикочала, а я надъ тобой плакалъ, а одинъ разъ ты какъ маленькая пришла, помнишь когда еще тебѣ только десять лѣтъ было, а ты на фортепьяно только что начинала учиться, — пришла въ короленькомъ платьицѣ, въ короченькихъ башмачкахъ и съ рунками красненькими... вѣдь у ней красненькія такія рунки были тогда, помнишь Аннушка? — пришла ко мнѣ, на колѣни сѣла и обняла меня... И ты, и ты, дѣвочка ты вѣдь! и ты тогда думала, что я проклялъ тебя, что я не приму тебя, еслибъ ты пришла!.. Да, вѣдь да, слушай Наташа! да, вѣдь я часто къ тебѣ ходилъ и мать не знала и нинго не знала; те полъ обидѣла у тебя стою,

жизни: попутки зимой разъ жду, гдѣ побудь да трюгарь у твоихъ воротъ; но выйдешь ли ты, чтобъ задалъ только посмотрѣть на тебя! А те у тебѣ во ветеранъ сѣня на окошкѣ пастр гербѣ; такъ смѣшно разъ я. Наташа, во денеранъ къ тебѣ ходилъ, хоть на сѣяку твою посмотрѣть, хоть тебѣ твою въ ркнѣ увидать, благословить тебя на ночь. А ты, голубушка, благословила ли меня на ночь? Думала ли обо мнѣ? Слышало ли твое сердечко, какъ я тутъ стою окномъ? А сколько разъ, зимой, я поздно ночью на твою лѣстницу подымусь и въ темныхъ сѣняхъ стою, сквозь дверь прислушиваюсь: не услышу ли твоего голоса? Не засмѣешься ли ты? Проклялъ? Да, вѣдь я въ этотъ вечеръ къ тебѣ приходилъ, простить тебя хотѣлъ и только отъ дверей воротился... О Наташа!

Онъ всталъ, онъ приподнялъ ее изъ креселъ и крѣпко — крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

— Она здѣсь опять у моего сердца, вскричалъ онъ: — о благодарю тебя Боже, за все, за все, и за гнѣвъ Твой и за милость Твою!.. И за солнце Твое, которое просіяло теперь, послѣ грозы, на насъ! За всю эту минуту благодарю! О! Пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вмѣстѣ и пусть, пусть теперь торжествуютъ эти гордые и надменные, унижившіе и оскорбившіе насъ! пусть они бросятъ въ насъ камни! Не бойся, Наташа... Мы пойдемъ рука въ руку, и я скажу имъ: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрѣшная дочь моя, которую вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю, и которую благословляю во вѣки вѣковъ!..

— Ваня, Ваня!.. слабымъ голосомъ проговорила Наташа, протягивая мнѣ изъ объятій отца свою руку. — О! никогда я не забуду, что въ эту минуту она вспомнила обо мнѣ и позвала меня!

— Гдѣ же Нелли? спросилъ старикъ, озираясь.

— Ахъ, гдѣ же она? вскрикнула старушка: — голубчикъ мой! вѣдь мы такъ ее и оставили!

Но ея не было въ комнатѣ; она незамѣтно проскользнула въ спальню. Всѣ пошли туда. Нелли стояла въ углу, за дверью, и пугливо пряталась отъ насъ.

— Нелли, что съ тобой, дитя мое! воскликнулъ старикъ, желая обнять ее. Но она какъ-то долго на него посмотрѣла...

У Мамаша, гдѣ мамаша? проговорила она, какъ въ бѣшенствѣ: — гдѣ, гдѣ моя мамаша? вскрикнула она еще разъ, протягивая свои дрожащія руки къ нимъ, и вдругъ страшный, ужасный крикъ вырвался изъ ея груди; судороги пробѣжали по лицу ея, и она въ страшномъ припадкѣ упала на полъ.

— **Сидоръ, доведи меня!** — крикнула она, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

(Конецъ четвертой части. Окончаніе романа въ слѣдующей книгѣ)

— Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

— Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

— Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

— Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

— Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги. — Сидоръ, доведи меня! — крикнула она еще разъ, вставая на ноги.

ОППОЗИЦІЯ ЗАСТОЯ

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПРАКОВЪСІЯ

Ты видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.

Пушкинъ.

I

Бываютъ въ литературѣ вещи, которыя совершенно ускользаютъ отъ вниманія современниковъ, но которыя, для послѣдующихъ поколѣній, представляютъ собою факты въ высшей степени замѣчательные, озаряютъ цѣлыя направленія. Такихъ вещей не надобно искать промежду крупныхъ литературныхъ явленій, ибо въ такомъ случаѣ онѣ были бы замѣчены современниками; такія вещи пишутся обыкновенно безъ всякихъ притязаній на какое либо значеніе, пишутся такъ, вполне отъ души, вполне наивно. Въ нихъ мысль извѣстныхъ направленій является по домашнему, нараспашку, какъ можетъ быть и не хотѣли бы показать ее головы извѣстныхъ направленій, или по крайней мѣрѣ, какъ не хотѣли бы они показать ее сначала. Въ такихъ проговоркахъ направленій, — проговоркахъ по большей части неожиданныхъ и раннихъ, сказывается вѣчно роковое... Рада бы курочка не идти, да за хохолокъ тащутъ.

Къ числу такихъ наивныхъ и въ историческомъ смыслѣ драгоценныхъ вещей принадлежитъ письмо благороднѣйшаго изъ смертныхъ М. Н. Загоскина къ издателю первоначальнаго «Маяка» — 1840 года, Петру Александровичу Корсакову, — письмо, которое издатель, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, помѣстилъ, скрѣпя сердце.

Въ своемъ родѣ, это наивное письмо Загоскина такъ же смѣло, какъ знаменитое письмо Чаадаева. Не надобно забывать только неизгладимую разницу между авторами писемъ въ отношеніи къ умственному ихъ развитію, равно какъ и того, что одинъ, Чаадаевъ,

разсѣкъ хорошо ли, худо ли гордіевъ узелъ жи, а другой... другой только открылъ заткнутое до тѣхъ поръ отверстіе, изъ котораго полилась всякая нечистота.

Вотъ это письмо. Я привожу его цѣликомъ, какъ очень немногимъ извѣстное и всѣми забытое, а между тѣмъ знаменательное по отношенію къ вопросу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

• Любезный другъ, Петръ Александровичъ! Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ и поблагодарить тебя за истинное удовольствіе, которое приноситъ мнѣ чтеніе твоего изданія, и вотъ наконецъ собрался, тогда какъ бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потому что я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; но сердце мое не терпитъ нѣмоты — я прочелъ надъ душою скакать, проглотилъ послѣднюю (IV) часть «Мадка» — ретивое закипѣло, стклянку съ микстурой за окно, перо въ руку и пишу. »

Прежде всего надобно замѣтить, что М. Н. Загоскинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполне искреннихъ и чистыхъ людей, у которыхъ «сердце не терпитъ нѣмоты». Стоитъ только прочесть очеркъ его личности, художнически набросанный С. Т. Аксаковымъ въ биографіи Загоскина и въ разсѣхъ мѣстахъ «Воспоминаній», чтобы въ этомъ убѣдилась вся читатель, невзирая на Загоскина, какъ писателя и какъ человека. Что Загоскинъ былъ точно боленъ и точно оживленъ чтеніемъ «Мадка» до того, что стклянки съ лекарствами полетѣли въ окно, и что онъ тотчасъ же схватилъ перо, чтобы передать свои впечатлѣнія, въ этомъ грѣхъ и сомнѣваться. Что же, спрашивается, подвигло и оживило такъ эту добрую, честную, искреннюю натуру, которая до старости воспалялась легко какъ сѣрная свичка? Что?... А вотъ послушайте:

• Боже мой! сколько въ этой части прекрасныхъ вещей? что за логическая, свѣтлая и умная голова у твоего товарища Бурачка! сколько новыхъ, ясныхъ идей, сколько святыхъ истин! — Наконецъ, благодаря Бога, явилось у насъ изданіе книги, въ которой говорятъ прямо, что безъ религіи не можетъ быть и хорошей литературы...

• Когда я прочелъ между прочимъ въ разборѣ Героя нашего времени слѣдующія слова: «Какъ не малъ хорошее дарованіе посвящать таковыя гадкамъ великодушьямъ, изъ одной только увѣренности, что она будетъ имѣть успѣхъ; дѣло давно извѣстное, чѣмъ всего скорѣе угодишь людямъ, когда художникъ призванъ именно врачевать эту слабость людей, — то я такъ бы и бросился къ Бурачку на шею — да на бѣду шел-то его въ Петербургъ, а мои руки въ Москвѣ — такъ

прошу тебя, любезный другъ, исполнить это за меня par procuration. Однакожъ, я не во всемъ согласенъ съ твоимъ со товарищемъ, и въ духъ случаякъ вовсе его не понимаю — вотъ въ кавихъ именно.

• Не понимаю, какъ могъ Бурачекъ, человекъ религіозный, логическій, человекъ, который такъ хорошо опредѣлилъ достоинство *Герола нашего времени* — какъ могъ назвать Марлинскаго *колоссомъ*. О Господи! да простится ему этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! Что такое былъ Марлинскій? Разскащикъ съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель иенстовой французской школы — этотъ бонмотистъ, шеголюющій самыми нелѣпыми сравненіями и остроумиями, этотъ умникъ, который живя на Кавказѣ, описывалъ нравы московскаго общества по Бальзаку и вѣроятно лучше зналъ бытъ дербентскихъ татаръ, чѣмъ русскихъ мужичковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полинальными французскими блестками Марлинскій, который говоритъ, что *улыбка разговора* перешла на другой предметъ и думаетъ, что сказала очень умно; *этотъ безусловный обожатель запада и всльх его мараостей*, — этотъ Марлинскій, который находитъ, что между *дикимъ чеченцемъ и русскимъ дворяниномъ* меньше разстоянія, чѣмъ между *этими послѣднимъ и какимъ нибудь французскимъ маркизомъ или англійскимъ лордомъ*, какъ будто бы всь маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, а всь русскіе дворяне *рышительно невежды*, — Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя нелѣпости рассыпаны тысячами; Марлинскій, который коверкалъ, увѣчилъ, ломалъ, терзалъ безъ всякой пощады русскій языкъ; Марлинскій, который нарядка говорила языкомъ *человѣчества* и никогда не острѣвала души читателя ни одной высокой религіозной мыслью; наконецъ Марлинскій, въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что не смотря на всь эти дряни, онъ читается съ удовольствіемъ — этотъ Марлинскій — колоссъ! Что же послѣ этого тотъ, кого Бурачекъ называетъ пигмеемъ? чтожъ онъ такое? инфузорій?

Я еще не останавливаюсь пока на частномъ предметѣ вражды и озлобленія покойнаго Загоскина на Марлинскаго, хотя одной этой вражды къ нему, — вражды честной и искренней со стороны такого честнаго и искренняго представителя застоя какъ Загоскинъ, — достаточно для того, чтобы заставить всякаго серьезнаго мыслителя перевернуть взглядъ Бѣлинскаго на дѣятельность А. А. Бестужева, — взглядъ, относящійся къ тому переходному моменту приврѣнія съ дѣйствительностью, на которомъ въ общахъ своихъ закатахъ не остановился долго нашъ великій критикъ, и который во итогомъ сходится со взглядомъ Загоскина. Дѣло пока не въ Марлинскомъ. Загоскинъ ненавидитъ въ Марлинскомъ начало тревожное, начало движенія и порыва впередъ, ненавидитъ наивно, и ненавидитъ до того ослабленія, что обвиняетъ А. А. Бестужева,

который былъ русскимъ человѣкомъ по крайней мѣрѣ не менѣе его, М. Н. Загоскина, «*въ безусловномъ обожаніи запада и вслѣдъ ея мерзостей*». Вотъ что важно какъ фактъ, и въ особенности важно то, что Загоскинъ упрекаетъ критика «Малка» въ *неповѣдательности*, — упрекаетъ съ точки зрѣнія застоя совершенно справедливо, до того справедливо, что Корсаковъ въ примѣчаніи принужденъ оправдывать Бурачка и головою выдать Загоскину Марлинскаго.

Человѣкъ простой и искренній, какъ Загоскинъ, наивѣйшимъ образомъ влечетъ теоретиковъ въ роковой путь :

• Другой случай — продолжаетъ Загоскинъ — касается одного меня. Бурачекъ говоритъ, что *вслѣдъ русскихъ романистовъ нельзя обвинять въ религіозности*. Въ этомъ общемъ числѣ, вѣроятно нахожусь и я многогрѣшный. Я могу быть писателемъ бездарнымъ, невѣждою — всѣмъ, что ему угодно; но чтобъ въ романахъ и повѣстяхъ моихъ не проявились идеи религіозныя, нѣтъ! воля его, въ этомъ я никакъ не могу согласиться. Я не сомнѣваюсь, убѣжденъ, вѣрую, что мой первый романъ обязанъ своимъ успѣхомъ именно религіозному чувству, которымъ онъ согрѣтъ. Если Бурачекъ, прочтя первый томъ «Аскольдовой могилы» не замѣтилъ въ этомъ романѣ рѣшительно религіознаго направленія, то или ему не угодно было вовсе обратить на это своего вниманія, или наши понятія о религіозности не имѣютъ ничего общаго.

Не самолюбіе оскорбленнаго автора — нѣтъ! это можно оказать положила руку на сердце — внушила Загоскину эти строки, а оскорбленное убѣжденіе человѣка, честно и горячо служившаго убѣжденію. И вотъ онъ во имя этого горячаго убѣжденія, тиветъ тѣхъ, которыхъ признаетъ своими собратіями, какъ говорится «на расправу». Отступать нельзя. Корсаковъ въ примѣчаніяхъ извиняется передъ романистомъ и прямо говоритъ : «Guilty! вотъ и все оправданіе! Я и товарищъ совершенно согласны во всемъ этомъ...» Это даже трогательно, кромѣ всякихъ шутокъ.

Но, точно ли отступать передъ религіозностью М. Н. Загоскина и его романовъ было нельзя? Вотъ это другой вопросъ. Послѣдствія доказали, что *можно*, но только послѣдствія доказали это, а еще доказываютъ и можетъ быть долго еще будутъ доказывать, что между обскурантизмомъ и религіею свѣта, между застоємъ и ученіемъ любви — нѣтъ ничего общаго... Для всѣхъ этихъ послѣдствій нужны были и простая книга отца Пареснія, поразившая своей простотою мудрыхъ и разумныхъ и жадно прочтенная толпою, и глубокое мышленіе И. Кирѣевского и блестящіе, оригинально-смѣлые и широкіе взгляды Хомякова, и полное вѣры, любви и жизни слово архимандрита Феодора и, позволю себѣ сказать,

Чисто земныя литературныя явленія, — явленія натурализма, на который всего болѣе нападали слѣпые поборники застоя. Посмотрите, какъ поблѣднѣлъ юродивый Митя «Юрія Милославскаго» передъ одной главой въ «Дѣтствѣ» Толстаго, гдѣ съ такой правдой и любовью изображено лицо юродиваго, такъ что вы въ этомъ простомъ художническомъ изображеніи не заподозрите не то что тѣни фальши, но даже какой либо сентиментально-субъективной примѣси. Сравните смерть идеальнаго добродѣтельнаго человѣка въ романѣ «Рославлево», съ смертями севастопольцевъ у Толстаго же, или сцену дѣйствительно теплую, но фальшивую по примѣси субъективнаго и сентиментальнаго, — сцену смерти боярина Кручины-Шалонскаго въ «Юріѣ»... ну хоть съ сценою смерти простаго благочестиваго мѣщанина, въ очеркахъ г. Зарубина, печатающихся въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ названіемъ: «Жизнь», — очеркахъ замѣчательныхъ въ высшей степени, какъ свидѣтельство громаднѣхъ шаговъ натурализма въ наше время... Сравните все это между собою, — сравните наконецъ противно-сентиментальное добродушіе загоскинскихъ лицъ съ типами Островскаго, въ родѣ «Агаѳона» и для васъ будетъ ясно, что передъ «религіозностью» загоскинскихъ романовъ отступить было можно безъ оправданій и извиненій, во имя правды и жизни.

Но теорія — слѣпая и узкая, какъ всякая теорія — отступить не могла и повлеклась къ крайностямъ роковымъ процессомъ.

• Я полагаю — продолжаетъ нещадно-последовательно наивный талантливый человѣкъ застоя — что религіозность въ романѣ состоитъ въ томъ, *чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать читателю, что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли; что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, что мудрованье западныхъ философовъ есть только мѣдь звѣлящая и кимвалъ звѣщай, и что наконецъ одна только вѣра въ Христа даетъ человѣку возможность быть истинно добродѣтельнымъ: все это — видятъ Богъ — можетъ быть очень душно, но я стараюсь выполнять во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ...*

Что за удивительная смѣсь — невольнаго перерву я выписку — высшихъ, несомнѣнныхъ истинъ, съ узкими, чисто-личными враждами противъ философіи, съ чисто-личными стремленіями заставлять искусство *напоминать*, указкой указывать. Невольно повторить слова, сказанныя отцомъ архимандритомъ Осодоромъ въ его борьбѣ съ г. Асочевскимъ. Всѣ обскуранты кажется думаютъ, что для Бога разумъ человѣческій такъ же мало дорогъ какъ для нихъ!

Правда — говорить даже Загоскинъ — съ ифотораго времени я поощабытъ, потомучто усталъ воевать одинъ противъ нашихъ сквѣтляковъ, европейцевъ, либераловъ, монашескихъ Россій, апологистовъ неистовыхъ страстей и поэтовъ сладострастья, т. е. защитниковъ земной жизни и ея наслажденій. Но когда сталъ выходить вашъ «Маякъ», и я познакомился съ Бурачкомъ, то сердце мое снова ободрилось; я сказалъ: слава Богу! теперь я не одинъ — насъ двое! теперь есть у меня сослуживецъ на этомъ ратномъ полѣ — да еще какой? чудо-богатырь! не тутъ-то было. Бурачекъ не хочетъ меня призвать и товарищемъ. Жаль! нашъ полкъ не великъ, а ихъ — набави Господи!!.

Удивительно видѣнъ въ этомъ мѣстѣ Загоскинъ, — видѣнъ и дѣтѣхъ кѣрратно, которые не знали его, не читали даже его сочиненій, а читали аксаковскія «Воспоминанія» — добродушный, чинный, ведалекій — кидаящийся на шею и... таковъ фанатизмъ террии, чуть что не инквизиторъ въ своихъ умственныхъ враждахъ. Да иначе и нельзя. Терриа требуетъ жертвъ какъ древніе идолы. «Домашняя Бесѣда» обнаружилла же въ прошломъ году интимную переписку Загоскина, переписку, изъ которой видно, что мрачное изуверство и ему самому грозило огненными сковородами за сомнѣніе въ огненныхъ сковородахъ... Благодущный старій ребенокъ играетъ съ огнемъ, а все-таки остается старымъ ребенкомъ. Такъ съ нимъ и обращаются мудрые друзья его: «Guilty! Guilty! повторяетъ въ выноскѣ П. А. Корсаковъ». Безъ вины виноваты! Заставьте за себя вѣчно Бога молить». А тѣмъ не менѣе онъ какъ роковая сила влечетъ и долженъ влечь своихъ мудрыхъ друзей, къ тѣмъ крайнимъ предѣламъ, гдѣ всѣ рассужденія становятся уже только амплификаціею немногословной, но глубокой содержаніемъ думы Павла Аванасьевича Фамусова:

По моему, чтобъ зло прастѣть,
Такъ взять бы книги дѣй да смець!

Вотъ онъ обращается къ самому г. Бурачку, съ слѣдующею рѣшимельною рѣчью:

• Теперь я обращусь прямо къ вамъ, неутомимый мой судья; я думаю Корсаковъ исполнилъ уже мое препорученіе, мы съ вами обвинались, слѣдовательно можемъ говорить откровенно какъ старинные приятели. Г. Бурачекъ (имя и отчества вашего не имѣю честь знать)! я прочелъ съ восторгомъ вашъ разборъ духовныхъ сочиненій, съ наслажденіемъ почти всѣ статьи о словесности; но когда дочитался до повѣсти Марлинскаго и взглянулъ потомъ въ статью о философіи, то меня такъ холодомъ и обдало! ахъ, батюшки! подумалъ я, ужь не хочешь ли

ошъ слушати думи кеседани? избаци Геслоди? Что это, почтенный Бурачекъ, вы такъ уважаете философію, разумѣется, я говорю о философіи, которая ведетъ или лучше сказать, старается вести насъ къ позванію истины и къ необходимости нашего перерожденія, другой я не признаю. Эта философія для плохого христіанина наука сбивчивая, шаткая и рѣшительно неудовлетворительная, потому что душа его чувствуетъ, что онъ ищетъ истину не тамъ гдѣ долженъ искать ее и что божественная истина недоступна для земного нашего разума, и постигается одною только вѣрою. Для истиннаго христіанина философія (не прогнѣвайтесь!) одно пустословіе, потому что важнейшіе ея вопросы для него давно уже рѣшены. Не истинный тотъ христіанинъ, который ставитъ искать доказательства безсмертія души въ Платоновомъ Федоктѣ, не истинный тотъ христіанинъ, который ставитъ благоговѣть передъ наукою, въ которой дѣлаются слѣдующіе вопросы (извините): Не самобытенъ ли видимый міръ? Конечно ли онъ, или у него не было начала и не будетъ конца? Не правда ли, что эти вопросы и рѣшенія ихъ должны показаться христіанину не только пустословіемъ, но даже и богохульствомъ? Осмыслитъ ли онъ повѣрять своимъ ничтожнымъ земнымъ умомъ истины вѣрченныя самимъ Богомъ? да и что прибави ему изучаться философіи, чтобъ узнать, что онъ долженъ вѣрить тому, чему давно уже, безъ всякихъ доказательствъ вѣрить. Воля ваша, какъ бы миѣ ни стали уже донашивать, что я, т. е. М. Н. Загосинъ — точно М. Н. Загосинъ, а все-таки бы я сказалъ, что это пустословіе. Къ чему же ведетъ эта наука того кто вѣруетъ? ровно ни къ чему; и неужели вы скажете, что вѣруетъ только тотъ, кто учился философіи? Г. Бурачекъ! вы называете почти всѣхъ насъ язычниками, что къ несчастію довольно справедливо, смотрите не сдѣлайтесь сами язычникомъ, не вдумайте сами вмѣсто Бога поклоняться философіи, т. е. вашему земному разуму. Древніе ему и поклонялись, это очень естественно, философія была откровеніемъ элливо-иудрецовъ, а мы по милости Божіей христіане, т. е. знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окена, *ни всѣхъ этихъ эллино-христіанскихъ болтуновъ*, о мудрости которыхъ можете не съ большой похвалою отзываться апостолъ Павелъ. Теперь, пощадьте, Бурачекъ, помать у васъ на прощанья руку, только сдѣлайте милость не будьте деспотомъ, не гнѣвайтесь на меня за то, что я думаю не по вашему, а по моему....

Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ является въ этихъ тирадахъ одѣтымъ пожалуй нѣсколько по модѣ уже, онъ и о Кантѣ и объ Фихте слышалъ, до него объ Окэнѣ какъ-то долетѣли слухи, а все же онъ Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ, милый, достолюбезный врагъ всякаго духа изслѣдованія

Обычай мой такой —

Подписано и съ рукъ долой!

Госите ли почти, «грѣшнымъ дѣломъ» балующійся однако, если не съ

Лизою, то сценами сентиментально добродетельной любви, добрый-шій Павелъ Аванасьевичъ, который

всякому, ты знаешь радъ,

со всякимъ обнимается и т. д. Но кромѣ забавныхъ «амусовскихъ» чертъ, въ тирадахъ, есть черты мрачныя, по крайней мѣрѣ наводящія на мрачныя размышленія.

Теорія вообще влечетъ къ извѣстнаго рода терроризму своихъ адентовъ. Загоскинъ былъ наивный Камилла Дюмуленъ обскурантизма, отшельникъ строгаго и суроваго Робеспьера этого дѣла. Но на этого Камилла Дюмулена былъ своего рода Марать, тотъ господинъ, съ которымъ интимную корреспонденцію его обнаружила «Домашняя Бесѣда» этотъ истинный гебертизмъ мракобѣсія. Въ обскурантизмѣ были и свои constituents и свои жирондисты...

На смѣлыя наивности Камилла Дюмулена, г. Бурачекъ отвѣчалъ какъ наставникъ, нѣкоторою защитою философіи, въ выноскѣ подъ письмомъ, но въ сущности, наивное письмо бросило «Маякъ» въ роковой процессъ. Конечнымъ словомъ этого процесса, — была вражда со всякимъ духомъ изслѣдованія. Чего не доказалъ «Маякъ» то въ наши дни по торжищамъ и стогнамъ глосить «Домашняя Бесѣда», послѣдовательнѣйшее развитіе мрачной теоріи, которой зерно лежало однако въ «Маякѣ» съ самаго начала этого изданія, которой плевеы заглушали все доброе и передовое, что было въ «Москвитянинѣ» до 1850 года и примѣшивались по временамъ даже къ преобразованному «Москвитянину» пятидесятихъ годовъ, съ которой невольное соприкосновеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ парализировало силы благороднаго славянофильскаго направленія, то заставляя другихъ ложно смотрѣть на него, то вторгаясь иногда страннымъ образомъ въ самое это направленіе. Теорія мрака и застоя, съ которой борьба стала вполне возможна только въ наши дни, на ея же полѣ — теорія, которой пасть суждено только въ такой борьбѣ подъ ударами могущественной діалектики автора книги: «Православіе и современность» и догматической учености «Православнаго обзрѣнія»...

Теорія разумѣется начала свое дѣло не съ тѣхъ крайнихъ положеній, которыя такъ добросердечно высказалъ наивный Загоскинъ въ своемъ письмѣ, появившемся въ VI части перваго (1840) года «Маяка современнаго просвѣщенія и образованности». Крайнія положенія конечно заключались уже и притомъ заключались сознательно въ идеяхъ издателей журнала, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, но еще не высказывались съ такою ясностью и простотою.

Что такое былъ «Маякъ»? Для многихъ изъ читателей, этотъ

журналъ — какой-то далекий шепотъ, и для всѣхъ, это можно сказать утвердительно, онъ представляется чѣмъ-то въ родѣ «Домашней Бесѣды» въ большихъ размѣрахъ. Между тѣмъ такое понятіе не совсемъ вѣрно. Между «Маякомъ» и «Домашней Бесѣдой» такая же бездна, какъ — опять прибѣгаю къ сравненію — между теоріями Максимилиана Робеспьера и гебертизмомъ. «Маякъ» въ наше время вѣроятно также бы отвернулся отъ цинизма убогой газетки, какъ нѣкогда аррасскій депутатъ и его партія отъ листковъ *Père Duchesne*'а, который былъ почти всегда *en colère*.

— «Маякъ» для насъ уже теперь — исторія. Мы можемъ подойти къ нему какъ ко всякому явленію безъ страха и вражды. «Маякъ» былъ на болѣе на менѣ какъ прямой наслѣдникъ направленія Шипова съ одной стороны и продолжатель направленія Лабзинскаго «Сіонскаго Вѣстника» съ другой. Стало быть, онъ слагался изъ двухъ элементовъ, которые можно назвать: одинъ — мистифицизмомъ, — другой — петербургскимъ націонализмомъ.

Мистифицизмъ можно оставить въ сторонѣ; во-первыхъ потому, что онъ дѣло до сихъ поръ загадочное, породившее и Вейсгаута съ его иллюминатствомъ и Новикова съ его просвѣтительною дѣятельностью и вмѣстѣ съ тѣмъ множество совершенно противоположныхъ явленій; во вторыхъ потому, что собственно къ предмету моихъ разсужденій, къ вопросу объ отношеніяхъ нашего сознанія къ народности, эта струя не относится. Во всякомъ случаѣ, въ мистическихъ началахъ «Маяка» есть своего рода блестящая сторона. Логичностью изложенія и извѣстнаго рода силою мышленія г. Бурачка могъ поразиться не одинъ М. Н. Загоскинъ. *Suum cuique*, пора это сказать во всеуслышаніе. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о философскихъ принципахъ, г. Бурачекъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы «Маяка», является мыслителемъ логическимъ, діалектикомъ выработавшимъ свой оригинальный методъ, съ которымъ можно спорить, но котораго нельзя было бы не уважать, если бы онъ самъ по больше уважалъ свои принципы и не прилагалъ ихъ ко всякой дѣйствительности, за недостаткомъ лучшей, если бы онъ своихъ личныхъ, старческихъ вкусовъ и антипатій не вносилъ въ борьбу за принципы.

Противъ взгляда чисто отрицательнаго должна была непременно явиться реакція, долженъ былъ выступить взглядъ положительный...

Но взглядъ отрицательный былъ силенъ и тѣмъ, что отрицалъ дѣйствительную фальшь, и тѣмъ, что имѣлъ точки опоры въ литературѣ. Вся литература, которая стояла имени литературы, которая была живая, онъ принималъ за точку отправления: все мертвое, вы-

думанное; сочиненное — оны отвергали. Все точка отправленія не расходилась съ общимиъ сочувствіемъ. Въ этомъ, да въ отечественной фальшивости выдуманнаго, сочиненнаго заключалась главнѣйшій образъ его сила. Со всѣмъ живымъ онъ шло въ руку, разъясненіе его, проповѣдуя, распространяя. Борьба за Пушкина, за Лермонтова, за Гоголя, была для него вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба за свѣтъ. Онъ вѣрилъ въ живыя силы жизни.

Но въ этихъ живыхъ силахъ отрицательный взглядъ видѣлъ не все, что онѣ въ себѣ заключали, что онѣ вносили съ собою въ міръ, и потому разъяснялъ ихъ односторонно, по своему. Онъ былъ также тебрія, и не могъ быть инымъ.

Несогласно съ его выводами, а таковыхъ было и въ ту эпоху не мало, раздѣлились на два толка. Одни отвергли самую тонкую оверу отрицательнаго взгляда, отвергли живую литературу и чѣмъ дальше шли, тѣмъ должны были отвергать безпоощаднѣе. Чтобы держаться за что нибудь дѣйствительное, они въ слабѣмъ усердіи защищали рядъ «выдуманныхъ» сочиненій, сами «выдумывали, сочиняли» новую литературу и сочиненныя ими или ихъ послѣдователями пошлости въ какомъ-то странномъ ослабленіи выдавали за истинную литературу, отстаивали жарко нелѣпости, и разумѣется остались совершенно одни. Это направленіе наследовало потерянное дѣло Щадинова и замкнулось въ «Маякъ».

Другіе напротивъ жарко вѣрили въ живую литературу, по крайней мѣрѣ въ Пушкина и въ Гоголя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли долго перейти за вѣтной черты и хотѣли помирить сочувствіе къ живому, съ сочувствіемъ къ отжившему во имя святости преданія. Въ мысли о значеніи преданія, они были совершенно правы, но высокую мысль они приковывали къ такому выдуманному вздору, какъ почти вся наша литература XVIII и начала XIX вѣка и къ такимъ безобразнымъ остаткамъ этого выдуманнаго вздора, какъ творенія г. М. Дмитріева или пѣснопѣнія г-жи Авдотьи Глинки. Правые въ борьбѣ за народность и преданіе съ отрицательнымъ взглядомъ, они были въ высшей степени неправы въ борьбѣ за фальшь, которой обличеніе считали чуть ли не за crimen lesae majestatis. Это направленіе породило «Москвитянина» первой эпохи, такъ много мѣшавшій «Москвитяину» пятидесятихъ годовъ, мѣшавшій и самому редактору въ его безспорно передовыхъ идеяхъ и молодой редакціи въ ея юношескихъ, но честныхъ и пламенныхъ стремленіяхъ.

Ни то ни другое направленіе не было славноопицествомъ, хотя съ тѣмъ и съ другимъ славноопицество имѣло пошлѣйшее много общаго, до того, что въ глазахъ отрицателей славноопицество съ тѣмъ, то съ другимъ направленіемъ, до самой минуты своего отпаденія. Слад-

ство было только видное. Славянофильство никогда не мирилось съ существующимъ, какъ направленіе «Маяка», не прилагало своихъ строгихъ принциповъ къ первой попавшейся дѣйствительности; самыя принципы захватывало несравненно шире и притомъ выводило ихъ изъ мистическаго тумана въ философско-историческія области какъ Кирѣевскій и Хомяковъ; честно во имя этихъ принциповъ отвергло всякую фальшь, порожденную реформою и отвергло даже значеніе самой реформы. Идеалъ свой оно отодвинуло въ прошлое. Съ другой стороны оно не могло слиться и съ направленіемъ, выказывавшимся въ «Москвитяинѣ». За направленіемъ «Москвитяина», в первой и второй его формы, можно зачислить одну задачу. Она никогда не было теоретическимъ, будучи часто хаотическимъ. Оно вѣрно въ живую жизнь, и несло по ея волнамъ, верфакъ съ явью и тиною. Оно вѣдало всегда народъ какъ народъ, не зная дѣленія его на до петровскій и послѣ петровскій, на ственной и городской и т. д. Славянофильство выдѣлялось изъ этихъ двухъ направленій, какъ совершенно особое явленіе, какъ сила болѣе отрицательная, чѣмъ положительная и потому, оно не войдетъ въ настоящее разсужденіе, имѣющее дѣло съ оппозиціею положительнаго взгляда.

Оппозицію эту я называлъ оппозиціею застою и попытку историческаго анализа ея, чертами изъ исторіи мракобѣсія. Она была дѣйствительно такою въ «Маякѣ», потому что онъ и опирался на одну дѣйствительность застою и самъ сочинялъ новую, по такому же образцу, ослѣпленно враждуя со всеми живыми силами жизни до того, что подъ конецъ все живое провозгласилъ погиблымъ и погибнуть самъ, передалъ свое завѣщаніе гебертизму «Домашней Бесѣды». Она являлась такою и въ «Москвитяинѣ», потому что долго стремилась служить двумъ идеямъ, и вѣруя въ живое, все пробовала цельзя ли нанъ нибудь сберечь и драгоценную тину. Оппозиція положительнаго взгляда только тогда перестала быть оппозиціей застою, когда она оперлась на новыя силы жизни, сказавшіяся въ новой литературѣ, въ литературѣ натурализма. Тогда она стала оппозиціей законной, оппозиціей жизни теоріямъ, какъ западнымъ, такъ равно и славянофильскимъ.

II

«Много добраго — такъ говорили издатели «Маяка» въ заключеніе VI книги перваго года своего изданія (1840) — хотѣлось намъ сдѣлать для добрыхъ русскихъ, издаваемъ «Маяка». Цель его — ихъ полнѣе

и наслаждение. *Содержаніе* его — обнимаетъ все, что только можетъ интересовать человека. *Исполненіе* «Маяка» — не погашайте провѣрить теперь вмѣстѣ съ нами: что такъ — примите, что не такъ — помогите исправить. Мы уже столько сдѣлали, что можно довольно безошибочно обсудить и цѣль и исполненіе; и не такъ еще далеко мы зашли, чтобъ не было возможности поправить и передѣлать...

Такъ говорилось въ той самой книжкѣ, въ которой печаталась статья Загоскина, — въ той самой книжкѣ, съ которой теорія повлеклась по роковому процессу къ своимъ крайностямъ. Въ заключительной статьѣ этой VI книжки, въ сжатыхъ и точныхъ чертахъ повторялась нѣкоторымъ образомъ программа изданія, — программа, съ принципомъ которой можно было пожалуй спорить, но которая представляла собою, какъ основанная на извѣстной доктринѣ — изложеніе убѣжденій, могущихъ имѣть свое законное мѣсто въ человѣческомъ мышленіи.

• Мы начнемъ, — продолжаютъ издатели, — свой отчетъ подробнымъ изложеніемъ *содержанія* «Маяка», которое направляясь къ разнымъ исключительнымъ цѣлямъ, черезъ нихъ же постоянно стремится въ тоже время къ одной преобладающей цѣли. Мы не побоимся войти, гдѣ это нужно будетъ, въ нѣкоторыя подробности и доказательства; вы не бойтесь и прочтите ихъ со вниманіемъ, для того, чтобъ имѣть потомъ полное право судить и судить справедливо.

• 1) На заглавномъ листѣ вы читаете: «Маякъ — собраніе *трудовъ ученыхъ и литераторовъ русскихъ и иностранныхъ*». Цѣль не мудрая, такихъ сборниковъ у насъ много. Всѣ журналы, хоть не такіе, но подобныя же сборники. Какъ бы то ни было, все-таки эта цѣль достигнута; можетъ быть и не совсѣмъ дурно, по крайней мѣрѣ мы слышали будто въ «Маякѣ» есть вещи хорошія.

• 2) Но собирать статьи можно просто, какъ случится, разставляя ихъ только по условленнымъ сортамъ, не заботясь много о томъ, къ чему они ведутъ; были бы только сегодня интересны; или можно это собраніе подчинить особой системѣ, ведущей къ своего рода высшей цѣли. Это вторая главная цѣль, не только еще не достигнутая, но даже не воишь еще выясненная читателямъ «Маяка» — есть *просвѣщеніе и образованность*.

Итакъ, главная цѣль «Маяка» была повидимому въ высшей степени похвальная: просвѣщеніе и образованность... Но отъ чего же эту столь общую цѣль издатели какъ будто защищаютъ, защищаютъ свое изданіе отъ какихъ-то, — какъ слышится въ тонѣ, нападеній? Все дѣло въ томъ, что слова «просвѣщеніе и образованность» — понимаютъ они иначе, нежели понимали другія современныя имъ направленія, выражавшіяся въ другихъ, современныхъ имъ журна-

лахъ, — и особенность своего пониманія этихъ словъ, они высказали въ общихъ чертахъ въ самой программѣ. Въ заключительной статьѣ VI книги — особенность эта выражена прямо и ясно.

Вотъ что говорятъ издатели:

• Странно покажется, а дѣйствительно такъ: XIX вѣкъ столько превозносится своимъ просвѣщеніемъ и образованностью, а между тѣмъ во второй четверти XIX же вѣка, три четверти человѣковъ едва ли умѣютъ различать два слова:

• *Просвѣщеніе* и — *скука*.

• *Образованность* и — *мораль*: таже скука. Для нихъ это синонимы: вещи, о которыхъ бы они и слышать не хотѣли...

А! вотъ оно что. Маякъ стало быть предполагалъ и въ обществѣ и въ литературѣ — выражающей и потому самому руководящей обществу — полнѣйшую разрозненность сознанія съ истиннымъ просвѣщеніемъ и съ моралью. Стало быть и особенность его понятія о просвѣщеніи и образованности — есть особенность отрицательная. Значеніе его въ оппозиціи — ложному просвѣщенію и безразличности, господствующимъ въ обществѣ и литературѣ, — во имя истиннаго просвѣщенія и нравственности.

• Хорошо — такъ продолжается разъясненіе — если то, что я принимаю за просвѣщеніе, точно просвѣщаетъ а не мрачитъ. Хорошо, ежели то, что я называю образованностью — дѣйствительно, изъ животнаго какимы я родился, преобразуетъ меня въ человѣка — въ существо богоподобное, высокое, способное счастливить и быть счастливымъ.

• Но если все это на оборотъ? Тогда сколько усилий потерянныхъ, трудовъ напрасныхъ, а можетъ быть и — погибельныхъ! Вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи и образованности становится вопросомъ высочайшей важности; и нѣтъ человѣка, кто могъ бы сказать: «это до меня не касается». А когда такъ, то и мы коснемся этого предмета поглубже.

• Какъ безъ солнечнаго свѣта все томится, сидитъ во тьмѣ, спотыкается, падаетъ, леденѣетъ, мретъ, такъ, и въ миллионъ разъ болѣе такъ, душа — безъ просвѣщенія.

• Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинныя и вздорныя, существенныя и поверхностныя, полезныя и вредныя. Мы относимъ просвѣщеніе къ разуму, образованность къ сердцу. Для разума необходимъ свѣтъ истины, для сердца — теплота любви.

Все это — философскіе принципы, въ которыхъ много истины, въ которыхъ все пожалуй — истина, кромѣ одной повидимому совершенно второстепенной, невыдающейся на первый планъ мысли, мысли о «потерянныхъ, напрасныхъ и можетъ быть — погибельныхъ»

трудохъ. Все остальное не новость, все остальное встрѣчаемъ нынѣ въ мыслителяхъ какъ Хомаковъ, Кирѣевскій, отецъ Феодоръ (я напоминаю только о ближайшихъ къ намъ) — и видимъ, что оно не ведетъ ни къ отрицанію свободы общественной, ни къ отрицанію красоты въ искусствѣ, ни къ отрицанію испытующаго духа въ философіи, а напротивъ придаетъ только всѣмъ этимъ возвышеннымъ стремленіямъ силу, прочность, центръ. Но эти высокія основы — можетъ быть по сущности своей представляютъ собою такую высокую и острую крутизну, на которой въ желаніи равновѣсія могла удерживаться только глубочайше христіанскіе мудрецы первыхъ семи вѣковъ и весьма немногіе изъ современныхъ, наслѣдовавшіе отъ нихъ не букву, которая мертвитъ, а духъ, который животворитъ. Немногіе дошли до той высоты воззрѣнія, потребной для простой и великой въ простотѣ своей мысли о Феодора, что для Христа человѣческій разумъ вовсе не такъ ничтоженъ какъ для нѣсколькихъ поборниковъ застоя и насильственнаго единства, для нѣсколькихъ духовныхъ централизаторовъ, которымъ всякіе пути, уклоняющіеся отъ буквы, представляются *«усиліями потерянными, трудами напрасными, а можетъ быть и погибельными»*. Централизаторы, приверженцы буквы, — странная иронія! — становятся свой собственный разумъ, т. е. свое личное, скованное пониманіе буквы мѣриломъ путей великой и таинственно-неуслаженной силы и, — не зная ни ея послѣдующихъ проявленій, ни ея конечныхъ цѣлей, — произносятъ съ высоты присвоеннаго себѣ авторитета приговоръ всякимъ путямъ, кромѣ тѣхъ, которые условлены ихъ буквою... Вредъ происходящій отъ такого произвольнаго, хотя вмѣстѣ и рабски-буквальнаго указанія путей, ужасенъ и въ области мышленія и въ области искусства и въ области жизни. Много ли, повторяю, найдется Хомаковыхъ, Кирѣевскихъ, отцовъ Феодоровъ? Мы были свидѣтелями страшнаго, трагическаго событія, которое было прямымъ результатомъ воздѣйствія страшной централизаторской теоріи на глубокую и впечатлительную, но неясную и тревожную натуру высокаго художника, Гоголя. Его сомнѣніе въ духовномъ значеніи его дѣятельности, его смерть... не страшный ли это урокъ — но не міру, который лишился въ немъ великаго органа любви и свѣта, а централизаторамъ, еслибъ они въ гордости своей были доступны какимъ либо урокамъ? Въ высшей степени замѣчательно въ его несчастной «перенискѣ» то письмо къ какому-то изувѣру-ираколюбцу, въ которомъ поэтъ отстаиваетъ значеніе арены, на которой послышно служить ому правдѣ, красотѣ и любви — значенію театра. Есть избранныя, необыкновенно ясныя души, которыхъ мракъ вовсе не касается, которымъ не можетъ представиться

и самый вопрос о ложности и погибельности стремлений человека къ правдѣ, красотѣ и любви, если эти стремленія суть дѣйствительно стремленія. Такова была напримѣръ, ясная и свѣтлая душа Жуковского, котораго самыя мистическія размышленія, ни разу не доводя до сомнѣнія въ значеніи высшихъ стремленій человѣческихъ, который въ письмѣ своемъ къ Гоголю боится и колеблется произнести судъ даже надъ дѣятельностью германскаго поэта, радикально-противоположномъ его собственному жизненному и поэтическому воззрѣнію. Но Гоголь, именно потому что былъ несравненно глубже Жуковского по натурѣ, несравненно способнѣе къ энтузіазму и фанатизму, рѣшительно испугался «погибельныхъ» путей — испугался до того, что ни собственный его глубокой умъ, ни внушенія автора «Трехъ писемъ къ Гоголю» не могли его успокоить. Въ письмѣ напримѣръ къ мраколюбцу, онъ видимо мучительно борется съ страшнымъ для него взглядомъ, подозрѣвая въ тоже самое время самого себя въ борьбѣ съ истиною. Тогда какъ дѣло рѣшалось очень просто. Мраколюбецъ вопіялъ на театрѣ по буквѣ, а не по духу великихъ мудрецовъ и учителей, во времена которыхъ, театръ уже утратилъ всякое серьезное значеніе и которыхъ вражда была враждою серьезныхъ, и глубоко смотрящихъ на жизнь мыслителей противъ дѣла, потерявшаго всякое живое значеніе и получившаго значеніе праздною и даже развратной потѣхи властолюбія, сладострастія и порока. Однимъ словомъ, это была борьба духа съ плотью, съ мертвою, отжившею и извращенною буквою, тогда какъ у нашихъ мраколюбцевъ, стало это — борьбою мертвой буквы противъ живой жизни.

«Маякъ» хотѣлъ противодѣйствовать *ложному* просвѣщенію и безнравственности — но то, во имя чего онъ противодѣйствовалъ, это собственныя просвѣщеніе и нравственность, были чисто его, чисто субъективныя, прикованныя къ мертвой буквѣ понятія. Съ такого рода понятіями, онъ, чѣмъ далѣе шолъ, тѣмъ больше и больше расходился съ живою жизнью. Начавши довольно умѣренно, съ принциповъ, которые сами по себѣ совершенно истинны, онъ еще до загоскинскаго письма — въ приложеніяхъ принциповъ къ дѣлу, облачился уже въ своей полной несостоятельности. Свое собственное старческое несочувствіе къ явленіямъ жизни, онъ счелъ за проведеніе высокихъ идей...

Вотъ съ чѣмъ между прочимъ выступалъ онъ еще въ 1840 году, еще до письма Загоскина :

Въ книгѣ IV, обвинивши (стр. 185) литературу нашу вообще въ томъ, что ей недостаетъ философіи, религіозности, народности, — уничтоживши значеніе Жуковского, хотя по какой-то непослѣдо-

вательности вкупленное впрочемъ съ избыткомъ въ 1845 году, обвиненіями въ деизмъ; сохранявши еще уваженіе къ старымъ писателямъ и къ Карамзину, критикъ доходитъ наконецъ до Пушкина:

• Что мнѣ будетъ, говорить онъ («Маякъ» 1840 г. ч. IV. стр. 188) если я не обвиняю скажу, что тотъ, кто призванъ былъ возродить русскую поэзію, именно тотъ *уронилъ ее, во крайней мѣрѣ десятилѣтія на четыре* — это Пушкинъ. Съ огромнымъ призваніемъ быть оракуломъ челоѣчества, онъ *удовольствовался славой ювелира*, оставилъ намъ нѣсколько томовъ чудныхъ поэтическихъ шрушекъ и почти ничего безсмертнаго. Пожалуйста не сердитесь! выслушайте, а дѣло говорю.

• Первый стихъ его, могучій, умный, звучный — возбудилъ общій восторгъ и удивленіе. Литературные старики на рукахъ его носили, молодежь гурьбой бѣжала за нимъ, осыпая знаками удивленія и восхищенія. *Писать стихи ему ничею не стоило*: это была живая фабрика чудныхъ стиховъ. *Слава готова — къ чему ученье и трудъ?* И Пушкинъ не воспользовался всѣми предоставленными ему средствами ученія и просвѣщенія, онъ самъ наемнулъ объ этомъ въ своемъ портретѣ. Духъ, вылившійся по духу его времени, когда господствовали библейскія общества и либерализмъ, *два противные, неразлучные элемента (!!!)* увлекся въ молодости легкомысліемъ, свободой, разгуломъ пріятелей, молодежи, встрѣтилъ на пути преграды, плотины — вспѣнился, думалъ было волной перекатиться черезъ нихъ и разгнѣлся олицетворенной эпиграммой. *Просто его захватили до полусмерти.*

• *Не ищите у Пушкина философіи. Онъ не зналъ ее.* Природный умъ или лучше остроуміе, способное направляться во всѣ стороны, никогда не замѣнитъ философіи. *Пушкинъ не всегда вѣрный слуга истинѣ*; поэтическихъ софизмовъ, парадоксовъ у него много. Все это скрыто подъ блескомъ и красотой стиха. Не ищите у Пушкина религіозности: его умъли отвратить отъ нея. А безъ этихъ двухъ жизненныхъ элементовъ, не можетъ быть жизни и въ произведеніяхъ. Только въ послѣднихъ его произведеніяхъ, мелькаетъ что-то похожее на религіозность, и поэтому то нельзя довольно оплакать, что Пушкинъ, *самъ не успѣлъ поправить того, что самъ же испортилъ въ молодости.*

• Что касается до народности, Пушкинъ былъ бы поэтъ по превосходству русскій, если бы по недостатку искусственнаго просвѣщенія разума, особливо образованія сердца и воли, развитія и оживленія чувства. *т. е. по недостатку матеріаловъ, умственной капитала для творчества*, не смотря на значительный даръ творчества отъ природы, былъ бы, говорю, Пушкинъ великій поэтъ народный, если бы по всему этому *не увлекся за Жуковскимъ* въ подражаніе иноземному, особливо Байрону, сходному съ нимъ по превратностямъ жизни, борьбѣ съ обществомъ, но который далеко превосходилъ Пушкина ученостью и знаніемъ тайнъ челоѣческаго духа и сердца, *чего Пушкинъ, какъ не философъ, никогда не изучалъ.* Пушкинъ былъ пейзажистъ, Байронъ —

историческій живописецъ. Что Пушкинъ видѣлъ, то мастерски схватывалъ и остро и красиво писалъ; но онъ схватывалъ только вышнее въ человѣкѣ и обществѣ. Человѣческія фигуры на его пейзажахъ — вещь второстепенная. Не знаю, понятно ли я говорю: но больше разъяснять некого.

Пушкинъ какъ и Байронъ былъ *сулъ, колючъ, блестящъ, могучъ: животворной теплоты любви — ни въ томъ ни въ другомъ*. Оба они больше разрушали, чѣмъ создали, больше отрицали, чѣмъ полагали. Удивительно ли, что все преклонилось предъ ними, все увлеклось за ними? — подражатели разомъ поймали механизмъ пушкинскаго стиха, манеру, скорбь и вопли его генія, не туда направленнаго: но эти вопли приняли за разочарованіе, тоску, безнадежность самаго Пушкина, — за необходимую принадлежность всякаго великаго поэта. Кому не хотѣлось быть великимъ безъ великихъ дарованій и трудовъ? — и вотъ въ современной нашей поэзіи много стиховъ прекрасныхъ, *есть даже лучшіе чѣмъ у самаго Пушкина, но нѣтъ въ нихъ философіи, ни религіозности, ни народности, нѣтъ свѣта, тепла, жизни, нѣтъ поэзіи*; а только безжизненный, красивый стихотворный трупъ. Надо ждать новаго Пушкина. Между циничными пѣвцами, почти ни одного нѣтъ; онъ еще зрѣетъ. Пушкинъ! кто бы ты ни былъ, сознающій уже въ себѣ его крылья, его могучесть — остановись! не читай своихъ стиховъ пріятелямъ, не показывай ихъ журналистамъ. Не пиши теперь много, не списывайся прежде времени; ты пока еще теперь маленькій резервуаръ и скоро опорожнишься! роднякомъ, кто только призванъ быть имъ, дѣлается въ половинѣ жизни. Сохрани же дѣвственность и свѣжесть поэтическихъ силъ твоихъ! изучай словомъ и дѣломъ философію, религію, народность. Подчини свою волю строгой ферулѣ повиновенія. Спасай свое сердце отъ всего порочнаго. Разумъ свой просвѣщай истиной, чувство внушеніемъ красоту природы, откровенья и искусства; но съ послѣднимъ будь остороженъ, не увлекайся ложными образцами: изучай, сравнивай всѣхъ, но никому не подражай и т. д.

Я не останавливаю читателей на поразительномъ сходствѣ упрековъ, дѣлаемыхъ «Маякомъ» Пушкину, — сходствѣ простирающемся до тождества самыхъ выраженій, съ упреками дѣлаемыми поэту въ наше время прогрессистами-теоретиками и обскурантами-теоретиками... Дѣло въ томъ, что какъ «Маякъ» 1840 года, такъ и теоретики нашихъ дней — равно теоретики, равно приступаютъ къ жизни съ готовыми мѣрками — и поневолѣ становятся къ ней и къ отраженію ея литературѣ — въ отношеніе чисто-отрицательное.

Я нарочно беру теоріи «Маяка» въ первую его эпоху, — въ ту эпоху, когда они еще не глядятъ съ одной стороны на одинадцатую версту, какъ «Маякъ» 1844 и 1845 годовъ и не отвращаютъ еще отъ себя гебертизмомъ «Домашней Бесѣды». Отъ приводимыхъ мною мѣстъ, далеко еще до удивительныхъ статей о Пушкинѣ

г. Мартынова, до обвиненія всѣхъ писателей нашихъ въ деизмъ и шатензмъ, до сближенія литературы съ періодомъ энциклопедистовъ. Но всѣ эти послѣдующія «прелести», принадлежація къ области одинадцатой версты или «Домашней Бесѣды», заключаются уже какъ бы въ зернѣ въ первоначальныхъ критическихъ статьяхъ «Маяка».

Что они не заключаются какъ въ зернѣ, въ тѣхъ принципахъ, которыхъ «Маякъ» хвалился быть представителемъ, на это лучшимъ доказательствомъ будетъ развернуть любую изъ статей Хомакова, Кирѣевского или отца Феодора...

Мракъ былъ послѣдствіемъ чисто-субъективной теоріи издателей и примѣси ея къ принципамъ. Примѣсь эта тѣмъ была вреднѣе, чѣмъ серьезнѣе были принципы, ибо тѣмъ болѣе вводила въ искушеніе. Самое славянофильство, изъ уваженія къ принципамъ не раздѣлилось явно, рѣзко съ «Маякомъ», не только сначала, но даже и въ послѣдствіи. Позволяя себѣ иногда отмѣтить фальшивый тонъ въ сочиненіяхъ г. Муравьева, оно какъ будто несмѣло вступило въ открытую борьбу съ теоріями г. Бурачка, ибо, по странному ослабленію, считало такъ же какъ «Маякъ» и его адепты своимъ родоначальникомъ Шишкова...

«Маякъ» былъ чистымъ органомъ шишковизма или петербургскаго славянофильства. Отличительнымъ свойствомъ этого направленія было отрицательное отношеніе ко всему современному, — стремленіе насильственно удержать старое, — однимъ словомъ не консерватизмъ, а застой. Застой этотъ — старчески бессильный, призываетъ къ себѣ на помощь принципы весьма важныя и существенныя, но и самыя принципы, профанируемыя съ самаго начала приложеніемъ на защиту застойной тины, постепенно профанировались все болѣе и болѣе и дошли наконецъ до гебертизма «Домашней Бесѣды».

Да и не могло быть иначе. Вотъ какъ съ самаго же начала глядѣлъ «Маякъ» на современность и ея органъ — литературу.

«Ежели — говорить въ той же статьѣ критикъ, — образцы поэзіи, съ одной стороны невѣрно направленные, а съ другой превратно, поверхностно понятыя и исключенныя, *прямо вели къ упадку нашу поэзію*, то теоріи, ученія, сужденіе о поэзіи, окончившіяся *отрицаніемъ всѣхъ правилъ и законовъ*, окончательно довершили упадокъ всей литературы и довели ее до нынѣшняго разжиженнаго состоянія» («Маякъ» 1840 г. Т. IV. стр. 190).

«Маякъ» предполагалъ литературу въ упадкѣ — и только что на первый разъ приличія ради, не жаловался съ адмираломъ Шишко-

вѣтъ на-то, что молокососы осмѣливаются судить о Херасковѣ — и серьёзные, существенные принципы заставляя служить такимъ вздорнымъ преданіямъ какъ Бургіева реторика, забвеніе которой считалъ отрицаніемъ «*всякихъ правилъ и законовъ*» — и какъ вся наша высокаторжественная литература XVIII вѣка, въ уклоненіи отъ которой онъ видѣлъ *ныльшнее разжиженное состояніе* литературы. Великіе и серьёзные принципы брались литературными Фамусовыми только на прокатъ, только на защиту дорогой имъ эпохи «выдуманныхъ» сочиненій. Маякъ съ самаго же начала вопіетъ на то что «цѣлью, всѣхъ изящныхъ произведеній поставили единственно *удовлетвореніе эстетическому вкусу*; не подчиняя ихъ ни какимъ другимъ условіямъ...» Подъ другими условіями разумѣлись конечно — извѣстныя, китайски опредѣленныя нравственные понятія. А какъ только какая бы то ни было теорія, не только теорія застоя, но положительно какая бы то ни было, хотя бы теорія самаго крайняго прогресса — начнетъ приступать къ жизни и ея органу — искусству, съ какими либо *своими* требованіями, а не съ тѣми которыя въ нихъ заключаются, т. е. не съ эстетически-жизненными — такъ она тотчасъ же станетъ къ знаменательнѣйшимъ явленіямъ искусства и жизни въ то отрицательное отношеніе, въ которомъ Пуритане напримѣръ находились къ Шекспиру, а наши теоретики разныхъ сортовъ къ Пушкину, — всѣ отъ г. Бурачка до г. Дудышкина, отъ г. —бова до г. Аскоченскаго и г. Гымалѣ.

Теорія же застоя разумѣется не остановится да и не можетъ остановиться ни передъ какими безобразіями. Отъ признанія эстетическихъ требованій, «Маякъ» ведетъ всѣ бѣдствія, постигшія несчастную російскую словестность.

• Отсюда — говоритъ критикъ (*ibidem*) — «всѣ пороки рѣзни, оргія, преступничество, каторжники, цыгане, разбойники, пираты, контрабандисты, жида, шулеры, всѣ жерзости человѣчества поступили въ число матеріаловъ для изящныхъ произведеній. Всѣ наши литераторы поголовно *не изучали философіи научнымъ образомъ* (*), всесторонно, а приняли изъ слова этотъ и другіе германскіе эстетическіе законы изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, какъ символъ литературной вѣры и *проявляли эти теории словомъ и деломъ, ученіемъ и образцами.*

(*) Далась же эта несчастная философія (разумѣется по Баумейстеру, какъ реторика по Бургію) — и далась не только литературнымъ фамусовымъ, а людямъ повыше. Попрекнулъ же недавно Бѣлинскаго незнаніемъ философіи, тоже явно незнаніемъ по Баумейстеру или по Бавмейстеру) — человекъ во многомъ передовой, г. Погодинъ. Эти — упреки ибѣто въ родѣ застарѣлой болтовни.

Какими образцами проявлялъ «Маякъ» свои теории — открывается уже изъ этой же самой статьи. Образцами являются Булгаринъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, Гречъ въ своей «Черной женщинѣ», Степановъ въ «Постояломъ дворѣ» и въ особенности г. Башуцкій — послѣдній въ особенности, ибо первые признаются образцами далеко несовершенными.

И такъ — вотъ какими шаткими опорами долженъ былъ «Маякъ» подкрѣплять свои теории въ дѣйствительности. Дѣйствительность же вся, кромѣ «Маяка», эти опоры отвергала.

Къ тому въ чемъ дѣйствительность являла руководящее выраженіе своихъ силъ, къ настоящей невыдуманной литературѣ — «Маякъ» сразу же сталъ въ отрицательное, укорительное и обличительное отношеніе. Въ особенности замѣчательно ясно высказался весь взглядъ «Маяка» — въ той же самой IV части, въ разборѣ *Героя нашего времени* Лермонтова — разборѣ, замѣчательномъ и основными мыслями и даже самыми формами, которыя глядятъ уже на одинадцатую версту и приближаются къ достолюбезнымъ формамъ «Домашней Бесѣды.» Разборъ этотъ — позволяю себѣ привести съ большою подробностью.

Онъ начинается разговоромъ въ гостиной. Въ гостиной потому, что и слово бы было по старому, но простодушной манерѣ «Вѣстника Европы» — подбивать публику разговоромъ между просвирней, дьячкомъ и корректоромъ типографіи. «Маякъ» покоряется условіямъ времени.

• Вы читали, сударыня «Героя», какъ вамъ кажется? — Ахъ, безподобная вещь! по-русски ничего еще не было подобнаго... такъ это все живо, мило, ново... слогъ такой легкой, интересъ, такъ и заманиваетъ.

• А вамъ, сударыня?

• Я не видала какъ прочла; и такъ жаль было что скоро кончилось — зачѣмъ только двѣ, а не двѣнадцать частей.

• А вамъ, сударыня?

• Читается... ну прелесть! изъ рукъ не хочется выпустить. Вотъ если бы всѣ такъ писали по-русски, мы не стали бы читать ни одного романа французскаго.

• Ну, а вы Ив. Ив. что скажете?

• А мнѣ кажется, что появленіе «Героя нашего времени» и такой пріемъ ему *всего разительнѣе доказываетъ упадокъ нашей литературы и вкуса читателей.*

• *Вся (въ толсъ).* Ахъ! да какъ это можно? ахъ, кто такъ варварски судить! ахъ! это просто зависть!.. ахъ! вотъ какъ убиваютъ таланты... ахъ! помилуйте Иванъ Ивановичъ!

• Я. Mesdames. messieurs — чѣмъ такъ спорить, да шумѣть, не луч-

ше ли теперь же расчитать всю книгу, пересмотрѣть всё ея пружины, подставки, винтики, части, обсудить и тогда...

• *Она*. Пересмотрѣть, обсудить. . . *настоящій мушкетер*; кто разсуждаетъ, когда надо просто наслаждаться? • Герой • истинное наслажденіе, душечка, какъ милъ! ужасъ, какъ милъ!

• *Я*. Какъ вамъ угодно, mesdames, я хоть для себя это сдѣлаю, пока вы наслаждаетесь. . . (Маякъ, ч. IV, стр. 210).

Вооружаться на дурной тонъ этого приступа — нечего. У Николаина Надоумки въ «Вѣстникѣ Европы», тонъ еще хуже — но у него, промежду грубыхъ семинарскихъ выходокъ временами есть дѣло. Приступъ «Маяка» я привожу вовсе не для глумленія надъ его претензіями на свѣтскость. Изъ этого приступа видно — что «Маякъ» понималъ, съ какимъ важнымъ для общества литературнымъ явленіемъ онъ имѣетъ дѣло — хотѣлъ сказать имъ, какъ отозвалось въ обществѣ созданіе Лермонтова, какъ оно возбудило интересъ даже въ томъ, въ комъ ничто интереса не возбуждаетъ, кого Гоголь впоследствии не церемонясь называлъ «пустыми свѣтскими башками».

• Я въ самой вещи развитилъ «Героя», продолжаетъ послѣ шрифта приступа критикъ, «и вотъ что нашолъ: вѣншее построеніе романа хорошо, слогъ хорошъ; содержаніе *романтическое по превосходству*, т. е. *ложное въ основаніи*; гармоніи между причинами, явленіями, слѣдствіями и цѣлью, ни малѣйшей, т. е. *внутреннее построеніе романа нигде не падаетъ*, идея ложная, направленіе кривое.»

Вотъ что называется истинная обдѣлка à la Собакевичъ — но слушайте далѣе:

• Оболочка свѣтскаго человѣка схвачена довольно хорошо, черты духа и сердца человѣческаго, обезображены до нечѣпости. Весь романъ — эпитафия, составленная изъ безпрерывныхъ софизмовъ, *такъ что философіи, религіозности, русской народности и слѣдовъ нѣтъ*. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобъ угодить вкусу героевъ нашего времени, но въ тоже время, для человѣка здравомыслящаго, *т. е. для профана въ современномъ героизмѣ*, слишкомъ неотраднo; отъ души жалѣешь, за чѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло употребилъ прекрасныя свои дарованія, единственно изъ-за грошовой подачки, похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной и сердечной. Жаль, что онъ умеръ и на могилѣ поставилъ себѣ памятникъ «легкаго чтенія», похожій на гробъ повешенный: снаружи красивъ, блеститъ мишурой, а внутри гниль и смрадъ.

• Кто же вскрываетъ гробы?

• Правда, не слѣдовало бы, но для ложнаго литературнаго слѣдствія это необходимо.

• Вотъ содержаніе гроба: Герой нашего времени — *за отличіе со-*

сланъ на Кавказъ, въ одну изъ заполюнныхъ крѣпостей. Онъ является коменданту крѣпости, штабсъ-капитану Максиму Максимычу. Максимъ Максимычъ, герой прошлыхъ временъ, простой, добросердечный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людямъ на жизнь и смерть: вынече многіе Максимы Максимычи переродились въ герои нашего времени. Кой гдѣ въ отставкѣ по хуторамъ, а на Кавказѣ, по крѣпостямъ, успѣли ихъ отрывки. Здѣсь Максимъ Максимычъ весь цѣликомъ, живой и былъ бы единственнымъ отдалнымъ лицомъ во всей книгѣ, еслибъ живописецъ для большаго успѣха своего «героя» не вздумалъ отнять добряка штабсъ-капитана отливомъ *d'un bon homme, s'effaçant* чудачка. Таковы уже законы легкаго чтенія — въ самомъ добромъ кадѣ находить только смирное, оно будетъ сухо и скудно. За то, какъ милъ и какъ великъ герой, стоя рядомъ съ Максимомъ Максимычемъ, который принялъ его въ свою пустыню какъ друга, ласкалъ какъ брата, ухаживалъ за нимъ какъ отецъ, а тотъ? ... тому все это было смѣшно, несомно... Только что не надѣлалъ онъ Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... жаль, авторъ не воспользовался этимъ для полноты трескучихъ эффектовъ.

• Герой, настоящій герой! въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ, всѣ иззябнутъ и устанутъ, а ему ничего. А въ другой разъ, въ комнату, вперть пахнетъ, утвреть, что простудился; ставнемъ стукнемъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднеть, а на кабина ходилъ одинъ на одинъ.

За тѣмъ критикъ въ насмѣшливомъ тонѣ рассказываетъ исторію похищенія Бѣлы, охлажденія къ ней Печорина и ея смерти. Запечатательно, что на слова Печорина: Глупецъ я или злодѣй, не знаю, — критикъ отвѣчаетъ такъ, совершенно уже во вкусъ и въ тонѣ г. Аскоченскаго :

• А я, такъ знаю, слѣдовало бы отвѣчать Максиму Максимычу, ты и то и другое, и глушь какъ дерево, при всей остротѣ твоей, и волъ какъ голодный волкъ! и если ты не хотѣлъ отдать за нее мимолетной прихоти, то жизни и подавно не отдашь. Но авторъ не велѣлъ ему такъ отвѣчать, а герой знай себѣ мелеть героическій вздоръ на тотъ же ладъ, нѣсколько страницъ и кончилъ — скукою.

Въ такомъ же тонѣ продолжаетъ критикъ передавать и дальнѣйшее содержаніе романа. «Отдѣлавши» первый рассказъ, онъ замѣчаетъ :

• *Ничто*: воровство, грабежъ, пьянство, (?) похищеніе и обольщеніе дѣвушки, два убійства, прерзаніе ко всему святому, одеревенѣлость, парадоксы, софизмы, звѣрство духовное и тѣлесное. Все это элементы перваго акта похищенія героя! Въ самомъ дѣлѣ, ужасъ какъ должно читаться, такъ легко, утѣшительно! и все такъ мило, совершенно во вкусъ образованнаго общества, особливо нѣжнаго пола, и такъ натурально! живая натура!

«Этимъ я не хочу сказать будто грѣшныя, грязныя и порочныя вещицы человѣческія надо вовсе исключить изъ числа матеріаловъ и колеровъ изящной словесности и ублюкивать читателя одними добродѣтельными, свѣтлыми, высокими, чистыми, которыя такъ же рѣдки въ падшемъ человѣчествѣ, нѣтъ, я хочу только, чтобъ всѣ колера картины человѣческаго сердца были съ подлиннымъ вѣрны, съ темной и съ свѣтлой стороны, чтобъ читателей не водили въ кабинетъ идеальныхъ чудовищъ, нарочно подобранныхъ, чтобы картина грязной стороны къ чему-нибудь служила, а не вредила и (курсивомъ въ подлинникъ) *чтобы авторъ не клеветалъ на цѣлое поколѣніе людей, выдавая чудовище, а не человека, представителемъ этого поколѣнія.*»

Здѣсь не мѣсто защищать Лермонтова отъ неслѣпыхъ обвиненій въ апотеозѣ порока — обвиненій, которыя самъ поэтъ какъ будто предвидѣлъ въ своемъ многотомномъ предисловіи ко второму изданію романа. Пойдемте дальше за критикомъ.

Разсказавши по своему равнодушную встрѣчу Печорина съ Максимомъ Максимычемъ — онъ удивительнѣйшимъ образомъ передаетъ разсказъ «Тамань». Передача эта — какъ будто похищена изъ неувядаемыхъ лавровъ г. Аскоченскаго. Слушайте :

«Второе похождение героя случилось въ Тамани. Городишка мервѣй, никто не пускалъ героя на квартиру. Варвары, невѣжи! не пускать къ себѣ героя нашихъ временъ! Толи дѣло образованный и просвѣщенный классъ! Не только всѣ будуары ему настежь: жави и *еще* сколько хочешь, но и сами *спать* съ нимъ сладко и пресладко! Едва нашлась въ Тамани честная семья, на краю города, на берегу моря, глухая старуха, слѣпой сынъ и хорошенькая дочка; то были контрабандисты, герои, достойные героя нашихъ временъ. Въ первую же ночь герой подмѣтилъ, что старушка не глуха, слѣпой не слѣпъ, и дочка *лихая дѣвка*. Онъ какъ-то сталъ присматриваться на красоту, наекнулъ ей, что онъ замѣтилъ ихъ промѣселъ. Дѣвушка героиня и въ лицѣ не измѣнилась, прикинулась влюбленною, обняла, поцѣловала героя, назначила ночью свиданіе на берегу, герой ваткнулъ пистолеть за поясъ и пошелъ. Дѣвушка ждала его, посадила въ лодку, оттолкнулась, лодка поплыла, героиня обняла героя нѣжно-сладко, пистолеть бухъ въ воду. Герой смѣкнулъ дѣло. *Дѣвка на героя*, такъ и тащить его въ воду. Герой борется лодка накренилась. *Дѣвка — его, она — дѣвку*: кончилось тѣмъ, что, какъ слѣдуетъ, герой побѣдилъ героиню, сбросилъ ее въ воду, та скрылась въ волнахъ.»

Вы видите, что критикъ не брезгаетъ ни какимъ тономъ для проведенія своего взгляда въ толпу — какъ и вообще теорія мрака блистательно доказываетъ и въ наши дни отсутствіе брезгливости въ лицѣ своихъ адентовъ гг. Аскоченскаго, Култинскаго, Баркова (незвѣстнаго переводчика академіи, и одного изъ сочинителей бро-

шюръ о современныхъ идеяхъ, представляющаго такъ сказать *оцистительную* индйскую авитару пржняго). Непониманіе поэзіи разсказа «Тамань» тутъ явно намѣренное. Столь же явно намѣренное и непониманіе психологическихъ задачъ поэта. Съ софизмами Печорина — критикъ спорить, придастъ имъ нарочно значеніе *убѣжденій* времени и заключаетъ свои разсужденія такъ :

• Нельзя лучше придумать *зитаѣи* на могилы всѣхъ героевъ нашего времени! софизмъ на софизмѣ, ложь на лжи, нещѣпость на нещѣпости, какъ сами они. Между тѣмъ, здѣсь мотивъ всего романа, шино-во эта тема, развита въ немъ въ лицахъ и словахъ. Психологическіи несообразности на каждомъ шагѣ перенизаны мышленіемъ неистовой словесности. Короче, эта книга, идеаль геогностическій. Она должна имѣть огромный успѣхъ! Всѣ дѣйствующія лица, кромѣ Максима Максимыча съ его отливомъ *ridicule'a*, на подпорь удивительные герои, и при оптическомъ разнообразіи, всѣ отлиты въ одну форму, самаго автора Печорина, генераль-героя, и замаскированы, кто въ юбку, кто въ шинель, а присмотритесь, всѣ на одно лицо, и все *казарменные прапѣрщики не перебѣсившіеся. Добрый пучекъ розогъ, и все бы рукой смяло!* Ну да впрочемъ это все вымышленное самимъ Печоринымъ для вѣщаго эффекта: *въ натуру этакіи безчувственные, безсовѣстные люди невозможны.* Ванька Каинъ, и тотъ бывало, зарѣжетъ человѣка и мучится совѣстью, а у этихъ господъ и госпожъ совѣсти будто вовсе не бывало. Много есть эгоистовъ, негодаевъ, которые передъ людьми кажутся, будто для нихъ нѣтъ ничего святого, *но въ душѣ, въ своемъ журналѣ, они совсѣмъ другое чувствуютъ и пишутъ. А тутъ герои, точно доска, къ доскѣ прибита мыслительная машинка; машинка вертится по вѣтру, а внутри ничего не отдается, ни разумъ, ни чувство, ни совѣсть. Это психологически невозможно...*

Положимъ, что и такъ — т. е. допустимъ, что критику фактъ, дѣйствительно странный и уродливый кажется психологическою невозможностью — да вѣдь именно поэтому то онъ и долженъ былъ посерьѣзнѣе въ него вглядѣться. Но дѣло въ томъ, что критикъ намѣренно пріянялъ его за психологическую невозможность, намѣренно относится къ нему легко, намѣренно искажаетъ его гдѣ только можетъ.

Вѣдь критикъ «Маяка» явнымъ образомъ — человѣкъ умный и по своему провицательный, вѣдь онъ явнымъ образомъ нарочно, юродства ради, влается въ тонъ гг. Баркова старшаго и Баркова младшаго. Вѣдь его воззрѣнія повторяются современемъ и въ вопляхъ славянофильства, настоящаго московскаго славянофильства, противъ «гнилыхъ» людей, и въ негодованіи г. — бова на Обломовцевъ, и въ жизненномъ взглядѣ такихъ абсолютныхъ реалистовъ какъ Писемскій. Вѣдь въ некоторыя выраженія и мысли въ мѣстахъ

мною приведенныхъ — если забыть только неприличнѣйшій тонъ — имѣютъ много общаго съ выраженіями и мыслями ненавистниковъ «гнилыхъ» «тронутыхъ тлетворной цивилизаціей» людей, гонителей Обломовцевъ, реалистовъ, которымъ Печоринъ не можетъ ничѣмъ инымъ казаться какъ неперелѣзшимся юпошей, даже апа-латиковъ какъ Толстой, которымъ въ натурѣ такія личности должны казаться невозможными. Однимъ словомъ по взглядѣ этому есть своя доля правды и эта доля правды, выступала воослѣдствіи и въ живыхъ типахъ литературныхъ и въ энергическихъ доктринахъ...

Странное дѣло, что доктрины столь по видимому различныя, какъ доктрина «Маяка», доктрина славянофильства и доктрина гг. Чернышевскаго и —бова, мирятся у насъ на одномъ — на враждѣ или равнодушіи къ Пушкину, на отрицаніи значенія типа Лермонтовскаго. Еще можетъ быть странноѣе то, что отрицая истинность Лермонтовскаго типа, всѣ доктрины самому Лермонтову придаютъ значеніе болѣе важное, чѣмъ Пушкину.

Критикъ «Маяка» понималъ, разбирая Лермонтова, съ какою силою онъ имѣетъ дѣло. Эту силу и свое пониманіе принесъ онъ въ жертву теоріи, доктринѣ мрака. Пушкина онъ явно не понималъ, но Лермонтова понималъ несомнѣнно. Мѣсто въ приведенномъ мною отрывкѣ о Пушкинѣ, гдѣ онъ обращается къ «новому» Пушкину, едва ли прямо не относится къ Лермонтову. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова въ XII книжкѣ «Маяка», того же 1840 года. Статья эта написана въ формѣ письма къ поэту, и заслуживаетъ подробнаго разбора. Человѣкъ умный и понимающій, человѣкъ честный, видимо борется въ ней съ фанатикомъ мрачной доктрины и фанатикъ — увы! одерживаетъ побѣду надъ умнымъ и честнымъ по натурѣ человѣкомъ. Не смотря на поучительный и назидательный тонъ статьи, въ ней слышно сердце, которому идолослуженіе теоріи можетъ быть многого стоило. Это не наглость «Домашней Бесѣды», хотя послѣ такой побѣды доктрины, наглость «Домашней Бесѣды» является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ взгляда «Маяка».

Статья начинается съ выходки противъ я и его господства въ нашемъ вѣкѣ — выходки, которая была бы и разумна и правильна, если бы не была такъ голо-отрицательна, еслибы она оставляла этому я его законное существованіе, и еслибы положеніе, что преобладаніе я убило повсемѣстно поэзію, не убивалось само такимъ громаднымъ фактомъ жизни какъ Байронъ и такими многозначительными фактами ея же, этой не подающей опредѣле-

віямъ жизни, какъ Лермонтовъ и Гейне. Кончивши свою діатрибу противъ я, критикъ прямо переходитъ къ Лермонтову.

• Перель нами («Маякъ» 1840 г. кв. XII, стран. 122), стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Это замѣчательный стихотворецъ, очень и очень не послѣдній, можетъ быть первый изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ. *Стихъ славыи, стальмой, онъ и жетелъ, и упрузъ, и звучитъ и блещитъ отраженіемъ мысли...*

Неправда ли, что не смотря на старческій тонъ начальныхъ словъ, стихъ Лермонтова опредѣленъ превосходно, точно какъ бы Бѣлинскимъ, и замѣтите! тогда, когда г. Шевыревъ доказывалъ, что стихъ у Лермонтова еще не сложился, еще подражательный, разбиралъ недосмотры и придирался къ грамматическимъ ошибкамъ. Особенность, *сталь* Лермонтовскаго стиха поняли сразу только Бѣлинскій и — *credite pasteri!* — г. Бурачекъ. Послѣдній идетъ даже въ крайность:

• Но отличительное достоинство этого стиха, *которымъ онъ едва ли не превосходитъ все русскіе стихи:* въ немъ столько словъ, сколько нужно ихъ для полнаго и яснаго выраженія мысли. Стихотворецъ кажется и не думаетъ о рѣмѣ, не разжигаетъ для полнаго счета стоиць своего стиха вставными ненужными словами. Если совершенный стихъ долженъ въ чтеніи сохранять всю естественность и свободу прозы, а это дѣйствительно такъ, то стихъ Лермонтова очень близокъ къ совершенству.

Критикъ, по глубокой инстинктивной враждѣ всякаго теоретика *bien pé* къ Пушкину, умалчиваетъ о Пушкинскомъ стихѣ, къ которому естественность, свобода и отсутствіе ненужныхъ вставокъ относятся несравненно въ большей степени, чѣмъ къ Лермонтовскому, но вслѣдъ же за этимъ удивительно мѣтко и точно говоритъ объ особенностяхъ Лермонтовскаго стиха, сравнительно съ стихами другихъ поэтовъ.

• Другое достоинство этого стиха — чистота, *скудость на риторическіе орнаменты, даже иногда бѣдность ихъ.* Онъ совершенно противоположенъ стиху Бенедиктова, увѣшенному метафорическими серьгами, браслетами, фероньерками, гдѣ брильянтовыми, а здѣ, и большею частью *стразовыми*, оттого, что въ нихъ иногда, за неимѣніемъ мысли, могуцей играть и отражаться въ тропическихъ граняхъ стиха — *вода, простая стеклянная вода!* Стихъ Бенедиктова — дѣвочка: соормируется, довоснивается, образуется — будетъ хорошенькая: Стихъ Лермонтова — мальчикъ, рослый, плечистый, себѣ на умѣ. Рѣдко онъ рѣзвится, еще рѣже онъ играетъ тѣми миленькими пустичками, въ которыя многіе находятъ воззю поэзіи.

Да! такое трезвое и даже тонкое пониманіе, *когда бы Бѣлин-*

сному такъ въ пору, особенно, новоторяю опять, въ ту эпоху, когда г. Шевыревъ мѣлъ въ швейцарскомъ восторгѣ передъ Бенедиктовымъ и отыскивалъ грамматическія ошибки въ Лермонтовѣ. Даже камешекъ, бросаемый въ огородъ Пушкина, въ граціозность его поэзіи, брошенъ во имя такого взгляда, съ которымъ можно спорить насчетъ его суровыхъ требованій, но который можно уважать.

• А когда такъ, спрашивается вслѣдъ за тѣмъ критикъ, то чего жъ еще требовать? Россія можетъ гордиться отличнымъ поэтомъ?

• Впередъ утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ! *Одного захвалили на повалъ*, побережемъ хоть тѣхъ, которые цѣлы еще. Послушайте, ушныи поэтъ! Пока стихи ваши были въ вашей портфели, они были непркосновенны для критики. Вы ихъ пустили въ свѣтъ, неудобно ли вамъ стать поодаль и вмѣстѣ съ нами посмотрѣть на нихъ глазомъ посторонняго. Это право стоитъ труда.

• Стихъ мы видѣли; сохраните его навсегда такимъ: и на первой же выставкѣ покажемъ его всей Европѣ. Теперь посмотрите, что въ этомъ стихѣ содержится: его мысль, содержаніе, его душу.

Прежде всего критикъ обращаетъ вниманіе на пьесу: «журналистъ, читатель и писатель. «При первыхъ же строчкахъ этого стихотворенія, т. е. при словахъ журналиста, онъ, старчески-вѣрующій, что все зло нашей литературы происходитъ отъ захваленія журналистами и пріятелями (это цѣлая общая пѣсня съ покойнымъ Булгаринымъ), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

• Видите, всему злу причина эти журналисты. Вмѣсто того, чтобы отъ поэтовъ требовать изобрѣтенія прекрасной дѣйствительности, истины, неразлучной съ добромъ и красотой, они требуютъ отъ нихъ сонныхъ грезъ, *мечты* (курсивомъ въ оригиналѣ), да еще и называютъ эти призраки божественными. Должно быть у нихъ другой лексиконъ вещей и словъ. Но послушайся поэтъ? — журналисты не напечатаютъ стиховъ, не дадутъ колоссальной репутаціи; а не напечатаютъ — нечего будетъ собирать и издавать въ свѣтъ».

Насколько это несправедливо вообще и въ особенности у насъ, въ нашей литературѣ, въ которой то и дѣло, что помимо критики и журналовъ, возникаютъ литературныя репутаціи поэтовъ, какъ напрямѣръ Полонскій и Мей и зачастую такъ же холодно принимаются увѣчанные журнальными лаврами репутаціи, нечего касаться и спорить. У критика «Маяка» это просто его *idée fixe*, такая же, по отношенію къ Пушкину, какъ у Булгарина по отношенію къ Гоголю.

Закончивши первоначальную выписку строфою поэмы, начинающейся вопросомъ: о чемъ писать? — критикъ говоритъ:

• Вы сущую правду сказали, умный поэт; *вамъ не о чемъ писать, а все журналы виноваты!* Бѣгите ихъ! Не будь ежемѣсячной повинности, оброка, *поставки стиховъ къ сроку*, вы бы можете быть добровольно написали цѣлую поэму, а изъ-подъ неволи: пиши, давай стиховъ! да еще стиховъ по нашей теоріи, чтобъ были *могучіе, раздирающіе* (курсивъ въ оригиналѣ), безъ всякой цѣли, а пуще всего — непременно въ честь и славу я, которое терпѣть не можетъ «нравственныхъ сентенцій», «нравоученій» или, что одно я тоже по новѣйшему толкованію «китайскаго духа». Да ко всему этому, чтобъ были еще и новенькіе, съ новою оригинальною мыслью. *Ни что не ново подъ луною!* (курсивъ въ оригиналѣ). Данные все тѣже отъ созданія міра, гдѣ же набраться новенькаго? по неволѣ бросишься въ свое я, оно теперь гигантски шагаетъ, молодѣетъ, новѣетъ, свобода у него полная; софизмы, призраки, все, что идетъ на переборъ всему, признанному за истинное здравымъ смысломъ всего человѣчества, однимъ словомъ, полный просторъ: пиши что душѣ угодно, только бы не совпадало съ тѣмъ, о чемъ прежде писали, и будетъ оригинально.

Здѣсь опять выступаетъ намѣренное непониманіе; все капризное, большое настроеніе поэта принимается за чистую монету, и когда поэтъ кончаетъ свою жолчную и грустную тираду опять тѣмъ же вопросомъ: *о чемъ писать?* критикъ хватается за этотъ вопросъ и нѣтъ мѣры его торжеству надъ современностью.

• И такъ, поэтъ, — говорить онъ, — *вамъ не о чемъ писать?* Вы это говорите *не шуля, настойчиво, поосторелте не разъ*. И такъ вы дѣлали ваши поиски въ мрачной странѣ я, и за предѣлами этого мрака ничего болѣе не видите? Еслии это такъ, то я согласенъ, что вамъ не о чемъ писать: вы точно ничего не видите, потому именно, что видите упорно въ потемкахъ я; это ужасное я не вамъ чета людей слѣпило. Но кто же вамъ далъ право думать, что если вы не видите, то ужъ ничего и нѣтъ? За страну мрака есть страна свѣта, зачѣмъ вы туда нейдете? Тамъ, во свѣтѣ и при свѣтѣ вы увидите чудныя тайны мірозаванія, устроеннаго по чертежу добра, истины и красоты...

Нѣсколько страницъ ратуетъ критикъ такимъ образомъ противъ я, привязывается къ «Думѣ», чтобы побравить наше поколѣніе, намѣренно принимаетъ случайный поэтический моментъ «И скучно и грустно» за убѣжденіе поэта и его поколѣнія... Всѣ эти воззрѣнія выражены впрочемъ серьезно и съ полнымъ уваженіемъ къ таланту автора. «Вопіющаго» въ нихъ нѣтъ ничего, многое изъ этого сказано было впоследствии и реализмомъ и разными доктринами; борьба противъ я обнаружилась впоследствии при появленіи баѣднаго сколка съ героя нашего времени, «Тамарина», и нашла себѣ отголосокъ въ массѣ. Чуть было даже борьба эта не перешла за

предѣлы доктринъ. Во всякомъ случаѣ, то, что говорилъ «Маякъ», повторилось.

Но это вовсе не торжество идеи «Маяка», а торжество тѣхъ началъ, которыя онъ выставилъ на защиту своей идеи.

Идея же была чистый шишковизмъ, — шишковизмъ, который совершенно подавилъ даже и такой прямой и честный умъ, какъ умъ критика «Маяка». Странное дѣло! Можно ли узнать вѣрнаго и тонкаго цѣнителя лермонтовскаго стиха въ слѣдующей оцѣнкѣ, а оцѣнка эта очень знаменательна. Дѣло шлетъ объ одномъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній Лермонтова, о «Бородинѣ».

• Прекрасная вещь у васъ, поэтъ, «Бородино», говоритъ критикъ. Но «Бородино» такая колоссальная поэма, что простому усачу даже не понять колоссальности ея элементовъ. Объ этой вещи надо писать описывимъ перомъ *Ф. Н. Глинки*. Вы сдѣлали большую ошибку, что не взяли труда на себя, а поручили усачу. Это произведеніе было бы выше и «пѣсни про царя Ивана Васильевича», и «Мцыри» двухъ серьезныхъ поэмъ, гдѣ вы вполне показали себя и проч.

Что это такое? спрашиваете вы себя съ невольнымъ удивленіемъ. Глубокая и тонкая оцѣнка лермонтовскаго стиха, серьезность мысли и доктрины хотя односторонней въ борьбѣ съ я, и вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанность къ ходульности... Лермонтовъ и *Ф. Н. Глинка*, — правда поэзіи или поэзія правды и смѣшная восторженность, сталь и шумиха! Логическая рѣчь мужа превращается вдругъ въ старческую болтовню; человѣкъ способный понимать значеніе Лермонтова, требуетъ вдругъ отъ поэзіи того, надъ чѣмъ уже и *Дмитріевъ* насмѣялся, требуетъ, чтобы были

и Фебъ и райски кринны,

требуетъ того, чего

Нехитрому уму не выдумать и вѣкъ ..

Еще знаменательное мѣсто о «пѣсни про царя Ивана Васильевича». Критикъ, по видимому повявшій всю красоту и силу поэмы, вдругъ, выписавши удивительное мѣсто о казни Степана Калашникова, замѣчаетъ, что «такія страницы, сказалъ Сегюръ, не достойны даже исторіи, не только поэзіи»... какъ-будто бы кому нибудь нужно еще принимать къ свѣденію, что сказалъ Сегюръ, относить «полюбныя сцены кроваваго, бурнаго молодечества» къ неистовствамъ словесности, съ ироніей потомъ называетъ Наполеона «молодцомъ штъ молодцовъ», съ замѣчательною тупостью порицаетъ «Три пальмы» за то, что караванъ срубилъ и сжегъ единственныя три благодѣтельныя пальмы въ песчаной пустыни, закрывшія коло-

дещъ съ водой, а «Дары Терека» за то, что тутъ есть два утопленника. Изумительно!

Критикъ переходитъ наконецъ къ «Мцыри.» Выписавши стихи:

Однажды русскій генералъ,
Изъ горъ къ Тифлису подѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ завоего, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Онъ былъ казалось лѣтъ шести;
Какъ серна горъ пугливъ и дикъ,
И *слабъ* и гибокъ какъ тростникъ.
Но въ немъ мучительный *недухъ*
Развилъ тогда *могучій* духъ
Его отцовъ

онъ начинаетъ новую діатрибу уже не противъ я, а противъ звѣрства, какъ-будто апотеозу звѣрства хотѣлъ представить поэтъ въ своемъ «Мцыри»:

• Надоѣлъ этотъ *могучій* духъ! Воспѣванія о немъ поэтовъ и мудрованія о немъ философовъ, удивительно жалки и приторны. Что такое *могучій* духъ? Это — *дикія движенія* челоука, *не вышедшаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ Я свирьпствуетъ необузданно.*

Другими словами, *могучій* духъ — неукротимая страстность, и съ нею-то, не только съ неукротимую страстностью, но вообще съ страстностью борется доктрина «Маяка» — доктрина крайне односторонняя, проведение которой въ жизни удовлетворило бы развѣ только идеалу скопческихъ сектъ. А добрый и умный старикъ Крыловъ, который уменъ и не въ однихъ басняхъ, прекрасно сказалъ въ своемъ посланіи о пользѣ страстей, что

Они ведутъ науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хоропъ; но безъ страстей
Онъ кораблю бъ былъ равенъ безъ снастей.

• Могучій духъ въ медвѣдь, барсъ, василискъ, Ванькь Камнъ, Картушь, Робеспьеръ, Путичовъ, въ дикомъ тюрцѣ, въ Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарь, въ Наполеонъ — одинъ и тотъ же родъ: дикая, необузданная воля, естественная въ звѣрѣ, преступная въ челоуцкѣ, тѣмъ болѣе преступная, чѣмъ онъ посвященнѣе...

Вотъ оно, слово разгалки! Ванька Камнъ — явленіе совершенно однородное съ Наполеономъ и Александромъ Македонскимъ, ибо тотъ и другой, однородны съ барсомъ, медвѣдемъ, василискомъ!

Письмо благодушнаго М. Н. Загоскина, помѣщенное въ IV книжкѣ — наконецъ таки принесло свой плодъ въ XII-й I..

Съ этого момента, взгляды «Маяка» естественно перестаютъ уже подлежать серьезному спору, и серьезному обсужденію...

III

Мы рѣдко оставались наединѣ. — такъ повѣствуетъ герой одного изъ загоскинскихъ романовъ о началѣ недозволенной и законопреступной страсти къ женѣ пріятеля, а когда это случалось, то говорили о нашей дружбѣ, о счастіи двухъ душъ, которыя понимаютъ другъ друга, читали вмѣстѣ «Новую Элоизу» «Вертера» «Августа Лафонтена» «Закамской отгадавъ: мы трогались, плакали, раза три приписались перечитывать «Бѣдную Лизу» «Наталию боярскую дочь» и «Островъ Борнгольмъ» — но, что болѣе всего нравилось Налинѣ, что мы знали оба почти наизусть, такъ это не большой драматическій отрывокъ: «Софья», особенно замѣчательный по своему необычайному сладосту съ сочиненіями французскихъ романистовъ нашего времени. Читая его, мы такъ сказать, предавались наслажденію, которое доставляетъ намъ теперь молодая французская словесность. Этотъ литературный грѣхъ великаго писателя, едва начавшаго свое блестящее поприще, не помѣщая въ первомъ собраніи его сочиненій и, быть можетъ, многіе изъ новыхъ читателей не имѣютъ о немъ никакого понятія...» (Искуситель сочин. М. Загоскина. Москва 1854 г. (третье изданіе) ч. III. стран. 54).

Позволю себѣ и я напомнить современнымъ моимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ большинству изъ нихъ, что этотъ грѣхъ принадлежитъ Карамзину. Въ смирдинскомъ изданіи полного собранія сочиненій русскихъ авторовъ, они найдутъ его въ сочиненіяхъ Карамзина, т. III, стран. 283. Въ литературномъ смыслѣ, — это дѣйствительно грѣхъ — и грѣхъ, который въ наше время не можетъ быть прочитанъ безъ смѣха, болѣе даже чѣмъ «Бѣдная Лиза», «Наталия боярская дочь», «Островъ Борнгольмъ» (наименѣе впрочемъ смѣшной изъ этихъ рассказовъ, не лишонный даже нѣкотораго живенькаго, но сумрачнаго колорита). Загоскинъ или герой его романа, очень смѣшно и даже остроумно, хотя не вездѣ вѣрно, передаютъ всю нелѣпность содержанія этого драматическаго отрывка.

• Вотъ въ чемъ дѣло: Софья, молодая и прекрасная женщина, точь въ точь одна изъ героинь Бальзака или Евгенія Сю, вышла замужъ, по собственнѣй своей волѣ, за г. Доброва, шестидесятилѣтняго старика, такого же самоподательнаго и услужливаго мужа, каковъ мосье Жакъ,

въ романъ извѣстнаго Жоржа Занда, или лучше сказать, благоцѣлительной 1-жи Дюдеванъ. У этого Добрава, Богъ вѣсть почему, живетъ какой-то французъ Летьень; онъ соблазняетъ Софью. Софья рѣшается сказать объ этомъ своему мужу и просить у него позволенія уѣхать съ своимъ любовникомъ въ Брянскіе лѣса. Старый мужъ удивляется, не вѣритъ; но Софья объявляетъ ему, что она уже три года въ интригѣ съ французомъ, и что сынъ, котораго Добравъ называетъ своимъ, не его, а ея сынъ. Старикъ начинаетъ кричать, шумѣть, предаетъ ее проклятію; съ нимъ дѣлается дурно; потомъ, онъ приходитъ въ себя, плачетъ, импровизируетъ ужасныя монологи, проситъ у жены прощенья, становится передъ нею на колѣни. Но Софья женщина съ характеромъ: она говоритъ пречувствительныя рѣчи, и все-таки не хочетъ съ нимъ остаться и проситъ позволенія уѣхать съ французомъ. Наконецъ великодушный мужъ соглашается, закладываютъ барету и добродѣтельная супруга отирается съ мосею Летьень въ Брянскіе лѣса.

Должно замѣтить, что здѣсь нашъ добрый романистъ пересолил. Какой бы ни былъ нравственный либераль Карамзинъ въ свою эпоху — и все-таки онъ не дошелъ еще до теоріи добровольнаго соглашенія, такъ «блистательно» выдвинутой въ наши дни авторомъ «Подводнаго камня». Вы думаете, читатель, что «Подводный камень» вещь новая? Разувайтесь! Еще Карамзинъ задавался этою мыслію. Но у него, какъ у человѣка, болѣе свѣжаго, менѣе зараженнаго теоріей, Добравъ вовсе не съ миромъ отпускаетъ отъ себя свою Софью. Когда она, прощаясь съ нимъ, бросается къ ногамъ его и рыдая говоритъ: «Въ послѣдній разъ прошу тебя забудь меня! Въ послѣдній разъ...» Добравъ, вырывается и раздражительно говоря: желаю вамъ всякаго добра, уходитъ въ кабинетъ. Софья бросается къ дверямъ, но онъ запираетъ ихъ. Карамзинъ еще былъ не теоретикъ, онъ только поставилъ вопросъ, а не рѣшилъ его какъ г. Авдѣевъ, который опередилъ, куда ужъ его — но даже автора великаго психологическаго романа: «Кто виноватъ» потому: г. Авдѣевъ — молодець, «молодець изъ молодцовъ» — выражаясь слогомъ г. Бурчака.

«Все это», продолжаетъ разказчикъ — «какъ изволите видѣть, очель натурально, но конецъ еще лучше. Жить вѣчно въ лѣсу вовсе не забавно. Французъ начинаетъ скучать и, отъ нечего дѣлать, волочится за Парашею, горничной дѣвушкою Софьи. Барыня замѣчаетъ, ренуетъ, французъ крадетъ у нее десять тысячъ рублей и уговариваетъ Парашу бѣжать съ нимъ въ Москву. Софья ихъ подслушиваетъ, падается на француза, рѣжетъ его ножомъ, потомъ сходитъ съ ума, бѣгаетъ по лѣсу, разговариваетъ съ бурными вѣтрами и кричитъ: моря, пролейтесь! Подлинно сьумасшедшая! Ну какія моря въ брянскихъ

дѣсахъ? Къ концу довольно длиннаго монолога, который напоминаетъ сначала Шекспирова «Царя Лира», а подъ конецъ его же «Макбета», Софья подбѣгаетъ къ рѣкѣ, кричить: вода, вода! бросается съ берега и товеть....

Все это такъ, все это рассказано уморительно вѣрно — но не литературную нелѣпость юношеской попытки Карамзина казнить здѣсь добродушнѣйшій и талантливѣйшій изъ шишковистовъ, а «безнравственность» его содержанія и — вредное ея вліяніе. Вы удивляетесь конечно, что же нашолъ онъ тутъ безнравственнаго и какое вредное вліяніе могло отъ Софьи происходить?.. А вотъ послушайте:

«Однажды», рассказываетъ герой — «это было уже зимою, часу въ девятомъ вечера, я заѣхалъ къ Дитъпровскимъ. Мужа не было дома; не смотря на ужасную вьюгу и морозъ, онъ отправился въ англійскій клубъ. Надня была одна. Она сидѣла задумавшись передъ столикомъ на которомъ лежала разогнутая книга; мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

— Что съ вами?.. спросилъ я. Вы что то разстроены?

— Такъ, ничего! отвѣчала Надина: — я читала.

— Софью?.. сказала я, заглянувъ въ книгу.

— Да. Странное дѣло, я знаю наизусть эти прелестныя сцены и всякій разъ читаю ихъ съ новымъ наслажденіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Одно посредственное теряетъ вмѣстѣ съ новостью свое главное достоинство; но то, что истинно, превосходно...

— Повѣрите ли? продолжала Надина, — мой мужъ, котораго я уговорила прочесть этотъ драматическій отрывокъ, говорить, что въ немъ нѣтъ ничего драматическаго; что пошлый злодѣй Летьень походить на самаго обыкновеннаго французскаго парикмахера; что Софья гадка; что мужъ ея *вообще не жалокъ, а смѣшонъ и очень дулъ*? Боже мой! до какой степени можетъ человѣкъ засушить свое сердце! То, что извлекаетъ невольныя слезы, потрясаетъ душу нашу, кажется ему и пошлымъ и смѣшнымъ! Я уважаю Алексѣя Семеновича: онъ очень добрый человѣкъ и любить меня столько, сколько можетъ любить; но согласитесь, Александръ Михайловичъ, такое отсутствіе всякой чувствительности въ человѣкѣ, съ которымъ я должна провести всю жизнь мою, ужасно!.

Никому конечно въ наше время, при чтеніи «Софьи» Карамзина, не придетъ въ голову мысль о томъ, что это — произведеніе для нравственности вредное. «Софья», просто плохая вещь и потому конечно, великій писатель исключилъ ее изъ собранія своихъ сочиненій. Но въ ту эпоху, даже и его «Софья» — какъ ска-

заль я уже въ моей вступительной статьѣ, возбуждала въ поборникахъ шипковизма благочестивый ужасъ, ибо вся его молодая литературная дѣятельность имѣла одну задачу, смягчить жестокіе нравы его окружавшіе. Поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ «жестокихъ», но крѣпкихъ нравовъ, такое разъясненіе казалось растлѣніемъ...

И вотъ когда оппозиція «жестокихъ» нравовъ, сбросивши съ себя личину борьбы за старый и новый слогъ, выступила прямо въ «Маякѣ» въ сороковыхъ годахъ, — она неминуемо должна была въ концѣ концовъ признать «растлѣніемъ» всю нашу литературу, отъ Карамзина и до Лермонтова включительно. Умѣренный тонъ, взятый «Маякомъ» сначала его существованія, не могъ быть долго выдержанъ... Задача его, направленіе заключалось вовсе не въ философско-мистическихъ принципахъ: — философско-мистическіе принципы только употреблены были на службу теоріи застоя, на защиту «жестокихъ» нравовъ...

Такъ какъ всякая теорія должна же опираться на какіе либо факты дѣйствительности, то «Маякъ» опирался сначала на старую литературу нашу XVIII вѣка. Впослѣдствіи, онъ и ее почти всю сталъ укорять въ деизмъ, безнравственность — и въ ней увидѣлъ ступень, которая вела къ ненавистной и враждебной ему современности.

Противъ ненавистныхъ и враждебныхъ ему силъ жизни — застой долженъ былъ выставить какіе либо *свои* идеалы, противъ литературы растлѣнія — свою литературу.

Ее не было въ прошедшемъ, ибо въ этомъ прошедшемъ «Маякъ» видѣлъ или явленія совершенно вымершія какъ Херасковъ, — явленія которыя нельзя было навязать жизни насильно, или явленія живыя весьма подозрительнаго для него свойства, какъ Фонъ-Визинъ, Карамзинъ. Ея не было и въ настоящемъ. Единственный писатель, на котораго направленіе могло указать, былъ даровитый и благодушный литературный Фамусовъ, М. Н. Загоскинъ.

«Маякъ» долженъ былъ *сочинять* свою литературу и дѣйствительно *сочинялъ* ее цѣлыхъ четыре года, сочинялъ и романы и комедіи и стихотворенія — но все это *сочиненное* подлежитъ уже наравнѣ съ критическими статьями г. Мартышова, мнѣніями «Домашней Бесѣды» и «новымъ Асмодемъ» г. Кочки-Сопрана уже не литературнымъ, а патологическимъ изслѣдованіямъ. *Сочиненіями* своими застой окончателно подорвалъ себя.

Можно сказать даже, что ярость застоя, безсильная и смѣшная

въ проявленіяхъ, содѣйствовала къ полному и, на время, исключительному торжеству отрицательнаго взгляда — наглядно показывая своимъ безсиліемъ его силы.

Ибо за отрицательный взглядъ были въ то время жизнь и литература.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ДРАМЫ

(«Ревенюкъ», драма г. Боборыкина. Библиотека для Чтенія. Январь 1861 года.)

По поводу драмы, по поводу *одной* драмы!.. не переносятъ ли васъ, читатель, эти слова въ то далекое прошлое время, когда въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ прежнихъ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась небольшая статья, носящая тоже названіе? Но что же я спрашиваю васъ, мой читатель! въ то время, т. е. лѣтъ 16—17 тому назадъ, вы быть можетъ не только не читали «Отечественныхъ Записокъ», но кромѣ азбуки еще ничего не читали, беззаботно переживая золотые лѣтскіе годы, между тѣмъ какъ мы, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, сидѣли на скамьяхъ разныхъ университетовъ, днемъ зубрили профессорскія лекціи, а по ночамъ зачитывали на смерть «Отеч. Записки». Позвольте мнѣ, въ видѣ воспоминаваній, увы! такъ отраднѣхъ для человѣка *почтенныхъ* лѣтъ, перенестись съ вами въ то отдаленное время и кое-что сказать о его историческомъ значеніи. — Счастливое, благодатное время для нашей юности, счастливое и благодатное для «Отеч. Записокъ!» И знаете ли почему оно было счастливымъ и благодатнымъ для *почтеннаго* журнала? Нѣтъ, вы вѣрно не знаете: не по количеству подписчиковъ, я полагаю равному теперешнему «Современнику» (и замѣйте, подписчики эти не приобрѣтались въ то время «Свисткомъ»), — о, совсѣмъ не то! а по той усладѣ, которую въ то время ощущалъ г. Краевскій, усладѣ авторскимъ самолюбіемъ. Замѣйте, читатель, что я, вашъ покорнѣйшій слуга, провинціалъ и буду говорить вамъ только о томъ, что самъ видѣлъ и въ чемъ принималъ рагу шагна, знаете, какъ это у Виргиліи... Тогда, т. е. назадъ тому 16—17 лѣтъ, воображали, что все, что съ такою жадностью поглощалось въ *жолтомъ* журналѣ, вышло изъ-подъ пера г. Краевского. Добродушный Бѣлинскій поддерживалъ это пріятное очарованіе. Съ какимъ жаромъ ратовалъ онъ противъ тогдашней «Сѣверн. Пчелы»,

не признававшей авторскаго таланта въ г. Краевскомъ! Добродушный Бѣлянскій, да проститъ ему Аллахъ эту мистификацію, приводилъ такіе аргументы: какъ-де сомнѣваться, на что это похоже, въ авторствѣ того, кто уже 5—6 лѣтъ состоитъ редакторомъ журнала! И вѣрилось, и долго вѣрилось, что въ самомъ дѣлѣ сомнѣваться не слѣдуетъ. Но увы! говоря высокими слогами, пришла чреда разочарованію, потянулась вереница этихъ 15-ти—16-ти лѣтъ — и какія совершились событія и метаморфозы! Нѣтъ Оадаѣя Венедиктовича, замолкъ гласъ Николая Ивановича, этихъ *истыхъ спутниковъ* нашего прѣсвѣщенія, о которыхъ мы должны сказать съ *благодарностью*, что они *были!* Существуютъ «Отеч. Записки», но еще разъ увы! въ числѣ критиковъ этого журнала имя г. Краевского поставлено *послѣ* имени г. Дудышкина!

Говоря о благодатномъ времени для «Отеч. Записокъ», я называю его, это время, во многихъ отношеніяхъ благодатнымъ. То было время, право, замѣчательное — эпоха разогнанія всяческихъ общественныхъ тумановъ; и утреннихъ и полдневныхъ и вечернихъ. Съ позволенія читателей и редакціи «Времени» я принимаю нѣсколько поэтической тонъ, вдаюсь быть можетъ въ несвойственный мнѣ лиризмъ. И какъ не вдаться, когда приходится заговорить о томъ, о чемъ 16 лѣтъ назадъ только мечталось, было только гаданіемъ! И встаютъ передъ вами эти 16 лѣтъ, встаетъ золотая юность не въ туманѣ, а озаренная неразлучнымъ съ нею свѣтомъ, подобнымъ теперешнему, весеннему солнцу, проглянувшему сегодня, 10 марта, только вполдень! Густой, поѣдающій почерѣвшій снѣгъ; туманъ висѣлъ въ воздухѣ все утро; раздался колокольный звонъ... что значитъ этотъ звонъ во дни великаго поста? Манифестъ объ освобожденіи, манифестъ о свободѣ читаютъ!.. Заиграло весеннее темное солнце, зажурчали мутные ручьи, исчезъ туманъ!..

Читатель слѣдовательно пойметъ, что въ теперешнее благодатное время, въ настоящіе отрадныя для Россіи дни, на всемъ ея огромномъ пространствѣ, независимо отъ состоянія атмосферы, тепла и холода, густыхъ тумановъ или весенняго солнца, мутныхъ ручьевъ или еще нетронутаго снѣга, какъ-то невольно настроится поэтически все, что горитъ желаніемъ блага нашей милой родины, всѣ кто благослояетъ Виновника этого блага, нашего Защитника и Главу народнаго,

Предъ Коимъ частные труды,
Какъ мелководные пруды
Чередъ Невою многоводной!

Если юнъ читатель, то онъ вмѣстѣ съ талантливымъ поэтомъ

скажетъ въ эти дни: *Погибни жъ, злое! Пускай не устаетъ сіять намъ солнце правды повсемѣстно!* Если же миновалась его юность, то призывая для довершенія великаго дѣла свѣтъ правдиваго солнца, онъ непремѣнно въ эти святые дни вызоветъ хоть не забытыя, но закутанныя густымъ туманомъ времени воспоминанія прошлаго. Онѣ и сами явятся, какъ живыя, эти воспоминанія! Онѣ и прежде не разъ являлись передъ нами и, милыя гости, долго оставались съ нами, возбуждая уже дремлющія или готовыя задремать силы, снабжая насъ тѣмъ спасительнымъ пыломъ, которымъ съ избыткомъ надбляется юность. Я говорю конечно о воспоминаніяхъ свѣтлыхъ. Можетъ быть для нѣкоторыхъ, а можетъ быть и для всѣхъ, спасительна сила и мрачныхъ воспоминаній, но о нихъ, по крайней мѣрѣ теперь, подъ вліяніемъ *теперешнихъ* дней, подъ вліяніемъ только что прочитанной драмы, мнѣ говорить не хочется...

Да, что ни говорите, чья юность проживалась вначалѣ 40-хъ годовъ, тотъ имѣетъ полное право считать себя счастливецъ процвѣтавшихъ въ началѣ 30-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ: къ нему придетъ болѣе тѣсный сонмъ свѣтлыхъ воспоминаній, чѣмъ къ его предшественникамъ и преемникамъ, сколько бы послѣдніе къ нимъ ни зывали.

Да! начало сороковыхъ годовъ, дѣйствительно было эпохою разогнанія всяческихъ тумановъ, правда скопившихся потомъ въ густыя, мрачныя тучи, заволокнушія нашъ общественный горизонтъ, но все-таки разогнанія и стало быть просвѣтленія. Русская литература въ правѣ гордиться этимъ временемъ. — Не покидая литературной почвы, постараемся набросать характеристику этой эпохи, насколько-то возможно для статьи, не имѣющей претензіи на глубину.

Печально было положеніе нашей литературы въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ. Представьте, читатель, что вы не русскій, но что вы очень любите все русское и пожелали бы познакомиться съ исторіей русскаго общества въ указанную эпоху. Откуда вамъ добыть матеріаловъ для подобнаго знакомства? Въ такъ называемыхъ *исторіяхъ* вы ихъ ни за что не найдете, а потому естественно вы обращаетесь къ литературѣ. Какъ ни плоха была наша литература за это время, но такъ или иначе, русская жизнь должна же была въ ней отражаться. Какое же явленіе представитъ вамъ тогдашняя русская жизнь, тогдашнее русское общество? — Весьма неутѣшительное: это было что-то отжившее, дряхлѣющее, кукольное, — мелочь интересовъ, мелочь мысли, крохотныя страсташки и какое-то тупоумное самодовольство. Хоть бы что-нибудь было

живого, хоть бы какой-нибудь былъ задоръ! Въ такомъ положеніи дѣйствительно находилось тогдашнее такъ называемое лучшее общество, оторванное отъ всего живого, лишонное почвы, нелѣпо воспѣванное, еще нелѣпѣ питающееся. Не забудьте, это еще лучшая, свѣтлая сторона тогдашней жизни, какъ ни странно называть какую бы то ни было *манкиловщину* свѣтомъ, — это, говоримъ, лицевая сторона, но посмотрите на изнанку, прочтите Грибоѣдова, перечтайте позже явившагося «Ревизора», котораго впрочемъ мы теперь оставляемъ въ покоѣ, хотя и хотѣлось бы по поводу его сказать нѣсколько словъ. Въ «Горѣ отъ ума» вѣдь тоже рисуется высшее общество, да притомъ еще *московское*, знать или, какъ говорятъ въ провинціи, *аристократія*. Что же это за общество? «Горе отъ ума», господа, великое произведеніе, такъ даже думалъ Фаддѣй Венедиктовичъ съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ и другомъ. Ошибся только въ одномъ сей знаменитый мужъ; нападая на ненавидимыя ему «Мертвыя Души», онъ не понялъ одного: историко-литературнаго торжества поэмы Гоголя съ комедіей Грибоѣдова. Въ самомъ дѣлѣ, сродство двухъ этихъ произведеній удивительное: главные герои «Мертвыхъ Душъ» не что иное, какъ опомѣщичившіеся герои грибоѣдовской комедіи, покинувшіе первопрестольную столицу и разбрѣдшіеся по захолустьямъ. Посмотрите на Фамусова и на Чичикова, на Загорѣцкаго съ Репетиловымъ и Ноздрева, на Скалозуба и Собакевича: въ нихъ вы непременно найдете общія, генерическія черты; поставьте ихъ на линію, «въ три шеренги», какъ умѣлъ ставить Скалозубъ, сходство будетъ еще разительнѣе. Одни предаются ловить «почестей или мѣстечекъ», другіе — душъ, живыхъ и мертвыхъ; на лицахъ тѣхъ и другихъ лежитъ толстымъ слоемъ какая-то копочь, ни на что не похоже извращающая человѣческое лицо. Эти дюжія природы потому такъ прокоптившійся, что прямо вышли изъ русской жизни, не то что манкиловцы 30-хъ годовъ, обоюга пола, эти исхудалые, хотя дѣйствительно существующіе личности — и *de facto* существующихъ и искусственно созданныхъ разною жизнью, столичною, деревенскою, литературною и т. п. — Вотъ въ общихъ чертахъ какова была русская жизнь въ концѣ 20-хъ и въ тридцатые годы. По крайней мѣрѣ насколько мы знаемъ это изъ литературы. Что же дѣлалъ, что сдѣлалъ пользы вашъ многохвалимый Пушкинъ? спросятъ насъ незнакомые съ русской жизнью или *насушкиники* въ искусствѣ. — Пушкинъ? — очень многое. У насъ съ легкой руки г-бова и Дудышкина начинаютъ побранивать Пушкина. Это теперь даже крайне — современно: слава Богу и Государю, отъ крѣпостнаго права мы отдѣлались, пу, а что же сдѣлалъ Пушкинъ въ исто-

риі крѣпостнаго права? то ли дѣло Григоровичъ (*), Марко Вовчокъ! Посмотрите-ка, какъ послѣдній отдѣлываетъ крѣпостное право, какъ онъ жужжитъ вокругъ него! Появись такой писатель въ 30-хъ годахъ, да мы бы всё заткнули уши и убѣжали отъ крѣпостнаго права: Богъ съ тобой, матушка!

Третировать такимъ образомъ Пушкина значить не понимать ни искусства, ни русской жизни. Мы не знали, да и не могли знать Пушкина, какъ человѣка, какъ могли знать вѣкторые изъ нашихъ читателей (да простятъ намъ дерзость разсчитывать на большой кругъ ихъ); мы смотримъ на Пушкина въ *теперешніе покаянные* дни съ точки зрѣнія историко-литературной, не обращая вниманія на его личность. Русское общество до — и — послѣ Пушкина, если позволено будетъ такъ выразиться (впрочемъ *теперь* настало время *такъ* выражаться), было страшнымъ образомъ закопчено копотью *крѣпачества* (беремъ терминъ изъ М. Вовчка). Историко-литературная задача Пушкина состояла во первыхъ — въ томъ, чтобы явить намъ идеалъ истиннаго художника, что онъ блистательно и исполнилъ, а во вторыхъ — чтобы приготовить русское искусство (не фельетонъ, не памфлетъ, не газетныя статейки) къ полному и всецѣлому отраженію жизни. Такая миссія не легка и бываетъ по силамъ только гению. Странно укорять его въ такихъ приемахъ, которые только и возможны были въ его положеніи: вѣдь это все равно, что требовать, наиримѣръ отъ профессора исторіи, чтобы онъ въ вступительной своей лекціи обратился къ слушателямъ съ слѣдующими словами: г-да! наша наука — пресквернѣйшая наука... и пошолъ и пошолъ откалывать въ этомъ родѣ, вмѣсто того, чтобы представить сначала идеалъ исторіи, опредѣлить ея задачи и т. п. Пушкинъ явился съ *свѣтомъ*, озарившимъ русскую мысль, придавшимъ ей новый, *державный* бѣгъ. Если вы, читатель, пессимистъ и усумнитесь въ возможности существованія въ пушкинское время женщинъ, подобныхъ *Татьянѣ*; то какъ русскій благодарите творца этого великолѣпнаго типа за его созданіе. Литературные типы, если вамъ угодно, отличаются тѣмъ же характеромъ насущности, какъ и разнаго рода общественныя улучшенія: вѣдь они, т. е. эти типы тоже, что моисеевы облачные столпы, что мѣднй змій. На нихъ устремляются взоры всего современнаго общества и нерѣдко послѣдующихъ поколѣвій; смотря на нихъ (если это образы свѣтлые, какъ *Татьяна*), или вращаются и исцѣляются

(*) Г. Григоровичъ точно сдѣлалъ много въ исторіи крѣпостнаго права. Уже одно то, что это былъ первый голосъ въ избранномъ имъ родѣ искусства противъ этого права.

отъ всякихъ общественныхъ недуговъ и язвъ, или (если это образы мрачныя) нравственно погибають. Вѣдь вотъ, хоть бы все та же *Татьяна*, положимъ даже изукрашенная (*): неужели вы думаете, этотъ образъ не имѣетъ громаднаго значенія въ исторіи нашей цивилизаціи, въ исторіи нашей русской женщины? Неужели вы полагаете, что вліяніе на насъ этого типа было менѣе знаменательно, чѣмъ героинь Занда? — Нѣтъ, г-да насущники, за свѣтъ не бранять: чѣмъ ярче онъ, тѣмъ лучше; чѣмъ большее пространство нашей жизни озарилъ свѣтъ Пушкина, чѣмъ больше тумановъ разогналъ онъ, тѣмъ большее ему спасибо. И да будетъ стыдно тому, кто въ *теперешнее* время, когда мы видимъ

рабство, павшее по манію Царя :

когда такъ кстати задуманъ памятникъ великому поэту, омрачить несправедливымъ укоромъ тѣнь одного изъ лучшихъ людей земли русской, одного изъ великихъ вождей нашего самосознанія! Пушкинъ сдѣлалъ все, что могъ: не его была вина, если русская литература еще долго плелась по старымъ, избитымъ колеямъ, если русское общество все еще устремляло свои взоры и сердца на поражающихъ его проказою мѣдныхъ змѣевъ; дѣло было сдѣлано, и шагъ назадъ невозможенъ. Да не подумаютъ поборники насущности, что говоря о Пушкинѣ мы до такой степени увлекаемся его литературною дѣятельностью, что забываемъ вліяніе другихъ идей, помимо литературы къ намъ приходившихъ до — и послѣ Пушкина. Мы говоримъ только, что шагъ назадъ былъ невозможенъ, хотя дѣло и не пошло шибко, какъ это бываетъ всегда, когда социальныя задачи возлагаются на плеча литературы; мы хотимъ только сказать, что разъ вспыхнувшая искра свѣта не потухаетъ. Въ исторіи нашей цивилизаціи играли и играютъ великую роль *кружки*, собиравшіеся вокругъ болѣе талантливыхъ и свѣтлыхъ личностей. Не говоримъ, чтобы это было очень хорошо и естественно; но что это было необходимо и весьма полезно, въ этомъ надѣемся, никто не усумнится, какъ никто, также позволяемъ себѣ надѣяться, не упрекнетъ насъ въ поклоненіи *кружкамъ*. Мы сказали, что они и теперь играютъ роль — да! играютъ въ провинціи и долго еще будутъ играть, какъ это положимъ, ни неестественно. Не знаемъ, дождемся ли мы когда-нибудь исторіи нашихъ *кружковъ* и возможна ли эта исторія, — а предметъ высокаго интереса. *Круж-*

(*) Даже и этой уступки не можемъ мы сдѣлать противникамъ Пушкина. Татьяна — прелестнѣйшій типъ русской женщины и первый такой типъ по времени въ нашей литературѣ.

ни — да вѣдь это протестъ противъ омраченнаго крѣпачествомъ общества; изъ кружковъ вышли всѣ лучшіе наши люди, въ кружкахъ находила литература свои свѣтлые идеалы; изъ кружковъ наконецъ развилось *западничество* и *славянофильство*, сослужившія намъ такую честную службу, хотя западничество и славянофильство можно считать уже поглощеніемъ, сліяніемъ кружковъ. Благодаря даянію кружковъ, въ центрахъ нашего просвѣщенія начали мало по малу разгоняться всякаго рода общественные туманы, потянувшіеся къ сѣверу, востоку и югу, стали болѣе и болѣе очищаться небосклонъ; будущая исторія русской литературы обязана со всевозможною полнотою раскрыть это интересное явленіе; намъ такая задача не по силамъ. — Лишныя возможности наблюдать нашу жизнь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скорѣе очищался небосклонъ отъ всяческихъ тумановъ, мы обращаемся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ долѣе они висѣли, гдѣ гуще и удушливѣе были — къ провинціи, въ которой конецъ 30-хъ годовъ можно назвать эпохою туманопроцвѣтанія.

Туманопроцвѣтаніе! уже само по себѣ это слово избавляетъ насъ отъ необходимости представить удовлетворительную картину русскаго общества въ концѣ тридцатыхъ годовъ, — работа, которая слава ли по силамъ даже талантливому художнику. Современный юный читатель не можетъ даже приблизительно составить себѣ понятіе объ этомъ мракѣ. Онъ царилъ повсюду этотъ мракъ, это вездѣ и повсемѣстно проявляющееся *крѣпачество* — и во всѣхъ видахъ общественной и домашней жизни, и въ школахъ и, какъ ни горько въ этомъ сознаться! въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, къ которому еще такъ многіе принадлежатъ изъ насъ. Надъ молодымъ поколѣніемъ витала бездна идей и идеаловъ — *благородства* и *неблагородства*, *мечтаній о мстечкахъ*, *уларства* всѣхъ родовъ и видовъ, отъ героевъ Марлинскаго до Поздрева включительно; молодое поколѣніе питалось и насыщалось романтизмомъ Александра Александровича Бестужева и пафосомъ великолѣпнѣйшаго и крупнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ, Дениса Васильевича Давыдова. Грубый материализмъ грозилъ всеобщимъ порабощеніемъ тогдашнему большинству: почти не читался Пушкинъ, а если и читался, то вѣрно понимался, забывался Жуковский, проходили мимо Баратынскаго и Одоевского, не обращали никакого вниманія, что выработалось лучшаго въ предшествующія эпохи, и, что всего печальнѣе, этотъ материализмъ, эти разныхъ родовъ идеи и идеалы обѣщали страшную живучесть, потому что, по несчастію, оперлись на народность и долго признавались *нашими*, *родными*. Противодѣйствіе такому направленію было спасительнымъ благодѣяніемъ. Противодѣйствіе въ жизни началось, конечно, раньше, съ кружковъ (но и это не въ про-

вищіяхъ); противодѣйствіе въ литературѣ — съ *западниковъ*, съ Бѣлинскаго и *его* (да! его) «Отечественныхъ Записокъ». Западничество и славянофильство *теперь* отжили свой вѣкъ: теперь мы ни западники, ни славянофилы, а *русскіе*; но, отдавая должное славянофильству и сочувствуя ему во многомъ, мы, въ интересахъ общества и исторіи, не можемъ не отдать предпоченія западничеству. Явившись, какъ необходимое противодѣйствіе извѣстному общественному направленію, образовавшемуся вслѣдствіе какого-то насильственного отчужденія отъ остальнаго образованія міра, западничество выступило съ знаменемъ прогресса, ни разу ему не измѣняло и даже *ни кому не дало повода заподозрить его въ измѣнѣ* (чѣмъ не можетъ похвалиться славянофильство, хотя мы *теперь* и не заподозрѣваемъ его во мракѣ). Западничество энергически взялось за дѣло, начатое еще въ прошломъ вѣкѣ, начатое, но не оковечное Карамзинымъ, вытекающее изъ всей литературной дѣятельности Пушкина; борьба его съ мракомъ была сильна и благородна; могучій боецъ его палъ съ мужествомъ трагическаго героя; самыя ошибки западниковъ, для указанія которыхъ, конечно, потребовалось славянофильство, были поучительны и отъ времени прошли бы сами собою. Несчастіе славянофиловъ состояло въ томъ, что они выступили въ борьбу съ противникомъ, который прикрывался знаменемъ *свѣта*, и что не умѣли, по крайней мѣрѣ въ началѣ, выяснить значеніе народности, которую не только противники ихъ, но даже друзья смѣшивали съ мракомъ, съ туманопроизводителемъ. Впрочемъ, мы не пишемъ исторіи этихъ двухъ школъ и охотно извиняемся предъ читателемъ за длинное отступленіе, за то, что не сказали еще ни слова объ *одной* драмѣ, хотя мы собственно общались говорить только по поводу ея. Дѣлаемъ еще одно, послѣднее отступленіе и попросимъ читателя помѣчтать вмѣстѣ съ нами и перенестись мысляю къ началу сороковыхъ годовъ, къ Бѣлинскому и *его* «Отечественнымъ Запискамъ.»

Мы назвали эту эпоху разогнаніемъ тумановъ. Но тогдашніе туманы, какъ видѣлъ читатель, состояли изъ нѣсколькихъ густыхъ слоевъ; разорвать каждый слой требовалось особенное средство; чтобы не наскучить читателю личными воспоминаніями, мы не перечисляемъ ни этихъ средствъ, ни этихъ слоевъ. Мы позволяемъ себѣ только вспомнить объ одной небольшой статьѣ, прочитанной нами много лѣтъ тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и, если не ошибаемся, озаглавленной такъ: «*По поводу одной драмы*». Помнимъ лѣтнюю (и въ самомъ дѣлѣ) прекрасную ночь, проведенную нами безъ сна, надъ этой піеской, помнимъ много долгихъ — долгихъ дней, когда мысль объ этой статьѣ не

давала намъ покоя. Современный читатель не нашолъ бы теперь ничего особеннаго въ этой статьѣ: въ ней трактовалось о социальномъ значеніи женщины; но, Боже! какое потрясающее впечатлѣніе произвела она въ ту эпоху, когда въ людяхъ нашего поколѣнія (если вамъ, читатель, сорокъ лѣтъ или около этого, значитъ вы наши сверстники) совершался тотъ ужасный нравственный переломъ, который такъ дорого намъ стоилъ! Мы ломались и *многу* и *почасту*: въ насъ, въ тогдашней молодежи, до высшей степени были развиты всѣ тѣ инстинкты, которые величайшій изъ русскихъ художниковъ воплотилъ потомъ въ отвратительномъ образѣ Ноздрева. Извольте-ка съ разу и вдругъ разбить этотъ типъ, который жилъ въ насъ! Онъ, какъ и другіе, ему подобные, разбился; но во что обошлась эта побѣда!.. Надѣмся, что читатель извинитъ насъ за эти восклицанія, за эти немногія личныя воспоминанія: въ статьяхъ историко-литературнаго характера до извѣстной степени онѣ необходимы, какъ матерьялъ, которымъ воспользуется будущій изслѣдователь нашей гражданственности, не мыслимой безъ изученія исторіи литературы.

Драма г. Боборыкина (потому что все, что сказали мы теперь было по ея новоду) навела насъ на воспоминанія о прошломъ, объ эпохѣ, имѣвшей такую высокую важность, о судьбѣ, по крайней мѣрѣ литературной судьбѣ русской женщины: въ «Ребенокъ» также представляется исторія женщины. Литературная судьба русской женщины, нашей литературной *примадонны*, если можно такъ выразиться, въ высшей степени интересна и, какъ многое другое у насъ, еще ни кѣмъ не изслѣдована. Русская женщина, какъ женщина, спаслась отъ той нравственной порчи, которой не избѣгнулъ ея грубый товарищъ, по крайней мѣрѣ ей легче было спастись, легче сохраниться и запасть хотя отрицательными достоинствами; эта истина превосходно между прочимъ доказывается литературною дѣятельностью Тургенева. Но, какъ бы то ни было, а положеніе нашей литературной *примадонны* было глубоко печально. Свѣтлый образъ *Татьяны*, безъ сомнѣнія имѣвшій въ дѣйствительной жизни громадное вліяніе на немногихъ, избранныхъ натуръ, въ литературѣ сталъ блѣднѣть и мельчать, и въ произведеніяхъ Марлинскаго, этого страннаго, въ разладѣ пошедшаго съ своею судьбою писателя, достигнулъ истиннаго уродства. Мы не собираемъ чертъ русской *примадонны* у талантливыхъ послѣдователей Пушкина, стихотворцевъ и прозаиковъ; мы готовы согласиться, что дѣйствительно можно подобрать черты свѣтлыя и привлекательныя; но дѣло въ томъ, что компоновкѣ этихъ чертъ въ цѣльный живой образъ мѣшало давидовское и язы-

ковское отношеніе къ женщинѣ. Но, предполагая за несомнѣнное, что русская женщина двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ могла быть выше мужчины, хотя между прочимъ по одному поэтическому вліянію на нее Пушкина, мы не можемъ однакоже назвать ея личнаго и общественнаго положенія вполне удовлетворительнымъ по тогдашнему состоянію мужчины, вліяніе котораго на женщину, конечно велико. Литературное положеніе нашей *примадонны* было крайне печально: она не имѣла своего Гоголя, своего передового вождя. Русскую женщину спасло и возстановило западничество, — вотъ громадная, незабвенная услуга Бѣлинскаго и друзей его, немыслимая для славянофильства, если бы даже послѣднее съ самаго начала выступило съ тою же силою и правотою, чего никакъ нельзя у него отнять за послѣдній, самый плодотворный періодъ его дѣятельности. Вліяніе западниковъ на развитіе русской женщины предметъ высокой важности въ исторіи нашего просвѣщенія, предметъ неистощимый для литературной обработки, хотя надъ нимъ не разъ пробовали свои силы такіе талантливые писатели, какъ Майковъ, Некрасовъ и Тургеневъ. За подобную же обработку взялся и начинающій писатель, г. Боборыкинъ. — Въ добрый часъ!

Но мы не имѣемъ намѣренія писать теперь о самой драмѣ. Мы высказали только нѣсколько мыслей, навѣянныхъ на насъ чтеніемъ этой драмы. Скажемъ въ заключеніе только, что драма г. Боборыкина въ самомъ дѣлѣ переноситъ читателя въ доброе старое время: такъ и кажется, что она должна была появиться въ то время, когда писались «Двѣ Судьбы», «Кто виноватъ» и первые стихотворные опыты Тургенева. Все это доказываетъ только, что авторъ съ серьезною мыслью приступилъ къ своей работѣ, но во все не то, чтобы онъ подражалъ кому-нибудь изъ названныхъ писателей. Мы очень благодарны г. Боборыкину за то, что онъ взялся за разработку старыхъ, но не воплощенныхъ идей: не все же *насущность*, не все же облеченія! Процессъ развитія молодой женской натуры, схваченный въ самый патетическій моментъ, когда натура эта не выдерживаетъ борьбы съ жизнью, процессъ, совершившійся подъ вліяніемъ *западника* — вотъ идея «Ребенка», развитая очень не дурно и даже исполненная трагическихъ элементовъ.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва 1861 in 8°,

146 стр.

I

Критикъ «Русскаго Вѣстника», г. Лонгиновъ, разбирая вышедшее собраніе стихотвореній покойнаго А. С. Хомякова, въ заключеніе своего разбора, бросаетъ перчатку критикѣ прежнихъ лѣтъ, несоцѣнившей по достоинству поэта и вызываетъ критику современную сказать теперь, по выходѣ въ свѣтъ болѣе полнаго чѣмъ прежняго изданія, настоящее правдивое слово о поэтической дѣятельности главы славянофильства.

Подъ критикою прежнихъ лѣтъ разумѣется конечно Бѣлинскій.

Г. Погодинъ въ статьѣ своей: «Нѣсколько словъ противъ статьи о юбилеѣ князя Вяземскаго» («Сѣв. Пч.» № 81), одной изъ тѣхъ несчастныхъ статей своихъ, которыя раздражительностью и безтактностью приводятъ въ отчаяніе самыхъ жаркихъ его поборниковъ, статей, въ которыхъ нѣсколько словъ правды исчезаютъ въ разлитомъ морѣ жолчи, въ изверженіи, отсталыхъ антипатій и домашнихъ дразговъ, между прочими обвиненіями, дѣлаемыми косвенно Бѣлинскому и прямо его послѣдователямъ, говоритъ :

«Такъ точно эти несчастные (послѣдователи Бѣлинскаго) ругали и ругаютъ Хомякова по указу данному Бѣлинскимъ, которому были противны тѣ или другія убѣжденія Хомякова. Но вотъ теперь вышли стихотворенія Хомякова. И новые приверженцы и старые противники могутъ читать ихъ спокоя, не прибѣгая къ Христоматіи г. Галахова. Извольте сказать ваше мнѣніе и потомъ сравните, что говорилъ о Хомяковѣ Бѣлинскій».

«Точно такимъ же образомъ ругалъ онъ Языкова, Глинку» и проч...

Г. Лонгиновъ писалъ свою статью, исполняя двѣ свои равно официальные обязанности: обязанность секретаря Общества, которое хотя и назвало себя нѣсколько по новому: обществомъ любите-

лей *Русской* Словесности, но все-таки не можетъ перестать быть обществу любителей *Россійской* Словесности, и обязанность при- сяжнаго критика-хвалителя «Русскаго Вѣстника», съ высшихъ точекъ зрѣнія котораго русская литература стѣитъ только всегда или словъ назидательныхъ или mention honorable.

Г. Погодинъ писалъ свою статью въ гораздо большемъ азартѣ, нежели тотъ азартъ, которымъ онъ попрекаетъ покойнаго Бѣлинскаго. Азартъ Бѣлинскаго — азартъ во время борьбы за мнѣнія, совершенно понятенъ. Азартъ Погодина — азартъ заднимъ числомъ, только вредитъ той правдѣ, которую хотѣлъ онъ высказать. Въ немъ слышится только застарѣлая, упорная и тѣмъ не менѣе отсталая борьба съ Бѣлинскимъ и его мнѣніями, а въ сопоставленіи съ именами Языкова и Хомякова имени Глинка (Ф. Н.), видна замѣчательная безтактность, послѣ которой такъ и ждемъ, что посыщлются еще имена другихъ непризнанныхъ критикой Бѣлинскаго поэтовъ: М. Дмитриева, Шатрова, Милкѣва и проч. и проч. Удивительный человекъ г. Погодинъ. Передовой публицистъ, почтенный изслѣдователь, глава направленія, которое не смотря на имена г. М. Дмитриева и иныхъ, несмотря на повѣсти гг. Кульжинскаго, Архипова и пр. появлявшіяся временами въ «Москвитянинѣ» пятидесятихъ годовъ и вредившія безконечно дѣлу, было однако направле- ніемъ новымъ и свѣжимъ, онъ постоянно портитъ лѣвою рукою то, что созидаетъ правою...

Но не въ г. Погодинѣ и не въ его антипатіяхъ дѣло. Дѣло въ настоящую минуту въ стихотвореніяхъ Хомякова, о которыхъ Москва вызываетъ Петербургъ на новый отзывъ съ косвенными и прямыми укорами за прежніе отзывы.

Но *во-первыхъ*, Москва ли точно вызываетъ такимъ образомъ и *во-вторыхъ*, такимъ ли образомъ вызываютъ на правду?

Ни общество любителей *Россійской* Словесности, хоть мы ему и очень благодарны за его новыя полезныя изданія, ни «Русскій Вѣстникъ», хоть мы вполне признаемъ его большія заслуги въ дѣлѣ развитія нашего общественнаго сознанія, ни наконецъ г. Погодинъ, хоть мы и готовы видѣть въ немъ передового дѣятеля, не смотря на его странныя увлеченія старыми враждами и старыми при- вязанностями, все это еще для насъ однако не Москва. Бѣлинскій вѣдъ былъ тоже голосъ Москвы, только голосъ этотъ раздавался въ Петербургѣ. Даже въ эпоху развитія своего отрицательнаго взгляда, въ 1840 году, лирически припоинная свои впечатлѣнія отъ игры Мочалова, говоритъ онъ: (Т. IV стр. 176.)

• Все это видѣлъ я на сценѣ того великаго города, въ недрахъ кото- рого бьется пульсъ русской жизни, гдѣ люди живутъ для жизни и, если

пробудившись от дремоты повседневнаго быта, предаются наслажденію, то предаются ему широко и вольно, со всею полнотою самозабвенія, на сценѣ *того маститаго, царственнаго города, гдѣ все великое находитъ свой отзывъ въ душахъ, и гдѣ самая толпа полна таинствен- ной думы, какъ льсъ или море.*

Съ другой стороны, такъ ли вызываютъ на правду, когда хотятъ добиться правды, а не тѣшиться праздными и устарѣлыми переко- рами?.. На такого рода вызовъ и отвѣтъ будетъ безъ сомнѣнія старій, со стороны старыхъ противниковъ, а со стороны новой жизни даже и не будетъ отвѣта, потомучто вызовъ, судя по тому, сдѣланъ не ей, а старымъ противникамъ.

«Современникъ» первый въ лицѣ Новаго поэта позналъ со всей своей искренностью перчатку, брошенную за стихотворенія Хомякова. Онъ повторилъ мнѣніе Бѣлинскаго, т. е. эстетическую сущность этого мнѣнія, повторилъ цѣликомъ, не отдѣливши зерна отъ шелухи и былъ вполне въ своемъ правѣ. Въ вызовѣ, точно такъ же зерно не отдѣлено отъ старой шелухи домашнихъ дразговъ, и журналъ, однимъ изъ основателей котораго былъ Бѣлинскій, не можетъ отрѣшиться отъ своей исторіи, да и не долженъ, потомучто эта исторія во всякомъ случаѣ, почтенная исторія, честная исторія.

Для насъ, т. е. для нашего журнала, исторія есть чисто уже исторія, т. е. прошедшее. Мы равно связаны и съ преданіями, составляющими основу «Современника», т. е. съ взглядами Бѣлинскаго, и съ преданіями московскихъ направленій. Тѣ и другія преданія въ существенно важныхъ сторонахъ ихъ намъ равно дороги. Это безпри- страстіе вовсе не холодное равнодушіе съ нашей стороны и виѣсть съ тѣмъ не заслуга наша. Оно законное наслѣдство. Для насъ нѣтъ уже ни славянофильства, ни западничества, нѣтъ даже Москвы и Петербурга въ этомъ смыслѣ. Мы стало быть вправѣ рассмотреть дѣло спокойно.

II

Вотъ что говоритъ Бѣлинскій о Хомяковѣ:

Въ 1840 году, разбирая стихотворенія Лермонтова, онъ задѣ- вааетъ Хомякова и его поэтическую дѣятельность, а главнымъ обра- зомъ неумѣренныхъ поклонниковъ Хомякова, слѣдующими, дѣй- ствительно оскорбительными словами:

«Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди которые носятя надъ нею, они поймутъ насъ. Они отличать Лермонтова отъ какогонибудь фразера, который занимается стукотною звучныхъ словъ и бо-

истыхъ рюмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричить о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею будто бы Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ. (Соч. Бѣл. Т. IV, стр. 329).

Прямо же говорить онъ о стихотвореніяхъ Хомякова въ 1845 году, въ статьѣ: «Русская литература въ 1844 году» разбирая ихъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Языкова. Минуя разборъ Языкова, разборъ въ высшей степени жолчный и несправедливый, мы должны по необходимости для разъясненія дѣла о Хомяковѣ какъ поэтѣ и объ отношеніяхъ къ нему критики, прибѣгнуть къ большимъ выпискамъ:

Муза г. Хомякова, — говоритъ Бѣлинскій (Соч. Бѣл. Т. IX, стр. 271), состоитъ въ близкомъ сходствѣ съ музою г. Языкова. Сперва о различіи: въ стихотвореніяхъ г. Языкова (прежнихъ) нельзя отрицать поэтической струи, которая болѣе или менѣе сквозитъ черезъ ихъ риторизмъ; въ стихотвореніяхъ г. Хомякова есть не только струя, но полный и блестящій талантъ, *только отнюдь не поэтической, а какой, мы скоро это скажемъ.* Теперь о сродствѣ: мы показали выше, что шумливая, пѣнистая и кипучая, хѣтя въ тоже время и холодная струя поэзіи г. Языкова была не изъ сердца, источника страстной природы, а изъ головы, которая у людей еще чаще бываетъ источникомъ притоковъ празднаго и фантазирующаго разсудка, нежели источникомъ разума, глубоко и вѣрно постигающаго дѣйствительность. Мы показали, что народность поэзіи г. Языкова, непросыпный хмѣль и пьяное буйство его музы, равно какъ и ея стремленіе быть вакханкою, все это болѣе или менѣе искусственно и поддѣльно. *Въ этой искусственности и поддѣльности г. Хомяковъ далеко опередилъ г. Языкова. Имѣя способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился ее употребить въ пользу себя, приобрести ею себя славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ дѣйствительность настоящаго и постигъ тайну будущаго и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ.*

За тѣмъ, посягнувши надъ «Ермакомъ» покойнаго Хомякова, и опять залѣвши удалое и пьяное буйство поэзіи Языкова, критику продолжаетъ:

Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, *выбралъ для своихъ стихотворческихъ занятій предметы гораздо выше.* Пушкинъ, напротивъ, не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ ведикій, лишонъ не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ непобѣднѣй и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе: источ-

никъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть члвкъ, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу; задача поэта, вывести наружу, объективировать въ поэтическихъ образахъ свой собственный, внутренній міръ, сущность своего собственного духа. Г. Хомякову нельзя было не выбирать, онъ не былъ поэтомъ и ему было все равно, чтобы ли пѣть. Онъ не долго думалъ, и рѣшился посвятить свои послѣдніе труды на гимны старой до-Петровской Руси. Намъ реніе похвальное, хотя и лишонное всякаго художественнаго такта, потомучто живое, современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобы довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Руси видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для г. Хомякова это было гораздо легче, нежели для насъ съ вами; люди простые, мы все вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или если не можемъ увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, не считаемъ нужнымъ представлять ихъ въ ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія, кто алчетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему — когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страданіе всего его существа, потомучто онъ убѣждается всѣмъ своимъ существомъ, — и умомъ и сердцемъ и плотию и кровію. Кто же напротивъ одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во всемъ, тому легко заблуждаться въ чемъ ему угодно и на столько времени, на сколько ему заблагоразсудится, на годъ, на два, или на члвкую жизнь, потомучто видъ это прихоть или расчетъ ума; а не убѣжденіе, спокойное дѣйствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы.

Этотъ возможностью выбрать Бѣлинскій объясняетъ всю поэтическую дѣятельность Хомякова, которую онъ разсматриваетъ и какъ драматическую и какъ лирическую. Говоря о драматической дѣятельности Хомякова, критикъ совершенно справедливо глумится надъ шиллеризмомъ «Ермака», выписывая чувствительный романсъ Ольги, и къ сожалѣнію, приподнявая другую драматическую попытку автора «Димитрія Самозванца» не видитъ за шумихой ложнаго лиризма, ея блестящихъ, если не художественныхъ, то замѣчательно умныхъ сторонъ, не цѣнитъ новостіи и вѣрности ея поэтически-исторической концепціи.

Защитники г. Хомякова, продолжаятъ онъ затѣвъ, — говорятъ, что драма не его призваніе, что онъ лирикъ. Изъ романса Ольги можно видѣть характеръ лиризма г. Хомякова. Прежде члвкъ быть лирикомъ, надо быть поэтомъ. Лиризмъ еще больше, нежели всякій другой родъ поэзіи, основывается на непосредственности теплаго сердечнаго чувства и не терпитъ холодныхъ головныхъ чувствъ, которыя выдаются за мысли, но которыя въ сущности такъ же относятся къ мыслямъ, какъ ужъ къ умничанью, чувство къ сантиментальности, щеголеватость къ изяществу.

И выписавши стихотвореніе: «Въ иностранкѣ» критикъ замѣчаетъ:

« Не будемъ говорить о томъ, что въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ни одного поэтическаго выраженія, ни одного поэтическаго оборота, которые встрѣчаются даже въ стихотвореніяхъ Бенедиктова, риторизмъ которыхъ не чуждъ какой-то дориторическѣй струйки, не будемъ доказывать, что все это стихотвореніе, — наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ, *въ которыхъ прозаическая нищета чувства и мысли такъ и бросается въ глаза.* Вмѣсто этого, лучше разберемъ то будто бы чувство, ту будто бы мысль, которыя положены въ основу этой пьесы и обнаружимъ всю ихъ ложность, неестественность и поддѣльность. Поэтъ смотритъ на прекрасную женщину и задаетъ себѣ вопросъ: любить ея или нѣтъ? Видите ли, какъ влюбляются поэты. Совсѣмъ не такъ какъ простые смертные, не такъ какъ всякое существо, называющееся человекомъ: нигде не влюбляется просто, безъ вопросовъ, даже прежде, нежели пойметъ и сознаетъ что онъ влюбился. У человека это чувство зависитъ не отъ головы, у него оно естественное, непосредственное стремленіе сердца къ сердцу. Но нашъ поэтъ думаетъ объ этомъ иначе. Задавъ себѣ глубокомысленный вопросъ: любить или нѣтъ? онъ не почелъ за нужное даже погадать хоть на пальцахъ, и отвѣчаетъ рѣшительно: нѣтъ! Бѣдная женщина, бѣдная иностранка!.. Какого сердца, какого сокровища любви лишилась она! О! если бы она повала это!.. Намъ какъ-то скучно и совѣстно разсуждать о такихъ незамысловатыхъ вещахъ; но быть такъ, начать надо кончить, тѣмъ болѣе, что это для многихъ поэтовъ и не поэтовъ можетъ быть полезно. Мы понимаемъ, что человекъ можетъ любить женщину и въ тоже время не хотѣть любить ее; но въ такомъ случаѣ, мы хотимъ видѣть въ немъ живое страданіе отъ этой борьбы разсудка съ чувствомъ, головы съ сердцемъ: только тогда его положеніе можетъ быть предметомъ поэтическаго воспроизведенія, а иначе оно — *прихоть головы, ложь, годная только для сатиры, для эпиграммы;* посмотрите же, какъ разсудителенъ, какъ благоразуменъ, какъ спокоенъ нашъ поэтъ, *доказавъ себѣ силлогизмомъ, что ему не слѣдуетъ любить иностранку, которая злаетъ, слушая его родныя пьесы и шариатическія доклички по той простой причинѣ, что не понимаетъ ихъ, онъ такъ доволенъ собою, что въ состояніи сейчасъ же сѣсть за столъ и начать завтракать или обѣдать.* Гдѣ же тутъ истина чувства, истина поэзіи? Тутъ нѣтъ ничего похожаго на чувство и поэзію. И таковы-то всѣ лирическія стихотворенія г. Хомякова! У этого поэта родникъ вдохновенія бьетъ не въ сердце, также какъ у Самсона сила была не въ мышцахъ, а въ волосахъ, но Самсонъ показывалъ опыты сверхъ человеческой силы, гдѣ же опыты нашего поэта? А вотъ поищемъ.. »

Пропускаемъ двѣ страницы фдкихъ, хотя и имѣющихъ свою эстетическую справедливость иридинокъ критика къ фигурному

языку поэта, къ выраженіямъ въ родѣ «клинка стального, въ объѣмѣ древности простой» — или: «сна лѣниваго забвенье къ мысли о ловлѣ вдохновенія» и т. д. Дѣло очевидно, что критикъ пожалуй и правъ — но, что онъ постоянно сердить и потому самому уже не правъ.

• Не поэтъ тотъ, — говоритъ критикъ — кто лишонъ всякаго такта дѣйствительности, всякаго инстинкта истины; не поэтъ онъ, а искусникъ, который умѣетъ плясать съ завязанными глазами между яйцами, не разбивъ ихъ. Такой поэтъ похожъ на *тѣхъ жокиёровъ діалектиковъ, которымъ все равно, о чемъ бы и какъ бы ни спорить, лишь бы только опровергнуть противника; которые доказавъ одному, что дважды два — четыре, съ тѣмъ же жаромъ доказываютъ другому, что дважды два — пять, и для которыхъ важнѣйшій результатъ спора есть не истина, а суетное, мелочное удовольствіе, переспорить другого и остаться побѣдителемъ, хотя бы то было на счетъ здраваго смысла и добросовѣстности.*»

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на этотъ косвенный ударъ, направленный въ Хомякова, какъ въ діалектика. Такимъ именно, въ иылу и ожесточеніи битвъ, западники дѣйствительно изображали другимъ — и даже представляли добросовѣстно самимъ себя могучаго оратора-діалектика, каковымъ былъ Хомяковъ.

• Но мы нѣсколько отдалились отъ нашего предмета — замѣчаетъ самъ критикъ — отъ стихотвореній г. Хомякова; возвратимся къ нимъ. *Пока мы не нашли никакихъ признаковъ поэзіи въ простыхъ лирическихъ его стихотвореніяхъ: можетъ быть, поэзія скрывается въ его прорицательныхъ лирическихъ пьесахъ? А вотъ посмотримъ. Въ стихотвореніи къ Россіи, г. Хомяковъ даетъ своему отечеству истинно отеческія наставленія: онъ запрещаетъ ему чувство гордости и рекомендуетъ смиреніе. Онъ говоритъ Россіи:*

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта
Жельзыхъ силъ и воли дикой,
Осуществленна мечта.
И нестерпимъ былъ оны булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей.

«*Какіе великодушные, энергическіе и поэтическіе стихи! Самъ Пушкинъ никогда не писывалъ такихъ чудно-прекрасныхъ стиховъ. Мы очарованы и увлечены ими; однакожъ не до такой степени, чтобъ не могли освѣдомиться скромно о томъ, что скрывается въ этихъ дивныхъ стихахъ. И потому беремъ на себя смѣлость спросить кого бы то ни было — самаго поэта или нашихъ читателей: что такое царь семихолмнаго хребта» и т. д.*

Опять идутъ грамматическія придирки — хотя и справедливыя болѣею частью съ точки зрѣнія того эстетическаго нуризма простоты, въ которомъ подѣ влияніемъ яснаго и простаго Пушкина, воспиталось критическое чутье Бѣлинскаго... Но въ справедливости придинокъ слышна злоба. «И такъ, вотъ они — эти великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи: *sic transit gloria mundi*» — восклицаетъ критикъ. Затѣмъ, выписавши нѣсколько стиховъ изъ стихотворенія къ Англіи, которую поэтъ, изумляясь ея величію, упрекаетъ

за то что ты лукава,
И за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда,
И за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой,
Приковала ты къ подножью
Власти суетной земной.

Бѣлинскій намѣренно не хочетъ понять Хомякова.

• Что это такое? говоритъ онъ — *іереміада по папской власти никогда повелѣвавшей царями и народами*? Да развѣ въ одной только Англіи служители церкви введены въ истинные предѣлы ихъ обязанностей, высокихъ, священныхъ, но уже потому самому не тщетныхъ, земныхъ? *Въ нашъ простыщенскій вѣкъ, европейскими народами править воздѣ сѣтская власть и т. д.*

Какъ будто бы Хомяковъ мечталъ о осократіи?!

Тоже намѣренное, раздражающее непониманіе обнаруживаетъ великій критикъ въ отношеніи къ стихотворенію «Мечта».

• Въ стихотвореніи *Мечта*, нашъ поэтъ оплакиваетъ близкую гибель запада, гдѣ кометы бурныхъ съѣзъ бродили въ высоту. При сѣи вѣрной оказіи, онъ почелъ даже нужнымъ позвалить покойника, въ которомъ много-де было хорошаго.

Какъ будто бы Хомяковъ не понималъ запада — какъ будто бы самое это стихотвореніе не проникнуто все, высокимъ пониманіемъ запада и его чудесъ, его «святыхъ чудесъ» какъ называетъ ихъ самъ поэтъ!

• Г. Хомяковъ — высказывается наконецъ Бѣлинскій, какъ истый западникъ и централизаторъ, — очень хорошо слѣдалъ, что доидается потолкнуть въ бокъ этого лежня, востокъ, который безъ трескающей ступотки его удивительныхъ стиховъ, вѣроятно и не подумалъ бы даже потянуться или звануть во снъ, не только что проснуться. Такова ужъ восточная натура, ей хоть весь свѣтъ провалится, все снитъ: къ восточному человѣку, очень идутъ эти слова Тредьяковскаго:

Аще миръ сокрушенъ распадется
Сей нужь николи жь содрогнется.

«Все это хорошо, но вотъ вопросъ: что разумѣть г. Хомяковъ подъ востокомъ. По крайней мѣрѣ, что касается до насъ, мы такъ горды чувствомъ нашего національнаго достоинства, что *подъ востокомъ не можемъ разумѣть Россію. Видь западъ — Европа; а востокъ — Азія? Россія же принадлежитъ къ Европѣ по своему географическому положенію,* и т. д.

Между тѣмъ, тутъ же въ самой статьѣ — за прямыми и косвенными выходами противъ направленія, къ которому принадлежалъ Хомяковъ — слѣдуетъ страница, которая поясняетъ нѣкоторымъ образомъ эти выходы — страница, которая можетъ показать современнымъ читателямъ, что и противники Вѣлинскаго были вовсе не агнцы.

Намъ можетъ быть замѣтять — пишетъ критикъ — что мы противорѣчимъ сами себѣ, увѣряя, будто г. Хомяковъ не поэтъ и въ то же время говоря о его произведеніяхъ какъ о чемъ-то важномъ. *Мы пишемъ не для себя а для публики: въ ней могутъ найдтись люди, которые, пожалуй, повратъ возласамъ одного журнала, утврляющаю, что г. Хомяковъ — великій и національный русскій поэтъ.* Отечественныя Записки, въ прошломъ году, при выходѣ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, говорили о нихъ не только съ умѣренностью, но и съ свнисходительностью. Чтожъ вышло изъ этого? Журналъ, въ которомъ исключительно печатаютъ стихотворенія обонхъ этихъ поэтовъ, умалчивая о г. Языковѣ, по поводу стихотвореній г. Хомякова объявилъ, что этотъ поэтъ великъ, а Отечественныя Записки нигуда не годятся, потомучто не признаютъ его великости. Затѣмъ онъ перепечаталъ почти всю книжку стихотвореній г. Хомякова и сочтя это за неопровержимое доказательство ихъ высокаго достоинства, заключаетъ такъ: *Не правда ли, читатели, что надо быть слишкомъ наглу, слишкомъ дерзку, чтобъ ругать такіа стихотворенія. И какія несчастныя бредни выставляютъ публикѣ на поклоненіе Иностранныя Записки, смѣсто Хомяковыя и Языковыя.*

Замѣтимъ между прочимъ, что *бредни*, которыя выставлялись на поклоненіе тогдашними «Отечественными Записками» — были Лермонтовъ и Кольцовъ, что тамъ, хотя нисколько не выставляемыхъ на поклоненіе, печатались стихотворенія Огарева, который какъ поэтъ лирикъ, поэтъ съ особымъ внутреннимъ миромъ, съ особымъ строемъ лиры, — не смотря на свое однообразіе, — эстетически и психически несравненно цѣннѣе даже и для насъ и Языкова и Хомякова, и стоитъ въ одной категоріи и наравнѣ съ Тютчевымъ, Фетомъ, Полонскимъ; ибо такъ же какъ они онъ поэтъ

внутренняго міра души и поэтъ: но непрощающему внутреннему призванію, поэтъ сердечный, а не головной.

Нечего пояснять кажется, что журналъ, вооружавшійся тогда за Хомякова тѣкимъ образомъ былъ — «Москвитянинъ.»

• Не знаемъ — заключаетъ Бѣлинскій свой разборъ — согласились ли съ этимъ журналомъ его читатели; не считаемъ важнымъ сужденіе его о нашемъ журналѣ и нашихъ мнѣніяхъ, равно какъ и обо всемъ, о чемъ онъ судить; но не можемъ не выставить на видъ, что если существуетъ журналъ, который до того убѣжденъ въ великости и національности г. Хомякова, какъ поэтъ, что печатно называетъ держками и *малыми ругателями и иностранцами* всѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ во мнѣніи о г. Хомяковѣ, стало бытъ существовать и люди, которые думаютъ и чувствуютъ точно также, какъ этотъ журналъ: вотъ для этихъ-то людей (а совсѣмъ не для этого журнала) и пишемъ мы. Поэтъ съ поддѣльнымъ дарованіемъ, но никѣмъ не замѣчаемый, никакимъ печатнымъ крикуномъ не провозглашаемый, не опасенъ въ отношеніи къ порчѣ общественнаго вкуса: о немъ можно, при случаѣ, отозваться съ легкою улыбкою — и все тутъ. *Но поэтъ съ дарованіемъ слава! прожгя слова во фразистыя стопы, поэтъ, который замѣляетъ вкусъ, журитъ чувства и есквательность идей завлекательными для неопытныхъ людей софизмами ума и чувства и между тѣмъ, имѣетъ усердныхъ глашатаевъ своей великости — воля ваша, надо предположить въ критику рыблю кровь, если она можетъ оставаться равнодушною къ такому явленію и со всею энергіею не обнаружить истины.*

И наконецъ, какъ бы самъ чувствуя, сколько злобы и жолчи пошло въ разборъ, Бѣлинскій добавляетъ:

• Можетъ быть намъ еще замѣтить, что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелочень. Дѣло не въ способѣ, а въ его результатахъ; да кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ поэтахъ, какъ Марлинскій, г. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ. Многія фразы съ перваго раза кажутся блестящими, поэтическими и заключающими въ себѣ глубокія идеи; но если вы не поторопитесь, отдавшись первому впечатлѣнію, произнести о нихъ сужденіе, и хладнокровно спросите себя: что значить вотъ это, что хотѣлъ сказать поэтъ вотъ этимъ? то съ удивленіемъ увидите, что это сначала такъ поразившее васъ стихотвореніе — просто наборъ пустыхъ словъ...

Въ разборѣ Бѣлинскаго явнымъ образомъ пужно различить два элемента — элементъ эстетическій и элементъ вражды къ направленію, котораго Хомяковъ былъ главнымъ представителемъ. Что касается до послѣдняго элемента — то мы уже въ нѣсколькихъ статьяхъ говорили и о значеніи отрицательнаго взгляда Бѣлинскаго и о причинахъ его вражды къ тогдашнему славянофильству. Все

дѣло было во взаимномъ непониманіи. Славянофильство тогдашнее за вражду тоже платило враждою — и кромѣ того еще къ этому тогдашнему славянофильству примѣшивалось множество старыѣхъ и запоздалыѣхъ стремленій, близкихъ къ стремленіямъ «Маяка» — и сдѣлавшихъ воззрѣніа Фамусова за народныя воззрѣніа.

Что же касается до эстетическаго элемента во взглядѣ Бѣлинскаго на Хомякова — то господа, дѣлающіе въ наше время вызовъ этому взгляду — должны бы были сдѣлать этотъ вызовъ поесторошнѣе.

Бѣлинскій весьма рѣдко ошибался въ эстетическомъ отношеніи. Единственное что можно сказать противъ его эстетическихъ приговоровъ — это то, что онъ, увлекаемый своей искренней страстностью, иногда, позволяемъ себѣ выразиться вульгарно, но вѣрно — «пересаливалъ» въ похвалахъ или порицаніяхъ.

Въ особенности былъ онъ великій мастеръ иногда отличать все головное, какъ бы оно блестяще ни было, отъ сердечнаго, внутренняго...

Мы глубоко чтимъ память покойнаго Хомякова, какъ одного изъ самыхъ блестящихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей нашего нравственнаго и общественнаго сознанія — но въ вѣрности существенныхъ чертъ взгляда Бѣлинскаго на его поэтическую дѣятельность — насъ нисколько не разубѣдили нынѣ вышедшія стихотворенія Хомякова.

Сущность эстетическаго взгляда Бѣлинскаго на поэзію Хомякова въ томъ, что Хомяковъ — поэтъ головной. Что же? Вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ такъ. Поэзія была одно изъ орудій этой богатой, самобытно и даже вѣскольکو капризно-самобытно развившейся натуры.

Поэтъ истинный — будь онъ хоть до гла проникнуть извѣстнымъ философскимъ созерцаніемъ — какъ напримѣръ Тютчевъ — создаетъ вокругъ себя свой цѣлый, особый, неотразимо влекущій міръ: осязательно-реальное бытіе примуть у него самыя отвлеченныя созерцанія, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, о томъ ли даже что

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ,
Кричитъ онъ бодро, живо, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ
Струя въ Босфорѣ заагѣла,

о томъ ли, что

Не плоть а духъ растлился въ наши дни
или о странѣ, которую

самъ царь небесный
Исходилъ благословляя,

вы чувствуете, что тутъ не мысль, не голова творили, что это пѣсня. Поэтъ истинный, чѣмъ онъ ни увлекись, хоть бы даже анализомъ общественныхъ бѣдствій, какъ Некрасовъ, какъ ни создавая онъ себѣ нарочно темъ для своей пѣсни, онъ васъ затянетъ въ свой магическій кругъ, вы войдете съ нимъ въ его міръ, будете дышать даже душнымъ воздухомъ этого міра...

Мы взяли нарочно двѣ грани поэзіи, двѣ такъ сказать крайности ея — поэта, совершенно отвѣченнаго отъ современности, поэта свободнаго до равнодушія какъ Тютчевъ, и другого поэта, который отдастъ свое могучее дарованіе въ крѣпостное рабство современности, и странное дѣло! равнодушный, свободный Тютчевъ въ поэтическихъ впечатлѣніяхъ развиваетъ порою глубокія историческія и даже общественныя идеи, и вы никогда не почувствуете у него ничего дѣланнаго. Съ другой стороны, чтобы ни дѣлалъ съ своей бѣдной музою Некрасовъ — вы, если только пѣсня его родилась, а не сочинилась, можете досадовать на поэта за душный воздухъ, которымъ онъ заставляетъ васъ дышать, но идете за нимъ въ его міръ, переживаете его ощущенія, какъ бы личны, капризны, больны и даже ложны они ни были — переживаете горькія ощущенія «музы мести и печали».

Таже исторія повторяется съ вами относительно Полонскаго, Фета, Огарева. Вы можете на нихъ злиться за ихъ однообразіе или причудливость или наконецъ наивность, вы можете не хотѣть идти за ними въ ихъ внутренній міръ, но, попали разъ въ него — вы въ заколдованномъ кругу, вы ѣдете

на волнѣ верхомъ
Воевать съ чародѣемъ царемъ...

вы видите во очью странный міръ, гдѣ

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры —

вы хотите, чтобы вамъ далеко было ѣхать, чтобы васъ

Безъ устали везла, везла карета
И не имѣлъ бы этотъ путь конца
И лучшія я пережилъ бы дѣта,
Смотря на очеркъ этого лица...

Но есть и другого рода поэты — поэты чудныхъ формъ, поэты пластики, поэты вполне объективные — играютъ ли они подчасъ даже нѣсколько холодно формами, какъ живописецъ красками (Май-

ковъ), переносятся ли они въ рѣчь созерцанія прошедшаго, какъ Мей, вы на каждомъ шагу чувствуете, что это дѣйствительныя поэтическія силы, не всегда способныя возвыситься до глубокаго содержанія, но набрасывающія свой яркій колоритъ на всякій предметъ.

И къ такимъ поэтамъ формъ тоже не принадлежалъ Хомяковъ.

Стихотворенія его, даже не слѣды глубокаго и оригинальнаго духа, а просто роскошь его, избытокъ его силы. Слѣды хомяковскаго духа — его философскія статьи, его теологическія брошюры, наконецъ историческій трудъ имъ оставленный.

Въ приговорѣ Бѣлинскаго несправедливо одно только. Онъ видѣлъ въ стихотвореніяхъ Хомякова заказныя, дѣланныя впечатлѣнія, тогда какъ впечатлѣнія эти нисколько не дѣланныя. Впечатлѣнія эти, какъ результатъ глубокихъ самостоятельныхъ убѣжденій, были отблесками цѣльной и полной, нравственной и умственной жизни. Эта цѣльная и полная жизнь — отражалась между прочимъ и въ стихотвореніяхъ, почти всегда блестящихъ, звучныхъ и сильныхъ, потому что блестящая и сильная натура не могла же въ чемъ бы то ни было выразиться дюжиннымъ образомъ тѣмъ болѣе въ своихъ поэтическихъ искрахъ.

Во всѣхъ поэтическихъ искрахъ натуры Хомякова есть и свѣтъ и огонь, но сосредоточивался свѣтъ и огонь этой высокой натуры въ другой дѣятельности...

Подтверждать дѣло выписками мы не станемъ. Выписокъ много въ различныхъ статьяхъ о покойномъ Хомяковѣ, но всѣ онѣ доказываютъ только силу и оригинальность его натуры и нисколько не опровергаютъ эстетической сущности взгляда Бѣлинскаго.

Вообще же на двухъ этихъ дорогахъ и одновременныхъ мгилахъ, пора бы намъ перестать перебрасываться вызовами и попреками.

Бѣлинскій и Хомяковъ — равно достойные нашего сознанія, равно борцы за святое и честное дѣло нашей умственной самобытности...

Этого можно было не знать и даже искренно не знать, лѣтъ шесть или даже пять назадъ, но этого нельзя уже не видѣть теперь. Исторія есть судъ Божій.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ РИМА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЕОНТЬЕВА: «О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ». (Русскій Вѣстникъ, № 1, 1861 г.)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

«Міръ классической древности, закончившій собою древнюю языческую исторію, представляетъ намъ высшую степень, которой могло достигнуть естественное развитіе языческаго человѣчества, ту степень, на которой вслѣдствіе возстановившагося равновѣсія основныхъ началъ человѣческой природы, должно было проявиться какъ бы въ подобіи и преобразованіи, все то, что только можетъ принести съ собою дальнѣйшая исторія человѣчества». Такъ говоритъ г. Леонтьевъ въ своей статьѣ, заглавіе которой приведено выше. Кажется авторъ сказалъ еще очень мало. Новая историческая школа, говоритъ, пожалуй, что явленія исторіи древняго міра составляютъ не подобіе только, не преобразование явленій исторіи послѣдующей, но что въ сущности тѣ и другія явленія совершенно сходны между собою; что новая исторія есть повтореніе древней, въ другихъ національностяхъ, въ другихъ подробностяхъ, въ другомъ объемѣ. Это до такой степени бросилось въ глаза нѣкоторымъ, что, не боясь упрека въ торопливости, они даже построили общую теорію развитія гражданскихъ обществъ, гдѣ какъ норму ставятъ смѣну трехъ періодовъ патріархальнаго, легальнаго и преторіанскаго, соответственно тремъ періодамъ возраста народовъ: юности, зрѣлости и старости. До сихъ поръ это было, пожалуй, и такъ. Г. Леонтьевъ прибавляетъ, что и дальнѣйшая исторія человѣчества можетъ принести съ собою только тоже самое. Ну съ этимъ можно и не согласиться, или по крайней мѣрѣ желать не согласиться. Но до сихъ поръ новая исторія, по мнѣнію знатоковъ, идетъ такъ же, какъ въ свое время шла лучше другихъ извѣстная исторія Рима, пожалуй даже и Греціи. И

съ этой точки зрѣнія нельзя не отдать справедливости трудамъ тѣхъ ученыхъ, которые въ самое недавнее время посвятили себя изученію жизни грековъ и римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ приходится переживать то, что пережили наши предшественники въ цивилизаціи, ихъ жизнь должна быть и можетъ быть для насъ урокомъ очень полезнымъ, тѣмъ болѣе, что мы можемъ слѣдить за нею отъ самаго начала до конца; можемъ не предположенія дѣлать о причинахъ и слѣдствіяхъ извѣстныхъ явленій, а видѣть самыя причины и самыя слѣдствія: все дѣло происходитъ передъ нашими глазами. Дѣлая предположенія, соображенія, мы могли бы увлечься, надѣлать ошибокъ; въ исторіи грековъ и римлянъ намъ стоитъ только не отворачиваться отъ явленій, не закрывать глазъ и вмѣсто дѣйствительности не сочинять фантазій, и мы будемъ имѣть вѣрное представленіе о ней и вѣрное пониманіе ея.

Послѣдніе труды по древней исторіи имѣютъ тѣмъ больше цѣны въ нашихъ глазахъ, что они обращаютъ вниманіе на одну сторону общественной жизни древнихъ народовъ, значеніе которой не могло быть, какъ слѣдуетъ, понято даже за столѣтіе прежде. Постепенное уясненіе экономическихъ идей, лучшее опредѣленіе и измѣреніе элементовъ общественнаго благосостоянія въ послѣднее столѣтіе, дали возможность ученымъ, посвятившимъ свои труды исторіи древнихъ народовъ, воспользоваться результатами наукъ экономическихъ и съ помощью ихъ вѣрнѣе понять судьбы древняго міра. Если пріобрѣтенія исторической науки въ этомъ отношеніи еще не совѣмъ удовлетворительны, если представленные до сихъ поръ выводы не выдерживаютъ критики и иногда рѣшаютъ вопросы совершенно неправильно, на это есть много причинъ и одна изъ нихъ болѣе общая заключается въ томъ, что самыя успѣхи наукъ экономическихъ не такъ велики, какъ это многимъ кажется; что въ политической экономіи есть много вопросовъ, которые рѣшаются самыми разнообразными и даже противоположными способами и ошибки ученыхъ, приложившихъ экономическіе принципы къ изслѣдованію древней жизни заключаются именно въ томъ, что они приняли за окончательные выводы экономической науки такія положенія, которыя отличаются иногда крайнею односторонностью, болѣею частью поверхностны и потому за окончательные выводы науки быть приняты не могутъ, и дѣйствительно не принимаются лучшими мыслителями и основательнѣйшими учеными въ области политической экономіи.

Но для исторической науки важное пріобрѣтеніе состоитъ уже въ томъ, что экономической элементъ введенъ въ ея изслѣдованіе; отъ этого выигрываетъ наука и сама для себя: она дѣлается всеобщее, стало быть ближе къ истинѣ; выигрываетъ и достоинство

науки, какъ школы для современныхъ обществъ, которыя могутъ брать изъ нея, хотя еще въ небольшой мѣрѣ именно тѣ уроки, которые имъ въ наше время всего нужнѣе.

Здѣсь происходитъ явленіе, которое вообще нерѣдко встрѣчается въ дѣятельности человѣческой, явленіе очень простое и давно отмѣченное здравымъ народнымъ смысломъ въ пословицѣ. Прогрессъ политической экономіи отозвался въ исторіи и сдѣлалъ въ ней значительное движеніе впередъ. Но именно это движеніе уже оказало обратное дѣйствіе на политическую экономію и несомнѣнно окажетъ его еще въ большей мѣрѣ. Въ то время, какъ въ исторію вошелъ элементъ экономической, въ изученіе экономическихъ вопросовъ вошелъ элементъ исторической, и въ послѣднее время все больше и больше говорятъ объ историческомъ методѣ въ политической экономіи. Наибольше ученые и основательные экономисты нѣмецкіе, англійскіе и даже французскіе не довольствуются, подобно нѣкоторымъ скороснѣлымъ экономистамъ, легонькими разсужденіями аргюи объ экономическихъ вопросахъ, а слѣдятъ за всѣми экономическими явленіями и ихъ слѣдствіями въ исторіи, и результатъ до сихъ поръ оказавшійся тотъ, что политическая экономія поставлена на твердую и совершенно научную почву и что многое, принимавшееся за выводы науки, потеряло это качество, а экономисты, которые такъ поспѣшно проповѣдывали свои мнимые результаты науки, съ каждымъ днемъ теряютъ кредитъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатъ изъ сближенія исторіи съ политической экономіею выходитъ приобрѣтеніе для той и для другой науки, и можно съ основательностью разсуждать, что это приобрѣтеніе, замѣтное теперь главнымъ образомъ въ методѣ и только частью въ результатахъ, не замедлитъ дать и результаты, которые примирятъ всѣ школы, не желающія окончательно разойтись съ наукою, и что въ экономической наукѣ не будетъ больше мистическаго принципа, къ которому открыто принуждена была прибѣгнуть одна школа.

Сочиненіе г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ, принадлежитъ къ разряду историческихъ трудовъ новой школы. Въ него въ широкомъ размѣрѣ допущенъ элементъ экономической и читатель можетъ только радоваться этому явленію въ русской литературѣ. Г. Леонтьевъ слѣдитъ именно за экономическимъ бытомъ сельской части римскаго населенія; выборъ для сочиненія чрезвычайно удаченъ, какъ потому, что экономическая сторона жизни народной вообще богаче другихъ общими историческими результатами, такъ и потому, что современная реформа экономического быта нашего сельскаго населенія конечно не потерпитъ ничего дурного отъ историческихъ изслѣдованій объ аналогическихъ явленіи-

яхъ у другихъ народовъ. Г. Леонтьевъ не останавливается на простомъ описаніи экономическаго быта сельскихъ жителей римской республики, но присоединяетъ сюда еще свои срображенія о значеніи этого быта на судьбу римскаго государства вообще. Все это чрезвычайно послѣдовательно и совершенно соотвѣтствуетъ уровню современнаго историческаго метода.

Къ сожалѣнію выводы, представленныя г. Леонтьевымъ, не выдерживаютъ строгой критики и можно даже сказать, почти вслѣдствіе совершенно противоположны тѣмъ выводамъ, которые должны необходимо вытекать изъ осторожнаго историко-экономическаго изученія судьбы римскаго народа.

Вотъ какъ изложилъ самъ г. Леонтьевъ свои выводы въ концѣ статьи :

•Римъ, начавшій свою исторію крѣпостнымъ состояніемъ, окончилъ ее также крѣпостнымъ состояніемъ. Древняя крѣпостная зависимость сама собой ослабѣла съ теченіемъ времени, по мѣрѣ распространенія патриціанскихъ помѣстьевъ на государственныхъ земляхъ. Сословіе клиентовъ становилось все менѣе и менѣе замѣтно передъ возрастающимъ и усилѣвающимся сословіемъ плебеевъ, т. е. свободныхъ землевладѣльцевъ. Лициніевъ законодательство даровало плебеямъ полноправность и сдѣлало ихъ собственниками. Слѣдствіемъ того было процвѣтаніе римскаго государства. Но Лициніевы крестьяне сильно пострадали отъ военной службы и отъ соперничества рабовъ, наводнившихъ Италію вслѣдствіе завоеваній. Число пролетаріевъ несоразмѣрно увеличилось, и этому залу уже не въ состояніи были помочь ни Гракхи, ни ихъ предшественники и преемники въ заботахъ о благѣ государства. Число гражданъ-собственникововъ уменьшалось, между тѣмъ какъ размножались граждане безземельные, пока наконецъ сила обстоятельствъ не звела опять крѣпости къ землѣ.

Кто остановится только надъ этою выпискою изъ статьи г. Леонтьева и еще больше кто прочтаетъ со вниманіемъ всю статью, тотъ не можетъ не задуматься надъ какимъ-то фатализмомъ, надъ злымъ рокомъ, ведущимъ римское общество къ страшному упадку. Г. Леонтьевъ рассказываетъ, что послѣ періода войнъ, экономическій бытъ римскихъ земледѣльческихъ классовъ или вѣрнѣе даже не земледѣльческихъ, а просто бѣдныхъ классовъ, (потому что большая часть изъ нихъ уже не занималась земледѣліемъ), находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Это поразило и людей того времени, и лучшіе изъ нихъ, по признаію самаго г. Леонтьева, съ необыкновенною энергіею, съ крайнимъ самопожертвованіемъ, взялись за трудъ исправить состояніе общества, трудъ который удался прежде за два вѣка съ половиною, и въ результатѣ не вышло ничего; общество все шло къ худшему, пока не дошло до такого состоянія, хуже кото-

риго въ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ состояніи мы ничего представить не можемъ; дошло до этихъ нечеловѣческихъ, въ какихъ то часто животныхъ оргій римской знати и простого народа во время цезарей. Кто, изучая исторію древнихъ народовъ, не можетъ забыть, что эти народы не просто предметъ изученія, а въ свое время также мыслили и чувствовали, какъ теперь мыслимъ и чувствуемъ мы; короче кто изучаетъ исторію съ сочувствіемъ къ ея дѣтелямъ, тотъ вынесетъ тяжелое чувство изъ чтенія статьи г. Леонтьева. Будто въ самомъ дѣлѣ правда, что, какъ говорить г. Леонтьевъ, этому злу (т. е. несоразмѣрному увеличенію пролетаріата въ Римѣ, погубившему все общество), не были уже въ состояніи помочь ни Гракки, ни ихъ предшественники и преемники въ заботахъ о благѣ государства? И такъ зло было неотвратимо? И такъ и въ нашихъ обществахъ, которымъ подобіе, по мнѣнію г. Леонтьева, составляетъ древній Римъ, можетъ быть такое неотвратимое зло, которое кончится такъ же, какъ въ Римѣ, прикрѣпленіемъ къ землѣ безземельныхъ гражданъ?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, измѣнимъ нѣсколько то, что мы сказали выше. Но счастью, выводы представленные г. Леонтьевымъ не выдерживаютъ строгой критики и можно даже сказать, почти вслѣдствіе противоположны тѣмъ выводамъ, которые должны необходимо вытекать изъ осторожнаго историко-экономическаго изученія судьбы римскаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ г. Леонтьевъ основалъ свои выводы? Въ экономическомъ отношеніи онъ обращаетъ особенное вниманіе на три періода римской исторіи; на первоначальное устройство, дошедшее состояніе римскаго общества до необходимости реформы Лицинія, потомъ на реформу Лицинія и на реформу Гракковъ. Г. Леонтьевъ дѣлаетъ оцѣнку и первоначальныхъ учрежденій и послѣдующихъ реформъ, показываетъ ихъ дѣйствительныя и возможные слѣдствія, опираясь главнымъ образомъ на экономическія соображенія; и вотъ въ этомъ-то дѣлѣ онъ сдѣлалъ заключенія слишкомъ осторожныя, которыя привели его къ выводамъ невѣрнымъ. Въ этой статьѣ будутъ разобраны экономическія основанія г. Леонтьева сами въ себѣ и въ приложеніи ихъ къ тремъ упомянутымъ эпохамъ римской исторіи.

Первоначальная форма поземельнаго владѣнія въ Римѣ имѣетъ такой видъ: Каждое древнее семейство (патриціанское) имѣло въ собственности два югера (полдесятины), которые должны были пе-

реходить по наследству, т. е. были неотчуждаемы. Рядомъ съ этими наследственными участками существовало общественное поле, которое образовалось мало по малу, и которымъ пользовались также только патриціи за опредѣленную плату, пропорціонально количеству произведеній. Количество или пропорція земли, которую каждый патрицій могъ захватить въ общественномъ полѣ, не было опредѣлено; каждый патрицій могъ захватить столько земли, сколько могъ ее обработать. Вѣроятно въ этомъ дѣлѣ не обходилось безъ споровъ, безъ несправедливостей, потомучто первоначально общественное поле Рима не могло быть велико; а двумя югерами гереліума патриціанское семейство не могло ограничиться. Но объ этомъ не сохранилось извѣстій; къ тому же дѣло вскорѣ измѣнилось, благодаря увеличенію общественнаго поля посредствомъ завоеваній. И въ это время вѣроятно всѣ патриціанскіе роды успѣли занять по желанію земли на общественномъ полѣ; можетъ быть нѣкоторые успѣли захватить даже слишкомъ много, потомучто общественное поле все расло, такъ что при Сервіѣ Туллиѣ уже была возможность надѣлать плебеевъ поземельными участками. Плебеи, пришельцы въ Римѣ, сначала совсѣмъ не имѣли земли, потомучто вѣроятно они то и составляли тотъ классъ населенія, который первоначально занимался ремеслами и торговлею. Но такъ какъ торговля и ремесла въ государствѣ съ патриархальнымъ хозяйствомъ, въ государствѣ почти изолированномъ въ экономическомъ отношеніи, какимъ былъ древній Римъ, могутъ давать пропитаніе только незначительной части населенія, а число плебеевъ, благодаря вышнему увеличенію, все расло и расло несравненно быстрѣе, чѣмъ число патриціевъ; то къ концу періода царей оказалась необходимость надѣлать ихъ землею; и дѣйствительно плебеи получили поземельныя участки при Сервіѣ Туллиѣ; а потомъ, тотчасъ послѣ изгнанія царей, въ другой разъ сдѣлавъ былъ надѣлъ плебеевъ поземельными участками, можетъ быть изъ той части общественнаго поля, которая была въ пользованіи царской фамиліи. Плебеи получали свои участки въ полную собственность; они могли быть отчуждаемы по произволу; государство, отдавая ихъ плебеямъ, отдавало ихъ въ полное ихъ распоряженіе.

Изъ плебеевъ конечно немногіе получили поземельныя участки при Сервіѣ Туллиѣ и послѣ изгнанія царей. Другіе не получили вѣроятно потому, что не нуждались, наконецъ нѣкоторые такъ и остались пролетаріями ни съ чѣмъ. Незавидна была судьба плебеевъ, даже и тѣхъ, которые получили земли, потомучто съ одной стороны на плебейхъ лежали тяжолыя, по причинѣ частыхъ войнъ, воинскія обязанности, а съ другой стороны, они же должны были

оплачивать и часть военныхъ издержекъ трибутомъ, которымъ были обложены ихъ земли. Результатъ былъ тотъ, что плебеи скоро потеряли свои земли и задолжали патриціямъ, что вскорѣ повело къ спорамъ между патриціями и плебеями, окончившимся уравниемъ правъ плебеевъ и патриціевъ и аграрными законами Лиципія, т. е. надѣленіемъ всѣхъ плебеевъ поземельными участками ихъ общаго поля.

Казалось бы что этого результата достаточно для того, чтобы найти неудовлетворительнымъ древній экономическій бытъ плебеевъ и слѣдовательно вообще римскаго государства.

Но г. Леонтьевъ не такъ судитъ объ этомъ первоначальномъ устройствѣ земледѣльческаго класса въ Римѣ. Онъ признаетъ вреднымъ результатъ, т. е. потерю земель плебеями; но экономическое устройство ихъ одобряетъ. Мало того, онъ не знаетъ какъ похвалить его, и ставитъ образцомъ, до котораго мы еще не дошли; прямо отдастъ ему предпочтеніе предъ экономическимъ бытомъ нашего сельскаго класса. Конечно, и съ точки зрѣнія современной и съ точки зрѣнія нашей русской, нельзя осуждать древнія учрежденія; что найдено полезнымъ теперь, что созналъ хорошимъ русскій народъ, до того могли не дойти римляне: это очень естественно. Но г. Леонтьевъ судитъ первоначальный бытъ Рима не съ точки зрѣнія того времени: онъ старается выставить его безукоризненнымъ и съ точки зрѣнія тогда несуществовавшей, а исключительно свойственной въ настоящее время племенамъ славянскимъ и въ особенности намъ русскимъ, и абсолютно осуждаетъ порядокъ существующій у насъ, сравнивая его съ порядкомъ древняго Рима. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: почему римляне не обезпечили какъ нибудь поземельное владѣніе плебеямъ на долгое время, навсегда; почему они отдали плебеямъ земли въ полную собственность, съ правомъ тотчасъ распродать ихъ. Справедливый отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: римляне не дошли до полнаго знанія и хорошаго пониманія всѣхъ видовъ поземельнаго владѣнія; они поступали извѣстнымъ образомъ, потомучто слѣдовали извѣстнымъ образцамъ, потомучто на владѣніе поземельною собственностью они перенесли взгляды съ владѣнія частною движимою и недвижимою городскою собственностью. Можетъ быть впрочемъ патриціи, раздавая плебеямъ земли въ полную собственность, — а все дѣло зависѣло только отъ нихъ, — дѣлали это не безъ тайной мысли скупить ихъ потомъ за безцѣнокъ, пользуясь крайнимъ положеніемъ плебеевъ. Эта мысль довольно вѣроятна, потому во первыхъ, что вліятельнѣйшіе патриціи, т. е. богатѣйшіе, не всѣ были такіе патриоты, какъ Цицериніанъ: было много и такихъ, какъ Коріоланъ; а во вторыхъ они уже чув-

ствояли недостатокъ въ землѣ или прѣвѣльствѣ, они все-таки желали увеличенія земли, что можно видѣть изъ того, что она крѣпко стояла на томъ, чтобы земли, вновь поступавшія въ собственность государства, доставались все-таки имъ же, патриціямъ, и для достиженія этого, не прочь были даже отъ тайнаго убійства, и наконецъ вполнѣдствіи земли, распредѣлныя плебеймъ, дѣйствительно оказались въ рукахъ патриціевъ.

А г. Леонтьевъ объявляетъ отдачу участковъ плебеймъ въ полную собственность тѣмъ, что патриціи имѣли высшія экономическія соображенія и поступали въ духѣ самой строгой идеи права.

Зачѣмъ было терять доходы съ государственныхъ земель, — говоритъ г. Леонтьевъ, — и дарить ихъ крестьянамъ, когда имъ предоставлялось право тотчасъ же продать участки и разомъ уничтожить всѣ плоды законодательной заботы? Дѣло въ томъ, что римляне вѣрно выдерживали коренныя основанія права и ясно понимали, что юридическіе интересы не могутъ быть въ противорѣчій съ экономическими интересами.

Какъ вѣсть отъ этой послѣдней фразы духомъ Бастья? Это согласіе интересовъ экономическихъ съ справедливостью, которое существуетъ только въ умѣ, или даже можетъ быть только на языкѣ эксплуататоровъ разныхъ видовъ, да экономистовъ, мыслящихъ по Бастья! Вотъ гдѣ порывъ слѣдъ всѣхъ ошибокъ п. Леонтьева: онъ воображаетъ, что дѣйствительно Бастья сказалъ послѣднее слово науки. Я говорю только *первый слѣдъ*; и не по одному этому являю заключенію, что г. Леонтьевъ держится экономическихъ взглядовъ Бастья, или все равно кого-нибудь другого изъ этой школы; вся статья г. Леонтьева въ экономическомъ отношеніи пропитана этимъ духомъ.

Что касается до согласія экономическихъ интересовъ съ справедливостью или по выраженію г. Леонтьева съ интересами юридическими, то согласіе это не трудно было опровергнуть, еслибъ г. Леонтьевъ на немъ что-нибудь построилъ. Нетрудно вывести заключеніе хоть бы изъ того только, что справедливость чаще всего нарушается именно изъ интересовъ экономическихъ. Но г. Леонтьевъ ничего не стремится на согласіи справедливости съ интересами экономическими; потому этотъ вопросъ можно обойти. Сверхъ того г. Леонтьевъ не показываетъ ни малѣйшаго основанія, почему справедливость требовала, чтобы государство римское отдало свои земли въ полную собственность плебеймъ. А изъ сущности дѣла оказывается совершенно противоположное; государство, отдавая земли некоторымъ изъ гражданъ, имѣло полное право опредѣлить пользованіе

нимъ такъ, чтобъ интересъ государственный былъ сохраненъ. А интересъ государственный во всей этой операціи былъ тотъ, чтобъ плебеи пользовались землею, т. е. одною изъ даровыхъ силъ природы для своего содержанія и для того, чтобъ всегда быть готовыми служить государству. И при Сервіи Туллии и при изгнаніи царей, Римъ старался организовать военное дѣло, защиту государства, для чего и были розданы земли плебеямъ. Заботливость правительства о томъ, чтобъ сохранить за плебеями возможность и право пользованія землею была бы тѣмъ законнѣе, что этого требовало благосостояніе самихъ плебеевъ. Съ этимъ г. Леонтьевъ не согласенъ, онъ высказываетъ это прямо, приводитъ причины. Это и есть то мѣсто, въ которомъ онъ приводитъ свои экономическіе принципы, на основаніи которыхъ онъ судитъ объ экономическихъ явленіяхъ римской исторіи. Это именно то мѣсто, на которое стоитъ всего болѣе обратить вниманіе.

• Для благосостоянія крестьянства, говоритъ г. Леонтьевъ, нужно, чтобы крестьянскіе участки давали своимъ владѣльцамъ не обезпеченіе продовольствія, которое, въ странѣ, пользующейся благосостояніемъ, легко можетъ быть снискано трудомъ, а возможность затрачивать на свою землю все свободное отъ другихъ занятій время. •

Если читатель хорошо понялъ эту фразу, то безсомнѣнія онъ съѣдетъ изъ нея вѣрное заключеніе, т. е. благосостояніе крестьянства требуетъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ свою землю, и чтобъ количество этой земли было достаточно для того, чтобы онъ не былъ принужденъ, сложа руки, сидѣть большую часть года на недостаточномъ клочкѣ земли. Чтобы благосостояніе было прочно, нужно, чтобы крестьянинъ *всегда* имѣлъ свою землю, т. е. не имѣлъ возможности потерять ее, иными словами, чтобъ его земля была неотчуждаема. Мысль совершенно вѣрная, но не то хотѣлъ сказать г. Леонтьевъ, здѣсь слово *своя* (земля) у него вырвалось противъ его желанія и оно находится въ противорѣчій съ другими словами этой же сѣмьи фразы. Г. Леонтьевъ хочетъ только, чтобы крестьянинъ не сидѣлъ сложа руки, а будетъ ли онъ работать на своей или на чужой землѣ, это и для г. Леонтьева и для крестьянина, по мнѣнію г. Леонтьева, все равно; г. Леонтьевъ увѣренъ, что обезпеченіе продовольствія неважно, даже не нужно для благосостоянія крестьянства, потому что *въ странѣ, пользующейся благосостояніемъ, оно легко можетъ быть снискано трудомъ*, т. е. насмѣнымъ. Здѣсь какъ будто дѣлу и конецъ, не стоитъ и толковать объ обезпеченіи продовольствія большинству населенія, такъ какъ продовольствіе *можно* можетъ быть снискано трудомъ. Сколько я знаю, даже Бастья

не говорилъ такъ легко объ этомъ легкомъ снискиваніи продовольствія трудомъ. Будто въ самомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ одними этими пятью словами считаетъ возможнымъ рѣшить важнѣйшій и все растущій вопросъ о продовольствіи или все равно о пропитаніи. Будто г. Леонтьеву неизвѣстно, что даже въ Англіи, которая несомнѣнно пользуется бѣльшимъ благосостояніемъ, нежели другія современные государства Европы, которыя всѣ пользуются благосостояніемъ бѣльшимъ, нежели государства древняго міра, не только во время кризисовъ, но и во всякое время вообще, сотни тысячъ жителей находятся безъ труда, безъ того самаго труда, который по мнѣнію г. Леонтьева, такъ легко находится, — а слѣдовательно и безъ пропитанія. Такъ въ 1857 г. въ Англіи было 960,000 лицъ, получавшихъ пособіе изъ общественныхъ суммъ, назначенныхъ для этой цѣли, а въ 1849 г. 1,630,000. Какимъ же образомъ г. Леонтьевъ допускаетъ, что въ Римѣ было легко заработать пропитаніе трудомъ? А вѣдь въ Римѣ не было фабрикъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, да и потомъ они были ничтожны; въ это время была ничтожна и торговля и ремесла: гдѣ же могли бѣдные, безземельные люди заработать пропитаніе? На земледѣліи? Но въ какомъ состояніи находилось тогда земледѣліе? Знать ли что нибудь г. Леонтьевъ объ этомъ? Если это было время старинныхъ двухъ-югерныхъ гередіумовъ, то очевидно на два югера никто работниковъ нанимать не стаѣлъ бы, потому что патриціи сами обрабатывали свою землю. А если это было тогда, когда патриціи уже завладѣли большими участками въ общественномъ полѣ, то во первыхъ г. Леонтьевъ не долженъ забывать старинное римское правило, что старательно обрабатывать землю не стоитъ. А патриціи имѣли еще кліентовъ и работъ. Гдѣ же и какъ тутъ земледѣліе могло требовать наемныхъ рабочихъ рукъ? Да если наконецъ земледѣліе и требовало рабочихъ, почему г. Леонтьевъ думаетъ, что плебеи тотчасъ по желанію или по обстоятельствамъ (напр. по возвращеніи изъ похода), нашли бы себѣ работу на чужой землѣ? Кто бы ихъ взялъ къ себѣ на земледѣльческую работу, которая требуетъ непремѣннаго присутствія рабочаго на мѣстѣ, въ извѣстное время, даже иногда въ извѣстный день, а плебеи могли быть во всякое время оторваны въ походъ; въ другое же время рабочіе почти совсѣмъ ненужны для земледѣльческихъ работъ. Не выгоднѣе ли было бѣльшимъ землевладѣльцамъ обрабатывать землю кліентами или рабами, или какими бы то ни было наемными рабочими, только не плебеями, обязанными вести военную службу?

Очевидно отвѣтъ на эти вопросы одинъ: римскому плебею было труднѣе, нежели кому-нибудь теперь, и даже въ древнее время, въ

самомъ Римѣ найти работу. А слѣдуютъ еще вопросы, что было бы съ землею плебея, съ его женою и дѣтьми, когда онъ, бездомный работникъ, пошелъ бы въ походъ, или по возвращеніи изъ похода не шибль бы работы? гдѣ былъ бы ихъ приютъ, откуда пропитаніе? Г. Леонтьевъ на все это не обратилъ вниманія.

Но пусть бездомный плебей и найдетъ себѣ работу, каково должно быть его существованіе въ качествѣ наемника, котораго завтра могутъ выгнать? Если римскіе патриции и были челоѣколюбивы съ кліентами, то извѣстно, что они совсѣмъ не таковы были съ плебеями, не говоря уже о рабахъ. Извѣстно какъ они поступали съ плебеями, когда случался голодъ. Патриции были непрочъ закабалить ихъ въ такую пору. Извѣстно также, какъ они поступали съ плебеями должниками; плебей наемникъ становился къ богатому землевладѣльцу въ тоже отношеніе, какъ должникъ къ кредитору, даже почти какъ рабъ къ господину. И гдѣ такому населенію было добыть себѣ права, какъ ихъ добыли потомъ плебей? А между тѣмъ г. Леонтьевъ находитъ, что уравненіе правъ плебеевъ и патриціевъ послѣ галлскаго нашествія было дѣломъ великимъ и плодотворнымъ для Рима, и что ему Римъ обязанъ своимъ величіемъ и всѣмъ своимъ историческимъ значеніемъ.

Продолжая свое разсужденіе о пользѣ той мѣры, что плебей получали поземельные участки съ возможностью отчуждать ихъ, г. Леонтьевъ говоритъ, что при неотчуждаемости участковъ, размѣры ихъ должны быть одинаковы; и непременно удалаться отъ своей естественной величины, опредѣляемой свободнымъ временемъ земледѣльца. Они будутъ или слишкомъ велики или слишкомъ малы. Если они будутъ велики, то *слѣдствіемъ будетъ потеря производительныхъ силъ земли*. Это разсужденіе до такой степени имѣетъ видъ правды, что становится даже страннымъ, что оно такъ похоже на чистую истину. А между-тѣмъ какъ просто ларчикъ открывается. Г. Леонтьевъ забылъ одно, что если участки будутъ слишкомъ велики, то это можетъ происходить только отъ одной причины, что масса населенія незначительна сравнительно съ количествомъ земли; и что ужъ тутъ какъ ни разсуждай, горю не поможешь; работниковъ дѣл глины надѣлать нельзя, а придется положить, пока населеніе размножится, что и будетъ, если дѣйствительно производительныя силы страны сравнительно больше народонаселенія. Но что всего любопытнѣе въ разсужденіи г. Леонтьева, это то, что вѣдь онъ требуетъ отчуждаемости участковъ, т. е. чтобъ одни земледѣльцы могли продавать свои участки, а другіе могли покупать ихъ. Какъ же, увеличивая участки, онъ хочетъ уничтожить потерю производительныхъ силъ земли? Вѣдь не всякій еще потерявшій

свой участокъ, займется для земледѣльческихъ же работъ. Такимъ образомъ потеря производительныхъ силъ земли будетъ еще больше. Но это не все; потеря производительныхъ силъ будетъ больше даже и въ томъ случаѣ, если всѣ, потерявшіе свои участки, будутъ продолжать заниматься земледѣіемъ. Г. Леонтьеву должно быть извѣстно, что лучшій интересъ есть лучшее возбужденіе къ старательной работѣ. Это говоритъ та наука, на основаніи которой онъ судитъ явленія римской жизни. И не вполнѣ признають это только утописты, къ числу которыхъ г. Леонтьевъ не принадлежитъ. Потому обращеніе собственниковъ въ работниковъ уже въ самомъ себѣ заключаетъ уменьшеніе количества работы, и слѣдовательно большую потерю производительныхъ силъ. Но это опять такъ не все. Кромѣ потери производительныхъ силъ земли, тутъ есть еще большая потеря нравственныхъ силъ челоука. Въдѣ работникъ есть лицо зависимое. Онъ не обезпеченъ въ экономическомъ отношеніи, Землеуладѣлецъ можетъ во всякое время отказать ему. Потому, работникъ подчиненъ его вліянію; онъ долженъ мереть нямъ улажаться, какъ это всегда бываетъ передъ нашими глазами. Какъ въ такомъ случаѣ римскій плебей сохранилъ бы свое самоуваженіе, которое дало ему средство вынести съ честью на своихъ плечахъ судьбу Рима, это самоуваженіе, слѣдствіе экономической независимости, которое русскій народъ такъ хорошо выразилъ въ пословицѣ: шей горшокъ, да самъ большой.

Замѣчательно, что въслѣдствіи говоря о законахъ Лицинія, г. Леонтьевъ самъ приходитъ къ той же мысли. Безъ законовъ Лицинія, говоритъ онъ, «вольный рабочій классъ былъ бы поставленъ фактически въ положеніе крѣпостного, и классъ сельскихъ жителей распался бы на два класса, раздѣленные цѣлою бездною; на классъ господъ и на классъ холоповъ.» Но въ этомъ случаѣ г. Леонтьевъ забылъ о возможномъ результатѣ прославляемой нямъ отчуждаемости участковъ.

Подобнымъ образомъ г. Леонтьевъ доказываетъ и невыгоду слишкомъ малыхъ участковъ. «Слѣдствіемъ», говоритъ онъ, будетъ потеря крестьянскаго времени; праздность, наязывая крестьянину, приучитъ его къ лѣни.» Въ другомъ мѣстѣ г. Леонтьевъ не остановился на этомъ результатѣ; онъ говоритъ даже, что эта лѣньность заразительна, и вотъ поэтому, по примѣру невольнo излѣнившихся поселятъ, надѣленныхъ небольшими участками, все сельское населеніе стало бы лѣниться, чуть ли даже не вся Италия. Вотъ, любопытно то, какъ вся Италия разлѣнилась бы; никто ничего не сталъ бы дѣлать, всѣ ослабѣли бы и физически и морально, прицпили бы Галлы. и чтобы они слѣдали со всѣми этими лѣнтями; да если бы и во

Галлы, гдѣ бы гонимъ развѣтвившимся римлянамъ покорить міръ? Но если даже и оставить эту заразительную лѣнь, все-таки надѣленіе поселенъ небольшоими неотчуждаемыми участками не такъ дурно, какъ объ этомъ думаетъ г. Леонтьевъ. Здѣсь опять необходимо тоже разсужденіе, которое мы сдѣлали выше. Если недостаточность участковъ происходитъ отъ того, что масса земель меньше сравнительно съ числомъ жителей, то бѣдѣ помочь нельзя и теперь, а еще менѣе было можно въ древнемъ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если увеличить участки однихъ на счетъ другихъ, то конечно однимъ будетъ лучше, но каково будетъ другимъ? что будутъ дѣлать эти другіе? Они обратятся на ремесла, на мануфактуры? — О если бы это было въ самомъ дѣлѣ возможно! Если бы страхъ предъ растущимъ народонаселеніемъ могъ быть увлеченъ такими легкими мѣрами! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче, какъ обратить массу жителей на ремесла, мануфактуры, торговлю и другія промыслы? Но вѣдь не такъ же въ самомъ дѣлѣ былъ глупъ Мальтусъ, какъ объ этомъ думаетъ г. Чернышевскій. И когда страна производитъ мало питательныхъ продуктовъ сравнительно съ народонаселеніемъ, тутъ еще есть надъ чѣмъ задуматься, не смотря на выводы, сдѣланные г. Чернышевскимъ.

Нельзя ни по произволу ни по необходимости повернуть значительную массу народонаселенія на промыслы не земледѣльческіе, потому что отношеніе между земледѣльцами и не земледѣльцами въ государствѣ изолированномъ или въ суммѣ государствъ, связанныхъ торговлею, подчинено строгимъ законамъ, опредѣляется отношеніемъ массы потребностей житанія къ массѣ другихъ потребностей народонаселенія. Отъ того-то даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ полная свобода промышленности, отношеніе между населеніями земледѣльческимъ и промышленнымъ (въ тѣсномъ смыслѣ) не измѣняется во доброй волѣ законодателей или экономистовъ, а всегда стоитъ около известнаго предѣла, обозначаемого сущностью дѣла; и вотъ гдѣ полное примѣненіе правила: *laissez faire, laissez passer*.

Въ наше время въ Англіи только меньшая часть народонаселенія занята земледѣліемъ; но вѣдь Англія въ наше время первая страна въ мірѣ по своимъ мануфактурамъ и торговлѣ и притомъ получаетъ ежегодно около 10 милліоновъ квартеровъ иностраннаго хлѣба, т. е. около 14 милліоновъ четвертей, за которыя она платитъ около 140 мил. рублей серебромъ, и платитъ продуктами своихъ мануфактуръ и торговли. Возможно ли это было въ древнее время, въ Римѣ? откуда бы онъ получалъ себѣ хлѣбъ, и чѣмъ платилъ бы за него; вѣдь торговля древняго міра, въ существованіи которой со-

мѣняться невозможно, тѣмъ не менѣе была ничтожна и преимущественно торговля хлѣбомъ; притомъ ввозъ хлѣба не былъ истояною отраслью торговли, а только произволился по временамъ при особенныхъ случаяхъ. Г. Леонтьеву конечно извѣстно изъ разсказа Тита Ливія, съ какими затрудненіями Римъ могъ завастись иностраннѣмъ хлѣбомъ послѣ отхода народа на священную гору.

Но положимъ, что безземельное населеніе въ Римѣ нахляю бы работу, поземельные участки соединялись бы, и владѣльцы ихъ могли бы затрачивать все свое свободное время на ихъ обработку. Опять какого результата нужно ждать отъ этого соединенія? Будетъ ли земледѣліе давать больше продуктовъ? Очевидно нѣтъ: никакой нѣтъ причины предполагать какой нибудь дальнѣйшій успѣхъ въ земледѣліи. Если участки будутъ увеличиваться, обработываніе не будетъ тщательнѣе, потому что именно самое соединеніе имѣетъ мѣсто только потому, что болѣе старательное земледѣліе не возможно, не выгодно. Иначе что же бы мѣшало самымъ мелкимъ владѣльцамъ усилить обработку тѣхъ же самыхъ мелкихъ участковъ. Если же это возможно, то къ чему толковать о потерѣ времени землевладѣльцемъ? Свой маленькій участокъ онъ будетъ старательнѣе обработывать и вреда не будетъ никакого, если дѣйствительно правда, что выгода земледѣлія требуетъ, чтобъ обработка участковъ занимала все свободное время землевладѣльца. И ужъ конечно при этомъ условіи, если успѣхъ земледѣлія требуетъ, чтобъ земля обрабатывалась старательнѣе, то не увеличеніемъ участковъ достигнется этотъ результатъ; напротивъ, чѣмъ меньше участокъ, тѣмъ старательнѣе можно его обработывать; чѣмъ онъ больше, тѣмъ это менѣе возможно. Успѣхи земледѣлія именно всегда слѣдовали за уменьшеніемъ количества земли сравнительно съ массою населенія, слѣдовательно именно они слѣдовали сокращенію участковъ. Когда земли было слишкомъ много, тогда не было еще и трехпольной системы; трехпольная система явилась уже какъ усовершенствованіе при увеличеніи народонаселенія. Дальнѣйшее увеличеніе народонаселенія изгоняетъ и трехпольную систему, и на мѣсто ея входитъ система плодoperемѣнная; но плодoperемѣнная система требуетъ больше труда; и слѣдовательно въ данномъ случаѣ, предполагая что въ Римѣ участки, надѣленные плебеймъ, могли быть слишкомъ малы, именно плодoperемѣнная система могла явиться только на этихъ участкахъ; на большихъ участкахъ трехпольная не могла уступить ей мѣсто. Дальше плодoperемѣнная система уступаетъ мѣсто системѣ огороднической и опять этому незначительность участковъ можетъ только благоприятствовать и всегда дѣйствительно благоприятствуетъ. Довказательствомъ служить хоть земледѣліе въ Китаѣ, гдѣ незначи-

тельные участки обработаны съ возможно-большою старательностью, и дѣйствительно даютъ необыкновенно изобильные продукты. Неиѣшастъ вспомнить при этомъ и тотъ случай, который приводитъ Дюро де ля Маль и который хорошо извѣстенъ Моммсену. Дюро де ля Маль рассказываетъ, что во Франціи, въ Оверни онъ видѣлъ не большой клочекъ земли, раздѣленный между множествомъ мелкихъ собственниковъ. Обработка земли производится тамъ погороднически; заступъ и лопата замѣняютъ плугъ; и страна дѣйствительно отлично обработана. Дюро де ля Маль удивляется, что она прокармливаетъ слишкомъ большое населеніе и прибавляетъ, что *если бы страна была раздѣлена на большіе участки, она не могла бы кормить больше половины того населенія, которое она кормитъ теперь.* Вотъ что значить слишкомъ мелкіе участки, которыхъ такъ боится г. Леонтьевъ вообще и для древняго Рима въ особенности. А замѣтите, Дюро де ля Маль весь этотъ случай приводитъ только къ тому, чтобъ показать, что и для Италіи такой способъ владѣнія землею и обработка ея былъ бы невыгоднѣйшій. Онъ собственно и занимается только древнею Италіею; а объ Оверни говоритъ только для объясненія обстоятельствъ итальянскихъ; онъ находитъ большое сходство даже въ почвѣ Оверни и Италіи; и въ той и въ другой странѣ она вулканическая, и находится совершенно въ однихъ условіяхъ относительно обработки. (*)

Такимъ образомъ предположивши, что участки, данные плебеймъ могли быть недостаточно велики за недостаткомъ земли вообще, мы должны допустить, что все-таки они представляли бы величину самую выгодную для земледѣія и въ данный моментъ и на будущее время; т. е. что и возможныхъ усовершенствованій можно бы ждать только отъ той же самой формы мелкаго владѣнія. Увеличеніе участковъ, т. е. соединеніе ихъ было бы шагомъ назадъ и повело бы къ результатамъ, которые вывелъ Дюро де ля Маль въ подобномъ случаѣ для Оверни.

Если же мы предположимъ, что плебей были бы надѣлены мелкими участками въ то время, когда масса всей земли въ Римѣ была велика, бѣда поправляется очень легко. Для этого слѣдовало бы только вмѣсто мелкихъ участковъ, нарѣзать имъ крупныя и дѣлу конецъ. Если нарѣзывать какіе нибудь участки, то конечно нужно ва-

(*) Эта страна называется Limagne d'Auvergne въ департаментѣ Пюй де Домъ. Народонаселеніе ея 2500 челоп. на □ льѣ; тогда какъ во всемъ департаментѣ 1393; а слѣдовательно въ остальной его части еще меньше. Тамъ собирается два раза въ году зерновой хлѣбъ и овощи. Своимъ благосостояніемъ Limagne d'Auvergne по мнѣнію Дюро де ля Мала обязано раздробленію участковъ. Dureau de la Malle, *Economie politique des Romains*. I, 226.

рѣзывать такіе, которые были бы всего выгоднѣе для земледѣль-
 цевъ, слѣдовательно для земледѣлія, слѣдовательно для всего народа и
 государства. Если надѣлать плебевъ ничтожными участками, тогда
 когда масса всей земли слишкомъ велика сравнительно съ массою на-
 селенія, это значитъ все-таки задержать развитіе земледѣлія, потому
 что большіе участки, которые не могли бы быть хорошо обработаны
 и при равномерномъ распредѣленіи почвы, были бы еще хуже обра-
 ботаны, когда значительная масса народа насильственными или по-
 жалуй искусственными средствами удалена отъ участія въ ихъ обра-
 боткѣ. Большіе участки въ такомъ случаѣ будутъ обработаны сла-
 бѣе, нежели въ томъ случаѣ, если бы они были раздроблены и пре-
 доставлены во владѣніе массѣ населенія. Можетъ быть и такой слу-
 чай, что большіе землевладѣльцы станутъ все-таки обрабатывать
 землю старательно; но какими средствами? Они будутъ искать вса-
 нески рабочикъ для своей земли и обратятся къ труду принужден-
 ному или обязательному, какъ теперь новая республика называетъ
 рабство. Что дѣйствительно въ Римѣ и было еще при самомъ нача-
 лѣ республики, въ то время, о которомъ мы говоримъ, что потомъ
 все усмивалось и къ концу республики рабскій трудъ дѣйствительно
 замѣнилъ трудъ свободный въ обработкѣ земли; но причиною этому
 все-таки была не мелкость или вообще не пропорціональность пле-
 бейскихъ участковъ, а масса земель чрезвычайно большая, раздѣ-
 ленная огромными участками между богатыми фамиліями, которыя
 находили, что имъ было выгодно обрабатывать эти земли не наем-
 нымъ трудомъ римскихъ гражданъ, а трудомъ рабскимъ. Такимъ
 образомъ мелкіе участки плебевъ при большомъ количествѣ земли
 вообще, пожалуй можно сказать, были причиною упадка римскаго
 земледѣлія и земледѣльческаго сословія; но именно потому, что они
 были мелки, когда они должны были и могли быть велики. Ихъ вина
 была въ томъ, что они имѣли подлѣ себя большіе участки, которые
 одни и довели Италію до ея несчастнаго конца. Плиній былъ правъ,
 говоря: *latifundia perdidere statim*; и г. Леонтьевъ совсѣмъ не правъ
 давая этому выраженію особенный смыслъ, не принимая его во всей
 его простотѣ и истинности. Впрочемъ къ этимъ *latifundiis* мы
 еще возвратимся. Теперь сдѣлаемъ маленькое заключеніе. Мелкіе
 участки были бы спасеніемъ Италіи; въ случаѣ недостаточнаго ко-
 личества всей земли вообще, они повели бы шагъ за шагомъ къ по-
 степеннымъ усовершенствованіямъ въ хозяйствѣ; въ чемъ вся сущ-
 ность и заключается. Если мелкіе участки не могли быть полезны
 въ то время, какъ они искусственно были сдѣланы мелкими, когда
 могли быть крупными, это не ихъ вина, а вина того, что египтя-
 ческіе расчеты римской знати получили перевѣсъ передъ желаніемъ

ши и требованіями массы народа, законность и волю которыхъ для того сословія государства мы должны признать безъ всякаго ограниченія.

Разсужденіе г. Леонтьева о томъ, что при неотчуждаемости участковъ они могли быть или слишкомъ велики или слишкомъ малы, весьма важно въ изсѣдованіи судьбы римскаго сельскаго населенія и государства; имъ стоитъ заняться еще нѣсколько. Г. Леонтьевъ предполагаетъ, что при неотчуждаемости участковъ можетъ быть та невыгода, что участки собственно говоря равны бытъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ; что однимъ достанутся участки хорошие, другимъ дурные, что поэтому трудъ будетъ одинаково приложенъ къ хорошей и къ дурной почвѣ, что опять таки будетъ потеря труда. Какъ дадеа этотъ трудъ и возможная его потеря г. Леонтьеву! А не обращаетъ г. Леонтьевъ вниманія на то, что со времени изгнанія царей до имперіи и дальше, въ Римѣ была постоянная потеря труда иногда цѣлой половины римскихъ гражданъ, а иногда даже больше, потому что граждане, не имѣя своихъ земель, и не имѣя работы по майму, принуждены были сидѣть сложа руки; и какая огромная масса матерьянаго труда? Вотъ если бы потрудился вычислить г. Леонтьевъ, сколько труда потеряно благодаря безземельности большей части римскихъ гражданъ во все время республики и имперіи. Вѣдь если кто будетъ слѣдить за этими разсужденіями г. Леонтьева о потерѣ труда вслѣдствіе неотчуждаемости участковъ, тотъ можетъ подумать, что при отчуждаемости участковъ, имѣвшей мѣсто въ Римѣ, этой потери не было. Заключение совершенно вѣрное. Но тутъ и обращаюсь къ г. Леонтьеву съ тѣмъ чтобъ напомнить ему объ этомъ фактѣ, что потеря труда, въ Римѣ, была огромная. Конечно г. Леонтьевъ не забылъ его; но онъ совершенно не обратилъ на него вниманія. И потому всѣ его разсужденія о потерѣ труда при неотчуждаемости участковъ, въ случаѣ ихъ небольшого размѣра, совершенно уничтожаютъ сами себя. Вѣдь все-таки на незначительныхъ участкахъ потеря труда могла быть частная, не весь трудъ земледѣльца пропадалъ бы; часть его, обращенная на обработку участка, дѣлала свое дѣло, приносила пользу; если что могло пропадать, то это было не все время земледѣльца. Впрочемъ это только добровольная уступка г. Леонтьеву; въ самомъ же дѣлѣ ео всѣмъ никакой потери быть не могло. Но если и сдѣлать г. Леонтьеву эту уступку, то все таки эта потеря была выигрышемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при отчуждаемости участковъ, т. е. при безземельности большинства гражданъ, не часть труда терлась, а онъ терался весь, т. е. большинство гражданъ историческою несправедливостію, своекорыстіемъ матриціевъ а потомъ оптиматовъ, уже по-

ставлено было въ невозможность трудиться. Это абсолютно должно было вытекать изъ самаго дѣла, и дѣйствительно шло мѣсто, какъ показали результаты, какъ показала дальнѣйшая исторія Рима.

Что касается до неравенства количественнаго и качественного участковъ, которое г. Леонтьевъ признаетъ важнымъ зломъ, оно въ дѣйствительности такъ не важно, что объ немъ едва стоитъ говорить. Г. Леонтьевъ думаетъ, что при воотчуждаемости участковъ трудъ будетъ обращенъ и на хорошую и на дурную почву. Да какъ же иначе-то? Если есть хорошая и дурная почва, то и та и другая должна быть обработана, если масса населенія требуетъ обработки всей вообще почвы страны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, можно и не быть Рикардо и даже обойтись и безъ его теоріи. Всѣ народы всегда практиковали это правило, которое по простотѣ своей, очень доступно здравому, незатемненному теоріями, смыслу человѣческому. И думаетъ ли г. Леонтьевъ, что дурныя земли такъ и осуждены на запущеніе? Если почва будетъ такъ дурно распределена, что въ однихъ участкахъ будетъ исключительно почва дурная, въ другихъ исключительно хорошая, въ этомъ тоже бѣды нѣтъ. Производительная сила земли можетъ быть приблизительно вычислена для всякой почвы, и хитрости тутъ никакой нѣтъ: это дѣлаютъ наши крестьяне, въ своемъ дѣлѣ земли и отлично обходятъ это неудобство. Зная хорошо почву, они дѣлаютъ больше участки тамъ, гдѣ почва плоха, а меньше тамъ, гдѣ она хороша; дѣлаютъ жъ среднія степени; такъ что неудобство избѣгается очень легко, если величину участка дѣлать обратно пропорціональною его плодородію. Такимъ образомъ и количественное и качественное неравенство участковъ могутъ быть самымъ простымъ, здравымъ смысломъ комбинированы такъ, что въ результатѣ выйдетъ дѣйствительное равенство участковъ, не смотря на то, что они будутъ имѣть не равное пространство или не равное плодородіе. Разуется это равенство не будетъ дѣйствительнымъ, абсолютнымъ равенствомъ. Но есть ли гдѣ нибудь абсолютное равенство? есть ли во всей Россіи двѣ десятины, наръзанныя законнымъ образомъ законнымъ землемѣромъ, которыя бы были равны между собою, т. е. содержали бы математически вѣрную площадь, равную 2400 сажень. Разуется объ этомъ вождѣльномъ равенствѣ участковъ нечего и говорить; если, благодаря неумѣнью, участки равныя въ идеѣ будутъ даже и очень не равны въ дѣлѣ, этимъ возмущаться нечего. Нечего толковать и о томъ, что неотчуждаемые участки будутъ даже значительно не равны по своему достоинству; осудить ихъ за это также нельзя, какъ нельзя осудить напр. паровую машину, если, благодаря неискусству машиниста, она окажется не со-

всѣмъ удовлетворительною; въ такомъ случаѣ, если она ужь очень неудовлетворительна, то стоитъ поправить ее; а если она идетъ хорошо, хотя и не такъ, какъ бы позволительно было желать, пользоваться ею и ждать усовершенствованій отъ опыта. Вообще случайное неравенство неотчуждаемыхъ участковъ осудить ихъ не можетъ, ни въ какомъ отношеніи, такъ какъ они остаются совершенно безукоризненны и въ томъ случаѣ, если по необходимости будутъ или слишкомъ велики или слишкомъ малы. Если они слишкомъ малы тогда, когда могутъ быть достаточно велики, они должны быть увеличены, и бѣда будетъ совершенно поправлена.

Но г. Леонтьевъ не тѣмъ только не правъ, что осуждаетъ недостаточно основательно неотчуждаемые участки за то, что они слишкомъ велики или слишкомъ малы или неровны одинъ другому; онъ ошибается еще въ основаніи, въ своей исходной точкѣ, когда говоритъ, что для благосостоянія крестьянства нужно, чтобы крестьянинъ имѣлъ «возможность затрачивать на свою землю все свободное отъ другихъ занятій время.» Нѣкоторыхъ писателей понимать очень трудно; къ числу ихъ принадлежитъ и г. Леонтьевъ. Вообще въ своей статьѣ онъ ввелъ многое, что только затемняетъ дѣло; въ приведенной фразѣ тоже есть нѣсколько словъ, которые смыслъ ея только затемняютъ. Что хотѣлъ сказать г. Леонтьевъ въ этихъ словахъ: *свободное отъ другихъ занятій время*, — какія это другія занятія? По смыслу всей его статьи и особенно мѣста, откуда выписаны эти слова, надобно эти занятія принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Конечно это не сонъ, не употребленіе пищи, не необходимый отдыхъ послѣ усталости, что по справедливости входитъ въ соображенія экономистовъ, занимающихся вопросомъ о трудѣ рабочихъ; потому что наконецъ это даже не занятія. Какія же это другія занятія земледѣльца? приготовленіе инструментовъ, поправка ихъ, уходъ за рабочимъ скотомъ, вообще забота по хозяйству? Но не думаю, чтобы г. Леонтьевъ, съ его экономическими взглядами, допустилъ какъ выгодное приготовленіе инструментовъ и ихъ поправку самимъ земледѣльцемъ; это противорѣчитъ ученію о раздѣленіи труда. Но что бы-то ни было, чтобы ни должны мы разумѣть подъ именемъ другихъ занятій, идея г. Леонтьева та, чтобы земледѣлецъ сколько можно больше труда затрачивалъ на землю; потому что именно по этому-то случаю онъ говоритъ о потерѣ труда, если земледѣлецъ не можетъ затрачивать весь трудъ, которымъ онъ располагаетъ. Въ такомъ случаѣ, думаетъ г. Леонтьевъ, при возможности затрачивать сколько можно больше труда, и слѣдовательно при дѣйствительной затратѣ его возможно, благосостояніе крестьянства. Но что разумѣтъ г. Леонтьевъ

пользу благообстояніемъ крестьянства? Если *онъ* разумеетъ возможность большую массу продуктовъ, добываемыхъ трудомъ крестьянина, это пожалуй такъ; но и здѣсь еще возможенъ вопросъ: въ чью пользу идетъ эта масса: въ пользу трудящагося крестьянина или кого другого? Вопросъ этотъ тѣмъ умѣстнѣе, что вѣдь г. Леонтьевъ не прочь, и даже прямо высказываетъ свое желаніе повернуть половину и даже двѣ трети крестьянства въ наемныхъ рабочихъ; весьма возможно такой случай, и дѣйствительно часто бывающій, что рабочий заставляемый голодомъ, да плачетъ томо голодающимъ дѣтемъ, тратитъ все свое свободное отъ другихъ занятій время на трудъ по своей специальности, но въ то же время вознагражденъ очень плохо; и одинъ рабочий былъ совершенно правъ сказавши, что *онъ* трудится и поѣсть какъ оселъ, а голодаетъ какъ собака, а это не большое благообстояніе, — голодать какъ собака, не смотри на то; что все свободное отъ другихъ занятій время этого рабочего было очевиднымъ образомъ затрачено. Какую гарантію дасть г. Леонтьевъ рабочему, что его трудъ пойдетъ въ его пользу? но объ этомъ было уже сказано. Теперь обратимъ вниманіе г. Леонтьева на то, что даже обиліе продуктовъ, хорошее вознагражденіе не составятъ благообстоянія крестьянства, если его все свободное время убито на трудъ земледѣлія. Пусть вспомнитъ г. Леонтьевъ, что *онъ* самъ же привелъ намъ Нибуръ, что «свободный земледѣлецъ, самъ обрабатывающій и пожинающій свое поле, пользуется, согласно теченію года и природѣ своихъ занятій, *благодѣяніемъ доути, безъ котораго невозможно сохранить тѣло и душу въ неспорченномъ здравіи.*» Есть еще важный вопросъ, кромя вопроса объ обиліи продуктовъ, вопросъ объ этомъ здоровомъ организмѣ соматическомъ и особенно психическомъ. Все ваше богатство, вся масса продуктовъ будетъ ничего не стоить, если будетъ убито это здоровье всего существа рабочего. И къ рабочему земледѣльцу, такъ какъ понимаетъ его занятія и благообстояніе г. Леонтьевъ, никакъ нельзя отнести того, что относитъ къ нему Нибуръ, согласно съ своимъ представленіемъ о немъ. Скорѣе къ нему годится то, что Нибуръ говоритъ о рабочемъ городскомъ, потому что въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, сущность заключается не въ шѣсть, въ деревнѣ пля въ городѣ, а въ отношеніяхъ рабочего къ различнымъ лицамъ, предметамъ и дѣйствіямъ. «Городской работникъ, говоритъ Нибуръ, едва-едва отдыхаетъ въ правдыкъ, да и то не посредствомъ успокоенія. Онъ во-вномъ зависитъ отъ другихъ людей, которые могутъ лишить его всей прибавки. Онъ или самъ носить въ себѣ зависть къ ремесленникамъ или испытываетъ на себѣ ея злобу и т. д.» Не правда ли, работникъ г. Леонтьева совершенно ро-

вѣкъ герцогскому работнику Нибура, потому что онъ, будучи наемникомъ, принужденъ много трудиться, затрачивать все свое свободное отъ другихъ занятій время, и въ празники едва-едва отдыхаетъ. Онъ во многомъ зависитъ отъ другихъ людей, отъ земледѣльца, предпринимателя или фермера, которые могутъ лишить его всей прибыли, т. е. послать его за дворъ; зависитъ отъ другихъ рабочихъ, которые своею конкуренціею могутъ лишить его всей прибыли, т. е. доведутъ его плату до суммы, которая не будетъ вознаграждать его труда, такъ что онъ пожалуй и совсѣмъ откажется трудиться, и уже натурально будетъ носить къ себѣ зависть къ соросмесленникамъ и даже въ одно и то же время будетъ поносить на себя ея влобу и т. д. Дѣйствительно земледѣлецъ, какъ его представляетъ Нибуръ и земледѣлецъ г. Леонтьева, два предмета совершенно различныя. Недаромъ Нибуръ говоритъ, что его земледѣлецъ *самъ* обрабатываетъ и поживаетъ *свои* поля. Несмотря однако на эту разницу, позволяетъ же себѣ г. Леонтьевъ быть своего земледѣльца раскрашивать словами Нибура; это непоследовательно. Гораздо послѣдовательнѣе поступаетъ г. Леонтьевъ, когда говоритъ, что крестьянство неспособно къ самоуправленію, и что земледѣльцы развиваютъ въ рабочемъ *способностяхъ къ повиновенію*. Это очень послѣдовательно; дѣйствительно такой характеръ имѣетъ земледѣльческій классъ, какъ его представляетъ г. Леонтьевъ, и только такихъ результатовъ можно ждать отъ того земледѣльческаго быта, который, какъ идеалъ представляется г. Леонтьевымъ. Но этотъ приговоръ о неспособности крестьянства къ одному и о способности его къ другому, сильно отзвучивается бюрократическими идеями, хотя всѣмъ извѣстно, г. Леонтьевъ не партизанилъ ихъ! и вотъ до чего мы доходимъ послѣ окончанія такъ давно ожиданнаго дѣла, которое съ такимъ сочувствіемъ и надеждою всѣ мы привѣтствовали. Противъ этого приговора можно бы представить г. Леонтьеву много возраженій, но я ограничусь однимъ, не апіоретическимъ; тутъ г. Леонтьевъ пожалуй заговорилъ бы объ утопіи, а возьму примѣръ изъ жизни, и даже примѣръ не яркій, который бы не могъ шокировать умѣренныхъ возрѣній г. Леонтьева. Я не укажу ему на примѣръ бѣдныхъ пестуховыхъ земледѣльцевъ, которые были способны къ самоуправленію, тогда когда вся Европа была еще подъ властью кулачковаго права, а укажу г. Леонтьеву на примѣръ шведскихъ поселянъ.

плату, и палата эта копируетъ не хуже чѣмъ палаты другихъ сословій въ вопросахъ не только касающихся частныхъ дѣлъ сословія, но и общихъ государственныхъ.

Съ своей точки зрѣнія, г. Леонтьевъ правъ; дѣйствительно отъ

земледѣльческаго класса, какимъ онъ его представляетъ въ идеалѣ, больше желать ничего нельзя; способность къ повиновенію и неспособность къ самоуправленію, это стѣна, за которую земледѣльческій классъ г. Леонтьева не перейдетъ. Но въ представленномъ г. Леонтьевымъ идеалѣ даже приобретено быть не можетъ матеріальное благосостояніе земледѣльца, такъ какъ онъ поставленъ въ самыя невыгодныя условія. А что сказать еще о благосостояніи не матеріальномъ, на которое не даромъ обратилъ вниманіе Нибуръ. Въдѣ истинное благосостояніе невозможно безъ этого неспорченаго здравія души, по выраженію Нибура, безъ этого самоуваженія, довѣренности къ самому себѣ, которыя въ нѣкоторомъ смыслѣ застраховываютъ человѣка противъ разныхъ случайностей, т. е. даютъ ему средства выдержать невзгоду и неудачу, и не упасть, какъ въ отношеніи психическомъ такъ и экономическомъ. Будто наемный работникъ, фактически крѣпостной того, отъ кого онъ зависитъ въ экономическомъ отношеніи, способенъ сохранить въ себѣ эти свойства, нежели свободный земледѣлецъ?

Итакъ затрата всего свободнаго времени земледѣльца ни въ какомъ случаѣ къ полному благосостоянію земледѣльца не приведетъ, напр. къ такому, которое представляетъ себѣ Нибуръ. Оно можетъ иногда привести земледѣльца къ тому, что амбары его будутъ полны (*), т. е., что онъ не будетъ нуждаться въ средствахъ для пропитанія. Но это можетъ быть только при условіяхъ, которыхъ не желаетъ для земледѣльца г. Леонтьевъ; а при условіяхъ, которыя представляетъ г. Леонтьевъ, это рѣшительно невозможно, потому что въ такомъ случаѣ именно не будетъ имѣть мѣста то, чего совершенно справедливо желаетъ Нибуръ, т. е., чтобъ крестьянинъ самъ обрабатывалъ свою землю. А наемникъ земледѣлецъ не можетъ достигнуть не только полнаго благосостоянія: онъ не будетъ имѣть и матеріальнаго достатка; иначе онъ пересталъ бы быть наемникомъ.

Въ Римѣ именно это оказалось. Крестьяне, получившіе отчуждаемые участки, потеряли ихъ, достигли крайней нищеты, задолжали, поступили фактически въ крѣпость богатыхъ людей еще до законовъ Лицинія. Что было причиною этого? — этого вопроса

(*) Эта черта увеличенія массы богатствъ, безъ вниманія къ тому, какъ эти богатства будутъ относиться къ человѣку, и безъ вниманія къ здоровому состоянию тѣла и души, по выраженію Нибура, есть характеристика экономической школы, которой слѣдуетъ г. Леонтьевъ. Имѣя свое начало и главныхъ представителей въ классѣ буржуазіи, она никогда не могла подняться выше расчетовъ матеріальныхъ. Это ей приписываютъ правило: не богатство существуетъ для человека, а человекъ для богатства.

себѣ не задаетъ серьезно г. Леонтьевъ. Онъ говоритъ объ этомъ вскользь; и трудно сказать, какое его мнѣніе объ этомъ предметѣ. То онъ какъ-будто считаетъ причиною объединѣнія плебеевъ — войны; но въ другомъ мѣстѣ гораздо прямо говоритъ, что не войны были причиною ея до времени законовъ Лицинія. Повидимому, г. Леонтьевъ былъ не прочь рѣшить вопросъ о причинахъ объединѣнія плебеевъ; но не рѣшилъ. А между тѣмъ онъ долженъ бы рѣшить его, потому что безъ этого факты опровергаютъ его теорію. Быть плебеевъ въ первое время республики былъ устроенъ, по мнѣнію г. Леонтьева, безукоризненно; а результаты вышли дурные. Отчего же это? Не оттого ли, что теорія г. Леонтьева не вѣрна? Въдѣ смыслъ, вытекающій изъ фактовъ, всегда вѣрнѣе смысла апіорическихъ теорій. Впрочемъ г. Леонтьевъ говоритъ о какихъ-то внутреннихъ причинахъ, политическихъ причинахъ, которыя привели римскихъ земледѣльцовъ къ разоренію, не объясняя ихъ впрочемъ, не исчисляя, не представляя читателю, а просто говоря только: внутреннія причины, политическія причины. Но эти причины объясняютъ дѣло столько же, какъ если бы г. Леонтьевъ сказалъ: математическія причины или астрономическія причины, т. е. эти причины составляютъ въ сочиненіи г. Леонтьева только фразу, которая дѣла не объясняетъ а затемняетъ; именно, онъ удаляютъ изъ виду истинныя причины, дурное экономическое устройство, вслѣдствіе котораго одни земледѣльцы, владѣвшіе клочкомъ земли, скоро должны были уступить его жаднымъ сосѣдямъ патриціямъ, а другіе, не владѣвшіе землею, предоставлены были въ экономическомъ отношеніи произволу патриціевъ, которые довели ихъ, вольнонаемныхъ работниковъ, до тюрьмы и до дѣпей, а тоже не потому, чтобы натура патриціевъ отличалась особенною злобностью, а потому, что положеніе земледѣльцевъ было дѣйствительно беззащитно, все-таки въ экономическомъ отношеніи, и патриціи только, соблюдая свой интересъ, мало-по-малу довели земледѣльцевъ до того состоянія, изъ котораго на время вывелъ его Лициній.

Это несогласіе теоріи г. Леонтьева съ фактами имѣетъ одинъ источникъ. Г. Леонтьевъ какъ-будто положилъ за правило находить хорошимъ все, что было сдѣлано, и дурнымъ то, чего не удалось привести историческимъ дѣятелямъ. Это-то правило довело г. Леонтьева и до его фаталистическаго заключенія о судьбѣ Рима. Это какое-то *statu quo* въ наукѣ. *Statu quo* не имѣетъ много партизановъ и въ другой сферѣ; и самъ г. Леонтьевъ едва ли вполне сочувствуетъ ему; въ наукѣ оно годится еще меньше, и смыслъ фразы: все разумно, что дѣйствительно, имѣетъ совсѣмъ не то

значеніе, чтобъ мы должны были считать за лучшее и полезнѣйшее только такъ называемые совершившіеся факты; съ этимъ взглядомъ можно зайти слишкомъ далеко.

Законы Лидинія были проведены имъ, т. е. въ исторіи это фактъ совершившіеся, и вотъ полное сочувствіе ему со стороны г. Леонтьева. И чтобъ показать необходимость ихъ, г. Леонтьевъ говорить о своихъ внутреннихъ и политическихъ причинахъ, которыхъ г. Леонтьевъ дѣйствительно не представлялъ; онъ представлялъ только имя, несобственно относящееся никакому опредѣленному предмету.

Если судить г. Леонтьева съ дѣйствительной точки зрѣнія и на основаніи тѣхъ причинъ, которыя сами пробиваются наружу, не смотря на невниманіе къ нимъ г. Леонтьева, то законы Лидинія должны быть осуждены. Въ самомъ дѣлѣ, почему же дозволили вдругъ ни съ того, ни съ сего, потому только что нѣкоторые граждане бѣдны, отнять у богатыхъ людей землю, на пользованіе которой они имѣли право, которою они уже пользовались около 200 лѣтъ, и отдать ее бѣднякамъ. Внутреннія причины и политическія причины разорили земледѣльцевъ, но дѣйствию этихъ внутреннихъ причинъ были подвержены и патриціи, и что худо для плебеевъ, то должно было вредить и имъ. Да гдѣ же, въ какомъ государствѣ не имѣютъ дѣйствія разныя внутреннія и политическія причины, которыя вредятъ всему народу? Напр. государство находится въ войнѣ; вишняя торговля его прекратилась, внутренняя сильно страдает; многіе теряютъ отъ этого. Если государство земледѣльческое, оно не вывозитъ своего хлѣба за границу, земледѣльцы не могутъ платить податей и процентовъ своихъ долговъ. Послѣ двухъ трехъ лѣтъ войны они дѣлаются нищими и неоплатными должниками. Обязано ли государство своими государственными средствами, т. е. на счетъ всѣхъ помогать немногимъ, особенно пострадавшимъ; и какъ оно это сдѣлаетъ, если пострадали очень многіе или даже всѣ? Отчужденіемъ государственныхъ земель? Но допустивши одинъ разъ правило отчужденія ихъ, вы въ другой разъ или въ третій уже не будете имѣть этого источника. Такимъ образомъ и политическія причины еще ни къ чему не обязываютъ государство, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія г. Леонтьева, а если обязываютъ, то опять съ той же точки зрѣнія ставятъ его въ невозможность сдѣлать что-нибудь. А если разбирать разныя внутреннія причины, то во всякое время много найдется такихъ, которыя вредятъ благосостоянію многихъ. Обязано ли и въ такомъ случаѣ государство позаботиться о гражданахъ? Если г. Леонтьевъ приметъ это, то онъ разойдется во всемъ съ Бастья и Молиаря и самъ отвергнетъ всю свою статью о судьбѣ

земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ, отъ первой отроки до послѣдней.

Но этого г. Леонтьевъ конечно не сдѣлаетъ; въ такомъ случаѣ онъ и не долженъ оправдывать законовъ Лицинія. Между тѣмъ онъ сильно имъ сочувствуетъ, если только можно назвать сочувствіемъ тѣ похвалы, которыя онъ имъ дѣлаетъ. Сверхъ того, г. Леонтьевъ долженъ осудить ихъ еще съ другой стороны.

Главное дѣло законовъ Лицинія состояло въ надѣленіи бѣдныхъ плебеевъ землею, которая для этого была отобрана у богатыхъ патриціевъ, владѣвшихъ въ общественномъ полѣ сличкомъ большими полями. Лициній отдалъ эти земли плебеямъ по семи югеровъ каждому. Съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній тутъ надѣлалъ только ошибокъ, т. е. не г. Леонтьевъ говоритъ такъ; онъ говоритъ совсѣмъ противное. Но онъ долженъ бы такъ сказать. Во первыхъ, какъ сказано выше, Лициній поступилъ противъ принципа г. Леонтьева тѣмъ, что хотѣлъ обратить населеніе къ сельскимъ занятіямъ, когда естественный ходъ вещей удаллъ его отъ нихъ. Это г. Леонтьевъ называетъ *муштроватъ жизнь*. Впрочемъ это муштрованіе жизни онъ находитъ только у современныхъ писателей и государственныхъ дѣятелей, которые стараются массѣ населенія обезпечить пропитаніе земледѣльческимъ трудомъ. У римлянъ онъ смотритъ на дѣло иначе. Профессоръ римской словесности, онъ не безпристрастенъ къ римлянамъ; у нихъ онъ находитъ хорошимъ-то, что у новыхъ народовъ дурно. Поэтому и оправдываетъ даже муштрованіе жизни Лициніемъ, тогда какъ онъ долженъ бы его осудить, тѣмъ болѣе, что пропитаніе въ Римѣ могло быть снискано очень легко; и Лициній дѣйствительно оказывается ни чѣмъ другимъ, какъ человѣкомъ муштрующимъ жизнь. Долженъ бы еще г. Леонтьевъ осудить Лицинія за то, что онъ отобралъ земли у патриціевъ и такимъ образомъ поступилъ противъ коренныхъ основаній права. Конечно эти земли составляли такъ называемое общественное поле, *ager publicus*. Но вѣдь дѣло состоитъ не въ названіи, а въ самой сущности его. Конечно послѣ Гейне и Шибера можно считать доказаннымъ, что отобрано было поле общественное. Но также можно считать доказаннымъ и то, что кромѣ общественнаго поля, да того, что изъ него же было выдѣлено плебеямъ прежде, въ Римѣ не было никакого другого поля; потому что о старинныхъ гередумахъ, ничтожныхъ по пространству, уже въ Римѣ въ это время и слуху не было. Они вѣроятно были поглощены тѣмъ же общественнымъ полемъ, сдѣлались съ нимъ. Да если и не слѣдись, то все-таки были дѣйствительно ничтожны сравнительно съ общественнымъ полемъ; и исключительное богатство патриціевъ состояло въ томъ же обще-

ственномъ полѣ. Что это была не просто государственная земля, такъ такъ понимаемъ ее мы, отдаваемая во временное пользование гражданамъ, за известную плату, что это была собственность патрициевъ, конечно ограниченная, какъ всякая поземельная собственность, но тѣмъ не менѣе собственность, имѣвшая источникомъ *ius prius occupatiois*, это можно заключить уже изъ того, что патриции могли продавать ее. Продавать, известно, можно только свою собственность. Патриции платили съ земли известную подать государству, но и плебеи платили съ своей земли и даже больше, а между тѣмъ ихъ земля была ихъ полною собственностью. Но гдѣ же съ земли, находящейся въ самой полной собственности, не платится подать? Это дѣлается и въ первобытныхъ государствахъ и въ современныхъ и притомъ такъ, что у образованныхъ народовъ подать эта получаетъ все большій и большій объемъ и значеніе. Такимъ образомъ римскій *ager publicus* назывался *publicus* не болѣе какъ въ томъ смыслѣ, что и все государство называлось *respublica*. *Publicus* мы даже переводить не должны словомъ *общественный* съ нашими теперешними возрѣніями, а *государственный* въ томъ смыслѣ, что вся земля на государственной территоріи есть государственная и не можетъ быть отчуждена въ другое государство, будь она даже на границѣ. Да и сами римляне, что они такое были тогда, какъ не люди государства или правильнѣе члены государства, т. е. это было первое свойство, полъ которымъ они себя представляли. Довольно вспомнить рассказы о Брутѣ, казнящемъ своихъ сыновей для блага государства, о Ветуриі, проклинающей сына съ тою же цѣлью, о Сцеволѣ, жгущемъ себя для того же, и мы убѣдимся, что въ Римѣ все и самые люди были тогда чѣмъ-то государственнымъ, *publicum*, какъ *ager publicus*, какъ *respublica*. Если о Брутѣ, Ветуриі, Сцеволѣ и рассказываютъ то, чего они не дѣлали, это ничего не значитъ. Тутъ имѣетъ смыслъ самое преданіе, самый взглядъ, идущій изъ старины, что истинный римскій гражданинъ именно прежде всего гражданинъ, что онъ существуетъ для государства и принадлежитъ ему, онъ именно есть вѣчто *publicum*. *Ager publicus* римскій не имѣетъ другого значенія. Это впрочемъ признаетъ невольно и самъ г. Леонтьевъ, когда говоритъ, что подати, называйте ихъ какими угодно именами, были гораздо значительнѣе съ земель бывшихъ въ частномъ владѣніи, нежели съ тѣхъ которыя назывались *ager publicus*. Стало быть существенной разницы между ними не было. Можно сказать даже, что государство частныя земли считало даже болѣе своею собственностью, если облагало ихъ большими податями, нежели земли такъ называемаго общественнаго поля. И замѣчательно!

что г. Леонтьевъ называетъ это даже справедливымъ, вполне признавая, что подать съ земель общественаго поля была ничтожна. Все это достаточно показываетъ, что *ager publicus* и земли плебеевъ относительно ихъ качества, какъ собственности частной и государственной, были по крайней мѣрѣ равны, и что только земли патриціевъ назывались *ager publicus*, это не должно удивлять на кого, ни даже г. Леонтьева, потому что ему хорошо извѣстно, что и *res publica* состояла сначала только изъ патриціевъ и что гражданами, нѣчто *publicum*, были только патриціи. *Ager publicus* это было только старинное названіе, которое впрочемъ еще не потеряло своего смысла даже во время Лицинія, когда плебеи еще не совсѣмъ вышли изъ своего стариннаго положенія иностранныхъ поселенцевъ въ Римѣ.

И такъ г. Леонтьевъ долженъ бы осудить Лицинія за то, что онъ отобралъ земли у богатыхъ патриціевъ и отдалъ ихъ бѣднымъ плебеямъ. Онъ долженъ осудить его еще и за то, что онъ мало далъ земли плебеямъ, только по семи югеровъ, и здѣсь слѣдовало бы г. Леонтьеву вспомнить о томъ, что онъ говорилъ о малыхъ участкахъ, что при малыхъ участкахъ происходить большая потеря труда. А что этой земли было мало для земледѣльческаго семейства, это не мое мнѣніе, а все-таки мнѣніе г. Леонтьева, который слѣдуетъ въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, *господину* Моммсену, профессору, кажется цюрихскаго университета. Семиюгерные участки, говоритъ г. Леонтьевъ, «далеко не доходили до той мѣры, которая, какъ показалъ г. Моммсенъ, считалась въ это время и даже нѣсколько послѣ, необходимою мѣрою хорошаго крестьянскаго участка». Тутъ нужно сдѣлать поправку. Моммсенъ не показалъ этого; онъ говоритъ только, что сто лѣтъ послѣ Лицинія, тѣ, которые получили семиюгерные участки, находили ихъ недостаточными. Это еще ничего не доказываетъ; потому что во-первыхъ они получали участки уже не въ томъ мѣстѣ, а въ другомъ, а во-вторыхъ они могли находить ихъ недостаточными, когда они были достаточны; извѣстно, что получающіе очень рѣдко находятъ достаточнымъ то, что они получаютъ. И въ этомъ случаѣ г. Леонтьевъ измѣняетъ смыслъ Моммсена. Моммсенъ самъ думаетъ, что хорошій участокъ, достаточный для плебея, въ окрестностяхъ Рима, долженъ былъ имѣть около двадцати югеровъ. Но въ этомъ онъ ошибся, что будетъ показано ниже. Теперь замѣчу, что онъ его не доказалъ и потому мнѣніе его въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не можетъ быть принимаемо за слово науки, если разумѣется намъ каждый печатный за граппцею листъ не *быть кажется святымъ*. Впрочемъ можно уступить г. Леонтьеву его выводъ о недостаточности семиюгернаго участка;

но за это г. Леонтьевъ долженъ осудить Лицинія, потому что онъ не взял въ вниманіе потерю труда, которая должна была произойти отъ этого. Г. Леонтьевъ не осудить за это Лицинія; напротивъ, онъ ставитъ ему въ заслугу именно эту недостаточность участковъ. Почему вы, читатель, думаете, въ самомъ дѣлѣ Лициній далъ плебеямъ, только по семи югеровъ? Потому что земли было недовольно много, и что Лициній едва успѣлъ и это сдѣлать? Что патриціи не хотѣли ограничиться даже 500 югерами, и плебеямъ не уступали совсѣмъ ничего? Что и изъ-за семи югеровъ дѣло тянулось десять лѣтъ?

О нѣтъ, земля было много, и патриціи согласились бы изъ 500 югеровъ поступиться многимъ, да самъ Лициній имѣлъ особенныя соображенія, которыя г. Леонтьевъ реставрируетъ очень остроумно. «Раздавая землю каждому желающему, римляне (т. е. Лициній и его партія), должны были знать, что не всякій способенъ хозяйничать и не всякій останется хозяиномъ. По тогдашнему состоянію земледѣльческаго промысла, приходилось вѣроятно на каждого сельскаго хозяина приблизительно по два работника, не имѣвшихъ своего хозяйства. Поэтому нужно было тремъ плебеямъ дать столько земли, сколько нужно одному хозяину». И такъ какъ хорошій участокъ долженъ былъ имѣть 20 югеровъ, то Лициній и далъ плебеямъ по семи югеровъ, потому что $3 \times 7 = 21$. Одинъ югеръ выходитъ лишній; но это не бѣда, потеря производительныхъ силъ земли выходила незначительная. Не правда ли, все это просто и ясно, какъ божій день? Но бѣдный римскій народъ, какъ онъ жалокъ! Вы думали, читатель, что изъ всѣхъ древнихъ народовъ римляне едва ли не самый крѣпкій духомъ, не самый способный, если не ко всестороннему развитію, то по крайней мѣрѣ къ оружію и земледѣльческимъ занятіямъ; вѣдь сами римляне говорили, что они сильны *armis et arvis*, т. е. оружіемъ и подемъ или храбры на войнѣ, да терпѣливы и искусны въ обработкѣ поля. Нѣтъ, ничего этого не бывало: изъ трехъ римскихъ поселявъ двое были такъ неспособны, даже вѣроятно глупы, что были не въ состояніи вести свое собственное хозяйство; вотъ какой народъ были эти римляне! Двѣ трети его сельскаго населенія были никуда не годны, и это такъ хорошо было въ Римѣ извѣстно, что Лициній, предлагая свои семиюгерные участки, даже рассчитывалъ на эту глупость римскаго народа. И слѣдовательно осуждать его не за что, если онъ и далъ недостаточное количество земли плебеямъ; онъ избѣгалъ именно потери труда и производительныхъ силъ; вѣроятно предчувствовалъ будущія экономическія идеи Бастья и Моллиари. При этомъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не сдѣлать коротенькой параллели между римлянами и нами русскими. Вѣдь у

насть изъ трехъ крестьянъ обыкновенно всѣ трое способны быть сельскими хозяевами, а римляне-то какъ плохи, изъ трехъ только одинъ? Неправда ли, римлянамъ далеко до насъ.

Впрочемъ Лициній все-таки долженъ осудить г. Леонтьевъ. Къ чему Лициній давалъ всѣмъ плебеймъ землю, когда онъ могъ сразу взять изъ нихъ третью долю, тѣхъ именно, которые заплотинно потеряли участки не по своей винѣ, а по причинамъ внутреннимъ и политическимъ?

Зачѣмъ ему было толочь воду въ ступѣ, т. е. производить этотъ всеобщій надѣлъ, когда онъ былъ увѣренъ, что для двухъ третей бѣдныхъ людей это бесполезно? За чѣмъ онъ не придумалъ чего нибудь, чтобы было бы для нихъ полезно? Въ этомъ Лициній очевидно не правъ. И зачѣмъ самъ народъ принималъ такое участіе въ законахъ Лицинія, съ такимъ усердіемъ поддерживалъ его, когда онъ зналъ не хуже Лицинія свою неспособность къ земледѣлю. Ну обвинять надо и народъ. И наконецъ, какова же могла быть потомъ судьба этого народа, тотчасъ потерявшаго свои земли сообразно плану Лицинія? Очень просто, онъ могъ пойти въ наемные работники къ патриціямъ. Но патриціевъ было немного, земли у нихъ тоже не Богъ знаетъ столько; она же была уменьшена; прежде патриція имѣли огромныя помѣстья; одинъ патрицій владѣлъ участками 300 плебеевъ, а теперь они не могли имѣть больше 500 югеровъ; притомъ у нихъ были и кліенты и рабы, которые при нихъ и остались. И потому, если и прежде плебеи были безъ хлѣба, т. е. безъ работы и теперь они должны были оставаться тоже безъ хлѣба и безъ работы. Какъ же поправлялось дѣло? Гдѣ эта работа, и гдѣ это пропитаніе, которое, по мнѣнію г. Леонтьева, такъ легко могло быть снискано? Но плебеи могли наниматься въ работники къ тѣмъ же плебеймъ, которые скупили у нихъ участки; вѣдь плебеи, оставшіеся хозяевами, должны были владѣть каждый тремя первоначальными участками; это конечно хорошо; но если три участка были достаточны только для одного семейства, это значитъ, что они могли давать пропитаніе и работу только одному семейству и привязать къ нимъ еще одно или два семейства работниковъ невозможно. Едва ли на это метилъ г. Леонтьевъ, дѣлая свое соображеніе относительно взглядовъ Лицинія на это дѣло. Г. Леонтьевъ въ изслѣдованіи о судьбѣ земледѣльческаго населенія въ Римѣ, просто на просто забылъ о двухъ третяхъ этого населенія. Впрочемъ онъ забылъ не о двухъ третяхъ только, а обо всемъ бѣдномъ населеніи, о которомъ такъ хлопоталъ Лициній. Вѣдь предполагаемое имъ соединеніе трехъ плебейскихъ участковъ въ рукахъ одного плебея, дѣло столь же легкое, какъ и снисканіе пропитанія въ древ-

немъ Римъ для бѣдныхъ людей, т. е. дѣло совершенно невозможное. Въ самомъ дѣлѣ, почему г. Леонтьевъ предположилъ, что неспособные хозяева изъ плебеевъ продадутъ свою землю непременно плебеямъ же, получавшимъ на свою долю семиюгерные участки, почему бы имъ не продать ихъ и патриціямъ или тѣмъ немногимъ плебеямъ, которые имѣли большое состояніе и слѣдовательно не могли довольствоваться, какъ и патриціи, даже и двадцатиюгерными участками. Пожалуй и тутъ можно прискать какую-нибудь причину; если не понимать хорошо дѣла, то всегда вмѣсто дѣйствительныхъ причинъ и отношеній, можно сочинить какія-нибудь, которыя пожалуй на первый взглядъ и покажутся истинными. Но г. Леонтьевъ навѣрно ничего не придумаетъ для объясненія того, что плебеи, получавшіе семиюгерные участки могли скупать у неспособныхъ хозяевъ ихъ участки. Чтобы скупать участки, для этого нужны деньги. Но гдѣ ихъ было взять этимъ бѣднымъ людямъ, которымъ дано было по семи югеровъ, для того, чтобъ спасти ихъ отъ голодной смерти. Вѣдь конечно это были бѣдняки, которые добывались надѣла земель и получили ихъ наконецъ. Эти бѣдняки должны были обзаводиться хозяйствомъ, купить инструменты или матеріалъ, купить рабочій скотъ, выстроить необходимыя сельскохозяйственныя постройки, конечно это должно было много стоить имъ; безъ долговъ все это слѣдано быть не могло. Потому эти плебеи, опять обремененные долгами, должны были начать свое хозяйство на недостаточныхъ (по мнѣнію г. Леонтьева) участкахъ, и вдругъ ни оттуда ни отсюда у нихъ явятся деньги, и они скупаютъ участки у неспособныхъ хозяевъ и становятся владельцами каждый двадцати одного югера, не больше и не меньше, во исполненіе теоріи г. Леонтьева. Это могло быть по шучьему велѣнію, но никакъ не по законамъ экономическимъ, толкователемъ которыхъ сдѣлался г. Леонтьевъ (*).

(*) Если читатель самъ знакомъ со статьею г. Леонтьева, онъ пожалуй решитъ себѣ вопросъ о томъ, откуда плебеи могли взять деньги. Разсуждалъ о соображеніяхъ Лицинія, почему онъ сдѣлалъ участки плебеевъ по прежнему отчуждаемыми, г. Леонтьевъ говоритъ, что тутъ былъ расчетъ и на кредитъ. При неотчуждаемости участковъ, думаетъ онъ, кредитъ былъ бы бесполезенъ для плебеевъ. *«Дѣло кредита имѣло въ Римѣ обширные развитія.»* Все это заимствуетъ г. Леонтьевъ изъ г. Моммсена. Не позволю себѣ думать, чтобъ г. Леонтьевъ умышленно искажалъ Моммсена. Безъ сомнѣнія, онъ только не понимаетъ его. Вѣдь Моммсенъ говоритъ о развитіи кредита въ Римѣ, только во время Катона, т. е. больше 200 лѣтъ послѣ Лицинія: Кредитъ развился въ Римѣ, благодаря послѣдовавшему, вслѣдствіе войнъ, знакомству римлянъ съ греками, карфагенянами и другими народами, также, благодаря лириаву, въ Римѣ обрѣтены капиталовъ, вслѣдствіе тѣхъ же войнъ. А во время Лицивія Римъ не считалъ

Таковы образы, если судить съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній былъ шоправъ и въ стремленіяхъ и въ средствахъ и обманулся въ результатахъ предложенныхъ имъ законовъ. Во-первыхъ онъ не больше, какъ муштровалъ жизнь и при томъ безъ всякой нужды, такъ какъ пропитаніе въ Римѣ легко шло и безъ его шифръ. Во-вторыхъ онъ не выдержалъ коренныхъ основаній права, отобравши землю у патриціевъ; на которую она имѣли *ius primitivae occupacionis*, и отдавши ее плебеямъ. Въ третьихъ онъ надѣлилъ плебеевъ недостаточнымъ количествомъ земли и не обратилъ вниманія на потерю труда, которая должна была произойти изъ этого. Въ четвертыхъ онъ все-таки, взявшись неправильно за то, чтобъ обезпечить пропитаніе плебеямъ, совѣтъ его имъ не обезпечилъ. Г. Леонтьевъ можетъ похвалить Лицинія только за одно: что онъ не сдѣлалъ участковъ неотчуждаемыми, не потому однако, чтобъ тутъ были соблюдены коренныя основанія права; напр. тутъ право то и не было соблюдено: государство неизвѣстно для чего отказалось отъ своего права очень нужнаго для него, какъ показывалъ и этотъ самый случай, надѣлъ плебеевъ землею. Г. Леонтьевъ можетъ въ этомъ случаѣ похвалить Лицинія только потому, что Лициній дѣйствовалъ въ духѣ Бастья и «Русскаго Вѣстника», который, говорятъ, недавно напечаталъ статью о необходимости продажи нашихъ государственныхъ земель и еще потому, что г. Леонтьевъ не понимаетъ разницы между различными родами собственности, изъ которыхъ одни служатъ для удовлетворенія суетности камелій и маменькиныхъ сынковъ, которые корчатъ либераловъ; предметы такой собственности большею частью могутъ быть умножаемы едвали не безконечно; тогда какъ другіе роды собственности, какъ земля, служатъ къ поддержанію жизни населеній, которою уже играть нельзя, какъ фазономъ фраковъ или экипажей. Предметы этой собственности къ сожалѣнію умножаемы быть не могутъ; ихъ объемъ данъ одинъ разъ навсегда; и умнѣйшіе люди, съумѣвшіе заглянуть въ будущее, въ возможное отношеніе населенія къ средствамъ пропитанія, съ ужасомъ увидѣли тамъ то, чему они пред-

еще даже всей Средней Италіи. Образъ жизни и хозяйство тогда существовали еще въ прежнемъ простомъ видѣ. Кредитъ существовалъ еще въ видѣ ростовщичества. И къ этому времени относится неблагопріятный взглядъ римлянъ на проценты. Этотъ взглядъ г. Леонтьевъ приписываетъ и Лицинію; говоритъ даже, что Лициній уплаченные проценты предложилъ считать за уплату самаго капитала. И рядомъ съ этимъ онъ говоритъ, что Лициній разсчитывалъ и на кредитъ?!

Да гдѣ же найти кредиторовъ, которые давали бы деньги безъ процентовъ? Римскіе ростовщики ихъ не дали бы.

почти истребительную войну, моря и тому подобная приятный явления. Предметы этой собственности имеют такую важность, что не могут быть отделены от понятия о высшей форме человеческого общества, государства, форма которой служит необходимым условием всякого действительного успеха в сфере экономической, умственной и нравственной; территория и государство это два понятия столь же необходимо связанныя, какъ народъ и государство, какъ тѣло и жизнь его, какъ машина и материалы, изъ которыхъ она сдѣлана и т. п.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ РИМА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЕОНТЬЕВА: «О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ». (РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ, № 1, 1861 г.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Мы сказали уже въ первой статьѣ, что собственность, удовлетворяющую первымъ потребностямъ, г. Леонтьевъ ставитъ рядомъ съ собственностью въ родѣ кружевъ, шампанскаго и модной мебели. Это взглядъ Бастья и школы, къ которой онъ принадлежитъ; по это не взглядъ науки. Государство съ его существенными атрибутами иначе разсматривается экономистами, и нашей публикѣ можно порекомендовать хоть взглядъ Кери, въ которомъ восточнаго ничего увидѣть нельзя, потому что онъ идетъ не съ востока, а съ запада и съ далекаго запада, съ которымъ мы еще очень мало знакомы, къ великому сожалѣнію. Бѣдному Кери у насъ одинаково достается отъ экономическихъ школъ, самыхъ противоположныхъ направленій. Г. Леонтьевъ называетъ его экономическія идеи парадоксами, а г. Чернышевскій еще чѣмъ-то едва ли не хуже. Вотъ, еслибъ дѣйствительно наши экономисты по меньше импровизировали, а по больше хоть только связывали свои собственныя идеи, ни г. Леонтьевъ, ни г. Чернышевскій о Кери такого мнѣнія не высказали бы, особенно г. Чернышевскій. Онъ увидѣлъ бы, что у Кери все лучше сложено, чѣмъ въ его сочиненіяхъ, и что ему именно у Кери поучиться и слѣдуетъ; а не привязываться къ тѣмъ изъ его доказательствъ, которые содержатъ въ себѣ попадающіеся вездѣ паралогизмы. Кроме паралогизмовъ у Кери есть много правды, и важнѣйшія изъ его политико-экономическихъ воззрѣній держатся крѣпко, не смотря на то, что другія, менѣе важныя, нуждаются въ поправкахъ.

Но, оканчивая это совершенно невольное отступленіе, возвращусь къ законамъ Лицинія. Правда ли, что они могутъ быть оправ-

даны и осуждены такъ не основательно, какъ это слѣдовало бы слѣвать г. Леонтьеву, если бы онъ хотѣлъ быть послѣдователемъ. Нѣтъ, законы Лицинія имѣли въ себѣ много хорошаго — именно все, что по взгляду г. Леонтьева въ нихъ дурно, и они имѣли одинъ очень важный недостатокъ — именно то, что г. Леонтьевъ считаетъ достоинствомъ.

Дѣло состояло въ томъ: Римскіе плебеи, получившіе прежде поземельные участки, давно распродали ихъ, и во время Лицинія народонаселеніе Рима состояло съ одной стороны изъ богачей патриціевъ и немногихъ плебеевъ, съ другой, изъ массы людей безземельныхъ, изъ плебеевъ, которые, не могли нигдѣ найти средствъ для своего содержанія; потому были осуждены на крайнія лишенія. Положеніе ихъ было тѣмъ хуже, что, принужденные угрозою голодной смерти, они дѣлали долги и притомъ не подъ залогъ какой нибудь собственности, — они ее уже не имѣли, — а подъ залогъ своего собственного тѣла. Съ какою надеждою они дѣлали долги, чѣмъ рассчитывали платить ихъ, это сейчасъ окажется. Здѣсь важенъ вопросъ: отъ чего въ самомъ дѣлѣ плебеи потеряли свои поземельные участки. Прочитавши нѣсколько разъ всю статью г. Леонтьева, я не могу сказать, какое его мнѣніе объ этомъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ какъ будто думаетъ, что этому причиною были войны; въ другихъ мѣстахъ говорить, что войны не могли быть этою причиною, что это какія-то загадочныя причины, политическія и внутреннія. На самомъ дѣлѣ это причины экономическія. Войны, дѣйствительно, если произвели какой нибудь экономическій результатъ, то совершенно противный тому, какой какъ будто приписываетъ въ иныхъ мѣстахъ имъ г. Леонтьевъ. О причинахъ внутреннихъ и политическихъ я не говорю, потому что подъ ними ничего опредѣленнаго разумѣть изъ статьи г. Леонтьева нельзя. А что войны не имѣли тутъ вреднаго результата, это можно видѣть изъ того, что войны періода до законовъ Лицинія ограничивались небольшимъ пространствомъ Средней Италіи; все это были войны незначительныя, и походы непродолжительныя, исключая весьма немногихъ случаевъ осады непріятельскихъ городовъ. Такіе походы не могли разстроивать сельскаго хозяйства, особенно въ Италіи, гдѣ періодъ обработки хлѣба гораздо продолжительнѣе, нежели гдѣ нибудь у насъ, и даже въ Средней Европѣ. Между тѣмъ и у насъ подобные походы не разстроиваютъ хозяйства нашихъ воиновъ-земледѣльцевъ. А у насъ именно есть состояніе очень похожее на состояніе римскихъ плебеевъ; это казакъ, донскіе, кубанскіе, терекскіе и уральскіе. Всѣ они отрываются отъ занятій сельско-хозяйственныхъ для занятій военныхъ. Несмотря на то, ихъ экономическій бытъ не только лучше, нежели бытъ

нашихъ постоянныхъ земледѣльцевъ, но и абсолютно весьма удовлетворителенъ. Объ уральскихъ казакахъ есть даже пѣсня, гдѣ поется, что они *жмаутъ богато*; состояніе другихъ не только не хуже, но вѣроятно лучше. Отъ чего же такая разница между положеніемъ нашихъ постоянныхъ земледѣльцевъ и римскихъ? Наши казаки получаютъ содержаніе, если идутъ въ походъ; но и римскіе плебеи получали его, и этотъ законъ изданъ сенатомъ еще за долго до законовъ Лицинія. Плебеи оцѣнили его какъ слѣдовало, и не знали какъ выразить свою признательность сенату, тѣмъ болѣе, что сенатъ издалъ его собственною инициативою, безъ требованія трибуновъ. Но этого мало; походы и безъ жалованья не могли быть обременительны для плебеевъ, потому что, какъ уже сказано, походы не были продолжительны; и потомъ—походы, болѣею частью, были успѣшны: въ это время Римъ подчинилъ себѣ мало по малу Лаціумъ и Этрурію, а извѣстно, что счастливые походы скорѣе обогащаютъ войновъ, нежели разоряютъ. Титъ Ливій, дѣйствительно, не разъ разсказываетъ, что войска римскія именно въ это время грабили города непріятельскіе, и что это были города богатые. Натурально такіе походы должны были обогащать плебеевъ, что безъ сомнѣнія и было; и вотъ здѣсь вѣроятно нужно искать одну изъ причинъ, почему плебеи дѣлали долги, повидимому безъ всякой надежды уплатить ихъ, слѣдовательно съ увѣренностью попасть въ тюрьму и надѣть на ноги цѣпи; а въ самомъ дѣлѣ съ надеждою заплатить ихъ послѣ похода. Въ этомъ случаѣ походы римлянъ мы можемъ сравнить съ походомъ донскихъ казаковъ въ западную Европу послѣ 1812 года. Извѣстно, что казаки послѣ этого похода воротились домой съ порядочнымъ богатствомъ; и ужь никакъ нельзя сказать, чтобъ этотъ походъ, равно какъ и другіе ихъ походы разстроивали ихъ быть экономическій, потому что онъ не разстроилъ, а до сихъ поръ хорошо устроилъ. Состояніе римскихъ плебеевъ весьма сходно съ состояніемъ нашихъ казаковъ, а между тѣмъ постоянный результатъ его совершенно противный. Гдѣ причина? Въ чемъ заключается дѣйствительная разница быта казаковъ и быта плебеевъ? Почему одни пользуются возможнымъ благосостояніемъ, а другіе постоянно шли къ нищетѣ, нѣсколько разъ законодательными мѣрами были изъ нея извлекаемы, и опять доходили до прежняго состоянія? Дѣло все въ экономическомъ устройствѣ. Плебеи имѣли рядомъ съ собою богатыхъ патриціевъ; по необходимости между ними вачивались экономическія отношенія; а въ экономическихъ отношеніяхъ, гдѣ нѣкоторые претендуютъ на такъ называемое согласіе интересовъ, согласіе это дѣйствительно есть; но, рядомъ съ согласіемъ, есть и противоположность интересовъ. Напр., противоположность

интересовъ кредитора и должника, покупателя и продавца, хозяина и работника. Конечно, покупателю выгодно существованіе и занятія продавца; это согласіе интересовъ. Дальше слѣдуетъ несогласіе. Покупателю выгодно купить дешевле, продавцу выгодно продать дороже. Извѣстно, что въ экономическихъ сношеніяхъ согласіе интересовъ проявляется только вообще; тогда какъ противоположность дѣйствуетъ на каждомъ шагѣ. Кому не приходилось страдать отъ противоположности интересовъ, быть обманутымъ въ покупкѣ, заплатить много или получить мало за работу и т. п. И во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ плебей стоитъ невыгодно относительно патриція, всегда онъ нуждался въ патриціѣ; и потому всегда патриціи диктовалъ условія, а плебею оставалось только исполнять ихъ. Г. Леонтьевъ говоритъ, что римляне, какъ народъ серьезной смотрѣвшій на вещи (не смотря на глупость двухъ третей его), въ экономическихъ отношеніяхъ строго требовали соблюденія обязательствъ. Это совершенно справедливо. Но какъ обязательства были невыгодны для плебеевъ, то отсюда для нихъ ничего не происходило кромѣ потерь, кромѣ экономического упадка. И къ этому-то времени нужно отнести происхожденіе поговорки: *summum jus, summa injuria*; дѣйствительно, соблюденіе обязательства было для плебей великою несправедливостью. Патриціи сами это чувствовали и нѣсколько разъ отказывались отъ своихъ правъ. Но дѣло отъ этого не измѣнялось; прѣжнее состояніе возвращалось. Почему же плебей стояли невыгодно относительно патриціевъ? На это можно бы много сказать, но размѣры статьи не позволяютъ этого. Я приведу только слова экономиста, котораго если въ чемъ можно занозозреть, то не въ пристрастіи къ бѣдной части населенія, потому что съ нею онъ всегда не ладилъ. ⁽¹⁾ *Si je puis me passer de vous pendant une semaine, et que vous ne puissiez vous passer de moi que deux jours, je suis votre maitre et vous êtes mon serviteur de fait, sinon de droit* ⁽²⁾. Дѣло въ томъ, что бѣдные плебей были предоставлены на добрую волю патриціевъ во многихъ случаяхъ; неурожай, падежъ скота, — и плебей идетъ къ патрицію занимать деньги на условіяхъ, которыя тотъ продиктуетъ; плебей принимаетъ ихъ, потому что ему не-принять нельзя. При умѣренности участковъ, сбереженія на черный день у многихъ сдѣланы не были. Потому бѣдный плебей принимаетъ вса-

(1) Шербюлье, бывшій профессоръ политической экономіи въ Женевѣ. Въ 1848 г., послѣ паденія консервативной партіи въ Женевѣ, оставилъ Женеву.

(2) Если я цѣлую недѣлю могу обходиться безъ васъ, а вы не обойдетесь безъ меня и двухъ дней, то я вамъ господинъ, а вы мой слуга по факту, если не по праву.

кія условія. Затѣмъ еще неудача, и даже безъ новой неудачи, потому что долгъ есть постоянная неудача, участокъ отходитъ къ патрицію. А потомъ свисканіе себѣ пропитанія трудомъ, легкое, по мнѣнію г. Леонтьева, но видно не легкое на самомъ дѣлѣ, потому что плебеи имъ были недовольны; да и Лициній счелъ нужнымъ обезпечить этотъ легко добываемый трудъ тѣмъ, что положилъ закономъ въ обязанность патриціямъ имѣть известное число вольныхъ рабочихъ. Да и вся реформа надѣленія плебеевъ землею доказываетъ, что свисканіе пропитанія трудомъ было не легко. Или, можетъ быть, Лициній ошибался, предлагая свою реформу, а правъ г. Леонтьевъ?

Но почему же не всѣ плебеи были въ несчастномъ состояніи? въкоторыя были достаточны, другіе даже богаты? Не противорѣчатъ ли это картинѣ экономическаго быта, представленной выше? Это, напротивъ, подтверждаетъ ее. Плебеи относительно патриціевъ стояли невыгодно дѣйствительно только въ экономическомъ отношеніи, а совсѣмъ не въ политическомъ. Въ политическихъ правахъ они значительно были подняты еще конституціе Сервія Туллія, организовавшаго комиціи по центуріямъ, гдѣ плебеи имѣли голосъ наравнѣ съ патриціями. Настоящею гарантіею правъ плебеевъ былъ трибунатъ, учрежденіе, идущее съ первыхъ временъ республики. Такихъ правъ, какія имѣли плебеи до Лицинія, до сихъ поръ не имѣютъ работники въ странѣ, которую г. Леонтьевъ считаетъ образцомъ совершенства. Дурны были только экономическія отношенія, именно благодаря экономической безпомощности плебеевъ, благодаря недостатку крѣпкой точки опоры, недостатку убѣжища въ случаѣ несчастія. Тѣ плебеи, которые прибыли въ Римъ съ состояніемъ, или которые, поселившись въ Римѣ, успѣли заручиться состояніемъ, не смотря на неполное равенство правъ политическихъ, еще до Лицинія стояли высоко въ обществѣ, и Титъ Ливій самаго Лицинія называетъ *illustris quidem, vir tamen plebeiis*. Но за то тѣ, которые были плохо поставлены экономически, необходимо должны были идти къ нищетѣ, къ безземельности, не смотря на то, что они получали землю. А потерять землю ничего не стоило, потому что участки, которыми надѣлялись плебеи, будучи незначительны, въ тоже время были отчуждаемы. Въ несчастія это помощи никакой не дѣлало. Въ земледѣліи невозможно обойтись безъ неудачъ: отъ неурожая не спасетъ никакая старательность земледѣльца; о страхованіи же тогда понятія не имѣли. Въ такихъ случаяхъ помогало государство. Но можетъ быть, благодаря самой отчуждаемости участковъ, государство или правительство, т. е. патриціи, не скоро было на такую помощь. Титъ Ливій передастъ не одинъ случай, что патри-

ція не благосклонно смотрѣли на тѣхъ, которые спѣшили помочь народу въ случаѣ голода; нѣкоторые за эту помощь поплатились головою. Что видѣть въ этой политикѣ патриціевъ? Вѣдь можетъ быть она нарочно не помогала плебеямъ, чтобъ скуинить ихъ участки. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить всегда повторяемой сказкѣ, что партизаны народа, помогавшіе ему въ случаѣ голода, добивались царской власти. Между тѣмъ, при отчуждаемости участковъ, каждая неудача, неурожай и т. п., вела за собою потерю участка, за которою для плебея слѣдовалъ уже постоянный неурожай. При неотчуждаемости участковъ этого быть не могло. Если участокъ не могъ быть проданъ, то богатые патриции не могли и рассчитывать на покупку его, и при несчастіи народномъ, безъ задней мысли, подумали бы о смягченіи народнаго бѣдствія; это и въ современныхъ государствахъ вездѣ дѣлается и за это, сколько помнится, еще никто не осуждалъ современныхъ правительствъ, если только правительства своими мѣрами не усиливали бѣдствія. Для земледѣльца, имѣющаго свое хозяйство, самый неурожай не такъ страшенъ: на своемъ клочкѣ земли онъ выдержитъ его легче. У него, какъ суррогатъ хлѣба, всегда найдется что нибудь: — продукты скотоводства, овощи, зелень или, какъ у насъ въ 1840 г., овесъ, даже лебеда, а въ Швеціи и Финляндіи древесная кора и т. п. Но проходитъ общее бѣдствіе, и при неотчуждаемости участковъ все населеніе скоро поправляется; при отчуждаемости часть его оказывается безъ средствъ, потому что участки распроданы, отчего общее бѣдствіе нисколько не было уменьшено, потому что масса питательныхъ веществъ въ это время посредствомъ продажи земель нисколько не увеличилась. А между тѣмъ будущее испорчено; это рѣшительно исторія Исава, который за чечевичную похлебку отказался отъ своихъ правъ. Но масса населенія, сумма его, весь народъ даже и никакой похлебки не получаетъ, а портитъ свое будущее ни за что.

Въ Римѣ вся бѣда, несчастное положеніе плебеевъ, происходила главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ, отъ ихъ незащитности экономической, и отъ отчуждаемости участковъ. Плебеи, конечно, въ этомъ виноваты не были; тѣмъ не менѣе благосостояніе ихъ было нужно для Рима, и въ этомъ случаѣ нужно отдать справедливость г. Леонтьеву. Онъ умѣлъ хорошо понять необходимость реформы Лицинія. «Послѣ галльскаго нашествія, говоритъ онъ, т. е. передъ изданіемъ законовъ Лицинія, Римъ находился въ рѣшительномъ моментѣ своей исторіи. Онъ могъ превратиться въ олигархію. Крестьянство, которое, какъ показала послѣдствія, было естественною потребностью Рима и въ политическомъ и въ экономическомъ состояніи, могло погибнуть. Патриціи могли завладѣть всею землей

и всѣмъ политическими правами, и римская исторія окончилась бы безславно».

Къ этому нужно прибавить, что самое существенное дѣло заключалось не въ политическихъ правахъ, а въ экономическомъ устройствѣ. Политическія права были уже достигнуты плебеями. Дѣйствительная гарантія ихъ, трибунатъ, существовала и имѣла значеніе, какъ показало самое проведеніе законовъ Лицинія. Лициній, потому только и провелъ ихъ, что былъ трибуномъ. Что касается до консульскаго достоинства, не смотря на то, что г. Леонтьевъ называетъ его цитаделью свободы, *arx libertatis*, въ самомъ дѣлѣ цитаделью свободы оно не было. Во всей исторіи Рима консулы ни разу не играли самостоятельной роли во внутреннихъ дѣлахъ, особенно они никогда не были защитниками плебеевъ и потому бѣдныхъ гражданъ; они были всегда только орудіемъ сената. Это выраженіе *arx libertatis* — изъ рѣчи, которую Лициній говорилъ народу; во тутъ надобно сдѣлать различіе. Это могло только такъ казаться Лицинію, если не предполагать, что это ему даже и не казалось, а только было имъ сказано. Дѣйствительною цитаделью свободы былъ трибунатъ, а дѣйствительною свободою была экономическая свобода, независимость бѣдныхъ гражданъ отъ богатыхъ. Этой-то свободы и желалъ добиться для народа Лициній.

Великая заслуга Лицинія и достоинство его законовъ состоитъ въ томъ, что онъ понялъ необходимость этой экономической независимости бѣдныхъ римскихъ гражданъ отъ богатыхъ, безъ которой, какъ говоритъ Шербиолье, если не по праву, то по дѣлу всегда бѣдный человѣкъ есть рабъ богатаго. Лициній стоялъ передъ многими препятствіями въ своемъ дѣлѣ. Изъ нихъ самое важное, давность владѣнія патриціевъ на государственныхъ земляхъ, *prescription, cette patronne du genre humain, comme on dit au palais*, по словамъ Курсуль-Сенёлла. Лициній рѣшился, сколько позволяли обстоятельства, и сколько требовала необходимость, возстановить историческую несправедливость; потому что патриціи одни заняли земли, которыхъ добытты были не столько ихъ оружіемъ, сколько оружіемъ плебеевъ. Патриціи крѣпко держались за свое право; но Лициній не столько горячился и торопился какъ его предшественники, погибшіе за дѣло народа, и выигралъ свое дѣло. Патриціи отказались отъ жалкаго земель, который былъ розданъ народу.

Лицилій далъ плебеямъ только по 7 югеровъ; конечно, нельзя сказать, чтобъ этого было много, но этого было достаточно, не смотря на противное мнѣніе Моммсена и г. Леонтьева. Дюро-де-ля Малья, специально занимавшійся этимъ вопросомъ и на мѣстѣ въ Италіи, и сравнительно съ другими мѣстностями, именно находить,

что такого рода культура, т. е. мелкіе поземельные участки были естественною формою хозяйства въ Средней Италіи, какъ въ Оверьяи. А что г. Леонтьевъ счлпаетъ достаточнымъ для одного хозяйства не менѣе 20-ти югеровъ, на это онъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, кромѣ мнѣнія Моммсена которому онъ далъ положительность, какой не давалъ ему самъ Моммсенъ. На двадцати югерахъ, т. е. на 5-ти десятинахъ можетъ существовать въ хорошемъ состояніи у насъ крестьянское хозяйство, не смотря на то, что нашъ крестьянинъ платитъ тоже разныя подати.

А нельзя забывать и того, что потребности жителей холодныхъ странъ и настоятельнѣе, и разнообразнѣе, нежели жителей странъ теплыхъ. Римскій плебей конечно могъ и не думать о тепломъ жилищѣ, о теплой обуви и одеждѣ. Да и самое питаніе въ холодныхъ странахъ должно быть обильнѣе. Не надобно забывать и того, что въ 2000 лѣтъ, раздѣляющія нашего крестьянина отъ плебея времени Лицинія, авилось нѣсколько новыхъ потребностей, которыя усилили проникнуть въ наше земледѣльческое состояніе. При этомъ сравненіи не лишено смысла и то, что въ земледѣліи, относительно обилія продуктовъ, играетъ роль не одна почва, а и воздухъ; въ теплыхъ странахъ онъ доставляетъ растенію больше питательныхъ элементовъ, нежели въ холодныхъ. Италія, при современномъ несчастномъ экономическомъ состояніи ея, когда какъ-будто по наслѣдству отъ римскихъ отпиматовъ еще продолжается система обращенія полей въ пастбища, не смотря на то, и не смотря на ничтожное развитіе мануфактуръ на своихъ 5,700 кв. миляхъ, кормитъ 20,000,000 народу, тогда какъ если г. Леонтьевъ отберетъ всѣ самыя населенныя страны Россіи, онъ не соберетъ на 5,700 кв. миляхъ даже 10,000,000, т. е. вдвое меньше. Отсюда можно прямо заключить, что требованіе для плебея времени Лицинія 20 югеровъ ни начеиъ не основано. Что 7 югеровъ были совершенно достаточны для скромнаго земледѣльческаго хозяйства можно видѣть и изъ того, что, много послѣ, Курій Дентать называлъ гражданномъ опаснымъ для республики того, кто не довольствовался 7 югерами. Это значитъ, что на 7 югерахъ можно было жить даже въ его время, когда древняя римская простота въ образѣ жизни еще сохранялась. Цинцинать имѣлъ только четыре югера; и на это количество можно смотрѣть уже, какъ на несовѣиъ достаточное, потому Цинцинать и представляется образцемъ умѣренности, а 7 югеровъ это почти два гектара; но извѣстно, что на двухъ гектарахъ французскій земледѣлецъ, даже въ сѣверной Франціи, живетъ безбѣдно, а на трехъ очень достаточно, не смотря на большую массу потребностей и на разницу климата. Въ Пруссіи есть больше милліона

земледѣльческихъ хозяйствъ, которыя имѣютъ даже меньше 5 моргеновъ, т. е. меньше 5-ти югеровъ, потому что моргены и югеры почти совершенно равны. Къ этому нужно прибавить и то, что, кромѣ 7 югеровъ, плебей пользовался еще общественнымъ пастбищемъ; а продукты скотоводства составляютъ значительное подспорье въ продовольствіи сельскихъ жителей. Кромѣ того мы имѣемъ положительное свѣдѣніе, что во время Лицинія съ семи югеровъ собиралось довольно продуктовъ. Колумелла говоритъ, что Лициніевы 7 югеровъ давали больше продуктовъ, нежели во время Колумеллы, обширнѣйшія помѣстья (*).

Слѣдовательно 7 югеровъ мы должны считать достаточнымъ количествомъ для римскаго земледѣльца временъ Лицинія, и потому никакой особенной теоріи для объясненія семи-югернаго надѣла сочинять не только нѣтъ надобности, даже и нѣтъ возможности. Лициній не могъ разсчитывать на неспособность римлянъ къ земледѣлію, потому что римляне къ нему были способны. Лициній не могъ предвидѣть будущихъ экономическихъ теорій французской спороспѣлой школы; а онъ самъ, находя, что для благосостоянія государства нужно обезпеченное сельское населеніе, наконецъ можетъ быть и не для государства, а для самаго этого сельскаго населенія обезпечилъ его достаточнымъ поземельнымъ надѣломъ.

Такимъ образомъ, за что, съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній долженъ быть осужденъ, и за что онъ долженъ быть осужденъ даже съ истинной точки зрѣнія, если принимать реформу его въ томъ видѣ, какъ представляетъ ее г. Леонтьевъ (недостаточность 7 югеровъ), — все это въ самомъ дѣлѣ составляетъ дѣйствительную заслугу въ римской исторіи. Именно, благодаря ему, исторія Рима не окончилась безславно, и римляне въ состояніи были исполнить свое всемірное назначеніе. Лицинія нельзя осудить даже и за то, за что его, такъ хвалятъ г. Леонтьевъ, именно, что онъ роздалъ плебеймъ поземельные участки съ правомъ отчуждать ихъ. Съ нашей точки зрѣнія мы не можемъ винить его за то, что онъ не дошелъ до взгляда на поземельное владѣніе, образовавшагося и окрѣпшаго впоследствии среди другой народности.

Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право сожалѣть, что благотворная итра Лицинія въ существѣ своемъ носила начало, которое уничтожило скоро плоды ея; это начало есть отчуждаемость поземельныхъ участковъ.

Послѣ Лицинія благосостояніе плебеевъ продолжалось немногое время. Раньше нежели черезъ сто лѣтъ земледѣльцы потеряли

(*) Dureau de la Malle Jb. II, 224.

свои поземельные участки. Можетъ быть они потеряли ихъ еще скорѣе; но это оказалось уже въ III столѣтїи пр. Р. Х., послѣ самнитскихъ войнъ. Титъ Ливій, въ 11-й книгѣ (потерянной), рассказываетъ о долгихъ и жестокихъ мятежахъ народа, опять-таки изъ-за долговъ, и наконецъ объ отшествїи народа на Яникульскій холмъ. Въ продолженіе войнъ, которыя слѣдовали за войною самнитскою, римляне выводили частыя колонїи, т. е. раздѣляли бѣднымъ гражданамъ земли въ странахъ, постепенно входившихъ въ составъ римскаго государства, но все это не помогло. Послѣ войны Римъ опять былъ наполненъ множествомъ гражданъ безземельныхъ; видно, что колонисты также легко теряли землю, какъ прежде бѣдные жители Рима до законовъ Лицинія и послѣ нихъ. Впрочемъ масса безземельныхъ римскихъ гражданъ увеличивалась еще другимъ путемъ, черезъ допущеніе въ число ихъ отпущенниковъ и ихъ дѣтей.

Вообще состояніе Рима, послѣ большихъ войнъ въ половинѣ II-го вѣка передъ Р. Х., было самое жалкое. Большинство гражданъ были истинными пролетарїями, безъ всякой собственности; сегодня не знали, что будутъ ѣсть завтра, и по истинѣ не были гдѣ преклонить голову, какъ говорилъ потомъ Тиберій Гракъ. Вся земля въ средней Италїи принадлежала немногимъ богатымъ фамиліямъ, которыя въ смутное время умѣли захватить въ свои руки, даже не соблюдая наружной законности, имущество государства и бѣдныхъ гражданъ.

Незнаю, какъ смотреть на это захватываніе г. Леонтьевъ; онъ не отвергаетъ того, что въ этомъ захватыванїи незаконность и насиліе играли первую роль; но нигдѣ въ рассказѣ объ этомъ не ставитъ рядомъ этихъ захватываній съ *юридическими интересами*; вѣроятно онъ находитъ, что они были менѣе нарушены насилїемъ оптиматовъ, нежели какъ могли бы быть нарушены неотчуждаемостью участковъ. Огромныя помѣстья оптиматовъ обрабатывались рабами, которые впрочемъ не совсѣмъ вытѣснили свободныхъ наемныхъ рабочихъ изъ земледѣлія, какъ можно видѣть изъ приведеннаго сампмъ г. Леонтьевымъ отрывка изъ Катона, гдѣ Катонъ совѣтуетъ имѣть на участкѣ въ 240 югеровъ 11 рабовъ и 50 свободныхъ рабочихъ. Естественно свободныхъ рабочихъ Катонъ совѣтуетъ нанимать только тогда, когда въ нихъ есть особенная надобность, т. е. во время сбора земледѣльческихъ продуктовъ. Г. Леонтьевъ не доволенъ такимъ порядкомъ дѣлъ; но въ этомъ онъ такъ же послѣдователенъ, какъ и во всемъ другомъ. Такой порядокъ есть необходимый результатъ его теорїи; и больше ждать отъ нея г. Леонтьевъ не могъ, да, думаю, и не ждалъ. Въ самомъ

дѣль, гдѣ же это вытѣсненіе свободнаго труда рабскимъ, когда въ представленномъ примѣрѣ свободныхъ рабочихъ почти вдесятеро больше, чѣмъ рабовъ, когда самъ г. Леонтьевъ смотритъ на этотъ примѣръ, какъ на норму земледѣльческаго быта извѣстнаго времени?

Но эти рабочіе, скажетъ г. Леонтьевъ, заняты только въ продолженіе незначительной части года, во время сбора продуктовъ. Конечно такъ; да о чемъ же думалъ г. Леонтьевъ, когда предлагалъ для Рима свою систему обработки полей вольнонаемнымъ трудомъ, систему соединенія трехъ участковъ въ одинъ? Въ это извѣстно даже и нефилософамъ и не агрономамъ, что въ земледѣліи есть одно время въ году, когда требуется на полѣ много рукъ, а въ другое время очень мало. Это практикуется у насъ по всей Россіи; только мы можемъ спокойно смотрѣть на этихъ прибавочныхъ рабочихъ, которые напр. лѣтомъ приходятъ въ большемъ числѣ въ Самарскую губернію; мы знаемъ, что эти люди имѣютъ свой пріютъ и кусокъ хлѣба, что послѣ рабочей поры они воротятся домой съ заработками; даже хотъ и безъ заработковъ, все-таки ихъ жизнь обезпечена, и въ то время, когда прекратились полевья работы, мы знаемъ, что они не умрутъ съ голода или холода, и не принуждены будутъ промышлять особеннымъ образомъ на большихъ дорогахъ, подъ защитою темной ночи, да темнаго бора, до чего значительная масса населенія приведена, даже въ наше время, подъ благословеннымъ небомъ Италіи и при столь же благословенной экономической организаціи, напр. хотъ папскихъ владѣній, гдѣ вся почва, какъ въ древней Италіи во время Сципіоновъ, раздѣлена на немногіе участки, но такіе, что между ними перѣдкость участки въ цѣлую квадратную нѣмецкую милю, а попадаютъ и въ двѣ.

Г. Леонтьевъ явнымъ образомъ осуждаетъ вытѣсненіе свободнаго труда рабскимъ около времени Гракховъ; но этимъ самымъ осуждаетъ свою собственную теорію.

Изъ нея ничего другаго не могло и выдти.

Но г. Леонтьевъ и тутъ все-таки ошибается. Въ представленномъ примѣрѣ видно, что свободный трудъ рабскимъ вытѣсненъ не былъ; что все-таки свободный трудъ спрашивался, а больше или много больше спрашиваться не могъ. Пусть въ этомъ примѣрѣ г. Леонтьевъ предположитъ, что всѣ 11 рабовъ свободны; это ему со-
сѣсть не трудно, — онъ и не такія предположенія дѣлалъ, да притомъ, принявши ихъ за истину, подкрѣплялъ ими свой взглядъ на судьбу земледѣльческихъ классовъ Рима. Если даже 11 рабовъ свободны,

все-таки остальные 50 рабочих большую часть года будут без хлѣба.

Богатый землевладелец всегда есть господинъ бѣдныхъ работниковъ, необезпеченныхъ своимъ поземельнымъ участкомъ. И не имѣя рабовъ, онъ все-таки можетъ отказать имъ въ работѣ, потому что очень часто имѣетъ возможность превратить свое поле въ пастбище съ выгодою для себя. Вотъ, не угодно ли г. Леонтьеву на этомъ случаѣ приложить свою теорію или все равно теорію Бастья о согласіи юридическихъ интересовъ съ экономическими или въ другой формѣ о согласіи интересовъ частныхъ съ интересомъ общественнымъ, которое будто бы нигдѣ не нарушается и не можетъ быть нарушено. Читатель, не знакомый съ экономическими теоріями, подумаетъ о преувеличеніи, даже объ искаженіи съ моей стороны взгляда экономистовъ на это вездѣ существующее согласіе интересовъ, — нѣтъ, преувеличенія тутъ никакого нѣтъ. Дѣйствительно согласіе интересовъ такъ обобщается нѣкоторыми экономистами, что они совсѣмъ не предполагаютъ возможности того, чтобы интересы однихъ какънибудь противорѣчили интересамъ другихъ. Такой смыслъ имѣетъ и фраза г. Леонтьева о согласіи интересовъ юридическихъ съ экономическими. Согласіе интересовъ юридическихъ съ экономическими принимаетъ и другая школа въ политической экономіи, но въ смыслѣ, которому противорѣчитъ вся статья г. Леонтьева отъ перваго слова до послѣдняго.

Не угодно ли г. Леонтьеву обратить вниманіе на то, что въ современной Италіи *agго готтапо* существуетъ въ видѣ пастбища, когда тамъ и помину нѣтъ о рабствѣ. А что случилось съ рабочими, которые обрабатывали это поле, когда, нестѣняя ихъ свободы, послали ихъ прогуливаться, гдѣ имъ угодно? Чтобы не считали это отступление отъ экономического быта древней Италіи слишкомъ далекимъ, сошлюсь на самого г. Леонтьева, который тоже обратилъ вниманіе на *agго готтапо*, на «этого любимца художниковъ, римскаго пастуха копыеносца, гоняющагося за своимъ стадомъ на борзомъ конѣ». Кому не извѣстна, говоритъ онъ, «эта гордая и граціозная фигура, ярко рисующаяся на тускломъ фонѣ пустыни, прерываемой лишь развалинами древнихъ водопроводовъ, гробницъ и вилъ?» — Конечно, эта фигура не лишена поэзіи; но поэзія съ ея развалинами и тусклымъ фономъ пустыни мало ладитъ съ политической экономіею, которая больше обращаетъ вниманія на хорошую постройку зданій, да на хорошую обработку полей. И кто не столько поэтъ, какъ г. Леонтьевъ, тому, при взглядѣ на это *agго готтапо*, приходитъ на умъ не граціозная фигура пастуха и не его борзый конь, а судьба тѣхъ, которые когда-то имѣли свое обильное пропитаніе на

этой теперешней пустынь, и которыхъ потомки совершенно юридическимъ образомъ согнанные съ почвы, орошенной потомъ и кровью предковъ, теперь у насъ на 30 градусномъ морозѣ играютъ на шарманкахъ тоже пьесы очень художественныя, не лишеныя поэзіи, если угодно г. Леонтьеву. Впрочемъ современную Италію г. Леонтьевъ пожалуй и неоправдаетъ; за то ужъ не допустить, чтобы осудили Англію, гдѣ онъ находитъ выгоднымъ для всѣхъ сторонъ, для общаго блага скопленіе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, проводи въ пользу своего мнѣнія объясненіе въ родѣ объясненія законовъ Лицинія. Забылъ г. Леонтьевъ, что смотря на Англію, одинъ писатель причислилъ барановъ къ самымъ хищнымъ животнымъ, говоря, что они не травой питаются, а мясомъ человеческимъ, потому что они поѣли населеніе цѣлыхъ округовъ, гдѣ поля обращены въ пастбища для разведенія тонкорунныхъ овецъ. Такихъ случаевъ можно представить десятки, въ подкрѣпленіе теоріи г. Леонтьева о согласіи интересовъ юридическихъ съ экономическими.

Послѣ Лицинія положеніе Италіи становилось все хуже и хуже не отъ рабовъ. Рабы тутъ явились не причиною, а слѣдствіемъ скопленія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ. Еслибъ не было рабовъ, то бѣдные граждане не много больше имѣли бы работы; и государство отъ этого не выиграло бы тоже много. Въдъ рабовъ-то въ сущности было въ Италіи не такъ много, какъ объ этомъ думаетъ г. Леонтьевъ. Впрочемъ г. Леонтьевъ опять-таки объ этомъ не высказываетъ какого-нибудь опредѣленнаго мнѣнія; онъ говорить о полчищахъ рабовъ, о томъ, что *все промыслы* перешли въ ихъ руки, что даже шкиперами на корабляхъ и конторщиками у банкировъ были рабы. Можно къ этому прибавить еще всѣмъ извѣстный фактъ, что даже воспитатели дѣтей у римскихъ богачей были рабы. Но все-таки полчища рабовъ и всѣ промыслы въ ихъ рукахъ остаются фразою, которая при томъ показываетъ, что г. Леонтьевъ не можетъ никакъ отрѣшиться отъ взгляда на современное мануфактурное хозяйство и переносить его на Римъ наперекоръ исторіи. Передъ второй пунической войною въ Римской республикѣ было, по изслѣдованію Дюро де ля Маля, 2.715.000 свободныхъ жителей и 2.202.000 рабовъ. Слѣдовательно рабовъ было даже меньше, чѣмъ свободныхъ гражданъ. Число ихъ относилось къ числу гражданъ какъ 22 къ 27. Гдѣ же эти полчища, отъ которыхъ будто бы погибъ Римъ?

Въ Аеннахъ, по изслѣдованію Бека, безъ сомнѣнія извѣстному г. Леонтьеву, въ лучшую пору ихъ жизни было рабовъ въ четверо больше нежели свободныхъ гражданъ. А между тѣмъ экономическій

быть Афиняинъ, если и страдалъ отъ этого, то далеко не такъ, какъ экономическій бытъ Рима.

Изъ всего этого то заключеніе, что рабство, дѣйствительная общественная язва, можетъ иногда не оказывать на общую судьбу народа и государства гибельнаго вліянія. Несомнѣнно, что рабство развращаетъ, ослабляетъ самыхъ господъ; но если кромѣ богатыхъ рабовладѣльцевъ среди народа есть значительная масса жителей, которымъ обезпеченъ трудъ и пропитаніе, — этою массою можетъ держаться государство очень крѣпко, и конкуренція рабскаго труда не такъ страшна была въ древности, потому что хозяйство древнее совершенно отличалось отъ хозяйства современнаго. Денежное хозяйство или мануфактурное хозяйство, котораго столь разумнымъ толкователемъ въ наукѣ явился Адамъ Смитъ, не имѣло мѣста въ древнемъ мірѣ. Тогда едва ли не вездѣ былъ хозяйственный бытъ, который почти совершенно уцѣлѣлъ у насъ, еще больше уцѣлѣлъ въ вѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, напр. въ Норвегій, и который состоитъ въ томъ, что въ каждомъ хозяйствѣ, при господствующихъ трудахъ земледѣльческихъ, всѣ остальные потребности удовлетворяются собственными средствами, т. е. почти все нужное для земледѣльца: платье, обувь, инструменты, посуда, готовится дома. Потому для римскаго гражданина была совсѣмъ не такъ страшна конкуренція рабскаго труда, какъ думаетъ объ этомъ г. Леонтьевъ. Онъ ни въ чемъ не нуждался, если только имѣлъ свой поземельный участокъ. Это конечно извѣстно г. Леонтьеву, и на это ему слѣдовало обратить вниманіе побольше, когда онъ говорилъ свою неопредѣленную фразу о затратѣ всего свободнаго времени римскаго плебея, необходимой будто бы для благосостоянія крестьянства. Съ точки зрѣнія мануфактурнаго хозяйства, это пожалуй справедливо. Но г. Леонтьеву должно быть извѣстно, что въ древнемъ мірѣ не было такого раздѣленія труда, какъ теперь, ни между народами, ни между отдѣльными классами народа, ни между отдѣльными личностями. Если древній міръ мѣрять на современную мѣрку какой-нибудь экономистъ, который кромѣ устройства фабрики да купеческой конторы не хочетъ больше ничего знать, это ему простительно; иначе онъ и разсуждать не можетъ. Странно, что г. Леонтьевъ, профессоръ древней словесности, также забѣгаетъ впередъ въ исторіи и древній міръ судить, какъ современный. Не диво, что индустріальная школа требуетъ возможно большей массы богатства; а удивительно, что г. Леонтьевъ требуетъ того же для римлянъ временъ Лицинія, когда индустріализма еще и въ зародышѣ не было. Прибавлю кстати, что это не единственный примѣръ подобнаго забѣганья впередъ. Читатель видѣлъ, какъ удачно похвалилъ

Лицинія г. Леонтьевъ за отчуждаемость участковъ, въ которой онъ видѣлъ противодѣйствіе неправящемуся ему ученію объ обезпеченіи средствъ жизни для массы народа. Г. Леонтьевъ еще и не то дѣлаетъ: онъ удивляется, что Римъ не дошолъ до представительной системы и весьма серьезно разсуждаетъ о слѣдствіяхъ, которыя повело за собою отсутствіе представительнаго правленія. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ бы прибавить сюда свои соображенія о вредныхъ результатахъ отсутствія у римлянъ паровыхъ машинъ, телеграфовъ, и пожалуй журналовъ и гласности. Какъ жаль, что время поворотить назадъ нельзя. Все, что возможно для насъ, это стараться вѣрно, безъ задней мысли, понять явленія жизни древняго міра.

Метода г. Леонтьева въ историческомъ прагматизмѣ та: онъ находитъ въ Римѣ вредное учрежденіе — рабство, ну ва него и свалывай все несчастія. Этотъ методъ разумѣется можно не опровергать; можно заключить, что онъ удивительно облегчаетъ познаніе другой жизни.

Чего жъ легче: римскіе бѣдные граждане потеряли свои участки еще въ началѣ войнъ, когда рабовъ было очень мало, потому что число рабовъ особенно увеличилось вслѣдствіе войнъ римлянъ внѣ Италіи. Такъ говоритъ объ этомъ самъ г. Леонтьевъ. Римляне вели свои войны сначала въ средней Италіи; тогда бѣдные граждане и потеряли свои участки, пришли въ крайнюю нищету. Еще въ 323 г., т. е. до окончанія самнитской войны, народъ произвелъ смятеніе по вопросу о долгахъ. Послѣ самнитской войны народъ уже не хотѣлъ жить въ Римѣ и удалился на Яникуль. Это повтореніе отшествія на священную гору. Вѣроятно народу было хорошо. Титъ Ливій рассказываетъ еще, что народъ рѣшился оставить Римъ послѣ долготы и жестокости смятеній. Послѣ этого римляне вели войны въ Южной Италіи, потомъ начались войны внѣ Италіи. Вслѣдствіе этихъ войнъ Римъ наполнился полчищами рабовъ. И г. Леонтьевъ думаетъ, что экономическій бытъ римскихъ гражданъ разстроился благодаря полчищамъ рабовъ! — Точно также основательно его сужденіе о войнахъ, какъ причинѣ разстройства экономическаго быта. Римляне продолжали только свои походы въ средней Италіи; солдаты получали жалованье. Походы были удачныя, и Самніумъ, съ которымъ была война, разграбленъ. Такая война должна обогащать римскихъ гражданъ, — между тѣмъ они обнищали.

Настоящія большія войны внѣ Италіи и даже въ южной Италіи еще не начинались. А г. Леонтьевъ увѣряетъ, что крестьяне Лицинія разорились отъ войнъ. Право совѣтъ не трудно составлять такіа сужденія объ историческихъ явленіяхъ, особенно если ихъ не

выводить изъ фактовъ, а такъ представлять въ видѣ аксіомъ, какъ дѣлаетъ г. Леонтьевъ; потому что г. Леонтьевъ и виду даже не дѣлаетъ, будто онъ доказываетъ свои положенія. Именно это что-то въ родѣ аксіомъ.

Итакъ не отъ войнъ и не отъ соперничества рабовъ было дурно состояніе бѣдныхъ римскихъ гражданъ. А оно дѣйствительно было жалко. Колоніи, которыя Римляне выводили въ большомъ числѣ въ продолженіе войнъ, дѣлу не помогали.

Къ концу войнъ пролетаріевъ было больше нежели когда-нибудь. Все зло, очевиднымъ образомъ, происходило отъ дурного экономического устройства, отъ экономической незащитности бѣдныхъ гражданъ.

Было и другое зло, на которое г. Леонтьевъ почти не обращаетъ вниманія, и которое стояло въ большой связи съ экономическимъ бытомъ сельскихъ классовъ, что признаетъ мимоходомъ и самъ г. Леонтьевъ.

Это зло — естественное слѣдствіе того, что оптиматы къ концу періода большихъ войнъ захватили въ свои руки всю власть въ государствѣ. Не имѣя достаточнаго контроля надъ собою, они позволяли себѣ величайшія беззаконія, бывшія достойною прелюдіею беззаконій цесарскаго періода. Оптиматамъ было мало того, что они отнимали у бѣдныхъ гражданъ съ соблюденіемъ наружной справедливости; очень часто они не женировались даже и этимъ, и безъ церемоніи выгоняли бѣдныхъ сосѣдей изъ ихъ участковъ по праву сильного. Всякій искъ обиженнаго поступалъ на разсмотрѣніе тѣхъ же оптиматовъ, и разумѣется рѣшеніе было въ родѣ рѣшенія звѣрей, что по одной шкуркѣ съ овцы могутъ снять волки, только не больше. Положеніе бѣдныхъ гражданъ дѣйствительно не представляло даже никакой надежды на облегченіе въ будущемъ. Чтобъ поправить дѣло, нужна была реформа и притомъ многосторонняя, надобно было притомъ неограничиться пальятивами; Римъ очевидно быстро шолъ къ безднѣ, которая должна была поглотить его.

И вотъ за это дѣло взялись Гракхи. Г. Леонтьевъ, не смотря на полное неодобреніе реформы Гракховъ, отдаетъ справедливость благородству и безкорыстью Гракховъ, позволяя себѣ однако нѣкоторыя неловкія выраженія, относительно ихъ не имѣющія ни малѣйшаго основанія. Конечно Гракхамъ отъ этого не больво; но дѣйствительно жалко видѣть это уваженіе только къ успѣху, и не уваженіе къ тому, что не удалось, именно частію благодаря высокой честности историческихъ дѣятелей. Напр. Каю Гракху онъ приписываетъ іезуитское правило, что цѣль освящаетъ средства. Говоря подобныя вещи, г. Леонтьевъ только роняетъ свою критику реформы

Гракховъ. Кай Гракхъ не только не сдѣлалъ, даже не сказалъ ничего, чтобы дало поводъ приписать ему это правило. Впрочемъ г. Леонтьевъ въ подобныхъ выраженіяхъ очевидно противорѣчитъ себѣ, потому что вообще и онъ называетъ Кая Гракха «истиннымъ патріотомъ, человѣкомъ далекимъ отъ всякаго эгоизма, желавшимъ блага Риму;» дальше говоритъ даже, что «нельзя не видѣть въ Гракхѣ высокаго благородства, нельзя не признавать его гениальности.» Что касается до гениальности, это все равно, пусть признаетъ или не признаетъ ее г. Леонтьевъ; а безукоризненную честность Гракха г. Леонтьеву не удастся запятнать ни однимъ обвиненіемъ. Это дѣйствительно мученикъ цивилизаціи, пожертвовавшій собою не въ минуту увлеченія, а обдуманнымъ образомъ подъявляемъ высокими нравственными принциповъ, которымъ онъ слѣдовалъ съ надеждою поднять нравственное и экономическое состояніе родины.

Что касается до критики реформы Гракховъ, которую дѣлаетъ г. Леонтьевъ, это собственно не критика; онъ даже не потрудился перечислить всѣхъ законовъ, предложенныхъ Гракхами; а взявъ въкоторыя изъ нихъ, менѣе другихъ имѣющіе значеніе, и осудилъ ихъ тоже совсѣмъ не основательно. Напр. Кай Гракхъ предложилъ продажу бѣднымъ гражданамъ хлѣба по пониженной цѣнѣ. Нибуръ вполне оправдываетъ эту мѣру; но г. Леонтьевъ позволяетъ себѣ въ этомъ случаѣ большую самостоятельность: онъ не соглашается съ Нибуромъ и осуждаетъ этотъ законъ, впрочемъ весьма оригинально, — именно за то, что впоследствии стали раздавать хлѣбъ совсѣмъ безденежно. Хотя это совершенно противъ мысли Гракха, но г. Леонтьевъ этого разбирать не хочетъ и осуждаетъ за это Гракха. Я думаю, что я поступлю не менѣе основательно, если обвиню самого г. Леонтьева напр. за статьи г. Чернышевскаго или за нравственно-сатирическія статьи «Свистка.»

Изъ законовъ Гракховъ г. Леонтьевъ упоминаетъ и о самомъ важномъ, о надѣлѣ гражданъ неотчуждаемыми участками въ 30 югеровъ; разумѣется онъ осуждаетъ этотъ законъ; но опять даже не дѣлая вида, что разбираетъ его существенныя свойства и приложимость къ римскому государству въ свое время; такъ что произнесенный г. Леонтьевымъ въ концѣ статьи приговоръ, что реформы Гракховъ, если бы они удались, не поправили бы дѣла, не подкрѣпили у него ни однимъ доказательствомъ, ни однимъ подобіемъ доказательства. Это есть его личное мнѣніе, которое не обязательно ни для кого. Дѣйствительное же сравненіе законовъ Гракховъ съ положеніемъ дѣла въ ихъ время показываетъ, что Гракхи дѣйствительно принесли бы пользу, если бы противники ихъ не были люди

столь безчестные, что ихъ никто даже и не покушается оправды-
вать. Это были тѣ люди, которые такъ отличились во время войны
съ Югуртою, которые позволяли Югуртѣ побѣждать римскія вой-
ска за деньги, и которые дали поводъ Югуртѣ сказать, что не долго
наживетъ этотъ пролажный городъ Римъ. Югурта, какъ извѣстно,
не ошибся. Вотъ эти-то государственные мужи позволили себѣ всѣ
средства, чтобъ погубить Гракховъ и республику. А Гракхамъ бы-
ло бы легко, съ помощію народа, разогнать сенатъ, да они этого не
не сдѣлали. Товарищъ Кая Гракха, Флаккъ, далеко не имѣлъ того
вліянія, какое имѣлъ Гракхъ; а между тѣмъ и онъ могъ собрать
большую массу гражданъ для вооруженнаго сопротивленія сенату;
и разумѣется все-таки законность внѣшняя и внутренняя справед-
ливость были на его сторонѣ.

Положеніе дѣлъ при Гракхахъ было таково, что всякому граж-
данину оставалось изъ трехъ дорогъ выбирать одну. Если онъ не
думалъ объ общемъ дѣлѣ, то ему слѣдовало удалиться отъ дѣлъ,
чтобъ спасти по крайней мѣрѣ себя и свое семейство. Если онъ
не могъ отдѣлать своей судьбы отъ судьбы народа, и желалъ со-
дѣйствовать измѣненію общаго порядка дѣлъ къ лучшему, то онъ
могъ взяться за средства, дозволенные законами; въ такомъ случаѣ
для него вѣрнѣе всего было одно, что самъ онъ погибнетъ и ничего
не сдѣлаетъ, потому что неравнымъ оружіемъ сражаться нельзя.
Оптиматы, по праву насилія, попирали ногами всякіе законы; заста-
вить ихъ уважать законы, съ помощію тѣхъ же попираемыхъ и не
имѣющихъ никакой внутренней поддержки законовъ, было не воз-
можно. Кто хотѣлъ что нибудь сдѣлать, тотъ долженъ былъ стать
на одну доску съ своими противниками; долженъ былъ сражаться
одинакимъ оружіемъ съ ними и несвязывать себя тѣмъ, чѣмъ не-
связывали себя оптиматы. Впоследствии до этого дошло; но съ тою
разницею, что тогда врагами оптиматовъ явились люди, или мало
понимавшіе потребность времени, какъ Марій, или такіе, для кото-
рыхъ общая польза была дѣломъ столь же чуждымъ, какъ и для са-
михъ оптиматовъ: къ такимъ принадлежали Катилина и Цезарь.
Если бы за тѣ же средства взялись Гракхи, они несомнѣнно имѣли
бы успѣхъ; даже они обошлись бы безъ многого, безъ чего не обо-
шелся Цезарь. Но результатъ ихъ успѣха былъ бы другой. Къ це-
заризму всегда были способны только такіе люди, которые въ рес-
публиканскихъ волненіяхъ играютъ второстепенную роль, которые
сначала слѣдуютъ за другимъ и всплываютъ на верхъ только своею
исполнительностью, люди, для которыхъ идея есть дѣло стороннее и
при случаѣ можетъ быть брошена въ сторону. Такъ изъ второстепен-
ныхъ дѣятелей, изъ хорошихъ исполнителей, поднялись Цезарь и

Бонапартъ. Люди одушевленные собственною мыслью, ими самими выработанною и взлелѣянною, не исполнители, а мыслители и энтузіасты своей мысли, отъ цезаризма были далеки, какъ Брутъ, Тразибулъ, Эпаминондъ, Аратъ и первые дѣятели Французской республики, фактически весьма сильные своимъ моральнымъ вліяніемъ. И Моммсенъ напрасно думаетъ, что изъ конституціи Гракховъ могъ выйти цезаризмъ; никакихъ признаковъ будущаго цезаризма въ дѣятельности Кая Гракха нѣтъ. Что онъ хотѣлъ уничтожить значеніе аристократіи, Моммсенъ заключаетъ отсюда, что преживя конституція пала бы. Но мысль Гракха была ясна; онъ хотѣлъ уничтожить значеніе незаконной аристократіи; при равенствѣ правъ гражданскихъ, которое de jure имѣло мѣсто, удавленіе отъ дѣлъ свескорыстныхъ фамилій оптиматовъ очистило бы поле для людей болѣе честныхъ, въ которыхъ особенно былъ недостатокъ въ фамиліяхъ оптиматовъ, и положеніе дѣлъ было бы исправлено: республика была бы спасена.

Вотъ важнѣйшіе законы, которые были предложены обоими братьями Гракхами.

Во первыхъ надѣленіе бѣдныхъ гражданъ землею, по 30 югеронъ. Это количество много больше того, сколько нужно для скромнаго сельскаго хозяйства; но тѣмъ не менѣе число это было весьма разумно опредѣлено. Во время Гракховъ римскіе граждане, познакоившись съ образомъ жизни другихъ народовъ, особенно грековъ, измѣнили свой старинный образъ жизни, — у нихъ явилось много потребностей, которыхъ они прежде не знали. Чтобы разнообразныя потребности могли быть удовлетворены, нужны были средства гораздо большія. Нужно было еще, чтобы граждане дорожили своими участками, чтобы они были имъ очень выгодны; нужно было частію увлечь ихъ въ реформу, частію, и гораздо больше, привязать ихъ къ новому порядку дѣлъ, который долженъ былъ вытти изъ реформы. Земля для этого было достаточно: оптиматы незаконно владѣли огромными помѣстьями, далеко превосходящими тѣ помѣстья, изъ которыхъ Лициній выдѣлялъ въ свое время участки бѣднымъ плебелямъ. Изъ территоріи республики время Лицинія слава можно было нарѣзать плебелямъ по 7 югеронъ. Теперь, когда Римъ покорилъ всю Италію и многія страны внѣ Италіи, можно было нарѣзать по 30 югеронъ. Этою мѣрою Гракха создавалось новое земледѣльческое сословіе, которое должно было на своихъ плечахъ вынести будущую судьбу Рима, какъ земледѣльческое сословіе время Лицинія вынесло на своихъ плечахъ прошедшую его судьбу. Что всего важнѣе въ этомъ законѣ, это то, что участки не могли быть отчуждаемы. Этою мѣрою благостояніе земледѣльческаго клас-

са прочно утверждалось: бѣдные граждане становились въ такое прекрасное экономическое положеніе, въ какомъ у насъ стоятъ казаки. Если не забыть при этомъ, что бѣдные граждане пользовались вполне политическими правами, то легко понять, что послѣ Гракховъ быть ихъ дѣйствительно былъ бы отлично устроенъ.

Не менѣе важна и другая мѣра — отнятіе судебной власти у сената и передача ея къ всадникамъ. Этою мѣрою прекращались всѣ беззаконія сенатскихъ чиновниковъ въ провинціяхъ, прекращалось беззаконіе богатыхъ оптиматовъ относительно ихъ бѣдныхъ сосѣдей, прекращалось то насильственное захватываніе чужихъ участковъ, о которомъ впрочемъ не можетъ не сожалѣть г. Леонтьевъ. Взятчиничество сенатскихъ судей переступало всѣ границы, народъ начиналъ изъ-за нихъ презирать и ненавидѣть весь сенатъ, который дѣйствительно, не имѣя надъ собою контроля, превзошелъ, въ несоблюденіи законовъ, всѣ извѣстныя въ исторіи легальныя правительства. Передача судебной власти всадникамъ ставила рядомъ съ сенатомъ независимое сословіе, столь же могущественное, какъ самое сословіе сенатскихъ фамилій. Выходилъ взаимный контроль двухъ сословій, отъ котораго кромѣ пользы ждать ничего было нельзя, особенно послѣ беззаконій прежняго времени. Впрочемъ судъ всадниковъ, не только сравнительно съ судомъ сената, но и абсолютно былъ хорошъ. Цицеронъ, противникъ реформы Гракховъ и почти современникъ ея, говоритъ (въ рѣчи противъ Верреса), что судъ всадниковъ, во все продолженіе своего существованія, отличался безкорыстіемъ. На это и рассчитывали Гракхи.

Чрезвычайно важною мѣрою было то, что Кай Гракхъ предложилъ дать право римскаго гражданства всѣмъ латинцамъ и союзное право всѣмъ итальянцамъ. Требованіе было справедливо. Что касается до пользы, которой можно было ждать отъ этой мѣры, сомнѣваться въ ней невозможно. Она привязывала къ судьбѣ Рима все населеніе Италіи и преимущественно населеніе Лаціума. Съ этой поры должно было кончиться то справедливое нерасположеніе къ римлянамъ, которое питали къ нимъ жители Италіи. Эта мѣра избавила бы Римъ отъ послѣдовавшей вскорѣ войны съ жителями Италіи, такъ называемой войны союзнической. Римляне принуждены же были уступить итальянцамъ право гражданства; но это было сдѣлано поздно, когда, благодаря уничтоженію плановъ Гракховъ, дѣло было разстроено окончательно. По мысли Гракховъ эта мѣра должна была дополнять общую реформу, которая въ цѣломъ, обнимая всѣ отрасли общественной жизни, совершенно измѣнила бы направленіе римской исторіи. Г. Леонтьевъ удивляется и сожалѣетъ, что Римъ не дошелъ до представительной системы. Да

какъ же ему было и дойти, если въ то время, когда была возможность этого, послѣ войны, оптиматы задушили мысль, изъ которой могла выйти представительная система, а г. Леонтьевъ при томъ находить оптиматовъ правыми. Въдѣ въ исторіи въ самомъ дѣлѣ по шучьему велѣнью ничто не дѣлается. Учрежденія развиваются одни изъ другихъ; это нѣчто органическое, что въ себѣ самомъ носитъ условія дальнѣйшаго развитія, которое дѣйствительно и совершается, если враждебныя, антисоціальныя причины неостанавливаютъ его. Представительная система есть удѣлъ новой исторіи, потомучто государства новыя начались не такъ, какъ государства Греціи и Римъ. Тамъ государство состояло только изъ города. Римъ или Аѳины не были центромъ государства, а они-то сами и составляли государство; все, что было внѣ ихъ, составляло чисто механическую прибавку къ государству, привязанную къ нему оружіемъ; тогда какъ новыя государства состоятъ изъ цѣлыхъ одноправныхъ странъ. Они начали свое существованіе не въ видѣ одного города, а въ видѣ цѣлой, большею частью, значительной территоріи. Сущность новыхъ государствъ не въ центрахъ ихъ, столицахъ, а въ самой территоріи и ея жителяхъ. Центры новыхъ государствъ сами составляютъ часть государства, весьма неважную по своему значенію; не центры притянули къ себѣ территорію государства, а сами образовались на ней; органическая часть новыхъ государствъ состоитъ въ территоріи и ея населеніи, и центръ есть нѣчто, образовавшееся изъ этого организма. Потому разумѣется въ новыхъ государствахъ легко образовалась представительная система, такъ какъ не могли же всѣ жители, напримѣръ Франціи, сходиться со всѣхъ концовъ государства для обсужденія общихъ дѣлъ. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ это было возможно, и несудивительно, что даже въ Римѣ не дошло до представительной системы, потомучто, когда права жителей разныхъ областей римскаго государства сравнились, всѣ они уже были безъ правъ; это было больше равенство отсутствія правъ, нежели въ самомъ дѣлѣ равенство правъ. Во время Гракховъ было не то. Они хотѣли поднять права народа и законы, поправныя оптиматами; при этомъ хотѣли распространить права народа мало по малу на всѣхъ жителей римскаго государства, начиная съ латяцевъ. Отъ этой мѣры, при экономическомъ благоустройствѣ, при законности во всей общественной жизни, необходимо должно было слѣдовать представительное начало. Г. Леонтьевъ сожалѣетъ объ отсутствіи этого начала и между тѣмъ осуждаетъ мѣру, которая могла и должна была вести къ нему, и людей, которые предложили ее. По счастью г. Леонтьевъ не судьба, и приговоры его подвержены апелляціонному суду на основаніи фак-

товъ и дѣйствительныхъ экономическихъ теорій, а не на основаніи теоріи *laissez faire, laissez passer*, какъ при томъ понимаютъ ее Бастья и самъ г. Леонтьевъ, не безпристрастный судья людей, муштрующихъ жизнь.

Граки дѣйствительно хотѣли сдѣлать всестороннюю разумную реформу. Приведенные три закона ихъ имѣли цѣлью возобновить здоровые элементы государственной жизни посредствомъ образованія крѣпкой массы земледѣльческаго населенія марѣзкою неотчуждаемыхъ участковъ, посредствомъ приведенія въ равновѣсіе двухъ вліятельныхъ сословій—сенаторскаго и всадниковъ, рядомъ съ которыми должно было стоять народное собраніе, усилненное этимъ прекраснымъ населеніемъ Лаціума, которое такъ хорошо являлось всегда въ исторіи особенно во время союзнической войны. Вотированіе народного собранія было гарантировано противъ вліянія всадниковъ измѣненіемъ порядка вотированія отдѣльныхъ классовъ. Богатыя центуріи должны были перестать первыя подавать голоса и увлекать за собою остальныхъ бѣдныхъ центуріи. Граки все предусмотрѣли. Чтобъ избавить дѣятелей изъ среды народа отъ легальнаго мщенія сенатскихъ семей, слѣдовательно отъ ихъ вліянія, право провокаціи было расширено, а у консуловъ отнята власть даже во время войны казнить смертью гражданъ. Такимъ образомъ будущіе дѣятели изъ среды народа могли противодѣйствовать незаконіямъ сената, если бы они возобновились, не боясь его мщенія во время похода.

Кая Гракха г. Леонтьевъ упрекаетъ, какъ уже сказано, за его законъ о дешевой продажѣ хлѣба бѣднымъ гражданамъ. Г. Леонтьевъ упрекаетъ его главнымъ образомъ за то, что потому стали раздѣвать хлѣбъ совсѣмъ безденежно. Разумѣется это послѣднее обвиненіе—можно оставить между Касемъ Гракхомъ и г. Леонтьевымъ. Но г. Леонтьевъ недоволенъ и дешевой продажей хлѣба, не смотря на то, что Нибуръ оправдываетъ ее, находя въ ней нѣчто въ родѣ англійской таксы для бѣдныхъ. Дюро де ла Маль тоже находитъ большое сходство между такою для бѣдныхъ и дешевой продажей хлѣба по закону Кая Гракха. Но Дюро де ла Маль оправдываетъ этотъ законъ потому, что онъ былъ необходимъ, потому что противъ необходимости идти было нельзя, а необходимость вытекала прямо изъ того, что оптиматы завладѣли всѣми землями въ ущербъ бѣднымъ гражданамъ. Гракху надо приписать еще въ заслугу, что онъ нашолъ возможнымъ остановиться только на дешевой продажѣ, а не пошелъ до раздачи. Впослѣдствіи императоры, при всемъ ихъ всемогуществѣ въ государствѣ, ничего не могли сдѣлать противъ этой необходимости, хотя и видѣли, что задача хлѣба страшно

обременила финансы. Если у гражданъ отнята была возможность трудомъ добывать пропитаніе, ихъ нужно было кормить, тѣмъ болѣе, что они никакъ не могли забыть того, что предки ихъ завоевали весь міръ, и что предкамъ ихъ Римъ и римляне были обязаны всею своимъ богатствомъ. Самъ г. Леонтьевъ приводитъ разсказъ изъ Светонія, что императоръ Клавдій едва былъ спасенъ отрядомъ солдатъ отъ ярости народной изъ-за недостатка въ хлѣбѣ. Вотъ какъ о себѣ думалъ римскій народъ почти черезъ 200 лѣтъ послѣ Гракховъ, послѣ 100 лѣтъ власти императоровъ, да какихъ еще императоровъ. Дешовая продажа хлѣба тѣмъ менѣе можетъ быть вѣнана въ упрекъ Гракху, что она была въ употребленіи еще прежде, и что ему нужна была поддержка бѣдныхъ гражданъ для исполненія плановъ, которые касались тѣхъ же бѣдныхъ гражданъ и всего народа римскаго. За это также упрекаетъ г. Леонтьевъ обоихъ Гракховъ, что они искали поддержки въ бѣдныхъ гражданахъ, въ черни, какъ онъ ихъ называетъ. Привязываться къ выраженіямъ не слѣдуетъ, и я не сказалъ бы ни слова противъ черни г. Леонтьева, хотя это выраженіе сильно смахиваетъ на черную кость, противопоставляемую бѣлой кости у калмыковъ или у какой-то другой монгольской орды. Иногда даже названіе черни весьма прилично толпѣ, которая своею массою (матеріальною) хочетъ подавить честную мысль, идущую не изъ массы и противную ей неправымъ интересамъ. Но въ такомъ случаѣ чернь отличается отъ не черни не отсутствіемъ состоянія, приличной одежды, а отсутствіемъ внутренняго человѣческаго достоинства. А чѣмъ отличались бѣдные граждане временъ Кая Кракха отъ богатыхъ, отъ сенатскихъ семействъ? чѣмъ сенаторы превосходили тогда эту толпу, которая собиралась на площади? Ничѣмъ другимъ существеннымъ, кромѣ большаго отсутствія человѣческаго достоинства. Во всемъ сенатѣ и во всемъ сенатскомъ сословіи и даже въ его партизанахъ не явился ни одинъ человѣкъ, который бы даже свои неправые сословные и личные интересы защищалъ честнымъ образомъ. А между тѣмъ, на площади нашлось три тысячи человѣкъ, которые не струсили передъ вооруженною силою Олимпія, не сдались на амнистію сената и не изменили дѣлу добра, которое защищали честнымъ образомъ. И какіе это были граждане! Плутархъ описываетъ ночь, которую часть ихъ провела передъ домомъ Кая Гракха, когда сенатъ рѣшился на насиліе; такую ночь могли проводить только люди, одушевленные высокою идеей, какъ впоследствии первые крестоносцы или воины Густава Адольфа, или ополченіе Миннина. Вскорѣ потомъ среди этой черни нашлись два человѣка, которыхъ достало на то, чтобы принести себя на очевидную жертву, на явную, смерть для спасе-

нія Гракха, тогда какъ сенатъ принужденъ былъ оцѣнить голову Кая Гракха, но и тутъ еще не обошлось безъ черты совершенства въ духѣ оптиматовъ того времени. Тотъ, кто принесъ голову Гракха, налилъ въ нее свинцу, чтобъ она больше вѣсила, и получалъ сумму вѣса головы золотомъ, какъ было обѣщано сенатомъ, и замѣчательно, что это сдѣлалъ кто-то изъ оптиматовъ, изъ людей извѣстныхъ, другъ консула Опимія, потомучто дальше Плутархъ прибавляетъ, что за другую голову, оцѣненную сенатомъ, денегъ не получилъ тотъ, кто принесъ ее, потомучто это былъ *человѣкъ темный*. Этотъ маленькій случай относительно платы за отрубленную голову я нарочно представляю, потомучто онъ хорошо характеризуетъ всю эпоху, все отношенія Рима, между сенатомъ, сенатскими семействами, бѣдными гражданами и ихъ защитниками. Головы защитниковъ народа приносятъ къ знати, но тѣ, которые принесли ихъ, не желаютъ ничего кромѣ денегъ. Опимать дѣлаетъ обманъ, но имѣетъ отъ него большія выгоды. Знать или обманута этимъ оптиматомъ или смотрѣла сквозь пальцы на его обманъ. Но бѣднякъ, который повѣрилъ знати и принесъ голову своего защитника, не получилъ ничего: онъ обманутъ знатью. Это вся исторія Гракховъ въ миньютюрѣ.

Во всякомъ случаѣ, если судить объ одноштатномъ достоинствѣ двухъ партій, не смотря на то, что и между бѣдняками были такіе, которые были не прочь принести головы своихъ защитниковъ за деньги, все-таки между ними были и такіе, которыхъ Гракхи по справедливости предпочли знати. Если можно было только сдѣлать что-нибудь, то не иначе, какъ съ помощью народа, и упрекъ Гракхамъ за то, что они обратились къ народу, не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что самое предложеніе закона въ народномъ собраніи ничего противуконституціоннаго въ себѣ не имѣло. Притомъ, какъ самъ г. Леонтьевъ говоритъ, Тиберій Гракхъ былъ не прочь перенести дѣло въ сенатъ, и дѣйствительно перенесъ; но, такъ какъ сенатъ только хитрилъ, то онъ обратно перенесъ его къ народу. Гракхамъ ничего дѣйствительно не оставалось дѣлать, какъ обратиться къ бѣдному народу, которому Кай Гракхъ счелъ нужнымъ продавать хлѣбъ по уменьшенной цѣнѣ, по примѣру прежнихъ временъ и по настоятельной необходимости, противъ которой идти онъ не могъ. Притомъ дешовая раздача хлѣба была предложена имъ какъ временная мѣра, потомучто все его законодательство имѣло цѣлью сдѣлать ненужною всякую помощь бѣднымъ гражданамъ со стороны государства. А, какъ временная мѣра, продажа хлѣба по уменьшеннымъ цѣнамъ допускалась и въ наше время въ государствахъ, наиболѣе цивилизованныхъ. Какъ временная мѣра, продажа

хлѣба по дешовымъ цѣнамъ, даже раздача даровая, могутъ быть осуждены только экономистами французской официальной школы и ихъ подражателями, понимающими фразу *laissez faire, laissez passer*, какъ право правительства смотрѣть, сложа руки, какъ нѣкоторые, среди народа умираютъ съ голоду, оставлять дѣла какъ они идутъ, *laissez passer, laissez mourir de faim*. Это право очень спокойно, но не всякій его приметъ. Чтобъ проповѣдывать его и даже принять, для этого надобно сначала къ нему привыкнуть, поучиться въ школѣ фабрикантовъ, эксплуатирующихъ законнымъ образомъ своихъ работниковъ или американскихъ плантаторовъ на основаніи самаго крѣпкаго положительнаго права обрабатывающихъ свои земли неграми.

Вообще законы Гракховъ, какъ и эти прекрасныя личности двухъ братьевъ, мучениковъ цивилизаціи, не могутъ подвергнуться ни одному упреку. Тиберій и Кай Гракхи составляютъ самое свѣтлое явленіе во всей вообще исторіи. Исходя изъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ, выработанныхъ ими самими на основаніи здраваго воспитанія, которое они получили, на основаніи тогдашней науки и тогдашняго образованія, изъ котораго они воспользовались только лучшею здоровою стороною, они совершили подвигъ въ родѣ тѣхъ, на которые были способны только люди, одушевленные религиозною идеею. Будучи людьми высоко образованными, они не сочинили или не вообразили, что находятся въ сношеніяхъ съ міромъ метафизическимъ, какъ это сдѣлалъ потомъ Аполлоній Тіанскій, или Магометъ. Но въ этомъ и заключается ихъ нравственное превосходство передъ подобными людьми; хотя въ этомъ же заключается и невыгода ихъ положенія, потому что народъ больше вѣритъ тому и больше поддерживаетъ того, кто выдаетъ себя за что-то высшее, особенное, метафизическое или какое другое. Поэтому-то даже въ такія времена, когда нельзя обмануть толпу своими метафизическими свойствами, многіе старались окружить свою персону какою-то высшею атмосферою качествъ, если не метафизическихъ, то все-таки выше человѣческихъ: то высшаго пониманія, то высшаго происхожденія, то высшаго образованія и т. п., смотря по сферѣ дѣятельности. И среди толпы находились всегда люди, которымъ было выгодно принять и проповѣдывать остальнымъ эти высшія качества немногихъ или даже одного, дѣлавшагося въ такомъ случаѣ кумиромъ, и превосходившаго прочихъ смертныхъ только недобросовѣстностью, да искусствомъ въ обманѣ.

Гракхамъ, если чего доставало, то именно этой недобросовѣстности и способности обманывать. Но за это, надѣюсь, никто вслухъ ихъ не осудитъ. Кто хочетъ непремѣнно осудить ихъ, пусть прии-

скиваетъ другія причины. Самъ г. Леонтьевъ, если осуждаетъ ихъ, то какъ-то невольно, по неосторожности, заспорившись. За то онъ съ полнымъ яснымъ убѣжденіемъ говоритъ, что законы Гракховъ не вывели бы болѣзней римскаго общества, не приводя на это, какъ уже сказано, ни одного доказательства, даже подобія доказательства. Иль нѣтъ — есть у г. Леонтьева одно доказательство. Онъ говоритъ, что смѣшно было бы ждать какого нибудь успѣха отъ реформы Гракховъ, когда они состояли въ изданіи законовъ. Издать законъ, говоритъ онъ, чтожь это такое? Тутъ ничего особеннаго не требуется, «никакой геніальности», взялъ да издалъ. Но г. Леонтьевъ самъ же и опровергнулъ это доказательство въ другомъ мѣстѣ, когда онъ, вѣроятно забывши объ этой геніальности, необходимомъ условіи всякаго успѣха, не отказалъ Каю Гракху именно въ геніальности. Такъ отсутствіе геніальности не могло быть препятствіемъ для успѣха реформы Гракховъ. Да и будто въ самомъ дѣлѣ что нибудь особенное нужно, чтобы провести мѣру полезную для общественной жизни? Будто всякій, кто будетъ развивать и предлагать что нибудь полезное обществу, долженъ подвергнуться упреку въ наглости, въ томъ, что онъ считаетъ и выдаетъ себя за генія, позволяя себѣ судить о потребностяхъ общества прежде другихъ? И будто «Русскій Вѣстникъ» считаетъ геніемъ автора статьи, который предлагалъ продажу государственныхъ земель? Будто наконецъ г. Леонтьевъ потому только рѣшился проповѣдывать извѣстное ученіе въ своей статьѣ, что онъ геній и сознаетъ свою геніальность? А въ статьѣ г. Леонтьева есть ученіе, есть практическіе уроки, какъ это можетъ быть читатель замѣтилъ изъ этой статьи. Это гораздо замѣтнѣе въ его собственной статьѣ: въ ней г. Леонтьевъ прямо говоритъ, что онъ занялся изученіемъ земледѣльческихъ классовъ, потому что у насъ самихъ теперь на очереди важнѣйшій вопросъ, касающійся земледѣльческихъ классовъ, что намъ нужны уроки исторіи. Избави Богъ отъ приложенія къ намъ теоріи г. Леонтьева. Она не годится никуда сама по себѣ, а особенно въ отношеніи къ намъ. Г. Леонтьевъ, говоря его словами, хочетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ муштроватъ жизнь и въ наше русское общество ввести учрежденіе, которое погубило Римъ, и изгнать изъ него то, что сложилось въкама, что срослось съ русскою натурою и избавляетъ насъ отъ язвы запада — пролетаріата. Г. Леонтьевъ — почитатель англійскихъ учрежденій. Но уже выше сказано, что и Англія не очень-то цвѣтетъ; что миллионъ бѣдныхъ, получающихъ вспоможеніе, не очень утѣшительное явленіе. Но пусть вспомнитъ г. Леонтьевъ, что Англія имѣетъ еще до сихъ поръ прекрасный громоотводъ, Соединенные Штаты, которые берутъ отъ нея всѣ опасныя элементы. Только въ этомъ столѣтіи,

даже только отъ 1815 г. изъ Англіи выѣхало въ Америку 4,700,000 человѣкъ. Не угодно ли г. Леонтьеву представить, что эти 4,700,000 не уѣхали въ Америку, а продолжали жить въ Англіи и даже размножались. Вѣдь это были бѣдники, изъ которыхъ многіе свою ненависть къ англійскимъ учрежденіямъ увезли съ собою и въ Америку; и это не одни ирландцы, которыхъ тоже презирать не слѣдуетъ; тутъ есть 1,500,000 собственно англичанъ. Вѣдь Англія не была бы такъ спокойна, и не цвѣла бы такъ, какъ теперь, если бы эти люди оставались въ ней. Пять милліоновъ человѣкъ не согласятся жить подавленіемъ, какъ скоро осмотрятся и увидятъ, что ихъ пять милліоновъ, и мирныя парламентскія реформы, напр. реформа хлѣбныхъ законовъ, можетъ быть не были бы такъ мирны при пяти милліонахъ голодныхъ людей; равно и коалиція работниковъ быть можетъ не ограничилась бы пассивнымъ выжиданіемъ прибавки заработной платы.

Г. Леонтьевъ выставляетъ, какъ одно изъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на неудачу реформы Гракховъ, то, что революціонный духъ овладѣлъ римскимъ обществомъ. «Время, говоритъ онъ, было дурное; время было революціонное. Раздражительная запальчивость заражала воздухъ и почти безсознательно влекла людей къ признанію возмутительнаго правила, что цѣль освящаетъ средства». Это онъ говоритъ на счетъ Кая Гракха, который не позволилъ себѣ даже слова противозаконнаго. Это, какъ уже замѣчено, сказано г. Леонтьевымъ невольно; и самъ онъ въ сущности Кая Гракха не считаетъ человѣкомъ съ такими іезуитскими правилами. Къ оптиматамъ эти слова могли бы быть отнесены, но не исполнѣ; потому что у нихъ и цѣль была дурная и средства такія же. Но г. Леонтьевъ не признаетъ революціонерами оптиматовъ, а изъ Гракховъ только Тиберію можетъ поставить въ упрекъ то, что онъ лишилъ одного изъ трибуновъ его достоинства; но до революціи тутъ еще далеко, и изъ этого факта ничего и не произошло; самъ Тиберій Гракхъ дальнѣе пошелъ, и первую кровь пролили, первую междоусобную войну начали тѣ же оптиматы, убившіе Тиберія Гракха, по предлогу, который самъ г. Леонтьевъ называетъ наглою ложью: Да наконецъ, если г. Леонтьевъ всмотрится въ прежнія реформы, то онъ тамъ найдетъ факты, которые выѣютъ болѣе революціонный характеръ, а между тѣмъ онъ прежнія реформы называетъ исполнѣ законными. О времени Гракховъ сохранилось много извѣстій: нахъ извѣстны ихъ слова, даже ихъ жесты, ихъ привычки и даже странности; и потому, стараясь отыскать въ нихъ что нибудь не конституціонное, не трудно наконецъ найти что-нибудь. Но о древнемъ времени мы не имѣемъ такихъ извѣстій; а между тѣмъ сохрани-

лись тоже нѣкоторыя извѣстія, нелюбопытнаго смысла. Напр. очень походитъ на правду, что Лициній хотѣлъ употребить насиліе даже противъ диктатора; а что онъ убѣждалъ народъ не повиноваться ему, въ этомъ можно не сомнѣваться, потому что диктаторъ (Камиллъ), хотѣвшій сначала сопротивляться Лицинію и грозившій народу, вскорѣ уступилъ, и даже на его мѣстѣ оказался тотчасъ же другой диктаторъ. Тутъ что-то есть? А потомъ, пусть г. Леонтьевъ подумаетъ хорошо о своихъ собственныхъ словахъ. Послѣ отшествія народа на священную гору, говоритъ онъ, «патриціи принуждены были согласиться на всеобщее банкротство». Вѣдь всеобщее банкротство такая вещь, которую никакая революція не санкціонировала. Всеобщее банкротство есть прямое нарушение законовъ о собственности, которые обыкновенно атакуются послѣдніе и защищаются всего крѣпче. Въ защитѣ ихъ обыкновенно даже красные революціонеры дѣлаются самыми несговорчивыми консерваторами. И вотъ такая-то революція чисто коммунистическая совершилась еще въ началѣ республики, а г. Леонтьевъ только похваливаетъ въ этомъ случаѣ *«характеристическую умѣренность плебеовъ»*.

Такимъ образомъ г. Леонтьевъ и тутъ не сохранилъ безпристрастія. Неизвѣстно, за что онъ такъ не расположенъ ко времени Гракховъ, не отказывая въ своемъ сочувствіи времени законовъ Лицинія и отшествія народа на священную гору. Ему бы хотѣлось можетъ быть, чтобъ Гракхи поступали въ родѣ того, какъ 2000 лѣтъ послѣ поступалъ Кобденъ. Но Кобденъ дѣйствовалъ на твердой почвѣ: ему можно было опереться на законы, которые въ Англіи хорошо соблюдаются. А когда въ Англіи законы не соблюдались, то тамъ произошли событія 1649 и 1688 г., которыя нѣсколько отличаются отъ движенія, произведеннаго Кобденомъ, в которыхъ имѣли то результатомъ, что законы стали исполняться такъ, что Кобденъ могъ освободить отъ пошлинъ ввозимый хлѣбъ.

Возгласы г. Леонтьева относительно дурнаго времени, революціоннаго времени показываютъ только одно, что онъ не далъ себѣ труда взглянуть попристальнѣе въ историческія событія, изъ которыхъ онъ извлекаетъ уроки для настоящаго времени. Прежде у ученыхъ былъ подобный обычай, который однако давно вышелъ изъ употребленія. Покойникъ Кайдановъ, ординарный профессоръ не знаю какого заведенія, излагая свою всеобщую исторію, имѣлъ чудесное средство, которымъ объяснялъ упадокъ всѣхъ государствъ безъ исключенія. Когда доходилъ до упадка, озъ обыкновенно голорилъ, что наконецъ роскошь и развращеніе нравовъ мало по малу стали входить въ то или другое государство и оно начало ослабѣ-

вать. Не правда ли, коротко и ясно, а главное очень легко. У г. Леонтьева таже метода, только слова другія; время, говоритъ онъ дурное, время революціонное, и дѣлу конецъ. А оказывается, что и другія эпохи реформъ, которымъ г. Леонтьевъ сочувствуетъ, были тоже временемъ дурнымъ, временемъ революціоннымъ, даже еще больше. Если г. Леонтьевъ оглянется назадъ въ исторію, то онъ вездѣ увидитъ тоже самое; всегда полезныя реформы впереди себя имѣли время смуть; конечно это не хорошее время, тѣмъ не менѣе, если партіи реформы удавалось озержать верхъ,— это дурное время оканчивалось. Такъ передъ реформою Солона въ Афинахъ были большіе безпорядки, несоблюденіе законовъ, тираниа Килона; а отъ Килона народъ освободился, нарушивъ самое священное право въ Греціи, право на защиту гонимыхъ въ священныхъ мѣстахъ; такова была раздражительная запальчивость, которая можетъ быть тоже носилась въ воздухѣ. Передъ реформою Ликурга было то же самое: спартанцы дрались между собою среди города; отецъ Ликурга, царь, священная особа въ Спартѣ, былъ убитъ на площади. Опять, стало быть, раздражительная запальчивость въ воздухѣ. Вообще, если есть потребность реформы, это даетъ себя знать напередъ въ смутахъ, и смуты бывають сильнѣе, если есть потребность реформы экономической. Реформа Гракховъ, какъ реформы Солона и Ликурга, соединяла въ себѣ характеръ политическій съ характеромъ экономическимъ. Неудивительно, что и въ ней не обошлось безъ смуть, не смотря на желаніе обоихъ братьевъ идти путемъ законности. Реформа не удалась, именно благодаря тому, что они все-таки не хотѣли отступить отъ законности; но это не значитъ, что она не могла удаться; еще меньше можно сказать, чтобъ она была бесполезна.

Въ подкрѣпленіе своей мысли о реформѣ Гракховъ, я приведу сужденіе одного дѣйствительно компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ и даже авторитета. У насъ къ сожалѣнію авторитетъ еще очень много значитъ, благодаря поверхностному вниманію публики даже къ вопросамъ, которые ее повидимому интересуютъ. Да наконецъ и наши авторитеты крѣпко защищаютъ свои права не доказательствами, а ученою степенію, должностію и т. п. Потому считаю весьма умѣстнымъ привести мнѣніе Дюро де ла Малья о законахъ Гракховъ. Дюро де ла Малья во первыхъ членъ французскаго института и притомъ не академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, а потомъ онъ посвящалъ себя исключительно на историко-экономическое изученіе римскаго быта. Главное его сочиненіе *Economie politique des Romains* (Paris 1840, 2 тома). Это дѣйствительно замѣчательное сочиненіе, гдѣ авторъ показалъ необыкновенную ученость, знакомство

съ латинской литературой и при этомъ добросовѣтность, которая проглядываетъ въ каждой строкѣ. Вотъ, что пишетъ Дюро де ла Мала о законахъ Гракховъ въ заключеніи своихъ изслѣдованій.

«Возстановленіе закона Лициніева, предложенное Тиб. Гракхомъ, было единственною мѣрою, которая могла спасти республику въ то время; такъ какъ прабительство богатыхъ шли еще не съ давняго времени и были противозаконны, то эта мѣра, не заключаая въ себѣ никакого ниспроверженія общества, возстановила между тремя сословіями государства равновѣсіе поземельнаго владѣнія, богатства и политическаго значенія, равновѣсіе, необходимое для ихъ гармоническаго дѣйствія; потому, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Гракховъ, какъ на мятежниковъ, въ нихъ нужно видѣть государственныхъ людей, которые имѣли самые справедливые и обширные виды на природу общества и римскаго правительства».

«Олигархія, движимая низкими личными разсчетами, ниспровергая насильемъ законы Гракховъ, умерщвляя (assassinant) неприкосновенное должностное лицо, давая первый примѣръ междоусобной войны и проскрипцій, нанесла смертельный ударъ и республикѣ и своему могуществу, которое со времени этого преступленія было безпрестанно потрясаемо смутами, возмущеніями и нападками честолюбивыхъ предводителей, которые льстили народу или подкупали его, чтобы подвать его противъ власти». (Т. II. 321.)

Вотъ до какихъ результатовъ дошолъ ученый, серьезно занявшійся изученіемъ экономическаго быта. Кто хочетъ дѣйствительно узнать судьбу земледѣльческихъ классовъ Рима, и вообще экономическую сторону жизни, тому слѣдуетъ познаться съ книгою Дюро де ла Мала. Огромная масса извлеченій изъ латинскихъ писателей, глубокомысленныя соображенія и, особенно, вполне всестороннее изученіе политической экономіи римлянъ, вознаграждаютъ читателя его книги. Трудъ Дюро де ла Мала именно принадлежитъ къ разряду тѣхъ историко-экономическихъ изслѣдованій, которые стали возможны только въ этомъ столѣтіи, и надобно признаться, выполненъ въ высшей степени добросовѣстно, а средства автора были вполне достаточны для такого труда.

Имѣніе Дюро де ла Мала вполне раздѣляетъ другой писатель, взявшій на себя высокую задачу рѣшить *проблему бѣдности*, Моро Кристофъ. (*) Моро Кристофъ привился за свое дѣло съ полными

(*) Du problème de la misère et de sa solution chez les peuples anciens et modernes. 3 тома. Другія сочиненія Моро Кристофа имѣютъ задачи очень близкія къ этой: всѣ они составляютъ экономико-историческія изслѣдованія о судьбѣ бѣдныхъ классовъ и преступниковъ въ древнихъ и новыхъ государствахъ.

сочувствіемъ къ нему; но безъ того презрѣнія къ исторіи, которое есть удѣлъ многихъ писателей слишкомъ идеальныхъ, которые, воображая всѣхъ людей способными къ самоотверженію, не смотря на свои очевидно добрыя намѣренія, много повредили успѣхамъ экономическихъ наукъ въ общественной жизни вообще, проповѣдуя ученія, слишкомъ не ладящія съ природою челоуѣка и съ исторіею. Моро Кристофъ не оторвался отъ исторіи; напротивъ, ячтобъ его собственное мнѣніе имѣло больше подноты и крѣпости, и чтообъ облегчить другимъ рѣшеніе той же задачи, онъ прослѣдилъ во всей исторіи, начиная отъ евреевъ до нашего времени, причины бѣдности, степень ея и виды, слѣдствія и средства, которыя употреблялись у разныхъ народовъ для уничтоженія ея. Книга чрезвычайно любопытная и необходимая для хорошаго экономического пониманія исторіи. Моро Кристофъ говоритъ и о Гракхахъ; не такъ подробно, какъ Дюро де ла Малья, потому что предметъ его сочиненія гораздо шире, а объемъ немного больше; но, за то, знакомство съ явленіями и причинами бѣдности у другихъ народовъ, привычка смотрѣть на явленія именно этого рода, даетъ большую вѣрность и крѣпость его сужденій о проявленіяхъ бѣдности у отдѣльныхъ народовъ.

О реформѣ Гракховъ Моро Кристофъ думаетъ, что въ ней заключалось единственное спасеніе римскаго общества, и что она не удалась только благодаря крайнему своекорыстію оптиматовъ и ихъ безчестнымъ дѣйствіямъ. Моро Кристофъ тоже знатокъ своего дѣла и въ утопіи его, какъ и Дюро де ла Малья, подозрѣвать нельзя, потому что онъ получилъ премію за свое сочиненіе изъ академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ.

Объемъ этой статьи не позволяетъ сдѣлать выписки, ни изъ Моро Кристофа, ни изъ Дюро де ла Малья. А это было бы очень полезно, особенно сдѣлать извлеченія изъ Дюро де ла Малья. Потому мы позволимъ себѣ привести еще нѣкоторыя его мнѣнія:

О латифундіяхъ онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Плинія, что онѣ погубили и Италію, и провинціи. Онъ думаетъ, что скопленіе поземельной собственности въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ было главною причиною, разстроившею экономической бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю общественную жизнь римлянъ, и причину этого видить не въ томъ, что поземельная собственность скопилась во владѣніи знати насиліемъ, а въ томъ, что она лишила экономической независимости и даже вообще средствъ къ жизни большинства римскихъ гражданъ.

Мнѣніе г. Леонтьева объ этомъ предметѣ весьма любопытно. Онъ признаетъ, что латифундіи погубили Римъ, но ограничиваетъ

эту мысль самымъ оригинальнымъ образомъ. Латифундія, говоритъ онъ, потому погубили Италію, что они были дѣломъ насилія, а не естественнаго хода дѣлъ. Но во-первыхъ, будто это не все равно? Если я пойду по улицѣ и въ меня съ крыши дома бросятъ, какъ въ Пирра, камень; да бросятъ очень ловко, — мнѣ будетъ больно; но не потому, что мнѣ сдѣлали насиліе, а потому, что камень попалъ мнѣ въ голову; точно также мнѣ будетъ больно, если въ меня попадетъ камень, который оторвется отъ карниза высокаго дома или отъ трубы; это тоже иногда случается, хотя въ такомъ случаѣ камень падаетъ совершенно только вслѣдствіе естественныхъ законовъ природы, вслѣдствіе притяженія земли и слабого сцѣпленія отломившихся частицъ камня съ карнизомъ или съ трубою. Дѣло въ томъ, что когда вредны результаты какого нибудь явленія, то о причинахъ ихъ нечего и говорить, все равно какія бы онѣ ни были. Если скопленіе поземельной собственности вредно во всякомъ государствѣ, а особенно въ государствѣ чисто земледѣльческомъ, не богатомъ капиталами, или такомъ, гдѣ неразвита мануфактурная дѣятельность не требуетъ даже и существующихъ капиталовъ, то все равно, скопляется ли она насиліемъ или съ соблюденіемъ юридическихъ формъ: скопленіе остается вреднымъ въ томъ и въ другомъ случаѣ. Причины подобныхъ явленій тоже должны быть изслѣдованы, но только за тѣмъ, чтобы не допускать ихъ дѣйствія въ аналогическихъ обстоятельствахъ, а не затѣмъ, что нашедши причину вреднаго вліянія въ одномъ случаѣ, увѣрять, что явленіе перестаетъ быть вреднымъ, если производится другими причинами, какъ это сдѣлалъ г. Леонтьевъ, на основаніи какой логики, это ему одному должно быть извѣстно.

Но этого мало, г. Леонтьевъ ошибся не въ этомъ одномъ. Онъ ошибся еще въ томъ, что принимаетъ римскія латифундіи результатомъ беззаконности, насилія. Ему вѣроятно извѣстно, что до Лицинія римляне хорошо соблюдали законы и даже послѣ Лицинія до времени Сципіоновъ, которые на основаніи своихъ подвиговъ позволили себѣ первые смѣяться открыто надъ законами республики. Но тѣмъ не менѣе до законовъ Лицинія поземельная собственность вся скопилась въ рукахъ богатыхъ людей; а о насиліи, беззаконности въ то время и помнуну быть не можетъ. Послѣ Лицинія также бѣдные граждане скоро потеряли свои участки. Это можно видѣть изъ приведенныхъ выше случаевъ, что 40 лѣтъ послѣ Лицинія начался снова вопросъ о долгахъ, а еще около 40 лѣтъ послѣ народъ уже удалился на Яникуль. Титъ Ливій въ книгахъ, содержащихъ исторію Рима послѣ Лицинія, рассказываетъ объ основаніи многихъ колоній для бѣдныхъ гражданъ. Это значитъ, что бѣдные граждане

потеряли свою землю, и что она переходила въ руки богатыхъ фамилій. И это именно было тогда, когда насилій и беззаконія въ Римѣ не было, т. е. если и были преступленія, то они наказывались по законамъ. Вообще мнѣніе г. Леонтьева о насиліи, какъ причинѣ скопленія поземельной собственности, противорѣчитъ исторіи, и не подкрѣплено у него ни однимъ доказательствомъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ принимать за доказательство извѣстія Колумеллы и Плинія, писателей времени императоровъ (жили спустя 200 лѣтъ послѣ большихъ войнъ), что въ ихъ время бѣдные граждане подвергались насиліямъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Забавно видѣть эту увѣренность, съ какою г. Леонтьевъ говоритъ, будто *большія помѣстья* имѣютъ свое начало въ томъ, что *большіе землевладѣльцы* отнимали земли у мелкихъ сосѣдей. Но вѣдь прежде этого отниманья *большіе землевладѣльцы* уже владѣли *большими помѣстьями*; это слѣдуетъ изъ самыхъ словъ г. Леонтьева, если даже забыть, что уже за 200 лѣтъ едва ли не вся почва Италіи была соединена въ рукахъ богатыхъ людей. Это и есть единственное доказательство г. Леонтьева въ пользу того, что латифундіи своимъ началомъ обязаны насилію. И послѣ этого-то доказательства г. Леонтьевъ побѣдоносно восклицаетъ: и такъ вотъ какія латифундіи погубили Италію! Эти крупныя помѣстья *возникли* не изъ естественнаго теченія экономической жизни, а изъ насилія. Такимъ образомъ я могу доказать напри- мѣръ, что *городъ Римъ основанъ* хоть въ пятомъ столѣтіи *отъ основанія Рима*.

У Дюро де ла Мая все это хорошо разобрано и приводится больше примѣровъ насильственнаго захватыванья богатыми людьми мелкихъ сосѣдскихъ участковъ. Но у него это представлено въ истинномъ свѣтѣ, какъ округленіе большихъ помѣстій, уже существовавшихъ, или какъ капризное самоуправство богача-оптимата, не знающаго другого закона, кромѣ собственнаго произвола.

Читатель видѣлъ въ этомъ разборѣ все существенное изъ статьи г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ. Ни одно изъ его положеній не имѣетъ основанія; всѣ они построены на ложной экономической теоріи французской официальной школы. Мѣстами г. Леонтьевъ былъ невѣренъ и этой теоріи, напр. въ сужденія о реформѣ Лицинія: въ этомъ случаѣ онъ не могъ отступить отъ утвержденнаго окончательнаго мнѣнія о благотворности его законовъ, оказавшейся на дѣлѣ. Но, чтобы согла-

свить реформу Лицинія съ теорією Бастья и др., г. Леонтьевъ представилъ ее въ ложномъ свѣтѣ. Въ истинномъ свѣтѣ она совершенно противорѣчитъ этой теоріи; но за это не она должна быть осуждена, а поверхностная, лишняя научнаго основанія, теорія. Такимъ образомъ фатализмъ въ исторіи, до котораго дошелъ г. Леонтьевъ, не имѣетъ основанія. Несомнѣнно, что политическія и экономическія учрежденія всегда больше или меньше соответствуютъ внутреннему, человѣческому достоинству народонаселеній и имъ опредѣляются. Но также вѣрно, что и сами народонаселенія подвергаются влиянію учреждений. Учрежденія, дѣло ума человѣческаго, понятія и хорошо оцѣненныя сначала только немногими, будучи приложены къ народной жизни, воспитываютъ весь народъ, и, мало-по-малу, востоянно сами совершенствуются, доводятъ его до большей нравственной и умственной выскоты. Между учреждениями весьма важную роль играютъ учрежденія экономическія. Экономическая независимость отдѣльныхъ лицъ есть дѣло, весьма богатое благодотворными результатами. Только она дѣлаетъ человѣка вполнѣ, не только *de jure*, но и *de facto*, свободнымъ, т. е. только она даетъ ему возможность здраваго и всесторонняго развитія.

Натурально объ абсолютной экономической независимости рѣчи быть не можетъ. Ее надобно понимать только какъ возможность имѣть обезпеченное содержаніе, не зависящее отъ произвола вліятельныхъ людей, фабрикантовъ, поземельныхъ владѣльцевъ, и разныхъ другихъ лицъ, поставленныхъ фактически въ положеніе начальниковъ.

Въ римской исторіи это значеніе учреждений, и преимущественно экономическихъ, видно больше нежели гдѣ нибудь.

Послѣ изгнанія царей бѣдные плебен получаютъ земли, и они поддерживаютъ крѣпко патриціевъ противъ покушеній царя. Народъ, довольный новымъ порядкомъ дѣлъ, показываетъ много доблести, которую молва увеличила до слишкомъ героическихъ размѣровъ. Положеніе плебеевъ скоро, благодаря непрочному экономическому быту, дѣлается невыносимо, они уходятъ на священную гору, не хотятъ жить больше въ Римѣ. Но патриція уступаютъ: плебен получаютъ новыя, очень важныя, политическія права и важное экономическое облегченіе (всеобщее банкротство). Это снова даетъ нравственную крѣпость народу, и слѣдующая исторія опять представляетъ доблести внутри и внѣ государства. Объ этой старинной римской доблести стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ наше слишкомъ прозаическое время она можетъ показаться не болѣе какъ словомъ, тѣмъ болѣе, что римскіе историки представляли.

своихъ предковъ дѣйствительно черезъ-чуръ необыкновенными людьми, и дѣла ихъ очевидно разукрасились. Прикрасы такъ и останутся прикрасами, но основаніе въ этихъ разсказахъ несомнѣнно истинное, потомучто передъ судомъ исторіи, не только разсказы римскихъ историковъ о подвигахъ ихъ предковъ, но и результаты этихъ подвиговъ. Если бы эти разсказы шли изъ среды напр. какого-нибудь финскаго племени, живущаго въ Россіи, то естественно они не могли бы ничего вызвать, кромѣ улыбки. Но Римъ, маленькій городокъ въ средней Италіи, дѣйствительно мало-по-малу покорилъ всю среднюю Италію, потомъ и южную и сѣверную, наконецъ и весь міръ. Чтобы римляне могли сдѣлать это, нужно, чтобы среди народа была дѣйствительно причина, которая бы произвела такіе результаты. День счастье, годъ счастье, вѣкъ счастье, говорилъ Суворовъ; согласитесь тутъ нужно немножко и ума. Это вполне приложимо къ Риму: 6 вѣковъ постоянныхъ успѣховъ, тутъ мало одного счастья; тутъ надо немножко и ума. И этотъ старинный римскій умъ заключался въ томъ, что среди народа, благодаря его прекраснымъ учрежденіямъ, всегда воспитывалось нѣсколько чело-вѣкъ, которые были способны къ самому безкорыстному служе-вію, къ самой безграничной преданности родинѣ; и эти-то непо-гѣе люди, которыхъ имена исторія сохранила, служили образцами для другихъ, для всего народа, который естественно любилъ свою родину и гордился ею, потомучто ея учрежденія были лучше всѣхъ другихъ, которыя онъ зналъ. Характеръ всѣхъ римскихъ героевъ одинъ: всѣ они прежде всего преданные дѣти своей родины, по- томъ люди правды; хотя въ массѣ народа и въ правительственномъ сословіи большинство черѣдко проявляло другія качества.

Послѣ отшествія народа на Священную гору, Римъ сначала не отказывался отъ реформъ: сюда относятся улучшеніе судопроиз- водства, законъ Канулея о бракахъ и др. И патриціи и плебеи имѣли причину почитать и защищать законы родины, справедли- вые для тѣхъ и для другихъ.

Но затѣмъ, патриціи стали слишкомъ ревниво посматривать на увеличеніе правъ плебеевъ. Явился вопросъ о земляхъ; плебеи обѣдѣли и хотѣли поправить свой экономическій бытъ. Но патри- ціи не только не думали объ этомъ, но старались губить тѣхъ изъ среды своей, которые принимали сторону народа въ этомъ вопросѣ. Это тотчасъ дало себя чувствовать во внѣшнихъ неуда- чахъ. Римляне не защитили даже Рима, который былъ взятъ гал- лами. Послѣ пагнанія галловъ дѣла не поправлялись. Патриціи по- прежнему больше всего дорожили своимъ состояніемъ, а плебеи были нищими. Реформа Лицинія докончила политическое уравне-

ніе плебеевъ и патриціевъ; но, что всего важнѣе, она обезпечила плебеймъ матеріальное благосостояніе. И результатъ былъ, какъ говоритъ и г. Леонтьевъ, постоянныя удачи римлянъ послѣ этого въ войнахъ. Удача въ войнѣ, собственно говоря, дѣло не важное; особенно если она есть результатъ военной дисциплины, если она достигается съ помощію войска, за деньги готового идти на край свѣта; таковы были успѣхи Александра Македонскаго и его преемниковъ; оттого изъ этихъ войнъ ничего и не вышло, не смотря на громкія фразы, которыми нѣкоторые историки до сихъ поръ описываютъ походы Александра Македонскаго, не смотря на это quasi сближеніе запада съ востокомъ, которое въ самомъ дѣлѣ было подчиненіемъ запада востоку, разума силѣ. Военскіе успѣхи римлянъ представляютъ совсѣмъ другое дѣло. Римляне, сражавшіеся противъ враговъ, не были солдаты, это были граждане, защищавшіе интересы своего отечества, даже защищавшіе честь его, доброе имя. Идея объ отечествѣ, независимо даже отъ всякихъ личныхъ интересовъ, была очень сильна у римлянъ. Если въ какомъ нибудь дѣлѣ къ интересамъ отечества присоединялись личные интересы, то римляне были ему преданы еще больше. Такимъ образомъ успѣхи римлянъ въ войнахъ именно могутъ служить, разумѣется исключая немногія случайности, термометромъ ихъ внутренняго благосостоянія. И въ этомъ заключается одна изъ причинъ успѣховъ Рима въ первые 6 вѣковъ его существованія. Интересы огромнаго большинства гражданъ были согласны съ общими интересами республики. Это и есть идеалъ общественнаго устройства. При такомъ положеніи общество крѣпко; оно держится внутренними силами, и никакія случайности ему не страшны. Тогда какъ въ противномъ случаѣ, когда интересы большинства противны интересамъ общимъ, общество не имѣетъ внутренней связи, оно чѣмъ-то связаво внѣшнимъ, чѣмъ-то въ родѣ обручей, которые когда перегніють, все цѣлое рассыпается.

Послѣ Лицинія была крѣпка эта внутренняя связь, и Hannibal ante portas не былъ страшенъ Риму. Народъ чувствовалъ полноту своихъ правъ; онъ былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; изъ старины ему сохранились преданія о подвигахъ гражданъ, которыхъ наслѣдникомъ онъ себя почиталъ, и онъ старался, защищая въ одно время интересы свои собственные и интересы отечества, не отстать отъ предковъ въ доблести. Такъ Децій, во время самнитской войны, вскорѣ послѣ изданія законовъ Лицинія, по разсказу Ливія, пожертвовалъ собой, вспомнивши, что его отецъ такъ поступилъ въ подобномъ случаѣ. Но матеріальное благосостояніе

бѣдныхъ гражданъ вскорѣ разстроилось: съ одной стороны войны, безъ сомнѣнія, обогащали по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ гражданъ, а съ другой доставляли возможность устроить бытъ другихъ, посредствомъ отвода ихъ въ колоніи. Разумѣется, при этомъ все-таки не всѣ устроивались; многіе продолжали терять участки, благодаря ихъ отчуждаемости, и послѣ войнъ число бѣдняковъ оказалось огромно. Къ концу войнъ консулы, а за ними и вообще оптиматы, неограниченные повелители на войнѣ, мало-по-малу стали привыкать къ этому положенію, и перестали стѣснять себя и внутри города; это началось Сципіономъ африканскимъ; послѣ него росло и выросло въ цѣлую систему беззаконій оптиматовъ, которые захватили въ свои руки и власть, и богатство, и пользовались какъ тѣмъ, такъ и другимъ очень плохо, по всеобщему признанію, — даже по признанію г. Леонтьева.

Спасти Римъ могли, какъ говорить Дюро-де-ла Маль, только Гракхи. Гракховъ погубили оптиматы; этимъ они погубили себя: за Гракховъ отомстили Сулла, Марій, Цезарь, Антоній, и Октавіанъ и наконецъ императоры. Еще съ Суллы начались проскрипціи изъ-за богатства и продолжались едва ли не до паденія западной римской имперіи, въ продолженіи 5 вѣковъ съ половиною. Но не выиграли ничего и бѣдные граждане, если не считать за большой выигрышъ даровой хлѣбъ и даровыя зрѣлища. Сельскіе жители обращены въ крѣпость, городскіе были нищими съ своею полнотою политическихъ правъ, которая сначала ступевалась передъ правами Цезарей, а потомъ передъ правами побѣдителей варваровъ. Исторія этихъ послѣднихъ пяти-сотъ лѣтъ есть тоже исторія Рима и римскаго народа; во это уже не тотъ Римъ, который показалъ во время оно столько доблестей дома и на войнѣ. Исторія того народа окончилась со смертью Гракховъ или пожалуй со смертью Катона Утическаго, Брута, Кассія и др., или съ допущеніемъ Горациа въ прихожую Августа. Скоро и дурно кончилъ этотъ прекрасный народъ; виноваты были одни оптиматы съ ихъ теоріею *laissez faire, laissez passer*, недопустившіе Гракховъ муштровать жизнь, какъ они называли ихъ реформу.

Г. Леонтьевъ вооружается въ реформѣ Гракховъ главнымъ образомъ противъ экономической ея стороны. Читатель видѣлъ, что въ этомъ онъ не послѣдователецъ; не смотря на свою теорію экономическаго квіетизма, онъ одобряетъ законы Лицинія и экономическую сдѣлку послѣ отшествія народа на Священную гору. Но, по видимому, это сдѣлано имъ только потому, что онъ не замѣтилъ и не понялъ хорошо экономическую сторону того и другаго произшествія. Если судить по тому, что у него какъ-будто возведено въ

систему, онъ дѣйствительно антагонистъ всякой экономической реформы, и находить ее излишнею всегда и вездѣ въ общественной жизни. Г. Леонтьевъ профессоръ древней словесности, и въ древней словесности онъ найдетъ полное опроверженіе своей теоріи. Жизнь грековъ и римлянъ, столь богатая общечеловѣческими результатами, обязана этимъ тому, что и тотъ и другой народъ въ лучшее время жизни были не прочь отъ реформъ, именно экономическихъ. Что касается до римлянъ, читатель видѣлъ, что всѣ ихъ важнѣйшія реформы самую существенную часть имѣютъ въ сторонѣ экономической. У грековъ было тоже самое. Наиболее полезная реформа Афинъ была реформа Солона, послѣ которой былъ дѣйствительный золотой вѣкъ афинской жизни, — вѣкъ персидскихъ войнъ. Но въ реформѣ Солона самая существенная часть есть экономическая, избавившая бѣдныхъ гражданъ отъ тиранніи богатыхъ. Это очень хорошо извѣстно г. Леонтьеву, потому что самъ онъ изложилъ это въ «Проплеяхъ» по книгѣ Грота, и изложилъ дѣйствительно прекрасно, не затемняя дѣла, не подводя его подъ свою экономическую теорію. Изъ реформъ Солона двѣ имѣютъ экономическій характеръ и притомъ весьма знаменательный. Это во 1-хъ, обложение богатыхъ гражданъ большими налогами, сравнительно съ гражданами менѣе богатыми. Г. Леонтьевъ излагаетъ эту мѣру во всей ея подробности, приводитъ цифры, показывающія состояніе гражданъ, и цифры, показывающія налогъ, и не скрываетъ, что Солонъ ввелъ налогъ *прогрессивный*, даже самъ называетъ его этимъ именемъ. А что такое налогъ *прогрессивный*? Извѣстно ли читателю, что налогъ *прогрессивный* также противенъ школь, о которой мы столько разъ упоминали, сколько ей любезно правило: *laisser faire, laisser passer*.

Но гораздо важнѣе другой экономической законъ Солона, такъ называемая *сизактія*. Г. Леонтьевъ подробно излагаетъ и его, и даже разбираетъ, и даже хвалитъ. А между тѣмъ *сизактія* есть ни болѣе, ни менѣе, какъ полное нарушеніе правъ собственности. «Она, говоритъ г. Леонтьевъ, уничтожила всѣ контракты, по которымъ личность или поземельные участки служили залогомъ; она очистила афинскую землю отъ многочисленныхъ долговыхъ столбовъ и освободила отъ рабства всѣхъ приговоренныхъ къ нему за долги.» Чѣмъ же были вознаграждены кредиторы? — Ровно ничѣмъ. Ихъ кредитованныя суммы пропали безвозвратно. Кромѣ того и тѣ должники, которые не закладывали своей свободы и земли, получили право, вслѣдствіе уменьшенія цѣнности драхмы, заплатить только 73% своего долга, вмѣсто 100%, которые они обязаны были заплатить по контракту, такъ что кредиторы поте-

рля въ двойнѣ, и въ дѣлахъ съ бѣдными, и въ дѣлахъ съ богатыми должниками. «Потеря кредиторовъ, продолжаетъ г. Леонтьевъ, отъ уничтоженія контрактовъ и уменьшенія цѣнности монеты, составляютъ фактъ, котораго не можетъ скрыть никакое объясненіе. Солонова сизахтія была безъ всякаго сомнѣнія мѣра несправедливая, по скольку она уничтожала законно-заключенныя обязательства, но въ тоже время она была въ высшей степени благотѣльна по своимъ послѣдствіямъ и находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что только съ ея помощію можно было поддержать въ Атикѣ разрывавшуюся ея государственную связь и облегчить сдѣлавшееся невыносимымъ положеніе большей части гражданъ.» Не правда ли г. Леонтьевъ партизанъ только успѣха и совершившихся фактовъ? Сизахтія удалась, и ей полное его сочувствіе. А между тѣмъ, какъ бы хорошо шли эти слова къ реформѣ Гракховъ, тѣмъ болѣе, что въ ней совсѣмъ не было той несправедливости, какая была въ сизахтіи Солона. А отчего же въ самомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ такъ неровно судитъ объ историческихъ фактахъ? Пусть угадываетъ всякій какъ хочетъ; я считаю г. Леонтьева партизаномъ совершившихся фактовъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать еще нѣсколько строкъ о сизахтіи, тѣмъ болѣе, что онѣ очень вѣдутъ, какъ увидитъ читатель, къ реформѣ Гракховъ; надобно только отдѣлать черту сизахтіи, — несправедливость. «Съ такой точки зрѣнія, говоритъ опять г. Леонтьевъ, смотритъ Гротъ на сизахтію (т. е. оправдываетъ ее), и это сужденіе несомнѣнно самое вѣрное и справедливое, какое можно о ней сдѣлать. Никакое средство, удерживающееся въ предѣлахъ законности, не могло пособить тогдашнему отчаянному состоянію государства; только цѣною рѣшительной мѣры могло быть возстановлено общественное спокойствіе и т. д.» «Сизахтія получила въ общественномъ мнѣніи чрезвычайную популярность: всѣ сословія нашли въ ней средство къ примиренію и приносили за нее благодарственные жертвы.» «Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что спорный вопросъ былъ рѣшонъ Солономъ окончательно и навсегда.» «Довѣріе и благодарность, которыя онъ внушилъ своимъ согражданамъ, были такъ велики, что они обратились къ нему съ просьбою дать Аѣнамъ новое законодательство.» Поэтому, Соломъ и прибавилъ къ реформѣ экономической еще реформу политическую и административную.

Надѣюсь, что эти выписки не нуждаются въ особенныхъ комментаріяхъ; система, которой держится въ сужденіи объ этомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ, совершенно противоположна той, которой онъ держится въ сужденіи о Гракхахъ. Вѣдь г. Леонтьеву извѣстно,

что, передъ законодательствомъ Солона, время въ Афинахъ было тоже дурное: раздражительная запальчивость тоже носилась въ воздухъ.

Впрочемъ, не за тѣмъ сдѣланы эти выписки, чтобъ показать невѣрность г. Леонтьева собственной системѣ; это такъ пришлось кстати. Я хотѣлъ показать, что никакая дѣйствительная, существенная реформа не обходится безъ значительнаго элемента экономического. Тѣмъ лучше, что пришлось показать это собственными словами г. Леонтьева. Дѣйствительно, въ реформѣ Солона элементъ экономической играетъ по крайней мѣрѣ значительную роль, если не главную. И извѣстно, что Афины обязаны всею своею послѣдующею исторіею законамъ Солона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ учрежденія не остались безъ вліянія на развитіе народное. Не поступи Солонъ такъ смѣло, какъ это прекрасно представлялъ г. Леонтьевъ, исторія Афинъ, говоря опять его словами, окончилась бы безславно, и мы не имѣли бы въ нихъ нашихъ учителей въ наукѣ и въ цивилизаціи вообще.

Другая замѣчательная реформа изъ исторіи Греціи есть реформа Ликурга. Въ ней элементъ экономической также силенъ, какъ и въ реформѣ Солона. Съ этимъ г. Леонтьевъ не согласенъ: въ той же самой книгѣ «Пропилей» онъ изложилъ ученіе Грота и объ этой реформѣ. Но г. Леонтьевъ весьма ошибся, отвергая то, что Ликургъ уравнивалъ поземельныя владѣнія спартанцевъ; ошибся онъ конечно потому, что ошибся Гротъ. Но тѣмъ не менѣе это ошибка, которая, къ сожалѣнію, съ легкой руки г. Леонтьева привилась у насъ, хотя немного еще. Но считаю нужнымъ опять обезпечить себя противъ нареканій. Гротъ конечно ученый человекъ и опровергать его не всякому позволительно, особенно у насъ въ Россіи; мы какъ-то еще собственнымъ страхомъ не можемъ выйти изъ роли учениковъ, да притомъ самыхъ маленькихъ, не позволяющихъ себѣ, или не умѣющихъ судить о словахъ учителя. Но, если Гротъ ученъ, то Дункеръ еще ученѣй, притомъ Дункеръ написалъ свою исторію послѣ Грота; слѣдовательно она представляетъ болѣе новое слово науки; кажется все это резонно. Дункеръ принимаетъ, что Ликургъ уравнивалъ владѣнія спартанцевъ; слѣдовательно мы имѣемъ полное право, даже, пожалуй, должны принимать тоже самое.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣніе Грота о томъ, что Ликургъ не трогалъ поземельныхъ владѣній спартанцевъ совсѣмъ не основательно, не смотря на видъ чрезвычайной учености, который оно имѣетъ. Въ этомъ случаѣ оно походитъ на тѣ мнѣнія Момсена, которыми по-

заимствовался г. Леонтьевъ и которыя привели его къ разногласію съ самимъ собою. И Дункеръ совершенно правъ, не принимая его. Гротъ построилъ свое мнѣніе на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Что Ликургъ уравнивалъ поземельныя владѣнія спартацевъ, объ этомъ разсказываютъ Полибій, писатель 2 вѣка до Р. Х., и Плутархъ, писатель 2 вѣка послѣ Р. Х. Гротъ находитъ, что эти писатели не могли знать хорошо дѣла; а болѣе древніе писатели объ этомъ не говорятъ. 2) Плутархъ разсказываетъ, что Ликургъ раздѣлилъ всю Лаконію на 39,000 участковъ; а вся Лаконія тогда не была еще и покорена. 3) Исслѣдователи древней спартанской исторіи, Отфридъ Мюллеръ, Манзо, Титманъ, Ваксмутъ, Германнъ, Шѣманъ, Терльвилъ, принимающіе уравненіе поземельныхъ участковъ Ликургомъ, измѣняютъ его каждый какъ-нибудь по своему и дѣлаютъ свои теоріи, тоже различныя для объясненія того, почему участки такъ и оставались равными много времени послѣ Ликурга. Начнемъ съ послѣдняго доказательства. Во первыхъ этотъ рядъ именъ ученыхъ уже говоритъ самъ за себя. Отъ чего предположить, что всѣ они ошибались, а Гроту одному далась истина? Вѣдь они тоже весьма основательно изслѣдовали древности Спарты и изслѣдовали безо всякой задней мысли, а Гротъ говоритъ прямо, что потому не слѣдуетъ вѣрить разсказамъ объ уравненіи поземельныхъ владѣній, что они въ наше время даютъ поводъ къ разнымъ планамъ, очень вреднымъ. Это одно уже заподозрѣваетъ самого Грота. И потомъ чтожь это за метода, не принимать факта изъ древней жизни, потому только, что онъ въ своихъ подробностяхъ не совсѣмъ понятенъ, за недостаткомъ извѣстій. Натурально такой фактъ каждый ученый будетъ дополнять подробностями изъ своего соображенія: тутъ нѣтъ еще причины отвергать факты. Законы Лицинія, по мнѣнію г. Леонтьева, до Нибура ни кѣмъ не были поняты, слѣдовательно и нужно было отвергать ихъ? А я прибавлю, что и теперь есть люди и даже хорошо знакомые съ дѣломъ, которые все-таки мнѣнія Нибура объ «ager publicus» не принимаютъ и печатаютъ это, и мнѣніе Нибура называютъ парадоксомъ. По этому слѣдуетъ законы Лицинія отвергнуть? Нѣтъ, несогласіе ученыхъ въ подробностяхъ еще не даетъ причины отвергать фактъ, къ которому подробности относятся. Г. Леонтьевъ вполне доволенъ возраженіями, которыя Гротъ дѣлаетъ на эти предположенія ученыхъ, принимающихъ законы Ликурга съ заднею мыслью. Натурально на всякое предположеніе можно сдѣлать возраженіе, а когда много различныхъ предположеній объ одномъ дѣлѣ, очевидно, кромѣ одного, всѣ они ложны, а можетъ быть истинное предположеніе и совсѣмъ невысказано. Это дѣло до такой степени простое, что объ этомъ много и

распространяться нечего. Удивительно ли, что Гротъ нашолъ по возраженію на нѣкоторыя предположенія.

Или другое доказательство, что Плутархъ принимаетъ раздѣленіе всей Лаконіи на 39,000 участковъ, когда Лаконія не была еще и покорена. Да кому же неизвѣстно, что Плутархъ въ своихъ біографіяхъ заботился всего больше о томъ, чтобъ начертить ясный и выразительный портретъ каждаго изъ своихъ героевъ; что система, литературное достоинство стояли у него впереди всего, и потому, едва ли не во всѣхъ біографіяхъ безъ исключенія, онъ наговорилъ басень, именно въ видахъ сдѣлать біографію яснѣе и выразительнѣе, а можетъ быть подбиралъ извѣстія, не заботясь о вѣроятности, чтобъ параллели между греками и римлянами выходили заштытѣе. Самъ же г. Леонтьевъ не принимаетъ извѣстія Плутарха, что Лициній хотѣлъ арестовать Камилла. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Камиллъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, даже не былъ противникомъ реформы Лицинія. Этотъ ложный систематизмъ попадаетъ вездѣ; онъ даже необходимъ, потому что всякій старается понять что-нибудь вполнѣ, а не вполовину, и недостающія указанія добавляетъ соображеніемъ или воображеніемъ. Геродотъ рассказываетъ, что Ксерксъ велъ съ собою въ Грецію 5,000,000 человекъ. Можно доказать математически точно, что эти 5,000,000 погибли бы съ голоду, въ двѣ недѣли, если бы они только переступили Дардапеллы. И этой цифры, дѣйствительно, никто не принимаетъ. Тѣмъ не менѣе этого похода персовъ въ Грецію никто не отвергаетъ. Наконецъ вообще это дѣло слишкомъ извѣстное, что въ исторической критикѣ прикрасы и систематизированье не даютъ права отвергать самые факты, къ которымъ они относятся.

Между тѣмъ для г. Леонтьева эти ложныя разсужденія Грота имѣютъ неопровержимую крѣпость. «Но, говоритъ г. Леонтьевъ, Гротъ не останавливается и на этомъ выводѣ, и идетъ еще далѣе. Онъ показываетъ *до послѣдней степени убѣдительности*, что Ликургъ никогда и не предпринималъ трудной мѣры раздѣленія поровну поземельной собственности». Не угодно ли судить, что это за послѣдняя степень убѣдительности. Полибій говоритъ о раздѣленіи земли Ликургомъ на равныя участки, какъ о событіи, не подлежащемъ сомнѣнію, но вѣстивъ съ тѣмъ самъ сообщаетъ извѣстіе, очень интересное для насъ, что къ крайнему его удивленію никто изъ болѣе древнихъ и самыхъ основательныхъ писателей, ни Платонъ, ни Каллисвенъ, ни Ксенофонъ, ни Эфоръ не обращаютъ вниманія на эту мѣру. Это говоритъ г. Леонтьевъ, но здѣсь онъ не болѣе и не менѣе, какъ исказилъ слова Полибія; Полибій и намекъ не дѣлаетъ на то, чтобы эти писатели не обращали вниманіе на раздѣ-

леніе земли Ликургомъ; онъ даже ничего не говоритъ ни о Ликургѣ, ни о раздѣленіи. Полибій говоритъ, что Платонъ, Каллисѣенъ, Эзоръ и Ксенофонтъ находятъ сходство между конституціями Спарты и Крита. Полибій находитъ это неосновательнымъ и приводитъ черты различія между Спартою и Критомъ. Одна изъ этихъ чертъ есть та, что въ Спартѣ существовало равенство поземельнаго владѣнія, а въ Критѣ его не было. Онъ не говоритъ, что Платонъ, Каллисѣенъ и др. не знаютъ этого факта; онъ осуждаетъ ихъ только за то, что они, не смотря на различіе поземельнаго владѣнія, находятъ конституціи Спарты и Крита сходными, и въ этомъ ошибается самъ же Полибій. Въ этомъ случаѣ онъ попалъ въ смѣшную промахъ, показывающій его слишкомъ недалекое логическое развитіе. Извѣстно, что между двумя предметами полного сходства быть не можетъ, полное сходство есть тождество, которое дѣлаетъ предметъ равнымъ самому себѣ; тѣмъ не менѣе есть сходство между различными предметами. Отличительная черта сходства предметовъ та, что оно необходимо допускаетъ и различія, иначе это было бы тождество, существующее только въ одномъ предметѣ, и невозможное въ двухъ. Сходство бываетъ и больше и меньше, оно отыскивается даже между предметами самыми повидимому непохожими. Такъ есть сходство между русскимъ и китайцемъ, хотя есть и различіе; есть сходство между человѣкомъ и деревомъ и т. п. Полибій этого не понимаетъ. Онъ знаетъ, что между учрежденіями Спарты и Крита есть различіе; потому думаетъ, будто уже нельзя сказать, что между ними есть и сходство. Платонъ, Каллисѣенъ и др. думаютъ, что между Спартою и Критомъ есть сходство; онъ опровергаетъ это тѣмъ, что есть между ними и черты различія. Но онъ не даетъ и намёка на то, чтобы эти писатели не знали не только о раздѣлѣ земли Ликургомъ, но и о равенствѣ поземельной собственности, къмъ бы она произведена ни была. Да такъ и сказать онъ не могъ, потому что у тѣхъ изъ упомянутыхъ Полибіемъ писателей, которые сохранились, прямо говорится о раздѣленіи земли въ Спартѣ на равныя участки. Такъ самъ Гротъ приводитъ слова Платона, что въ Спартѣ земля была *раздѣлена равномерно* (*). Во

(*) Weil sie (die Dorier) das Land unter sich angemessen vertheilten. Geschichte Griechenlands, переводъ Мейснера, Лейпцигъ 1850 г. стр. 705. Г. Леонтьевъ передаетъ это angemessen vertheilten, хорошее разпределение поземельной собственности. Хорошимъ распределеніемъ собственности онъ признаетъ пятифундїи. Не прикажетъ ли онъ пятифундїи считать чертою первоначальнаго спартанскаго хозяйства. Что тутъ ошибка только въ разсужденіи самого Полибія, что онъ не приписываетъ помянутымъ древнимъ писателямъ незначія о равномъ раздѣленіи земли въ Спартѣ, это видно изъ того, что Платонъ знаетъ объ немъ.

всей этой исторіи нужно удивляться только тому, что Гротъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ понять смыслъ Полибія, а г. Леонтьевъ и совѣмъ искажилъ, прибавивши къ словамъ и Грота и Полибія то, чего они и не думали говорить. Но Гротъ по крайней мѣрѣ не скрываетъ своей задней мысли, что онъ опровергаетъ раздѣленіе земли Ликургомъ, потому что оно даетъ поводъ къ вреднымъ тенденціямъ. А г. Леонтьевъ увѣряетъ, что онъ ищетъ только чистой исторической истины. А между тѣмъ искажаетъ не только Полибія, и даже Грота. А историческая истина имѣетъ дѣйствительно свои права, къ чему-нибудь ложному она вести не можетъ, а если кому-нибудь это такъ кажется, тотъ долженъ повѣрить свое сужденіе объ истинномъ и ложномъ, и убѣдиться дѣйствительно ли справедливо то, что онъ считаетъ справедливымъ.

Вотъ какъ Гротъ и г. Леонтьевъ показываютъ *до послѣдней степени убѣдительности*, что Ликургъ надѣлилъ земли между Спартамцами. Послѣ извлеченія изъ Полибія, г. Леонтьевъ до послѣдней степени убѣдительности показываетъ тоже изъ Геродота. «Геродотъ, говоритъ онъ, который оставилъ намъ краткое описаніе поразившихъ его особенностей въ спартанскихъ учрежденіяхъ, не говоритъ ни слова о новомъ раздѣлѣ земли Ликургомъ». Г. Леонтьевъ подтверждаетъ это ссылкой на 6-ю книгу Геродота (61—60). Но если ктонибудь заглянетъ въ это мѣсто, тотъ вѣдь цитатамъ ученыхъ больше вѣрить не станетъ. Гдѣ же тамъ Геродотъ описываетъ поразившія его особенности въ учрежденіяхъ Спарты. Онъ говоритъ только о власти и преимуществахъ спартанскихъ царей въ городѣ и на войнѣ и больше ровно ничего. Находить сходство между Спартою и кажется Египтомъ во взглядѣ на царскую власть, да кстати прибавляетъ, что сходство это замѣтно еще въ фактической послѣдственности ремесла. Почему г. Леонтьевъ требуетъ, чтобъ Геродотъ заговорилъ здѣсь о новомъ раздѣлѣ земли Ликургомъ? Говоритъ ли онъ о прежнемъ раздѣлѣ? — Ни слова. Говоритъ ли о Ликургѣ? — Напротивъ, онъ не понимаетъ даже его имени? — Дѣлаетъ ли онъ очеркъ исторіи Спарты? — Подобія этого нѣтъ. — Если поэтому отвергать дѣленіе земли Ликургомъ, то слѣдуетъ отвергнуть всѣ вообще законы Ликурга, потому что Геродотъ не говорить ничего и объ нихъ. Точно также г. Леонтьевъ находитъ, что

Эфоръ, специально занимавшійся Спартою, вѣроятно зналъ еще больше. А что Платонъ, Эфоръ и другіе не ошиблись, находя сходство между Спартою и Критомъ, сошлюсь опять на авторитетъ Дункера, который тоже его находитъ. Да его признаютъ и всѣ, и признавать его нельзя. Тутъ именно все дѣло только въ нелогичности Полибія.

и Фукидидъ долженъ бы сказать о раздѣлѣ земли Ликургоу, когда Фукидиду до этого и дѣла совсѣмъ нѣтъ, когда онъ говоритъ только, что въ Спартѣ всѣ ведутъ одинъ образъ жизни, даже одинаково одѣваются и посвящаютъ этому пять или шесть строкъ не больше, ежели не меньше. Дѣйствительно всѣ эти требованія и могутъ быть объяснены только заднею мыслью. Всѣ другія доказательства Грота и г. Леонтьева слабѣе даже этихъ; самъ г. Леонтьевъ не приписываетъ имъ послѣдней степени убѣдительности; потому ихъ позволительно обойти. Но замѣчательно, что г. Леонтьевъ законъ Ликурга объ уравниеніи поземельнаго владѣнія въ Спартѣ считаетъ окончательно опровергнутымъ, и находитъ не понятнымъ, «какимъ образомъ г. Рословскій остался при старомъ мнѣніи относительно этого важнаго пункта». Теперь г. Леонтьевъ пусть удивляется и тому, что Дункеръ тоже остался при старомъ мнѣніи. Видно не для всѣхъ до послѣдней степени убѣдительны доказательства Грота.

Такимъ образомъ и на основаніи мнѣнія всѣхъ ученыхъ, даже самыхъ позднѣйшихъ, и на основаніи сохранившихся источниковъ, мы должны принять, что въ реформѣ Ликурга главный элементъ былъ экономической. Можно впрочемъ уступить г. Леонтьеву нѣсколько, даже пожалуй больше, нежели онъ хочетъ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не важно на сколько частей была раздѣлена Лаконія, и когда, и даже кѣмъ. Пусть даже и Ликурга никогда не было. Достоверно то, что въ Спартѣ первоначальное равенство поземельныхъ владѣній скоро исчезло. Какъ и всегда, послѣ этого имѣли мѣсто внутренніе безпорядки весьма жестокіе, потому что никогда ожесточеніе партій не бываетъ такъ велико, какъ въ то время, когда ихъ раздѣляютъ вопросы экономическіе. Въ концѣ IX вѣка до Р. Х. или около этого времени безпорядки прекратились, потому что совершенно законодательнымъ путемъ уравниеніе поземельныхъ владѣній. Это историческій фактъ столь же вѣрный, какъ существованіе самой Спарты. Но всѣмъ извѣстно, что реформа Ликурга дала Спартѣ крѣпость и благосостояніе на пять или на шесть вѣковъ, которое тотчасъ же и окончилось, когда экономическіе законы Ликурга стали однимъ воспоминаніемъ. Его политическіе и административные законы нарушены и измѣнены гораздо прежде; отношенія между властями совершенно измѣнились, но это не поколебало благостоянія Спарты. Когда же пало экономическое благостояніе, когда граждане Спарты одни сдѣлались нищими, а другіе стали вести образъ жизни персидскихъ сатраповъ, тогда все пало. Изъ этого одинъ выводъ, что ни одна реформа, дѣйствительно солидная и полезная для народа, не обошлась безъ элемента экономическаго, или въ другомъ видѣ, чтобъ какая нибудь реформа могла имѣть значе-

ніе, и полезныя и прочныя результаты, нужно чтобы она обезпечила матеріальное состояніе большинства народа, нужно, чтобы она была далека отъ того экономическаго квіэтизма, которымъ нѣкоторые, подобно Римскимъ оптиматамъ, прикрываютъ свои виды, и который другіе принимаютъ, какъ экономическую норму, благодаря или не желанію или не умѣнью пользоваться уроками исторіи и также благодаря неумѣнью анализировать сущность причины и слѣдствія явленій изъ жизни народовъ.

Д. ЩЕГЛОВЪ

19 апрѣля 1861 г.

ЕЩЕ О ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ» ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СТАТЕЙ

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой!

ЛЕРМОНТОВЪ.

Кто не согласится, что въ настоящее время литература у насъ процвѣтаетъ особенно пышно и пушисто? Старые журналы не только сохраняютъ свои прежнія достоинства, но становятся лучше; въ «Библіотекѣ для Чтенія» перестали являться статьи, неудобныя для чтенія, по причинѣ крайняго недоумѣнія и неудовольствія, возбуждаемаго ими въ читателяхъ; «Русскій Вѣстникъ» издаетъ свою животрепещущую Современную Лѣтонию еженедѣльно и *прилагаетъ* къ ней ежемѣсячно свой журналъ, по прежнему ученый и серьезный. И такъ далѣе. Но сверхъ того, въ нынѣшнемъ году выходятъ новые журналы, которые не хуже старыхъ, на примѣръ ваше «Время», «Основа» и пр. Притомъ книжная дѣятельность, виѣ журналовъ, не перестаетъ возрастать.

Однимъ словомъ, никогда еще на Святой Руси столько не писалось и не читалось какъ въ настоящую минуту. Повидимому вездѣ широкое пишущее движеніе... Но вы уже знаете, какія мрачныя и безотрадныя мысли овладѣвають мною при взглядѣ на Русскую Словесность.

Меня неотступно преслѣдуетъ и часто давить, какъ кошмаръ, призракъ *брамбеусовщины*, ужасный призракъ пустого броженія, шумнаго, но безплоднаго слововызверженія, пестраго, но безобразнаго хаоса словъ и мыслей. Въ такихъ случаяхъ я напрягаю всѣ силы своего соображенія, для того, чтобы открыть какія нибудь руководящія нити, какіе нибудь проблески и уловить что нибудь определенное въ нашей текущей литературѣ.

Въ послѣднее время, въ прекрасномъ мѣсяцѣ маѣ появились двѣ статьи, которыя сильно возбудили мое утомленное и недовольное вниманіе, и о нихъ-то я желаю теперь побесѣдовать съ вами. Одна изъ нихъ есть статья г. Д. Писарева въ «Русскомъ Словѣ», подъ названіемъ *Схоластики XIX вѣка*; другая — статья г. Н. Чернышевскаго въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ *О причинахъ паденія Рима*.

Статьи эти показали мнѣ сущую находку, и давно я не былъ такъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ онѣ принадлежатъ къ тѣмъ наивнымъ и вообще рѣзкимъ явленіямъ, въ которыхъ извѣстныя мнѣнія и направленія высказываются прямо, съ такою смѣлостію и беззабѣчивостію, какъ будто кругомъ никого и ничего нѣтъ. Онѣ похожи на тѣ откровенныя рѣчи, которыя иногда произносятся во снѣ и которыхъ спящій никакъ не произнесъ бы въ присутствіи другихъ въ состояніи бдѣнія. Серьезно — я готовъ былъ вообразить, что въ нашей литературѣ кое-гдѣ царитъ сонъ, и что во снѣ она выдастъ свои тайны.

Подслушавъ этотъ сонный говоръ, я пришолъ однако въ большое затрудненіе. Вообще замѣчу, что питаю сильное желаніе принять участіе въ нашемъ литературномъ движеніи, я большею частію бываю останавливаемъ непреодолимыми трудностями. Въ настоящемъ случаѣ дѣло вотъ въ чемъ :

Судить объ этихъ статьяхъ, то есть оцѣнить ихъ достоинство — чрезвычайно легко. Еслибы я сталъ на точку зрѣнія судьи, еслибы я, напримѣръ, могъ писать съ такимъ авторитетомъ, съ какимъ пишетъ «Русскій Вѣстникъ», то я повторилъ бы слова ученаго журнала и сказалъ бы, что статья г. Чернышевскаго есть совершенная дичь, а къ г. Писареву я примѣнилъ бы то, что «Русскій Вѣстникъ» говорилъ г. Антоновичу, то есть, что онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что значитъ мыслить. Такой приговоръ, рѣшительный и опредѣленный, былъ бы вполнѣ справедливъ. Но дѣло не такъ легко рѣшается. Къ величайшему сожалѣнію этотъ справедливый приговоръ былъ бы совершенно бесполезенъ. Онъ не убѣдилъ бы ни г. Писарева, ни г. Чернышевскаго, и даже ни мало не помѣшалъ бы душевному удовольствію, съ которымъ конечно очень многіе прочитаютъ ихъ статьи.

Повидимому слѣдуетъ поступать иначе; именно нужно опровергнуть эти статьи, нужно разрушить ихъ положенія и выводы. Но, — и здѣсь страшное затрудненіе. Приглядѣвшись немного, легко видѣть, что опровергать статьи — не стоитъ. Судите сами.

Статья г. Чернышевскаго, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ исторію*, потому что эта статья отрицаетъ смыслъ величайшаго событія, какое только было въ исторіи, именно: паденія древняго міра и зарожденія новаго міра.

Статья г. Писарева, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ философію*, то есть вычеркиваетъ изъ области человѣческихъ интересовъ величайшіе подвиги человѣческаго ума.

Вы видите, что предметы, выбранные нашими писателями, не маловажны; наши писатели, какъ видно, любятъ говорить о возвышенныхъ предметахъ. Но, поэтому самому, не было ли бы совершенно смѣшно и по донъ-кихотски — защищать отъ г. Писарева философію, а отъ г. Чернышевскаго исторію? Какое дѣло философіи до г. Писарева, а исторіи до г. Чернышевскаго? Пусть для нихъ, и вѣроятно для множества другихъ, исторія и философія не существуютъ и кажутся пустяками; гораздо плачевнѣе то обстоятельство, что мы-то сами и съ г. Писаревымъ, и съ г. Чернышевскимъ, едва ли существуемъ для исторіи и для философіи. Исторія и пишется, и совершается тамъ гдѣ-то далеко, внѣ предѣловъ, въ которыхъ мы существуемъ; и философія движется тоже тамъ гдѣ-то, внѣ нашей дѣйствительности. До нихъ добраться трудно, и къ нимъ статьи гг. Чернышевскаго и Писарева не относятся. Эти статьи всецѣло принадлежатъ другой области, именно представляютъ опыты того чистѣйшаго *искусства для искусства*, которое часто одно и называется Русскою Литературой.

Замѣчаете ли вы, какъ я крѣпко держусь за дѣйствительность? Я надѣюсь, вы вполне оцѣните мои усилія и согласитесь, что это очень трудно. Я ни какъ не поддаюсь соблазну и не хочу брать на себя фантастическій подвигъ — защищать исторію и философію; я не увлекаюсь примѣромъ этихъ двухъ писателей, которые оба пресерьезно стараются разрушить — одинъ исторію, а другой — философію.

Среди хаоса и мрака нашей литературы, я всячески стараюсь отыскать хоть маленькій клочокъ твердой почвы, на которомъ бы можно было крѣпко держаться.

И такъ беру дѣло съ надлежащей его стороны.

Если для разсматриваемыхъ статей судъ бесполезенъ, а опроверженія они не стоятъ, то однакоже я успѣлъ убѣдиться, что онѣ стоятъ *вниманія*.

Существуетъ у насъ не исторія и философія, но все-таки *существуетъ* въ который процессъ, въ которое движеніе, именуемое

Русской Литературой. Въ этомъ процессѣ статьи гг. Писарева и Чернышевскаго имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Я тотчасъ вижу, что онѣ не суть одинокія явленія, но что тысячи нитей соединяютъ ихъ со множествомъ другихъ статей и этихъ и другихъ писателей; я хорошо знаю, что статьи эти читаются и будутъ читаться съ великимъ удовольствіемъ множествомъ нашихъ читателей.

Что же это за явленіе, что за процессъ? Гдѣ его источники и какія главныя черты?

Исслѣдованію такого вопроса я придаю нѣкоторую важность. Во взглядѣ на него я, извольте замѣтить, очень расхожусь съ «Русскимъ Вѣстникомъ». По мнѣнію этого журнала такія явленія, какъ статьи гг. Чернышевскаго, Антоновича, Писарева и подобныя, происходятъ отъ того, что мы, какъ *«общество пороженное, лишённое собственныхъ интересовъ, не имѣющее своей мысли, не живущее умственно, безхарактерное и слабое, способны только замечать къ себѣ чужой соръ и щеголять въ чужихъ обноскахъ»*. По моему же убѣжденію, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ не одинъ только чужой соръ и чужіе обноски, но есть очень много своего, родного, самостоятельнаго. Изъ этого разпорѣчія вы можете убѣдиться, что я чувствую несравненно большую вѣжность къ Русской Литературѣ, чѣмъ «Русскій Вѣстникъ». Нѣтъ, мы не всегда похожи на дикарей, какъ ни попало нацѣпляющихъ на свое дикое тѣло европейскіе обноски; нѣтъ, хотя отчасти, хотя слегка, но мы дѣйствительно европеимся; принимаемъ цивилизацію въ нашу плоть и кровь. На нашей родимой почвѣ не одинъ чужой соръ, но изъ чужихъ европейскихъ сѣмянъ растутъ и раздвѣтаютъ настоящія, живыя растенія. Цивилизація существуетъ у насъ, положимъ, въ видѣ лопушниковъ и ропейниковъ, но все-таки не въ видѣ мусора.

И въ настоящемъ случаѣ, вглядываясь въ два цвѣтка современной нашей словесности, я нахожу у нихъ вполне русскія формы, русскій цвѣтъ и запахъ. Вы видите слѣдовательно, что ими можно и должно интересоваться, и вы видите въ какомъ смыслѣ. Такъ ботаникъ изслѣдуетъ каждую травку и энтомологъ не пренебрегаетъ мелкими букашками. Изучать же произведеніе духа конечно несравненно поучительнѣе, чѣмъ изслѣдовать сорныя травы, гадовъ и насѣкомыхъ отечественной почвы.

Начнемъ же. Въ статьяхъ, о которыхъ мы говоримъ, рѣзко бросается въ глаза черта, по которой они сходны со многими статьями такого рода, именно: отрицаніе авторитета. Если г. Чернышевскій

скій отвергаетъ исторію, а г. Писаревъ философію, то они отвергаютъ ихъ именно какъ авторитетъ, т. е. какъ нѣчто, стоящее выше нихъ, и требующее себѣ отъ нихъ уваженія и подчиненія. Вотъ, напримеръ, какъ г. Писаревъ ратуетъ противъ философіи:

• Ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности мы имѣемъ полное право — во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ хаотическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополия знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты? Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно рассмотретьъ глазами и ощупать руками, то поймешь и десятилѣтній мальчикъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ.

Видите ли какъ это ясно и мило? Г. Писаревъ опасается *умственного аристократизма*; конечно онъ не думаетъ, что философы станутъ притѣснять другихъ людей и тиранствовать надъ ними; ему досадно только то, что они возбуждаютъ къ себѣ *уваженіе* своимъ глубокомысліемъ. Вы видите, что бороться и спорить тутъ не съ чѣмъ, и не для чего; нужно просто только воспользоваться этими рѣчами въ просовкахъ для точнѣйшей характеристики текущей литературы.

Что рѣчи характерныя, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Для ясности я дозволяю поговорить здѣсь объ *авторитетахъ вообще* и, скрывъ сердце, рѣшаюсь на это, такъ какъ предметъ труденъ въ высочайшей степени. Авторитеты, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ разумѣю, вообще раздѣляются на *общіе* и *частные*. Напримеръ, общій авторитетъ — поэзія, частный авторитетъ — Пушкинъ; общій авторитетъ — критика, частный авторитетъ — Бѣлинскій и т. д. Теперь замѣйте, что одна изъ отличительныхъ чертъ настоящей литературы есть именно отрицаніе общихъ авторитетовъ. Напримеръ отвергается не просто Пушкинъ, или другой поэтъ, а отвергается поэзія вообще; отвергается не просто Гегель, а философія вообще.

лософія вообще; отвергается не просто Гизо, а вся исторія и т. д. Разница между такимъ отрицаніемъ общаго авторитета и отрицаніемъ какого нибудь частнаго авторитета чрезвычайно большая. Частный авторитетъ всегда отвергается не иначе, какъ *во имя общаго*; такъ—что общій становится отъ этого только выше и крѣпче. Такъ человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ не признастъ многого, чѣмъ восхищается толпа, но тѣмъ выше цѣнить то, что признаетъ. Если онъ приходитъ къ убѣжденію, что авторитетъ, который онъ признавалъ, есть авторитетъ фальшивый, то это отрицаніе есть только *очищеніе, возвышеніе* его понятія о красотѣ, и совершается во имя этаго болѣе чистаго и высокаго пониманія. Такъ точно философъ отвергается во имя философіи, историкъ во имя исторіи, поэтъ во имя поэзіи. Вотъ почему отрицаніе частныхъ авторитетовъ есть всегда успѣхъ, вотъ почему оно возбуждаетъ къ себѣ такое горячее сочувствіе. Мы радуемся каждый разъ, когда падаетъ фальшивый авторитетъ, потому что увѣрены, что онъ заслоняетъ намъ общій, и что, съ паденіемъ его, намъ будутъ доступны свѣтъ и теплота истинныхъ авторитетовъ.

Но у насъ, въ литературѣ, дѣло идетъ совершенно на оборотъ. Частный авторитетъ не признается потому, что отвергается общій. Такъ, въ безчисленныхъ толкахъ о Пушкинѣ, обнаружилось наконецъ вполне ясно, что онъ отвергается только потому, что не признается самая поэзія, что отвергается поэзія вообще. Если поэзія вздоръ, то разумѣется и Пушкинъ вздоръ. Такъ точно историковъ и философовъ не признаютъ потому, что отвергаютъ исторію и философію.

Отрицаніе общихъ авторитетовъ! Какое мрачное и жестокое дѣло! Оно разрушаетъ въ самомъ корнѣ величайшее счастье нашей человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если чѣмъ красна и тепла наша жизнь, то развѣ не тѣмъ, что мы вѣруемъ въ общіе авторитеты, въ добро, въ истину, въ красоту? Если бы я не понималъ ни философіи, ни исторіи, ни поэзіи, то не отраднo ли мнѣ все-таки думать, что есть на свѣтѣ настоящая философія, что совершается вокругъ меня исторія, что существуетъ чистая поэзія? *Благоговѣть* передъ ними и стараться понять ихъ, есть уже великое счастье. А безъ этой вѣры, *безъ вѣры въ людей* счастье невозможно. Только *привней* мы можемъ ясно судить, тепло чувствовать и твердо дѣйствовать;—отвергать ложь во имя правды, казнить безвкусіе во имя вкуса, презирать ничтожество во имя величія.

Но что же это? я увлекся и даже сбился съ надлежащаго моего то-

на. Не подумайте, сдѣлайте милость, чтобы я хотѣлъ, даже намекомъ, упрекнуть когонибудь въ отрицаніи такихъ авторитетовъ, какъ на-примѣръ *добро*. Но, что касается до *красоты*, то она у насъ уже погибла безвозвратно; даже *истина*, какъ вы отчасти видѣли, а дальше еще больше убѣдитесь, уже не нравится г. Писареву. Сейчас я подробно объясню вамъ, въ чемъ дѣло, и вы увидите, что все это невнятно и простоудушно въ высочайшей степени.

Начали мы съ отрицанія частныхъ авторитетовъ, и сначала дѣло шло самымъ правильнымъ образомъ, то есть отрицалось частное во имя общаго. Постепенно мы становились все смѣлѣе и смѣлѣе и, наконецъ, дошли до смѣлости, которой примѣра, я вполнѣ увѣренъ, не было въ лѣтописяхъ міра. То есть я не думаю, чтобы въ какомънибудь обществѣ, въ книгахъ, написанныхъ для образованнаго класса, такъ часто и такъ развязно были осыпаны бранью великіе люди и великія дѣла всякаго рода, какъ у насъ. Я готовъ пари держать, что въ настоящую минуту нѣтъ литературы, въ которой бы такъ часто употреблялись бранныя слова — на-примѣръ *ездоръ*, *нелѣпость*, *дичь* и пр. (г. Антоновичъ недовольный этими словами *пробуетъ* ввести еще новыя — *чепуха*, *ерунда* и пр.). Въ потокѣ брани все сравнялось и мы стали за панибрата обращаться съ какими угодно лицами, съ какими угодно предметами. Я помню яростныя, и наивныя, въ своей ярости, выходки противъ Цицерона, Горація, Корнелия, Расина, Шиллера и пр., не говоря уже объ отечественныхъ писателяхъ, и о множествѣ другихъ людей и другихъ предметовъ.

Разумѣется, общіе авторитеты уже не могли служить основаніемъ такихъ игривыхъ сужденій, и такимъ образомъ мало по малу открылось, что общіе авторитеты были употребляемы только по привычкѣ, почти безсознательно, для низверженія частныхъ, но что корень всего событія, истинная его причина скрывается глубже и совершенно въ другомъ мѣстѣ.

Эта причина, этотъ корень, — я убѣжденъ, милостивый государь, что я открылъ его и позволяю себѣ гордиться открытіемъ столь важнымъ въ исторіи современной отечественной словесности, — состоитъ въ томъ, что наши литераторы заразились сильною склонностью мыслить *самостоятельно*, вполнѣ самобытно. Такое явленіе, повѣрьте, радуетъ меня на сколько слѣдуетъ, но на столько же, на сколько слѣдуетъ, и печалитъ. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ *легкомысленное довѣріе къ собственной логикѣ*. Все больше и больше является людей, которые не хотятъ учиться у другихъ, не хотятъ быть

ни къ чему внимательными, не могутъ ни понять, ни оцѣнить чужое мнѣніе, а предаются только *удивительнымъ*, собственнымъ мыслямъ. Они начинаютъ разсуждать сначала, какъ будто до нихъ еще никто не жилъ и не разсуждалъ, или какъ будто всѣ кто ни жилъ, не умѣли разсуждать. Они блуждаютъ, какъ въ потьмахъ, потому что они совершенно слѣпы для свѣта чужихъ мыслей; за то свѣтъ, которымъ горитъ ихъ собственная мысль, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, кажется имъ единственно яркимъ и блистательнымъ. Имъ кажется, что весь міръ покрытъ глубокой ночью, и что они—свѣтляки, блуждающіе среди этой тьмы. Точнѣе я обозначаю это выраженіемъ — *тиранія собственныхъ мыслей*. Человѣкъ въ этихъ случаяхъ не самъ владѣетъ своею мыслью, но, на оборотъ, мысль имъ владѣетъ. Хорошо, если мысль великая: — тогда и явленіе будетъ великое; но вѣдь извѣстно, что мы большею частію люди маленькіе; слѣдовательно явленія необходимо будутъ жалкія и ничтожныя.

Не видя другого свѣта, кромѣ собственнаго, они не заботятся о томъ, чтобы воспламенить его также ярко, какъ у другихъ; они не заботятся о глубинѣ своихъ мыслей, и потому всякая мыслѣнка, рожденная собственнымъ ихъ чревомъ, помыкаетъ ими, какъ тряпкою. Жалкое состояніе! Человѣкъ, руководимый жизнью, видитъ вокругъ себя свѣтъ; онъ не легко рѣшается быть самостоятельнымъ, но, если рѣшается, то не попадетъ въ просакъ и сдѣлаетъ нѣчто прочное; человѣкъ же, который видитъ свѣтъ только въ себѣ, можетъ каждую минуту воображать, что сдѣлаетъ великія открытія, и однакоже цѣлую жизнь провозиться съ какими нибудь плохими софизмами собственнаго изобрѣтенія.

И вотъ насъ все больше и больше заѣдаютъ наши *самобытныя русскія разсужденія*; отъ нихъ-то и происходитъ отрицаніе общихъ авторитетовъ, потому что авторитетъ, какъ я уже сказалъ, требуетъ уваженія и подчиненія, и слѣдовательно мѣшаетъ раздолью самобытности.

Такъ, наиримѣръ, исторія очевидно сильно мѣшаетъ г. Чернышевскому. Вотъ, что онъ говоритъ:

... На этомъ способѣ разсужденія (т. е. на историческомъ способѣ), опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали только о древней Римской имперіи, мало было бы наигорченія и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно также трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней практической жизни народовъ, въ особенности народовъ подуварварскихъ.

Точно такъ г. Писаревъ жалуется на то, что русская литература

встрѣчаетъ помѣху въ общихъ авторитетахъ и совѣтуетъ ей быть смѣлѣе.

Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства, говоритъ онъ, наша литература относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то шловоину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ; боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства.

И такъ вы видите, общіе авторитеты отвергаются во имя собственныхъ разсужденій или даже внушеній собственнаго чувства.

Что же это за разсужденія и за внушенія? Что возникаетъ въ глубинахъ нашихъ умовъ, довѣряющихся собственному свѣту? Постараюсь характеризовать эти мысли, при чемъ, прошу васъ замѣтить, я ни мало не уклонюсь отъ главной своей мысли, то есть, я намѣренъ не *опровергать* ихъ, а только *излагать*; не *разрушать* ихъ, а напротивъ *вникать* въ нихъ и *описывать* ихъ.

Г. Чернышевскій начинаетъ съ того, что объявляетъ исторію очень скучнымъ дѣломъ. Намѣреваясь писать о величайшемъ переворотѣ, какой только былъ въ мірѣ, онъ говоритъ, что это предметъ сухой и скучный, *передъ которымъ суэскій каналъ и зундская пошлина — сюжеты занимательные*. Следовательно, что же можетъ быть еще скучнѣе?

Сейчасъ вы и видите, что г. Чернышевскій не придаетъ этому перевороту того глубокаго смысла, который мы привыкли придавать ему. Въ паденіи древняго міра мы привыкли видѣть самое важное историческое событіе. Если кто знаетъ исторію только по слуху, то онъ все-таки воображаетъ, что нужно много учиться и думать для того, чтобы вполне понять, *что и какъ* здѣсь произошло, понять, что это была за жизнь, *древняя жизнь*, которая упала, и въ чемъ состоитъ новая жизнь, которая началась. Но по мнѣнію г. Чернышевскаго все это такъ просто, что тутъ не приходится и думать, да *сказать и говорить*. Римъ палъ просто *отъ варваровъ*, единственно и исключительно отъ варваровъ.

Варваровъ было тогда ужасно много. *Отъ Амура до Рейна*, влещетъ г. Чернышевскій, *все безмѣрное пространство было занято войсками дикарями*. Догадливый читатель тотчасъ смекнетъ — жаль, что этого не договорилъ г. Чернышевскій, что — варваровъ; пожалуй, было гораздо больше, чѣмъ жителей въ Римской имперіи.

Но кромѣ того, это были прѣжестокіе варвары. Вотъ какъ ихъ описываетъ г. Чернышевскій :

• Варваръ рѣзалъ людей такъ, какъ школьники бьютъ мухъ, безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было уклоняться съ пути, который онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній, не было того неприятнаго чувства, которое отталкиваетъ человѣка отъ дурнаго дѣла, и для преодоленія котораго, нужны особенныя, довольно сильныя побужденія; нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурнаго, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ мы выпиваемъ рюмку вина, или садимся играть въ преферансъ.

Ужасно, не правда ли? Ну можно ли было Римской имперіи справиться съ такими варварами? И вотъ они терзали, терзали и, наконецъ, совсѣмъ разрушили прекрасную имперію. Какой печальный и страшный случай! Даже самъ г. Чернышевскій, не смотря на свою смѣлость и рѣшительность, при мысли о *такомъ* разрушеніи древняго міра, впадаетъ въ элегическое настроеніе духа и повторяетъ прекрасныя стихи :

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ щадить!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ!

Но истина всего дороже, и потому онъ, не обвиняя, высказалъ свое рѣшительное мнѣніе :

• Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше, какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротивъ жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи.

Вы видите, что настоящее возраженіе противъ этого мнѣнія, — именно то, что съ нимъ невозможно спорить. У кого же въ самомъ дѣлѣ достанетъ наивности приводить, по этому случаю, г. Чернышевскому доказательства внутреннего разложенія древняго міра, ссылаться на свидѣтельства самыхъ древнихъ писателей, и вообще припоминать и разяснять какія нибудь черты этого страшнаго времени? Время было дѣйствительно страшное; такой тоски, такого отчаянія и сомнѣнія, такого упадка душевныхъ силъ, еще никогда

не испытывалъ человѣкъ. Время странное и страшно любопытное, и глубоко поучительное... Но увы! Все наше горе въ томъ, что дѣло-то у насъ идетъ совсѣмъ не объ этомъ времени, а только о г. Чернышевскомъ. Прекрасно было бы, если бы г. Чернышевскій сталъ изучать это время и сталъ говорить о немъ съ читателями. Но это благополучіе очень далеко отъ насъ. Теперь же г. Черныскій вздумалъ только сообщить публикѣ одну изъ *своихъ собственныхъ мыслей*, и перелъ этою мыслью, Римъ со своею исторіею долженъ былъ посторониться и исчезнуть безвозвратно. Въ этомъ весь смыслъ, все значеніе и содержаніе статьи.

Какая же эта мысль? Г. Чернышевскій рассуждаетъ абсолютно и именно слѣдующимъ образомъ: внутреннихъ причинъ паденія Рима не было, потому что вообще внутреннихъ причинъ никакихъ *не можетъ быть*.

• Говорятъ: римскій міръ истощилъ свои жизненные силы. Что же, развѣ люди, его составляющіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали родиться имѣющими человѣческой умъ и человѣческія наклонности? или развѣ, по какому-то особенному случаю, всѣ люди въ Римской имперіи раждались идиотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой натуры. Отживаетъ свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но, съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ, является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа.

• Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? Какъ можетъ уменьшаться въ обществѣ свѣжесть и молодость, пока рождаются люди?..

Не правда ли, что подобныя рѣчи — драгоценная находка? Не правъ ли я былъ, говоря, что это сонныя рѣчи, въ которыхъ проговаривается русская литература, и которыя нужно тщательно замѣчать. Всмотритесь, какая въ нихъ дѣвственная самобытность! Какая наивная и соблазнительная ясность, возможная только при глубочайшемъ непониманіи предмета! Исторія, какъ вы видите, разрушается до корня. Если жизнь одного поколѣнія не входитъ, не воплощается въ жизнь другого, то исторія — чистый вздоръ. По мнѣнію г. Чернышевскаго, каждый новый человѣкъ какъ будто начинаетъ исторію сначала, каждый можетъ взять отъ предковъ только то, что самъ вздумаетъ, и г. Чернышевскій наивно увѣренъ, что, отъ начала міра, каждый юноша чувствовалъ себя такъ раздольно и свободно, и былъ связанъ со своими предками на столько, на сколько хотѣлъ.

Увы! Г. Чернышевский может быть правъ, только совѣтъ не въ томъ, въ чемъ онъ думаетъ. Миѣ кажется, въ его миѣніяхъ только простодушнѣйшимъ образомъ выразилось то положеніе, въ которомъ чувствуетъ себя самъ г. Чернышевскій. Да, онъ, какъ видно, свободенъ, онъ ни чѣмъ не связанъ, ни съ древнимъ Римомъ, ни съ чѣмъ нибудь другимъ въ исторіи. И едва ли не находятся въ подобномъ положеніи многіе изъ нашихъ русскихъ умовъ и изъ нашихъ русскихъ писателей. Многіе изъ насъ, очень многіе обитаютъ въ свѣтлой области облаковъ, а не на твердой почвѣ исторіи. Скажу больше, кто изъ насъ не чувствуетъ, что онъ болѣе или менѣе не чуждъ этому положенію, что почва скользитъ у него подъ ногами?

Но это положеніе, въ которое мы приведены все-таки *нашей исторіей* есть положеніе бѣдственное и печальное. Носиться въ туманѣ одинокимъ и оторваннымъ, заключаая весь свой міръ въ себя, и не чувствовать вокругъ себя свѣтлаго и кипучаго моря родной исторіи—грустно въ высочайшей степени. Есть жизнь гораздо лучше, когда каждый новый человекъ не отрывается отъ почвы, когда онъ вступаетъ въ ту жизнь, которою живетъ *цѣлый его народъ*, и въ этотъ періодъ этой жизни, въ какомъ онъ засталъ ее исторію. Объяснять г. Чернышевскому, въ чемъ состоитъ жизнь, о которой я говорю, я не стану. Я хотѣлъ только сказать, что хорошо только то общество, въ которомъ сильна и свѣжа эта общая историческая жизнь, въ которомъ каждый членъ чувствуетъ подъ собою эту почву, этотъ родной авторитетъ. Напротивъ, жалко и ничтожно то общество, въ которомъ этого авторитета нѣтъ, въ которомъ каждый членъ цѣлую жизнь носится и нячнется съ одними *собственными* мыслями.

Перейдемъ теперь къ г. Писареву. Множество родственныхъ чертъ ставятъ его статью въ олимпъ разрядъ со статьею г. Чернышевскаго. Если г. Писаревъ уничтожаетъ философію, то вовсе не потому, чтобы онъ зналъ философію и нашелъ бы въ ней что нибудь дурное. И здѣсь, къ несчастію, дѣло идетъ не о философіи, а только о г. Писаревѣ; онъ отрицаетъ философію точно также, какъ г. Чернышевскій исторію, то есть, во имя нѣкоторой мысли, до которой онъ собственнымъ умомъ дошелъ. Г. Писаревъ, какъ оказывается, очень хлопочетъ о *всеобщемъ благополучіи*, и вотъ какія его идеи:

Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія

убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человекомъ, не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легки, потому что вы не будете забираться на недосигаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не сбѣгая другихъ непрощенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностію или вѣрнѣе съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Если бы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами но убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ поматій идеала и долга и не вѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ.

Идеалъ человека *comme il faut*, человека дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника — все это мечты, которыми многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію.

Таковъ идеалъ благополучія, къ достиженію котораго г. Писаревъ старается способствовать своимъ ближнимъ. Г. Писаревъ заботится о томъ, чтобы ничто не *отравляло* жизни, и потому, разумеется, возсталъ противъ философіи, такъ какъ она въ смыслѣ г. Писарева, сильно *отравляетъ жизнь*, порождая умственный аристократизмъ и мѣшая беззавѣтному наслажденію.

Съ своей точки зрѣнія онъ легко доказываетъ *бесполезность* философіи.

Въ практической жизни, пишетъ онъ, мы всѣ материалисты и всѣ идемы въ разладъ съ нашими теоріями; вся равнина между идеализмомъ и материализмомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеалъ служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фактическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ; вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и, если ваша тетрадь или книга не попадется вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознаніе говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахара, то вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо увѣрены въ томъ,

что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столико сахара, сколько кладете обыкновенно.»

Вы видите, что это также ясно и даже яснѣе, чѣмъ мысль г. Чернышевскаго, что исторіи вѣтъ, потому что старое поколѣніе — люди, новое поколѣніе — тоже люди и слѣдующее поколѣніе — опять таки люди. Такого рода соблазнительная и заразная ясность основывается, какъ я сказалъ, на глубочайшемъ непониманіи предмета, и потому дойти до нея очень легко.

Если вы напримѣръ вообразите, что идеализмъ есть чай, а матеріализмъ сахаръ, то вы можете съ поразительною ясностью доказывать, что идеализмъ безъ матеріализма не вкусенъ, т. е. что чай безъ сахару никакъ не будетъ сладокъ.

У г. Писарева есть еще другія доказательства.

«Философскіе вопросы, говоритъ онъ, останутся не понятными для человѣка, одареннаго простымъ, здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служить самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (*profanum vulgus*) отъ храма науки, не въ духѣ нашей эпохи; это не гуманно и опасно; если же всѣ вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается не многими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Странно назвать міровою истиною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, ворочаютъ формы, лишонныя содержанія, и умышленно отворачиваются отъ пріятельной нестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую-то не соразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тогъ равнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона также странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ скопцѣ высшую фазу развитія человѣка.»

Опять повторяю, не съ тѣмъ я привожу эти выписки, чтобы опровергать ихъ или смѣяться надъ ними: я не способенъ къ по-

добному легкомыслію. Предлагаю вамъ серьезно выкинуть въ нихъ. Разумъ человѣческій всегда дѣйствуетъ одинаково, и законы его непреложны; въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже на г. Писаревѣ. Всякій общій авторитетъ можетъ быть отрицаемъ съ видимою законностію не иначе, какъ во имя *другого общаго авторитета*. Такъ и поступаютъ наши писатели; они отрицаютъ извѣстную науку во имя другой науки или истины вообще; отрицаютъ право или красоту во имя пользы и т. д. Г. Писаревъ пошелъ дальше всѣхъ, и вы ясно видите, что онъ отрицаетъ все во имя одного общаго авторитета, во имя *жизни*, а жизнь онъ очевидно разумѣетъ, какъ *примлекательную пестроту живыхъ и беззащитныхъ наслажденій*.

Такимъ образомъ, я надѣюсь, вы убѣдились, милостивый государь, что здѣсь дѣйствительно есть нѣкоторое *движеніе самостоятельной мысли*, и что это не есть одна только чистая чепуха и ерунда, говоря слогомъ г. Антоновича.

Въ заключеніе приведу вамъ заключеніе статьи г. Писарева, такъ какъ въ немъ съ чрезвычайной наивностію высказывается глубокая тайна такихъ писателей, именно открывается, почему они такъ *беззащитно* предаются своимъ самостоятельнымъ размышленіямъ.

• Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *своей* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своими* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія, или отвергнуть и тѣ и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи въ что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтятся много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самостоятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно: *du choc des opinions jaillit la verité*, говорятъ французы и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться.

Повѣрьте, что этотъ драгоценный отрывокъ (я считаю его драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ, которые привелъ) написанъ недаромъ; не съ вѣтру; не думайте, что можно отъ него отдѣлаться, сказавши

автору: г. Писаревъ! ваша статья вызвала во мнѣ только ту само-
дѣятельную мысль, что для насъ лучше бы было совсѣмъ ее не пи-
сать. Нѣтъ; дѣло не такое простое. Эти соображенія г. Писарева
очевидно подготовлены нашею литературой; они представляютъ
логическій выводъ изъ того положенія, въ которое себя ставятъ,
изъ того тона, который принимаютъ многіе наши писатели. Г. Пи-
саревъ не виноватъ, вообразивши, что самостоятельность мысли
всегда полезна, и слѣдовательно всегда законна и нужна. Онъ ви-
дѣлъ, что вокругъ него мыслятъ самостоятельно одинъ, другой,
третій, словомъ всякій, кто вздумаетъ; вотъ онъ и возвелъ это
явленіе въ принципъ, въ общее правило; вотъ онъ и говоритъ те-
перь намъ: *давайте же всѣ мыслить самостоятельно и чуръ одинъ
другому не мѣшать!*

Этимъ, я заключу, милостивый государь, мое изслѣдованіе двухъ
современныхъ произведеній литературы. Мнѣ кажется, что я велъ
дѣло съ надлежащею точностью, и что мой малый трудъ имѣлъ бы
полное право украситься такимъ заглавіемъ; *краткая, но точная
характеристика двухъ замѣчательныхъ образчиковъ статей, астрик-
чающихся въ изобиліи на поль русскаго литературѣ.*

Скажу еще разъ, незначительность предметовъ ни сколько не
лишаетъ важности и серьезности научныхъ изысканій надъ ними.
Натуралисты даже съ особеннымъ любопытствомъ изслѣдуютъ
микроскопическіе организмы, надѣясь *лишь видѣть* въ нихъ тайны
жизненныхъ процессовъ. Въ этомъ отношеніи, я надѣюсь, вы най-
дете весьма удачнымъ мой выборъ статьи г. Писарева; она, по
методу сравненія, во многомъ помогла мнѣ въ характеристикѣ
статьи г. Чернышевскаго.

Позвольте теперь мнѣ предаться въсколько болѣе общимъ сооб-
раженіямъ. Я доказалъ, что истинный источникъ статей есть само-
стоятельное мышленіе. Что же мы выдумали, начавъ мыслить са-
мостоятельно? Мы выдумали страшное дѣло — отрицаніе общихъ
авторитетовъ. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, мы просто только
остались вѣрными своей натурѣ, только успѣли вопль ея выра-
зить. Чуть только мы немножко научились мыслить и говорить,
какъ мы и показали, что мы варвары, народъ дикій. У насъ нѣтъ
ни науки, ни искусства, ни философіи, ни исторіи; мы не умѣемъ,
не привыкли, не научились уважать ихъ; вотъ почему мы такъ
грубо съ ними обращаемся, такъ мало ихъ цѣнимъ, такъ легко
отбрасываемъ. Мы презираемъ и осмѣиваемъ историковъ, филосо-

Фоль, повторы, потому что мы ихъ не понимаемъ, не понимаемъ, изъ-за чего они хлопочуть, что ихъ такъ сильно воодушевляеть; мы съ удивленіемъ смотримъ на нихъ, какъ дикарь смотритъ на заватія образованнаго человѣка, мы готовы считать ихъ труды несоккопарной болтовнею, или странными, бесполезными тонкостями.

И такъ что же? Ужели намъ дѣйствительно суждено начать исторію *сначала*? Признаюсь, подобное будущее не разъ мелькало въ моемъ воображеніи, и съ вѣкоторымъ ужасомъ я пробовалъ вглядѣться въ него. Что будетъ, если самостоятельные люди размножатся, если они со временемъ будутъ господствовать въ общемъ мнѣніи? Общія авторитеты погибнуть. Что намъ за дѣло до Рима съ его исторіей, или до вѣмецкихъ философовъ? Мы не станемъ изучать во только древнихъ языковъ, они давно признаны бесполезными, но бросимъ и исторію, и философію, и поэзію, и все искусство. Одна будетъ у насъ цѣль, а притомъ, кто не будетъ для нея работать! — *матеріальное благосостояніе*. И дѣйствительно, мы вѣроятно прекрасно устроимся, какъ скоро бросимъ заниматься пустяками. У каждаго будетъ работа; все мы будемъ сыты, одѣты, не будемъ терпѣть ни голода, ни нищеты, будемъ здоровы, а заболѣемъ — найдемъ всегда докторовъ и лекарства. И тогда-тогда конечно можно будетъ позволить себѣ иногда позабавиться музыкою или поэзіею, или пофилософствовать на сытый желудокъ; но что касается до исторіи — скучная матерія! не лучше ли ее совѣмъ ужъ бросить?

Я предупредилъ васъ, что я мечтаю; и дѣйствительно все это грезы, чистыя мечтанія. Спѣшу возвратиться на твердую почву дѣйствительности, которую столько люблю. Какъ можно вообразить себѣ, что погибнуть общія авторитеты? Вѣдь они полны крѣпкой, неистощимой, вѣчно обновляющейся жизни. Сколько бы варварства въ насъ ни было, они принудятъ насъ себѣ покориться. Борьба съ ними и мнимое пораженіе ихъ, есть чистая игра фантазій. Въ дѣйствительности наша литература чрезвычайно фантастична. «Современникъ» часто напоминаетъ мнѣ какой-то сказочный, баснословный міръ, въ которомъ совершаются большіе чудеса. Г. Чернышевскій или другой рыцарь, какъ новый Бова королевичъ, дѣласть въ этомъ мірѣ тысячи богатырскихъ подвиговъ. Онъ свисветъ — и десятки ученыхъ уничтожены; махнетъ перомъ — смотришь, какой-нибудь науки какъ не бывало, или исторія цѣлаго народа — развѣяна прахомъ. Но все это такъ кажется только въ фантастическомъ мірѣ «Современника». Если же оглядѣться кругомъ въ дѣйствительности, то окажется, что и ученые,

и науки, и исторія здравы и невредимы и продолжают дѣлать свое дѣло.

Откуда же у насъ взялось это фантастическое богатство? Почему оно нашло себѣ такое сильное сочувствіе? Конечно потому, что корень его *самобытность* мысли. Самобытность, самодѣятельность мышленія есть явленіе драгоцѣнное, глубоко-привлекательное. Не смотря на нашу малую способность разсуждать, не смотря на наше пристрастіе къ *соблазнительной ясности*, не смотря на то, что эта самостоятельность почти неизбѣжно сопровождается чудовищнымъ развитіемъ самолюбія и презрѣнія къ другимъ людямъ, и вообще порождаетъ множество дикихъ явленій, какъ только выйдетъ изъ границъ, не смотря на все это *самостоятельность* мысли сама по себѣ миѣ мила, и конечно мила всякому. Она есть главная двигательная сила людей. Что же ее у насъ такъ портитъ, такъ уродуетъ и загоняетъ въ фантастическія области? Какъ и почему наша исторія привела насъ къ этимъ нерадостнымъ явленіямъ?

Вы видите, что это такіе вопросы, на которые не легко отвѣчать.

Н. КО.

8 мая 1861 г.

**Энциклопедическій словарь, издаваемый
русскими учеными и литераторами. Т. I. А—
АДБ. Спб. 1861 г.**

Духъ ассоціаціи, бывшій главной причиной появленія въ 1859 и 1860 годахъ столькихъ акціонерныхъ компаній, проникъ тогда же и въ нашу литературу. Литераторы, конечно, не могли составить компаніи для проведенія желѣзной дороги, на примѣръ хотя бы отъ г. Краевского до г. Бенардаки, но тѣмъ не менѣе затѣяли дать публикѣ капиталнѣйшую вещь — полный энциклопедическій словарь. Составилась ассоціація чуть ли не изъ трехъсотъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Фактъ, во всякомъ случаѣ хорошій, потому что онъ свидѣтельствуетъ о возможности еще на Руси соединяться умнымъ людямъ для одной общей цѣли. И такъ какъ за энциклопедическій словарь взялось *громадное* число ученыхъ и литераторовъ, то они затѣяли его не на шутку, а въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ что говорило объявленіе о немъ, вышедшее въ прошедшемъ году:

• Энциклопедическій словарь назначается преимущественно для большинства образованной, или ищущей образованія публики, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ отчасти удовлетворялъ и нѣкоторымъ требованіямъ ученыхъ. Въ немъ должны находить себѣ объясненіе и истолкованіе различныхъ, возбуждающихъ любопытство предметовъ грамотные люди всякаго состоянія, начиная отъ окончившаго университетскій курсъ студента до ученика гимназій, до чиновника, кушца, фабриканта, сельскаго хозяина, военнаго, не получившихъ высшаго класса образованія, а между тѣмъ читающихъ книги и журналы, занимающихся своимъ дѣломъ серьезно, и потому нерѣдко ищущихъ отвѣта на разные вопросы, которое задаетъ имъ, или чтеніе, или ходъ работъ ихъ, или, наконецъ, самая жизнь, то общество, гдѣ часто они слышатъ толки о предметахъ, не совсѣмъ имъ знакомыхъ, но не менѣе

того любопытныхъ. Откуда почерпнули бы они эти ответы безъ словаря? Учиться поздно, а главное нѣкогда, а между тѣмъ узнать было бы и интересно и полезно! Въ этомъ случаѣ энциклопедическій словарь можетъ оказать имъ истинно благодѣтельную помощь, давая отвѣты на всѣ подобныя вопросы.

Такой словарь, естественно, не можетъ быть ни спеціальнымъ, ни такъ называемымъ, справочнымъ, а долженъ занимать между ними средину. Въ спеціальныхъ словаряхъ ищутъ не только объясненія, но цѣлыхъ отдѣльныхъ трактатовъ ученые, посвятившіе себя извѣстной отрасли знанія; къ справочнымъ прибѣгаютъ только за справками, т. е. за краткимъ объясненіемъ незнакомаго слова, за хронологическою датой и т. п. Въ словарь энциклопедическомъ, имѣющемъ въ виду читателей, которые, кромѣ пополненія своихъ свѣденій, ищутъ занимательнаго и полезнаго чтенія, нельзя довольствоваться, въ большей части случаевъ, одними краткими указаніями, или намеками, понятными лишь тому, кто совершенно знакомъ съ предметомъ, а въ словарь видѣть только пособіе для своей памяти; въ немъ должно быть сверхъ краткихъ объяснительныхъ и полныя обстоятельныя статьи, легко читаемыя и легко передающія свѣденія, особенно по такимъ предметамъ, которые интересуютъ большинство публики. Отъ этого въ энциклопедическомъ словарѣ могутъ и должны помѣщаться, какъ полныя общенитересныя трактаты, написанныя языкомъ понятнымъ не для однихъ спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго человѣка, краткія указанія и поясненія словъ. Главное мѣсто въ такомъ словарѣ, естественно, занимаютъ статьи по предметамъ общаго интереса, т. е. по наукамъ историческимъ, философскимъ, политическимъ, земледѣльству (промышленности и хозяйству), словеснымъ, естественнымъ и по искусствамъ; второстепенное же мѣсто принадлежитъ наукамъ, относящимся къ болѣе спеціальному образованію: математическимъ, медицинскимъ, военнымъ и др., съ тѣмъ однакожъ, чтобъ и по этимъ предметамъ словарь давалъ возможно полное, ясное, и удобопонятное толкованіе.

Т. е. энциклопедическій словарь, предпринимаемый нашими русскими учеными и литераторами —

будетъ занимать средину между полнѣйшимъ спеціальнымъ и справочнымъ словаремъ, и потому —

взначается преимущественно для лицъ всякаго званія, состоянія и, пожалуй, всякой степени образованія, начиная отъ лицъ окончившихъ курсъ университетскаго образованія и кончая кушцомъ — фабрикантомъ; — что при этомъ —

онъ можетъ доставлять читателямъ легкое и пріятное чтеніе.

Вотъ видите, что это за энциклопедическій словарь, въ наше время затѣянный русскими учеными и литераторами. Какъ кажется, онъ долженъ заключать въ себѣ бездну мудрости по всѣмъ фа-

культеташъ и всѣмъ русскимъ сынамъ будетъ помогать во всѣхъ жизненныхъ приключеніяхъ. Примѣрно, вы на вечерѣ у своего знакомаго. Ну, конечно, на вечерѣ бываетъ всякаго народу. Иной любить поболтать о наукѣ, о философіи, исторіи и проч., хотя самъ очень не силещъ въ нихъ. Теперь вы, если имѣете подъ рукой энциклопедическій словарь, совершенно безопасны отъ словоизверженія вашего противника. Сиречьлетесь въ лексиконѣ о предметѣ разговора, и совершенно ошибаете своего противника. Иди, напримѣръ, въ обществѣ идеть разговоръ о междуародныхъ отношеніяхъ, а вы рѣшительно не понимаете, что это за штука междуародныя отношенія. Возвращаетесь домой, прочитываете въ энциклопедическомъ словарѣ статью о междуародныхъ отношеніяхъ и на будущее время вы свободно можете разсуждать объ нихъ въ обществѣ. Иной, пожалуй, скажетъ, что коли въ головѣ нѣтъ ничего, такъ не много начитаешъ и въ словарѣ, что онъ не подыметъ уровня вашего образованія, такъ какъ къ чтенію чего хотите нужна своего рода подготовка; что если нѣтъ у васъ органическаго взгляда на вещи, уже приобрѣтцаваго, при которомъ невозможны столбляки при разговорахъ въ обществѣ, такъ къ вамъ не привьется прочио никакое знаніе; что, слѣдовательно, спасеніе ваше не въ энциклопедическихъ словаряхъ, а въ научномъ образованіи, котораго, во всякомъ случаѣ, не найдете въ лексиконѣ. Но вѣдь это говорятъ такъ скептики... не вѣрьте имъ. Вотъ хоть бы г. Головачевъ. Прочитайте-ка 22 № «Нашего времени» за прошедшій годъ, и вы увидите, какъ про напалъ онъ на мысль объ энциклопедическомъ словарѣ. Не совсѣмъ-то лестныхъ комплиментовъ наговорилъ онъ по поводу этого энциклопедическаго словаря; намъ, говорилъ г. Головачевъ, нужны отъ литературы трактаты о воспитаніи, педагогическія пособія и учебники. А они эти 300 ученыхъ профессоровъ и академиковъ подносятъ энциклопедическій словарь. Не грустное ли явленіе?

«Великій грѣхъ, говорилъ онъ, все тотъ же г. Головачевъ, «общій всѣмъ намъ, брать готовые формы и втискивать въ нихъ какое ни что-либо содержаніе, и силонъ, да рядомъ удовлетворяться одной формой, — сильно легъ на совѣсть редакціи энциклопедическаго словаря и профессора литераторовъ, подписавшихъ свои имена подъ объявленіемъ, умаявъ публику не столько качествомъ, сколько количествомъ. Редакція и сотрудники не разобрали, что если *словари*, дѣйствительно, бываютъ различнаго рода, то все-таки энциклопедическій словарь, какой бы онъ ни былъ, у насъ въ настоящее время не мыслимъ и неисполнимъ, потому что мы не только не имѣемъ достаточнаго числа ученыхъ, которые согласились бы усердно работать для него, но даже на каждомъ шагѣ чувствуемъ недостатокъ просто въ хорошихъ переводчикахъ, а

тѣ молодые люди, которые способны къ дѣльному труду, соблазненные мелкими расчётами, попадутъ въ сотрудники великодушливой мистификаціи, должны возбудить въ каждомъ благородномъ сердцѣ искреннее сожалѣніе. Они отдадутъ свое лучшее время и свои лучшія силы на пустяки, приобретутъ не много, а въ будущемъ потеряютъ и т. д. Редакція не разобрала, что энциклопедическій словарь есть всегда выводъ, результатъ, формулированіе извѣстной образованности, что онъ или завершаетъ опредѣленный цыклъ ея, представляя итоги всей умственной жизни народа, или онъ есть справочная книга для людей, какъ специально ученыхъ, такъ и получившихъ общее образование; но это только тогда, когда уровень образованности въ извѣстной странѣ стоитъ высоко и равномерно, когда наука есть дѣло болѣе или менѣе популярное. Во всякомъ случаѣ словарь есть крайняя роскошь цивилизаціи. Спрашивается гдѣ же у насъ что нибудь подобное? Гдѣ могла зародиться мысль о пользѣ энциклопедическаго словаря, какъ не въ *коммерческихъ* (sic!) соображеніяхъ? Да, почтенная редакція, общая и частная, не хорошо вы дѣлаете, увѣряя общество, что оно образовано, когда оно *полурамотно*, да еще именно въ то самое время, когда оно начинаетъ сознавать всѣ свои недостатки въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, когда ему нужна поддержка, а не лъстивыя рѣчи и т. д.

Т. е., говоря другими словами, мы еще не созрѣли до энциклопедическихъ словарей. А такъ какъ, по всѣмъ соображеніямъ, не предвидится, чтобы у насъ наука сдѣлалась популярною скоро, по крайней мѣрѣ, хотя на роду нашемъ, то энциклопедическіе словари, по мысли г. Головачева, навсегда будутъ для насъ вредны. Какъ ни неприятно было намъ слушать отъ г. Головачева такіе горькіе комплименты, все-таки въ душѣ мы сознавались, что онъ въ половину правъ. Хотѣли было доказывать ему, что мы созрѣли, — во-первыхъ, критическими статьями «Отечественныхъ Записокъ», далеко подвинувшими, по ихъ собственнымъ словамъ, на Руси критику уже послѣ выхода отъ нихъ Бѣлинскаго; во-вторыхъ, ведическимъ тономъ «Русскаго Вѣстника», возможнымъ только при самой высокой степени образованности въ странѣ, гдѣ онъ раздается; наконецъ, — тѣмъ, что намъ теперь ни почему ни Пальмерстонъ, ни Кавуръ, ни Россель, ни Гизо, ни Маколей; давайте кого угодно — въ пухъ разобьемъ. Но вѣдь г. Головачевъ скептикъ; пожалуй, еще самъ воспользуется для своихъ цѣлей этими фактами. И приходится согласиться съ одной половиною его силогизма, что мы какъ-то плохо еще созрѣли. Но, въ силу нашей незрѣлости, будетъ ли энциклопедическій словарь безполезенъ для насъ и вреденъ? это еще вопросъ, въ рѣшеніи котораго, пожалуй, мы и разойдемся съ г. Головачевымъ. Во-первыхъ — безполезенъ

ли онъ? Объ этомъ мы думали такъ: русскіе ученые издають энциклопедическій словарь... значить трудятся, хотя, правда, достается при этомъ и иностраннымъ словарямъ. Трудъ же укрѣпляетъ силы; следовательно для нихъ самихъ польза есть. Они побольше прочитаютъ, лишній разъ подумаютъ, покопаются въ книгахъ, значить, еще сдѣлаются ученѣе. Ну, а для насъ-то? а мы иногда, хотя у насъ жажда образованія и не слишкомъ велика, прочитаемъ лишнюю статейку, положимъ даже для того, чтобъ деньги, заплаченные нами за энциклопедическій словарь, не пропали даромъ. Глупѣе, если не умнѣе, мы оттого не сдѣлаемся; еслижъ лишнее знаніе забредетъ въ голову — и слава Богу! Или справку какую нужно сдѣлать; коли есть подъ рукой энциклопедическій словарь, такъ и дѣло кончено; не придется шагать лишній разъ въ библиотеку, хотя и тутъ приходится на умъ, что ужъ справляться въ энциклопедическомъ словарѣ, только въ крайней развѣ нуждѣ можно, да и для легкой какой либо журнальной статьи, потомучто въ ученомъ сочиненіи не выставишь цитата въ родѣ слѣдующаго: (см. энци. слов. 1861 года, стр. NN, изд. поль ред. Краевскаго). Все-таки словарь, хотя и не въ большой мѣрѣ, можетъ быть для насъ полезнымъ. Что же касается до того, что онъ положительно вреденъ, какъ подумалось г. Головачеву, то это ужъ большая ипербола. Намъ думается, что не словарь будетъ вредить нашей недозрѣлости, а скорѣй на оборотъ. Положимъ, мы не созрѣли для него. Если мы не созрѣли, такъ и не оцѣнимъ его важности; значенія и достоинства, следовательно не купимъ, потомучто кому же охота бросать три рубля за книжку — дрянъ, по его мнѣнію. Изданіе уже тутъ не можетъ состояться и должно кончиться, коль скоро оно потеряетъ прелесть новизны для недозрѣлой публики, значить накажется и повредить себѣ самъ же энциклопедическій словарь.

Такъ, говоримъ, словарь вообще, разумѣется, если онъ вѣрно составляетъ, не бесполезенъ для публики и тѣмъ болѣе не вреденъ. При всемъ томъ мы должны высказать собственное мнѣніе, что общіе энциклопедическіе словари, въ настоящее время неудобны для публики и что они отжили уже свой вѣкъ. Энциклопедія есть сборникъ всего, что выработано важнаго въ наукѣ и жизни человѣчествомъ въ данную эпоху. Въ тѣ эпохи исторической его жизни, когда наука и жизнь еще не получили слишкомъ большаго объема, энциклопедическіе словари были удобны и даже необходимы. Небогатыя содержаніемъ, жизнь и наука, удобно могли умѣститься въ какихъ-нибудь пяти-шести томахъ. Итакъ какъ въ нихъ подведены были всѣ итоги умственнаго, нравственнаго и соціального развитія извѣстной эпохи, то этимъ

самымъ делом много облегчался прогрессъ для слѣдующихъ поколѣній: они легко могли въ одномъ источникѣ узнать всё достоянныя и недостаточныя стороны развитія предшествовавшихъ поколѣній и дополнить то, чего не доставало имъ предкамъ. Такъ въ XVI вѣкѣ не трудно было собрать въ одно среднеѣвковое триумъ и квадратин. Тоже не трудно было сформулировать всё итоги умственнаго и нравственнаго развитія и въ XVIII вѣкѣ, когда наука и жизнь, хотя и широко развились, но все-таки требовали для своего помѣщенія еще не слишкомъ объемистаго словаря. Въ настоящее же время, въ послѣдней половинѣ 19-го столѣтїа, предпринимать энциклопедическій словарь, при такомъ широкомъ развитіи науки и общественныхъ отношеній,—значитъ предпринимать слишкомъ обширное, а потому и не совсѣмъ удобное для публики, изданіе. Научная сила современнаго человѣка состоитъ въ его спеціальности. Гумбольдтомъ не всякій можетъ быть; такіе гени родятся только вѣтами. Потому-то всё негумбольдты избираютъ себѣ какую-либо науку, иногда часть ея и спеціально занимаются ею. При раздѣленіи труда, при нынѣшнихъ удобствахъ къ обнаруженію добытыхъ результатовъ въ наукѣ, ученый спеціальныи трудъ болѣе всякаго другого приноситъ пользы послѣдней. Даллентантство въ наукѣ, говорятъ, нынѣче есть зло, указываетъ только на внутреннюю пустоту въ человѣкѣ. Ну-съ, такъ вотъ въ силу такихъ-то обстоятельствъ естественнаго испытателя, пожалуй, и не приходится заключаться напр. хоть со-стратегіей: его войско слишкомъ мирное и обходится безъ битвъ; или напр. историкъ, пожалуй обойдется и безъ бухгалтеріи. А кто посвятилъ себя Богословію тому не очень-то нужно знать политическія науки. Спрашивается, при такомъ раздѣленіи ученаго труда, для кого же предназначаются общіе энциклопедическіе словари? Вѣдь если каждую изъ всѣхъ существующихъ наукъ, налагать въ полномъ ея объемѣ, тамъ вѣдь тутъ, пош, и бумага не найдешь въ Петербургѣ на такой словарь? Вы скажете, что, молъ, въ энциклопедическомъ словарѣ включается только-то, что нужно для человѣческаго образованія... но чѣмъ вы разирѣдлите границы въ пѣвѣстной наукѣ: гдѣ кончается нужное для человѣческаго образованія и начинается нужное для спеціальнаго. При томъ, какія науки внесете въ кругъ человѣческаго образованія: тѣ ли, которыя преподаются въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда, между нами будь сказано, очень мало выходитъ людей, или сами составите имъ списокъ? Если теперь примемъ во вниманіе, что большая часть нашего образованнаго общества, для котораго и назначается словарь, состоитъ изъ спеціалитовъ по разнымъ наукамъ, то — какъ же дорого обойдется

длинныхъ эти общіе энциклопедическіе словари? Мы пояснимъ вашу мысль примѣромъ. Вы хотѣли бы приобрести въ собственное владѣніе флигель у одного хозяина, у котораго, замѣтите, рядомъ съ флигелемъ огромнѣйшій домъ и съ садомъ. Вы торгуетесь съ хозяиномъ о вашей покупкѣ... не тутъ-то было: онъ продастъ или не продастъ, или ничего. Вы говорите, что вамъ нуженъ одинъ только флигель, да, пожалуй, какъ говорится, изъ уваженія, еще въ домѣ три-четыре комнаты, — можетъ быть и пригодятся на что-нибудь. А хозяинъ стоитъ на своемъ. Ясно дѣло, что вы или вовсе не покупаете у него всего обширнаго заведенія, или, если покупаете, то остаетесь въ большомъ нападѣ, потому что изъ всего купленнаго огромнаго помещенія вы въ состояніи пользоваться только, можетъ быть, десятою частію его. Такъ вотъ, по нашему мнѣнію, тоже самое въ настоящее время и эти общіе энциклопедическіе словари. Вы занимались, примѣрно физикой; для васъ, собственно-то говоря, и имѣютъ интересъ статьи по этой наукѣ, или по другимъ, связаннымъ съ нею связью. А между тѣмъ въ общемъ словарѣ есть статьи по военнымъ наукамъ, къ которымъ вы, особенно если у васъ мирный характеръ, вовсе не чувствуете расположенія; тутъ есть сотни дѣтъ статей о различныхъ монастыряхъ, о которыхъ, еслибъ вы и желали знать, такъ совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ съ какой помещены о нихъ свѣдѣнія въ словарь. И покупаете, значитъ, въ энциклопедическомъ словарѣ выстѣ съ десятью нужными, а то замѣтимъ вполнѣ, статьями двадцать, либо тридцать ненужныхъ; первыя, слѣдовательно, обходятся вамъ въ тридорога. Не лучше ли, говоря правду, купить на эти деньги какое либо новое сочиненіе извѣстнаго ученаго, имѣющее отношеніе къ вашему специальному предмету; ужъ во всякомъ случаѣ вы производительнѣе употребили бы деньги въ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ. Вотъ другое дѣло — частныя, или спеціальныя словари. Что они нужны и были бы полезны и удобны для нашей публики, это выше всякаго сомнѣнія. Частный словарь, по извѣстной наукѣ, можетъ всю се принять въ себя а, конечно, можетъ быть для спеціалиста очень полезной справочной книгой, въ тоже время вовсе не обременяя его фармака. Такой словарь могъ бы стоять въ уровень современной наукѣ... Ну какъ бы полезенъ былъ теперь у насъ подробный словарь хотя по географіи, или по исторіи, математикѣ и т. д.; уже не говоримъ, что по естественной исторіи и физикѣ они крайне нуженъ, за недостаткомъ у насъ хорошихъ руководствъ. И подобныя частныя словари нашли бы ходъ себѣ въ публикѣ. Въдъ издается оно философскій лекціонъ Гогоцкаго? Положимъ, что онъ неудовлетворителенъ, но видно, что публика поддерживаетъ

его, потому что вышел второй уже томъ. А, замѣтьте, какіе еще мы философы-то? Въѣлъ стыдно сказать. И то покупаемъ и издаемъ философскіе лексиконы. Ну, чтобы теперь, если бы 300 ученыхъ нашихъ сотрудниковъ энциклопедическаго словаря раздѣлились на группы, да вмѣсто участія въ столпотвореніи Ваапенскомъ, занялись бы постройкою частныхъ словарей? Тутъ ужъ совѣтъ бы другое вышло дѣло. Впрочемъ, дѣло, какъ говорится, задѣлаво; слѣдовательно, теперь поздно разсуждать, что лучше бы вмѣсто этого заняться другимъ, а разсуждать нужно о томъ, какъ лучше совершить зачатое дѣло; теперь вотъ уже и вышелъ 1-й томъ энциклопедическаго словаря. Чтожъ? давайте, потолкуемте и о немъ.

Вышедшій первый томъ словаря снабженъ чѣмъ-то въ родѣ предисловія, гдѣ редакція высказывается нѣсколько насчетъ способа, какимъ ведетъ она свое дѣло. Оттуда мы узнаемъ, что почти каждая статья, намѣревающаяся попасть въ словарь, предварительно подвергается нѣсколькимъ цензурамъ, такъ, говоритъ предисловіе, «чтобы совокупными силами устранить односторонность и невольныя ошибки; трудъ редакціи статей, раздѣленный (?) на четырнадцать отдѣловъ, былъ добровольно увеличенъ трудомъ взаимной критики. Каждый изъ насъ, какъ читатель, контролировалъ всѣхъ своихъ соредакторовъ, хотя, конечно, лишь добровольно редакторъ каждаго отдѣла подчинялся совѣтамъ прочихъ своихъ товарищей, и только, послѣ этой взаимной критики, статья проходила чрезъ окончательную инстанцію общей редакціи.»

Такой способъ печатанія статей напоминаетъ способъ веденія войны австрійскимъ гофкригератомъ. Тамъ дѣло велось такъ: составить главнокомандующій планъ и поспѣть прежде всего на утвержденіе этого гофкригерата; послѣдній разумѣется сдѣлаетъ въ немъ ирриличныя поправки; а потомъ, пожалуй, еще самъ инспекторъ наложитъ свою руку на прозектъ... и возвращается онъ къ творцу своему въ изуродованномъ, иногда совершенно неизвѣсномъ видѣ. Мы не думаемъ, чтобъ тоже самое происходило и въ редакціи «энциклопедическаго словаря»; высказались мы только потому, что увлеклись сравненіемъ и не могли не подѣлиться съ читателями плодомъ нашей фантазіи. Изъ предисловія же мы узнаемъ, что «въ большихъ статьяхъ «энциклопедическаго словаря» читатель имѣетъ довольно цѣльный взглядъ на важнѣйшіе вопросы; мелкія статьи доставляютъ ему возможно-большее количество справочныхъ свѣденій. Въ тѣхъ и другихъ, продол-

считать предисловіе, мы стремились не пропалывать какое-либо ученіе, но поставить читателя на современную научную фактическую точку зрѣнія. Въ этомъ совокупленіи большихъ руководящихъ статей съ мелкими справочными и въ этомъ поставленіи на первый планъ фактическаго содержанія вопросовъ заключается единство нашихъ общихъ трудовъ, не смотря на равнообразіе нашихъ частныхъ взглядовъ въ подробностяхъ.»

Такимъ образомъ, «Словарь» не хочетъ проповѣдывать какого-либо ученія, а хочетъ поставить на первый планъ фактическое содержаніе вопросовъ. Конечно, никто не требуетъ, чтобы вашъ словарь былъ словаремъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, тѣмъ болѣе, что, при вашемъ способѣ веденія дѣла, это совершенно невозможно. Но, если бы словарь имѣлъ одно опредѣленное направленіе, публика не побѣговала бы за то на редакцію. Скажутъ: да вѣдь какъ же словарь хочетъ поставить читателя на современную научную точку зрѣнія? не въ томъ-то и дѣло, что эта пресловутая современная научная фактическая точка понимается редакціей своеобразно. Въ силу ея она выдвинула на первый планъ фактическое содержаніе вопросовъ. Мы, правду сказать, вовсе не противъ фактическаго изложенія предметовъ, но, думаемъ, что выдвигать на первый планъ фактъ въ какихъ угодно статьяхъ, значить лишать ихъ жизни. Фактъ самъ по себѣ, голый фактъ, ничего почти не значить. Представьте себѣ кучу глины, песку, извести, желѣза и т. п. Доколѣ они лежатъ въ кучѣ, въ разбросанномъ, раздѣленномъ видѣ, они ровно не имѣютъ для насъ никакого значенія; яви не пользуюешься въ такомъ именно видѣ на какую-нибудь житейскую потребу. А что изъ нихъ дѣлаетъ рука архитектора? Вы видите предъ собою домъ, построенный по всѣмъ правиламъ новѣйшаго искусства и не влюбуетесь глядя на прекрасный фасадъ его. Между тѣмъ вѣдь это все составлено изъ глины, песку, желѣза и т. д., изъ той безобразной кучи, отъ которой невольно отворачивался вашъ глазъ. Такъ вотъ тоже самое бываетъ и въ наукѣ. Голые факты сами по себѣ — сумбуръ, глина песокъ и т. д.; нуженъ имъ взглядъ, который объединяетъ бы ихъ, давалъ имъ цѣну и значеніе. Вы скажете, что можно такъ вложить известныя вещи, что факты будутъ говорить сами за себя. Не споримъ, что это можно, и должно дѣлать въ такъ называемыхъ точныхъ наукахъ. Въ физикѣ, при изложеніи законовъ движенія, желая удовлетвориться взглядами; а давай, говорятъ, намъ факты, опыты, которые доказываютъ ихъ. И въ естественной исторіи тоже самос. Но при всемъ томъ, что и въ точныхъ наукахъ главнымъ образомъ преобладаетъ фактъ, все-таки сами по себѣ факты ничего не

даютъ, ничего не доказываютъ, не приводятъ ни къ какому выводу, если они не осмысливаются взглядомъ. Въ ботаникѣ важно какое-нибудь растеніе изъ породы сложноцѣстныхъ, или въ зоологій — сурокъ, не потому только, что они могутъ на что-либо пригодиться человеку, не потому они важны, что одно-сложноцѣстное растеніе; а другой — сурокъ, а важны и вносятся въ зоологию и ботанику, потому что цѣль этихъ наукъ отыскать весь непрерывный рядъ звѣнцевъ въ цѣлой системѣ природы и указать, каждаго звѣнцемъ факта, тотъ ходъ, которому слѣдовала природа въ постепенномъ развитіи своемъ отъ высшихъ видовъ и родовъ до самаго лучшаго рода. Если бы геологи копались и рылись въ землѣ, отыскивая тамъ слои первичнаго и третичнаго образованія для того, чтобы узнать, что это за слои и только, ихъ трудъ былъ бы самый неблагоприятный и бесполезный. А когда геологъ говоритъ, что, молъ, я пишу въ нѣдрахъ земли не гнейса, сіенита, слюды или каменнаго угля, а тайны образованія нынѣшняго міра, — тогда въ его рѣчахъ есть смыслъ, и я вижу разумную цѣль въ геологическихъ изслѣдованіяхъ. Все это мы говоримъ къ тому, что фактъ самъ по себѣ не дорогъ и не важенъ, а важенъ смыслъ его, важно то значеніе, какое вы соединяете съ нимъ, иначе сказать, важенъ взглядъ, дающій жизнь факту. И это, говоритъ, требуется самыми точными науками, не говоря уже о философій или исторіи. Далекое вы тамъ пойдете съ фактомъ-то однимъ? Значитъ, излагать такъ, чтобы фактъ говорилъ самъ за себя дѣло почти невозможное, хотя фраза хоть-куда. Нѣтъ! укажите уголь зрѣнія, подъ какимъ должно свотрѣть на него... и только тогда онъ получаетъ смыслъ и значение мѣсто; гдѣ уголь. Впрочемъ, во избѣжаніе недоумѣній, спѣшимъ оговориться. Мы вовсе не питаемъ ненависти или прорѣнія къ антическому построю науки или статьи. Шатающихся по небесамъ, безъ должной опоры на землѣ, мы тоже не любимъ. Есть много людей, любящихъ щегольнуть своимъ quasi либеральнымъ взглядомъ, пустить, что называется пыль въ глаза. Но, одна идея, взгляды, не выработанные наукой, не основанные на фактахъ, какъ бы, можемъ, они ни были хороши и прогрессивны, по нашему искреннему убѣжденію, одна пустота, вѣтеръ, который, по своей неустойчивости, будетъ дуть въ какихъ угодно направленияхъ.

И дѣйствительно, на вышедшемъ томѣ энциклопедическаго словаря сильно отразилось желаніе редакціи поставить читателя въ современную научную фактическую точку. Прежде всего это желаніе было принято того, что безъ нужды слишкомъ увеличился объемъ этого тома. Такое явленіе очень понятно: для редакціи на

первомъ планѣ стоитъ фактъ; фактъ же, сколько ни есть, важенъ самъ по себѣ. Критеріи тутъ, для оцѣнки той или другой возможности ихъ, нѣтъ. Всѣ факты принадлежать къ бывалымъ событіямъ, имѣли своихъ дѣателей и т. д. На какомъ же основаніи мы будемъ устривать одинъ и давать у себя мѣсто другому? Вотъ другое дѣло, если взять во вниманіе значеніе факта въ жизни человѣчества. Тутъ ужъ видно будетъ, который изъ нихъ можно оставить безъ вниманія и накимъ заняться. Или, пусть будетъ опредѣленная цѣль у моего труда, тогда я знаю, что такой-то фактъ имѣеть отношеніе къ моей цѣли (положительное или отрицательное — это другой вопросъ,) и слѣдовательно важенъ для меня, другой нѣтъ — и пусть остается въ покое. Такъ вотъ, еслибъ у почтенной редакціи словаря, дѣйствительно, было желаніе дать какое-либо направленіе своему труду, она не затруднилась бы выкинуть, по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{10}$ словъ, помѣщенныхъ въ вышедшемъ томѣ, вѣроятно не стала бы зато пенять на нее. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему напр., попали въ словарь: Ааронъ бенъ-элиа, Ааронъ де-Незаро, безднн Абасовъ, Абихтъ и Абихи, Абулы, Агвадо, Агелліа, Агемы и проч. и проч. и проч.? Словарь, какъ гласило объявленіе, предназначается для всѣхъ, начиная отъ окончившаго курсъ въ университетѣ до купца фабриканта. Ну, скажите на милость: неужели придется въ жизнь свою кому-нибудь изъ лицъ, начиная отъ студента университета и кончая фабрикантомъ, справляться объ Ааронѣ бенъ-элиа, де-Незаро и безднн другихъ. Ужъ развѣ самый отчаянный спеціалистъ когда-нибудь справится о комъ-либо изъ этихъ лицъ. Вотъ напр. попалъ въ словарь Агвадо, одинъ изъ извѣстныхъ (можетъ быть гг. Кокореву и Бенардаки) банкировъ. Конечно, капиталъ достоянствъ уваженія, гдѣ бы онъ ни встрѣчался... но вѣдь мало ли въ Европѣ банкировъ? Пожалуй, этакъ нужно будетъ взлавать особый словарь банкировъ. Или, напр., въ словарь помѣщено много статей о различныхъ монастыряхъ, и, какъ видно, на эти вещи въ будущихъ томахъ будетъ обращено вниманіе. Дѣло хорошее, но, замѣтимъ, стоитъ ли игра свѣчь? Можетъ быть, монастыри имѣли вліяніе на религіозную жизнь нашего народа. Но объ нихъ можно сказать, какъ говорится, огуломъ, указать ихъ значеніе... Но помѣщать статьи, напр., объ Аврааміевыхъ монастыряхъ а въ нихъ перечислять, кѣмъ они основаны, да какія при этомъ рассказываются легенды, да сколько тамъ церквей и проч. въ этомъ ролѣ, едва ли умѣстно. Вотъ, напр., если монастырь имѣлъ какое-либо вліяніе на ходъ событій въ окружающей мѣстности, дѣло другое; тогда бы монастырь, попавшій на страницы словаря, имѣлъ бы для себя оправданіе въ исторіи. Тоже читатели не поспѣвали бы на

редакцію, если бы въ статьяхъ, касающихся монастырей, были свѣденія о внутренней ихъ жизни, въ которой есть своего рода періоды развитія и упадка, въ которой много любовнаго и интереснаго нашлось бы, если бы приподнять завѣсу, скрывающую отъ непосвященныхъ взоровъ внутренній ихъ бытъ. Но, вѣдь, начего подобнаго въ энциклопедическомъ лексиконѣ ить? такъ къ чему же увеливать только балластъ и заставлять читателей покупать ненужныя статьи? Впрочемъ, вѣдь, подобныя статьи справочныя. Ну, такъ, во крайней мѣрѣ, пусть же они удовлетворяютъ хотя справочнымъ требованіямъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя того же Агвадо-банкира; посмотримте, кому и сколько справокъ можно въ ней сдѣлать: вотъ эта статья о немъ, мы приводимъ ее сполна.

Агвадо Александръ Марія (Aguado Marquis de las marismas de Guadalquivir), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ банкировъ настоящаго вѣка. Еврей по происхожденію, онъ родился 1784 г. въ Севильѣ, рано вступилъ надетомъ въ ханскій полкъ, дослужился до офицера, и въ 1808 г. былъ уже штабъ-офицеромъ, получивъ 1-й уланскій полкъ и сдѣлался адъютантомъ у Сульта. Послѣ битвы при Бальянтъ, онъ съ своимъ полкомъ вступилъ во Францію, былъ принятъ тамъ на службу, но въ 1815 г. вышелъ въ отставку и занялся въ Парижѣ выгодными комисіонерскими дѣлами, а вскорѣ, перешедъ къ банкирскимъ операціямъ, принималъ особенное участіе въ испанскихъ займахъ 1823, 1828, 1830 и 1831 годовъ и умѣлъ при этихъ случаяхъ составить огромное состояніе. Всѣ, выходявшія отъ него, бумаги назывались по имени его, *aguardos*. Ими платились проценты, хотя и говорили, что для уплаты ихъ фабриковались постоянно новые агвадосы. Фердинандъ VII, король испанскій, наименовалъ Агвадо придворнымъ банкиромъ и маркизомъ, далъ ему горныя заводы и предоставилъ выгодную постройку канала въ Кастиліи. Агвадо жилъ въ Парижѣ и рѣдко бывалъ въ Испаніи. Въ 1828 г. онъ сдѣлался французскимъ гражданиномъ и поддерживалъ въ 1834 г. греческій заемъ; умеръ въ 1842 г., оставивъ послѣ себя, кромѣ 15 милл. талеровъ, большія земли (между прочимъ Шато-Марго) и превосходную картинную галерею (въ Парижѣ), описанную Говардомъ. Въ ней особенно хороша была испанская школа и преимущественно Мурильо. Изъ 17 картинъ этого мастера «смерть св. Клары», «св. Францискъ Ассизскій», «Благовѣщеніе», и «Пресвятая дѣва во славу» — лучший; онъ на аукціонѣ распроданы по высокой цѣнѣ отъ 15,000 до 27,000 франковъ за картину. За 27,000 франковъ продана была и картина Рафаэля «Пресвятая Дѣва со Христомъ младенцемъ»; за 12,750 франковъ пошелъ портретъ дамы, писанный Веласкесомъ и за 59,500 франковъ «Магдалина», мраморная статуя Кановы, бывшая прежде въ виллѣ Солемарива, на Комскомъ озерѣ.

По-видимому, такъ отъ этой статьи, какъ справочной, я требо-

вать больше ведѣда. А если хорошенько въ ней вдуматься, такъ эта статья не годится ни для какихъ справочныхъ свѣдѣній. Положимъ, вы историкъ и хотите узнать, кто такой Агвадо, лицо часто встрѣчающееся въ исторіи Испаніи отъ 1823 до 1842 г., хотя очень можно сомнѣваться, чтобъ Агвадо былъ лицо историческое. Вы прискакиваете это слово и читаете, что онъ служилъ въ такихъ-то полкахъ, что онъ составилъ состояніе себѣ, что Фердинандъ VII сдѣлалъ его маркизомъ, придворнымъ банкиромъ, что у него была картинная галлерей и что онъ умеръ въ 1842 г. Вы говорите: да вѣдь, этакъ не отличишь Агвадо отъ любого городничаго, которыхъ такъ много на святой Руси. И они прежде всего рождаются, потомъ послужатъ въ полку, потомъ приютятся гдѣ нибудь въ городѣ, составятъ себѣ состояніе, дѣлаются покровителями *художествъ* въ своемъ родномъ городѣ, принимаютъ участіе въ различныхъ финансовыхъ операціяхъ и т. д. Разница между ними и Агвадо выходитъ только та, что мѣсто дѣйствія въ послѣднемъ случаѣ въ Парижѣ. Ужъ если такъ излагать жизнь банкировъ, такъ не лучше ли написать родовую ихъ біографію, а потомъ, при каждомъ частномъ банкирскомъ имени, — указывать только мѣсто дѣйствія обще-банкирской жизненной драмы. При такомъ способѣ изложенія, по крайней мѣрѣ, выгадывалось бы время читателей и писателей и мѣсто въ словарѣ. Пойдемъ далѣе. Положимъ, вы теперь банкиръ не банкиръ, а такъ средней руки купецъ, хотите знать финансовую исторію и интересуетесь всякою замѣчательною въ финансовомъ мірѣ личностью. Вотъ вы наткнулись на Агвадо и заинтересовались имъ. Прочитываете статью о немъ, и ровно ничего не узнаете изъ ней такого, что собственно вамъ нужно. Для васъ не важно, что онъ служилъ въ полкахъ, участвовахъ въ займахъ, былъ у Фердинанда маркизомъ и пр. Вы хотите знать, какъ онъ составилъ состояніе, какой характеръ его финансовыхъ операцій, на сколько онъ былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ и какихъ держался правилъ, на сколько былъ честенъ и т. п. А тутъ только и говорится, что онъ участвовалъ въ займахъ, оставилъ 15 милл. талеровъ и т. д. Фактовъ въ статьѣ, по видимому, много, да не указано тѣхъ, которые говорятъ объ Агвадо, какъ банкирѣ. Вѣдь при составленіи и справочныхъ статей надобно имѣть въ виду, кто будетъ справляться въ нихъ; — будетъ справляться не случайный дилетантъ, а скорѣй всего специалистъ, и потому, коли о банкирѣ пишете справочную статью, такъ банкирскія свѣдѣнія и помѣщайте. Или вотъ напри- мѣръ слѣдующія статьи:

Абуль-фадль Хасдай бенъ Юсуфъ бенъ Хасдай — еврейскій уче-

ный, а также (?) арабский (?) поэтъ, математикъ, превосходный врачъ жилъ въ половинѣ XI вѣка.

Вотъ вамъ Абуль Фадль и пр. Теперь знаете, что это за ученый, поэтъ и т. д. Или вотъ еще :

- Абуль Риханъ Мохаммедъ бенъ Ахмель Албируни, мохаммеданскій ученый X вѣка. Онъ занимался почти всеми науками ; зналъ по гречески такъ, что въ состоянн былъ читать въ оригиналѣ философскія сочиненія грековъ; познакомилъ индйцевъ съ западною наукою (какою — въ X вѣкѣ?), а арабовъ съ индйскою и написалъ множество сочиненій объ астрономіи, астрологіи, хронологіи и пр. Важнѣйшимъ его сочиненіемъ должно считать его Алканунъ-альмасъ-удіа, о хронологіи и математической географіи.

За справкой къ такимъ статьямъ, вѣроятно, кромѣ спеціалистовъ, никто не обратится ; а развѣ удовлетворитъ спеціалиста хоть бы одна изъ этихъ двухъ статей ? Ну, чѣмъ Абуль Рихана отличите отъ Абуль Фадля ? Вы скажете, что отъ нихъ остались крайне скудныя свѣденія ? Такъ зачѣмъ же дѣлать для нихъ и статьи особыя ? Не лучше ли будетъ приурочивать подобныя личности къ общимъ статьямъ ? тамъ, пожалуй, они будутъ имѣть коб-какой смыслъ и значеніе. А то увеличиваютъ только безъ нужды толстоту книжки. Оттого и произошло, что вышедшій томъ почти весь справочный въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ *справочность* редакція, и очень бѣденъ серьезными статьями. Конечно, это прежде всего зависѣло отъ самыхъ словъ отъ А до Ад, съ которыхъ не много начинается лицъ и вещей, на которыя стоило бы обратить вниманіе. Но вѣдь никто же и не принуждалъ непремѣнно давать всякимъ словамъ отъ А до Ад мѣсто въ словарѣ ? Если редакція энциклопедическаго словаря будетъ излавать его въ томъ объемѣ, въ какомъ она начала, то мы думаемъ, что онъ будетъ, безъ нужды, слишкомъ большой и дорого, безъ толку, обойдется читателямъ. Соображая, что вся *суть* остается въ будущемъ, мы невольно приходимъ къ вопросу, *какъ* великъ будетъ весь словарь : въ вышедшемъ томѣ помѣщено 585 словъ, и притомъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 200 такихъ, о которыхъ редакція ограничилась десятью, или двадцатью строками ; а то вышло въ цѣломъ томѣ только 585. Примемъ теперь во вниманіе, что редакція обѣщала помѣстить въ словарѣ до 100,000 словъ. Вѣдь это значитъ, выйдетъ по крайней мѣрѣ томовъ 180, а можетъ быть и 200 ? Если томовъ меньше выйдетъ, редакція должна будетъ потѣснить статьи при словахъ, а этого крайне не хотѣлось бы, потому что на будущія статьи, касающіяся важныхъ предметовъ, мы возлагаемъ большія надежды и

ожидаемъ отъ вида полноты и основательности. Не лучше ли будетъ — повикидать лишній балластъ и дать болѣе мѣста серьезнымъ статьямъ? А то иначе выйдетъ дѣло такого рода: въ годъ редакція будетъ выпускать не больше четырехъ томовъ; следовательно, все число ихъ — около 200, она должна выпустить не мѣсяцъ, какъ въ 50 лѣтъ. Вѣдь такъ и не дожить намъ, читателямъ, до окончанія энциклопедическаго словаря? Въ 50 лѣтнемъ продолженіи его изданія, конечно, есть своя хорошая сторона. Вы будете получать томы словаря и каждая книжка будетъ напоминать вамъ о скоротечности вашей жизни. Дѣло, конечно, хорошее — напоминать людямъ ихъ послѣдній часъ; но, едвали, эти напоминанія входятъ въ планъ издателей энциклопедическаго словаря. Но положимъ, что редакція посмѣлится скорѣйшимъ изданіемъ его; въ такомъ случаѣ, по неволѣ хватаешься за свой карманъ. Полтора ста томовъ... вѣдь это, говорятъ, стоитъ болѣе 400 рублей. Неужели же бѣднымъ людямъ, наиболѣе охотникамъ до литературы, побивать весь откладываемый ими на литературу фондъ на энциклопедическій словарь, въ которомъ замѣтите много такихъ вещей, про которыя и весь-то вѣкъ свой не прійдется имъ вспомнить? Такое изданіе съ такимъ *комфортабельнымъ* содержаніемъ уместно развѣ среди такой богатой публики, какова англійская. А мы вѣдь простые, небогатые люди... гдѣ намъ бросить, Богъ знаетъ за что, болѣе 400 рублей. И только тогда, когда редакція разстанется съ Абулами, Абихтами съ братіей, ей удастся пустить въ ходъ свое изданіе; сдѣлавшись мевшимъ въ объемѣ и следовательно дешевѣйшимъ, оно скорѣе всего дойдетъ по адресу до лицъ, начиная отъ окончившаго курсъ и т. д.

Теперь перейдемъ къ статьямъ, такъ сказать, серьезнымъ. И прежде всего остановимся на статьяхъ философскихъ. Мы отдаемъ имъ предпочтеніе предъ другими, потому во первыхъ, что кто же нынче не философъ? Пофилософствовать для насъ не значитъ, какъ для Фамусова, кружить голову; напротивъ, философіей то мы и приводимъ себя въ самое *покойное* состояніе. Съ другой стороны, развѣ вы не знаете новаго открытія г. Лаврова, что, молъ, каждый изъ насъ, кому только Богъ не отказалъ въ дарѣ слова, — философъ? какіе мы съ вами философы, про то аллахъ вѣдаетъ, а все-таки философы; ну-съ такъ и займемся философіей.

Философскихъ статей большихъ и малыхъ сравнительно очень не много въ первомъ томѣ словаря. Изъ нихъ одиѣ отсылаются къ

исторіи философскихъ системъ, другія къ объясненію философскихъ понятій.

Вотъ напр. статья объ Абелярѣ. Эта личность въ высшей степени замѣчательна не только по своимъ романтическимъ приключеніямъ, до которыхъ, между нами сказать, нѣтъ дѣла историкъ философіи, особенно если они не имѣли вліянія на складъ мысли философа, а замѣчательна главнымъ образомъ потому, что открываетъ собою рядъ тѣхъ великихъ средневѣковыхъ мыслителей, которые сумѣли сохранить нѣкоторую свободу мысли среди самаго неограниченнаго господства авторитетовъ разнаго рода и которые главнымъ образомъ были причиной освобожденія человѣчества изъ-подъ гнета папской власти. Такимъ образомъ, мы въ правѣ требовать отъ составителя статьи объ Абелярѣ, чтобъ онъ подольше остановился на этомъ мыслителѣ и выяснилъ намъ тотъ процессъ, какимъ онъ дошелъ до извѣстныхъ убѣжденій, указавъ его связь съ предшествующими и послѣдующими мыслителями, степень вліянія его на современниковъ и т. д. А статья отдѣляется отъ этихъ вопросовъ общими мѣстами. Вотъ напр. выдержка изъ ней о способѣ ученія Абеляра:

• Изъ логики и діалектики, которыя дошли до нашихъ временъ, можно заключить о способѣ его ученія. Абеляръ разсматриваетъ здѣсь ученіе о частяхъ рѣчи, о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, о доказательствахъ, гипотезахъ и т. п. Наукою, называетъ онъ, пониманіе истинны вещей, и мудрость, составляющая опору вѣры, есть, по его мнѣнію, часть науки; діалектика же различаетъ истинное отъ ложнаго и потому владычествуетъ надъ всякимъ познаніемъ. Сынъ Божій, или Слово Божіе, называется, по гречески, логосъ или мудрость отца, и *потому ему принадлежитъ логика*. Мудрость Божія привлекаетъ насъ, чтобы просвѣтить насъ свѣтомъ истинной науки и отъ мірской любви обратитъ въ любви къ Богу; отъ этаго мы обращаемся въ истинныхъ христіанъ-любителей Божественной мудрости т. е. философіи.

Вотъ вы теперь и узнали, какимъ *способомъ* училъ Абеляръ? или вотъ еще сущность его теологическо-нравственнаго ученія.

• Ансельмъ Кентерберійскій, ученіе котораго господствовало въ теологіи во времена Абеляра, поставилъ вѣру выше знанія и утвердилъ правило, что лишь тогда человѣкъ можетъ приняться за научную разработку высшихъ истинъ, когда онъ въ нихъ сначала укрѣпился путемъ вѣры. Абеляръ считалъ діалектику необходимою опорой вѣры. Онъ видѣлъ, какъ въ вѣрѣ евреевъ, такъ и въ древней философіи подготовку христіанства, считалъ Платона и Сократа достойными вѣчнаго спасенія, отвергалъ слѣпую вѣру, но требовалъ прежде испытанія разумомъ, видѣлъ въ познаніи источникъ любви къ Богу, а въ вѣрѣ,

соединеніе съ нивъ помощью этой любви. По его ученію, вѣтъ Бога, высшаго блага, нѣтъ ничего и всѣ его дѣйствія необходимы, такъ какъ вѣтъ ихъ нѣтъ блага. Онъ есть источникъ и вла, необходимаго для того, чтобы человѣкъ произвольно выбиралъ добро. Сами по себѣ дѣйствія безразличны и могутъ назваться хорошими или дурными лишь въ отношеніи къ намѣренію человѣка и т. д... Особенное вниманіе обращалъ Абеляръ, преимущественно во введеніи, на догматъ св. Троицы, выказывая всю гибкость своей діалектики въ этомъ темномъ богословскомъ вопросѣ. По его словамъ, полнота высшаго блага опредѣлилась въ трехъ отношеніяхъ, которыя мы различаемъ, какъ ипостаси, хотя единое бытіе носитъ названіе Отца, Сына и св. Духа. Оно есть Отецъ въ своемъ могуществѣ, Сынъ въ своей мудрости, Духъ св. въ своей благодати и любви. Но это не три сущности, а три отношенія одного и того же существа. Абеляръ искалъ объясненія этого отношенія въ грамматическомъ присвоеніи трехъ личныхъ мѣстоименій одной и той же личности, въ отношеніяхъ матеріи къ формѣ, рода къ виду.

Какъ видно, мысль у Абеляра шла глубоко, но какъ вязалось все у него въ головѣ — этаго изъ вышеприведеннаго не видно. А такая отрывочность въ изложеніи ученія какаго угодно философа рѣшительно не годится для читателя. Какъ ни трудно, а все-таки нужно услѣдить ту нить, которая связывала въ головѣ философа все его ученіе. Положимъ этаго нельзя слѣдить иногда по недостатку дошедшихъ до насъ памятниковъ отъ нѣкоторыхъ философовъ, такъ слѣдите въ тѣхъ частяхъ ученія, гдѣ это возможно, и укажите, гдѣ начинается и кончается перерывъ. А то прочитаешь ученіе философа и не видишь, какъ вяжется одно съ другимъ въ его ученіи. Далѣе. Отъ историка, излагающаго ученіе философа, мало требовать того, чтобы онъ въ связи и порядкѣ изложилъ ученіе: нужно, чтобы онъ выбиралъ изъ него самое характеристичное въ немъ, что, собственно, выдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ философовъ. Тогда только будетъ для насъ интересно его ученіе и памятна его характеристичная личность. Это требованіе особенно важно для непосвященныхъ въ тайны философіи. Кто знаетъ исторію ея, тотъ, читая полное изложеніе ученія философа, видитъ что въ немъ принадлежитъ собственно ему, что усвоено имъ отъ другихъ, какъ переработалъ онъ чужой матеріалъ и пр.; незнакомый съ исторіей философіи этаго слѣдить не въ состояніи: ему нужно все это указать, о всемъ сказать пообстоятельнѣй. Вѣдь и словарь то назначается для популярнаго чтенія. А то вотъ хотя бы объ Абелярѣ сначала сказано, что онъ *отыскалъ* (какъ это такъ?) отгѣнокъ, позволявшій ему спорить какъ съ реалистами, такъ и съ номиналистами, что онъ былъ концептуалистъ. А потомъ ниже начи-

нается изложение теологически-нравственного учения Абельра, гдѣ вовсе не говорится на сколько концептуализмъ отразился въ его учении и гдѣ связь перваго съ послѣднимъ. И выходитъ, что у чловека, знакомящагося съ Абельромъ по словарю, концептуализмъ остается въ головѣ самъ по себѣ, а несвязанные между собою пункты его теологически-нравственного учения — тоже сами по себѣ. Вотъ совсѣмъ другое дѣло статья: *Аверроизмъ и Августинъ*. Напр. учение *ибнъ-Рошда*, или, какъ его обыкновенно называютъ, *Аверроэса* — изложено съ полною ясностію, указаны элементы, изъ которыхъ оно сложилось и вліяніе, какое имѣло оно на европейскую мысль. То же должно сказать и о статьѣ *«Августинъ, иппонійскій епископъ»*. Надобно о ней сказать вообще, что она лучшая изъ всѣхъ статей лексикона въ историческомъ и въ историко-философскомъ родѣ. Можно не соглашаться съ авторомъ въ степени и качествѣ вліянія Августина на европейскую мысль, но нельзя не отдать ему чести за логику мысли, которая особенно видна въ ней, за желаніе выяснить процессъ образованія склада мысли въ Августинѣ, выяснить его характеръ и указать самую ближайшую связь его учения съ современною ему мыслию и психическими особенностями Августина.

Изъ статей, касающихся философскихъ понятій, мы остановимся только на статьѣ объ авторитетѣ.

Авторитетъ, говоритъ авторъ, есть значеніе, придаваемое мнѣнію какого либо лица, или словамъ какого либо сочиненія другими личностями. Оно одно изъ естественныхъ средствъ разширенія человѣческаго знанія, развитія человѣческаго общества. Опоры его — привычка и предшествовавшая критика. Всѣ знанія чловека выходятъ изъ прямаго наблюденія и изъ размышленія надъ этимъ наблюденіемъ. Между прочими фактами наблюденія онъ находитъ вѣ себя существа, которыхъ внѣшняя организація, подобно организаціи его тѣла, и по тождественности внѣшнихъ явленій, въ нихъ происходящихъ, замѣчаетъ, что подобные ему люди чувствуютъ, мыслятъ, желаютъ, наблюдаютъ, создаютъ и познаютъ также, какъ онъ. Къ массѣ своего наблюденія и мышленія чловекъ прибавляетъ капиталъ, приобретенный изъ наблюденія и мышленія; это составляетъ новый источникъ знанія, *свидѣтельство* другихъ людей... Но чловекъ знаетъ очень хорошо, что не всѣ его наблюденія имѣютъ одинаковую точность, что они должны быть разобраны, повѣрены, подвергнуты критикѣ... Вслѣдствіе критики оказывается, что иная личность болѣе другихъ соединяетъ въ себѣ условія, дѣлающія ея свидѣтельство вѣроятнымъ; говоря математическимъ языкомъ вѣроятность ея свидѣтельства значительно болѣе $\frac{1}{2}$; такая личность получаетъ *авторитетъ*, или ея свидѣтельство есть *авторитетъ* и т. д.; когда кто либо приобрѣлъ въ глазахъ нашихъ авторитетъ

въ какомънибудь отношеніи, мы весьма часто распространяемъ этотъ авторитетъ на всю дѣятельность разсматриваемой личности, точно также, какъ и въ сочиненіи, получившемъ право на наше уваженіе, мы не хотимъ видѣть недостатковъ, потому что слишкомъ высоко цѣнимъ его достоинства; въ этихъ случаяхъ признанію авторитета также предшествуетъ критика, но она недостаточна относительно предметовъ, допускающихъ авторитетъ, хотя можетъ быть вѣрна при извѣстномъ ограниченіи предметовъ .

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, авторитетъ ясно основывается на критикѣ и привычкѣ. Человѣкъ замѣчаетъ, что и другіе мыслятъ и желаютъ также, какъ онъ, имѣютъ такую же организацію и т. п. и потому естественно вѣрить въ свидѣтельство другихъ. Затѣмъ, наученный опытомъ не вѣрить другимъ, подвергаетъ критикѣ чужое свидѣтельство и когда находитъ, что вѣроятность его значительно болѣе $\frac{1}{2}$, то даетъ свидѣтельству, или лицу авторитетъ въ глазахъ своихъ. Но чтожь это за авторитетъ. Вѣдь здѣсь все дѣло шло о довѣрїи, какое мы имѣемъ къ лицу маломальски честному. Критика только оправдываетъ наше довѣрїе къ нему, но тутъ авторитета еще нѣтъ. Человѣкъ, естественно, вѣрить въ непосредственность отношенія между мыслию и словомъ въ каждомъ другомъ человѣкѣ; вотъ онъ и довѣряетъ его словамъ въ той надеждѣ, что человѣкъ говоритъ то, что думаетъ. Оправданная честность, добросовѣстность свидѣтеля еще не даетъ авторитета его словамъ. Когда же съ добросовѣстностію свидѣтельства соединяется и истинность его, доказываемая внутренними и внѣшними доказательствами, тогда свидѣтельство не авторитетъ, а истина, фактъ, подтвержденный очевидцами. Такъ какъ *свидѣтельство* служитъ однимъ изъ источниковъ опыта, въ общирномъ смыслѣ, то очевидно оно главнымъ образомъ служитъ къ разширенію нашихъ познаній, восполняемыхъ чужимъ опытомъ. Но здѣсь первая роль принадлежитъ довѣрїю одного человѣка къ другому, а не авторитету. Последній, если его понимать такъ, какъ понимаетъ его авторъ, нисколько не участвуетъ въ нашемъ развитіи. Онъ говоритъ, что личность, свидѣтельство которой оказывается истиннымъ, или самое свидѣтельство есть для насъ авторитетъ. Вѣдь ясное дѣло, что авторитетъ, при такомъ его пониманіи, — тоже самое, что истинность свидѣтельства, слѣдовательно, говорить, что авторитетъ есть одно изъ естественныхъ средствъ къ развитію человѣческаго общества, — значить говорить, что дѣйствительная, или кажущаяся людямъ истинность свидѣтельства есть одно изъ средствъ къ развитію человѣческаго общества. Вообще изъ словъ автора объ авторитетѣ не видно, что онъ понималъ въ первой части своей

статьи подъ авторитетомъ — довѣріе ли, или кажущуюся людямъ истинность словъ и мнѣній какой либо личности.

Гораздо ближе авторъ подошелъ къ дѣлу въ дальнѣйшемъ опредѣленіи авторитета. «Когда кто либо пріобрѣлъ въ глазахъ нашихъ авторитетъ въ какомъ нибудь отношеніи, мы весьма часто разпространяемъ этотъ авторитетъ на всю дѣятельность разсматриваемой личности, точно также, какъ и въ сочиненіи, получившемъ право на наше уваженіе, мы не хотимъ видѣть его недостатковъ, потомучто слишкомъ высоко цѣнимъ его достоинства». Въ основѣ такого признанія авторитета авторъ полагаетъ критику, а намъ такъ кажется, — главнымъ существеннымъ образомъ привычка — соединять дѣйствіе съ причиной и переносить качество дѣйствія на его причину. Разумна или неразумна такая привычка, — это другой вопросъ, но что въ дѣйствительности бываетъ такъ, — это, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ несомнѣнно. Напр. мы опытомъ, неоднократно повторившимся, познаемъ, что извѣстный человекъ часто говоритъ правду, что его мнѣнія и слова часто подтверждаются дѣйствительностію. Такъ какъ сила и дѣятельность могутъ различаться и разсматриваться отдѣльно только въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ, въ практикѣ та и другая нераздѣльны другъ отъ друга, то мы часто и болѣею частію постоянно одну принимаемъ за другую и качества дѣятельности переносимъ на силу произведшую её. Напр. логичность сочиненія, живость изложенія, свѣжесть мысли заставляють насъ выгодно заключать къ мышленію автора. На сколько естественно такъ заключать человекъ — это очень понятно. Человекъ, постоянно заявлявшій образъ своихъ сужденій съ выгодной стороны, получаетъ въ глазахъ нашихъ авторитетъ т. е. мы сообщаемъ въ своихъ глазахъ образу его сужденій характеръ истинности, непогрѣшительности — не только сужденій уже совершившихся и сдѣлавшихся фактомъ; но и вообще готовы принимать за истинныя и вѣрныя сужденія такого лица, когда они существуютъ только въ возможности. За вѣрность возможныхъ отъ него сужденій ручается прошедшій нашъ опытъ и то повятіе о душевныхъ силахъ авторитетнаго лица, какое мы уже составили на основаніи извѣстной намъ дѣятельности его. Такимъ образомъ тутъ и критика наша имѣетъ значеніе... но главнымъ образомъ — установленіе для насъ авторитета — опирается на привычку нашу — переносить качества дѣятельности на силу.

Установленный авторитетъ можетъ имѣть ту, или другую степень достоинства, смотря потому, какое соотношеніе между основаніемъ вывода и самымъ выводомъ нашимъ существуетъ въ пользу его, иначе сказать, *имѣемъ ли мы ест. данныя* — надѣлать авторитетомъ извѣст-

вое лицо и какъкъ авторитетомъ надѣляемъ сравнительно съ имѣю- щимися у насъ подъ рукой данными. Напр., если мы, замѣтивъ, что известное лицо хорошо мыслить о международныхъ отношеніяхъ и что въ этомъ отношеніи оно заслуживаетъ авторитета, станемъ заключать, что это лицо такой же хорошей юристъ, политико-экономъ и т. д. и, какъ говорятъ нѣмцы, als solcher имѣеть авторитетъ — мы бы заключали ложно. Умственная сила политика нашего проявилась только въ мышленіи о международныхъ отношеніяхъ; видя, что локомотивъ двигаетъ двадцать вагоновъ, мы можемъ заключать къ силѣ давленія паровъ, извѣряя ее въ послѣднемъ случаѣ только двадцатью вагонами и не можемъ думать, что та же сила можетъ сдвинуть домъ и т. п.; отъ дѣйствія силы при известныхъ условіяхъ мы можемъ заключать къ ней, непремѣнно имѣя въ виду эти условія — и должны ожидать на будущее время подобнаго отъ него дѣйствія только въ кругу прежнихъ условій. Такъ и въ нашихъ заключеніяхъ объ авторитетахъ. Наше заключеніе о достоинствѣ известнаго лица, или авторитетъ, усвоенный ему нами, тогда только будетъ основателемъ и вѣрнѣмъ, когда въ нашемъ заключеніи не будетъ болѣе, чѣмъ на сколько уполномочиваютъ насъ данныя. Это будетъ авторитетъ истинный. Такъ какъ въ дѣлѣ авторитетовъ требуется отъ насъ большая осторожность, то очевидно, чѣмъ выше по умственному образованію человѣкъ, тѣмъ больше у него авторитетовъ и тѣмъ несостоятельнѣй они. Необразованный человѣкъ не можетъ во-первыхъ достаточно обсудить словъ или мнѣній известнаго лица: часто глупое кажется ему умнымъ. Во-вторыхъ, не взвѣсивъ достаточно основанія для заключенія, онъ слишкомъ много изъ него выводитъ; напр., грамотный человѣкъ, два раза показавшійся ему умнымъ въ сужденіяхъ о мельницѣ или другомъ предметѣ, слыветъ у него за человѣка компетентнаго въ сужденіяхъ о политикѣ, физическихъ явленіяхъ и т. д. Притомъ служы иногда рѣшаютъ въ глазахъ простолюдина авторитетность известнаго лица. Ясное дѣло, человѣкъ точно такимъ же образомъ можетъ усвоить такое качество и цѣлому классу людей, полагая, что известное званіе даетъ непогрѣшимость всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ нему; равно какъ и образованный человѣкъ можетъ усвоить авторитетъ трудамъ известнаго общества ученыхъ — на основаніи, известной уже ему, силы мышленія его членовъ.

При такомъ понятіи объ авторитетѣ мы совершенно разходимся съ авторомъ въ мнѣніи о необходимости авторитетовъ для каждой личности. Мы думаемъ, что совершенно развитая личность можетъ обойтись безъ авторитета. И это не значить, какъ говорить авторъ, «присудить самому себѣ значеніе безусловнаго авторитета», поставить

«свое достоинство выше всѣхъ прочихъ, признать себя всезнающимъ, непогрѣшимымъ въ нравственномъ отношеніи и обладающимъ не ослабѣвающей силою характера, что можетъ допустить «лишь помѣшанный». Положимъ, что помѣшанный только можетъ допустить соединеніе въ себѣ всѣхъ этихъ качествъ; при всемъ томъ, я не владѣя ими, можно обойтись безъ авторитета. Впрочемъ, если авторъ понимаетъ здѣсь подъ нимъ довѣріе къ истинности свидѣтельства другихъ, то мы съ нимъ совершенно согласны: безъ довѣрія къ другимъ жить невозможно. Если онъ разумѣетъ подъ авторитетомъ нравственную опору, какой ищетъ личность для своихъ мнѣній и убѣжденій въ другихъ людяхъ — мы тоже совершенно согласны: жить одному, не быть понимаемому другимъ, въ еяномъ только себѣ находить для себя опору — тоже дѣло невозможное. Но вопросъ еще, есть ли довѣріе къ истинности свидѣтельства другихъ нравственная опора, находящаяся нами въ другихъ личностяхъ — есть ли все это авторитетъ? — Вѣдь могутъ же быть люди, которые имѣютъ дѣло съ истинами, мнѣніями, не желая вовсе знать, кто ихъ раздѣляетъ, кто пустилъ въ ходъ и т. д. Могутъ быть люди, которые, выражаясь философски, имѣютъ дѣло только съ объектами и не желаютъ знать, отъ какихъ субъектовъ ведутъ они свое начало? И если нельзя обойтись человѣку безъ авторитетовъ, то развѣ ужъ въ томъ смыслѣ, что *всегда* люди будутъ переносить качества дѣятельности на силу — причину ея, и что личность, заявившая себя съ выгодной стороны, всегда будетъ имѣть уваженіе себѣ въ кругу другихъ личностей, и потому — давать ходъ преимущественно своимъ мнѣніямъ.

Другое дѣло — значеніе авторитета на первыхъ порахъ развитія личности. Тутъ мы совершенно согласны съ авторомъ въ педагогическомъ его значеніи. Дитя, съ первыхъ поръ развитія своего, привыкаетъ переносить качества сужденій родителей на ихъ самихъ. Инстинктъ заставляетъ дитя невольно искать въ родителяхъ охраны и защиты, и опытъ доказываетъ имъ дѣйствительность ихъ надеждъ на родителей. Послѣдніе приобрѣтаютъ въ глазахъ дитяти характеръ высшихъ существъ: всякое слово ихъ получаетъ цѣну въ глазахъ дитяти, и оно думаетъ объ отцѣ — какъ самомъ непогрѣшимомъ авторитетѣ. Далѣе, дитя знаетъ, что родители дѣлаютъ выборъ между педагогами, которымъ хотятъ вручить его воспитаніе, нѣкоторымъ образомъ передаютъ имъ свои права; что педагогъ — заступаетъ для нихъ мѣсто родителей, естественно, переноситъ на себя въ глазахъ дѣтей авторитетъ, первоначально имъ принадлежавшій. На сколько необходимъ для молодой личности такой авторитетъ — это понятно; и что дальнѣйшее воспитаніе и образованіе

ся должно состоять, какъ говоритъ авторъ, въ постепенномъ освобожденіи личности отъ вліянія авторитета — и въ развитіи въ ней самостоятельности, это тоже понятно.

Вообще о философскихъ статьяхъ въ I томѣ словаря надобно сказать, что они показываютъ въ авторѣ ихъ полное знакомство съ предметомъ; но, къ несчастію, въ нихъ чрезвычайно много недосказаннаго. Многія понятія не отдѣлены другъ отъ друга, и потому статьи оставляютъ въ читателѣ неопредѣленное, неясное представленіе. Таковы напр. статьи *абсолютизмъ* и *автономія*, а этого уже не должно быть въ статьяхъ, назначенныхъ для популярнаго чтенія. Въ нихъ прежде всего должна имѣться въ виду ясность, опредѣленность и раздѣльность понятій. Большая часть русскихъ читателей занимается философіей, какъ диллетанты, и потому требуютъ самой уже пережованной пищи. Прочитавъ же статью, послѣ которой не остается въ нихъ опредѣленнаго представленія о предметѣ ея, они, пожалуй, не влюбятъ философіи: дескать, туману только на голову напускаетъ; а философія вѣдь ничѣмъ тутъ не виновата. Особенно не мѣшаетъ, при объясненіи философскихъ понятій, обращать вниманіе на употребленіе ихъ въ простомъ разговорѣ и выдѣлать искаженіе смысла отъ истиннаго значенія, усвоеннаго имъ наукой.

Теперь очередь за историческими статьями. Въ нихъ особенно выразилось желаніе редакціи словаря поставить читателя на современную научную *фактическую* точку зрѣнія. Оттого большая часть статей получила особый характеръ: какую-то безжизненность, мертвенность. Вы читаете статьи о лицахъ, которые жили, были когда-то дѣятелями своего рода. Кажись, какъ бы не дать жизни статьѣ о жившемъ человѣкѣ, а между тѣмъ нѣкоторые историческія статьи чисто формулярные списки. Вотъ напр. статья объ Аарзенсѣ, одномъ изъ голландскихъ дипломатовъ. Въ статьѣ говорится, что онъ былъ однимъ изъ *замѣчательнѣйшихъ* голландскихъ дипломатовъ. Ладно. Вы и читаете ее въ надеждѣ, чѣмъ это замѣчательнѣе Аарзенсѣ, какъ дипломатъ. А тамъ говорится, что отецъ его былъ тѣмъ то (какъ и у насъ въ формулярахъ — сынъ такаго-то), что онъ образовался во Франціи подъ руководствомъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ, былъ тамъ посланникомъ, за тѣмъ въ Венеціи и т. д. Вы спрашиваете, да скажите же, чѣмъ замѣчательнѣе дипломатъ? Статья говоритъ, что онъ оставилъ послѣ себя записки, которыя не обнародованы, что современники считали его человекомъ необыкновенно проницательнымъ и весьма талантливымъ. Но вѣдь это одни слова, тоже самое можно сказать и о Росселѣ, Пальмерстонѣ, Меттернихѣ и т. д. Статья пусть скажетъ вамъ, какими

правила держала Аарзенсъ въ политикѣ, *какія услуги оказалъ своему отечеству*, т. е. пусть не отдѣляется общими словами, а укажетъ въ дипломатѣ то, что особенно характеризуетъ его, что дѣйствительно принадлежитъ Аарзенсу и никому другому. Иначе зачѣмъ же и вносить его въ словарь; вѣдь такая статья, хотя она и справочная, не удовлетворитъ никого? Такова же статья и объ «Августъ-Янѣ» чешскомъ Богословѣ. Еще нарочно объявленіе прошлаго года объ изданіи энциклопедическаго словаря говорило, что, молъ, особенное обратитъ онъ вниманіе на все, касающееся нашихъ славянскихъ братьевъ и вообще славянской жизни. А вотъ объ «Августъ Янѣ» напр. сказано не болѣе, какъ объ Аарзенсѣ и также неудачно. «Августъ-Янъ» былъ замѣчательнымъ человѣкомъ; уже одна дружба его съ Лютеромъ и Меланктономъ, не смотря на различіе ихъ убѣжденій, доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Замѣтимъ еще, что время, въ которое онъ жилъ, было временемъ страшнаго религіознаго движенія въ Чехіи. Естественно рождается вопросъ въ читателѣ, *какъ Янъ, какъ богословъ, отнесся къ нему, какую роль онъ выбралъ при этомъ, что сдѣлалъ добраго или дурнаго для тогдашняго движенія, какой духъ, какія взгляды и цѣли выразилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ и т. д.* А статья говоритъ, что онъ умеръ въ тюрьмѣ, что его богословскія сочиненія, проповѣди, полемическія статьи, духовныя пѣсни замѣчательны чистымъ и легкимъ языкомъ. Да вѣдь такъ характеризовали авторовъ-дѣятелей только въ наши старыя времена, когда вся критика состояла въ изслѣдованіяхъ, какимъ: *благороднымъ* или *подлымъ* слогомъ писалъ авторъ. Неужели по Сумароковски и въ настоящее время оцѣнивать труды авторовъ? Такъ бѣгло касаться славянскихъ дѣятелей, послѣ великолѣпнаго объявленія, что на нихъ-то обратится особое вниманіе — не годится. Ужъ лучше выкинуть двухъ трехъ Аббисовъ, чѣмъ бѣгло замѣтить и притомъ безхарактерно о какомъ либо чешскомъ Богословѣ. Безъ знанія Аббисовъ еще можно прожить; а не знать литературы и вообще прошедшей жизни нашихъ славянскихъ братьевъ, въ виду общеславянскаго движенія, стыдно предъ своей *славянской* совѣстью.

Тоже не посчастливилось и нашей русской литературѣ, о представителяхъ которой словарь счелъ нужнымъ дать у себя мѣсто только справочнымъ, и то плохимъ, свѣденіямъ. *Что и какъ* сказано въ словарѣ напр. о нашемъ русскомъ писателѣ Аблессимовѣ? Значеніе его въ исторіи нашей литературы — безспорно. Въ тотъ вѣкъ, когда російскій Расинъ-Сумароковъ съ братіею истощался въ изображеніи псевдоклассическихъ героевъ съ французскими ужаниками, Аблессимовъ написалъ «Мельникъ и т. д.», гдѣ въ первый разъ

наша литература коснулась, хотя и не совсѣмъ полно, русскаго быта. Между тѣмъ, какъ о квази-трагедіяхъ Сумарокова и помню не было, «мельникъ» Аблесимова держался еще на сценѣ и только недавно сошелъ съ нея. Уже одно это даетъ намъ особое право на вниманіе къ трудамъ Аблесимова, человека, который на разстояніи полета, выражался риторически, подавалъ руку лучшимъ современнымъ народнымъ писателямъ. Задача историка русской литературы, по отношенію къ Аблесимову, очевидна: во первыхъ онъ долженъ указать, на сколько Аблесимовъ заплатилъ дань своему вѣку — вѣку господства ложной классической теоріи; на сколько самъ, по чутью таланта, порывался указать новое поприще для современной ему русской литературы; что особенно характеризуетъ его предъ другими писателями; какое вообще его значеніе въ нашей литературѣ и т. п. Чѣмъ же отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы словарь? Статья говоритъ, что Аблесимовъ участвовалъ въ такихъ и такихъ журналахъ, служилъ въ разныхъ мѣстахъ. А о трудахъ его литературныхъ сказано въ ней вотъ что:

•Извѣстность его (т. е. Аблесимова), какъ писателя для театра, начинается лишь съ появленія въ 1779 году (20 января), на московской сценѣ комической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать», съ музыкою Соколовскаго, составленною изъ русскихъ пѣсень. Питрига пьесы отзывался вліяніемъ французскихъ оперетокъ, извѣстныхъ Аблесимову, впрочемъ, изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка; но въ подробностяхъ есть русскія черты, столь рѣдкія въ тогдашней литературѣ. Онъ-то вмѣстѣ съ новою для того времени мыслию, заставить дѣйствовать на сценѣ лица маъ нашего простонародья, а также и веселость, оживлявшая пьесу, доставили ей такой громкій и постоянный успѣхъ (затѣмъ говорится о полныхъ сборахъ при представленіяхъ комедіи Аблесимова и числѣ представленій на театрѣ Книппера)... Слѣдовавшія за «Мельникомъ» оперы Аблесимова, хотя и написанныя въ томъ же русскомъ вкусѣ, не имѣли такого успѣха и т. д. въ томъ же родѣ.

Такъ вотъ мы пишемъ о своихъ русскихъ писателяхъ и притомъ замѣчательныхъ писателяхъ. Для читателя не важны вѣдь свѣденія, былъ ли, нѣтъ ли Аблесимовъ адъютантомъ гдѣ-нибудь, въ какихъ журналахъ писалъ и т. д. Важно, что онъ писалъ, съ какимъ направленіемъ, какихъ держался убѣжденій и проч. Неважно для читателей также, какія заглавія выставлялъ онъ на своихъ сочиненіяхъ, а важно, что содержится подъ заглавіями? Притомъ, не значитъ еще охарактеризовать извѣстное сочиненіе, сказавши, что, молъ, оно отзывалось тѣмъ то и тѣмъ. Словарю особенно нужно обратить вниманіе на статьи, касающіяся нашей литературы ста-

рыхъ годовъ. Произведеній старыхъ авторовъ публика не читаетъ, а между тѣмъ она не прочь узвать, что принесеть въ сокровищницу русской мысли и русскаго слова тотъ или другой старый интересъ... А словарь, кажись, не хочетъ, въ этомъ отношеши обогнать наши учебники по исторіи россійской словесности.

Вотъ еще статья, тоже касающаяся нашей русской жизни, хотя и въ другомъ родѣ, объ Аврааміи Палицынѣ. Въ настоящее время наука разъяснила намъ душу этого человѣка, представляемаго у г. Устрялова, достойнымъ сподвижникомъ Минина. Оказывается, что этотъ *достойный сподвижникъ* былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Хитрый, умѣвшій приладиться къ обстоятельствамъ, Палицынъ руководился въ жизни болѣе всего разсчетомъ. Когда нужно было, по его соображеніямъ, онъ признавалъ Владислава царемъ русскимъ; когда тоже нужно было, онъ являлся мирителемъ казаковъ съ нижегородцами. Заботясь о выгодахъ Сергіевской лавры, гдѣ онъ былъ келаремъ, Авраамій не прочь былъ позаботиться о самомъ себѣ. Особенно ясно выразился его характеръ въ его сочиненіяхъ. Статья въ словарь, вдобро сказать правду, очень подробно занимается исторіею событій, участникомъ которыхъ былъ Авраамій и за это надобно отдать честь ея автору. Но онъ опустилъ изъ виду выяснить для читателя нравственный образъ Палицына. А между тѣмъ для читателя особенно важна нравственная физіономія этого человѣка. Она даетъ ключъ къ разумѣнію тогдашней тарбарщины событій. Зная нравственную сторону тогдашнихъ дѣателей, легко поймешь, почему безсильны были усилія честныхъ людей, Гермогена, отчасти Іова и др. водворить нѣкоторый порядокъ на Руси. Нравственный образъ Палицына — типичный образъ; на него нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, не въ урядъ другимъ. Нѣтъ! онъ вполнѣ отражалъ въ себѣ хорошія и дурныя стороны современнаго ему большинства, шатавшагося изъ стороны въ сторону, смотря по тому, гдѣ пригрѣвало.

Мы, конечно, хорошо понимаемъ, что подобныя недостатки неизбежны и что иногда авторъ, естественно, долженъ стараться, какъ можно болѣе скрыть свою личность, сдѣлаться *объективнымъ*. И рѣдко, рѣдко промелькнутъ въ статьяхъ слѣды, указывающіе, что въ авторѣ есть свои убѣжденія, что онъ живой человѣкъ, такъ, или иначе относящійся къ фактамъ, или пережитымъ прежними временами, или переживаемымъ современными намъ народами. Вотъ и улика налицо, въ статьѣ «абсентеизмъ».

«Абсентеизмъ означаетъ одну изъ причинъ, которой приписывается бѣдственное состояніе ирландскаго народонаселенія, в которая состоитъ въ пребываніи ирландскихъ землевладѣльцевъ

онъ своимъ помѣстїемъ, болѣею частью въ Лондонѣ или за границей.» Авторъ объясняетъ историческое происхожденіе абсентеизма, вошедшаго въ Ирландїю въ обыкновенный порядокъ, и затѣмъ приводитъ нѣвнія эпопеяствоты за и противъ вреда такого явленія. Отъ писателя, рѣшившагося не идти далѣе факта, пожалуй и довольно. Но довольно ли вы остаетесь, прочитавъ эту статью? Вы невольно задаете себѣ вопросъ: русскій или иностранецъ писалъ эту статью для словаря? Кажись, русскій. Такъ неужели онъ, невольно спрашиваете вы, не знаетъ русскихъ порядковъ, не знаетъ напр. что не въ одной Ирландїи, а и у насъ, да еще вы чуть не меньше абсентеизмъ есть самое обыкновенное явленіе. Какъ же это онъ, зная наши порядки, словомъ даже не упомянулъ въ своей статьѣ о русскомъ абсентеизмѣ? А еще программа объявляла, что вотъ на русскую жизнь словарь обратитъ особенное вниманіе. Что касается русскаго абсентеизма, то существованіе его у насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ деревнѣ, въ помѣстьи у насъ живетъ только тотъ помѣщикъ, у кого въ карманѣ пусто. А лишь завелась лишняя копейка, такъ ужъ онъ ѣдетъ съ ней въ губернской городъ, или въ столицу или за границу. Спору нѣтъ, что есть уже помѣщики, которые за умъ взяли и сами занимаются хозяйствомъ. Но, вѣдь это меньшинство, какое, пожалуй, найдется и въ Ирландїи. Большая же часть помѣщиковъ и теперь, какъ и въ той странѣ, пробиваются управляющими разнаго рода, которые, разумеется, болѣе всего заботятся о собственномъ карманѣ, разрушаютъ хозяйство и т. д. И у насъ также, какъ въ Ирландїи, абсентеизмъ являлся обычнымъ, нормальнымъ явленіемъ. Бонтоновый помѣщикъ считаетъ своею обязанностью не жить въ деревнѣ, а въ городѣ, за границей и свысока поглядываетъ на помѣщика доможда: вы, дескать, провинціалы, залѣсье, свѣту не видали, а мы такъ совсѣмъ другое и т. д. Вотъ авторъ и обратилъ бы вниманіе на русскій нашъ абсентеизмъ, указавъ бы причину его происхожденія и развитія у насъ и выяснилъ бы, въ какой мѣрѣ терпѣть отъ того наше народное хозяйство. Тогда бы видно было, что авторъ знаетъ современную нашу жизнь, что онъ дѣйствительно живой человѣкъ, съ убѣжденіями; и для читателя тогда статья вышла бы интересъ и современное значеніе. А то заставляетъ насъ путешествовать по Ирландїи, какъ-будто дома у насъ нѣтъ такого же добра.

Не скажемъ, чтобы между историческими статьями не было и хорошихъ статей. Такими — мы считаемъ наприимѣръ: «Абрамовъ», «Авары», «Авакумъ Петровичъ», «Августъ II саксонскій» и нѣкоторые другіе. Въ нихъ видно, на крайней мѣрѣ, желаніе авторовъ

обрисовать нравственные образы лицъ, выводимыхъ ими на сцену и указать связь ихъ съ вѣкомъ, въ который жила они. Оттого, они оставляютъ въ душѣ ясное и опредѣленное впечатлѣніе.

Зааслуживаютъ также вниманіа статьи, относящіяся къ міру классическому: «Августъ» и «аграрные законы». При всемъ томъ, что первая статья полно излагаетъ событія, въ которыхъ дѣятелемъ былъ Августъ, въ ней есть важные недостатки. Такъ чтожъ это за человѣкъ былъ Августъ? поневолѣ спрашиваешь себя, прочитавъ статью. Авторъ не потрудился заглянуть въ глубь души этого замѣчательнаго человѣка, не постарался воспроизвести его нравственную физиономію. Въ статьѣ вы видите движеніе событій, видите, что въ круговоротѣ ихъ Октавіанъ былъ одною изъ двигавшихъ силъ... но что это сама была за сила, какія нравственныя черты этого человѣка — не сказано. Авторъ углубился въ прагматическое изложеніе событій и какъ будто избѣгалъ объясненій о личности Октавіана, даже не коснулся вѣка, въ который жилъ Августъ, и которому онъ сообщилъ свое названіе — вѣкъ Августа. Между тѣмъ, тутъ то бы и подступить къ нему съ анализомъ и посредствомъ его опредѣлять, какъ широко онъ выразилъ въ себѣ хорошія и дурныя стороны своего вѣка, какихъ преимущественно интересовъ былъ онъ представителемъ, какія его историческія заслуги и т. д. Притомъ въ статьѣ Августъ кажется то поленькимъ существомъ, то благоразумнымъ защитникомъ интересовъ Рима. Поэтому, по прочтеніи статьи, Августъ является въ представленіи съ какимъ-то двойнымъ характеромъ и жалѣешь, что авторъ не постарался сообщить читателю полное, опредѣленное впечатлѣніе.

Другая статья объ аграрныхъ законахъ очень подробно излагаетъ сущность этихъ законовъ и ихъ исторію. Авторъ, какъ видно, сумѣлъ воспользоваться новѣйшими трудами ученыхъ объ этомъ предметѣ и излагаетъ дѣло, дѣйствительно, съ современной научной фактической точки зрѣнія. Спасибо и за то.

По географіи въ словарѣ замѣчательны четыре статьи: двѣ о губерніяхъ: Абосской и Августовской, одна объ Австраліи и еще объ Австрійской имперіи. Бóльшаго, чѣмъ сколько дано, нельзя ожидать отъ статей, касающихся нашихъ губерній, судя по состоянію нашей статистики. Статьи объ Австраліи и Австрійской имперіи — чрезвычайно обширны и сравнительно съ прочими статьями кажутся гигантами. Ихъ можно назвать безусловно лучшими во всемъ словарѣ, по богатству свѣдѣній въ нихъ помѣщенныхъ, и желалось бы, чтобъ словарь, на будущее время, давалъ такіа же обстоятельныя статьи по географическому обзору прочихъ странъ. Къ статьѣ объ Австрійской имперіи между прочимъ приложена и исторія ея, со-

ставленная, и, надо бы сказать, крайне неудачно. На первыхъ страницахъ знакомишься со статистикою матеріальнаго и нравственнаго развитія Австріи, а тамъ переходишь къ исторіи и тутъ главнымъ образомъ встрѣчаешь извѣстія только о территоріальномъ ее развитіи. Уже если въ планъ авторомъ (она коллективно составлена) не входило знакомить читателя съ исторіей нравственнаго развитія Австріи, такъ напрасно они дали столько мѣста въ историческомъ своемъ обзорѣ различнымъ Бабенбергамъ, да Габсбургамъ. Чтобы наобразить исторію территоріальнаго развитія Австрійской имперіи, для этого не требовалось много мѣста: сказали бы, молъ, тогда-то такой уголокъ оттянули Бабенберги отъ императоровъ, а тогда такой-то Габсбургъ поживился на счетъ сосѣдей, и просто было бы, и ясно...

Вообще о вышедшемъ томѣ энциклопедическаго словаря нужно сказать, что въ немъ вмѣстѣ съ довольно неудачными статьями есть и дѣльныя статьи. Онъ вполне оправдываетъ на себѣ русскую поговорку, что нѣтъ худа безъ добра. При этомъ, не обинуясь, скажемъ, что относительное количество хорошихъ статей сравнительно съ неудачными въ немъ чрезвычайно не велико; что большая часть справочныхъ статей вовсе не удовлетворяетъ своему назначенію; что не всѣ серьезныя статьи удовлетворяютъ строгой критикѣ, и что вообще объемъ словаря безъ нужды увеличенъ ненужнымъ матеріаломъ, при томъ на счетъ важныхъ предметовъ. Скажемъ также, что главною причиною всѣхъ недостатковъ вышедшаго тома словаря — мы считаемъ принятое редакціею фактическое направленіе, которое лишаетъ статьи жизненности и дѣлаетъ изъ нихъ какой-то мертвый — сырой матеріалъ.

Что касается до языка словаря, то онъ, если и не вездѣ популяренъ, по крайней мѣрѣ, не до преизбытка наполненъ и научными терминами, часто затемняющими сущность дѣла. По мѣстамъ, впрочемъ, попадаются статьи, особенно по математикѣ и музыкѣ, написанныя чисто *математическимъ*, или *музыкальнымъ* языкомъ и понятныя только (и то, пожалуй съ трудомъ) для специалистовъ. Вотъ на примѣръ статья объ абелевой теоремѣ:

«Абелева теорема. Такъ называется одна изъ теоремъ, открытыхъ великимъ геометромъ Абелемъ. Эта теорема заключается въ выраженіи суммы, или разности нѣсколькихъ значений интеграла, какого-либо алгебраическаго дифференціала чрезъ совокупность значений того же интеграла, съ прибавленіемъ, въ общемъ видѣ, членовъ алгебраическаго и логарифмическихъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ приводятся къ нулю.

Таково же опредѣленіе и абелевыхъ функцій. Прочитавъ эти

статьи, по неволѣ скажешь, темне вода... Незнаешь, какъ пона-
даютъ подобныя статьи въ популярное изданіе.

Читатели видятъ, что мы нарочно обратили вниманіе на слабыя
стороны словаря — именно потому, что дѣло изданія его считается
важнымъ и неспуточнымъ. То, что мы не совсѣмъ сочувствуемъ са-
мой видѣ обиды словарей, вовсе не мѣшаетъ намъ считать зачатое
дѣло такимъ, что, при хорошемъ выполненіи, оно можетъ оказать
нѣкоторую пользу публикѣ. И вотъ почему мы поднимаемъ свой голосъ
противъ недостатковъ словаря, которые несутъ съ собою совер-
шенно безполезнымъ.

УЧИТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАСТАВНИКОВЪ, РОДИТЕЛЕЙ И ВСѢХЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ЗАНИМАТЬСЯ ВОСПИТАНІЕМЪ И ОБУЧЕНІЕМЪ ДѢТЕЙ

Давно, дѣтъ десять тому назадъ, часто встрѣчалъ я въ одномъ обществѣ женщину, въ глазахъ которой было видно, что они много плакали. Вѣчною темою ея разговоровъ былъ вопросъ о воспитаніи; но она была неприятна съ этимъ разговоромъ, потому что въ каждомъ ея словѣ разоблачалась до послѣдняго любовь ея къ своему единственному сыну, единственному предмету, оставленному ей мужемъ въ наслѣдство. Часто и ко мнѣ она обращалась съ вопросами: «Скажите, у васъ это еще такъ свѣжо, — хорошо это или нѣтъ.» Я пожималъ плечами. Мнѣ всегда казалось, что принимать слишкомъ настойчивое участіе въ развитіи ребенка такое же дѣло, какъ принимать участіе въ выходѣ замужъ или въ женитьбѣ кого-нибудь, какъ принимать участіе въ осужденіи кого-нибудь на смерть. Всегда лучше жизнь, потому что не останется угрызения совѣсти; всегда лучше (въ дѣлѣ воспитанія) предоставить немножко побольше природѣ, потому что, можетъ быть, она лучше сдѣлаетъ. Особенно, если природа здоровая, и ее нужно только руководить а не исправлять. И всегда мнѣ казалось, что въ этомъ дѣлѣ самое важное и безспорно приносящее одну только пользу — приобрѣтеніе познаній: чѣмъ больше, тѣмъ лучше; все же остальное нужно предоставить немного и случаю. Но бѣдная женщина не могла со мною согласиться: такъ чешетъ больной болезненное мѣсто, не смотря на всѣ запрещенія доктора. — Какъ я моего Мишеньку, мое сокровище, оставляю безъ воспитанія! — Что же вы съ нимъ дѣлаете? — Я развиваю въ немъ мысль. Вы смѣтаете? — Ничего. Это очень хорошо. Какъ же вы развиваете? — Я съ нимъ читаю; но мы читаемъ не одинъ разъ пятьдесятъ строчекъ, а десять разъ пять строчекъ, до тѣхъ поръ, пока я убѣдюсь, что Ми-

шель понялъ все, потомучто я не хочу, чтобы Мишель былъ попу-гаемъ; я хочу, чтобы онъ мыслилъ обо всемъ, что читаетъ; чтобы онъ вникалъ въ смыслъ каждаго слова, чтобы его чтеніе не было *механическимъ* актомъ повторенія словъ, написанныхъ въ книгѣ. — И онъ васъ понимаетъ! — О, Мишель очень понятливъ! онъ поражаетъ меня своею понятливостью; онъ весь отецъ. — Но зачѣмъ же вы съ нимъ такъ мучитесь, если онъ безъ того понятливъ? — Мучитесь! какъ это мило — мучитесь? Для меня высшее наслажденіе приготовить моего сына къ жизни, возбуждать въ немъ любопытство, внушать ему, что только понятый нами предметъ, можетъ доставлять намъ удовольствіе... — Вѣдь это неправда. — Какъ такъ? — Только недопонятое доставляетъ намъ наслажденіе; все понятое неинтересуетъ уже такъ насъ болѣе. Напримѣръ, полюбить женщину значитъ рѣшительно не понять ее. — Вы всегда говорите вздоръ. — Это оттого, что меня, учили не логически: у меня все было предоставлено природѣ, и знаете ли что? — я такъ полюбилъ ее, что готовъ подраться со всякимъ, кто кромѣ нея, захочетъ имѣть на меня вліяніе. О, природа! ахъ, природа! охъ, природа! — повторяя я, засунувши руки въ карманы и сентиментально закативъ глаза къ небу. — Вы все дурачитесь. Какъ вамъ не наскучить? — А я все думаю, какъ вамъ не опротивитъ заниматься все серьезными предметами и жевать сальную свѣчку въ убѣжденіи, что этотъ предметъ не принесетъ удовольствія, пока вы съ нимъ коротко не познакомитесь. — Вѣдь вотъ вы всѣ таковы, говорила эта дама, обидѣвшись: вамъ никому не дорого приготовить лишняго полезнаго члена отечеству и новаго добраго человѣка обществу; вы всѣ равнодушно смотрите на старанія, на усилія бѣдной матери, создать изъ ребенка своего что-нибудь умное и хорошее... — Я вамъ говорю, учите всему, все ему открывайте; но оставляйте почаще его душу въ покоѣ, давайте ему то, что онъ передѣлать не можетъ; званіе не передѣлывается; а пониманіе измѣняется. И пусть онъ смотритъ на все, какъ ему удобнѣе; потомъ жизнь научить. А ужъ кого жизнь не научить, того вамъ не научить. Да вѣдь вы этому не повѣрите. — Разумѣется, не повѣрю. Еще бы! вы хотите, чтобы я давала ему зубрить, надѣясь на то, что самъ пойметъ послѣ. — Ну такъ чтожъ? Положимъ, зубрить вещь скверная. Но ни одинъ ребенокъ не будетъ зубрить, если этого ему нарочно не прикажутъ. Только не добавляйте ему слишкомъ и, главное, не *пристращайте* его слишкомъ къ книгамъ, къ ученію, къ тому, что дѣлаютъ взрослые. Да я самъ все зубрилъ, не понимая; а потомъ кое-что осталось изъ всего этого; дико, безобразно, но осталось, и принесло плодъ. Вѣдь вы меня дуракомъ не считаете? — Не всегда.

Вотъ такъ—то шли наши разговоры; а потомъ мы разстались и дѣтъ десять я не встрѣчалъ заботливой матери. Нынче зимою былъ я въ одной семьѣ; привели меня туда первый разъ, никого не знаю: мужчины несутъ чужь объ эмансипаціи женщинъ; женщины толкуютъ о незнакомыхъ для меня людяхъ... Вижу, стоитъ въ уголкѣ, отдѣлившись, одна пара: молодой человѣкъ, офицеръ, спорить съ прехорошенькой дѣвушкой что-то о молитвѣ; — она смѣется; онъ ей пресерьёзно доказываетъ. Я, туда. И не зная, въ чемъ дѣло, и не желая знать этого, противорѣчу нелѣпѣйшимъ образомъ на первое его слово, для того, чтобы вступить въ разговоръ.

— «Позвольте вамъ замѣтить, начинаеть офицеръ, что молитву можно раздѣлить на три разряда: на молитву *механическую*, когда человѣкъ, не понимая что дѣлаеть, и думая о другомъ, повторяеть заученныя имъ слова; на молитву *логическую*, когда человѣкъ понимаетъ значеніе каждаго слова, но когда сердце его не принимаетъ участія въ его молитвѣ, и на молитву *эстетическую*, когда человѣкъ молится всѣмъ сердцемъ, когда все существо его проникнуто этой молитвою. Я не знаю, о какой молитвѣ вы изволите говорить?»

— Я говорю о самой лучшей молитвѣ, сказалъ я, засунувши руки въ карманъ, и изобразивши на лицѣ своемъ такую глупость, что хорошенькая дѣвушка, говорившая съ офицеромъ, поднесла платокъ къ губамъ и поторопилась уйдти, чтобы не расхохотаться; а онъ, невозмутимо-спокоенъ и важенъ, возражалъ мнѣ:

«Значить, вы говорите объ *эстетической* молитвѣ.

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ я, прикидываясь: я говорю о молитвѣ *механической*, какъ самой удобной и неотрывающей насъ отъ разныхъ сладкихъ грѣшныхъ думъ и т. п.

— Я не знаю, замѣтилъ мнѣ офицеръ, какимъ образомъ у образованнаго человѣка могутъ быть подобныя мысли. Мнѣ кажется, вы шутите.

— Я! воскликнулъ я, вытаращивъ глаза: я никогда не шучу.

— Въ такомъ случаѣ позвольте попросить васъ пройти со мною въ ту комнату и сѣсть подлѣ меня у стола: я постараюсь объяснить вамъ, въ какомъ вы находитесь заблужденіи, смотря такъ легко на молитву. Молитва возвышаетъ душу человѣческую, потому что она приближаетъ ее къ Богу; можно, по справедливости, сказать, что человѣкъ есть животное молящееся, ибо остальные животныя не молятся и не имѣютъ никакой религіи, а потому и молитва, составляющая принадлежность души человѣческой, необходима для его полнаго счастья. Вы хотите сходить за папироской? у меня есть... И такъ, какъ я уже замѣтилъ...

Мнѣ пришло въ голову, что онъ меня хочетъ наказать, что онъ

меня мистифируетъ за то, что я нарушилъ его *tête à tête*; мнѣ показалось, что я его обидѣлъ и онъ за то хочетъ потѣшиться надо мною... Я начиналъ даже немножко трусить и припоминалъ тотъ анекдотъ о непрощенномъ провожателѣ съ Невскаго Проспекта, котораго проведенная имъ до дому дама пригласила къ себѣ, и котораго мужъ ея заставилъ выпить три графина теплой воды, поминутно благодаря его за услугу, оказанную женѣ, и покорнѣйше прося при этомъ откушать водицы: «Я не хочу!» говорилъ провожатель. «Все равно-съ, отвѣчалъ хозяинъ: вѣдь и жена моя не хотѣла, чтобы вы провожали ее.» Наконецъ я рѣшился взять откровенностию:

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ я: простите меня; я согласенъ, я былъ неостороженъ; но у меня не было никакого дурнаго намѣренія; мнѣ было скучно, и я хотѣлъ во чтобы то ни стало завести разговоръ.

— Именно по этому я и хочу вамъ объяснить значеніе молитвы; я вижу, что вы добрый человекъ, и что все это происходитъ отъ того, что вы никогда неуглублялись въ этотъ вопросъ...

— Такъ полноте же, оставьте эту мистификацію...

— Почему же вы думаете, что я васъ мистифирую, говоря, что считаю васъ добрымъ человекомъ? Лицо есть зеркало души: у васъ лицо доброе. Всѣ человѣческія лица можно раздѣлять на три категоріи: лица, выражающія душу — ихъ можно назвать *лицами типическими*; лица, не выражающія души — *обыкновенныя* лица, и лица, ничего не выражающія — *глупыя* лица. Ваше лицо...

— Это очень новое и остроумное замѣчаніе.

— Я много думалъ. Мнѣ ни одна вещь не можетъ понравиться до тѣхъ поръ, пока я не убѣдюсь, что она *должна* нравиться. У меня была мать... она жива и теперь, и если я вамъ сказалъ: «у меня *была* мать», то это потому, что я думалъ о своемъ дѣтствѣ, которому она посвятила *всю жизнь* свою, и это я вамъ говорю потому, что по справедливости можно назвать *всєю жизнью* вѣскольکو лѣтъ, въ которыя человекъ отдается какому нибудь предмету, не жалѣя своего здоровья. Вообще, матерей можно раздѣлить на три разряда...

— Извините, меня что-то тошнитъ. Это со мной бываетъ; это бываетъ со многими...

— Это происходитъ, какъ я замѣтилъ, отъ трехъ причинъ...

Но я уже не слушалъ. Я бѣжалъ, закрывъ платкомъ ротъ, въ кухню, гдѣ хозяйка заботилась объ ужинѣ, цѣли моихъ желаній на всѣхъ вечерахъ и собраніяхъ. Я бѣжалъ въ кухню для того, чтобы

избавиться отъ моего проповѣдника и спросить у хозяйки, не есть ли это Мишель, сынъ моей старой знакомой.

И это былъ онъ!

Мнѣ стало жаль бѣдную женщину; и увѣряю васъ, я никогда не открылъ бы никому ея грустной тайны, если бы раньше меня не угодно было самой судьбѣ начертить карикатуру этой доброй, трепещущей души въ журналъ для наставниковъ, родителей и всѣхъ желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, журналъ, выходящемъ два раза въ мѣсяцъ, подъ скромнымъ названіемъ «Учитель».

Я пишу эту статью противъ судьбы, имѣющей печальную храбрость карикатурить собственное свое произведеніе, эту добрую мать, эту несчастную мать, безъ того уже наказанную уродливостью плода своего воспитанія, хотя можетъ быть не сознающую своей печальной ошибки.

Но во всякомъ случаѣ между журналомъ «Учитель» и этою матерью нѣтъ ничего общаго, хотя онъ и хлопочетъ такъ же точно, какъ эта мать о воспитаніи дѣтей, и хотя отъ его воспитанія должны неминуемо выйти Мишеля. Вѣдь эта мать дѣлала глупости прямо отъ теплоты сердечной, прямо отъ торопливой горячности, вила на глазахъ своихъ сына любимаго мужа; она была простосердечнѣйшимъ Донъ-Кихотомъ въ юбкѣ, со всѣмъ прекраснымъ, что только заключалось въ душѣ этого простодушнаго гидалыго, и со всѣмъ комичнымъ, что только заключалось въ судьбѣ его. Она торопилась, но не хитрила; она желала, но не выдумывала. Наконецъ она самими обстоятельствами, самую природою была вызвана быть воспитательницею своего сына, а не вызывалась, говоря: «Пустите меня: я все знаю, а вы всѣ въ заблужденіи»; а потому громовыя слова Евангелія: «Кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ» — къ ней не будутъ примѣнены въ день суда. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится нашъ «Учитель»: его никто не заставлялъ, его ничто не вызывало: онъ самъ вышелъ, и вышелъ прямо съ убѣжденіями этой бѣдной матери и со взглядами ея несчастнаго сына, перешедшими къ сему послѣднему, вѣроятно, тоже отъ его родительницы. И онъ хочетъ, чтобы всѣ поступали такъ, а не иначе. Но сколько смѣшнаго добродушія, сколько чистосердечнаго донъ-кихотства встрѣчается также точно на его страницахъ! Напримѣръ можно ли безъ улыбки читать слѣдующее его воззваніе къ родителямъ:

«Родители! слѣдили ли вы за тѣмъ, что совершалось въ послѣдніе годы, передъ глазами вашими, что совершается теперь? Усмотрѣли ли вы во всѣхъ современныхъ отечественныхъ событіяхъ проявленіе

новаго начала — начала свободнаго развитія сознательной дѣятельности каждаго человѣка, къ которой мы должны отнынѣ готовить дѣтей своихъ, *потому что они прежде всего люди?* Если вы повалили это новое жизненное начало, то вы должны радоваться и торжествовать: оно требуетъ довѣрія къ собственнымъ природнымъ силамъ человѣка, и требуетъ полнаго свободнаго развитія ихъ; оно ставитъ человѣка на ноги, предоставляетъ ему самому избирать себѣ занятія, быть полнымъ хозяиномъ будущей судьбы своей. Родители! это начало требуетъ, чтобы вы воспитывали дѣтей своихъ не такъ, какъ васъ воспитывали, предназначая заранѣе къ одной извѣстной дѣятельности. Внемлите же гласу времени; *старайтесь постоянно развивать самихъ себя, самоусовершенствоваться, ясно сознавать потребности современной жизни; откажитесь отъ закоснѣлыхъ предрассудковъ минувшаго, сбросьте ихъ съ себя, да не перейдутъ грѣхи ваши, на дѣтей вашихъ! Не приготавливайте ихъ ни къ какой заранѣе вами назначенной дѣятельности, а доставляйте имъ общее образованіе, развивайте всѣ духовныя и тѣлесныя силы и способности ихъ, до тѣхъ поръ пока дѣти ваши сами не будутъ въ состояніи сознательно избрать себѣ то дѣло, къ которому они чувствуютъ себя способными. Воспитывая дѣтей своихъ, не руководитесь никакими честолюбивыми замыслами, никакими планами, заранѣе на нихъ составленными. Пусть они сами продолжатъ себѣ въ жизни дорогу, и своимъ честнымъ и полезнымъ трудомъ, а не случаемъ и не покровительствомъ другихъ людей.*

Воззваніе прекрасное: что ни слово, то правда. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но случилось ли вамъ замѣчать, что иногда самая честная истина бываетъ смѣшна; и, выписывая это, я вижу того, кто говоритъ это: онъ сидитъ на тощей и безобидной флегмѣ-лошади, щиплющей подъ ногами траву; въ рукахъ его длинное копьё и желѣзный щитъ; честныя, исхудалыя ноги его, никогда не ходившія задними путями, чуть не касаются земли, и спокойное, важно-довѣрчивое лицо говоритъ ясно, что оно не знакомо ни съ какими окольными, задними дорогами, и потому не знаетъ, какъ можно не послѣдовать такому доброму совѣту, когда онъ, кажется, совершенно ясенъ и простъ. А толпа слушаетъ и смѣется, потому что она знакома съ окольными дорогами, и видитъ, что этотъ добрый человѣкъ именно потому смѣшонъ, что добръ очень, и не годится въ ея «Учителю».

И дѣло вѣдь въ томъ, что онъ, не зная другихъ, и самъ себя не знаетъ. Ну возможное ли, напримѣръ, дѣло, чтобы онъ при безконечной добротѣ своей, бросилъ своего сына, сказавши ему: *Иди и заслуживай, чего стоишь!* Я такъ и вижу подобнаго господина, проповѣдывающаго волобыля правила, и только что кончившаго объ этомъ статью, стоящимъ со своимъ простодушнымъ сыномъ передъ директоромъ гимназій, и слышу между ними слѣдующій разговоръ:

— Помилуйте, чего вы хотите! — Въ третій классъ, когда вашъ сынъ не готовъ и для перваго!

— Да ужъ мнѣ очень не хочется, чтобы два-то года онъ потерялъ. Лѣта-то его ужъ такія, что ему надо въ третій.

— Но если онъ не готовъ!

— Догонитъ-съ! Я слѣдить буду — догонитъ-съ! У него способности куча! Приспособный мальчишка: стоитъ только при-сѣсть ему...

— Что-жъ вы его не засадили давно ужъ?

— Сидѣлъ-съ! Ей Богу, сидѣлъ! И все зналъ... Богъ его знаетъ, какъ это онъ оплошалъ сегодня. — Такъ ужъ посадите его въ третій классъ! Сдѣлайте божескую милость! матери-то его опечалить не хочется.

Я знавалъ такихъ людей; и клянусь вамъ, я никогда не могъ понять, какъ это директоры могутъ иногда устоять противъ ихъ добродушнаго отчаянія и противъ ихъ слезливой улыбки. — Практика, должно быть, помогаетъ: много такихъ приходится. И для тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, ей Богу, я посадилъ бы ихъ дѣтей хоть пожалуй самими директорами гимназіи. Какъ устоять противъ такого искушенія, особенно намъ, русскимъ, такъ либерально смотрящимъ на всѣ вещи міра сего, на все, перелъ чѣмъ нѣмецъ снимаетъ шляпу и вытягиваетъ руки по швамъ. Мы передъ другимъ за то тянемся.

Но «Учитель» ничего этого не принимаетъ въ соображеніе, и съ неискушенною опытомъ жизни дѣвственностью обращается къ намъ то съ тѣмъ, то съ другимъ наивнымъ совѣтомъ, и мы, развращенные, прошедшіе огонь и воду, слушаемъ его, и, любя его, помираемъ со смѣху.

Выдумалъ онъ представить *практическое руководство для воспитанія дѣтей въ первые годы ихъ жизни*, въ видѣ повѣсти, и оговорился, и насмѣшилъ оговоркою. Вотъ она:

Дитя въ первые годы жизни. — Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что авторъ, излагая мысли лучшихъ педагоговъ и врачей о первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ видѣ *разказа*, имѣетъ главною цѣлью представить *практическое руководство для родителей*, а отнюдь не *повѣсть*. Форма изложенія тутъ вещь второстепенная, и потому не можетъ подлежать строгой критикѣ; избрана же эта форма авторомъ только какъ наиболѣе наглядная и интересная для читателей. Къ тому же она даетъ ему возможность, какъ бы на самой практикѣ, показать, какія обязанности вѣняются родителямъ относительно дѣтей, а врачу относительно пациентовъ своихъ, и какую роль долженъ играть учитель въ школѣ. *Ред.*

Тутъ встрѣчается и характеристика въ родѣ слѣдующей :

• Прежде всего скажемъ, что нашъ докторъ понималъ призваніе врача, такъ какъ понимаютъ его *очень и очень* не многіе. Не смотря на многочисленное семейство и ограниченныя средства, Ковалевъ стремился къ тому, чтобы въ городѣ было по возможности менѣе больныхъ. Онъ любилъ не лечить, а предупреждать всякую болѣзнь, т. е. иначе сказать — самъ у себя отбивалъ хлѣбъ. Одному напр. посоветуетъ вести болѣе воздержную жизнь, другому заняться купаньемъ, третьему оставить сырую квартиру, четвертому уменьшить занятія. Послѣ подобнаго совѣта благородный Ковалевъ всегда прибавлялъ : • да сохранить васъ Богъ отъ необходимости прибѣгать къ моей помощи. Теперь вы здоровы, но скоро, если не обратите вниманія на мои слова, захвораете. • Степанъ Аванасьичъ твердо стоялъ за ту мысль, что физическое воспитаніе обуславливаетъ счастье и благополучіе всей жизни. Онъ вѣрилъ, что болѣе здоровое и сильное поколѣніе будетъ и болѣе дѣятельно, и болѣе счастливо; вѣрилъ, что такое поколѣніе будетъ и болѣе нравственно. Нашъ почтенный докторъ до такой степени увлеклся своею теоріею, что готовъ былъ наговорить самыхъ оскорбительныхъ вещей тѣмъ, которые не хотѣли вникнуть во все великое значеніе его воззрѣній на воспитаніе. И дѣйствительно, не разъ онъ наживалъ непріятности изъ за своихъ рѣзкихъ замѣчаній.

Молодой Немировъ (главное лицо повѣсти, у котораго жена забеременела. — Я думаю, это слово кажется ужасно циничнымъ и грубымъ среди моихъ вышисокъ) пошелъ къ Ковалеву въ полной надеждѣ получить самыя рациональныя указанія. Онъ также очень хорошо зналъ, что докторъ Ковалевъ любитъ не лечить, а предупреждать болѣзни.

Степанъ Аванасьичъ принялъ извѣстіе Александра Ивановича съ живымъ сочувствіемъ къ положенію его жены и сказалъ : • ва дняхъ побываю у васъ на часокъ, а между тѣмъ передайте Аннѣ Петровнѣ мой совѣтъ : не измѣнять вовсе обычнаго образа жизни; женщина, привыкшая вести жизнь умѣренную и дѣятельную, можетъ безъ всякаго опасенія продолжать эту жизнь и въ *счастливымъ* положеніи. О подробностяхъ послѣ •.

Спустя два-три дня нашъ докторъ вечеромъ былъ у Немировыхъ. Лицо Анны Петровны вспыхнуло яркой краской при появленіи Степана Аванасьича; но Ковалевъ поздравилъ ее такъ просто, такъ естественно и вѣстѣ съ тѣмъ такъ отъ души, что молодая Немирова немедленно оправилась отъ своего волненія. •

Жаль остановить эту выписку. Я выписываю, а передо мной мелькаютъ картины : я слышу скрипъ дверей, слышу скрипъ той, знакомой намъ, русскимъ, двери, которая выходила въ сѣни и издавала странный, дребезжащій и стонущій звукъ, въ которомъ, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось : «Батюшки, я забну!» — Я вижу деревенскій балконъ, обращенный въ садъ,

въ то время, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ и стекая журчащими ручьями... Радуга крадется изъ-за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ на небѣ... Поваръ пошелъ въ бурьянъ... Гоголь глядитъ на все это и видитъ низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ... За нимъ душистая черемуха и развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ... И опять балконъ, и на немъ Аѳанасій Ивановичъ, задумавшій, увлекшись всеобщимъ движеніемъ, приносить пользу, и пишущій нравоучительную повѣсть съ докторомъ Ковалевымъ и учителемъ Навзоринымъ, и я читаю изъ-за руки этого добраго старика выходящія изъ подъ пера его строки :

• Меня душевно радуетъ мысль, продолжалъ Ковалевъ, садясь на диванъ возлѣ Анны Петровны, — меня радуетъ мысль, что вы смотрите на предстоящее вамъ великое дѣло такъ, какъ должна смотрѣть на него разумная мать. Вы не забываете, что дадите жизнь человѣку, который потребуетъ отъ васъ и жизни духовной. Безъ всякаго сомнѣнія вамъ будетъ не легко выполнить эту задачу; безъ совѣтовъ и руководителя въ подобномъ дѣлѣ можно надѣлать множество неисправимыхъ ошибокъ. Я, съ моей стороны, готовъ вамъ помогать и словомъ и дѣломъ, сколько могу; но однихъ совѣтовъ врача вамъ недостаточно; вамъ нужно будетъ руководство и опытнаго воспитателя. Къ великому счастью въ нашемъ городѣ живетъ истинный педагогъ, другъ человѣчества, воспитавшій не одно поколѣніе. Я говорю про Василія Григорьевича Навзорина. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую чистую и любящую душу. Вотъ къ кому обратитесь со временемъ, когда явится необходимость воспитать духовно ваше дитя. У Навзорина богатая бібліотека по отдѣлу педагогическому. Онъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ согласится быть вамъ полезнымъ и своимъ собраніемъ книгъ, и своими совѣтами.

Гляжу я на все это изъ-за плеча Аѳанасія Ивановича и говорю ему :

— Аѳанасій Ивановичъ !.. Аѳанасій Ивановичъ !..

— Ну, чего тебѣ ?

— Да вѣдь она только что забеременила...

— Какія ты слова говоришь !..

— Какъ же по вашему ?

— А ты гляди, какъ я сказалъ... Аѳанасій Ивановичъ, съ гордостью автора, перелистываетъ свою рукопись и, указывая пальцемъ, говоритъ мнѣ, чуть-чуть ко мнѣ оборачиваясь. Смотри, какъ я сказалъ !

И я наклоняясь, читаю : «Въ счастливомъ положеніи».

— Ну, хорошо. Такъ вѣдь она у васъ только что недавно въ счастливомъ положеніи.

— Да!

— Такъ что же это они у васъ такъ торонятся? И за докторомъ и за учителемъ!

— Такъ ужъ нужно, значить, когда я такъ написалъ.

— Что же? вы такъ вѣрите своему вдохновенію?

— А еще бы!

— Да вѣдь нельзя, Аѳанасій Ивановичъ!..

— Поди прочь, не мѣшай! Ступай вонъ къ Пульхеріи Ивановнѣ: она тебѣ сосульку дастъ; а меня оставь... И никогда ты у меня за плечемъ не стой!..

А ужъ Пульхерія Ивановна манитъ меня и головою качаетъ: Что вы это къ старику пристали! не видите развѣ — дурить! Оставьте его, благо занятіе нашолъ себѣ; пусть себѣ пишетъ. А будетъ читать, такъ мы съ вами хвалить будемъ.

Но вотъ Аѳанасій Ивановичъ отлучился со своего мѣста, а я открываю страничку назадъ:

«Разъ какъ-то осенью, когда Немирова не было дома, Анна Петровна ходила по комнатѣ въ видимомъ волненіи; казалось, ее тяготила какая-то тревожная мысль... черезъ двѣ минуты явился Александръ Ивановичъ... Анна Петровна въ этотъ вечеръ была особенно нѣжна съ своимъ мужемъ.

«Отчего у тебя такъ горитъ лицо сегодня?» спросилъ Александръ Ивановичъ, наливая себѣ стаканъ чаю; «право, ты прехорошенькая. Посмотри на себя въ зеркало: какія у тебя чудныя алыя щечки».

Анна Петровна вспыхнула еще болѣе, поставила на столъ чашку, наклонилась къ самому уху мужа и что-то сказала ему. Лицо Немирова просіяло радостію.

«А вѣдь сынъ, непремѣнно сынъ — и Петръ!»

Но Аѳанасій Ивановичъ сдѣлалъ свое дѣло и возвращается... Я спѣшу дать тигу съ балкона и скрыться въ саду, между зеленыхъ вѣтвей, и хожу тамъ, и разсуждаю: «Какъ жаль, что не было дѣтей у этого добраго старика: будь у него дѣти, онъ не сталъ бы писать теперь; хотя чтожъ? отчегожъ? онъ совсѣмъ не смѣшонъ въ этомъ комическомъ препровожденіи времени».

Но вы, можете быть, желаете знать, какъ острить, какъ казнить Аѳанасій Ивановичъ?—я сейчасъ вамъ выпишу нѣсколько строкъ изъ той же статьи, напечатанной въ журналѣ «Учитель». Стр. 21.

Только что Ковалевъ произнесъ послѣднія слова, какъ въ комнату вошла Авдотья Васильевна Яблочкина, вдова, старинная знакомая семейству Кротовыхъ.

.. Поздравляю тебя, Аюта, поздравляю; начала она скороговоркой, обращалась къ хозяйкѣ дома, а я все слышала отъ мамаша. Только, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, бросивъ мскоса взглядъ на Ковалева, — только я, на твою дѣсть, не стала бы совѣтоваться съ мужчинами. Ты такъ хорошо воспитана, что если твои дѣти будутъ похожи въ этомъ отношеніи на тебя, то лучшаго ничего не остается желать. Твоя маменька будетъ тебѣ самой лучшей руководительницей въ этомъ случаѣ.

Тутъ вмѣшивается въ разговоръ Ковалевъ. Рѣчь заходитъ о мужчинахъ и женщинахъ. Докторъ отстаиваетъ превосходство мужчины, и говоритъ между прочимъ :

• Не хотите ли знать, какую роль мужчины играли въ дѣлѣ воспитанія малолѣтнихъ дѣтей? Такъ *однимъ* философъ поставилъ женщинъ въ священную обязанность кормить самой своихъ дѣтей; *однимъ* медикъ обратилъ вниманіе матери на вредныя послѣдствія для дѣтей теплой одежды, на долю *одного* мужчины послалъ Богъ великое счастье спасти дѣтей отъ страшной язвы — отъ оспы; наконецъ *мужчинами* изслѣдовали пишу дѣтей самымъ многостороннимъ образомъ, и теперь каждая мать совершенно покойно можетъ давать дѣтямъ въ пищу одно и не давать другаго, вреднаго для нихъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ смертность дѣтей въ Европѣ значительно уменьшилась и, безъ сомнѣнія, уменьшится еще болѣе, когда всѣ женщины, подобно Аннѣ Петровнѣ, будутъ брать въ соображенія челоѣколюбивыя и разумныя совѣты мужчинъ.

Докторъ говорилъ съ увлеченіемъ. Трудно было спорить съ нимъ; но наша Авдотья Васильевна, барыня стойкая, что заладить, такъ не скоро вышибешь изъ головы.

Но не всегда при чтеніи журнала «Учитель» припоминаешь добраго Аѳанасья Иваныча; иногда картины смѣняются; такъ когда я прочла слѣдующія строки :

«Чтеніе бываетъ не только *механическое*, но и *логическое* и *эстетическое* — я вспомнилъ совсѣмъ другое, и читатель мой уже знаетъ, кого я именно вспомнилъ. Вообще же у журнала «Учитель» всего ярче замѣчаются три сотрудника: знаменитый Донъ-Кихотъ Ламанскій, всѣми уважаемый Аѳанасій Иванычъ Товстогубъ и нашъ новый знакомый Мишель, полнаго имени котораго разоблачить я не получилъ еще права. Всему міру извѣстны однако же ихъ педагогическія способности, и мы, какъ только узнали по нѣсколькимъ статьямъ этихъ знаменитыхъ людей, участвующихъ въ «Учителѣ», такъ тотчасъ перестали читать сей добродушный старосвѣтскій журналъ, рѣшившись, на основаніи этихъ авторитетовъ, зажури глаза рекомендовать его публикѣ.

И мы рекомендуемъ этотъ журналъ, и боймся только, что къ

г. Мишель публика не имѣетъ еще достаточнаго довѣрія, какъ какъ онъ все же человекъ новый. Но отъ нового человека можно вѣрней ждать новыхъ. Мысли Дюгъ-Кихота Ламанченара и характеръ его извѣстны каждому; никто не сомнѣвается въ благонамѣренности направленія Аванасія Ивановича Товстогуба; но г. Мишель долженъ еще зарекомендовать себя. Вотъ образцы его произведеній:

• Вообще при обученіи всякому предмету, имѣющему безъ характера искусства, нежели науки, какъ наиримѣръ языкъ, можно различать три періода: первый, когда практика должна рѣшительно преобладать надъ теоріей, и послѣдняя можетъ явиться только въ видѣ отдѣльныхъ правилъ, уясняющихъ и облегчающихъ практическую дѣятельность (практическое обученіе); второй, когда практика и теорія должны идти рука объ руку, получить одинаковыя права (практически-теоретическое обученіе), и третій, когда теорія можетъ преобладать надъ практикою (теоретическое обученіе). Первое обученіе приличествуетъ, наиримѣръ, народному училищу, второе — гимназій (въ 4-хъ высшихъ классахъ) а третье — университету.

Я здѣсь намѣренъ говорить только о первомъ, и именно о преподаваніи русскаго языка грамотнымъ уже ученикамъ, предполагая разсматрѣть преподаваніе этого предмета неграмотнымъ въ особой статьѣ.

Обучать языку прежде всего значить научить ученика *аллошъ дмъ*, т. е. во первыхъ: правильно и ясно выражать мысли свои, какъ устно, такъ и письменно о всемъ, что онъ видѣлъ, чувствовалъ и желалъ, и во вторыхъ: понимать все то, что говорится и пишется другими, настолько, разумеется, насколько сообщаемыя мысли вообще доступны ученику по всей степени его развитія.

Все это прекрасно, только на оборотъ, т. е. прежде нужно другихъ понимать, а потомъ уже объяснять другимъ свои мысли. Но, дайте:

• Этой цѣли можно достигнуть безъ всякой грамматики; безъ всякой вообще систематической теоріи — одними практическими упражненіями.

Какія же эти упражненія, и откуда взять матеріалъ для нихъ?

Матеріалъ для практическихъ упражненій находится въ *чтеніи* для *чтенія*, а самыя упражненія можно обозначить двумя словами — *чтеніи* и *письмо*.

Подумайте, скажутъ мнѣ, стоило ли тратить столько словъ, для того, чтобы наконецъ предложить опять тѣ же упражненія, давно намъ извѣстныя, давно намъ употребляемыя и по вашему же мнѣнію, ни къ чему не ведущія!

Да; такъ, какъ понимаютъ и преподаютъ чтеніе и письмо болѣею частью у насъ, упражненія эти дѣйствительно ни къ чему не ведутъ, или, вѣрнѣе сказать, ведутъ только къ машинному произношенію и изображенію членораздѣльица *важнотъ* (а во смѣху составляетъ притязаніе авторитета г. Мишеля; но мнѣ кажется, что главная задача чте-

никогда не читать машинально; иначе всю жизнь придется читать по оглавлению. И правильно писать нужно научиться, именно машинально, чтобы сама рука писала без ошибок, иначе никогда правильно писать не будетъ. Также точно нужно научиться всегда хорошо и честно поступать машинально, т. е. въ силу привычки, а не въ силу соображенія. Думать во время дѣйствія поздно: нужно думать раньше. Всѣ искусства состоятъ въ этомъ, и только при такомъ навѣкѣ возможны самоуверенность и спокойствіе, которыя сдѣлаютъ возможнымъ и развѣтленіе въ рѣшительныя минуты. Но, виноваты, я увлекся; веду только къ машинальному произношенію и изображенію членораздѣльныхъ звуковъ, имѣя цѣлю равнѣ только приготовить ученика, къ зубренію учебниковъ и учительскихъ записокъ. Но я понимаю упрямъ: неси, это немного иначе.

Чтеніе бываетъ не только *механическое*, но и *логическое* и *запечатлѣнное*, или другими словами: *читать* значитъ не только произнести, связно и бѣгдо слова, изображая видимыми знаками, но и понимать читаемое, мыслить о читаемомъ и *выражать чувствія мысли такъ, какъ бы свои собственныя*, (это мы подчеркиваемъ), чтобы посторонній не только могъ понимать все, но и слушать съ удовольствіемъ.

Чтобы овладѣть механизмомъ чтенія, ученикъ долженъ читать много, но не многое, т. е. примѣрно сказать, пять строкъ десять разъ, а не пятьдесятъ строкъ одинъ разъ, или (въ классѣ) всѣмъ ученикамъ одно и тоже, а не каждому новое.

Я занимался въ воскресной школѣ и пробовалъ этотъ опытъ: «Корова щиплетъ траву». Прочли. Читаемъ второй разъ; я показываю пальцемъ: «корова», «щиплетъ»; а второй разъ указываю «щиплетъ», а ученикъ мой читаетъ «траву». Запомнить пять строкъ, не понимая ихъ смысла, ничего не значить; ученикъ и запомнить, и умиль тогда Богъ знаетъ, чему онъ научится, повторяя все оди и тѣ же строки. Когда я учился французскому языку, я тоже слѣдовала той методѣ: она наглядно очень вѣрна; но только я все ничему не выучивалась: выдумришь весь отрывокъ, да кромя него ничего не знаешь. «Нте вы дѣлаете! сказалъ мнѣ одинъ добрый человекъ: — а такъ вы никогда не научитесь. Возьмите просто на просто романтъ, да и читайте: гдѣ омысли не понимаете, тамъ съ лексикономъ; гдѣ смыслъ понятенъ, хода и слова не знаешь — безъ лексикона только больше читайте. И не увидите, какъ выучитесь.» Такъ и случилось; я говорить не научилась все-таки. Нужна была практика; вполонѣ три мѣсяца въ практикѣ было довольно для того, чтобы научиться съ привычкою наполнять разумъ, не все-таки научить, а выражать свои мысли въ разговорѣ, довольно было. Опытъ, наведеніи нужны для того, чтобы сказать что нибудь о воспитаніи. Въ видѣ разсужденія бываютъ, какъ чтеніе — машинальныя. Можно

несговорить съ три-короба, не имѣя на одной вздорной мысли за душою; и начать приучать ребенка во все выкивать, противъ боли, и думать, это значитъ, сдѣлать изъ него резонера и фразера. Я видѣлъ одинъ такой страшный примѣръ въ мальчикѣ изъ простолюдиновъ. Это былъ восьмилѣтній сынъ дворника на дачѣ, гдѣ я жилъ. У него мать была какая-то полуграмотная, но помѣшанная на томъ, что она образованная, и желавшая непременно сына своего сдѣлать ученымъ. Приучила она его о всемъ разсуждать, и дачные жители потѣшались надъ бѣднымъ мальчишкой, вступая съ нимъ въ разговоры. И часто среди разговоровъ Сергуня бросался въ сторону, крича: «Фортуна! фортуна!» И потомъ прибавлялъ: «И это бабочку называю фортуною, потому что она счастье». Гдѣ онъ набиралъ такихъ словъ, я не знаю; но по всей вѣроятности выкивалъ въ ихъ значеніе. Что они теперь, я не знаю тоже. Но я видѣлъ его, когда ему было лѣтъ уже пятнадцать: онъ тогда все еще называлъ фортуною бабочку, сочинялъ какіе-то стихи и говорилъ, какъ юродивый. Что изъ этого слѣдуетъ, я тоже не знаю, но я могъ бы привести множество такихъ примѣровъ и могу, между прочимъ, назвать одинъ механическій способъ пробужденія ранней мысли. Это то гимнастическое упражненіе, о которомъ написалъ дѣлос сочиненіе Тиссо. Всѣ дѣти, страдающіе этой болѣзью, страдаютъ и преждевременнымъ развитіемъ мысли. Потомъ мысль ихъ надсажается, какъ надсажаются и нервы, и выходитъ несчастіе. Но тутъ мысль пробуждается всесторонне. Тогда какъ при перечитываніи пяти строкъ по десяти разъ мысль неминуемо должна получить одностороннее направленіе, должна утннуться въ уголъ носомъ и образовывать изъ русскаго человѣка, отличающагося именно большою всесторонностію, какого-то нѣмецкаго думмеръ-юнга, дальше своего носа ничего не видящаго и дальнѣе своего я ничего не понимающаго.

Также все, что говорится въ журналѣ «Учитель» о народной школьцѣ кажется намъ совершенно неудобопримѣнимымъ на нашей русской почвѣ. Но мнѣнію журнала «Учитель», нужно прежде всего познакомить учениковъ съ предметами, ежеминутно имъ видимыми, да на этомъ, пожалуй, и кончить. Какъ такъ? Это, чтобы мужикъ, нашъ добрый, любопытный мужикъ, удовольствовался какими-то жалкими изверженіями нашихъ познаній? Мнѣ кажется, ему прежде всего нужно разсказать о томъ, чего онъ не видалъ никогда: это пробудитъ его фантазію, а фантазія пробудитъ и познаніе всего того, что онъ видитъ. Всякое короткое знакомство съ предметомъ убиваетъ фантазію, дѣлаетъ ее невозможною. Изъ-за чего же мы убьемъ человѣческую фантазію какою-нибудь чумичкою или какими-нибудь омухами? Намъ хорошо коротко ознакомиться съ пред-

метами; но сколько и въ насъ, понаучившись кое-чему, думаемъ, что они уже все узнали, не смотря на то, что можно бы, кажется, догадаться, сколько есть неизнаннаго, темнаго; — да столько, я думаю, ничего почти еще не знаемъ близко-то очев.

Самое важное, научить человека блуждать ужомъ за горами, за долами; а потомъ уже объяснить ему, что и подъ пономь у жеро происходятъ вещи довольно любопытныя. Ужъ тогда что-нибудь не задереть носа привацнымъ колонистомъ, а но скажетъ, что они прѣѣхалъ учить варваровъ; прѣѣхавши съѣсть картофель въ какое-то комое мѣсто.

Но, въ журналѣ «Учитель» замѣтно необычайное стремленіе приблизить російскій народъ къ нѣмецкому началу; онъ для этого на послѣднихъ своихъ страничкахъ не лѣнится даже рисовать цѣлые ряды плять, удочекъ, уточекъ, кувшинчиковъ, въ разномъ количествѣ; для нагляднаго обученія ариметикѣ, и Богъ знаетъ на какія хитрости поднимается онъ для развитія въ дѣтяхъ мысли. (А штука самая простая: дѣти, растуція между взрослыми, развиваются раньше и быстрее, потому что, какъ бы ни были глупы эти взрослые, ребенку безпреставно приходится слышать вещи непонятныя, и маленькая его мысль возбуждается къ дѣятельности; дѣти, удаляемыя отъ взрослыхъ, выходятъ всегда мало развитыя, за немногими исключеніями, да и тамъ, обыкновенно, кушать имѣетъ на нихъ вліяніе и возбуждаетъ ихъ любопытство. И ужъ тутъ, рѣшительно; и дешево и мило, потому что ребенокъ все-таки не можетъ зайти дальше самого себя, и всегда возьметъ то, что ему удобопонятнѣе; а мысль не дремлетъ. И развитіе происходитъ многостороннее. И отъ родителей развѣ только можно еще потребовать, чтобы они не запрещали ребенку обращаться къ нимъ съ вопросами. Даже на самые эти вопросы отвѣчать всегда логично нѣтъ надобности: какъ удобнѣе, такъ и отвѣтилъ. Пускай ребенокъ самъ ищетъ отвѣтовъ на свои вопросы въ самихъ дальнѣйшихъ разговорахъ большихъ; это приучитъ его и ко вниманію и къ соображенію, и искусственно ничего лучше этого не сдѣлаешь. Я рекомендую перечестъ мемуары всѣхъ великихъ людей, и я увѣренъ (я всѣхъ не перечелъ), что тамъ, въ большей части случаевъ, встрѣтится это воспитаніе. Мнѣ кажется, этимъ только можно объяснить чрезвычайное развитіе, не въ примѣръ силнѣе нашего, въ деревенскихъ ребятишкахъ. А потомъ съ лѣтами это развитіе у нихъ гложеть, потому что дальше идти нельзя: ничего не слышать болѣе серьезнаго — все одно и тоже.

Мы отъ журнала «Учитель» именно и ожидали этого. Мы ожидали отъ него прежде всего мемуаровъ, серьезныхъ, чест-

накъ, безъ блестятъ: ись даровитѣйшіе люди прииди бы тогда въ атомъ участіе. А сколько готовыхъ, статей изъ иностранныхъ литературъ: каждый гений, каждый талантъ оставилъ кое-что о дѣтствѣ своемъ; а политическіе люди, а вдохновенные романы и повѣсти? Неужели гг. Паульсонъ и Вессель думаютъ, что въ ихъ правоучительныхъ повѣстахъ больше смысла и важности, нежели напр. въ исповѣди Жанъ-Жака Руссо, въ разсказахъ Гейне о своемъ дѣтствѣ, въ серьезныхъ уголовныхъ процессахъ, гдѣ всегда добиваются адвокаты и судьи до дѣтства, ища въ немъ обвиненія или оправданія подсудимому? Но какой-то школьный духъ царить у васъ во всемъ, и никому въ голову

Серьезныхъ мыслей не приходитъ.

Все является какимъ-то слабымъ, доморожденнымъ, такъ что читаешь и смѣешься, а потомъ грустно дѣлается. Дѣти какія-то, толкуютъ обо всемъ: все хитрятъ, въ свои силы не вѣря, боятся насмѣшки, не вѣря въ публику, думая, что ее все-таки поднадутъ надо; что она не пойметъ хорошаго; что для нея лучше похуже.

Да и сами-то себя надуваютъ. Каждый журналъ начинаетъ съ объявленія, «что въ публикѣ-де чувствуется потребность и т. д. или такъ называемый пробѣлъ». Оставьте вы публику въ покоѣ. Публика прежде всего чувствуетъ потребность въ томъ, чтобы ей служили только чувствующие въ себя потребность служить ей; а потомъ, чтобы каждый служилъ ей именно тѣмъ дѣломъ, служба которому составляетъ также точно неминуемую потребность собственной души его; другими словами: для службы публикѣ требуется кое-что еще, кромѣ усердія.

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Положеніе наблюдателя, окруженнаго современными вопросами. — Вопросы, открытые и закрытые, и одинъ вопросъ лишній. — Сила быстрой наблюдательности, уносящая за предѣлы времени. — Щекотливый вопросъ: о жалованьѣ предводителямъ дворянства и о томъ, гдѣ не требуется безкорыстія. — Назиданіе молодымъ судебнымъ слѣдователямъ. — Вліяніе полицейскихъ арестовъ на производительныя силы Россіи. — Вопросъ объ уѣздныхъ стражчихъ. — Умиротворяющее дѣйствіе словесныхъ судовъ. — Вопросъ о мѣщанахъ. — *Самородки и самоучки*. — Новыя явленія въ дѣлѣ распространенія грамотности: уменьшеніе числа сотрудниковъ воскресныхъ школъ и неравномѣрность сочувствія къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ; распоряженія для открытія женскихъ училищъ и граждане городовъ Ярославской губерніи. — Два вопроса неудобо-разъяснимые, исшедшіе изъ Ставрополя и Казани. — Еще нѣсколько фактовъ по части распространенія грамотности и образованія. — Нѣчто о «курочкѣ» и «собачкѣ». — Конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія. — Слова два о производительныхъ силахъ. — Вопросы мѣстные. — Вопросъ послѣдній: о хлыстахъ и кулакахъ.

Бываютъ же такія времена, какъ наше настоящее время, уже заслужившее столько восторженныхъ похвалъ, породившее столько жаркихъ восторговъ, вызвавшее столько звучныхъ лирическихъ изліяній, и все-таки томящее и щемящее сердце скромнаго наблюдателя! Потомучто время это все состоитъ изъ вопросовъ; куда ни сунетъ носъ свой наблюдатель, передъ нимъ вопросъ! не находя вѣдугъ на него отвѣта, онъ повертывается въ другую сторону—другой вопросъ! въ третью — третій! И вотъ онъ, какъ очарованный, стоитъ среди вертящихся вкругъ него вопросовъ; у него въ глазахъ рябитъ, и вереница вопросовъ сливается передъ нимъ въ одинъ неопредѣленный вопросъ: что-то Богъ дастъ? За большимъ уже разрѣшеннымъ крестьянскимъ *вопросомъ*, тянутся вопросы: мѣщанскій и купеческій, откупной, финансовый, промышленный, торговый... Робко проходя мимо этихъ крупныхъ и трудныхъ вопро-

совѣ, наблюдатель стремится въ простѣйшія, менѣе сложныя сферы жизни, но и тамъ слышитъ только одни вопросы: съ одной стороны вопрошаютъ о будочникахъ, съ другой о мостовыхъ, здѣсь требуютъ отвѣта о ямщикахъ, тамъ о конокрадахъ и проч... Даже «Указатель экономическій...» Читаете ли вы, читатель, журналъ: «Указатель экономическій?...» Впрочемъ мы не то хотѣли спросить: просматриваете ли вы начальную страницу cadaго № «Указателя», озаглавленную словами: *открытые вопросы*? Видите ли, «Указатель» открылъ у себя особую рубрику для вопросовъ, но преимуществу *открытыхъ*, хотя правду сказать, мы не знаемъ хорошенько, какіе же вопросы называются *закрытыми*? — развѣ не тѣ ли, что закрыты пока въ сердцѣ у человѣка и не дерзнули еще показаться на свѣтъ Божій? Какъ бы то ни было, но вопросы «Указателя» совсѣмъ особаго рода и особаго свойства: на нихъ чрезвычайно легко отвѣчать, и даже у самаго вопрошающаго непременно уже давно готовы на нихъ отвѣты, но онъ не произноситъ ихъ единственно изъ *эгоистичности*... Такъ напримѣръ спрашивается:

«На чемъ основывается инициатива нѣкоторыхъ начальниковъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, представлять отъ себя къ наградамъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ? Не имѣетъ ли здѣсь участія нерѣдко и произволъ, если въ списки *избранныхъ* только, въ этомъ отношеніи, *счастливицевъ*, не включаются и имена другихъ лицъ, вполне достойныхъ и наградъ, и повышеній по службѣ?» (Указ. № 238).

Нѣтъ, воля ваша, а эти вопросы слѣдовало бы назвать по преимуществу наивными!.. «На чемъ основана инициатива!» Да какъ сказать? Различныя бываютъ основанія, весьма различныя, даже крайне разнообразныя. «Не имѣетъ ли здѣсь участія произволъ!..» Ну, можно ли такъ выразиться! Какой тутъ произволъ? Не произволъ, а *благоусмотрѣніе*. Вотъ вамъ и отвѣтъ на первый вопросъ: все зависитъ отъ благоусмотрѣнія... Да по нашему мнѣнію и вопросъ этотъ совсѣмъ лишній и, такъ сказать, несвоевременный. Что имъ хотятъ сказать? Что кого-нибудь обошли наградой? (Большая важность! Вотъ если бы дѣло шло о томъ, что кого-нибудь притеснили такъ, что онъ вискнулъ, — ну, тогда хоть по челоуѣчеству могли бы вы воспросительный-то крючекъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ достоинъ вниманія и въ отношеніи способностей притескиванія, которые нерѣдко бываютъ доведены до высокой степени искусства: напр. притескиваютъ иногда мягко, деликатно, съ наиприятнѣйшей улыбкой на устахъ, такъ что самъ притескиваемый долго улыбается, нисколько не догадываясь, что онъ притеснутъ, и ужъ развѣ тогда догадается и перестанетъ улыбаться, когда

произойдетъ непріятное ощущеніе въ ребрахъ... Вотъ это предметъ по крайней мѣрѣ достойный наблюденія. А то перекоряться изъ-за награды, изъ-за награды, зависящихъ отъ «благоусмотрѣнія!» Нѣтъ, оставимте лучше совершенно въ сторонѣ эти въ мирѣ доживающіе перекоры; подобные вопросы позволительно поднимать только въ такія эпохи, когда на нихъ неурожай, а наше время, какъ мы уже сказали, ими пренебрегаемъ.

Но оставляя въ сторонѣ открытые вопросы «Указателя» и подходя къ другимъ, скромный наблюдатель останавливается, и тутъ-то начинаетъ чувствовать щемленіе сердца: по недостатку всеобъемлемости, онъ не въ состояніи разрѣшить самъ всѣ эти вопросы, не въ состояніи предугадать, когда они положительно и на дѣлѣ разрѣшатся другими, и даже наблюденія полнаго по части всѣхъ ихъ онъ не имѣетъ средствъ сдѣлать. Ему остается только заносить ихъ въ свою лѣтопись и ожидать... Мы ждемъ, плывя по теченію и... какъ бы выяснитъ это положеніе? Представьте себѣ быструю, безконечно-широкую рѣку, легкій туманъ и совершенное безвѣтріе. Неподвижнымъ стекломъ поверхность ея кажется плывущему по срединѣ наблюдателю; ему кажется, что застыла эта поверхность и застылъ съ нею его малый челнокъ; но онъ не поддается обману чувствъ: хотя видимые вокругъ всплески и выскакивающіе пузыри не разсѣваютъ этого обмана, но онъ знаетъ быстроту рѣки, сознаетъ невозможность ея неподвижности и уже вслѣдствіе того вѣрится въ быстрое движеніе всей массы потока, быстро песущаго и его съ челнокомъ. Мы конечно описываемъ, по собственному чувству, положеніе наблюдателя скромнаго, неодареннаго всеобъемлемостью и совѣтъ неумѣющаго *заблгать впередъ событий*. Если бы мы были одарены такими способностями, если бы вѣрили въ высокую степень своей наблюдательности, то можетъ быть стали бы дѣйствовать, чувствовать и разсуждать подобно г. Погдину, какъ самъ онъ рассказываетъ о томъ въ № 79 «Сиб. Вѣд.». Мы бы напр. засѣли недѣли на двѣ дома, безвыходно, а потомъ, выбравъ удобный день, рѣшились бы посвятить его наблюденіямъ, да все бы разомъ и кончили: позавтракали бы въ одномъ кругу, пообедали въ другомъ, написались чаю въ третьемъ, а поужинали въ четвертомъ, и — вотъ у насъ и готово было бы полное и отчетливое понятіе о настоящемъ состояніи общественнаго мнѣнія и о настроеніи умовъ во всѣхъ кругахъ и званіяхъ. За тѣмъ, оквинувъ быстрымъ взоромъ все, что вокругъ насъ, что за нами и передъ нами, мы написали бы:

.. «Не стало между нами никакихъ привилегій, какъ было за тысячу лѣтъ, при основаніи государства! Живи всякъ какъ тебѣ угодно, выбирай дѣло, которое тебѣ по сердцу, и получай слѣдующую за

него награду съюзна, по писанію, «достоинъ дѣлатель мзды своея.» Хочешь пахать землю — ну, ты крестьянинъ; хочешь торговать — записывайся въ гильдію и вступай въ купеческое сословіе; ловокъ ты руками работать — иди на фабрику; любопытство тебя одолеваетъ: тебѣ хочется знать все какъ и что — иди въ училища; университеты, академіи настѣжь растворены; хочешь писать — вотъ тебѣ перо и чернильница...»

Совершенно справедливо!.. Но не знаю почему сейчасъ пришолъ намъ на память Иванъ Иваичъ (другъ Ивана Никифорыча), который, выходя изъ церкви послѣ обѣдни, обыкновенно обходилъ нищую братію, останавливался передъ какой-нибудь самой искалеченной бабой, съ большимъ участіемъ спрашивалъ ее, чего ей хочется, и узнавши, что ей хотѣлось бы хлѣбца, а если милость будетъ, то и мяса, оканчивалъ свою бесѣду съ ней такими словами: «Ну, ступай же съ Богомъ, чего жъ ты стоишь? вѣдь я тебя не бью.»

Душеспасительный обычай Ивана Иваича въ свою очередь напоминаетъ намъ одинъ, недавно слышанный нами случай. Промышленный человѣкъ представилъ одному сильному и вліятельному лицу свой трудъ, развивающій какую-то мысль о льняной или какой-то другой отрасли промышленности, прося «милостиваго вниманія, просвѣщеннаго участія и благосклоннаго содѣйствія.» Вліятельное лицо, получивъ трудъ, приказало своему секретарю отвѣчать, что дескать «благодарятъ за сообщеніе по столь полезному предмету», т. е. другими словами: «ступай съ Богомъ, вѣдь я тебя не бью.»

Да!.. Ну, такъ послушаемте еще немножко г. Погодина; намъ такъ пріятно, такъ *лестно* слушать его!

«Не смотря на головоломныя сочиненія Германія, пишетъ онъ, воротясь домой послѣ полу-суточныхъ наблюденій, не смотря на геніальныя практическія соображенія Англіи, не смотря на пролитую кровь Франція, все-таки не добрались они до настоящаго равенства, и теперь еще французы и нѣмцы ползутъ на стѣну изъ-за *de и von*, а англійскій лордъ причисляетъ простолюдина къ особой породѣ. Нѣтъ слѣдовательно, и не можетъ быть у насъ, по исторіи, зависти, злобы, ненависти между сословіями, вѣтъ также и сословной гордости, и мнѣ столько же легко, даже лестно, почетно признать свое крестьянское происхожденіе, сколько разсіяющему князю не трудно обходиться со мною попріятельски, за панибрата, и полчаса подождать меня въ пріемной комнатѣ. А почитайте-ка вы, какъ герцогу Кумберландскому долженъ былъ кланяться въ поясъ Гиббонъ, слышите кто, Гиббонъ, и какъ геніальный Гёте кичился званіемъ тайнаго совѣтника великаго герцогства Веймарскаго.»

Въ самомъ дѣлѣ, воображаемъ — если бы эти господа Гёте, Гиббонъ и герцогъ Кумберландскій сію минуту воскресли и пріѣхали къ намъ въ Москву, какъ бы имъ вдругъ стало стыдно, особенно если бы еще кто-нибудь подсунулъ имъ № 83 «Московск. Вѣд.», и они прочли бы тамъ протестъ князя Юрія Оболенскаго, изливающаго благородное негодование на «того негоднаго и врызнаго клеветника», который рѣшился распустить «звускую и безсмысленную» молву, будтобы онъ, князь, «въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, за ужипомъ въ трактирѣ Самарина неистово плясалъ, обнимался съ половыми и отказывался отъ того сословія, къ которому принадлежитъ по рожденію...» Хорошо бы также было прослушать имъ разсказъ очевидца о сценѣ, происходившей въ одной изъ московскихъ женскихъ воскресныхъ школъ. А разсказъ самый короткій: однажды, видите ли, распахнулись двери школы, и вошли, надѣлавъ на полчаса шума, три барыни, за ними два лакея въ ливреяхъ, стая мосекъ и пр. Постоявъ нѣсколько минутъ, одна изъ нихъ (дамъ), безцеремонно прервавъ преподаваніе учителя, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Это дѣвушки не простыя?

— Онѣ не дворянки, отвѣтилъ преподаватель.

— Зачѣмъ же вы съ ними на вы?

Потомъ «дамъ ушли, замѣтно недовольныя такой безчестностью.» («Од. В.» № 26).

А ужъ всѣхъ стыднѣй было бы г. тайному совѣтнику Гёте передъ нашими тайными совѣтниками, если бы увидѣлъ онъ, съ какой готовностью подають они многимъ статскимъ совѣтникамъ... если не всю руку, то по крайней мѣрѣ указательный перстъ оной, и какъ статскіе совѣтники съ своей стороны безпрепятственно позволяютъ прикасаться къ такому же персту надворнымъ, а нѣкоторые даже и титулярнымъ...

Читатель конечно догадался, что мы говоримъ не вполне серьезно; онъ, надѣмся, не припишетъ намъ такого неразумія, чтобъ мы не поняли сущности мысли г. Погодина, не поняли разницы между исторически, вѣками образовавшимися, рѣзко, можетъ быть невозвратно разъединившимися сословіями западныхъ государствъ и нашимъ искусственнымъ подобіемъ сословія; между живучестью нѣмецкихъ ранговъ и живучестью сочиненной для насъ таблицы о рангахъ; между англійскимъ лордомъ, званіе котораго ничто равносильно замѣнить не можетъ, и русскимъ вельможей, который можетъ быть и вельможей отъ рожденія и вельможей отъ постепеваго восхожденія по рангамъ; между этимъ замкнутымъ

кругомъ английскихъ лордовъ и нашихъ высшимъ сословіемъ, открытымъ для приливовъ и отливовъ. Все это мы понимаемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы уже имѣемъ право *теперь, въ настоящее время*, не конфузясь и не краснѣя, тревожить прахъ Гёте упрекомъ въ чиновлюбіи, или тащить на историческій судъ герцога Кумберландскаго за его сословную гордость. Въдѣ если два человѣка имѣютъ какой нибудь недостатокъ, только одинъ наслѣдственный, а другой — черенатый отъ сосѣда, то это не значитъ, что послѣдній лучше перваго; онъ только можетъ надѣяться скорѣй избавиться отъ него, и пусть онъ принимаетъ дѣлительныя мѣры и питаетъ въ себѣ прекрасную надежду, а мудрому наблюдателю подобаетъ поддерживать ее, но не забѣгать впередъ и не восхвалять до небесъ красоту человѣка, хотя съ временнымъ, но еще довольно сильно быющимъ въ глаза изъянцемъ.

На западѣ вѣка прорыли глубокіе, непереходимые рвы между сословіями, и ихъ разъединенность и взаимныя отношенія носятъ въ себѣ характеръ трагическій. У насъ же въ сословныхъ отношеніяхъ трагическаго нѣтъ; наша сословная гордость часто переходитъ въ чванство, которое однако продолжаетъ считать себя гордостью. Впервыхъ, въ нашъ высшій кругъ можетъ войти всякій, кто при достаточныхъ матеріальныхъ средствахъ, хорошо усвоитъ его приемы, нравы и понятія. А за тѣмъ, что касается до среднихъ круговъ, то тамъ уже все пойдетъ пѣтушья гордость, а главное — стремленіе забираться повыше собственнаго званія и состоянія. Вотъ какъ наиримѣръ разсказываетъ г. Суворинъ, съ нѣкотораго времени мѣтко пускающій свои словесныя стрѣлы въ воронежскихъ обывателей: «Купецъ К. дѣлалъ обѣдъ въ день своихъ именинъ. На обѣдѣ были все купцы, и только два чиновника, конечно не низшаго полета. Вотъ К. и разсуждаетъ, что *неприлично сидѣть господамъ-чиновникамъ за однимъ столомъ съ купцами*, а потому и велѣлъ накрыть для себя и для двухъ гостей столъ въ кабинетѣ своемъ. — Такъ, молъ, ни для кого обидно не будетъ, а если купцы и обидятся — такъ мнѣ наплевать!.. Я еще радъ — покрайности въ головы не выберутъ. Такъ и было сдѣлано.»

Что нашолся такой смѣшной купецъ и что подсмѣялся надъ нимъ г. Суворинъ, — это бы еще не составляло никакой важности и можетъ быть не шло бы въ разсужденіе о такомъ серьезномъ предметѣ, о какомъ намъ, въ добрый или недобрый часъ, пришлось теперь завести рѣчь. Но та бѣда, что купецъ К. право не исключеніе: тысячи и сотни тысячъ съ дѣтства прониклись убѣжденіемъ, что *господамъ чиновникамъ неприлично сидѣть за одними*

столомъ съ купцами.» А почему неприлично, они сами не знаютъ; такъ, потому что то чиновникъ, а то купецъ — не свой братъ! Это не безсмыслица? Не болѣзнь, требующая излеченія? И скоро совершится это излеченіе?.. Не угодно ли теперь убѣдить этихъ господъ, что «не стало между нами никакихъ привилегій?»

Обращаемся наконецъ къ вопросамъ. Прежде всего останавливаемся на поднятомъ въ недавнее время вопросѣ о жалованьѣ предводителямъ дворянства и другимъ выборнымъ лицамъ. Въ спорѣ по этому вопросу довольно рельефно выдвигается личность г. Герсевича, который отстаиваетъ дворянскую гордость, или вѣрнѣе — дворянскій гоноръ, принявшій на этотъ разъ форму безкорыстія, и вслѣдствіе того утверждаетъ, что «предводителямъ дворянства не слѣдуетъ давать жалованья.» Убѣжденія г. Герсевича честны, и потому сердиться на него и корить его за эти убѣжденія врядъ ли у кого достанетъ духу. Но странно, почему съ честностью убѣжденій совмѣщается какая-то непреклонная исключительность, какое-то упорное поклоненіе идеѣ, взятой съ одной ея стороны, поклоненіе идеѣ, какъ догмату, для подтвержденія котораго встрѣчается необходимость обращаться къ примѣрамъ древности, гдѣ, изволите видѣть, въ первыя времена Греціи и Рима, воиновъ вознаграждали не деньгами, не жалованьемъ, а дубовыми вѣнками... Вѣдь смѣшно, а право можетъ, послѣ этого подтверждающаго примѣра, мелькнуть у кого нибудь въ воображеніи фигура узднаго предводителя дворянства съ вѣнкомъ на головѣ или, примѣняясь къ современнымъ нравамъ, съ букетомъ въ рукѣ, букетомъ, поднесеннымъ ему благодарными согражданами за безкорыстное служеніе ихъ интересамъ. Но это шутка, а вотъ дальше можно сказать и серьезное слово. Посмотрите, къ какой тирадѣ можетъ упорная исключительность привести человѣка съ честными убѣжденіями:

«Ничто не мѣшаетъ тому, кому нужно жалованье, искать мѣста, гдѣ не требуется строгаго безкорыстія, гдѣ есть головные оклады, столовые деньги, порціоны, раціоны, подъемныя и наградыныя деньги, прогоны, выгоды, грѣшные и безгрѣшные доходы, а если совѣсть не зазреть, — и взятки подъ всеми возможными видами.» («Од. В.» № 32).

Что это такое? Гдѣ, скажите, такія мѣста, которыя, по разуму и совѣсти, не требуютъ строгаго безкорыстія? Поясните: только должность предводителя дворянства требуетъ безкорыстія, а всѣ прочія, хоть бы на примѣръ председателя гражданской или уголовной палаты, не требуютъ? Почему же? А! вы желали бы замкнуться въ вѣщей чистой средѣ, предоставляя остальному служащему чело-

вѣчеству купаться въ грязномъ болотѣ грѣшныхъ и безгрѣшныхъ доходовъ? Вы хладнокровно признаете существованіе этого болота и посылаете въ него желающихъ получать жалованье, не рассчитывая сами принимать какое нибудь участіе въ его разчиствѣ? Вы не хотѣли понять того, кто будто бы назвалъ ваше безкорыстіе предразсудкомъ; вы не хотѣли понять, что не безкорыстіе названо предразсудкомъ, а ваша исключительность, вашъ неподвижный догматъ, въ силу котораго вы раздѣляете должности на требующія безкорыстія и не требующія его, на почетныя и непочетныя... Да вѣдь если вы богаты и невозвратно проникнуты вашимъ говоромъ, то ничто не мѣшаетъ вамъ отказаться отъ назначаемого обществомъ жалованья и предложить его на какое угодно благое общественное дѣло; а почему бѣдный дворянинъ-землевлдѣлецъ, съ усердіемъ и любовью воздѣлывающій какой нибудь небольшой клочекъ и не могущій или не желающій по своему складу и наклонностямъ совсѣмъ оставить его для безотлучнаго присутствованія въ какомъ нибудь губернскомъ учрежденіи, — почему этотъ землевлдѣлецъ не можетъ оказаться достойнѣйшимъ между членами его общества для занятія должности предводителя? И тогда, на какомъ разумномъ основаніи сталъ бы онъ стыдиться принять отъ общества матеріальное вознагражденіе за то время, которое онъ отниметъ у своего воздѣлываемаго клочка для службы этому обществу? Найдите этому *стыду* разумное, не исключительно-дворянское, а общечеловѣческое основаніе и — вы будете правы; въ противномъ случаѣ это ложный стыдъ и... предразсудокъ!

Но настоящій вопросъ, какъ мы видѣли, не ограничивается одними предводителями дворянства, а распространяется на всѣхъ выборныхъ лицъ, т. е. и на тѣхъ, которые уже получаютъ содержаніе, только крайне недостаточное. Стало быть относительно ихъ, дѣло идетъ только объ увеличеніи этого недостаточнаго содержанія. И эта очевидная потребность находитъ антагонистовъ, которые, правду сказать, ужь даже надобѣи ссылками на извѣстное крыловское дувстишіе:

А вору дай хоть миллионъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

Ну, а если на оборотъ — честнаго человѣка поставить въ такое положеніе, чтобъ онъ не имѣлъ средствъ набѣдаться досыта, то какъ думаете: не почувствуетъ онъ невольнаго влеченія захватить лишній кусокъ у ближняго? Крыловъ говорилъ о ворахъ, уже привыкшихъ къ ремеслу воровства; а тутъ хлопочутъ о предупрежденіи паденія честныхъ людей, о средствахъ побудить честныхъ

людей идти на мѣста, замлейшенныя нечестыми способами существованія. Страшная близорукость! Какъ будто кто нибудь думаетъ мгновенно искоренить всѣ злоупотребленія, мгновенно превратить всѣхъ взяточниковъ въ честнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ людей? Какъ будто это возможно? Говорить о постепенной замѣнѣ взяточниковъ честными людьми, говорить о болѣе или менѣе прямыхъ и вѣрныхъ путяхъ къ перевоспитанію общественныхъ дѣятелей; — а тутъ люди привазаются къ двустышію, не идущему къ дѣлу!..

Здѣсь спѣшимъ повторить высказанную нами въ началѣ оговору: мы никакъ не беремъ на себя всесторонняго разрѣшенія нашихъ общественныхъ вопросовъ; это было бы слишкомъ смѣло, самонадѣянно и несовѣстно съ характеромъ и назначеніемъ настоящей статьи. Мы ограничиваемся указаніемъ на нихъ нашими читателямъ и только при этомъ не скрываемъ собственнаго впечатлѣнія.

Вотъ недавно учреждена новая должность — судебныхъ слѣдователей. Къ какому бы разряду должностей причислить ее? Къ разряду ли почетныхъ или непочетныхъ, требующихъ безкорыстія или не требующихъ? Въ положеніи о нихъ выражено желаніе, чтобы въ эту должность были назначаемы преимущественно люди, получившіе высшее образованіе; это придастъ должности значительную почетность и уже возбудило общее сочувствіе, какъ доказываютъ появившіеся изъ разныхъ мѣстъ протесты и объясненія о назначеніи лицъ, такого образованія не получившихъ. Съ другой стороны ей присвоенъ годовой окладъ и даже еще что-то — разѣздныя или канцелярскія деньги; стало быть, по дѣленію г. Герсеванова, эта должность принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не требуютъ строгаго безкорыстія. Какъ же согласить эту маленькую несообразность? Московскій прокуроръ, къ которому собирались, передъ отъѣздомъ на должность, вновь назначенные по московской губерніи судебные слѣдователи, произнесъ имъ наставительную рѣчь, гдѣ изобразивъ горестное положеніе, въ которомъ находилась до сихъ поръ слѣдственная часть, бывшая въ рукахъ наружной полиціи, онъ представилъ имъ важность ихъ назначенія и выгодную независимость ихъ служебнаго положенія. Онъ указалъ на то, что «личность судебного слѣдователя защищена отъ всякаго произвола со стороны начальствующихъ лицъ», и что вмѣстѣ съ тѣмъ «достаточное содержаніе, назначенное слѣдователямъ, даетъ право *требовать* отъ нихъ *безкорыстнаго* и *точного* исполненія ихъ обязанностей».

Послѣднія слова рѣшительно противорѣчатъ теоріи г. Герсеванова! Далѣе г. прокуроръ высказалъ прекрасный взглядъ на предстоящій судебнымъ слѣдователямъ подвигъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его слова :

«Кто (спрашиваетъ онъ) будетъ наблюдать за ходомъ новаго дѣла? Кто будетъ поддерживать въ слѣдователяхъ охоту къ труду и уваженіе къ закону? Кто будетъ удерживать ихъ отъ габельнаго равнодушія?..

«До сихъ поръ правительства лично слѣдили за всѣми нуждами государства, — составляли учрежденія и преобразовывали ихъ по своему усмотрѣнію. Подобныя преобразованія, по большей части неудачныя, зависящія отъ личнаго настроенія ихъ составителя, безпрестанное измѣненіе сегодня того, что было издано вчера, появленіе цѣлыхъ томовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости, все это возбуждало естественное недовѣріе со стороны общества къ дѣлу правительства, а невозможность имѣть какое либо сужденіе въ этомъ дѣлѣ обратила недовѣріе это въ совершенное равнодушіе, при которомъ всякое уваженіе почти при самомъ изданіи его обращается въ мертвую букву! И лишь съ недавняго времени начали дѣйствовать другіиъ путемъ.

«Вправѣ ли мы послѣ всего этого ожидать отъ общества сочувствія къ новому учрежденію? Вправѣ ли обвинять его въ равнодушія? Вправѣ ли мы требовать, чтобы оно повѣряло намъ на слово, что подъ вновь придуманными формами не поселяются недостатки прежняго слѣдствія?

«Нѣтъ! Общество оцѣнить новое учрежденіе только тогда, когда почувствуетъ отъ него положительную пользу. А до тѣхъ поръ усиленный исходъ дѣла будетъ зависетьъ единственно отъ лицъ, избранныхъ въ новыя должности».

Вотъ отчего и интересуется всѣхъ выборъ лицъ въ судебные слѣдователи! Стало быть общественное мнѣніе угадало всю важность этого выбора. Но дополнимъ мысль заключительными словами г-на прокурора къ новымъ судебнымъ слѣдователямъ:

«Большая часть изъ васъ, господа, только что окончили образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности намъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вволю отдалиться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же въ свою очередь подѣлитесь съ ними первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ сиорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не давайте упасть только что качающемуся».

дѣлу, будьте людьми, господа, а не чиновниками. Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Помогайтесь одной награды: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличить и одѣлать трудъ и способность. Можеть быть чрезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ собереть насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому :

«Что вы служители дѣлу, а не лицамъ ;

«Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу ;

«Что вы были прежде всего людьми, господа, а потомъ уже чиновниками».

Неужели же такая завидная и почетная будущность для судебныхъ слѣдователей неисполнима? Почему же? Неужели потому только что они получаютъ жалованье? А завидна ихъ будущность уже потому, что имъ предстоитъ честь уничтоженія безобразныхъ фактовъ, происходившихъ отъ присвоенія наружной полиціи власти, которая ей принадлежать не должна. А что насчется до того, каковы бывали эти безобразные факты, то вотъ для образчика недавній простой случай, рассказанный въ 14 № «Акціонера» :

«Идетъ рабочій человѣкъ по бульвару, въ новой, на своя трудовые деньги купленной чуйкѣ. Пристаетъ къ нему нѣсколько человѣкъ, и изъ нихъ одинъ заявляетъ, что чуйка его. Слово за слово — отправляются въ часть, гдѣ задерживаютъ отвѣтчика, отпустивъ домой истца съ товарищами. Два дня просидѣлъ рабочій въ части; на третій его препровождаютъ въ городскую часть, потому что въ городѣ куплена чуйка. Не забудемъ, что домой не даютъ знать, гдѣ онъ, не смотря даже на то, что мѣсто служенія рабочаго казенное, а съ такими полиція всегда нѣсколько делякатѣе, чѣмъ съ нами, прочими смертными. Наконецъ дознались, что чуйка дѣйствительно куплена рабочимъ въ лавкѣ, словомъ — имъ не украдена. Что же? тѣмъ дѣло и кончилось? Нѣтъ. Его все-таки еще два дня продержали въ части и — наконецъ отпустили домой. Всего же заточенія его было 5 дней и 5 ночей, да чуйку отправили въ управу благочинія. И только? Только».

За тѣмъ, по поводу вышнихъ толковъ о необходимости поднять наши производительныя силы, дѣлается слѣдующій расчетъ: «Рабочій трудомъ своимъ зарабатывалъ никакъ уже не менѣе 50 коп. въ день; другими словами — его рабочій день равняется, въ глазахъ народнаго производства, 50 коп. Задержавъ его пять сутокъ въ части, лишили народное производство пяти рабочихъ дней, стоимость которыхъ равняется 2 руб. 50 коп. Не будемъ говорить о другихъ непроизводительныхъ расходахъ, сопряженныхъ съ сж-

дѣньемъ въ кутузкѣ, сибиркѣ или какъ они тамъ зовутся, эти заведенія; но представимъ себѣ, что на каждые 500 жителей въ Россіи придется въ годъ одинъ подобный случай, т. е. что человѣка продержатъ только пять дней. Случалось же вѣдь, что за «праздную ѣзду по улицамъ» держали мѣщанина съ извозникомъ и нѣсколько педѣль. Но положимъ одинъ такой случай; вѣдь это по нашему разсчету на 70.000.000 жителей приходится 350 000 руб. чистой потери для народнаго производства. Если же мы копнемъ поглубже и перечислимъ всякаго рода ущербы, вызываемые такого рода полицейскимъ произволомъ, то легко доберемся до миллионовъ. А между тѣмъ вездѣ и всюду слышишь, какъ необходимо намъ поднять свои производительныя силы».

Видите ли отъ какого существеннаго убытка предстоитъ судебнымъ слѣдователямъ избавить общество! Задача почтенная и почетная, не смотря на то, что мѣсто ихъ не включается въ ту чистую, яко-бы природою и судьбой избранную и отиѣченную среду, гдѣ жалованье считается растлѣвающимъ началомъ.

Имя г-на Герсеванова мы встрѣтили еще въ спорѣ по другому вопросу, возникшему по поволу циркуляра управляющаго министерствомъ юстиціи отъ 8-го сентября 1860 г. къ начальникамъ губерній; извѣщающаго ихъ о предполагаемомъ расширеніи круга дѣйствій уѣздныхъ стряпчихъ, съ тѣмъ чтобы замѣщать открывающіяся на эти мѣста вакансіи людьми достойными, кончившими курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія, университетахъ и по крайней мѣрѣ въ гимназіяхъ. Рѣчь идетъ о разъясненіи нынѣшняго положенія и значенія уѣздныхъ стряпчихъ, о томъ, въ чемъ можетъ состоять расширеніе круга ихъ дѣйствій и какія можетъ оно имѣть послѣдствія. Мы не будемъ входить въ подробности этого судебно-практическаго вопроса, а только приведемъ мнѣніе г. В. Апушкова, высказанное въ № 14 *Современной лѣтописи* «Русскаго Вѣстника». «По моему мнѣнію, говоритъ онъ, должность эта тогда только можетъ прийти въ нормальное свое положеніе, а слѣдовательно и слѣлаться полезною для общества, когда учредится у насъ судъ на тѣхъ началахъ, которыя объявлены для суда въ морскомъ вѣдомствѣ (и о которыхъ мы упоминали въ прошедшемъ мѣсяцѣ). При такомъ судѣ уѣздный стряпчій долженъ слѣлаться обвинительнымъ органомъ. При чемъ онъ во первыхъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ другихъ номинальныхъ занятій (которыхъ теперь на него множество возложено и которыя остаются только номинальными); во вторыхъ долженъ быть свободенъ отъ всякой административной зависимости и отвѣчать въ своихъ дѣйствіяхъ только предъ независимымъ судомъ и въ

третьихъ права на полученіе этой должности должны заключаться въ высшемъ юридическомъ образованіи).

Устройство суда, какъ уже извѣстно, принадлежитъ къ числу ожидаемыхъ у насъ преобразованій. Введенныя, мѣстами, расправы новой формы, въ видѣ временныхъ комиссій или словесныхъ судовъ, служатъ какъ бы опытами, результаты которыхъ конечно будутъ приняты въ соображеніе при общемъ преобразованіи. Поэтому любопытно слѣдить за впечатлѣніемъ, производимымъ на публику этими новыми учрежденіями, и за успѣхомъ, съ какимъ они у насъ принимаются. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» мы встрѣтили корреспонденцію изъ Новомиргорода, въ которой, по поводу послѣдовавшаго распоряженія объ отдѣленіи управленія городка отъ южнаго военнаго поселенія, говорится, что теперь городокъ будетъ подвѣдомственъ въ разныхъ отношеніяхъ — городской думѣ, полиціи, словесному суду и нѣкоторымъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ. А затѣмъ прибавляется: «сочувствіе городскихъ жителей къ учрежденіямъ, состоявшимся въ послѣднее время, выражается между прочимъ въ дѣятельности здѣшняго словеснаго суда. Нельзя не сознать, что это учрежденіе — какъ нельзя болѣе кстати. Тяжбы и споры вообще у насъ на Руси — явленіе слишкомъ обыкновенное. Въ поводахъ къ нимъ разумѣется недостатка быть не можетъ, въ особенності со стороны милыхъ сосѣдскихъ отношеній: у кого-нибудь пропало двѣ доски съ забора, — подозрѣніе падаетъ на сосѣда; у другого замѣчено быстрое исчезновеніе дровъ — тоже самое; третій спустилъ на сосѣдній дворъ воду во время дождя или наводненія; у четвертаго зашла свинья въ огородъ и пр., — всѣ эти безчисленные поводы могутъ послужить обильнымъ матеріаломъ для неудовольствій, ссоръ и наконецъ — тяжбъ; а къ тому присоединяется и какая-то особенная наклонность — не упустить случая *обстоять свое право*, или проще — потягаться (NB эта наклонность, издавна приписываемая преимущественно обитателямъ малороссійскихъ городковъ, не вовсе чужда и великороссамъ, у которыхъ проявленія ея крайне разнообразны. Это подумали мы, просматривая 64 № «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ *вынужденное объясненіе*, изъ котораго видно, что тяжба, производящаяся между нѣкоторыми двумя редакціями, грозитъ быть нескончаемою, подобно ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифорычемъ... Мы съ ужасомъ отвращаемъ взоръ отъ грядущихъ ея послѣдствій: что будетъ современнымъ съ первоначальными идеями ихъ литературнаго спора, когда и теперь эти идеи уже начинаютъ блѣднѣть въ массѣ личныхъ обвиненій и попрековъ!). При такихъ-то обстоятельствахъ, продолжаетъ новомиргородская корреспонденція, у насъ возникъ

словесный судъ. Учрежденіе новое — какъ же не воспользоваться имъ! И вотъ всё съ пустыми и серьёзными дѣлами отираются теперь въ словесный судъ. И чтожь? дѣла оканчиваются большою частью самымъ вождѣннымъ концомъ — миромъ. Встрѣчаются даже и такія дѣла, которыя простирались до нѣсколькихъ сотъ рублей и при обыкновенно-тяжебномъ судопроизводствѣ могли имѣть сомнительный исходъ; но словесный судъ успѣваетъ примирить противныя стороны».

Идемъ далѣе по вопросамъ. Мы уже прежде говорили, что вопросъ о городскомъ устройствѣ, по разнымъ видимымъ признакамъ, долженъ стоять у насъ на очереди; но въ этомъ вопросѣ есть одна преимущественно настоятельная и вопиющая часть, о которой теперь и слышатся голоса въ нашей литературѣ. Это — положеніе мѣщанскаго сословія. Уже года два тому назадъ, въ одной, теперь несуществующей газетѣ, едва ли не впервые былъ поданъ однимъ изъ мѣщанъ голосъ за его сословіе, голосъ, вызывающій общее участіе къ этому «странному, уродливому произведенію общественнаго устройства — русскому мѣщанину». Тамъ говорилось, что наше мѣщанство — это какая-то перепонка въ промежуткѣ двухъ сословій (крестьянскаго и купческаго), какой-то стокъ, резервуаръ всѣхъ слабыхъ силъ, всѣхъ скудныхъ и дурныхъ соковъ того и другого; что мѣщанство есть «бѣднѣйшій, наименѣе обезпеченный классъ въ Россіи». Последнее объясняется очень просто: мѣщане — люди безземельные; сословіе ихъ не предполагаетъ владѣнія ни недвижимою собственностью, ни капиталомъ; они живутъ мелкими промыслами, т. е. просто чѣмъ Богъ велитъ; а податей платятъ больше, нежели крестьяне. Послѣ упомянутого нами голоса мѣщанина, слышались изрѣдка и другіе голоса объ этомъ сословіи, и въ послѣднее время стали замѣтно настойчивѣе. Всѣ они подтверждаютъ и развиваютъ ту же картину, которая набросана въ первомъ высказавшемся словѣ; но теперь уже указываютъ слегка и на средства къ поправленію зла. Одни видятъ ближайшій путь къ этому въ измѣненіи вообще устройства городского управленія, съ тѣмъ, чтобы на первый разъ ограничиться уничтоженіемъ всего привитаго, устарѣваго и вымершаго: цеховъ, покровительства ремесламъ, подушной подати, и за тѣмъ обобщить понятіе о сословіи сліяніемъ трехъ, цѣнѣ раздѣльно существующихъ разрядовъ его, т. е. купчества, мѣщанства и класса ремесленниковъ. Другіе, говоря собственно о мѣщанахъ, предлагаютъ измѣнить ихъ экономическія условія, надѣлать ихъ землею, тамъ, гдѣ представится это возможнымъ; подушную подать переложить съ душъ на землю и обложить податю только работниковъ отъ 16 до 60 дѣтъ, а доходамъ мѣщанъ, занимающихся

торговлею и промыслами, произвести оцѣнку; исправный взносъ податей оставить на личной ответственности каждого плательщика (а не съ круговою порукою цѣлаго общества, какъ теперь установлено).

Это послѣднее мнѣніе выражено въ «Запискахъ о настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи,» И. А. Гана, издавшихся коммиссіею для улучшенія системы податей и пошлинъ. Въ этихъ запискахъ приводится одинъ любопытный примѣръ явленій, произвождаемыхъ существующею круговою порукою (известно, что вслѣдствіе этого установленія, бѣднѣйшіе мѣщане не платятъ податей, которыхъ вмѣсто нихъ раскладываются на другихъ, болѣе достаточныхъ). Разъ къ саратовскому городскому головѣ пришелъ старикъ-мѣщанинъ съ просьбою освободить его отъ платежа подати за накладную душу, потому что онъ уже нѣсколько лѣтъ платитъ за нее. Такъ какъ мѣщанинъ былъ человекъ достаточный, то голова сталъ его уговаривать не отказываться отъ дальнѣйшаго платежа.

— Но по крайней мѣрѣ хоть бы показали мнѣ этого несчастнаго, за котораго я столько лѣтъ плачу подати, отвѣчалъ мѣщанинъ.

Голова приказалъ отыскать накладную душу. Привели молодца лѣтъ тридцати, здороваго, въ красной рубашкѣ, плісовыхъ шараварахъ и суконной чуйкѣ.

— Ты не платишь податей? спросилъ голова.

— Не плачу.

— Почему?

— За меня платятъ другіе.

Въ одной рецензіи на брошюру г. Гана между прочимъ сказано, что «мѣщанское сословіе почти вездѣ находится на низкой степени гражданского развитія.» Мѣщанинъ, первый подавшій голосъ за свое сословіе, выразился такъ: «Я былъ бы ечастливъ, если бы мои слова вызвали къ дѣятельности многихъ нашихъ, не только грамотныхъ, но и образованныхъ мѣщанъ... Есть между мѣщанами даровитые, пропадающіе отъ бездѣлья, отъ какой-то апатіи, снѣдающей вообще много живыхъ силъ въ нашемъ народѣ.» Далѣе онъ хотя признается, что масса мѣщанъ въ Россіи совершенно не образованна, но прибавляетъ, что во-первыхъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ устроены уѣзныя училища, есть много мѣщанъ, учившихся въ этихъ училищахъ, и во вторыхъ, къ мѣщанскому сословію приписывается ежегодно огромное число людей изъ другихъ сословій, на примѣръ изъ духовнаго. Мы съ своей стороны можемъ удостовѣрять, что даже въ такихъ городахъ, гдѣ не устроено уѣзныхъ училищъ, встрѣчаются мѣщане, — по

приписавшіеся изъ другихъ сословіи, а природные, — которые относительно не стоятъ на низкой степени гражданского развитія. Конечно ихъ надо причислять къ разряду даровитыхъ; но объ этомъ то мы и хотимъ сказать. Изъ этого бѣднаго, промежуточнаго сословія, быть котораго не даетъ ни какой пищи способностямъ, талантамъ и умственной дѣятельности человѣка, выходятъ же даровитые люди, кромѣ того множества, которое и не выходитъ, а пропадаетъ въ бездѣйствіи и апатіи. Я, пишущій эти строки, сохранилъ изъ воспоминаній дѣтства, проведеннаго въ уѣздномъ городкѣ, не имѣвшемъ тогда уѣзднаго училища, два мѣщанскіе образа, изъ которыхъ въ особенности одинъ такъ рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, что послѣ не одного десятка лѣтъ, онъ какъ будто сейчасъ стоитъ передо мною: это человѣкъ еще весьма не старій, высокій и стройный, съ правильнымъ, даже красивымъ лицомъ, обложеннымъ небольшою темнорусою бородою, оживленнымъ чрезвычайно умными карими глазами и необыкновенно пріятной улыбкой; онъ стоитъ, положивъ правую руку на грудь, какъ бы придерживая запахнутую полу чуйки, а лѣвою поглаживаетъ бороду и улыбается; я даже какъ будто слышу его звучный и пріятный голосъ. Этотъ человѣкъ, нигдѣ, сколько я слышалъ, не учившійся, пользовался общимъ уваженіемъ, которое у иныхъ соединялось и съ нѣкоторымъ страхомъ. Онъ слылъ великимъ юристомъ и великимъ красноречивцемъ. Не подумайте, чтобъ онъ принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ ябедниковъ. Нѣтъ! тогда бы его не уважали, а только боялись; но его больше уважали, нежели боялись. Онъ писалъ только просьбы высшаго разбора, гдѣ требовалось особенное красноречіе, а также давалъ совѣты въ дѣлахъ важныхъ, запутанныхъ или ижекотливыхъ, и я помню, какъ про него обыкновенно говорили, что «Иванъ Ивановичъ — у-у! какая голова!» У него былъ младшій братъ Петръ Ивановичъ, съ которымъ я былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ — странное дѣло! — наружность его не помню такъ, какъ наружность старшаго брата. У Петра Ивановича, на городской площади, у стѣнки торговыхъ рядовъ, былъ прилаженъ парусинный навѣсецъ, а подъ нимъ горка, раздѣленная на квадратные ящички, наполненные орѣхами всѣхъ сортовъ, пряниками, вишневыми ягодами, взюмомъ, черносливомъ и другими сладкими и пріятными товарами. У горки подъ навѣсцемъ сидѣлъ обыкновенно на скамейкѣ Петръ Ивановичъ, погруженный въ книжку или тетрадку. Сюда-то часто заходилъ я, иногда для поощренія торговля Петра Ивановича посредствомъ полученной въ даръ отъ родителей гривны, большею же частью съ цѣлью попросить стихшковъ спастись... Петръ Ивановичъ былъ страстный любитель литературы вооб-

ше и поэзіи въ особеннѣности. О его литературномъ вкусѣ можно судить по выбору собственноручно списанныхъ имъ пьесъ, которыя онъ давалъ мнѣ для такого же списыванья: изъ стихотвореній, которыя я списалъ изъ его тетрадокъ, помню три: *Кавказскій альпимъ*, *Валхисарайскій фонтанъ* и думу Рылѣева: *Наталья Долгорукая*. (Это было въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ).

Кто коротко знаетъ мѣщанскую среду, съ ея общественными условіями, правами и понятіями, тотъ невольно преклонится предъ силою природы; потому что здѣсь уже дѣло ея одной: среда ни въ чемъ ей не помогаетъ. Да! сила природы такъ велика, что пробивается иногда живымъ родникомъ сквозь самую давящую среду; силы природы работаютъ независимо отъ клѣточекъ, нагроможденныхъ человѣческими обществами, и потому нерѣдко западаетъ извѣстное явленіе въ такую клѣточку, въ которой его совсѣмъ не ожидаешь. Такъ, въ числѣ публикацій о разныхъ смертяхъ, побояхъ и пожарахъ, читаемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» слѣдующее: «Владимірской губерніи, Переславскаго уѣзда, въ казенной деревнѣ Шушковой, крестьянская дѣвочка Марѳа Архипова, 13-ти лѣтъ, 7-го марта найдена въ свѣтелкѣ повѣсившеюся на полсъ, привязанномъ къ жерди. Причиною, побудившею ее къ самоубійству, была постоянная ея задумчивость и слезы, начавшіяся вслѣдствіе объявленнаго на нее подозрѣнія въ кражѣ у крестьянки Авдотьи Антиповой восьми талекъ пряжи». Ужасно жаль, что въ этомъ короткомъ извѣстіи ничто остается не разъясненнымъ. Что это такое: угрызеніе ли совѣсти, слѣдующее за первымъ преступленіемъ, или нестерпимо оскорбленное чувство человѣческаго достоинства невинно заподозрѣнной? То или другое, но вѣдь и въ обоихъ случаяхъ личность тринадцатилѣтней дѣвочки становится выше ея среды; если же здѣсь имѣлъ мѣсто послѣдній случай, т. е. если она была невинна въ кражѣ этихъ талекъ?..

Но — мы не кончили рѣчи о даровитыхъ мѣщанахъ. Намъ хотѣлось сказать, что мы, увлекаемые духомъ времени, дышащаго вопросами, готовы даже предложить новый вопросъ — о русскихъ *самородкахъ* и *самоучкахъ*, и вотъ звучать у насъ въ ухахъ выше, въ началѣ статьи приведенныя слова: «любопытство тебя одолеваетъ: тебѣ хочется знать все какъ и что — иди въ училища; университеты, академіи настужь растворены...» Въ самомъ дѣлѣ они растворены, уже съ давнихъ поръ растворены: еще предъ Ломоносовымъ не затворились двери академіи. Что же мѣшаетъ нашимъ самородкамъ, нашимъ Иванамъ Ивановичамъ, нашимъ Хитриннымъ, Забысловымъ и инымъ подобнымъ, что мѣшаетъ имъ, самой при-

родой, предназначеннымъ быть дѣтелями науки, а для въ эти жеоттежъ раствореннымъ двери? А что-нибудь должно же имѣть! Неужасные ли проселки, которые ведутъ къ этимъ раствореннымъ дверямъ? Да знаютъ ли еще они навѣрное, что гдѣ-то, за многитысячу верстъ отъ нихъ, есть замарское заведеніе — академія, и есть уверенность съ растворенными дверями, въ которые стоишь только войти, какъ вдругъ и разрѣшатся всѣ мучительные, вродой, звушенные вопросы? Кто говорилъ имъ о существованіи этихъ святыхъ наукъ, кто указывалъ ведущую къ нимъ дорогу? Впрочемъ все это мы спрашиваемъ по поводу растворенныхъ дверей, для разрѣшенія задачи теоретически, а въ сущности, въ самой дѣйствительности находимъ совершенно естественнымъ, что много самородки и самоучки оставались и еще теперь остаются только самоучками, или даже просто ничѣмъ, и во всю свою жизнь не выйдя предъ собой ни однихъ растворенныхъ настоящихъ дверей, а навстрѣтивъ всю-то жизнь ломались и пробивались черезъ какую-то трудящюбу. Вотъ воскресныя школы (отъ которыхъ еще такъ далеко до академій) дѣйствительно, во всеуслышаніе растворили свои двери, и радостная толпа тотчасъ двинулась въ нихъ, такъ что и въсад сдѣлалось, и мѣста стало не хватать. Кстати о воскресныхъ школахъ...

Въ «Указ. Эконом.» (№ 26) сообщается, что въ мужской воскресной школѣ гальванической роты, со времени изданія циркуляроваго, число преподавателей уменьшилось: изъ 54 числящихся по списку, посѣщаютъ школу только отъ 15 до 20. Впрочемъ къ этому факту, грустному, но понятному, естественно вытекающему изъ различія человѣческихъ темпераментовъ и характеровъ, тутъ же прибавляютъ и другой фактъ очень хорошій, именно: не смотря на уменьшеніе преподавателей, занятія идутъ усильно; замѣтно, что школа имѣетъ большое вліяніе на нравственное улучшеніе учениковъ: они сами говорятъ, что уже замѣчается значительная разница въ поведеніи между посѣщающими школу и не посѣщающими. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней портной Эрнхъ пришелъ въ школу благодарить преподавателей за усилья, сдѣланные его подмастерьями какъ въ обученіи грамотѣ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и при этомъ просилъ принять отъ него три рубля на покупку учебныхъ пособій... Деньги приняты съ благодарностью.

Таррическое всендѣнное безилатное училище, по повелу слуховъ о его процвѣтаніи, гласно заявляетъ, что эти слухи навѣрны; что процвѣтаніе дѣйствительно было, но недолго, а теперь его итъ. Исторія начала и исчезновенія цвѣтущихъ дѣтей училища, расба:

заключеніи отъѣздомъ въспрѣнной скорби. Явленіе это можетъ быть имѣть близкую аналогію съ явленіемъ въ школѣ пазванической речки Дѣло въ томъ, что училище началось съ скромномъ раздѣлѣ двухъ классовъ, но такъ какъ число сотрудниковъ стало быстро увеличиваться и дошло скоро до ста пятнадцати человекъ, то училище стало расширяться и раздѣлилось на пять классовъ. «Мы тогда въ догадывались, говорить рассказчики, что есть много порывовъ, которые и остаются порывами, что многое нравится, пока оно ново, а таймъ и надобдаетъ.» Такъ ли это случилось, или отъ другихъ причинъ, только начались маккировки, а потомъ и уменьшеніе числа сотрудниковъ; провозмоль ощутительный недостатокъ въ преподавателяхъ, и училищу пришлось суживаться. Дойдя до того предѣла, дальше котораго суживанье, въ средній курсъ, оказалось неудобнымъ, училище прибѣгло, къ крайне-грустной временной мѣрѣ: найму платимаго преподавателя, и затѣмъ, объявляя объ этомъ положеніи дѣла, оно выражаетъ надежду вызвать своимъ объявленіемъ желающихъ предложить безвозмездно свое сотрудничество; — но теперь, а къ осени, т. е. къ началу новаго курса. Сбудется ли эта надежда? Если сбудется, то училище опять раздѣлится, потому что въ желающихъ учиться недостатка уже не будетъ; если же не сбудется, то придется сдѣлать открытый, иначе наемный вопросъ: отчего не сбылась надежда таврическаго училища?

Въ Tobolskѣ, въ Сибирь хладной, еще въ декабрѣ прошлаго года, стараніями учителя гимназій и семинаріи, открыта воскресная школа. Теперь рассказываютъ, что эта школа тяжело и туго подается впередъ и что сочувствіе къ ней города Tobolska — сибирское сочувствіе, т. е. очень холодное, а если говорить прямо и откровенно, то его вовсе нѣтъ: «многіе смотрятъ на это какъ на игрушку, какъ на забаву учредителей, явныя остаются холодны, потому что учрежденіе воскресной школы есть дѣло частное, непринудительное; они же привыкли дѣйствовать только тогда, когда правительствомъ принимается въ этомъ непосредственное участіе, тогда повуждаютъ или толкаютъ сверху...» Ну, конечно! въдь разные бываютъ вкусы. Вотъ въ городахъ Ярославской губерніи немного иначе смотрятъ на вещи... О взглядахъ этихъ городовъ мы сейчасъ скажемъ, но прежде нужно сдѣлать вопросъ. Отчего зависитъ большій или меньшій успѣхъ воскресныхъ школъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи? — Соответствуетъ ли онъ разнымъ степенямъ дѣйствительной въ нихъ потребности; или соразмѣряется со степенью общаго пониманья, съ образомъ воззрѣнія общественнаго большинства, т. е. дѣйствительно ли въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ надобности открывать эти школы, а нужно хлопотать о другихъ, напр. вседневныхъ; или

же это только так кажется почтеннымъ обитателямъ тѣхъ мѣстъ, а въ сущности были бы полезны тамъ и воскресныя?

Изъ Ярославля нѣкто г. Трефолевъ пишетъ въ редакцію газеты «Вѣкъ» весьма обстоятельное писмецо, которое начинается такими словами: «Отставной надворный совѣтникъ Н. Щедришъ, рассказываетъ въ «Современникѣ», что Глуховская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ его сивушеству, откупщику...» Такъ было въ Глуховѣ. Но Ярославль можетъ гордиться тѣмъ, что онъ обошлся и безъ акцизно-откупного комиссіонерства.» Гордость совершенно справедливая; но вотъ что странно: изъ приведеннаго нами начала видно, что г. Трефолевъ читалъ и помнитъ статью въ «Современникѣ», гдѣ говорится о г. Глуховѣ; между тѣмъ, читая дальнѣйшее его писаніе, можно подумать, что онъ уже забывъ все, что въ той статьѣ говорится. Вотъ въ чемъ дѣло. Еще въ 1858 году, ярославское губернское правленіе, вслѣдствіе расворуженія министра внутреннихъ дѣлъ, разослало городскимъ головамъ циркуляръ, которымъ городскія общества приглашались собраться «для обсужденія дѣла объ учрежденіи женскаго училища въ Ярославль, съ тѣмъ, чтобы граждане изложили въ особыхъ приговорахъ, какъ о своихъ потребностяхъ относительно образованія, такъ и о матеріальныхъ средствахъ, какія желаютъ они доставить новому училищу.»

Граждане собрались въ назначенный день, и приговоры постановили. Приговоры эти можно раздѣлить на три разряда: въ однихъ, граждане сказали, что мы-декатъ по бѣдности нашей ничего дать не можемъ. Въ другихъ, что ярославское женское училище для насъ дѣло постороннее, но такъ какъ начальство вызываетъ на доброе дѣло, то почему и не помочь доброму дѣлу. Многого не имѣемъ, а вотъ — чѣмъ можемъ... Въ третьихъ, что просвѣщеніе конечно хорошая вещь, но что-жъ Ярославль? Ярославль далеко; а позвольте, мы лучше соберемъ трудовыя крохи, да заведемъ на нихъ сами женскія училища, хоть второразрядныя, да у себя дома, въ тѣхъ городахъ, гдѣ мы постоянное жителство имѣемъ, такъ, чтобы въ этихъ училищахъ могли учиться наши собственныя дочери, которыхъ посылать для обученія въ Ярославль, какъ сами изволите знать, намъ не приходится, не сподручно.

Что противъ этого скажешь? Конечно приговоры перваго разряда прискорбны; но втораго и третьяго?.. Во вторыхъ граждане не догадались сказать такое умное слово, какое сказали въ третьихъ, — вотъ и все! Но бранить-то вѣдь ихъ не за что; а г. Трефолевъ разбранилъ, да и сильно. Къ числу обществъ, поста-

возникших приговоры второго разряда, принадлежать мышкинское общество или *опчество*. Г. Трефолевъ началъ, говоря министерскому ологодъ, на редакцію приговора, обличаетъ его малограмотности, и добирается до подписей — зачѣмъ онѣ не по грамотикѣ подписаны; а по поводу *опчества* восклицаетъ: «о г. Щедринъ! не одинъ только глуховскій голова говоритъ *опчество*»!.. А вотъ какъ услышитъ г. Щедринъ, такъ и спроситъ васъ: «за что вы по зубамъ-то треснули гражданъ? Чѣмъ виноваты граждане? Тѣмъ ли, что ихъ уже тошнитъ отъ разныхъ пожертвованій? Тѣмъ ли, что вамъ не нужно *самихъ* общепользныхъ заведеній?» И въ самомъ дѣлѣ: вы глумитесь надъ малограмотностью, а не цѣните здраваго смысла, преглядывающего сквозь эту малограмотность. Разсудите: на что мышванскому 3-й гильдіи купцу ярославская женская гимназія? Какъ онъ повезетъ туда свою дочь и куда тамъ ее дѣнетъ? Видѣ это не закрытое заведеніе. Какъ же вы хотите заставить его заинтересоваться заведеніемъ для него бесполезнымъ? Ярославль не бѣдный городъ, пусть онъ самъ заводитъ для себя женскую гимназію и гордится тѣмъ, что обошелся безъ акцизно-откупного компаніонерства; а романово-борисоглѣбовцевъ оставьте учреждать ихъ собственное «заведеніе.»

Мы предсказали, что по предмету училищъ и школъ читатели встрѣтятъ нѣсколько вопросовъ. До сихъ поръ дѣйствительно встрѣтилось нѣсколько вопросовъ, но болѣе или менѣе легко разрѣшимыхъ; теперь же придется намъ столкнуться съ нѣкоторыми нѣственными вопросами, которыхъ мы разрѣшить не можемъ. Г. Невѣровъ, бывшій директоръ училищъ Ставропольской губерціи, встрѣтивъ въ «Слб. Вѣд.» статью, въ которой упоминается, что онъ въ годичномъ отчетѣ о состояніи дирекціи, читанномъ на актѣ въ 1859 году, говорилъ о воскресномъ (литературномъ) чтеніи въ пользу предполагавшейся воскресной школы; что однако не только до сихъ поръ не состоялось чтенія, но и о самой школѣ нѣтъ помину, и что вѣроятно это было сказано только такъ, по случаю торжественнаго акта, мимоходомъ, чтобъ убаюкать публику, — встрѣтивъ эту статью, г. Невѣровъ, для объясненія дѣла, разсказываетъ слѣдующее. Литературное чтеніе въ пользу воскресной школы дѣйствительно предполагалось, но въ отчетѣ о немъ онъ не упоминалъ, а говорилъ только о самой воскресной школѣ, на что имѣлъ полное право, потому что когда онъ читалъ отчетъ, въ это время представленный имъ проектъ воскресной школы уже разсматривался учебнымъ начальствомъ, вскорѣ былъ одобренъ, и разрѣшеніе отыкрыть школу послѣдовало. Предположеніе о школѣ встрѣтило сильное сочувствіе именно въ той средѣ, для которой она учрежда-

лась: ремесленный голова представлял г. Невѣрову списокъ шестидесяти мальчиковъ, изъявившихъ желаніе учиться... Но (говоритъ г. Невѣровъ), по полученіи официального разрѣшенія отъ воеводы округа на открытіе школы, оно, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, было приостановлено мѣстнымъ начальствомъ. По этому уже и мысль о литературномъ чтеніи была оставлена.

Вотъ этого мы совсѣмъ не понимаемъ: что за слѣдъ и что за причина мѣстному начальству налагать запрещенія въ области учебного вѣдомства и еще по дѣлу частнаго предпріятія?..

Впрочемъ мало ли на свѣтѣ непонятнаго! У насъ подъ рукой есть другой, хотя не столь необъяснимый, но тоже для армянскаго смысла неудоваримый фактъ. Не угодно ли просматривать въ 15 № *Современной Литерисы* «Русскаго Вѣстника» письмо въ издателью, писанное изъ Казани г. К. «Съ нѣкотораго времени (такъ начинается оны), у насъ вошло въ моду жаловаться на недостатокъ людей дѣятельныхъ, энергическихъ, которые проводили бы благородныя убѣжденія свои въ жизнь, а не ограничивались бы ихъ завлеченіемъ въ пріятельскомъ кружкѣ, лишь для снисканія симпатіи. Въ самомъ дѣлѣ большинство, даже образованное, больше толкуетъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Но что же дѣлать? Внутренній голосъ, событія времени, подчасъ и голосъ власти призываютъ насъ впередъ. Мы рѣшаемся идти, и по старой памяти, съ опасливостью, дѣлаемъ шагъ, а тутъ какой-нибудь ревностный блюститель порядка хватается за полу и дѣлаетъ невозможнымъ движеніе»...

Далѣе, въ подтвержденіе этого, разсказывается исторія составленія учителями обѣихъ казанскихъ гимназій проекта вспомогательной кассы для лицъ ихъ званія. Исторія не длинная. Въ сентябрѣ прошлаго года учителя гимназій и преподаватели университета согласились сходиться по субботамъ у одного знакомаго лица для обмѣна мыслей. Эти собранія имѣли характеръ совершенно частныхъ. Тамъ много было задумано прекраснаго; обсуждено много педагогическихъ вопросовъ, которые уже прифѣнены къ практикѣ и приносятъ плоды: тамъ же задуманъ и составленъ проектъ вспомогательной кассы. «И однакожъ... сходки эти должны были прекратиться». Потомъ авторъ излагаетъ самый проектъ и заключаетъ свое письмо единственнымъ, такое можно найдти въ подобныхъ случаяхъ, утѣшеніемъ: хотя кружокъ учителей разстроился, но по крайней мѣрѣ оны не пропалъ безслѣдно.

Здѣсь мы даже и вопроса сдѣлать не смѣемъ, хотя еще неумолчно шевелится въ душѣ.. «Голосъ власти призываетъ впередъ, а ревностный блюститель порядка хватается за полу и дѣлаетъ невозможнымъ движеніе». Эти слова кричатъ: еще долго *будутъ* звонать у

даль въ ушахъ, и долго будутъ мелькать передъ глазами кривостычно блуждающаго, изъ которыхъ одни, какъ суевѣрные старухи, способны всякій шепотъ принять за привидѣнiе, другiе, .. другiе не суевѣрны, но ужь иначе не могутъ; непобѣдимая привычка что ли слишкомъ глубоко запустила въ нихъ свои когти, или предчувствiе одолѣваетъ и увлекаетъ ихъ?

Позвольте наконецъ намъ, читатель, немного отдохнуть отъ вооруженъ и показать вамъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ еще не случилось хватанiя за полы, и дѣло распространенiя образованiя безпрепятственно подвигается впередъ.

Въ Архангельскѣ 1 марта открыта женская воскресная школа, въ которую на первый разъ пришло двадцать пять дѣвочекъ, и такъ какъ въ городѣ нѣтъ швейныхъ и модныхъ магазиновъ, то дѣвочки пришли все маленькiя (7—12 лѣтъ), живущiя у родителей. Для такихъ ученицъ конечно нужна бы школа вселiевная, и потому преподавательницы вызвались, независимо отъ воскреснаго класса, заниматься съ ними по буднимъ днямъ у себя дома. Впрочемъ надѣются, что со временемъ кромѣ этихъ дѣтей, воскресную школу будутъ посѣщать горничныя, если только ихъ барышни, сами сдѣлавшия преподавательницами въ школѣ, не будутъ задерживать ихъ до полудня ва прическами и другими неотложными дѣлами. Надежда лестная и — едва ли не впервые, при опредѣленiи назначенiя воскресныхъ школъ, вспомнили о классѣ служанокъ, между которыми грамотныя, особенно въ столицѣ, составляютъ вѣроятно весьма ограниченное меньшинство.

Въ Архангельской губернiи распоряженiе объ открытiи женскихъ училищъ, судя по извѣстiямъ, пошло болѣе прямымъ путемъ: тамъ говорится собственно объ учрежденiи такихъ училищъ въ самыхъ убогихъ городахъ, и ни одинъ городъ, при всей ихъ глухотѣ, не отказался отъ благого начинанiя. Но самая обильная матеріальная помощь оказали въ Онегѣ, и потому тамъ 12 марта уже открыто второразрядное женское училище. Собрано на него болѣе 2500 р.; да, томъ числѣ поступило отъ одной купеческой вдовы А. Я. Платуновой 1500 р. — А. Я. Платунова, какъ женщина вѣрныя уважавшая въ Онегѣ, вѣзраца почетельницею училища.

Съ особенной, замѣтной радостью, а главное — съ радостью совершенно уважительной, сообщаютъ извѣстiе, откуда? изъ Якутска. Тамъ, говорятъ, до сихъ поръ не было никакихъ средствъ для обученiя дѣвочекъ, и теперь открытъ для нихъ приютъ, существованiе котораго на всегда обезпечено пожертвованiями гражданъ. Сколько же пожертвовано? *Двадцать пять тысячъ рублей!* Мы, подъ впечатлѣнiемъ драматическихъ сценъ, привосимъ къ вамъ пользу женскаго

образованіи въ европейской Россіи, въ первую минуту подумали, что это — опечатка; но нѣтъ! Въ извѣстіи (напечатанномъ въ газетѣ «Амуръ») прибавлено: «По вѣдому нужда въ образованіи дѣвочки почувствована у насъ сильно; вѣдь не станутъ же бросать на вѣтеръ десятки тысячъ въ нашъ практической вѣкъ!»

Извѣстіе изъ Полтавы приведемъ слово въ слово, потому что оно просто, коротко, но важно: «Гг. Пильчиковъ и Стронинъ подали еще въ январѣ просьбу о разрѣшеніи имъ открыть въ воскресные и праздничные дни рядъ *народныхъ рассказовъ* и *пѣсней* для распространенія въ народѣ элементарныхъ знацій. Представленные ими программы обнимаютъ собою всѣ предметы необходимые въ обществѣ. Безъ сомнѣнія подобное предпріятіе не можетъ не встрѣтить теплаго сочувствія въ г. попечителѣ кievскаго учебнаго округа. Это намѣреніе не успѣло еще перейти въ дѣло, какъ явилось новое, болѣе важное и замѣчательное, мысль о которомъ принадлежитъ гг. Щелкану и Стронину, — это учрежденіе общества распространенія грамотности. Проектъ устава этого общества 21 февраля представленъ начальнику губерніи».

Изъ Казани несется слухъ, который выражается еще проще и еще короче, но заключающаяся въ немъ мысль не менѣе широка и почтвенна. Говорятъ, что тамъ «нѣкоторые молодые люди, получавшіе университетское образованіе, хотятъ составить компанію для книжной торговли, и открыть безплатную школу для приготовленія юношей въ университетъ и въ разные классы гимназій». Сочетаніе этихъ двухъ предпріятій остроумно и много говоритъ въ пользу ихъ удобннсполнимости, такъ что если не произойдетъ хватанія за полы, то почему жъ бы и не сбыться многообѣщающему предположенію!

Въ Москвѣ недавно утверждено общество изданія и распространенія дешовыхъ книгъ для народнаго чтенія. Замѣчательно то, что мысль объ учрежденіи этого общества возникла между московскими дамами.

Кстати о книгахъ. Въ одной изъ залъ здѣшней второй гимназій 16 марта происходило собраніе распорядителей частныхъ воскресныхъ школъ, подъ предѣлательствомъ г-жи Шпилевской. Въ этомъ собраніи между прочимъ была прочтена г. Щебальскимъ записка о брошюрѣ г-жи Ишиновой подъ заглавіемъ: «Чтеніе для воскресныхъ школъ.» Къ крайнему прискорбію для автора, брошюрка признана неудобною для воскресныхъ школъ. Это очень грустно, и знаете ли, кто все дѣло испортилъ, кто помѣшалъ успѣху брошюрки? «Курочка» и «собачка!» Это ужасно! Г. Щебальскому, который рассматривалъ брошюру, не понравилось то, что г-жа Ишинова

ставятъ въ примѣръ труда даже курочку и говорятъ, что собачка, когда спитъ, тоже трудится. Но такое сужденіе не прошло же г. Щербальскому даромъ: г-жа Ишимова обратилась къ редакціи «Спб. Вѣдомостей», и вѣтря себя безпристрастностью сей редакціи, въ доказательство превратности сказаннаго сужденія, приводитъ то единственное мѣсто изъ своей брошюрки, гдѣ говорится о собачкѣ. Вотъ оно:

«Вотъ собачка, которая всегда очень любитъ своихъ хозяевъ и стережетъ ихъ домъ отъ воровъ. Это вѣдь не малая работа, дружокъ мой. Ночью, когда въ домѣ всѣ спятъ, чуть только что нибудь зашевелится у воротъ или на дворѣ, добрая собака ужъ и проснется, и начнетъ ворчать и лаять до тѣхъ поръ, пока дворникъ или кто нибудь изъ домашнихъ не выйдетъ посмотреть, отчего она лаетъ. Воръ, услышавъ, что на дворѣ есть собака, не посмѣетъ зайти туда и постарается скорѣй пройти мимо. Ну, какъ же не сказать, что добрая собачка трудится, и еще не для себя, а для насъ, людей?»

Правда! правда! И это совершенно извѣстно каждому мальчику-простолыдину. Жаль только, что тутъ недостасть еще нравоученія: «слѣдуй же, дружокъ мой, примѣру собачки». Вотъ это простому мальчику, если ему не подсказать, — никакъ не придетъ въ голову, потому что онъ, по малолѣтству и неразвитости, не сумѣетъ отыскать аналогію между собачьимъ трудомъ и трудомъ человѣческимъ. Но это еще не важно, а главная потеря для насъ собственно въ томъ, что мы не знаемъ, какъ трудится курочка: г-жа Ишимова ничего не говоритъ объ этомъ редакціи «Спб. Вѣдомостей», самой брошюрки мы не читали и... неужели же трудъ курочки останется для насъ тайною?..

Впрочемъ вѣтъ: еще есть надежда! Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ объявилъ конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія; если г-жа Ишимова приметъ участіе въ конкурсѣ, то въ книгу, которую она составитъ къ конкурсѣ, конечно войдетъ и занимающая насъ тайна труда курочки; книга безъ сомнѣнія удостоится награды, примется для училищъ, издастся и — мы овладѣемъ тайной... А если и не овладѣемъ; если въ будущемъ произведеніи г-жи Ишимовой не будетъ упомянуто о курочкѣ; если даже г-жа Ишимова вовсе не приметъ участія въ конкурсѣ, — все-таки конкурсъ сохраняетъ свое важное значеніе и все-таки возбуждаетъ надежды. Вотъ сущность его условій:

Отъ книги для дѣтскаго чтенія требуются: 1) приличная полнота и вѣрность свѣденій; 2) общепонятность, строгая последовательность и занимательность изложенія, и 3) чистота нравственнаго направленія.

Книга должна состоять изъ двухъ частей:

1) Первая часть должна заключать въ себя статьи, приспособенныя къ самому нѣжному возрасту.

2) Вторая должна состоять изъ статей, посвященныхъ уже для дѣтей, болѣе возрастныхъ и развитыхъ.

Вся книга по объему предполагается въ мѣстѣ 30 печатныхъ листовъ средней величины: для первой части примѣрно до 12, а для второй до 18 листовъ.

Дѣи части книги, составляя одно цѣлое, могутъ быть и на конкурсѣ представлены объѣмнѣе; впрочемъ допускается и представленіе каждой изъ нихъ отдѣльно.

За обѣ части книги, если она удовлетворитъ ожиданіямъ ученаго комитета въполнѣ, сочинитель получить въ награду 4.000 р.; за одну первую часть, при такомъ безусловномъ достоинствѣ, 1.600 р., за одну вторую 2.400 руб. Если лучшее изъ сочиненій, представленныхъ на конкурсѣ, будетъ найдено не въполнѣ удовлетворительнымъ, а потребуются исключить нѣкоторыя статьи, или дополнить сочиненіе нѣсколькими недостающими статьями, то сочинитель получитъ: за книгу въ двухъ частяхъ 3.000 р., за одну первую часть 1.200 р., за одну вторую 1800 р. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, или вообще при необходимости воспользоваться въ книгѣ для дѣтскаго чтенія статьями изъ разныхъ сочиненій, представленныхъ на конкурсѣ, сочинители избранныхъ статей получаютъ плату по 100 рублей за печатный листъ.

Книга, удостоенная награды по конкурсѣ, печатается на счетъ самаго автора по предварительному условію, заключенному имъ съ департаментомъ народнаго просвѣщенія, касательно цѣны, по которой она должна быть продаваема для училищъ. Если же цѣна, предложенная авторомъ, признана будетъ невыгодною для училищъ, то департаментъ принимаетъ на себя печатаніе книги и опредѣляетъ стоимость ея, соразмѣрно съ издержками напечатанія, съ предоставленіемъ 20% въ пользу автора.

Пріемъ рукописей поэтому конкурсѣ продолжается *полтора года*, считая съ 25-го прошлаго марта.

Мы почли добромъ привести условія конкурса, чтобы содѣйствовать ихъ наибольшей извѣстности, чтобы найдется какъ можно больше лицъ, которыя, сознавая въ себѣ умѣнье говорить съ дѣтьми и здраво поднимая, о чемъ надо говорить съ дѣтьми, взялись за это трудное и чрезвычайное нужное дѣло.

Возвращаясь еще на нѣкоторое время къ вопросамъ, чтобы уже испить до дна чашу сію...

«Хочешь торговать — зашевеливайся въ гильдіи и вступай въ купеческое сословіе...» Не самымъ палкимъ уже сдѣлающа предметомъ преемственнаго вопроса, потому что съ этого нѣкъ она задалась крайне попурацистельною, требующею разныхъ стѣснительныхъ оправданій, парализующею зачатки торговой дѣятельности въ существующихъ городахъ. Вслѣдствіе этого составлены и обнародованы проекты: «Положенія о вѣнечныхъ кошачьяхъ за время торговли и другихъ промысловъ», и «измѣненій въ уставѣ о правахъ торговцевъ.» Мы не будемъ излагать эти проекты, также какъ не будемъ входить въ подробности составленнаго въ министерствѣ финансовъ проекта новыхъ правилъ для акціонерныхъ обществъ.» Указывая на важность этихъ жизненныхъ вопросовъ, мы будемъ ждать ихъ осуществленія и примѣненія, чтобы потомъ услышать и увидѣть, въ какой степени принятыя преобразовательныя мѣры удовлетворятъ общими ожиданіямъ, въ какой степени помогутъ онѣ подняться производительнымъ силамъ страны, къ чему исключительно устремлены всѣ мысли и желанія нашихъ экономистовъ; ибо если Англія, съ своими ограниченными внутренними средствами, могла довести народъ свой до настоящей степени благосостоянія и просвѣщенія, то какъ же блистательна можетъ быть будущность Россіи, съ ея обширными производительными силами, когда съумѣютъ дать имъ должное, прямое и твердое направленіе.»

Эти слова привели мы изъ «Записокъ дилетанта въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ», къ которымъ я обращаемъ читателя, если ему угодно привести въ возможно-ясное сознаніе тѣ условія, въ которыхъ до сего дня вращаются наши промышленность и торговля. Дилетантъ, «старый служака», какъ онъ себя называлъ, разсказываетъ собственныя приключенія на промышленномъ перипетѣ; мы не имѣемъ причины не вѣрить въ искренность и правоту разказа, а приключенія его поучительны. Мы увѣрены, что въ послѣднее время у многихъ, очень многихъ, до сихъ поръ сонно, одообразно и почти безсознательно коротавшихъ или еще коротающихъ свой вѣкъ подъ бременемъ труда непроизводительнаго, мерзавъ пробуждается порывистое желаніе страхнуть съ себя это бремя, выйдти на свѣжій воздухъ, вздохнуть свободнѣе, выбрать дорогу по сердцу и предаться всею душою труду, хоть можетъ быть суровому, но возможному, съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеньемъ приближающему къ естественнѣйшей для всякаго человѣка дѣлѣ — устройству и улучшенію собственнаго благосостоянія; труду, слѣдательному, вѣрительному, съ каждымъ шагомъ впередъ идущему новыл, свѣжія силы въ душу трудящагося. И у многихъ отоварившестее, мгновенноозанипавшестее желаніе можетъ быть и оста-

лось только желаніемъ и мечтой, или быстро-исчезнувшей, или еще слабо осѣвѣвающей неясной надеждой — существовать со мной и безъ и какъ и безъ. Пусть же теплится эта надежда — съ намъ легче коротать и въ чужбину; пусть теплится она до тѣхъ поръ, когда упавшія физическія силы покажутъ невозможность дальнѣйшихъ мечтаній, и человекъ уснетъ окончательно... на радостнаго дуга. Но можетъ быть и не вслѣдъ останется при шепотѣ: можетъ быть, человекъ, одаренный дорогими качествами — энергіей, рѣшительно бросается на желанный путь и бодро зашагаетъ по слѣдамъ «адаманта въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ». Дай Богъ счастливаго пути энергическому человеку! Его подвигъ уважаетъ, его примѣръ способенъ возбудить энергію въ другой душѣ, прежде бывшей слишкомъ робкою и считавшей себя слабою. Но... дилетантъ, какъ видно изъ его записокъ, началъ свой путь съ достаточнымъ запасомъ средствъ, и только съ ними было ему возможно пройти чрезъ всѣ лежащія на пути тернія, завалы и овраги, овраги нравственные и физическіе... Да! даже физическіе овраги служили ему иногда препятствіемъ. «Въ городѣ К., говоритъ онъ, отыскалъ я мѣстность, годную для себя, но совершенно негодную для города, потому что вся она была изрыта, вдоль и поперекъ, оврагами. Предлагаю городу выровнять это мѣсто на свой счетъ и даю за это хорошую арендную плату... Не тутъ-то было! На высочайше утвержденномъ планѣ въ этомъ мѣстѣ были означены овраги, и мѣстное начальство, безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, не рѣшилось дозволить его нивелированіе, а предложило мнѣ войти по этому предмету съ прошеніемъ куда слѣдуетъ. Я поблагодарилъ за предложеніе. Мѣсто это еще и до сихъ поръ находится въ утвержденномъ по плану положеніи» (Спб. Вѣд. № 84). Впрочемъ овраги составляютъ здѣсь еще самую легкую преграду: отъ нихъ дилетантъ по крайней мѣрѣ ничего не потерялъ; а ему приходилось иногда терять, и терять много, такъ что въ этомъ странствіи дилетантъ, не запасшійся сильными средствами, кажется, могъ бы ислезать. Вотъ почему записки его поучительны; вотъ почему онъ теперь очень кстати, и кстати заключительныя слова дилетанта, что при всеобщемъ у насъ движеніи, «при такомъ живомъ, инициумѣ стремленіи впередъ, намъ всего необходимо оглядываться почаще назадъ и повнимательнѣе руководствоваться нашими бывшими промаками, бывшими ошибками; а для этого необходимо вѣрны намъ, безъ исключенія, отбросить далеко, далеко въ сторону ложный стыдъ, и публично высказывать то, что можетъ настоять на насъ на путь здраваго смысла...»

А путь здраваго смысла можетъ указать на каждомъ шагѣ.

Посмотрите напрямѣрь, въ какому грозному протесту со стороны здравого смысла должны бы были привести слѣдующій опытъ. Въ «Указ. Эксп.» помѣщается по-прежнему та же статья изъ «Хроноса Шумскаго уѣзда». Въ извѣстїи отъ 4 апрѣля тамъ говорится: «Ростовская ярмарка кончилась... Ситцевая торговля шла тихо, а особенно запарнымъ товаромъ, который не считая на большое пониженіе въ цѣнѣ, не находилъ себѣ партїонныхъ покупателей; и торговцы принуждены были прибѣгнуть для его сбыта къ самымъ крайнимъ мѣрамъ... Мѣры заключались въ слѣдующемъ: 1) большая уступка въ цѣнѣ, доходившая до того, что продаваемый прежде товаръ по 30 к. ассигн. аршинъ уступали по 22 к. ассигн. Такое пониженіе въ цѣнѣ составляетъ рѣдкое явленіе въ бумажной торговлѣ; 2) не имѣніе удачи и въ этомъ предпрїятїи прибѣгали къ мѣрѣ, да въ какой? На орехи да на пряники мыли свои произведенїя». Выгода, какъ видите, не большая, тѣмъ болѣе, что въ нашей мануфактурной мѣстности плохо развита торговля лакомствами, и счастливыя, возвратившіяся изъ ярмарки съ мѣшинами ореховъ и пряниковъ, должны пожертвовать барышами мѣны своимъ чадамъ и дочерушкамъ. Дѣти! молитесь своихъ родителей *продолжать производство мясочно товара*.

Въ самомъ дѣлѣ — какая злая насмѣшка здравого смысла надъ людьми, упрямо не хотящими слѣдовать его законамъ!

Общее, уже несомнѣнно существующее у насъ движеніе часто рождаетъ вопросы мѣстныя, и въ этомъ отношенїи намъ хотѣлось бы сказать доброе слово объ «Одесскомъ Вѣстникѣ», который видимо понимаетъ свое назначеніе: онъ постоянно проникаетъ мѣстными интересами и постоянно, по мѣрѣ силъ и возможности, работаетъ мѣстные вопросы. Недавно мы ворѣтили тамъ замѣтку о бытїи станціонныхъ ямщиковъ. Характеристику этого быта, паразитическую самыми темными красками, нужно кажется считать именно мѣстною; южно-русскою или собственно бессарабскою; потому что бытъ великорусскихъ ямщиковъ, сколько намъ извѣстно, не отличается особенной невзрачностью и загниванностью, сравнительно съ другими родами крестьянскихъ заработковъ. У насъ съ ямщикомъ обыкновенно соединяется понятїе объ удалствѣ и лихомъ разгулѣ, что вовсе несообразно съ загниванностью и горькой нуждой. Въ замѣткѣ же, о которой мы говоримъ, ямщики являются какъ будто какими-то заблудшими, лишенными всякой возможности выхода изъ своей злополучной среды. Если это такъ, то голосъ мѣстнаго наблюдателя, вызывающій общее вниманіе къ положенію блудствующихъ братьевъ, достоинъ малаго уваженія.

А съ какимъ вниманїемъ, мало того — съ какимъ трепетнымъ

любезностью страдала сафиты «Одессы». Мысли за срамъ, шедше въ непроницаемыя нравы участка жюковскаго ессейской желѣзной дороги и за вѣсны жемчужинныя слухами о ней! А одесскія мостовыя!... Объ этихъ мостовыхъ уже давно чуть не плачуть въ «Одессы». Вѣсти, а и всѣ прочіе обитатели города Одессы, а можетъ быть даже и буквально влечуть отъ «особенной», «исключительно городу принадлежащей шлы», рагъ дающей шлы клева. Отъ чего и отъ кого должно было зависѣть возжеленное устройство мостовыхъ въ Одессы — не знаемъ, но жьротно попалъ же шлы это дѣло какою нибудь тормазъ, такъ что оно не могло двинуться съ мѣста. Странно! вѣдь кажется не могло быть недостатка ни въ городскыхъ средствахъ, ни въ строителяхъ... Въ послѣднее время теорія строительнаго искусства нельзя сказать, чтобы была въ застѣ; слышныя о большихъ успѣхахъ ея; но — вѣрно не прихвненіи къ дѣлу что-нибудь ей мѣшаетъ. «Калужскія губерскія вѣдомости», сообщая отчетъ объ оборотахъ суммъ строительной комиссіи, восклицаютъ: «Итакъ содержаніе комиссіи обомшлось дорожкѣ, нежели вьсколько выстроено въ ея вѣденіи, новыхъ зданій...» И далѣе: «Въ Калугѣ недавно выстроены три новыя корпуса — одинъ въ 1857 г. для помѣщенія врачебной управы и каубахты, другой въ 1858 г. для губернской типографіи, третій въ 1859 г. для палаты государственныхъ имуществъ. Постройка ихъ обошлась земству въ 41.000 руб. сер. Послѣ постройки, зданія были осмидѣтельствованы и приняты отъ подрядчика — и что же? На другой годъ они потребовали капитальныхъ исправленій. Стѣны каубахты и типографіи проитаны сыростью; врачебная управа не могла высохнуть остальныя, но теперь переведена въ взаимное помѣщеніе; въ верхнемъ этажѣ зданія палаты государственныхъ имуществъ зимое 1860 года было такъ холодно, что чиновники принуждены были свѣдѣть въ шубахъ. Теперь обо всѣхъ этихъ несправностяхъ производится слѣдствіе».

Должно быть очень пріятно и весело было земству калужской губерніи прочесть въ своей мѣстной газеткѣ про участь, постигшую ихъ брошныя *сорокъ одну тысячу!*

Читатель, можетъ быть, думаетъ, много уже покончено съ всепросамъ? Нѣтъ! въ вашему и вашему прискорбью остается еще одинъ, но, на этотъ разъ, уже послѣдній. Это — вопросъ о шразахъ къ удержанію въ должныхъ предѣлахъ дѣйствія хлѣбства и кулаковъ. Вьобщее употребленіе этихъ символовъ матеріальной силы и власти укоренено у насъ столь отдаленной давностью, что и при думанное къ послѣднее время, помянутому «жучес орудіе» въ его

неперенесѣно или по крайней мѣрѣ ограниченно, именно — тласность, прозванная благодѣтельнойю, — и это, говорятъ, орудіе не на всѣхъ, какъ оказывается, производитъ достаточно-благодѣтельное дѣйствіе. Предоставляемъ знатокамъ хлыстовыхъ и кулачныхъ натуръ разрѣшить предлагаемый вопросъ, т. е. прислать болѣе дѣйствительныя, болѣе сильныя орудія для обузданія этихъ натуръ, а между тѣмъ записываемъ на память послѣднія ихъ проявленія.

Вѣроятно всѣ читали исторію архитектора Вергейма съ извощикомъ и четырьмя защитниками сего послѣдняго. Опускаемъ этотъ случай, какъ болѣе или менѣе извѣстный и отчасти сходный съ другимъ, о которомъ мы рассказывали давно, еще въ первой книгѣ. Остается теперь еще одинъ случай, довольно свѣжий и своеобразный, относящійся къ московской жизни.

Г. А. Владиміровъ разсказалъ въ «Моск. Вѣд.» 16 марта, что проходя по Кузнецкому мосту, онъ увидѣлъ карету, стоявшую противъ магазина Кригера и Кача, а у кареты полуодѣтаго и полубосого мальчика, продававшаго коробочки; что изъ кареты протягивалась къ мальчику рука съ серебряной монетой, но въ эту минуту изъ магазина выбѣжалъ прикащикъ съ арапникомъ и началъ хлестать мальчика по спишѣ и по ногамъ; что монету успѣли бросить, и карета уѣхала.

— Какъ ты смѣешь бить мальчика? спросилъ г. Владиміровъ.

— А вамъ какое дѣло? отвѣчалъ прикащикъ и юркнулъ въ магазинъ.

Это худо, а вотъ слѣдующее еще хуже. Г. Владиміровъ вошелъ въ магазинъ вслѣдъ за прикащикомъ; его встрѣтилъ господинъ, — хозяинъ или тоже прикащикъ, — и произошолъ разговоръ:

— Человѣкъ изъ вашего магазина билъ мальчика.

— Никто и никого не билъ изъ нашего магазина.

— Я вамъ говорю, что билъ.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

Это не дѣлаетъ чести магазину!

8 апрѣля въ тѣхъ же «Моск. Вѣд.» читаемъ отъ полиціи, что разсказъ г-на Владимірова подтвержденъ разслѣдованіемъ; билъ мальчика прикащикъ сказаннаго магазина, мѣщанинъ Александръ Павловъ Телегинъ, который, для взысканія съ него, отпращенъ въ домъ московскаго градскаго общества.

Впрочемъ и трудно бываетъ иногда удержаться отъ того, чтобы не дать воли рукамъ, по крайней мѣрѣ принимая эти слова въ переносномъ смыслѣ, т. е. трудно бываетъ иногда удержаться отъ нравственно-кулачной расправы. Бываютъ, видите ли, случаи, что вы-

ведутъ человека изъ терѣнна до того, что онъ, въ отсутствіи виновнаго, не имѣя возможности достать его ланиты, ругнетъ его во всеуслышаніе, да такъ ругнетъ, что потомъ можетъ быть и самому сдѣлается совѣстно. Мы говоримъ это вообще, а въ частности примѣняйте сами къ чему вамъ угодно.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Продолженіе занятія французскими войсками Рима и Сиріи. — Брошюра: «Письмо объ исторіи Франціи».

Австрійскія дѣла. — Славянскіе сеймы. — Ссора г. Бенедика съ венгерцами. — Открытіе государственнаго совѣта. — Мадьярскія стремленія.

Итальянскія дѣла. — Предложеніе Гарибальди. — Реакція въ Неаполѣ. — Примиреніе Гарибальди съ гг. Чіальдини и Кавуромъ. — Положеніе Италіи.

Англійскія дѣла. — Бесѣды въ парламентѣ, на митингахъ и на объѣдахъ. — Ионическіе острова. — Сирійское занятіе. — Суэцскій каналъ. — Процессъ Кошута. — Дѣло Макдональда.

Общее положеніе. — Последнія извѣстія.

Французскія дѣла.

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція начала себя поминуть, никогда еще она не была такъ счастлива, какъ теперь, и счастлива вполне, совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ, а не то, чтобы какимъ-нибудь одностороннимъ образомъ. Ей не остается ничего болѣе желать, по увѣренію большей части французскихъ газетъ. Внутри совершенная безопасность, процвѣтаніе промышленности, торговли, искусствъ, наукъ, моръ; снаружи миръ и согласіе со всѣми сосѣдями, ибо сказано разъ навсегда, что имперія есть миръ, и если были войны съ Россіей, съ Австріей, съ Китаемъ, походъ въ Сирію, въ Кохинчину и мирно-полицейская стоянка въ Римѣ, то это для вѣщаго прославленія французскаго оружія, для торжества побѣдоносныхъ орловъ; это только вырывающійся наружу избытокъ силъ, которыхъ дѣвать некуда, а имперія все-таки есть миръ. Бонапартисты въ послѣднее время обвиняютъ покойнаго короля Людовика-Филиппа за то, что онъ унижилъ Францію тѣмъ, что не доставилъ ей ни одного блестящаго воинскаго подвига, почему Фран-

Т. III. — Отд. IV. 1

ція и сошла съ той высокой степени славы, на которой подобаетъ ей стоять по храбрости ея доблестныхъ сыновъ. На это нѣкоторыя изъ англійскихъ газетъ замѣчаютъ, что своимъ нынѣшнимъ благосостояніемъ Франція именно обязана Людовику-Филиппу, въ осторожное и либеральное правленіе котораго скопились всѣ тѣ финансовыя и военскія средства, которыми располагаетъ теперь Франція. Ибо средства страши не являются въ данную минуту до щучьему велѣнію, а скопляются по меньшей мѣрѣ десятилѣтіями, даже у такого живого, подвижного народа, какъ французы. Но бонапартисты на это не обращаютъ никакого вниманія, а все приписываютъ самимъ себѣ, возвеличивая Францію чуть не до степени Средней имперіи, которая стоитъ въ центрѣ вселенной, управляетъ судьбами міра. Однако, если выскнуть въ дѣло, то окажется, что Франція хотѣла бы теперь играть очень значительную роль, но все какъ-то не удается, и поддержка въ Римѣ остатковъ свѣтской власти папы составляетъ для французскихъ солдатъ довольно затруднительную роль, во что бы ни стало поддерживать насильственное повиновеніе въ странѣ. Между тѣмъ, въ официальныхъ разговорахъ, о занятіи Рима говорится, какъ о чемъ-то великомъ, колоссальномъ, возвышенномъ, торжественномъ, и сами папскіе воины весьма гордятся своею ролью защитниковъ... но чего? Папы? Но на его особу никто не нападаетъ.

Вся сирійская экспедиція оказалась бесплодною попыткою, демонстраціею въ пользу христіанъ. Турція считается самостоятельной державой, не смотря на то, что видимо разваливается. Ея существованіе считается необходимымъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ считалъ его полезнымъ еще Байронъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ Чайльдъ-Гарольду. «Осмавы, говорятъ они, — не обманщики, не трусы, не убійцы, не низкій народъ; они не жгутъ еретиковъ: они вѣрны своему султану до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ управлять, а своему богу всегда, и безъ инквизицій. Если бы въ одно прекрасное утро они были замѣнены при Босфорѣ другимъ народомъ, то сомнительно, чтобы Европа выиграла отъ этой перемѣны; *вѣрно только то, что Англія потеряла бы*». Какъ бы то ни было, Турція, едва ли не на зло самой себѣ, признается самостоятельною, независимою державой, почти перваго порядка. Вдругъ въ одной изъ областей этой державы происходитъ избіеніе нѣсколькихъ сотъ подданныхъ. Въ тотъ же мигъ все забыто: и принципъ невмѣшательства, и уваженіе къ самостоятельности и независимости дружественной державы; французскія воины вступаютъ, съ согласія Европы, въ самостоятельное государство и стоятъ тамъ грозою. Англія съ своей

сторѣны, смотритъ подозрительно на сирійское занятіе и требуетъ, чтобы французскія войска въ условленный срокъ удалились. На всякій случай, чтобы французскія войска не находили особеннаго удовольствія оставаться въ Сиріи, Англія прилупула свой флотъ къ сирійскимъ берегамъ, съ приказаніемъ высадить войско на берегъ, въ случаѣ если французы останутся въ Бейрутѣ послѣ условленнаго срока. Точкою высадки выбрана Акра, важная крѣпость, лежащая между Бейрутомъ и Суэцкимъ перешейкомъ. Чего же они опасаются со стороны Франціи? Изъ-за чего же эти глубоко обдуманная стратегическія движенія, которыя разыгрываютъ войну въ мирное время? И почему французскія войска не сдѣлали въ Сиріи ровно ничего, кромѣ униженія дружественной державы, которую условлено звать независимою? Дѣло въ томъ, что знаменитое сердечное согласіе между Франціей и Англіей, изобрѣтенное Людовикомъ-Филиппомъ, слава ли существуетъ. Франція и Англія воевали вмѣстѣ противъ Россіи, только чтобы не ссориться между собою; по той же самой причинѣ эти двѣ страны вмѣстѣ воевали Китай. Еще съ самаго начала сирійскаго занятія приняты были мѣры, чтобы парализовать французское вліяніе въ Сиріи: учреждена была европейская коммисія для разбора дѣлъ въ дружественной и будто бы самостоятельной державѣ, и первымъ лицомъ въ ней былъ лордъ Дюфферинъ, человекъ весьма молодой, но хорошо проникнутый естественною англійскою враждою къ французамъ, и глубокимъ пренебреженіемъ или даже презрѣніемъ ко всемъ народамъ, кромѣ своей.

Такимъ образомъ французы пожили въ Сиріи, и 4 іюня уѣдутъ домой, а называемая независимою Турція выпуститъ еще на 1250 мил. піастровъ бумажныхъ денегъ, безъ ручательства дружественныхъ державъ за эти бумажки, которыя разорятъ страну уже окончательно. Но отступленіе изъ Сиріи, послѣ бесплодной стоянки, нисколько не сконфузитъ французовъ. Они сочинятъ по этому случаю нѣсколько пѣсень, устроятъ торжественный пріемъ для возвращающихся войскъ и потомъ възапуски будутъ прославлять свои подвиги на востокѣ, точно также какъ теперь прославляютъ свои подвиги въ Кохинхинѣ, въ окрестностяхъ Сайгуна. Между тѣмъ въ Сиріи слухъ о скоромъ выступленіи французовъ навелъ уныніе на все тамошнее европейское и христіанское населеніе, а турки, напротивъ, очень рады. Они говорятъ, что въ лагерѣ гяуровъ начался раздоръ, что они на это рассчитывали, что всегда такъ и было, когда всѣ они были противъ Турціи: «Опасность для насъ велика», говорятъ турки, — когда они всѣ вмѣстѣ хотятъ намъ добра; но когда они соглашаются, чтобы отъ насъ

что-нибудь вытребовать, мы можем спать спокойно, потому что едва они соединятся, как вцѣплятся другъ другу въ волосы». Въ самомъ дѣлѣ, европейская коммисія, какъ нарочно, не сдѣлала ровно ничего, чтобы не показать туркамъ, будто комиссары посягаютъ на самостоятельность Турціи или дѣйствуютъ подъ страхомъ французскихъ войскъ. Виновные въ избиеніи христіанъ до сихъ поръ еще не наказаны, а наслѣдникамъ убитыхъ не возвращены имущества; не принято никакой мѣры для предупрежденія новаго избиенія, и рѣзня будетъ навѣрное, какъ только христіанскія войска съдутъ на корабли. Но для Англіи, это обстоятельство не важно. Въ гордомъ, исполненномъ достоинства сознаніи своихъ силъ, въ могущественномъ, ясномъ, четкомъ, расчетливомъ своемъ эгоизмѣ, Англія требуетъ удаленія христіанскихъ войскъ, во что бы то ни стало. Христіанское населеніе въ ужасѣ. Прошеніе съ 323 подписями подано европейской коммисіи о томъ, чтобы христіанскія войска остались въ Сиріи. Между подписями встрѣчаются имена всѣхъ англійскихъ купцовъ и промышленниковъ, живущихъ въ Бейрутѣ и на Ливанѣ, имена купцовъ французскихъ, греческихъ, итальянскихъ, русскихъ, швейцарскихъ, и другихъ. Сначала они благодарятъ за присылку въ Сирію христіанскихъ войскъ, и прибавляютъ: «Исполняя долгъ сочувствія къ несчастному христіанскому населенію, столь жестоко пострадавшему, нижеподписавшіеся считаютъ тоже своимъ долгомъ пояснить, что если вмѣшательство Европы на нѣкоторое время дало безопасность и остановило рѣзню, то до сихъ поръ еще не принято никакой удовлетворительной мѣры, чтобы изгладить слѣды убійствъ и предотвратить ихъ возвращеніе. Десять мѣсяцевъ прошло со времени этихъ несчастныхъ событій, а несчастныя жертвы до сихъ поръ получили только обѣщанія воображаемыхъ вознагражденій. Большая часть виновныхъ еще не наказана; а наказаніе нужно и по требованію справедливости, и по требованію общественнаго мнѣнія. Незбѣжное условіе лучшей будущности, вопросъ о преобразованіи управленія краемъ, до сихъ поръ не рѣшенъ. Такимъ образомъ, положеніе Сиріи теперь хуже того, какое было вслѣдъ за рѣзней, когда населенія имѣли нравственную поддержку въ надеждахъ своихъ на заступничество Европы... Нынѣшнее положеніе Сиріи болѣе прежняго требуетъ вниманія Европы, требуетъ продолженія европейскаго вліянія, требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія окончательнаго разоренія всего здѣшняго края»... Но все это для Англіи не важно: дѣло только въ томъ, чтобы французскія войска не оставались болѣе въ Сиріи. Напрасно Франція предлагаетъ Англіи соединить войска, чтобы Сирію занимали не одни французы; напрасно

турецкія власти дружатся съ тѣми лицами, на которыхъ теперь лежатъ самымъ тяжкімъ обвиненіемъ: Англія требуетъ, чтобы французскія войска удалились изъ Сиріи... Дѣло въ томъ, что Сирія лежитъ на пути въ Индію, что здѣсь же недалеко прокапывается Суэцскій перешеекъ.

Франція отступаетъ, но съ достоинствомъ; по крайней мѣрѣ депеша г. Тувенеля къ французскому посланнику въ Константинополь, маркизу Лавалетту, написана весьма ловко и была встрѣчена громкими рукоплесканіями, когда читалъ ее г. Вильо въ засѣданіи сената 15 мая.

«Господинъ маркизь, императоръ отдалъ приказъ очистить Сирію въ срокъ назначенный конвенціею 19 марта. Проси васъ сообщить объ этомъ Портѣ, я долженъ, соображаясь съ намѣреніями его величества, просить васъ снова обратить вниманіе министровъ султана на обязанности, возлагаемыя на нихъ отбытіемъ нашихъ войскъ. — Франція приняла порученіе, довѣренное ей въ Сиріи великими державами, изъ одного чувства человеколюбія, имѣя въ виду остановить кровопролитіе и предупредить еще большія несчастія. Мы исполнили это порученіе безъ задней мысли, совершенно честно; мы посвятили всѣ свои усилія на исполненіе предположеній Европы. Намъ хотѣлось бы установить порядокъ въ такихъ условіяхъ и съ такими ручательствами, чтобы можно было надѣяться на поддержаніе порядка и послѣ отбытія нашихъ войскъ. — По нашему мнѣнію, какъ мы говорили и все еще продолжаемъ думать, для нормальнаго обезпеченія безопасности христіанъ въ Сиріи, надо было бы уйдти нашимъ войскамъ послѣ окончательнаго исполненія всѣхъ политическихъ и административныхъ мѣръ, которыя необходимы для прочнаго дѣйствія властей. Если бы Порта намъ помогала и въ этомъ конечно заключалась ея выгода, великія державы единодушно раздѣляли бы нашъ взглядъ. — Но Порта сочла лучшимъ требовать себѣ одной всѣхъ заботъ о сохраненіи мира, и ея уполномоченный увѣрялъ, что она имѣетъ на это всѣ средства. Его утвержденія въ этомъ смыслѣ были такъ формальны и рѣшительны, что конференція должна была имъ повѣрить, и въ послѣднихъ совѣщаніяхъ положено только продолжить занятіе на три мѣсяца. — Такимъ образомъ оттоманское правительство приняло на себя отвѣтственность за исполненіе тѣхъ обязанностей, которыя мы имѣемъ основанія ей указать, оставляя Сирію. При помощи пожертвованій, о которыхъ Франція никогда не будетъ жалѣть, если населенія воспользуются ихъ плодами, императорское правительство помогло водворить порядокъ въ этой области, и не потернеть, чтобы тамъ опять начался безпорядки. Если бы это

случилось, то общественное мнѣніе Европы возстадо бы; это значило бы, что оттоманское правительство безсильно и придется дѣйствовать за него. — Если Порты не придумаетъ новой комбинаціи, мы должны очистить Сирію въ силу обязательства, котораго мы не можемъ не исполнить, не нарушая святости трактата; въ силу этого акта мы дадимъ помощь своими войсками, и не можемъ отказаться отъ вызова ихъ, по истеченіи условленнаго срока; къ тому же мы обязались дать необходимыя силы для занятія Сиріи во имя всей Европы вмѣстѣ, и намъ нельзя измѣнить характера взятаго на себя порученія. Мы спрашивали себя, не полезно ли будетъ предложить имъ, еще на новый срокъ отложить занятіе. — Но пренія по поводу первой отсрочки занятія и неизмѣнныя объявленія Порты показали намъ, что предложеніе новой отсрочки будетъ несовмѣстно съ нашимъ достоинствомъ: только султанское правительство, лучше понимающее свои выгоды, могло бы войти съ такимъ предложеніемъ. И такъ мы очистимъ Сирію въ срокъ, назначенный парижскимъ трактатомъ; но передъ этимъ мы должны явно выразить свои опасенія и рекомендовать Портѣ доказать, что она располагаетъ, какъ она говоритъ, необходимыми средствами для защиты христіанъ отъ возвращенія бѣдствій или испытанныхъ. — Такимъ образомъ мы исполнимъ всѣ свои обязанности: съ одной стороны, мы изложили державамъ почему мы считаемъ очищеніе Сиріи преждевременнымъ, до административнаго преобразованія Ливана; съ другой, — мы всячески заботились о внушеніи Портѣ всего того, что нужно для исполненія обязанностей благоустроеннаго правительства относительно подданныхъ. Имѣя въ виду свой трактатъ, мы ничего не могли сдѣлать болѣе, и теперь отвѣтственность лежитъ не на насъ, но самое истеченіе того времени, когда мы были связаны соглашеніемъ съ другими кабинетами, возвращаетъ намъ полную свободу взглядовъ и дѣйствій. — Поэтому мы будемъ имѣть право разсматривать, въ всякихъ особенныхъ условіяхъ, событія, могущія возникнуть въ Сиріи, и мы не имѣемъ нужды скрывать отъ Порты, что вѣковыя преданія возлагаютъ на насъ обязанность подать ливанскимъ христіанамъ дѣйствительную помощь противъ новыхъ преслѣдованій. — Объяснитесь въ этомъ смыслѣ съ Ада-пашой, прочтите ему эту депешу и оставьте съ нея копию».

Въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣній мы привели довольно подробное извлеченіе изъ рѣчи принца Наполеона, произнесенной въ сенатѣ. Эта рѣчь падѣла тогда много шуму: говорили, что она есть точное выраженіе мнѣній самаго правительства; одинъ изъ министровъ на другой же день разослалъ ее ко всѣмъ префектамъ, а потомъ самъ императоръ не одобрилъ смысла рѣчи принца, по

крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ говорилось о Римѣ и о свѣтской власти папы. Вдругъ явилась въ продажѣ небольшая брошюра, подъ заглавіемъ: «Письмо объ исторіи Франціи».

Она поступила въ продажу утромъ, а вечеромъ была запрещена, и не большое число оставшихся отъ продажи экземпляровъ было конфисковано. На другой же день въ Мониторѣ появилось письмо принца Наполеона, которымъ онъ проситъ императора остановить преслѣдованіе брошюры, «потому что, прибавляетъ онъ, — задуть не значитъ отвѣтить». Тѣмъ не менѣе запрещеніе не было снято, а издатель брошюры и хозяинъ типографіи, въ которой она печаталась, потребованы къ суду.

4 мая происходилъ судъ. Адвокатъ Геберъ защищалъ г. Дюминерэ, издателя, обвиняемаго въ возбужденіи къ ненависти и презрѣнію правительства изданіемъ брошюры: письмо объ исторіи Франціи принца Омальскаго. Адвокатъ Дюфоръ защищалъ г. Бо, типографщика, обвиняемаго въ участіи въ томъ же преступленіи тѣмъ, что далъ свои станки. Императорскій адвокатъ Дюкрё былъ обвинителемъ. Вотъ въкратцѣ его слова: «Политическія обстоятельства, которыя мы только что пережили, породили въ послѣдніе мѣсяцы множество брошюръ; многія изъ нихъ съ живостью нападали на дѣйствія и поведеніе правительства; эти нападенія могли происходить совершенно свободно. Правительство хотѣло, чтобы изъ всѣхъ споровъ, какъ бы они страстны ни были, возникла истина. Но въ послѣдніе дни явилась брошюра, которая рѣшилась нападать на императорское правительство въ самой его сущности. Это сочненіе обязывало правительство къ преслѣдованію. Стражи закона не могли позволить, чтобы онъ былъ такъ оскорбительно нарушаемъ. Правительство, трижды утвержденное единодушными голосами страны, не могло позволить нападенія на самыя основанія своей силы, то есть на націю. Бездѣйствіе въ такомъ случаѣ было бы слабостью. Сначала, по заглавію и подписи, можно было думать, что это простой отвѣтъ на рѣчь, произнесенную въ сенатѣ; но вскорѣ, съ первыхъ же страницъ оказывалось, что это не иное что, какъ памфлетъ, какъ политическій манифестъ. Поэтому, нельзя было повиноваться желанію е. и в. принца Наполеона. Онъ хотѣлъ, чтобы одно общественное мнѣніе было судьей нападеній, заключающихся въ манифестъ...»

Далѣе, императорскій адвокатъ переходитъ къ обвиненію: «Что касается до обвиняемыхъ, то они опыты въ своемъ дѣлѣ; они сдѣлались холодными орудіями самыхъ сильныхъ политическихъ страстей; они бросили въ публичку сочненіе, которое должно было

посѣять волненіе; они, очевидно, принимаютъ участіе въ этихъ страстяхъ; но они также хотѣли и денегъ; это изданіе было съ ихъ стороны спекуляціей, разсчитанною на рискъ. Принципы наши осуждаются: содержаніе книги сосредоточено въ послѣднемъ параграфѣ, гдѣ авторъ, указывая на дурные пути правительства, предполагаетъ, что когда-нибудь страна встанетъ, какъ одинъ человекъ и скажетъ государю, причинившему все зло: «что сдѣлали вы изъ Франціи?» Теперешняя Франція представляетъ зрѣлище спокойствія въ могуществовѣ, и еслибы мы хотѣли провести параллель, то мы указали бы, что представляла Франція подъ другимъ правительствомъ, «тихое движеніе свободныхъ учреждений» котораго съ такою любовью хвалитъ авторъ; тамъ мы найдемъ только кровавыя возмущенія, возстаніе Вавдеи, осадное положеніе, и ужъ я не говорю о раздорахъ между тѣмъ, что называли мыслью личною и мыслью представителей страны».

Далѣе императорскій адвокатъ показываетъ какъ много зла сдѣлало Франціи правительство Людовика-Филиппа, и сколькими благодѣянiями осыпана страна императоромъ. Особенно сильно налегаетъ онъ на воинскую славу, на лавры, пожалыте подъ Севастополемъ, на поляхъ Мадженты, Сольферино, въ Китаѣ, въ Римѣ, въ Кохинхинѣ. Онъ кончилъ свою рѣчь словами: «что сдѣлали вы изъ Франціи? — Франція теперь уважаема и любима всѣми, и отнынѣ впредь безъ ея позволенія не будетъ сдѣлано въ мірѣ ни одного пушечнаго выстрѣла. Что мы сдѣлали изъ Франціи? — Мы сдѣлали страну, которая гордится своимъ правительствомъ и имѣетъ къ нему законное довѣріе!»

Защищать издателя Дюминера долженъ былъ адвокатъ Дюфоръ. Дѣло было въ высшей степени трудное. Законъ требуетъ, чтобы обвиняемый былъ защищаемъ во всякомъ случаѣ, если даже это обыкновенный разбойникъ, сознавшійся въ своихъ преступленіяхъ. Императорскій адвокатъ говорилъ долго, но все что онъ говорилъ, относилось къ правительству покойнаго короля съ дурной стороны, а къ нынѣшнему правительству — съ хорошей. Въ защиту издателя можно было бы сказать, что это у него торговое дѣло, и если товаръ не нравится — не покупайте, а если онъ считается почему-то вреднымъ — отберите его и преслѣдуйте автора, составителя ядовитаго товара. Но составителя достать нельзя, и потому надо наказать издателя. Къ тому же адвокатскія привычки и преданія требуютъ, чтобы защита подсудимаго была отвѣтомъ на обвиненіе, хотя бы въ обвиненіи было говорено много посторонняго, не относящагося къ дѣлу. Поэтому приходилось ему защищать правительство покойнаго короля, показывать слабыя

стороны публичнаго и защищать не издателя; а самого автора, хотя о немъ въ судѣ исправительной полиціи не могло быть рѣчи. Но дѣло это было въ высшей степени щекотливо; это было что то въ родѣ опасныхъ гимнастическихъ упражненій, въ родѣ пляски на полу, утыканномъ лезвьями кинжаловъ.

«Г. Дюминерэ обвиняется, говорилъ онъ, — въ намѣренномъ возбужденіи несправедливости къ правительству; говорятъ, онъ не могъ опинаться касательно значенія и цѣли издавнаго имъ сочиненія, касательно впечатлѣнія, какое оно должно было произвести. Позвольте отвѣчать на это, что впечатлѣніе было далеко-не такъ единодушно, какъ говорятъ; и въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ было дѣло. Въ пятницу, 12-го, брошюра сообщена въ присутственное мѣсто въ Версали, которое передало ее въ Парижъ, гдѣ было довольно времени для ея прочтенія, и только въ субботу, въ часъ пополудни, черезъ двадцать пять часовъ послѣ предъявленія брошюры куда слѣдуетъ, она поступила въ продажу, и гдѣ же? въ самомъ бойкомъ мѣстѣ Парижа. Только въ половинѣ шестого въ тотъ же день подписанъ приказъ объ отобраніи брошюры, когда уже все изданіе было продано. Чему слѣдуетъ приписать это? Ужъ конечно не небрежности, не равнодушію агентовъ правительства. Нѣтъ: тому же чувству, какое было у всякаго, что нападеніе оправдываетъ отвѣтъ; всякій видѣлъ въ этомъ естественное право защиты, право данное какому бы то ни было оскорбленному. Въ воскресенье является Мониторъ, съ примѣчаніемъ о запрещеніи брошюры, а черезъ два дня принцъ Наполеонъ, отказываясь отъ удовлетворенія, по крайней мѣрѣ законнымъ путемъ, пишетъ письмо, напечатанное въ Мониторѣ, и проситъ о снятіи запрещенія, и тутъ же называетъ брошюру памфлетомъ, манифестомъ. Здѣсь я слышу, что принцы Орлеанскіе сравниваются съ Стюартами, составлявшими заговоры въ чужихъ земляхъ.

«Есть ли во всей жизни этихъ принцевъ хотя одинъ поступокъ, который могъ бы оправдать подобное обвиненіе, когда Франція не можетъ сдѣлать имъ ни малѣйшаго упрека? Они живутъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ совершенномъ уединеніи, пользуются общимъ уваженіемъ, группируются вокругъ матери, испытанной въ изгнаніи столькими горестями и столькими людскими несправедливостями. Слышали ли отъ нихъ ктонибудь малѣйшій ропотъ? Былъ ли хоть малѣйшій признакъ заговора? А между тѣмъ они безпрестанно были вызываемы, и газетными статьями, и людьми, которые прежде были у нихъ въ службѣ. Отвѣчали ли они когданибудь? Нѣтъ. Правда, въ одной изъ многихъ брошюръ, написанныхъ въ отвѣтъ на ту, которую преслѣдуетъ теперь генеральный адвокатъ, замѣчено было, что принцы Орлеанскіе имѣли право печатать во Франціи; да, они

напечатали въ *Revue des Deux Mondes* три замѣчательные этюда : принцъ Жуанвильскій — о французскомъ флотѣ, принцъ Омальскій о пѣшихъ егеряхъ, о зуавахъ, и ученую диссертацию объ *Alezis* Цесаря. Можно ли указать въ этихъ сочиненіяхъ хотя одно какое нибудь слово порицанія или нападенія противъ императорскаго правительства? Нѣтъ ни малѣйшей возможности отыскать тамъ другое чувство, кромѣ любви къ отечеству и желанія ему величія. Тамъ встрѣчаются похвалы нашимъ генераламъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали; тамъ хвалятъ Кавеньяка, Канробера, Сент-Арно, но больше всего хвалятъ нашихъ храбрыхъ солдатъ; вездѣ духъ самый непристрастный, тонъ спокойный, исполненный достоинства, и одна только страсть, именно пламенная страсть къ славѣ и счастью Франціи. Не знаю, какія доказательства собралъ г. императорскій адвокатъ противъ Стюартовъ, составляющихъ въ чужихъ земляхъ заговоры; но я ручаюсь, что онъ не приведетъ ни одного противъ принцевъ орлеанскаго дома. У насъ бывали претенденты, и когда они составляли за границей заговоры, я спрашиваю васъ, не иначе ли это дѣлалось? У нихъ были тайные типографскіе станки, даже свои журналы; они употребляли въ дѣло тысячи другихъ, болѣе сильныхъ средствъ, о которыхъ и не хочу напоминать, и которыя тоже могли бы быть употреблены принцами орлеанскими. Зачѣмъ же они ожидали бы 1861 года, чтобы пустить орлеанскій манифестъ? Мы вѣдь знаемъ теперь, что это манифестъ. Не видали ли мы довольно манифестовъ, которые авторы принуждены были покинуть, когда счастье возводило ихъ на престолъ? Трибуналь прочтетъ эту брошюру и оцѣнитъ отвѣтственность Дюминерэ, какъ издателя. Онъ найдетъ въ ней живыя нападенія въ отвѣтъ на сильные вызовы, но не найдетъ ничего похожаго на манифестъ. Но если это не манифестъ, то что же это такое? Это отвѣтъ, въ которомъ оскорбленный отвѣчаетъ на вызовъ; но я не забываю кліента, за котораго говорю, и если это чувство защиты честно, то издатель виновенъ ли въ томъ, что раздѣлялъ его? Или, доводя дѣло до простѣйшихъ выраженій, я спрашиваю васъ: на меня нападаютъ; я беру оружіе друга для защиты. Станутъ ли преслѣдовать друга за то, что онъ далъ мнѣ оружіе? — Я утверждаю, что былъ вызовъ. Въ засѣданіи сената 1 марта была произнесена важная рѣчь. Ораторъ предлагалъ разрѣшеніе римскаго вопроса, защищая единство Италіи. Не мое дѣло говорить, какъ разобранъ былъ вопросъ, но всякій пойметъ, что онъ могъ быть разобранъ, не касаясь принцевъ орлеанскихъ. Пусть при случаѣ говорилось о Бурбонахъ неаполитанскихъ; но зачѣмъ же замѣшались сюда Бурбоны французскіе? — Трибуналь знаетъ, какъ сильно распространена была эта рѣчь; известно, что

мицистръ разослалъ префектамъ депешу въ тотъ же день : «Великодушная рѣчь произнесена его императорскимъ высочествомъ принцемъ Наполеономъ ; она произвела огромное впечатлѣніе.» И у дверей каждой церкви во Франціи можно было читать эту великодушную рѣчь, какъ читаются императорскія прокламаціи. Этотъ исключительный способъ распространенія, развѣ не прибавляетъ къ вызову? На это намъ какъ будто бы говорить : вы можете отвѣчать, даже нападать на принца Наполеона ; но не нападайте на правительство. Мой отвѣтъ готовъ ; когда правительство присвоило себѣ рѣчь, эти нападенія были законны. И развѣ ораторъ не отъ имени правительства говорилъ : *мы* удивляемся Гарибальди, *мы* даемъ только *свое* сожалѣніе королю неаполитанскому... *мы* васъ разстрѣляемъ... Послушать, такъ подумаешь, что принцъ Наполеонъ все сдѣлалъ въ Италіи, и тогда, отвѣчая ему, надо было разъяснять факты, въ которыхъ онъ принималъ такое участіе. (Улыбки.) Сейчасъ находили удобнымъ сравнивать правительство іюльское съ императорскимъ ; васъ тутъ вызываютъ. Я спрашиваю трибуналъ, имѣю ли я право хвалить то, что сейчасъ порицали? Вы знаете, что нѣтъ. Я признаюсь въ своемъ безсиліи ; но вы знаете свойство этого безсилія. Вы легко одержали побѣду. Увѣряю васъ, что издавая брошюру, г. Дюмперэ весьма мало заботился о томъ, что было въ 1840 г. Обязанный его защищать, я буду ему подражать, и займусь только брошюрой и заключающимися въ ней порицаніями. Если бы эти порицанія и были несправедливы, то они не преступленія. Спрашивается, преступленіе ли — сказать о правительствѣ, что оно двуличное правительство? Развѣ тотъ же самый упрекъ не былъ обращаемъ лорду Пальмерстону въ Англіи, г. Кавуру въ Сардиніи, г. Рожье въ Бельгіи? Правительства эти обижались? Нѣтъ, нисколько. А почему? Я вамъ скажу это, или вѣрнѣе, вы уже сами это говорите : нынче отвѣтственность перемѣщена, и съ подобнымъ упрекомъ нельзя безъ большой несправедливости обратиться къ г. Валуевскому ; отвѣтственность идетъ выше. Но что говоритъ принцъ Омальскій отличается ли отъ того, что говорилъ въ законодательной палатѣ г. Келлеръ, упрекая правительство въ томъ, что оно давало варъзные пушки г. Кавуру и корнью королю неаполитанскому? Нашъ почтенный товарищъ г. Фавръ пошелъ еще дальше : онъ говорилъ о политикѣ неблагородной ; но самъ принцъ Наполеонъ, въ своей рѣчи упрекаетъ г. Кавура къ недостаткѣ откровенности и прибавляетъ, что онъ въ этомъ случаѣ подражаетъ французскому правительству. Если же надо видѣть въ подобномъ упрекѣ возбужденіе къ ненависти, то, значитъ, всякое политическое преніе заключаетъ въ себѣ преступленіе. Остается сдѣлать одно замѣчаніе ; но я считаю его важ-

нымъ. Въ нашихъ правахъ есть, какъ вамъ извѣстно, правило, лежащее вслѣдствіе умственнаго движенія двухъ послѣднихъ вѣковъ. Когда обвиняемый находится подъ рукою правосудія, то вокругъ него все смолкаетъ; ни кому не придетъ въ голову его обвинять. Это чувство благородное. Принцъ сказалъ: «задушить не значитъ отвѣтить!» «Задушить — выраженіе не мое; оно принадлежитъ принцу. Вы понимаете, что онъ хотѣлъ сказать. А между тѣмъ не ограничились тѣмъ, что задушили: и задушили, и отвѣчали, и преслѣдуютъ судомъ. Вамъ извѣстно, что въ Парижѣ есть цѣлая фабрика безымянныхъ брошюръ, изъ которыхъ нѣкоторыя проходятъ незамѣченными, а другія безпокоютъ Францію и пугаютъ Европу. Вотъ девять брошюръ, большею частью безымянныхъ, которыя всѣ имѣютъ претензію опровергать сочиненіе принца Омальскаго. Нѣкоторыя имѣютъ заглавія, легко вводящія публику въ обманъ: такъ одна изъ нихъ называется: брошюра принца Омальскаго. Многие думаютъ, что это и есть настоящая брошюра; она пролана въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Авторы этихъ сочиненій не имѣютъ большого вкуса къ свободѣ, за то имѣютъ страстную любовь къ законности. Эти брошюры обидны особенно потому, что искажаютъ мѣста изъ сочиненія принца и потомъ искаженное опровергаютъ. Въ одной я читаю, что принцъ Омальскій всегда былъ грубъ съ солдатами, потому что не понималъ ихъ никогда... Въ другомъ мѣстѣ его представляютъ сторонникомъ контръ-революціи, который хлопочетъ объ иностранномъ вторженіи. Я не прошу преслѣдовать эти брошюры; но я прошу, чтобы теперь же снова было пущено въ обращеніе сочиненіе принца Омальскаго. Правда, я защищаю здѣсь не его высочество принца Омальскаго; но я невольно становлюсь на мѣсто автора, и не могу не сказать, что наша личность заключается не въ однихъ только вѣдшихъ актахъ, но въ особенностяхъ и прежде всего, въ чувствахъ, въ мысляхъ, насъ оживляющихъ. Искажать мысли и чувства честнаго человѣка, это значитъ — прибавлять еще горечь къ горю изгнанія. Но я кончаю словами писателя высокостоящаго: «Остерегайся, говорить онъ изгнаннику (сочиненія Наполеона III, томъ I, стр. 404), остерегайся каждаго слова, вылетающаго изъ твоей груди, каждаго вздоха твоего сердца, потому что есть люди; получающіе жалованье за искаженіе твоихъ словъ и твоихъ вздоховъ... Если клеветаютъ на тебя, не отвѣчай; если оскорбляютъ тебя, молчи, потому что органы публичности для тебя закрыты; они не примутъ твоихъ возраженій. Изгнанникъ долженъ страдать не жалуясь; правосудіе для него не существуетъ...» Эти слова, — прибавилъ г. Дюфоръ, я ихъ понимаю, какъ горькую жалобу изгнанника; я не понялъ бы ихъ какъ

правительственную программу подъ управленіемъ изгнанника, слѣдующаго императоромъ.»

Защита г. Гебера была менѣе удачна. Говоря въ пользу типографщика, г. Бо, онъ все старался увѣрить судей, что сочиненіе его высочества принца Омальскаго есть благородное и законное опроверженіе нападокъ, а мѣста брошюры, на которыя особенно обращено вниманіе правосудія, суть справедливыя поправки, а дѣло типографщика — распространять все, что справедливо, что добро, и потому г. Бо не можетъ быть обвиненъ. Потомъ онъ сталъ объяснять подвергнутыя обвиненію мѣста книги, и счелъ нужнымъ, для лучшаго ихъ уразумѣнія, связать ихъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и прочелъ такимъ образомъ большую часть брошюры.

Кромѣ того, адвокатъ прочелъ нѣсколько рѣзкихъ отрывковъ изъ сочиненія принца Людовика-Наполеона, который въ 1839 году, точно также какъ теперь принцъ Омальскій, провелъ сравненіе между дѣявіями перваго императора и дѣявіями Людовика-Филиппа. «Это сочиненіе явилось во Франціи свободно, въ то время, когда возмущеніе только что было подавлено однимъ дѣйствіемъ національной гвардіи. Это сочиненіе написано было изгнанникомъ, несчастнымъ, и типографщикъ и издателя поэтому случаю не безпокоили...»

Вслѣдствіе всего этого, Дюмиерэ, издатель, приговоренъ къ годичному тюремному заключенію и штрафу въ 5000 франковъ, а Бо, типографщикъ, къ шестимѣсячному тюремному заключенію и тоже штрафу въ 5000 франковъ; послѣ чего засѣданіе было закрыто.

Для англійскихъ газетъ, пользующихся неограниченнымъ правомъ хвалить и порицать все, что онѣ находятъ достойнымъ похвалы или порицанія, такая строгость совершенно веностижима. «Такъ вотъ они, хваленые принципы 1789 года, говоритъ газета *Sun*, на которые безпреставно ссылается и ежеминутно опирается французское правительство; но мы напрасно искали въ учрежденіяхъ этого великаго года такого закона, который оправдалъ бы тюремное заключеніе гг. Дюмиерэ и Бо; оказывается, что принципы 1789 г. совсѣмъ иные, а типографщикъ попалъ въ тюрьму въ силу 4 статьи декрета 11 августа 1848 года. Это гораздо ближе, и нечего далеко ходить за объясненіемъ. Тогда какъ же объяснить поминутныя ссылки на великіе принципы, тогда какъ на дѣлѣ исполняется другое, противное? Какъ же назвать это, какъ не двуличностью, безпрерывнымъ обманомъ бѣлыхъ гражданъ, которые до сихъ поръ еще на столько ребячески смотрятъ на вещи, что не понимаютъ, куда ведутъ ихъ нынѣшніе порядки. Въ такомъ положеніи вещей, нація хватить не надолго. Кто постоянно употребляетъ корсетъ, тому не-

вольво кажется, что онъ очень крѣпко и прямо держится. Но корсетъ спадаетъ, и оказывается, что развитіе искажено, организмъ слабъ, самъ собою не держится, и много времени, много усилій нужно на то, чтобы окрѣпло обезпеченное имъ тѣло. Крѣпко ошибается тотъ кто думаетъ, что Франція своимъ благосостояніемъ или своими дѣйствіями обязана вышшимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Последнія имѣютъ лишь незначительное вліяніе на какія-нибудь ничтожныя насущныя мелочи. Но вышняя сущность государственнаго быта вся цѣликомъ зависитъ отъ болѣе или менѣе разумной дѣятельности угасшаго поколѣнія, такъ что напр. въкомѣ Людовика XIV слѣдуетъ, по настоящему, называть не то время, въ которое онъ жилъ, а то, въ которое слѣдующее поколѣніе искутало и поправляло его ошибки, конечно прибавляя къ нимъ и своихъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что по снятіи корсета, страна не въ состояніи будетъ стоять прямо, и тогда, проклятая свое настоящее, найдеть, что вся воинская слава, вмѣстѣ съ полицейскимъ тщеславіемъ, что безъ нашего позволенія не грянетъ ни одна пушка, не стоитъ одного исправнаго плуга съ парой добрыхъ лошадей».

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА

Хитро придуманная машина австрійской конституціи начинаетъ приводиться въ исполненіе; но не вся машина еще собрана; отдѣльныя части дѣйствуютъ болѣе или менѣе исправно, а цѣлости въ машинѣ еще нѣтъ. Будущность имперіи будетъ обезпечена въ то время, когда всѣ пружины начнутъ дѣйствовать совокупно, согласно, въ одномъ направленіи. Во всѣхъ королевствахъ и областяхъ имперіи открыты провинціальныя сеймы, и такъ какъ большинство австрійскаго народонаселенія — славяне, то теперь стремленіе каждой изъ мелкихъ славянскихъ народностей къ самостоятельности обнаруживается съ большою силою. Славянскія земли, приписанныя произвольнымъ образомъ къ Венгріи, и тѣ, которыя мадярами были когда-то завоеваны, поднимаютъ голосъ, хотятъ быть самими собою на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ того хочетъ сама Венгрія. Сторонники отдѣленія Венгріи увѣряютъ, что австрійское правительство, по старинному правилу *divide et impera*, нарочно старается посорить славянъ съ мадярами, чтобы такимъ образомъ однихъ держать въ рукахъ посредствомъ другихъ. Это большая ошибка, потому что въ самой крови между мадярами и славянами гораздо больше разницы или, если можно такъ выразиться, разстоянія, чѣмъ между нѣмцами и славянами. По привычкамъ и въско-

вымъ преданіямъ, славяне одарены инстинктами демократическими, и если у нѣкоторыхъ вѣтвей этого племени развивались принципы аристократическіе, то это лишь случайно, вслѣдствіе исключительныхъ историческихъ вліяній. Магьяры по преимуществу имѣютъ инстинкты аристократическіе; магнаты между ними есть что-то въ родѣ полубоговъ, и въ общественномъ мнѣніи они стоятъ на высотѣ недосягаемой, выше нежели лорды въ Англіи. У нихъ человѣкъ уважается не за достоинства свои, не за добродѣтели, даже не за деньги, а за то только, что онъ носитъ такую или другую фамилію, хотя большая часть магнатовъ очень богаты. За то же и каждый мадьяръ, безъ исключенія, знатенъ онъ или нѣтъ, считаетъ себя магнатомъ относительно нѣмца, итальянца, славянина, француза, англичанина, и т. д. Дякому, кочевому народу, мадьярамъ, выпалъ случай покорить смиренныхъ земледѣльцевъ, славянъ; съ тѣхъ поръ для мадьяра славянинъ не человѣкъ, и это не въ переносномъ какомъ-нибудь смыслѣ, а въ самомъ дѣлѣ и на это есть даже коренная, древняя поговорка; въ первыя времена мадьярскаго вторженія славянина убивали равнодушіемъ, нежели собаку, и мадьяры въ славянской странѣ бушевали несравненно свирѣпѣе, чѣмъ у насъ татары. Но къ несчастію для славянъ, они тамъ остались, тогда какъ насъ татары оставили. Потомъ исторія Венгріи сложилась весьма для нея благоприятно. Страшные во время вторженія угры или угры, или венгры, долгое время были страшилищемъ Европы; потомъ Стефанъ ввелъ въ своей странѣ христіанство, ходилъ войною на тѣхъ непокорныхъ, которые не хотѣли креститься, истребилъ въ этихъ войнахъ множество народу, и получилъ отъ папы Сильвестра II ту корону, которая составляетъ теперь верхнюю часть *священной венгерской короны*. Стефанъ началъ называть свои владѣнія королевствомъ, раздѣлилъ его на 72 комитата или палатината и поручилъ ихъ палатинамъ, зависѣвшимъ только отъ него одного, и управлявшимъ военною и гражданскою частью. Эти палатины, вмѣстѣ съ нѣкоторыми еще прежними магнатами и съ нѣкоторыми позднѣйшими саповниками, составили зародышъ того, что теперь составляетъ тамъ аристократію, которая, среди всѣхъ возможныхъ переворотовъ, съ весьма достойною уваженіемъ твердостью отстаивала свои права и защищала ихъ весьма успѣшно противъ посягательствъ разныхъ королей. Но при этомъ у нихъ, какъ впрочемъ и вездѣ, имѣлось въ виду одно только высшее сословіе, а страны, завоевываемыя и подвластныя мадьярамъ, шли только въ придачу, сверхъ счѣта. Такъ венгерскіе магнаты съ половины XIV вѣка стали распорядиться Червленною Русью, нынѣшнею Галиціею, которая тогда была завоевана. Одно время Венгрія занимала очень важное мѣсто въ

Европѣ, когда Людовикъ I соединилъ двѣ короны, венгерскую и польскую. Ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ мадьярами-магнатами съ разными королями, ни слова не было упомянуто о подвластныхъ имъ славянахъ, и только въ послѣднее время, благодаря общему, единому и нераздѣльному гнету австрійскаго правительства, славянскія народности начали выходить изъ-подъ мадьярскаго ига. Венгерское правительство 1848 года сдѣлало ту огромную ошибку, что не признало славянскихъ народностей, не призвало ихъ къ одинаковымъ съ мадьярами правамъ, и по старому обычаю не считало ихъ существующими. Мадьяры дорого заплатили за эту ошибку, но не въ ихъ нравахъ было бы исправленіе; они для этого слишкомъ горды, и разъ какъ-то мимоходомъ объявивши, что они примутъ въ соображеніе славянскія народности, занялись исключительно разъясненіемъ своихъ отношеній къ австрійской имперіи и между прочимъ, объясненіями съ своимъ соотечественникомъ, фельдцейхмейстеромъ Бенедеккомъ, нынѣшнимъ главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ въ венеціанской области. Г. Бенедекъ издалъ приказъ по арміи, въ которомъ поясняетъ войску его обязанности, сообщаетъ свой взглядъ на событія, и говоритъ, что австрійское правительство встрѣчаетъ много препятствій въ исполненіи своихъ благихъ намѣреній. Исчисляя эти препятствія онъ, между прочимъ, говоритъ о «нѣкоторыхъ трусливыхъ или малодушныхъ (feige) магнатахъ, которые боятся рискнуть своею популярностью, плывутъ съ теченіемъ, и въ опасеніяхъ за настоящую минуту, не видятъ, что почва исчезаетъ у нихъ подъ ногами, если они не станутъ съ неустрашимостью на сторону короны.

Магнаты тотчасъ же обратили эту муху въ слона; впрочемъ надо замѣтить также, что въ ихъ положеніи это совершенно понятно, тѣмъ болѣе, что самъ фельдцейхмейстеръ родомъ мадьяръ, и этотъ приказъ показался имъ измѣною общему дѣлу. Они точно также печатно отвѣчали г. Бенедекку и, какъ говорится, отдѣлали его. «Въ приказѣ, напечатанномъ за подписью фельдцейхмейстера Бенедека, заключаются оскорбленія чести мадьяровъ, которые не признаютъ конституціи, данной 26 февраля. Но такъ какъ наше отечество имѣетъ, благодаря Бога, основные законы, завѣщанные намъ предками, въ силу которыхъ Венгрія въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла и впредь будетъ составлять королевство независимое, отличное отъ провинцій австрійскихъ; такъ какъ титулъ магната, по ясному смыслу нашихъ уставовъ, принадлежитъ графамъ и баронамъ венгерскимъ и всѣмъ членамъ верхней палаты, означаетъ первое сословіе въ Венгріи и служитъ для именованія магнатовъ собственно венгерскихъ; то ясно, что слова

фельдцейхмейстера Бенедекка: «нѣкоторые малодушные магнаты» относятся къ всѣмъ членамъ сословія венгерскихъ магнатовъ, которые, сообразно съ своимъ законнымъ правомъ, считаютъ полезнымъ, при конституціи данной, удержать нашу древнюю венгерскую конституцію, т. е. мы можемъ это утверждать смѣло, ко всѣмъ магнатамъ нашего отечества. Мы не станемъ разбирать политическія мнѣнія г. фельдцейхмейстера Бенедекка, но мы обязаны передъ самими собой и передъ нашими соотечественниками, находящимися внѣ отечества, мы обязаны сказать ясно, что мы обязаны будемъ объявить весьма малодушнымъ всякаго венгерскаго магната, который не былъ бы готовъ каждую минуту защищать конституцію, которую поддерживали наши отцы своею кровью, которой присягали наши короли. Мы были бы обязаны объявить извѣстникомъ отечеству всякое лицо, которое не приметъ въ соображеніе великости настоящаго положенія я, забывъ положеніе и законы своего отечества, станетъ порицать и будетъ стараться клеймить тѣхъ, кто защищаетъ конституцію, полученную нами отъ предковъ, и законы, утвержденные королями въ смыслѣ той же конституціи.» За нѣсколькими еще рѣзкими фразами слѣдуютъ подписи всѣхъ магнатовъ, бывшихъ тогда въ Пестѣ.

На такой строгой урокъ, г. Бенедекъ ничего не отвѣтилъ, и сдѣлалъ очень хорошо, потому что отвѣчать нечего. Молчаніемъ же своимъ онъ признается въ неловкости своего приказа.

Магьяры теперь поставлены въ странное положеніе, между двумя противорѣчивыми постановленіями. Въ октябрѣ прошлаго года императорскимъ дипломомъ возвращена была Венгріи древняя конституція, а 26 февраля нынѣшняго года, положеніемъ объ учрежденіи государственнаго совѣта, таже самая конституція ограничена относительно двухъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, относительно сбора податей и рекрутскаго набора. По стариннымъ правамъ, подати собираетъ сеймъ; а между тѣмъ по всей Венгріи остались австрійскіе сборщики и требуютъ уплаты постановленныхъ налоговъ. Жители отъ уплаты не отказываются, но съ тѣмъ только, чтобы платить сейму, а правительство требуетъ денегъ, въ силу не октябрскаго диплома, а февральской грамоты. Происходятъ недоразумѣнія, и вотъ послѣднее правительственное распоряженіе по сбору податей: Сначала общины приглашаются внести налоги въ теченіе опредѣленнаго времени, въ императорскую канцелярію податей, подъ страхомъ принудительныхъ мѣръ. Въ случаѣ отказа, въ общину посылается, насчетъ непокорныхъ, комиссія, состоящая изъ двухъ чиновниковъ, знающихъ мѣстный языкъ; при каждой комисіи достаточное число солдатъ или жау-

дармовъ, для охраненія классы. Прибывъ на мѣсто, коммисія требуетъ отъ начальника уплаты уже внесенныхъ суммъ и немедленнаго сбора остальныхъ. Если въ теченіе трехъ дней она ничего не добьется, или получитъ результаты неудовлетворительные, то оставляетъ общину до вступленія военной силы. Община будетъ нести на себѣ воинское занятіе до тѣхъ поръ, пока уплатитъ подати. Кто внесетъ слѣдующія съ него деньги, немедленно избавляется отъ воинскаго поста.

Эта мѣра показываетъ весьма трудное положеніе правительства въ Венгріи, потому что сборъ податей вооруженной силой напоминаетъ тѣ древнія времена глубокаго варварства, когда вся сущность обладанія тѣмъ или другимъ краемъ состояла въ равныхъ поборахъ во что бы то ни стало.

А между тѣмъ венгерцы никакъ не хотятъ выйти изъ ословныхъ началъ своихъ древнихъ уставовъ и правъ. Теперь обсуживается адресъ королю, составленный г. Деакомъ. Къ несчастію, онъ такъ великъ, что мы не можемъ привести его здѣсь вполнѣ; но это документъ образцовый по ясности изложенія, по твердости принциповъ, по твердой законности и въ тоже время по надлежащей почтительности. Сущность адреса состоитъ въ томъ, что венгерцамъ даютъ конституцію, но не ту, которая отнята у нихъ; имъ хотятъ дать конституцію новую и чужую, часть общей конституціи, давной для всей монархіи, тогда какъ имъ не нужна новая, когда есть очень хорошая старая. Дипломъ 26 февраля, навсегда лишаетъ Венгрію старинныхъ ея правъ, въ силу которыхъ всѣ вопросы о налогахъ и о рекрутскихъ наборахъ подлежатъ вѣдѣнію сейма; у страны отнято право устанавливать самой, вмѣстѣ съ королемъ, законы касательно важнѣйшихъ матеріальныхъ и политическихъ вопросовъ. Финансы, кредитъ, таможи, торговля, всѣ эти великіе вопросы народной и политической жизни, отданы вѣдѣнію государственнаго совѣта, будутъ рѣшаемы чужимъ собраніемъ, съ точки зрѣнія не венгерской, въ видахъ невенгерскихъ интересовъ. Дипломъ ставитъ венгерское правительство въ зависимость отъ австрійскаго, правительства не отвѣтственнаго; но еслибъ оно даже и было отвѣтственно, то не передъ Венгріею, а передъ государственнымъ совѣтомъ, гдѣ венгерскіе интересы не достаточно обезпечены. Когда венгерцы передали габсбургскому дому наследственное право венгерской короны, они сдѣлали это на извѣстныхъ условіяхъ. Въ грамотѣ 1715 года сказано именно, что государь будетъ управлять Венгріею на основаніи законовъ страны, настоящихъ и будущихъ. Сказано очень ясно, что государь обязуется соблюдать права, вольности и законы страны во всемо

времѣ. Стало-быть прагматическая санкція совершенно ясно утвердила независимость Венгріи. Изъ всѣхъ преемниковъ Карла III, одинъ Іосифъ II царствовалъ неограниченно и не короновался. Но Венгрія никогда и не признавала его законнымъ королемъ, и не только законы его, но и льготы имъ данныя, и привилегіи объявлены уничтоженными и несуществующими. Въ грамотѣ 1790 г., Леопольдъ II признаетъ, что въ Венгріи право давать, отмѣнять и толковать законы принадлежитъ королю, законнымъ образомъ коронованному, вмѣстѣ съ сеймомъ, законно собраннымъ, и вмѣстѣ сейма этого права нѣтъ. Исполнительною властью король пользуется только въ духѣ законовъ. Прагматическая санкція не есть обыкновенный законъ, не хартія пожалованная, не обѣщаніе, а основное условіе, заключенное по взаимному согласію обѣихъ сторонъ. Этимъ условіемъ венгерцы отказались въ пользу женской линіи габсбургскаго дома отъ права свободно избирать себѣ королей, а Карлъ III обязался исполнить условія, постановленныя нацією, т. е. поддерживать независимость правъ, вольностей и законовъ страны. По прекращеніи же, волею Божіею, женской линіи габсбургскаго дома, Венгрія опять выберетъ себѣ короля, независимо отъ германскихъ земель Австріи. Такимъ образомъ Венгрія связана только съ габсбургскимъ домомъ, а не съ нѣмецкими землями Австріи. Короче сказать, вотъ что предлагаетъ г. Деакъ представителю королю:

«Пока представителя Трансильваніи и Кроаціи, которые по закону должны быть на венгерскомъ сеймѣ, въ немъ не присутствуютъ, мы не считаемъ это собраніе получившимъ все свои права, и не можемъ войти ни въ разсмотрѣніе законовъ, ни въ переговоры о коронованіи. Парламентское устройство, отвѣтственное министерство, свобода печати съ судомъ присяжныхъ, право разсматривать налоги — суть лучшія ручательства конституціонной свободы. Наши законы, утвержденные королемъ, дали намъ эти ручательства; мы никогда не согласимся на отмѣну или на ограниченіе этихъ ручательствъ. По этому мы просимъ какъ можно скорѣйшаго и полнѣйшаго восстановленія законовъ, отмѣненныхъ неограниченною властью, также какъ и отмѣны незаконныхъ постановленій, сдѣланныхъ тою же властью. Пока не будутъ устранены препятствія, мѣшающія возвращенію нашихъ соотечественниковъ, изгнанныхъ по политическимъ причинамъ; пока заключенные не будутъ освобождены, а конфискованныя имѣнія не будутъ возвращены, мы не повѣримъ ни взмѣненію прежняго порядка, ни уничтоженію конституціи.»

Г. Деакъ кончаетъ свой докладъ словами: «Могущество и вели-

чіе не суть цѣли власти. Могущество есть только средство; счастье народовъ есть цѣль власти. Если государь вступилъ на путь конституціи, рѣшился твердо слѣдовать этому пути, и желаетъ, чтобы въ сердцахъ снова возникло довѣріе, то онъ исполнѣ оцѣнить наши указанія. Король венгерскій становится королемъ законнымъ только коронованіемъ. А коронованіе подчинено закономъ постановленнымъ условіямъ, которыя должны быть сначала выполнены. Полное сохраненіе нашей независимости, поземельная и политическая неприкосновенность страны, возстановленіе сейма сполна, полное возстановленіе основныхъ нашихъ законовъ, нашего парламентскаго устройства, нашего отвѣтственнаго министерства, уничтоженіе всѣхъ послѣдствій неограниченной системы, вотъ первоначальныя условія, безъ которыхъ дойти до соглашенія невозможно.

Не смотря на то, что такой взглядъ на отношенія Венгріи къ имперіи былъ давно извѣстенъ австрійскому правительству, тѣмъ не менѣе императоръ открылъ засѣданіе государственнаго совѣта безъ венгерскихъ членовъ. Запмствуемъ изъ газеты *Perseveranza* извѣстіе объ этомъ торжествѣ, бывшемъ 1 мая и сопровождавшемся ружейною пальбою и колокольнымъ звономъ.

«Великій камергеръ подалъ императору рѣчь, которую его величество прочелъ сидя, съ непокрытою головою. Въ рѣчи выражается удовольствіе императора по поводу открываемаго собранія и убѣжденіе, что либеральныя учрежденія, совѣтливое исполненіе принциповъ равноправности для всѣхъ населеній имперіи, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участіе представителей въ законодательствѣ будутъ имѣть благотворное вліяніе на преобразование общей монархіи. Въ этой замѣчательной рѣчи не разъ говорилось объ общей монархіи, объ общемъ отечествѣ; даже въ концѣ рѣчи съ угрозою и особенно громкимъ голосомъ императоръ произнесъ, что онъ будетъ энергически подавлять всякое посягательство на общую конституцію, какъ нападеніе на существованіе монархіи.

Члены венгерскаго сейма, стало быть, предувѣдомлены, и нѣтъ остается только представить свой адресъ, чтобы сеймъ былъ закрытъ, потому что ихъ стремленія находятъ въ прямомъ противорѣчій съ дипломомъ 20 октября и основными законами 28 февраля. Но что же это будетъ за собраніе представителей, когда они будутъ представлять только половину страны? Тогда выйдетъ, что именно та страна, которая пользуется древнѣйшимъ въ Австріи представительнымъ устройствомъ, вовсе не будетъ имѣть своихъ депутатовъ въ государственномъ совѣтѣ, и будетъ, слѣдовательно, управляться по волѣ меньшинства, состоящаго изъ нѣмецкихъ членовъ. По

пусть бы это было и такъ; за то остальная монархія будетъ управляться уже совершенно либерально, на прочныхъ основаніяхъ диплома 20 окт. и законовъ 28 февр. Этого, по крайней мѣрѣ, ожидали страны, приславшія своихъ членовъ въ государственный совѣтъ, страны, какъ Богемія, гдѣ славянское племя вступило въ братство съ нѣмецкимъ, гдѣ племенная вражда начала гаснуть. Однако имъ пришлось испытать жесточайшее разочарованіе: въ тронной рѣчи сказано, что «положеніе представителей будетъ обезпечено при закрытіи собранія, если они съумѣютъ дать примѣръ энергической дѣятельности и въ тоже время той власти надъ собою, которая соответствуетъ принципамъ терпимости». Услышавъ это, каждый членъ почувствовалъ себя неловко, такъ какъ изъ этого ясно слѣдуетъ, что положеніе представителей въ Вѣнѣ далеко не прочно, не обезпечено, когда это надо еще заслужить совершеннымъ усердіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, стало быть дѣло опасное. Но тутъ же, въ тронной рѣчи, они раньше слышали, что въ «пшнѣшнемъ году столь счастливо открывшаяся дѣятельность сеймовъ не можетъ войти въ силу и принести свои плоды впоследствии; а теперь необходимость разрѣшить многіе важные вопросы общаго интереса въ государственномъ совѣтѣ, вынуждаетъ насъ распустить сеймы». Такъ кончатся шумливыя и ни къ чему не приведшія конституціонныя попытки Австріи: сеймы на дняхъ будутъ распущены, потому что въ государственномъ совѣтѣ надобно рѣшить нѣсколько важныхъ общепитересныхъ мѣръ; государственный совѣтъ по необходимости будетъ распущенъ, какъ слишкомъ не полный, ибо сеймы, какъ напр. венгерскій и венеціанскій, не слѣдали того, что отъ нихъ требовалось. Оказалось, что сочиненія г. Шмерлинга совершенно неудачны, потому что съ первыхъ же засѣданій оказалось нужнымъ слѣлать въ нихъ значительныя дополненія и измѣненія. При обсужденіи адреса императору, въ засѣданіи 11 мая, одинъ чешскій депутатъ, г. Ригеръ, сказалъ, что онъ проекта адреса не одобрялъ, но думалъ, что въ своей безцвѣтной и неопредѣленной формѣ, этотъ адресъ пройдетъ безъ большихъ споровъ, съ тѣмъ, чтобы пренія о великихъ принципахъ были отложены до другого случая; но если уже заговорили о принципахъ, то и онъ скажетъ свое слово. Всѣ пренія велись какъ-то торопливо, такъ что въ нихъ далеко не выразились истинныя чувства палаты. Пренія производятъ тягостное впечатлѣніе; по крайней мѣрѣ таково будетъ впечатлѣніе въ странахъ, не имѣющихъ представителей въ палатѣ. Здѣсь, въ галереѣ, продолжаетъ ораторъ, я видѣлъ представителей Кроаціи, которые пріѣхали къ его величеству въ качествѣ депутатовъ. Спрашивается, какое впечатлѣніе вынесутъ эти господа изъ нашего собранія? Они,

вернувшись домой, скажутъ своимъ соотечественникамъ, что нечего имъ дѣлать въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ; темъ же для насъ надежды; вѣнскій государственный совѣтъ — централизаторъ; онъ такъ мало уважаетъ историческое право, что если вы подаетесь увлеченію и вступите туда, то насъ будутъ меньшинство, и мы потеряемъ то, что приобрѣтено было нашими отцами. Потому что, дѣлать нечего, надо согласиться, что эти народы стоятъ на законной почвѣ и не имѣютъ нужды въ новыхъ конституціяхъ. Если бы даже относительно венгровъ можно было опереться на право побѣды, завоеванія, и сказать имъ: вы должны принять федеральную конституцію; потому что послѣ нашей революціи, двѣнадцать лѣтъ назадъ, вы были побѣждены, и не имѣете права ничего требовать, то уже никакъ нельзя сказать того же самаго кроатамъ, которые не были ни завоеваны, ни побѣждены. Напротивъ, они, въ критическую минуту, когда вѣнское правительство само бросило свое дѣло, встали за него, ради своей собственной конституціи, ради Австріи соединенной и сильной, и на нихъ-то я больше всего надѣялся. И думалъ, что если они увидятъ, какъ государственный совѣтъ вступить на путь примиренія, они первые уменуются и первые примѣютъ въ палату своихъ представителей; что потомъ за ними последуютъ сербы, можетъ быть также словаки, и такими образомъ одинъ народъ за другимъ будетъ находить выгоду участвовать въ представительствѣ Австріи, единой и общей. Но если государственный совѣтъ будетъ ограничиваться нолобострастнымъ адресами, если онъ будетъ стремиться къ насильственному слитію всѣхъ отдѣльныхъ народностей въ одно цѣлое, то государственный совѣтъ не есть печинное представительство національныхъ интересовъ, и большинство народовъ, составляющихъ австрійскую имперію, подавало бы голоса вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ большинство палаты. Дѣйствуя такимъ образомъ, государственный совѣтъ не исполнитъ своего дѣла, не достигнетъ своей цѣли...

Далѣе невозможно было разсказывать нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ еще г. Ригеромъ. Палата, состоящая по большей части изъ яѣмцевъ, подила такой шумъ, что заглушила голосъ бѣднаго чеха. Къ тому же и председатель не далъ оратору далѣе говорить, *пригласилъ его къ порядку*. Собственно пренія объ адресѣ твои и кончились; при послѣднихъ словахъ адреса, призывающихъ благословеніе Божіе на императора и его домъ, палата встала и трижды провозгласила: да здравствуетъ императоръ!

При сборѣ голосовъ, оказалось, что 48 депутатовъ на Богемію и Галицію отказались отъ подачи голосовъ, и адресъ былъ принятъ 127 голосами. Если принять въ соображеніе, что закономъ 26 фев

враги число членовъ определено въ 343 человека, и что если бы всѣ члены собрались, если бы неприсланныя членовъ страны прислали ить, то абсолютное большинство было бы 172 голоса. Имѣя это въ виду, нельзя не замѣтить, что 127 голосовъ, приславшихъ адресъ, не обѣщаютъ очень успѣшнаго хода дѣлу.

Итальянскія дѣла

Пораженіе Гарибальди въ итальянской палатѣ депутатовъ было дадено не такъ сильно, какъ мы сообщали въ прошедшемъ обзорѣннѣ, основываясь на телеграфическихъ извѣстіяхъ. Съ точки зрѣнія популярности, можетъ быть, пренія 18 и 19 апрѣля были даже торжествомъ Гарибальди, не смотря на то, что по обычаю парламентскихъ это было совершеннымъ пораженіемъ. Но итальянскому герою это обстоятельство не слишкомъ важно, такъ какъ его положеніе въ глазахъ народа осталось то же. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ :

Гарибальди вошелъ въ палату и сѣлъ на крайней лѣвой сторонѣ. Онъ былъ завернутъ въ большую шаль, родъ шотландскаго плаща, прикрывавшаго красную его блузу. Вся палата и трибуны постороннихъ посѣтителей огласились громкими рукоплесканіями. Президентъ читаетъ формулу присяги; Гарибальди произноситъ слова : *я въ этомъ клянусь*. За тѣмъ нѣсколько выборовъ было утверждено безъ всякаго противорѣчія, но палата была такъ занята предстѣлительнымъ преніемъ, что почти не слыхала имени тѣхъ, кого утверждала. Одинъ ить секретарей прочелъ проектъ закона, представленнаго генераломъ Гарибальди, о вооруженіи страны и сформированіи арміи волонтеровъ. Очередь говорить была за г. Риказоли. Онъ требовалъ у министерства отчета въ томъ, что оно сдѣлало съ волонтерами, освободившими неаполитанское королевство. Военный министръ г. Фанти отвѣчалъ ему весьма удовлетворительно, такъ что палата аплодировала. За тѣмъ наступила очередь Гарибальди. Вотъ сущность его рѣчи :

« Я сердечно благодаренъ депутату Риказоли за то, что онъ далъ мнѣ случай защитить моихъ товарищей по оружію. Да, Италия сдѣлала; я это сознаю; и независимость ея покоится на храбрости ея солдатъ. Скажу также нѣсколько словъ о дуализмѣ, о которомъ говорилъ г. Риказоли. Я стою въ главѣ одной изъ сторонъ этой двойственности. Но мнѣ обратилась съ словами прииренія, но это были слова, а я человекъ фактовъ. Однакоже я принадлежу своей странѣ, и — я уступилъ. Когда дѣло идетъ о странѣ, я всегда уступаю.

(Рукожестами.) Но развѣ я могу положить руку того, кто сдѣлалъ меня иностранцемъ въ моемъ отечествѣ? (Браве въ трибунахъ.) Италия однако еще нераздѣльна, и я всегда буду съ защитниками отечества. — Военный министръ сейчасъ говорилъ, что онъ спасъ центральную Италію отъ безначалія; привожу въ свидѣтели тѣхъ, кто управлялъ страной: опасности безначалія не было никакой.

Президентъ. Министръ этого не говорилъ.

Гарибальди. Я не хочу личностей, но я обязанъ защищать свою честь. Скажу два слова о главномъ предметѣ, о нашемъ южномъ войскѣ. По этому случаю надо бы рассказывать о событіяхъ весьма славныхъ. И слава начала меркнуть только тогда, когда министерство простерло надъ югомъ свою холодную и злодѣйскую руку.

Г. Кавуръ всталъ и съ жаромъ произнесъ нѣсколько словъ среди криковъ: Къ порядку! къ порядку!

Гарибальди. Я думалъ, что тридцатилѣтней службой я приобрѣлъ себѣ право говорить правду представителямъ моей страны.

Президентъ. Не оскорбляйте никого, выражая свою мысль.

Гарибальди. Когда любовь къ согласію и ужасъ братоубійственной войны...

Крики въ центрѣ: Къ порядку! къ порядку!

Г. Кавуръ, съ жаромъ. Никто не хотѣлъ междоусобія! Протестую сильнѣйшимъ образомъ. Я не могу пропустить такихъ словъ...

Тогда шумъ сдѣлался невѣроятный. Человѣкъ семьдесятъ старался говорить во всеуслышаніе, т. е. какъ можно громче. Остальные разговаривали между собой. Президентъ нагнулъ шляпу, чѣмъ и закрылъ засѣданіе. Тогда шумъ поднялся еще больше, и президентъ вышелъ изъ собранія. Друзья окружили Гарибальди и уговаривали его быть умѣреннѣе. Волненіе было невообразимое. Черезъ четверть часа президентъ опять занялъ свое мѣсто, и шумъ сталъ утихать мало по малу. Когда представители усѣлись опять по мѣстамъ, президентъ сказалъ: «Я принужденъ во всеуслышаніе промнестить порицаніе словъ, которыя сорвались съ языка у генерала Гарибальди. Я долженъ пригласить его къ большей умѣренности, безъ чего мнѣ придется отнять у него право говорить.»

Гарибальди. Я не стану больше говорить о министерствѣ. Нашъ король, честный человѣкъ, сказалъ, что наша южная армія сдѣлала свое дѣло. Исторія скажетъ остальное. Что сдѣлало министерство съ этой арміей? оно могло слить ее съ остальнымъ войскомъ, какъ я сдѣлалъ это съ центральной арміей. Оно могло ее распушить, но не уничтожить. Сколько осталось бы солдатъ въ регулярномъ войскѣ, если бы имъ дать отпускъ и жалованье на шесть мѣсяцевъ? Оста-

двѣ бы только офицеры. Между офицерами миргіе вышла въ отставку. Всѣ бы вышли: столько они вытерпѣли униженій. Такъ напр. исключали офицеровъ за проступки, за которые бы слѣдовало всего два два подержать полъ арестомъ. Рѣшено было, что офицеры, не имѣющіе дипломовъ, должны выходить въ отставку. Это было вѣрное средство избавиться отъ третей офицеровъ. Цѣль министерства состояла въ томъ, чтобы всѣми неправдами распустить южную армию. Наконецъ выходитъ декретъ 11 апрѣля, которымъ войско сокращается съ четырехъ батальоновъ на три. Офицеровъ отсылаютъ въ безсрочный отпускъ, стало быть обрѣзываютъ имъ всѣ дороги. Это окончательный ударъ, нанесенный южной арміе. — Диктатура была законнымъ правленіемъ. Диктатура устроила подачу желосовъ, которая вамъ дала два королевства. Отного же вы приняли королевства, а отказались отъ арміи, которая вамъ ихъ дала? — Да и сверхъ того была причина, по которымъ слѣдовало сберечь эту храбрую армию. Внимайте въ положеніе южныхъ провинцій; это теперь не секретъ: и средство исправить это положеніе извѣстно. Почему же министръ такъ упрямо отказывается признать его въ исполненіе? Впрочемъ, главное дѣло, по которому я сюда явился, это — вооруженіе страны. Исправляйте мой проектъ, измѣняйте его, передѣлывайте, но займитесь имъ! Это единственный путь спасенія для страны. По этому требуемое мною преобразование южной арміи есть начало вооруженія. Не отказывайтесь отъ этого ради благополучія страны.

Послѣ нѣсколькихъ объясненій, данныхъ военнымъ министромъ, явился въ дѣло генераль Биксіо.

«Я говорю во имя согласія, сказалъ онъ, — я вѣрю святости чувствъ, руководившихъ Гарибальди, но я вѣрю также патриотизму г. Кавура. (Браво!) Поставимъ же Италію выше всѣхъ партій. — Я только что пріѣхалъ изъ Парижа. Всѣ мои друзья тамъ глубоко огорчены раздоромъ этихъ двухъ людей. Я ничѣмъ не обязанъ графу Кавуру. Онъ могъ дѣлать ошибки, быть въ заблужденіи. Но я вѣрю его патриотизму. Не слѣдуетъ принимать буквально словъ Гарибальди. Я знаю, что Италія нуждается въ регулярномъ войскѣ. Надо, чтобы изъ всѣхъ наличныхъ силъ сплочено было одно могучее цѣлое, и чтобы части, которыхъ нельзя будетъ вмѣстить въ войско, были тоже организованы. Это величайшее несчастіе — раздоръ между Гарибальди и графомъ Кавуромъ. Для блага Италіи необходимо нужно, чтобы эта вражда кончилась, и если бы для искренняго примиренія между Гарибальди, Кавуромъ и Ратацци, нужна была бы жизнь моя и всего моего семейства, я охотно бы отдалъ всѣ эти дороги мнѣ жизни, и свою въ придачу; и считалъ бы себя

совершенно счастливымъ. (Продолжителіныя рукописныя) Я приглашаю г. Кавура не останавливаться на словахъ Гарибальди.

Кавуръ. Меня представляютъ вѣромъ волонтеры. Я знаю, который прежде всѣхъ кликнулъ мнѣ кличъ! беру въ этомъ свидѣтелемъ самаго генерала Гарибальди. Это я и самъ пригласилъ его въ 1859 году и просилъ его помощи. Не стану напомирать о затрудненіяхъ, встрѣтившихъ этотъ проектъ. Затрудненія были громадны: Не смотря на обезпеченную помощь со стороны Франціи, я такъ былъ убѣжденъ въ нравственныхъ выгодахъ волонтеровъ, что не останавливался ничѣмъ. И если волонтеры не выигрывали большихъ сраженій, они все-таки оказали намъ большія услуги. Они доказали, что всѣ итальянцы умѣютъ драться и умереть за свое отечество; и вы называете мнѣ вражду противъ волонтеровъ? — Что касается де-мента, то я принимаю предложеніе генерала Бисюа; и считаю, что чертой волонтеры выигрывали за сѣбя все — не было. Правительство сдѣлало все, что могло, давая увеличенія регулярнаго войска, и когда бюджетная коммисія разсмотрѣла, что мы вразумительнѣе вывелимъ; она увидѣла, что въ исторіи много приключеній таинкѣ энергическихъ усилій. Мы поставили на военную ногу подвижную національную гвардію, и опытъ удался гораздо лучше, чѣмъ мы ожидали. И если война откроется завтра, то министерство не поколеблется выставить ее въ поле на ряду съ регулярнымъ войскомъ. Я не разсматривалъ проекта генерала Гарибальди, не я готовъ подать голосъ въ пользу необходимости его разсмотрѣнія...

Гарибальди. Президентъ совѣта намѣкнулъ сейчасъ на формировку волонтеровъ въ 1859 году. Въ то время я былъ благодаренъ графу Кавуру за то, что онъ далъ мнѣ средство служить отечеству. Не съ тѣхъ поръ я не похваляюсь графомъ Кавуромъ. Это горестная исторія. Я пріѣхалъ въ Туринъ. Волонтеры собирались. Мнѣ присылали гербатыхъ, хромыхъ, а лучшій народъ оставляли для арміи. Намъ было три тысячи, и мы шли драться. Послѣ битвы на Трехъ Мостахъ, осталось намъ 1800 человекъ. Король приказалъ мнѣ прислать волонтеровъ, сформированныхъ въ Акві. Я ихъ никогда не видалъ. Не буду говорить о южной Италіи и'о поведеніи министерства. Всякій знаетъ, что объ этомъ думать. Снажу только о сборѣ волонтеровъ. Мнѣ кажется, что иногда со мною можно было повотаваться; хорошо ли, худо ли, но я кое-что да сдѣлалъ. Я совѣтовалъ военному министру набирать въ центральной Италіи волонтеровъ до конца войны и до освобожденія Италіи. Нашли, что лучше набирать на неопредѣленное время и потеряли такимъ образомъ 20,000 человекъ отличнаго войска. Спрашивается, въ менѣе ли мы находимся опасности, чѣмъ Англія? Мнѣ кажется, что

у насъ больше враговъ, чѣмъ у насъ. Кто занимаетъ Римъ — враги. Я люблю Францію, но кто занимаетъ нашу столицу — враги. У насъ враги на Шниціи, а между тѣмъ Англія имѣетъ своихъ волонтеровъ 180,000 человекъ, и уже не боится вторженій. — Я понимаю, что генераль Фахти любитъ кадры. Но *мыслимъ*, высалившася въ Сивиніи, пѣвкала безъ кадровъ. Когда дѣло идетъ объ отечествѣ, то можно быть непріятелю во всѣхъ видахъ и во всѣхъ формахъ.

Казуръ. Между генераломъ и мною есть фактъ, который дастъ раздѣленіе. Я полагаю, что исполняю свою обязанность, когда съѣзжалъ королю уступитъ Ниццу и Савойю. По горести, мною испытанной, я понимаю, что долженъ былъ испытывать генераль, и объясняю себѣ его гнѣвъ на меня. Я могу ему сказать, что жадобы, относительно волонтеровъ 1859 года основательны, и я самъ жадовался. Генераль Чиаьлани сказалъ мнѣ, что генераль Гарибальди удовлетворится всѣмъ, что не войдетъ въ армію. Можетъ быть, Чиаьлани преувеличивалъ; но онъ былъ тогда нашимъ посредникомъ. Генераль долженъ быть увѣренъ, что у меня никогда не было враждебныхъ ему чувствъ.

Гарибальди. Я считаю себя удовлетвореннымъ объясненіями црва Казуръ. Но есть средство примирить политическое несогласіе. Я увѣренъ, что г. Казуръ любитъ свое отечество. Поэтому надо бы, чтобы онъ употребилъ все свое вліяніе для принятія моего проекта о вооруженіи и воротилъ волонтеровъ южной арміи. Это средство все примирить и уладить.

Президентъ прочелъ предложенія Гарибальди, Риказони и еще два другія, и за тѣмъ засѣданіе закрыто.

На другой день, 19 апрѣля, президентъ прочелъ новое предложеніе Гарибальди слѣдующаго содержанія: «Палата, убѣжденная въ томъ, что сила націи заключается въ согласіи партій и въ исполненіи законовъ, выражаетъ желаніе, чтобы министерство, принявъ въ соображеніе изслѣдованія комисіи, признало званіе офицеровъ южной арміи, сообразно съ декретами диктатора; а, оставивъ министерству право созвать волонтеровъ, когда оно признаетъ это нужнымъ, желаетъ, чтобы кадры этой арміи были организованы».

Г. Казарето, въ блестящей рѣчи своей, выразился въ пользу правъ офицеровъ южной арміи, на томъ основаніи, что диктаторское правительство въ Неаполь было правительство законное, и степени, пожалованныя имъ офицерамъ — неотъемлемы. Рѣчь тутъ идетъ не объ отрядѣ, который дѣйствовалъ какъ-нибудь второстепенно, вспомогательно; напротивъ, войско волонтеровъ было на столько регулярное неаполитанское войско. Волонтеры Эмилии бы

ли же включены въ войско, кѣтъ они не были окружены богамиъ отнемъ. Въ своемъ возраженіи, министръ говорилъ о баснословно быстрыхъ повышеніяхъ, бывшихъ въ этой арміи. Въ этомъ случаѣ онъ очень ошибается, потому что большая часть поручиковъ и полпоручиковъ волонтеровъ дѣлали уже кампанію 1839 года. Къ тому же мнѣ кажется, что кампаніи въ Сициліи и Вольтурно стоятъ военныхъ школъ въ Ивре и въ Моденѣ. Знаете ли вы, что такое эти офицеры? Это ветераны битвъ за отечество. Они сдѣлали четыре или пять кампаній и вездѣ оказали отечеству услуги. Это весьма стоитъ пятидесяти лѣтъ, проведенныхъ въ каваріи. (Гарибальди. Bravo!) Можно ли оспаривать право людей, всегда пролившихъ кровь за Италію? Обращаюсь къ генералу Биксіо; онъ генералъ-лейтенантъ. Можно ли сказать, что онъ импровизированный генералъ? Онъ не получилъ ни одного чина безъ военного подвига. Медичи дрался въ Испаніи, сдѣлалъ римскую кампанію, дрался въ сѣверной Италіи въ 1839 г., дрался въ Сициліи. Можно ли сказать и о немъ, что онъ импровизированный генералъ? Ченни, другъ Гарибальди, сдѣлалъ всѣ кампаніи, и до сихъ поръ только полковникъ.

За тѣмъ ораторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ быстрыхъ повышеній: Гошъ, Наполеонъ, Гергей, Ламармора; указываетъ на невыносимость положенія офицеровъ южной арміи и прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что нынѣшнее предложеніе Гарибальди должно быть принято, если мы хотимъ перевести согласіе изъ словъ въ факты. Южное войско безропотно подчинится нашему рѣшенію, каково бы оно ни было. Но надо быть справедливымъ, и въ нынѣшнее особенно время отказать въ томъ, что справедливо, будетъ грубою ошибкой. Въ 1849 г. Австрія объявила, что она удвѣитъ міръ ея своею неблагодарностью. Она сдержала свое слово, и мы видимъ результаты. Не станемъ же подражать Австріи.»

Г. Биксіо говорилъ о томъ, какъ часто бываетъ необходимо въ войскѣ быстрое повышеніе, и объяснял, между прочимъ, какъ происходили повышенія въ южной арміи. «Ядрою этой арміи, сказалъ онъ, — былъ батальонъ *тысячи*, похитившихъ изъ Генуи съ Гарибальди. Постороннія лица понятія не имѣютъ объ этой войнѣ; въ газетахъ я не читалъ о ней ни одного слова правды. Мы были капитанами; потомъ наши роты увеличивались притокомъ новыхъ волонтеровъ и становились батальонами, вслѣдствіе чего мы дѣлались майорами, а подчиненные наши подвигались тоже впередъ. Не ждате же намъ было, чтобъ офицеры падали къ намъ съ неба. Генералъ всегда былъ очень строгъ въ этомъ отношеніи. Ссылаюсь на товарищей, здѣсь присутствующихъ... (Тутъ ораторъ

былъ прерванъ генераломъ Гарибальди, который сказалъ ему: «не горячитесь», — что вызвало всеобщій смѣхъ.) Надо еще дѣлать различіе между войскомъ, которое дралось, и тѣмъ, которое организовалось. Окажется, что число офицеровъ, бывшихъ въ пороховомъ дыму, далеко не такъ велико, какъ воображаетъ министръ. Въ этомъ дѣлѣ есть что-то священное, и — помяните мое слово, — люди никогда не бываютъ неблагодарны безнаказанно. Послѣ рѣчи генерала Фаути (доказывавшаго, что волонтеры не заслужили своихъ чиновъ) и въ особенности послѣ рукоплесканій болдинства, мы, генералы, подаемъ всѣ въ отставку... Намъ нужно 500 тысячъ войска, вотъ въ чемъ вопросъ. Противъ насъ на Миджіо стоятъ 300 тысячъ войска. Замѣйте, что въ случаѣ войны, французы придутъ, пожалуй, къ намъ на помощь; но лишь послѣ того, какъ мы будемъ разбиты. А тогда очень тяжело будетъ просить помощи иностранцевъ. Если Бенедекъ перейдетъ рѣку, то на васъ ляжетъ огромная отвѣтственность. Говорятъ, что это никогда не случится. Прекрасно; ну — а ежели?.. У насъ нѣтъ пустого тщеславія; мы хотимъ только своей Италіи. Если у васъ въ началѣ войны не будетъ 300.000 человекъ, то вы не исполните своей обязанности. Берите денегъ, чертъ возьми (*che diavolo*), берите столько, сколько нужно. Если васъ разобьютъ, то это обойдется дороже, да сверхъ того, вы потеряете честь. (Браво!) Поэтому я требую, чтобы въ войско вошли всѣ элементы, какими располагать можно, чтобы организовать подвижную національную гвардію, и какъ можно скорѣе, не теряя времени. Надо спасти отечество. Это пусть стоитъ впередъ всѣхъ системъ. Мы хотимъ своей національности. Если насъ побьютъ, если мы не сумѣемъ защищаться, то я просто слѣлаюсь китайцемъ... Вооружайтесь! это говоритъ вамъ человекъ, который все потерялъ. Вооружайтесь! Наше положеніе теперь лучше, нежели было въ 1849 году; но если для сопротивленія намъ понадобится другъ, союзникъ, то мы пропали...

На слѣдующій день, 20 апрѣля, пренія продолжались. Г. Кавуръ давалъ отвѣты и возраженія. По поводу намѣренія гарибальдискіхъ генераловъ подать въ отставку, онъ объявилъ, что военный министръ никогда не думалъ сказать ничего оскорбительнаго для этихъ генераловъ, которыхъ уважаетъ и министерство, и вся Италія. Сверхъ того онъ далъ понять, что ихъ отставка имѣла бы для страны весьма непріятныя послѣдствія. Потому онъ разсматривалъ предложенія г. Риказоли и Гарибальди, и показывалъ, какія препятствія не позволяютъ немедленнаго призванія на службу кадръ прежней арміи волонтеровъ. Г. Кавуръ прибавилъ, что есть на это и важныя политическія препятствія. По его мнѣнію, еслибъ франц-

тельство дало генералу Биксио команду одной только дивизіи волонтеровъ, то это было бы принято въ какомъ нибудь образѣ за объявленіе войны. Англія положительно объявила, что она возстанетъ противъ того, кто возбудитъ войну, и что надо принимать въ соображеніе совѣты дружественныхъ правительствъ. Онъ допускалъ тоже, что можно держаться другой политики, противоположной; но въ такомъ случаѣ палатѣ надо выразиться открыто, и тогда члены кабинета, какъ истые итальянцы, будутъ содѣйствовать палатѣ всѣми средствами.

По новому запросу Гарибальди о вооруженіи націи, г. Кавуръ отвѣчалъ, что по регулярному войску въ центральной Италіи было уже два набора; приказано сдѣлать наборъ въ провинціяхъ неаполитанскихъ и сверхъ того въ Сициліи. Оружія заготовлено достаточно; артиллеріи считается сто баттарей, а благодаря расположенію одной дружественной державы, у насъ теперь много ружей. Что касается до волонтеровъ, то министерство сохранитъ одинъ только кадары и воспользуется ими въ случаѣ нужды.

Гарибальди объявилъ, что все эти объясненія его не удовлетворяютъ, и настаивалъ на преобразованіи южной арміи. Его предложеніе, по большинству голосовъ палаты, принято къ соображенію, а предложеніе Риказоли утверждено значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Вскорѣ послѣ того генералы Козенцъ, Тюрръ, Биксио, Свртори и Медичи, бывшіе товарищи Гарибальди по оружію, особымъ декретомъ утверждены въ званіи генералъ-лейтенантовъ. Особенная комиссія разсматриваетъ права лицъ, нынче называющихся офицерами волонтеровъ, работаетъ очень дѣятельно, и уже очень многіе офицеры утверждены. Неудовольствіе исчезло, и Гарибальди опять уѣхалъ къ себѣ въ Капреру, праздновать свадьбу своей дочери, испортивъ себѣ много крови своей поѣздкой въ Туринъ, но за то и почти вполне достигнувъ своей цѣли. Къ тому же самъ король и прочіе друзья Гарибальди постарались примирить его съ гг. Кавуромъ и Чіальдини. Послѣдній сдѣлался врагомъ знаменитаго диктатора только съ 21 апрѣля, какъ-то экспромптомъ, совершенно неожиданно. Въ этотъ день въ Туринской газетѣ напечатано было всѣмъ удивившее письмо главнокомандующаго Чіальдини: «Я всегда рукоплескалъ, пишеть онъ, вашимъ побѣдамъ, удивлялся вашей могучей инициативѣ и свидѣтельствовалъ при всякомъ случаѣ и безъ какъ высоко я васъ уважаю. Я объявилъ себя неспособнымъ попробовать то, что вы такъ искусно выполнили въ Марсаль... Но нашъ отвѣтъ миланскимъ рабочимъ, ваши слова въ палатѣ переубѣдили меня тягостнымъ, но полнѣйшимъ образомъ. Вы не то, что я ду-

малъ, вы не тотъ человѣкъ, котораго я люблю. Съ аварованіемъ конезда и привязанности мой къ вамъ. Я уже не другъ вамъ, и откровенно перехожу въ ряды вашихъ политическихъ противниковъ. Вы осмѣливаетесь ставить себя на ряду съ королемъ, говоря о немъ съ притворною фамиліарностью товарища. Вы думаете стать выше обычаевъ, являясь въ палату въ очень странномъ костюмѣ; выше дравительства, называя предателями министровъ, потому что они преданы вамъ не болѣе, чѣмъ парламенту; вы оскорбляете депутатовъ, которые думаютъ не по вашему, наконецъ думаете стать выше страны, желая ее подвинуть туда, куда вамъ угодно. Есть люди, которые не расположены переносить все это, и я въ томъ числѣ. Я врагъ всякой тираніи, и буду биться до послѣдней крайности даже противъ вашей. Я знаю приказанія, данныя вами генералу Тринонни (?) принять насъ въ Абрुццахъ ружейными выстрѣлами. Я знаю слова Сиртори и ваши слова въ парламентѣ. На этихъ основаніяхъ я думаю, что ваша партія хочетъ овладѣть страной и войскомъ, грозя намъ въ противномъ случаѣ междоусобною войною. Не знаю, что думаетъ страна, но увѣряю васъ, что войско не боится нашихъ угрозъ: оно боится только вашего правленія. Вы правы, отдавая себѣ честь въ великомъ и удивительномъ предпріятіи, совершенномъ вами съ волонтерами; но вы наирасно преувеличиваете истинные результаты своихъ подвиговъ. Когда мы пришли, выстояли на Вольтурно въ очень дехорошихъ обстоятельствахъ. Паденіе Капуи, Гаэты, Мессины и Чивителлы не вашихъ рукъ дѣло. Пятьдесятъ тысячъ бурбоцевъ разбито, разбѣяно, взято въ плѣнъ, не вами, а нами. Справедливо ли послѣ этого сказать, что королевство Обѣихъ Сицилій освобождено совершенно вашимъ оружіемъ? Въ своей законной гордости не забудьте, что наше войско и нашъ флотъ принимали участіе въ этомъ освобожденіи, именно истребленіемъ половины неаполитанскаго войска и взятіемъ четырехъ крѣпостей. Я говорю съ вами не отъ имени войска, но я считаю себя знающимъ его достаточно, чтобы надѣяться, что оно будетъ раздѣлять чувства отвращенія и горести, возбужденныя въ моей душѣ неумѣренностью вашихъ и вашей партіи».

Въ отвѣтъ на это опрометчивое, ребячески дерзкое письмо и на парламентскія пренія о своемъ предложеніи, Гарибальди показалъ себя истинно-великодушнымъ, простымъ, дѣтски-простодушнымъ, гениально-довѣрчивымъ человѣкомъ. Вотъ сначала его отвѣтъ г. Чіальдини. «Генералъ, я также былъ вашимъ другомъ и удивлялся вашимъ воинскимъ подвигамъ. Теперь я буду чѣмъ вамъ угодно, не выходя, конечно, до оправданія себя во всемъ томъ, что вы на меня въ своемъ письмѣ взводите, въ неправдностяхъ

относительно короля и относительно войска, такъ какъ я свелъ съ знаніемъ солдата и итальянскаго гражданина. Что касается до моей одежды, то я буду продолжать одѣваться такъ, какъ теперь, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не скажутъ, что я не въ свободной землѣ, гдѣ всакій одѣвается, какъ разумѣть. Слова полковника Трилотти для меня новость. Я не знаю другаго приказа, кромѣ того, который я отдалъ: «принять итальянскихъ солдатъ сѣверной арміи, какъ братьевъ»; между тѣмъ, какъ извѣстно было, что это войско *идеть сражаться противъ революціи, олицетворенной въ Гарибальди*. (Слова Фарини, сказанныя Наполеону III.) Какъ депутатъ, я полагаю, что изложилъ палатѣ весьма малую долю зла, какое было сдѣлано министерствомъ южной арміи, и я считаю, что имѣлъ на это право. Когда придется драться противъ непріятелей Италіи, войско итальянское увеличится однимъ лишнимъ солдатомъ, и это не покажется вамъ новостью. Все, что вамъ насаказали, будто я говорилъ противъ войска — клевета. Передъ вашимъ приходомъ мы стояли вечеромъ послѣ самой блестящей изъ побѣдъ, одержанныхъ нами въ южной Италіи, и въ положеніи далеко не очень дурномъ. Сколько мнѣ извѣстно, войско было довольно свободными и умѣренными словами солдата-депутата, для котораго честь Италіи была предметомъ поклоненія во всю его жизнь. Если затѣмъ кто нибудь считаетъ себя обиженнымъ своимъ образомъ дѣйствій, я скажу, отъ одного только своего имени и одинъ ручаясь за свои слова, что я спокойно ожидаю того, кто прійдетъ у меня требовать удовлетворенія».

Обыкновенный человѣкъ, такъ жестоко осыпанный несправедливостями, какъ Гарибальди, долженъ былъ бы или захворать, или разразиться ругательствами, или нѣсколькими поединками. Но онъ выше всего этого. Клевета какого нибудь Трилотти, повторяемая главнокомандующимъ, до него не достигаетъ, и если онъ въ парламентѣ погорячился, то вся Италія охотно, съ наслажденіемъ это ему извинить. А между тѣмъ, глядя съ обыкновенной, человеческой точки зрѣнія, онъ былъ оскорбленъ жестоко, и со стороны президента совѣта это было сдѣлано изумительно близоручко. Гарибальди надавалъ своимъ товарищамъ по оружію разныхъ чиновъ, смотря по ихъ заслугамъ и сверхъ того, конечно, по потребностямъ службы. Онъ надѣлалъ поручиковъ, капитановъ, полковниковъ, генераловъ, а между тѣмъ кабинетъ не утвердилъ всѣхъ этихъ чиновъ. Конечно, бывали примѣры злоупотребленія власти: и Пугачевъ давалъ чины своей сволочи; но Гарибальди-диктаторъ былъ въ Сициліи и потомъ въ Неаполѣ совершенно законнымъ правительствомъ. Если не признавать данныхъ имъ чиновъ, то не слѣдовало признавать и его самаго; надо было взять его и разстрѣлять.

Если бы онъ успѣлъ заключить заемъ, развѣ итальянское королевство рѣшилось бы отречься отъ этого займа? Когда Биксіо говорилъ въ пользу его предложенія, 19 апрѣля, Гарибальди сказалъ ему: «не горячитесь», какъ мы рассказывали выше. Одного этого слова, сказаннаго въ извѣстной обстановкѣ, довольно, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ младенчески-прекрасную душу диктатора. Наканувъ онъ самъ погорячился; онъ забылъ на минуту, что итальянскій парламентъ въ полномъ своемъ составѣ представляетъ самую Италію, что добрый сынъ своей родины долженъ покориться разумному большинству; а тутъ онъ самъ едва не породилъ непріятнаго столкновенія, едва не растравилъ присущаго всѣмъ совѣщательнымъ собраніямъ духа партій, и уже боится этого, уже не хочетъ, чтобы и у сподвижника его сорвалось съ языка неосторожное слово, которое можетъ ожесточить или только растревожить партію. И остановилъ онъ его именно въ то время, когда тотъ началъ говорить съ хорошей стороны о распоряженіяхъ диктатора. Понятно, что онъ говорилъ не совсѣмъ равнодушнымъ тономъ.

Но это еще не все; предложеніе Гарибальди не было утверждено, а было принято только къ соображенію; его генералы утверждены въ своихъ чинахъ только черезъ десять дней послѣ преній: все это время было, можетъ-быть, употреблено на соображенія. Однако, не дожидаясь этого, диктаторъ помирился и съ г. Кавуромъ, и съ г. Чіальдини, и этимъ довершилъ все то, что уже сдѣлалъ для Италіи. Двадцать четвертаго апрѣля Туринъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, даже въ ушнѣн. Тамъ и самъ собирались небольшія толпы народу, и вездѣ громко толковали о письмѣ Чіальдини, о письмѣ Гарибальди, о рѣчи Кавура. По угламъ налѣплены были разныя письма то къ Чіальдини, то къ Кавуру, гдѣ оба эти господина были разобраны по ниточкѣ съ точки зрѣнія слѣпыхъ приверженцевъ Гарибальди, такъ что и въ нихъ и въ ихъ репутаціяхъ не осталось живого мѣста. Гарибальди не могъ показаться на улицу безъ того, чтобы со всѣхъ сторонъ не раздались крики, «да здравствуетъ!» безъ того, чтобы тотчасъ не сбѣжалась толпа народу. Поговаривали въ городѣ о поединкахъ между офицерами регулярной арміи и волонтерами; были слухи даже о томъ, что два офицера изъ арміи были зарѣзаны гдѣ-то за угломъ, что войско собрано по казармамъ и стоитъ подъ ружьемъ. Были и другіе зловѣщіе слухи. Но вдругъ 24 числа вечеромъ всѣ безпокойства исчезли, довѣріе возстановилось, и дѣла пошли своимъ обычнымъ порядкомъ: слухъ о томъ, что самъ король принялъ примирительное участіе въ ссорѣ, прошолъ по городу, съ необычайною быстротою. Въ самомъ дѣлѣ, король пригласилъ

къ себѣ г. Кавура и Гарибальди, и поговоривъ съ ними часа цѣлора, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ два передовые человека Італіи подали другъ другу руки. Отъ короля Гарибальди захватъ къ своему другу Паллавичино и встрѣтилъ тамъ г. Чіальдини. Не успѣвъ диктаторъ опомниться отъ неожиданности и удивленія, какъ Чіальдини бросился къ нему на шею, и просилъ извиненія. Гарибальди тоже его обнялъ и сказалъ: «Не будемъ больше объ этомъ говорить никогда».

На другой день большинство палаты, созданное особенно по этому случаю, рѣшило, что оно приметъ проектъ Гарибальди о преобразованія и вооруженія національной гвардіи во всѣхъ ея началахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ формѣ.

Подожженіе Італіи, послѣ того, какъ подавлено было приготовлявшееся реакціонное движеніе въ Неаполь, весьма мало измѣнилось. Конечно, важный симптомъ къ лучшему — примиреніе о которомъ мы только что говорили; но видимаго улучшенія въ ходѣ дѣлъ оно не произвело. Министерство занято организаціею цѣлаго королевства, предположеннымъ займомъ и слятіемъ долговыхъ книгъ всѣхъ бывшихъ государствъ Італіи въ одну. По поводу послѣдняго обстоятельства, на югѣ будетъ очень много недоузданныхъ. Бывшее королевство Обѣихъ Сицилій имѣло, относительно, едва ли не самый незначительный долгъ въ Европѣ, а теперь, послѣ слятія, на его долю достанется значительная часть пьемонтскаго долга. Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ Пьемонтъ сдѣлалъ много долговъ, постоянно стремясь къ своей цѣли, къ освобожденію Італіи. Само собою разумѣется, что всѣ эти долги должны лечь на всю Італію, и не въ благодарность, не въ уплату Пьемонту, а потому, что долги не могутъ лежать на одной только части благоустроеннаго государства. Оно какъ правильный организмъ, отвѣчаетъ все за каждую свою часть. По соединеніи долговъ въ одну книгу, пьемонтская провинція будетъ значительно облегчена, а въ неаполитанской налоги должны увеличиться. Нѣкоторыя газеты, придерживающіяся стараго законнаго порядка во чтобы то ни стало, съ весьма тонкою насмѣшкой рассказываютъ, что Пьемонтъ готовится довершить свои благодѣянія южной Італіи и возвыситъ налоги вчетверо. Тогда, — прибавляютъ подобныя газеты, — неаполитанскіе сторонники пьемонтскаго вторженія и поймутъ, когда прійдется платить вмѣсто рубля — четыре, что старинный-то порядокъ, т. е. управленіе Франциска II, равно какъ и его отца, было несравненно выгоднѣе, человеколюбивѣе, порядочнѣе, даже благообразнѣе этой нынѣшней безурядицы, когда всякій печатаетъ, что взбрѣдетъ па умъ, говоритъ что хочетъ, и этиамъ только смущаетъ добрыхъ лю-

денъ. Но въ Европѣ большинство читателей такъ уже привыкло къ подобнымъ ультрамонтанскимъ іереміадамъ, что дальнія газеты на нихъ не отвѣчаютъ и не обращаютъ никакого вниманія.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢЛА

Съ своею знаменитою, настоящею, англійскою настойчивостію сенджемскій кабинетъ добился очищенія Сиріи, которое и совершится къ 5 іюня. Французскія газеты, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть, сильно негодуютъ за это на Англію, называютъ ее политику, по обыкновенію, коварною, говорятъ, что это она дѣлаетъ изъ зависти и ненависти къ Франціи, а нѣкоторые русскіе журналы остроумно посмѣиваются этому выраженію, и объясняютъ отступленіе изъ Сиріи французовъ чувствомъ справедливости ихъ заламаншскихъ сосѣдей. Но ничего нѣтъ забавнѣе, какъ когда говорятъ о чувствѣ справедливости Англій — не говоримъ во внутренней, но — во внѣшней политикѣ. Это тоже самое, какъ еслибы кто сказалъ, что его сосѣдъ торгуетъ съ большимъ чувствомъ или фабрикуетъ сукно только для честныхъ людей. Всякій помнитъ очень хорошо блокаду Греціи изъ за какого-то еврея; всякому извѣстно, какъ въ началѣ войны Греціи за независимость, больше всего вредила Греціи Англія, и множество тому подобныхъ случаевъ. Наконецъ теперь на нашихъ глазахъ рѣшается вопросъ объ Іоническихъ островахъ, о Сирійскомъ занятіи и о Суэцкомъ каналѣ, о цѣлости, неприкосновенности и независимости Турціи.

Іоническіе острова, лежащіе близъ береговъ Греціи, находятся лѣтъ сорокъ пять подъ покровительствомъ Англій, въ силу парижскаго трактата. Жителей тамъ четверть милліона, все греки. Имѣется англійскій гарнизонъ, англійскій губернаторъ и — довольно либеральныя учрежденія. Есть палата представителей, печать свободна, почва не дурная, климатъ великолѣпный; и все, казалось бы такъ хорошо, что счастливымъ островитянамъ нечего болѣе желать. Но вотъ они объявляютъ покровительствующему правительству, что они болѣе не хотятъ его, а желаютъ присоединиться къ Греціи. Англійскія газеты выразили сначала удивленіе, а потомъ негодованіе на этихъ чудаковъ, которые отъ добра ищутъ зла. «Неужели жителямъ Іоническихъ острововъ подъ нашимъ покровительствомъ не хорошо? О, они жестоко ошибаются! Учрежденія Греціи далеко не такъ либеральны, какъ тѣ, которыми они теперь пользуются. Печать тамъ не такъ свободна, представительство гораздо болѣе стѣснено, налоговъ гораздо больше. Чего же падъ? Что за странное

стремленіе, когда наконецъ всякій скажетъ, что въ средиземн. съ Грецію имъ будетъ хуже?»

На это Ионическіе острова отвѣчаютъ, что, конечно, будетъ имъ можетъ быть гораздо хуже, но что это уже ихъ дѣло, а покамѣстъ всего важнѣе имъ сдѣлаться снова греками.

Газеты отвѣчаютъ на это, что ежели Англія надоѣла Ионическимъ островамъ, то и острова за то надоѣли ей до послѣдней крайности. Но вотъ бѣда! Она не имѣетъ права дозволить островамъ присоединиться къ Греціи, потому что протекторатъ былъ ей порученъ союзными державами, и такимъ образомъ она сама, такъ сказать, связана въ этомъ дѣлѣ. Ионическіе острова невыгодны, причиняютъ огромные убытки, приходится содержать тамъ отрядъ англійскаго войска, губернатора: просто бѣда, что это за разореніе! Послушать ихъ, такъ Англія — мученица своего самоотверженія. Г. Гладстонъ, который былъ туда посланъ комиссаромъ отъ правительства, для узнанія желаній тамошняго населенія, въ недавней парламентской бесѣдѣ говорилъ объ этихъ островахъ съ глубокимъ и яснымъ знаніемъ дѣла, великодушно выражалъ желаніе, чтобы Ионическіе острова процвѣтали, но что имъ нельзя присоединиться къ Греціи; если признать въ этомъ случаѣ принципъ національности, то придется отдать Греціи и Кандію, и Фессалию, и Албанію, тѣмъ еще болѣе, что эти страны находятся не подъ христіанскимъ, а подъ мусульманскимъ протекторатомъ. А между тѣмъ, это значило бы, — ослабить великую турецкую имперію. За тѣмъ ораторъ дѣлалъ нѣкоторыя уступки. «Можно, говоритъ онъ, — не соглашаться въ мнѣніяхъ на счетъ охраненія мусульманскаго владычества, но слѣдуетъ дѣлать все осторожно, обстоятельно, осмотрительно, не торопясь», и т. д.

Но здѣсь уже столько противорѣчій, что можно и остановиться. Все дѣло только въ томъ, чтобы поддержать существованіе уже не «больного человѣка», а гнилой развалины. Оттоманская порта, особенно послѣ своего новаго выпуска бумажныхъ денегъ на тысячу двѣсти пятьдесятъ милліоновъ піастровъ годится только на то, чтобы поддерживать соперничество между великими европейскими державами и продолжать давить христіанскія населенія. Говорятъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя же разрушать государства, составляющаго звено европейской политической системы; но на это можно отвѣтить, что всякое благоустроенное общество должно заботиться и хлопотать объ истребленіи гнилыхъ развалинъ — ради общественной безопасности и пользы. Если же поддерживать во чтобы-то ни стало существующій порядокъ вещей, то выходили

бы престранныя воши. Если бы Россія теперь была еще подъ татарскимъ игомъ, то англійскіе государственные люди стали бы поддерживать татарское владычество, чтобы «врядомудно и мужственно исполнить все, что требуется для поддержанія мира,» — какъ говоритъ г. Гладстонъ. Съ изумительною храбростію говорятъ англійскія газеты о необходимости сохранить существованіе независимой и самостоятельной Турціи, а между тѣмъ тутъ же говорятъ о своихъ побѣдахъ, одержанныхъ въ Новой Зеландіи. Почему же тамъ можно разрушать существующій порядокъ, а здѣсь нельзя? Во имя, развѣ, цивилизаціи? Но развѣ у Турціи есть хоть какіе-нибудь задатки цивилизаціи? Развѣ славянскія и греческія племена, теперь находящіяся подъ игомъ мусульманъ, не безконечно выше своихъ угнетателей? Г. Гладстонъ говоритъ, будто политическое положеніе греческаго королевства еще не на столько утвердилось и созрѣло, чтобы Греціи сдѣлаться ядромъ, около котораго могли бы соединиться разрозненные члены греческаго племени. Но развѣ Турція въ этомъ отношеніи болѣе утвердилась и болѣе созрѣла, чѣмъ Греція? Не перезрѣла ли она? Не существуетъ ли только гальванически, подъ вліяніемъ токовъ, которыхъ проводниками служатъ представители великихъ державъ при Портѣ? Но понятно, что стоя на ложной точкѣ, англійскіе государственные люди впадаютъ въ противорѣчія на каждомъ шагу. Иначе и не бываетъ со всѣми ложными основаніями.

Забавные доводы употребляются у нихъ противъ прорытія Суэцкаго канала. Въ засѣданіи 6 мая, въ палатѣ лордовъ, графъ Кернарвонъ потребовалъ коніи съ корреспонденціи между правительствомъ и генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ и съ другихъ бумагъ, раздѣленныхъ между правительствомъ королевы и правительствами турецкимъ и французскимъ, относительно прорытія Суэцкаго канала. Г. Кернарвонъ думаетъ, что сооруженіе подобнаго канала есть дѣло великой важности для Англій, съ точки зрѣнія политической и коммерческой; но что въ исполненіи его есть затрудненія почти неодолимые, и слѣдовательно весьма жаль, что потрачено столько денегъ на такое предпріятіе. Но такъ какъ съ этимъ прозкомъ связаны политическія соображенія, то онъ полагаетъ, что правительство обязано дать всевозможныя объясненія и показать, какой политикѣ оно слѣдовало. Г. Лессенсъ уговорилъ египетскаго вице-короля принять въ дѣлѣ очень большое участіе, втянулъ его и лично, и всѣхъ его преемниковъ, такъ что можно сказать, г. Лессенсъ держитъ въ рукахъ египетское правительство. Французское правительство весьма заинтересовано въ этомъ вопросѣ, и хотя нѣтъ нужды ограничивать французскую торговлю, но

съ другой стороны Франціи не должна расширять свою торговлю на счетъ Египта.

Г. Водгаусъ отвѣчалъ, что его ни чуть не удивляетъ, что его благородный другъ, недавно воротившійся съ востока, обращаетъ вниманіе палаты на вопросъ о Суецкомъ каналѣ; такъ какъ это вопросъ великой важности и представляется не совершенно удовлетворительно. «Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, продолжалъ г. Водгаусъ, — что послѣ объясненій, которыя я намѣренъ теперь представить, г. Кернарвонъ не будетъ настаивать на сообщеніи документовъ, потому что это повредило бы ходу дѣлъ. На этотъ счетъ не существуетъ ни малѣйшаго несогласія между членами кабинета. Наша политика относительно Суецкаго канала была неизмѣнна. Правительство ея величества постоянно держится того мнѣнія, что этотъ проектъ неисполнимъ самъ по себѣ, но что есть и другія соображенія, которыя не позволяютъ выпустить его изъ виду. Я совершенно согласенъ, что Англія взирала бы благосклонно на все, что увеличиваетъ легкость сообщеній и способствуетъ коммерческому и промышленному благосостоянію міра. Но надо въ тоже время принять во вниманіе наше положеніе относительно *Турціи*, и обязательства договора 1856 г., по которымъ мы должны поддерживать цѣлость Турціи, и договора 1841 г., обезпечивающаго цѣлость Египта. Въ 1854 году г. Лессепсъ получилъ отъ египетскаго паши разрѣшеніе построить каналъ и купить для этой цѣли значительную долю земли. Черезъ нѣсколько времени г. Лессепсъ увидѣлъ, что необходимо также разрѣшеніе султана, который однако же этого разрѣшенія никогда не давалъ. Не говоря положительно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится разрѣшить постройку канала между Средиземнымъ и Краснымъ морями; султанъ отвѣчалъ, что ему нужно имѣть извѣстныя ручательства въ цѣлости имперіи и въ уваженіи къ его законамъ. Мой благородный другъ говорилъ объ одномъ изъ этихъ законовъ, который, *впрямую*, былъ нарушенъ, то есть о законѣ противъ употребленія обязательнаго труда. Проектъ не можетъ осуществиться иначе, какъ при помощи труда, и *весьма впрямую*, что г. Лессепсъ прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ принужденію. Султанъ также можетъ воспротивиться предположенію г. Лессепса, потому что тотъ собирается приобрести для канала значительныя земли. Ибо невозможно не видѣть, что въ этомъ заключается ужасная опасность для оттоманской имперіи, если Египетъ будетъ отдѣленъ отъ прочихъ земель султана большимъ населеніемъ иностранцевъ, имѣющихъ особенныя привилегіи, *покровительство своихъ консуловъ*, и почти совершенную независимость отъ законовъ страны. Правительство ея велич-

чества не скрывало своего мнѣнія на этотъ счетъ; оно, равно какъ и прельюдція правительства, сообщало о затрудненіяхъ, которыя я только что изложилъ. Положеніе, относительно этого проекта, другого, могущественнаго государства (Франціи), которое въ дружбѣ съ нами, естественно обязывало министровъ ея величества вести дѣло съ большою осмотрительностью. Султанъ далъ знать па-шѣ, что онъ не желаетъ осуществленія проекта и не сдѣлалъ г. Дессеяса никакой уступки. Между тѣмъ г. Дессеясъ получалъ позволеніе сдѣлать нѣкоторыя предварительныя операціи, и въ самомъ дѣлѣ началъ работы. Впрочемъ, я не думаю, чтобы намъ надо было слишкомъ опасаться того, что сдѣлано. Если свѣденія, полученныя правительствомъ, вѣрны, то кажется, что портъ зацѣпляется иломъ и пескомъ, работниковъ достать трудно, вода составляетъ дѣлность, и все это, повидимому, произвело свое дѣйствіе. Труднѣйшая часть проекта есть, кажется, устройство порта. Если быда построена плотина для устройства бассейна, какъ мѣста углубленныя заподнились грязью и пескомъ. Это была мифологическая Сизифова работа, и мнѣ очень жаль несчастныхъ акціонеровъ. Къ несчастью, г. Дессеясъ уговорилъ пашу взять половину акцій компаніи. И вотъ между какихъ огней паша поставленъ; если проектъ будетъ исполняться, то онъ потеряетъ все свои *деньги*, употребленныя на это дѣло, а если проектъ оставить, то ничего нѣтъ мудренаго, что съ пашей будутъ требовать убытковъ. Порту еще переписывается объ этомъ съ пашей, и я надѣюсь, что проектъ, который мнѣ кажется невыполнимымъ, будетъ отстраненъ, или по крайней мѣрѣ будутъ приняты мѣры для обезпеченія цѣлости имперіи и для того, чтобы, на почвѣ канала, всякая европейская держава, особенно въ случаѣ войны, пользовалась выгодами, одинаковыми со всеми прочими державами».

Говорилъ поэтому же самому почолу г. Страдфордъ Редклифъ, бывшій посланникомъ въ Турціи и такъ дѣятельно заботившійся о сохраненіи независимости этой развалины. Говорилъ еще г. Элленборо. Этотъ господинъ, столь же благородный лордъ какъ и прочіе, говорилъ, что планъ канала неисполнимъ физически и невозможенъ политически. Но что слѣдуетъ устроить телеграфическое сообщеніе между Индіей, Аденомъ и Перимомъ, и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полводный канатъ будетъ выведенъ на землю, для устройства надлежащихъ станцій, должно построить укрѣпленія, способныя защищаться противъ обыкновенныхъ нападений. «Это зависитъ совершенно отъ насъ, прибавилъ г. Элленборо, — и никакая сила въ свѣтѣ не можетъ помѣшать намъ это сдѣлать.»

Совершенно такъ, я вся англійская вѣщная цѣлитка въ этомъ

засѣданіи видна во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ принципахъ, и во всѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчіяхъ. Толкуютъ о самостоятельности Шорты, а между тѣмъ при всякомъ случаѣ мѣшаются въ ея дѣла, не только совѣтами, но прямымъ, непосредственнымъ надзоромъ. Чуть только случится что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, какъ назначается особенная европейская коммисія для надзора. Нынче Омеръ-Паша поѣхалъ усмирять Боснію; съ нимъ послали европейскихъ комиссаровъ; какъ будто такъ дѣлается съ независимымъ государствомъ? Говорятъ о постройкѣ какихъ-нибудь пятнадцати или двадцати укрѣпленій на земляхъ, подчиненныхъ турецкому султану и съ грознымъ спокойствіемъ прибавляютъ, что никакія силы въ свѣтѣ не помѣшаютъ Англій это сдѣлать. Увѣряютъ, что каналъ невозможенъ по физическимъ причинамъ, и сожальютъ бѣдныхъ акціонеровъ, сожальютъ бѣднаго египетскаго пашу. Но ежели песокъ и илъ помѣшаютъ исполненію канала и неизбѣжно заставятъ бросить работу, не довѣя ее до конца, такъ о чемъ же хлопотать? Пусть кому угодно, тотъ и разоряется на эти акціи; но нѣтъ; оказывается, что позади этого есть болѣе близкій для Англій вопросъ, именно обязательство заботиться о цѣлости Турціи. Стало-быть каналъ можетъ быть удаченъ, и тогда цѣлость этой интересной державы подвергнется ужасной опасности. Благородный лордъ дѣлаетъ догадку, что *авронтно* г. Лессенсъ употребляетъ принужденіе въ начатыхъ работахъ. Но на вѣроятностяхъ мало ли что можно построить! Наконецъ въ своей іереміадѣ ораторъ дошелъ до того, что началъ жаловаться на покровительство европейскихъ консуловъ, началъ опасаться, что это покровительство будетъ въ ущербъ все той же Турціи, какъ будто законы въ Турціи, не смотря на всѣ гатти-гумаюны, сколько-нибудь покровительствуютъ христіанъ; будто оратору неизвѣстно, что безъ своего посольства подданный христіанской державы въ Турціи пропадетъ безъ слѣда; какъ будто, наконецъ, ему неизвѣстно, что въ Сирію теперь, въ ожиданіи выступленія французовъ, вступаютъ турецкія войска, составленныя на половину изъ тѣхъ самыхъ солдатъ, которые посланы были въ Константинополь подъ судъ, или на казнь, за то что они участвовали въ убійствахъ или имъ потворствовали. Это слишкомъ обыкновенная увертка тѣхъ, кто старается доказать неправду, — прикинуться непризнающимъ извѣстныхъ истинъ, или ихъ незнающимъ.

Внутреннее устройство Англій доведено до такой высокой степени совершенства, — кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ мы когда-нибудь скажемъ, что всѣ прочія страны имѣютъ полное право ей въ этомъ отношеніи завидовать. Во внѣшней политикѣ до такой степени утверждено въ Англій стремленіе къ собственнымъ

интересамъ, помимо вопросовъ о правѣ и справедливости, и къ тому еще англо-саксонское племя одарено такою громадною стойкостью, такою настойчивою энергіей, что усѣхи несомнѣнны: всегда и постоянно выигрываетъ тотъ, кто не обращаетъ особеннаго вниманія на справедливость, а заботится только о себѣ и о своихъ непосредственныхъ выгодахъ.

Всѣ вопросы, занимающіе теперь Англію на востокъ Средиземнаго моря разрѣшаются тѣмъ, что южные французскіе порты гораздо ближе къ Суэцкому каналу, къ Сиріи, къ Турціи, нежели южные порты англійскіе, и въ случаѣ войны, французы будутъ ближе къ Индіи, когда будетъ каналъ, чѣмъ сама Англія. Если бы существованіе Турціи въ видѣ предлога для ближайшей оперы въ тѣхъ краяхъ, не было прямо выгодно Англіи, то конечно ни одинъ изъ тамошнихъ государственныхъ людей не сказалъ бы ни слова въ пользу сохраненія независимости этой развалины. Не требуютъ же они независимости Алжирин, не заботятся о самостоятельности Котхинины, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти отнимаютъ земли у новозеландцевъ подъ настбища своихъ оведъ. Всѣ заботы ихъ обращены теперь на то, чтобы какъ нибудь не усилилась какал нибудь держава, хотя бы до такой мѣры, чтобы нѣсколько къ ней приблизиться; о претензіяхъ на соперничество Англія не можетъ и слышать равнодушно. Точно также, какъ она не терпитъ усиленія какой нибудь державы, такъ она не любитъ и большого ослабленія, потому что этимъ ослабленіемъ не равно воспользуется кто нибудь другой. Такъ, — сколько мы знаемъ, — въ англійскихъ палатахъ не было еще сколько нибудь серьезной бесѣды о венгерско-австрійскихъ дѣлахъ. Австрія ослаблена войною 1859 г., ослаблена своими финансовыми ошибками, и теперь еще ослабляется мадьярскими несогласіями. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что англійское министерство неблагопріятно взглянетъ на венгерское движеніе, потому что такимъ образомъ, въ случаѣ приближенія Австріи къ разложенію, можетъ черезъ мѣру усилиться Пруссія, да и славянскія земли Австріи могутъ сблизиться съ тѣми землями, которыя теперь дежатъ подъ властью драгоценной Турціи. Тогда, чего добраго, можетъ образоваться новая, еще невиданная въ Европѣ сила — мѣръ славянскихъ братій, и — что изъ этого выйдетъ — неизвѣстно; но для Англіи пока мѣръ лучше, чтобы ничего не вышло, ибо нынѣшнее положеніе вещей для нея довольно выгодно.

А въ случаѣ, если бы усилилась Пруссія нельзя будетъ ей слышать напр. такого выговора, какой сдѣлали ей и министерство и всѣ газеты Англіи за исторію нѣкогого господина Макдональда. Этотъ Макдональдъ на какой-то станціи желѣзной дороги въ Пруссіи, по-

ссорился съ дружимъ господиноу, и былъ насильно выведенъ изъ двора. Тотчасъ англійское правительство за него вступилось, — и сдѣлало, конечно, очень хорошо, если г. Макдональдъ былъ правъ; но если онъ дѣйствительно былъ виноватъ въ дерзости, то вступаться не слѣдовало, потому что прусская полиція поступила совершенно сообразно съ своими законами. Обыкновенно было нѣсколько дипломатическихъ нотъ, довольно рѣзкихъ; множество статей явилось въ англійскихъ газетахъ противъ Пруссіи; Богъ знаетъ чего только не заговорили; даже дошли до того, что берега Рейна въ прусскихъ предѣлахъ не живописны, такъ что ни одному порядочному англичанину не слѣдуетъ ѣздить ихъ смотрѣть. Но дѣло всеставило томъ, что какъ прусская полиція, въ сравненіи съ англійской, ни дура, а все же она въ дѣлѣ Макдональда была права, и слѣдствие показало, что онъ велъ себя непростительно дерзко. Мирные путешественники, не любящіе исторій, должны быть благодарны прусской полиціи за исторію съ Макдональдомъ; надо же было показать англійскимъ туристамъ, что въ Европѣ есть еще люди, кромѣ англичанъ, настоящіе люди, съ тѣломъ и духомъ, и даже съ нѣкоторыми правами, о чемъ англійскіе туристы до сихъ поръ не имѣли никакого понятія.

Общее положеніе. Последнія извѣстія.

Италія перестала внушать опасенія; тамъ слишкомъ много своего внутреннего дѣла, чтобы думать еще о завоеваніяхъ. Данія съ своимъ нескончаемымъ голштинскимъ вопросомъ, начинаетъ успокаиваться; благодаря внушеніямъ Англии. Но на далекомъ горизонтѣ съ двухъ сторонъ, показалось по тучѣ; изъ нихъ можетъ ничего не выйти, и какъ многія тучи, онѣ могутъ пройти благополучно; но можетъ разразиться и гроза.

Сирія и сѣверная Америка возбуждаютъ опасенія:

Изъ Сиріи выступаютъ французскія войска; но ихъ выступленіемъ глубоко оскорбленъ ихъ повелитель. Неудовольствіе его составляетъ предметъ опасеній всѣхъ, кто любитъ міръ. Поэтому случаю англійское министерство приказало послать въ Плимутъ сто новыхъ артиллерійскихъ пушекъ. Что сдѣлало поэтому же случаю французское правительство, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Но алармисты пророчатъ разрывъ, а въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и распоряженіяхъ французскаго императора дѣйствительно проглядываютъ противъанглійскія стремленія. Вышеприведенная депеша Тувелла по поводу очищенія Сиріи произвела замѣтно воинственное впечатлѣ-

нѣ во Франціи, а въ Англіи отвѣтомъ на нее были разныя воинственныя приготовленія. Люди, близко знающіе характеръ Наполеона III, говорятъ, будто бы въ самомъ непродолжительномъ времени, можетъ быть въ концѣ іюня, Сирія будетъ предметомъ столкновенія. Въ какой мѣрѣ справедливы эти предположенія — покажетъ время.

Съ другой стороны бывшіе соединенные, а нынѣ раздѣленные Штаты сѣверной Америки возбуждаютъ серьезныя опасенія. Сначала воинственнымъ жаромъ пылали только южные, отложившіеся штаты, а теперь этотъ жаръ охватилъ и сѣверъ съ большою, неожиданною силой. Южное правительство роздало каперскія свидѣтельства; сѣверное сдѣлало то же самое. Объявлена блокада всѣхъ южныхъ портовъ. Полки стекаются къ Вашингтону, который, говорятъ, будетъ скоро атакованъ южными силами. Послѣ взятія форта Сомтера, на сѣверѣ начались дѣятельнѣйшія военныя приготовленія. Богатые люди жертвовали огромныя суммы на издержки по вооруженію и продовольствію войскъ; какой-то купецъ далъ двадцать тысячъ долларовъ; очень многіе давали по пяти, по десяти и по пятнадцати тысячъ; войска собирались съ неожиданною быстротою. Югъ не ожидалъ такого пыла: смиренный и промышленный сѣверъ всегда казался такимъ тихимъ. Англійскіе фабриканты боятся остаться безъ хлопчатой бумаги; а тогда Англію постигнетъ неслыханное бѣдствіе: если не сотни тысячъ, то уже навѣрно десятки тысячъ рабочихъ останутся безъ дѣла и слѣдовательно безъ хлѣба.

Сан-Доминго присоединился къ Испаніи, какъ мы говорили въ прошедшемъ обзорѣннѣ. Теперь оказывается, что это было приготовлено давно, и Французское правительство успѣшило поздравить съ этимъ счастливымъ событіемъ испанскую королеву. Но Франція не будетъ здѣсь въ убыткѣ, потому что къ ней присоединяется республика Эгуадоръ, Гватемала и нѣкоторыя другія мелкія республики центральной Америки. Можетъ быть это только одни пустые слухи; но ничего не будетъ удивительнаго, если эти слухи подтвердятся: въ этихъ маленькихъ республикахъ безначаліе и безпорядки сдѣлались совершенно нормальнымъ состояніемъ, и понятно, если имъ захотѣлось наконецъ отдохнуть, хотя подъ чужою властью, но въ порядкѣ и тишинѣ. За то для Англіи это будетъ совершенно непонятно. Эта держава никакъ не можетъ позволить такого ужаснаго усиленія вліянія Франціи въ такомъ пунктѣ, гдѣ можетъ со временемъ устроиться междоокеаническій каналъ черезъ панамскій перешеекъ. Англіи, какъ видно, суждено сталкиваться съ Франціей на каналахъ.

Во Франціи въ послѣднее время процолють слухъ о томъ, что скоро воспослѣдуетъ облегченіе законовъ о печати. Многія газеты говорили объ этомъ съ большою увѣренностью, и теперь еще говорятъ. А между тѣмъ недавно вышелъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ — противнаго содержанія. По поводу брошюры принца Омальскаго, теперь во Франціи запрещено кому бы то ни было изгнанному изъ Франціи и *лишонному покровительства законовъ*, что бы то ни было печатать во Франціи. Префекты должны наблюдать и зорко слѣдить за типографіями, и предупреждать появленіе подобныхъ скандалезныхъ сочиненій, какъ названная брошюра.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Итальянскія дѣла. — Смерть и жизнь Кавура. — Возрожденіе и признаніе Италіи. — Недоразумѣнія съ духовенствомъ. — Новое министерство Риказоли.

Французскія дѣла. — Облегченіе законовъ о печати и процессъ Бромм. — Процессы Миреса и Бланки.

Турецкія дѣла. — Устройство Сиріи. — Славянское возстаніе.

Общее положеніе. — Последнія извѣстія.

Глазъ, внезапно погруженный въ мракъ, долго еще удерживаетъ впечатлѣніе послѣдняго свѣтлаго предмета, который на него дѣйствовалъ, и во мракъ, куда глазъ ни обратится, вездѣ представляется ему свѣтлымъ пятномъ послѣдній яркій предметъ. Нѣчто похожее на это чувствуетъ теперь Италія и всѣ искренніе друзья политической свободы. Со смертью Кавура наступилъ для Италіи мракъ, но Италія все еще видитъ образъ Кавура, блистающій для преемниковъ его путеводною звѣздою. Италія сжилась съ руководителемъ ея судьбы. Всѣ спрашивали себя: какъ онъ утвердитъ судьбу обновившейся, ожившей, но еще неокрѣпшей Италіи? Какъ онъ вырветъ изъ рукъ чужеземцевъ Римъ и Венецію? Какъ справится онъ еще съ большими трудностями, происходящими отъ различія племенъ, отъ взаимной ревности мелкихъ столицъ, отъ противорѣчивыхъ преданій? — Отъ Кавура всякій ожидалъ скорыхъ отвѣтовъ на эти трудные вопросы, потому что въ рукахъ этого человѣка дѣла спали не долго. Вдругъ — человѣка нѣтъ, а дѣла остались. Италія оспротѣла; путеводная звѣзда ея сокрылась, и всходитъ новая звѣзда; но въ туманѣ еще не видно, будетъ ли это такое же свѣтило первой величины?

Смерть великаго человѣка глубоко опечалила Италію и навела уныніе на всѣхъ людей, уважающихъ правду; но нашлись также люди, которымъ эта смерть доставила истинное наслажденіе. Эти

люди — противники политической и всякой свободы, и еще другие, мелкіе людишки, которымъ просто обидна была та простота и та непринужденность, съ какими Кавуръ былъ выше ихъ и выше всѣхъ окружающихъ. Такъ въ засѣданіи палаты общинъ 7 июня въ Лондонѣ, г. Робертъ Пилъ предложилъ собранію выразить глубокое сожалѣніе всѣхъ партій о преждевременной смерти знаменитаго Кавура.

Г. Джонъ Россель отвѣтилъ на это съ полнымъ сочувствіемъ: «Передъ памятью великаго государственнаго человѣка, котораго уже нѣтъ, обязанъ я объявить, что, по моимъ убѣжденіямъ, человѣкъ никогда больше Кавура, душою и тѣломъ, не посвящалъ себя отечеству. Знаменитый покойникъ одаренъ былъ большимъ искусствомъ вести дѣла, необыкновенною легкостью въ работѣ, и всю свою дѣятельность, все свое умѣнье онъ посвятилъ устройству независимости итальянскаго народа. Онъ очень вѣрно угадалъ средства, при помощи которыхъ можно ему было хлопотать о независимости Италіи: онъ заинтересовалъ своимъ дѣломъ европейскія державы тѣмъ, что предложилъ Франціи и Англій принять участіе въ крымской войнѣ, а потомъ на парижскомъ конгрессѣ, заявилъ государственнымъ людямъ Европы все то, на что жаловалась Италія. Теперь не время говорить о переговорахъ, имъ веденныхъ, но я прибавлю, что я имѣлъ счастье быть съ нимъ въ сношеніяхъ, какъ дипломатическихъ, такъ и личныхъ, и я не могу теперь не отдать справедливости человѣку, котораго жизнь будетъ занимать важную страницу въ исторіи его отечества».

Эти теплыя слова были встрѣчены рукоплесканіями. Но за тѣмъ всталъ г. Одоногъ, ирландскій депутатъ, католикъ, сердатый на Кавура за то, что онъ рѣшился принять подъ покровительство Италіи папскія земли, которыя отстали отъ монашескаго управленія. «Я вставъ, сказалъ г. Одоногъ, — чтобы объявить противное мнѣніе, морщась, предложеніе п. Пилъ и похвалы государственнаго секретаря по иностранцкимъ дѣламъ. (О! о!). Главною чертою политики Кавура была систематическая вражда противъ свѣтской власти папы. Особенный характеръ этой политики состоялъ въ томъ, чтобы систематически лгать (нѣтъ! нѣтъ!) о положеніи дѣлъ съ папскою общасти, чтобы скрыть завоевательныя планы Сардиніи (нѣтъ! нѣтъ!). Подобная политика можетъ быть сообразна съ предразсудками нѣкоторыхъ членовъ этой палаты, которымъ готовы вѣрять всѣмъ сказкамъ о папскомъ правительствѣ и сообразна также съ глухимъ ханжествомъ, какое высказываютъ слишкомъ многіе лица въ этой странѣ; но я не колеблюсь говорить, что его политика грубо оскорбляла священнѣйшія чувства христіанъ цѣлаго свѣта. Я не-

дому не уступлю въ желаніи видѣть Италію свободною, избавленною отъ австрійскаго владычества; но не могу принять вооруженное владычество Сардиніи надъ итальянцами. Я не боюсь сказать, что вижу персть божественнаго правосудія въ смерти Кавура...»

Тутъ палата разразилась взрывомъ всевозможныхъ выраженій порицанія. Крики о! о! ругательства, свистки цокрыли оконналіе рѣчи. Наконецъ ораторъ вынужденъ былъ цокоряться ясену, цориданію оскорбленнаго имъ общаго мнѣнія, и когда шумъ нѣсколько утихъ, онъ прибавилъ: «Меня не поняли. Я далеко отъ мысли радоваться смерти Кавура; я жалѣю о ней столько же, сколько всякій другой, но по другимъ причинамъ.»

Е. Мендизакъ Мильнотъ порицалъ необдуманныя слова французскаго депутата, а за нимъ г. Пальмерстонъ произнесъ нѣсколько словъ сочувствія. «Мой благородный другъ, сдѣлавшій предложение, желаетъ, чтобы палата занесла въ свои дѣтонписи выраженіе своего сожалѣнія по случаю смерти знаменитаго государственнаго человека на твердой землѣ; но мнѣ кажется, что у насъ еще не было примѣровъ такого рода, даже когда наша собственная страна теряла своихъ лучшихъ администраторовъ. По этому я думаю, что палата должна удовольствоваться выраженіемъ сожалѣнія, высказанными достоцотверными членами, во время настоящихъ преній. Въ тоже время, мнѣ пришлось бы сдѣлать насмѣе собственнымъ чувствомъ, если бы и я, въ свою очередь, не выразилъ сожалѣнія о смерти знаменитаго Кавура (рукоцмесканія), потеря котораго будетъ почувствована не только въ его странѣ, но и въ цѣлой Европѣ, котораго жизнь, будетъ занимать важное мѣсто въ удивленіи цодовѣчества до тѣхъ поръ, пока исторія будетъ передавать потомству дѣтонписи міра. Кавуръ положилъ въ своей странѣ основанія конституціоннаго, законнаго, общественнаго прогресса и велъ дѣла своего отцества по благоцодульному пути, который переживетъ его и будетъ неизмѣнно благодѣтеленъ какъ тѣмъ, кто остается, такъ и тѣмъ, кто будетъ жить послѣ. Кавуръ преждевременно цодищенъ наъ этого міра, смертью; но нельзя сказать, чтобы онъ умеръ единкомъ рано для своей славы (Рукоцмесканія).

Приведемъ цомъ, что цело отцать полную справедливость сцимнативоскннцъ сдѣламъ членомъ кабинета, сцижому цодовѣцу, целовцо рѣшилъ цлавъ фраза: что у насъ еще не было примѣровъ такого рода. Такъ, что же, что не было? Разумная ли это причина, чтобы не было примѣра? А между тѣмъ въ Англіи все или по крайней мѣрѣ большинство цодовѣствуетъ такою роде цоарраженіемъ: оно считается оскорбительнымъ, и пренія переходятъ на другой преняетъ. Премде, не было примѣровъ цотому, что политическая ццццц

была болѣе скрыта, а теперь она у всѣхъ на виду, особенно жизнь такого человѣка, какъ Кавуръ, на добродушномъ лицѣ котораго можно было читать не только въ какомъ онъ самъ расположеніи духа, но и въ какомъ положеніи дѣла Италіи.

Кавуръ захворалъ 29 мая; у него заболѣлъ животъ: довольно обыкновенная у него болѣзнь. Онъ лечился обыкновенно кровопусканіемъ и голодомъ. Черезъ два дня обыкновенно онъ былъ уже на ногахъ. Такъ какъ онъ и на этотъ разъ хотѣлъ лечиться по своему, то выбралъ молодого медика, который былъ исполнителемъ его собственныхъ предписаній. Онъ не хотѣлъ извѣстнаго врача, который сталъ бы лечить по своему. Въ самомъ дѣлѣ, 31 мая, послѣ трехъ кровопусканій, онъ уже могъ принять министровъ и разговаривать съ ними. Онъ считалъ себя совершенно выздоровѣвшимъ; но 1 іюня вечеромъ стали показываться признаки злокачественной лихорадки. Тогда пригласили на совѣтъ другого врача; больному дали сѣрнокислый хининъ; но было уже поздно. Припадки со дня на день усиливались, и кончились параличомъ мозжечка, что и было ближайшею причиною смерти. Навѣрное, болѣзнь и смерть Кавура произошли вслѣдствіе усиленной работы, какой онъ предавался въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, не отдыхая ни минуты. Во время болѣзни у него иногда начинался бредъ, или, вѣрнѣе сказать, онъ вслухъ выражалъ свои мысли, особенно въ послѣдній день, 5 іюня. Все, что онъ говорилъ, относилось къ дѣламъ страны, и преимущественно къ большому займу въ 500 милліоновъ франковъ, о которомъ давно начались переговоры; онъ высказывалъ доводы, которые собирался приводить банкирамъ, говорилъ объ устройствѣ войска и часто спрашивалъ, въ какомъ положеніи находится фермировка такого или другого полка. Часто говорилъ онъ о Неаполѣ. Сѣверная Италія сдѣлана, говорилъ онъ: — вѣтъ ни пьемонтцевъ, ни тосканцевъ, ни эмилийцевъ. У нашихъ южныхъ много прекрасныхъ качествъ; но они испорчены прежнимъ правленіемъ. Мы справились съ ними; надо только исправить ихъ нравственность; скажите чиновникамъ, что они могутъ на меня рассчитывать: я ихъ награжу; но теперь еще не время, послѣ. Я хочу, чтобы они особенно были строги ко всему, что противно деликатной честности. Чиновникъ долженъ быть чистъ отъ всякаго подозрѣнія. Онъ говорилъ также о Гарибальди. Боже мой! Съ нами Гарибальди! Это славный человѣкъ, вредн своихъ эксцентричностей. Мы пойдемъ въ Венецію; никто больше меня этого не хочетъ; надо идти въ Венецію. А Истрію оставимъ до другого поколѣнія; я довольно сдѣлалъ для нашего. Въ безсвязныхъ рѣчахъ его безпрестанно повторялись такого рода мысли, безъ бреда; но повторялись часто и по-

вольно. Пятаго числа врачи объявили, что уже нѣтъ никакой надежды спасти больного: на лицѣ его уже являлись тѣ строгія и спокривныя черты, которыя предшествуютъ смерти. Приѣхалъ король съ принцемъ Кирильнскимъ, и уѣхалъ въ слезахъ. Народъ всѣ эти дни толпился возлѣ дома министра, въ ожиданіи извѣстій о его здоровьѣ, и когда изъ приходской церкви потянулось шествіе со святыми дарами для умирающаго, роковая вѣсть мигомъ разлетѣлась по городу. Всѣ дѣла остановились: Италія притихла, ожидая страшнаго событія, и еще надѣясь. Въ часъ утра, шестаго іюня, начала понемногу удаляться жизнь: параличъ овладевалъ сердцемъ. Къ пяти часамъ утра лихорадка кончилась, наступило умирающее; лицо принимало болѣе и болѣе строгій отпечатокъ окончательнаго успокоенія, и въ семь часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ наступилъ неорганическій процессъ въ тѣлѣ, которое при органическомъ процессѣ управляло Италіей.

Осьмого числа совершились торжественныя похороны; почти во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы открыта подписка на сооруженіе памятника великому человѣку; въ палатѣ каедра обтянута чернымъ сукномъ; король предложилъ родственникамъ похоронить тѣло въ королевскихъ склепахъ; газеты наперерывъ выражаютъ скорбь Италіи; но неорганическій процессъ въ тѣлѣ Кавура продолжается своимъ чередомъ, безостановочно, и потому всѣ эти обстоятельства не важны.

Дѣло въ томъ, что Италія, Европа потеряли Кавура. Надо надѣяться, что будущій историкъ Италіи приметъ печальный день 6 іюня гравью великаго періода освобожденія Италіи, и за нимъ уже начнется періодъ свободы этой страны. Кавуръ, умирая, нисколько не сомнѣвался въ прочности начатаго и почти совершеннаго имъ дѣла.

Камилль Кавуръ вышелъ въ свѣтъ по девятнадцатому году, окончивъ курсъ въ военномъ училищѣ. Въ 1828 году онъ поступилъ на службу инженернымъ полпоручикомъ, но не долго онъ могъ вынести дисциплину пассивнаго повиновенія. Черезъ три года онъ принужденъ былъ выйти въ отставку по случаю нѣсколькихъ свободныхъ словъ, сказанныхъ имъ въ Генуѣ, гдѣ онъ служилъ при постройкѣ какого-то укрѣпленія. Тогда времена для Италіи были тяжелыя и смутныя. Актомъ вѣнскаго конгресса 9 іюня 1815 года устроена была судьба Италіи. Король сардинскій получилъ обратно свое государство. Модена, Реджіо, Мирапола, Масса и Каррара отошли во владѣніе дома Австрійскаго-Эсте. Парма, Паченца и Гвастала достались императрицѣ Маріи-Луизѣ. Австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ сдѣлался великимъ герцогомъ Тосканскимъ. Лук-

ка досталась инфантъ Маріи-Луизѣ. Папская область восстановлена въ границахъ, бывшихъ до 1789 г., за исключеніемъ земель, лежавшихъ по лѣвому берегу По. Наконецъ король Фердинандъ IV° былъ снова признанъ королемъ Обѣихъ Сицилій. Англичане остались обладателями острова Мальты. Преобладаніе Австріи было въ Италіи упрочено сильнѣе прежняго; но не смотря ни на что, не удалось конгрессу задумитъ въ итальянскомъ народѣ стремленія къ свободѣ и къ единству. Явилось множество тайныхъ обществъ, Унитаріи, Карбонаріи и другіе, которыхъ главною цѣлю было избавленіе отъ чужеземнаго владычества, особенно отъ австрійскаго, и устройство конфедераціи свободныхъ итальянскихъ областей. Правительства въ Неаполѣ, въ Римѣ и въ Туринѣ принимали противъ этихъ обществъ самыя рѣшительныя и крутыя мѣры: возстановлена была инквизиція, призваны были іезуиты и цѣлыя арміи шпионовъ. Но не дѣйствовали никакія крутыя мѣры. Такъ горбъ, стиснутый желѣзнымъ корсетомъ, не истребляется, а входитъ во внутръ и убиваетъ пациента, чахоткой. Италія зачихла; народъ впалъ въ бѣдность; богатѣйшая въ мірѣ страна обнищала, а все-таки сбросила съ себя корсетъ. Революція, бывшая въ Испаніи въ 1820 году, растревожила итальянскій карбонаризмъ, и въ Неаполѣ и въ Сициліи король вынужденъ былъ обѣщать либеральную конституцію. Тоже самое случилось и въ Сардиніи, гдѣ король Викторъ-Эммануилъ I долженъ былъ отречься отъ престола (1821) въ пользу сына своего Карла Феликса. Австрія никогда не терпѣла представительнаго правленія даже въ своемъ сосѣдствѣ. Она еще въ 1815 г. противилась введенію представительной системы на полуостровѣ, а когда король неаполитанскій обѣщалъ конституцію, австрійское правительство пришло въ преувеличенное негодованіе и послало войска для усмиренія. Въ мартѣ 1821 г. въ Неаполѣ, а въ апрѣлѣ въ Пьемонтѣ австрійскія войска усмирили и удовлетворили недовольныхъ неслыханными казнями, страшными изтязаніями. Пущены были въ дѣло самыя ужасающія пытки, для открытія развѣтвленной заговора, и наружное спокойствіе было восстановлено, когда у палачей уже руки отяжелѣли отъ усталости. Согласно принципамъ, принятымъ на Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ, итальянскія правительства и герцогъ моденскій Францискъ IV, увеличили мѣры строгости въ управленіи. Папа Пій VII и преемники его Левъ XII и Пій VIII, вели дѣла гораздо мягче и ограничились только отлученіемъ карбонаристовъ отъ церкви. Но ни одно изъ итальянскихъ правительствъ не позаботилось объ уничтоженіи тѣхъ причинъ, которыя произвели революціи 1820 и 1821 годовъ. Напротивъ, продолжалась преслѣ-

дованія, изгнаніе и заточеніе въ тюрьму лучшихъ гражданъ, что еще больше и глубже раздражало умы. Июльская революція во Франціи отразилась и на Италиі. Не смотря на самые несомнѣнные признаки глубочайшаго раздраженія, герцогъ моденскій продолжалъ держаться своей системы подавленія: въ Моденѣ и разразилась прежде всего политическая буря. Сначала она унята была оружіемъ, но такое же точно движеніе и въ тотъ же день произошло въ Болоньѣ; Модена опять поднялась, и на этотъ разъ герцогъ долженъ былъ ѣхать въ Маятую. Около того же времени и Анкона присоединилась къ общему движенію, и революція стала угрожать папѣ Григорію XVI въ Римѣ. Потомъ собрались депутаты поднявшихся итальянскихъ провинцій и объявили, что свѣтская власть набы у нихъ не признается, что они составляютъ одно государство, которое управляется президентомъ, совѣтомъ министровъ и законодательною консультою. Но, въ то время въ Европѣ еще свирѣствовала въ полной силѣ система вмѣшательства. Герцогъ моденскій безъ сопротивленія вошелъ съ войскомъ въ свою столицу, въ сопровожденіи австрійскаго вспомогательнаго корпуса. Въ какіе-нибудь полтора мѣсяца (мартъ и апрѣль 1831) австрійскія войска усмирили возстаніе. Многія лица, болѣе другихъ замѣшанные въ дѣлѣ, старались какъ-нибудь пробраться на Юническіе острова, но все были захвачены австрійцами и переданы каждый своему правительству. Послѣ того разстрѣливанія продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Но произведеніи надлежащаго слѣдствія, разстрѣливали то одного, то двоихъ, то пятерыхъ. Особенно это выпало на долю Модены. Но только-что австрійцы очистили Анкону и Болонью, и герцогъ моденскій уже не могъ поддержать спокойствія. Въ 1832 опять вспыхнуло возстаніе, опять вошли австрійцы. Съ своей стороны паряская герцогиня Марія-Луиза, возвращаясь въ свою столицу, стала стараться успокоить умы истребленіемъ злоупотребленій и другими благоразумными примирительными мѣрами. Въ Сардиніи вступилъ на престолъ (1831) король Карлъ Альбертъ. Сначала онъ держался довольно либеральной системы правленія, и у него въ государствѣ все было тихо. Но потомъ этотъ странный государь совершенно переѣнился, измѣнилъ своей прежней политикѣ и совершенно поддался влиянію іезуитовъ.

Современникамъ трудно было понять его причудливое поведеніе; но теперь оно совершенно понятно. Еще въ 1821, когда ему было всего двадцать-два года, ему пришлось быть регентомъ, по случаю отреченія отъ престола Виктора Эммануила и отсутствія Карла Феликса. Тутъ онъ былъ почти противъ воли вовлеченъ въ обнародованіе конституціи, но въ рѣшительную минуту, когда

вступилъ въ королевство австрійскія войска, онъ поклянулъ на произволъ судьбы новорожденную революцію, заслуживъ только жесточайшія порицанія со стороны европейскіхъ дворовъ и своего семейства. Когда онъ вступилъ на престолъ, то положеніе его было въ высшей степени ложно и неловко. Старинные друзья отъ него отказались, не принимая въ соображеніе трудности его положенія десять лѣтъ тому назадъ; австрійскому и другимъ дворамъ онъ былъ подозрителенъ за конституцію 1812, за свое либеральное направленіе. Но онъ глубоко былъ преданъ дѣлу Италіи, и по одному этому надѣялся привязать къ себѣ недовольныхъ подданныхъ. Съ другой стороны надо было разсѣять подозрѣнія, внушаемыя либеральнымъ направленіемъ его молодости; при всякой малѣйшей уступкѣ, при малѣйшемъ преобразованіи съ его стороны, австрійскій дворъ едва не называлъ его предателемъ и заговорщикомъ. По этому, Карлу Альберту пришлось закрыться въ самого себя и вѣчно притворяться, вѣчно давать малѣйшія уступки со страхомъ и трепетомъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ не любилъ свободы, и совершенно достоверно, что онъ можетъ быть больше другихъ государей заботился о своихъ династическихъ интересахъ. Но за что любила его Италія, такъ это за главную страсть его жизни, за пламеннѣйшую ненависть къ Австріи, за искреннее желаніе освобожденія націи. Вся жизнь его, все время были посвящены на устройство и образованіе войска, и положеніе его было затруднено еще довольно важною политической ошибкой: онъ упорно считалъ Францію врагомъ Италіи, не понимая, что для Франціи выгодно возвышеніе Пьемонта, пока австрійцы владѣютъ Ломбардіей и на всю Италію имѣютъ большое вліяніе. Къ несчастію, Мадзини произвелъ вторженіе въ Савойю, да сверхъ того открылось, что тайныя общества продолжаютъ свою скрытую дѣятельность. Эти два обстоятельства; вмѣстѣ съ знаменитымъ письмомъ Мадзини, гдѣ изложены были условія, на которыхъ король можетъ расчитывать на помощь радикаловъ — сбили короля съ толку. Ему неудобно было принять эти условія, и потому онъ сталъ видѣть непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ, чьи желанія и стремленія онъ когда-то раздѣлялъ совершенно, и чтобы найти какую-нибудь точку опоры, онъ бросился въ другую сторону. Онъ былъ врагомъ удовольствій и праздниковъ; привыкъ къ жизни уединенной и созерцательной; онъ жилъ скромно, отличался большою умѣренностью, часто читалъ библію, окружилъ себя іезуитами и монахами.

Италія между тѣмъ глухо волновалась, усиліями карбонаріевъ и *Юной Италіи*, подлѣ руководствомъ извѣстнаго агита-

тора Маллеви, который въ то время жилъ въ Брюсселѣ, и, во выраженію Монтанелли, продолжалъ катать въ крови скаду заговоровъ. Но при этомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ о карбонаріяхъ в Юной Италіи. Общество карбонаріевъ существовало еще при Наполеонѣ I, но было весьма немногочисленно. Ихъ смѣшивали сначала съ обществомъ франкъ-масоновъ, невѣрнѣйшимъ благотворительнымъ обществомъ, съ нѣсколькими мистическими направленіемъ и мелочными таинственными обрядами. Сначала ихъ сначала звали: карбонаріями или угольщиками называлась одна изъ очень распространенныхъ сектъ масонства, секта жеманная. Въ 1819 карбонарія въ Италіи очень усилились, войдя въ тѣсныя отношенія съ патриотами Франціи. Имя карбонаріевъ или угольщиковъ было символомъ: углю приписывается сила очищать воду и воздухъ. *Очистить лѣсъ отъ волковъ*, значило у нихъ — избавить отечество отъ иноземцевъ. По этому понятенъ и ихъ пароль: *мщеніе волку за угнетенныхъ овецъ!* У нихъ все было придумано для сохранения тайны общества. Были опредѣлены наказанія за нескромность, даже невольную, а предательство наказывалось смертию. При вступленіи въ общество, новичекъ приносилъ присягу, что онъ будетъ членомъ известнаго округа, называвшагося, обыкновенно, *сектой*, и не будетъ стараться узнавать членовъ другихъ округовъ. Виновный былъ судимъ трибуналомъ, составленнымъ изъ карбонаріевъ, и одинъ изъ нихъ же долженъ былъ исполнить приговоръ. Ничего не было писаннаго; приказанія, распоряженія верховной венты сообщались словесно особыми посланными. Для лиризаціи ихъ правъ, нужно было, чтобъ они представляли половинку обыкновенной карты, причудливо отрѣзанной отъ другой половинки, хранившейся въ вентѣ. Статья 58 устава ихъ гласила: «Чтобы быть готовымъ на всякій случай, всякій карбонарій долженъ имѣть ружье со штыкомъ и 25 патроновъ съ пулями. Онъ обязанъ научиться употребленію такого оружія и всѣмъ движеніямъ, какія необходимы при собраніи людей, такимъ образомъ вооруженныхъ.» Но такъ какъ каждый членъ не могъ знать ни членовъ другихъ вентъ, ни, слѣдовательно, силы всего общества, ни намѣреній верховной венты, то каждому изъ членовъ приходилось повиноваться пассивно, не разсуждая, механически, безъ той увѣренности, какая дается яснымъ сознаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Сверхъ того, для того, чтобы силы общества не раздроблялись, строго запрещено было членамъ-карбонаріямъ учреждать какія бы-то ни было другія общества. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ карбонарія попадали въ противорѣчіе. Они сами составляли общество среди другаго, большаго гражданскаго общества, а между тѣмъ не хотѣли

допустить того же относительно своего кружка. Но этому между карбонариями было множество недовольных, и между ними замѣтно другихъ послѣдствій сдѣлался Осипъ Мадзини.

Этотъ человекъ сначала занимался литературой, и при возникшемъ спорѣ между классицизмомъ и романтизмомъ, вѣля стѣрену послѣднѣму, и сдѣлался замѣтенъ по великой ловкости своего пера. Невинный литературный споръ не могъ быть веденъ въ угнетенной Италіи такъ же, какъ онъ шолъ между писателями въ странахъ, свободныхъ отъ чужеземнаго вліянія, какъ напр. во Франціи и въ насъ въ Россіи. Тамъ къ спору тотчасъ привязалась подѣтка, и подозрительная цензура остановила на немъ свое злобщее вниманіе. Статьи его были подписаны уже не цензурно: *итальянецъ*. Такихъ людей цензура не признавала: были въ Италіи неаполитанцы, вьмонтцы, тосканцы и проч., но собственно итальянцы признаваемы не были. Онъ вошелъ въ сношенія съ карбонариями; но они держали себя очень осторожно съ молодыми членами, и Мадзини ничего не могъ узнать о намѣреніяхъ ихъ и о планахъ. Въ то же время онъ обязанъ былъ клятвою не основывать никакого новаго общества. Все это выводило его изъ терпѣнія, и онъ собирался оставить карбонаровъ, какъ вдругъ, въ 1830 году, былъ посаженъ въ тюрьму. Его отецъ, профессоръ медицины въ генуэзскомъ университетѣ, разспрашивалъ о причинахъ такой строгой вѣры и получилъ только слѣдующій странный отвѣтъ: «Сынъ вашъ часто гуляетъ одинъ по предмѣстьямъ, по садамъ и полямъ, предаваясь глубокимъ размышленіямъ, что весьма подозрительно со стороны такого молодого человека». — Черезъ полгода, онъ былъ выпущенъ, за недостаткомъ доказательствъ, и получалъ насвортъ для отъѣзда за границу. Тогда началась его пламенная, неутомимая дѣятельность. Онъ поселился въ Марсели и тамъ основалъ новое общество, подъ названіемъ *Юная Италія*. Въ нѣсколько годовъ послѣ посѣщенія на французскій престолъ Людовика Филиппа, почти никто не вѣрилъ продолжительности его царствованія; Мадзини, вѣсть со многими другими, ждалъ провозглашенія республики, и хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы объявить республику и въ Италіи: онъ рассчитывалъ, что предпріятіе его удастся легко, по случаю древнихъ и новѣйшихъ республиканскихъ преданій этой страны. Онъ безпрестанно твердилъ также о необходимости *единства* Италіи, такъ какъ эту мысль проводила многіе гениальные и даже практическіе люди, Дантъ, Петрарка, Макиавель, Ломпрандъ, Фридрихъ II, Генрихъ VII, Наполеонъ.

Часто сравниваютъ Каура съ Мадзини: критикальные журналы часто даже сличивали эти два лица въ своихъ методованіяхъ.

Привада, что дѣла у нихъ была одна; но средства совершенно различны, и въ этомъ состоитъ неизмѣримая между ними разница.

Кавуръ, обвиняемый въ либерализмъ, также уѣхалъ за границу; но онъ видѣлъ очень хорошо, что время еще не наступило; и потому сталъ выжидать, а между тѣмъ жилъ въ Англій, много учился, но участвовалъ также въ удовольствіяхъ свѣта. Онъ посполъ въ сношеніи со многими значительными лицами и обогатился наблюденіями общественной жизни въ Англій, провинился удивленіемъ и глубокимъ сочувствіемъ къ англійскимъ учрежденіямъ и понялъ, какъ слѣдуетъ разумѣть политическую свободу. Когда онъ возвратился на родину и сталъ тамъ принимать участіе въ общественной жизни, политическіе противники его, ультра-демократы и ультра-консерваторы, постоянно ставили ему въ вину пристрастіе къ британскимъ учрежденіямъ. Онъ какъ-будто предвидѣлъ это обвиненіе, и въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій (О пынѣшемъ состояніи Ирландіи) говоритъ:

«Отъ Перми до Лиссабона, въ Германіи, какъ и въ Италіи, брати прогресса и въ то же время партизаны политическихъ судорогъ одинаково смотрятъ на Англій, какъ на самаго страшнаго своего противника. Первые обвиняютъ ее въ томъ, что она печка, въ которой подогрѣваются и разогрѣваются всѣ революціи, что она вѣрное убѣжище, такъ сказать цитадель пропатаганистовъ и уравнителей. Другіе, напротивъ, и можетъ быть съ большею справедливостію, смотрятъ на англійскую аристократію, какъ на краеугольный камень всякаго европейскаго общественнаго зданія, какъ на величайшее препятствіе ихъ демократическимъ вѣдамъ. Эта ненависть, внушаемая Англійей людямъ крайнихъ партій, должна бы сдѣлать ее дорогою людямъ средняго направленія, друзьямъ умѣреннаго прогресса, друзьямъ постепеннаго и правильнаго развитія челоуѣчества; короче сказать тѣмъ, кто по принципу противится и разрушительнымъ бурямъ, и застою общества. Однако же на дѣлѣ это не такъ. У нихъ сочувствіе къ Англій одолевается множествомъ предрассудковъ, воспоминаній, страстей, которыхъ сила почти всегда неодолима. Можетъ быть, еще не много на свѣтѣ людей, которые испытываютъ къ англійской націи чувства уваженія и участія, чувства естественныя относительно одного изъ величайшихъ народовъ, когда-либо составлявшихъ честь рода челоуѣческаго, націи, которая сильно способствовала умственному и вѣдественному развитію міра...»

Живя за границей, Кавуръ уже сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими статьями на французскомъ языкѣ, которыя были напечатаны въ разныхъ *Réviews*; предметами ихъ были важнѣйшіе политическіе и

экономическіе вопросы. Онъ показалъ въ этихъ статьяхъ умъ обширный и точный, и большую уменость. Въ каждой статьѣ видно глубокое изученіе предмета и большое пренебреженіе къ литературной формѣ. У него встрѣчается рѣдкая сила разсужденія, въ соединеніи съ упорнымъ отыскиваніемъ всѣхъ трудностей вопроса, и обстоятельнымъ разъясненіемъ этихъ трудностей. Въ статьяхъ видѣнъ другъ всякаго политическаго и общественнаго прогресса и стало быть всякаго средства къ его достиженію, и видѣнъ рѣшительный врагъ всякой насильственной мѣры, потому что въ его понятіяхъ насильственныя мѣры не бываютъ дѣйствительны. Такимъ образомъ, онъ принадлежалъ къ школѣ знаменитыхъ государственныхыхъ людей Англій, которые удаляютъ революціа посредствомъ цощренія свободы. Говорилъ онъ обыкновенно отчетливо, ясно, точно, но безъ живости, и очевидно не разсчитывая на эффектъ.

Первымъ актомъ общественной дѣятельности Кавура было горячее участіе его въ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ въ Туринѣ. Онъ былъ однимъ изъ директоровъ. Это было въ 1840 году. Но въ то время либеральныя идеи были еще контрбандой въ Пьемонтѣ, такъ что товарищи, другіе директоры пріютовъ, попросили Кавура выйти, потому что извѣстность его умѣреннаго даже либерализма «могла компрометировать общество», хотя сами члены общества дѣтскихъ пріютовъ признавали, что Кавуръ одержимъ либерализмомъ всякаго честнаго человѣка. Въ 1842 г. онъ способствовалъ учрежденію земледѣльческаго общества въ Туринѣ и воспользовался своимъ положеніемъ члена для распространенія точныхъ, положительныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства: одъ насмотрѣлся на него въ Англій и долго изучалъ теоретически.

Правительство приняло всѣ мѣры, чтобы земледѣльческое общество не выходило изъ тѣснаго круга своей дѣятельности; но положеніе было слишкомъ напряжено, умы слишкомъ были заняты политическими условіями страны, и потому политическія замѣчанія прорывались вольно среди разсужденій и споровъ, но видимому совершенно чуждыхъ политикѣ. Это обстоятельство опять поставило Кавура въ неблагопріятномъ свѣтѣ, не смотря на всю его искреннѣйшую преданность порядку, не смотря на отвращеніе его отъ насильственныхъ мѣръ и переворотовъ.

Мадзини шолъ совершенно другой дорогой. Онъ хотѣлъ республику, и былъ увѣренъ, что достигнетъ своей цѣли, только что соберетъ вокругъ себя хотя небольшой отрядъ, будущее ядро колоссальнаго возстанія, которое должно было охватить всю Италію. Онъ обворожительно хорошо говорилъ и разсчитывалъ на успѣхъ, между прочимъ, при помощи своего удивительнаго дара слова. Онъ

былъ блѣденъ; очень хорошъ собой, выраженіе лица его было важное, держался онъ вообще строго и велъ жизнь чистоты безупречной. Онъ пренебрегалъ обыкновенными удовольствіями и жилъ окруженный нѣсколькими друзьями, которые сердечно были привязаны къ нему за его кротость, ровность и снисходительность его характера, тонкость и проникательность ума. Онъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, упрямъ, и говорилъ такъ убѣдительно, что покорялъ себѣ почти безъ исключенія каждаго собесѣдника. Но въ немъ всегда былъ одинъ недостатокъ, котораго, конечно, не замѣчали предупрежденныя въ пользу его лица, точно также, какъ и друзья его; это — аффекція и преувеличеніе въ мысляхъ, въ словахъ и въ самой его наружности. Онъ считалъ даже свои прекрасныя, небрежно откинутыя назадъ черныя волосы, живописно обрамляющіе блѣдное, красное, задумчивое лицо; — однимъ изъ орудій привлеченія себѣ приверженцовъ. У него всегда была склонность къ парадоксу, къ мистицизму, къ фантастическому; онъ преувеличивалъ свои чувства въ самыя душевные минуты; онъ не переставалъ рисоваться ни тогда, когда говорилъ объ австрійцахъ, ни тогда, когда спрашивалъ чашку кофе. Мадзини всегда питалъ безграничное довѣріе къ самому себѣ, самую твердую въ себѣ увѣренность. Для успѣха въ дѣлахъ, весьма часто это составляетъ важнѣйшее условіе; но это же и вводитъ часто человека въ печальнѣйшія заблужденія и разочарованія. Ему казалось, напр., что онъ не можетъ ошибиться касательно республиканской формы правленія; ему казалось, что устроивъ заговоръ, онъ можетъ своими силами остановить, отерочить или поторопить его взрывъ. Поэтому на собраніи предводителей общества Юной Италіи, бывшемъ въ мартѣ 1830 въ городѣ итальянской Швейцаріи Лочорно, онъ рѣшилъ отложить исполненіе дѣла на два мѣсяца. Полиція приняла это къ свѣдѣнію, и множество членовъ Юной Италіи было захвачено; многие были расстрѣляны, особенно въ Пьемонтѣ; словомъ сказать, были приняты всѣ законныя мѣры предупрежденія безпорядковъ посредствомъ надлежащаго устрашенія. Кто не былъ расстрѣлянъ, тотъ былъ заключенъ въ тюрьму на пять, на десять, на двадцать или на тридцать лѣтъ. Мадзини хлопоталъ день и ночь; стараясь пофрантить свою неудачу, и тутъ уже является онъ съ тѣмъ роковымъ упрямствомъ, которое надѣлало столько вреда Италіи. Съ своимъ лжоравочнымъ нетерпѣніемъ; онъ уже въ слѣдующемъ году попробовалъ произвести возстаніе въ Савойѣ.

Савойская экспедиція была сумасбродствомъ и вообще нѣтъ частностями, и по мысли, и по исполненію. Мадзини увѣрялъ, что онъ дѣйствуетъ черезъ народъ и съ народомъ; что надѣется только

на насось, а между тѣмъ искалъ опоры въ тайныхъ обществахъ; онъ произволь возстаніе съ прѣма стама человекѣ, и нѣтъ ихъ цоловннхъ: была не итальянцы; онъ укрѣля, что не надѣется на начальниковъ, а между тѣмъ не самъ прицалъ, началство, а дѣйствалъ его генералу Раморино, не итальянцу, человеку неизвѣстному и (справедливо или нѣтъ) неуважаемому. Онъ хотѣлъ поднять Италію, а между тѣмъ накинудся на Савойю, отдѣленную отъ Италіи Альпами, только случайно принадлежащую итальянскому государю; ея возстаніе и даже отпаденіе не имѣло бы никакого вліянія на полуостровъ. Второго февраля 1834 кодонна Раморино развернула трехцвѣтное знамя и стала приглашать гражданъ къ возстанію; но никто не тронулся съ мѣста. Инсургентамъ пришлось бѣжать отъ отряда регулярнаго войска, и прежде всѣхъ убѣжалъ Мадзини. Потомъ онъ убѣжалъ въ Лондонъ, сочинялъ планы возстаній, уставы итальянской республіки, и безо всякаго выбора бралъ своихъ звантовъ: и кризисенцовъ гдѣ попало, едва не на улицѣ. А между тѣмъ его проповѣди были своего рода роковой успѣхъ, и повстанія возстаній проявлялись то тамъ то здѣсь. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ сумасбродныхъ попытокъ была сдѣлана на неаполитанскомъ берегу братьевъ Бандіера, въ 1844.

Отецъ этихъ двухъ молодыхъ людей, родомъ венеціанецъ, былъ контръ-адмираломъ австрійской службы. Онъ приобрѣлъ себѣ незавидную извѣстность тѣмъ; что захватилъ злоческихъ бѣглецовъ послѣ востанія 1831, и выдалъ ихъ на казнь и потванія неаполитанскому и другимъ правительствомъ. Говорятъ, что его сыновья, принадлежавшіе къ Юной Италіи, хотѣли смыть съ своего имени пятно, наложенное отцомъ. Мадзини подучалъ ихъ и своимъ краснорѣчивымъ словомъ раздувалъ въ нихъ патриотическій жаръ. Они сначала ушли изъ Венеціи въ Корфу, и оттуда старались привлечь себѣ сообщниковъ. Но ожиданія ихъ были напрасны: не явилось никто, потому что никому не хотѣлось рисковать жизнью и деньгами ради какой-то отчаянной экспедиціи. Но изъ Калабріи они получили вѣсть за вѣстью, что страна находится въ броженіи и готова къ возстанію. Доказано, что эти извѣстія они получали отъ неаполитанской полиціи, которая сгорала нетерпѣніемъ вызвать ихъ поскорѣе въ Корфу и, главное, приготовиться къ ихъ встрѣчѣ. А между тѣмъ Мадзини продолжалъ ихъ подстрекать. 16 іюня 1844 они съ двадцатью товарищами рѣшились попытать счастья и выдаться на неаполитанскій берегъ, въ устьѣ Ністо, мадальской мадальбрійской рѣки, въ полномъ убѣжденіи, что съ ихъ помощіемъ вся Калабрія бросяетъ къ оружію. Но полиція ожидала ихъ, и послѣ небольшой стычки съ многочисленнымъ регулярнымъ отрядомъ,

они принуждены были положить оружіе. Двое изъ нихъ убиты, одинъ былъ убитъ, остальные задержаны. 25. іюля 1844 братья Бондіера съ северными товарищами были разстрѣляны на площади въ Козенцѣ. Восторженные молодые люди умерли храбро, съ криками: да здравствуетъ Италия!

Кауръ дѣйствовалъ не такъ. Духъ времени и общенастроеніе итальянцевъ (чему вообще, надобно сказать правду, не чуждо было вліяніе Юной Италіи) вѣсколько развили рука королю Карлу Альберту. Онъ чувствовалъ, что время приближается. Его рѣчи, его переписка этого времени показываютъ настроеніе его духа. «Скажице итальянцамъ, повторялъ онъ историку Чезаре Кампу: — что я постоянно думаю объ Италіи». Онъ писалъ: «Если бы кто-нибудь хотѣлъ выгнать изъ этой страны англійскій духъ, то пришлось бы начать съ того, чтобы выгнать меня самого». Но все еще онъ дѣйствовалъ вербально и хлопоталъ только о частныя улучшения. Наконецъ 30 октября 1847 онъ уничтожилъ исключительные суды, устроилъ публичное и словесное судопроизводство, избирательные городовые совѣты и вѣсколько расширилъ права періодическихъ изданій. Тотчасъ же Кауръ, вмѣстѣ съ друзьями своими: Бальбо, Гальваньо и Санта-Роза, основалъ новый журналъ *Risorgimento* (Воскресеніе изъ мертвыхъ). Его программа была: «единство Италіи, союзъ государей съ народомъ, движеніе впередъ на пути полезныхъ преобразованій и союзъ между всѣми итальянскими государями».

Въ январѣ 1848 явилась къ королю депутація изъ Генуи, съ просьбою объ учрежденіи гражданской стражи или, такъ называемой, національной гвардіи, и объ изгнаніи іезуитовъ. Собрались вѣсколько людей, искренно преданныхъ прогрессу, для совѣщаній. Тутъ Кауръ сказалъ свои извѣстные слова: «можно просить, то просить короля перенести споры съ оловянной арены неправыхъ телачковъ и столкновеній въ кругъ законныхъ, мирныхъ и правыхъ преній: куда годятся исполненія преобразованій и такая просьба, которая только путаютъ дѣло; смущаютъ государство и уменьшаютъ нравственную силу правительства? Надо просить конституціи. Если государство не можетъ оставаться на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ стояло до сихъ поръ, такъ надо придумать новыя основанія, сообразныя съ духомъ времени и съ потребностями цивилизаціи, пока еще не поздно; пока общественная власть не развалилась отъ репота народа». Все это было говорено не тайно, Кауръ не любилъ ничего тайнаго. Но Карлъ Альбертъ еще колебался, не хотѣлъ удовлетворять общаго желанія. Наконецъ Санта-Роза сталъ прямо просить представительнаго устава; англійскій пе-

сланчикъ Аберромби убѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ Сан-Мардано, что придется исполнить эту просьбу, что это — единственное средство избѣжать весьма сложныхъ затрудненій. Потомъ стали того же просить городовыя управленія, народъ сталъ просить этого на площадяхъ, и наконецъ, уже по примѣру неаполитанскаго короля Фердинанда, король Карлъ Альбертъ обнародовалъ Основной Уставъ. Послѣ того еще три года Кавуръ продолжалъ издавать *Risorgimento* и поставилъ свой журналъ въ ряду первыхъ въ итальянской литературѣ.

Между тѣмъ вся Италия была уже въ полномъ возстаніи: въ Римѣ авилась и отжила свой короткій вѣкъ республика, съ бурнымъ триумфомъ Мадянини. Гарибальди съ своими волонтерами не выдержалъ напора многочисленныхъ французскихъ полчищъ; въ Неаполѣ началась уже реакція и все разрушилось. Но Сардинія уцѣлѣла, не смотря на тяжелые удары Австрій. Послѣ того, какъ пьемонтское войско въ первый разъ было разбито Радецкимъ при Кустоциѣ, Кавуръ возсталъ всѣми силами своего убѣдительнаго пера противъ тѣхъ теорій, которыми революціонныя мѣры считались единственнымъ средствомъ поправить дѣла Италиі.

«Люди пристрастные къ чрезвычайнымъ, энергическимъ мѣрамъ, — писалъ онъ 16 ноября 1848, люди, передъ которыми мы не что иное, какъ несчастные, жалкіе умпренные, — не новость въ исторіи; во всѣ времена переворотовъ были такіе люди; они только портили самыя лучшія дѣла, самыя благопріятныя обстоятельства... Поднимается секта нелѣпная, безчестная, невѣжественная; она сильно вѣруетъ въ революціонныя мѣры, она убѣждена, что одержитъ верхъ и предпринимаетъ 24 іюня... Что же изъ этого выйдет? Въ Парижѣ осадное положеніе, въ Пьемонтѣ медленное и сомнительное виѣшательство, въ Неаполѣ постыдная дружба между республиканскимъ посланникомъ и владѣтельнымъ Бурбовомъ. Подождемъ еще немного, и увидимъ послѣдній результатъ революціонныхъ мѣръ: Людовика-Наполеона на престолѣ...» Если принять въ соображеніе, что слова эти были напечатаны 16 ноября 1848, когда принцъ Людовикъ-Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ только 24 сентября этого года, а 26 скромно занялъ свое мѣсто въ законодательномъ собраніи, то нельзя не отдать справедливости вѣрному политическому взгляду автора.

Не смотря на возрастающую свою навѣстность, Кавуръ былъ избранъ въ члены палаты депутатовъ только на вторую половину 1848. Онъ занималъ мѣсто въ правомъ центрѣ и постоянно, энергически противился всѣмъ мѣрамъ, какія ни предлагались крайними партіями, для того же, чтобъ ограничить вольности, определен-

ния Основнымъ Уставомъ ; или для того , чтобы расширить ихъ въ смыслѣ республиканскомъ . По этому онъ и не заслужилъ той легкой , дешевой извѣстности , которая такъ вѣрно достается крикунамъ , не пользовался популярностью . Ему часто приходилось бороться противъ порицанія палаты , противъ криковъ и шиканьи , которыми встрѣчаемы были его рѣчи . Броженіе умовъ было таково , да и время было такое бурное , что онъ не былъ понятъ ; не поправлялась его находчивость въ отвѣтахъ и не была оцѣнена необычайно строгая логика и послѣдовательность его мыслей . По этому онъ и не былъ снова выбранъ въ январѣ 1849 . Туринскіе избиратели предпочли ему задорнаго ; но невиннаго крикуна , котораго имя , на минуту вызванное изъ забвенія , опять впадо въ массу неизвѣстностей . Мы не хотимъ этимъ сказать , чтобы крикуны были всегда и положительно вредны ; напротивъ ; отчего не покричать ? Это сильно освѣжаетъ атмосферу и отрезвляетъ слушателей , когда при этомъ могутъ высказаться всѣ партіи .

Когда сардинское войско было окончательно разбито при Новарѣ , надо было созвать новую палату , и на этотъ разъ Кавуръ одержалъ верхъ надъ другимъ кандидатомъ , генераломъ Компани ! Однакоже миръ , предложенный Австріей былъ такъ униженъ ; броженіе умовъ было такъ сильно , что Карлъ Альбертъ отрекся отъ престола , и избирательныя коллегии были опять созваны на 10 декабря того же года . Въ слѣдующемъ собраніи Кавуръ предводительствовалъ правымъ центромъ , а Раттаци — лѣвымъ . Тутъ Кавуръ заявилъ себя , поддерживая министерство Массимо д'Азеліо въ вопросѣ объ уничтоженіи церковной юрисдикціи , и сказалъ между прочимъ , что ежели дерево Устава не принесетъ плодовъ свободы , то самый Уставъ , и съ нимъ монархію , потеряютъ всякое довѣріе . Въ концѣ собранія , Кавуръ произнесъ рѣчь , въ которой ясно изложилъ условія , на которыхъ въ слѣдующемъ собраніи онъ будетъ поддерживать министерство . Эти условія состояли въ равновѣсіи смѣты доходовъ съ расходами , экономическія реформы и налогъ на недвижимую собственность въ городахъ . Это была рѣчь почти министерская . Министръ торговли Санта-Роза умеръ до открытія новой палаты , и Кавуръ былъ призванъ на его мѣсто . Говорятъ ; что когда первый министръ предложилъ королю Виктору-Эммануэлю Кавура въ новое министерство , то король , обладающій рѣдкою способностью оцѣнивать людей , сказалъ : «хорошо ; только смотрите , этотъ веѣхъ васъ выживетъ!» Такое замѣчаніе не остановило Массимо д'Азеліо , потомучто онъ сидѣлъ на мѣстѣ пернаго министра не для удовлетворенія пустого самолюбія , но ради того , чтобы приносить отечеству истинную пользу . Тутъ Раттаци

былъ избранъ въ председатели палаты, а министерство, деловодное въ этомъ выборѣ, должно было выйти въ отставку. Между тѣмъ сношенія съ Римомъ становились все болѣе и болѣе затруднительными, такъ что вѣрнее министерство черезъ полгода не нашло лучшаго исхода, какъ предложить королю поставить Кавура во главѣ правительства. Тогда Кавуръ былъ призванъ изъ Царизма, гдѣ онъ былъ принятъ императоромъ Наполеономъ, и взялъ въ свое управленіе министерство финансовъ, вмѣстѣ съ председательствомъ въ совѣтѣ министровъ (въ октябрь 1852). Какъ единственный въ Италіи первый министръ, опирающійся на представительную палату, онъ считалъ себя въ правѣ говорить передъ Европой за всю Италію, и такимъ образомъ Италія мало по малу привыкла смотрѣть на Пьемонтъ, какъ на своего естественнаго защитника и заступника передъ великими державами.

Особенно много подвинулся Кавуръ къ своей цѣли чрезъ принятіе участія въ войнѣ съ Россіей въ январѣ 1855 года. Всѣ государственные люди въ Европѣ согласны, что со стороны Кавура это было мастерскимъ, гениальнымъ шагомъ. Для Россіи, при союзномъ и даже скорѣе враждебномъ нейтралитетѣ Австріи, въ войнѣ противъ Франціи, Англіи и Турціи, это было невыгодно, какъ всякая прибавка къ числу и безъ того уже сильныхъ непріятелей. Но не въ русскомъ духѣ — не отлатъ должной справедливости даже и непріятелю. Зимой англійское войско сильно пострадало и было въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что Англія уже не прочь была хоть бы и на свой счетъ взять какой-нибудь вспомогательный корпусъ, хотя бы сардинскій, но Кавуръ формально отвергъ такое предложеніе, а 26 января 1855 подписалъ три акта условій, на которыхъ сардинское правительство приступало къ союзу, заключенному между Франціей и Англіей 10 апрѣля 1854. Первый изъ этихъ документовъ былъ актъ о присоединеніи сардинскаго короля къ англо-французскому союзу. Второй былъ военная конвенція. Третій — добавочная конвенція касательно займа, который англійское правительство обязалось устроить въ пользу Пьемонта.

Финансовая конвенція заключена была Пьемонтомъ съ одною Англіей. Великобританская королева обязывалась рекомендовать своему парламенту, чтобы онъ уполномочилъ ее выдать пьемонтскому королю сумму въ 6½ милліоновъ рублей, изъ которыхъ половина въ возможно скорѣйшемъ времени, а другую черезъ полгода послѣ того. Королева обязывалась сверхъ того, въ случаѣ, если война не прекратится черезъ годъ по заключеніи первой половины займа, рекомендовать своему парламенту уполномочить ее на новую

въмачу въ $6\frac{1}{2}$ милліоновъ въ такомъ же порядкѣ. Сардинское правительство должно было выжить въ годъ по 4% , т. е. 3% интересовъ и 1% погашенія. Сверхъ того Англія обязывалась на свой счетъ перевезти 15.000 сардинскаго войска. Въ засѣданіи 26 января Кавуръ представилъ палатѣ воѣ три акта. Изъ нихъ послѣдній, касающійся финансовъ, не могъ быть ратифицированъ безъ согласія палаты. При этомъ Кавуръ произнесъ рѣчь, въ которой прѣгладываютъ уже надежды его на будущее, заботы о цѣлости, о единствѣ Италіи.

«Восточная война, говорилъ онъ, — призываетъ на политическую сцену новые интересы и обязываетъ правительства къ новымъ союзамъ. Ходъ старинныхъ дипломатическихъ преданій прерванъ; и соображая всю важность настоящаго, соображая будущее, которое опасности могутъ быть предупреждены только величайшею мудростью, оказывается очевиднымъ, что при нынѣшнемъ неопределенномъ усложненіи дѣлъ, надобно искать новой системы и точекъ опоры, сообразныхъ съ обстоятельствами. Англія и Франція воюли примѣръ забвенія своей вѣковой вражды, а другія правительства принимаютъ мѣры, сообразныя съ цѣлями и выгодами своей политики. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, королевское правительство не исполняло бы своей обязанности, если бы не сдѣлало тщательнаго выбора на что рѣшиться для блага государства, для блага всей Италіи, и если бы, сдѣлавъ выборъ, не преслѣдовало цѣли своей энергически. Два направленія представлялись: нейтралитетъ, т. е. уклончивость, и союзъ съ западными державами. Нейтралитетъ, весьма часто возможный для государствъ первоклассныхъ, рѣдко бываетъ удобенъ для второстепенныхъ, если только они не поставлены въ особенныя географическія и политическія условія. Сверхъ того, исторія намъ показываетъ, что нейтралитетъ рѣдко бываетъ счастливъ: наименѣе горькій плодъ его состоитъ въ недовереніи и въ пренебреженіи обѣихъ сторонъ. Пьемонту всегда выгодно были союзы. Пьемонтъ считается теперь въ Европѣ выше, нежели можно бы его считать, по ограниченности его пространства; потому что въ дни общей для Италіи опасности онъ умѣлъ встрѣчить впередъ всѣхъ общую участь, и потому что въ мирное время савойскіе государи имѣли рѣдкую мудрость постепенно сообразовывать политическіе и гражданскіе законы съ новыми желаніями и новыми нуждами, естественнымъ слѣдствіемъ непрестанныхъ усилій цивилизціи. Конечно, Пьемонтъ иногда подвергался испытаніямъ въ силу могущественныхъ событій... но прямое благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы принимать участіе въ пожертвованіяхъ и опасностяхъ, если хочешь имѣть дѣло въ славѣ и выгодахъ»

послѣ побѣды. Конечно, политика недалекосишная, близорукая, по-сѣтовала бы намъ благорауміе, осторожность, воздержаніе, робкій нейтралитетъ ; но судьбы Италіи еще впереди...

Демократическая партія сильно возстала противъ союза съ Англіей и Франціей. Съ 1818 г., говорили они, — Пьемонтъ, въ которомъ такимъ образомъ, пересталъ быть Пьемонтомъ, а по самой силѣ вещей сдѣлался представителемъ національнаго итальянскаго элемента. Союзъ съ двумя государствами, которые сами соединены съ Австріей, прямо противорѣчить принципамъ итальянской свободы и независимости и составляетъ косвенное подтвержденіе вышшняго поземельнаго раздробленія Италіи. Да и по какой причинѣ станемъ мы вести войну противъ Россіи? Существованіе Турціи развѣ значить что нибудь для Пьемонта? Зачѣмъ подвергать опасности итальянскую торговлю ради дѣла, вовсе не національнаго? Издержки этого предпріятія прибавятъ недочетъ въ нашихъ сѣбтахъ и поставятъ финансы наши въ самое жалкое положеніе. Но не смотря на сильную оппозицію, дѣло войны противъ Россіи восторжествовало.

Не станемъ доказывать, въ какой мѣрѣ война, объявленная Россіи западными державами, а съ ними и Пьемонтомъ, была несвоевременна; не станемъ доказывать, что силою вещей Европа сама доведена будетъ до того, за что воевала противъ Россіи; нѣтъ надобности доказывать, что въ настоящее время турецкія дѣла ведутъ только къ нескончаемымъ спорамъ, къ бесплодному и убыточному соперничеству между державами въ Константинополѣ. Все это становится теперь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе яснымъ. Теперь уже два газетчика, серьезно толкующіе о независимости Порты, не могутъ безъ смѣха посмотреть другъ другу въ глаза. Война противъ Россіи была очевидною несправедливостью, со стороны Пьемонта еще болѣе, чѣмъ со стороны Англіи и Франціи. Но заслуга Кавура перелѣ своимъ отечествомъ состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться этою несправедливостью въ пользу Италіи, и воспользоваться весьма ловко. Читатели, конечно, помнятъ, какъ энергически Кавуръ говорилъ въ пользу Италіи на парижскомъ конгрессѣ по окончаніи войны, какъ онъ пріучалъ Европу видѣть въ сардинскомъ министерствѣ представителей дѣлой Италіи. Читатели помнятъ, какими средствами онъ способствовалъ началю войны съ Австріей, какъ онъ издали подготовилъ прочный союзъ съ Франціей, какъ онъ мало ожидалъ Виллафрамискаго мира, хотя и зналъ очень хорошо, что императоръ Наполеонъ III умѣетъ удивить, и какъ онъ по случаю этого мира вышелъ въ отставку. Но Риккони и Феррари, бывшіе губернаторами Тосканы и Эмилии, такъ прямо, смѣло и съчаст-

ливо не двѣ дѣла, что Кавуръ опять вылезъ изъ дѣла, для котораго работалъ болѣе десяти лѣтъ, снова вступилъ въ управленіе и до послѣдней минуты своей былъ главою и душою итальянскаго правительства.

Потомство, освобождаясь отъ пристрастій, затмѣвающихъ иногда сужденіе современниковъ, оцѣнитъ громадныя услуги, оказанныя Кавуромъ отечеству. При вступленіи его въ министерство, Пьемонтъ былъ униженъ недавнимъ постыднымъ миромъ съ Австріей; всѣ средства его были истощены въ первойской, но бесплодной войнѣ. Все вокругъ него упало духомъ, повсюду началась реакція. Но онъ не ослабѣвалъ въ своемъ разумномъ консерватизмѣ. Онъ прежде всего поддерживалъ свободу, давную основнымъ уставомъ, вводилъ порядокъ въ финансы, развивалъ благосостояніе страны, поощрялъ земледѣліе, торговлю и промышленность, уменьшалъ таможенные пошлины; онъ свалъ со страны клерикальное иго, однако противился слишкомъ сильной для того времени иѣрѣ, отобранію имущества монастырей. Въ тоже время онъ безпрестанно заявлялъ Европѣ несправедливости Австріи въ Италіи, утверждая предъ всѣми, что Пьемонтъ имѣетъ право принять мѣры противъ австрійскихъ захватовъ. Но онъ до времени умѣлъ сдерживать демонстраціи противъ вѣковаго врага Италіи, такъ что откладывалась неравная борьба до тѣхъ поръ, пока не явится могучій союзникъ. Со времени парижскаго конгресса, гдѣ онъ открыто возставалъ противъ уничижительныхъ стремленій Австріи, его имя слѣбалось популярнымъ по всему полуострову: каждый итальянецъ считалъ его чуть не другомъ своимъ. Наконецъ одна изъ величайшихъ заслугъ Кавура передъ лицомъ Италіи состоитъ въ томъ, что онъ нѣкоторымъ образомъ избрѣлъ Гарibaldi и его восторженныхъ волонтеровъ, въ началѣ войны 1859 съ Австріей, а тотомъ, во время прошлогоднихъ возстаній въ Сициліи, не только не препятствовалъ, но полноручкою сильно помогалъ волонтерамъ, которыхъ усилія произвели наконецъ столь давно желаемое единство Италіи.

Понятно, что извѣстіе о смерти Кавура поразило Италію какъ громомъ. Женщины плакали о немъ, какъ плакали бы о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, какъ плакали бы о самой Италіи. Въ Неаполѣ, гдѣ не предполагалось къ Кавуру большого сочувствія, это извѣстіе было встрѣчено, какъ общественное бѣдствіе: биржа закрылась; театральныя представленія были отменены. Тотчасъ объявлена была національная подписка на устройство монумента Кавуру, и въ первый же день собрано было 20.000 франковъ. Самый бѣдный народъ подписывался тоже, нищій приносилъ свои гроши.

Но республиканская партія какъ будто оживла. Тотчасъ же состав-

влева была прокламація слѣдующаго содержанія : «Граждане ! Италия будетъ , Богу это угодно ! Рука Всевышняго поразила того , кто насъ раздѣлялъ и унижалъ . Отнынѣ нашимъ единственнымъ крикомъ будетъ : Вонъ изъ Италии кавуристовъ , которые хуже самихъ австрійцевъ ! Да здравствуетъ Италия единая , Викторъ-Эмануэль и министерство , достойное его и ея ! Да здравствуетъ прежде всего Гарibaldi ! »

Конечно , Гарibaldi гениальная личность ; да зачѣмъ же стулья ломать ? авторы попробовали было наклеить свою прокламацію по стѣнамъ ; но народъ тотчасъ же ее срывалъ , и въ одномъ мѣстѣ нѣсколько побилъ челоуѣка , занимавшагося наклеиваньемъ . Партія реакціонеровъ тоже попробовала выразить свою радость ; гдѣ-то былъ устроенъ по этому случаю торжественный обѣдъ на восемьдесятъ приборовъ . Собралась передъ окнами большая толпа народу , началось шиканье , свистки , полетѣло въ окна нѣсколько камней , и обѣдашіе разошлись съ задняго крыльца , не успѣвъ хорошенько дообѣдать .

Но истинные друзья Италии не приходятъ въ отчаяніе . Эта страна никогда не отличалась особенною бѣдностью въ даровитыхъ людяхъ ; а въ послѣднее время парламентскія учрежденія и большая политическая свобода образовали замѣчательныхъ дѣятелей , какихъ никогда не можетъ явиться при другихъ условіяхъ : атмосфера умственная имѣетъ такое же неоспоримое вліяніе на развитіе людей , какъ атмосфера воздушная на развитіе растений . Въ душной атмосферѣ являются или дряблые недоростки , или корни у вишъ подгниваютъ , тогда какъ на открытомъ воздухѣ организмы развиваются бодро , крѣпко , но съ стороны , съ здоровыми соками , съ благонадежной сердцевиной .

Послѣ смерти Кавура , король призвалъ къ себѣ г. Риказоли , госланда , и поручилъ ему составить новое министерство . Фамилія Риказоли ведетъ свое начало отъ бароновъ , которые были известны еще въ дальніе средніе вѣка . Исторія этого семейства тѣсно связана съ драматической исторіей флорентійской республики . Хотя въ наше время нечего много хлопотать о высокой древности рода , такъ какъ новѣйшіе успѣхи наукъ доказали несомнѣнно , что всѣ мынѣ живущіе люди принадлежать къ довольно древнему роду происходя отъ одного и того же типа , но баронъ Беттино Риказоли считаетъ это обстоятельство очень важнымъ . Это однако не очень большая бѣда , пусть считаетъ , лишь бы не довольствовался тѣмъ , что предки его Римъ спасли , а старался бы спасать и самъ .

Нало видѣть Риказоли въ его средневѣковомъ замкѣ . Это не развалина , замокъ построенъ точно вчера ; вокругъ него ровъ въ совер-

теплымъ порядкѣ, ни одно звѣно цѣпей на подѣмныхъ мостахъ не заржавѣло, ворота обиты гвоздями, а на верху, въ амбразурахъ, торчатъ пушки. Оружейная палата предковъ наполнена богатымъ оружіемъ и сохраняется въ большомъ порядкѣ. Библіотека въ замкѣ прекрасная; сады кругомъ его обширныя и богатые. По воскресеньямъ баронъ Риказоли читаетъ своимъ фермерамъ молитву въ большомъ залѣ нижняго этажа, а капелланъ при этомъ бываетъ только ассистентомъ.

Г. Риказоли поражаетъ своею наружностью, точно будто виднѣе ожившій старинный портретъ Гольбейна или Джорджіоне. Онъ высокъ ростомъ, держится прямо, сухощавъ, волосы рыжіе, черты лица рѣзкія, угловатыя, взоръ нѣсколько туманный. Онъ всегда одѣтъ необыкновенно тщательно, всегда въ перчаткахъ, лобъ высокій, движенія отрывистыя. Человѣкъ онъ совершенно необузданный и раздражительный, но никогда не выхолитъ изъ себя, всегда держитъ себя холодно и съ достоинствомъ. Онъ ходитъ прямо, медленно, говоритъ голосомъ металлическимъ; всякому легко подойти къ нему и заговорить, но всякаго онъ держитъ въ почтительномъ отдаленіи своею строгою важностью, своею неодолимою холодною.

До 1847 года, когда проснулася Италия, г. Риказоли жилъ въ своемъ замкѣ и не мало путешествовалъ, занимался земледѣліемъ и много писалъ о сельскомъ хозяйствѣ. Онъ занялся земледѣліемъ для прогресса, для науки, для улучшенія участи своихъ фермеровъ, и на парижской выставкѣ получилъ медаль за свой превосходный вина. Въ 1847 году онъ представилъ великому герцогу записку о затруднительномъ положеніи Тосканы и просилъ монархическихъ учрежденій, но сообразныхъ съ духомъ времени. Леопольдъ не обидѣлся этимъ, потому что общее направленіе тогда было далеко не совсѣмъ монархическое. По случаю затрудненій между герцогомъ Моденскимъ, Австріей и Тосканой, по поводу уступки герцогства Лукки, великій герцогъ выбралъ посредникомъ Карла Альберта и послалъ къ нему г. Риказоли, который усѣпно выполнялъ свое порученіе. Тутъ вспыхнула тосканская революція. Г. Риказоли основалъ журналъ, *la Patria*, (отечество) вмѣстѣ съ Лаубрускини и Сальванойли; программа журнала была не длинна и заключалась только въ трехъ словахъ: *fuori i barbari!* (Вонъ иноземцевъ!) Изъ трехъ редакторовъ, дальше всѣхъ шолъ г. Риказоли; онъ съ большимъ талантомъ развивалъ мысль о единствѣ Италіи подъ монархическимъ правленіемъ, по избавленіи ея отъ папы и Австріи. Его за это называли утопистомъ. Однако онъ не хотѣлъ соединиться съ республиканцами Монтанелли и Герацци. Онъ сложилъ съ себя

званіе флорентійскаго гонфалоньера и отклонилъ отъ себя всякое участіе въ демократическомъ правительствѣ. Но онъ былъ членомъ правительственной комисіи, образовавшейся потомъ, чтобы снова пригласить удалившагося великаго герцога.

Не г. Риказоли приглашалъ великаго герцога, а онъ пришолъ съ сопровожденіемъ австрійцевъ, что и было причиною большихъ неудовольствій, а потомъ и несчастій для короны.

Наступили событія 1859 года. Великій герцогъ Тосканскій не понималъ, въ которой сторонѣ было спасеніе Тосканы, хотѣлъ употребить войско противъ народа, спокойно и почтительно прославшаго войны; войско не стало стрѣлать, и Леопольдъ II, вспоминая событія 1848, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Народъ почтительно сторонился на пути, и говорилъ: прощайте! Но на границѣ великій герцогъ почувствовалъ прибавку присутствія духа, и сказалъ: до свиданія.

Риказоли сначала былъ минигромъ внутреннихъ дѣлъ при королевскомъ комиссарѣ Буонкомпаньи. Онъ великолѣпно принялъ пятый корпусъ, зашедшій Тоскану на пути въ Мантую. Потомъ онъ сталъ обдумывать ту статью виллафранкскаго договора, гдѣ сказано: «Государи Пармы, Модены и Тосканы будутъ призваны обратно.» Только ужъ не я стану призывать ихъ обратно, сказалъ г. Риказоли.

Буонкомпанья долженъ былъ оставить Тоскану, а г. Риказоли остался губернаторомъ-диктаторомъ. Онъ рѣшился на все, написалъ свое духовное завѣщаніе, и сталъ дѣйствовать съ настоящею кавурь уговорилъ французское правительство принять программу г. Риказоли, но такъ какъ въ Парижѣ требовали удержанія автономіи Тосканы, то Кавурь на это согласился; г. Риказоли протестовалъ. «Я не хочу этого слова», послалъ онъ сказать Кавурю черезъ своего секретаря. Однако слово прошло въ оффиціальной формулѣ, произнесенной королемъ. Риказоли жаловался на это королю, а тотъ согласился на Кавура, который успокоилъ г. Риказоли, говоря: «Ставемъ держаться фактовъ и не будемъ придирааться къ словамъ.» Потомъ г. Риказоли вернулся въ Тоскану въ качествѣ генералъ-губернатора, а принцъ Кариньянскій королевскимъ наместникомъ.

Въ эти два года управленіе г. Риказоли какъ будто выковано изъ одного куска. Ничто его не колеблетъ, ничто не устрашаетъ. Народъ начиналъ было находить, что война, которую велъ г. Риказоли противъ печати, противъ рѣчей, противъ лицъ, не разделяющихъ его мнѣній, противъ гражданской стражи, противъ избирательныхъ голосовъ, не своевременна и неумѣстна. Но когда народъ

увидѣлъ, что этотъ человѣкъ ничѣмъ непоколебимъ, что онъ готовъ держаться противъ всѣхъ и противъ всего, что онъ работаетъ съ мести часовъ утра до часу по полуночи, не беретъ себѣ ни кофійки, а еще даетъ въ казначейство свои деньги, что у него нѣтъ другаго честолюбія, кромѣ торжества великаго дѣла, единства Италіи, что онъ безтрепетно жертвуетъ этой благородной Тосканой, тогда какъ лучше кого другаго онъ самъ знаетъ о славныхъ прелавіяхъ ея самостоятельности; когда онъ увидѣлъ, что этотъ человѣкъ закованъ въ желѣзную вѣру въ успѣхъ, — довѣріе возродилось во всѣхъ сердцахъ; народъ положился на его умѣнье, на великодушіе этого страшнаго, непоколебимаго стража единства Италіи. И этотъ стражъ былъ неусыпнѣнъ. Извѣстному писателю Гвеваци, которымъ гордится итальянская литература, онъ запрещаетъ вѣздъ въ Тоскану. Малзини, который пробрался въ Тоскану, преслѣдуется карабинерами. Риказоли велитъ ему сказать, что если онъ попадется, то его запрутъ въ собственный замокъ губернатора, будутъ обращаться съ нимъ какъ съ княземъ, но не выпустятъ, пока Италія не будетъ сдѣлана совершенно и додѣлана. Въ Тосканѣ былъ тогда одинъ человѣкъ, одинъ голосъ, одна воля, одна мысль, одна дѣль, одна сила — Риказоли и его программа.

Г. Риказоли не есть дѣятельная сила, потому что у него нѣтъ инициативы. Онъ обладаетъ силою бронзы: твердостью, сопротивленіемъ. Можетъ быть взгляды его не очень широки и обширны, но онъ видитъ ясно. Краснорѣчіе его довольно вало, но мысль глубока и вѣрна. Онъ не гениальный человѣкъ, но государственный мужъ, въ томъ смыслѣ, что у него есть вѣрный тактъ положенія и онъ не колеблется въ выборѣ и въ приложеніи самыхъ простыхъ, дѣйствительныхъ и быстрыхъ средствъ. Онъ логиченъ, какъ сабельный ударъ: онъ рѣжетъ. Когда французскіе дипломаты окружали его въ Palazzo Vecchio, когда онъ былъ тосканскимъ губернаторомъ-дидакторомъ, онъ возражалъ имъ только: «Вы вступаете со мной въ переговоры, значить, вы признаете меня.» — Нисколько! отвѣчаютъ дипломаты. — Въ такомъ случаѣ между вами и мной не можетъ быть никакого соприкосновенія.

Г. Риказоли никогда не устаетъ. Четыре часа сна, кусокъ хлѣба съ квасомъ и стаканъ воды, вотъ все его нужды. У него нѣтъ придворныхъ, но гордости больше, чѣмъ у Людовика XIV. Рѣдко кто видаетъ его сибюющимся. Онъ очень добръ, но его боятся; фермеры его дрожатъ, когда онъ подходитъ; однако онъ ихъ обогащаетъ и основываетъ. Слово, сказанное имъ, священо; можно довериться головой, что онъ сдержитъ каждое изъ своихъ обѣщаній, ежели будетъ живъ. Г. Риказоли перешелъ въ протестантство, го-

воротъ оттого, что ему были отвратительны интриги римскаго двора. Онъ важенъ, строгъ, безкорыстенъ, честенъ, никого не боится, никогда не смотритъ внизъ, идетъ къ дѣламъ прямо, на шромъ, и никогда не прощаетъ. До сихъ поръ онъ дрожитъ отъ негодованія при имени Гверраци, который осмѣлился обезчестить жилище его предковъ полицейскимъ обыскомъ. Въ 1848 говорила, что у Риказоли хранятся пушки для великаго герцога. Въ самомъ дѣлѣ, полиція нашла въ старыхъ амбразурахъ, на башняхъ, пушки, но деревянные, выкрашенные подъ бронзу. Г. Риказоли замѣчательный писатель; онъ въ тоже время большой любитель и покровитель художествъ. Онъ умѣетъ обуздывать свой гнѣвъ, но не всегда находитъ это нужнымъ.

Теперь г. Риказоли является передъ Европой съ официальною программой: «я буду продолжать политику Кавура.» Но Риказоли не такой человекъ, который можетъ вылиться въ чужую форму. Онъ самъ дѣлая программа. Онъ означаетъ отрицаніе пьемонтскаго преобладанія и самостоятельности провинцій; онъ означаетъ отрицаніе всякой слѣпки, отъ которой могла бы пострадать честь, величіе, неприкосновенность Италіи. Его девизъ: *esse bezусловно*. Онъ не такой человекъ, который согласился бы уступать хоть вершокъ земли, хоть одно полученное право. Онъ самъ есть блестящее свидѣтельство единства Италіи.

13 юня, г. Риказоли объявилъ палатѣ объ окончательной организаціи министерства слѣдующею рѣчью:

«Имѣю честь объявить палатѣ, что въ прошлую субботу его величеству королю угодно было довѣрить мнѣ трудное дѣло составленія министерства. Черезъ нѣсколько времени я уже могу представить его величеству списокъ гражданъ, который и былъ принятъ, а сегодня я могу вамъ объявить, что министерство состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: внутреннія дѣла — Мингетти; финансы — Вастоджи; морское министерство, отдѣленное теперь отъ военнаго — Менабреа; юстиція — Миллетти; публичныя зданія — Перудци; народное просвѣщеніе — Санктисъ; земледѣліе и торговля — Кордова; президентство и иностранныя дѣла вѣрены мнѣ. Я весьма желаю бы объявить объ окончательномъ устройствѣ военнаго министерства; оно такъ важно, что выборы должны быть слѣданы самый тщательный. Это желаніе, эта необходимость я составляютъ причину, почему это министерство до сихъ поръ не занято. Временно дѣла его будутъ ведены президентомъ совѣта, а общее управленіе ихъ вѣрено генералу Куайя. Господа депутаты! вы были призваны довѣріемъ короля въ преемники того знаменитаго человека, котораго похитила у Европы преждевременная смерть,

къ великой невыгодѣ, къ величайшему несчастію Италіи; мы приняли это дѣло скорѣе по чувству долга, чѣмъ по увѣренности въ свои силы... Но, посреди великаго несчастія, насъ поразившаго, мы не колеблясь утверждаемъ, что никто не погнулся подъ тяжестью горя, никто не усумнился въ судьбахъ отечества. Нѣтъ, господа, обширный проектъ этого великаго государственнаго челоука съ нимъ не погибъ; когда онъ сходилъ въ могилу, этотъ проектъ былъ уже душою и жизнью всей націи. Теперь наше дѣло будетъ состоять въ продолженіи этого дѣла, веденнаго съ такою мудрою смѣлостью, такъ близко подведеннаго къ концу. Передъ Европой мы должны поддержать право Италіи *устроиться и дополниться*. Ежедневно возрастающее могущество общественнаго мнѣнія, мудрость и выгоды правительствъ, необходимость положить предѣлы положенію вещей, невыгодному для всѣхъ и опасному для многихъ, благосклонная поддержка союзныхъ государствъ; которые ясно видятъ, какъ нужно, чтобъ Италія была едина и сильна, все это даетъ намъ увѣренность, что Европа скоро признаетъ наше право. Но, какое бы мы довѣріе ни имѣли, Италія должна быть готова на все, она должна быть въ состояніи на всѣ возможные случайности. (Живое одобреніе въ палатѣ; рукоплесканія въ трибунахъ). Первая забота правительства, даже скажу болѣе, первая обязанность его будетъ состоять въ неутомимомъ продолженіи національнаго вооруженія (хорошо!). Фриды, необходимые для военныхъ приготовленій и столь же необходимые для публичныхъ работъ, которыя должны ускорить развитіе экономической силы страны (браво!), не могутъ быть доставлены налогами. Вы признаете, господа, къ обсужденію и утвержденію закона, который разрѣшилъ бы правительству заключить заемъ, назначенный для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Прибѣгая къ кредиту, мы не должны въ тоже время забывать, что надо заботиться о средствахъ возстановить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, равновѣсіе, составляющее главную основу кредита...

Остальные мѣста рѣчи г. Риказоли, относились къ тому, что правительство должно быть твердо, что оно строго будетъ держаться конституціи, будетъ неутомимо поддерживать порядокъ, не какъ отрицаніе свободы, а какъ ручательство, какъ необходимое условіе всѣхъ вольностей и т. д. Рѣчь не длинная, весьма хорошая, очень твердая, довольно успокоительная для истинныхъ друзей Италіи. Но, всѣ замѣтили, что въ такихъ обстоятельствахъ, Кануръ говорилъ бы нѣсколько иначе, именно, что онъ отнесся бы съ хвостомъ стороны о Франціи, отозвался бы съ нѣкоторымъ восторгомъ о французскомъ войскѣ и не пропустилъ бы Англіи, которой

широкое, но могущественное влияние не мало содействовало въ устройству вышшняго положенія Италіи. Но времена теперь переиначились, и въ парламентѣ и рѣчи и пренія должны принять нелѣтъ Кавура совершенно другой характеръ. Кавуръ въ палатѣ былъ какъ дома; со всѣми депутатами, по видимому, въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. То поймаетъ котораго-нибудь за пуговицу и старается его переубѣдить; то сидитъ спокойно, выслушавъ самую горячія возраженія, подойдетъ потомъ то къ одному, то къ другому, лазитъ черезъ скамейки, и видно уже издали, что кто-нибудь ему противорѣчить; покраснѣетъ весь и начнетъ говорить съ жаромъ, размахивая руками, и непрестанно добьется своего, убѣдитъ-таки челоуѣка, даже принадлежащаго къ противоположному образу мыслей. Очень часто случалось, что при предложеніи какого-нибудь закона, является множество возраженій, цѣлыя рѣчи, пренія бываютъ горячія, и дѣло кончается тѣмъ, что законъ принимается единодушно. Дѣло въ томъ, что Кавуръ усилъ убѣждать всѣхъ и каждого, и былъ такимъ образомъ тираномъ палаты, деспотомъ Италіи, но такимъ, какаго очень легко вынести: деспотомъ и тираномъ силою убѣжденія. Теперь очевидно, что дѣла должны пойти иначе. Г. Риказоли невольно придаетъ и палатѣ часть своихъ свойствъ: пѣкоторую вѣтхость, строгій видъ и пѣкоторый формализмъ. Увидимъ.

Говорятъ приверженцы Кавура, что онъ при жизни своей облагодѣтельствовалъ Италію, создавъ ея единство, и самою смертію своей былъ ей полезенъ. Обстоятельства дѣла извѣстны. Ретроградныя реакціонеры и всѣ танущіе вавзатъ, словомъ, вся партія австрійская сильно обрадовалась смерти Кавура. Явились надежды, ожидались страсти, и уже приготовлялись на скорую руку разнымъ возмутительнымъ мѣрамъ. По самому свойству отношеній, то самое обстоятельство, которое доставляетъ радость Австріи и ея партіи, составляетъ печаль императора Наполеона III. Онъ немедленно принялъ мѣры, чтобы радость австрійской партіи была непродолжительна и въ тоже время, чтобы партія противоположная, именно партія дѣйствія не слишкомъ укрѣпилась. При Кавурѣ начаты были переговоры о признаніи италіанскаго королевства французскимъ правительствомъ, и только что онъ умеръ, признаніе совершилось. Оставалось окончить нѣкоторыя формальности, и «Мониторъ», 25 іюня объявляетъ слѣдующее: «Императоръ призналъ его величествомъ Виктора Эммануила королемъ Италіи. Объявивъ объ этомъ рѣшеніи туринскому кабинету, императорское правительство дало знать, что оно отклоняетъ отъ себя всѣмъ отвѣтственность въ предпріятіяхъ, могущихъ нарушить миръ Европы, прибавивъ,

что французскія войска останутся въ Римѣ; до тѣхъ поръ, пока интересы, привлекившія эти войска въ Римъ, не будутъ ограждены достаточными ручательствами.»

Собственно говоря, такой актъ со стороны французскаго правительства не имѣетъ той важности, какая приписывается ему многими газетами. Признать только совершившійся фактъ со всевозможными оговорками и главное, съ удержаніемъ французскихъ войскъ въ Римѣ. Но фактъ нельзя не признавать. Даже Францискъ II признаетъ его совершившимся и протестуетъ противъ него. Австрійское правительство признаетъ фактъ, предписавъ своимъ чиновникамъ не дѣлать особенныхъ затрудненій по поводу паспортовъ, даваемыхъ именемъ итальянскаго короля и королевства. Даже папа признаетъ совершившійся фактъ, и призываетъ гнѣвъ небесный на нарушителей договоровъ. Французское правительство сдѣлало то же. Занявъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Римъ, естественную столицу Италіи, оно теперь признаетъ королевство, столицу котораго занимаетъ, и говоритъ въ тоже время, что войскъ своихъ не выведетъ до тѣхъ поръ, пока интересы папской свѣтской власти не будутъ ограждены достаточными ручательствами. Когда же итальянское королевство можетъ согласиться оставить за папою свѣтскую власть надъ столицей, съ ея округомъ, довольно обширнымъ? Изъ этого нельзя не ожидать новыхъ усложненій вопроса, новой путаницы на этомъ узлѣ, который наконецъ придется разрубить, если не распутать соединенными усиліями европейскихъ государственныхъ людей.

Кавуръ, въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ о Римѣ, показалъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою должны находиться правительство и духовенство. По случаю чисто гражданскаго торжества 2 іюня по поводу освобожденія Италіи, духовенство получило изъ Рима предписаніе — воздержаться отъ участія въ этомъ торжествѣ. Правительство не принимало никакихъ повелительныхъ мѣръ; но съ своей стороны распорядилось, чтобы свѣтскія власти впередъ не принимали участія въ торжествахъ чисто религіозныхъ, по крайней мѣрѣ въ оффиціалномъ своемъ значеніи властей, а если хотять, то въ качествѣ престыхъ, частныхъ лицъ, прихожанъ. Слѣдовало бы этимъ и ограничиться; но народъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Миланѣ, требовалъ участія духовенства, церковной службы и т. д. Когда же духовенство отказалось, то народъ произвелъ весьма несправедливую демонстрацію передъ домомъ епископа. Пришлось произвести множество арестовъ, чтобы привести въ порядокъ народъ, взбѣшенный противъ духовенства; по этому явилось много недовольныхъ, и Римъ достигъ своей

цѣли: смутить совѣсти, разстроить народное празднество и хоть немного, а поессорить управляемыхъ съ правительями. Не забывайте Римъ, что минутный успѣхъ въ этомъ случаѣ, ничъ и вездѣ, не вѣженъ; что за то въ народѣ накаплиется и накаплиется вражда, которая потомъ можетъ разразиться; что самое простое, самое недалекое благоразуміе требуетъ предупрежденія этого шаха...

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Съ легкой руки ноябрьскаго декрета, которыми законодательной палатѣ разрѣшено не только соглашаться съ предлагаемыми утвержденіями законами, но и говорить о нихъ, печать была облегчена два раза: сначала циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, а потомъ нынѣшнимъ закономъ 18 іюня. Давно уже носилась слухъ, что законы о печати во Франціи будутъ облегчены; оныя газеты объявляли объ этомъ, другія потомъ утверждали, что эти слухи не имѣютъ никакого основанія; первыя газеты подтверждали, что оны имѣютъ эти вѣсти изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, а другія возражали, что эти слухи преждевременны. Наконецъ эта гора родила мышь. Обсужденію палаты предложено только измѣненіе статьи 32 декрета 17 февраля 1852 г. Въ силу этой статьи газета, получившая два предостереженія, можетъ быть запрещена. Измѣненіе состоитъ въ томъ, что это правило остается во всей силѣ только въ такомъ случаѣ, когда отъ одного предостереженія до другаго проходитъ не болѣе двухъ лѣтъ. Если же въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ предостереженія газета вела себя хорошо, то этимъ самымъ газета уже избавляется отъ опасности быть запрещенною въ проступки двухъ-лѣтней давности. На новый законъ предложено было нѣсколько измѣненій, и между другими предложилъ свое и Жюль Фавръ. Оны полагали, что печать, для блага страны, должна быть вовсе избавлена отъ министерскихъ предостереженій газетамъ, а за проступки, совершенныя періодическими изданіями, они отвѣчаютъ бы, не передъ администраціей, а передъ судомъ Коммиссіи, разсматривавшая проектъ закона и предложенныя измѣненія, не приняла измѣненій, и законъ вышелъ на утвержденіе палаты 18 іюня.

Жюль Фавръ говорилъ противъ новаго закона, отстаивая свое измѣненіе.

Въ отвѣтъ на рѣчь Жюль Фавра, гдѣ министръ Бийшо произнесъ другую, необыкновенно ловко и умно. Оны высказалъ, между прочимъ, съ большою твердостью, что императорская власть не оставитъ вѣрноподданной ей диктатуры, что «равительство желаетъ удержать за собою особенную власть надъ печатью, для поддержанія общественнаго

мира; что законы общественной безопасности, которыми такъ рѣдко пользовалось правительство, оставлены не будутъ; что оно не откажется отъ права запрещать избирательныя собранія тамъ, гдѣ они будутъ казаться опасными; — отъ права поддерживать извѣстныхъ кандидатовъ, противъ тѣхъ, которые будутъ поддерживаемы партиями; что оно не распуститъ этой палаты, которая такъ хорошо служила странѣ и не измѣнитъ положенія, даннаго власти поголовною подачею голосовъ въ 1852 году». Рѣчь его была часто прерываема шумными рукоплесканіями, и когда стали собирать голоса, то оказалось, что въ пользу закона 233 голоса, а пять представителей, раздѣлявшихъ образъ мыслей г. Жюль Фавра, голосовъ не подавали.

Въ своей торжественной и, если можно такъ выразиться, браваурной рѣчи г. Бальйо упомянулъ, между прочимъ, о предстоящемъ сужденіи при исправительной полиціи одной книги, въ которой сказано: «Это правительство продолжаться не можетъ. Разсмотримъ, что мы можемъ поставить на его мѣсто». Книга эта принадлежитъ герцогу де Броли (de Broglie), бывшему министромъ при Людовикѣ Филиппѣ. Уже двѣнадцать лѣтъ, какъ г. Броли удаленъ отъ политической дѣятельности; все это время онъ посвящалъ трудамъ по части исторіи и общественнаго права, но ничего не печаталъ. Все это, можетъ быть, будетъ напечатано послѣ его смерти; а теперь онъ сообщалъ свои сочиненія немногимъ друзьямъ. Для облегченія подобныя сообщеній, онъ условился съ литографомъ Калле, который литографируетъ ихъ по мѣрѣ полученія и печатаетъ въ числѣ пятидесяти и до ста экземпляровъ. Стало бытъ, герцогъ де Броли авторъ очень скромный. Не смотря на такую скромность, 7-го іюня послѣднее сочиненіе г. Броли: *Виды на правительство во Франціи*, — было захвачено въ литографіи полиціейскимъ комиссаромъ, по приказанію префекта полиціи. Мало того: полиціейскій заставлялъ при себѣ стереть и вычистить камин, на которыхъ еще были висѣли послѣдніе шесть листовъ. Г. Броли этимъ недоволенъ, и такой поступокъ считаетъ со стороны префекта полиціи противозаконнымъ. По закону, всякое сочиненіе политическаго содержанія, имѣющее объемъ менѣе десяти печатныхъ листовъ, должно быть предьявлено въ надлежащее присутственное мѣсто за 24 часа до поступленія въ продажу. Но сочиненія болѣе десяти листовъ не подвергаются этому закону, стало бытъ, въ такомъ случаѣ не можетъ быть отобрано у издателя, такъ какъ въ книгѣ «Виды на правительство» всѣхъ листовъ восемьдесятъ. Сверхъ того префектъ полиціи, отбирая книгу, превзышалъ свою власть, потому что присвоилъ себѣ въ этомъ случаѣ власть судебную. Къ тому же мысли, выраженные въ книгѣ, весьма могутъ быть при-

знаваемы привилегированными; если онъ распространяются въ публикѣ. Но что же за вредъ въ мысляхъ, которые не были распространены и даже не были на это предназначены. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ, г. Броли подавъ на преемника жалобу, съ требованіемъ возвращенія незаконно отнятой собственности. Процессъ этотъ обѣщаетъ быть очень занимательнымъ, и парижская публика оживаетъ большого удовольствія.

Другой процессъ, котораго публика ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, это процессъ знаменитаго банкира Миреса. Но дѣло его такое сложное, столько обстоятельствъ, счетовъ, смѣтъ, отчетовъ, акцій, биржевыхъ спекуляцій входитъ въ это дѣло, что адвокаты обвиняемого не имѣли времени приготовиться, и потому обвиненіе и защита во второй разъ были отложены. Миресъ получилъ позволеніе заниматься въ своей канцеляріи приготовленіями къ своей защитѣ, и очень обидѣлся, что въ одной комнатѣ съ нимъ постоянно присутствовали двое полицейскихъ. Онъ сталъ хлопотать, чтобы его избавили отъ такого близкаго надзора, увѣряя, что въ присутствіи полицейскихъ онъ не можетъ работать. Ему оказано было снисхожденіе, и разрѣшено работать безъ присутствія полиціи, но все-таки не иначе, какъ съ своимъ адвокатомъ. А обвиненіе Миреса было уже прочитано. Онъ обвиняется, между прочимъ; въ томъ, что плутовскимъ образомъ возбуждалъ страхъ разныхъ воображаемыхъ событій и такимъ образомъ выманивалъ деньги у разныхъ поименованныхъ въ процессѣ лицъ; что онъ истратилъ множество довѣренныхъ ему суммъ; что онъ разорилъ акціонеровъ жеманной дороги изъ Сарагоссы въ Пампелуну на сумму болѣе девяти милліоновъ франковъ; что онъ, составляя фальшивые документы, выдавалъ акціонерамъ не тотъ дивидендъ, какой имъ приходился. Этотъ процессъ также будетъ очень любопытенъ, и многое бѣдса тутъ большихъ скандаловъ.

II. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ процессѣ, который, впрочемъ, уже кончился благополучно. Это — дѣло извѣстнаго Бланки, сдѣлавшагося извѣстнымъ тѣмъ, что всю жизнь свою составлялъ тайныя общества. Онъ началъ свою дѣятельность съ 1827 года, когда въ перестрѣлкѣ съ королевскими войсками былъ тяжело раненъ въ шею; потомъ въ 1830 дрался за свободу, потомъ былъ нѣсколько разъ посаженъ въ тюрьму на годъ, на два года, на всю жизнь; прощенный нѣсколько разъ, наконецъ приговоренный къ десятилѣтнему тюремному заключенію правительствомъ февральской республики, онъ былъ наконецъ, включенъ въ амнистію императора Наполеона III; 16 августа 1859. Нынче, 15 июня, онъ представленъ въ судъ исправительной полиціи; обвиняемый въ

томъ, что составлялъ тайныя общества. Въ этомъ онъ не признался, и прямо уличить его въ этомъ судъ не могъ. Какъ человѣкъ бывалый, онъ велъ себя при допросѣ съ большимъ присутвіемъ духа, часто отшучивался и чувствовалъ себя какъ дома. Оказалось, что онъ провелъ большую часть жизни въ тюрьмѣ, въ разные сроки, всего около 25 лѣтъ. На вопросъ ѣздилъ ли онъ въ Голландію послѣ 1850 года, онъ отвѣчалъ, что даже въ Китай не ѣздилъ и въ Японіи не былъ; а когда президентъ замѣтилъ ему, чтобъ онъ не шутилъ, что это все серьезно, онъ отвѣтилъ: Все, что доказано слѣдствіемъ, серьезно; все, что слѣдуетъ изъ рапортовъ полиціи, было бы насмѣшкой, если бы не было подлостью. Вся улика состояла въ томъ, что у него найдено 9300 конвертовъ, и изъ нихъ на 7000 были надписи, сдѣланныя его рукою. На вопросъ, что должны были заключать въ себѣ эти конверты, онъ отвѣтилъ: то, что я положилъ бы въ нихъ. Одна изъ свидѣтельницъ по этому дѣлу сказала, что онъ намѣревался вложить въ конверты объявленія о новыхъ корсетахъ. Не смотря на присутствіе духа, обвиняемый приговоренъ къ четырехъ-лѣтнему тюремному заключенію, къ штрафу въ 500 франковъ и лишенію на пять лѣтъ гражданскихъ правъ. Теперь уже ему 56 лѣтъ, а когда онъ выйдеть въ тюрьмѣ еще 4 года и пять лѣтъ пробудеть подъ надзоромъ полиціи, то войдетъ въ гражданскую жизнь 65 лѣтъ, проведя 29 лѣтъ въ тюрьмѣ.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Двадцать пятаго іюля, въ 9 часовъ утра, скончался турецкій султанъ Абдуль-Меджидъ-Ханъ. Немедленно послѣ того вступилъ на престолъ его братъ, Абдуль-Азизъ, и принялъ присягу министровъ и высшихъ сановниковъ. Въ тотъ же день вечеромъ совершились и похороны покойнаго султана. Дѣла вошли въ обычную колею тихо, мирно, спокойно, и только 25 числа ознаменовалось нерыбичновенными хлопотами. Газеты, какъ водится, говорятъ, что покойный султанъ скончался слишкомъ рано, что онъ не успѣлъ исполнить всѣхъ своихъ предначертаній, и т. д. въ должностномъ стилѣ. Но собственно говоря, правленіе покойнаго султана началось, продолжалось и кончилось среди смуты, безпорядковъ и опасностей. Вступилъ онъ на престолъ шестнадцати лѣтъ (въ 1839) и съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ, сильно занимааясь своимъ гаремомъ, довелъ себя до величайшей степени истощенія, равно какъ и турцкіе финансы. Въ обстоятельствахъ его царство-

ванія сложились такъ, что преемникамъ его ровно начево не остается дѣлать, и спокойно жить въ своихъ гаремахъ подъ опекою великихъ державъ, подъ строжайшимъ принципомъ вмѣшательства. Конечно это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока великія державы не убѣдятся, что эта ветхая развалина положительно вредна въ Европѣ и перестроятъ ее, начиная отъ основанія, выстроивъ, разумѣется, христіанскій храмъ на мѣсто мечети.

Христіанскій элементъ начинаетъ понемногу проникать въ турецкое управленіе. Французскія войска удалились, а константинопольская конференція рѣшила, что Ливанъ будетъ подъ прямымъ управленіемъ христіанскаго начальника, изъ числа подданныхъ султана, съ тѣмъ однакоже, что султанъ не имѣетъ права въ теченіи трехъ лѣтъ смѣнить его, безъ согласія европейскихъ великихъ державъ, а по прошествіи этого срока державы примуть участіе въ назначеніи новаго христіанскаго начальника. Конечно, не было возможности придумать лучшаго рѣшенія кроваваго сирійскаго вопроса. Христіанскій муширъ или губернаторъ Ливана будетъ принадлежать къ вѣроисповѣданію большинства, и не будетъ зависеть ни отъ бейрутскаго, ни отъ дамасскаго пашей, а будетъ имѣть равенъ, и приказанія получать будетъ прямо отъ Порты. Онъ будетъ жить въ городѣ Дейръ-эль-Камаръ, гдѣ прежде былъ турецкій гарнизонъ. Для поддержанія порядка онъ будетъ имѣть милицію, набираемую тамъ же, въ странѣ, и турецкія войска будутъ имѣть право проникать туда не иначе, какъ по требованію губернатора. Сверхъ того въ Ливанѣ учреждаются два совѣта, одинъ судебный, а другой административный; въ нихъ будутъ засѣдать представители всѣхъ народностей, живущихъ на Ливанскихъ горахъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Подобныя же, въ меньшихъ размѣрахъ учрежденія устроены будутъ и по округамъ, для обезпеченія жителей; при чемъ для власти губернатора остается еще довольно простору.

Эта превосходная комбинація тѣмъ только неудобна для Турціи, что она слишкомъ сильно страдаетъ. Султанъ, вступая на престолъ, приноситъ клятву въ томъ, что онъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ будетъ защищать и поддерживать исламъ; послѣ чего и получаетъ священную саблю Османа. На этотъ разъ, на Ливанѣ, онъ не могъ защитить своей религіи и принять губернатора изъ невѣрныхъ. Но для христіанъ это прекрасно, и теперь остается устроить точно такой же порядокъ въ европейскихъ христіанскихъ областяхъ Турціи, и устроить немедленно. Почему же откладывать? Не потому ли, что въ Востокѣ и Герцоговинѣ мусульмане еще не производили поголовнаго истребленія христіанъ? Но въ этомъ не предвидится особенной надобности, особенно уже и потому, что убійства

совершаются не подъ рмдъ, не эпидемически, а спорадически. Этого уже довольно, чтобы къ европейскимъ христіанамъ торжественнымъ образомъ прилагать знаменитый принципъ невмѣшательства и не хотѣли говорить о европейскомъ равновѣсіи, о независимости высшей Порты и о великихъ добродѣтеляхъ мусульманъ. Но тутъ есть секретъ, всѣмъ извѣстный, но никогда не высказываемый — а именно: въ живности или, вѣрнѣе, изъ ханжества своимъ безпристрастными. Секретъ состоитъ въ томъ, что европейскіе христіане въ Турціи принадлежатъ къ одной деревнѣ съ нами, и къ одному съ нами славянскому племени, стало быть тиротѣють къ Россіи; а это обстоятельство не нравится западнымъ державамъ. Можетъ быть, что недавно обращенные въ католичество болгары, съ своимъ новымъ епископомъ, начнутъ понемногу перетягивать къ себѣ христіанскую сторону. А между тѣмъ, по простому чувству справедливости, нечего было бы этого ожидать. Христіане уже до такой степени терпятъ, такъ измучены поборами, жестокостями, и всевозможными беззаконіями, что славяне бѣгутъ цѣлыми деревнями въ Сербію. И тѣмъ болѣе желающихъ выселиться изъ Турціи, тѣмъ сильнѣе жестокости употребляются турками для предупрежденія выселеній. Сербію отъ Видинскаго пашалыка отдѣляетъ довольно большое пространство рѣка Тимокъ, неподалеку отъ которой раснодожена была деревня Градова. Нынче, 1 юня, вся эта деревня ушла за рѣку, въ Сербію. Часть бѣглецовъ перебравшая уже на сербскую сторону, какъ турки накинулись на остальныхъ, чтобы не дать имъ уйти. Тѣ, которые были уже на гостепріимномъ берегу единобратцевъ и единоплемениковъ, стали стрѣлять въ турокъ, защищая своихъ. Сербская стража вытупилась, и для того уже, чтобы не дать туркамъ утонуть въ рѣкѣ. Завязалась перестрѣлка, но съ сербской стороны не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, и переправа бѣглецовъ совершилась благополучно. На другой день опять переправилась на сербскій берегъ какіе-то несчастные, и опять была перестрѣлка. На третій день тоже самое. Тогда князь послалъ на мѣсто переправы для разбора всего дѣла. Паша протестовалъ, говоря, что триста милошкѣ сербовъ нарушили святость границы, перейдя на турецкую землю. Но уже и турецкія власти знаютъ, какъ надо, не придавать значенія такого рода жалобамъ, и дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ этомъ случаѣ важно не то, что сербы помогали или не помогали своимъ единобратцамъ; важно то обстоятельство, что жители этихъ деревень оставляютъ свои дома, оставляютъ поля, на которыхъ въсклько поколѣній добывали свой хлѣбъ насущный, бросаютъ самоты дворянскую утварь, къ которой давно привыкли, бросаютъ

колыбели своихъ дѣтей и бѣгутъ въ другое мѣсто, работать на новыхъ поляхъ, не нѣя своего, вѣрнаго пристанища. Чтобы рѣшиться на такой тижолый подвигъ, надо оченъ много выстрадать, надо многочисленными опытами на самихъ себѣ дознаться, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, при неисполненіи турками изъ одного изъ обязательствъ, принятыхъ на себя вслѣдствіе разныхъ договоровъ, начиная отъ кучукъ-кайнарджійскаго, вѣтъ возможности христіанамъ жить подъ мусульманскимъ владычествомъ. Если бы даже и существовало донесеніе русскихъ агентовъ о страданіи христіанъ въ Турціи, уже этого одного обетательства довольно было бы для того, чтобы для христіанскихъ подданныхъ Турціи въ Европѣ предпринять такое же точно полезное преобразование, какое сдѣлано на Ливанѣ.

Двадцать втораго іюня новый христіанскій губернаторъ Ливана торжественно являлся Портѣ. Онъ былъ принятъ съ обыкновеннымъ церемоніаломъ, какъ принимаютъ пашей, а великій визирь официально объявилъ ему султанскій прадъ, которымъ онъ утверждается ливанскимъ губернаторомъ. Во время чтенія производилась надлежащій салютъ одиннадцатью пушечными выстрѣлами. Это весьма важное и многозначительное событіе: это огромная христіанская брешь въ одряхлѣвшемъ ислализмѣ. Надо надѣяться, что вслѣдствіе нее будутъ входить благодѣтельныя для христіанскихъ массъ реформы и преобразованія.

Общее Положеніе. Послѣднія извѣстія.

Дѣла въ итальянскомъ парламентѣ идутъ съ большою живостью. 19 іюня начались и кончились пренія о соединеніи всѣхъ долговъ бывшихъ итальянскихъ государствъ въ одну итальянскую государственную долговую книгу, а 20 начались и кончились пренія о предложеніи Гарибальди насчетъ вооруженія страны; 21 началось разсмотрѣніе проекта закона въ частностяхъ, но парализованъ. Чувствуетъ палата очень хорошо, что нечего напрасно терять время. По поводу преній о соединеніи государственныхъ долговъ въ одну книгу, Гверрацца сдѣлалъ два предложенія, защищая ихъ весьма ловко, но не отстаивалъ. Онъ предлагалъ не признавать на счетъ Италіи долговъ, сдѣланныхъ въ 1849, 51 и 52 годахъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, но дѣлать предложеніе, что эти займы были тогда употреблены на уплату за занятіе страны австрійцами. Второе предложеніе Гверрацца имѣло цѣль объявить, что итальянское правительство не приметъ на свой счетъ долговъ, которые могутъ быть сдѣланы въпрямъ правительствомъ Рима и Вене-

ціи. Настойчивость Гверрацци привела къ тому, что палата объявила намѣреніе держаться принципа совершенно противоположнаго.

Италія продолжаетъ вооружаться, по обѣщанію, сдѣланному г. Риказоли, въ іюль будутъ собраны подъ знамена 24,000 человекъ, которые должны были поступить въ наборъ 1862 года. Съ 1 іюня войско было поставлено на мирное положеніе, въ ожиданіи того, что Австрія съ своей стороны сдѣлаетъ тоже; но такъ какъ вооруженія этой державы не прекращаются, то и Италія поставитъ свое войско опять на военное положеніе.

Между тѣмъ не здоровъ папа. У него уже давно рожистое воспаленіе; но его положеніе не улучшается; воспаленіе занимаетъ лѣвое бедро и колѣно, и принимаетъ неблагоприятный видъ. Говорятъ даже, что поражена печень, такъ что состояніе больного возбуждаетъ серьезныя опасенія.

Перемѣна правителя въ Римѣ, не такъ, какъ въ Константинополь, можетъ имѣть серьезное вліяніе на европейскія дѣла: во первыхъ время конклава, междуцарствія, бываетъ обыкновенно временемъ интригъ, происковъ, всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ продѣлокъ; а во вторыхъ новый папа можетъ быть измѣнить прежнюю политику и ограничиться одною властью духовною, на которую католики не изъвивляютъ никакого покушенія.

Въ Пруссіи палаты закрыты. Король, въ своей рѣчи, благодарилъ палату за содѣйствіе въ законодательныхъ дѣлахъ и за деньги, отпущенныя на войско.

Въ Англіи палата занята частными законами, не имѣющими общаго интереса; но порою возникаютъ тамъ любопытныя запросы, преимущественно о вооруженіяхъ Франціи; и тогда поднимается шумъ: считаютъ сколько кораблей у французозъ, сколько у англичанъ, сколько войска у тѣхъ и у другихъ, и мало по малу успокоиваются. Потомъ черезъ нѣсколько времени опять выступаетъ на сцену вопросъ о панцирныхъ корабляхъ, которыхъ будто бы во Франціи много, а у Англіи нѣтъ; и опять считаютъ, высчитываютъ, вычисляють, и находятъ, что надо энергически вооружаться. Дѣйствительно, надо; но вмѣсто того, чтобы такъ непроизводительно тратить громаднѣйшіе капиталы, не лучше ли было бы обратить серьезное вниманіе на причину столь разорительныхъ издержекъ и стараться истребить ее?

Въ Австріи, какъ мы уже говорили въ прошломъ обзорѣнн, государственный совѣтъ не полонъ, потому что изъ венгерскихъ земель не прислано туда требуемое закономъ число представителей. Венгерскій сеймъ только что кончилъ пренія о своемъ адресѣ къ

ролю-императору и поручилъ своему представителю съ двумя магнатами доставить его въ Вѣну. Изъ предыдущаго обзорѣнія читатели знаютъ уже этотъ адресъ. Нензвѣстно еще, что сдѣлаетъ въ отвѣтъ на него австрійское правительство; но въ догадкахъ недостатка нѣтъ. Говорятъ, что сеймъ немедленно будетъ распущенъ, и приказано будетъ произвести непосредственные выборы въ государственнѣйшій совѣтъ; говорятъ также, что если эти выборы произведены не будутъ, то у Венгрии отняты будутъ всѣ права, и дѣла тѣмъ и кончатся. Но едва ли эти догадки справедливы. Нынче не тѣ времена, когда крутыя мѣры имѣли несомнѣнный успѣхъ. Впрочемъ члены вѣстскаго комитатскаго собранія отданы подъ судъ за прошеніе, которое они осмѣлились поднести королю-императору. Въ прошеніи они излагали, что народъ разоренъ, что ему нечѣмъ платить податей, собираемыхъ теперь военною силою, и что наряду оказано было бы великое благодѣяніе, если бы сборъ податей отложить былъ до осени.

Такимъ образомъ смѣло можно сказать, что общее положеніе довольно удовлетворительно. Общественное мнѣніе, испуганное смертью Кавура, успокоилось, биржевыя дѣла приняли свой обычный ходъ, фонды начинаютъ подниматься; но въ случаѣ катастрофы, могущей на дняхъ произойти въ Римѣ по случаю опаснаго положенія здоровья папы, опять возникнетъ множество вопросовъ, и можетъ быть важнѣйшіе изъ нихъ приблизятся къ своему разрѣшенію.

С М Ъ С Ъ

I

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА

Былъ здѣсь англичанинъ. Нанималъ квартиру въ три тысячи, одинъ жилъ въ тринадцати комнатахъ, изъ которыхъ двѣнадцать пустыя стояли; занята была только средняя: его со всѣхъ квартиръ гнали прочь за то, что онъ на трубѣ играть любилъ, онъ и поселился такъ, чтобы никого не беспокоить. — Любилъ онъ еще боксировать. Вотъ и говоритъ онъ разъ своему пріятелю изъ русскихихъ:

— Ne pouvez-vous pas me procurer un boxeur?

— Да вотъ, говоритъ ему русскій пріятель, представляя своего лакея Пахома: — оттузить, какъ нельзя быть лучше.

— Quel bonheur! говоритъ англичанинъ и тотчасъ же снѣвъ сюртукъ, засучилъ рукава.

— Бей его, говоритъ Пахому баринъ.

Пахомъ смѣется: «Какъ можно-съ!»

— Да ужъ я тебѣ говорю: бей!

— Ихъ-то!?.

— Еще и деньги тебѣ заплотить.

— Да какъ же-съ: куда хочешь?

— Куда хочешь, туда и бей.

Пахомъ призадумался. Но англичанинъ, покрутивъ кулаками нанесъ ему первый ударъ. Пахомъ закричалъ и ухватился за бокъ. Но при второмъ ударѣ, освирипѣлъ, и схвативши англичанина за волосы, сталъ его возить по всей комнатѣ. Тотъ нисколько однако не сконфузился, и продолжая его тузить въ бока, довелъ до того, что Пахомъ, стона и вздыхая, упалъ на полъ.

— Quelle drole manière de boxer! замѣтилъ англичанинъ при-
водя въ порядокъ свою голову: C'est dommage à moi, qu'il n'y avait
point de public: je n'ai pas reçu un seul coup. — Но дѣло этимъ не
кончилось: когда боксеръ уходилъ домой, Пахомъ не стерпѣлъ по-
ношенія, и черезъ силу подвнявшись на ноги, такъ ударилъ англи-
чанина въ загорбокъ, что тотъ слетѣлъ со второго этажа внизъ по
лѣстницѣ.

— Что съ вами! безпокойся говоришь ему перепуганный прия-
тель.

— Ce n'est rien, отвѣчалъ чудакъ: — c'est le seul coup, qu'il m'a
donné.

Вѣдь это хорошо: воля ваша! Захотѣлъ и побоксировалъ. — И
еще жалѣлъ, что нѣтъ публики! Отчего у насъ многіе не счи-
таютъ позоромъ выйти пьяными на улицу, оскорбить женщину,
молодецки безчинствовать на гуляньи или въ маскарадѣ, и между
тѣмъ, всѣ смотрѣли бы какъ на позоръ дѣлаго сословія, если бы
какой вибудь представленный къ чину коллежскаго регистратора
вздумалъ напримѣръ, публично подрывать свои силы, боксируя съ
лаксемъ? Отчего у насъ, навѣрно, ни одинъ коллежскій регистра-
торъ не рѣшится на это; тогда какъ, если бы это дѣлали другіе,
то навѣрно и онъ сталъ бы съ увлеченіемъ тоже дѣлать. Вотъ во-
просы! И мнѣ только жаль, что я не могу теперь заниматься ихъ
разрѣшеніемъ, потомучто мнѣ нужно какъ можно скорѣе выписать
изъ февральской книжки «Отеч. Зап.» слѣдующія строки:

• Кажется «Время» понимаетъ свою задачу такъ, что можно объяс-
нить древнюю Русь, народный духъ, русскую истину и пр. и пр., по
произведеніямъ новѣйшей, такъ называемой изящной литературы ис-
ключительно!! Мы думаемъ совершенно напротивъ. Намъ кажется, что
эта народность преимущественно окажется изъ изученія древней нашей
жизни, но не въ одной литературѣ. Древняя исторія завѣщала намъ
много учрежденій общественныхъ, передъ которыми современная наука
останавливается съ уваженіемъ. Таковы: способъ поземельнаго владѣнія,
артель, цѣльность жизни духовной, религіозной и литературной—пред-
меты, которые стоятъ того, чтобы на нихъ обратить вниманіе, и мы
будемъ очень рады, если ими займется «Время».

У меня былъ одинъ школьный товарищъ, который всегда, бы-
вало, сговорится со мной:

— Ты учи это, а я то выучу; а потомъ мы и расскажемъ другъ
другу.

Такъ и положимъ. Но не пройдетъ двухъ минутъ, онъ ко мнѣ:

— Сколько ты выучилъ?

— Вотъ сколько.

— Ты дальше меня.

— Ну такъ что-жь?

— Да ты кое-какъ читаешь, а потомъ перевернешь мнѣ.

— Я и теперь знаю такъ, что тебѣ рассказать могу.

— Ну, хорошо.

А потомъ опять черезъ двѣ минуты:

— Послушай!

— Ну, что тебѣ?

— Давай лучше одно учить.

— Да зачѣмъ же? Такъ скорѣй: больше времени останется, чтобы поиграть въ свайку.

— Чтѣ свайка! у меня теперь ужъ животъ болитъ, какъ подумаю объ экзаменѣ; а ты мнѣ перевернешь.

— Я-то тебѣ расскажу какъ слѣдуетъ; а ты прочтешь да потомъ и вахнуешься.

Я ужасно люблю анекдоты стараго времени, исторіи школьной жизни моей и приключенія юныхъ лѣтъ моихъ. Я всегда любилъ очень учиться, только не тому, чего отъ меня требовали, а разнымъ разностямъ, которыя больше меня интересовали, и учился чрезвычайно скоро, такъ что у меня втрое больше, нежели у моихъ товарищей, оставалось времени на то, чтобы побалагурить съ дочерями моихъ учителей и съ хорошенькими ихъ женами. Товарищи меня не любили за это; они видѣли, что и я не очень ихъ жажду: они учатся; я точу баласы съ какою нибудь хорошенькой дѣвушкой; они пьянствуютъ, сеорятся, — я учусь.

Я помню одного моего пріателя студента, занимавшагося медицинною. Онъ никакъ не могъ мнѣ простить любовныхъ моихъ шалостей.

— Ты бросилъ бы всѣхъ своихъ красавицъ, говорилъ онъ мнѣ съ увлеченіемъ, — если бы увидалъ, какой трупъ привезли нынче къ намъ въ академію: замерзшая молочница. Мертвая женщина въ миллионъ кратъ интереснѣе живой: отъ живой никогда не можетъ быть столько пользы наукѣ.

Этотъ человекъ былъ совершенно прошивованъ наукою, и мнѣ никогда не вѣрилось, чтобы онъ любилъ ее. Наука — хороша, и жизнь хороша; какъ же можно чему нибудь одному отлатъ преимущество? Но онъ рѣшительно не хотѣлъ и слышать этого и говорилъ, что назвать науку напрямѣръ поэзіею — кощунство.

— Какъ же ты ее любишь, если она не поэзія?

Онъ объяснялъ мнѣ что-то, но я ничего изъ этого никогда понять не могъ, потому что мнѣ всегда казалось и кажется до сихъ поръ, что тотъ, для кого наука не была и наукою, и поэзіею, и религіею, тотъ

еще не любилъ науки; и отдѣлить науку отъ жизни и ото всего прекраснаго мнѣ кажется также странно, какъ отдѣлять душу отъ тѣла, и говорить напр., что любовь къ ближнимъ есть проявленіе духа, а любовь къ женщинамъ проявленіе тѣла. Я всегда пироги ѣмъ выѣсть съ начинкой, и мнѣ даже скверно смотрѣть, когда кто нибудь начинку выковыриваетъ и ѣсть отдѣльно, для того, чтобы тѣсто съѣсть тоже отдѣльно.

Но теперь я хочу возвратиться къ вопросу объ англичаннѣхъ и о нашихъ коллежскихъ регистраторахъ. Мнѣ кажется, это все отлично объясняется тою артелью, начало которой «Отеч. Зап.» отыскиваютъ въ глубокой древности, и изученіемъ устьевъ которой хотимъ мы заняться, на сколько это возможно, въ этомъ маленькомъ фельетонѣ. Артель, получившая начало свое въ дремучихъ лѣсахъ непроходимой древности, текла по полямъ и селеніямъ, терялась снова въ дѣбряхъ и тундрахъ, и такимъ образомъ, то появляясь, то исчезая, дотекла до нашего времени, и впадетъ, на нашихъ глазахъ, разлѣваясь на многіе рукава и образуя множество острововъ, въ широкое море будущаго. Мы, какъ и «Отеч. Зап.», намѣрены добраться до исхода этой загадочной рѣки, но для этого мы хотимъ начать ее взлѣданія не съ непроходимыхъ тундръ и лѣсовъ прошедшаго, а напротивъ, хотимъ, начавъ съ настоящаго, подниматься все вверхъ по теченію этой рѣки: авось такъ скорѣй доберемся до исхода ея. Дѣло въ томъ, что у насъ во всей жизни артель. Даже намъ кажется, есть нѣкоторая доза артельного начала въ самомъ участіи, которое принимаютъ въ нашемъ журналѣ «Отеч. Зап.» Намъ всѣмъ непременно нужно слѣдить за путями всѣхъ и каждаго; иначе мы жить не можемъ; и если у насъ ни одинъ коллежскій регистраторъ не рѣшится публично боксировать или ходить по канату, то именно потому, что въ его лицѣ у насъ пойдутъ по канату всѣ коллежскіе регистраторы, цѣлое общество коллежскихъ регистраторовъ: не найдется такого каната, который бы выдержалъ тяжесть такую. Оттого у насъ часто коллежскій регистраторъ идетъ по залѣ, и видимо удивляется, какъ подъ нимъ не подгибается полъ, потому что въ лицѣ его идетъ по залу цѣлое общество; но за то онъ же удивился бы, если бы полъ нѣмъ подогнулся въ присутствіи особы высшаго званія, потому что въ его лицѣ удивилось бы этому и все остальное общество коллежскихъ регистраторовъ. Все, что дѣлаютъ другіе, какъ бы это ни было худо, можно дѣлать всѣмъ безнаказанно; но горе тому, кто что нибудь свое сдѣлаетъ, какъ бы хорошо это ни было. Однажды я ѣхалъ на маленькомъ легкомъ пароходѣ; народу было пропасть; половина публики стояла. Между нѣсколькими важными лицами стояла кормилица съ ребенкомъ. Никто никому не уступалъ

мѣсть своихъ; я предложилъ свое мѣсто кормилицѣ. Тотчасъ же поднялась суматоха на пароходѣ: всѣ на меня стали смотрѣть; одинъ генералъ потѣснялся, чтобы посадить меня подлѣ себя, и повсюду слышались насмѣшливыя замѣчанія въ родѣ того, что хорошее дѣло никогда не остается *безъ извращенія*. Я рѣшительно покраснѣлъ и въ глубинѣ своего татарскаго сердца, далъ себѣ слово никогда не уступать мѣста кормилицамъ и благодарилъ Бога, что эта была не красивая и уже пожилая. Это замѣчаніе необходимо, потому что непременно отвѣчаетъ на ту мысль, которая вертится уже теперь въ головѣ моего читателя. И я увѣренъ, что будь эта кормилица смазливой бабенкой, на меня всѣ улыбнулись бы гораздо добродушнѣе, потому что это сдѣлали бы всѣ, и я никому не показался бы выскочкой. Артель!

Все это современемъ, можетъ быть, выродится въ благообразныя и прекрасныя формы; а теперь покуда, мы знаемъ, по крайней мѣрѣ навѣрное, что любимая мечта послѣднихъ политическихъ людей запада: «хлѣбъ есть право жизни» — у насъ является во всемъ своемъ блескѣ и величіи. У насъ никто никогда, подлѣ богатаго сосѣда, или скорѣй подлѣ сосѣда, имѣющаго кусокъ хлѣба, не умереть съ голоду. Мы не даемъ человѣку сказать слова, котораго мы не произносимъ, но мы не дадимъ ему и умереть, не оказавъ ему всякой помощи. Нигдѣ нѣтъ столько людей ничего не дѣлающихъ, какъ у насъ: они ничего не дѣлаютъ, но они сыты, обуты, одѣты, и не желаютъ ничего лучшаго. Мы всѣ, или большая часть изъ насъ, готовы безвозмездно помогать другъ другу, особенно въ крайнихъ случаяхъ; и также точно всѣ мы способны, не краснѣя, не стѣсняясь, принимать услуги другихъ, даже безъ намѣренія отплатить за нихъ. Я сдѣлаю этому, тотъ тому сдѣлаетъ; мнѣ тоже поможетъ кто-нибудь — въ общемъ квиты.

Все это чрезвычайно губительно для развитія отдѣльныхъ личностей; они тонутъ въ общемъ артели; но за то ничто слабое не пропадетъ въ ней, и въ государственной экономіи все-таки поддерживается равновѣсіе. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что у насъ вездѣ и повсюду артель; и надо, отбросивши всякое желаніе быть pro или contra артели, указывать главнѣйшимъ образомъ ея недостатки, чтобы она вырабатывалась. Если она держится только недостатками, пропадутъ они, пропадетъ и она, и Богъ съ ней; если же каждый изъ ея недостатковъ есть зерно будущей силы ея, будущихъ ея достоинствъ, то пускай поскорѣй это зерно развивается, и пускай поскорѣй, подъ вліяніемъ критики, это зерно, развиваясь, приноситъ цвѣты и плодъ. А рядомъ съ этимъ указываньемъ недостатковъ, можно совершать поѣздки въ историческія

времена, но опять только для того, чтобы искать, гдѣ была полезная артель и гдѣ она вредъ принесла; и хотъ ради научнаго только любопытства, откуда произошла она. Тогда и Европа увидитъ жизнь нашу и слѣдить со своею жизнью; тогда и рѣшится вопросъ, можемъ ли мы принять хорошія стороны запада, не принявъ недостатковъ его, и можетъ ли западъ принять наше добро, не принявъ зла нашего, и возможна ли, и разумна ли будетъ такого рода перемѣна. Европу воспитывало рыцарство; насъ воспитывало иго монгольское. Нарядите татарина въ рыцарскія латы, и онъ почувствуетъ себя въ нихъ также оскорбленнымъ и осмѣяннымъ, какъ почувствовалъ бы себя гордый рыцарь въ халатъ изъ таршаламы или другой какой азіатской матеріи. И оба они будутъ совершенно правы, потому что каждому нужно оставаться въ костюмѣ, сообразномъ съ его привычками, и этотъ уже костюмъ переправлять и передѣлывать къ лучшему. Медвѣдь, танцующій польку, также смѣшонъ, какъ танцоръ, бѣгающій на четверинкахъ, и оба тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ больше другъ на друга походятъ. Средневѣковая Европа до того заравортовалась въ своемъ пѣтушемъ чувствѣ собственнаго достоинства, что ей кажется лучшимъ окалѣть, какъ собакѣ, съ голоду, нежели принять помощь отъ брата, которому она не въ состояніи заплатить за нее: «L'honneur avant tout». Мы до того сблизившись въ всеобщемъ несчастьи и униженіи, что родной врагъ нашъ изъяслся другомъ въ сравненіи съ врагами-монголами, и хотя мы понимаемъ что «честь лучше безчестья», но тутъ же замѣчаемъ, что «честь не въ честь, какъ нечего ѣсть». И кромѣ того есть у насъ одна поговорка, которая возбуждаетъ особенное негодованіе и смѣхъ запада: «за тычкомъ не гонись». Скверная, печальная поговорка, тоже остатокъ иго монгольскаго. Но замѣчательно то, что какъ только иностранецъ приходитъ на почву нашу, такъ его тотчасъ разбираетъ охота воспользоваться этою поговоркою. Можетъ быть это также необходимо, какъ пріѣхавши въ Выборгъ, желать выпить чаю съ выборгскими кренделями, или, пріѣхавши въ Москву, взойти на колокольню Ивана Великаго. Такъ, говорятъ, французскіе инженеры на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ любятъ пускать въ ходъ дикую нашу поговорку, раздавая тычки русскимъ работникамъ. Но вѣдь мы, раздавая тычки, и получаемъ ихъ въ свою очередь, и затѣмъ въ общемъ квиты. Не оттого ли, говорятъ, и наши мужики, такъ спокойно принимающіе тычки отъ насъ, едва до нихъ коснется иностранецъ, охраняемый законами страны своей, тотчасъ чувствуютъ свое положеніе, и возражая: «l'honneur avant tout», платятъ за иностраннѣй толчекъ россійскою трепкою, и слышно, рѣдко случается, чтобы французъ погнался за тычкомъ на нашей

почвъ. Жизнь всегда жизнь, и въ ней паюсъ разгуливаетъ почти постоянно подъ руку со смѣхомъ. Наука, для удобства, раздѣляетъ эти два элемента, и потому, чтобы вполне понимать ихъ, нужно видѣть ихъ въ самой жизни. Между тѣмъ нашъ вѣкъ есть вѣкъ научнаго суевѣрія; вѣра наша въ науку доводитъ насъ до какого-то мистицизма, такъ, что мы не повѣримъ совершающемуся передъ глазами нашими, не посмотрѣвши въ книгу, допускаетъ ли это наука.

— Мнѣ никакой предметъ не можетъ нравиться, говорилъ мнѣ одинъ господинъ, — пока я не убѣжусь, что онъ долженъ нравиться. Никакая наука не заставитъ насъ искренно любить то, чего мы не можемъ любить, какъ не заставитъ насъ радоваться тому, что насъ не радуетъ; не заставитъ насъ быть благодарными, за что мы не чувствуемъ благодарности.

Я помню, одинъ господинъ, купаясь въ Парголовѣ, вытащилъ изъ воды тонувшаго кучера. Когда, на другой день, этому кучеру показали его спасителя, онъ уперъ руки въ боки и сказалъ, какъ будто совѣмъ объ этомъ не думая: «Ишь, собачій сывъ, вытащилъ». Право, только на Руси такъ странно благодарятъ за свое спасеніе и только на Руси со смѣхомъ и удовольствіемъ принимаютъ такія благодарности. Нѣтъ ли тутъ тоже чего нибудь артельного; нѣтъ ли тутъ тоже того социальнаго элемента, который проявляется и въ способѣ поземельнаго владѣнія, завѣщаннаго намъ исторіею? Мнѣ кажется, что есть. Но такого рода вещи до того просты, до того часты и обыкновенны у насъ, что трудно сомнѣваться въ ихъ законности и неизбѣжности. Другое дѣло такого рода явленіе:

— Нашъ мужикъ грубъ. Въ немъ ничего и человѣческаго-то нѣту.

— А какъ вы думаете, когда вы будете тонуть, кто васъ вытащить: мужикъ или какой-нибудь надворный совѣтникъ?

— Такъ чтожъ, что мужикъ? Это его и дѣло!

Такого рода вещи могутъ объясняться одною только исторіею, и тутъ непременно нужно заглядывать въ исторію для того, чтобы отыскать ихъ корень и вырвать его. А дѣлать parties de plaisir въ прошедшія времена для отысканія начала артели, конечно дѣло очень пріятное и во всякомъ случаѣ очень полезное; но какая въ этомъ крайняя, неминуемая надобность, чтобы всѣ непременно это дѣлали? Артельное начало у насъ вездѣ и во всемъ, со всѣмъ, что отъ него есть дурного, и со всѣмъ, что отъ него есть хорошаго. Неблагодарность въ человѣкѣ, который самъ не готовъ сдѣлать ничего для ближняго, вещь возмутительная; но въ томъ, кто и самъ готовъ служить всѣмъ и каждому, она естественна. И ничего нѣтъ мудре-

наго, что наши крестьяне приняли, наприѣръ, довольно спокойно свое освобожденіе отъ насъ. Они отъ насъ этого ждали: сколько разъ они изъ воды насъ вытаскивали? Теперь наша очередь. И вообще у насъ было очень мало крику и манифестацій по поводу этого важнаго событія, которое въ Европѣ вызвало бы непременно торжества, иллюминаціи, фейерверки: знай цѣлый міръ, что мы сдѣлали! Не выражается ли въ этомъ, хотя немного, то сердечное равенство русскаго народа, котораго въ немъ вовсе не видятъ иностранцы? Все это какъ-то странно, но... трогаетъ. И никакихъ пышныхъ гимновъ, почти никакихъ наружныхъ заявленій восторга или радости! Вотъ бы мы распотѣшили честную публику, если бы à la донъ Кихотъ, вздумали справиться, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ предки наши, не ради любопытства, а ради того, чтобы и намъ поступить также точно! Но Русь выразилась въ этомъ дѣлѣ по русски; также точно какъ Франція выразилась тутъ по французски, въ лицѣ г. Fabius Voital. Можетъ быть не всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, что Франція тоже, даже еще заблаговременно, привѣтствовала Россію въ дѣлѣ *ея перерожденія*, цѣлою поэмою: *la Russie*. Это прекрасная поэма, и прекрасная особенно потому, что въ ней рѣшительно ничего нѣтъ русскаго; все французское, начиная съ первыхъ стиховъ:

Sire, je viens à Vous, le cœur plein d'espérance ;
Car loin du sol natal, de ma sublime France,
Je suis fier de trouver un si grand souverain !

До послѣднихъ :

Dépouillant vos sujets de leur rude enveloppe,
Vous les rendez égaux aux peuples de l'Europe...

Больше и говорить нечего: тутъ вся поэма, всѣ 36 страницъ ея. Боже мой, Боже мой! Я какъ теперь смотрю на того ямщика, который, везя меня по Таурической губерніи, рассказывалъ мнѣ, какой славный народъ татары, и какой добрый и честный народъ нѣмецкіе колонисты, тѣ самые колонисты, которые потомъ говорили мнѣ, что съ русскимъ нельзя безъ палки, и тѣ самые татары, которые самаго меня называли съ презрѣньемъ собакою. Какъ теперь слышу я рассказы инвалидовъ, побывавшихъ въ 1814 году по ту сторону Рейна, слышу ихъ рассказы о томъ, какой учтивый народъ французы и какой смѣшной добрый народъ нѣмцы, и въ моемъ дикомъ, татарскомъ сердцѣ шевелится замѣчаніе, что способность видѣть прежде все худое — признакъ сухой души. Други-братья, скверны вы, не хороши вы, много въ васъ есть дурного, неопрятнаго, дикаго; но вы такъ

миѣ правитесь со всѣмъ вашимъ простодушнымъ сплетеньемъ добра и зла, что миѣ весело васъ видѣть и такими. Отчего вы ничѣмъ не хвастаетесь? И неужели намъ суждено, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь переродиться? А можетъ быть, все можетъ быть. Не вѣра переродитъ, такъ суевѣріе. Суевѣріе науки доходить въ наше время до крайнихъ предѣловъ своихъ, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ оно суге суевѣрія сердца. Всѣ люди рождаются съ равными способностями, повторяютъ нынче всѣ, и весь характеръ человѣка создается воспитаніемъ. И вотъ пишутся статьи о воспитаніи, одна другой хуже; пишутся одинъ другого хуже учебники, а люди все тѣ же люди: и также они все хитрятъ другъ съ другомъ, и также они не вѣрятъ другъ другу, замѣчая хитрость и видя, что дѣло идетъ не на чистоту. И хитрящіе понимаютъ, что хитрѣнне ихъ, какъ шло изъ мѣшка, все наружу высовывается, и собираются хитрить все сильнѣе, и не ухитрятся только быть чистосердечными и искренними для того, чтобы наконецъ вѣрить другъ другу. И со всякимъ изъ насъ ежеминутно повторяется исторія разбойника, рассказанная мной въ прошломъ мѣсяцѣ. Откровенность есть сила, можетъ бытьъ сила всеокрушающая. Хитрость есть ножъ, который мы даемъ противъ себя. Хитрость хороша только между врагами, потомучто вражда нѣсколько ослабляетъ насъ. Въ нормальномъ состояніи хитростью ничего не сдѣлаешь, и въ особенности ничего не сдѣлаешь съ сердцемъ простымъ, глядящимъ на вещи прямо, свободно, независимо ни отъ какихъ научныхъ воззрѣній, потомучто оно незнакомо съ наукою. Я теперь съ удовольствіемъ читаю дѣтскія книжки и еще недавно съ увлеченьемъ прочелъ Дѣтскую Книжку, составленную А. Плещеевымъ и Ѳ. Бергомъ, въ Москвѣ. Это хорошая книжка, составленная со вкусомъ и съ любовью двумя поэтами, которую можно рекомендовать всѣмъ, у кого есть дѣти, начинающія читать. Но было время, когда миѣ довольно было прочесть, что книжка составлена для дѣтей, чтобы я и не заглянулъ въ нее. Это было тогда, когда я самъ былъ ребенкомъ. Миѣ тогда хотѣлось читать то, что большіе читаютъ. Я зналъ одну грамотную крестьянку, которой страхъ хотѣлось книги читать. Я далъ ей Кольцова, далъ ей Записки Охотника. «Не хочу я этихъ книгъ», сказала она: я это все сама знаю. Мужикъ да мужикъ. Я хочу знать, что господа дѣлаютъ».

Во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ той самой, изъ которой мы выписали выше нѣсколько строчекъ, помѣщенъ «Опытъ о книгѣ для народа» Н. Ѳ. Щербини. Утѣшительное явленіе, что наши таланты, наши поэты, начинаютъ приносить powerful дары жизни и обществу, и именно съ тѣхъ сторонъ, кото-

рья прежде какъ-то упрямо обходились ими. Но чрезвычайно обезкураживаютъ въ этой статьѣ напимѣрь слѣдующія строки:

«Этотъ отдѣлъ помещенъ въ началѣ книги съ *разчетомъ*, чтобы завлечь на первый разъ читателя художественной *приманкою поучительной мысли*».

Въ этихъ строкахъ все осужденіе этой книги, которая, надо сказать, задумана вообще прекрасно. Она прекрасно задумана, и каждый изъ насъ прочтетъ ее съ величайшимъ удовольствіемъ отъ доски до доски; всѣ прочтутъ... Только мужикъ читать не станетъ. Мужикъ купить брошюру: «Живая покойница»; «Мнѣніе доктора такогото (позабылъ имя этого великаго человѣка) о кончипѣ міра», «Зефироты», — эти вещи, подаренные нашему народу «Сѣверною Пчелою»; но мужикъ не купитъ «Читальника», потому что увидитъ, что тамъ его учить хотять, что тамъ съ нимъ хитрятъ, и, какъ ребенокъ, пожалуй, обидится этимъ. Мужику интересны повѣсти изъ нашего быта; ему интересны рассказы о чужихъ земляхъ, объ иностранцахъ; я думаю, мужикъ съ самымъ бы большимъ удовольствіемъ сталъ читать рассказы изъ домашней жизни разныхъ королей: такъ же ли они любятъ, какъ мы; такъ же ли они чего не любятъ, и какое они кушаютъ кушанье, и какъ они разговариваютъ со своимъ кучеромъ, и что во дворцѣ министры говорятъ: все это для мужика въ миллионъ кратъ интереснѣе, чѣмъ всѣвозможныя гигиеническія и историческія свѣденія, и всѣ замысловатыя и незамысловатыя поговорки, притчи, загадки и пословицы. «Житіе святыхъ», напимѣрь, народная книга, потому что тамъ совѣтъ другой, незнакомый имъ міръ, и чтобы заохотить мужиковъ къ чтенію, надо дать имъ книгу, которая прямо отвѣчала бы имъ на интересующіе ихъ вопросы и удовлетворила бы первому ихъ любопытству. Рассказы о тропическихъ странахъ, о борьбѣ людей съ звѣрами, о тамошнихъ буряхъ, все это скорѣе поглотитъ вниманіе простолюдина, нежели *художественность поучительной мысли*. Нужно попроще, пооткровеннѣе заохотить ихъ читать; а потомъ, когда расчитаются, прочтутъ и остальное. Въ *Письмѣ про купца Калашникова*, будьте увѣрены, все ихъ вниманіе остановится на рѣчахъ царя Грознаго, а *выраженія чувства чести по отношенію къ жемъ* они и не поймутъ, они и не замѣтятъ. У нихъ у всѣхъ есть маленькое сознаніе этого. Нужно взаться за дѣло попроще; а то перехитришь и все дѣло испортишь. «Бояринъ Орша» въ этомъ дѣлѣ сильнѣй бы подѣйствовалъ; тутъ на сценѣ бояринъ: онъ знаетъ что дѣлаетъ; а *купецъ Калашниковъ* такой же мужикъ, какъ они: глупъ, неучень, оттого такъ и дѣлаетъ. Пожалуйста не считите это моими мыслями: я передаю слабости, подслушанныя

живою въ сердцахъ людей. Да на насъ теперь отчего такъ дѣйствуютъ разсказы изъ простонароднаго быта? — Мы тоже отъ времени утратили вѣру въ себя, и для провѣрки чувствъ своихъ обращаемся къ жизни простаго народа, у котораго инстинкты, можетъ быть, свѣжѣе нашихъ и менѣе искажены общественнымъ воспитаніемъ. Отъ смѣси расъ совершенствуется поколѣніе; изъ смѣси двухъ старыхъ жизней можетъ выйти новая. Открывайте свою жизнь мужикамъ и изучайте жизнь ихъ, и конечно, отъ этого будетъ ближе къ желаемому нами примиренію, ближе къ уничтоженію сословной нашей раздѣльности; но передавайте народу тайны жизни вашей во всей ихъ полнотѣ, оставляя на его выборъ худое и короее, и тогда онъ помирится съ вами, потомучто повѣритъ вамъ; иначе онъ почувствуетъ сознаваемое вами превосходство надъ вами, и будетъ послѣднее горше перваго. Нужно уважить вкусъ и любопытство народа; нужно ему дать то, что онъ проситъ, чего хочетъ онъ, и не раздражать его *статейками экономическаго содержания объ артели, трудѣ, домоводствѣ...* Если мы своихъ жонъ не можемъ еще заставить интересоваться такими статейками, то съ какого горя станутъ ихъ читать мужикъ, онъ, которому трудъ еще, быть можетъ противенъ по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ? — Пусть для него чтеніе будетъ свачала забавою, наслажденіемъ; потомъ онъ изъ него выжметъ пользу (*). Свобода! свобода на первомъ мѣстѣ! Зачѣмъ же навязывать?

Эти же самыя мысли приходили мнѣ въ голову по поводу книгъ для чтенія въ воскресныхъ школахъ. И эти же мысли приходятъ мнѣ въ голову по поводу книги для чтенія, за которую назначается премія въ 4.000 р. с. Программа этой книги самая нестѣснительная: все оставляется на произволъ автора, опредѣлено едва только приблизительно число листовъ. Но облегчить ли это автора? — Конечно. И тотъ, кто съумѣетъ обратиться въ дитя, во время составленія этой книги, тотъ напишетъ ее; но кто вздумаетъ только ребенкомъ прикинуться, тотъ пускай лучше ее и не начиняетъ! — Нуженъ сильный самостоятельный талантъ, для того, чтобы въ наше время, написать книгу для дѣтей, которая стоила бы своего назначенія, потомучто наше время увѣичить природу, и мало между нами людей правды и свѣта, которые перель нею сознаютъ свое безсиліе. Всѣ мы лѣземъ въ Прометей и хотимъ создавать челоѣка. А челоѣкъ создается-то все же самъ, и самыя жалкіе изъ насъ — нами созданные. Мы можемъ научить дѣтей повторять слова наши; мы можемъ научить дѣтей

(*) Въ скоромъ времени мы надѣемся помѣстить обстоятельный разборъ статьи г. Щербины.

говорить о любви къ наукѣ, даже заниматься ею; но научимъ ли мы ихъ любить науку? Можетъ ли горячо и скоро полюбить науку, ради какихъ бы то ни было истинъ, человѣкъ, который равнодушно глядѣлъ на восхожденіе и захожденіе солнца, который въ шестестъ листьевъ не слышалъ чего-то родимаго... Можетъ ли полюбить науку тотъ человѣкъ, у котораго въ сердцѣ не родилось самобытно ни одного вопроса, на который отвѣтила бы ему наука? — Мы можемъ дать много отвѣтовъ, но вопросы должны родиться сами; и тотъ, кто не сомнѣвается въ истинѣ даваемыхъ нами отвѣтовъ, тотъ никогда не былъ заинтересованъ ими. А кто теперь сомнѣвается въ научныхъ истинахъ? Всѣ мы принимаемъ ихъ на слово, и не многіе изъ насъ подозрѣваютъ даже, что все, данное намъ теперь наукою, есть только одна азбука, съ помощью которой будутъ читать повѣсть природы только позднѣйшія поколѣнія. Мы всѣ кажется любимъ науку, потому только, что теперь мода такая.

«Но я хочу, Санчо, сказалъ донъ-Кихоть, и это совершенно необходимо: я хочу, говорю я, чтобы ты увидѣлъ меня совершенно голымъ, безо всякой посторонней одежды, кромѣ моей собственной кожи, и посмотрѣлъ, какъ я сдѣлаю при тебѣ одну или двѣ дюжныя сумасбродствъ.»

Какъ мы смѣялись надъ этимъ бѣднымъ рыцаремъ-самозванцемъ; и вотъ мы теперь являемся новыми самозванцами-рыцарями, рыцарями науки! — Никто не почувствовалъ героя новѣйшаго времени: онъ не Обломовъ, онъ не Рудинъ; онъ тотъ же самый старшій нашъ другъ донъ-Кихоть, только помѣшанный не на рыцарствѣ, а на просвѣщеніи, и отношеніе его къ этому просвѣщенію тоже самое, что отношеніе донъ-Кихота къ настоящему рыцарству.

И вотъ на меня находитъ страхъ, что именно такой донъ-Кихоть примется пожалуй за составленіе книги для чтенія, и бѣдныя дѣти, которыя можетъ въ себѣ носить уже зародыши другой, лучшей жизни, станутъ снова сбиваться съ пути, и ошибка составителя этой книги будетъ ошибкою вѣка, потому что весь нашъ вѣкъ донъ-Кихоть науки, и насмѣшка будущаго поколѣнія не отнесется лично ни къ одному изъ насъ; а всѣхъ насъ, можетъ быть, заставитъ про себя, грустно улыбнуться въ нашихъ могилахъ. И теперь меня занимаетъ только одинъ вопросъ: донъ-Кихотомъ какой идеи явится наше грядущее поколѣніе? А что и оно будетъ дѣлать свои *экстравагантности*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. И во всемъ этомъ можетъ быть, есть очень много хорошаго, и нельзя можетъ быть обойтись безъ этого; но нельзя обойтись и безъ того, чтобы кому нибудь это не вправилось. Пусть человѣчество

бросается изъ одного сумасбродства въ другое; но пусть перемѣняется по крайней мѣрѣ свои сумасбродства, а то вѣдь пожалуй оно зайдетъ такъ далеко, что и вернуться не будетъ никакой возможности. Что же ему на одной-то идеѣ прокисать? Пора чего-нибудь новенькаго. Впрочемъ жизнь всегда идетъ своимъ путемъ; всегда въ ней есть что-то роковое, что позволяетъ тысячи уклоненій, но что все же не даетъ совершенно ей уклониться отъ ея рокового направленія; и все то, что думаетъ создавать ей новыя цѣли, что думаетъ указывать ей дорогу, совершенно похоже на стаю собакъ, суетящихся около экипажа, въ которомъ ѣдетъ хозяинъ ихъ, и пусть онѣ забѣгаютъ впередъ, отбѣгаютъ въ стороны, хозяинъ сидитъ въ своей бричкѣ и не сворачиваетъ съ дороги, а онѣ же, увидавъ наконецъ, что отстали отъ него, прибѣгутъ къ нему запыхавшіяся и перепуганныя. Такъ идетъ жизнь, и такъ идетъ все въ нашемъ мѣрѣ. Я вошелъ однажды въ воскресную школу и увидалъ, что одинъ маленькій затрапезный халатъ пишетъ сочиненіе. Вотъ оно :

«Андрей Кочаровъ.»

«9 число апрѣля мѣсяца; великій постъ, воскресенье; день теплый, весна красная. Вставши поутру, умылся, Богу помолился; пришедши къ сосѣдкѣ, письмо написалъ; потомъ пошелъ я прогулялся и потомъ собрался въ школу. Пришедши къ вамъ, я поклонился, и читалъ басни Крылова.»

Потомъ, черезъ нѣсколько времени, вошелъ я въ женской школъ слѣдующее, позабытое на столѣ сочиненіе :

«Я была въ гостяхъ у моей мамаша крестной; потомъ пришла домой и пошла на качели. Когда я одѣвалась къ заутренѣ, въ Свѣтлое воскресенье, я одѣла бѣлое тюлевое платье, съ розовымъ кушакомъ; волосы мои были завиты. Когда я пришла домой, я разговлялась. Потомъ мы въ часъ поѣхали къ тетенькѣ христосоваться. Она мнѣ подарила сахарное ничко. Потомъ я играла въ куклы. Въ четвергъ я поѣхала въ балаганъ, въ пантомиму Берга; мнѣ не понравилось представленіе. Въ субботу я читала книгу. Вечеромъ я пошла ко всенощной, ко Введенію.»

И ничего не посмѣлъ измѣнить въ этихъ двухъ документахъ, кромѣ грамматическихъ ошибокъ, которыхъ было много, но которыя не ведутъ къ дѣлу. Авторъ перваго сочиненія, Андрей Кочаровъ, слесарный ученикъ, 13—14 лѣтъ, маленькій, миловидный мальчуганъ, съ запачканнымъ въ сажѣ лицомъ и умными, бойкими глазами. Когда я прочелъ ему Лермонтова «Ангелія», онъ тотчасъ вытащилъ листъ бумаги, и просилъ меня продиктовать ему. И когда я, исполнивъ его просьбу, спросилъ :

— Отчего же душа все скучала на сабѣ-то?

— А затѣмъ, отвѣчалъ онъ: — что ей Ангелъ ужь такія пѣль пѣсни жалостныя.

Авторъ второго сочиненія мнѣ не извѣстенъ. Но все равно, черезъ три милліона, триста тридцать три тысячи, триста тридцать три года, чистая, женская молодая душа и чистая, молодая мужская душа выразятся также точно, какъ выразились два мои сочинителя; и онъ будетъ любоваться весной красной, сосѣдкѣ письмо писать и помнить, какую онъ читалъ книгу; а она читать книгу, играть въ куклы, и ясно и четко помнить, какое на ней было платье, и какъ были причесаны ея волосы. И именно эти два обстоятельства помогутъ имъ постоянно интересоваться одинъ другимъ, и постоянно любить другъ друга. И природа поможетъ женщинѣ остаться всегда женщиною, какъ бы она ни была высоко образована, хотя нынче есть много господъ, желающихъ заставить женщину дрова рубить и на мужскомъ сѣдлѣ верхомъ ѣздить. И милліоны милліоновъ разъ измѣнится взглядъ человѣка на природу, но никогда природа не измѣнитъ никакихъ началъ своихъ.

И все нынѣшнее смятеніе пройдетъ, и вѣроятно наши внуки не услышатъ отъ женщинъ жалобъ въ родѣ той, которую я слышалъ недавно отъ одной дамы, занимающейся препарированіемъ труповъ въ здѣшней медицинской академіи:

— Вся разница между мужчиной и женщиной, говорила она, — состоитъ только въ большемъ количествѣ жиру у женщины; а это происходитъ отъ того, что мужчины злонамѣренно избавляютъ насъ отъ тяжелыхъ работъ, для того, чтобы обезсидить насъ и завладѣть нами!

— И еще между ними то различіе, что мужчина никогда бы не сдѣлалъ такого важнаго открытія, сказалъ я моему профессору.

II

ОТВѢТЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

Прежде всего мы рѣшаемся сдѣлать одно признаніе, которое, можетъ быть, удивитъ «Русскій Вѣстникъ.» Именно: мы получили его книжку за день до выхода нашей. Прочтя его злую статью противъ насъ, мы наскоро успѣли сдѣлать одну замѣтку въ смѣси нашего журнала. Въ этой замѣткѣ, увѣдомивъ нашихъ читателей, что «Русскій Вѣстникъ» до того ужъ разсердился, что потерялъ всякое хладнокровіе, всякую возможность владѣть собой, мы упомянули, что будемъ отвѣчать ему тогда, когда онъ успокоится и хоть нѣсколько придетъ въ себя. Замѣтка наша была написана рѣзко, заносчиво, — соглашаемся въ этомъ. Прошло нѣсколько дней, и мы раскаялись: намъ показалось, что мы сами вышли изъ себя, что еслибъ даже мы были не согласны съ убѣжденіями противниковъ, то все-таки должны уважать всякое честное и серьезное убѣжденіе, каково бы оно ни было. «Русскій Вѣстникъ» нашими выраженіями могъ обидѣться, да и передъ публикой мы какъ будто рекомендовали себя за людей, не умѣющихъ спорить и съ достоинствомъ отстаивать свое мнѣніе. Еслибъ «Русскій Вѣстникъ» могъ намъ повѣрить, то конечно онъ удивился бы такому признанію.

Но мы увѣрены, что онъ не только намъ не повѣритъ, но даже не *можетъ* повѣрить. Такое раскаяніе во *всякомъ* случаѣ должно казаться ему слишкомъ смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мы рѣшились извиниться; но неотлагая намѣренія отвѣчать на его статью, мы перечели ее снова.

Каково же было изумленіе наше, когда мы увидѣли, что вторичное, спокойное чтеніе ея еще усилило въ насъ наше чувство негодованія. Намъ показалась она не только злою и заносчивою въ высшей степени, — она показалась намъ дурнымъ поступкомъ со стороны «Русскаго Вѣстника». Кромѣ того мы увидѣли, что въ ней

столько самой крупной невѣжливости, столько самой мелочной нетерпимости, столько неуваженія къ личности другихъ, что прежняя замѣтка наша намъ показала даже слишкомъ вѣжною. По крайней мѣрѣ, мы уже не обвиняли себя болѣе въ томъ, что свое личное оскорбленіе приняли за негодованіе противъ взглядовъ враждебной намъ статьи. Да это мнѣніе было самое естественное негодованіе противъ направленія статьи, а не эгоистическое чувство. И потому мы не только не желаемъ отказываться отъ нашей замѣтки, но даже хотимъ подкрѣпить ее доказательствами и тѣмъ оправдать себя передъ публикой въ нашей кажущейся заносчивости.

Прежде всего надо объяснить съ чего началась вся исторія. «Русскій Вѣстникъ» былъ крайне обиженъ и ужасно разсердился за юмористическую статью нашу, въ мартовской книгѣ «Времени» подъ названіемъ: «Свистокъ и Русскій Вѣстникъ», — онъ обидѣлся до скрежета зубовъ: въ противномъ случаѣ не обрушился бы онъ на насъ такою громовою и, главное, длиннѣйшею статьей, — онъ, молчавшій пять лѣтъ и доселѣ едва замѣчавшій своихъ противниковъ, разумѣется изъ презрѣнія къ нимъ. Въ нашей статейкѣ мы, видите ли, осмѣлились подивиться, что «Русскій Вѣстникъ» придастъ слишкомъ большое значеніе «Свистку» «Современника», до того, что даже боится за будущность всей Россіи. Скажите: какъ можно было не смѣяться надъ такимъ преувеличеніемъ, тѣмъ болѣе, что самая комическая сторона его было оскорбленное самолюбіе? Въ этомъ промахѣ «Русскаго Вѣстника» выразилось самое наивное самолюбіе и самымъ наивнѣйшимъ образомъ: онъ до того себя возвеличилъ въ собственныхъ самодовольныхъ мечтахъ и грезахъ о самомъ себѣ, что уже невольно, безсознательно придалъ и противнику своему необыкновенные размѣры, вѣроятно соображая, что противникъ «Русскаго Вѣстника» не можетъ быть не значительный. Такъ, когда подыскиваютъ партію въ преферансъ какому нибудь мандарину съ золотымъ шарикомъ, то непременно подбираютъ приличныхъ его мандаринскому значенію партнеровъ. «Русскій Вѣстникъ» теперь отговаривается и хочетъ увѣрить насъ, что мы преувеличили и исказили смыслъ его статьи о «Свисткѣ» и что онъ будто бы вовсе не по поводу «Свистка» грозилъ намъ всемірной исторіей. Можетъ быть «Русскій Вѣстникъ» и правъ; разумѣется трудно представить себѣ такую нелѣпую самонадѣянность, выраженную въ такой художественной полнотѣ; мы готовы теперь вѣрить объясненію «Русскаго Вѣстника», и говоримъ это совершенно искренно. Но однакожь прочтите его статью, (№ 2 за этотъ годъ). Тамъ буквально, слово въ слово напечатано такъ, какъ мы представили въ нашей статьѣ «Свистокъ и Русскій Вѣстникъ». Можно спра-

витья: дѣло на лицо. Чтобъ зацѣпить и узвѣить насъ, «Русскій Вѣстникъ» предполагаетъ, что мы будто бы обидѣлись его статьей и приняли его выходку противъ «Свистна» «Современника» на свой счетъ. Мы увѣряемъ почтенное изданіе, что мы на свой счетъ ничего не принимали; въ статьѣ его не было никакого, даже отдаленнѣйшаго намека на насъ. А еслибъ даже мы и завели у себя отдѣлъ подъ названіемъ «Свистокъ», то опять-таки увѣряемъ почтенное, но враждебное намъ изданіе, что и тогда не обидѣлись бы его выходками противъ нашего «Свистка». Написали же мы нашу статью просто смотря со стороны на грознаго литературнаго бойца, протрубившаго еще въ началѣ года съ олимпійскимъ величіемъ о томъ, что онъ «идеть, идеть! Внимайте, трепещите и покоряйтесь» и вдругъ споткнувшася на простомъ «Свисткѣ».

Была у насъ и еще причина для нашей статьи, и, пожалуй, мы ее выскажемъ:

Дѣло въ томъ, что вы, «Русскій Вѣстникъ», толкующій о приличіяхъ, читающій намъ на цѣлыхъ страницахъ правила мудрости, до того сами не воздержны и задорны, что не терпите ни малѣйшаго противорѣчія, когда дѣло дойдетъ до васъ. Пять лѣтъ величаво молчали вы, хотя впрочемъ, изрѣдка и поскрипывали зубками, и вдругъ прорвались. Вы хотѣли поставить себя сначала въ благородное положеніе и презрительно смотрѣли на ругающіеся между собою журналы, но не выдержали и сами пустились въ ругательства, да еще въ какія! Такихъ давно не бывало. А между тѣмъ; мы ждали отъ васъ совсѣмъ другого, признаемся въ этомъ искренно и правдиво. Мы сами пять лѣтъ тому назадъ, встрѣтили вашъ журналъ съ радостью и надеждами и не говорите намъ, что мы будто бы глумились надъ г. Громекой и хотѣли имя его превратить въ собрикетъ. Если мы сказали, что читали статьи г. Громеки съ надеждами и удовольствіемъ, то сказали истинную правду; опять таки увѣряемъ, что говоримъ это искренно. Тогда вновь былъ этотъ раздавшійся вдругъ по всей Россіи горячій говоръ о новыхъ дѣлахъ и новыхъ вопросахъ. Какъ будто всѣ вдругъ объ чемъ-то догадались, что-то увидѣли новое, вострепнулись, ободрились и помолодѣли. О, съ какими надеждами мы васъ тогда встрѣтили! Помню я это время, помню! Надо отдать справедливость и вашему журналу; впрочемъ онъ и теперь, по нѣкоторымъ отдѣламъ своимъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Но время прошло, и намъ все болѣе и болѣе стало не нравиться направленіе его. Въ немъ все болѣе и болѣе проявлялась какая-то ограниченная самонадѣянность, безграничное самодовольство, жажда воскурений и поклоненій. Мы сказали уже разъ, что отъ вашего журнала повѣло

такимъ пальмерстонствомъ, кавурствомъ. Слово *кавурство* тутъ вовсе не означало Кавура. Этимъ названіемъ мы хотѣли только выразить все это мелкое самоуиреніе, эту кичливость, юпитерское величіе, дѣтскую раздражительность. Намъ напримѣръ казалось, что вы до того упоены усльхомъ прекраснаго политическаго отдѣла въ вѣшемъ журналѣ, что воображаете себя дѣйствительно при мѣстѣ, живете въ сладкихъ мечтахъ и до того довольны ими, что даже и не желаете ничего лучшаго, даже готовы отказаться отъ всего лучшаго; почему это мы назвали: «кавурствомъ» право не можемъ вамъ дать полнаго отчета, имонно не можемъ; надъ всякой же мечтою о лучшемъ вы величаво улыбались и наконецъ стали называть несогласныхъ съ вами мальчишками и крикунами, тогда какъ сами проповѣдуете при всякомъ удобномъ случаѣ объ уваженіи къ чужому мнѣнію, было бы только оно често и проч. и проч. Съ высоты своего величія вы не захотѣли наконецъ даже признать возможности честнаго убѣжденія въ этикъ «крикунахъ и мальчишкахъ.» Всякой мелочи, касающейся васъ, вы придаете размѣры колоссальныя, историческія. Вы жолчно завидуете Бѣльскому, и нѣсколько разъ намекали, что онъ невѣжда и крикунъ, и даже недавно были въ восторгѣ отъ стихотворенія, въ которомъ его хотѣли сѣчь, — розгой эпиграммъ, разумѣется. Но главное, мы ждали отъ васъ новаго слова и ничего не дождались, кромѣ долго сдерживаемой и вдругъ вырвавшейся злости и жолчи, дошедшей наконецъ до самой цинической откровенности. Докажите же это все! — скажете вы намъ въ негодкованіи. Прочтите нашу статью до конца, — отвѣчаемъ мы, и можетъ быть вы догадаетесь, почему мы составили о васъ такое мнѣніе. По крайней мѣрѣ мы намѣрены быть вполне откровенными.

Свиста вы очень не любите и конечно, кто можетъ поставить вамъ это въ упрекъ? Вы считаете свистъ постыльнымъ, *последнимъ дѣломъ* и кажется ошибаетесь; мы сказали прежде, что «Свистокъ» былъ бы для васъ даже полезенъ. По крайней мѣрѣ; мы находимъ въ немъ нѣсколько болѣе мысли, чѣмъ въ иныхъ правотученіяхъ и напримѣръ хоть въ вашей жолчи. Впрочемъ въ припадкахъ жолчи, вы даже иногда рѣшаетесь подражать ему, но благообіиіе ваше мѣшаетъ вамъ смѣяться искренно и простоудшно, и у васъ это какъ-то не хорошо выходитъ. Мы вовсе не увлечены свистицимъ направленіемъ «Современника». Свистъ его иногда чрезвычайно легкомысленъ и даже пристрастенъ, такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется. Но все-таки повторяемъ, мы находимъ его во многомъ полезнымъ. «Свистокъ», по нашему даже отчасти нормальное явленіе въ нашей литературѣ. Онъ не хочетъ утѣшать себя пожеланіями и разными пріятными грезами. Отъ дѣтостей онъ требуетъ

дѣтельности, а не тупого самодовольства. Онъ хочетъ называть каждую вещь ея собственнымъ, настоящимъ именемъ, а не принимать журавля за соловья. «Свястунъ» не считаютъ, напримѣръ, что ужь и того довольно, если они сдѣлаютъ честь литературѣ своимъ въ ней участіемъ. Видя, что невозможно называть каждую вещь по имени, они предпочитаютъ иногда посвистать, т. е. доходить надъ самодовольными болтунами, надъ скороудовлетворяющимися дѣтелями, надъ пошлымъ буквоѣдствомъ, надъ литературнымъ чинобѣсіемъ и проч. и проч. Пусть они иногда неправы, далеко заходятъ, опрометчивы, неумѣренны. Но мысль ихъ недурна. Она нова въ нашей литературѣ. Это наша Диогенова бочка, и держатъ они себя въ ней довольно стойко и самостоятельно. Можетъ быть мы преувеличиваемъ, поэтизируемъ значеніе этого смѣха, но намъ было бы очень непріятно въ этомъ случаѣ ошибиться...

Конечно, мы понимаемъ и вашу мысль; вы видите кругомъ себя хаосъ и хотите хоть за что-нибудь уцѣпиться. Вы хотите успокоить себя и знать за что держаться. Вы требуете подъ собой почвы и еслибъ вы знали, какъ искренно мы вамъ готовы сочувствовать! Но если вы обвиняете другихъ въ крайности, въ выходѣ изъ мѣры, въ хаотичности, то вѣдь вы и сами изъ мѣрки выскакиваете. Вамъ хочется что-то создать, слѣпить, не смотря даже на непрочность и негодность матеріала. Вы хотите настойчиво увѣрить насъ и даже себя, что *вашъ* матеріалъ годенъ и не видите, что все это грезы, и то, что вы хотите слѣпить — не слѣпится. Вы не замѣчаете, что для своей идеи вы жертвуете даже правдой, даже убѣжденіями своими и ставите себя идоломъ. У васъ повелѣнъ все выходить какъ-то видимо, безжизненно. Вы ищите жизни, а у васъ нѣтъ ни надежды, ни молодости. Тутъ еще замѣшалось упрямство. Вы напримѣръ не можете простить всѣмъ увлекающимся и ошибающимся и съ презрѣніемъ на нихъ смотрите. Презрѣніе это доходитъ у васъ до того, что вы считаете ихъ всѣхъ сплошь мальчишками и крикунами, даже не вѣрите, что въ этихъ крикунахъ можетъ быть иногда честное, сурово-честное убѣжденіе. А ужь это слишкомъ цинично, даже грязновато. Вы только любите однихъ безгрѣшныхъ, а безгрѣшнымъ считаете кажется только себя. Боязнь же ошибиться и обидчивость ваша показываетъ даже какое-то старчество. Но къ дѣлу:

Всѣмъ извѣстенъ вопросъ, возникшій въ началѣ года въ нашей литературѣ, по поводу оскорбленія одной дамы, такъ называемымъ «безобразнымъ поступкомъ «Вѣка». Этотъ вопросъ до того, наконецъ, надобѣлъ всѣмъ и каждому, что о немъ даже говорить теперь боятся печатно; и даже до того, что журналы готовы стыдиться другъ

друга за участіе въ этомъ вопросѣ. Сознаемся откровенно: мы тоже увлеклись этимъ вопросомъ и даже напечатали о немъ двѣ статьи, — одну отъ редакціи, а другую, доставленную намъ со стороны. «Русскій Вѣстникъ» между прочимъ ставитъ намъ это въ большой стыдъ. Мы дѣйствительно показали мало литературной ловкости, слишкомъ разгорячились, но особеннаго стыда въ этомъ не видимъ никакого. Намъ хотѣлось заступиться за жестоко-обиженную женщину и показать, что не вся литература раздѣляетъ мнѣнія обидчика. Мы представляемъ на видъ всѣмъ негодующимъ, на излишнюю горячность нашу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «Русскому Вѣстнику» слѣдующее обстоятельство: что еслибъ напрямѣръ они сами были такимъ образомъ семейно и всенародно обижены? Вѣроятно обличительныя статьи противъ обидчика не показались бы имъ тогда слишкомъ длинными. Впрочемъ, успокоимъ нашихъ читателей: мы вовсе не хотимъ прикасаться теперь къ этому вопросу; но «Русскій Вѣстникъ», — послѣдній говорившій о немъ, — высказалъ при этомъ такіа неожиданныя мнѣнія, что ихъ нельзя не поднять и не представить въ настоящемъ видѣ. Онъ выказалъ по этому поводу настоящій характеръ своего направленія и выяснилъ самого себя. Прежній вопросъ принимаетъ стало быть теперь совершенно другое значеніе. Дѣло въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ», покаместъ дѣло шло между мальчишками и крикунами, величаво молчалъ и только посмѣивался. Наконецъ, когда дѣло дошло до смѣшного, рѣшился ввязаться въ него и вымолвить окончательное, мудрое, безапелляціонное слово, долженствовавшее разрѣшить всѣ недоумѣнія разомъ. Разумѣется, онъ обрушился всѣмъ гнѣвомъ и сарказмомъ своимъ прежде всего на насъ я, признаемся искренно, чрезвычайно ловко приступилъ къ дѣлу. Онъ даже обнаружилъ при этомъ необыкновенную практичность и пониманіе дѣйствительности. Для этого онъ употребилъ старый способъ, старый какъ весь міръ и кромѣ того чрезвычайно пошлый, даже зазорный, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно выгодный, разумѣется для человѣка не слишкомъ разборчиваго въ средствахъ. Вѣдь всякая дорога хороша, если только ведетъ къ цѣли, сказалъ какой-то практической мудрецъ нашего времени. «Русскій Вѣстникъ» началъ съ того, что объявилъ насъ «эманципаторами» и сталъ насъ дразнить и стыдить этимъ прозвищемъ. Дѣло ловкое: это значило польстить большинству и такимъ образомъ расположить его въ свою пользу и, опираясь на него, подавить противника. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается. Во всякомъ обществѣ съ начала міра всегда есть огромное большинство людей, стоящихъ за то, что по ихъ понятіямъ незыблемо и неподвижно. Эту незыблемость и неподвижность они любятъ преимущественно за то, что она совпадаетъ съ

ихъ матеріальными текущими интересами, часто въ ущербъ остальнымъ и многочислѣннѣйшимъ ихъ собратьямъ, и для нихъ хоть весь свѣтъ гори, было бы имъ хорошо. Въ интересахъ своихъ они составляютъ себѣ и нравственность и другія правила, обыкновенно извѣвъ первоначальную, праведную идею и для собственныхъ выгодъ извративъ ее до того, что отъ первоначальной сущности ея не остается даже и тѣни. Разумѣется, это большинство съ ненавистью смотритъ на всякій намекъ о прогрессѣ, на всякое нововведеніе, откуда бы оно ни шло; — явленіе впрочемъ нормальное и происходящее отъ потребности самосохраненія. Рядомъ съ этой, наибольшей частью общества, всегда есть и меньшинство, которое съ огорченіемъ смотритъ на неподвижность большинства, на его озлобленную тупость, на нерасчетъ въ пониманіи своихъ собственныхъ выгодъ, на извращеніе всѣхъ естественныхъ и правднѣйшихъ идей въ угоду грубымъ интересамъ, а главное, на извратителей угодниковъ и оболстителей толпы, дѣйствующихъ почти всегда изъ собственной личной выгоды. Въ этомъ меньшинствѣ таятся прогрессивныя, жизненныя силы въ противоположность застою всего общества. И та и другая сторона сами по себѣ законны и даже необходимы одна другой. Но ненависть и борьба между ними непрерывны. А между тѣмъ въ обонхъ лагеряхъ бываютъ почти всегда люди честные и высокихъ нравственныхъ качествъ. Между меньшинствомъ являются иногда люди гениальные; кромѣ того, всегда есть люди честные, прямые, готовые всѣмъ пожертвовать для блага общества и стойчески переносить всевозможныя гоненія. Но рядомъ съ ними существуютъ мальчишки и крикуны. Они суетятся, забѣгаютъ впередъ, исповѣдуютъ новую идею до крайностей, бездарно и грубо схватываютъ одни только ея верхушки, и они-то наиболѣе вредятъ всякой новой идеѣ, опошлявая ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства. Эти крикуны неизбѣжны; они существовали вездѣ и всегда, во всѣ времена и во всѣхъ народахъ, и существуютъ тоже по какому-то неизбѣжному закону природы. А между тѣмъ, какъ ни смѣшны эти крикуны, изъ числа ихъ бываетъ много людей често и благородно преданныхъ дѣлу. Да и вообще между людьми гораздо болѣе честныхъ и благородныхъ, чѣмъ подлецовъ. Прозорливый человѣкъ никогда не будетъ судить по этимъ крикунамъ о стойкости и истинности какой нибудь новой прогрессивной идеи, проповѣдуемой въ избранномъ меньшинствѣ общества лучшими его представителями. Но тѣ, которые лѣстятъ большинству изъ выгоды, немедленно подхватываютъ смѣшную сторону крикуновъ, указываютъ и растолковываютъ ее всѣмъ желающимъ слушать ихъ: ума тутъ много не нужно; надо только глу-

митесь, а иногда и поклеветать и дѣло въ шляпѣ. Поклеветать же необходимо. Выдуманъ напримѣръ громоотводъ: всѣ въ городѣ приходятъ въ смятеніе; какъ? идти противъ судьбъ Божіихъ, прятаться отъ его гнѣва, усмирить молнію, управлять громами — да вѣдь это новая вавилонская башня, да вѣдь это безнравственно, нерелигіозно, это значить прямо идти противъ Всевышняго, навлечь на себя гнѣвъ Господень. Въ тюрьму изобрѣтателя, судить его, казнить! Тутъ сейчасъ являются и услужливые: молнію хочетъ поймать за хвостъ, ха, ха, ха! и всѣ смѣются. И вотъ изобрѣтателю проходу нѣтъ въ городѣ. Клеветать, извращать идею и грубо насмѣхаться надъ нею, — это главное средство всѣхъ льстецовъ большинства. Жоржъ Зандъ напримѣръ пишетъ романы и защищаетъ женщинъ, — чего медлить? Надо тотчасъ же провозгласить, что она требуетъ уничтоженія брака и позволенія женщинамъ всенародно развратничать. Да побольше, да лучше глумиться надъ ней, карикатурить ее, чѣмъ грубѣе — тѣмъ лучше; тѣмъ больше будутъ смѣяться! Помню я, какъ у насъ Жоржъ Зандъ называли Егоромъ Зандомъ, а Барбеса — балбесомъ. Боже мой, какъ эти остроты казались тогда смѣшными и какъ имъ смѣялись! Это глумленіе чрезвычайно ловко и выгодно для всѣхъ «умѣющихъ разрѣшать загадку жизни». Они имѣютъ вліяніе даже на честнѣйшихъ людей, незнакомыхъ съ дѣломъ, отбивая у нихъ своими клеветами и смѣхомъ даже и охоту съ нимъ знакомиться.

Къ этому способу обыкновенно прибѣгалъ Фаддей Булгаринъ съ компаніею. Помню тоже какъ на театрѣ глумились у насъ надъ прогрессомъ и тогдашними современными идеями. Вилѣлъ я тогда одинъ водевилъ; въ немъ представленъ былъ почтенный коллежскій совѣтникъ, выдававшій дочь свою за офицера. Само собою разумѣется, что добродѣтели этого коллежскаго совѣтника были неисчислимы, тѣмъ болѣе, что онъ непрерывно прикладывалъ къ глазамъ платокъ и о чемъ-то плакалъ. Офицеръ съ своей стороны гремялъ шпорами и сіялъ совершенствами.

Наконецъ дѣвица, невѣста и дочь коллежскаго совѣтника, должна была обозначать собою воплощеніе невинности. Но изъ числа претендентовъ на ея руку, выставленъ былъ на-смѣхъ и на позоръ публикѣ нѣкто *Vissarionъ* Вихляевъ; имя *Vissarionъ* сильно намекало на одно изъ дѣйствующихъ лицъ тогдашней литературы. Этому *Vissarionу* предназначено было изображать собою новѣйшее направленіе. Жаль, что я забылъ сюжетъ водевиля. Несчастный *Vissarionъ* вралъ безъ милосердія и несъ такую дичь, что публика покатывалась со смѣху. Онъ говорилъ непрерывно, ни къ селу ни къ городу, объ эманципаціи, о прогрессѣ и

обскурантизмъ; говорилъ все иностранными словами, еще не вошедшими въ составъ русскаго языка. Изъяснялся темно и глупо, однимъ словомъ совершенно философски. Въ концѣ водевидомъ, помнитса, началъ красть платки изъ кармановъ. Его трасли за шиворотъ, давали ему въ носъ щелчки, при чемъ особенно отличался офицеръ, били *во всю мьста*, — и въ райкѣ ужасно смѣялись. Разумѣется, чѣмъ больше кралъ Виссаріонъ платковъ, тѣмъ ярче и ярче обозначалось скромное величіе и добродѣтели коллежскаго совѣтника. Этотъ способъ оплеванія, осмѣянія и даже заушенія прекрасенъ. Главное — удобенъ и выгоденъ. Тотчасъ же можно собрать толпу, которая, окруживъ преступника, будетъ высовывать ему языкъ, плясать перелъ нимъ на одной ножкѣ, показывать ему шиши и кричать: «у-у! эманципаторъ! эманципаторъ! смотрите, эманципаторъ плеть! хочеть понравиться дамскому полу; ишь начулей надушился, обольстителъ, ловласть, эманципаторъ!» Вотъ къ этому-то самому торному и удобному способу прибѣгнулъ относительно насъ и «Русскій Вѣстникъ», провозгласивъ и насъ эманципаторами, чтобъ сразу однимъ ударомъ оглушить насъ и представить насъ всѣмъ благомыслящимъ людямъ въ самомъ худшемъ и неблагородномъ видѣ. Эманципаторами онъ назвалъ насъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія. Если мы и отговариваемся отъ этого названія, то вовсе не потому, чтобъ мы боялись его, а просто потому, что мы въ журналѣ нашемъ не успѣли еще ничего сказать объ этомъ вопросѣ. Въ обѣихъ статьяхъ нашихъ по поводу извѣстнаго вопроса, мы тоже не заявили нашего мнѣнія объ эманципаціи. Просто «Русскому Вѣстнику» показалась ловкою старинная уловка прежнихъ оитъ, и онъ употребилъ ее для нашего разгромленія. Впрочемъ ужь не выводитъ ли «Русскій Вѣстникъ» нашего участія въ эманципаціи изъ того, что мы соглашаемся, что въ романахъ Дюма-фиса и во французскихъ водевиллахъ чрезвычайно много салднаго, цинически-обнажоннаго, грубо извращеннаго, и что читать и смотрѣть ихъ несравненно опаснѣе, чѣмъ слушать «Египетскія цочы»? Не изъ того ли наконецъ, что мы находимъ безнравственными свадьбы молодыхъ дѣвушекъ съ сладострастными и богатецькими старичками; что мы находимъ эту продажу тѣла, совершаемую во имя нравственности и покорности, покрайнѣй мѣрѣ также безнравственною и позорною, какъ и всякую другую продажу тѣла. Конечно, и въ этомъ случаѣ часто виновата не бѣлая жертва, а ея малачи. И такъ за эти-то мнѣнія «Русскій Вѣстникъ» насъ называетъ эманципаторами и всенародно стыдитъ этимъ названіемъ? Но позвольте же наконецъ спросить, что же вы называете эманци-

паціей? Въ этихъ спорахъ надо сначала уговориться, согласиться между собою въ основныхъ мнѣніяхъ, чтобы потомъ понимать другъ друга. Если подъ эманципаціей вы разумѣете право всякой женщины ставить своему мужу, при всякомъ удобномъ случаѣ рога, то разумѣется вы правы, въ вашей ненависти къ эманципаціи. Но мы никогда и не разумѣли такъ эманципацію. Пусть разумѣютъ ее другіе какъ хотятъ, но для насъ, то есть собственно для насъ, вся эманципація сводится къ христіанскому человѣколюбію, къ просвѣщенію себя во имя любви другъ къ другу — любви, которой имѣетъ право требовать себѣ и женщина. По нашему весь вопросъ объ эманципаціи сводится на обыкновенный и всеглашій вопросъ о прогрессѣ и развитіи. Чѣмъ правильнѣе разовьется общество, тѣмъ оно будетъ нормальнѣе, тѣмъ ближе подойдетъ къ идеалу гуманности и отношенія наши къ женщинѣмъ опредѣлятся сами собою безо всякихъ предварительныхъ проэктовъ и утопій. Тѣмъ не менѣе, заниматься этимъ вопросомъ, представлять обществу на видъ о необходимости болѣе человѣколюбивыхъ отношеній къ женщинѣмъ, даже устраивать эти отношенія въ теоріи (хотя бы иногда и ошибочно) мы считаемъ чрезвычайно полезнымъ. Ошибку въ фальшь не ставятъ, еслибъ даже и была ошибка; по-крайней-мѣрѣ эманципаторы подвигнуты были началами человѣколюбія и достойны сочувствія и уваженія. Педантъ же, сидящій въ своемъ кабинетѣ и ожидающій, что развитіе, прогрессъ, гуманность упадутъ къ нему съ неба совершенно готовыми, безъ исторической жизни, безъ усилій, безъ увлеченій и ошибокъ, которыя онъ грубо и слѣпо презираетъ, по нашему есть равнодушный лѣнтяй, потерявшій свой здравый смыслъ. Итакъ, вотъ что мы разумѣемъ подъ словомъ эманципація, и имѣетъ съ тѣмъ признаемъ, что теперь пришло наконецъ то время, когда женщина можетъ и имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія и въ-котораго, по-крайней-мѣрѣ правственнаго равенства правъ съ мужчиною.

Права женщины! «Но кто же отнималъ эти права, восклицаетъ «Русскій Вѣстникъ», и затѣмъ пускается въ разсужденія, что въ гражданскомъ отношеніи она, именнѣ у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ, не подлежитъ опеки, совершенно самостоятельна и проч. — однимъ словомъ прибѣгаетъ къ законамъ. Послушайте, «Русскій Вѣстникъ», неужели вы думаете увѣрить насъ, что объ этомъ свидѣтельствѣ законовъ, вы говорите серьезно, а не для толпы? Неужели вы думаете, что мы повѣримъ, что вы сами, говоря это, вѣрите словамъ своимъ? Вамъ именнѣ хочется только успѣха въ толпѣ для верха въ спорѣ, а не для истины; вамъ только хочется добиться того, чтобы въ толпѣ закричали: «Вишь какой моло-

дець! тотчасъ разбилъ, по законамъ доказалъ; юристъ-дескать! такъ изъ и надо!» Этихъ мнѣній, этихъ криковъ вамъ хочется? Ну, кого вы морочите? Развѣ о законахъ тутъ идетъ дѣло? Дѣло о нашихъ домашнихъ нравахъ, о нашихъ обычаяхъ, о принятыхъ правилахъ и вѣрованіяхъ. Читали вы «Семейную хроникку»? помните тамъ, какъ жена Багрова цѣлый годъ прикладывала къ головѣ своей пластырь? Ха-ха-ха! восклицаете вы, вѣдь это было восемьдесятъ лѣтъ назадъ; теперь ужь не бытъ женщинъ. Ну да, вы совершенно правы; мы ошиблись; теперь не бьютъ женщинъ. «Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ, но неужели жъ женщина этого хочетъ? Неужели жъ это ей нужно?» восклицаете вы. Bravo! Оаддей Булгаринъ не сказалъ бы лучше. Зато смотрите какой успѣхъ: ха-ха-ха! кричатъ кругомъ: амазонскіе полки, департаменты! ха, ха, ха! молодець «Русскій Вѣстникъ», молодець, выдумаетъ же!» Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, женщина у насъ не требуетъ вступленія въ амазонскіе полки и департаменты; объ этомъ теперь и рѣчи нѣтъ. Но вотъ чего она можетъ и имѣетъ право требовать: чтобъ не смѣли ее обижать за ошибочный ея поступокъ опубликованіемъ въ газетахъ *безъ всякаго основанія и правды*, что у этой женщины должны быть свои грязныя тайны.

«Вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ», продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ». Съ своей стороны мы хотимъ ему рассказать одинъ коротенькій анекдотъ. Въ этомъ номерѣ нашего журнала мы печатаемъ подробнѣйшее изложеніе извѣстнаго процесса госпожи Лафаржъ, обвиненной, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, въ отравленіи своего мужа. Впрочемъ, это не одно только наше мнѣніе. Судъ, разбирая и обсуживая отношенія г-жи Лафаржъ къ ея покойному мужу, набрелъ между прочимъ на слѣдующій случай: что мосье Лафаржъ, женившись на мадамъ Лафаржъ, повезъ ее къ себѣ въ помѣстье. Это было спустя только нѣсколько дней послѣ свадьбы. По дорогѣ, на станціи, г-жа Лафаржъ потребовала себѣ ванну. Когда она сидѣла въ ваннѣ, мужъ началъ стучаться въ дверь и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ ему отворили. Жена отвѣчала ему сквозь затворенную дверь, что она свадитъ въ ваннѣ и не можетъ принять его; но мужъ продолжалъ настаивать, чтобъ его впустили. Судьи, жюри и публика рѣшили, что мосье Лафаржъ былъ мужъ, а въ качествѣ мужа имѣлъ *полное право* требовать, чтобъ его впустили. Не будемъ прибавлять никакихъ объясненій къ этому анекдоту. Но, скажете вы, это только частный случай; да, отвѣчаемъ мы; но рѣшеніе судей, жюри и всей публики нельзя

считать за частный случай, а напротив за полное выражение нравовъ большинства въ образованнѣйшей націи Европы, въ которой «вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинамъ» и проч. и проч. Вѣка рыцарства! ну, кого вы морочите? Впрочемъ можетъ быть «Русскій Вѣстникъ» тоже согласенъ съ мнѣніемъ большинства образованнѣйшей націи и находить, что мосье Лафаржъ, какъ мужъ, имѣлъ право требовать, чтобъ его впустили. По крайней мѣрѣ онъ какъ кнотомъ рѣзнулъ, по вопросу о женщинахъ:

«Какихъ еще правъ ей надобно?»

Это «какихъ еще правъ ..» достойно самого забористаго субботнаго фельетона блаженной памяти Фаддея Булгарина! излцно и превосходно!

«Чего же можетъ хотѣть женщина?» продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» съ прежней своей уловкой. «Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Приятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если приятно, такъ чтожъ мѣшаетъ и женщины пользоваться тѣми же правами? Увы, какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципаціи и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственнаго или нравственнаго: эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ какъ мужчину, такъ и женщину отъ этой даровой и всѣмъ доступной эманципаціи.»

— Да послушайте, вы въ самомъ дѣлѣ насъ морочите? Да мы именно хлопочемъ о высшемъ нравственномъ развитіи; именно о томъ, чтобъ чувство долга свободно вкоренилось въ душу какъ мужчины, такъ и женщины. Мы именно увѣрены, что тогда только и опредѣлится вполне, правильно, гуманно и ясно отношенія мужчины и женщины между собою и разрѣшатся всѣ недоумѣнія, и способствовать этому нравственному развитію мы и хотимъ всею душой, по мѣрѣ слабыхъ силъ нашихъ.

— Да вѣдь это вовсе не эманципація! — скажетъ намъ «Русскій Вѣстникъ».

— Да понимайте ее какъ хотите, отвѣчаемъ мы, только мы сами-то понимаемъ ее именно такъ, какъ теперь объяснили, то есть слѣдствіемъ высшаго нравственнаго развитія...

Право, у «Русскаго Вѣстника» есть такая уловка: онъ прикяды-

вается, что самъ увѣренъ, будто никто не знаетъ того, что онъ знаетъ. И вдругъ начинается лекцію, читаетъ наставленія, умилается душой, впадаетъ въ краснорѣчіе. А между тѣмъ это давно уже всѣмъ извѣстно. Подумаешь, что ему пріятнѣе всего собственно процессъ, манера наставленій и болтовни. Но, подумавъ лучше, ясно увидишь, что умыселъ другой тутъ былъ. «Одинъ дескать, одинъ я это знаю, а вы—то не знаете. Я умнѣе всѣхъ, разумѣйте и покоряйтесь!» и т. д. и т. д. Разумѣется, все это дѣлается для толпы, для большинства...

Далѣе слѣдуетъ у «Русскаго Вѣстника» страница до того блестящая своей логической непослѣдовательностью, что мы рѣшительно не знали что и подумать, читая ее. Здѣсь каждое слово драгоценно. Мы не можемъ не выписать этой страницы:

«...Какъ бы то ни было однако, — говорить «Русскій Вѣстникъ», — представимъ себѣ женщину, эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно — женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, *котораю никто у ней не оспариваетъ, которыя напротивъ все дорожатъ, которое все охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками...*»

Напримѣръ какъ вы, замѣчаемъ мы, оправдывая кровныхъ обидчиковъ женщины. Но это въ сторону, а вотъ что главное; стало быть, вы серьезно считаете, что для женщины уже все сдѣлано въ настоящій моментъ, что дальше ничего не надо дѣлать, рѣшительно ничего, даже желать ничего не надо, даже гуманнаго смягченія правовъ, о которомъ мы говорили, стало быть, все хорошо, все прекрасно, все благоухаетъ! И можно повѣрить вамъ, что вы, «Русскій Вѣстникъ», вѣрите словамъ своимъ? что это не фальшь съ вашей стороны, что вы не имѣете въ виду вашей выходкой польстить истинкамъ массы, для того чтобы имѣть ее на своей сторонѣ? Можно смѣяться надъ увлеченіями эманципаторовъ; но отвергать самыя законныя желанія, развитіе и законное совершенствованіе во имя правды и любви, — это значитъ уже слишкомъ далеко зайти. А вѣдь вы именно вашей фразой, все это отвергаете. Вы въ ней изображаете такую вышнюю точку развитія въ современномъ намъ обществѣ; что, по вашему, ужь и желать нельзя лучшаго.

И, наконецъ, позвольте; почему-же женщина, еслибы даже она и сравнялась въ общественномъ положеніи своемъ съ мужчиной,

еслибъ только это могло когда нибудь случиться, — почему она не могла бы требовать тогда отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности какъ теперь?

«Эманципаторы, — продолжаете вы, — не понимаютъ того, что ихъ ученія не дають никакихъ новыхъ правъ женщинѣ, а ведутъ только къ тому, чтобы снять съ мужчины его обязанности относительно женщины».

— Опять спрашиваемъ васъ: Что разумѣете вы подъ словомъ эманципация, какъ понимаете вы ее? Вы кажется составили о ней такое чудовищное понятіе, что вамъ естественно приходится дѣлать теперь и странныя заключенія. Не будучи эманципаторами, мы все-таки считаемъ справедливымъ сказать, что они навѣрно гораздо умнѣе, разсудительнѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ вы о нихъ думаете. Подъ словомъ эманципация вы кажется разумѣете сбродъ самыхъ чудовищныхъ, самыхъ ненормальныхъ и невозможныхъ нравствъ. Я потѣшаюсь тѣмъ, что пугаете ими публику. Мы увѣрены, что эманципаторы могутъ тоже во многомъ ошибаться и навѣрно ошибаются, во первыхъ потому, что они люди, но повторяемъ, почему въ случаѣ одинаковаго общественнаго положенія мужчины и женщины, съ мужчины снимаются его обязанности относительно женщины, даже относительно уваженія, деликатности, какъ вы говорите? Если женщина получить одинаковыя права со мной, такъ ужъ я, по вашему, тотчасъ же получаю право ее оскорблять? — Да зачѣмъ же это? Почему я долженъ ее не уважать, если она достойна уваженія? Почему мужчина не долженъ защищать и любить ее, какъ жену свою, если она его любитъ и исполняетъ вполне свой долгъ къ нему? Можетъ быть, вы именно напираете на то, что долга-то этого не будетъ при эманципациѣ? Развѣ это можетъ быть хоть когда нибудь? Что вы народъ-то морочите и пугаете? Бракъ создала природа; бракъ есть законъ ея, и если въ васъ осталась хотя одна капля вѣры въ прогрессъ, то вы не должны сомнѣваться, чтобы естественный, взаимный долгъ людей одного къ одному, равно какъ мужчины къ женщинѣ и обратно, могъ когда-нибудь уничтожиться. Вотъ, нѣкоторые другіе долги и обычаи не естественные, а выдуманые человѣкомъ, часто ошибочно, неумѣло, глупо, — вотъ тѣ могутъ уничтожиться и уничтожаются почти ежедневно. Исторія вѣдь ничто иное, какъ картина этого уничтоженія и постепеннаго приближенія человѣчества къ законному, естественному, нормальному долгу... А вѣдь вы знаете исторію; вы часто о ней говорите.

Морочите вы насъ! охъ, хитрите!

«Съ мужчиной не церемонятся, какъ съ существомъ полвопра-

вытъ во всѣхъ отношеніяхъ, продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ. — «Зачѣмъ же церемониться и съ женщиной, которая должна быть также существомъ полноправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ?»

Что за странность! Да и что вы подразумѣваете подъ словомъ церемониться? Если вы подразумѣваете какія-нибудь китайскія церемоніи, такъ ихъ и теперь довольно, даже между мужчинами. Если же выраженіемъ: «не церемонятся» вы грозите женщинѣ какими-нибудь обидами, грубостью, невѣжливостью, щипками, пинками, циническими рѣчами или клеветами, то почему же вы такъ увѣрены въ ихъ неизбежности? Вѣдь и теперь порядочный человекъ всегда заставитъ себя уважать, а не бить. Что значить: «съ мужчиной не церемонятся»? — странно! Это какія-то дѣтскія угрозы.

«Кто хочетъ построить отношенія между людьми, безъ помощи идеи долга, не останавливаясь на ней, кто не сю ориентируется (что за краснорѣчіе!), а чѣмънибудь другимъ, тотъ отбрось въ сторону, какъ хламъ негодныхъ фразъ, всѣ толки о взаимномъ уваженіи людей другъ другу и о достоинствѣ женщины».

Что за вѣнужное краснорѣчіе! невольно восклицаемъ мы. Да кто же хочетъ построить отношенія между людьми безъ помощи идеи долга? Кто когда-нибудь строилъ иначе, или думалъ иначе строить? Назовите хоть когонибудь... Въ чемъ именно состоятъ этотъ долгъ — вотъ это дѣйствительно отыскивали, разрѣшеніемъ этого вопроса всегда занимались, споконъ-вѣку, занимаются теперь и будутъ заниматься, кажется, до скончанія міра. Но вѣдь это уже совершенно другое. Ой, пугаете!

«Такъ точно, продолжаетъ «Вѣстникъ», — кто видитъ въ человекѣ не болѣе какъ химическія щелочи, кислоты и соли, въ томъ самомъ смыслѣ и силѣ, какъ онѣ открываются намъ въ ретортѣ, тотъ не говоритъ о правахъ человека, объ его пользѣ, объ улучшеніи его быта; тотъ засмѣйся, взглянувъ въ глаза своему единомышленному другу; тотъ перестань бессмысленно выходить изъ себя и щеголять пафосомъ, который не можетъ имѣть другого смысла, кромѣ авгурскаго шарлатанства; тотъ оставь попеченіе объ этихъ ничтожныхъ вѣсмерадахъ и знай живи какъ случилось по волѣ всемогущихъ обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, заботимся ли мы о червякахъ и думаемъ ли задавать себѣ серьезный вопросъ: сыты ли они или голодные, когда давимъ ихъ ногою нечаянно или чаянно...»

Вотъ вѣдь охота-то говорить!

Увѣряю васъ, что я, пишущій эти строки, отнюдь не думаю и не вѣрю, что я вышелъ *весь* изъ реторты. Я не могу этому вѣрить. Но еслибъ я и вѣрилъ именно такъ, почему же тогда я не могъ бы говорить о правахъ человека, объ его пользѣ и объ улучшеніи ея

быта? для чего было бы намъ «смиѣяться» глазу моему одиночцу и жить какъ случилось?» Да изъ одной механической выгоды, люди для того только, чтобы существовать, должны бы были согдаться между собою, условиться, а слѣдственно и связать себя взаимно долгомъ другъ къ другу. Вотъ ужъ и долгъ, а слѣдственно и цѣль въ жизни. Безъ этого не мыслимо общество. Каковы бы ни были убѣжденія ни были, вѣдь они все таки остались бы людьми, природу свою не могли бы уничтожить? Чувство самосохраненія было бы въ нихъ невременно; но кромѣ того человѣкъ, потому что онъ человѣкъ, ощутилъ-бы потребность любить своего ближняго, потребность самопожертвованія въ пользу ближняго, потому что любовь не мыслима безъ самопожертвованія, а любовь, повторяемъ, не могла бы уничтожиться. Для этого человѣкъ долженъ бы былъ возненавидѣть собственную природу свою, а убѣрены ли вы въ этомъ? По крайней мѣрѣ это вопросъ мудреный и рѣшить его такъ вдругъ, какъ вы рѣшаете — невозможно. Это:

вопросъ «какого не разрешите вы?»

А вы рѣшаете его что-то слишкомъ спокойно, слишкомъ торжественно, ужъ это одно подозрительно...

Вотъ вы напримѣръ и о гуманности толкуете и о развитіи, а защищаете же обидчика, противъ обиженнаго. Вамъ такъ хочется его защитить, что вы рѣшаетесь даже на неправду, говорите противъ очевидности, и вамъ это, кажется, ничего не стоитъ. Вы прямо говорите: «Онъ не выдумалъ какихъ-нибудь фальшивыхъ фактовъ, не сообщилъ за истину какихъ-нибудь мерзкихъ слуховъ»; вы говорите это спокойно, хотя и знаете, что говорите неправду. Онъ не выдумалъ мерзкихъ слуховъ! А намекъ о тайнахъ? Что же это такое по вашему? И этотъ намекъ явился печатно; что вы ребенокъ, что ли, что не можете всего видѣть и забывать вещи ихъ интонации?

Много кой-чего и еще говорилъ «Русскій Вѣстникъ»; но намъ болѣе всего понравилась его сужденія о Пушкинѣ.

Именно о «Египетскихъ ночахъ». Онъ и перодъ огнемъ еще говорилъ о Пушкинѣ много оригинальнаго; но теперь мы не будемъ разбирать его окончательнаго мнѣнія. Говоримъ: окончательнаго, потому что оно высказано намъ кажется именно съ той цѣлью, чтобы окончательно и безапелляціонно рѣшить весь вопросъ о Пушкинѣ, возникшій въ нашей литературѣ съ появленіемъ бессмертной статьи

г. Дудышкина. На всё эти шпёвля вы будете отвѣчать въ особой статьѣ, какъ вы уже общали прежде, въ началѣ появленія вашего журнала. Но не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ, по поводу сужденія «Русскаго Вѣстника» о «Египетскихъ ночахъ». Изъ этого сужденія передъ нами ярко выставляется вся сила «Русскаго Вѣстника» въ пониманіи поэзіи. Вообразите: онъ называетъ «Египетскія ночи» «фрагментомъ» и не видитъ въ нихъ полноты, — въ этомъ самомъ полномъ, самомъ законченномъ произведеніи нашей поэзіи! Онъ говоритъ, что «это только намекъ, мотивъ, нѣсколько чудныхъ аккордовъ, въ которыхъ что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается (!) для полного и яснаго созерцанія...»

«...Надобно слишкомъ много условій», продолжаетъ онъ, «чтобы крошечъ прелести стиховъ и очарованія образовъ, уловить въ этой піесѣ нашей *ея внутреннюю смысла*, который раскрылся бы въ ней для всѣхъ доступно, еслибы художникъ совершилъ свое произведеніе вполне. Передъ художественнымъ созданіемъ, дѣйствительно, не могутъ держаться мелкіе соблазны, но не прежде какъ идея дѣлаго покорить себѣ и одухотворить всѣ частности. Этотъ демонскій культъ, требующій драгоцѣннѣйшихъ человѣческихъ жертвъ, эта царица, являющаяся головою надъ чашей, подъ обаяніемъ охватившей ея силы, Клеопатра, призывающая подземныхъ боговъ въ свидѣтели своей клятвы, все это, *облеченное въ плоть и кровь чарующихъ подробностей*, могло бы быть откровеніемъ далекаго и мрачнаго міра, и тогда идея дѣлаго управляла бы и смягчала бы все, что теперь выступаетъ слишкомъ рельефно. *Еслибы изъ этихъ мотивовъ вышла трагедія*, она могла бы быть созданіемъ гениальнымъ...» и т. д. и т. д.

Вы говорите о трагедіи, о развитіи этого, какъ вы называете фрагмента; но неужели вы не понимаете, что развивать и дополнять этотъ фрагментъ въ художественномъ отношеніи болѣе невозможно, и что тогда вышло бы нѣчто *совершенно другое*, совершенно въ другой формѣ, можетъ быть равносильное, можетъ быть высшее по достоинству, но только совершенно *другое*, чѣмъ теперешній «Египетскія ночи» и слѣдовательно утратило бы все впечатлѣніе, и всю мысль теперешнихъ «Египетскихъ ночей.» Пушкину явственно было задачей (если только возможно, чтобъ онъ заранее задавалъ своему вдохновенію задачи), представить моментъ римской жизни и только одинъ моментъ, но такъ, чтобъ произвести имъ наиболѣе духовное впечатлѣніе, чтобъ передать въ нѣсколькихъ стихахъ и образахъ, весь духъ и смыслъ этого момента тогдашней жизни, такъ чтобъ на этому моменту, по этому уголку, предугадывалась бы и становилась бы понятною вся картина. И Пушкинъ дѣ-

стигъ этого и достигъ въ такой художественной полнотѣ, которая является намъ какъ чудо поэтическаго искусства. Вы говорите, что все это не облечено въ плоть и кровь, чарующихъ подробностей? Но тутъ до того ярки нѣкоторыя подробности, что приходишь въ изумленіе и благоговѣніе передъ художественной силой поэта. Часто одна изъ такихъ подробностей очерчивается здѣсь однимъ стихомъ, однимъ словомъ, однимъ намекомъ, но до того цѣльно, мѣтко и полно, что этотъ стихъ не забывается. Онъ переходитъ въ потомство и становится выраженіемъ нарицательнымъ для извѣстнаго рода понятій; права эти подробности доведены именно до того предѣла, что прибавьте еще хоть одну какую-нибудь лишнюю подробность, и цѣльное впечатлѣніе картины можетъ быть исчезло бы передъ вами. Тутъ все составляетъ одна аккорды; каждый ударъ кисти, каждый звукъ, даже ритмъ, напѣвъ стиха, все принорочено къ цѣльности впечатлѣнія. Впрочемъ, можетъ быть вы требуете болѣе подробнаго описанія костюмовъ, архитектуры залы, города Александріи, Египта, Римской имперіи въ ея географическомъ, статистическомъ, этнографическомъ и поэтическомъ отношеніи? Можетъ быть, вамъ этихъ подробностей надобно? Что касается до г. Дулышкина, то онъ вѣрнѣе бы ихъ потребовалъ.

Кстати, вы смѣтаетесь надъ нашими словами по поводу впечатлѣнія, произведимаго статуями Венеры Медицейской и Венеры Милооской. На неразвитое, порочное сердце и Венера Медицейская, сказано у насъ, произведетъ только сладострастное впечатлѣніе. Нужно быть довольно высоко очищеннымъ нравственно, чтобы смѣть на эту божественную красоту, не смущаясь...

«Но развѣ Венера Медицейская или Венера Милооская», возражаете вы, «представляютъ собою тѣ выраженія страстности, которыя звучатъ въ словахъ Клеопатры? Развѣ эти олимпійскіе типы не представляютъ собою самыхъ цѣломудренныхъ образовъ, притупленныхъ тѣмъ чистымъ извѣстествомъ, которое составляетъ живую душу приличія? Не являются ли эти образы сами олицетвореніемъ этой тонкой стыдливости, этой чарующей тайны? Развѣ рѣзецъ не только Фидія и Праксителя, но даже ваятелей эпохъ упадка, доходилъ когда-нибудь до *исчлѣдннхъ* выраженій страстности?»

И далѣе:

«Развѣ Рахель доходила когда-нибудь на сценѣ до чего-нибудь похожаго на клятву Клеопатры? Развѣ гдѣ-нибудь въ Европѣ ли, въ Америкѣ ли, могла бы артистка прошептать передъ публикой этотъ фрагментъ, поневолѣ выдавая рельефно только то, что прямо указываетъ на послѣднія выраженія страсти, не будучи въ силахъ

одукотворить изъ тѣмъ намекомъ идеи, которая въ неоконченномъ фрагментѣ не могла высказаться съ полною силой; не могла бросить свой покровъ на то, что никогда не должно быть открытою тайной?»

Далось вамъ это *последнее выраженіе страсти*. Но послушайте, неужели вы думаете, что слабѣе статуи Венеры Мелидійской и Милосской, при всемъ томъ, что онѣ представляютъ собою дѣломудренныя образы и самое тонкое выраженіе стыдливости, привезенныя въ Москву къ нашимъ простодушнымъ предкамъ, до времени дотъ напримеръ Алексѣя Михайловича, могли бы произвести на нихъ какое-нибудь другое впечатлѣніе, кромѣ грубого и даже можетъ быть соблазнительнаго? Не говоримъ, чтобъ и тогда совершенно не было людей развитыхъ; мы говоримъ вообще о впечатлѣніи, которое бы произвели тогда на отцовъ нашихъ эти идолицы: «болванки.» И неужели мы не правы говоря, что надо быть довольно оническимъ, нравственно и нравильно развитымъ, чтобы раздирать на эту божественную красоту не смущаемъ. *Дѣломудренность* образа не спасетъ отъ грубой и даже можетъ быть грязной мысли. Нѣтъ, эти образы производятъ высокое, божественное впечатлѣніе искусства, потому именно, что они сами произведеніе искусства. Тутъ дѣйствительность преобразилась, *пройдя черезъ искусство*, пройдя нерозъ отъ чистаго, дѣломудреннаго вдохновенія и черезъ художественную мысль поэта. Это тайна искусства и о ней знаетъ только художникъ. На несприготовленную же, неразвѣтленную натуру, или на прубо-развратную даже и искусство не оказало бы всего своего дѣйствія. Чѣмъ развитѣе, чѣмъ лучше душа человека, тѣмъ и впечатлѣніе искусства бываетъ въ ней волнѣе и дѣтливѣе.

Но вотъ вопросъ: почему именно вы думаете, что «Египетскія ночи» хоть и произведеніе искусства, но будучи фрагментомъ (дался вамъ этотъ фрагментъ!) и будучи послѣднимъ выраженіемъ страсти (опять-таки это послѣднее выраженіе страсти), не могутъ произвести чистаго художественнаго впечатлѣнія, а напротивъ произведутъ возрвое и невозможительное. Ужь не приравниваете ли вы «Египетскія ночи» къ сочиненіямъ маркша де Сада? Фрагментность и неоконченность произведенія не могла по нашему, бросить свой покровъ на то, что никогда не должно быть открытою тайной.

Но во первыхъ гдѣ тутъ и какая тутъ открытая тайна? Доходить ли тутъ дѣло до открытія тайны? И наконецъ, такъ ли вы понимаете «Египетскія ночи», то ли вы въ нихъ видите, что надо видеть и что позволено видеть, если только хоть сколько-нибудь способны чувствовать поэзію и подчиняться обаянію искусства. Напротивъ по нашему: тутъ впечатлѣніе страшнаго ужаса, а не лю-

читаніе послѣдняго выраженія. Мы положительно увѣрены теперь подъ этимъ «послѣднимъ» выраженіемъ въ разумѣте что-то маркизъ-де-садовское и клубничное. Но вѣдь это не то, совѣтъ не то. Это значить самому потерять настоящий, чистый взглядъ на дѣло. Это *послѣднее выраженіе*, о которомъ вы такъ часто толкуете, по вышнему дѣйствительно можеть быть соблазнительно, но нашему же въ немъ представляется; только извращеніе природы: человеческой, дошедшее до такихъ ужасныхъ размѣровъ и представленное съ *такой точкой зрѣнія* поэтому (а точка зрѣнія-то и главное), что производить вовсе не клубничное, а потрясающее впечатлѣніе. У Пушкина импровизаторъ представъ предъ публикой Сѣверной Пальмиры, былъ тоже встрѣченъ смѣхомъ, когда простоудшно спросилъ: «о какихъ любовникахъ тутъ говорится, *perche la grande regina ha aveva molto*; (у великой царицы ихъ было много). Эта публика состояла тоже изъ знатоковъ и холоковъ по клубничной чаѣти. Тутъ было много, «два журналиста въ качествѣ литераторовъ» тоже должно быть тертыя калачи. Жаль что Пушкинъ не передаетъ намъ впечатлѣнія, произведеннаго импровизаціей на этихъ слушателей.

Но припомнимъ сами эту импровизацію, превѣримъ сама это впечатлѣніе.

Иль Пиръ; его картина. Царица была весела, она оживляла своихъ гостей, но вотъ она задумалась, она склонилась головой надъ золотой чашей; гости безмолвны, все молчитъ. Эти гости вѣроятно видють свою царицу и идутъ чего-нибудь чрезвычайнаго. Это рабыня; а она — это представительница того общества, подъ которымъ уже давно пошатнулись его основанія. Уже утрачена всякая вѣра; надежда кажется однимъ бесполезнымъ обманомъ; мысль тускнѣеть и исчезаетъ; божественный огонь оставилъ ее; общество совратилось и въ холодномъ отчаяніи предчувствуетъ передъ собой безду и готово въ нее обрушиться. Жизнь задыхается безъ цѣли. Въ будущемъ нѣтъ ничего; надо требовать всего у настоящаго, надо наполнить жизнь однимъ насущнымъ. Все уходитъ въ тѣло, все бросается въ тѣлесный развратъ и чтобъ наполнить недостающія вышнія духовныя впечатлѣнія, раздражаетъ свои нервы, свое тѣло всѣмъ что только способно возбудить чувствительность. Самые чудовищныя уклоненія, самыя не нормальныя явленія становятся шло по малу обыкновенными. Даже чувство самохраненія исчезаетъ. Клеопатра-представительница этого общества. Ей теперь скучно; но эта скука посѣщаетъ ее часто. Что-нибудь чудовищное, не нормальное, злорадное еще могло бы разбудить ее душу. Ей нужно теперь сильное впечатлѣніе. Она уже извѣ-

дада въ тайнѣ любви и наслажденій, и передъ ней маркизъ де Седъ можетъ быть показанъ бы ребенкомъ. Развратъ ожесточаетъ душу, и въ ея душѣ давно уже есть что-то способное чувствовать мрачную, болѣзненную и проклятую радость отравительницы. Брестъ велье при видѣ своихъ жертвъ. Но это душа сильная, слазить ей еще можно не скоро; въ ней много сильной и злобой аронии. И вотъ эта провіа замешемилась въ ней теперь. Царицѣ захотѣлось уловить всѣхъ этихъ гостей своимъ вызовомъ; ей хотѣлось наслаждаться своимъ презрѣніемъ въ нимъ, когда она броситъ имъ этотъ вызовъ въ глаза и увидитъ ихъ трепеть и почувствуетъ въ себѣ стукъ этихъ дрогнувшихъ страстью сердець. Но ея мысль уже овладѣла и ея душою вполнѣ. Страсть уже пробѣжала адовитой струей и по ея червамъ. О, теперь и ей хотѣлось бы, чтобы признали ея чудовищный вызовъ! Сколько неслыханнаго сладострастія и ненавистнаго еще ея наслажденія! сколько демонокаго счастья цѣловать свою жертву, любить ее, на нѣсколько часовъ стать рабой этой жертвы, утолить всѣ желанія ея всѣми тайнами лобзаній, нѣги, бѣшенной страсти и въ тоже время сознавать каждую минуту, что эта жертва, этотъ минутный влсцатель ея, заплатитъ ей жизнью за эту любовь и за гордую дерзость своего мгновеннаго господства надъ нею. Кіенъ на уже лизнула крови: ей грезится теплый паръ ея; онъ будетъ ей грезиться и въ послѣднемъ моментѣ наслажденія. Бѣшеная жестокость уже давно искавила эту божественную душу и уже часто изводила ее до звѣрнаго подобія. Даже и не до звѣрнаго; въ прекрасномъ тѣлѣ ея кроется душа мрачно-фантастическаго, страшнаго вида: это душа паука, самка котораго, съвладаетъ генераль, своего самца въ минуту своей съ нимъ сладки. Все это похоже на отарительный сонъ. Но все это умышленно, безвѣрно, развратно и, страшно!. И вотъ демонскій восторгъ наполняетъ душу царицы и она гордо бросаетъ свой вызовъ.

Но на являетя никто; она видитъ ужасъ испугана лицахъ гостей своихъ и съ безмолвнымъ презрѣніемъ обводитъ ихъ взглядомъ. Но страстью дрогнула сердца; наливъ трое — она выходитъ. Вызовъ принять.

Жрецы вынимаютъ жребіи. Первый — Флавій. Это старый солдатъ: онъ посѣдѣлъ въ римскихъ дружинахъ и въ битвахъ за республику. Ему не надо наслажденій. Онъ принядъ вызовъ, и тотучто въ немъ воспринула гордая душа римлянина, не могшая снести презрѣнія отъ женщины. Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смѣлое; это уже человекъ, а не рабъ; стало-бытъ, еще не все потеряно; развратъ и разрушеніе не охватили еще своимъ огнемъ

всего, не смалили, не заразили еще всей души общества. Въ немъ еще ость силы для борьбы, но на долго ли! Смотрите на представителя будущаго: вотъ Критонъ молодой эпикуреецъ: его божество — Дионисъ, его культъ — наслажденіе. Онъ еще молодъ; еще слишкомъ велики въ немъ жизненные силы; онъ отдается наслажденію собою и жаромъ молодости и необъятныхъ силъ ея; но въдь это только молодость. Онъ дѣлаетъ хорошо, что умираетъ теперь; когда его впечатлѣніи еще свѣжи и богато-жизненны. Онъ еще не знаетъ ни разочарованія, ни отчаянія... Еслибъ онъ остался жить, онъ бы яроусочинявалъ при известномъ, чудовищномъ бракѣ Нерона, занесавшаго въ исторію...

Но душа поэта сама не вынесла этой картины; онъ не кончалъ бы съ Клеопатрой-гивной, и на одно мгновеніе онъ очеловѣчилъ свою гивну. Вотъ отрокъ; его имя неизвѣстно; но восторгъ любви охватилъ въ очажь его; неопытная сила юной, безпредѣльной страсти кипитъ въ голодомъ его сердца. Онъ съ радостью, даже съ благодарностью отдаетъ свою жизнь; онъ о ней и не думаетъ; онъ глядитъ въ лицо царицы, и въ глазахъ его столько упоенія, столько безпредѣльного счастья, столько свѣтлой любви, что въ гивнѣ мгновенно проснулся человекъ, и царица съ удивленіемъ взглянула на юношу. Она еще могла умклатися!

Но только на одно мгновеніе. Человѣческое чувство угасло, но зѣвскій дикій восторгъ вспыхнулъ въ ней еще сильнѣйшимъ пламенемъ, можетъ быть, именно отъ взгляда этого юноши. О, эта жертва! Вѣкъ болѣе сулитъ наслажденій! Замирая отъ своего восторга царица торжественно произноситъ свою вѣтву... Итъ, никогда поэзія не восходила до такой умисвой силы, до такой сосредоточенности въ выраженіи наоса! Отъ выраженія этого адскаго восторга царицы, холодѣетъ тѣло, замираетъ духъ... и вамъ становится понятно, къ какимъ людямъ приходилъ тогда нашъ Божественный Искупитель. Вамъ понятно становится и слово: Искупитель.

Истранно была бы устроена душа наша, еслибъ вся эта картина произвела бы только одно впечатлѣніе на счетъ клубнички!

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить здѣсь же отрывокъ изъ письма къ намъ одного пріятеля, — письма, написаннаго послѣ чтенія мартовской статьи «Русскаго Вѣстника.» Оно кстати дополняетъ нашу статью. Вотъ оно:

«Если бы *Бикетскія* ночи были и отрывкомъ, то и тогда о такомъ поэтѣ, какъ Пушкинъ, нельзя бы было сказать, что его отрывокъ не

исполнѣ *оудухотворенъ*. Но *Викентскія* ночи вовсе не отрывокъ. Гдѣ же вы нашли въ нихъ признаки неоконченности, фрагментарности? Напротивъ — какая полная картина! Какая дивная соразмѣрность частей, опредѣленность и законченность! Читатели знаютъ въ какой драгоценной оправѣ представилъ намъ Пушкинъ этотъ особенно дорогой и для него самого перлъ своей поэзiи. «Египетскія ночи» — импровизація, но это полная, доконченная импровизація. Вообще великій поэтъ самъ сдѣлалъ все, что можно, чтобы растолковать намъ свое произведенiе. Онъ заставилъ читать его итальянца, человека, выросшаго на богатѣйшей почвѣ искусства, художника до мозга костей, человека простодушнаго и чуждаго всякой цепенильности. Спокойно произнеситъ онъ въ аристократической залѣ: *у великой царицы было много любовниковъ, и съ изумленiемъ видить какъ сѣверные варвары начинаютъ ухмыляться и хохотать.*

«Такая исторiя идетъ, какъ видите, и до нашихъ дней. Въ «Египетскихъ ночахъ» Пушкинъ самъ художественно выразилъ дорогой для души его вопросъ о *нѣкоторыхъ отношенiяхъ искусства къ обществу*. Вопросъ остался до сихъ поръ. И теперь импровизаторъ «Ночей» могъ бы слышать новый смѣхъ надъ этими сѣверными варваровъ. Станный мы народъ, въ самомъ дѣлѣ! Очень справедливо, кажется, Пушкинъ привѣнилъ къ намъ стихи Петрарки:

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole

«Когда намъ говорятъ о смерти; когда кланутся богами ада и указываютъ намъ на *смертнкую сѣкыру* и *падающiя головы*, мы слушаемъ съ сѣверию холодностью; насъ это не трогаетъ, не ужасаетъ. Но чуть заговорила о *мощной кипридѣ* и о *золотомъ ложѣ*, у насъ ужъ остепенулись уши; насъ это волнуетъ и подымываетъ. Мы притаме по крови; мы мало любимъ жизнь, и потому искусство кажется намъ соблазномъ.

«Да, дурно мы понимаемъ искусство. Не научилъ насъ этому и Пушкинъ, самъ пострадавшiй и погибшiй въ нашемъ обществѣ кажется преимущественно за то, что былъ поэтомъ исполнѣ и до конца. Только это дурное пониманiе можетъ объяснить намъ весь цѣломудренныя толкованiя «Русскаго Вѣстника» о страстности и о ея различныхъ выраженiяхъ.

«Вотъ какiя черныя сомнѣнiя пришли мнѣ на мысль, когда я старался выскнуть въ статью «Русскаго Вѣстника». Какъ понять стран-

(*) Тамъ подъ туманными и короткими днями
Родится племя, которому не больно умирать.

ное его упорство? Чѣмъ объяснить съ одной стороны его робкія умолчанія, съ другой его дерзко-смѣлыя увѣренія? Съ вольными ужасомъ спрашивалъ я себя: что же будетъ съ нами, что мы несчастные будемъ дѣлать, если онъ, если самъ «Русскій Вѣстникъ» станетъ учить насъ такъ дурно въ такихъ важныхъ вопросахъ?

«Русскій Вѣстникъ» смотритъ на наше общество и на нашу литературу съ большимъ высокомеріемъ. Скажу вамъ прямо, этотъ взглядъ мнѣ нравится; я радъ бы былъ всякому высокомерію, лишь бы только высокомерные люди имѣли дѣйствительное право смотрѣть свысока. «Русскій Вѣстникъ» упрекаетъ нашу литературу въ *полумыслахъ и получувствахъ*; онъ называетъ наше общество «порожнимъ, лишоннымъ собственныхъ интересовъ, не имѣющимъ собственной мысли, не жившимъ умственно, безхарактернымъ и слабымъ».

«По моему убѣжденію все это сказано мѣтко и, говоря вообще, справедливо въ величайшей степени.

«Но какъ же вздумалъ «Русскій Вѣстникъ» помочь такому печальному состоянію дѣлъ? Что самъ онъ дѣлаетъ въ этомъ обществѣ и въ этой литературѣ?

«Какая странность! Чувствую подъ ногами эту же самую колеблющуюся почву, находясь среди общества хартическаго и подверженнаго броженію, онъ вдругъ вздумалъ заговорить языкомъ общества съ твердыми правилами и съ крѣпкимъ общественнымъ мнѣніемъ. Чтобы доказать нашу *незрѣлость*, онъ вздумалъ заговорить *зрѣлымъ* языкомъ, и, не имѣя его у себя въ наличности, взялъ его на прокатъ въ Англій или въ какой нибудь другой зрѣлой странѣ.

«Фальшивость такого пріема всего яснѣе кажется обнаруживается въ настоящемъ случаѣ. Маска падаетъ и комедія прекращается, какъ скоро дѣло дойдетъ до дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, напрасно «Русскій Вѣстникъ» кричитъ, что все ясно и просто, что стоитъ только не отступать отъ здраваго смысла, чтобы отчетливо разрѣшить цѣль; напрасно замазываетъ и заглушаетъ вопросы; они живы и выступаютъ съ прежнею силою, не смотря на громкія фразы и тучи витіеватыхъ словъ.

«Не ловко русскому принимать на себя видъ англичанина или француза. Тамъ, въ обществахъ окрѣпшихъ и опредѣлившихся, дѣйствительно дѣло рѣшилось бы быстро и опредѣленно. Но пусть приметъ это во вниманіе «Русскій Вѣстникъ»: тамъ вовсе бы не стали разсуждать, тамъ даже и не вздумали бы сравнивать актрисъ съ благородными дамами. «Русскій Вѣстникъ», какъ русскій, принужденъ былъ пуститься въ разсужденія и дошелъ до полныхъ промаховъ.

«Русскій Вѣстникъ» кричитъ, что дѣло просто и ясно; но въ его громкихъ фразахъ невозможно отыскать *никакого определеннаго мнѣнія*. Да мнѣ кажется, что такого мнѣнія нѣтъ, да и *не можетъ быть* у «Русскаго Вѣстника.»

«Если разглядѣть это, то какую неотразимую фальшью отзовется этотъ громкій тонъ, этотъ самоувѣренный языкъ статьи. Кчему же служить эта страшная шумиха? Кого и зачѣмъ нужно обманывать съ такимъ великимъ усердіемъ?»

«Дурной примѣръ даетъ «Русскій Вѣстникъ» русской литературѣ!»

Въ прошедшей книгѣ въ «Критическомъ Обзорѣи» на стр. 143 во 2-й строкѣ снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вырзлся важный недосмотръ, на мѣстѣ пробѣла слѣдуетъ читать: *«не найдете хотя по-»*
и т. д.

С М Ъ С Ъ

I

ПОДЪ КАЧЕЛЯМИ

МАСЛЯНИЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

По грязной и крутой лѣстницѣ четырехъ-этажнаго дома, какихъ въ Петербургѣ много, тяжело поднимался самъ негодующій домо-владѣлецъ. За нимъ, распутивъ саблю, шолъ помощникъ квар-тальнаго надзирателя, изъ военныхъ.

— Вы сдѣлайте милость, говорилъ домовладѣлецъ полицейскому офицеру, — не церемоньтесь, а пугните его хорошенько. Мнѣ чортъ его возьми, что онъ съ семействомъ и безъ должности; мнѣ нужна эта комната подъ кладовую. Я не филантропъ какой-нибудь, чтобы всякую сволочь держать даромъ у себя въ домѣ.

— Хорошо-съ, отвѣтилъ помощникъ надзирателя, — я представ-лю на видъ...

— Да на видъ нечего представлять, перебилъ его раздражительно домовладѣлецъ, — надо просто пугнуть хорошенько; или деньги по-дай или убирайся, а не то, молъ, рамы вонъ и двери съ петлей.

— Ну, видите, по закону, заговорилъ было мягко блюстителъ об-щественнаго благоустройства... но почтенный домовладѣлецъ не далъ ему договорить.

— Ну, поѣхали съ своимъ закономъ, протянулъ онъ, махнувъ ру-кой, — помилуйте, что вы?.. Вотъ и видно, что пзъ военныхъ. Да есльбъ для всякой этакой сволочи все по закону дѣйствовать, такъ тутъ порядочнымъ людямъ и житья бы не было. Это, батюшка, пу-стяки, а какъ условлено, такъ и валяйте; а то на что же вамъ и власть дана?

Последнія слова домовладѣльца, казалось, пробудили въ поли-
Т. III. — Отд. V.

цейскомъ офицеръ сознаниѣ собственнаго достоинства и данной ему власти.

— Я сдѣлаю, сказалъ онъ рѣшительно, — все сдѣлаю, вы не беспокойтесь.

Въ это время они поднялись уже на чердакъ. Домовладѣлецъ отворилъ визенькую дверь, околоченную рогожкой и, въ сопровожденіи надзирательскаго помощника, вошелъ въ квартиру неисправнаго жильца, котораго надо было хорошенько пугнуть.

Квартира эта состояла изъ небольшой комнаты, раздѣленной деревянной перегородкой на двѣ части; передняя часть, поменьше, служила кухней, а другая, побольше, жильнымъ покоемъ. Въ этомъ жильномъ покоѣ, куда вошли и домовладѣлецъ и помощникъ надзирателя, было пасмурно, грязно и холодно. У небольшого окошечка стоялъ столъ, окрашенный когда-то зеленою краскою; нѣсколько такихъ же стульевъ смиренно лѣнились по стѣнѣ; въ переднемъ углу висѣлъ образъ, а подъ нимъ на полу, на чемъ-то грязномъ и изорванномъ, лежала больная женщина, лѣтъ тридцати, съ груднымъ ребенкомъ. Больная безпокойно ворочалась на своемъ незатѣйливомъ логовищѣ и стонала, ребенокъ ревелъ благимъ матомъ; въ ногахъ у больной сидѣли дѣвочка лѣтъ семи и мальчуганъ лѣтъ пяти, закутанныя въ какія-то тряпки. По комнатѣ шагалъ мужчина сорока лѣтъ, худой, сгорбленный, словно чѣмъ-то пришибленный, въ старомъ, изношенномъ и изорванномъ сюртукѣ и порывѣвшихъ сапогахъ. При появленіи домовладѣльца и полицейскаго офицера, мужчина, шагавшій по комнатѣ, остановился въ сильномъ замѣшательствѣ и потупилъ голову, будто ожидая, что вотъ сейчасъ его убьютъ; больная притихла въ ужасѣ; только ребенокъ, въ блаженномъ невѣдѣніи, не страшась ни полиціи ни домовладѣльца, кричалъ пуще прежняго.

— Ну, вотъ вамъ, сказалъ домовладѣлецъ, покривившись отъ крику ребенка и обращаясь къ помощнику надзирателя, — вотъ намъ на лицо этотъ господинъ... какъ васъ тамъ зовутъ? отнесся онъ уже къ жильцу.

— Антонъ Антоновъ Темнюшкинъ, отвѣтилъ смиренно неисправный жилецъ, не подымая головы и не рѣшаясь взглянуть на страшныхъ посѣтителей.

— Какъ же почтеннѣйшій Темнюшкинъ, началъ полицейскій офицеръ довольно сухимъ, должностнымъ голосомъ, г. домовладѣлецъ жалуется, что вы не платите за квартиру... вѣдь это нельзя... вѣдь если вы пользуетесь, такъ сказать, помѣщеніемъ, такъ должны и платить по условію... Согласитесь, что должны?

— Должны, прошепталъ робко жилецъ.

— Ну, такъ что же, какъ же... отчего же вы не платите?

— Не при деньгахъ... семейство, жена больна — лепеталъ Антонъ Антонычъ, — общали на двѣхъ мѣсто... я все спокоя заплачу, вотъ, передай Богомъ, все до копѣйки...

— Да эту пѣсню-я слышу четыре мѣсяца, возразилъ домовладѣлецъ, — мнѣ ужъ надоѣло; я желаю теперь, чтобы вы очистили квартиру...

— Да, подхватилъ надзирательскій помощникъ, — если не платите, должны очистить квартиру.

— Безъ всякихъ разговоровъ, добавилъ домовладѣлецъ настоятельно и громко, — извольте очистить квартиру... Я этого требую законнымъ порядкомъ... онъ рукой указалъ на полицейскаго офицера.

Темнюшкинъ поднялъ голову и мокрыми отъ слезъ глазами взглянулъ на домовладѣльца. Покорнѣйшую мольбу изобразило его жалкое, измятое лицо, сами собой подогнулись у него колѣни и, сложивъ руки, какъ складываютъ ихъ первые любовники въ театрѣ, онъ сталъ просить :

— Иванъ Петровичъ!.. Помилосердуйте! у ножекъ вашихъ молю, помилосердуйте!.. Я бы одинъ ушелъ, ей Богу, ушелъ... а вонъ жена умираетъ... дѣти у меня, большіе-то ничего, а вонъ маленькой... вѣдь онъ замерзнетъ. Батюшка, Иванъ Петровичъ! не куда идти... Я вамъ дворъ стану мести, не гоните... Мнѣ мѣсто общали...

— Да что же, любезнѣйшій, общали, общали, возразилъ съ неудовольствіемъ домовладѣлецъ, — я это слышалъ, что мнѣ за дѣло? Мнѣ нужна квартира...

— Повремените, молилъ Темнюшкинъ не вставая, — повремените немного... Можетъ быть, добавилъ онъ въ совершенномъ отчаяніи, едва ли самъ понимая что говорить, — можетъ быть, и жена умретъ и ребенокъ,.. повремените... нѣсколько дней, ради Христа небеснаго... ну, до завтра... я завтра отдамъ.. завтра отдамъ, твердилъ Темнюшкинъ, подвигаясь на колѣнахъ къ домовладѣльцу — я сейчасъ пойду, достану... вотъ я при нихъ прошу, добавилъ онъ, повернувшись къ помощнику надзирателя, — я законнымъ порядкомъ прошу... только до завтра... я достану.

Помощникъ надзирателя видно былъ помягче и повпечатлительнѣе домовладѣльца; онъ приподнялъ Темнюшкина и сказалъ :

— Ну, извольте... завтра.. постарайтесь... позвольте, Иванъ Петровичъ, до завтра.

Домовладѣлецъ махнулъ рукой и выходя изъ комнаты проворчалъ.

— Ничего изъ этого не будетъ... одна пустая проволочка.

И вслѣдъ затѣмъ онъ такъ серванто хлопнулъ дверью, что ребенокъ мгновенно затихъ: съ нимъ сдѣлался родимчикъ. Антонъ Антонычъ схватилъ свою старую шляпенку и выбѣжалъ изъ квартиры.

Зачѣмъ выбѣжалъ Темнюшкинъ, куда побѣжалъ, этого онъ рѣшительно не понималъ самъ. Въ головѣ у него все было перепутано, смутно и темно; ясно было только одно сознание ужаснѣйшаго, безвыходнаго положенія. Несчастье молотомъ стучало его по головѣ и отшибало всякую способность разсуждать, понимать и даже видѣть что нибудь. Антонъ Антонычъ безсознательно шолъ изъ улицы въ улицу, пробираясь между густыми толпами народа, и незамѣчая сыпавшихся на него толчковъ. Напрасно тратили свое остроуміе лихачи-извозчики; напрасно мальчишки мастеровые кричали ему: «поздравляемъ дяденька съ масляницей!» напрасно барыни подозрительной красоты съ презрѣніемъ сторонились отъ пьянаго, какъ имъ казался Темнюшкинъ, чиновника. Ничего невидѣлъ и не слышалъ Антонъ Антонычъ, движимый какою-то непонятною силою, въ изодранномъ сюртукѣ и помятой шляпенкѣ, среди веселой, праздничной толпы. Дѣло было въ послѣдній день масляницы. Только очутившись на какомъ-то мосту и прохваченный свѣжимъ вѣтромъ, Темнюшкинъ остановился и почувствовалъ способность мышленія. Но первая мысль, блеснувшая въ его головѣ, была мысль ужасная — мысль о самоубійствѣ.

— Кинуться съ моста внизъ головой, подумалъ несчастный Антонъ Антонычъ, взглянувъ за перила, — и покончить этимъ всѣ муки... Хозяинъ не будетъ приставать... не услышу какъ стонетъ жена, какъ кричитъ ребенокъ... все кончится... Вотъ только перегнуться за перила, ноги подкинуть, голову внизъ... вотъ и конецъ...

— Гляди, баринъ, упадешь! крикнулъ, въ эту минуту, какой-то полулявшій мѣщанинъ, дернувъ Антона Антоныча за фалду, — упадешь, носъ разобьешь и холодно будетъ.

При этихъ словахъ Темнюшкину вругъ, во всемъ ужасѣ, предсталъ холодъ въ водѣ, волосы заерошились у него подъ шляпенкой и онъ попытался отъ перилъ, къ которымъ за мгновеніе еще тянуло его такое страшное желаніе покончить свои муки. Валявшая толпа народа толкнула Антона Антоныча, и опять безсознательно, машинально, онъ побрѣлъ впередъ, впередъ, самъ не понимая куда и зачѣмъ!..

Вторично опомнился Антонъ Антонычъ на адмиралтейской площади.

Вы знаете, что такое адмиралтейская площадь на масляницѣ?..

Гуль нестройной, уши раздрающей музыки, въ которой особенно замѣтную роль играютъ турецкіе барабаны, фальшивыя трубы и неистово завывающіе кларнеты, гуль, перемѣшанный съ криками завывателей покататься на круглыхъ качеляхъ, разнощачковъ и пьяной мастеровщины, поразилъ слухъ Темнюшкина. Онъ окинулъ взглядомъ площадь. Передъ нимъ стоялъ цѣлый городокъ дырявыхъ балагановъ, пестрѣющихъ разноцвѣтными флагами и заманчивыми вывѣсками. Густыя, темныя толпы народа окружали этотъ вдругъ выросшій на свѣгу городокъ и двигались какъ множество муравейниковъ, такъ что издали казалось, что и самые балаганы не стоятъ на мѣстѣ, а колышатся и двигаются. Цѣлое море разнообразнѣйшихъ звуковъ подымалось надъ этимъ чудеснымъ городкомъ и разносилось въ воздухѣ, охиляя гуляющій русскій людъ и побуждая его кинуть послѣдній, тяжело выработанный грошъ, лишь бы погулять ради масляницы, скатить разлапушку съ высокой горы, накормить ее мороженымъ или орѣхами и посмотреть на какуюнибудь ликовинку. Вся эта площадь, вдругъ получившая жизнь, являлась какимъ-то бурливымъ, кипящимъ омутомъ, въ который такъ и таяетъ человекъ, въ который невольно потянуло и Антона Антоныча. Сначала онъ остановился на окраинѣ этой шумящей бездны; передъ нимъ тянулись въ три ряда разнообразныя экипажи, отъ щегольскихъ колясочекъ съ медвѣжьими полостями, до извозничьихъ возковъ, напоминающихъ своимъ безобразіемъ старинныя рыдваны. Въ экипажахъ мелькали передъ Антономъ Антонычемъ попеременно любопытныя и веселыя личики дѣтей, набитыхъ цѣлыми кучами, слобныя и самодовольныя фізіономіи *молодыхъ* купческаго званія, нахальныя и намазанныя лица камелій, красиво развалившихся на чужой счетъ, лица гвардейскихъ офицеровъ, ѣдущихъ на рысакахъ и, наконецъ, сотни другихъ личностей, красивыхъ и некрасивыхъ, выражающихъ самодовольство, презрѣніе къ окружающимъ, изумленіе и просто ничего не выражающихъ. На катающихся смотрѣла стѣна любопытныхъ пѣшеходовъ, представляющихъ такое же разнообразіе наружностей и побужденій; одни смотрѣли на лошадей и экипажи, другіе искали красиваго личика, у третьихъ замѣтно было безпокойство, желаніе увидѣть извѣстное лицо, четвертые стояли тутъ потому только, что стоятъ другіе...

Съ окраины потянуло Антона Антоныча и въ самый омутъ; онъ счастливо шмыгнувъ между рядами экипажей и очутился у круглыхъ качель, представляющихъ желѣзную дорогу. Старакъ, въ

сѣромъ приакѣ, съ бородой изъ пеньки, стоялъ, перегнувшись черезъ перила, и болталъ что-то, отчего окружающая толпа народа шепталась со смѣху. Потомъ застучалъ барабанъ, завыли трубы и кларнеты, раздался свистокъ и завертѣлась машина, доводящая любителей и любительницъ до тошноты. Передъ глазами Антона Антоныча промахнулъ локомотивъ съ голубой трубою, за нимъ шарбанъ, въ которомъ сидѣли два писаря и охтенка, потомъ мушкетеръ лѣтъ пятидесяти верхомъ на деревянной лошади, очень серьезно дергающій поводьями, потомъ нянька съ дѣтми и кучеръ, два солдата павловскаго полка, маленькій гимназистъ и старуха съ дѣвочкой лѣтъ пятнадцати. Какая-то барышня, въ клѣтчатомъ бурнусѣ и синемъ полинявшей розовой шляпкѣ, шутиливо толкнула Темнюшкина подъ бокъ, сказавъ: «Извините мусью»; баба съ крошечнымъ повернула было къ нему свой лотокъ, но, оглядѣвъ его, тотчасъ же отвернулась. Молодой парень, проходя мимо Темнюшкина и держа за руку подгулявшую бабу въ заляемъ полушубкѣ, сказалъ ему: «смотри, графчикъ, шубу снимутъ съ плечъ и часы вытаскать»... Затѣмъ Антонъ Антонычъ двинулся за толпой, то сдавливаемый съ то останавливаемый передъ раечникомъ, то влекомый подъ балконъ балагана, на которомъ стояла, вытянувшись въ рядъ, вся труппа, въ замасляныхъ костюмахъ и съ грубо намазанными лицами. Сильные крики палцовъ и кривлянья жидковъ на балконахъ, вызывающіе неудержимый хохотъ толпы, проходили безслѣдно для Антона Антоныча. Надписи: «Дѣтскій маріонетный театръ», «Дѣвица альбиноска», «Семейство Вейнертъ», «Братья Симонсонъ» и другія мелькали передъ его глазами, не оставаясь въ памяти; пальба, музыка и вообще весь шумъ не производили на него никакого впечатлѣнія. Толпа тащила его по площади какъ комъ снѣгу или грязи, приставшій къ подошвѣ...

Мало по малу, однакожь, шумъ и движеніе стали пробуждать въ Антонѣ Антонычѣ самосознаніе: онъ словно начиналъ просыпаться отъ глубокаго сна, приходить въ себя и по немногу замѣчать и понимать, что дѣлается вокругъ него и гдѣ онъ. Рядомъ съ этимъ сознаниемъ всего окружающаго, поднялось въ немъ и воспоминаніе о собственномъ несчастіи, о семьѣ, о необходимости достать деньги; словомъ обо всемъ, что было забыто имъ до этой минуты. Мучительно больно сжалось сердце бѣднаго Темнюшкина; каждый ударъ барабана, каждый выстрѣлъ, каждый звукъ потрясалъ и коробилъ его. За гуломъ, которымъ стонала вся площадь, слышались Антону Антонычу болѣзненный крикъ ребенка и стenanья полувертвой же-

ны; сквозь пестроту и движеніе мерещилась ему холодная и грязная комната на чердакѣ... Антонъ Антонычъ трясся какъ въ лихорадиѣ и хватался за голову, которая, казалось ему, готова лопнуть отъ боли и развалиться на мелкіе куски. Въ то время, вдругъ, кинулись ему въ глаза калачи, разложенныя на столикѣ сбивельщика; потомъ, еще соблазнительнѣе, блеснула передъ нимъ золотая, часовая цѣпочка, вынутая оченъ красиво на пальто у молодого студента. Звѣи-искуситель, обольстившій нашу прапачу, не представлялся ей, по всей вѣроятности, въ такомъ соблазнительномъ видѣ, въ какомъ представились Антону Антонычу эти подрумянившіеся калачи и эта золотая, а можетъ быть даже и не золотая цѣпочка студента... Въ ужасѣ онъ рванулся было изъ толпы, чтобы бѣжать безъ оглядки съ проклятой площади; но толпа славилла его еще крѣпче, пронесла нѣсколько шаговъ и прижала наконецъ къ крыльцу какого-то большого балагана.

У крыльца стояло множество народу; въ коридорѣ у кассы толпились офицеры, элегантныя франты, нарядныя барыни и даже нѣсколько генераловъ. Представленіе только что кончилось; публика расходилась.

— Какое несчастье! Какъ жаль! раздавалось на разные лады со всѣхъ сторонъ. — Паяцъ сломалъ себѣ ногу! Ногу сломалъ паяцъ! Леманъ ногу сломалъ!

Антонъ Антонычъ внимательно прислушивается: дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, точно паяцъ сломалъ себѣ ногу, объ этомъ говорятъ всѣ; квартальный надзиратель посылаетъ городского за частнымъ докторомъ, пѣмецъ въ бобровой шапкѣ съ кисточкой и въ красномъ шерстяномъ шарфѣ, повидимому содержатель балагана, съ перепуганнымъ лицомъ говоритъ вполголоса какому-то господину въ истертомъ пальто:

— Бѣгитъ пошалуиста, находить паярецъ, платитъ что кочеть. Представленіе не можетъ быть остававляться.

Истертое пальто отвѣчаетъ:

— Гдѣ же, Карлъ Федорычъ, найти поярца? Это невозможно. Кто же пойдетъ?..

— Я пойду! вскрикиваетъ вдругъ Антонъ Антонычъ, внезапно озаренный блестящею мыслью добыть хоть сколько-нибудь денегъ.

Хозяинъ балагана и его повѣренный взглядывають вопросительно на Темюшкина, не пьяный ли это или не домѣшанный ли? Но Антонъ Антонычъ вскакиваетъ на крыльцо, хватается изумленного нѣмца за руку и тащитъ его въ уголокъ коридора.

— Я, говоритъ онъ содержателю балагана, — игралъ нѣсколько

разъ, давайте мнѣ платье, я вамъ сыграю отлично... Десять рублей серебромъ — вотъ и весь разговоръ.

— Гдѣжь вы икраль? спрашиваетъ аккуратный нѣмецъ, — у кого и когда вы икраль?

— Я вездѣ игралъ, отвѣчаетъ Темнюшкинъ рѣшительно, — я много игралъ, въ Нижнемѣ на ярмаркѣ игралъ и въ Москвѣ игралъ.

Во взглядѣ и въ голосѣ Антона Антоныча столько самоувѣренности, что нѣмецъ въ попыхахъ забываетъ торговаться и торопливо уводитъ новаго паяца за кулисы.

Когда Антонъ Антонычъ вошелъ за Карломъ Федорычемъ на сцену, на него опять напала свойственная ему робость.

— Что я дѣлаю? подумалъ онъ, съ нѣкоторымъ ужасомъ, — на что рѣшаюсь? За что берусь?..

Но было уже поздно раздумывать и отступать.

— Идите, идите за мной, понукалъ Карлъ Федорычъ задумавшагося было Темнюшкина, и Темнюшкинъ скакалъ за нимъ, какъ собака на привязи, едва пробираясь между разнымъ хламомъ, наваленнымъ въ узкомъ проходѣ за кулисами, и снующими туда и сюда плотниками, ламповщиками и другими поденщиками. Минувавъ одну отгороженную клѣтку, гдѣ одѣвались жевщины, Карлъ Федорычъ ввелъ новаго артиста въ другую, составляющую мужскую уборную.

— Отѣвайтесь скорѣй! услышалъ Антонъ Антонычъ и черезъ двѣ, три минуты онъ былъ уже въ широкихъ бѣлыхъ штанахъ, такомъ же балахонѣ, въ колпакѣ и красныхъ сапожкахъ. Все лицо вымазали ему мѣломъ; тѣмъ же мѣломъ затерли кровавыя пятна на костюмѣ, сунули ему въ руки известную шляпу изъ войлока и торжественно вывели на сцену, куда собралась уже вся труппа посмотреть новаго артиста. Неудержимый смѣхъ встрѣтилъ Антона Антоныча; проворный арлекинъ щелкнулъ его сзади; какая-то тиролька ущипнула за щеку; волшебникъ нахлобучилъ ему шляпу на глаза; словомъ каждый изъ новыхъ собратьевъ не упустилъ случая выразить новичку свое вниманіе. Одинъ Кассандръ, горькій пьяница, но человекъ добрый, не далъ Антону Антонычу ни пинка ни затрецины, а напротивъ, остановилъ товарищей.

— Не трогать его, сказалъ Кассандръ охриплымъ голосомъ, — кто тронетъ, я такого феферу поднесу, что не прочтется.

Великодушное заступничество сильно тронуло Антона Антоныча, онъ взглянулъ на почтеннаго Кассандра со слезами на глазахъ; въ

этомъ слезливомъ взглядѣ выразилась самая искренняя благодарность, самая благоговѣйная признательность. Много сказалъ этотъ слезливый взглядъ доброму Кассандру.

Только разошлась труппа, по первому звонку, предвѣщавшему скорое начало представленія, Антонъ Антонычъ довърчиво, словно къ старому, испытанному другу, подошелъ къ Кассандру и сказалъ ему:

— Вы, мнѣ кажется, очень добрый человѣкъ, я вамъ очень благодаренъ, я рѣшился обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Что такое? спросилъ Кассандръ, — безъ обиняковъ, жарьте прямо, милый человѣкъ, я не люблю экивоковъ... въ чемъ дѣло?

— Вотъ видите, я долженъ вамъ признаться. Что дѣлать?.. по бѣдности. Я взялся представлять... У меня жена и дѣти съ голоду умираютъ... хозяинъ съ квартиры гонить... Не откуда взять, просто хотъ руки на себя наложить...

— Ну? спросилъ Кассандръ.

— Я ничего не знаю, шепнулъ ему на ухо Антонъ Антонычъ.

— Не важно суть, отвѣтилъ на это Кассандръ, — я десять лѣтъ благородныхъ отцовъ на театрѣ отваливалъ, никогда роли не зналъ... Понимаешь, Гораціо, на театрѣ, а не то чтобы въ лакомъ-нибуль этакимъ балаганишкѣ... Я тебя понимаю, я голоднаго человѣка очень хорошо понимаю, надѣйся на меня, и ты будешь спасенъ...

— Ради Бога! умолялъ Антонъ Антонычъ.

— Плевое дѣло, продолжалъ Кассандръ, — графинъ водки и ты на облакахъ славы! Слышишь? одинъ графинчикъ, и ты вознесенъ!..

— У меня нѣтъ ни копѣйки, — сознался откровенно Темнюшкнъ.

— Не важно суть, возразилъ Кассандръ, — мы въ долгъ повѣримъ: уже получишь и угостишь.

— О! съ большимъ удовольствіемъ! сказалъ Антонъ Антонычъ.

— Ну, такъ молчи, стой и слушай.

И Кассандръ очень вразумительно изложилъ новобранцу содержаніе имѣющей разыгрываться арлекинады, объясняя ему подробно и толково роль паяца или такъ называемаго *Лемана*, его выходы и обязанности, не забылъ растолковать нѣкоторые, условные знаки пантомимы, показалъ множество фарсовъ, особенно плѣняющихъ публику и, сверхъ всего этого, обѣщалъ *подсказывать* ему всякую сцену. Антонъ Антонычъ ожилъ и не зналъ какъ благодарить своего благодѣтеля.

Онъ довольно спокойно сталъ оглядываться. Все окружающее

поражало его непривычный глазъ, все было странно и дико. Онъ съ одинаковымъ любопытствомъ смотрѣлъ и на высокія рамы боковыхъ кулисъ и на безчисленное множество веревокъ, при помощи которыхъ совершаются разные полеты, превращенія и перемѣны декорацій. Его одинаково занимали и крошечная картонная будка, мгновенно превращающаяся въ очаровательный гротъ и полотняныя волны, качаемыя мужиками. Вазы, колесницы, часы, канделябры и бездна другихъ принадлежностей, грубо намалеванныхъ, потертыхъ и испачканныхъ, валялось въ беспорядочныхъ кучахъ, ожидая удобнаго случая появиться на сцену и изобразить великолѣпіе. Картоныя феи и гении болтались на веревкахъ и изумляли своимъ безобразіемъ. Не менѣе безобразны были бесѣдки изъ цвѣтовъ, залы съ малахитовыми колоннами, сельскія хижинны и великолѣпные дома. Словомъ все, что, по всей вѣроятности, плѣняло почтенную публику издали, было вблизи — сущая дрянь. Въ огромныя щели балагана проглядывала дневной свѣтъ и дулъ холодный, сквозной вѣтеръ; вездѣ воняло масломъ и гарью.

Переходя отъ неодушевленныхъ предметовъ къ существамъ живымъ, Антонъ Антонычъ замѣтилъ также не мало любопытнаго. Арлекинъ, закутавшись въ потертую эготовую шубу, разговаривалъ съ тиролькой, которая натирала чѣмъ-то бѣлымъ, кажется просто мѣломъ, покрасившія отъ холода руки. Волшебникъ, снявъ накладную бороду, ругался очень крупно съ господиномъ во французскомъ кафтанѣ и напудренномъ парикѣ. Жена Кассандра, это былъ переодѣтый мужчина, сидѣла на бочкѣ и, безцеремонно поднимая платье, завязывала башмаки. Двѣ барышни въ короткихъ платьицахъ, густо набѣленные и нарумяненные, присѣвъ на перекладину въ боковой рамѣ, сильными голосами разговаривали съ чортомъ. Какой-то старикъ раздавалъ мужикамъ совки съ бенгальскимъ огнемъ. Добрый гений, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, подвязывала что-то Колумбинѣ. Колумбина была прехорошенькая и видимо пользовалась особымъ расположеніемъ Карла Федорыча. На ней былъ совершенно чистый и ловко сшитый нарядъ; изъ подъ очень коротенькой юбочки выказывались красивыя ножки, туго обтянутыя чистымъ и хорошимъ трико; кругленькая шея и пухлыя плечи были очень открыты и очень соблазнительны: личико въ напудренномъ парикѣ, прилично подкрашенное, казалось очаровательнымъ и вблизи; черныя глазки блестяли необыкновенно ярко, изъ подъ накрашенныхъ бровей. Колумбина, казалось, знала себѣ цѣну и сильно кокетничала; по крайней мѣрѣ, она такъ соблазнительно прищурилась на Антона Антоныча, что тотъ смѣшался и рѣшился лучше не глядѣть на нее.

Чтобы разомъ оттолкнуть отъ себя нахлынувшія было игривыя мысли, Антонъ Антоновичъ обратился къ стоящему подлѣ него Кассандру.

— А что, спросилъ онъ : — скажите на милость : здѣсь изъ какого званія ?

— Да больше изъ свободнаго , отвѣчалъ Кассандръ съ достоинствомъ .

— То есть это какъ же изъ свободнаго ?

— Да такъ , просто вольные казаки на всѣ четыре стороны , ни кола , ни двора , ни семьи , ни добра ; а то бываютъ и семейные . Вонъ у волшебника-то восемь штукъ малъ-мала-меньше ; сначала торговалъ , табачную лавочку держалъ на Выборгской ; ну , не повезю , человекъ-то онъ видишь , безпардонный , не въ домъ несетъ , а изъ дому... Бывало запьетъ , ворота запретъ , тутъ ужъ какая торговля . Черезъ годъ и лавочку опечатали , самъ едва отвертѣлся . Вотъ и танцуетъ съ тѣхъ поръ : таракановъ заговариваетъ , посуду склеиваетъ , да вотъ здѣсь волшебникомъ ; такъ съ хлѣба на квасъ и перебивается .

— Ну , а другіе ? спросилъ опять Антонъ Антоновичъ .

— Другіе ? повторилъ Кассандръ , оглядываясь , чтобы примолвить . — Да кто откуда . Вонъ толстый этотъ — купеческій сынъ . Отецъ въ Кронштатѣ заведеніе держитъ , а сыночекъ-то съ мазурикаши знакомство повелъ . Ну , ужъ отъ мазурика одна наука , закурилъ да по женскому нолу пошолъ , такіе дебоши сталъ строить , что отецъ и рукой махнулъ , «ступай , говоритъ , ты куда хочешь , а я тебя , говоритъ , дебоширника и знать не хочу.» Вотъ и бляжется , гдѣ день , гдѣ ночь . Мать тайкомъ присылаетъ кое-что . Пришлетъ , онъ сейчасъ подъ машину да за мадеру , фарсъ любитъ , дѣвицы стаяетъ угощать ; ну , и опять нѣтъ ничего . Онъ и у насъ гляди какъ бѣдокурить : вонъ эта , что въ тирольскомъ-то , такъ онъ разъ , братецъ ты мой... просто умора... бенгальскимъ огнемъ освѣтили , а онъ... ахъ ты чортъ его дери ! съ ней цѣлуется ! Ну , ужъ и задалъ же ему хозяйинъ ; такъ оттрепалъ , что и-и-и !.. Потому вѣдь , самъ побудя , страмота , вѣдь публика можетъ замѣтить , вѣдь на все есть свое мѣсто и время , а ужъ это не модель... Такъ ли ?

— Да , конечно , подтвердилъ Антонъ Антоновичъ , — неприлично .

— Вѣдь вонъ , продолжалъ Кассандръ : — есть у насъ тоже молодой человекъ , вотъ во французскомъ кафтанѣ , ну , тоже не прочь отъ этихъ амуровъ ; такъ тотъ по крайности соблюдаетъ себя , не лѣзетъ подъ бенгальскій огонь . Ну , никто ни полслова , кому какое дѣло , что кума съ кумомъ сидѣла .

— А онъ изъ какихъ ? спросилъ Антонъ Антоновичъ .

— Кто, французикъ-то этотъ ?

— Да.

— Изъ нѣмцанъ. Любить представлять, до страсти любить ; даромъ станеть играть, только пусти. Просто, артистъ по душѣ ; только не пѣсть. Пріятель хозяйскому сыну, вотъ арлекину-то, что въ шубѣ стоимъ ; тотъ побойчѣе, даромъ что нѣмецъ.

— А !

— Да, только отецъ воли не даетъ, въ ежовыхъ держать ; оно и хорошо ; нѣмцу и не слѣдъ баловаться.

— А скажите, слѣдите милость, перебилъ его опять Антонъ Антонычъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Я хотѣлъ спросить... на счетъ дѣвицъ... дѣвицы какъ... т. е. откуда ?

— Вишь, сказалъ Кассандръ, улыбаясь и толкнувъ Темнюшкина подъ бокъ : — вишь куда закидываешь.

— Да вѣдь, ей Богу, изъ одного любопытства, началъ оправдываться Антонъ Антонычъ : — Вы не думайте, чтобы что-нибудь такое... Я, сохрани Богъ...

Но въ эту минуту раздался третій звонокъ ; второго Антонъ Антонычъ не слышалъ, музыка гремѣла во всю ивановскую ; Темнюшкина забила лихорадка...

— Посторонитесь ! крикнулъ ему кто-то. — Едва успѣлъ Антонъ Антонычъ отскочить въ сторону, какъ изъ отверстія въ потолокъ быстро спустился на веревкѣ мужикъ, а за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи в другой, — такъ былъ поднять занавѣсъ.

Въ эту минуту Антонъ Антонычъ не удержался и нечаянно, всколзъ взглянулъ на очаровательную Коломбину ; она улыбалась и манила его къ себѣ своей маленькой ручкой въ бѣлой перчаткѣ. Антонъ Антонычъ думалъ, что онъ ошибся, что Коломбина зоветъ не его, но никого подлѣ него не было ; такъ нѣтъ сомнѣнія, зовутъ его, именно его. Съ замирающимъ сердцемъ Антонъ Антонычъ подошелъ къ Коломбинѣ.

— Вамъ здѣсь выходить, сказала она ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорятъ петербургскіе нѣмцы, а съ этими словами поставила его такъ близко къ себѣ, что Антонъ Антонычъ чувствовалъ прикосновеніе ея платья и видѣлъ, какъ подымается у ней грудь. Боже правый ! какъ велико было искушеніе !.. Но отъ всякихъ грѣшныхъ и нечистыхъ побужденій удерживала Темнюшкина мысль о больной женѣ и голодномъ семействѣ.

— Выходи, шепнулъ Кассандръ Антону Антонычу : — голову назадъ, ноги разставляй по шире.

Антонъ Антонычъ очутился на сценѣ. Нечего прибавлять, что онъ оробѣлъ страшно и нѣсколько разъ порывался даже просто

ударъ со сцены. Но вотъ, кто-то изъ дѣйствующихъ лацъ долженъ дать паяцу оплеуху; Антонъ Антонычъ стоитъ преспокойно и ждетъ, товарищъ размахнулъ рукой и хлопъ его по щекѣ, — зала потряслась отъ рукоплесканій и одобрительныхъ криковъ. Кассандръ, наблюдая за своимъ ученикомъ въ кулисахъ, вспомнилъ, что не показалъ ему, какъ нужно въ такихъ случаяхъ подставлять руку. Антонъ Антонычъ пришолъ въ негодованіе.

— Какъ? подумалъ онъ: — меня благороднаго человѣка, бить по щекѣ?.. О! оплачу жъ я за это!

И забывая публику, забывая свою роль, Антонъ Антонычъ съ свирѣпостью тигра кинулся на ударившаго его товарища. Онъ готовъ былъ убить его; онъ уже схватилъ его за шиворотъ и повалилъ на полъ; но случайно поднявъ голову, Антонъ Антонычъ встрѣтилъ пристальный и умоляющій взглядъ Коломбины и руки его опустились въ совершенномъ безсильи. Публика хохотала и аплодировала. Темнюшкинъ ограничилъ свое мщеніе тѣмъ, что далъ такого пинка господину во французскомъ кафтанѣ, что тотъ расквасилъ себѣ носъ и занозилъ руку.

Такимъ образомъ первое представленіе прошло довольно благополучно, но Кассандръ нашолъ, что въ игрѣ Антона Антоныча недостаточна жару.

— Поди-ка сюда, сказалъ онъ своему ученику въ антрактѣ.

Они отошли въ темный уголъ, за мельницу. Кассандръ вынулъ изъ кармана полштофъ и протянулъ его Антову Антонычу.

— Что это? спросилъ Темнюшкинъ.

— Элексиръ жизни, отвѣтилъ Кассандръ: — влага премудрости и источникъ вдохновенія.

— Да что, кажется водка, несмѣло замѣтилъ Антонъ Антонычъ.

— Конечно водка, подтвердилъ Кассандръ: — пей и дѣло уразумѣй.

— Но я никогда не пью.

— Тѣмъ лучше подѣйствуетъ... Пей, нечего глаза-то тарашить, я дурному не стану учить. Воровать не хорошо, а пить — ничего.

Какъ ни отговаривался Антонъ Антонычъ, Кассандръ принудилъ его хлебнуть два, три глотка, объяснилъ кстати, какъ должно защищаться отъ оплеухъ, и друзья воротились въ переднія кулисы. Здѣсь Антонъ Антонычъ увидѣлъ опять Коломбину; она говорила что-то по нѣмецки Карлу Федорычу, что именно не появлять Темнюшкинъ, но только при его появленіи Карлъ Федорычъ кинулся къ нему и, пожимая руку, сказалъ:

— Благодарна, очень благодарна!..

Благодарность эта, не совсемъ заслуженная, была вѣроятно слѣдствіемъ женской протекціи. Какъ бы ни было, она, а можетъ быть и водка Кассандра сильно ободрили Антона Антоныча. Онъ съ нѣкоторою уже развязностью подошелъ къ Коломбинѣ и, поглядывая на ея открытыя плечи, замѣтилъ:

— Вамъ должно быть очень холодно.

— Нѣтъ, отвѣтила Коломбина, кокетливо пожимая плечами: — мнѣ холодно нѣтъ, а когда холодно, я чай пить... хотить чай? спросила она и, не дожидаясь отвѣта, юркнула изъ кулисы, поманивъ мальцемъ Темнюшкина.

Антонъ Антонычъ пошелъ за очаровательницей.

— Ого! шепнулъ ему на ухо встрѣтившійся на дорогѣ Кассандръ.

Коломбина впрхнула, такъ казалось по крайней мѣрѣ Темнюшкину, въ небольшую и низенькую комнатку, куда вошелъ и онъ счастливый и взволнованный. Уборная Коломбины, т. е. чуланчикъ въ квадратную сажень, былъ оклеенъ дешевенькими обоями; два стула, столикъ, небольшое зеркало и умывальникъ составляли всю его мебель. Въ одномъ углу стоялъ большой самоваръ: онъ исправлялъ и должность печки. На стѣнахъ висѣли нѣсколько юбокъ, платье, шуба и другія принадлежности дамскаго туалета; на полу, покрытому войлокомъ, валялись чулки, башмаки и разная мелочь. На столѣ красовались баночка съ бѣлилами, румяна, помада, гребенка и жожовая пробка. Все это, взятое вмѣстѣ, было довольно некрасиво и грязно, неаппетитно, какъ говорятъ нѣкоторыя дамы, но въ глазахъ Антона Антоныча все это украшалось присутствіемъ прелестной Коломбины. Она налила и подала Антону Антонычу чашку чаю. Что такое чай? но какъ вкуснѣе показался онъ Темнюшкину изъ рукъ очаровательной Коломбины!.. Едва чашка была допита, какъ раздался звонокъ; Антонъ Антонычъ поставилъ чашку, схватилъ ручку Коломбины, крѣпко поцѣловалъ ее и выбѣжалъ въ кулисы.

Второе представленіе шло отлично: Антонъ Антонычъ игралъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ и приводилъ публику къ неистовымъ восторгамъ. Каждое появленіе его на сценѣ вызывало неудержимый хохотъ и рукоплесканія. Сама Коломбина, стоя въ кулисахъ, хлопала ему своими маленькими ручками, но Антонъ Антонычъ не видѣлъ этого, потомучто боялся взглянуть на нее, послѣ слишкомъ емѣлаго, какъ онъ думалъ, постука въ уборной. Даже въ антрактѣ онъ избѣгалъ встрѣчи съ Коломбиной и ушелъ съ Кассандромъ за мельницу.

Третье представленіе прошло еще удачливѣе. Даже товарищи удл-

владысь великолѣпнѣйшимъ фарсамъ своего новаго собрата. Антонъ Антомычъ чувствовалъ въ себѣ какую-то необъяснимую силу, повинуясь которой дѣлалъ чудеса. Кассандръ искренно радовался за своего ученика.

— Сказалъ тебѣ, говорилъ онъ Темнюшкину: — будешь на облакахъ и бысть!..

Съ каждымъ представленіемъ успѣхъ Антонъ Антоныча росъ съ изумительною быстротою. Мало по малу слава его разнеслась и по другимъ балаганамъ, такъ что въ послѣднее представленіе, въ балаганѣ Карла Федорыча набралось очень много содѣлателей другихъ балагановъ и артистовъ. Вслѣдствіе нѣсколькихъ путешествій за мельницу, Антонъ Антонычъ уже сильно подгулялъ и даже пересталъ бояться Коломбины. Она по прежнему смотрѣла на него ласково и кокетливо. Антонъ Антонычъ чувствовалъ, что силы его и смѣлость растутъ. Онъ хотѣлъ было даже передъ выходомъ на сцену поцѣловать Коломбину, но какъ-то удержался и только выразительно пожалъ ей ручку.

Къ неопisanному восторгу Карла Федорыча и всей его труппы, Антонъ Антонычъ въ послѣднее представленіе превзошелъ самаго себя. Онъ выдѣлывалъ такія штуки, что музыканты, и особенно капельмейстеръ, не могли играть отъ хохота, а публика ломала стулья и скамьи. Каждое движеніе Темнюшкина рукой или ногой, каждая гримаса, каждое мычанье дѣйствовали электрически на всю публику и вызывали единодушный, гомерическій хохотъ, хлопанье, стукъ и крики, отъ которыхъ дрожалъ балаганъ Карла Федорыча и едва не тухли лампы. Съ нѣкоторыми дамами сдѣлалась истерика; барабанщикъ, капельмейстеръ и Карлъ Федорычъ плакали. Успѣхъ Антона Антоныча былъ колоссальный; такого еще не бывало на адмиралтейской площади нвогда.

— Сказалъ будешь на облакахъ славы— твердилъ Кассандръ, — и бысть!..

Когда представленіе кончилось, Антонъ Антонычъ не зналъ куда дѣваться отъ поздравленій и похвалъ. Коломбина протянула ему руку и сказала.

— Sie sind ein wirklicher Künstler!

Антонъ Антонычъ конечно не понялъ этого комплимента, но не сомнѣвался, что это что-нибудь хорошее и при всѣхъ, еще разъ, крѣпко поцѣловалъ милую ручку.

Карлъ Федорычъ, славившійся своею честностью, вмѣсто обѣщанныхъ десяти рублей, далъ Антону Антонычу одиннадцать и взялъ съ него слово продолжать начатое знакомство.

За тѣмъ почти вся труппа, переодѣвшись и получивъ, послѣ

разныхъ споровъ и вычетовъ, жалованье, отправилась въ ближайшій трактиръ; туда же отправился и Антоновъ Антоновичъ уже порочно охмѣлѣвшій.

Съ душевнымъ прискорбіемъ приближаюсь я къ печальному заключенію моей истинной, хотя можетъ быть повидимому и не совсѣмъ правдоподобной исторіи.

Слава, говорятъ, вскружила голову Александру великому; очень не мудро, что она же вскружила голову и Антону Антоновичу Темнюшкину. Упоенный необыкновеннымъ успѣхомъ, кокетствомъ прелестной Коломбины и похвалами новыхъ товарищей, Антоновъ Антоновичъ развернулся въ трактирѣ во всю ширину русской натуры.

— На, другъ мой, всю мою казну, сказалъ онъ Кассандру, отдавая ему всё, только что полученные деньги, — барствуй и гуляй на мой счетъ, ты меня обязалъ по гробъ... Я тоже хочу гулять!..

Кассандръ принялъ казну и сталъ распоряжаться. Въ отдельной комнатѣ, довольно тѣсной и пропитанной какимъ-то страннымъ запахомъ, пошелъ паръ разгулявшихся нищихъ. Антону Антоновичу, впрочемъ, пришлось гулять не долго; съ третьей или четвертой рюмки какого-то откупного дурману, онъ уже осовѣлъ окончательно. Все окружающее его подернулось туманомъ и неспрѣтно закачалось. Глаза, полинявшіе, тусклые, остановились будто стеклянные, разговоръ и смѣхъ товарищей слились во что-то неясное, неопредѣленное и убаюкивающее; вѣки налились свинцомъ и стали медленно опускаться.

— Что, милый человѣкъ, замѣтилъ Кассандръ, — ужъ клонить?

Антоновъ Антоновичъ хотѣлъ отвѣтить, что совсѣмъ не клонить, хотѣлъ даже раскрыть глаза и улыбнуться, но только качнулъ головой и клюнулъ носомъ въ столъ.

— Спи, милый прахъ, до радостнаго утра! продекламировалъ Кассандръ, протянувъ надъ нимъ обѣ руки, какъ благословлялъ онъ бывало, въ роли благороднаго отца, счастливыхъ влюбленныхъ.

Антоновъ Антоновичъ дѣйствительно заснулъ, заснулъ крѣпко. Пирующая братія не обращала на него никакого вниманія и продолжала свою скромную оргію, состоящую изъ различныхъ волокъ, пива, мадеры, закусокъ, извѣстныхъ плоскостей и хвостовства, свойственнаго всѣмъ вообще артистамъ. Пированье, подобно разложенному въ полѣ костру, разгоралось постепенно, словно раздуваемое вѣтромъ, и наконецъ достигло величайшихъ размѣровъ, т. е.

до неудержимаго смѣху, безтолковаго крику, пѣсень и битья посуды. Всѣ заговорили, никто не хотѣлъ слушать; одни ссорились, другіе цѣловались, а надъ разгориченными ихъ головами восились облака дыму, такого густого, о какомъ офицеры говорятъ, что *на немъ топоръ можно повѣсить...* За тѣмъ, уже къ разсвѣту, костеръ сталъ быстро уменьшаться и потухать. Все общество видимо ослабѣвало, только изрѣдка, подобно искрамъ, еще вырывались шутка, смѣхъ или твердое слово, да скоро не стало и этого; многіе разошлись, полдерживая другъ друга, многіе остались на мѣстѣ, въ видѣ обгорѣвшихъ головешекъ...

Кассандръ сталъ будить Антона Антоныча.

— Возстань ото сна! Пиръ Балтасаровъ конченъ! Грядемъ ко двору!

На крики и сильныя толчки Кассандра, Антоновъ Антонычъ съ трудомъ поднялъ отяжелѣвшую голову, едва-едва смогъ раскрыть отеки глаза и охриплымъ голосомъ сказалъ:

— Дай, братецъ, еще рюмочку.

— Последнюю — можно; на, опрокидывай!

Опохмѣлившись, Антоновъ Антонычъ окинулъ комнату изумленнымъ взоромъ и остановилъ его вопросительно на Кассандрѣ.

— Что, добрый молодецъ? сказалъ Кассандръ, — темна вода во облацѣхъ? Въ буйной головушкѣ — муть и чернота, память въ пятки ушла... Зри! великое побоище кончилось, врагъ разбитъ въ дребезги, на бранномъ полѣ остались только трупы нашихъ храбрыхъ воиновъ... Ляжемъ костями ту, мертвые бо срама не имутъ... Пора, другъ, и намъ честь знать, пора домой! Всю мощну разтрясла, а здѣсь, братъ, такая богадѣльня, что безденежныхъ въ шею гонять. Нечего сидѣть, коли все пропито.

— Все? спросилъ Антоновъ Антонычъ, приходя нѣсколько въ себя.

— Все, до копѣйки! отвѣтилъ Кассандръ.

Подобно тому, какъ сквозь неплотно притворенныя ставни, въ комнату проглядываютъ лучи дневнаго свѣта, въ голову Антона Антоныча стали проникать сознание и память. Мало по малу, наконецъ, все освѣтилось, все стало ясно... Антоновъ Антонычъ припомнилъ, что онъ въ трактирѣ, что онъ пришелъ сюда съ вечера кутить, что вчера добылъ одиннадцать рублей, огромныя для него деньги, отдалъ ихъ Кассандру и всѣ онъ пропиты. Вслѣдъ за тѣмъ воображенію его предстали: сырая и грязная комната, больная жена, умирающій ребенокъ, голодныя дѣти, неумолимый домовладылецъ и наконецъ полиція.

— Господи! Что я сдѣлалъ! — вырвалось у Антона Антоныча.

закрывшаго лицо руками. — Что я надѣлалъ? Съ чѣмъ я домой приду?..

— Вотъ то-то, милый человѣкъ, сказалъ Кассандръ, потрепавъ его по плечу. — Что я надѣлалъ? Съ чѣмъ я домой приду?.. Объ этомъ надо было прежде подумать, а теперь поздно... Ну, полво наярываться, прибавилъ онъ, — я за тебя подумалъ; получай свои денежки, держи покрѣпче, да бѣги домой поскорѣй... Это я тебя пострадать хотѣлъ, да поучить... Это я, не помню изъ какой пьесы, штуку выкинулъ...

Е. МО—РЪ

8 марта 1861 года

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

НЕДАВНЕЕ ПРОШЕДШЕЕ И ПРОВОДЫ ПИРОВОГА ИЗЪ КИЕВА

Было время, о которомъ по преимуществу и съ особеннымъ чувствомъ можно сказать вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ :

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

это то время, когда мы знали, что въ иныхъ земляхъ существуетъ понятіе, выражаемое словами: «l'opinion publique», и что это выраженіе, если бы понадобилось, можно очень вѣрно и точно перевести на русскій языкъ словами: «общественное мнѣніе». Такъ его и переводили, когда заходила рѣчь о чужеземныхъ понятіяхъ; тамъ же, гдѣ рѣчь шла о насъ и о нашихъ понятіяхъ, такого перевода дѣлать не приходилось... Удивительное было время! Вѣдь общественное мнѣніе есть мнѣніе большинства о какомънибудь общемъ дѣлѣ или общественномъ дѣятелѣ; большинство было, и каждый членъ его думалъ же что-нибудь о томъ, что онъ знаетъ; а общественнаго мнѣнія все-таки не обрѣталось. Думалъ каждый про себя и не знаетъ, также ли думаетъ его землякъ: Кострома не знала, какъ думаетъ Пенза, Пенза не знала, какъ думаетъ Кострома, а Петербургъ не зналъ мнѣній Костромы, Пензы, и всѣхъ иныхъ. Тихо, какъ-будто неслышимо и невидимо, текли общественныя дѣла; въ глубокое безмолвіе взидало большинство на строй общественныхъ дѣятелей, различая ихъ болѣе или менѣе твердо по именамъ, и несомнѣнно твердо по титуламъ; взирая на этотъ строй, оно видѣло болѣе или менѣе блестящія одежды, болѣе или менѣе ясныя атрибуты титуловъ; но за одеждами не могло разглядѣть лицъ, за титулами—человѣческихъ характеровъ. Смотря по тому, въ виду какой части большинства дѣйствовалъ и на какую долю его вліялъ изъ

вѣстный общественный дѣятель, эта доля составляла отдѣльную группу съ своими затаенными мнѣніями, симпатіями и антипатіями, не зная, не думая и не заботясь о мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ другихъ подобныхъ группъ. Смутно, неясно и несвязно, какъ ночныя грезы, носились подѣ часть эти мнѣнія, симпатіи и антипатіи изъ одной группы въ другую и принимались безучастно, какъ во снѣ. И эта ночь, полная грезъ и призраковъ, лежала надъ всею объятою тревожнымъ сномъ массою большинства; оно почивало, крѣпко сомкнувъ вѣжды, и только порою вздрагивало и лепетало подѣ влияніемъ сновъ и призраковъ, блестящихъ, но безличныхъ, знакомыхъ и въ тоже время незнакомыхъ ему...

Не знакома ли вамъ, читатель, эта молчаливая картина общественного положенія? Вы, можетъ быть, уже не видите ея вкругъ себя; но, какъ бы молоды вы ни были, она должна быть знакома вамъ по воспоминанію, по преданію...

•Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...

Преданіе говоритъ, что въ то время мудрено было выдвинуться изъ ряда общественному дѣятелю, что ни у одного изъ нихъ и не было особенной охоты выдвигаться въ глазахъ массы; что тогда надъ всѣми проходилъ общій уровень, и подѣ нимъ двигались разныя фигуры, дѣйствуя по заведенному порядку, по данной инструкціи, не внося въ дѣло собственныхъ умственныхъ и сердечныхъ особенностей; а если иные вносили, то потихоньку и съ цѣлями тоже особенными, личными и домашними, и это вношеніе было такого рода, что ужъ лучше бы его и не было; были конечно немногія исключенія, были люди, не подходившіе подѣ уровень, не умѣвшіе двигаться по заведенному порядку; но они за то и совсѣмъ не двигались: они уходили отъ общественной дѣятельности и *повидимому* забывались, а потомъ тихо сходили и теперь еще по временамъ сходятъ въ могилу, напутствуемые короткими и сухими некрологами... Мы не помѣщаемъ такихъ некрологовъ, хотя удерживаемъ за собою личное право уважать память исключительныхъ, выходившихъ изъ ряда личностей. Исторія выберетъ изъ нихъ достойнѣйшихъ и въ свое время поставитъ на принадлежація имъ мѣста... Преданіе говоритъ, что въ то время не было общественного мнѣнія, потому что оно составляется изъ дружнаго сліянія мнліоновъ отдѣльныхъ личныхъ мнѣній, а такого сліянія тогда образоваться не могло: для этого нуженъ гласный обмѣвъ мыслей и чувствъ, нужно громкое ихъ выраженіе, которое было не принято; публичные органы, существовавшіе въ опредѣленномъ числѣ, оставались въ этомъ отношеніи праздными; а новымъ, съ свѣжими

силами органамъ, по словамъ преданія, возникать было неудобно и затруднительно... Вотъ недавно, очень недавно, уже въ наше, настоящее время, когда вдругъ появились десятки объявленій все о новыхъ общественныхъ органахъ, намъ даже стало смѣшно: «что это? заговорили мы, откуда ихъ столько, какъ грибовъ послѣ дождя? да ужъ не слишкомъ ли много? кто же читать-то ихъ будетъ?». Такъ странно показалось намъ съ непривычки такое явленіе! Поговорили, посмѣялись, головами покачали... А теперь уже и не смѣемся; а если иногда и засмѣемся, то никакъ не надъ появленіемъ новыхъ органовъ, а только надъ ихъ исчезновеніемъ: засмѣемся, когда вдругъ упорхнетъ изъ рукъ какая-нибудь «Ласточка», пропадетъ безъ вѣсти «Дамскій Вѣстникъ» или «Современность» окажется анахронизмомъ. Впрочемъ нныя исчезновенія возбуждаютъ не смѣхъ, а скорѣй горькую улыбку. Но когда рождаются новые органы — намъ не странно; мы встрѣчаемъ ихъ не съ удивленіемъ, а съ привѣтливой улыбкой, какъ дорогихъ и пріятныхъ гостей; мы уже не спрашиваемъ, кто ихъ будетъ читать, и не имѣемъ причины дѣлать этотъ скептическій вопросъ въ виду такихъ фактовъ, какой представляетъ напр. городъ Шуя, гдѣ, по увѣренію мѣстнаго корреспондента, въ 1859 году получалось разныхъ газетъ и журналовъ 246 экземпляровъ, въ 1860 году 293 экземпляра, а въ нынѣшнемъ 1861-мъ дошло это число до 350... Мы рады новымъ органамъ, кто бы они ни были — столичные ли уроженцы или иногородные; намъ стали нужны иногородные «вѣстники», намъ стали нужны вѣсти отсюда. Намъ не странно было услышать изъ Симбирска о «Волжскомъ Вѣстникѣ», не странно и теперь узнать, что въ Кронштадтѣ будетъ съ іюля нынѣшняго года издаваться «Кронштадтскій Вѣстникъ», а въ Астрахани съ 1-го января 1862 года «Волга»; что первый предполагаетъ быть «органомъ всѣхъ мѣстныхъ явленій и событій общественной жизни, а также будетъ посвященъ морскому дѣлу и всему, что имѣетъ къ нему близкое отношеніе»; вторая — «посвящается исключительно промышленнымъ интересамъ прикаспійскаго края, собранію статистическихъ данныхъ по торговой и промышленной дѣятельности Поволжья и волжско-каспійскаго пароходства».

Все это теперь кажется намъ естественно, нужно, необходимо; но въ то время, о которомъ мы сохранили свѣжее преданіе, новые мѣстные общественные органы казались, говорятъ, почти невѣроятными.

Не подумайте однако, читатель, что мы начали рѣчь о нашемъ свѣжемъ преданіи по поводу объявленій о новыхъ журналахъ. Нѣтъ! они намъ попались уже къ слову, случайно и неожиданно;

заговорили же мы подъ вліаніемъ другого, болѣе разительнаго и сильнѣе дѣйствующаго на душу явленія: именно подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ рассказами о томъ, какъ Кіевъ и кіевскій учебный округъ прощались съ бывшимъ попечителемъ этого округа Н. И. Пироговымъ. Это прощанье, эти проволы, описаны въ особой, изданной въ Кіевѣ брошюрѣ, извлеченіи изъ нея помѣщены въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, такъ что вся читающая Россія уже знаетъ теперь или узнаетъ на дняхъ, что Кіевъ и кіевскій учебный округъ смотрѣли на удаленіе отъ нихъ Пирогова, какъ на общее лишеніе, на общую утрату; что имъ въ этомъ глубоко сочувствовали Петербургъ, Москва, Казань, Харьковъ, Одесса и другіе города; что эти сожалѣнія объ утратѣ и сочувствія высказались чистосердечно и громко — одни въ произнесенныхъ въ Кіевѣ рѣчахъ, другія въ переданныхъ туда изъ разныхъ мѣстъ телеграммахъ, и что стало быть здѣсь послѣдовало сліяніе мыслей и чувствъ огромнаго большинства объ одномъ общественномъ дѣятелѣ; узнала это читающая Россія, и общественное мнѣніе о человѣкѣ опредѣлилось; теперь его всѣ знаютъ, теперь онъ всѣмъ знакомъ... Отчего же это случилось? Отчего успѣли его такъ узнать? Оттого, что онъ внесъ въ общее дѣло свою человѣческую личность, свое неизмѣнное, честное убѣжденіе, и его узнали какъ человѣка...

Но что же такое сдѣлалъ Н. И. Пироговъ! Чѣмъ онъ возбуждалъ къ себѣ это общее влеченіе? За что его благодарятъ и любятъ? Все это откровенно и непритворно высказано ему самому на прощаньи. 4-го апрѣля кіевское ученое сословіе давало прощальный обѣдъ Пирогову, и на обѣдѣ говорили свои прощальныя слова — профессора университета, учителя гимназій, представитель студентовъ, представитель евреевъ, и наконецъ профессоръ Шульгинъ сдѣлалъ «наглядный сводъ того, о чемъ говорили его предшественники»; онъ перечислилъ дѣла Пирогова, и —

«Вотъ дѣла эти:

«1) Конкурсный порядокъ замѣщенія кафедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ; 3) специализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета — на историческій, классической филологіи и славяно-русской филологіи; 4) правила о судѣ надъ студентами; 5) устройство студентской бібліотеки и лекторіи, и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ; 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ; 7) преобразование окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изда-

ніе; 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ; 9) совершенное преобразованіе гимназическихъ испытаній; 10) литературныя бесѣды учениковъ; 11) воскресныя школы; 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

«Довольно кажется совершенно въ два съ половиною года», говоритъ г. Шульгинъ, сдѣлавъ этотъ переченьъ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Но не въ видимой ложкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляють и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Николай Ивановичъ при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣетъ эта наука, и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Николай Ивановичъ вызвать къ самодѣятельности и попочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

«Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросятъ быть можетъ люди, которымъ духовное вліяніе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь.

«А хоть бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу, и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ...

«А развѣ не указываетъ на вліяніе Пирогова еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ — евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

«А этотъ наконецъ представитель евреевъ, только что провозгласившій отъ ихъ имени тоску за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя челоуѣчности въ Пироговѣ...

«Кстати о челоуѣчности. Вы украшаете титуломъ превосходительства, Николай Ивановичъ! Рѣдко кто изъ насъ называлъ васъ этимъ титуломъ. А между тѣмъ, никогда не величала васъ превосходительствомъ, а теперь, на прощаньи, громко и смѣло скажу, что другого титула вамъ нѣтъ и быть не можетъ. «Онъ былъ великій король!» говоритъ у Шекспира Горацио про отца Гамлетова. «Челоуѣкъ онъ

былъ изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть! отвѣ-
часть ему Гамлетъ.

«Вотъ въ этомъ-то смыслѣ вы превосходительство: вы превосхо-
дите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси,
гдѣ еще съ Диогеновымъ фонаремъ, среди бѣла дня, нужно искать че-
ловѣка. Имѣя честь быть членомъ факультета, кругъ наукъ котораго
носить по преимуществу названіе человѣчвыхъ (humanioga), я по-
читаю долгомъ заявить, что великій медикъ являлся въ отношеніи
къ гуманному факультету. вполнѣ гуманнымъ человѣкомъ.

«Но пора намъ разстаться... Вамъ, чтобы вдали отъ насъ наслаж-
даться благороднымъ сознаниемъ исполненнаго долга и продолжать
тѣ благіе труды, которые вы развѣ съ послѣднимъ вздохомъ пре-
кратите. Намъ для того, чтобы грустить и сожалѣть... о комъ? да
хоть о самихъ себѣ сожалѣть...

«Отецъ и учитель! Завѣщай мнѣ только духъ твой!» говорилъ
сынъ умпрающему Гердеру, отрицаясь отъ всякаго другого наслѣд-
ства. Съ тою же просьбою обращаемся и мы къ вамъ Николай Ива-
нычъ. Оставьте намъ духъ вашъ, ваши стремленія, вашу высокую
человѣчную и гражданскую доблесть».

Чтобы еще ярче представить личность Пирогова и дать понять
тайну общаго сочувствія къ нему, — довольно привести нѣсколько
словъ изъ его отвѣтной рѣчи. Онъ началъ ее тѣмъ, что сочувствіе,
которое ему оказываютъ, относится столько же къ нему, сколько и
къ самимъ сочувствующимъ; что они сочувствуютъ его взглядамъ
на жизнь, науку и школу, но эти взгляды столько же его, сколько и
ихъ собственныя.

«Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, гово-
рилъ онъ потомъ, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

«...понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы, какъ въ жизни, такъ
въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ воз-
мужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство,
нравственную свободу человѣческаго духа и личность?»

«Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было
моею первою обязанностию.

«Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполнили эту обя-
занность, значило бы судить о самихъ себѣ.

«Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

«Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и
наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшивъ себя тѣмъ, что и здѣсь,
на землѣ, — гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно неразруши-
мое — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ,
которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ пу-

темъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ея вмѣстѣ съ нами.»

8-го апрѣля Н. И. Пироговъ прощался съ студентами университета. Изъ того, что онъ говорилъ имъ при этомъ, мы возьмемъ нѣсколько фразъ, которыя характеризуютъ его уже вполне и которыя такъ хороши, что ихъ полезно узнать и запомнить всѣмъ и каждому. Онъ говорилъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее...

«Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣрiемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованiя въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленiя, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ, и въ васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ...

«Я зналъ, что не многiе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣнii, и въ гоньбѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденiй, не могло остановить моихъ дѣйствiй, основанныхъ на любви и уваженii къ молодости, на довѣрiи къ ея благородству мыслей и стремленiю къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потомучто я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не *мною*. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался *мною* и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденiя, которыя припешъ къ вамъ, которыя никогда ни отъ кого не скрывалъ, потомучто считалъ преступнымъ скрывать начала, служившiя основанiемъ моихъ дѣйствiй.»

9-го апрѣля прощалось съ Пироговымъ за обѣдомъ кiевское общество. Здѣсь отцы семействъ благодарили его за своихъ дѣтей; иностранецъ выразилъ удивленiе, возбужденное въ немъ простотою обхожденiя Пирогова; говорилъ еврей Каценъ о нравственномъ влiянii дѣятельности Пирогова, отразившемся на его соплеменникахъ, живущихъ въ Россii. Мы остановимся на словахъ г. Кацена.

«Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка, сказала онъ, оставила насъ въ состояніи человѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣненія, этого губительнаго недовѣрія ко всему неевропейскому. Правда, оруліе было другое: въ среднихъ вѣкахъ — физическая сила, въ новыхъ — низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣтся, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство усилило примираться съ настоящимъ, и съ любовью и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высокоправдивая, нужны были вы, Николай Ивановичъ! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя русскаго, стало популярнымъ между евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Мы бы долго не кончили, еслибы вздумали передавать все, что было высказано на прощаньи Н. И. Пирогову. Намъ хотѣлось представить только сущность того, что пространно развито въ многочисленныхъ рѣчахъ ораторовъ; намъ хотѣлось только увѣрить явленію, раскрыть источникъ общей симпатіи къ этому человѣку и показать примѣръ, какъ можетъ въ наше время подняться въ глазахъ большинства достойная личность и какъ можетъ большинство оцѣнить и поднять своей оцѣнкой достойнаго общественнаго дѣятеля. Намъ хотѣлось наконецъ указать на эту новую характеристическую черту нашего времени, общающую въ будущемъ дальѣйшее развитіе общественныхъ инстинктовъ.

Сейчасъ привели мы слова сошедшаго съ поприща дѣятеля: «Здѣсь на землѣ есть для насъ одно неразрушимое — это господство идей». Онъ имѣлъ полное, сознательное право произнести эту несомнѣнную истину о неразрушимости идей, потому что подтвер-

жденіе для ней есть въ фактахъ его собственной умственной жизни. Давно уже, впервые заговоривъ о *вопросахъ жизни*, онъ бросилъ на свѣтъ мысль о необходимости общечеловѣческаго образованія прежде образованія спеціальнаго, и отъ этой мысли доходилъ до заключенія, что общее образованіе должно находиться въ спеціальныхъ заведеніяхъ, которыя слѣдовательно должны состоять изъ однихъ высшихъ, собственно спеціальныхъ курсовъ и назначаться для воспитанниковъ уже взрослыхъ. Эта мысль не погибла, и вотъ — осуществленіе ея между прочимъ встрѣчаемъ въ слѣдующемъ новомъ правительственномъ распоряженіи.

При Лѣсномъ Институтѣ и Лисинскомъ Учебномъ Лѣсничествѣ учрежденъ спеціальный курсъ лѣсоводства, имѣющій цѣлю подготовить для лѣснаго управленія людей изъ получившихъ высшее общее образованіе. Съ этою цѣлю къ слушанію курса допускаются окончившіе образованіе въ университетахъ съ степенью кандидата или званіемъ дѣйствительнаго студента, по разрядамъ наукъ: естественныхъ, камеральныхъ, математическихъ, юридическихъ и медицинскихъ (за исключеніемъ фармацевтовъ и ветеринаровъ).

При этомъ замѣчается, что въ 1863 году послѣдуетъ совершенное упраздненіе Лѣснаго Института, и тогда учрежденный теперь курсъ будетъ обращенъ въ особое спеціальное лѣсное заведеніе, — *Лѣсную Академію*, — которое слѣдуетъ единственнымъ, для высшаго образованія по лѣсной части.

Для учрежденнаго теперь курса обнародованы и подробныя правила.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНТИКВАРИИ И БОЛЬШОЙ ВОПРОСЪ ВЪ МАЛЕНЬКИХЪ РУЧКАХЪ

Мы сказали — истинныя идеи неразрушимы, — въ этомъ конечно вы не сомнѣваетесь, читатель. Онѣ именно неразрушимы, — это ихъ лучшій эпитетъ. Есть у насъ другое слово, но оно къ истиннымъ идеямъ не такъ хорошо идетъ. Это слово — живучесть. Оно идетъ ко многимъ другимъ вещамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тоже не рѣдко гуляютъ по свѣту подъ именемъ идей; но это идеи — самозванцы, переряженцы, волки въ одеждѣ овчей. Къ нимъ между прочимъ принадлежатъ разнаго рода фокусы, взобрѣтаемые такъ называемыми остроумными писателями, для достиженія различныхъ земныхъ, насущныхъ цѣлей, а иногда даже и цѣлей духовныхъ, какъ наиримѣръ для воздвиженія себѣ временнаго миниатюрнаго пьедестальчика, чтобы стать на него въ качествѣ маленькаго божка

крошечнаго идеальчика, показаться, покрасоваться, показать публикѣ фокусъ и потомъ уйти внутрь пьедестальчика, какъ уходятъ полравшіяся маріонетки. Фокусъ заключается иногда въ извѣстномъ взглядѣ на извѣстный предметъ, или даже просто въ извѣстномъ приѣмѣ, въ извѣстномъ тонѣ рѣчи, въ извѣстной манерѣ объясняться съ публикой. Подобное изобрѣтеніе большею частію остается во все время своего существованія исключительной привилегіей изобрѣтателя, потомучто его собратья по ремеслу, хотя видятъ иногда выгоду фокуса, но съ другой стороны соображаютъ невыгоду немного унижительной роли подражателя, и — оставляютъ изобрѣтеніе въ исключительномъ пользованіи изобрѣтателя — одни съ презрѣніемъ, другіе съ завистью и затаенной досадою. Между тѣмъ фокусъ, какъ изобрѣтеніе, имѣетъ характеръ новизны и свѣжести; новизна и свѣжесть привлекательны, онѣ нравятся публикѣ, публика стремится къ нимъ, и изобрѣтатель торжествуетъ, торжествуетъ до тѣхъ поръ, пока публика не присмотрится къ фокусу или не набьетъ имъ себѣ оскомны. Тогда можетъ послѣдовать одно изъ двухъ: или молчавшіе дотолѣ собратья ополчатся на пошатнувшагося артиста, произойдетъ жестокая война, которая и кончится тѣмъ, что артиста повалятъ; или же догадливый артистъ, предупреждая войну, во время закроетъ лавочку, уберетъ свой пьедестальчикъ и удалится...

Казалось бы, что такъ тому дѣлу должно и кончиться. Но нѣтъ! Вотъ проходятъ годы; туманъ забвенія застилаетъ слѣды удалившагося артиста; мѣсто, гдѣ стоялъ его пьедестальчикъ, уже заросло травой и быліемъ; но немъ гуляютъ другіе господа, совсѣмъ въ иныхъ костюмахъ, съ иными фізіономіями и приѣмами... Вдругъ — въ сторонѣ выдвигается изъ-подъ земли угломъ всизвѣстный предметъ. Тотчасъ находится господинъ съ призваніемъ антикварія, припадаетъ, собственноручно откапываетъ и извлекаетъ... пьедестальчикъ! Смотрите, дорогая находка уже у него на плечѣ; онъ бѣжитъ съ нею, третъ ее, чиститъ, кроетъ свѣжемъ лакомъ и — онъ уже на пьедестальчикѣ, въ костюмѣ артиста, въ граціозной позѣ. Публика, начавшая было забывать артиста, успѣвшая поддаться другимъ впечатлѣніямъ и увлечься другими интересами, видитъ что-то блестящее, не узнаетъ знакомаго пьедестальчика, идетъ, любопытствуетъ и любитъ, какъ чѣмъ-то новымъ. Конечно ей немного нужно времени на то, чтобъ всмотрѣться и распознать, что это новое — только подновленное и подкрашенное старье; но — вѣдь это пожалуй можетъ повториться и не разъ. Вотъ почему подобнымъ вещамъ слѣдуетъ приписать свойство живучести!

Недалѣе какъ въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала одна статья указала мѣсто, гдѣ найденъ и открытъ пьедестальчикъ одного изъ нашихъ бывшихъ наиболѣе искусныхъ и наиболѣе смѣлыхъ артистовъ — Оадеа Венедиктовича. Но вѣдь это не единственный примѣръ...

Благосклонный читатель, скажите, были ли вы такимъ же какъ теперь благосклоннымъ читателемъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка? Мы тогда состояли таковыми; если и вы тоже, то конечно помните, чѣмъ для насъ былъ тогда таинственный, красовавшійся нѣкоторое время своей таинственностью баронъ Брамбеусъ, и какому подножіемъ служила ему тогдашняя «Библіотека для чтенія». Если вы молоды такъ, что не помните тогдашней «Библіотеки для чтенія», то не судите по нынѣшней: теперь она уже въ третьихъ или четвертыхъ рукахъ; въ ней съ той поры произведено столько капитальныхъ исправленій и передѣлокъ, что первоначальной постройки и узнать невозможно. Если же вы помните первоначальную «Библіотеку для чтенія», то знаете, что въ ней больше всего и прежде всего читались: такъ называемая *Литературная лѣтопись* и статьи, подписанныя барономъ Брамбеусомъ; вы знаете, какъ мы носились съ этимъ идолычкомъ, какъ мы хотали и радовались тому, что онъ для насъ выдѣлывалъ, съ какимъ наслажденіемъ читали мы его... А скажите, много ли вы вынесли и внесли въ вашу жизнь изъ того, что прочли въ *Литературной лѣтописи* и въ статьяхъ барона Брамбеуса?.. Но можетъ быть вы съ той только поры и именно по милости барона Брамбеуса и вступили въ званіе благосклоннаго читателя? — И этого уже довольно, хотите вы сказать. Совершенно справедливо! Помяните-же собственно за это добрымъ словомъ барона Брамбеуса и его литературную лѣтопись... Ну, а если бы теперь, когда вы уже давно привыкли быть читателемъ, вдругъ явились къ вамъ вновь и въ видѣ новостей та же или подобная литературная лѣтопись и такія же или подобныя статьи, какія были подписаны барономъ Брамбеусомъ, — какъ бы вы встрѣтили ихъ? Вы скажете, что этого быть не можетъ; что конекъ, на которомъ ѣздилъ баронъ Брамбеусъ, давно обезножилъ и едва ли обрѣтается въ числѣ живыхъ тварей. Напрасно вы такъ думаете: конька или его остовъ могутъ открыть усердные антикваріи, и та же пѣсня... Да позвольте: уже не раздается ли она и теперь иногда вокругъ васъ, только раздается съ подновленнаго и подкрашеннаго пьедестальчика. Увы! кажется антикваріи упускаютъ изъ вида, что пьедестальчикъ барона былъ такого устройства, что не всякому удобно держаться на немъ. Барону легко было дѣйствовать, потому что онъ взбирался на него во всеоружіи: у него быва-

ли биткомъ набиты всѣ карманы разноцвѣтными камешками его остроумія, и онъ бросалъ ихъ въ публику полными горстями, что дѣйствительно производило отличный минутный эффектъ, и публика рукоплескала, заливаясь веселымъ смѣхомъ. Но если бы не достало матеріала? Если бы у взобравашагося на пьедестальчикъ антикварія оказался этотъ матеріалъ въ маломъ количествѣ и слабого достоинства, — вѣдь эффекта не было бы и — паденіе, рѣшительное паденіе! Ни что не можетъ быть печальнѣе того позорища, когда кто въ кругу умныхъ людей обнаружить претензію на остроуміе и наличнаго остроумія не предъявить. Произносить человѣкъ фразу, рассчитывая на блестящій эффектъ; онъ кончилъ и самъ уже посмѣялся, а собесѣдники сидятъ молча, безъ улыбки и смотрятъ вопросительно, какъ бы ожидая еще чего-нибудь. А ждать-то ужъ нѣчего — все! Боже мой! какое тяжелое чувство производитъ всегда въ насъ подобное положеніе! Впрочемъ можетъ быть это наша личная особенность, — мы никому ея не навязываемъ; можетъ быть вы въ такихъ случаяхъ съ улыбкой и съ удовольствіемъ думаете: по дѣломъ! пусть будетъ стыдно господину, — впередъ наука!.. Ну, а если темою для упражненія своего бѣднаго остроумія господинъ изберетъ такой предметъ, на который большая часть умныхъ собесѣдниковъ смотритъ очень серьезно, съ теплымъ участіемъ слѣдитъ за его разработкой, и лучшую, истинную сторону его считаетъ свято-неприкосновенною; и если господинъ примется мазать по всѣмъ сторонамъ этого предмета своимъ остроуміемъ, какъ грязью, подъ которою предметъ тускнѣетъ и опошляется, — это уже не можетъ не покоробить васъ. — Все такъ, скажете вы; во къ чему же идти рѣчь? гдѣ же видно теперь новое появленіе извѣдывающагося баронова конька? — Извольте, можно сдѣлать и это указаніе, хотя мы увѣрены, что вы не замѣтили сами вновь появляющагося мѣстами конька потому только, что проходите мимо его безъ всякаго вниманія.

Здѣсь однако мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Надо вспомнить, что баронъ, оставившій свою первоначальную дѣятельность и не показывавшійся публикѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, снова потомъ появился на нѣкоторое время предъ нею; но тутъ онъ появился уже не на томъ конькѣ: тутъ его остроуміе приняло другой оттѣнокъ; оно перестало быть простыми разноцвѣтными камешками, а получило смыслъ, соотвѣтствующій настоящему времени и его потребностямъ (баронъ былъ человѣкъ разумный и съ большимъ тактомъ!). Мы говорили, конечно, о его первомъ, старинномъ конькѣ.

Что дѣлалъ онъ, въ періодъ своей первоначальной дѣятельно-

сти, съ наукой и съ вопросами, — это все въ память, и объ этомъ мы уже говорить не будемъ. Но не припомните ли напримѣръ его взглядовъ на женщинъ и характера его глумленія надъ ними? Если припомните это, если припомните его язвительныя, холодныя рѣчи о нихъ, да еще припомните его *Фантастическія путешествія*, а потомъ заглянете... хоть въ *остроумный* фельетонъ «Сиб. Вѣдомостей», въ № 100-мъ сего 1861 года, то изъ послѣдняго непременно пахнете на васъ чѣмъ-то давно знакомымъ и давно забытымъ; вы тотчасъ распознаете фасонъ потертаго и обломаннаго пьедестальчика, распознаете и поступъ престарѣлаго и изъѣзженнаго конька... Тамъ, въ фельетонѣ, видите ли, авторъ сообщаетъ почтеннѣйшей публикѣ разныя безобразныя видѣнія своего магнетическаго сна, изъ которыхъ самымъ безобразнѣйшимъ показалось намъ слѣдующее:

Въ обширной общественной залѣ кто-то читаетъ публичную лекцію «объ эманципаціи женщинъ»; слушаютъ лекцію однѣ женщины, а у подъѣзда, съ салопами и калошами стоятъ ихъ мужья; слушательницы *мистово* рукоплещутъ, потомъ выносятъ лектора на рукахъ, сажаютъ его въ экипажъ и везутъ на себѣ, а мужья со страхомъ и мольбами бѣгутъ за ними въ догонку, предлагая, кто платокъ, кто калоши, въ предохраненіе отъ простуды, но съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергаются и отгоняются.

Все это пространно, краснорѣчиво и остроумно изложенное, мы прочли, не улыбнувшись ни разу, а потомъ подумали: зачѣмъ все это пишется? вѣдь, вѣроятно, съ цѣлью доставить удовольствіе читателю и вызвать улыбку на его уста. Отчего же мы не улыбаемся? — Оттого, отвѣтилъ намъ внутренній голосъ, что во всемъ этомъ *остроумномъ* видѣніи нѣтъ и тѣни какой-нибудь свѣженькой мысли; оттого, что глумленіе надъ унижительной ролью мужей, потворствующихъ прихотямъ жевъ, до того истерлось и износилось, до того набило всѣмъ оскомину, что пускать его теперь за современное остроуміе уже нѣтъ никакой возможности. Для кого же это пишутъ? И для чего наконецъ безобразяютъ и пачкаютъ этой ни на что не нужной грязью только-что возникшій вопросъ, который и безъ того уже забросанъ ложнымъ и дикимъ пониманьемъ, разными излишествами, преувеличеніями, тупыми и близорукими взглядами? Для кого, говоримъ, пишутъ это? Для большинства? Для того, чтобы оно посмѣялось надъ новымъ вопросомъ, не успѣвши вникнуть въ него, и отвернулось бы отъ него, оставшись при добродушномъ убѣжденіи въ нормальности и безукоризненности существовавшей до сихъ поръ системы женскаго воспитанія, опредѣляющаго и настоящее положеніе женщинъ въ обществѣ, и

ихъ нравы и склонности?.. Господа! потрудитесь прежде сами понять вопросъ, потрудитесь прежде очистить его, выдѣлите изъ него ту часть, которая несомнѣнно-истинна, и дайте всѣмъ усвоить эту истину; а потомъ отброшенные излишества предавайте пожалуй какому угодно осмѣянію. Но, теперь, вѣдь это даже вредно, вредно для нашего развитія. Правда, вреда тутъ можетъ и не быть, если ваше изобрѣтеніе, будучи приправлено весьма слабымъ, совершенно выдохшимся остроуміемъ, не произведетъ эффекта и пройдетъ незамѣченнымъ... Да! только это одно обстоятельство и можетъ успокоить вашу совѣсть.

САМОНОВѢЙШІЙ ОТРИЦАТЕЛЬ

Такъ какъ мы уже забрались въ фельетонъ «Сиб. Вѣдомостей», то кстати воздадимъ хвалу почтенной газетѣ за ея великое безпристрастіе, выражающееся помѣщеніемъ въ одномъ и томъ же номерѣ двухъ взглядовъ, расходящихся по двумъ діаметрально-противоположнымъ направленіямъ. Въ № 109 есть остроумно-отрицательный фельетонъ, заключающій, между прочимъ, взглядъ на значеніе *пьесъ, собранныхъ П. В. Кирьевскимъ*, и въ томъ же номерѣ есть статья г. Я. Грота: *Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи*, заключающая возраженіе на положеніе г. Погодина, что будто бы большая часть нынѣшнихъ рецензентовъ вѣрять только тому, что сказалъ Бѣлинскій, и служить слабымъ отголоскомъ его мнѣній, убѣжденій и вѣрованій. Г. Гротъ приводитъ мѣста изъ Бѣлинскаго, съ которыми онъ самъ согласенъ и которыми доказываетъ, что большая часть нынѣшнихъ рецензентовъ (преимущественно отличающихся отрицательнымъ направленіемъ) измѣнили мнѣніямъ, убѣжденіямъ и вѣрованіямъ Бѣлинскаго. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ Бѣлинскаго, приведенныхъ г. Гротомъ:

«Какихъ-нибудь сто лѣтъ прошло съ того времени, когда мы не знали еще грамоты, и вотъ уже мы по справедливости, гордимся могущественными проявленіями необъятной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и другіе.»

Далѣе о Державинѣ:

«Въ поэзіи Державина явились впервые яркіе вспышки *истинной* поэзіи, и мѣстами даже проблески художественности, какал-то ему одному свойственная оригинальность во взглядѣ на предметы и

въ манерѣ выражаться, черты народности, столь неожиданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время»...

«Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны *содержанія* и формы своей поэзіи, замѣчательнъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи.»

Потомъ о Жуковскомъ:

«Неизмѣримъ подвигъ Жуковского и велико значеніе его въ русской литературѣ.

«Творенія Жуковского — это цѣлый періодъ нашей литературы, цѣлый періодъ нравственнаго развитія нашего общества. Ихъ можно находить односторонними, но въ этой-то односторонности и заключается необходимость, оправданіе и достоинство ихъ. Съ произведеніями музы Жуковского связно нравственное развитіе *каждаго изъ насъ*, въ извѣстную эпоху нашей жизни, и потому мы любимъ эти произведенія, даже и будучи отдалены отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ новыхъ потребностей и стремленій; такъ возмужалый чловѣкъ любитъ волненія и надежды своей юности, надъ которыми самъ же уже смѣется.

«И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностью признаетъ *своимъ воспитателемъ*, развившимъ въ его душѣ всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія?»

Сдѣлавъ еще нѣсколько выписокъ, г. Гротъ заключаетъ: «Вотъ съ какимъ живымъ сочувствіемъ замѣчательный русскій критикъ сороковыхъ годовъ говорилъ о писателѣ, отъ котораго презрительно отвернулась въ наше время холодная отрицательная школа. Нѣтъ, Бѣлинскій не призналъ бы ее своею дочерью, онъ самъ отъ нея отвернулся бы съ негодованіемъ, видя въ ея дѣйствіяхъ разрушеніе того, что считалъ побѣдою своего времени.

«...Пользу отрицанія Бѣлинскій поставлялъ въ томъ, что оно привело къ положительному и разумному признанію. Что-жъ бы сказалъ онъ, если бы увидѣлъ, что это радовавшее его признаніе такъ скоро вытѣсняется опять отрицаніемъ, доводимымъ до послѣдней крайности?

«...Теперь наступило уже болѣе отрадное время: съ разныхъ сторонъ, въ разныхъ органахъ нашей періодической печати слышались громкіе протесты противъ исключительно-отрицательнаго направленія, и уже открывается, какъ несправедливы были тѣ, которые подозрѣвали все наше молодое поколѣніе въ образѣ

мыслей, принадлежащих одной только партиі. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли, чтобы въ эпоху торжества здраваго смысла надъ вѣковыми предрасудками, въ эпоху образованія общественнаго мнѣнія, вся молодежь могучей, быстро развивающейся націи заразилась узкими воззрѣніями односторонней литературной школы?»

Казалось бы можно спросить: да гдѣ же слышала г. Гротъ, чтобы кто-нибудь шолъ противъ этихъ воззрѣній Бѣлинскаго, или отвергалъ бы ихъ? Но, перевернувъ листъ газеты и заглянувъ въ фельетонъ, гдѣ брошенъ *глубокій* взглядъ на пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, мы дѣйствительно находимъ тамъ какъ-разъ «отрицаніе, доводимое до послѣдней крайности.» Тамъ говорится, напри- мѣръ:

«Державинъ — могучій геній, по мнѣнію многихъ еще и теперь, а между тѣмъ онъ, *всѣмъ своимъ содержаніемъ*, врядъ ли можетъ отвѣтить на простые вопросы: *для чего* собственно писалъ онъ, и что именно написалъ?.. У него была впередъ заданная тема, и *не могло быть мѣста свободному творчеству.*»

Далѣе страшный отрицатель признается, что онъ «въ самомъ Пушкинѣ далеко не видитъ того, что видятъ другіе», и «не пытается даже измѣрять разстоянія, отдѣляющаго его отъ Державина». Потомъ, поговоривъ еще немного о новѣйшихъ поэтахъ, задѣвъ при этомъ и насъ мимоходомъ, онъ, отрицатель, изъ своего глубокаго «соображенія отличій разныхъ періодовъ нашей поэзіи *въ полномъ ея составѣ*», выводитъ заключеніе, что «все это только отличія внѣшнія, отличія формы, извитіе словесъ, — а никакъ не содержанія. *Содержанія не было прежде* (рѣшаетъ онъ категорически), *нѣтъ его и теперь.*»

Ну, и конечно! Такъ вотъ же вамъ и «яркія вспышки истинной поэзіи!» Вотъ вамъ и «воспитатели, развиваніе въ нашихъ душахъ всѣ благородныя сѣмяна высшей жизни!» Это они все одной формой производили, безъ всякаго содержанія? И благородныя—то сѣмяна развивали одной формой? Удивительные люди!..

Позвольте однако, читатель! Намъ что-то дѣлается страшно; на насъ нападаетъ тоска и ужасъ... Вообразите, что мы не знаемъ ни французской, ни нѣмецкой, ни англійской, ни арабской, ни персидской, и никакой другой поэзіи, кромѣ своей! Вообразите, что мы до сихъ поръ жили только своей доморощенной, русской поэзіей, и... представьте же наше положеніе: эта поэзія безъ содержанія, совсѣмъ—таки безъ содержанія! Гдѣ жъ оно? Чѣмъ же мы жили? Неужели одной формой, скорлупой? Такъ мы стало быть не люди! Человѣкъ (а тѣмъ паче народъ) не можетъ жить безъ поэзіи,

а скорлупа поэзіи — не поэзія. Что же мы такое? Ужь пусть бы, браяя насъ, читателей, говорили, что мы никогда не были надлежащими гражданами, — ни гражданами міра, ни гражданами своего общества; но вѣдь намъ казалось, что по крайней мѣрѣ людьми-то мы были... Такъ в этого нѣтъ?.. Ужасно! ужасно! Великодушный читатель! зовемъ васъ на помощь! спасите насъ отъ страшнаго отрицателя, отрицающаго въ насъ человѣческую природу!

Говоря не шута: удивительно, куда можно угнать себя, если задаться одной упрямо-исключительной идеей и гнуть на нее безъ оглядки, во что бы то ни стало!

БРОШЮРА Г. ШИЛЯ

Мы заговорились объ литературныхъ пируэтахъ и скачкахъ назадъ и впередъ; но право не знаемъ, какъ это случилось. Развѣ не подъ влияніемъ ли новаго мѣста... Разрѣзывая книгу, вы можете быть замѣтили, читатель, что мы на новосельи... Да вы кажется насъ не узнаете? Вѣдь это мы, *внутреннія новости*! Намъ отвели новое помѣщеніе, съ новою надписью, и мы очень рады: здѣсь на краюшкѣ какъ-то уютнѣе; здѣсь мы никого не стѣсняемъ, да и сама-то, правду сказать, какъ то меньше стѣсняемся. Впрочемъ сѣбемъ увѣрить, что новое мѣсто насъ неизмѣнитъ; мы все тѣже, съ тѣми же правилами и тенденціями... Такъ мы заговорились о пируэтахъ, засмотрѣлись, какъ остроумные люди дѣлаютъ скачки назадъ; между-тѣмъ какъ у насъ на умъ есть другого рода скачки... т. е. есть другой важнѣйшій предметъ, о которомъ мы чувствуемъ настоятельное побужденіе говорить и о которомъ нельзя говорить безучастно.

Стараясь представлять, по возможности, полную картину всего, что совершается и движется въ нашемъ обществѣ, мы до сихъ поръ постоянно сторонились и только по временамъ слегка касались одной важной и трудной стороны нашего настоящаго положенія; именно — стороны экономической. Мы даже упоминали и о причинѣ, по которой сторонились этого предмета; онъ казался намъ слишкомъ тяжелъ и сложенъ для того, кто не хочетъ выдавать себя за специалиста въ дѣлѣ. Въ настоящую минуту еще разъ коснуться, ближе и подробнѣе, этого предмета побуждаетъ насъ одно разумное явленіе, которое, какъ намъ кажется, многое въ этомъ дѣлѣ уясняетъ. Чтобы почувствовать разумность явленія, для этого мож-

но было и не быть специалистомъ, а нужно было только имѣть не много здраваго смысла. Простота и доступность — непрѣмѣныя принадлежности всего разумнаго и истиннаго; а мы давно не встрѣчали такой простоты и доступности по этой части, какъ въ томъ, о чемъ хотимъ говорить. Говорить хотимъ мы о брошюрѣ І. Н. Шила. Статья имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Предположенія объ учрежденіи русскаго государственнаго, или земскаго, заемнаго банка, какъ средства для надѣленія Россіи надлежащимъ имущественнымъ (имущественнымъ) кредитомъ, для уплаты или консолидаціи многихъ частныхъ долговъ и проч., а также для устраненія нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственно-финансовыхъ затрудненій.*

Мы сказали, что статья г. Шила проста и доступна. Мысль ея состоитъ въ томъ, что въ образованіи государственныхъ учреждений, также какъ въ развитіи вообще государственной жизни, неизбежна строгая историческая послѣдовательность; что характеръ каждаго учрежденія въ данный періодъ необходимо долженъ согласоваться со степенью развитія общественной жизни и всѣми ея условіями; что никакіе скачки здѣсь невозможны безъ того, чтобъ они не слѣвались насиліемъ, и что поэтому нельзя по произволу брать въ образецъ любое иностранное учрежденіе и переносить его цѣликомъ въ другую страну, не соображаясь съ существующими условіями ея быта, хотя бы это учрежденіе въ той странѣ, откуда оно берется, было совершеннѣйшимъ: оно, при всемъ своемъ совершенствѣ, будучи перенесено на другую почву, ему не соответствующую, не отвѣчая потребностямъ и условіямъ страны, его принявшей, не только не принесетъ желанныхъ плодовъ и окажется безполезнымъ, но даже и не обойдется этой странѣ даромъ и безнаказанно.

Отправляясь отъ этого твердо поставленнаго положенія и прилагая его къ вопросу о средствахъ надѣленія Россіи имущественнымъ кредитомъ, г. Шиль прежде всего воздастъ должное нашему министерству финансовъ, которое, по прекращеніи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ учреждений, позаботилось объ образованіи комисіи для устройства земскихъ банковъ; но потомъ замѣчаетъ, что, судя по мнѣніямъ, которыя высказаны въ «Трудахъ» комисіи, наши экономисты, приглашенные для рѣшенія вопроса о надѣленіи Россіи имущественнымъ кредитомъ, увлекшись непреложными политико-экономическими законами и теоріей земскихъ банковъ (также вѣрной въ основаніи), недостаточно выкли въ экономическія силы и обочились въ ея настоящихъ средствахъ и потребностяхъ; — иначе комисія менѣе придавала бы значенія частнымъ земскимъ банкамъ.

Въ необходимости приравливать всякое нововведеніе къ «настоящимъ средствамъ и потребностямъ» страны г. Шиль убѣждаетъ олимпъ весьма близкимъ къ дѣлу примѣромъ, однимъ совершившимся у всѣхъ на глазахъ фактомъ.

«Наши первые, по времени, ученые агрономы (говоритъ онъ) изучали, по исторической необходимости, науку о сельскомъ хозяйствѣ, агрономію, въ Германіи и вообще заграницей. Само собою разумѣется, что они пошли въ этихъ странахъ сельское хозяйство болѣе развитымъ и приносящимъ несравненно болѣе доходовъ частнымъ лицамъ и государству, нежели наше сельское хозяйство — въ особенностъ въ то время. Увлечшись такимъ совершенствомъ германскихъ, англійскихъ и другихъ сельскихъ хозяйствъ, они рѣшили, что и у насъ въ Россіи слѣдуетъ завести хозяйство по образцамъ иностраннымъ, т. е. рѣшили, что и у насъ должно быть хозяйство не русское, а иностранное. Они и не подумали о томъ, что совершенство, которое привело ихъ въ восторгъ, зависѣло и обуславливалось не только климатомъ и качествомъ почвы, территоріальнымъ положеніемъ, но и техническимъ образованіемъ, количествомъ капиталовъ и рукъ, и вообще всеми экономическими силами народовъ, у которыхъ сельское хозяйство не походило на наше и было лучше нашего. Не обративъ на все это вниманія, — и именно потому что не обратили на все это вниманія, — они, въ похвальномъ рвеніи своемъ улучшить наше хозяйство, не только требовали преобразованія его по образцамъ иностраннымъ, но и преслѣдовали нашихъ тогдашнихъ сельскихъ хозяевъ своими насмѣшками, называя ихъ рутинерами, чуть ли не идіотами и т. п. Извѣстно, чѣмъ разрѣшились ихъ проповѣди; на однихъ, людей тяжелыхъ на подъемъ, эти проповѣди не дѣйствовали ни хорошо, ни дурно; на другихъ людей, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и болѣе или менѣе сознавшихъ его условія и законы, онѣ также не могли дѣйствовать преобразовательно; но на третьихъ, людей впечатлительныхъ, большею частію молодыхъ помѣщиковъ, богатыхъ болѣе состояніемъ, нежели свѣдѣніями и т. п., эти агрономическія проповѣди имѣли до того огромное вліяніе, что чуть ли не всѣ они, эти молодые или только черезъ чуръ ужъ впечатлительные помѣщики, завезя у себя, въ русскихъ помѣстьяхъ, иностранныя хозяйства, *разорились въ пухъ и прахъ*. Такимъ образомъ идіоты, или около того, оказались, при всемъ идіотизмѣ своемъ, умнѣе не только образованныхъ людей, послушныхъ гласу науки, но и умнѣе самыхъ жрецовъ науки. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы возбудить сочувствіе къ изслѣдованію условій отечественнаго сельскаго хозяйства и однимъ уже этимъ дать сильный толчекъ къ улучшенію!

его, наши первые ученые агрономы только разстроили состояние многих помѣщиковъ и въ значительномъ большинствѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ упрочили довѣріе къ рутинѣ и отвращеніе — къ возможному, даже необходимому улучшеніямъ. И долгое время послѣ того агрономія была, для большинства нашихъ помѣщиковъ, синонимомъ какой-то несбыточной и положительно вредной теоріи.

«Теперь, какъ извѣстно, не то... теперь помѣщики уже не называютъ всѣхъ агрономовъ *учеными дураками*, а напротивъ уважаютъ и почитаютъ ученость ихъ. Это потому, что первое поколѣніе агрономовъ исчезло съ лица русской земли, а слѣдовавшія за нимъ поколѣнія ихъ поняли, и понимаютъ, что сельское хозяйство края должно соответствовать не тому или другому теоретическому воззрѣнію, а экономическимъ и другимъ условіямъ этого края. Теперь наши ученые агрономы изучаютъ *отечественную почву, русскій климатъ, русскій бытъ* и проч. и проч. Теперь-то они и дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, во имя истинной науки, истинной теоріи, тогда какъ ученые предшественники ихъ, пренебрегая мѣстными условіями, только *компрометировали науку* и, не смотря на похвальное стремленіе свое преобразовать къ лучшему наше сельское хозяйство, не смотря на свой *просвѣщенный либерализмъ* (оказавшійся на дѣлѣ только мнимымъ либерализмомъ), казались и должны были казаться большинству нашихъ сельскихъ хозяевъ какими-то Аттилами, да и дѣйствительно были ими... Это — непризванные преобразователи, которые, какъ-бы человеколюбивы и похвальны ни были цѣли ихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ на общество положительно вредно, безчеловѣчно революціонно, а потому, хотя бы и во имя прогресса, но антипрогрессивно».

Нѣчто подобное требованіямъ нашихъ первыхъ ученыхъ агрономовъ видитъ г. Шиль и въ требованіяхъ *немедленнаго* учрежденія у насъ *въ настоящее время* частныхъ земскихъ банковъ. «Правда (говоритъ онъ), что для развитія всякаго рода кредита и въ Россіи нельзя желать ничего лучшаго, какъ *возможности* учрежденія и развитія у насъ всякаго рода частныхъ банковъ, съ наибольшей экономической свободой; а потому, зная и видя, что коммиссія для устройства земскихъ банковъ всѣми средствами своими стремится къ очищенію, такъ сказать, у насъ путей къ образованію такихъ банковъ, нельзя не признавать заслугъ ея въ этомъ отношеніи. Этихъ заслугъ никогда и не забудетъ Россія».

Но изъ ничего ничто людьми не создается. Чтó же, какіе матеріалы и условія нужны для созданія частныхъ земскихъ банковъ?

Вотъ какія условія указываетъ г. Шиль: достаточное количество свободныхъ капиталовъ для ихъ образованія, прочная монетная и кредитная единица, надлежащія ипотечныя права, наконецъ, — установившееся въ обществѣ довѣріе къ частнымъ лицамъ, къ частнымъ предпріятіямъ. *Этихъ-то необходимыхъ матеріаловъ и условій у насъ въ настоящее время и не оказывается*, да и матеріалы и условія эти — такого рода вещи, что создать ихъ ни въ одинъ день, ни въ одинъ годъ невозможно.

Между тѣмъ въ немедленномъ открытіи имущественнаго кредита настоятъ въ нашемъ обществѣ крайняя надобность. Прекращеніе ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ учреждений нарушило расчеты многихъ, очень многихъ частныхъ лицъ и поставило ихъ въ критическое, а въ некоторыхъ можетъ быть и въ бѣдственное положеніе. «Нѣкоторые (замѣчаетъ г. Шиль) говорятъ, что у насъ нѣтъ торговаго и промышленнаго вообще кризиса. Оно такъ, если подѣ словомъ кризисъ должно разумѣть *миновенный переломъ, взрывъ*, или нѣчто въ родѣ этого; но если подѣ словомъ кризисъ разумѣть не крутой переломъ или взрывъ, а томленіе, постепенное паденіе жизненныхъ отправленій, своего рода чахоточное состояніе или въ родѣ этого, то у насъ есть и притомъ значительный промышленный кризисъ. Во всякомъ случаѣ торговая и вообще промышленная дѣятельность находится въ настоящее время — по мнѣнію, если не ошибаемся, рѣшительно всѣхъ, слѣдящихъ за ходомъ нашего народнаго хозяйства, въ состояніи аномальномъ, болѣе или менѣе критическомъ, паралитическомъ. Не даромъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на *безденежье* и на недостатокъ въ *работѣ* и *дѣлѣ*, не даромъ падаютъ цѣны на недвижимыя имущества, не даромъ жизнь съ каждымъ днемъ становится и дороже, и тяжеле во многихъ отношеніяхъ, хотя правда и легче и лучше въ нѣкоторыхъ другихъ».

Но и въ собственно торговой и промышленной дѣятельности, положеніе множества частныхъ лицъ оказывается не менѣе критическимъ. «Значительное число нашихъ домовладѣльцевъ (говоритъ г. Шиль) и быть можетъ не менѣе *девяти десятыхъ* нашихъ помѣщиковъ состоятъ должными не только кредитнымъ установленіямъ и частнымъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ заложены недвижимыя ихъ имущества, но еще и другимъ кредиторамъ. Невозможность получать необходимыя капиталы подѣ залогъ недвижимыхъ имуществъ и вообще консолидировать частныя долги дѣлаетъ значительное число владѣльцевъ такихъ имуществъ должниками несостоятельными и подвергаетъ ихъ большей или меньшей опасности лишиться всего состоянія, на которомъ основано не только ихъ

собственное существованіе, но и воспитаніе и благосостояніе ихъ дѣтей и вообще семействъ. Положеніе такихъ должниковъ (а ихъ много, очень много у насъ) представляетъ собою картину мрачную и безотрадную, на которую и вчужѣ смотрѣть тяжело и больно».

Мы не будемъ останавливаться на этой картинѣ, которую развиваетъ потомъ г. Шиль. Но вотъ, въ его живомъ и правдивомъ воображеніи, нуждающіеся въ немедленномъ кредитѣ являются передъ лицомъ передовыхъ финансистовъ; ему «слышится, что на жалобы русскихъ людей, что имъ нуженъ *хлѣбъ кредита*, что они крайне нуждаются въ немъ», болѣе или менѣе передовые ученые финансисты наши отвѣчаютъ имъ въ родѣ слѣдующаго: «да кушайте на здоровье сколько хотите; берите хлѣба, гдѣ знаете и какъ знаете. Мы, любя васъ, о томъ и хлопочемъ, чтобы вы ни отъ кого и ни отъ чего впредь не зависѣли въ полученіи нужнаго для васъ кредитнаго хлѣба».—Очень благодарны вашей милости, отвѣчаютъ имъ русскіе люди: да, отцы родные! *теперь-то* какъ намъ быть? Ёсть хочется, батеньки! «Да почему-жъ у васъ вѣтъ хлѣба? Не сами ли вы виноваты, что жили *по своему*, неправильно, нескладно, не по французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ сочиненіямъ, въ которыя вы до насъ почти не заглядывали и глубокія истины которыхъ мы, *почти своими словами*, т. е. съ свойственною подобнымъ намъ передовымъ людямъ оригинальностью, передаемъ вамъ»? Вѣстимо такъ, кормильцы наши, отцы-благодѣтели? такъ! мы люди темные, нѣмецкой грамотѣ не обучались, да и въ своей-то не то, чтобы собаку съѣли; а все какъ-то жили поскладнѣе теперешнаго, — и хлѣба, кредитнаго то есть хлѣба, было у насъ хоть и не вдоволь, а все до голоду не доходило.—Вотъ то-то, сами говорите, что не было его вдоволь. А почему не было? мало работали, мало учились, много проживали, да все на казну рассчитывали, — жили у ней за пазухой!»—Такъ, такъ, милостивцы! такъ рассчитывали мы на все, на нашу матушку казну. Да и кто на нее не рассчитываетъ? Самы-то вы, отцы родные, сыты по ея же милости и крѣпки сю... «Мы заботимся о ней, заботимся и о васъ, надѣляемъ васъ экономической свободой, и подождите: будете вы имѣть *въ будущемъ* — свой трудовой кредитный хлѣбъ, не будете нуждаться въ немъ какъ теперь. Кто виноватъ, что вы рассчитывали на казну? Вольно-жъ вамъ было на нее рассчитывать! Этого не сдѣлаютъ ни нѣмцы, ни англичане, ни другіе образованные народы! Ахъ ты, Русь, ты необразованная, безталанная! все хочешь ты жить своимъ умомъ, своимъ разумомъ, а не по французскимъ и нѣмецкимъ учебникамъ, все хочется жить, да поживать тебѣ припѣваючи. Ничего-то не

знаешь ты и не понимаешь; не понимаешь ты и басенки своего
роднаго дѣдушки Крылова, по которой и мы съ тобой дѣйствуемъ :

Ты все пѣла, — это дѣло!
Такъ поди же, попляши!

«Согласитесь (замѣчаетъ г. Шиль), что такой отвѣтъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ финансистовъ на жалобы русскихъ людей, хотя быть можетъ и очень остроуменъ, даже поучителенъ, но... не гуманенъ, безчеловѣченъ, не либераленъ!».

При такомъ положеніи дѣла, при такомъ отсутствіи условій, необходимыхъ для образованія и прочнаго существованія частныхъ земскихъ банковъ, и *даруемая*, вмѣстѣ съ ними, неприготовившемуся обществу *полная экономическая свобода*, не только должна остаться неприменимою и бесплодною, но даже представляется весьма опасною. «Не значило ли бы это (говоритъ онъ) провозгласить у насъ экономическую свободу и ввергнуть всѣхъ насъ въ пропасть экономическаго терроризма, закабалить въ полное экономическое рабство, не лучше того, какое теперь въ Турціи, — такъ что какой-нибудь *свободолюбивый* экономическій бонапартизмъ покажется и намъ милостію божьей!»

Относительно упомянутаго сейчасъ *дарованія* экономической свободы, нельзя не привести слѣдующихъ замѣчательныхъ словъ г. Шиль, сильно подкрѣпляющихъ его основное положеніе :

«Ни народы, ни человѣчество (говоритъ онъ) не нуждаются въ *милостяхъ* и *дарахъ*, кромѣ такъ называемыхъ *даровъ природы* : и народы, и все человѣчество нуждаются только въ *правдѣ*, въ *воздаяніи должнаго*, въ *признаніи заслуженныхъ правъ*, *экономическихъ и другихъ силъ — въ мѣрѣ ихъ развитія*. Справедливость только-что сказаннаго нами легко повѣрить тѣмъ *чувствами*, которыя питаютъ рѣшительно всѣ народы къ своимъ правителямъ : деспотически-строгіе правители возбуждаютъ ненависть къ себѣ ; деспотически-либеральствующіе или популярничающіе государственные люди вызываютъ, правда, сначала аплодисменты, но скоро потомъ свистки, и вообще возбуждаютъ недовѣріе ; одни только *правдивые* правительства, правители и люди вообще, пользуются прочнымъ и должнымъ уваженіемъ, лучшимъ правственнымъ основаніемъ для каждаго правильнаго человѣческаго союза, какъ и для каждаго добраго чувства. Не даромъ и не случайно чтитъ и наша Русь, напримѣръ, память кн. Якова Долгорукова ; не даромъ и не случайно и всѣ народы считаютъ лучшимъ достоинствомъ монарховъ — правосудіе, лучшимъ залогомъ своего счастья — правдивые суды, хорошее су-

допроизводство. Подобныя же явления мы видимъ и въ экономическомъ мірѣ... И здѣсь *свобода*, истинная, естественно-законная экономическая свобода не *даруется*, а *наживается*, т. е. приобрьтается достаточнымъ развитіемъ».

«Экономическая свобода (сказано въ другомъ мѣстѣ статьи) обусловливается зрѣlostію—экономической. И въ экономическомъ мірѣ, какъ въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, есть несовершеннолѣтніе, есть дѣти, нуждающіеся и въ молокъ матери, и въ opiekъ отца, и въ воспитатель, — есть законныя явленія, которыя не смотря на законность своего бытія, подвержены противозаконнымъ протнводѣйствіямъ ихъ бытію, и, по причинѣ недозрѣлости своей, не только не могутъ пользоваться сами по себѣ всею своею полноправностью, полною экономической свободою, но и безусловно нуждаются въ экономической поддержкѣ...»

«Тотъ, кто не сознаетъ этого, всегда впадаетъ въ промахи и рано или поздно оказывается администраторомъ далеко не такимъ, какимъ бы и самъ желалъ быть по всей вѣроятности. Въ долбжку, по книгамъ, управлять и экономическими силами и учреждениями страны нельзя и не слѣдуетъ. Въ противномъ случаѣ и въ экономическомъ отношеніи окажутся такіе же результаты преждевременныхъ или, правильнѣе, безсознательныхъ провозглашеній во Франціи *свободы, братства и равенства*: на первый разъ кажется прогрессъ, но на дѣлѣ и въ результатѣ на *кажущійся* скачекъ впередъ оказывается десять явныхъ скачковъ назадъ».

Показавъ такимъ образомъ, чего избѣгать и чего держаться слѣдуетъ вообще истинному экономисту, г. Шиль постепенно указываетъ ближайшій, по его мнѣнію и сообразно съ принятымъ имъ основнымъ положеніемъ, путь къ выходу изъ нашихъ настоящихъ финансовыхъ и экономическихъ затрудненій. «Если мы (говоритъ онъ) живемъ, волей-неволей, въ эпоху болѣе другихъ, по своему характеру, *переходную*, то и учреждения наши, какъ по содержанию своему, такъ и по формѣ своей, должны быть учреждениями *переходными*, т. е. такими, которыя бы съ одной стороны не вовсе отрывали насъ отъ нашего прошлаго, создаваго не только среду нашей жизни, но и насъ самихъ такими, какими мы есть и можемъ быть въ настоящемъ, и съ другой стороны, не связывали нашего будущаго обязательствами совершенно лишними и обременительными».

Къ точнѣйшему опредѣленію характера соответствующихъ нашему настоящему положенію учреждений, г. Шиль логически идетъ отъ точнаго опредѣленія самаго этого положенія, именно —

и въ которыхъ изъ государственно-финансовыхъ и частно-финансовыхъ требованій русскаго общества, тѣсно, по необходимости, связаны между собою. Здѣсь встрѣчаетъ онъ слѣдующія явленія: громадные долги частныхъ лицъ и значительность обязательствъ казны; ватруднительность и запутанность, иногда безвыходность положенія этихъ лицъ и недостатокъ въ средствахъ казны: но при всемъ этомъ — громадность какъ частныхъ, такъ и казенныхъ имуществъ, большею частью не приведенныхъ въ точную извѣстность и недостаточно эксплоатируемыхъ. «Чтожь это такое? (спрашиваетъ авторъ). Что такое эта несостоятельность должниковъ, имѣющихъ достаточное состояніе на уплату своихъ долговъ, или, по меньшей мѣрѣ, на обезпеченіе имъ своихъ заимодавцевъ? Не ясно ли, что тутъ главный недостатокъ въ силѣ, которая, соображаясь со всѣми условіями и требованіями нашего общества и пользуясь общимъ довѣріемъ, могла бы служить посредницей между нашими должниками и заимодавцами, собственниками и капиталистами, казною и ея кредиторами?»

Такою посредническою силой представляются г-ну Шилью въ прошедшемъ наши бывшія государственныя кредитныя установленія, которыя въ свое время были учреждены «исторически-вѣрно и основательно», и которымъ слѣдовало бы только послѣдовательно развиваться, не отставая отъ развивающихся требованій общества... А вѣдь были, право (замѣчаетъ онъ), умные люди и между нашими отцами и дѣдами! Иное зданіе, бывало, такъ построятъ, что годится оно не только для нихъ самихъ, но и для дѣтей, и внуковъ, и правнуковъ ихъ — и просторно-то оно, и удобно, и тепло, — просто заглядѣнье! А иной изъ нашей братьи не пойметъ въ чемъ дѣло, да и ну его съ плеча ломать да пристраивать по *заморскимъ* образцамъ: «не по нашей-де теоріи построено!»

Но — это прошедше, и его уже нѣтъ, «вчерашняго дня не воротяшь», говоритъ г. Шиль, и разрушеннаго зданія вновь строить по старому плану, по старымъ началамъ — не слѣдуетъ и нельзя... Что же дѣлать?..

Собравивъ всѣ затрудненія и потребности нашей казны и нашего общества вообще, г. Шиль приходитъ къ тому убѣжденію, что наиболѣе соответствующимъ всѣмъ этимъ обстоятельствамъ было бы въ настоящее время учрежденіе *русскаго государственнаго, или земскаго заснаго банка*, для котораго онъ тутъ же и излагаетъ главнѣйшія, *примѣрные* основанія. Изъ нихъ мы приведемъ только первые шесть пунктовъ, по которымъ можно получить общее понятіе о предполагаемомъ учрежденіи.

«I. Нѣкоторое число (чѣмъ больше тѣмъ лучше) сочувствующихъ этому дѣлу, извѣстныхъ русскихъ *капиталистовъ*, а также *торговыхъ и банкирскихъ домовъ* приглашаетъ, съ разрѣшенія *правительства*, извѣстнѣйшихъ иностранныхъ банкировъ (какъ находящихся уже въ сношеніяхъ, по кредитнымъ сдѣлкамъ, съ нашею казною, такъ и другихъ) войти съ ними въ соглашеніе для учрежденія русскаго заемнаго банка — съ цѣлью производить ссуды подлѣ залогахъ недвижимыхъ имуществъ.

«II. Всѣ дѣйствія заемнаго банка нахолятся подлѣ контролемъ правительства и депутатовъ отъ учредителей и участниковъ этого банка, русскихъ и иностранныхъ, отъ владѣльцевъ имуществъ, заложенныхъ въ немъ, а также и депутатовъ отъ дворянскаго и купеческаго сословія, изъ числа владѣльцевъ облигацій банка.

«III. Заемный банкъ не долженъ требовать для себя никакихъ привилегій, могущихъ противодѣйствовать учреженію частныхъ заемныхъ (земскихъ) банковъ съ цѣлью дѣлать ссуды подлѣ первую, вторую или какую бы то ни было ипотеку.

«IV. Заемный банкъ производитъ ссуды своими облигаціями подлѣ залогахъ какъ *частныхъ*, такъ и *государственныхъ и общественныхъ* недвижимыхъ имуществъ. Казенныя и общественныя мѣста и вѣдомства не пользуются въ этомъ отношеніи никакими исключительными правами, могущими потрясти кредитъ и состоятельность банка.

«V. Министерство финансовъ, съ соизволенія верховной власти, обязуется, съ учрежденія заемнаго банка, *навсегда* прекратить выпускъ *безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ* и предоставляетъ себѣ право выпускать въ случаѣ надобности и въ теченіе извѣстнаго періода времени только процентныя обязательства на условіяхъ, долженствующихъ быть въ возможной степени опредѣленными при учреженіи заемнаго банка.

«VI. Облигаціи, выданныя заемнымъ банкомъ казнѣ (за заложенные въ немъ казенныя имущества), выпускаются казною въ обращеніе не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы уничтожено (погашено) было кредитныхъ билетовъ на сумму, равную суммѣ, представляемой этого рода облигаціямъ. Въ первые по крайней мѣрѣ годы банкъ не дѣлаетъ казнѣ ссудъ безъ такого условія».

Въ послѣдней части своей статьи г. Шиль объясняетъ каждое изъ полагаемыхъ имъ для банка основаній и оставляетъ цѣлое знаніе этого банка отъ могущихъ быть возраженій и нападеній. Мы уже не будемъ впадать въ эту часть, такъ какъ цѣль наша была только указать на это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ:

явленіе, занести его въ нашу лѣтопись, и — за тѣмъ ожидать, произведетъ ли оно что-либо въ нашемъ финансовомъ и экономическомъ мірѣ и будетъ ли оно имѣть какое-либо вліяніе на ходъ кипшаго теперь важнаго дѣла созданія у насъ имущественнаго кредита. Мы вошли въ подробности статьи, потомучто вопросъ, о которомъ говоритъ она, въ настоящее время чрезвычайно важенъ.

М Е Л О Ч И

Мы начали нашу статью общимъ сочувствіемъ къ Н. И. Пирогову, возбужденнымъ преимущественно его человѣчностью. Кажется бы конечно, что теперь, подѣ вліяніемъ духа времени, должна отсюду сгнуться и пронасть всякая противочеловѣчность или, если угодно, антигуманность... Да, на словахъ оно почти такъ и выходитъ, но на дѣлѣ... Богъ знаетъ! На дѣла человѣческія и духъ времени дѣйствуетъ очень медленно, и — чтожъ дѣлать? это законъ необходимости: духъ не знаетъ матеріальныхъ преградъ; мысль не знаетъ пространства и опережаетъ время; но въ дѣлахъ человѣческихъ, какъ мы сейчасъ слышали доказательствъ, скачки невозможны. Впрочемъ и на словахъ, какъ мы сказали, противочеловѣчность сгинула только *почти*, потомучто есть еще даже у насъ въ литературѣ... хотя впрочемъ тамъ, гдѣ-то, на заднемъ ея фасѣ, что все-таки есть еще углы, гдѣ она засѣла и по временамъ вырывается на свѣтъ во всей своей безобразной дикости. Вы можетъ быть слышали напимѣръ, какъ славный въ извѣстномъ отношеніи г. Аскоченскій рѣшился недавно предаться очень пріятному занятію — изрекать проклетія и отлученія, послѣ чего, если онъ будетъ послѣдователенъ, вѣроятно скоро приступитъ и къ раздачѣ или продажѣ индугенцій... Конечно мы говоримъ шутки и казалось бы, что дѣло не стоитъ ничего больше, кромѣ шутки; однако этотъ господинъ, при всей уродливости и комизмѣ своего литературнаго существованія, вызвалъ же своей выходкой гласный протестъ цѣлаго ученаго сословія московскаго университета, до котораго, въ лицѣ одного изъ его представителей, коснулся карточный мечъ его quasi — проклетія. Стало быть тутъ не одно смѣшное, стало быть тутъ есть доля и такого, за что надо карать всенародно, и карать больно, какъ карается всякое злокачественное изувѣрство.

Что же касается до дѣлъ противочеловѣчныхъ... Но прежде позвольте упомянуть о нѣсколькихъ проявленіяхъ человѣчности, про-

явленіяхъ не на словахъ, а на дѣлѣ; о нихъ мы всегда считаемъ нужнымъ упоминать, потому что каковы бы они ни были — малы или велики, въ какой бы тѣсной сферѣ ни обнаружались, — все-таки отъ нихъ теплѣй человѣчеству, нежели отъ словъ, не переходящихъ въ дѣло.

17-го марта нынѣшняго года въ Ярославлѣ открыта *лечебница для приходящихъ больныхъ*, преимущественно бѣдныхъ. Рассказываютъ, что мысль объ устройствѣ такой лечебницы (можетъ быть вызванная примѣромъ существующей въ Петербургѣ Максимилиановской лечебницы, — учрежденія крайне благодѣтельнаго для бѣдныхъ больныхъ, приносящаго многимъ изъ нихъ, какъ намъ достоверно извѣстно, существенную пользу) давно ходила въ ярославскомъ обществѣ, но выражалась въ видѣ отдѣльныхъ желаній; теперь же осуществлена обществомъ ярославскихъ врачей, соединившихся, въ числѣ восьмнадцати человѣкъ, на такое доброе дѣло, и совершившихъ его съ помощію нѣкоторыхъ благотворителей. Мы цѣнимъ этотъ фактъ и вносимъ его въ числѣ дѣлъ человѣчныхъ, потому что подобныя лечебницы благодѣтельны не только въ принципѣ, но и на самомъ дѣлѣ; форма ихъ практична, несложна; польза бѣднымъ больнымъ приносится ими легко и удобно. Въ извѣстїи упомянуто, что въ Ярославскую лечебницу съ 18 марта по 1 апрѣля приходящихъ больныхъ было сто тридцать человѣкъ. Число это конечно будетъ со дня на день возрастать, если врачи не ослабѣютъ въ своемъ прекрасномъ, человѣчномъ движеніи, если это движеніе окажется не мгновеннымъ порывомъ; а естественной и разумно-сознанной сердечной потребностью.

Мы сейчасъ скажемъ, что отъ человѣчныхъ дѣлъ, какъ бы ни была скромна ихъ сфера и — прибавимъ, какъ бы ни была неваженъ ихъ источникъ, теплѣй человѣчеству, нежели отъ словъ, въ дѣла не переходящихъ. Вотъ на примѣръ рассказываютъ, что въ г. Бѣлостоки, дѣтъ пять тому назадъ, бродили по улицамъ толпы нищихъ, покрытыхъ «отвратительными лохмотьями»; что нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей твердо рѣшились положить этому конецъ, наняли домъ, собрали туда всѣхъ бѣдлѣковъ, добровольно изъявившихъ желаніе — образовали *пріютъ для бѣдныхъ*. Отъ управляется комитетомъ, состоящимъ изъ разныхъ лицъ герода, содержитъ частныя пожертвованія, состоящими какъ въ деньгахъ, такъ и въ вещахъ, и сборомъ изъ поставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ кружекъ; надзоръ въ пріютѣ порученъ сестрамъ милосердія; полъ ихъ же надзоромъ находится и госпиталь для бѣдныхъ. Такимъ образомъ частные люди, безъ посторонней инициативы, собствен-

ной твердой рѣшимостью, сдѣлали то, что теперь «уничтожено въ Бѣлостокѣ нищенство».

Не знаемъ, есть ли еще гдѣ нибудь въ Россіи такая мѣстность, гдѣ бы не существовало нищенства. Можетъ быть, что и нѣтъ. Стало быть Бѣлостокъ представляетъ въ этомъ отношеніи очень замѣтное явленіе. Между тѣмъ можно пожалуй сдѣлать предположеніе, что твердая рѣшимость, уничтожившая тамъ нищенство, первоначально возникла изъ того, что «отвратительныя лохмотья» кололи глаза и раздражали нервы благовоспитаннымъ и прилично-одѣтымъ жителямъ. Опровергнуть такое предположеніе врядъ ли найдется возможность; но если изъ этого, хотъ немного и эгоистическаго, побужденія вышло то, что бродившимъ прежде съ горемъ и въ лохмотьяхъ, лишоннымъ способности трудиться бѣднякамъ теперь тепло и пріютно (потомучто иначе они не пошли бы *добровольно* въ пріютъ), — если, говоримъ, вышелъ такой результатъ, въ которому и стремились, то какое же у кого право розыскивать и осуждать побужденіе?.. А въль результатъ—то огромный! . Какъ давно говорятъ и пишутъ о нищенствѣ и о нищихъ! Чего не было сказано и чего не было дѣлано, какихъ не принималось всюду мѣръ — и полицейскихъ, и благотворительныхъ, — но не смотря на то, кому не случалось и теперь не случается часто, чуть не на каждомъ шагу становится въ тупикъ предъ явленіями нищенства, при встрѣчѣ съ этими образами, то уничиженно-молящими, то подозрительно-суровыми, то болѣзненными, то просто одервенѣвшими? Кому не приходилъ въ голову мгновенный вопросъ: чтѣ дѣлать — пройти или остановится? кто это и какой это человѣкъ, — откуда и какъ пришолъ онъ на эту дорогу, темную, неровную, лежащую подъ удушливой и гнилой атмосферой? И не всегда и не всякій рѣшитъ вѣрно, чтѣ ему дѣлать и кто передъ нимъ — порокъ ли и обманъ или несчастіе и страданіе.

Указывать на поступокъ бѣлостокскихъ жителей, какъ на примѣръ для буквального подражанія, — можетъ быть и не нужно; только бы духъ и цѣль этого поступка были усвоены всѣми, только бы родилось стремленіе, «твердая рѣшимость», а тамъ... кто знаетъ? можетъ быть у русскаго человѣка случилось бы это совсѣмъ иначе; можетъ онъ не сознать общаго пріюта для бѣдныхъ, съ бошкетомъ и сестрами милосердія, а какимъ нибудь другимъ образомъ пріютить и приголубить безпомощно и безвыходно-страдающаго брата. Какимъ именно образомъ могло бы это быть — мы, конечно не знаемъ: духъ народа, его геній опредѣляетъ въ подобныхъ случаяхъ лучшіе способы.

Да! называть форму благотворительной, какъ и всякой другой

дѣятельности одного общества другому обществу — нельзя; не даромъ говоритъ пословица: что городъ, то норовъ. Вотъ напримѣръ въ Кіевѣ, какъ слышно, открытъ *Домъ кающихся*, для... ну, для кающихся... грѣшницъ. Такъ что же? открыть вездѣ такіе дома?.. Трудно сказать, припились ли бы они у насъ. Гдѣ-то въ нашей литературѣ уже слышался вопросъ о самихъ грѣшницахъ, но онъ еще совсѣмъ не разобранъ, да и разбирать-то его вѣроятно многимъ кажется жутко... тоже можетъ быть по существующему духу нашего общества. Стало быть объ этомъ рѣчь еще далеко впереди.

Если уже указывать на проявленія челоувѣчности, то почему жъ бы пропустили мы мысль, родившуюся въ орловскомъ отдѣлѣ комитета акклиматизаціи животныхъ и растений, мысль, родившуюся тамъ уже давно, еще въ концѣ прошлаго года, но о которой мы только недавно узнали. Разумѣется, что челоувѣчность, выразившаяся въ такомъ кругу, должна была обратиться на животныхъ, хотя впрочемъ если бы она обратилась и на растенія, мы не удивились бы, потому что и въ обращеніи съ растеніями можетъ челоувѣкъ являться то челоувѣчнымъ, то безчелоувѣчнымъ... На этотъ разъ дѣло состоитъ въ предложеніи, сдѣланномъ предсѣдателемъ отдѣла, основать *общество покровительства животныхъ*, на томъ основаніи, что по программѣ отдѣла цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы не только разводить новыя породы животныхъ, переводимыхъ изъ другихъ климатовъ, но и заботиться о сохраненіи и улучшеніи существующихъ уже у насъ домашнихъ животныхъ; между тѣмъ часто замѣчается, что простой народъ съ разными животными обращается жестоко. Жестокое обращеніе простого народа съ животными замѣчается не только часто, но чуть не на каждомъ шагу; это однако не отъ особеннаго свойства жестокости, злости, а такъ, потому, можетъ быть, что самому ему было до сихъ поръ не Богъ знаетъ какъ сладко. Такъ чтожъ за барыня такая его домогренная кляча, что съ ней надо церемониться. Сверхъ того, при бѣдности хозяина и кляча его становилась все хуже и хуже, получала разные норовы и, конечно, только выводила изъ терпѣнія и безъ того не веселаго хозяина. Изъ этого слѣдуетъ, что «обществу покровительства животныхъ», если уже оно основывается, предстоить раскрыть ложность сложившагося понятія, дать догадаться объ этой ложности, а это значитъ произвестъ, такъ сказать смягченіе нравовъ.

Не знаешь, въ какомъ положеніи теперь это дѣло; говорятъ что хотѣли сноситься съ комитетомъ о присылкѣ устава какого-нибудь изъ подобныхъ обществъ, существующихъ за границей, для соображенія на первый разъ; потому что у насъ до сихъ поръ ничего

подобнаго еще не было, стало быть дѣло это совсѣмъ новое, а извѣстно, что въ новыхъ, не бывалыхъ у насъ въ рукахъ дѣлахъ мы еще не привыкли дѣйствовать безъ соображенія съ каѣмъ-нибудь «*бывшимъ прѣмьромъ*» (техническій терминъ, весьма употребительный въ нѣкоторыхъ сферахъ служебнаго міра и верѣдко съ большимъ удобствомъ замѣняющій всякія другія человѣческія соображенія).

Но — и не одинъ *домашній* животный терпѣливо ожидаютъ подвиговъ человѣчности. Соловей напримѣръ — ужъ кажется вольная птица, совсѣмъ свободная отъ всякой крѣпостной зависимости, а и ему приходится незаконно страдать отъ человѣка, и онъ, съ другой стороны, находитъ себѣ между людьми защитниковъ и сострадальцевъ... Хорошо, если бы всѣ разсуждали хоть такъ, какъ разсуждалъ тургеневскій Касьянъ съ Красивой Мечи, который, при всей своей человѣчности, при всей теплотѣ и мягкости сердца, не считалъ *грѣхомъ* ловить и продавать въ неволю соловьевъ, утверждая, что эта птица собственно за тѣмъ и сотворена, чтобы увеселять человѣка своими пѣснями. Но московскіе промышленники, какъ разсказываетъ одинъ защитникъ миленькихъ пѣвцовъ, разсуждаютъ и дѣйствуютъ гораздо хуже: они ежегодно скупаютъ въ Волынской, Орловской, Курской и другихъ губерніяхъ до 300,000 соловьевъ и отправляютъ ихъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ въ ящикахъ, обитыхъ холстиной, помѣщая по 500 птицъ въ ящикъ. Результатъ спекуляціи бываетъ то, что птицы на половину умираютъ отъ истощенія, тѣсноты и тряски въ дорогѣ, а другая половина... тоже умираетъ, только не много позже, отъ переменъ климата и отъ недостатка соотвѣтственной пищи, такъ какъ соловьи въ неволѣ питаются не иначе какъ муравьиными яйцами, которыхъ въ маѣ (время привоза сюда соловьевъ) достать очень трудно, даже за высокую цѣну; доходящую до трехъ рублей за фунтъ.

«Указатель Экономическій» называетъ эту спекуляцію вредною и безчеловѣчною, что совершенно справедливо. Онъ желаетъ способствовать къ ея истребленію, и мы желали бы, но какъ?.. Предоставляемъ будущему *обществу покровительства животныхъ* принять подъ свое покровительство, вмѣстѣ съ домашними животными, и бѣдныхъ птичекъ, которыя никому не мѣшаютъ своими пѣснями и по настоящему ни на что не нужны въ рукахъ человѣческихъ, потому что хорошо слушать ихъ ночью, когда они, невидимыя, поютъ на волѣ, въ лѣсу, вдали отъ слушателя; но врядъ ли могутъ онѣ нормально развитому человѣку доставить истинное наслажденіе вынужденными пѣснями въ клѣткѣ, въ огражденномъ пространствѣ

комнаты, гдѣ эта пѣсня трещитъ и разсыпается у васъ подъ самымъ ухомъ.

Послѣ сего соловьефильскаго воззванія мы уже потеряли на этотъ разъ расположеніе искать другихъ антигуманныхъ явленій, которыя оставимъ лучше до другого раза, чтобы когда-нибудь составить изъ нихъ одну эффектную группу; а теперь не будемъ затѣвать послѣдняго впечатлѣнія въ читателѣ, которому можетъ быть придется читать эти строки подъ вдохновительные звуки вольной соловьиной пѣсни.

ВОСПИТАНІЕ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ

(годъ 5-й)

ИЗД. А. ЧУМКОВЫМЪ

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

О томъ, какъ учитель долженъ поступать съ слабѣйшими по способностямъ учениками? Слѣдуетъ ли ихъ переводить въ высшіе классы или оставлять въ низшихъ до выпуска изъ училища? — О гимназическихъ пансіонахъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. — Первый день вступленія ученика въ училище. Жолтышева. — Объ образованіи характера. — Очерки общественнаго воспитанія. П. Д. Шестакова.

Открытые вопросы и отвѣты: О пополненіи пробѣла въ нашемъ гимназическомъ воспитаніи. С. И. Протопопова. — О программѣ для приготовленія сельскихъ учителей въ школѣ г. Золотова. — Мысли о семинарскомъ образованіи. — Объ измѣненіи обязанностей штатнаго смотрителя. — Преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ. — Забѣтка объ учительскихъ сѣздахъ. — Рисованіе и черченіе въ уѣздномъ училищѣ. А. Кознова.

Смѣсь. Взглядъ наставника. — Нѣчто для стараго и малаго. — Объ введеніи учительницъ. — Причины развитости близорукости. — Находчивость одного учителя.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Разборъ новыхъ книгъ. — Внутреннія извѣстія: Циркуляры по Московскому, Казанскому и Харьковскому учебнымъ округамъ.

Иностранныя извѣстія: Пруссія. — Франція. — Швейцарія. — Бельгія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ «Воспитаніе» продолжаетъ приниматься для жителей Петербурга: въ книжномъ магазинѣ В. А. Исакова, на Невскомъ проспектѣ, подлѣ Думы. Для жителей Москвы: въ книжныхъ магазинахъ Э. О. Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ и на Никольской улицѣ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія просто: ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА «ВОСПИТАНІЕ», въ Москвѣ.

ЦѢНА изданію для Москвы 6 руб. 50 к. с., для Петербурга 7 руб., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. сер. Казенныя вѣдомства могутъ присылать деньги и втеченіе года, но не иначе, какъ прямо въ редакцію.

Изданія журнала за 1859 и 1860 годы можно получить на этихъ же условіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Ловкая Барыня. Провинціальныя сцѣны. А. Плещеева	5
Больной. Стих. Ф. Берга	58
Надъ гробомъ. Стих. Л. Мея	60
Мери Бартонъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ (Съ англійскаго). Пер. Е. Бекетовой.	
Часть вторая	61
Часть третья	433
Ночь. Стих. Ш. Кускова	124
Царица Прасковья. Очеркъ изъ русской исторіи. Статья четвертая и послѣдняя. М. П. Семевскаго	125
Весною Стих. Ш. Кускова	160
<i>Дитя веселое, въ глаза твои смотря.</i> Стих. Его же	161
Мадамъ Лаваржъ. (Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи)	162
Село на юру. Разсказъ. Н. Бунакова	207
Бабушка и внучекъ. Стих. А. Майкова	235
Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ. Ш. Кускова	240
Униженные и оскорбленные. Романъ. Ф. М. Достоевскаго. Продолженіе четвертой части	269
Окончаніе четвертой части	535
Ляманочныя сцены. Очерки изъ простонароднаго быта. А. Левитова	316
Современная англійская философія. Джонъ Стюартъ Милль и его система логики. (Статья г. Теѣна)	356
Свѣжее преданье. Романъ въ стихахъ. Главы I, II, III. Я. Погойскаго	393
Заря. Стих. Ф. Берга	499
Грева. (Мысль Шенье. Н. Курочкина	500

Отъ Босфора до Персидскаго залива. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехлѣтняго путешествія демаркаціонной комисіи по Турціи и Персіи. М. Г.	501
Молю тебя скажи... Стихъ, Ф. Берга.	533

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Оппозиція застою. Черты изъ исторіи мракобѣсія. А. Григорьева.	1
По поводу одной драмы. («Ребенокъ», г. Боборыкина)	36
Стихотворенія А. С. Хомякова	46
Экономическія реформы Рима. По поводу статьи г. Леонтьева: «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ».	
Статья первая	59
Статья вторая и послѣдняя.	91
Еще о петербургской литературѣ. Письмо къ редактору «Времени» по поводу двухъ современныхъ статей. Н. Ко	137
Энциклопедическій словарь, издаваемый русскими учеными и литераторами.	155
Учитель. Журналъ для наставниковъ, родителей и всѣхъ, желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей.	185

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Положеніе наблюдателя, окружнаго современными вопросами. — Вопросы, открытые и закрытые, и одинъ вопросъ лишній. — Сила быстрой наблюдательности, уносящая за предѣлы времени. — Щекотливый вопросъ: о жалованьѣ предводителямъ дворянства и о томъ, гдѣ не требуется безкорыстія. — Назиданіе молодымъ судебнымъ слѣдователямъ. — Вліяніе полицейскихъ арестовъ на производительныя силы Россіи. — Вопросъ объ уѣздныхъ страпачихъ. — Умиротворяющее дѣйствіе словесныхъ судовъ. — Вопросъ о мѣщанахъ. — *Самородки и самоучки*. — Новыя явленія въ дѣлѣ распространенія грамотности: уменьшеніе числа сотрудниковъ воскресныхъ школъ и неравномѣрность сочувствія къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ; распоряженія для открытія женскихъ училищъ и граждане городовъ Ярославской губерніи. — Два вопроса неудоборазъяснимые, исшедшіе изъ Ставрополя и Казани. — Еще нѣсколько фактовъ по части распространенія грамотности и образованія. — Нѣчто о «курочкѣ» и «собачкѣ». — Конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія. — Слова два о производительныхъ силахъ. — Вопросы мѣстные. — Вопросъ послѣдній: о хлыстахъ и кулакахъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Продолженіе занятія французскими войсками Рима и Сириі. — Брошюра: «Письма объ исторіи Франціи». — Австрійскія дѣла. — Славянскіе сеймы. — Ссора г. Бенедекка съ венгерцами. — Открытіе государственнаго совѣта. — Мадьярскія стремленія. — Итальянскія дѣла. — Предложеніе Гарибальди. — Реакція въ Неаполѣ. — Примиреніе Гарибальди съ гг. Чіальдини и Кавуромъ. — Положеніе Италіи. — Англійскія дѣла. — Бесѣды въ парламентѣ, на митингахъ и на обѣдахъ. — Ионическіе острова. — Сирійское занятіе. — Суэцскій каналъ. — Процессъ Кошута. — Дѣло Макдональда. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія

Итальянскія дѣла. — Смерть и жизнь Кавура. — Возрожденіе и признаніе Италіи. — Недоразумѣнія съ духовенствомъ. — Новое министерство Риказоли. — Французскія дѣла. — Облегченіе законовъ о печати и процессъ Броли. — Процессы Мпреса и Бланки. — Турецкія дѣла. — Устройство Сириі. — Славянское возстаніе. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія. 49

СМѢСЬ

I. Въѣсто фельетона	1
II. Отвѣтъ «Русскому Вѣстнику»	15
I. Подъ качелями. Масляничный разсказъ. Е. Мо—ра	41
II. Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки)	59
Недавнее прошедшее и проводы Пирогова изъ Кіева	59
Литературные антикваріи и большой вопросъ въ маленькихъ ручкахъ	67
Самоновѣйшій отрицатель	72
Брошюра г. Шила	75
Мелочи	85

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 іюня 1861 года

Ценсоръ *Ө. Веселая*

Въ типографіи Эдуарда Праца.

DEC 1 2 1933

